Принадлежит Библиотеке
Ивановскаго Покровскаго
Приходскаго Училища

7-67.

чами рождаются въ иностранныхъ литературахъ, но цѣлыми романами лучшихъ европейскихъ писателей. Но первое мѣсто всегда давали мы своему, отечественному. Русская исторія, русская статистика, русская этнографія, русская наука вообще — были главными предметами статей, помѣщенныхъ въ отдѣлахъ Наукъ, Критики, Библіографической Хроники, Смѣси; и постоянная забота наша состояла въ томъ, чтобъ эти статьи были не какими-нибудь мелкими, мимолетными замѣтками, но полными учеными трактатами. Сколько бы ни упрекали насъ нѣкоторые доброжелатели за то, что мы помѣщаемъ въ своемъ журналѣ цѣлыя сочиненія, цѣлыя книги—мы всегда этотъ упрекъ будемъ считать себѣ похвалою. Въ наше время нельзя смотрѣть на журналъ такъ, какъ смотрѣли на него, на-примѣръ, двадцать-пять лѣтъ назадъ. Россія на пути образованія идетъ исполинскими шагами, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ двадцать-пять лѣтъ дѣлаетъ то, на что другимъ потребны столѣтія. «Взгляды», «нѣчто», «отрывки», «кое-что» и проч., изъ чего въ прежнее время составлялись книжки журналовъ, и что удовлетворяло тогдашнихъ читателей, недостаточно для читателя нашего времени: онъ ищетъ мелкихъ статеекъ въ газетахъ, которымъ назначено существовать только одинъ день, а отъ журнала требуетъ статей основательныхъ, полныхъ — не отрывочковъ, а цѣлыхъ трактатовъ; журналъ, по прочтеніи, не бросается, какъ газетный листокъ, а остает-

ся въ библіотекѣ, потому-что въ немъ помѣщены не мимопроходящія новости, но сочиненія, которыя съ удовольствіемъ можно прочесть и нынѣче и черезъ нѣсколько лѣтъ. Издавая толстыя книжки, составленныя изъ большихъ статей, нынѣшніе журналисты, вѣроятно, не руководствуются какими-нибудь эгоистическими разсчетами: всякій согласится, что издавать тоненькія книжечки, собранныя изъ мелкихъ статеекъ, гораздо-легче и выгоднѣе. Но, говорятъ, журналы уничтожили у насъ книги. Упрекъ забавный! Виноваты ли журналы, что книги не выдерживаютъ съ ними совмѣстничества?..

«Отечественныя Записки» будутъ издаваться въ 1850-мъ году по той же самой программѣ, по которой они издавались одиннадцать лѣтъ. Программа эта состоитъ, какъ извѣстно, изъ восьми отдѣленій: Словесность; Науки и Художества; Современная Хроника Россіи; Промышленость и Сельское Хозяйство; Критика; Библіографическая Хроника; Иностранная Литература и Смѣсь. Не нужно объяснять значеніе этой программы: читатели знаютъ, кàкъ исполнялась она въ-теченіе одиннадцати лѣтъ, и могутъ быть увѣрены, что она тàкъ же будетъ исполняться и въ 1850-мъ году. Повторяемъ всегдашнее свое обѣщаніе: хуже не будетъ, а лучше—можетъ быть, потому-что мы надѣемся пріобрѣсти въ будущемъ году усиленное содѣйствіе многихъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, которые, по разнымъ причи-

намъ, до-сихъ-поръ принимали слабое участіе въ нашемъ журналѣ (*).

Перемѣна въ наружномъ видѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1849 года заслужила одобреніе читателей: этотъ же видъ «Отечественныя Записки» сохранятъ и въ будущемъ году. Касательно объема журнала — онъ останется неизмѣннымъ: по-прежнему, мы обѣщаемъ въ каждой книжкѣ отъ 20 до 25 листовъ, позволяя себѣ увеличивать это число листовъ по-мѣрѣ надобности. Читатели знаютъ, что только этого обѣщанія мы не исполняемъ въ точности, ибо каждый мѣсяцъ даемъ *болѣе* обѣщаннаго. Такъ въ двѣнадцати книжкахъ 1849 года, вмѣсто обѣщанныхъ 240 — 300 листовъ, мы дали 420 нашихъ листовъ; слѣдственно, 120 листами болѣе, такъ-что читатели на десять книжекъ получили уже, сверхъ обѣщаннаго, такъ-сказать, лишнихъ *пять книжекъ* (**).

Парижскія картинки модъ будутъ къ намъ доставляемы, по-прежнему, издателемъ моднаго парижскаго журнала «les Modes Parisiennes», и съ нашей стороны приняты мѣры, чтобъ ни

(*) Съ ноября нынѣшняго года мы начали печатаніе полнаго и точнаго перевода одного изъ лучшихъ романовъ Диккенса: *Замогильныя Записки Пиквикскаго Клуба*. Такъ-какъ этотъ обширный романъ не могъ быть оконченъ печатаніемъ въ нынѣшнемъ году, а перейдетъ въ первыя книжки 1850 года, то новые подписчики на 1850 годъ, *не выписывавшіе* «Отечественныхъ Записокъ» въ 1849 году, получатъ первыя двѣ части этого романа съ первою книжкою на 1850 годъ; но для этого они должны заблаговременно *извѣстить* редакцію, что не подписывались на «Отечественныя Записки» 1849 года.

(**) Алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» во *второе пятилѣтіе* ихъ существованія (1844—1849) уже печатается и немедленно будетъ разосланъ гг. подписавшимся на «Отеч. Записки» 1849 года.

одна картинка не опаздывала прибытіемъ своимъ въ Петербургъ къ назначенному сроку.

Что касается до точности ежемѣсячнаго изданія книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», то едва-ли нужно упоминать о ней: одиннадцатилѣтній опытъ можетъ служить достаточною порукою. «Отечественныя Записки» будутъ выходить въ *первое число* каждаго мѣсяца, какъ выходили до-сихъ-поръ. Разсылаться же Газетною Экспедиціею къ иногороднымъ читателямъ, подобно всѣмъ прочимъ журналамъ, онѣ будутъ *по тяжелой почтѣ*, не прежде, какъ черезъ недѣлю по выходѣ книжки, когда всѣ экземпляры будутъ переплетены, задѣланы въ пакеты, сданы подъ росписку въ Газетную Экспедицію, упакованы—словомъ, когда окончится вся необходимая для аккуратной доставки обрядность. Редакція, по-прежнему, отвѣчаетъ за исправное доставленіе книжекъ своего журнала *только въ Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта, въ которую, ежемѣсячно, 6—9 числа, сдаются изъ конторы редакціи, подъ росписку, *всѣ* экземпляры, слѣдующіе къ пересылкѣ по почтѣ. Дальнѣйшая отправка нисколько уже не зависитъ отъ редакціи.

Подписка на «Отечественныя Записки» 1850 года, по-прежнему, принимается въ конторѣ этого журнала, состоящей при книжномъ магазинѣ Ратькова и Ком. Такія же конторы остаются въ прежнихъ ихъ мѣстахъ, въ Москвѣ и Одессѣ. Каждая книжка будетъ доставляема

въ Газетную Экспедицію въ конвертѣ, заклеенномъ на̀-глухо со всѣхъ сторонъ и обклеенномъ бандеролемъ, къ которому прикладывается печать Санктпетербургскаго Почтамта; сверхъ-того, на всякомъ пакетѣ будетъ выставляться то число мѣсяца, когда книжка сдана изъ конторы въ Газетную Экспедицію. Въ этомъ видѣ всѣ иногородные подписчики должны получать адресованныя на ихъ имя книжки изъ почтовыхъ конторъ, которыя, съ своей стороны, для удостовѣренія, возвращаютъ въ Газетную Экспедицію посланныя имъ при тюкахъ карты, съ росписками получателей каждой книжки журнала. По-прежнему, мы просимъ иногородныхъ читателей обращаться съ своими требованіями прямо въ редакцію, надписывая та̀къ : *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ*, или въ одну изъ конторъ редакціи въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Только требованія такимъ-образомъ адресованныя, будутъ исполняться немедленно, и только за доставленіе въ Газетную Экспедицію экземпляровъ по *такимъ требованіямъ* редакція можетъ вполнѣ поручиться. За экземпляры же, на которые подписка принята *не* въ редакціи и *не* въ Конторахъ Отечественныхъ Записокъ, редакція *не отвѣчаетъ* (*).

(*) Книгопродавцы, желающіе принимать подписку на «Отечественныя Записки», симъ извѣщаются, что они могутъ обращаться съ своими требованіями къ управляющимъ Конторами Отечественныхъ Записокъ, но не иначе получатъ требуемые ими экземпляры, какъ *внеся наличныя деньги*. Въ кредитъ же «Отечественныя Записки» никому не отпускаются.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Цѣна за годовое изданіе «Отечественныхъ Записокъ», съ *двѣнадцатью парижскими картинками модъ*, **ПЯТЬНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ** безъ пересылки; за пересылку же, или доставку на домъ, прилагается, сверхъ-того, **ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ**.

Подписка принимается *исключительно*:

Въ Санктпетербургѣ — въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся **НА НЕВСКОМЪ-ПРОСПЕКТѢ, У ПОЛИЦЕЙСКАГО-МОСТА, ВЪ ДОМѢ ГОЛЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ**, при книжномъ магазинѣ П. А. Ратькова и Комп.

Въ Москвѣ — въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, *на Страстномъ-Бульварѣ, при университетской книжной лавкѣ, у коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета, И. В. Базунова.*

Въ Одессѣ — въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, *при книжномъ магазинѣ М. И. Григорьева, на Де-Рибасовской-Улицѣ, въ домѣ Синицыной.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургѣ.*

Редакторъ и издатель А. КРАЕВСКІЙ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ. 1849 г. 14-го октября.
Ценсоры: *А. Фрейгангъ* и *Ю. Шидловскій.*

ДВА СТАРИЧКА.

(Изъ воспоминаній празднаго человѣка.)

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ одинъ прекрасный и весьма для меня пріятный лѣтній день, я нанялъ себѣ квартиру съ отопленіемъ, прислугою и нѣкоторыми другими удобствами въ Большой-Итальянской-Улицѣ. Я нанялъ бы ее можетъ-быть и со столомъ, тѣмъ болѣе, что хозяйка моя занималась кухмистерскою частію и кормила всѣхъ жильцовъ своихъ, еслибъ только я былъ по-менѣе брезгливъ. Я можетъ-быть даже и вовсе не нанялъ бы квартиры у этой женщины, та́къ она мнѣ не понравилась, еслибъ не одно обстоятельство...

Но прежде я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ *характерѣ*, какъ выразилась моя старая нѣмка, спросивъ меня о чинѣ и фамиліи.

Начну съ того что я ни болѣе ни менѣе какъ чиновникъ восьмаго класса и потому потомственный дворянинъ; но увы! безъ всякаго потомства, и ужь видно обреченный рокомъ закончить собою почтенный и, вѣроятно, очень-длинный рядъ предковъ, изъ которыхъ по имени я знаю одного только моего покойнаго отца, служившаго экономомъ при одномъ богоугодномъ заведеніи, да еще тётку съ отцовской стороны, о существованіи которой я впервые узналъ отъ квартальнаго надзирателя, Мартына Ивановича, весьма-хорошаго человѣка, стариннаго моего знакомца. И узналъ-то потому только, что тётушка, весь вѣкъ свой не выѣзжавшая изъ Костромы, вдругъ умерла и оставила послѣ себя порядочныя деньги, назначивъ меня «буде живъ» своимъ наслѣдникомъ. Другаго законнаго у ней и не было. Когда такимъ неожиданнымъ образомъ я сдѣлался вдругъ обладателемъ почти четырехъ тысячь годоваго дохода, я немедленно составилъ планъ своей дальнѣйшей жизни. На другой же день по пріѣздѣ моемъ изъ

Костромы, гдѣ я пробылъ именно столько времени, чтобъ покончить дѣла свои, я сталъ пріискивать себѣ новую квартиру, рѣшившись измѣнить весь планъ своей жизни по новой программѣ. Нежданое наслѣдство застало меня въ томъ періодѣ человѣческаго возраста, когда силы, разочарованныя опытомъ, охлажденныя жизнью, просятъ покоя и отдыха, просятъ скромнаго уголка у земли, нѣсколько теплыхъ лучей у солнца да немного радушныхъ улыбокъ и взглядовъ у добрыхъ людей. Я внутренно сознавалъ себя неспособнымъ къ какимъ бы то ни было занятіямъ, а лѣнь и какая-то апатія, охватившая меня вмѣстѣ съ четвертымъ десяткомъ, давно уже заставили меня мечтать о прелестяхъ сибаритства.

Итакъ, я рѣшился измѣнить весь планъ своей жизни по новой программѣ. Уголокъ, въ которомъ до-сихъ-поръ я укрывался отъ зоркихъ глазъ свѣта и фортуны, показался мнѣ и малъ и тѣсенъ и слишкомъ отдаленъ отъ центра города. Я рѣшился пожить, наконецъ, въ свое удовольствіе, и новыя средства по-необходимости породили во мнѣ новыя потребности.

Вотъ почему, въ тотъ день, когда я отъискивалъ себѣ квартиру, я былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Въ карманѣ у меня лежалъ довольно-туго набитый бумажникъ, чего никогда съ нимъ прежде не бывало; день стоялъ хорошій, пыли почти вовсе не было, потому-что съ утра ее прибило сильною проливью; мнѣ попадались все такія веселыя лица, а можетъ-быть и просто казались мнѣ веселыми, потому-что самъ я былъ веселъ... Я шелъ тихо, покачиваясь, посвистывая и вовсе позабывъ, что я не дома, а на улицѣ; словомъ, чуть-чуть не запѣлъ, но, къ-счастію, образумился.

За-то Марья Ивановна, заманившая меня въ свои сѣти ярлыкомъ, прибитымъ у воротъ, была первымъ лицомъ, произведшимъ на меня въ этотъ день непріятное впечатлѣніе. Я увидѣлъ передъ собою женщину плотную, въ лѣтахъ, съ непокрытой головою и въ ваточной ситцевой кацавейкѣ, надѣтой, несмотря на жаръ, сверхъ ситцеваго же платья, заткнутаго за поясъ и потому довольно-нескромно выказывавшаго не совсѣмъ чистую шерстяную юпку. Правда, я засталъ ее въ кухнѣ, среди отправленія кухмистерскихъ обязанностей, но первое впечатлѣніе для меня такъ много значитъ... Потъ катился съ ея дряблаго лица и она, стоя у лахани, съ такимъ усердіемъ занималась чисткою мѣдной посуды, руки ея такъ неистово терли пескомъ кострюлю, я былъ такъ озадаченъ непривычнымъ для меня зрѣлищемъ чистки кухонныхъ принадлежностей вспотѣвшею нѣмкою, что мы оба съ-минуту съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Возлѣ нея стояла простая русская баба, простоволосая, съ распущенной косой на затылкѣ, съ таліею у самыхъ мышекъ и, молча, слѣдила за энергическими движеніями своей хозяйки-нѣмки, очевидно поучавшей ее собственнымъ примѣромъ искусству приводить въ порядокъ кухонную посуду. Постоявъ и посмотрѣвъ на

эту сцену, я вѣжливо поклонился и спросилъ—не здѣсь ли отдается квартира. Вмѣсто всякаго отвѣта, не отдавъ даже мнѣ поклона, тучная нѣмка оборотилась ко мнѣ задомъ, отворила дверь и, просунувъ въ нее свою косматую голову, кликнула кого-то по-нѣмецки.

— Онъ фамъ богашетъ, сказала она, необорачиваясь и снова съ неостывшимъ жаромъ принялась за кострюлю, покрикивая отъ времени до времени на служанку.

Въ ожиданіи, пока «онъ мнѣ богашетъ», я бросилъ взглядъ вокругъ себя. Кухня была просторная, свѣтлая, съ огромною плитою, сложенною изъ бѣлыхъ изразцовъ и защищенною сверху жестяным̀ъ, почернѣвшимъ и закоптѣвшимъ колпакомъ. Окна, Богъ знаетъ зачѣмъ, были снизу въ одно стекло завѣшаны какими-то прорванными тряпицами; на подоконникахъ, словно для украшенія, стояла разная каменная посуда, невымытая, покрытая застывшимъ жиромъ и объѣдками, а въ углу у оконъ притихли двѣ невынесенныя лохани, въ которыхъ на тёмномъ грунтѣ кой-гдѣ плавали то кружки красной моркови, то золотистый завитокъ картофельныхъ очистковъ, то бѣловатыя рыбьи внутренности. На полу и на столахъ было розлито множество разнородныхъ жидкостей, блиставшихъ на солнцѣ какими-то сизыми отливами и грозившихъ каждому, сколько-нибудь порядочному, пальто и сапогамъ. Я стоялъ неподвижно у самой двери, выбравъ для своего помѣщенія небольшой островокъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на хозяйку этого центра домашняго благосостоянія. Одна она могла быть здѣсь въ своей стихіи. Мнѣ даже пришло въ голову, что ужь не съ намѣреніемъ ли произвела она весь этотъ безпорядокъ, всю эту грязь, чтобъ потомъ побороть ихъ своими мощными руками. Я даже былъ увѣренъ, что много-много часа черезъ два кухня пріиметъ совсѣмъ иной видъ: посуда симметрически расположится на полкахъ, полъ будетъ вымытъ и выметенъ, лохани вынесутся куда слѣдуетъ, мѣдныя кострюли и жестяные противни будутъ какъ жаръ горѣть и вообще на все наведется приличный лоскъ. И теперь ужь нѣсколько ярко вычищенныхъ и кокетливо разставленныхъ на полкахъ кострюль подтверждали мои догадки. Ужь если все говорить, то мнѣ не на-шутку сдавалось, что и плита къ-вечеру непремѣнно помолодѣетъ нѣсколькими годами вмѣстѣ съ своею хозяйкою, которая, вымывшись, причесавшись, обувшись и одѣвшись, будетъ сидѣть за чайнымъ столомъ совсѣмъ другою женщиною, даже очень-почтенною женщиною, о чемъ громко засвидѣтельствуетъ и тюлевый чепчикъ съ жолтыми или синими лентами и чулокъ, который непремѣнно будетъ вязать она отъ нечего-дѣлать, и диванъ, на которомъ ея всегдашнее вечернее мѣсто обозначено глубокою впадиною и важно-умѣренный тонъ, съ какимъ она будетъ обращаться къ своимъ дѣтямъ, если у ней есть дѣти, или къ жильцамъ, которые непремѣнно у ней имѣются и наконецъ имя и отчество, которыя тоже у ней есть

и въ которыхъ никто ей не откажетъ. Но все это будетъ вечеромъ. А теперь она стояла ко мнѣ задомъ и съ удвоеннымъ жаромъ наводила лоскъ на одну изъ своихъ многочисленныхъ кострюль, которая подъ ея руками, казалось, прыгала и билась, какъ рыба, съ которой за-живо соскабливаютъ чешую. Я знавалъ такихъ нѣмокъ-хозяекъ и не безъ причины думалъ, что она отъ чистаго сердца желаетъ мнѣ провалиться куда-нибудь поскорѣе, и что кострюля недаромъ такъ прыгаетъ и бьется подъ ея руками. Такія хозяйки сущіе поэты въ своемъ родѣ: въ минуты творчества онѣ пренебрегаютъ не только посторонними людьми, но даже и такими, которые приходятъ къ нимъ по дѣламъ, касающимся ихъ же выгодъ. Признаюсь, я смотрѣлъ на нее съ отвращеніемъ и вмѣстѣ съ неодолимымъ страхомъ, и рѣшился ни-за-что не нанимать у ней квартиры.

— Пожалуйте-съ! раздался откуда-то чей-то свѣженькій, веселенькій голосокъ, одинъ изъ тѣхъ голосковъ, которые всегда оказывали самое пагубное вліяніе на мое холостое сердце.

Я встрепенулся и не зналъ куда идти. Нѣмка, молча, мокрою рукою, съ которой скатилось нѣсколько капель, показала мнѣ на дверь, расположенную въ углубленіи кухни. На цыпочкахъ, съ разными обходами и, безпрестанно извиняясь, я дошелъ, наконецъ, до выхода и вступилъ въ длинный корридоръ, поразившій мое зрѣніе темнотою и угрожавшій ужь не однимъ сапогамъ и пальтò. Передо мной колыхалась чья-то тѣнь, которую разглядѣть съ перваго раза не было никакой возможности.

— Идите все прямо! говорилъ мнѣ тотъ же голосокъ: — ступенекъ покуда нѣтъ, а когда дойдемъ до нихъ, я вамъ скажу.

Я смѣло пустился впередъ, думая, что если пострадаетъ мой лобъ, то по-крайней-мѣрѣ я не покажусь нерѣшительнымъ.

— Стойте, стойте! Куда вы? Нагнитесь, здѣсь перекладина, крикнулъ мнѣ тотъ же голосъ, и маленькая, нѣжная рука схватила мою руку.

— Здѣсь, кажется, все есть, проворчалъ я сквозь зубы.

— А вотъ ступеньки, смотрите—не оступитесь, всего три только. Какъ повернемъ, такъ будетъ свѣтлѣе.

И точно, какъ мы повернули, стало немного свѣтлѣе. Впереди меня шла дѣвушка. Я не видалъ еще лица ея, но, судя по таліи и движеніямъ, предчувствовалъ, что она должна быть прехорошенькая.

— Вотъ-съ, пожалуйте! сказала она мнѣ, отворяя дверь въ одну комнату.

Но первый взглядъ мой былъ не на отдававшуюся въ наймы комнату. Чтò дѣлать? Слабъ человѣкъ и я первый каюсь, что счастливо-разрѣзанные, влажно-блестящіе глазки, умныя губки, хитрый, пряминькой носикъ и тучная, почти чорная коса, гораздо любопытнѣе для меня всякихъ комнатъ въ мірѣ, даже и тѣхъ, которыя должны служить для моего собственнаго помѣщенія. Кстати о

комнатахъ. Мнѣ всегда казалось, что комнаты, какъ хамелеоны, или какъ забѣгающіе и заискивающіе люди, одарены способностью примѣняться къ внутреннему расположенію жильца своего, что у нихъ есть свои улыбки и свои слезы, свое дурное и хорошее расположеніе духа, однимъ-словомъ свой норовъ. Я живалъ въ такихъ комнатахъ и могу кое-что поразсказать о нихъ.

По природѣ своей я застѣнчивъ и легко прихожу въ смущеніе во всякихъ комнатахъ, веселыхъ и хмурыхъ; но есть лица, которыя, какъ рукой, снимаютъ этотъ недостатокъ съ моей медвѣжьей натуры. Одно изъ нихъ было теперь передо мною: маленькое, умненькое, сообщительное. Ему было никакъ не болѣе семнадцати лѣтъ, а въ моихъ годахъ женщины этого возраста имѣютъ неодолимую прелесть. Потому-то, можетъ-быть, такъ много молодыхъ людей женится на старухахъ, между-тѣмъ-какъ старики выбираютъ себѣ всегда женъ помоложе.

Дѣвушка успѣла уже объяснить мнѣ всѣ удобства новой квартиры, а я даже и не взглянулъ на нее хорошенько. Впрочемъ, мнѣ показалось, что комната такъ-себѣ, какъ и всякая комната. Низка немного, да это не бѣда, хоть я и не люблю низкихъ комнатъ и твердо рѣшился нанять себѣ высокую. Не жалую я также неуклюжихъ печекъ, потому-что, когда на меня нападаетъ охота ходить по комнатѣ, мнѣ все кажется, что и печь лѣзетъ изъ угла своего туда же, а въ этой комнатѣ печь чрезвычайно походила на хозяйку, возившуюся въ кухнѣ съ кострюлями. Но и это не бѣда — была бы только моя новая комната одарена способностью улыбаться.

Сколько я ни повертывался на одномъ мѣстѣ, сколько ни смотрѣлъ на голыя стѣны зеленоватаго цвѣта, другихъ недостатковъ я не замѣтилъ.

— Не угодно ли вамъ теперь посмотрѣть парадную лѣстницу? сказала моя спутница.

— А у васъ есть и парадная лѣстница?

— У насъ *все* есть, отвѣчала она, улыбаясь и дѣлая удареніе на *все*. Она вспомнила мою фразу.

Я совсѣмъ и позабылъ про парадную лѣстницу, между-тѣмъ-какъ по моему проекту она должна была быть главнымъ условіемъ моей новой квартиры. Входъ, слава-Богу, былъ чистый, свѣтлый; ручка отъ дверного колокольчика горѣла не хуже любой хозяйской кострюли.

— Много жильцовъ у васъ? спросилъ я, когда мы снова вошли въ зеленоватую комнату.

— Нѣтъ-съ, немного. Вдова чиновница, ужь пожилая; ея почти не видно и не слышно. Два старичка, очень добрые и тихіе; они живутъ вмѣстѣ, да еще одинъ художникъ съ какимъ-то неслужащимъ.

— Молодой? перебилъ я ее довольно-нескромно.

Мнѣ показалось, что она покраснѣла. И то правда, что, можетъ-быть, вопросъ мой смутилъ ее.

— Молодой, отвѣчала она:—да его никогда не бываетъ дома... И неслужащаго тоже... Такіе кутилы... тётушка хочетъ отказать имъ.

— Я это къ тому говорю, что люблю тишину, а очень-молодые люди...

— Большіе шалуны, перебила она, засмѣявшись:—но эти вамъ не помѣшаютъ. Ихъ комната на концѣ корридора; къ-тому же, ихъ почти никогда не бываетъ дома. Если кому они надоѣдаютъ, такъ тётушкѣ.

— А это ваша тётушка?

— Тётушка-съ... Я вѣдь русская и почти совсѣмъ не говорю по-нѣмецки, прибавила она закраснѣвшись.

«Мы, стало-быть, въ оппозиціи съ тётушкой», подумалъ я.

— Эту комнату занималъ одинъ господинъ, продолжала она:—тоже пожилой человѣкъ... У него были какіе-то завалы въ бокахъ; сверхъ-того, онъ все жаловался на безсонницу. Такъ онъ тоже все сидѣлъ дома и занимался науками. А то, бывало, ляжетъ на кровать, да и поетъ по цѣлымъ часамъ или стихи декламируетъ...

— Стихи?

— Да́, изъ Озерова или изъ Ломоносова... Предобрый былъ человѣкъ; мы съ нимъ были большіе друзья.

— Въ такомъ случаѣ онъ былъ очень-счастливъ, и долженъ былъ чувствовать...

— Облегченіе отъ заваловъ—это правда, перебила, она засмѣявшись. Каждый разъ какъ я, бывало, приходила къ нему, онъ говорилъ мнѣ это. Иной разъ цѣлый вечеръ только и толкуетъ, что о своей болѣзни, такъ-что скучно станетъ.

— А вы часто ходили къ нему?

— Каждый вечеръ.

— Каждый вечеръ? о, васъ, стало-быть, принуждали?

— Какое принуждали? Сама по доброй волѣ ходила. Видите ли, когда онъ къ намъ переѣхалъ, мнѣ было всего четырнадцать лѣтъ. Онъ очень полюбилъ меня и все носилъ мнѣ гостинцы. Наконецъ уговорилъ тётушку, чтобъ я приходила къ нему разливать чай. Вотъ я и стала ходить къ нему—да та́къ и привыкла. Еслибъ его не откомандировали, я и до-сихъ-поръ разливала бы чай у него. Все-таки веселѣе, чѣмъ...

— Съ тётушкой, перебилъ я ее, видя, что она замялась.

— Пречудной былъ человѣкъ, продолжала она, покраснѣвъ, и, какъ мнѣ показалось, внутренно досадуя на себя за то, что проговорилась.—Встанетъ, бывало, до зари... ему не спится, знаете... вотъ онъ и охаетъ. А какъ проснутся всѣ, такъ онъ всѣхъ обойдетъ и каждому разскажетъ, ка́къ провелъ ночь, какой сонъ ему мерещился. Всѣ ужь та́къ и ждутъ его... Пуще всѣхъ доставалось отъ него старичкамъ...

— Старичкамъ?

— Да, вотъ этимъ двумъ, что живутъ вмѣстѣ... Они тоже преуморительные... Сначала они приняли въ немъ большое участіе, и все ему совѣтовали разныя лекарства, но потомъ ужь не знали какъ и отдѣлаться. Имъ нужно идти въ должность, а онъ имъ разсказываетъ о своемъ снѣ и вовсе не замѣчаетъ, что они коробятся. И то разъ изъ-за него они получили выговоръ.

— Имъ бы просто сказать ему, что имъ некогда? сказалъ я, любуясь ея болтливостью.

— Гдѣ имъ! Они такіе вѣжливые. Ахъ! когда они получили выговоръ... никогда этого не забуду!..

И она принялась хохотать своимъ звонкимъ хохотомъ.

— Что жь такое?

— Нѣтъ, ужь объ этомъ когда-нибудь послѣ, когда вы къ намъ переѣдете, отвѣчала она, переставъ смѣяться, и вдругъ принимая серьёзный видъ.

Мнѣ показалось, что ей стало досадно на себя за то, что такъ разболталась съ незнакомымъ ей человѣкомъ. Чтобъ скрыть свое смущеніе, она подошла къ окну и растворила его.

— Давно ли съѣхалъ отъ васъ этотъ господинъ? спросилъ я ее, чтобъ подольше не прекращать разговора.

— Давно-съ... Нѣтъ-съ, только три недѣли... Извините-съ, меня спроситъ тётушка... Я не могу здѣсь долго оставаться.

— А вы боитесь тётушки?

Она сдѣлала премиленькую гримаску, и чтобъ доказать, что нисколько не боится тётушки, отвѣчала мнѣ шутливо и пополамъ съ хохотомъ:

— Очень!

— Такъ знаете ли что? И меня беретъ раздумье. Я тоже начинаю бояться вашей тётушки. Квартира очень-хороша, но только...

— Вы не нанимаете?

Мнѣ показалось, что въ голосѣ ея звучало неподдѣльное сожалѣніе.

— Я, право, боюсь, чтобъ ваша тётушка въ одну прекрасную ночь не выбросила меня изъ окошка.

— Это отчего?.. Нѣтъ, она хорошая женщина — съ ней нужно только умѣть ладить.

— Развѣ вы мнѣ поможете?

— Мнѣ, право, некогда, отвѣчала она, подвигаясь къ дверямъ: а квартира хорошая... Этотъ господинъ жилъ у насъ два года...

— Еще бы вы ему чай разливали...

Она улыбнулась, но ничего не отвѣчала. Рука ея сдавливала замочную ручку.

— Я кликну тётушку, сказала она вдругъ, дѣлая движеніе, чтобъ отворить дверь.

— Ради Бога, не кличьте! Вотъ задатокъ.

Я вынулъ изъ бумажника десять рублей и, поклонившись, вышелъ на парадную лѣстницу.

Я былъ уже на нижней ступенькѣ, какъ сверху долетѣлъ до меня хохотливый голосъ моей хорошенькой собесѣдницы.

— Послушайте! послушайте!.. Когда же вы переѣзжаете? Чтò жь я скажу тётушкѣ?

Несмотря на свои сорокъ лѣтъ, я въ нѣсколько прыжковъ очутился наверху лѣстницы: тàкъ поразила меня такая забывчивость: я даже не спросилъ о цѣнѣ.

— Извините, совсѣмъ забылъ, отвѣчалъ я, запыхавшись и вовсе уже не подумавъ о томъ, что представлялся прекрасный случай сказать ей что-нибудь очень-лестное.

— Вотъ еслибъ на моемъ мѣстѣ стояла передъ вами тётушка, замѣтила дѣвушка съ лукавою улыбкою:—она непремѣнно сказала бы вамъ, что молодые люди, которые нанимаютъ квартиру и забываютъ спросить о цѣнѣ...

Она остановилась и покраснѣла до ушей.

— Чтó же эти молодые люди?

— Тáкъ, ничего... Вы, пожалуйста, не подумайте чего-нибудь... Это вѣдь тётушка...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не отговаривайтесь... Я вѣдь не молодой человѣкъ, стало-быть не обижусь...

— Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ! вскричала она съ непритворнымъ удивленіемъ, и только теперь довольно-пристально поглядѣвъ на меня:—кàкъ же это вы мнѣ показались такими молодыми... мнѣ и не въ-догадъ, что у васъ сѣдые волосы.

Тутъ она снова остановилась и покраснѣла пуще прежняго. Мнѣ стало тоже какъ-будто неловко послѣ такого наивнаго признанія и я, запинаясь, сказалъ ей какую-то избитую фразу о старости.

— Нѣтъ, чтó вы за старикъ? перебила она, желая поправить свое не слишкомъ-лестное для меня признаніе. — Вы гораздо-моложе того господина...

— Что стихи-то декламировалъ? Покорно васъ благодарю!

— Издали вы совсѣмъ, какъ молодой.

— Издали и кукушка похожа на ястреба.

— Но за-то вы гораздо его веселѣе.

— Вы надо мной смѣетесь.

— Нѣтъ, помилуйте, кáкъ можно... Еслибъ вы знали, какой онъ былъ скучный... Такой скучный...

— Что послѣ него нѣтъ никакого достоинства быть веселымъ и любезнымъ?

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ! воскликнула она, вся вспыхнувъ. — Я совсѣмъ не то хотѣла сказать.

— Видите, какая вы насмѣшница. Я уже заранѣе начинаю васъ трусить, и чтобъ вполнѣ удовлетворить вашу склонность къ сатирѣ, постараюсь какъ-можно скорѣе перебраться къ вамъ. Завтра

я пришлю свою мёбель и обойщика, а послѣ-завтра переѣду. Что же стоитъ квартира?

— Со столомъ или безъ стола?

Я вспомнилъ о тётушкѣ и поспѣшилъ увѣрить ее, что дома я никогда не обѣдаю, а только пью чай.

— Въ такомъ случаѣ только пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, съ отопленіемъ и прислугою. Вашъ предшественникъ тоже платилъ по пятнадцати.

— Да́; но вы ему разливали чай.

— Я и вамъ, пожалуй, буду разливать чай, поспѣшила она прибавить, какъ-будто испугавшись, чтобъ цѣна не показалась мнѣ слишкомъ-большою, и чтобъ я не раздумалъ.

Я сказалъ ей какой-то комплиментъ и вышелъ на улицу въ прекрасномъ расположеніи духа.

Закупивъ мёбели и сговорившись съ обойщикомъ на-счетъ оклейки моей квартиры за̀-ново обоями, я предался, по своему обыкновенію, самымъ разнообразнымъ мечтаніямъ, и на другой день послѣ обѣда отправился на свою новую квартиру посмотрѣть, что̀ дѣлается съ мёбелью и работаетъ ли обойщикъ.

Дверь съ парадной лѣстницы была отворена настежъ, потому-что еще продолжали таскать мои пожитки. Тихо, неслышными шагами вошелъ я въ свою комнату. Еще на лѣстницѣ мнѣ послышались въ ней постукиванья молотка, чьи-то посторонніе голоса и знакомый смѣхъ моей хорошенькой хозяйки.

Въ комнатѣ своей, среди сдвинутой въ одну кучу мёбели, среди разбросанныхъ свертковъ обойной бумаги, среди гвоздей и крахмала, я увидѣлъ, во-первыхъ, обойщика, преспокойно и съ флегматическимъ прилежаніемъ занимавшагося своимъ дѣломъ, потомъ двухъ какихъ-то старичковъ маленькихъ, сѣденькихъ и румяненькихъ, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ, безпрестанно подпрыгивая, на моемъ диванѣ, какъ-будто пробуя упругость пружинъ его, а другой дѣлалъ то же самое съ моимъ кресломъ. Оба они были одѣты въ свѣтло-сѣрыя курточки или, лучше сказать, полуфрачки, сшитые изъ одной и той же матеріи совершенно-одинакимъ образомъ; на шеѣ у обоихъ были черные, дѣланые галстухи, доходившіе полудугами до ушей и откровенно выставлявшіе стальныя пряжки на затылкѣ. Красныя туфли; совершенно-одинакіе, коротенькіе жилеты и суконные тёмно-зеленаго цвѣта панталоны, которые, казалось, были еще короче жилетовъ, дополняли костюмъ ихъ и придавали имъ видъ двухъ маленькихъ братцевъ, выбѣжавшихъ порѣзвиться изъ отеческаго дома. Неподалеку отъ нихъ, на кушеткѣ, которую я купилъ единственно потому только, что она имѣла необыкновенную форму, усерднѣе всѣхъ подпрыгивала моя молоденькая хозяйка.

— Надежда Θедоровна, этотъ диванъ еще мягче! вскричалъ одинъ изъ старичковъ, подпрыгивая.

— Неправда, неправда, Надежда Өедоровна, перебилъ другой: — вы ихъ не слушайте, они врутъ! Мое кресло всѣхъ мягче! Посмотрите, такъ и подскакиваешь!

— Дайте-ка я попробую! отвѣчала имъ Надежда Өедоровна.

И вставъ съ кушетки, она прыгнула съ ногами сперва на диванъ, а потомъ поскакавъ на немъ и сказавъ: «хорошо», махнула на кресло, посидѣла на немъ, попрыгала и снова возвратилась на кушетку съ такимъ видомъ, какъ-будто сдѣлала какое-нибудь весьма-важное дѣло.

— Ну, что? спросилъ ее старичокъ, сидѣвшій прежде на креслѣ.

— Кушетка мягче! отвѣчала она: — я всегда буду на ней чай разливать. Ужь мы съ нимъ условились.

— А какихъ суммъ, Господи воля твоя! какихъ суммъ должно быть все это стоило! произнесъ старичокъ, сидѣвшій на креслѣ.

— Есть чему удивляться, возразилъ другой: — еслибъ мы были съ вами богаты, не такихъ бы мёбелей накупили.

И всѣ трое пустились скакать пуще прежняго.

Первая замѣтила меня Наденька. Я думалъ, что она сконфузится—ничуть не бывало! Она разразилась самымъ громкимъ хохотомъ и, указывая мнѣ на обомлѣвшихъ и совершенно-потерявшихся старичковъ, сказала:

— Если вы сердитесь, пѣняйте на нихъ! Это все они!

— Надежда Өедоровна! воскликнулъ одинъ изъ старичковъ.

— Бога вы не боитесь, Надежда Өедоровна! повторилъ другой.

— Не вѣрьте, не вѣрьте, они! продолжала Надя: — сами меня завели сюда, сами выдумали пробовать мёбель...

— Государь мой, сознаемся..

— Замолчите, Петръ Өедорычъ, перебилъ его другой, очевидно имѣвшій на него вліяніе: — я самъ объясню... Государь мой, здѣсь не мѣсто объясняться. Когда вы насъ узнаете короче, вы отличите ложь отъ истины. Пойдемте, Петръ Өедорычъ...

— Но, помилуйте, мнѣ очень-пріятно, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, государь мой, здѣсь не мѣсто объясняться...

— Къ-тому же мы совсѣмъ не такъ одѣты... знаете, по-домашнему...

— Замолчите, Петръ Өедорычъ, замолчите! Честь имѣю вамъ кланяться, государь мой.

И не давъ мнѣ повторить, что мнѣ пріятно видѣть ихъ у себя на квартирѣ, они чинно раскланялись со мной и выбѣжали изъ комнаты.

— Видѣли? спросила меня Надя, разведя руками.

— Это?..

— Ваши будущіе сосѣди.

— Старики-то?

— Старики. Только, смотрите, не скажите имъ этого въ глаза...

— Разсердятся?

— И какъ еще! Вообразите, купили нынче чорной помады — хотятъ красить себѣ волосы...

— За что жь это вы ихъ такъ сконфузили?

— Ничего.

— Они, я думаю, обидѣлись?

— Пре-о-бид-чи-вые! протянула Надя: — я въ жизнь свою не видала еще такихъ обидчивыхъ. Нынче отъ нихъ ужь не добьешься ни слова. Цѣлый день въ молчанку проиграютъ.

— А завтра?

— Завтра все опять пойдетъ по-старому. Я имъ вскружила голову.

— Вы развѣ любите кружить головы?

Она ничего не отвѣчала, но за-то такими плутовскими глазами посмотрѣла на меня, какъ-будто говорила: а вотъ посмотрите, какъ я вамъ отдѣлаю вашу собственную.

Я много зналъ женщинъ, но никогда еще мнѣ не случалось встрѣтить такого наивнаго и граціознаго созданія. Никогда еще женщина съ перваго слова не высказывалась вся передо мною, не прогоняла первымъ взглядомъ моей обычной робости. Мы, какъ-будто уже были давнымъ-давно знакомы съ Надей и болтали теперь другъ съ другомъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ обойщика. Я начиналъ уже чувствовать то пріятное замираніе сердца, которое такъ рѣдко чувствуется въ моихъ лѣтахъ. Всего болѣе дразнила меня ея рука, бѣленькая, полненькая, съ длинными пальцами, будто выточенная изъ кости... Я не вытерпѣлъ и взялъ эту руку...

— Полноте, насъ увидятъ, прошептала она, пугливо оглядываясь на обойщика и лѣниво отдергивая руку.

Мнѣ тоже показалось, что обойщикъ начинаетъ наблюдать за нами.

— Прощайте, сказалъ я ей:—завтра утромъ я переѣзжаю.

Мы вышли въ корридоръ, и тамъ она уже не отдергивала руки. Только дверь изъ комнаты старичковъ безпрестанно поскрипывала и сквозь узкую щель мелькали ихъ сѣденькія головы. Изъ кухни послышался голосъ тётушки: она звала къ себѣ племянницу.

— Тётушка! Ну, прощайте, переѣзжайте поскорѣе!

Сказавъ это, она со всѣхъ ногъ бросилась въ кухню. По всему видно было, что она чрезвычайно-боится своей тётушки.

Несмотря на то, что мнѣ слишкомъ за́-сорокъ, а можетъ-быть именно потому, что за́-сорокъ, эта дѣвушка весь вечеръ не выходила у меня изъ головы. Я не могъ считать ея обращенія со мной тѣмъ дѣтскимъ наивнымъ порывомъ, съ какимъ совершенно-невинныя дѣвушки вѣшаются на шею первому встрѣчному мужчинѣ. Напротивъ, въ ней, съ перваго взгляда, можно было замѣтить много разсчитаннаго кокетства, много движеній, въ которыхъ принимаетъ участіе не одна рѣзвость, шалость, но и самая кровь. Ея бойкіе, блестящіе глазёнки, которые, казалось, загорались

вмѣстѣ съ румянцемъ, вспыхивавшимъ на ея свѣженькомъ личикѣ, ея маленькія разгорѣвшіяся уши насильно заставляли вѣрить въ пылкость темперамента и ручались за искренность ея ощущеній. И вмѣстѣ съ этимъ въ самой легкости ея обращенія, въ самой навязчивости ея было много приличія и стыдливости, устранявшихъ всякое оскорбительное подозрѣніе. Чѣмъ болѣе я думалъ о ней, тѣмъ яснѣе становилась для меня жизнь ея. Съ одной стороны тётушка, съ другой—жильцы; съ одной стороны брань и безпрерывное ворчанье, съ другой—невоздержныя рѣчи; съ одной стороны строгій надзоръ, съ другой — безпрестанное волокитство: вотъ чѣмъ окружено было ея дѣтство и вотъ отчего такъ вспыхиваютъ ея щеки, такъ загораются глаза.

На другой день однимъ жильцомъ у старой нѣмки было болѣе.

Это было вечеромъ и, какъ теперь помню, мелкій дождь, будто сквозь сито, моросилъ на мокрую мостовую. Расплатившись съ извощикомъ, я зашелъ въ мелочную лавочку, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ того же дома, гдѣ и я нанялъ себѣ квартиру — чтобъ размѣнять ассигнацію. У прилавка стояло человѣкъ пять самаго разнохарактернаго народа: казачокъ съ головою, обстриженною въ скобку, лакей безъ шляпы съ серьгою въ ухѣ и въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, какая-то простоволосая баба со сверточкомъ синьки въ обнаженныхъ рукахъ, чья-то горничная, довольно-смазливенькая дѣвушка и, наконецъ, борода въ нагольномъ тулупѣ, очевидно принадлежавшая дворнику— вообще все свои люди, все обычные посѣтители мелочной лавочки, имѣющіе похвальную привычку помѣшкать въ ней, послушать новостей, поговорить о пожарѣ и, пожалуй, пересыпать слова два о такъ-называемой «политикѣ». Извѣстно, что мелочныя лавочки искони, въ извѣстные часы дня, служатъ мѣстомъ сходокъ для тѣхъ изъ петербургскихъ обывателей, которыхъ никуда больше не пускаютъ. Когда я вошелъ, вся компанія отъ души хохотала, между-тѣмъ-какъ лавочникъ, мужчина дюжій, плотный, съ открытою и добродушно-лукавою физіономіею, читалъ въ-слухъ какую-то книжку.

— Вотъ нашъ новый жилецъ, шепнула лавочнику простоволосая баба.

Мнѣ безпрекословно размѣняли деньги, хоть я и ничего не купилъ. Я взглянулъ на книгу, которую читалъ лавочникъ и увидѣлъ, что это была вовсе не книга, а просто засаленная и замаранная тетрадка, въ которой записываются забранные въ долгъ товары.

— Отпустишь, что-ли, Никита Игнатьичъ? сказала лавочнику та же баба, переставъ хохотать.

— Ай-да балагуры, нечего-сказать, господа твои, Савишна; правду говорится, что голь на выдумки хитра.

— Еще бы не отпустить! замѣтила дѣвушка. — Что жь что голь, да за-то умная.

— И мо-ло-да-я, Вѣра Яковлевна, прибавилъ лакей съ особенно-хитрою улыбкою.

— Конечно молодая, Степанъ Ѳомичъ, возразила горничная.

— Отпусти, Никита Игнатьичъ, сказалъ лакей: — Вѣра Яковлевна беретъ ихъ на поруки.

— Поруки не на поруки, покраснѣвъ отвѣчала дѣвушка, среди всеобщаго хохота: — а что это добрые господа и никому зла не желаютъ, какъ иные прочіе, то это всѣмъ въ домѣ извѣстно.

— Оно, пожалуй, отпустить можно, сказалъ наконецъ, хмуря брови и почесывая затылокъ, лавочникъ.—Почему-жь и не отпустить, коли прежде отпускалъ, да больно много задолжали господа-то твои. Оно все помаленьку, да помаленьку, а вотъ почитай, что за двадцать рублевъ ужь забрали.

— Всего только четверку чаю, замѣтила баба.

— А сахару-то, сахару! воскликнула въ одинъ голосъ вся компанія.—Какъ-бишь тамъ написано-то Никита Игнатьичъ?

— Что̀ это такое? спросилъ я у лавочника.

— А вотъ, сударь, жильцы, что живутъ тоже у Марьи Ивановны... гдѣ вотъ и ваша милость нанять изволили.

— Старики?

— Нѣтъ, то другіе. Это люди еще молодые. Одинъ, повыше, художествами всякими занимается, другой неслужащій какой-то... ка̀къ-бишь его, Савишна?

— А Богъ его вѣдаетъ! Знаю, что Андрей Михайлычъ, а ка̀къ по фамиліи — про-то въ паспортѣ написано.

— Такъ вотъ, сударь, они у меня на книжку забираютъ... да такъ смѣшно все въ ней описываютъ, что читать любопытно.

— Ка̀къ-такъ?

— Да вотъ хоть-бы нынче на-примѣръ...

Онъ взялъ книжку и прочелъ слѣдующее:

«Такъ-какъ всѣ, начиная съ господъ до извощиковъ, имѣютъ «обыкновеніе по утрамъ и вечерамъ пить чай, то и отпустить «о̀наго одну четвертку. А такъ-какъ въ одной только Китайской «Имперіи и развѣ еще у немногихъ варваровъ чай употребляется «безъ сахару и подается на столъ вмѣсто супа, между-тѣмъ-какъ «во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ его пьютъ въ накладку или «въ-прикуску, то отпустить вмѣстѣ и фунтъ сахару.»

— И вотъ все-то та̀къ, сударь, извольте посмотрѣть, сказалъ лавочникъ подавая мнѣ книжку.

И въ-самомъ-дѣлѣ вся эта небольшая тетрадка была испещрена самыми забавными фразами въ этомъ родѣ. Всего смѣшнѣе было положеніе лавочника, которому и хотѣлось и не хотѣлось отпустить чаю и сахару. Съ одной стороны господа добрые и книжка у нихъ презанимательная, которую, какъ я тутъ же узналъ, онъ имѣетъ обыкновеніе читать по праздникамъ въ кругу своего семейства и въ-

особенности любитъ показывать гостямъ; съ другой стороны много забрано по этой занимательной книжкѣ, рублевъ за двадцать, почитай, заходитъ... Долго думалъ онъ надъ этой проблемой; казачокъ, лакей, горничная и дворникъ одинъ за другимъ постепенно выходили изъ лавочки; оставалась одна баба, да я еще. Мнѣ хотѣлось до конца досмотрѣть эту сцену. Наконецъ онъ въ послѣдній разъ почесалъ у себя въ затылкѣ, прошелся по своимъ владѣніямъ, взялъ было савокъ изъ ящика съ цикоріемъ и опять сунулъ его на старое мѣсто, безпрестанно приговаривая: «Отпусти! Только и знай, что отпускай, а деньги когда? Вотъ такъ-то все въ трубу и записываешь... Развѣ патретъ съ хозяйки спишетъ», прибавилъ онъ, остановившись и устремивъ глаза на бабу, которая прехладнокровно стояла оперши сь локтями о прилавокъ.

— Ну, не хошь, какъ-хошь, та́къ и скажу, произнесла она, направляясь къ двери.

— А ну, Господь съ ними! воскликнулъ рѣшившійся наконецъ лавочникъ.—Вотъ-те, Савишна, неси господамъ, да, мотри, скажи имъ, что я, дескать, къ нимъ скоро за деньгами... того... Развѣ что патретъ съ хозяйки спишетъ... прибавилъ онъ, снова принимаясь за савокъ съ цикоріемъ.

Вмѣстѣ съ бабою я вошелъ въ свою новую квартиру. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ явилась Марья Ивановна въ чепцѣ съ желтыми лентами, въ мериносовомъ платкѣ на плечахъ и въ очень-приличномъ платьѣ, и на ломаномъ русскомъ языкѣ объявила, что чему-то очень-рада. Воспользовавшись этимъ, я просилъ ее, чтобъ она позволила своей племянницѣ разливать мнѣ по вечерамъ чай, и она обрадовалась еще болѣе, принялась кликать Надю, замѣтила что-то весьма непонятное о степенныхъ людяхъ и сказавъ со вздохомъ: «старость не радость», удалилась на свою половину.

Я чувствовалъ себя усталымъ и утомленнымъ, и потому, надѣвъ старинькое пальто, прилегъ на кушетку и предался тѣмъ сновидѣніямъ на яву, на которыя такъ назойливо напрашиваются усталые нервы. Сумерки давно уже колыхались въ моей комнатѣ, и представляли полузакрытымъ глазамъ моимъ вмѣсто креселъ и стульевъ какіе-то призраки. Я уже почти засыпалъ, какъ скрыпъ двери и шорохъ шаговъ коснулись моего слуха.

— Кто тамъ?

— Извините, я васъ разбудила.

— Ахъ, Надежда Ѳедоровна, это вы!

— Лежите, лежите! Я вѣдь только на минутку. Тётушка приказала спросить у васъ, который часъ?

— Безъ пяти восемь.

— Благодарствуйте! Лежите, Лежите!

Она ушла и я снова принялся было засыпа́ть, какъ дверь снова скрыпнула и снова послышался знакомый шорохъ.

— Это опять я!.. Лежите, лежите!.. Я только на минутку. Тётушка приказала спросить, въ которомъ часу вы кушаете чай?

— Да вотъ въ это время.

— Такъ поставить самоваръ? Ахъ, какіе вы, право — лежите! Ну, вотъ вы встали!

— Ужь вы изъ меня хотите сдѣлать совершеннаго старика! Чтó дѣлаетъ ваша тётушка?

— Тётушка? Да ее теперь дома нѣтъ — она пошла къ дядюшкѣ.

— Давно?

— Ужь съ часъ будетъ?.. Охъ, чтó я? Сейчасъ только, сію минуту, и какъ уходила, приказала мнѣ непремѣнно спросить у васъ, когда вы кушаете чай? Ей Богу, право!

— А покраснѣли-то зачѣмъ? спросилъ я ее, какъ-будто и въ-самомъ-дѣлѣ можно было видѣть въ такой темнотѣ покраснѣла ли она.

— Кто? Я покраснѣла? и не думала!.. Видите, какой вы насмѣшникъ!

— Сохрани Богъ. Я говорю только, что краснѣть тутъ вовсе нé-изъ-чего. Дѣло очень простое: тётушка ушла, вы остались одцѣ, вамъ стало скучно, у васъ за стѣной сидитъ медвѣдь-медвѣдемъ сосѣдъ, который тоже скучаетъ и котораго, по добротѣ своего сердца, вамъ хотѣлось бы развеселить. Вотъ вы и пускаете въ ходъ свою тётушку. То-то, я думаю, ей теперь икается. Вѣдь тáкъ я объяснилъ, признайтесь?

Она расхохоталась.

— Такъ какъ-же съ самоваромъ? Поставить?

— Нѣтъ, вы скажите сперва, тáкъ ли я объяснилъ вамъ вашъ поступокъ? сказалъ я, взявъ ея руки.

Она вырвалась и, сказавъ, что прикажетъ ставить самоваръ, выбѣжала изъ комнаты, хлопнула дверью, потомъ снова отворила и, просунувъ въ нее свою хорошенькую головку, произнесла съ невыразимытъ кокетствомъ:

— Тáкъ! но только вовсе не по добротѣ сердца!

«Вотъ славная квартира» подумалъ я. «Видно эти молодые люди ужь изъ-рукъ-вонъ головорѣзы, что она и на меня заглядывается. Нужно навесть справки».

За чаемъ, воспользовавшись первою минутою обоюднаго молчанія, я разсказалъ ей сцену, видѣнную мною въ мелочной лавочкѣ.

— Дá, у нихъ рѣдко бываютъ деньги, отвѣчала она съ необыкновенною холодностью.

— А! вы за нихъ заступаетесь!

— И не думала! Съ какой стати мнѣ за нихъ заступаться?... Бѣдность — не порокъ.

— Зачѣмъ же сердиться-то?

— Я не сержусь, отвѣчала она съ прежнею улыбкою.

— Вы меня не поняли. Я нисколько не укоряю ихъ за бѣдность. Я вамъ даже скажу, Надежда Өедоровна, или, позвольте, ка́къ называлъ васъ вашъ пріятель, мой предшественникъ?

— Наденькой.

— А эти... молодые люди?

— Тоже Наденькой.

— Ну, такъ и я ужь стану называть васъ Наденькой. Это имя какъ-то лучше идетъ къ вашей маленькой особѣ, нежели длинное — Надежда Өедоровна. Позволяете?

— Это странное дѣло, сказала она засмѣявшись: — всегда меня начинаютъ величать по батюшкѣ, а потомъ, глядишь, и съѣдутъ на Наденьку. Только одни старички и составляютъ исключеніе. Когда я была мала, они меня звали все Наденькой, а теперь вдругъ начали говорить: Надежда Өедоровна.

— Такъ вотъ я вамъ скажу, Наденька, что вы меня совершенно не поняли. Напротивъ, мнѣ нравится въ этихъ молодыхъ людяхъ именно то, что они не унываютъ. Веселый нравъ, по моему мнѣнію, есть всегда доказательство добраго сердца.

Казалось, послѣднія слова мои произвели на нее пріятное впечатлѣніе и она сама, безъ всякаго вызова съ моей стороны, принялась разсказывать разныя шалости молодыхъ жильцовъ своей тётушки.

— Что́ книжка! сказала она: — посмотрѣли бы вы какую переписку завели они съ булочницами! Мо́чи нѣтъ! Тѣ ужь хотятъ на нихъ жаловаться, и бѣдной Домнѣ достается отъ нихъ всякій разъ, какъ она пріидетъ къ нимъ въ булочную. Да вы не слушаете?

— Какое не слушаю! Вотъ я только сигару закурю. Ну, разсказывайте.

Она придвинулась ко мнѣ и начала разсказывать тѣмъ прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ, какимъ говорятъ дѣти, когда спѣшатъ сообщить что-нибудь весьма-интересное и смѣшное по ихъ мнѣнію.

— У насъ, знаете, Осипъ Иванычъ, здѣсь на углу есть булочная и въ ней двѣ молодыя, недурныя собою дѣвушки, дочери, что ли, хозяйскія, не знаю. Такъ вотъ когда у Хлѣбова или у Плотникова, та́къ зовутъ ихъ — не булочницъ, а жильцовъ нашихъ — есть деньги и они посылаютъ Домну принесть копеекъ на десять хлѣба или сухарей, то ужь непремѣнно съ письмомъ. Да́-съ, съ письмомъ и еще съ нѣмецкимъ, и въ письмѣ этомъ сперва назовутъ ихъ небесными, очаровательными, неземными и еще какими-то дѣвами, потомъ изъяснятся какъ слѣдуетъ въ любви, и наконецъ уже покорнѣйше попросятъ отпустить имъ на десять копеекъ сухарей. Бѣдная Домна несетъ записку и вовсе не подозрѣваетъ, что́ въ ней тамъ такое написано, и за что́ всякій разъ бранятся съ нею Нѣмки, гонятъ прочь и разъ даже не хотѣли отпу-

скать товара. Но за-то теперь Домна блаженствуетъ: у нихъ нѣтъ денегъ и они хлѣбъ забираютъ въ лавочкѣ на книжку.

— А часто у нихъ не бываетъ денегъ?

— Какое часто! вотъ прекрасно! — Всегда!

— Какъ же они платятъ вашей тетушкѣ?

— Ужь Богъ ихъ знаетъ! У нихъ, видите ли, есть у одного отецъ, а у другаго дядя — оба помѣщики. Они имъ и присылаютъ раза три въ годъ деньги и не то чтобъ мало, а та́къ, порядочно. Вотъ какъ пришлютъ, они и расплачиваются, а что́ останется, то у нихъ проходитъ между пальцами; въ одинъ день все спустятъ. Тогда у нихъ являются разные дорогіе сыры, икра, копченыя рыбы и все изъ лучшихъ лавокъ — изъ Милютиныхъ, право! На другой день только коллекція сыровъ и напоминаетъ имъ о недолгомъ богатствѣ. Разъ они что-то очень долго не платили тётушкѣ, и кромѣ-того, разсердили ее какъ-то; она и перестала отпускать имъ обѣдъ. Угадайте, чѣмъ они питались?

— Ячменнымъ кофеемъ?

— А когда вышелъ? Ячменный кофе они всегда закупали при деньгахъ, на всякій случай, потому-что съ тётушкой до первой только ссоры—сейчасъ оставитъ безъ обѣда. Нѣтъ, когда вышелъ?

Еслибъ и зналъ, я, кажется, не сказалъ бы ей, чтобъ только не лишить ее торжества сообщить мнѣ вещь неслыханную, диво-дивное: та́къ хороша опа была въ эту минуту, такимъ дѣтскимъ восторгомъ блистали ея слегка-прищуренные глазки.

— Что́ долго васъ мучить! произнесла она послѣ короткаго молчанія, достаточно насладившись моимъ недоумѣніемъ. — Ромашкой!

— Ка́къ, ромашкой?

— Та́къ-съ ромашкой-съ! Вамъ это чудно́, не правда ли? Я говорила вамъ, что удивлю васъ. Вы, можетъ-быть, не вѣрите? Ей-Богу, ромашкой!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это довольно странно. Но ка́къ же однакожь?

— Да также-съ.

И она разсказала мнѣ, пополамъ съ хохотомъ, ка́къ ихъ бѣдные молодые жильцы, поссорившись разъ съ ея тёткой и потому лишившись обѣда, пили сначала ячменный кофе, а когда онъ вышелъ и прекратились всякіе рессурсы на пріятельскій обѣдъ какой-нибудь, прибѣгли къ помощи знакомаго аптекаря; ка́къ неслужащій, сказавшись больнымъ кашлемъ и другими какими-то недугами, вздумалъ у него лечиться ромашкой и леденцомъ; ка́къ ромашка съ леденцомъ и коркой хлѣба нѣсколько дней замѣняла у нихъ чай, обѣдъ и ужинъ; ка́къ замѣтила это, наконецъ, прозорливая тётушка, несмотря-на-то, что молодые люди въ обѣденное время обыкновенно уходили со двора и приходили домой, ковыряя во рту зубочистками и подавая видъ, будто они отличнѣйшимъ образомъ пообѣдали то у пріятеля-хлѣбосола, то въ знаме-

нитомъ ресторанѣ, а то и просто въ кухмистерской; какъ сжалилась надъ ними тётушка и сама стала потчивать ихъ своими тремя блюдами и какъ они, немного покобенившись, наконецъ согласились и все было забыто и все пошло по-старому.

— А тётушка это замѣтила? спросилъ я, когда она кончила.

— Чтó вы на меня смотрите, какъ на морское чудище? отвѣчала она.

— Такъ; мнѣ что-то не вѣрится въ наблюдательность вашей тётушки.

— Вы хотите сказать, что я первая замѣтила...

— Ромашку вмѣсто обѣда, чая и ужина.

— Ну, такъ чтожь изъ этого? Хоть бы и я? Чему вы смѣетесь?

— Одной мысли, которая пришла мнѣ въ голову... Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать вамъ вопросъ.

— Кто жь вамъ мѣшаетъ?

— Вы говорите, что любите... кружить головы мужчинамъ... Скажите мнѣ, эти молодые люди... вы пробовали надъ ними свое искуство?

— Я васъ не понимаю.

— То-есть, волочились они за вами?

Она вдругъ приняла на себя серьёзный видъ, нахмурила брови, и, подавшись назадъ всѣмъ своимъ корпусомъ, отвѣчала съ неподдѣльнымъ гнѣвомъ:

— Чтó это за вопросъ?

Я былъ до-того удивленъ ея выходкой, что самъ смѣшался. Еслибъ этотъ же самый вопросъ я сдѣлалъ ей просто, безъ всякихъ церемоній, не запугалъ ея воображенія таинственностью, которая, самъ не знаю почему, звучала въ моемъ голосѣ, однимъ-словомъ, спросилъ бы ее о томъ же, только пополамъ со смѣхомъ, какъ о самой обыкновенной вещи—я увѣренъ, она отвѣчала бы мнѣ безъ ужимокъ на-скоро импровизированнаго гнѣва. Чтобъ сколько-нибудь поправить свою ошибку, я замѣтилъ ей шутливымъ тономъ:

— Въ-самомъ-дѣлѣ, можно ли задавать такіе глупые вопросы? Это все-равно, что прійдти со двора и спросить—хороша ли погода?

Она поглядѣла на меня такъ, какъ-будто я сбирался ей показать какой-нибудь любопытный фокус-покусъ.

— Есть вещи, продолжалъ я — о которыхъ не спрашиваютъ; нужно быть ужь вовсе старикомъ, чтобъ, постоянно живя возлѣ васъ, безпрестанно видя васъ, не поволочиться за вами; нужно молодому человѣку быть или очень-дурнымъ собою, или очень-глупымъ, чтобъ не возбудить въ васъ желанія... ну, хоть пококетничать съ нимъ.

— А я ужь думала, что вы Богъ-знаетъ о чемъ меня спрашиваете? пренаивно и съ улыбкой отвѣчала она. — Что Хлѣбовъ не старъ, вы это знаете. Я вамъ скажу только, что онъ очень не-

дурень собой и вовсе не глупъ, прибавила она съ лукавымъ видомъ и уткнувъ свой маленькій носикъ въ сахарницу.

— Давно бы такъ; только мнѣ и надобно.

Я началъ раскуривать сигару, которая все какъ-то погасала, а Надя что-то очень прилежно захлопотала около самовара.

— Хотите я вамъ во всемъ признаюсь? сказала она вдругъ, подсѣвъ ко мнѣ съ тѣмъ невольнымъ, но милымъ и бойкимъ движеніемъ, которое всегда сопровождаетъ необдуманную откровенность.

— Признайтесь, пожалуйста.

— Только смотрите, не выдавать!

— То-есть, не проговориться передъ тётушкой?

— Передъ кѣмъ бы то ни было! Здѣсь дѣло идетъ о моей чести, прибавила она съ важнымъ видомъ.

— Положитесь на мою скромность.

Она придвинулась ко мнѣ еще ближе, подалась впередъ своей русой головкой и произнесла въ-полголоса:

— Я хотѣла бѣжать съ нимъ.

— Съ Хлѣбовымъ?

Вмѣсто отвѣта, она утвердительно кивнула головою.

— О! А онъ?

— Онъ тоже.

— И вы бѣжали?

— Ахъ, нѣтъ! произнесла она со вздохомъ.

— Вамъ помѣшали? измѣнили? донесли тётушкѣ? и она накрыла васъ въ самую рѣшительную минуту?

— Вовсе нѣтъ! Никто не помѣшалъ, никто не измѣнилъ, никто не доносилъ тётушкѣ и тётушка, какъ нарочно, спала самымъ крѣпкимъ сномъ.

— Ну?

— Убѣжишь съ этими кутилами! произнесла она съ досадой... Нѣтъ, ужь я лучше вамъ ничего не скажу, а-то вы, пожалуй, надо мной же еще смѣяться будете.

— Что вы, Наденька? я надъ вами буду смѣяться? отплачу за вашу откровенность насмѣшкой? Вы меня обижаете!

— Ну, ужь такъ-и-быть, положусь на вашу совѣсть, да потомъ и закаюсь. Всѣ вы измѣнники!

— Только не я.

— Можетъ-быть, но это потому-что вамъ подъ-сорокъ... Вы опять съ своей сигарой! Она еще курится, что вы ее зажигаете?

— Мнѣ показалось, что она погасла... Продолжайте!

— Коли слушать, такъ ужь слушайте, а-то я замолчу. Вы видѣли тётушку, стало-быть поймете меня, если я вамъ скажу, что она не согласилась бы выдать меня замужъ за Хлѣбова...

— Можно себѣ представить!

— Вотъ мы и условились съ нимъ бѣжать.

— А вы ужь были знакомы между-собою?

— Ну, да́. Они тогда къ намъ переѣхали съ Плотниковымъ, съ неслужащимъ-то, знаете, и оба ухаживали за мною. Плотниковъ мнѣ вовсе не понравился: приторной такой, ужь какъ пристанетъ, такъ не скоро отвяжется. Хлѣбовъ—другое дѣло... Ему все-равно. Все надо мной смѣялся сначала...

— А вы его и полюбили?

— У него такіе славные бѣлокурые волосы... Такъ-вотъ мы съ нимъ и уговорились бѣжать... Только и ждали, когда къ нему отецъ пришлетъ денегъ. Не убѣжишь же вѣдь безъ гроша: чѣмъ же жить-то будемъ?

— Конечно.

— Ужь я мечтала, мечтала послѣ нашего уговора. Хожу, бывало, какъ сонная, все думаю, ка́къ мы будемъ вѣнчаться и праздновать свадьбу, а потомъ жить вдвоемъ, ка́къ устроимся, какую квартиру наймемъ, ка́къ я достану себѣ работу и стану заработывать деньги... а тётушка-то сердится-сердится потому-что въ просонкахъ-то я все, бывало, только порчу. Она меня бранитъ, а я думаю о нашемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ. Но вотъ, наконецъ, пришли деньги. Онъ заплатилъ свой долгъ тётушкѣ и пропалъ на цѣлую ночь. На другой день онъ мнѣ сказалъ, что нанималъ квартиру и опять пропалъ — хлопотать по нашему дѣлу, какъ мнѣ самъ говорилъ, прощаясь. Вечеромъ онъ воротился одинъ и прошелъ прямо въ свою комнату. Я, чтобъ не подать подозрѣнія, цѣлый день не выходила изъ тётушкиной спальни—тутъ и я сплю—и когда всѣ улеглись въ домѣ и тётушка захрапѣла, я встала, одѣлась, накинула на себя салопъ, увязала все свое добро въ узелокъ—къ-счастію, онъ вышелъ премаленькой—и на цыпочкахъ, тихонько, вышла изъ комнаты. Ночь была такая лунная, славная. Вхожу къ нему— онъ спитъ-себѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ и на чемъ бы вы думали?—опять на тётушкиныхъ фортепьянахъ.

— Ка́къ, на фортепьянахъ?

— Да́, на фортепьянахъ. Тётушка купила буфетъ и поставила его въ спальнѣ, а фортепьяно, для которыхъ не было мѣста—велѣла вынесть къ нимъ въ комнату и нарочно еще сдѣлала уговоръ съ ними—беречь фортепьяно, не ставить на нихъ ничего тяжелаго и, главное, не спать на нихъ, потому-что еще прежде когда-то была у ней возня за это съ другими жильцами. Я какъ вошла, та́къ и ахнула. Я думала, онъ ждетъ меня съ нетерпѣніемъ, бросится ко мнѣ на-встрѣчу, станетъ меня уговаривать, упрашивать и придастъ мнѣ сколько-нибудь бодрости, потому-что, надо признаться, я страхъ-какъ трусила. А онъ спалъ-себѣ преспокойно на тётушкиныхъ фортепьянахъ...

— Ну, что́ жь вы?

— Да что́ я! отвѣчала она.—Я хотѣла-было уйдти просто назадъ и поплакать на своей постелѣ, и дура была я, что этого не сдѣлала; да ка́къ быть! Меня та́къ и тянуло къ нему. Я подошла къ фортепьянамъ и стала будить его.

«— Александръ Филипычъ, Александръ Филипычъ!

«— Что́-о-о? Кто тамъ? отвѣчалъ онъ и перевернулся на другой бокъ, а фортепьяно, знаете, такъ загудѣли, что я отскочила съ-испуга.

«— Это я, Александъ Филипычъ, говорю я ему: — вставайте, пора!

— Онъ зѣвнулъ, потянулся, сталъ протирать глаза и усѣлся, наконецъ, на фортепьянахъ.

«— Ахъ, это вы, Наденька, говоритъ онъ мнѣ: — а мнѣ приснился будочникъ съ алебардой... У-а-а-а!

— Онъ зѣвнулъ. Я стояла передъ нимъ въ шляпкѣ, въ салопѣ, совсѣмъ готовая и не знала ужь ка́къ напомнить ему о нашемъ уговорѣ.

«— Ну, что̀жь вамъ надо, Надичка? спросилъ онъ меня, протирая глаза.

— Ка́къ онъ сказалъ мнѣ это, я та́къ и обомлѣла. Куда дѣвалась и бодрость! Смѣшно теперь, какъ вспомнишь, а тогда, вмѣсто-того чтобъ сказать ему объ уговорѣ, я говорю ему, о чемъ бы вы думали? Говорю ему: «Ка́къ же это вы на фортепьянахъ-то?»

«— А подите-ка лягте сами на диванъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: — такъ увидите, отчего я на фортепьянахъ. Это чертовскій диванъ какой-то! — (Та́къ-таки и сказалъ: «чертовскій») Пружины всѣ посломались. Какъ ляжешь на него, то какъ-будто десять извощиковъ снизу кулаками подпираютъ васъ. Нѣтъ, слуга покорный. Послѣднюю ночь сплю у васъ — завтра съѣзжаю!..

— И онъ хотѣлъ-было снова лечь на фортепьянахъ.

«— Ка́къ же я-то, Александръ Филипычъ? говорю я ему.

«— А что́?

«— Да вѣдь мы хотѣли вмѣстѣ...

«— Бѣжать-то? То́-то вы въ салопѣ, а я смотрю... Подайте-ка мнѣ кошелёкъ — вонъ, возлѣ чернильницы...

— Я отъискала кошелёкъ и подала ему. Онъ высыпалъ на ладонь изъ него два или три четвертака, не помню, и, молча, глядѣлъ на меня. Я тоже не сводила глазъ съ него.

«— Видите? сказалъ онъ мнѣ.

— Я ничего не отвѣчала.

«— Больше нѣтъ ни алтына!

«— Ка́къ? да у васъ вчера еще было двѣсти-пятьдесятъ рублей? говорю я ему...

«— Было, да сплыло, отвѣчалъ онъ: — а на эти деньги не убѣжишь. Такъ ужь мы лучше, Надичка, подождемъ съ вами, пока опять взмилуются, да пришлютъ денегъ.

«— Вѣдь вы завтра перемѣняете же квартиру? сказа́ла я, ухватясь за эту мысль, какъ за послѣднее спасеніе.

«— Утро вечера мудренѣе, отвѣчалъ онъ:—а теперь лучше поцалуйте-ка меня. Куда же вы!

— Но я уже была у себя въ спальнѣ и всю ночь проплакала. Этакъ кутить! этакая вѣтряная голова! Ну, посудите сами, Осипъ Иванычъ, куда дѣвалъ онъ въ одинъ день столько денегъ!

— Бѣдная Наденька! отвѣчалъ я:—онъ просто надъ вами смѣялся.

— Ка́къ смѣялся? спросила она, поглядѣвъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Повѣрьте мнѣ, что онъ вовсе и не хотѣлъ увозить васъ, а увѣрялъ въ этомъ, та́къ, изъ шалости, чтобъ позабавиться, посмѣя́ться надъ вами...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вы ошибаетесь! воскликнула она, это не можетъ быть, это не правда!.. и почему вы это знаете? Просто онъ прокутилъ деньги по своей вѣтренности, а потомъ ужь нечего было и думать объ этомъ.

И сколько я ни представлялъ ей резоновъ, никакъ не могъ увѣрить ее, что молодой человѣкъ просто забавлялся надъ нею. Мы долго спорили. Она готова была защищать свое мнѣніе до послѣдней крайности, и, наконецъ, раздраженная моими противорѣчіями и шутками, только-только-что не расплакалась. Но когда я перемѣнилъ разговоръ, она въ-мигъ повеселѣла и хохотала, какъ дурочка, при всякой остротѣ моей. Я предложилъ ей сходить какъ-нибудь на недѣлѣ со мной въ театръ: она тотчасъ же согласилась, но только изъявила опасеніе на-счетъ тётушки.

— Да мы тихонько, сказалъ я ей, хотя мнѣ стоило одного только слова, чтобъ получить согласіе старой нѣмки.

— Хорошо-съ, отвѣчала она:—когда же?

— Когда вамъ угодно, хоть завтра.

— Что́ у насъ завтра?—Вторникъ. Я отпрошусь къ дядюшкѣ и только выйду, выходите и вы.

Мы условились. Я не могъ надивиться ея сговорчивости.

Первые дни провелъ я спокойно на новосельѣ. Надя каждый вечеръ приходила ко мнѣ разливать чай и болтала со мной обо всемъ, что́ ей на умъ взбродило. Отношенія мои къ ней ограничивались только дружбою. Съ перваго раза я полюбилъ этого болтливаго ребенка и смотрѣлъ на него, какъ смотритъ человѣкъ моихъ лѣтъ на первыя обаянія молодости, на первыя впечатлѣнія неопытнаго сердца. При взглядѣ на эту дѣвочку, мнѣ часто приходило въ голову, что еслибъ у меня была такая же хорошенькая дочка, я былъ бы несравненно-счастливѣе. Эта мысль заставляла меня еще-болѣе любить ее, и я, заглядѣвшись на нее, и задумавшись, иногда въ-самомъ-дѣлѣ уже считалъ ее своею дочерью. Тётушка не видѣла въ бесѣдахъ нашихъ ничего дурнаго: моя просѣдь и мёбель до-того расположили ее въ мою пользу, что, я подозрѣваю, она и сама была бы не прочь бесѣдовать со мной за чайнымъ столикомъ. По-крайней-мѣрѣ она очень-часто заходила ко мнѣ: освѣдомлялась о здоровьѣ, спрашивала, не нужно ли мнѣ чего-нибудь и всегда чему-то очень-радовалась. Жильцовъ ея я

зналъ покуда по однимъ только разсказамъ Нади. Молодые люди на другой же день послѣ моего переѣзда куда-то запропали! Вдовы-чиновницы не было ни видно, ни слышно: она, говорили, выходила только въ церковь. Одни только старички просовывали иногда изъ-за двери свои сѣденькія головы, когда я выходилъ со двора или возвращался домой. Разъ я встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ: они очевидно шли изъ должности. Одежда ихъ на этотъ разъ была чрезвычайно-солидная: темно-зеленыя камлотныя, такъ-называемыя непромокаемыя, шинели совершенно-одинаково драпировали обоихъ старичковъ, и они, поникнувъ головами, какъ-будто собравшись боксировать, не шли, а скорѣе скакали вверхъ по ступенькамъ и вели между собою весьма оживленный разговоръ. Набѣжавъ на меня, они какъ-будто испугались, кинулись въ сторону, издали въ одно время легкій крикъ изумленія, пролепетали нѣчто въ родѣ привѣтствія, и не давъ ни слова вымолвить, прошли мимо меня чинно и степенно и скрылись за угломъ корридора. Оттуда долетѣлъ до меня ихъ крупный шопотъ и мнѣ даже послышалось, что они за что-то корятъ и упрекаютъ другъ друга! Въ другой разъ они шептались въ корридорѣ съ Надей, но уже въ домашнихъ курточкахъ и, завидѣвъ меня, стремглавъ шмыгнули къ себѣ на квартиру.

— О чемъ это вы разговаривали? спросилъ я Надю.

— Объ васъ, отвѣчала она мнѣ шопотомъ.

— Чтóжь такое?

— Они спрашивали, не говорили ли вы чего-нибудь о нихъ и не горды ли вы?

— Чтóжь вы имъ отвѣчали?

— Ужь я жь имъ васъ расписала. Тáкъ отдѣлала, что чудо! Это вамъ за то, прибавила она, грозя мнѣ пальцемъ:—что я досихъ-поръ сбираюсь въ театръ.

— Этакая злопамятная!

Но если въ первое время мои странные сосѣди дичились меня и всячески избѣгали встрѣчи со мною, то потомъ, когда всѣ въ домѣ уже нѣсколько пригляделись ко мнѣ—и ихъ лысыя, розовыя головки стали чаще и чаще просовываться въ дверяхъ. Иногда даже, какъ-будто ненарочно, а на-самомъ-дѣлѣ съ глубоко-разсчитаннымъ эффектомъ, они перебѣгáли мнѣ дорогу и раскланивались со мною не безъ претензіи на свѣтскость. Но заговаривать со мною все-еще не рѣшались.

Однажды—это было уже недѣли черезъ двѣ послѣ моего переѣзда—я проходилъ по корридору, какъ-вдругъ скрыпнула дверь изъ комнаты моихъ странныхъ сосѣдей и они оба внезапно очутились передо мною.

— Извините, государь мой, началъ одинъ изъ нихъ съ пріятною улыбкою и широко расшаркиваясь по корридору...

— Замолчите, Петръ Ѳедорычъ, перебилъ его другой. — Не пріймите въ дурную сторону нашей смѣлости, государь мой: за споромъ дѣло стало.

— Ужь вы проиграете, Иванъ Васильичъ, помяните мое слово, что проиграете, произнесъ съ смѣшками и ужимками одинъ изъ нихъ.

— Замолчите, Петръ Ѳедорычъ, это не ваша забота. Государь мой, мы бы никогда не осмѣлились васъ безпокоить, еслибъ не за споромъ дѣло.

— Я очень радъ, господа, отвѣчалъ я:—что вашъ споръ даетъ мнѣ наконецъ средство познакомиться съ вами, какъ съ близкими моими сосѣдями.

— Совершенно справедливо изволили замѣтить — всего только узенькій корридорчикъ—хе, хе, хе!

— Почтемъ за особенное счастіе, перебилъ Иванъ Васильичъ, имѣвшій, какъ по всему замѣтно было, большое вліяніе на своего друга-сожителя, Петра Ѳедоровича: — позвольте рекомендоваться: Иванъ Васильевъ Пуговкинъ, титулярный совѣтникъ.

— А я Петръ Ѳедоровъ Денежкинъ, тоже пока титулярный...

— Очень-радъ, господа, отвѣчалъ я, подавая имъ обоимъ по рукѣ—моя фамилія...

— Не извольте безпокоиться, впалъ въ слово Иванъ Васильичъ:—уже имѣли счастіе много о васъ наслышаться, Осипъ Ивановичъ; такіе люди, какъ вы, недолго остаются въ неизвѣстности.

Сказавъ эту любезность, Иванъ Васильевичъ покраснѣлъ и съ особеннымъ чувствомъ сжалъ мою руку.

— За споромъ дѣло стало, продолжалъ онъ, переводя дыханіе:—гдѣ протекаетъ рѣка Бугъ?

— Бугъ?

— Бугъ-съ. То-есть по какой, дескать, губерніи? Будьте судьею нашимъ, разсудите насъ съ Петромъ Ѳедорычемъ. Мы люди простые, учоными матеріями не занимаемся, такъ развѣ кой-когда для препровожденія времени...

— Не больше какъ для препровожденія времени, поддакнулъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Вотъ, извольте видѣть, ныньче, на-примѣръ, лежатъ Петръ Ѳедорычъ на одномъ диванѣ, а я лежу на другомъ. То-есть, мы сумерничали. Вотъ и говорятъ мнѣ Петръ Ѳедорычъ: Иванъ Васильичъ? — Что, Петръ Ѳедорычъ? — Побьемтесь объ закладъ.— Объ чемъ же мы побьемся съ вами, Петръ Ѳедорычъ, говорю я.—А вотъ гдѣ, примѣрно, говоритъ, рѣка Бугъ протекаетъ. — А Господь знаетъ, говорю я, гдѣ она протекаетъ; чуть ли не по Гродненской. Когда я туда ѣздилъ, она тамъ протекала.—Вотъ и неправда, по Херсонской, говорятъ Петръ Ѳедорычъ.—По Гродненской.—По Херсонской.—По Гродненской!—Парй!—На что?—

На фунтъ жукова. — Идетъ!—По рукамъ!—Вотъ мы и поспорили, Осипъ Иванычъ, а ужь кому жъ разсудить насъ, какъ не вамъ. Вы всякими науками занимаетесь, разные романы читаете.

Ужь Богъ знаетъ ка́къ они узнали, что я читаю романы.

— На плохаго же вы судью напали, господа, отвѣчалъ я имъ.— Не знаю, гдѣ Бугъ протекаетъ.

Они взглянули на меня съ недовѣрчивостью, улыбнулись и только-что не сказали: шутишь ты, любезнѣйшій, и не такіе пустяки тебѣ извѣстны.

— Право, господа, не знаю, повторилъ я, видя что они все-еще не вѣрятъ и какъ-будто ждутъ отъ меня отвѣта.

— Изволите смѣяться надъ нами, Осипъ Иванычъ, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Кому другому, а ужь вамъ нельзя не знать, присовокупилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Ей-Богу не знаю, господа!

— Ну, такъ пойдемте же, Петръ Ѳедорычъ, сказалъ обиженнымъ тономъ Иванъ Васильевичъ: — не хотятъ Осипъ Иванычъ насъ осчастливить, мы съ вами люди маленькіе, Петръ Ѳедорычъ. Извините, что васъ потревожили, прибавилъ онъ, обратившись ко мнѣ и сухо кланяясь.

— Увѣряю васъ честью, господа, отвѣчалъ я: — что не знаю, гдѣ рѣка Бугъ протекаетъ. Но это можно сейчасъ узнать.

Они насторожили уши, и не знали—идти имъ или оставаться.

— Это можно сейчасъ узнать, повторилъ я: — сто́итъ только взглянуть на карту.

— Очень было бы пріятно, Осипъ Иванычъ... ка́къ вы думаете, Петръ Ѳедорычъ?

— Очень, очень было бы пріятно—взглянуть на карту, отвѣчалъ Петръ Ѳедорычъ.

— Такъ не угодно ли, господа, пожаловать ко мнѣ? у меня есть карта Россіи, сказалъ я.

Они перемигнулись между собою, какъ-будто у нихъ еще не доставало смѣлости войдти ко мнѣ, или скорѣе такой шагъ не входилъ въ ихъ планъ дѣйствія.

— Но мы... по-домашнему, замѣтилъ Иванъ Васильичъ не рѣшительно и указывая рукою и глазами на свою курточку и какъ-будто сожалѣя, что онъ по-домашнему.

— Мы, Осипъ Иванычъ, по-домашнему, поспѣшилъ поддакнуть Петръ Ѳедоровичъ:—та́къ, чѣмъ Богъ послалъ... Ахъ, не то-съ, извините-съ... все сбиваюсь.

— Ужь вы лучше бы молчали, Петръ Ѳедорычъ, сказалъ Иванъ Васильевичъ, кинувъ на него взглядъ укора, отчего Петръ Ѳедоровичъ смѣшался еще болѣе и нѣсколько минутъ хранилъ глубочайшее молчаніе.

— Что́ это, господа? сказалъ я:—помилуйте! между сосѣдями, да еще церемониться.

Почти-насильно втащилъ я ихъ къ себѣ и разложилъ передъ ними карту Россіи. Оказалось, что они оба были правы, потому-что въ Россіи два Буга и каждый протекаетъ по тѣмъ губерніямъ, о которыхъ они поспорили. Они долго надъ этимъ смѣялись и рѣшили, что оба купятъ по фунту жукова и такимъ-образомъ заплатятъ другъ другу проигранное пари. Потомъ, когда уже ледъ былъ проломленъ, и они нѣсколько приглядѣлись ко мнѣ и къ моей квартирѣ, они начали разсматривать мою мёбель, освѣдомились сколько я плачу за квартиру, хотя это было имъ очень-хорошо извѣстно, изъявили любопытство на счетъ цѣнности нѣкоторыхъ предметовъ, украшавшихъ мою скромную комнату и каждый-разъ, какъ я имъ говорилъ, они обнаруживали самое искреннее удивленіе и поглядывали другъ на друга; потомъ отъ мёбели перешли къ моей частной жизни и спросили, гдѣ я служу, хотя имъ тоже было не безъизвѣстно, что я въ отставкѣ. Когда я заговорилъ о чемъ-то съ Петромъ Ѳедоровичемъ, Иванъ Васильевичъ, посеменивъ нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, вдругъ за чѣмъ-то выбѣжалъ изъ комнаты, а Петръ Ѳедоровичъ, воспользовавшись этимъ, началъ немедленно распространяться о талантахъ своего друга. Какой это, дескать, добрый, благородный человѣкъ, съ какимъ умомъ, какъ рачителенъ по дѣламъ, и что, дескать, еслибъ всѣ-то были таковы, то на землѣ былъ бы рай Божій. Да-съ, рай Божій!

— Вы не смотрите, Осипъ Иванычъ, сказалъ онъ мнѣ: — что онъ такимъ простячкомъ выглядитъ, пожалуйста, не смотрите. Наружность обманчива, Осипъ Иванычъ, иной, изволите видѣть, и простачкомъ смотритъ, а того-съ...

Онъ выразительно посмотрѣлъ на меня и продолжалъ болѣе тихимъ голосомъ, но съ тѣмъ же одушевленіемъ.

— Да-съ, государь мой, наружность обманчива!.. хоть бы вотъ и Иванъ Васильичъ; на видъ такой, кажется, плюгавенькой и мозглявенькій, а на дѣлѣ-то выходитъ, что человѣкъ, судырь мой, съ гóноромъ, амбиціонный человѣкъ! Человѣкъ, государь мой, съ неукротимыми страстями.

И, нагнувшись чуть-чуть что не къ самому моему уху, онъ прибавилъ съ невыразимымъ жаромъ и какъ-будто съ угрозою.

— На ногу наступить себѣ никому не позволитъ!

Въ эту минуту вошелъ въ комнату Иванъ Васильевичъ. Прежней курточки и слѣдовъ не было: передо мной стоялъ человѣчекъ съ розовою лысиной, въ зеленомъ фракѣ, въ высокомъ чорномъ галстухѣ съ пряжкою назади. Казалось, онъ и самъ не зналъ, что надъ нимъ совершилось такое превращеніе: такъ серьёзно и обыкновенно вошелъ онъ въ комнату, какъ-будто и не переодѣвался, какъ-будто на немъ еще все та же курточка.

— И это вамъ не совѣстно, Иванъ Васильичъ? сказалъ я ему.

— А чтó-съ?

— Да дѣлать столько церемоній!.. между сосѣдями!

— Нельзя-съ! отвѣчалъ онъ, улыбаясь и крѣпко пожимая мнѣ руку:—ужь такъ водится-съ.

Я не возражалъ, ибо замѣтилъ, что и Петръ Ѳедоровичъ пропалъ изъ комнаты. Иванъ Васильевичъ въ свою очередь воспользовался его отсутствіемъ и сталъ превозносить рѣдкія качества его души и сердца. Вмѣстѣ съ душою онъ ловко приплелъ знатность его происхожденія, увѣряя, что фамилія Денежкиныхъ происходитъ отъ того самаго дьяка Денежкина, который жилъ при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ и не помню чѣмъ-то прославился.

— Да-съ, Осипъ Иванычъ, не нынче такъ завтра будетъ ассессоромъ, заключилъ онъ:—и... вообще я никому бы не совѣтовалъ класть ему палецъ въ ротъ.

Послѣднюю фразу онъ сказалъ съ какимъ-то весьма-тонкимъ намекомъ и внезапно умолкъ, потому-что вошелъ въ комнату самъ Петръ Ѳедоровичъ, тотъ же маленькій Петръ Ѳедоровичъ, съ тою же розовою лысиною, но уже не въ домашней курточкѣ, а одѣтый точно также какъ и Иванъ Васильевичъ, съ тою только разницею, что онъ улыбался и охорашивался и вообще старался дать замѣтить, что и онъ переодѣлся.

Я оставилъ ихъ у себя пить чай. Они долго отнѣкивались и все настаивали на томъ, чтобъ чай пить у нихъ на квартирѣ; наконецъ согласились. Весь вечеръ вели они себя чрезвычайно-чинно, чай пили съ большими церемоніями, дожидались подчиваній и безпрестанно изъявляли благодарность. Они разсуждали о многихъ предметахъ. Впрочемъ, разсуждалъ только одинъ Иванъ Васильевичъ: Петръ Ѳедоровичъ только поддакивалъ. Онъ, казалось, по части разсужденій, совершенно положился на совѣсть своего друга и, прислушиваясь къ его умнымъ рѣчамъ, только жмурился, улыбался, кивалъ въ знакъ согласія своею розовою лысиной и по-временамъ приходилъ въ такой восторгъ, что вставалъ съ мѣста, подходилъ къ Ивану Васильевичу и горячо жалъ ему руку, а разъ даже бросился ему на шею и назвалъ его украшеніемъ человѣческаго рода. Когда Надя — она разливала намъ чай — наскучивъ серьёзнымъ разговоромъ, начинала шалить, Петръ Ѳедоровичъ дѣлалъ ей пресмѣшные знаки, чтобъ она замолчала, упрашивалъ ее не мѣшать, и тогда между ними происходили маленькія а-парте, посредствомъ которыхъ Петръ Ѳедоровичъ, казалось, шопотомъ объяснялъ ей темный смыслъ изреченій своего друга. Вообще они меня очень-занимали, и я рѣшился покороче узнать жизнь ихъ.

Вотъ что́ узналъ я:

Предки ихъ до самыхъ отдаленныхъ изъ нихъ, то-есть, дѣдушекъ по прямой линіи, потому-что дальше дѣдушекъ въ исторіи ихъ родословной начинались времена миѳологическія, и они сами сомнѣвались въ существованіи дальнѣйшихъ предковъ, исключая развѣ Петра Ѳедоровича, который смутно вѣрилъ въ извѣстнаго дьяка Денежкина — предки ихъ, говорю я, были люди благо-

родной крови и поживали-себѣ, какъ и всѣ, по-тихоньку. Потомки этихъ предковъ, настоящіе герои моего разказа, когда были малы, бѣгали въ школу, а когда выросли большіе, стали ходить по разнымъ дѣламъ. Въ школѣ (это было, какъ читатель легко можетъ разчесть, уже очень-очень давно) они часто дрались другъ съ другомъ и нерѣдко носили на лицахъ разные не совсѣмъ благовидные знаки, а теперь, ради того, что жить вдвоемъ дешевле и пріятнѣе, подружились и стали жить вмѣстѣ. Сообща наняли они себѣ квартиру, закупили на общія деньги кой-какой мёбели, а расходы свои такъ распредѣлили, чтобъ только безъ нужды пробиваться, да не голодать по недѣлямъ, отженя отъ себя всякія грѣховныя наважденія. Каждое первое число они держали между собою совѣтъ и разрывали по клочкамъ свое жалованье, а жалованье въ то время, не то что теперь, было очень-небольшое : одинъ клочекъ отдавали хозяйкѣ за квартиру съ харчами, другой тратился на закупку разной провизіи, свѣчей, сахара, чая и проч., а третій, дѣлившійся по-поламъ и долженствовавшій служить друзьямъ карманными деньгами, какъ они сами выражались, выходилъ такой тощій, что наводилъ только грусть на нихъ и они со вздохомъ прятали свои участки въ кожаные кошельки. Какъ видите, герои мои были люди домовитые, отъ природы склонные къ своему углу, къ своей печкѣ, къ своему горшку со щами. Эти карманныя деньги должны были доставать и на табакъ, безъ котораго имъ жить было тошно, и на баню, которую они посѣщали по субботамъ, и на сапоги, не любившіе дурной погоды, и, наконецъ, на одежду. О послѣднемъ пунктѣ, впрочемъ, у нихъ такъ только говорилось, какъ о какомъ-то фантастическомъ долгѣ, о фатумѣ, грозно сіявшемъ передъ ними изъ прорѣхъ на локтяхъ и подъ-мышками, изъ пуговицъ, безвозвратно утраченныхъ, изъ глянцовитыхъ ласъ на воротцикѣ и складкахъ, угрожившихъ обратиться въ прорѣхи — но никогда не переходило въ дѣло. Одежду справляли они себѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и предпочитали покупать хотя прочное, но уже нѣсколько подержанное платье и преимущественно на Щукиномъ-Дворѣ. Тамъ, говорили они, и шьютъ фасонистѣе и не такъ обманываютъ.

Нельзя сказать, однакожь, чтобъ распри и вражда временъ ихъ бурнаго дѣтства, время-отъ-времени и теперь не смущали ихъ покоя и не заставляли ихъ обоихъ раскаяваться въ томъ, что они связались другъ съ другомъ. Чаще всего весь содомъ загорался въ ихъ маленькой горенкѣ изъ самой ничтожной искры — изъ четвертки фаллера : тогда еще былъ фаллеръ. Оба друга были чрезвычайно-разсчетливы и аккуратны и во всемъ, гдѣ сколько-нибудь проявлялись или личность, или какая-нибудь особенность каждаго—однимъ-словомъ, во всемъ томъ, гдѣ нельзя было провести черту, означавшую ровную половину, они предпочитали жить особняками. Хоть тресни, хоть расплачься, бывало, Петръ Ѳедоровичъ, а Иванъ Васильевичъ ужь не дастъ ему взаймы ни денеж-

ки, и обратно, хоть растоскуйся, бывало, Иванъ Васильевичъ безъ табаку, а Петръ Өедоровичъ ужь не дастъ ему засунуть лапу въ свой кисетъ и, когда уйдетъ со двора, то еще запретъ кисетъ крѣпко-на-крѣпко въ коммодъ и то потомъ подозрѣваетъ, да жалуется, что табаку стало меньше. Табакъ они курили врозь и покупали его на карманные деньги. Петръ Өедоровичъ, умѣвшій болѣе, чѣмъ другъ его, держать въ уздѣ свои страсти, рѣшился курить малыми затяжками, завелъ себѣ нѣмецкую трубку съ флексиблемъ и покуривалъ изрѣдка, но извекая за-то изъ этой привычки бездну наслажденія. Костяной мундштучокъ былъ изгрызенъ болѣе отъ методы куренья, чѣмъ отъ долгой службы, и всегда мокръ. Слюнки текли по подбородку Петра Өедоровича и свѣтлыми каплями падали иногда на халатъ или домашнюю курточку его, когда, набивъ фарфоровую трубку, онъ садился у окна и выпускалъ изо рта легкія, тоненькія струйки дыма, и жмурилъ глаза отъ наслажденія. — Онъ былъ счастливъ... Иванъ Васильевичъ, напротивъ, одержимый, по выраженію своего друга, неукротимыми страстями, курилъ что-называется запоемъ, затягивался до слезъ, до дурноты и, выпуская густыя волны дыма, только потряхивалъ головою и приводилъ въ негодованіе Петра Өедоровича. Очевидно, что четвертка фаллера не могла выдержать такого сильнаго напора страстей и исчезала; карманныхъ денегъ, стало-быть, едва-едва доставало на первыя двѣ недѣли. Когда онѣ выходили, Иванъ Васильевичъ по-неволѣ долженъ былъ прибѣгать и къ кисету и къ карману своего друга, и тутъ-то начинались распри, возгарались усобицы, подымалась желчь, накоплялась ненависть, и тутъ-то оба друга проклинали день своего соединенія и торжественно и громогласно давали клятву, перваго же числа, какъ-только получится жалованье, навѣки разстаться другъ съ другомъ, изгнать изъ памяти другъ друга и никогда не видѣться другъ съ другомъ. Но къ первому числу давножеланныя деньги, я ужь не знаю почему, непремѣнно находили ихъ въ хорошемъ расположеніи духа, и, слѣдовательно, въ мирѣ и согласіи. Къ-тому же каждый изъ нихъ внутренно убѣждался въ невозможности разлуки: то нужно было заплатить за просроченный мѣсяцъ хозяйкѣ, то некстати подвертывался какой-нибудь общій должокъ, то оказывалось необходимымъ прикупить каждому изъ нихъ мёбели, то, да сё, глядишь — деньги всѣ вышли и друзьямъ ничего болѣе не приходилось дѣлать, какъ оставаться друзьями впредь до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Такимъ-образомъ, герои моего разсказа жили и ссорились, ссорились и жили, курили, перемѣняли квартиры до-тѣхъ-поръ пока не вылѣзли у нихъ обоихъ волосы, не смягчилось сердце у Ивана Васильевича и не поддался совершенно Петръ Өедоровичъ вліянію своего друга.

Тутъ судьба вспомнила о нихъ. Годовые доходы ихъ увеличились; Давидъ Савельевичъ оставались ими довольны и когда

только представлялся случай, всегда ихъ награждали. Оказывалась полная возможность разлучиться на вѣки-вѣчные и никогда уже болѣе не сходиться. Но увы! судьба не разсчитывала на привычку, спутницу всеохлаждающей старости. Друзья какъ-будто срослись между собою: одному становилось скучно безъ другаго. Петръ Ѳедоровичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Ивана Васильевича, когда тотъ уходилъ куда-нибудь безъ него, и обгрызенный мундштукъ выпускалъ гораздо-больше дыма и жерло фарфоровой трубки вспыхивало краснымъ заревомъ подъ-ладъ съ расположеніемъ духа курильщика. Онъ болѣе-и-болѣе привязывался къ своему другу, и, сознаваясь, что Иванъ Васильевичъ былъ умнѣе его, совершенно подчинился его вліянію. Иванъ Васильевичъ то же, съ своей стороны, прилѣплялся съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе къ Петру Ѳедоровичу и хотя по-прежнему продолжалъ иногда придираться къ нему и вымещать на немъ дурное расположеніе своего духа, но безъ жолчи, безъ желанія оскорбить; а Петръ Ѳедоровичъ, увѣренный, что все это проистекаетъ единственно изъ его вспыльчиваго характера и изъ вышеупомянутыхъ страстей, безсловесно переносилъ его жесткія замѣчанія. Иногда, впрочемъ рѣдко, онъ только говорилъ ему въ видѣ шутки, съ добродушнѣйшею улыбкою: «возьмите въ ротъ воды Иванъ Васильичъ, возьмите воды!», а когда и это не помогало, то, послушавъ и помолчавъ, прибавлялъ: «вредно вамъ сердиться, Иванъ Васильичъ, печонка испортится!»

Можетъ-быть, возникшему согласію не столько благопріятствовали преклонныя лѣта, обнажившія ихъ головы и укротившія ихъ страсти, сколько наружное довольство и нѣкоторая обезпеченность состоянія, устранившая отъ нихъ низкіе и недостойные человѣка поводы къ ссорамъ. Сердце человѣческое не скоро измѣришь: въ немъ много такого «что и не снилось нашимъ мудрецамъ». Можетъ-быть возможность разстаться другъ съ другомъ во всякое время и безъ всякихъ затрудненій, сблизила ихъ гораздо-болѣе, чѣмъ всѣ другія причины. Хотя друзья по-прежнему продолжали жить особняками въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего хозяйства, но Иванъ Васильевичъ ужь безнаказанно могъ засовывать лапу въ кисетъ Петра Ѳедоровича и Петръ Ѳедоровичъ не только не запиралъ кисета въ коммодъ, когда уходилъ со двора, но даже ставилъ его на самое видное мѣсто, чтобъ не долго было «паче-чаянія» искать его Ивану Васильевичу.

Квартира, въ которой они жили у Марьи Ивановны, состояла изъ довольно-просторной и свѣтлой комнаты въ два окна. Къ серединѣ простѣнка между-ними примыкали обыкновенные, обитые сверху зеленымъ коленкоромъ ширмы и простирались вдоль по комнатѣ, не доходя впрочемъ до конца ея, а прямо противъ нихъ расположена была дверь, выходившая изъ корридора. Правое окно за ширмами занималъ Иванъ Васильевичъ, а лѣвое Петръ Ѳедоровичъ. Такимъ-образомъ они жили и вмѣстѣ и врозь, а

остальная часть комнаты, не раздѣленная ширмами, служила для нихъ нейтральнымъ мѣстомъ, гдѣ они обѣдали, пили чай и вообще сходились побесѣдовать. Тутъ у нихъ стоялъ диванъ, примкнутый поперегъ къ самымъ ширмамъ, а передъ диваномъ круглый столъ, покрытый полинявшею скатертью съ разноцвѣтными узорами. И диванъ и столъ стало-быть были прямо расположены противъ двери. Передъ окномъ у каждаго изъ нихъ стоялъ ломберный раскрытый столикъ, около ширмъ два или три плетеные стула, а у стѣнъ по турецкому дивану, обитому клеенкой и служившему друзьямъ вмѣсто кровати. Вообще мёблировка двухъ отдѣленій была совершенно одинакова. Только надъ диваномъ Ивана Васильевича висѣлъ портретъ средней величины, написанный масляными красками и изображавшій обоихъ друзей въ самомъ романическомъ положеніи. На дерновой скамьѣ, подъ сѣнью, не-то пальмъ, не-то банановъ, не различишь, сидѣли Петръ Ѳедоровичъ и Иванъ Васильевичъ, оба съ розовыми лысинами и щеками, хотя на портретѣ, какъ водится, и тѣ и другія вышли еще розовѣе, чѣмъ въ натурѣ; оба глядѣли другъ на друга веселымъ и молодцоватымъ взглядомъ, отчего скорѣе были похожи на двухъ пѣтушковъ, готовыхъ подраться, чѣмъ на двухъ друзей, и оба, наконецъ, подавали другъ другу руку. Портретъ этотъ былъ сочиненъ ни кѣмъ другимъ, какъ Петромъ Ѳедоровичемъ, имѣвшимъ вообще нѣсколько-романтическое воображеніе, и любившимъ во-время-óно, въ лѣта невозвратимой юности, написать стишокъ въ альбомъ товарища—тогда еще у товарищей водились альбомы — пропѣть чувствительный романсъ и прослезиться надъ подвигами какого-нибудь Малек-Аделя. Внизу подъ портретомъ, то же по наущенію Петра Ѳедоровича, кидалась въ глаза надпись, краткая, сильная, краснорѣчивая и изображенная золотыми буквами: «Друзья на жизнь и на смерть!» Этимъ портретомъ, вмѣстѣ съ надписью, Петръ Ѳедоровичъ гордился чрезвычайно, и указалъ мнѣ на него, какъ-только въ первый разъ я переступилъ черезъ порогъ ихъ комнаты.

— Вотъ-съ, Осипъ Иванычъ, говорилъ онъ мнѣ, подведя къ портрету: — вы знатокъ вѣдь въ живописи, какъ вы это находите?

— Какъ двѣ капли воды, отвѣчалъ я, попавъ, самъ не знаю почему, въ знатоки живописи.

— Да-съ, есть сходство-съ, есть-съ, хоть ужь года три, пожалуй, будетъ какъ написанъ. Я, знаете, Осипъ Иванычъ, хотѣлъ эту надпись помѣстить наверху, чтобъ тамъ, этакъ, летѣлъ голубь, эмблема мира, и изъ носика у него вилась лента, а на лентѣ ужь и надпись, да живописецъ сказалъ, что такъ не пишутъ больше. Я ужь и самъ подумалъ послѣ не было бы ужь это слишкомъ необыкновенно.

Иванъ Васильевичъ, человѣкъ съ умомъ болѣе положительнымъ

и трезвымъ, отозвался только, что живописецъ хорошъ, да дорогъ — рублей тридцать дали!

Петръ Өедоровичъ былъ нрава веселаго, откровененъ, смѣшливъ и удивлялся всему на свѣтѣ. Сверхъ-того, онъ имѣлъ привычку вѣрить не только всему печатному, но и всему изустному. Нѣтъ нелѣпости, которой онъ не повѣрилъ бы съ перваго раза и которой не сообщилъ бы своему другу, съ прибавками собственнаго изобрѣтенія, какъ достовѣрнѣйшее извѣстіе, слышанное имъ отъ достовѣрнѣйшихъ людей. Добръ онъ былъ чрезвычайно, и радъ всѣмъ пособить, только не деньгами, къ которымъ питалъ безпредѣльное уваженіе. Иванъ Васильевичъ былъ не столько умнѣе своего друга, сколько зубастѣе и характернѣе, какъ выражался самъ Петръ Өедоровичъ. Подтрунить, и позлословить — была страсть его. Впрочемъ старички они были пренаивные и невзирая на то, что лысины ихъ сіяли розовымъ свѣтомъ, а подбородки, къ середѣ и субботѣ, покрывались серебристою щетинкой — житейской опытности, познанія свѣта у нихъ совсѣмъ не было, хотя они и часто любили говорить о своихъ лѣтахъ, о томъ, что видали всякіе виды, знавали всякихъ людей.

Иногда, въ первое число, послѣ распредѣленія полученнаго жалованья, Петръ Өедоровичъ, укладывая въ кожаный кошелечекъ карманныя деньги, начиналъ шутить, или, лучше сказать, заигрывать съ своимъ другомъ.

— Ну вотъ, мы теперь съ деньгами, Иванъ Васильичъ, говорилъ онъ церемонно своему другу: — теперь мы можемъ съ вами разстаться, Иванъ Васильичъ. Прощайте, Иванъ Васильичъ, я не хочу болѣе жить съ вами: вы мною недовольны, я для васъ не хорошъ, ищите себѣ другаго жильца, а я отъ васъ съѣзжаю. Прощайте, Иванъ Васильичъ, живите счастливо и не поминайте лихомъ.

И раскланявшись, какъ слѣдуетъ, онъ съ легкимъ хохотомъ уходилъ на «свою половину» и предавался тамъ безграничной веселости.

Читать... они рѣдко читали, но за-то часто просили у сосѣдей своихъ «книжки почитать», и если навертывалась къ нимъ какая-нибудь «хорошая книжка», они долго объ ней говорили, любили разсказывать ея содержаніе и все выспрашивали, истинное ли происшествіе въ ней описано, или такъ только блажь сочинителя, который въ награду получалъ отъ Ивана Васильевича прозвище канашки. «Славно, канашка, пишетъ! Бойкое перо!» Вообще жизнь ихъ протекала не безъ удовольствій: каждую ночь они непремѣнно видѣли сны, которые постоянно пересказывали другъ-другу и крѣпко въ нихъ вѣрили. По вечерамъ они иногда уходили на вечеринки къ товарищамъ и, говорятъ, задавали тамъ такую выпляску, что полъ трещалъ и ноги горѣли.

Но, увы! судьба любитъ иногда подшутить и не надъ такимъ счастіемъ, какимъ наслаждались Петръ Өедоровичъ и Иванъ Ва-

сильевичъ. Я желалъ бы знать, какой сонъ привидѣлся имъ въ ночь на тотъ день, когда несчастіе, которое, казалось, двадцать лѣтъ сторожило ихъ, наконецъ обрушилось надъ ними самымъ неожиданнымъ образомъ. Они поссорились и разъѣхались.

Вотъ кàкъ это случилось:

Петръ Өедоровичъ готовился быть имянинникомъ. Какъ водится, старички мои стали поговаривать о пирушкѣ и назначили день. Поутру они сами приходили ко мнѣ просить «осчастливить ихъ своимъ присутствіемъ». Петръ Өедоровичъ, какъ-будто помолодѣлъ и расшаркивался передо мною самымъ независимымъ образомъ, а Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на своего друга съ нѣкоторою гордостью, какъ-будто такое радостное событіе становило и его-самого на нѣсколько вершковъ выше общаго уровня. Я, разумѣется, согласился. Вечеромъ, когда я только сбирался погасить у себя свѣчу и отправиться къ своимъ сосѣдямъ, ко мнѣ тихонько вбѣжала Надя, разряженная, какъ куколка.

— Вы къ старичкамъ? спросила она меня шопотомъ и торопливо.

— Къ старичкамъ.

— Вотъ чудесно! А я ужь думала, вы не пріидете.

— Почему жь вы тàкъ думали?

— Потому-что всѣ васъ ждутъ, а васъ нѣтъ, да нѣтъ.

— Развѣ и вы у нихъ?

— Кàкъ же! Я у нихъ разливаю чай... Они звали и тётушку, оба приходили къ ней поутру, да она больна.

— Много у нихъ народа?

— Нѣтъ... всего какіе-то четыре старика... Ихъ усадили за бостонъ и они уже успѣли раза три поссориться за картами.

— А больше никого нѣтъ?

— Еще Өедосѣй Ильичъ, отвѣчала она мнѣ такимъ тономъ, какъ-будто Өедосѣй Ильичъ былъ не Өедосѣемъ Ильичемъ, а чѣмъ-то выше обыкновенныхъ смертныхъ.

— Кто же этотъ Өедосѣй Ильичъ?

— Не знаю; но, кажется, очень-важный человѣкъ: мало говоритъ. Да Богъ съ нимъ, я пришла къ вамъ не длятого, чтобъ говорить о Өедосѣѣ Ильичѣ — замѣчайте за Петромъ Өедоровичемъ!

— А что̀?

— Тàкъ, замѣчайте только!.. Увидите, что̀ будетъ.

— Смотрите, не напроказничайте чего-нибудь, Надя, сказалъ я ей, грозя пальцемъ.

— Ужь это не ваша забота! отвѣчала она, хлопнувъ дверью.

Я пошелъ вслѣдъ за нею.

Все было тàкъ, кàкъ сказала мнѣ Надя. Четыре какіе-то старика шумѣли въ уголку за столомъ; ширмы, раздѣлявшіе комнату на двѣ половины, были убраны къ сторонѣ и загораживали теперь чайный столъ, за которымъ хлопотала Надя. Около стѣ-

ны, на диванѣ, сидѣлъ Иванъ Васильевичъ съ какимъ-то господиномъ, между-тѣмъ-какъ Петръ Ѳедоровичъ, виновникъ празднества, семенилъ передъ ними и, казалось, только выжидалъ благовиднаго предлога улизнуть потихоньку отъ ихъ занимательной бесѣды. Очевидно было, что они, ради важнаго господина, на меня разсчитывали и, когда я вошелъ, чрезвычайно мнѣ обрадовались. Петръ Ѳедоровичъ первый бросился мнѣ навстрѣчу и, послѣ того, какъ мною соблюдены были всѣ правила общежитія, немедленно сообщилъ мнѣ, отведя въ сторону, что вотъ, дескать, Ѳедосѣй Ильичъ, человѣкъ значительный, съ вѣсомъ, водится все со знатными и уменъ тáкъ, что даже совѣстно.

— Кто же онъ такой? спросилъ я.

— Ходатай по дѣламъ, отвѣчалъ онъ мнѣ:— вамъ, Осипъ Иванычъ, будетъ очень-пріятно съ нимъ познакомиться. Онъ, знаете, самъ нынче проговорился: отвыкъ, говоритъ, со всѣмъ отъ маленькихъ людей. А знаете ли, отчего у него плѣшь?— Все, говоритъ, со знатными, то-есть, не съ какими-нибудь, а съ заправскими тузами, по ресторанамъ обѣдаетъ; нынче обѣдаетъ, завтра обѣдаетъ, анъ, глядишь...

Тутъ Петръ Ѳедоровичъ сдѣлалъ что-то изъ воздуха руками и убѣжалъ отъ меня помогать Надѣ.

Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ отрекомендовать меня важному гостю. Это былъ человѣкъ уже не молодой, но плотный и довольно еще сохранившійся. Замѣтно было, что обо мнѣ ему тоже наговорили разныхъ-разностей, потому-что съ первыхъ словъ было ясно, что онъ старается выказать себя въ полномъ блескѣ. Особеннаго въ немъ, впрочемъ, ничего не было.

Два-три слова, и важный человѣкъ замолчалъ и сталъ посматривать на меня козырёмъ. Къ-счастію, онъ скоро уѣхалъ, несмотря на всевозможныя упрашиванья радушныхъ хозяевъ.

— Нѣтъ, братцы, ужь вы отпустите меня, сказалъ онъ имъ въ дверяхъ: — мнѣ нужно еще одно дѣльцо обдѣлать, а вы безъ меня веселитесь, Ну, Христосъ съ вами, прощайте!

По уходѣ его всѣ какъ-будто ожили; у каждаго изъ гостей очутилось по стакану пунша, приготовленнаго Надей, и всѣ, какъбудто съ облегченнымъ сердцемъ, предались полной веселости. Петръ Ѳедоровичъ, весь вечеръ только лишь на короткія минутки отходившій отъ Нади, теперь совсѣмъ переселился къ столику, убранному самоваромъ, стаканами, бутылками и Надей. Иванъ Васильевичъ только поглядывалъ на него и, какъ я замѣтилъ, не совсѣмъ дружелюбно. Онъ даже нѣсколько разъ подбѣгалъ къ нему и что-то шепталъ ему нá-ухо, но Петръ Ѳедоровичъ безъ всякой церемоніи только бралъ его за плечи, повертывалъ на лѣво-кругомъ и громко и съ хохотомъ приговаривалъ:

— Вы, Иванъ Васильевичъ, ужь въ наши дѣла не мѣшайтесь; занимайтесь съ гостями, Иванъ Васильевичъ, а мы ужь съ Надеждой Ѳедоровной угостимъ васъ.

Иванъ Васильевичъ уходилъ, садился на диванъ, хмурился, но Петръ Өедоровичъ даже не замѣчалъ этого. Его маленькіе глазки стали еще меньше, щеки и лысина еще розовѣе и онъ безпрестанно хохоталъ, но только шопотомъ и все что-то говорилъ Надѣ, не переставая ни на минуту ей прислуживать. Я даже замѣтилъ, что разъ онъ пожалъ ей ручку и, пожавъ, оглянулся, какъ-будто въ страхѣ, чтобъ его кто-нибудь не увидѣлъ.

— Поглядите, ка́къ хорошъ нашъ Петръ Өедорычъ, сказалъ я Ивану Васильевичу.

Онъ какъ-будто испугался моего замѣчанія.

— Ка́къ, то-есть, хорошъ, Иванъ Осипычъ?

— Та́къ... веселъ, боекъ...

— Да подойдите къ намъ, Петръ Өедорычъ, сказалъ вслухъ Иванъ Васильевичъ:—что̀ это вы тамъ усѣлись?

— Да что́ это вы, право, Иванъ Васильичъ, отвѣчалъ Петръ Өедоровичъ: — развѣ я вамъ мѣшаю, что̀ ли?

Иванъ Васильевичъ надулся. Одинъ изъ стариковъ, ссорившихся такъ недавно еще за бостономъ, подошелъ къ нему и чрезвычайно-кстати замѣтилъ :

— Замѣчаете ли вы, Иванъ Васильичъ, ка́къ нашъ дорого́й имянинникъ того...

— Ка́къ, то-есть, того... Лука Лукичъ?

— Да вотъ за этой хорошенькой-то... вѣдь просто ухаживаетъ... Ай-да, хватъ! люблю молодца, люблю молодца! Я все на него поглядываю, да любуюсь... Этакъ мы старики молодёжь-то за поясъ заткнемъ—ка́къ вы думаете, Иванъ Васильичъ?

Иванъ Васильевичъ принужденно засмѣялся.

— А позвольте, кстати, узнать, Иванъ Васильичъ, продолжалъ Лука Лукичъ: — изъ какого званія эта... хорошенькая-то.

— Это дочка покойнаго Рѣчкина, Өедора Максимыча, Лука Лукичъ, чай изволили слышать?

— Ка́къ же-съ, ка́къ же-съ! Хорошій былъ человѣкъ, покойникъ... Такъ это дочка покойнаго Рѣчкина... Скажите, вѣдь вотъ ужь невѣста!

Тутъ подошелъ къ намъ Петръ Өедоровичъ и сталъ прислушиваться къ разговору.

— О чемъ это вы говорите? спросилъ онъ.

— А хоть бы и объ васъ, Петръ Өедорычъ, отвѣчалъ ему старичокъ, ударивъ его по плечу. — Что́, отецъ мой, не женишься? смотри, года пройдутъ!

Петръ Өедоровичъ покраснѣлъ, а Иванъ Васильевичъ то же покраснѣлъ и, скорыми глотками прихлёбывая пуншъ, замѣтилъ нѣсколько-дрожащимъ отъ волненія голосомъ :

— Что̀ вы это ему наговариваете, Лука Лукичъ? Онъ, пожалуй, и въ-самомъ-дѣлѣ задумаетъ о женитьбѣ...

— А почему жь бы и не подумать объ этомъ, Иванъ Васильевичъ, сказалъ вспыхнувъ Петръ Өедоровичъ: — я ужь вѣдь не маленькій ребенокъ!

— Вотъ потому-то и не слѣдуетъ думать объ этомъ, что вы ужь не маленькій ребенокъ, Петръ Өедорычъ.

Эти слова были сказаны рѣзко и съ упрёкомъ, какъ-будто со стороны Петра Өедоровича и въ-самомъ-дѣлѣ было очень-дурно, что онъ ужь не маленькій ребенокъ.

— Знаете, зачѣмъ въ наши лѣта женятся, Петръ Өедорычъ? продолжалъ тотъ же неумолимый Иванъ Васильевичъ.

— Бѣлены вы объѣлись, что́-ли, Иванъ Васильичъ; что́ вы, Христосъ съ вами, пристали ко мнѣ?

— Извините, Петръ Өедорычъ, я бѣлены не объѣдался.

— Такъ что́ жь вы ко мнѣ пристали? Я еще, слава Богу, не женился.

— И точно, слава Богу, что не женились, Петръ Өедорычъ, отвѣчалъ другъ его назидательнымъ тономъ.

До-сихъ-поръ не понимаю, за что́ Иванъ Васильевичъ весь вечеръ придирался къ Петру Өедоровичу. Какъ тотъ, такъ и другой были необыкновенно-красны. Отъ пунша ли или отъ гнѣва, только глазки Ивана Васильевича стали влажны и блестящи и самъ онъ, сидя неподвижно на диванѣ, то молчалъ, то заводилъ какую-нибудь отдаленную рѣчь, которая все-таки оканчивалась тѣмъ, что Петръ Өедоровичъ глупый человѣкъ, слабый человѣкъ, человѣкъ, недостойный названія благороднаго человѣка! Онъ нарочно на этихъ словахъ возвышалъ голосъ, чтобъ слышалъ ихъ Петръ Өедоровичъ, усѣвшійся по́одаль вмѣстѣ съ Надей и, по-видимому, нисколько не обращавшій вниманія на своего друга. Наконецъ Иванъ Васильевичъ до-того разсердился, что началъ попрекать Петра Өедоровича въ какихъ-то деньгахъ, когда-то занятыхъ и до-сихъ-поръ не отданныхъ. Все это онъ говорилъ отрывисто, безъ всякой связи, и когда переставалъ, то начиналъ, казалось, дремать: по-крайней-мѣрѣ глаза его смыкались и онъ преисправно кивалъ головою. Потомъ вдругъ, какъ-будто проснувшись, онъ снова заводилъ какую-нибудь исторію, въ которой непремѣннымъ героемъ оказывался все тотъ же Петръ Өедоровичъ. Между-тѣмъ гости шумѣли, спорили другъ съ другомъ о какой-то замѣчательной игрѣ, и очевидно ожидали закуски. Наконецъ и они, убѣдившись, что на закуску нечего разсчитывать, разошлись по домамъ. Надя тоже исчезла: одинъ я еще не уходилъ, потому-что Петръ Өедоровичъ уцѣпился за меня и Христомъ-Богомъ просилъ меня посидѣть у нихъ еще немного.

Мы снова усѣлись всѣ трое: я на диванѣ возлѣ Ивана Васильевича, а Петръ Өедоровичъ на стулѣ противъ насъ, и — хранили глубокое молчаніе. Петръ Өедоровичъ первый заговорилъ:

— А что́ жь, Осипъ Иванычъ, въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ онъ мнѣ: — почему жь бы мнѣ и не жениться?

Ивана Васильевича какъ-будто покоробило при этихъ словахъ, онъ взглянулъ на своего друга и усмѣхнулся.

— Ну, чему вы смѣетесь, Иванъ Васильичъ, продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ: — чтó я вамъ сдѣлалъ? невѣсту у васъ чтó ли перебиваю?

— Съ вашей ли физіономіей, произнесъ вдругъ Иванъ Васильевичъ:—да въ калачной рядъ соваться... Мало васъ сѣкли, Петръ Ѳедорычъ...

— Видите, Осипъ Иванычъ, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ, обращаясь ко мнѣ:—видите, кáкъ мы живемъ вмѣстѣ; будьте судьею между нами — Богъ съ вами, Иванъ Васильичъ; хоть бы при гостяхъ-то вы постыдились и укротили свои страсти.

— Полноте, господа, ссориться, сказалъ я имъ обоимъ, взявшись за шляпу: — ложитесь-ка лучше спать, а завтра опять все пойдетъ по-прежнему и вы сами будете надъ собой смѣяться.

Петръ Ѳедоровичъ простился со мною радушно, сопровождая меня въ дверяхъ разными шуточками и смѣшками; видно было, что онъ какъ-будто старался загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня ихъ ссорою. Иванъ Васильевичъ, напротивъ, даже и не всталъ съ своего мѣста, и когда я подалъ ему руку, только промолвилъ:

— Чтó, пьянъ, не боись? Ляжемъ, такъ протрезвимся, Осипъ Иванычъ, не такъ ли? Завтра пойдетъ опять все по-прежнему?

Я ушелъ отъ нихъ, ни сколько не сомнѣваясь, что на завтра они оба проснутся такими же друзьями, какими были до роковаго вечера. Отъ пунша и отъ табачнаго дыма я чувствовалъ головную боль и разслабленіе нервовъ и потому долго не могъ заснуть. Въ просонкахъ мнѣ мерещились мои поссорившіеся сосѣди; то неясный шопотъ, то громкій крикъ и брань долетали по-временамъ до моего слуха, хотя я и до-сихъ-поръ не знаю, было ли то на яву или во снѣ. Проснулся я довольно-поздно; часовъ въ десять утра, и первое лицо, какое я увидѣлъ, была Надя: она, казалось, караулила мое пробужденіе.

— Здравствуйте-съ, сказала она, присѣдая передо мною съ комическою важностью: — хорошо ли вы почивали?

— Очень-дурно, по милости вашего пунша. Это вамъ не совѣстно?

— Чтó такое?

— Тáкъ кокетничать, вскружить голову старику, пришпилить его на весь вечеръ къ своему платью.

— А вамъ завидно? отвѣчала она, покатываясь со смѣха.—Ахъ, какой онъ былъ смѣшной, какой смѣшной! Чего-чего не наговорилъ онъ мнѣ—вы видѣли?

— Безстыдница! Кокетка! Школьникъ!

— Вотъ, погодите, и съ вами то же будетъ на старости лѣтъ, сказала она, замѣтивъ, что я не люблю, когда мнѣ напоминаютъ

о старости. — Берегите свою сѣдую голову. А знаете ли новость? прибавила она, переставъ вдругъ смѣяться.

— Говорите скорѣе, и маршъ-маршъ! Дружба кончена!

— Иванъ Васильевичъ переѣзжаетъ.

— Чтó вы?

— Ей-Богу, право; пошолъ нанимать квартиру.

— И это все вы, шалунья?

— Вотъ прекрасно! Я-то чѣмъ тутъ виновата?

— Вы разорвали нить, слышите ли, нить дружбы, которою они двадцать лѣтъ были связаны.

— Пойдите вы съ вашей нитью! Виновата ли я, что она такая гнилая. Еще бы она пятьдесятъ лѣтъ ихъ связывала, отвѣчала она, вся вспыхнувъ.

— Вы спросили ли себя, шалунья, кáкъ же они теперь будутъ жить.

— А мнѣ чтó за дѣло?

— Вѣдь они умрутъ съ тоски другъ по другѣ, продолжалъ я поддразнивать ее.

— А пусть ихъ!

— Погодите-ка, тутъ что-нибудь, да кроется, чего я еще не знаю. Скажите мнѣ, сударыня, отчего это Иванъ Васильевичъ тáкъ вспылилъ вчера? Нѣтъ, стойте, стойте, куда вы?

— Я и не ухожу отъ васъ, сказала она, остановившись и краснѣя все болѣе-и-болѣе.

— Ужь не было ли тутъ какого-нибудь depit amoureux...

— Подите вы съ вашимъ депи́! какой тутъ депи́!

— Нѣтъ, нѣтъ, вы отъ меня не отвертитесь, сказалъ я, взявъ ее за руки:—стойте прямо и смотрите мнѣ въ глаза... Куда вы? Тамъ, на улицѣ ничего нѣтъ достойнаго вашихъ лукавыхъ взоровъ... вы теперь стоите передъ судьею — говорите, чтó у васъ было съ Иваномъ Васильевичемъ?

— Съ какимъ Иваномъ Васильевичемъ?

— Э-ге! Да вы выходите плутъ-дѣвочка... прошу покорно! Съ какимъ Иваномъ Васильевичемъ! А вотъ съ этимъ, который по вашей милости, нынче переѣзжаетъ? Хотите я все перескажу тётушкѣ?

Она, какъ-будто испугалась, посмотрѣла мнѣ въ глаза и отвѣчала плаксивымъ голосомъ, составлявшимъ разительный контрастъ съ смѣющимся выраженіемъ ея бойкихъ глазокъ.

— Богъ васъ знаетъ, Осипъ Иванычъ, о чемъ вы меня спрашиваете? Чѣмъ я виновата, что они перессорились между собою...

— Вздоръ, вздоръ, вздоръ! вы меня не проведете, Надя—признайтесь, что у Ивана Васильевича голова была вскружена вами, кáкъ вы сами выражаетесь, прежде-нежели у Петра Васильевича...

— Вольно-жь имъ всему вѣрить, что̀ говорится въ шутку... отвѣчала она съ самымъ невиннымъ видомъ и потомъ прибавила, ласкаясь ко мнѣ, какъ кошка: — миленькій, Осипъ Иванычъ, не говорите тётушкѣ — она непремѣнно прійдетъ къ вамъ нынче, узнавать за что̀ они поссорились между собою... Я впередъ никогда не буду... скажите ей, что они та̀къ, подпили, да и поссорились...

— О, притворщица! сказалъ я, узнавъ теперь, что и пришла-то она ко мнѣ такъ рано не съ-проста, а чтобъ упросить меня не выдавать ее передъ тётушкой:—и вы не стыдитесь этого дѣвственнаго солнца? Все, все разскажу тётушкѣ.

— Такъ я вамъ не свяжу кошелька за это!

— Это что̀ за новость? Какой кошелекъ?

— А что̀ я вяжу-то? Онъ былъ для васъ назначенъ, а если вы скажете тётушкѣ, я его подарю Хлѣбову.

— Вы еще грозитесь! погодите же... Не надо мнѣ вашего кошелька.

— Нѣтъ, нѣтъ, миленькій Осипъ Иванычъ... Не говорите тётушкѣ... я не грожусь... Я ей-Богу для васъ вяжу кошелекъ. Помните, вы меня все спрашивали, для кого я его работаю — я тогда же назначила его вамъ въ подарокъ.

— Ну, хорошо, та̀къ и быть, я не скажу тётушкѣ, что они изъ-за васъ поссорились — ступайте, шалунья! да сидѣть у меня нынче цѣлый день въ своей горницѣ! Слышите ли?

— Хорошо-съ, отвѣчала она смиренно и пошла-было къ двери; но какъ-будто вдругъ надумавшись, воротилась и прибавила скороговоркой:—какъ тётушка васъ станетъ спрашивать, такъ вы ей та̀къ и скажите, что они подпили, поспорили о чемъ-то, да и поссорились: я ей та̀къ сказала.

Утро прошло тихо̀ и мирно. Тётушка точно приходила ко мнѣ узнавать о ссорѣ двухъ жильцовъ своихъ и много дивилась ихъ неумѣренности, увѣряя, что этого за ними прежде никогда не бывало. Часа въ два я, по обыкновенію своему, пошелъ побродить по улицамъ, пообѣдалъ въ трактирѣ и возвращался домой ужь въ сумерки. У воротъ нашего дома я увидѣлъ ломоваго извощика съ возомъ знакомой мнѣ мёбели. Иванъ Васильевичъ стоялъ тутъ же, понукая и покрикивая безъ-умолка.

— Что̀ это, Иванъ Васильевичъ, сказалъ я ему:—не-уже-ли вы и вправду переѣзжаете?

— А то шучу? отвѣчалъ онъ мнѣ съ горькою улыбкой: — завтра опять все пойдетъ по-прежнему? Не такъ ли, Осипъ Иванычъ? Ну, ты тамъ, олухъ! Все ли у тебя готово? Трогайся же!

Лошадь тронулась. Въ эту минуту съ лѣстницы точно кубаремъ скатилась простоволосая Домна и благимъ-матомъ закричала:

— Иванъ Васильевичъ! постойте! постойте!

Иванъ Васильевичъ остановился, и Домна, подбѣжавъ къ нему— о, гдѣ мнѣ взять красокъ, чтобъ описать гнѣвъ его!—подала ему знаменитый портретъ, изображавшій двухъ друзей подъ сѣнью пальмъ и банановъ.

— Вотъ тебѣ, касатикъ, сказала она протяжнымъ новгородскимъ нарѣчіемъ:—нашъ парнишко (она ихъ обоихъ звала парнишками) шлетъ тебѣ; говоритъ, на память... туманный такой ходитъ... и Господи!

— Глупая баба! разразился наконецъ Иванъ Васильевичъ: — скажи ему, что это его выдумка, такъ пусть самъ ею и любуется. Ну, ты, олухъ! Чего сталъ?

Извощикъ хлестнулъ по своей клячѣ; и кляча и Иванъ Васильевичъ пошли своей дорогой, а Домна все-еще стояла съ портретомъ въ рукахъ на томъ же самомъ мѣстѣ и, кланяясь, приговаривала.

— Завинчивайте (завертывайте) къ намъ, милости просимъ, парнишко такой туманный...

Вечеромъ зашелъ ко мнѣ Петръ Өедоровичъ, чтобъ отвести душу, какъ самъ онъ говорилъ, и весь вечеръ разсказывалъ про разныя козни своего бывшаго друга, такъ-что, казалось, будто въ-продолженіе двадцати лѣтъ на сердцѣ Петра Өедоровича нарастали одни только плевелы и ни одного свѣжаго цвѣтка не было между ними. Если вѣрить словамъ оскорбленнаго Петра Өедоровича, не было въ свѣтѣ злодѣя болѣе жестокаго и болѣе закоренѣлаго, какъ Иванъ Васильевичъ.

Послѣ этого наша маленькая жизнь потекла по-прежнему: Петръ Өедоровичъ, какъ-будто скрылся куда-то. Пріидетъ изъ должности и уже не выходитъ изъ своей комнаты: мнѣ даже показалось, что онъ чуть-ли не избѣгалъ меня. Я, съ своей стороны, тоже не искалъ случая съ нимъ встрѣтиться или разговориться. Съ Надей произошла также какая-то перемѣна: веселый, звонкій хохотъ ея сталъ рѣже-и-рѣже оглашать мои унылыя стѣны, и самоваръ одиноко фыркалъ и гудѣлъ передо мною. Я чаще сталъ уходить со двора, позже возвращаться домой. Мнѣ становилось грустно: жаль было и моихъ прежнихъ старичковъ и моей прежней Нади. Я такъ привыкъ къ ея дѣтскимъ ласкамъ, къ ея веселой, взбалмошной рѣчи. Ужь не сердится ли она на меня за нагоняй? думалъ я; хоть бы увидѣться съ нею.

Однажды — это было недѣли черезъ двѣ послѣ роковаго вечера—я лежалъ послѣ обѣда на диванѣ и отъ нечего дѣлать всматривался въ живопись на потолкѣ. Рѣзко, протяжно скрипнула дверь—и Надя стояла передо мною, та же веселенькая, свѣженькая, хохотливая шалунья, какъ и прежде.

— Тсъ... не говорите громко, сказала она, безъ церемоніи усаживаясь у меня въ ногахъ на диванѣ.—Я къ вамъ за дѣломъ...

— Куда это вы пропали, Надичка! отвѣчалъ я, будучи не въ силахъ подавить своей радости.—Ка̀къ я радъ вамъ, дѣточка моя прекрасная! Что̀ съ вами сталось? И что̀ за таинственность такая? Отчего не говорить громко?

Она замѣтила мою радость и самодовольно улыбнулась.

— Та̀къ... насъ могутъ услышать... сказала она нерѣшительно:—впрочемъ, вы сейчасъ все узнаете... У васъ никого нѣтъ? Съ вами можно говорить по-секрету? прибавила она, обводя глазами горницу.

— Прошу покорно! У ней завелись секреты!

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, у васъ никого нѣтъ? повторила она.

— Ка̀къ же, есть! Вонъ тамъ за печкой сидитъ домовой, да подслушиваетъ.

— Ну, этотъ можетъ, отвѣчала она смѣясь:—лишь бы другаго кого не было. Знаете, я выхожу за̀мужъ.

— Вы? За̀мужъ?

— Что̀ вы разскричались? Какъ-будто я не могу выйдти за̀мужъ? замѣтила она, обидѣвшись. — Такъ вотъ нарочно, на зло вамъ—выйду!

— Душенька Надя, кто жь говоритъ, что вы не можете? Я только та̀къ... удивился...

Ея сдвинутыя бровки мгновенно разгладились; глаза снова блеснули смѣхомъ и она весело спросила:

— Угадайте, за кого?

— Боже мой! Ужь не за Петра ли Өедоровича?

— Ну, ужь! сказала она съ выраженіемъ самаго дѣтскаго каприза.—И помучить-то не удалось! Съ-разу отгадали!

— Не-уже-ли отгадалъ?

— Да́, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Батюшки мои! Ка̀къ же это случилось?

— Очень-просто: на четвертый или на пятый день послѣ того, какъ они поссорились, Петръ Өедоровичъ пришелъ къ намъ. Тётушки не было дома; я сидѣла одна... Онъ и сталъ просить руки моей...

— Ну, а вы что̀?

— Я ничего; сказала, что подумаю.

— И вы все это время думали?

— Мнѣ хотѣлось съ вами посовѣтоваться, да по утрамъ тётушка не пускала: она на-отрѣзъ запретила мнѣ ходить къ вамъ, а по послѣ-обѣдамъ Петръ Өедоровичъ караулилъ... Теперь его нѣтъ дома, а тётушка спитъ, такъ вотъ я и убѣжала. Что̀ же вы мнѣ посовѣтуете?

— Вы еще не давали слова?

— Не давала.

— Откажите, Надя. Петръ Өедоровичъ вамъ не пара. Онъ что-то мнѣ не нравится. Я ужь скорѣй благословилъ бы васъ за Ивана Васильевича. Богъ его знаетъ, какой это человѣкъ!..

— Какой же онъ человѣкъ?

Не знаю почему, но Петръ Өедоровичъ сталъ ненавистенъ мнѣ съ этой минуты. Мнѣніе мое о немъ вдругъ какъ-будто перевернулось: даже то, что до-сихъ-поръ казалось хорошимъ въ его нравѣ, вдругъ предстало передо мной въ самомъ черномъ свѣтѣ. Въ эту минуту я былъ похожъ на собаку, лежащую на сѣнѣ и отвѣчалъ Надѣ на ея вопросъ не совсѣмъ хладнокровно:

— Ничего не знаю, только онъ мнѣ не нравится. Иванъ Васильевичъ былъ не въ-примѣръ лучше его характеромъ: открытѣе, благороднѣе. Въ большихъ дѣлахъ ума они оба не дальняго, но на мелочи умишка у нихъ достанетъ. Особенно у Петра Өедоровича. Изъ этой ссоры, на-примѣръ, онъ вышелъ правъ кругомъ, между-тѣмъ-какъ Иванъ Васильичъ будто въ пеклѣ побывалъ. Я хотѣлъ бы знать подробности этой ссоры, то-есть, предшествовавшія ей обстоятельства.

Мы оба замолчали.

— Такъ вы не совѣтуете? спросила она меня снова.

— Не совѣтую, не совѣтую! отвѣчалъ я. — Право, Надичка, я ужь лучше самъ женился бы на васъ, чтобъ только избавить васъ отъ Петра Өедорыча.

— Женитесь, миленькій Осипъ Иванычъ, женитесь! Я васъ такъ буду любить!

Она сказала это такимъ тономъ, что я, право, не зналъ, шутитъ она или говоритъ серьёзно, нечаянно ли, не ждано ли сбѣжала съ сердца ея эта наивность въ отвѣтъ на мою наивную выходку, или въ-самомъ-дѣлѣ новые виды и надежды зароились въ ея молоденькой головкѣ.

— Нѣтъ! Слуга покорный, отвѣчалъ я ей, засмѣявшись: — въ мои-то лѣта? Съ моими сѣдинами?

— Вѣдь это я такъ только, васъ дразнила! сказала она, но уже тономъ, гораздо-болѣе похожимъ на шутку. — А вы и повѣрили? Какой вы еще старикъ!

— Дудки, душечка, дудки! Знаю я васъ молоденькихъ бабёнокъ. Вы, какъ волчата, сколько васъ ни корми, все въ лѣсъ смотрите. Нѣтъ ужь я лучше останусь при своемъ домовомъ; а то еще, пожалуй, насъ не различишь въ-послѣдствіи: такъ вы сдѣлаете меня на него похожимъ.

Она покраснѣла; однако отвѣчала, стараясь придать своему голосу шутливое выраженіе.

— Вотъ что значитъ быть откровенной! Сама на себя наговорила!.. Но вѣдь вы знаете, какія были у насъ отношенія съ Хлѣбовымъ...

— Самыя невинныя! перебилъ я ее. — Сохрани меня Богъ подозрѣвать васъ, Наденька... Если хотите, я чувствую къ вамъ болѣе, нежели дружбу, но... вы слишкомъ-молоды для меня...

— То-есть, никуда не гожусь! сказала она, громко засмѣявшись.—Да не объ этомъ дѣло—такъ вы думаете отказать лучше?

— Право, боюсь вамъ совѣтовать. Скажу только, что мнѣ будетъ очень-грустно, когда я услышу о вашей свадьбѣ.

— Такъ я откажу, отвѣчала она рѣшительно.—И что за невидаль, въ-самомъ-дѣлѣ! Плѣ-ши-вый...

— Какъ моя ладонь!

— Говорятъ, скупой...

— Пожалуй васъ на хлѣбѣ и на водѣ держать станетъ...

— И характера такого подозрительнаго...

— Смотрите, еще тираномъ будетъ!

— Рѣшено! воскликнула она, весело вскакивая съ мѣста. — Ныньче же ему отказываю...

— И прихожу разливать чай къ моему старому другу, который совѣстится на мнѣ жениться, подсказалъ я ей.

— Ныньче нельзя, сказала она : — но завтра непремѣнно!

Мы еще кой-о-чемъ поговорили, еще разъ, пополамъ со смѣхомъ, потерзали репутацію бѣднаго Петра Ѳедоровича и, наконецъ, разстались бо́льшими друзьями, чѣмъ были прежде.

Много лѣтъ прошло съ этого вечера : другія впечатлѣнія, другія болѣе близкія воспоминанія густою толпою заслонили его, но образъ Нади до-сихъ-поръ по-временамъ выглядываетъ изъ-за нихъ, ласково улыбается памяти сердца, одной неувядаемой до самой могилы памяти. Мои сорокъ лѣтъ я считаю первыми лѣтами своей юности, потому-что до этого возраста міръ былъ закрытъ для меня и лишеніями всякаго рода, и усиленной работой и, право, не совсѣмъ розовыми заботами. Когда-нибудь на досугѣ я напишу похожденія моего дѣтства и первой молодости, а теперь безъ преувеличенія скажу, что Надя была первою женщиною, съ которой я могъ говорить, какъ ровня съ ровней, потому-что до-сихъ-поръ женщины были для меня или существами, на которыхъ я мало обращалъ вниманія, или существами, на которыя я едва смѣлъ глядѣть изъ своей бѣдной свѣтёлки. Я не любилъ Нади, но когда узналъ, что она выходитъ за-мужъ за Петра Ѳедоровича, у меня какъ-будто что-то оторвалось отъ сердца, какъ-будто меня вдругъ перенесли подъ другое небо, чуждое, холодное, печальное. Я возненавидѣлъ Петра Ѳедоровича.

И поджидая на другой день, знакомаго скрыпа отворяющейся двери, знакомыхъ шаговъ, я все думалъ о своей миленькой хозяйкѣ. Я хотѣлъ задать ей праздникъ, накупилъ яблокъ, грушъ, сластей разнаго рода; по нѣскольку разъ вставалъ съ дивана, чтобъ снова переставить все это на столѣ. Мнѣ такъ хотѣлось

побаловать мою сластёну: билетъ въ театръ на завтрашнее представленіе лежалъ тутъ же... О, ка́къ долго тянулось время... Но вотъ дверь скрыпнула, отворилась... Я, какъ-будто ничего не слышу—лежу-себѣ преспокойно на диванѣ.

— Извините-съ!

Какъ укушенный, вскакиваю я съ дивана: передо мной въ обычномъ фракѣ, съ обычною улыбкою, обычно расшаркивается Петръ Ѳедоровичъ. Извините-съ, повторяетъ онъ, я васъ потревожилъ, вы почивать изволили... Я прійду въ другое время...

— Ничего, помилуйте, садитесь... Между сосѣдями-то!

Еще нѣсколько извиненій, еще нѣсколько начатыхъ и недоконченныхъ фразъ, и Петръ Ѳедоровичъ садится, заговариваетъ политично о погодѣ, мнетъ въ рукахъ фуражку и, наконецъ, распространяется о неудобствахъ холостой жизни. Еще минутъ десять, и я его поздравляю счастливымъ женихомъ веселой, шаловливой Нади.

Боже мой! Ка́къ это случилось? Ка́къ это случилось? Груши, яблоки, бисквиты, конфекты — лучше-бъ вамъ провалиться въ преисподнюю, чѣмъ та́къ насмѣшливо смотрѣть на меня!

— Не хотите ли, сказалъ я, указывая на нихъ Петру Ѳедоровичу.

Груши, яблоки, бисквиты, конфекты начали исчезать во рту у Петра Ѳедоровича. Я подумалъ, вздохнулъ... и самъ сталъ помогать ему.

— Вотъ, не знаю, что̀ дѣлать, замѣтилъ я своему гостю: — навязали мнѣ знакомые два билета на завтрашнее представленіе.

Петръ Ѳедоровичъ сталъ прислушиваться.

— Да не знаю, идти ли, продолжалъ я: — званъ я завтра на именины, такъ не избавите ли вы меня отъ нихъ, любезнѣйшій Петръ Ѳедорычъ? Мнѣ они достались даромъ, на такихъ же условіяхъ и я вамъ ихъ предлагаю... Надежда Ѳедоровна такая вѣдь охотница!

И два билета, какъ яблоки, груши, конфекты, какъ мои розовыя надежды и ожиданія были поглощены ненасытнымъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Какова Надя! подумалъ я, когда Петръ Ѳедоровичъ оставилъ меня одного передъ столомъ, заваленнымъ одними объѣдками. — Это она изволила притворяться! Скупой, тиранъ, скряга и чего еще она на него не выдумала, а дѣло-то у ней ужь было сдѣлано. Не можетъ быть, чтобъ только нынче онъ получилъ отвѣтъ ея! О, хитрая!

Въ день, назначенный для поздравленій невѣсты, я былъ въ числѣ ея немногихъ поздравителей. Весело, какъ ни въ чемъ небывало, встрѣтила она меня и веселымъ поклономъ отблагодарила за мое веселое и шутливое привѣтствіе. Петръ Ѳедоровичъ не выпускалъ насъ изъ вида; однако я успѣлъ шепнуть ей;

— Теперь я знаю, отчего Иванъ Васильичъ поссорился съ Петромъ Ѳедорычемъ!

Она смутилась отъ моего неподвижно-устремленнаго на нее взора и отвѣчала, какъ обыкновенно отвѣчаютъ женщины на затруднительные вопросы—то-есть, совсѣмъ не на вопросъ, а та́къ на что-то, что̀ имъ самимъ прійдетъ въ голову.

— Тётушка... сказала она: — вы знаете, я ѣмъ чужой хлѣбъ, что̀ прикажутъ, то и должна дѣлать; тётушка хотѣла, чтобъ все это та́къ вышло. (О, притворщица! подумалъ я, разсказывай мнѣ о тётушкѣ!) — Я надѣюсь, продолжала она, съ своимъ невиннымъ видомъ: — что вы по старой дружбѣ не откажетесь быть моимъ посаженымъ отцомъ? Сказавъ это, она ласково посмотрѣла на меня.

— О! съ величайшимъ удовольствіемъ!

И я былъ посаженымъ отцомъ на ея свадьбѣ. Все обстояло, такъ-какъ обыкновенно обстоитъ на маленькихъ свадьбахъ: вся квартира поднята на ноги, всѣмъ намъ жильцамъ розданы разныя должности — кто былъ посаженымъ отцомъ, кто шаферомъ, даже молчаливая чиновница, проводившая жизнь въ своей комнатѣ, попала въ посаженыя матери съ жениховой стороны. Комнаты наши также были секвестрованы ради общей пользы: у меня танцовали, у чиновницы былъ устроенъ буфетъ, а молодые люди были принесены въ жертву «жукову»: въ ихъ комнатѣ крутились такіе неистовые клубы дыма, что свѣчки не было видно. Когда кончился вѣнчальный обрядъ и всѣ бывшіе въ церкви занялись поздравленіемъ молодыхъ, меня кто-то дернулъ за рукавъ. Я оглянулся: передо-мной, среди тусклаго освѣщенія, колыхалась, какъ тѣнь, чья-то человѣческая фигура, въ которой мнѣ прежде-всего бросилась въ глаза широкая, свѣтлая лысина, потомъ камлотовая шинель, съерзнувшая съ одного плеча и, наконецъ, блѣдная и горькая улыбка на розовомъ лицѣ, которое мнѣ съ перваго взгляда показалось багровымъ. Тѣнь, колыхаясь и маня меня къ себѣ, удалилась за колонну.

— Боже мой! вы ли это, Иванъ Васильичъ?

— А то и не я? отвѣчалъ мнѣ онъ съ тѣмъ же грознымъ выраженіемъ, какъ и въ роковой вечеръ — завтра все опять пойдетъ по-прежнему? Кто же изъ насъ выходитъ правъ, государь мой?

Тутъ, прищуря лѣвый глазъ и указывая пальцемъ на молодую, онъ прибавилъ съ злобною усмѣшкою:

— Ишь ка́къ разрядилась! Смотрите, смотрите ка́къ цалуется! хоть-бы на свадьбу позвала къ себѣ, канашка: проплясалъ бы у ней экосезъ, иль матрадуру, да пунштику бы выпилъ за ея здоровье и многолѣтіе... Я говорилъ вамъ, что та́къ будетъ, прибавилъ онъ грозно, какъ-будто во всемъ я одинъ былъ виноватъ — та́къ и вышло. Посмотримъ, ка́къ-то они будутъ счастливы, а впро-

чемъ, я ей зла не желаю... Дай Богъ ей счастья, дай Богъ ей радости... Пусть и дѣти ея...

Голосъ его задрожалъ вмѣстѣ съ подбородкомъ: онъ махнулъ рукой и вышелъ въ боковыя двери. Я поспѣшилъ за поѣздомъ.

Я прожилъ у Марьи Ивановны еще съ мѣсяцъ послѣ Надиной свадьбы, хотя все въ домѣ стояло, какъ-будто не на своемъ мѣстѣ. Даже самыя лица будто измѣнились и стали поглядывать на меня самымъ не дружелюбнымъ образомъ. Я приписывалъ это сначала своему внутреннему настроенію и, усѣвшись сиднемъ на диванѣ, мало обращалъ вниманія на сосѣдей; но наконецъ долженъ былъ убѣдиться, что тутъ кроется другая причина. Марья Ивановна вдругъ перестала радоваться въ моемъ присутствіи, а Петръ Ѳедоровичь просто сталъ поднимать носъ, и сухо раскланивался со мною, когда случай сводилъ насъ на лѣстницѣ или въ корридорѣ. Даже Надя, моя прежняя дробренькая Надя, а нынѣ мадамъ Денежкина, смотрѣла на меня какъ-то странно и насмѣшливо. О Домнѣ и говорить нечего: веселая, болтливая новгородка съ распущенной косой на затылкѣ сдѣлалась такъ односложна, что даже позабывала отвѣчать на мои вопросы. Сапоги мои не чистились дня по два и по три, чай подавался не тогда, когда мнѣ хотѣлось, а по чьимъ-то постороннимъ соображеніямъ; что касается до моихъ коммиссій, посылокъ, онѣ вовсе не исполнялись. Домнѣ некогда, Домна занята, и я долженъ былъ молчать. Разъ, по забывчивости, я просрочилъ три дня въ платѣ за квартиру и имѣлъ удовольствіе, по этому случаю, услышать у самыхъ дверей своихъ самую патетическую тираду со стороны Марьи Ивановны. Она громко говорила своему зятю, что жильцы ей не платятъ, что она женщина бѣдная, что у ней нѣтъ богатыхъ мёбелей и пр. и пр. Петръ Ѳедоровичъ ей поддакивалъ и выразился, что, конечно, подъ лежачій камень вода не потечетъ. Все это я слышалъ своими собственными ушами. Очевидно, меня выживаютъ съ квартиры, подумалъ я.

Я и безъ того не остался бы жить здѣсь; у меня даже была нанята новая квартира, но я рѣшился лучше платить за двѣ вдругъ, чѣмъ съѣхать, не узнавъ причины поднявшейся на меня ненависти. Я человѣкъ мнительный и все это меня крайне раздражало. Какъ бы ни были малы и ничтожны окружающіе васъ люди, а грустно сдѣлаться вдругъ предметомъ ихъ косыхъ взглядовъ, суровыхъ словъ, колкихъ намековъ, насмѣшливаго молчанія, когда такъ недавно еще они въ васъ души не слышали, на ру-

кахъ носили. Что̀ я имъ сдѣлалъ, думалъ я, ужь нѣтъ ли какой сплетни, клеветы? а вотъ увидимъ!

— Эй Домна!

Домна не является.

— Домна! Домна! Домна! кричалъ я, рѣшившись поднять содомъ, но докликаться Домны.

По квартирамъ пошло шушуканье, смѣхъ, а Домны все-таки нѣтъ, какъ нѣтъ.

Спустя нѣсколько минутъ, я снова принялся кликать Домну — наконецъ она явилась.

— Что̀ васъ, рѣжутъ, что-ли? сказала глупая баба, ввалившись въ комнату.

— Слушай, Домна, вотъ тебѣ синенькая — за что̀ меня выживаютъ съ квартиры?

И я узналъ, наконецъ, причину — имъ просто нужна была моя комната, отдѣланная мною за̀-ново: имъ было и совѣстно отказать мнѣ просто отъ квартиры, да вмѣстѣ съ тѣмъ и боялись они, чтобъ я не потребовалъ вознагражденія за убытки. Все денежные интересы, какъ видите. Дѣло житейское.

— И молодая барыня за-одно съ ними? спросилъ я у Домны.

— Ей-то и нужна ваша комната; одной, вишь, имъ мало.

Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть, чтобъ въ какой-нибудь мѣсяцъ могла измѣниться такъ моя Надя! Мнѣ было больно и досадно. Я ушелъ со двора, прошатался до поздней ночи и рѣшился во что̀ бы ни-стало объясниться съ Надей и показать ей всю дурную сторону ея поступка. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я завтрашняго утра, и какъ-только Петръ Ѳедоровичъ ушелъ къ должности, я постучался у его комнаты.

Маленькую мадамъ Денежкину засталъ я, противъ всякаго чаянія, въ слезахъ и въ большомъ горѣ; хотя, увидѣвъ меня, она и поспѣшила украдкой отереть слёзы и принять на себя веселый видъ, но волненіе ея было слишкомъ замѣтно, и я не могъ не увидѣть съ перваго же взгляда, что надъ ея маленькимъ хозяйствомъ пронеслась какая-то буря.

— Ахъ, Осипъ Иванычъ, вскричала она улыбаясь, между-тѣмъ какъ обличительная слеза медленно катилась по ея раскраснѣвшейся щечкѣ. — Ка̀къ я рада! Вотъ рѣдкій гость-то!

Но я былъ такъ раздраженъ на нее, что ни слезы, ни ласковый пріемъ ея нисколько меня не разжалобили: поклонившись ей самымъ церемоннымъ образомъ, я сухо сказалъ:

— Я обезпокою васъ только на самое короткое время. Пришелъ проститься съ вами — нынче я отъ васъ переѣзжаю...

— Вы отъ насъ переѣзжаете? воскликнула она съ удивленіемъ.

— И такъ-какъ дѣла по квартирѣ я велъ постоянно съ однѣми вами, продолжалъ я, нисколько не обращая вниманія на ея вос-

кληцапіе:—то и теперь ужь позвольте мнѣ обратиться къ вамъ одной. Деньги вы получили; съ вашей стороны, кажется, не будетъ препятствія къ моему выѣзду...

— Вы отъ насъ переѣзжаете? повторила она, какъ-будто все еще не могла прійдти въ себя отъ изумленія.

— Что́жь тутъ страннаго? отвѣчалъ я.— Я думалъ, что доставлю вамъ этимъ удовольствіе. Признаться, я все ждалъ, что вы сами меня прогоните.

— Почему это? спросила она краснѣя.

— Потому-что вижу, ка̀къ вы стѣсняетесь въ своей маленькой квартирѣ и увѣренъ, что одна лишняя комната будетъ для васъ пріятнымъ пріобрѣтеніемъ. Мнѣ даже показалось, что вы только совѣститесь выгнать меня изъ квартиры.

— Ахъ, да! отвѣчала она, какъ-будто теперь только вспомнивъ о чемъ-то:—тётушка... Петръ Өедорычъ... точно хотѣли...

— Полноте сваливать все на тётушку, Надежда Өедоровна, отвѣчалъ я ей довольно рѣзко. — Я очень-хорошо видѣлъ, что всѣ вы меня выживали и, признаюсь, отъ васъ по-крайней-мѣрѣ не ожидалъ я этого...

— Но ей-Богу, Осипъ Иванычъ, отвѣчала она испугавшись: — я тутъ ни-въ-чемъ не виновата. Я давно хотѣла сказать вамъ о всемъ этомъ...

— И не сказали!

— Да я думала, что вы все это пропускаете мимо ушей и меня только забавляли ихъ хитрости...

— На которыя вы же ихъ вѣроятно подстрекали? Я теперь насквозь васъ вижу.

— Грѣхъ вамъ обо мнѣ та̀къ думать, Осипъ Иванычъ, сказала она и слезы проступили на глазахъ у ней.—Грѣхъ вамъ обо мнѣ та́къ думать! Клянусь вамъ, что я всегда и противъ всѣхъ держала вашу сторону. Богъ съ вами, прибавила она, заплакавъ: — у меня и своего горя довольно, а тутъ вы еще!..

Я ей повѣрилъ, потому-что какъ-то трудно долго подозрѣвать въ низости прекрасные глаза, изъ которыхъ вмѣстѣ съ слезою блещетъ и увлеченіе молодости и жаркое чувство и недолго украшающая человѣка откровенность. Мнѣ стало жаль ее, и я съ стѣсненнымъ сердцемъ нагнулся надъ нею, между-тѣмъ-какъ она, бросившись на диванъ и закрывъ лицо руками, тихо всхлипывала.

— Что́ съ вами, Наденька? шепталъ я ей. —Что́ съ вами, милое дитя мое?

Она ничего не отвѣчала, но только громче всхлипывала, какъ-будто каждое слово мое вызывало изъ глазъ ея новыя слезы, изъ груди новыя рыданія.

— Откройтесь мнѣ, Наденька, продолжалъ я утѣшать ее и въ моемъ голосѣ дѣйствительно пробивалось искреннее участіе къ

ней.— Откройтесь мнѣ, дитя мое. Вы знаете, что я всегда былъ вашимъ преданнымъ другомъ, всегда чувствовалъ къ вамъ отеческую привязанность. Я боюсь, что Петръ Ѳедорычъ...

— О, нѣтъ, отвѣчала она.—Онъ очень добръ ко мнѣ и любитъ меня безъ памяти...

Въ тонѣ, съ какимъ сказаны были эти слова, несмотря на все ея волненіе, пробивалось такъ-много холодности и равнодушія, что я сейчасъ же успокоился насчетъ моихъ опасеній и сталъ искать причинъ ея горя совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ.

— Не терпите ли вы нужды? спросилъ я ее. — Я почелъ бы за счастіе...

— Благодарю васъ, Осипъ Иванычъ, отвѣчала она, пожимая мнѣ руку.—Я вижу, что вы истинный другъ, но мы не нуждаемся въ деньгахъ.

— Такъ что́ же, что́ же васъ заставляетъ та́къ плакать?

— Горе мое та́къ смѣшно, та́къ ничтожно, что я боюсь даже повѣрить вамъ его... Вы смѣяться будете...

— Не буду, увѣряю васъ, не буду!

— Вонъ, сказала она, указывая правою рукою въ одинъ конецъ комнаты, а лѣвою закрывая лицо свое, обращенное къ спинкѣ дивана.

Я оглянулся и ничего не увидѣлъ.

— Гдѣ? спросилъ я ее.

— На окнѣ, отвѣчала она, какъ-будто не́-хотя и хорошенькая головка ея старалась все болѣе-и-болѣе отъ меня спрятаться.

Я взглянулъ на окно и опять ничего не увидѣлъ.

— Ничего не вижу! произнесъ я робко и нерѣшительно.

— Портретъ! прошептала она едва слышно и черезъ силу.

Тутъ только я замѣтилъ портретъ, прислоненный къ оконной щекѣ. Онъ былъ безъ рамы, и потому не бросался въ глаза съ перваго взгляда; сверхъ-того наружу онъ обращенъ былъ не лицомъ, а изнанкой. Въ эту минуту я совершенно забылъ о портретѣ, изображавшемъ обоихъ друзей подъ сѣнью пальмъ и банановъ, и когда, бросившись къ окну, повернулъ картину и взглянулъ на нее, невольный смѣхъ одолѣлъ меня.

— Видите, и вы смѣетесь! сказала Надя, не оглядываясь.

Подъ сѣнью тѣхъ же самыхъ пальмъ и банановъ, на той же самой дерновой скамейкѣ, сидѣлъ тотъ же самый, аляповато́, по правиламъ китайской перспективы намалеванный, Иванъ Васильевичъ, а вмѣсто задушевнаго его друга Петра Ѳедоровича, бойкою, талантливою, прозрачною кистью было изображено смѣющееся личико хорошенькой Нади. Ея бѣлое, муслиновое платье та́къ легко отдѣлялось отъ яркой, неестественной зелени; на головѣ, какъ-будто отъ долгаго бѣганья, торчалъ, сдвинутый на бокъ, тюлевый чепчикъ; косынка съерзнула съ плечъ, а правая полненькая ручка, вооруженная розою, замахивалась и сбиралась ударить цвѣткомъ по носу своего расфранченнаго сосѣда.

— Фу, ка́къ это хорошо! сказалъ я въ восторгѣ.

Лицо настоящей Нади по-прежнему было закрыто руками, только пальцы ужь не та́къ плотно прилегали другъ къ другу и сквозь нихъ — да простятъ мнѣ это сравненіе: я пишу для себя — и сквозь нихъ, какъ черника, подернутая росою, сквозь покраснѣвшіе отъ мороза листья, проглядывали ея черные-черные глазки.

— Видите, и вы смѣетесь! повторила она жалобнымъ голосомъ.

— Да́, это превосходно, это удивительно-хорошо! сказалъ я, залюбовавшись картиною: — какая смѣлая, граціозная кисть! Это писалъ Хлѣбовъ?

— Да поглядите только возлѣ кого я сижу? Вѣдь не возлѣ Петра Өедоровича!

— Это все-равно! отвѣчалъ я необдуманно.—Вы отъ этого нисколько не проиграли, увѣряю васъ.

— Осипъ Иванычъ!

— Виноватъ, Надежда Өедоровна; я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать. Но полноте плакать; это еще не такое большое горе! Ужь, право, лучше смѣяться!

— Смѣяться! воскликнула она, разсердившись.—Смѣяться! надъ оскорбленіемъ? Что́ я ему сдѣлала? За что́ онъ обижаетъ беззащитную женщину, которую... которая...

Она вдругъ замолчала, какъ-будто боялась досказать свою мысль.

— Но ка́къ же это случилось? спросилъ я.

И, пополамъ со слезами, она разсказала мнѣ, ка́къ послѣ свадьбы Петру Өедоровичу захотѣлось замѣнить Ивана Васильевича своею молоденькою женою, ка́къ онъ поручилъ эту работу молодому живописцу Хлѣбову, ка́къ она, Надя, ни за что́ не соглашалась, а Хлѣбовъ, несмотря на это, взялся-таки написать ее, потому-что еще прежде у него былъ сдѣланъ этюдъ съ ея хорошенькой головки.

— Нынче утромъ, продолжала она:—безсовѣстный присылаетъ его къ намъ. Мы какъ взглянули, та́къ и ахнули. Петръ Өедорычъ раскричался, досталось и мнѣ тутъ, хоть, ей-Богу, я ни въ чемъ не виновата! И вообразите это безстыдство: когда Петръ Өедорычъ спросилъ его, съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ, что онъ правъ совершенно, что онъ замазалъ Ивана Васильича, а Петръ Өедорычъ сидитъ возлѣ меня—можете представить себѣ это безстыдство! Ну, похожъ ли Иванъ Васильичъ на Петра Өедорыча?

— Между нами сказать, они не множко смахиваютъ другъ на друга, замѣтилъ я, улыбаясь.

— Но, согласитесь, все-таки не до такой степени, чтобъ можно было одного принять за другаго.

— Конечно, конечно! кто жь и говоритъ про это? Но чѣмъ же все это кончилось?

— Да ничѣмъ! отвѣчала она съ негодованіемъ. — Насъ могутъ обижать всѣ, кому только хочется. Петръ Ѳедорычъ покричалъ, да и пошелъ въ должность. Еслибъ я могла, я убила бы этого сорванца!

— Полноте, Надежда Ѳедоровна, что́ за кровожадность!

— Непремѣнно бы убила! продолжала она, горячась все болѣе и болѣе. — На клочки бы разорвала!

— И за-то, ка́къ бы вы запачкались! воскликнулъ я съ притворнымъ ужасомъ.

Облегчивъ себя признаніемъ, она уже давно перестала плакать, а шутка моя окончательно побѣдила ея сердце. Она улыбнулась и сказала, махнувъ рукою:

— Хоть плачь, хоть нѣтъ—а горю не поможешь. Хорошо еще, что тётушка заступилась и прогнала этихъ повѣсъ.

— Такъ и они переѣзжаютъ?

— Нынче же! и знаете ли, ка́къ она всплачется, когда узна́етъ, что и вы то же. Нынче утромъ, отказавъ этимъ... она возвратила вамъ все свое прежнее уваженіе и объявила намъ, что вы остаетесь! Оставайтесь, въ-самомъ-дѣлѣ, Осипъ Иванычъ!

— Нѣтъ, Надежда Ѳедоровна, не удерживайте меня: мнѣ скучно у васъ.

Она поглядѣла на меня, какъ-будто съ намѣреніемъ сказать что-то, помолчала съ минуту и въ-самомъ-дѣлѣ сказала:

— Оставайтесь у насъ — приходите каждый вечеръ къ намъ пить чай, или мы будемъ чередоваться...

— Благодарю васъ, Наденька; но нѣтъ, мнѣ все-таки будетъ скучно — не удерживайте меня...

Она не возражала болѣе и, протянувъ ко мнѣ руку, прибавила:

— Не забывайте же насъ, по-крайней-мѣрѣ—заходите къ намъ... когда не будете знать, куда дѣваться со скуки.

— Непремѣнно, отвѣчалъ я: — а портретъ я возьму съ собою.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Прошу васъ, въ знакъ памяти!

— А Петръ Ѳедорычъ?

Не говоря ни слова, я содралъ холстъ съ деревянной рамы и, бросивъ раму въ топившуюся печку, промолвилъ:

— Мы сожгли его.

Черезъ часъ я сталъ перебираться. Когда все уже было вынесено изъ моей комнаты и я самъ, вручивъ ключъ Марьѣ Ивановнѣ—которая теперь ужь не радовалась, а о чемъ-то сожалѣла —сходилъ съ лѣстницы, я встрѣтилъ у крыльца бывшихъ моихъ сосѣдей — Хлѣбова съ товарищемъ.

— И вы переѣзжаете? спросили они меня.

— Да́, господа, переѣзжаю.

— Вы куда?

Я сказалъ имъ адресъ.

— Тамъ нѣтъ еще квартиръ?

— Не знаю.

— Большой домъ?

— Большой.

— Такъ не переѣхать ли ужь и намъ туда? Ка́къ ты думаешь, Андрюша? спросилъ Хлѣбовъ своего товарища.

— Что́ жь? переѣдемъ! отвѣчалъ прехладнокровно Андрюша.

И они пошли вслѣдъ за мною.

Моя новая квартира..... но объ ней когда-нибудь въ другое время.

МИХАИЛЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

ПОѢЗДКА

ВЪ РЕВЕЛЬ И ГЕЛЬСИНГФОРСЪ ВЪ 1849 ГОДУ.

Въ Кронштадтѣ насъ пересадили на большой рижскій пароходъ «Константинъ». Пассажиры первыхъ и вторыхъ мѣстъ спѣшили осматривать каюты, и съ билетами въ рукахъ толпились словно на лоттереѣ. Кому доставалось мѣсто mit Sitz, тотъ пользовался правомъ всю ночь сидѣть въ узенькомъ шкафчикѣ; а у кого на билетѣ оказывалась надпись mit Bett, тому предоставлялось взбираться черезъ головы нижнихъ пассажировъ въ темный ящикъ и тамъ наслаждаться шумомъ пароходныхъ колесъ. Это было что-то въ родѣ аллегри, хоть и трудно сказать, кто выигрывалъ. Между-тѣмъ на палубѣ, гдѣ размѣщалась публика послѣдняго разряда, осужденная всю дорогу мокнуть на дождѣ и просушиваться морскимъ вѣтромъ, картина была совершенно другая. Тамъ, какъ въ райкѣ Александринскаго-Театра, судьба не принимала ни малѣйшаго участія въ распредѣленіи мѣстъ, и всѣ выгоды зависѣли отъ личной ловкости и храбрости самихъ путешественниковъ. Успѣвшіе прежде другихъ забраться на пароходъ, спѣшили располагаться на лавкахъ у колесъ, на рѣшеткахъ, прикрывающихъ машину, на чемоданахъ и цилиндрическихъ сверткахъ якорныхъ канатовъ.

Въ два часа «Константинъ» снялся съ якоря. Пароходное общество мало-по-малу успокоилось. Высшій кругъ кормовой палубы завтракалъ, дымилъ сигары, завязывалъ первыя знакомства. На передней части пестрый таборъ принялъ характеръ совершенно теньеровскій. Въ одномъ углу сидѣла толпа остзейскихъ студентовъ; въ другомъ — Нѣмцы-ремесленники шумно бесѣдовали около печенаго окорока и извѣстной стеклянной амфоры съ печатью питейнаго откупа; а далѣе ревельскія и рижскія урожденки, отправлявшіяся на родину за паспортами или на родственныя и сердечныя свиданія, трещали безостановочно передъ закоптѣлымъ кофейникомъ. Все раздѣлилось на отдѣльныя созвѣздія, и

разошлась по каютамъ, а на передней палубѣ всѣ улеглись на каждое вращалось вокругъ своего фокуса. Ночью картина, не теряя своего характера, нѣсколько измѣнилась. Кормовая публика чемъ попало, закутавшись въ шинели и салопы; только студенты продолжали дымить свои трубки.

Мнѣ досталось мѣсто mit Sitz—и я, проходивъ нѣсколько времени по палубѣ, расположился, наконецъ, въ моемъ шкафчикѣ. Скоро въ каюту спустился какой-то старичокъ-Нѣмецъ. Онъ подошелъ прямо ко мнѣ и проговорилъ чуть не шопотомъ:

— Mein Herr! позвольте васъ побезпокоить.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Здѣсь мое мѣсто, сказалъ онъ, указывая на ящикъ надъ моимъ сидѣньемъ.

Я всталъ. Старикъ взобрался на уступъ, и раздвинувъ дверцы, которыми закрывается койка, полѣзъ въ эту клѣтку, какъ-вдругъ оттуда послышался тоненькій голосокъ:

— Ай! кто тутъ?

— Ach Gott! вскричалъ Нѣмецъ: — Wer ist da?

— Куда вы? Куда вы? продолжалъ голосъ изъ ящика.

— Извините, отвѣчалъ старикъ: — это мое мѣсто, у меня билетъ...

— Который у васъ нумеръ? спросилъ я.

— Вотъ, посмотрите, отвѣчалъ онъ, стоя на колѣняхъ, какъ наказанный школьникъ, и подавая мнѣ билетъ:—Zweiter Platz, mit Bett, № 13.

Надъ койкой дѣйствительно стоялъ этотъ нумеръ.

— Да, это ваше мѣсто! сказалъ я.

— Неправда, это мое мѣсто! у меня тоже билетъ! прозвенѣлъ голосокъ изъ клѣтки—и вслѣдъ за тѣмъ выглянула недурная головка, закутанная большимъ шалевымъ платкомъ, и полненькая ручка протянула билетъ. На немъ была та же самая надпись съ тѣмъ же нумеромъ.

Ясно, что въ билетахъ вышла ошибка. Дверцы задвинулись, и изъ-за нихъ послышался звонкій смѣхъ. Бѣдный Нѣмецъ не зналъ что дѣлать, и остановясь въ нерѣшимости посереди каюты, шепталъ: Ach! Was für ein Scandal! Мнѣ стало жаль старика, и я уступилъ ему свое мѣсто, тѣмъ болѣе, что начиналась качка.

Я вышелъ на палубу, и мало-по-малу почти всѣ пассажиры выбрались наверхъ. Волненіе было довольно-сильное; многихъ стало укачивать. Требованія на лимоны — главное презервативное средство отъ морской болѣзни — дотого увеличились, что лакеи едва успѣвали удовлетворять имъ, и только въ такомъ случаѣ, когда они высказывались на нѣмецкомъ языкѣ. Безъ него здѣсь нѣтъ спасенія: прислуга ни слова не знаетъ ни по-русски, ни по-французски и понимаетъ васъ только тогда, когда вамъ прійдется платить деньги. Заботливость о пассажирахъ особенно видна здѣсь при обѣдѣ. Такъ-какъ занимающіе первыя мѣста обязаны непре-

мѣшно кушать за общимъ столомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, платить за обѣдъ, если морская болѣзнь отнимаетъ аппетитъ, то случается нерѣдко, что въ виду самаго Ревеля курсъ парохода уменьшаютъ, вѣроятно для-того, чтобъ не спустить гостей голодными на берегъ и такимъ-образомъ избавить отъ лишнихъ безпокойствъ ихъ родственниковъ и знакомыхъ, а можетъ-быть и изъ благороднаго соревнованія съ ревельскими гостинницами. Благодаря такой внимательности, мы пробыли въ морѣ два часа лишнихъ.

Кто знакомъ только съ однообразными городами нашихъ Великороссійскихъ-Губерній, и притомъ пробылъ два дня въ морѣ, не видя ничего, кромѣ воды, да неба, изрѣдка раздѣляемыхъ темною полосою отдаленнаго берега, тотъ долго не забудетъ картины, которая открывается съ парохода, когда, обогнувъ острова Вульфъ и Наргенъ, онъ входитъ въ Ревельскій-Заливъ. Этотъ широкій полукругъ, увѣнчанный Ревелемъ, съ его старыми вѣнцеобразными стѣнами и высокими башнями, и сверкающій зелено-синими волнами, производитъ очень пріятное впечатлѣніе на путешественника. Скучно описывать виды, еще скучнѣе читать эти описанія; а потому, надѣюсь, читатели охотно извинятъ меня, если я избавлю ихъ отъ поэтическихъ красокъ à la Марлинскій, а напомню, вмѣсто-того, о ландшафтѣ одного изъ нашихъ художниковъ, писанномъ не перомъ, а кистью. Я говорю о картинѣ Айвазовскаго. Если вы были на академической выставкѣ 1846 года, то вѣроятно помните его ландшафтъ, представляющій Ревель со стороны моря. Видъ прекрасный, хотя художникъ перенесъ его на полотно въ дурную минуту и набросилъ какой-то сѣрый, туманный колоритъ на волны залива, которыя въ натурѣ представляютъ удивительную смѣсь красокъ, прекрасную игру цвѣтовъ, блистая то полосами яркой зелени, то струями лазурной синевы. Ревельцы сравниваютъ свой заливъ съ Неаполитанскимъ, и это сравненіе, говорятъ, вызвано не однимъ патріотизмомъ.

Я остановился въ Salon. Это лучшее мѣсто для пріѣзжихъ: въ гостинницѣ номера, въ общей залѣ table d' hôte, Катериненталь въ двухъ шагахъ, а у подъѣзда омнибусы, которые безпрестанно ходятъ въ городъ. Впрочемъ, квартиры здѣсь очень незавидны, да и тѣхъ вы не достанете, если не распорядитесь заранѣе, потому-что число пріѣзжающихъ въ Ревель, особенно въ послѣдніе два года, значительно увеличилось.

Меня заранѣе напугали тѣснотою и дурнымъ запахомъ ревельскихъ улицъ — и я поѣхалъ въ городъ съ предубѣжденіемъ. Но я былъ пріятно разочарованъ. Эти узкія улицы, застроенныя высокими старинными домами, придаютъ городу особый характеръ,

оригинальный и привлекательный для пріѣзжаго. Народа здѣсь немного, но онъ не теряется, какъ на столичныхъ площадяхъ, и оттого небольшія, тѣсныя улицы кажутся шумными, многолюдными. Онѣ порядочно вымощены : на иныхъ есть даже троттуары, узенькіе какъ ленточки. На всякомъ шагу дѣятельность и движеніе, — а онѣ-то и составляютъ настоящую жизнь городовъ. Правда, ѣзды не много; но вмѣсто стукотни экипажей, вездѣ слышны фортепьяно, и изъ каждаго дома несутся звуки старинныхъ нѣмецкихъ вальсовъ. Дурнаго запаха я вовсе не замѣтилъ, потому-что по всѣмъ улицамъ сильно пахнетъ пивомъ и сженымъ кофе; если разложить химически ревельскій воздухъ — я увѣренъ, что въ немъ не окажется другихъ составныхъ частей. Словомъ, Ревель показался мнѣ съ перваго взгляда похожимъ на нѣмецкую кухню, въ которой распорядительная хозяйка, несмотря на тѣсноту помѣщенія, умѣла расположиться нетолько удобно и чистоплотно, но даже пріятно для глазъ. Не даромъ одна изъ городскихъ башень носитъ названіе Kieck in die Köcken.

По крутому взъѣзду поднялся я въ Вышгородъ или Domberg. Это главная точка стараго Ревеля, опустѣлое гнѣздо покойнаго рыцарства, полуизглаженный іероглифъ теократическаго и феодальнаго господства. Средніе вѣка умираютъ даже въ своихъ памятникахъ : нѣтъ ни грозныхъ бойницъ, ни подъемныхъ мостовъ, башни падаютъ, и самые рвы, говорятъ, скоро превратятся въ сады. Со всѣхъ сторонъ на остаткахъ старины возникаютъ новыя зданія, и на каждомъ шагу видно проявленіе новой жизни. На развалинахъ древняго замка, построеннаго датскимъ королемъ Вальдемаромъ II, стоятъ присутственныя мѣста, и нѣтъ уже той площади, гдѣ рыцари ломали копья передъ царицею любви и красоты. Только ветхая башня, der lange Hermann, вытягивая вверхъ зубчатую голову, печально смотритъ на новые, чуждые нравы ; да нѣсколько рыцарскихъ гербовъ, покрытыхъ пылью и затканныхъ паутиною, виситъ по стѣнамъ собора. Blason est une langue, говоритъ Гюго, — и притомъ une langue morte, прибавимъ мы. Отъ всей жизни ливонскаго рыцарства осталось здѣсь нѣсколько хроникъ и грамматъ въ архивѣ Дворянскаго-Собранія, да десятокъ разсказовъ и легендъ въ преданіяхъ — но и въ нихъ современный поэтъ едва-ли почерпнетъ содержаніе даже для одной элегіи. Виды съ Domberg'а прекрасные : подъ ногами весь нижній городъ, обведенный старою оградой полуразрушенныхъ стѣнъ и новымъ поясомъ бульваровъ, за нимъ форштадты ; а далѣе — съ одной стороны заливъ и гавань, усѣянная судами, съ другой — песчаныя горы и зелень Катеринентальскаго-Парка.

Въ Нижній-Городъ, или собственно die Stadt, ведутъ два спуска. Это мѣстопребываніе купечества, древняя контора ганзейскаго союза и любской торговли — и здѣсь гораздо-болѣе памятниковъ старой жизни, чѣмъ на Вышгородѣ. Тутъ еще много готическаго. На рѣдкой улицѣ не встрѣтите вы стараго до-

ма, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ на чердакѣ и блокомъ для подъема товаровъ, со стрѣльчатымъ входомъ и рѣзными дверьми, какъ въ старинныхъ католическихъ соборахъ. То на фасадѣ дома вы видите образа святыхъ, писанные al fresco, то надъ входомъ читаете бронзовую надпись въ воспоминаніе какого-нибудь пожара. На одномъ погребкѣ я замѣтилъ даже вывѣску съ девизомъ: Land Canaan. Но и здѣсь картина начинаетъ понемногу поновляться. Между старинными зданіями тѣснятся новѣйшія постройки, и на старыхъ домахъ, какъ свѣжая заплата на ветхомъ рубищѣ, виднѣется иногда новая дверь, или недавно пробитое окно.

Центръ города—Шведскій-Рынокъ. Самая наружность этой небольшой площади очень-оригинальна. Съ одной стороны старинное, готическое зданіе ратуши, съ высокою башнею, съ часами на фасадѣ; съ другихъ—узенькіе, высокіе каменные домы, съ остроконечными кровлями, обстроенные внизу лавками. Всякій день, кромѣ воскресенья, здѣсь съ утра до ночи кипитъ народъ. Длинныя чухонскія телѣжки стоятъ рядами, и вокругъ толпятся Эстонцы въ широкихъ шляпахъ и длинныхъ балахонахъ. Ребятишки, сидя на возахъ, флегматически жуютъ хлѣбъ, а Чухонки тѣснятся около круглаго колодезя, вовсе не антично погружая въ него свои ведра.

Ратуша—зданіе древнее. Она построена въ XIII вѣкѣ; но впослѣдствіи ее столько разъ передѣлывали и поправляли, что теперь судить о ея первоначальномъ видѣ такъ же мудрено, какъ по сюртукамъ и пальто Апраксинскаго-Рынка невозможно вывести никакого заключенія о покроѣ тѣхъ шинелей, изъ которыхъ онѣ перешиты. Лѣтъ шесть назадъ, надъ главнымъ входомъ поставлены большіе часы съ транспарантнымъ циферблатомъ, по ночамъ освѣщаемымъ лампами. Говорятъ, что эти часы отличаются однимъ любопытнымъ свойствомъ: одиннадцать мѣсяцевъ въ году они ходятъ вѣрно, но въ іюнѣ, когда въ городъ съѣзжаются помѣщики на *ландтаги*, начинаютъ коварно отставать, убѣгать впередъ, и дотого сбиваютъ съ толку провинціальные часы, что принуждаютъ ихъ непремѣнно перебывать у ревельскихъ часовщиковъ на мнимой починкѣ. При входѣ въ ратушу стоитъ на караулѣ городская Rathswache.

Въ магистратской залѣ стѣны украшены картинами и рѣзными деревянными барельефами старинной работы. Съ правой стороны рядъ картинъ представляетъ судъ Соломона, съ лѣвой—усѣкновеніе головы Іоанна-Предтечи. Эти эмблемы мудрости и беззаконія должны были дѣйствовать на совѣсть ратсгеровъ. Барельефы изображаютъ также разные поучительные примѣры изъ исторіи и городскихъ преданій. Особенно любопытна одна рѣзная картина. Она представляетъ старика, галопирующаго на четверенькахъ; на немъ сидитъ верхомъ женщина и погоняетъ его пучкомъ розогъ. Вотъ значеніе этой интересной рѣдкости.

Въ магистратѣ когда-то сдѣлано было постановленіе, чтобъ всѣ дѣла, происходящія въ совѣтѣ, сохранялись въ глубокой тайнѣ до ихъ обнародованія, и ратсгеры не имѣли права ничего говорить о засѣданіяхъ даже своимъ родственникамъ, подъ опасеніемъ лишенія сана и безчестія. Случилось, что однажды въ ратушѣ разсуждали о мѣрахъ къ ограниченію женской роскоши, которая спускаясь изъ Вышгорода, отъ супругъ и дочекъ великолѣпныхъ бароновъ, къ обитательницамъ торговой части Ревеля, достигла страшныхъ размѣровъ и грозила подорвать окончательно кошельки союзниковъ Любска. Пренія продолжались нѣсколько дней, и, наконецъ, предложены были нѣкоторыя мѣры, крайне-стѣснительныя для прекрасныхъ поклонницъ и тогда уже обольстительной моды. А между-тѣмъ онѣ ничего не знали, и страшные указы готовы были разразиться громомъ надъ ихъ головками. Но судьба бодрствовала за своихъ любимицъ. Моло-денькая жена одного совѣтника, въ то время когда онъ въ магистратѣ гремѣлъ краснорѣчіемъ противъ драгоцѣнныхъ колецъ и браслетовъ, вздумала совершить маленькое путешествіе по ревельскимъ магазинамъ, и въ одномъ изъ нихъ ей попалось золотое ожерелье до-того прекрасное, что она, несмотря на его дороговизну, возвратилась домой съ непоколебимымъ намѣреніемъ купить его или умереть. Едва только мужъ пришелъ изъ ратуши, супруга осадила его просьбою о покупкѣ ожерелья. Почтенный ратсгеръ, хотя и не зналъ великой истины, что *лучше въ утлой ладьѣ ѣздити, нежели женѣ тайны повѣдати*, однако не могъ не помнить магистратскаго положенія, и потому находился въ крайнемъ затрудненіи. Не имѣя возможности открыть городскую тайну, и въ то же время не желая потратить большой суммы на покупку безполезной вещи, онъ началъ убѣждать жену, представляя ей дороговизну ожерелья.

— Такъ ты жалѣешь сотни гульденовъ? вскричала молоденькая совѣтница.

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ мужъ: — но у тебя...

— Что̀ такое?

— У тебя и та̀къ много ожерелій.

— Такъ что̀ жь? я непремѣнно хочу купить это; я не могу жить безъ него.

— Mein Gott! прошепталъ мужъ, пожимая плечами.

— Такъ ты отказываешь мнѣ?

— Я никогда тебѣ не отказывалъ... Но подумай... Тратить столько денегъ на вещь... которую, придется, можетъ-быть...

— Что̀ такое?

— Надѣть одинъ или два раза.

— Отчего? Что̀ это значитъ?

Бѣдный ратсгеръ понялъ, что проговорился и не зная, ка̀къ отдѣлаться отъ жены, поспѣшно вынулъ деньги и очень не къ-стати отсчиталъ сто гульденовъ. Но было уже поздно: молодая

совѣтница замѣтила смущеніе простодушнаго супруга, и бѣсъ любопытства овладѣлъ ею до такой степени, что она забыла вовсе объ ожерельѣ.

— Скажи мнѣ, что́ у тебя за секреты? спросила она. Вы, вѣрно, что-нибудь затѣваете въ вашей ратушѣ?

— Кто это тебѣ сказалъ? Какіе секреты!

— О, я теперь понимаю.

— Послушай, мой другъ, прошепталъ бѣдный совѣтникъ: — ступай же поскорѣе, скоро запрутъ лавки.

— Такъ что̀жь?

— А ожерелье?

— Не нужно.

Почтенный ратсгеръ былъ вовсе не мастеръ хранить тайны. Жена вилась около него, какъ неотвязчивая муха, жужжала ласками, жалила упреками, щекотала поцалуями, и черезъ нѣсколько минутъ магистратскія пренія были ей извѣстны со всѣми подробностями. Только-что супругъ ушелъ въ Клубъ-Черноголовыхъ, гдѣ, какъ истинный бюргеръ, проводилъ каждый вечеръ за кружкою пива, супруга отправилась къ сосѣдкѣ и передала ей страшную тайну; та бросилась сообщить ее пріятельницѣ, и черезъ часъ роковая новость была уже не новостью для всѣхъ обитательницъ Нижняго-Ревеля. Ночью жены аттаковали по одиначкѣ мужей, и на другой день непріятные для прекраснаго пола законы были отвергнуты значительнымъ большинствомъ голосовъ. Однакожь при-всемъ-томъ измѣнникъ былъ открытъ, изгнанъ изъ ратуши, и позорное изображеніе его нескромности выставлено въ магистратской залѣ, въ назиданіе будущимъ судьямъ и потомству.

Съ Шведскаго-Рынка узкій переходъ подъ домомъ ведетъ въ мясной рядъ, чистый, какъ модный магазинъ. Съ перваго взгляда вы видите, что сюда можетъ заглянуть безъ отвращенія человѣкъ и не снабженный сильными нервами оператора или привычнымъ равнодушіемъ поваровъ. Здѣсь все опрятно, благовидно, и передъ каждой лавкой стоитъ продавецъ, въ бѣломъ передникѣ удовлетворительной чистоты. Надъ лавками висятъ на блокахъ связки платья. Вы спросите, что́ это такое? и вамъ скажутъ, что здѣсь мясникъ, приходя въ лавку, переодѣвается въ особое платье, а обыкновенный нарядъ свой вѣшаетъ на крюкъ и притягиваетъ къ потолку. Кончивъ торговлю, Herr Fleischer надѣваетъ опять свой черный фракъ и идетъ въ клубъ читать газеты.

Главныя улицы въ городѣ — Длинная (Langstrasse), немного покороче Троицкаго-Моста и Широкая (Breitstrasse), нѣсколько пошире Щербакова-Переулка.

Длинная-Улица, извѣстная въ русскомъ вольномъ переводѣ подъ именемъ Морской — настоящій Невскій-Проспектъ Ревеля: тутъ всѣ лучшіе магазины, кандитерскія, клубы, библіотеки, типографіи. Здѣсь издается и единственная ревельская газета Wochenblatt,

постоянно извѣщающая о пріѣзжающихъ, о родинахъ и свадьбахъ, объ отъѣзжающихъ во всѣ края и даже на тотъ свѣтъ. Здѣсь, наконецъ, и большая часть общественныхъ зданій, замѣчательныхъ въ исторической жизни Эстляндіи.

Прежде всего я отправился въ Клубъ-Черноголовыхъ (Schwarzenhäupter). Надъ входомъ видѣнъ гербъ общества—голова Мавра. По бокамъ красуются двѣ скульптурныя фигуры вооруженныхъ всадниковъ, памятникъ того знаменитаго турнира, даннаго при магистрѣ Германѣ Бруггенеѣ на Большомъ-Рынкѣ, въ которомъ одинъ молодой купецъ, принадлежавшій къ братству Черноголовыхъ, выбилъ изъ сѣдла какого-то рыцаря. Въ сѣняхъ висятъ модели ганзейскихъ кораблей. Нижняя зала съ 1360 года служитъ постоянной ареной для игръ и танцевъ ; подъ ея мрачными сводами цѣлые десятки поколѣній отплясали всевозможные танцы и переиграли во всѣ игры отъ костей до вистъ-преферанса. Отрясите прахъ съ ногъ вашихъ при входѣ въ эту огромную комнату, прокопченную въ-теченіе четырехъ вѣковъ табачнымъ дымомъ всѣхъ европейскихъ націй. Въ верхней залѣ хранятся сокровища общества : портреты Густава Вазы, Іоанна Грознаго, Карла XII, алтарный образъ Св. Бригитты, спасенный Черноголовыми при раззореніи монастыря, литавры, отбитые у Татаръ, штандартъ съ надписью : aut vincendum, aut moriendum (то-есть, побѣдить или умереть), бокалы жалованные въ разное время государями, знаменитый кубокъ *козьей ноги* и, наконецъ, книга братства, Das Schwarzenhäupter Brüder Buch. Я перелистывалъ эту замѣчательную рукопись, въ которую записывались государи, ученые, литераторы, артисты. На первой страницѣ читаете вы драгоцѣнныя строки :

Петръ,

въ Ревелѣ, 1711 декабря 26,

далъ въ братство Черноголовыхъ

30 червонныхъ.

Военно-торговое общество Черноголовыхъ, основанное нѣмецкими, голландскими и шведскими купцами въ половинѣ XIV вѣка, получило названіе оттого, что избрало себѣ покровителемъ Св. Маврикія, который былъ родомъ Негръ. По примѣру подобныхъ же обществъ въ Германіи, оно было учреждено для защиты города отъ внѣшнихъ враговъ и притѣсненія бароновъ, и въ свое время оказало много услугъ Ревелю. Всякій разъ, когда ему грозила опасность, члены общества Св.-Маврикія были въ рядахъ защитниковъ. По статутамъ ордена въ *братья-всадники* выбираются молодые люди изъ купцовъ и купеческихъ прикащиковъ, и непремѣнно холостые. Послѣднее условіе сдѣлано, говорятъ, съ той цѣлью, чтобъ господа Черноголовые не могли доживать до сѣдыхъ волосъ; но, кажется, это несправедливо, потому-что я видѣлъ между ними много бѣлокурыхъ.

На этой же улицѣ находятся домы гильдейскихъ собраній. *Большая-Гильдія* — принадлежитъ собственно купечеству. Въ главной залѣ мнѣ показали лѣстницу, которая, вмѣсто-того чтобъ вести куда-нибудь, упирается прямо въ стѣну. Она въ три уступа, и каждый украшенъ деревяннымъ барельефомъ грубой работы; нижній представляетъ гербъ Черноголовыхъ, средній Адама и Евву въ раю, верхній знаки датскаго ордена Данеборга. Я спросилъ, что это значитъ, и мнѣ объяснили, что барельефы изображаютъ аллегорически тѣ условія, безъ которыхъ въ старые годы ни одинъ бюргеръ не могъ быть избранъ въ члены купеческаго сословія. Въ торжественный день выборовъ, новаго члена вводили на эту лѣстницу: съ первой площадки, надъ которой видна голова Св.-Маврикія, объявляли, что избираемый удовлетворилъ главному условію — былъ братомъ-Черноголовымъ; потомъ со втораго уступа, гдѣ изображено блаженное райское состояніе праотцевъ, провозглашали, что новый собратъ выполнилъ другое требованіе сословія — вступилъ въ законный бракъ; наконецъ приводили его на послѣдній верхній всходъ съ арматурою ордена Данеборга, и оттуда возвѣщали, что онъ, какъ вѣрный подданный короля, можетъ быть причисленъ къ Большой-Гильдіи. При звукѣ трубъ, новый членъ купеческаго сословія благодарилъ избирателей и выпивалъ кубокъ вина за благоденствіе Ревеля.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда—*Малая-Гильдія* или домъ ремесленниковъ, извѣстный больше подъ именемъ Общины Св.-Канута. Надъ дверьми — раскрашенный барельефъ, представляющій основателя общества, короля Канута VI. Здѣсь каждый годъ бываетъ торжественный праздникъ: это день выбора новыхъ членовъ и взаимныхъ поздравленій между большой и малой гильдіями и братствомъ Черноголовыхъ. Въ старину празднество это продолжалось, говорятъ, цѣлую недѣлю, и честные ремесленники задавали пиры, которые нерѣдко оканчивались шумными оргіями и даже иногда битвами. Теперь это—«дѣла давно минувшихъ дней». Памятникомъ гомерическихъ временъ осталось только одно старинное обыкновеніе, которое уцѣлѣло до-сихъ-поръ. Въ день праздника старшіе по времени избранія члены садятся всегда на первую лавку и обѣдаютъ безъ помощи ножей и вилокъ, не изъ подражанія восточнымъ, а въ память одного трагическаго событія, случившагося въ этой самой залѣ. Однажды на торжественномъ обѣдѣ какой-то кузнецъ, въ жару вакханаліи, поссорился съ серебряникомъ и такъ неосторожно пырнулъ его въ бокъ столовымъ ножомъ, что почтенный ремесленникъ съ національнаго пира прямо отправился на кладбище. Убійцу, разумѣется, казнили — но какъ въ Ревелѣ заблужденія предковъ любятъ выставлять въ поученіе потомкамъ, то съ-тѣхъ-поръ старшины Общины Св.-Канута и осуждены на церемоніальномъ обѣдѣ кушать съ помощію однихъ пальцевъ, à l'oriental.

Широкая-Улица—самая аристократическая во всемъ Ревелѣ. На ней нѣтъ ни мастеровыхъ, ни магазиновъ, и если такъ же какъ и вездѣ пахнетъ сжоньнмъ кофеемъ, за-то почти вовсе не замѣтно пивнаго запаха. Съ-тѣхъ-поръ какъ на Вышгородѣ перестали звенѣть рыцарскія шпоры, дворянство мало-по-малу спускалось въ эту улицу, вытѣсняя изъ нея ремесленниковъ и торговцевъ. Теперь она играетъ роль маленькаго Сен-жерменскаго-Предмѣстья, и жизнь производительная уступила мѣсто дѣятельности потребительной. Вмѣстѣ съ отелями эстляндскихъ бароновъ втерся сюда, однакожь, и городской театръ. Это памятникъ трудолюбиваго Коцебу. Плодовитый нѣмецкій драматургъ первый заставилъ Ревельцевъ полюбить если не искусство, такъ по-крайней-мѣрѣ свои слезныя мелодрамы. Говорятъ, что вліяніе его до-сихъ-поръ замѣтно во вкусѣ публики. Лѣтомъ театръ обыкновенно закрытъ, и оттого я видѣлъ его только снаружи.

Прежде Широкая-Улица обсажена была деревьями и служила мѣстомъ прогулокъ и свиданій. Дома осѣнялись тогда густыми липами и каштанами. По вечерамъ старики собирались подъ тѣнью, на каменныхъ скамейкахъ своихъ готическихъ крылецъ, а молодежь гуляла по улицѣ. Теперь эти прогулки совсѣмъ вывелись, да и самыя деревья давно вырублены. Мнѣ разсказали по этому случаю любопытный анекдотъ. Въ одномъ старинномъ домѣ, съ массивнымъ готическимъ входомъ и однимъ огромнымъ окномъ, жила шестидесятилѣтняя дѣвица. Старая липа росла передъ домомъ, и ея широкія вѣтви, густо опушенныя листьями, постукивая при вѣтрѣ въ свинцовую раму съ мелкими стеклышками, какъ-будто просили хозяйку пустить ихъ въ окно. Старушка любила старую липу. Всякое утро, возвратясь отъ обѣдни изъ олаевской церкви, она открывала створчатую раму, дрожащей рукою вывѣшивала клѣтку съ чорнымъ скворцомъ на ближнюю вѣтвь, и садилась у окна въ большомъ бѣломъ чепчикѣ, съ большими очками на носу. Пальцы ея механически перебирали чулочныя иглы, а глаза постоянно обращались на старую липу и ветхую клѣтку. По цѣлымъ часамъ оставалась старушка въ этомъ положеніи, присматриваясь къ трепету листьевъ и прислушиваясь къ голосу птицы, которая ежеминутно лепетала четыре гармоническія слова: lieber Friedrich! liebes Milchen! Далеко, далеко улетали въ эти часы мысли старушки: онѣ уносились въ ея молодость и рисовали единственную картину, которая рѣзко и ярко выдавалась изъ многочисленныхъ лѣтъ ея однообразной, безцвѣтной жизни. Съ чувствомъ какого-то неизъяснимаго счастія лелѣяла она въ душѣ память объ одномъ лѣтнемъ вечерѣ. Вспоминала шестидесятилѣтняя дѣвушка, какъ однажды мѣсяцъ ярко свѣтилъ сквозь вѣтви густой липы, а подъ тѣнью ихъ стоялъ молодой мужчина, въ атласномъ кафтанѣ, въ трех-конечной шляпѣ и шелковыхъ чулкахъ. Вспоминала шестидесятилѣтняя дѣвушка, какъ она открыла окно, протянула руку и прошептала нѣжно: lieber Friedrich! а юноша,

привставъ на носки башмаковъ, страстно поцаловалъ протянутую ручку и еще нѣжнѣе отвѣчалъ: liebes Milchen! А дерево любовно пріосѣняло ихъ густыми вѣтвями, и листья трепетали и перешептывались. Одну эту картину вынесла старушка изъ потопа лѣтъ, поглотившихъ даже ея воспоминанія. Слезы текли по щекамъ ея, когда слушала она лепетанье скворца и шелестъ своей липы. Но вотъ однажды приходятъ и говорятъ ей, что велѣно вырубить всѣ деревья на Широкой-Улицѣ и въ томъ числѣ ея возлюбленную липу. Сердце замерло въ груди старой дѣвушки. Съ отчаяніемъ выбѣжала она изъ дома, бросилась на колѣни передъ липою и обвила ее руками, какъ мать обнимаетъ единственнаго, любимаго сына, надъ головой котораго занесена непріятельская сабля. Руки ея замерли въ этомъ объятіи, и слезы текли на корни любимаго дерева; а липа, склонясь надъ нею, трепетала полузасохшими листьями. Эта странная любовь подѣйствовала: происшествіе разсказано было губернатору, и дерево уцѣлѣло. Долго еще жила послѣ того старушка. Лѣтомъ по цѣлымъ днямъ сидѣла она опять передъ липою, прислушиваясь къ постоянной пѣснѣ скворца: lieber Friedrich! liebes Milchen! а зимою укутывала ее въ остатки своего стараго гардероба и передъ Рождествомъ украшала зелеными еловыми вѣтками. Говорятъ, что когда семидесяти-лѣтняя дѣвушка, наконецъ, умерла, и по завѣщанію срѣзали нѣсколько вѣтокъ съ любимаго дерева ей на могилу, то старая липа начала вянуть и скоро совсѣмъ засохла.

Въ Ревелѣ много замѣчательныхъ церквей. Древнѣйшая изъ нихъ эстонская кирха Св.-Духа на Старомъ-Рынкѣ. Судя по архитектурѣ, это одно изъ самыхъ старинныхъ зданій въ городѣ: толстыя стѣны, маленькія узкія окна, свинцовые переплеты съ мелкими тусклыми стеклами—все оригинально и мрачно. Каѳедра поставлена прямо передъ массивнымъ устоемъ, поддерживающимъ своды, такъ-что пасторъ читаетъ проповѣдь, обратясь къ стѣнѣ, и бо́льшая часть богомольцевъ вовсе не видитъ проповѣдника.

Церковь Св.-Олая возникла изъ развалинъ послѣ пожара 1820 года, но цѣлый рядъ полуразрушенныхъ домовъ до-сихъ-поръ остается памятникомъ ужаснаго дня. Многіе еще помнятъ это страшное событіе. Ночью съ 15-го на 16-е іюля, молнія зажгла вершину башни, и колоссальный шпиль рухнулъ съ громовымъ трескомъ. Башня превратилась въ волканъ: пламя вырывалось изъ нея столбами, и пылающія головни разлетались по всему городу. Скоро вспыхнула самая церковь: вихри огня и тучи дыма вылетали изъ оконъ, свинецъ брызгалъ дождемъ, стекло таяло какъ воскъ. Въ три часа не стало древняго собора, который служилъ

маякомъ для кораблей и предметомъ удивленія Эстонцевъ, называвшихъ его *славою города* (linna au ja illo). Погибли всѣ церковныя сокровища, органы, древнія картины и знаменитая слоновая кость, извѣстная подъ именемъ олаева ребра. Теперь соборъ возстановленъ; новый великолѣпный органъ гремитъ величественно подъ его сводами, а колоссальная башня — хотя нѣсколькими футами ниже прежней—легко и смѣло возноситъ надъ городомъ свой изящный шпиль. Послѣ страсбургской колокольни, кёльнскаго собора и римскаго храма Св.-Петра—это высочайшее зданіе въ Европѣ. Услужливый сторожъ, при дѣятельной рекомендаціи полтинника, повелъ насъ на башню. Пройдя двѣсти-пятьдесятъ ступеней по довольно-удобной каменной лѣстницѣ, мы вошли на широкую галерею, обведенную желѣзной рѣшеткой — и намъ открылся весь Ревель à vol d'oiseau.

— Das ist die Gallerie der Damen! сказалъ сторожъ.

— Отчего же ее зовутъ дамской галереей? спросилъ я.

— Когда дамы бываютъ на олаевской башнѣ, отвѣчалъ онъ:— такъ всегда останавливаются здѣсь, и ни одна женщина не всходила выше.

Надъ галереей возвышается еще шпиль, и на него поднимаются по триста-тридцати ступенямъ деревянными лѣстницами, изъ которыхъ послѣднія стоятъ совершенно вертикально. Мы рѣшились взобраться до послѣдней возможности. Сторожъ шелъ впереди и при каждомъ подъемѣ въ новый ярусъ открывалъ желѣзныя ставни и освѣщалъ проходъ. Послѣднія лѣстницы вели въ такомъ узкомъ пространствѣ, что почти можно было съ обѣихъ сторонъ доставать до желѣзной обшивки шпиля. Наконецъ мы добрались до послѣдняго помоста, и очутились подъ узенькимъ колпакомъ, похожимъ на свѣчной гасильникъ. Проводникъ открылъ люкъ, и я выглянулъ въ окно. Это уже видъ à vol d'aigle. Города почти не видно: передъ вами въ глубокой пропасти безобразная масса черепичныхъ кровель, тѣсно сдвинутыхъ въ одну кучу, опоясанныхъ полоскою городскихъ стѣнъ, и между ними узенькіе прорѣзы улицъ, перепутанныхъ какъ артеріи; подлѣ, точно зеленый цвѣтникъ, Катериненталь; съ другой стороны, какъ голубой бассейнъ, Бумажное-Озеро — и только море все такъ же раскидывается обширнымъ полемъ, съ безконечной далью. Разсказываютъ, что назадъ тому двѣсти лѣтъ какой-то пріѣзжій изъ Германіи эквилибристъ натянулъ канатъ съ вершины олаевскаго шпиля на Reperbahn, и взадъ и впередъ прогулялся по этому адскому мосту. Я увѣренъ, что всякій, кому прійдется побывать на башнѣ, при всемъ уваженіи къ почтенному историку Руссову, который сообщаетъ объ этомъ происшествіи въ своей хроникѣ, усомнится въ возможности такого воздушнаго путешествія.

Самая замѣчательная кирха—Никольская. Въ ней много любопытнаго для туриста и археолога: старинныя католическія картины, древніе рѣзные хоры и мумія герцога Кроа. Быть въ Ре-

велѣ и не видать этой рѣдкости — невозможно. Кто не знаетъ исторіи нарвскаго плѣнника, который, по приговору магистрата, лишенъ могилы за то, что, не спросясь съ кошелькомъ, задумалъ пожить въ плѣну немножко неумѣренно? Молоденькая кистерша, за отсутствіемъ супруга, была нашимъ чичероне. Тяжелымъ ключомъ отперла она тяжелую дверь и съ вѣжливымъ книксеномъ пригласила насъ войдти въ отдѣльное помѣщеніе, неподалеку отъ входа въ кирху, гдѣ старый герцогъ лежитъ подъ стеклянной крышею, въ ветхой бархатной мантіи и въ парикѣ à la Turenne. Проводница подняла крышу и принялась показывать намъ мумію, какъ продавецъ антиковъ показываетъ какую-нибудь залежалую рѣдкость, которую хочетъ сбыть какъ-можно выгоднѣе. Она сняла съ старика парикъ, погладила его по голому черепу, и, улыбаясь, прошептала: Sehen Sie mal! Потомъ, распахнувъ мантію, молоденькая лепетунья потрепала неоплатнаго должника по груди, своею полненькой ручкою, открыла ноги его въ полусогнившихъ чулкахъ, и съ веселой улыбкой не переставала повторять: Sehen Sie mal! Sehen Sie mal! Угрюмый герцогъ лежалъ неподвижно; на желтомъ пергаментномъ лицѣ его виднѣлось какъ-будто грустное сознаніе оскорбленія и жалоба на господъ заимодавцевъ. Веселая и говорливая надзирательница его щебетала между-тѣмъ, какъ птичка на могилѣ, разсказывая намъ давно извѣстныя подробности о приключеніяхъ герцога, и звонкій голосъ ея рѣзко отдавался подъ сводами темницы нарвскаго узника. Она предложила намъ купить литографированное изображеніе покойника, и, захлопнувъ тяжелую дверь, съ вѣжливымъ поклономъ проводила изъ кирхи.

Разскажу вамъ происшествіе, случившееся не очень-давно, въ которомъ герцогъ игралъ не послѣднюю роль.

Была прекрасная осенняя ночь. Сплошная масса остроконечныхъ кровель и высокихъ ревельскихъ башень рисовалась на ясномъ небѣ, какъ черный вырѣзной силуэтъ. Луна ярко освѣщала заливъ и широкія аллеи Катериненталя, усѣянныя пожелтѣвшими листьями каштановъ и клена. Вдали пересвистывала какая-то осенняя птица. Въ одной изъ аллей парка прогуливалась сантиментальная парочка влюбленныхъ. Бѣлокураго юношу звали Вильгельмомъ, бѣлокурую дѣвушку—Юліей. Они шли тихо; часто поглядывали другъ на друга и еще чаще посматривали на луну, какъ-будто и тамъ надѣялись увидѣть себя, какъ въ зеркалѣ. Влюбленные сѣли на скамейку и молчали, только часы постукивали въ карманѣ обожателя, а маленькіе часики обожаемой имъ акомпанировали.

— Вильгельмъ! сказала, наконецъ, Юлія:—послушай, какъ дружно бѣгутъ часы наши.

— Такъ же, какъ и наши сердца, мой ангелъ! отвѣчалъ Вильгельмъ.

— Другъ мой! продолжала дѣвушка: — правда ли, что ты непостояненъ?

— Не вѣрь, не вѣрь этому, моя милая!

— Говорятъ, ты многимъ клялся уже въ вѣрности.

— Одной тебѣ, Юльхенъ.

— Но если ты измѣнишь?

— Никогда!

— И ты не перестанешь любить меня?

— До гроба.

— Но если...

— Если я забуду тебя, вскричалъ Вильгельмъ, становясь въ позу героевъ Коцебу: — пусть само небо накажетъ меня!

— Вильгельмъ!..

— Пусть оно лишитъ меня, продолжалъ бѣлокурый Ромео: — здоровья, молодости, жизни, и превратитъ въ трупъ, подобный старому Кроа.

— Боже! что за мысль!.. Перестань! прошептала бѣлокурая Юлія, закрывая лицо своими локонами.

— Ты не вѣришь моимъ клятвамъ?

Дѣвушка молчала, испуганная мелодраматическимъ заклятіемъ своего любезнаго.

— Послушай, Юлія! продолжалъ Вильгельмъ, пожимая ручку хорошенькой блондинки: — я готовъ на все: приходи завтра вечеромъ въ Никольскую-Кирху, и тамъ я поклянусь тебѣ въ вѣчной вѣрности. Ты знаешь, что послѣ того измѣна невозможна!

Сантиментальная Нѣмочка успокоилась, и влюбленные разстались.

На другой день вечеромъ, Юлія въ условный часъ явилась въ кирху, съ сердцемъ, расцвѣченнымъ самыми радужными надеждами на перспективу безконечной любви. Робко вошла она и огляделась. Тамъ было темно, тихо. Маленькіе часики Юліи одни нарушали мертвую тишину, и маятникъ, казалось, бѣжалъ быстрѣе обыкновеннаго. Сердце бѣдной дѣвушки сжалось болѣзненно отъ страха и обманутой надежды: Вильгельма не было въ кирхѣ. Боже мой! что съ нимъ сдѣлалось? сказала она рыдая, и съ печальнымъ предчувствіемъ упала на колѣни. Но условный часъ прошелъ, а Вильгельма все-еще нѣтъ. Онъ измѣнилъ мнѣ! прошептала Нѣмочка. Клятвопреступникъ!..

Въ это время красноватый свѣтъ слабо освѣтилъ внутренность зданія. Испуганная дѣвушка обернулась. Въ глубинѣ кирхи, сквозь полурастворенную дверь, сверкалъ трепетный свѣтъ, и слышался трескъ огня въ каминѣ. Что это значитъ? Сердце обманутой красавицы сильно билось, перегоняя бой маятника въ ея маленькихъ часикахъ. Собравшись съ силами, она робко подошла къ двери, откуда выходилъ свѣтъ, и тихо отворила ее. Передъ каминомъ сидѣлъ кто-то на широкихъ креслахъ, оборотясь лицомъ къ огню; оконечности черной фигуры рѣзко отдѣлялись на яркомъ свѣтѣ.

«Это Вильгельмъ!» подумала блондинка. Едва слышными шагами подкралась она къ кресламъ, и своими полненькими ручками закрыла глаза любезному: онъ былъ холоденъ, какъ могильный камень! Юлія отняла ручки, нагнулась къ кресламъ — и съ крикомъ отшатнулась назадъ. Вильгельмъ, ея милый, прекрасный Вильгельмъ, сидѣлъ передъ нею, обращенный въ костяную, страшную мумію, какъ двѣ капли воды похожую на герцога Кроа, и повидимому грѣлся передъ каминомъ. Ужасъ овладѣлъ бѣдной дѣвушкой: она вспомнила клятву своего любезнаго въ Катериненталѣ. Вдругъ ей показалось, что трупъ пошевелился, и кости его захрустѣли.

Внѣ себя отъ страха, бросилась она изъ кирхи. Въ дверяхъ кто-то загородилъ ей дорогу.

— Юльхенъ! что́ съ тобою? спросилъ Вильгельмъ.

— Это ты?.. Уйдемъ, ради Бога! прошептала блѣдная Нѣмочка.

— Что́ это значитъ?

— Герцогъ всталъ...

— Герцогъ Кроа?

— Да́!

Юлія упала безъ чувствъ въ объятія Вильгельма. Онъ взялъ ее на руки и понесъ домой. Въ концѣ Липовой-Улицы попался ему Nachtwächter, въ обычномъ всеоружіи, съ алебардою и свисткомъ.

— Послушай! закричалъ Вильгельмъ: — герцогъ Кроа всталъ!

— Wirklich? спросилъ флегматически блюститель городскаго спокойствія, и не ускоряя шаговъ пошелъ къ Никольской-Кирхѣ.

Между-тѣмъ ревельскій Ромео передалъ свою безчувственную Джульетту на руки служанкѣ, а самъ побѣжалъ назадъ къ кирхѣ и догналъ дозорнаго сторожа у входа въ преддверіе. Они вмѣстѣ вошли туда, гдѣ обыкновенно лежалъ герцогъ. Стеклянная крыша гробницы была открыта, катафалкъ пустъ. Медленно, останавливаясь на каждомъ шагу и оглядываясь во всѣ стороны, перешли они къ дверямъ, откуда выбѣжала испуганная Юлія. Ни одинъ не хотѣлъ войдти первымъ и съ великодушной вѣжливостью уступалъ дорогу товарищу. Наконецъ оба вдругъ прошли они въ двери и снова подались назадъ: на широкомъ креслѣ, лицомъ къ огню, сидѣлъ благородный герцогъ въ своей бархатной мантіи, и плѣшивая голова изсохшей муміи сверкала ярко, освѣщенная огнемъ камина.

— Herr Herzog! сказалъ Nachtwächter, подходя къ креслу.

— Wer da! закричалъ хриплый могильный голосъ.

Влюбленный юноша отскочилъ назадъ, флегматическій сторожъ выронилъ сѣкиру, и, вѣроятно, они отретировались бы отъ нарвскаго героя еще поспѣшнѣе чѣмъ Юлія, еслибъ въ дверяхъ не показалась знакомая тому и другому фигура кистера съ большой охапкою дровъ.

— Кто тутъ? повторилъ почтенный кистеръ.

— Мы... прошепталъ Nachtwächter.

— А!

— А это вы?

— Я.

Сторожъ поднялъ свою алебарду.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ кистера.

— Просушиваю герцога.

— Ка́къ!

— Да время стоитъ сырое: платье совсѣмъ намокло, и даже трупъ началъ портиться. Я затопилъ каминъ, и часа въ два славно высушу моего благодѣтеля.

— Гдѣ же вы были теперь? спросилъ Вильгельмъ.

— Развѣ не видите — ходилъ за дровами, отвѣчалъ кистеръ.— А вамъ что̀ угодно, господа? Мнѣ показалось, какъ-будто здѣсь кто-то кричалъ?

Та́къ объяснилось это чудесное приключеніе, къ крайнему сожалѣнію хорошенькихъ обитательницъ Ревеля, которымъ хотѣлось бы лучше, чтобъ негодный Вильгельмъ, осмѣлившійся опоздать на свиданіе, въ-самомъ-дѣлѣ былъ превращенъ въ мумію и могъ такимъ-образомъ служить поучительнымъ примѣромъ для невѣрныхъ любовниковъ.

Вмѣстѣ съ другими рѣдкостями Ревеля осмотрѣлъ я одинъ старинный купеческій домъ, принадлежащій г-ну Ш. Такихъ домовъ, съ полною обстановкой и мёбелью XVI столѣтія, осталось теперь немного въ цѣлой Германіи. Съ крыльца мы вошли въ громадныя сѣни, занимающія весь нижній этажъ. По обѣимъ сторонамъ тянутся ряды колоссальныхъ шкафовъ, свидѣтельствующихъ о запасливой домовитости тогдашняго времени. Въ одинъ этотъ домъ легко помѣстить цѣлый лабазъ съ прибавкою милютинской лавки. Можно представить, ка́къ презрительно покачали бы головою обитатели подобнаго готическаго магазина, еслибъ взглянули на наши петербургскія квартиры, гдѣ часто негдѣ сберечь одного фунта масла, если жилецъ не умудрится приладить шкафчика между дверями или навѣсить ящика подъ окномъ у кухни. По каменной винтообразной лѣстницѣ, гораздо тѣснѣе и уже олаевской, поднялись мы во второй этажъ. Лучшая комната обращена на дворъ: это средневѣковой будуаръ и гостиная. Вся надворная стѣна состоитъ изъ одного огромнаго окна, раздѣленнаго на́-двое, довольно-хорошо вытесанною колонной, и въ немъ сотни маленькихъ стеколъ въ тяжеломъ свинцовомъ переплетѣ. Прямо противъ окна печь, похожая на готическую часовню, съ гербомъ домохозяина и поучительной надписью изъ Священнаго Писанія. Боковыя стѣны расписаны старинной живописью: въ верхнемъ ряду изображены разнообразныя сцены охоты, въ среднемъ событія изъ Священной Исторіи и Евангелія, а внизу рисунки жи-

вотныхъ и звѣрей. Здѣсь-то жилъ ревельскій купецъ, любуясь постоянно изъ окна на тѣсный дворъ своей добровольной тюрьмы. Верхній этажъ весь состоитъ изъ чердака, который обширностью не уступаетъ нижнимъ сѣнямъ. Сюда складывались запасные товары. Однимъ словомъ, этотъ большой домъ похожъ на обширную кладовую, отъ которой едва отдѣлили двѣ небольшія комнаты на жилые покои. Въ старые годы, купцу не нужна была большая квартира: день проводилъ онъ въ лавкѣ, на пристани или на рынкѣ, вечеръ въ клубѣ или погребѣ; а жена его сидѣла по цѣлымъ днямъ въ церкви передъ молитвенникомъ, въ кухнѣ передъ очагомъ или на каменной скамейкѣ своего готическаго крыльца.

Ревельскія окрестности—прекрасны. Я началъ прогулки, какъ слѣдуетъ въ средневѣковомъ городѣ—съ кладбищъ, и въ первые дни былъ въ Ziegelskoppel и на Мойкѣ. Одно кладбище примыкаетъ къ зеленой рощѣ, любимому гульбищу городскихъ жителей, и съ него видѣнъ Ревель и Катеринненталь, съ садами и зеленью, съ моремъ и кораблями; другое—лежитъ на берегу пустыннаго озера, и отъ него видъ на песчаные, безплодные холмы, безъ растительности и жизни.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, недалеко отъ Ziegelskoppel, на берегу моря, въ новенькомъ домикѣ, поселился старичокъ. Никогда не видали его въ городѣ ни въ клубахъ, ни на вечерахъ, а встрѣчали только въ окрестностяхъ съ портфёлемъ и карандашами. Вѣсть о пустынникѣ скоро разнеслась по городу, и кто отправлялся гулять въ рощу или на кладбище, тотъ непремѣнно заходилъ взглянуть на хижину новаго анахорета и полюбоваться его цвѣтами. Однажды двѣ ревельскія Нѣмочки, увлекаемыя любопытствомъ, зашли посмотрѣть романическую обитель отшельника. Пройдя взадъ и впередъ мимо домика, вошли они наконецъ въ садъ. Роскошная зелень и цвѣты, прекрасный видъ на море и Вышгородъ, та́къ очаровали мечтательницъ, что они и забыли совсѣмъ о пустынникѣ.

— Ка́къ хорошо здѣсь! сказала одна.

— Настоящій рай! прибавила другая.

— Я готова бы остаться здѣсь на всю жизнь.

— Это зависитъ отъ васъ! отвѣчалъ незнакомый голосъ, и прежде, чѣмъ дѣвушки успѣли убѣжать, передъ ними показался почтенный сѣдой старикъ. Это былъ самъ хозяинъ домика. Онъ пригласилъ любительницъ природы войдти въ комнаты, показывалъ имъ свои рисунки, картины— и той, которая высказала желаніе жить въ хижинѣ, тотчасъ же предложилъ руку.

Они обвѣнчались и живутъ безвыѣздно въ своемъ домикѣ. У нихъ прекрасное фортепьяно, библіотека, картины — и супруги-пустынники проводятъ время въ занятіяхъ чтеніемъ, музыкой, живописью. Я видѣлъ у нихъ великолѣпный альбомъ ревельскихъ видовъ и рѣдкостей: въ немъ нетолько городъ снятъ со всевозможныхъ точекъ, нетолько скопированы всѣ ревельскія древности, но кажется не осталось ни одного историческаго камня, ни одного замѣчательнаго дома, котораго художникъ не перенесъ бы въ эту богатую коллекцію. На стѣнахъ замѣтилъ я нѣсколько очень-хорошихъ картинъ, писанныхъ отшельникомъ, и въ томъ числѣ копіи съ Поль-Поттера. Нѣсколько проведенныхъ здѣсь минутъ заставили меня убѣдиться, что въ нашъ положительный вѣкъ не совсѣмъ исчезли еще идилліи, и что по-крайней-мѣрѣ въ Ревелѣ нетолько не умираютъ со скуки отъ чтенія сантиментальныхъ романовъ, но даже вѣрятъ въ стихи Шиллера:

Raum ist in der kleinsten Hütte
Für ein glücklich liebend Paar.

Послѣ городскихъ кладбищъ, осмотрѣлъ я кладбище самого католицизма, развалины монастыря Св.-Бригитты. Мы переправились черезъ рѣчку на паромѣ. Толпа ребятишекъ изъ чухонской деревушки, разбросанной вокругъ руинъ, встрѣтила насъ съ замѣтной радостью и нескрываемымъ желаніемъ получить нѣсколько грошей; даже взрослыя дѣвки въ истрепанномъ до рубища одѣяніи, бѣжали намъ прислуживать, и одна бойко перелѣзла черезъ каменную ограду, въ надеждѣ выиграть разстояніе и прежде другихъ отворить намъ ворота. Въ оградѣ около развалинъ — бѣдное чухонское кладбище съ низенькими насыпями и пошатнувшимися крестами. Почернѣлый остовъ собора возвышается колоссальнымъ прямоугольникомъ, и боковая стѣна, обращенная къ морю, высоко и смѣло поднимаетъ свою пирамидальную вершину. Разсказываютъ, что недавно одинъ мальчишка-чухонецъ, при поощрительномъ вліяніи нѣсколькихъ гривенниковъ, взобрался по гребню на самую вершину портала, рискуя размозжить себѣ кости. Есть же филантропы, которымъ нравятся такіе опыты!.. На противоположной стѣнѣ сохранилось еще нѣсколько скульптурныхъ украшеній: эти каменныя кружева—единственные остатки былаго великолѣпія монастыря. На продольныхъ стѣнахъ видны келліи отшельницъ, и кое-гдѣ замѣтны слѣды катакомбъ. Вездѣ, гдѣ только осталась штукатурка, красуются безчисленныя имена и надписи туристовъ, разнообразно выписанныя нѣмецкими, русскими и латинскими буквами. Нельзя не удивляться, какъ умудряются почтенные путешественники взбираться на такую высоту для-того только, чтобъ расписываться въ посѣщеніи бригиттинскихъ развалинъ. Впрочемъ, я не видалъ ни одной старой надписи: дожди ли смываютъ ихъ, или сами туристы уничтожаютъ другъ друга, и новыя имена изгла-

живаютъ прежнія, какъ на кладбищахъ свѣжія могилы истребляютъ старыхъ покойниковъ...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, между грудами щебня, показываютъ входъ въ подземелье, которое будто бы проходитъ отсюда подъ моремъ въ самый городъ. Не хочу отвергать вѣроятности этого хода, тѣмъ болѣе, что всѣ Ревельцы въ него свято вѣрятъ; а лучше разскажу одно преданіе объ этомъ таинственномъ тоннелѣ.

Въ началѣ XV вѣка литовскій князь Владиславъ V осадилъ Ревель и держалъ его въ тѣсной блокадѣ. Напрасно рыцари и Черноголовые дѣлали безпрестанныя вылазки, напрасно бюргеры ломали головы, придумывая средства къ спасенію, а жители посматривали на море, ожидая какихъ-нибудь союзныхъ кораблей — погибель безъ помощи Провидѣнія казалась неизбѣжною. Магистратъ засѣдалъ *en permanence* въ ратушѣ — и не могъ придумать ничего утѣшительнаго. Но вотъ однажды въ собраніе скорбныхъ сенаторовъ является какой-то почетный ревельскій житель, герръ Юнгингенъ, и объявляетъ, что видѣлъ во снѣ Св.-Бригитту, и она обѣщаетъ спасти городъ, если граждане дадутъ клятву построить и посвятить ей монастырь. Обрадованный магистратъ клянется исполнить волю святой покровительницы, тотчасъ же отряжаетъ нѣсколько бенедиктинокъ изъ монастыря Св.-Клары и отправляетъ въ торжественной процессіи отъискивать мѣсто, назначенное въ видѣніи. Монашенки, и въ числѣ ихъ дочь Юнгингена, прекрасная Гедвига, выходятъ изъ Sisternpforte съ крестомъ и хоругвію, и отправляются по берегу моря къ устью рѣчки, извивающейся за Лаксбергомъ... Литовцы замѣтили, однакожь, священное шествіе и схватили монахинь. Позоръ и смерть угрожали отшельницамъ, но святая защитница города не переставала надъ ними бодрствовать: молодой Удо, сынъ Владислава, увидѣлъ Гедвигу и до-того былъ пораженъ красотою ея, что не только приказалъ освободить бенедиктинокъ, но даже успѣлъ уговорить отца снять осаду Ревеля. Непріятели удалились, и городъ, исполняя обѣтъ магистрата, построилъ монастырь въ честь Св.-Бригитты. Гедвига первая вступила въ новую обитель. Между-тѣмъ Удо не могъ забыть прекрасной отшельницы: пожираемый самой средневѣковой любовью, онъ вздумалъ увезти свою любезную изъ монастыря и пробрался съ тремя товарищами къ Ревелю. Скрываясь днемъ въ окрестныхъ лѣсахъ, Литовцы бродили по ночамъ около бригиттинскихъ стѣнъ, придумывая средства силою или золотомъ отпереть ворота обители. Но монастырскіе стражи не дремали: князь былъ схваченъ и брошенъ съ товарищами въ одну изъ городскихъ башенъ, которую и теперь еще показываютъ любопытному путешественнику.

Много дней и ночей провелъ литовскій рыцарь въ своей душной темницѣ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ, припавъ лицомъ

къ желѣзной рѣшеткѣ узкаго окошка, откуда виднѣлось колоссальное зданіе Св.-Бригитты. До него долетали звуки монастырскаго колокола, и онъ различалъ огоньки, сверкающіе въ окнахъ келій. Иногда, склонясь головою къ стѣнѣ, онъ слышалъ глухо голоса разлученныхъ съ нимъ товарищей; тогда тоска давила ему сердце, и онъ какъ тигръ метался въ своей тѣсной клѣткѣ. Однажды ночью князь увидѣлъ мышь, которая, прокопавъ нору въ землѣ, вышла на полъ тюрьмы, и робко начала пробираться къ остаткамъ его обѣда; но испуганная движеніемъ узника, поспѣшно скрылась въ свое подземелье. Смѣлая мысль пришла въ голову Литовцу: онъ вздумалъ прокопать подземный ходъ къ монастырю. Богъ знаетъ, какъ прорылъ онъ сперва переходъ къ тюрьмѣ товарищей, и потомъ вмѣстѣ съ ними принялся за главный подводный тоннель. Работы, говорятъ, продолжались четыре года, и если принять въ разсчетъ ограниченныя средства литовскихъ инженеровъ, то нельзя не согласиться, что они могли бы заткнуть за поясъ строителей знаменитаго хода подъ Темзою. Это была великая побѣда любви надъ наукой... Наконецъ, подземелье было готово, и Удо проникъ въ завѣтную ограду монастыря.

Однажды Гедвига у дверей церкви раздавала милостыню. Нищіе толпились вокругъ молодой благотворительницы—и ни одинъ не уходилъ безъ подаянія. Мало-по-малу толпа разсѣялась; остался только одинъ бѣднякъ въ жалкомъ рубищѣ. Онъ стоялъ въ сторонѣ и пристально смотрѣлъ на молодую монахиню. Удивленная его неподвижностью, Гедвига кивнула ему головою и протянула руку съ большимъ хлѣбомъ. Нищій, не принимая милостыни, горячо поцаловалъ протянутую ручку. Бенедиктинка взглянула на него и узнала своего освободителя. Она едва не вскрикнула.

Но напрасно литовскій князь истощалъ свое страстное краснорѣчіе, напрасно убѣждалъ затворницу бѣжать съ нимъ въ Литву, обѣщая тронъ вмѣстѣ съ любовью: Гедвига не хотѣла нарушить священнаго обѣта и осталась непреклонною на всѣ мольбы и жалобы. Между-тѣмъ подозрительная сцена обратила на себя вниманіе любопытныхъ сестеръ: князя узнали, и новый Тогенбургъ опять очутился въ своей башнѣ.

Тогда набожная отшельница рѣшилась спасти князя путемъ священнымъ: она вздумала обратить его въ христіанство—и воспользоваться для-того подземельемъ, прорытымъ ея обожателемъ. Ночью, совершивъ горячую молитву передъ образомъ Св.-Бригитты, взяла она лампаду и спустилась въ подводный ходъ. Въ то время, когда узникъ лежалъ съ безнадежнымъ отчаяніемъ, доска отъ подземелья поднялась, и посреди темницы явилась Гедвига съ священной строгостью на лицѣ. Ея пламенное краснорѣчіе, ея жаркія слезы и мольбы такъ сильно подѣйствовали на язычника, что онъ не только изъявилъ желаніе принять христіанство, но

даже постригся въ Доминиканскомъ-Монастырѣ, къ которому примыкала его тюрьма. Тамъ прославился онъ строгостью жизни и вскорѣ былъ выбранъ въ настоятели. Въ воспоминаніе своего заключенія и чудеснаго обращенія къ христіанству, онъ устроилъ молельню въ той самой башнѣ, которая была его темницею — и Гедвига, облеченная также въ санъ настоятельницы, не переставала до самой кончины своей навѣщать тамъ бывшаго язычника, для укрѣпленія въ вѣрѣ и молитвахъ.

Та же самая чухонка, которая отворяла намъ ворота, подала лодку, и мы переѣхали на другой берегъ Бригиттовки, на мызу Кошъ. Трудно представить себѣ всю прелесть этого маленькаго эдема. Рѣчка вьется въ крутыхъ берегахъ та̀къ кокетливо, что на каждомъ шагу даритъ новымъ наслажденіемъ, показывая то дикую мѣстность, то обворожительный ландшафтъ. По низменному бархатному лугу и замыкающимъ его уступамъ горъ раскинутъ небольшой, но прекрасный садикъ. Это не французскій классическій садъ, гдѣ природа украшена и распудрена искусствомъ, не англійскій романтическій паркъ, гдѣ искусство поддѣлано и замаскировано природой: это плодъ какого-то страстнаго союза природы съ искусствомъ, гдѣ всѣ ихъ силы и прелести вылились въ гармоническомъ согласіи частей и очаровательной красотѣ цѣлаго. Гуляя здѣсь, забываешь и средніе вѣка и новую жизнь.

Я не успѣлъ побывать ни на Вимсѣ, ни въ Liberté и Фаллѣ. Тысячи препятствій, помѣшали вожделѣнной прогулкѣ.

Катериненталь нельзя уже причислить къ окрестностямъ Ревеля: въ послѣдніе годы все пространство между Нарвскимъ-Форштатомъ и паркомъ застроено дачами. Чт̀о сказать объ этомъ прекрасномъ садѣ, насажденномъ Петромъ-Великимъ, насадителемъ всего прекраснаго въ Россіи? Въ немъ не найдете вы того великолѣпнаго сочетанія искусства съ богатствомъ, какимъ отличается садъ царскосельскій, ни тѣхъ роскошныхъ каскадовъ и фонтановъ, какими щеголяетъ Петергофъ; но здѣшніе каштаны та̀къ величественны, тѣнь ихъ та̀къ свѣжа и успокоительна, что вы не промѣняете катеринентальскихъ аллей ни на какія шумныя и многолюдныя гульбища. Жаль, что видъ на море открывается не прямо, и петербургская дорога мѣшаетъ примкнуть паркъ къ самому заливу. Чт̀о за чудная аллея могла бы раскинуться на самомъ берегу моря! чт̀о за чудный видъ открывался на городъ и окрестности! Мнѣ случилось быть въ Катериненталѣ на иллюминаціи. Маленькая кандитерская, центръ гулянья, обвѣшена была цвѣтными прозрачными фонарями съ юмористическими картинками и сатирическими надписями, направленными со всею мѣткостью нѣмецкихъ витцовъ на неумѣренныхъ поклонниковъ Вакха. Смѣяться надъ пьяницами тамъ, гдѣ выгоды требовали бы ихъ поощренія! Гулянье мнѣ очень-понравилось: во все время я не замѣтилъ ни ма-

лѣйшаго слѣда какой-нибудь пошлой непристойности, и между-тѣмъ остроумный каррикатуристъ «Ералаши» не вздумалъ бы спросить здѣсь: кого тутъ хоронятъ?.. Впрочемъ, пріѣзжіе гости и въ Катеринненталѣ не покидаютъ своей молчаливой важности и созерцательности.

Im Wasser, im Wasser,
Da ist es noch nasser
Als auf der Erde,
Und ohne Beschwerde
Erquicken
Wir uns an den Sonnenblicken.

Да, въ ревельскихъ купальняхъ можно наслаждаться, если только любишь водяное наслажденіе. Я постоянно купался въ Катеринентalѣ. Ванны построены въ самомъ заливѣ, довольно далеко отъ берега, съ которымъ соединены жиденькими мостками. Налѣво мужскія купальни, направо женскія—и изъ тѣхъ и другихъ выходъ прямо въ открытое море. Но не бойтесь за скромность прекрасныхъ наядъ: онѣ въ совершенной безопасности, потому-что разстояніе вычислено по зрительной трубѣ, и любопытному взору нѣтъ ни малѣйшей поживы. Только одни свидѣтели постоянно и съ одинакимъ вниманіемъ любуются купальщицами: это двѣнадцать чугунныхъ единороговъ, лежащихъ на баттареѣ, подъ прикрытіемъ которой расположены дамскія ванны... Какое наслажденіе купаться при сѣверномъ вѣтрѣ, когда зеленые валы бѣгутъ грядами къ берегу, подхватываютъ и качаютъ васъ, опускаютъ внизъ и подбрасываютъ вверхъ, полощутъ вамъ ротъ соленымъ разсоломъ—однимъ словомъ, исполняютъ всѣ продѣлки гимнастическаго и минеральнаго леченія. Такъ купанья полезны? Что касается до больныхъ, не могу сказать ничего утвердительнаго; но въ прекрасномъ дѣйствіи ихъ на здоровыхъ увѣряю по собственному опыту: я купался всякій день, иногда даже по два и по три раза, и не схватилъ во все время ни простуды, ни насморка. Какъ же послѣ этого сѣверному жителю не похвалить ревельскихъ купаленъ!

Въ первый день по пріѣздѣ, едва-только успѣлъ я броситься въ воду, какъ въ ванны вошелъ какой-то тучный господинъ съ самыми яркими слѣдами здоровья на бархатныхъ щекахъ. Онъ снялъ шляпу и сюртукъ, сошелъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы и опустилъ руку въ воду.

— Кажется, сегодня холодно? спросилъ онъ.

— Градусовъ двѣнадцать, отвѣчалъ я.

— Боюсь начать.

Онъ поднялся опять въ бесѣдку, надѣлъ сюртукъ и шляпу, и, закуривъ сигару, пошелъ въ Катеринενталь. На другой день, я уже совсѣмъ выкупался и началъ одѣваться, какъ тотъ же господинъ пришелъ опять, такъ же какъ наканунѣ, снялъ шляпу и сюртукъ, спустился къ водѣ, подержалъ въ ней руку, и обращаясь къ одному изъ купающихся, спросилъ:

— Кажется, сегодня холодно?

— Тепло, превосходно! отвѣчали ему.

— Боюсь начать! проговорилъ толстякъ, одѣлся, зажегъ сигару и съ завистью смотрѣлъ, какъ другіе плавали и плескались. Съ-тѣхъ-поръ всякій день видѣлъ я этого чудака въ ваннахъ. Онъ приходилъ туда раза по три въ сутки, очевидно, съ самымъ искреннимъ желаніемъ и твердымъ намѣреніемъ купаться, и всякій разъ, раздѣвшись до половины и потомъ опустивъ въ воду свой термометръ съ пятью пальцами, снова одѣвался и уходилъ. Такъ и хотѣлось оборотиться въ какого-нибудь школьника и толкнуть его въ воду. Наканунѣ отъѣзда я опять встрѣтилъ его въ ваннѣ. Вода была довольно холодна, и я уже заранѣе зналъ, что теперь ему не купаться. Смотрю—чудакъ снялъ шляпу и сюртукъ, опустилъ руку въ море и сказалъ:

— Кажется, сегодня тепло!

— Не очень-холодно.

— Попробую начать.

Переваливаясь съ ноги на ногу, поднялся онъ опять въ бесѣдку и началъ раздѣваться. Я не вѣрилъ глазамъ и съ любопытствомъ ждалъ перваго его дебюта. Храбрецъ раздѣлся, медленно и съ гримасами началъ спускаться по лѣстницѣ, ступилъ на послѣднюю ступеньку, нагнулся и еще разъ попробовалъ воду.

— Холодно... боюсь! пробормоталъ онъ съ отчаяніемъ и вернулся назадъ.

Я чуть не плеснулъ въ него водою. Толстякъ поспѣшно одѣлся, и не закуря даже сигары, скорыми шагами отретировался въ Катериненталь.

Дамы смѣлѣе мужчинъ. Въ то время, когда только еще начинали купаться въ холодныхъ ваннахъ, и мужскія купальни были совершенно-пусты, передъ женскими то и дѣло останавливались коляски. Это не даромъ. Мнѣ кажется, у дамъ должно быть какое-нибудь секретное повѣрье на счетъ вліянія морской воды не на здоровье, а на красоту. Говорятъ, что знаменитая Нинона Ланкло сберегла свои прелести отъ когтей кровожадной старости только одними морскими купаньями... Поѣзжайте же въ Ревель, купайтесь въ морѣ, и pas des femmes vieilles!..

Кромѣ катериненталскихъ ваннъ есть еще два заведенія для купанья: одно г. Краусне у Strandpforte, другое г-жи Розенкампфъ на Reperbahn. У каждаго есть свои поклонники, но первенство остается за Катериненталемъ. Тутъ заведеніе теплыхъ ваннъ и салонъ, гдѣ по субботамъ бываютъ балы въ-продолженіе цѣлаго лѣта. Все это устроено на акціяхъ лѣтъ восемь назадъ. Недостатокъ помѣщенія, дороговизна квартиръ въ самомъ воксалѣ и окрестностяхъ — главныя причины того, что въ Ревелѣ пріѣзжихъ гораздо-менѣе, чѣмъ можно бы было ожидать. Замѣтно, что акціонеры не довольно заботятся о своемъ заведеніи. Квартиры въ салонѣ, не говоря о дороговизнѣ, не только не изящны, но даже совсѣмъ неудобны. Онѣ помѣщаются на чердакѣ, чуть не въ слуховыхъ окнахъ; рѣдкая изъ нихъ не течетъ, потому-что домъ крытъ старой бумагою, и по ночамъ нерѣдко случается разгуливать съ кроватью по комнатѣ, отъискивая уголокъ, гдѣ можно бы пріютиться отъ дождя. Ванны, несмотря на прославленную любовь Нѣмцевъ къ чистотѣ, не далеко ушли отъ какой-нибудь простой бани: въ купальняхъ по стѣнамъ висятъ клочьями обои, и нѣтъ даже ни одного порядочнаго стула. Садъ, разведенный при воксалѣ, принимается плохо, не растетъ. Говорятъ, что въ этомъ виноватъ сѣверный вѣтеръ, а между-тѣмъ рядомъ, на частныхъ дачахъ, деревья принялись прекрасно при томъ же самомъ вѣтрѣ. Кромѣ очень незавиднаго оркестра, который три раза въ недѣлю играетъ въ салонѣ, для публики не придумано ни малѣйшихъ удовольствій. Мы убѣждены, что еслибъ кампанія болѣе позаботилась о квартирахъ, еслибъ ванны и купальни содержались съ бо́льшею чистотою и нѣкоторымъ комфортомъ, и еслибъ, наконецъ, заведены были маленькіе пароходы для увеселительныхъ поѣздокъ въ Кошъ, на Вимсъ и Фалль, то Ревель привлекъ бы къ себѣ больше посѣтителей, нежели Гельсингфорсъ, а акціонеры не только сами получили бы выгоды, но и принесли большую пользу всему городу. Въ этомъ согласны даже ревельскіе патріоты.

Балы въ салонѣ тоже далеки отъ совершенства. Я пришелъ въ девять часовъ: зала была уже довольно полна, но еще не танцовали. Передъ маленькими бронзированными статуэтками, уставленными по стѣнамъ на консоляхъ, тускло мелькалъ спиртовой гасъ, какъ лампады передъ католическими изваяніями. Вѣроятно, во времена самой нецвѣтущей жизни покойнаго рыцарства, освѣщеніе на собраніяхъ было ничѣмъ не хуже. Дамы сидѣли около стѣнъ, мужчины толпились кучками по залѣ. Черезъ полчаса балъ открылся и оказалось, что зрителей было гораздо болѣе, чѣмъ танцующихъ. Въ дамахъ недостатокъ былъ очень-замѣтенъ: при всемъ усиліи ревельскихъ львовъ, едва набралось шестнадцать паръ для кадрили. Въ этомъ всего больше виноваты пріѣзжія гости. Петербургскія дамы, за немногими исключеніями, совсѣмъ не танцуютъ; многія даже вовсе не входятъ въ залу,

а сидятъ на стульяхъ въ наружной галереѣ. Ревельскихъ красавицъ на балу также немного, отчасти изъ подражанія петербургскимъ львицамъ, а отчасти и потому, что дамы платятъ здѣсь за входъ въ собраніе, такъ же какъ и мужчины. Но если въ ревельскомъ салонѣ танцуютъ менѣе, нежели на петербургскихъ балахъ, за-то говорятъ немного больше; оттого здѣшняя маленькая зала кажется гораздо одушевленнѣе, чѣмъ громадныя, набитыя биткомъ анфилады комнатъ въ столичныхъ собраніяхъ. Table d'hôte тоже не можетъ стать въ сравненіе съ обѣдомъ, на-примѣръ, въ Павловскомъ-Воксалѣ. Тамъ какъ-будто передъ гостями поставленъ по египетской модѣ черепъ, напоминающій ежеминутно memento mori; здѣсь, напротивъ, столъ очень-живъ, несмотря на то, что эстляндскіе бароны жмутся въ особый кружокъ отъ другихъ смертныхъ, незаписанныхъ въ Matrikel.

Послѣ трехъ кадрилей и вальса начали разъѣзжаться, и въ одиннадцать часовъ танцовальная зала совсѣмъ опустѣла. Это не похоже на столичные балы, гдѣ страстныя танцорки, послѣ шестичасовой скачки, оставляютъ паркетъ съ глубокимъ вздохомъ.

Ужинъ продолжался дольше бала, и работы желудку было гораздо-болѣе, нежели ногамъ.

Въ Ревелѣ мы сѣли на пароходъ «Або», и черезъ девять часовъ прибыли въ Гельсингфорсъ. Бывало, изъ Эстляндіи въ Финляндію каждую недѣлю были увеселительныя поѣздки (Lustfahrt), и пароходъ «Сторфурстенъ» въ пять часовъ переѣзжалъ заливъ. Теперь нѣтъ другаго сообщенія, кромѣ «Або».

Трудно представить два города до такой степени противоположные, какъ Ревель и Гельсингфорсъ. Съ какой стороны ни сравните ихъ—разница поразительная. Ревель тонетъ въ зелени, окаймленъ садами, окруженъ рощами; Гельсингфорсъ стоитъ на гранитныхъ скалахъ, и вездѣ видны только голые камни, по которымъ лѣпится мохъ и тощій кустарникъ. Тамъ море живописно обнимаетъ берегъ, отражая въ себѣ зеленѣющій, веселый ландшафтъ; здѣсь оно съ печальнымъ шумомъ однообразно плещется о сѣрые камни. Въ Ревелѣ тѣсныя улицы, готическія башни, старинные домы, напоминающіе Ганзу, переносятъ въ средневѣковую Германію, и вы на каждомъ шагу находите обломки старины, памятники, преданія, легенды. У Гельсингфорса со-

всѣмъ нѣтъ прошедшаго: это городъ, возникшій по мановенію волшебнаго жезла, безъ малѣйшаго остатка старины, безъ всякихъ преданій и памятниковъ. Широкія, прямыя улицы, правильныя четыреугольныя площади, великолѣпныя зданія — все сверкаетъ новой, современной жизнью. Это Петербургъ въ миніатюрѣ. Въ Ревелѣ все отзывается стариною, даже покрой фраковъ на бюргерахъ отличается чѣмъ-то готическимъ; въ Гельсингфорсѣ все ново, кромѣ пѣнія ночныхъ сторожей, напоминающихъ больше баллады Жуковскаго, нежели настоящіе средніе вѣка. Ревель сосредоточился въ самомъ себѣ и нуждается въ пріѣзжихъ только въ торговомъ отношеніи; Гельсингфорсъ живетъ только одними пріѣзжими, просыпаясь съ появленіемъ перваго весенняго парохода и засыпая съ послѣдней кружкой минеральной воды, выпитой въ воксалѣ.

Какъ послѣ широкихъ петербургскихъ улицъ съ удовольствіемъ пройдетесь вы по тѣснымъ, кривымъ улицамъ Ревеля, такъ послѣ стараго, компактнаго Ревеля съ наслажденіемъ взглянете на просторный Гельсингфорсъ, одѣтый по послѣдней картинкѣ á la Saint-Pétersbourg. Такова любовь въ человѣкѣ къ противоположностямъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Гельсингфорсъ хорошъ. Въ немъ нѣтъ, какъ въ другихъ столицахъ, грязныхъ предмѣстій: онъ весь красивъ и блестящъ, и если уцѣлѣло еще нѣсколько ветхихъ избушекъ, такъ это въ старомъ городѣ, Gammelstaden, который такъ запрятанъ между утесами, что нельзя и найдти его, если не покажутъ. Совѣтую вамъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ столицу Финляндіи вооружиться зрительной трубой и отправиться на обсерваторію — разумѣется не для астрономическихъ наблюденій, а затѣмъ, чтобъ посмотрѣть съ нея на городъ. Обсерваторія здѣсь то же, что въ Ревелѣ олаевская башня: съ нея виденъ Гельсингфорсъ à vol d'oiseau, только видъ здѣсь совсѣмъ иной. Прямо передъ вами идетъ Уніонскій-Проспектъ (Union Gatan), который прорѣзываетъ весь городъ; а параллельныя и перпендикулярныя къ нему улицы, пересѣкаясь подъ прямыми углами, дѣлятъ городъ на правильные четыреугольники. Отъ обсерваторіи этотъ проспектъ ведетъ на Сенатскую-Площадь (Senats-Torget). Эта площадь прекрасна. Представьте правильный прямоугольникъ: съ одной стороны исполинская гранитная лѣстница, во всю ширину площади, величественно поднимается на скалу, которая служитъ пьедесталомъ обширному собору съ великолѣпными портиками и пятью голубыми куполами; направо отъ церкви—Сенатъ, налѣво университетъ—зданія, достойныя украшать лучшія улицы Петербурга. Почти во всѣхъ этихъ зданіяхъ господствуетъ коринѳскій орденъ. Пріѣзжаго поражаютъ въ-особенности улицы, прорванныя въ гранитѣ. Это зрѣлище единственное: съ одной стороны видите вы рядъ домовъ, съ другой длинную, сплошную стѣну изъ цѣльной скалы, въ нѣсколько саженъ вышины, вырванную силою пороха. Недостаетъ только цѣльныхъ лѣстницъ для всхода на эти стѣны, по-

строенныя соединенными силами природы и человѣка. Сады растутъ также на гранитныхъ утесахъ, прикрытыхъ тонкимъ слоемъ земли, привезенной за нѣсколько верстъ изъ окрестностей; на голыхъ камняхъ зеленѣетъ даже ботаническій садъ, и въ оранжереѣ его я видѣлъ дальнюю гостью—пальму.

При первомъ взглядѣ на Гельсингфорсъ вы видите, что это городъ безъ исторіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, до 1812 года, когда судьба назначила ему играть роль столицы Финляндіи, существованіе этого города было до-того бѣдно, что не осталось никакихъ преданій о его жизни, кромѣ опустошительныхъ пожаровъ, не разъ истреблявшихъ его въ-конецъ. Единственный историческій памятникъ во всемъ Гельсингфорсѣ—университетъ, да и тотъ достался ему въ наслѣдство послѣ абоскаго пожара, какъ драгоцѣнная рѣдкость, завѣщанная умирающимъ дѣдомъ юному внуку.

Въ университетѣ есть старина, есть преданія. Тамъ хранится извѣстная граммата основательницы его, шведской королевы Христины, подписанная славнымъ Акселемъ Оксенштіерномъ и не менѣе славнымъ въ нашей исторіи Яковомъ Делагарди. Тамъ живы еще воспоминанія о незабвенномъ для Финляндіи празднествѣ открытія университета. Разскажу вамъ объ этомъ событіи, какъ единственномъ преданіи старины, которое можно связать съ именемъ Гельсингфорса.

Въ назначенный заранѣе день, 15 іюля 1640 года, жители Або съ ранняго утра толпились на улицахъ. Въ семь часовъ открылось торжественное шествіе изъ замка, мѣстопребыванія генерал-губернатора Финляндіи и канцлера новаго университета, графа Браге. Двѣнадцать герольдовъ съ трубачами открывали процессію; за ними слѣдовали депутаты отъ дворянства, по два въ рядъ, подъ предводительствомъ маршала. Потомъ несли университетскія регаліи: ключи, жезлъ, печать, книгу для поименнаго списка студентовъ и ректорскую мантію изъ алаго бархата, подбитую бѣлымъ атласомъ. Затѣмъ шелъ канцлеръ, графъ Браге, въ сопровожденіи двѣнадцати высшихъ офицеровъ, епископъ и будущіе профессоры. Чиновники разныхъ вѣдомствъ, приходскіе священники, учители и студенты заключали шествіе. При пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и звукахъ музыки, эта торжественная процессія прошла весь городъ, между двумя рядами войска, собраннаго для этого праздника со всей Финляндіи. Университетское зданіе украшено было зелеными вѣнками, гирляндами цвѣтовъ, стѣны обвѣшены яркими тканями, скамьи обтянуты алымъ сукномъ. Графъ Браге взошелъ на каѳедру и прочелъ граммату королевы. Вотъ этотъ любопытный актъ.

«Божіею милостію, Христина, королева Швеціи и проч. Принимая во вниманіе, что во всѣ времена училища и академіи почитались разсадниками наукъ и добрыхъ нравовъ, Мы, по примѣру нашего Августѣйшаго родителя, короля Густава-Адольфа,

«распространившаго университетъ Упсальскій и основавшаго тако-«вой же въ Дерптѣ, желаемъ, къ вящшей славѣ и благоденствію «нашего княжества Финляндіи учредить на мѣсто существующей «въ Або гимназіи—университетъ, дабы онъ могъ служить источни-«комъ познаній и добродѣтели.»

По прочтеніи граммату, графъ Браге провозгласилъ открытіе университета и вручилъ вице-канцлерскіе знаки епископу. Послѣ того вице-канцлеръ надѣлъ на одного изъ профессоровъ ректорскую мантію, и процессія отправилась въ церковь. Епископъ произнесъ поучительную рѣчь, и народъ отвѣчалъ на нее радостными восклицаніями. Праздникъ кончился большимъ обѣдомъ у генерал-губернатора и представленіемъ нравоучительной комедіи.

Послѣдующая исторія университета также блистательна. Подъ высокимъ покровительствомъ своихъ канцлеровъ, онъ быстро развивался, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Мы пріѣхали въ три часа утра. Я остановился въ Societetshuset, и едва-только успѣлъ заснуть въ своемъ номерѣ, какъ меня разбудила громкая музыка. Играли на дворѣ. Удивленный такимъ раннимъ концертомъ, я подошелъ къ окну. Посереди двора стоялъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, и вокругъ него сидѣло десятка полтора дѣтей, все дѣвочки отъ шести до десяти лѣтъ. Онѣ были въ бѣлыхъ платьицахъ, въ вѣнкахъ изъ свѣжей зелени и васильковъ. Одна малютка лѣтъ семи была повидимому хозяйкой: она ходила около гостей, разнося сухари; веселый смѣхъ и говоръ дѣтей сливался съ хоромъ музыки, игравшей какой-то гимнъ. Я узналъ потомъ, что это былъ день рожденія малютки, и что, по шведскому обыкновенію, подруги сошлись къ ней на утренній кофе. Я отъ души былъ радъ, что эта ранняя музыка разбудила меня: ей обязанъ я тѣмъ прекраснымъ расположеніемъ духа, съ какимъ вышелъ изъ гостинницы и поѣхалъ на обсерваторію, а оттуда въ залу минеральныхъ водъ.

Было воскресенье. Ожидающіе исцѣленія отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ болѣзней, съ шести часовъ собираются на водопой. Первое время проходитъ нѣсколько монотонно, хотя музыка съ семи часовъ гремитъ не умолкая: водяное общество тѣснится вокругъ крановъ, подставляя разнокалиберныя, разноцвѣтныя кружки и стаканы подъ токи карлсбадскаго, пирмонтскаго, крейцбруннскаго, неуйбруннскаго, мальбруннскаго и другихъ подобныхъ нектаровъ. Нѣкоторые пьютъ даже искусственный нардзанъ. Наконецъ, мало-по-малу одни уходятъ въ садъ довершать цѣлебное дѣйствіе водъ прогулкою, другіе унизываютъ шведскія лежачія качели, которыми окаймлена вся зала, и припрыгиваютъ въ ожиданіи танцевъ. Утреннія кадрили живы и веселы: дамы танцуютъ въ бурнусахъ и шляпкахъ, и у каждой букетъ.

Передъ обѣдомъ главное свиданье гельсингфорской публики въ купальняхъ. Надобно быть благодарными Финляндцамъ за удобства и удовольствія, которыя они доставляютъ пріѣзжающимъ. Несмотря на то, что общество для устройства ваннъ и воксала на Ulrikasborg образовалось почти въ одно время съ ревельскимъ, однако жь оно сдѣлало несравненно-болѣе. Зало въ салонѣ больше, изящнѣе, чѣмъ въ Ревелѣ; балы одушевленнѣе и веселѣе. Въ дамахъ никогда нѣтъ недостатка, потому-что Шведки не боятся, подобно ревельскимъ красавицамъ, оставаться на вечерѣ послѣдними и не стыдятся пріѣзжать и даже приходить первыми. Каждое воскресенье устроивается увеселительная поѣздка на пароходахъ, и съ прекраснымъ оркестромъ, въ многолюдномъ обществѣ, вы нѣсколько часовъ катаетесь по окрестностямъ, иногда до самаго Борго. Лѣтнія купальни здѣсь также лучше ревельскихъ, не говоря уже о теплыхъ ваннахъ, которыя отдѣланы даже съ роскошью. Надобно замѣтить и то важное обстоятельство, что въ Гельсингфорсѣ, въ-сравненіи съ Эстляндіею, все очень-дешево: та́къ и хочется, по примѣру одного путешественника-гастронома, списать прейскуранты, и взойдя на олаевскій-шпиль пугнуть порядочно Ревель за дороговизну. Вотъ причины, почему Гельсингфорсъ посѣщается больше Ревеля, несмотря на то, что окрестности его однообразны и печальны. Перенесите гельсингфорскія удобства, внимательность къ пріѣзжимъ, радушное гостепріимство и желаніе услужить по-крайней-мѣрѣ за ваши деньги, на другую сторону залива, и вы увидите, что Ревель далеко оставитъ за собою столицу Финляндіи.

Народный характеръ много значитъ. Финская твердость и настойчивость пробила и оживила гранитъ, а справедливость и добросовѣстность невольно привлекаютъ пріѣзжихъ. Честность Финновъ—общее мѣсто, повторяемое безпрестанно путешественниками. Обманъ и воровство извѣстны въ Финляндіи только по разсказамъ; нигдѣ почти не видать замко́въ, и если въ домахъ запираются двери, то, кажется, только для порядка. Вотъ происшествіе, случившееся въ Гельсингфорсѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, которое какъ-нельзя-лучше показываетъ патріархальную простоту чухонскихъ воровъ. Въ одинъ домъ забрался ночью, черезъ открытое окно, любитель чужой собственности. Осторожно прокрался онъ къ шкафу съ посудой—разумѣется, также не запертому, гдѣ лежало столовое серебро, выбралъ изъ него ложки, солонки, и поклалъ за пазуху. На бѣду ночнаго гостя, въ шкафу стояла только-что початая канна съ водкою и лежалъ кусокъ шведскаго сыра и нѣсколько сушеныхъ хлѣбовъ (knäcke-brö). Это соблазнило гельсингфорскаго артиста. Унести ли всю канну было ему неловко, или недостало терпѣнія дожидаться, только онъ расположился посереди залы, за круглымъ столомъ, налилъ стаканъ, закусилъ, выпилъ еще, и, наконецъ, та́къ угостился, что не могъ пошевелить ногъ. Утромъ хозяева разбужены были необыкновеннымъ шумомъ:

кто-то храпѣлъ на весь домъ. Бѣгутъ въ залу и видятъ, что наивный воръ сидитъ въ креслахъ, не снимая шляпы, положа руки на столъ—и склоня на нихъ голову, спитъ мертвымъ сномъ. Передъ нимъ до половины осушенная бутыль и куски knäcke-brö, а изъ-за пазухи выглядываютъ столовыя ложки.

Несмотря, однакожь, на совершенное благочиніе, въ городѣ досихъ-поръ существуютъ ночные сторожа. Съ десяти часовъ вечера начинаютъ они свое путешествіе по кварталамъ, съ заунывнымъ приглашеніемъ гасить огонь и ложиться спать. Это монотонное пѣніе продолжается всю ночь. Не совѣтую вамъ, если будете въ Гельсингфорсѣ, ложиться въ постель раньше десяти часовъ и оставлять незапертыми окна; иначе, едва только вы заснете, васъ разбудитъ протяжная шведская пѣсня, приглашающая наслаждаться покойнымъ сномъ. Мнѣ часто случалось просыпаться при этомъ обязательномъ возгласѣ: *Спите, обыватели! столько-то часовъ било*! Впрочемъ, можетъ-быть, этому средневѣковому обычаю, нѣсколько непріятному для пріѣзжающихъ, обитатели Гельсингфорса обязаны между-прочимъ отсутствіемъ воровства въ ихъ городѣ.

Ulrikasborg похоже на отдѣльную маленькую колонію. Салонъ, съ молодымъ, но уже прекраснымъ паркомъ, совсѣхъ сторонъ обставляется дачами, и многія изъ нихъ напоминаютъ Каменный-Островъ. Одна называется Kalliolinna. Вы подумаете что это итальянское имя, данное въ воспоминаніе о какой-нибудь римской или неаполитанской виллѣ? Совсѣмъ нѣтъ: это просто чухонское слово, и значитъ—горный зáмокъ. Недаромъ финскій языкъ сравниваютъ съ итальянскимъ... Не бывъ предвѣщателемъ, можно сказать, что черезъ десять или пятнадцать лѣтъ вся эта сторона превратится въ одинъ прекрасный паркъ съ садами и дачами. Здѣсь, какъ вообще на сѣверѣ, все дѣлается очень быстро: едва сбѣжалъ съ утесовъ снѣгъ, едва блеснулъ первый теплый лучъ солнца—изъ трещинъ камней показалась уже зелень; еще теплый день—и деревья одѣлись листьями, растенія зацвѣли, въ кустахъ раздался голосъ залетной птички. То же самое и съ людьми: только-что лучъ цивилизаціи проникъ въ бѣдныя, безплодныя пустыни—въ нихъ возникли уже города, зацвѣли сады, закипѣла жизнь... Городской садъ (Kaisaniemi), паркъ при воксалѣ и садъ Синебрюхова растутъ прекрасно; но какъ въ городѣ нѣтъ древнихъ зданій, такъ и въ садахъ не найдете ни одного стараго дерева. Здѣсь все молодо, кромѣ вѣковѣчныхъ гранитовъ.

Окрестностей Гельсингфорса я почти не видалъ: мнѣ удалось только побывать въ Тёло (Thölö) и съѣздить въ Свеаборгъ.

Мы отправились въ крѣпость цѣлымъ обществомъ, взявъ на пристани парусную лодку съ двумя ловкими матросами. Мрачное, тяжелое чувство оставляетъ на душѣ видъ этой грозной, неприступной твердыни, построенной на гранитѣ изъ одного только гранита, и справедливо названной сѣвернымъ Гибралтаромъ. Страшно возвышаются ея громадныя стѣны, выложенныя изъ огромныхъ обломковъ и даже изсѣченныя въ цѣльныхъ скалахъ; мрачно глядятъ отвсюду ея безчисленныя орудія, охраняя финляндскую столицу. Куда ни оборотишься—вездѣ видишь только пушки и гранитъ. На главной площади, противъ комендантскаго дома, воздвигнутъ изъ того же гранита и чугуна памятникъ строителю крѣпости, шведскому фельдмаршалу Эренсверду. Этотъ инженеръ былъ вмѣстѣ и поэтомъ: въ скандинавской литературѣ, говорятъ, памятны до-сихъ-поръ сантиментальныя произведенія его классической музы; но единственнымъ памятникомъ поэтическаго генія стараго воина остается его романтическій Свеаборгъ.

Намъ достали билетъ для входа въ Густаве-Веркъ, самую страшную часть страшной твердыни. Со стѣны мы видѣли на сосѣднемъ островкѣ развалины искусственнаго дома, разрушеннаго выстрѣлами съ баттарей во время примѣрнаго ученья, бывшаго за три дня до нашего пріѣзда.

Посреди голыхъ утесовъ, на которыхъ воздвигнута крѣпость, разведенъ маленькій садикъ, и въ немъ есть даже плодовыя деревья и цвѣты. Но здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь становится грустно: самые цвѣты нагоняютъ невыразимую тоску, какъ свѣжій вѣнокъ повѣшенный на могилѣ. Мы спѣшили обойдти крѣпость и воротиться скорѣе въ салонъ, чтобъ дать отдохнуть глазамъ на розовыхъ личикахъ и веселой улыбкѣ...

Тёло — одно изъ любимыхъ гуляній гельсингфорской публики. Мѣсто это лежитъ на берегу живописнаго залива, и отсюда лучшій видъ на городъ.

Гуляя въ саду, я услышалъ вдругъ надъ головою свистъ: осматриваюсь — нѣтъ никого. Свистъ повторился; я поднялъ голову и увидѣлъ на деревьяхъ бесѣдку. Тамъ сидѣлъ какой-то господинъ и свисталъ точно Соловей-разбойникъ, безъ всякихъ, впрочемъ, враждебныхъ намѣреній на-счетъ прохожихъ, а единственно съ цѣлью позвать трактирнаго мальчика. Между-тѣмъ слуга пробѣгалъ по боковой аллеѣ и, по-видимому, не замѣчалъ свиста. Тогда господинъ, просунувъ сквозь вѣтви исполненное достоинства и солидности лицо, закричалъ по-русски: мальчикъ!

Я сжалился надъ нимъ, позвалъ прислужника и показалъ на дерево. Мальчикъ проворно взбѣжалъ по лѣстницѣ: я вошелъ за

нимъ. Бесѣдка устроена на деревьяхъ, между сучьями; въ ней столикъ и три стула. Видъ былъ прекрасный: я сѣлъ полюбоваться картиною.

Соловей-разбойникъ, въ которомъ узналъ я одного изъ самыхъ ревностныхъ потребителей псевдо-минеральныхъ водъ, поблагодарилъ меня за услугу и приказалъ мальчику подать стаканъ холоднаго пунша. У насъ завязался разговоръ.

— Вы вѣрно изъ Петербурга? спросилъ онъ.

— Изъ Петербурга.

— Вѣроятно лечитесь?

— Нѣтъ, гуляю.

— То-есть, для здоровья?

— Просто для удовольствія.

— А я такъ вотъ пріѣхалъ сюда лечиться, да что-то мало пользы! сказалъ мой новый знакомецъ, прихлебывая пуншъ.

— Вы пьете воду? спросилъ я.

— Да, пью.

— Какую?

— Холодную маріэнбадскую.

— Чѣмъ же вы страдаете?

— Ревматизмомъ.

— И нѣтъ пользы?

— Не то, чтобы не было: голова-то у меня теперь почти совсѣмъ здорова, да только, Богъ-знаетъ отъ чего, съ-тѣхъ-поръ, какъ началъ пить воду, чувствую разстройство въ желудкѣ и разслабленіе нервовъ...

Чудакъ, кажется, вмѣсто мнимой болѣзни, нажилъ настоящую. Между-тѣмъ онъ приказалъ подать другой пуншъ, вѣроятно для укрѣпленія желудка и нервовъ. Я началъ подумывать, какимъ-образомъ онъ сойдетъ съ дерева по узенькой лѣстницѣ въ двадцать ступеней. Но пуншъ по-видимому дѣйствовалъ на него лучше маріэнбадской воды: онъ соколомъ вылетѣлъ изъ бесѣдки.

Я долго любовался видомъ: прямо передо мною были заливы Thölö и Gloviken, на противоположномъ берегу ихъ Kaisaniemi и Ботаническій-Садъ, далѣе панорама города, увѣнчанная пятью голубыми куполами соборной церкви и замкнутая по краямъ гранитными утесами. Вечеръ былъ прекрасный, теплый; вдали гремѣла заревая пушка съ свеаборгской крѣпости, и выстрѣлы раскатывались звучно по тихому морю.

Въ десять часовъ утра отправились мы въ Выборгъ на пароходѣ *Унїоненъ*. Недавно я видѣлъ въ газетахъ, что этотъ пловучiй ветеранъ отслужилъ свои годы и продается съ публичнаго торга, а потому не скажу о немъ ни слова по-латинскому правилу: de mortuis aut bene aut nihil.

Мы шли финляндскими шерами (skär). Переѣздъ этотъ несравненно прiятнѣе, чѣмъ по открытому морю: здѣсь, въ лабиринтѣ островов, во-первыхъ, не страдаешь отъ морской болѣзни, а во-вторыхъ, безпрестанно любуешься панорамою самыхъ разнообразныхъ видовъ. Въ шерахъ есть мѣста восхитительныя. Между Борго и Ловизой пароходъ нѣсколько часовъ идетъ мимо множества островов, разнообразныхъ до безконечности. На каждомъ шагу открывается новая картина: иногда проливы съуживаются какъ рѣчки, или разливаются какъ озера; иногда виднѣется отдаленный берегъ, или необозримою далью сверкаетъ море; а по сторонамъ тянутся тысячи островов, и одни возникаютъ изъ воды голыми скалами, другiе опушены мохомъ, покрыты кустарникомъ, или поросли густыми елями и соснами. Нѣтъ двухъ островов, похожихъ другъ на друга: передъ вами каждую минуту являются новые арабески изъ гранита и зелени, какъ фигуры въ калейдоскопѣ. Отъ Ловизы виды становятся однообразнѣе, а съ Фридрихсгама начинаютъ уже надоѣдать. Глазъ до-того привыкаетъ къ нимъ, что хочется скорѣе выйдти въ открытое море.

Въ Фридрихсгамъ мы прiѣхали ночью. Салютные выстрѣлы изъ трехъ маленькихъ пушекъ рѣзко прозвучали съ нашего парохода, и въ отвѣтъ послышалось въ городѣ заунывное пѣнiе ночнаго сторожа: «спите, обыватели! одиннадцать часовъ било!» Едва успѣли мы остановиться, и якорная цѣпь еще гремѣла, съ шумомъ катясь въ море, какъ отъ пристани налетѣло множество маленькихъ лодочекъ. Мальчики и дѣвочки гребли изо всѣхъ силъ, стараясь перегнать другъ друга и поспѣть прежде другихъ къ пароходу, въ надеждѣ заработать нѣсколько копеекъ. Они цѣплялись за спущенную сходню, за колеса и бортъ, отталкивали одни другихъ, и страшно шумѣли, качаясь на своихъ маленькихъ лодочкахъ. Напрасно матросы безпрестанно отгоняли передовыхъ: ихъ мѣста тотчасъ занимали другiе. Шумъ и крикъ кончились въ то время, когда вся эта ватага маленькихъ корсаровъ убѣдилась въ печальной истинѣ, что никто изъ пассажировъ не намѣренъ съѣзжать на берегъ. Мы бросили въ одну лодку мѣдныхъ денегъ, но сами испугались, видя, какая поднялась суматоха между отчаянными моряками...

Луна свѣтила ярко, и весь Фридрихсгамъ былъ передъ нами, какъ на картинѣ. Я не рѣшился ѣхать въ городъ, и потому не буду описывать, чего не видалъ, а лучше разскажу, что слышалъ. Вотъ старинный фридрихсгамскiй анекдотъ, который до-сихъ-поръ остается въ памяти городскихъ старожиловъ.

Въ 1791 году Суворовъ начальствовалъ войсками, расположенными въ Финляндіи, и занимался постройкою укрѣпленій на шведской границѣ. Главная квартира его находилась въ Фридрихсгамѣ; самъ онъ жилъ въ домѣ г-жи Гринъ, вдовы тамошняго штаб-лекаря, лучшемъ во всемъ городѣ. Суворовъ занималъ верхній этажъ, хозяйка помѣщалась внизу. Она была женщина умная, ловкая, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ въ городѣ, хорошо говорила по-русски, и вполнѣ умѣла угодить своему знаменитому жильцу. Суворовъ любилъ ее, приходилъ къ ней въ свободныя минуты отъ своихъ занятій на чашку чая, любилъ говорить съ нею по-шведски и обыкновенно называлъ «маменькой».

У г-жи Гринъ была дочь и племянница, обѣ молодыя дѣвушки, и обѣ невѣсты: одна сговорена была за доктора Л., родомъ Итальянца, другая за голштинскаго уроженца У., который былъ въ Фридрихсгамѣ учителемъ. Г-жа Гринъ желала, чтобъ обѣ свадьбы совершились въ одно время, и, наконецъ, назначила день. Въ домѣ начались приготовленія.

За день до свадьбы штаб-лекарша пришла къ своему жильцу. Суворовъ былъ очень-веселъ, бѣгалъ по комнатѣ, и увидѣвъ свою «маменьку», самъ подалъ ей стулъ. Хозяйка сказала ему о наступающемъ днѣ свадьбы дочери и племянницы, и просила графа осчастливить ее, быть посажонымъ отцомъ у ея дочери. Суворовъ согласился, и, сверхъ-того, вызвался быть отцомъ посажонымъ и у племянницы, говоря, что любитъ обѣихъ невѣстъ и желаетъ познакомиться съ ихъ будущими мужьями. Г-жа Гринъ благодарила графа за честь.

— Не за что! не за что! закричалъ онъ. — Я васъ люблю, маменька; прямо, по-солдатски говорю, люблю. Я солдатъ, прямикъ, не двуличка—гдѣ мысли, тутъ и языкъ! Смотрите же, маменька, прибавилъ онъ прищуриваясь и грозя пальцомъ: — чтобъ мнѣ не быть у васъ за ужиномъ голоднымъ: я русскій солдатикъ, люблю щи, да кашу!

— Позвольте мнѣ, графъ, сказала хозяйка: — посовѣтоваться съ вашимъ поваромъ.

— Да, посовѣтуйтесь: мой Гришка славный поваръ, помилуй Богъ какой мастеръ; на свѣтѣ другаго нѣтъ!

Ободренная ласковымъ пріемомъ графа, хозяйка откровенно призналась, что безпокоится о тѣснотѣ квартиры. Суворовъ предложилъ ей свою половину.

— Но я буду въ-отчаяніи, если обезпокою васъ! сказала штаб-лекарша.

— Помилуй Богъ! вскричалъ Суворовъ.— Обезпокоить солдата, русскаго солдата! Развѣ онъ нѣженка какой? Дайте мнѣ чердакъ, либо чуланчикъ, да охапочку сѣнца, и усну, захраплю; развѣ вотъ кто разбудитъ!

Тутъ онъ хлопнулъ руками и запѣлъ пѣтухомъ. Въ тотъ же день графъ перебрался въ одну небольшую комнату и предоставилъ свою квартиру въ распоряженіе хозяйки.

Свадебный обрядъ, по желанію г–жи Гринъ, долженъ былъ совершиться у нея на дому. Комнаты уставили мёбелью, но во всей квартирѣ не было ни одного зеркала—изъ уваженія къ Суворову, который не могъ терпѣть зеркалъ. Наступилъ вечеръ; домъ освѣтили. Начали съѣзжаться гости, пріѣхали и женихи. Докторъ Л., человѣкъ лѣтъ тридцати, скромно одѣтый, имѣлъ характеръ хитрый, вкрадчивый, настоящій итальянскій. У. былъ моложе его нѣсколькими годами, веселаго и вѣтреннаго характера, и большой щеголь. Онъ одѣтъ былъ со всею изъисканностью тогдашней моды: во французскомъ фракѣ, нарочно выписанномъ изъ Петербурга; бѣлый, туго накрахмаленный галстухъ высоко подпиралъ его голову, причесанную по послѣдней, только-что явившейся, модѣ à la Brutus, со множествомъ кудрей, завитыхъ и взбитыхъ къ-верху; духи и помада разливали благоуханіе на нѣсколько шаговъ.

Все было готово, ждали посажонаго отца. Наконецъ явился Суворовъ, въ мундирѣ, въ орденахъ. Г–жа Гринъ подвела къ нему жениховъ. Графъ подалъ имъ руки, но при первомъ взглядѣ на учителя сдѣлалъ гримасу, и на лицѣ его показалась насмѣшливая улыбка. Пасторъ началъ обрядъ; сначала вѣнчали дочь г–жи Гринъ, потомъ племянницу. Во время обряда Суворовъ морщился, посматривая на учителя, нахмуривалъ брови, прищуриваясь, глядѣлъ на его прическу, выставлялъ носъ, нюхалъ и поплевывалъ въ сторону. Видно было, что модный фракъ, духи, и въ-особенности огромная прическа молодаго щеголя, произвели на него очень-непріятное впечатлѣніе. Сперва онъ молчалъ, потомъ началъ шептать: «щеголь! помилуй Богъ, щеголь! голова съ походный котелъ! прыгунчикъ! пахучка!»

Онъ вынулъ платокъ и зажалъ носъ.

По окончаніи обряда, Суворовъ поздравилъ молодыхъ. Докторъ умѣлъ ему понравиться. Графъ обходился съ нимъ очень-благосклонно, почти дружески: съ участіемъ разспрашивалъ о его дѣлахъ и называлъ зá-просто Карломъ Карловичемъ. Но лишь-только бѣдный учитель подходилъ къ Суворову, онъ затыкалъ платкомъ носъ, посматривая съ насмѣшкою на его прическу. Заиграла музыка. Графъ открылъ балъ полонезомъ съ дочерью хозяйки, потомъ танцовалъ съ другой молодою. По какому-то странному ослѣпленію, У. не замѣчалъ худаго впечатлѣнія, которое произвелъ на своего посажонаго отца, танцовалъ, веселился, перебѣгалъ изъ одного конца комнаты въ другой и вполнѣ выказывалъ всю веселость своего характера. По окончаніи одного танца, отводя на мѣсто даму, онъ былъ такъ неостороженъ, что наступилъ Суворову на ногу въ то время, когда тотъ проходилъ п,

комнатѣ. Суворовъ сморщился, сдѣлалъ гримасу, и схвативъ рукою ногу, сказалъ: «ай! ай! ай! ходить не могу... Господи, помилуй! хромаю! колѣкой сталъ!»

Гости встревожились. Испуганная хозяйка не знала что́ дѣлать; бѣдный У. походилъ на статую; молодая жена его готова была плакать. Наконецъ хозяйка приказала подать кресла и, обращаясь къ Суворову, умоляла его сѣсть. Суворовъ не слушалъ и продолжалъ говорить скоро: «Охъ, кургузый щеголь! безъ ноги сдѣлалъ! голова съ хохломъ! съ пребольшимъ хохломъ! Ой, помилуй Богъ! колѣкой сталъ! Эхъ, краснословка! вѣжливка! пахучка!»

Хозяйка совершенно-растерялась; всѣ гости съ недоумѣніемъ и страхомъ смотрѣли на эту странную сцену. Вдругъ Суворовъ подошелъ къ г-жѣ Гринъ.

— Маменька! сказалъ онъ:—маменька! гдѣ та щетка, которою передъ свадьбой обметали у васъ потолки, круглая такая, вотъ какъ голова этого щеголя?

Онъ показалъ на неподвижнаго У.

— На дворѣ, графъ! прошептала хозяйка.

— Славная щетка! продолжалъ Суворовъ, посматривая искоса на бѣднаго учителя, который, въ отчаяніи, пробирался къ стѣнѣ:— точно парикмахерскій болванъ!.. Брутова голова! Важно причесана, помилуй Богъ, какъ гладко! только-что стѣны обметать! Бруты, Цезари, патріоты на козьихъ ножкахъ, двулички-экивоки! языкомъ города берутъ, ногами пыль пускаютъ... а головы — пуфъ! щетка! ей-Богу, щетка!

Тутъ онъ повернулся къ хозяйкѣ и заговорилъ съ нею о московскихъ блинахъ и о томъ, ка́къ должно приготовлять ихъ. Мало-по-малу всѣ успокоились, начали говорить, шутить, смѣяться, и скоро всѣ, кромѣ несчастнаго У., забыли приключеніе со щеткой. Только фридрихсгамскій щеголь не могъ возвратить своей прежней веселости и не только не смѣлъ подойти къ Суворову, но избѣгалъ даже его взгляда.

За ужиномъ Суворовъ сѣлъ между двумя новобрачными дамами и выпилъ за ихъ здоровье стаканъ вина. Передъ нимъ поставили два горшка со щами и кашею. На другой день онъ прислалъ хозяйской дочери богатый серебряный сервизъ. Бѣдный щеголь не получилъ ничего.

Наразсвѣтѣ мы вышли изъ фридрихсгамской гавани. Днемъ погода была прекрасная; всѣ пассажиры собрались на палубѣ. Передо мною на лавкѣ сидѣло трое мужчинъ: одинъ въ тепломъ пальто́, другой въ байковомъ сюртукѣ, третій въ шинели съ мѣховымъ воротникомъ. По лицамъ замѣтно было, что это больные, возвращавшіеся въ Петербургъ съ лѣтняго леченія. Между ними начался разговоръ, и, по обыкновенію, съ погоды. Кутаясь въ свои воротники, они наперерывъ хвалили прекрасный день,

— Ка́къ жаль! сказалъ господинъ въ пальто́: — теперь ѣдешь назадъ, погода стои́тъ прекрасная, а лѣтомъ, когда нужно было лечиться, дышать воздухомъ, рѣдкій день проходилъ безъ дождя.

— Вы лечились въ Гельсингфорсѣ? спросилъ сосѣдъ его въ сюртукѣ.

— Нѣтъ, я былъ въ Ревелѣ.

— Скажите! ка́къ вы находите тамошній климатъ и леченье?

— Превосходныя! Я совершенно выздоровѣлъ! отвѣчалъ онъ, натаскивая cache-nez на самый ротъ. — А вы также лечились?

— Купался все лѣто.

— Въ Гельсингфорсѣ?

— Да́.

— Ну, ка́къ вы нашли гельсингфорскія купанья?

— Чрезвычайно-полезны: я поздоровѣлъ, переродился! отвѣчалъ пассажиръ въ байковомъ сюртукѣ, закутываясь воротникомъ.

— Но мнѣ кажется, ревельскія купанья здоровѣе.

— Нѣтъ, гельсингфорскія! это общій голосъ.

— Позвольте замѣтить, сказалъ господинъ въ мѣховой шинели: — что врачи съ особенной похвалою отзываются объ Аренсбургѣ.

— Какіе врачи? спросилъ ревельскій паціентъ.

— Аренсбургскіе же? прибавилъ поклонникъ Гельсингфорса.

— Нѣтъ, петербургскіе!

— Полноте! полноте! отвѣчали ему: — въ Аренсбургѣ никто не выздоравливаетъ.

— Ошибаетесь: я самъ лечился въ Аренсбургѣ.

— И чувствуете пользу?

— Большую пользу. Смѣю васъ увѣрить, тамошнія ванны крайне здоровы, отвѣчалъ господинъ въ мѣховой шинели, закутывая шею воротникомъ.

— Далеко имъ до гельсингфорскихъ: не тотъ грунтъ, не тотъ...

— Въ Ревелѣ воздухъ другой, вода другая...

— Вы предубѣждены въ пользу этихъ городовъ, господа, очень-предубѣждены. И на лицѣ у васъ, извините меня, не видать большаго здоровья; если бъ вы лечились въ Аренсбургѣ, смѣю завѣрить, вы не та́къ поздоровѣли бы.

— Однако вы сами не можете похвалиться здоровымъ лицомъ!

— Это правда; но аренсбургскія купанья дѣйствуютъ не вдругъ. Докторъ сказалъ мнѣ, что я совершенно поправлюсь мѣсяца черезъ два...

— Въ Петербургѣ? спросили его собесѣдники съ насмѣшливой улыбкою.

— Въ Петербургѣ. Докторъ объяснилъ, что во мнѣ уже произошла, такъ сказать, реакція противъ болѣзни; только обнаружится она вполнѣ черезъ нѣсколько недѣль... Однако, здѣсь, господа, какъ-будто дуетъ! Не лучше ли намъ въ каюту?

— Да́, здѣсь душно отъ печи.

Выздоровѣвшіе посѣтители балтійскихъ ваннъ встали и побрели въ каюту, закутывая шеи и закрывая рты. Между-тѣмъ день былъ теплый, прекрасный.

Въ одиннадцатомъ часу мы пришли въ Выборгъ. Это городокъ маленькій, и по-видимому, не веселый. Здѣсь отзывается уже петербургскими нравами, и за обѣдъ въ салонѣ платятъ по петербургскимъ цѣнамъ. Я пошелъ въ садъ, разведенный на высокой горѣ. Тамъ показываютъ большой камень, съ котораго Петръ-Великій обозрѣвалъ городскія укрѣпленія во время осады. Изъ бесѣдки открывается довольно-хорошій видъ на городъ и заливъ къ Тронзунду.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, мы бросили якорь передъ Кронштадтомъ.

А. МИЛЮКОВЪ.

ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ
ПИККВИКСКАГО-КЛУБА

или

ПОДРОБНѢЙШІЙ И ДОСТОВѢРНЫЙ РАПОРТЪ О СТРАНСТВОВАНІЯХЪ, ОПАСНОСТЯХЪ, ПУТЕШЕСТВІЯХЪ, ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ И ЗАБАВНЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ УЧЕНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ-КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ ПОКОЙНАГО КЛУБА.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

Часть вторая.

ГЛАВА I.

На грѣхъ мастера нѣтъ: мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.—Побѣдоносная игра, и нѣкоторыя другія чрезвычайно-интересныя подробности назидательнаго свойства.

Утомительныя приключенія несчастнаго утра и счастливѣйшаго вечера, равно какъ эффектъ пасторскаго разсказа, произвели самое могущественное вліяніе на воспріимчивыя чувства президента Пикквикскаго-Клуба. Лишь-только радушный хозяинъ, со свѣчею въ рукахъ, проводилъ своего гостя въ комфортебльную спальную, мистеръ Пикквикъ минутъ черезъ пять погрузился въ сладкій и глубокій сонъ, отъ котораго, впрочемъ, немедленно воспрянулъ при первыхъ лучахъ палящаго солнца. Иначе, конечно, и быть не можетъ: между свѣтилами двухъ міровъ, физическаго и нравственнаго, должна быть постоянная, прямая и непосредственная симпатія.

Мистеръ Пикквикъ вскочилъ съ постели, надѣлъ халатъ, открылъ окно, испустилъ глубокій вздохъ, и воскликнулъ такимъ образомъ:

— О природа, чистая, безъискусственная, очаровательная природа — благословляю тебя! Какой безумецъ согласится навсегда запереть себя въ душномъ пространствѣ, среди извести, кирпичей и глины, если только разъ удалось ему почувствовать на себѣ вліяніе роскошной сцены, открывшейся теперь передъ моими глазами? Какой съумасбродъ рѣшится прозябать всю свою жизнь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни овечекъ, ни коровъ, ни всѣхъ этихъ щедрыхъ даровъ Сильвана и Помоны, разсыпанныхъ здѣсь на каждомъ шагу для мирныхъ и тихихъ наслажденій истинныхъ сыновъ обожаемой натуры? Какой, говорю я, какой?!..

И мистеръ Пикквикъ, отъ избытка душевныхъ волненій, высунулъ свою голову изъ окна, чтобъ удобнѣе любоваться на лазурное небо и цвѣтущія поля. Запахъ свѣжаго сѣна и сотни благоуханій отъ цвѣтовъ маленькаго сада наполняли воздухъ передъ окнами прекрасной дачи; зеленые луга сіяли подъ утренней росой, блиставшей на каждомъ листкѣ, и птицы стройнымъ хоромъ заголосили свой концертъ, какъ-будто въ трепещущихъ капляхъ росы скрывался для нихъ источникъ вдохновеній. Сладостное и очаровательное мечтаніе осѣнило душу великаго мужа.

— Эгой!

Этотъ прозаическій звукъ весьма-неосторожно и некстати разорвалъ нить размышленій, уже начинавшихъ приходить въ стройный, систематическій порядокъ въ головѣ глубокаго мыслителя. Мистеръ Пикквикъ взглянулъ направо: никого не было; взглянулъ налѣво: тоже никого; онъ возвелъ свой взоръ на небеса, но и тамъ не оказалось ни одного подозрительнаго предмета. Затѣмъ великій мужъ отважился на дѣйствіе, которое бы всего скорѣе пришло въ голову обыкновеннаго человѣка: онъ заглянулъ въ садъ, и въ саду увидѣлъ мистера Уардля.

— Съ добрымъ утромъ, мистеръ Пикквикъ, проговорилъ почтенный джентльменъ, проникнутый, очевидно, чувствами поэтическихъ наслажденій. – Чудесный день, не-правда-ли? Хорошо, что вы рано встаете. Выходите скорѣе къ намъ. Я буду васъ ждать.

Мистеръ Пикквикъ не заставилъ повторить обязательнаго приглашенія. Въ десять минутъ туалетъ его былъ конченъ, и черезъ десять минутъ былъ онъ въ саду подлѣ веселаго старичка.

— Вотъ вы какъ! воскликнулъ мистеръ Пикквикъ, замѣтившій, съ нѣкоторымъ изумленіемъ, что товарищъ его держалъ ружье въ своей рукѣ, и что другое ружье лежало на травѣ подлѣ него. — Что вы хотите съ этимъ дѣлать?

— Вашъ другъ и я собираемся передъ завтракомъ немного пострѣлять, отвѣчалъ добродушный хозяинъ. — Вѣдь онъ хорошо стрѣляетъ?

— Да, мой пріятель говоритъ, что онъ отличный стрѣлокъ, подтвердилъ мистеръ Пикквикъ: — мнѣ, впрочемъ, еще не случалось видѣть его искусства.

— И прекрасно: стало-быть, вамъ предстоитъ удовольствіе быть свидѣтелемъ нашей забавы. Что́ это онъ та́къ долго не йдетъ? Джой, Джой!

Жирный дѣтина, освѣженный живительнымъ вліяніемъ утренней погоды, былъ, казалось, на этотъ разъ усыпленъ не совсѣмъ, а только на три четверти съ дробью. Немедленно онъ вышелъ на крыльцо.

— Ступай, Джой, позови этого джентльмена и скажи, что мы съ мистеромъ Пикквикомъ станемъ ждать его у деревьевъ передъ грачами. Ты покажешь дорогу.

Сонливый толстякъ поворотилъ налѣво кругомъ, а мистеръ Уардль, какъ новый Робинзонъ Крузо, положилъ на плечо оба ружья и вышелъ изъ садовой калитки.

— Вотъ мы здѣсь и остановимся, сказалъ пожилой джентльменъ, когда онъ и мистеръ Пикквикъ подошли къ деревьямъ, унизаннымъ на своихъ верхушкахъ гнѣздами грачей.

— Что́ жь мы станемъ дѣлать? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— А вотъ увидите.

Пожилой джентльменъ принялся заряжать ружье.

— Сюда, го́спода, сюда! воскликнулъ мистеръ Пикквикъ, завидѣвъ фигуры господъ Снодграса, Винкеля и Топмана.

Пикквикисты только-что вышли изъ садовой калитки, и направляли свои шаги къ жилищу грачей. Жирный дѣтина, не зная навѣрное, какого-именно джентльмена долженъ онъ позвать къ своему господину, пригласилъ ихъ всѣхъ до одного, разсчитывая весьма-благоразумно, что въ такомъ случаѣ не будетъ никакихъ недоразумѣній.

— Поздненько вы встаете, мистеръ Винкель, проговорилъ пожилой джентльменъ.—Исправный охотникъ не станетъ дожидаться солнечнаго восхода.

Мистеръ Винкель отвѣчалъ принужденной улыбкой, и принялъ поданное ружье съ такой прискорбной физіономіей, которая, въ метафизическомъ смыслѣ, могла бы скорѣе принадлежать невинному грачу, томимому предчувствіемъ насильственной смерти.

Пожилой джентльменъ свистнулъ и махнулъ рукой. По этому знаку, двое оборванныхъ мальчишекъ, выступившихъ на сцену подъ дирекціей новаго Ламберта (*) въ дѣтской формѣ, начали карабкаться по сучьямъ двухъ ближайшихъ деревъ.

— Зачѣмъ здѣсь эти ребята? спросилъ мистеръ Пикквикъ взволнованнымъ тономъ. Ему вдругъ пришло въ голову, что несчастные мальчишки, въ надеждѣ пріобрѣсть скудную плату за свой рискъ, промышляютъ тѣмъ, что дѣлаютъ изъ себя живыя мише-

---

(*) Daniel Lambert—извѣстный чудакъ, жирный, высокій и толстый. Онъ жилъ въ Лондонѣ, и показывалъ себя за деньги, какъ рѣдкое произведеніе природы. Его имя сдѣлалось нарицательнымъ.

ни для пуль неопытныхъ стрѣлковъ. Его сердце облилось кровью.

— Имъ надобно вспугнуть игру, ничего больше, отвѣчалъ, улыбаясь, мистеръ Уардль.

— Что́?

— Вспугнуть игру, то-есть, говоря на чистомъ англійскомъ нарѣчіи, расшевелить грачей.

— Только-то?

— Да́. Вы успокоились?

— Совершенно.

— Очень-хорошо. Могу я начать?

— Сдѣлайте милость, сказалъ мистеръ Винкель, обрадованный тѣмъ, что очередь до него дойдетъ не слишкомъ-скоро.

— Въ такомъ случаѣ, посторонитесь. Ну, мальчуганъ!

Мальчишка свистнулъ, закричалъ, и принялся раскачивать вѣтвь съ грачинымъ гнѣздомъ. Встрепенулись юные птенцы, подняли встревоженный го́воръ, и, размахивая крыльями, съ участіемъ разспрашивали другъ друга, зачѣмъ зоветъ ихъ безпокойный человѣкъ. Ружейный выстрѣлъ былъ для нихъ громогласнымъ отвѣтомъ. На̀взничь палъ одинъ птенецъ, и высоко взвились надъ нимъ уцѣлѣвшія птицы.

— Подыми, Джой, сказалъ пожилой джентльменъ.

Радостная улыбка засіяла на щекахъ сонливаго дѣтины, когда онъ выступилъ впередъ: смутныя видѣнія маслянаго пирога съ начинкой изъ грача зашевелились въ его воображеніи жирно и сладко. Онъ поднялъ птицу, и засмѣялся восторженнымъ смѣхомъ: птица была толстая и жирная.

— Ну, мистеръ Винкель, сказалъ хозяинъ, заряжая опять свое собственное ружье:—Теперь ваша очередь: стрѣляйте.

Мистеръ Винкель двинулся впередъ, и поднялъ ружье. Мистеръ Пикквикъ и его друзья инстинктивно спѣшили посторониться на значительное разстояніе, изъ опасенія повредить свои шляпы убитыми грачами, которые, нѣтъ сомнѣнія, дюжинами попа́даютъ на землю послѣ опустошительнаго выстрѣла. Послѣдовала торжественная пауза, и за нею — крикъ мальчишки — птичій го̀воръ — слабый стукъ.

— Эге! воскликнулъ пожилой джентльменъ.

— Что́, другъ? Ружье не годится? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Осѣчка! проговорилъ мистеръ Винкель, блѣдный какъ снѣгъ.

— Странно, очень-странно, сказалъ пожилой джентльменъ:— этого за нимъ прежде никогда не водилось. Да что̀ это? Я вовсе не вижу пистона.

— Какая разсѣянность! воскликнулъ мистеръ Винкель.—Я вѣдь и забылъ про пистонъ!

Ошибка мигомъ была исправлена, и мистеръ Винкель опять выступилъ впередъ съ видомъ отчаянно-рѣшительнымъ и храбрымъ. Мистеръ Топманъ пріютился за кустомъ, и съ трепетомъ

смотрѣлъ на приготовительную церемонію стрѣльбы. Мальчишка опять поднялъ крикъ, и вспугнулъ четырехъ птицъ. Мистеръ Винкель выстрѣлилъ. Стонъ изъ груди человѣка былъ жалобнымъ и совершенно непредвидѣннымъ отвѣтомъ: господину Топману суждено было спасти жизнь невиннаго грача принятіемъ значительной части заряда въ свое лѣвое плечо.

Послѣдовала суматоха, неизобразимая ни перомъ, ни языкомъ, и мы отнюдь не беремся описывать, какъ мистеръ Пикквикъ, проникнутый справедливымъ негодованіемъ, назвалъ мистера Винкеля—злодѣемъ; какъ мистеръ Топманъ, низверженный и плавающій въ собственной крови, лежалъ и стоналъ, произнося въ забытьи какое-то имя обожаемой красавицы, и проклиная своего убійцу, стоявшаго передъ нимъ на колѣняхъ; какъ потомъ открылъ онъ свой правый глазъ, и прищурилъ его опять, опрокидываясь навзничь. Все это представляло сцену поразительную и даже раздирательную въ нѣкоторомъ смыслѣ. Наконецъ, однакожь, къ общему утѣшенію, несчастный страдалецъ пришелъ въ себя, и обнаружилъ очевидные признаки жизни. Друзья поставили его на ноги, перевязали ему рану носовымъ платкомъ, и медленными шагами пошли домой, поддерживая его со всѣхъ сторонъ.

Шествіе было умилительное и трогательное. Они приближались къ садовой калиткѣ, гдѣ уже давно стояли дамы, ожидавшія къ завтраку своихъ городскихъ гостей. Дѣвствующая тётушка лучезарилась самою радужною улыбкой, и дѣлала веселые знаки. Ясно, что она ничего не знала о случившейся бѣдѣ. Невинное созданіе! Бываютъ времена, когда душевное невѣдѣніе служитъ для насъ залогомъ самаго прочнаго блаженства.

Они подошли ближе.

— Что это у нихъ сдѣлалось съ маленькимъ старичкомъ? сказала Изабелла Уардль.

Дѣвствующая тётушка не обратила никакого вниманія на этотъ вопросъ, относившійся, по ея мнѣнію, къ президенту Пикквикскаго-Клуба. Треси Топманъ былъ еще юношей въ ея глазахъ, и она смотрѣла на его лѣта въ уменьшительное стекло.

— Ничего, mesdames, будьте спокойны, сказалъ пожилой джентльменъ, желавшій заранѣе предупредить суматоху въ обществѣ женщинъ.

Дамы обступили мистера Топмана.

— Не бойтесь, mesdames, повторилъ хозяинъ.

— Что жь такое случилось? вскрикнули робкія леди.

— Небольшое несчастіе съ мистеромъ Топманомъ, ничего больше.

Цѣломудренная тётка испустила пронзительный крикъ, закатилась истерическимъ смѣхомъ, и повалилась безъ чувствъ въ объятія своихъ племянницъ.

— Окатить ее холодной водой, сказалъ пожилой джентльменъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пробормотала цѣломудренная тётка:—мнѣ те-

перь лучше, гораздо-лучше. Изабелла, Эмилія—доктора! Онъ раненъ? умеръ? О, Боже мой! Ха; ха, ха!

Это былъ второй нумеръ истерическаго хохота, сопровождаемый отчаянно-дикимъ визгомъ.

— Успокойтесь, сказалъ мистеръ Топманъ, растроганный почти до слезъ этимъ умилительнымъ выраженіемъ нѣжной симпатіи:— Успокойтесь, сударыня, сдѣлайте милость.

— Его ли это голосъ? воскликнула цѣломудренная тётка, дико вращая глазами.

Третій нумеръ истерики принялъ опустошительно-страшный характеръ.

— Не тревожьтесь, сударыня, умоляю васъ именемъ неба, проговорилъ мистеръ Топманъ нѣжнымъ тономъ.—Я немного раненъ, и ничего больше.

— Такъ вы не умерли? взвизгнула истерическая леди.—О, скажите, ради Бога, что вы не умерли!

— Что́ за глупости, Рахиль? перебилъ мистеръ Уардль довольно-грубымъ тономъ, совершенно-противорѣчившимъ поэтическому характеру всей этой сцены.—За какимъ чортомъ сказать онъ долженъ, что онъ не умеръ?

— О нѣтъ, нѣтъ, я не умеръ! воскликнулъ мистеръ Топманъ:— Мнѣ нужна только ваша помощь, сударыня. Позвольте облокотиться на вашу ручку, прибавилъ онъ шопотомъ: — о, миссъ Рахиль!

Дѣвственная тётка сдѣлала два шага впередъ, и подала ему руку. Они благополучно пришли въ столовую. Мистеръ Треси Топманъ, улучивъ удобную минуту, прижалъ ея пальчики къ своимъ губамъ, и опустился на софу.

— Вы слабы? сказала сострадательная Рахиль.

— Нѣтъ, это ничего. Скоро я совѣмъ оправлюсь. Благодарю васъ.

И проговоривъ послѣднюю фразу, мистеръ Топманъ закрылъ глаза.

— Онъ спитъ, пробормотала дѣвственная тётка. — Его органы зрѣнія были сомкнуты только въ-продолженіе двадцати секундъ.— Милый, милый Треси!

Мистеръ Топманъ встрепенулся и вскочилъ.

— О, произнесите еще разъ эти отрадныя слова! воскликнулъ онъ съ трогательнымъ умиленіемъ, и самымъ убѣдительнымъ тономъ.

Цѣломудренная дѣва испугалась.—Вы, конечно, ихъ не слышали? проговорила она съ дѣвственной застѣнчивостью.

— О, да́, я слышалъ ихъ! возразилъ мистеръ Топманъ. — Повторите ли вы ихъ изъ состраданія къ несчастливцу, который...

— Молчите! прервала цѣломудренная леди.—Мой братъ.

Мистеръ Треси Топманъ принялъ свою прежнюю позу, и черезъ минуту въ комнату вошелъ мистеръ Уардль, сопровождаемый хирургомъ.

Плечо было освидѣтельствовано, рана перевязана, и докторъ, къ общему благополучію, объявилъ, что опасности не было ни малѣйшей. Мало-по-малу веселость водворилась снова, и завтракъ начался своимъ чередомъ. Джентльмены и леди, повидимому, совсѣмъ забыли непріятное приключеніе, грозившее оставить по себѣ такія печальныя послѣдствія. Одинъ мистеръ Пиквикъ молчалъ и, казалось, былъ погруженъ въ глубочайшую задумчивость. Его довѣренность къ мистеру Винкелю поколебалась, распаталась, и едва совсѣмъ не исчезла.

— Играете ли вы въ криккетъ? спросилъ мистеръ Уардль, обращаясь къ несчастному стрѣлку.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, мистеръ Винкель не задумался бы дать утвердительный отвѣтъ; но теперь онъ понималъ и чувствовалъ деликатность своего положенія, и скромно отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— А вы, сэръ? спросилъ мистеръ Снодграсъ.

— Игрывалъ встарину, отвѣчалъ хозяинъ:—но теперь отвыкъ. Я членъ здѣшняго клуба криккетистовъ, но самъ уже давно не играю (*).

(*) Многосложная и довольно запутанная игра въ криккетъ требуетъ для русскихъ читателей нѣкоторыхъ поясненій. Она разъигрывается двумя партіями, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ одиннадцати человѣкъ. Прежде всего вколачиваются въ землю два, такъ-называемыя, уиккета (wickets) или городка, на разстояніи двадцати шаговъ другъ отъ друга. Каждый уиккетъ состоитъ изъ трехъ вертикально поставленныхъ палокъ, на которыя кладется еще палка меньшей величины. Партіи бросаютъ жребій, и тогда съ одной стороны выходятъ съ палками два игрока, и становятся подлѣ уиккетовъ. Каждый изъ нихъ обязанъ оборонять свой городокъ. Съ этой цѣлью, тотъ и другой отмѣриваютъ отъ уиккета длину своей палки, и на томъ разстояніи выкапываетъ маленькое углубленіе, куда вколачиваетъ толстый конецъ дубины. Съ другой стороны выходятъ два, такъ-называемые, баулера (bowlers), которые должны стараться попасть своимъ шаромъ въ эти городки. Другіе игроки изъ второй же партіи, приставленные для наблюденія за ходомъ игры, обязаны считать и подавать баулерамъ шаръ, если онъ отлетитъ слишкомъ-далеко. Когда первый баулеръ броситъ шаръ въ противоположный уиккетъ, то могутъ произойдти три характеристическихъ обстоятельства: или баулеръ попадетъ въ уиккетъ, или не попадетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ударъ его не будетъ отраженъ защитникомъ уиккета, либо, наконецъ, брошенный шаръ далеко отпрянетъ отъ удара дубиной. Въ первомъ случаѣ, неловкій защитникъ городка совсѣмъ оставляетъ игру, и на его мѣсто становится игрокъ изъ той же партіи; во второмъ — шаръ поднимается другимъ баулеромъ и бросается въ противоположный уиккетъ; въ-третьемъ — баулеры, приставленные для наблюденій, бѣгутъ за шаромъ, поднимаютъ его и бросаютъ въ одинъ изъ городковъ. Между-тѣмъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, защитники городковъ перебѣгаютъ нѣсколько разъ отъ одного уиккета къ другому, стараясь въ то же время не прозѣвать непріятельскаго нападенія. Число сдѣланныхъ ими

— Сегодня, я полагаю, будетъ большое собраніе, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Да́, говорятъ, игра завязывается на-славу, отвѣчалъ хозяинъ.—Хотите посмотрѣть?

— Я люблю видѣть игры всякаго рода, отвѣчалъ мистеръ Пикквикъ:—если только въ нихъ, отъ неопытности какого-нибудь хвастуна, не подвергается опасности человѣческая жизнь.

Мистеръ Пикквикъ пріостановился, и строго взглянулъ на мистера Винкеля, который обомлѣлъ подъ испытующимъ взглядомъ своего президента. Черезъ нѣсколько секундъ, великій мужъ отвелъ отъ него свои глаза и прибавилъ:

— Можемъ ли мы поручить нашего раненнаго друга заботливости вашихъ леди?

— Совершенно можете, пробормоталъ скороговоркой мистеръ Топманъ.

— Разумѣется, подтвердилъ мистеръ Снодграсъ.

Поразмыслили и рѣшили, что мистеръ Топманъ останется дома подъ благодатнымъ надзоромъ женскаго комитета, а всѣ остальные джентльмены, подъ предводительствомъ мистера Уардля, отправятся въ городъ Моггльтонъ, куда поголовно выступитъ весь Дингли-Делль, чтобъ принять побѣдоносное участіе въ національной игрѣ, занимавшей теперь умы всѣхъ горожанъ и поселянъ.

Они пошли веселою и стройною толпой, и черезъ нѣсколько часовъ, мистеръ Пикквикъ, почти самъ не зная ка́къ, очутился въ главной улицѣ Моггльтона.

Всѣмъ, а можетъ-быть не всѣмъ, извѣстно, статься-можетъ даже, что и никому неизвѣстно, что Моггльтонъ — весьма-древній, вѣрный и почтенный городъ, снабженный всѣми административными чинами, и владѣющій съ незапамятныхъ временъ неоспоримымъ правомъ представлять изъ своей среды одного члена-депутата въ англійскій парламентъ, гдѣ тоже съ незапамятныхъ временъ насчитываютъ въ дѣловомъ архивѣ три тысячи триста тридцать три документа относительно города Моггльтона. Однихъ просьбъ относительно уничтоженія торговли въ праздничные дни

переходовъ отмѣчается особенными маркерами, и на нихъ-то собственно основывается побѣда той или другой стороны. Какъ-скоро сбитъ одинъ изъ городковъ, защитникъ его немедленно долженъ оставить игру, и это мѣсто занимается другимъ изъ той же партіи криккетистовъ. Когда такимъ-образомъ всѣ члены одной партіи принуждены будутъ, одинъ за другимъ, оставить игру, очередь доходитъ до игроковъ противоположной стороны. Побѣда окончательно рѣшается числомъ переходовъ, сдѣланныхъ криккетистами обѣихъ партій. Должно замѣтить, что cricket — національная и самая любимая игра Англичанъ. Во многихъ городахъ учреждены для нея особенные клубы, и случается весьма-нерѣдко, что здѣсь одинъ городъ соперничествуетъ съ другимъ, выбирая изъ своей среды лучшихъ криккетистовъ, и противопоставляя ихъ соперникамъ другаго мѣстечка. При чемъ, какъ водится, устроиваются съ обѣихъ сторонъ пари на огромныя суммы. *Прим. перев.*

поступило отъ него въ парламентъ пять-сотъ-тридцать-семь, и вслѣдъ затѣмъ таковое число прошеній послѣдовало относительно поощренія промышлености, искусствъ и ремеслъ на всемъ пространствѣ великобританской территоріи. Триста-семьдесятъ проектовъ относительно дистиллированія можжевеловой желудочной водки тоже въ свое время были представлены благосклонному вниманію лордовъ, вмѣстѣ съ покорнѣйшимъ прошеніемъ касательно выдачи столѣтней привилегіи ново-учредившемуся обществу воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ.

Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ знаменитому городу, мистеръ Пикквикъ стоялъ на главной его улицѣ, и смотрѣлъ съ видомъ ученой любознательности на окружающіе предметы. Передъ нимъ во всей красотѣ разстилалась торговая площадь, и въ центрѣ ея—огромный трактиръ съ блестящей вывѣской весьма-замысловатой натуры: то былъ на мраморной колоннѣ сизо-бирюзовый левъ съ высунутымъ языкомъ и тремя низенькими ножками, поднятыми на воздухъ, между-тѣмъ-какъ четвертая лапа неистово опиралась на колонну. Тутъ были также пожарный дворъ и страховая отъ огня контора, запасный магазинъ зерноваго хлѣба, питейная контора, булочная, полпивная, и башмачная лавка, принимавшая также на себя обязанность доставлять честнымъ гражданамъ потребное количество шляпъ, фуражекъ, колпаковъ, зонтиковъ, чепчиковъ и учебныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. Былъ тутъ красный кирпичный домикъ съ небольшимъ вымощеннымъ дворомъ, принадлежавшій, какъ всѣмъ было извѣстно, городскому адвокату, и былъ тутъ, сверхъ-того, другой красный кирпичный домикъ съ венеціанскими ставнями и огромной вывѣской надъ воротами, гдѣ явственно обозначалось золотыми буквами—жилище городскаго врача. Двѣ-три дюжины мальчишекъ бѣжали черезъ площадь на поле криккетистовъ, и два-три лавочника, почесывая затылки, стояли у своихъ дверей, увлекаемые очевиднымъ желаніемъ быть свидѣтелями національной игры. Все это замѣтилъ мистеръ Пикквикъ отчетливо и ясно, и уже въ душѣ его заранѣе обрисовался планъ краснорѣчивѣйшей страницы путевыхъ впечатлѣній. Разсчитывая написать ее, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ поспѣшилъ присоединиться къ своимъ друзьямъ, которые уже поворотили изъ главной улицы и созерцали на краю города широкое поле битвы.

Уиккеты были уже совсѣмъ готовы, и не въ дальнемъ разстояніи отъ нихъ красовались двѣ палатки обширнаго размѣра, снабженныя всѣми принадлежностями для отдыха и прохлады состязающихся криккетистовъ. Но игра еще не начиналась. Два или три героя изъ Дингли-Делля, и столько же городскихъ богатырей, забавлялись на чистомъ воздухѣ, съ величественнымъ видомъ перекидывая съ-руки-на-руку массивные шары. Другіе криккетисты въ соломенныхъ шляпахъ, фланелевыхъ курткахъ и

бѣлыхъ штанахъ, бродили около палатокъ, куда и мистеръ Уардль повелъ своихъ гостей.

Полдюжины привѣтствій, громкихъ и радушныхъ, встрѣтили прибытіе пожилаго джентльмена. Всѣ фланелевыя куртки выступили впередъ, когда онъ началъ рекомендовать своихъ гостей, джентльменовъ изъ Лондона, желавшихъ съ нетерпѣніемъ видѣть собственными глазами національное игрище, которое, нѣтъ сомнѣнія, доставитъ имъ одно изъ величайшихъ наслажденій.

— Вамъ, я полагаю, будетъ гораздо-удобнѣе въ палаткѣ, сказалъ одинъ весьма-статный господинъ, съ туловищемъ, нѣсколько похожимъ на резинковый шаръ, набитый гусинымъ пухомъ.

— Въ палаткѣ, сэръ, вы найдете все, что провинція можетъ придумать для столичныхъ гостей, подтвердилъ другой джентльменъ весьма-величавой и мужественной наружности.

— Вы очень-добры, сэръ, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Сюда пожалуйте, добавилъ джентльменъ съ шарообразнымъ туловищемъ.—Отсюда вы можете увидѣть всѣ эволюціи нашихъ молодцовъ.

Президентъ и мистеръ Уардль вошли въ палатку.

— Безподобная игра... эффектъ сильнѣйшій... упражненіе для физики... мастерство!

Эти и нѣкоторыя другія слова стенографическаго свойства поразили прежде всего благородный слухъ мистера Пикквика при входѣ его въ гостепріимную палатку. Первый предметъ, представившійся его глазамъ, былъ—зелено-фрачный пріятель рочестерскаго дилижанса, расточавшій свое краснорѣчіе передъ избраннымъ кружкомъ, въ клубѣ криккетистовъ. Его костюмъ былъ приведенъ немного въ исправнѣйшее состояніе, и вмѣсто башмаковъ, на немъ были сапоги; но это былъ точно онъ, испанскій путешественникъ, обожаемый другъ доньи Христины.

Незнакомецъ мигомъ угадалъ своихъ друзей. Выступивъ впередъ, онъ схватилъ за руку мистера Пикквика, и съ обычною торопливостью началъ усаживать его на стулъ, продолжая говорить безъ-умолка во все это время, какъ-будто всѣ городскія распоряженія состояли подъ его особеннымъ покровительствомъ и непосредственнымъ надзоромъ.

— Сюда... сюда... отмѣнная потѣха... бочки пива... коньякъ первѣйшаго сорта... бифстексъ... ростбифъ... копченые языки... телѣга съ чеснокомъ... горчица дребезжитъ... превосходный день... пулярдки... радъ васъ видѣть... будьте какъ дома... безъ церемоній... отличная штука!

Мистеръ Пикквикъ усѣлся на указанное мѣсто; Винкель и Снодграсъ также безмолвно повиновались распоряженіямъ своего таинственнаго друга. Мистеръ Уардль смотрѣлъ, удивлялся и — ничего не понималъ.

— Позвольте, мистеръ Уардль, представить вамъ моего друга, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Вашего друга! Здравствуйте, сэръ. Очень-пріятно познакомиться съ другомъ моего друга.

Незнакомецъ быстро сдѣлалъ антраша, и началъ пожимать руку мистера Уардля съ такою пламенною горячностью, какъ-будто они были закадышными друзьями лѣтъ двадцать сряду. Отступивъ потомъ шага два назадъ, и окинувъ собраніе орлинымъ взглядомъ, онъ еще разъ схватилъ руку мистера Уардля, и повидимому обнаружилъ даже очевидное намѣреніе влѣпить поцалуй въ его розовую щеку.

— Какъ вы здѣсь очутились, любезный другъ? спросилъ мистеръ Пикквикъ съ благосклонной улыбкой.

— Такъ-себѣ, отвѣчалъ стенографическій другъ:—прикатилъ... городская гостинница... пропасть молодёжи... фланелевыя куртки, бѣлые штаны... горячія почки съ перцомъ... поросенокъ со сметаной... отмѣнные ребята... весельчаки... Превосходно!

Мистеръ Пикквикъ, уже имѣвшій довольно-обширныя свѣдѣнія въ стенографической системѣ незнакомца, быстро понялъ и сообразилъ изъ его лаконическихъ рѣчей, что онъ, неизвѣстно какими судьбами, вошелъ въ сношенія съ членами Криккетскаго-Клуба, сталъ съ ними на короткую ногу, и получилъ отъ нихъ приглашеніе на общій праздникъ. Такимъ-образомъ любопытство ученаго мужа было вполнѣ удовлетворено: онъ надѣлъ очки, и приготовился смотрѣть на криккетъ.

Первыя начатки игры открыты героями Моггльтона. Интересъ сдѣлался общимъ, когда мистеръ Домкинсъ и мистеръ Поддеръ, знаменитѣйшіе члены славнаго клуба, отправились, съ дубинами въ рукахъ, къ своимъ относительнымъ уиккетамъ. Мистеръ Лоффи, слава и краса криккетистовъ Дингли-Делля, долженъ былъ бросать могучею рукой свой шаръ противъ богатыря Домкинса, и мистеръ Строггльсъ былъ выбранъ для исправленія такой же пріятной обязанности въ-отношеніи къ непобѣдимому Поддеру. Другіе игроки были поставлены въ различныхъ частяхъ поля для наблюденій за общимъ ходомъ, и каждый изъ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, поспѣшилъ стать въ наклонную позицію съ рукою опертою на колѣни, какъ-будто собираясь подставить свою спину для перваго прыжка мальчишки, который долженъ открыть игру въ чехарду. Дознано долговременными опытами, что искусные игроки иначе и не могутъ дѣлать наблюденій. Этотъ способъ созерцанія мистеръ Пикквикъ, въ своихъ ученыхъ запискахъ, весьма-справедливо называетъ «наблюденіемъ a posteriori».

Позади уиккетовъ остановились посредствующіе судьи; маркёры приготовились считать и отмѣчать переходы. Наступила торжественная тишина. Мистеръ Лоффи отступилъ на нѣсколько шаговъ за уиккетъ страдательнаго Поддера, и приставилъ шаръ на нѣсколько секундъ къ своему правому глазу. Довѣрчиво и гордо мистеръ Домкинсъ приготовился встрѣтить враждебный шаръ, и глаза его быстро слѣдили за всѣми движеніями Лоффи.

— Игра идетъ! раздался громовый голосъ баулера.

И шаръ, пущенный могучею рукою мистера Лоффи, быстро полетѣлъ къ центру противоположнаго уиккета. Изворотливый Домкинсъ былъ на сторожѣ: шаръ, встрѣченный его дубиной, перескочилъ черезъ головы наблюдающихъ игроковъ, успѣвшихъ между-тѣмъ нагнуться до самыхъ колѣнъ.

— Разъ — два — три. — Лови—бросай—отражай—бѣги—стой—разъ—нѣтъ—да—бросай—два—стой!

Весь этотъ гвалтъ поднялся за ловкимъ ударомъ, и въ-заключеніе перваго акта, городскіе криккетисты отмѣтили два перебѣга. Поддеръ тоже съ своей стороны стяжалъ лавры въ честь и славу Моггльтона. Онъ искусно каждый разъ отражалъ отъ своего уиккета шары, и они разлетались по широкому полю. Наблюдающіе игроки, перебѣгавшіе съ одного конца на другой, истощились до послѣднихъ силъ; баулеры смѣнялись безпрестанно и бросали шары, не щадя своихъ рукъ и плечь; но Домкинсъ и Поддеръ остались непобѣдимыми. Около часа ихъ дубины были въ постоянной работѣ, уиккеты спаслись отъ нападеній, и публика сопровождала громкими рукоплесканіями необыкновенную ловкость своихъ героевъ. Когда, наконецъ, Домкинсъ былъ пойманъ, и Поддеръ выбитъ изъ своего мѣста, городскіе криккетисты уже считали пятьдесятъ-четыре перебѣга, между-тѣмъ какъ герои Дингли-Делля оставались не при чемъ. Перевѣсъ на сторонѣ горожанъ былъ слишкомъ-великъ, и не было никакихъ средствъ поверстаться съ ними. Напрасно пылкій Лоффи и нетерпѣливый Строггльсъ употребляли всѣ возможныя усилія, чтобъ возстановить нѣкоторое равновѣсіе въ этомъ спорѣ: все было безполезно, и пальма первенства неоспоримо и рѣшительно осталась за городомъ Моггльтономъ.

Незнакомецъ между-тѣмъ кушалъ, пилъ и говорилъ безпрестанно. При каждомъ ловкомъ ударѣ онъ выражалъ свое одобреніе и удовольствіе снисходительнымъ и покровительственнымъ тономъ; при каждомъ промахѣ дѣлалъ гримасы и грозные жесты, сопровождаемые восклицаніями: «ахъ, глупо... оселъ... ротозѣй... фи... срамъ!» Такіе рѣшительные отзывы не преминули утвердить за нимъ славу совершеннѣйшаго знатока и безошибочнаго судьи всѣхъ эволюцій благородной игры въ криккетъ.

— Игра на-славу... экзерциціи первѣйшаго сорта... были удары мастерскіе, говорилъ незнакомецъ, когда обѣ партіи сгруппировались въ палаткѣ, послѣ окончанія игры.

— А вы, сэръ, играли когда-нибудь? спросилъ мистеръ Уардль, котораго начинали забавлять энергическія выходки загадочнаго джентльмена.

— Игралъ ли? Фи!.. двѣсти-тысячъ разъ... не здѣсь только... въ Вест-Индіи.

— Какъ? Вы были и въ Вест-Индіи?

— Былъ... по всѣмъ краямъ... во всѣхъ частяхъ Свѣта... Въ Австраліи три года.

— Но въ Вест-Индіи должно быть очень-жарко, замѣтилъ мистеръ Пикквикъ: — тамошній климатъ неудобенъ для криккетистовъ.

— Все палитъ — печетъ — сжетъ — томитъ — нестерпимо! Разъ большое парй... одинъ уиккетъ... пріятель мой, полковникъ... сэръ Томасъ Блазо... бросать шары... я отбивать... Началось рано утромъ. Шести туземцамъ поручено дѣлать переходы... угомонились... повалились безъ чувствъ... всѣ до одного... Блазо все кидалъ... держали его два туземца... усталъ, выбился изъ силъ... я отражалъ... ни одного промаха... Блазо упалъ. Его смѣнилъ Кванко Самба... солнце запекло... шаръ въ пузыряхъ... пятьсотъ-семьдесятъ перебѣговъ... Усталъ и я... немного... Кванко не уступалъ... побѣдить или умереть... наконецъ я промахнулся... покончили... искупался, освѣжился... ничего... пошелъ обѣдать.

— Что жъ сталось съ этимъ джентльменомъ... какъ бишь его! спросилъ Уардль.

— Блазо?

— Нѣтъ, съ другимъ.

— Кванко Самба?

— Да́.

— Погибъ на-повалъ... никогда не могъ оправиться... Бѣдный Кванко... умеръ... Печальный элементъ!

Здѣсь незнакомецъ приставилъ къ своимъ устамъ полпивную кружку, вѣроятно для-того, чтобъ скрыть отъ взоровъ публики взволнованныя чувства, вызванныя свѣжимъ воспоминаніемъ трагическаго событія: затѣмъ онъ пріостановился, перевелъ духъ, и съ безпокойствомъ началъ озираться вокругъ, когда главнѣйшіе криккетисты изъ Дингли-Делля подошли къ мистеру Пикквику и сказали:

— Мы намѣрены, сэръ, покончить нынѣшній день скромнымъ обѣдомъ въ трактирѣ «Голубаго-Льва»: смѣемъ надѣяться, что вы и ваши друзья не откажетесь почтить своимъ присутствіемъ...

— Само-собою разумѣется, прервалъ мистеръ Уардль: — къ числу нашихъ друзей принадлежитъ также мистеръ...

И онъ съ вопросительнымъ видомъ взглянулъ на незнакомца, который не замедлилъ дать полный и удовлетворительный отвѣтъ:

— Джингль, сэръ, Алфредъ Джингль, помѣщикъ — безпомѣстный и бездомный, дворянинъ, сэръ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ мистеръ Пикквикъ: — мнѣ будетъ очень-пріятно.

— И мнѣ, сказалъ мистеръ Алфредъ Джингль, подавая одну руку мистеру Пикквику, другую — мистеру Уардлю, и говоря потомъ втихомолку на ухо перваго джентльмена: — обѣдъ превосходный... заглядывалъ сегодня въ кухню... куры, дичь, пиро-

ги — деликатесъ! Молодые люди хорошаго тона... народъ веселый, разбитной — отлично!

Такъ-какъ предварительныя распоряженія были приведены заранѣе къ вожделѣнному концу, то вся компанія, раздѣленная на маленькія группы, поворотила изъ палатокъ на главную улицу Моггльтона, и черезъ четверть часа господа криккетисты съ своими гостями уже засѣдали въ большой залѣ «Голубаго-Льва» подъ предсѣдательствомъ мистера Домкинса, и товарища его, вице-президента Лоффи.

Дружно поднялся за огромнымъ столомъ говоръ веселыхъ гостей, дружно застучали ножи, вилки и тарелки, хлопотливо забѣгали взадъ и впередъ расторопные оффиціанты, и быстро стали исчезать, одно за другимъ, лакомыя блюда. Мистеръ Джингль кушалъ, пилъ, говорилъ, веселился и шумѣлъ одинъ за четверыхъ. Когда всѣ и каждый насытились вдоволь, скатерть была снята, и на столѣ явились въ симметрическомъ порядкѣ бутылки, рюмки и бокалы. Оффиціанты удалились въ буфетъ и кухню разсуждать, вмѣстѣ съ поваромъ, объ остаткахъ торжественнаго обѣда.

Наступили минуты сердечныхъ изліяній и общаго восторга. Среди одушевленнаго говора безмолвствовалъ только одинъ маленькій джентльменъ съ длиннымъ носомъ и сверкающими глазами. Скрестивъ руки на груди, онъ путешествовалъ по залѣ медленными и ровными шагами, оглядываясь по-временамъ вокругъ себя, и откашливаясь съ какою-то необыкновенною энергіей выразительнаго свойства. Наконецъ, когда бесѣда приняла на-минуту болѣе ровный и спокойный характеръ, маленькій джентльменъ провозгласилъ громко и торжественно:

— Господинъ вице-президентъ!

Среди наступившей тишины, взоры всѣхъ и каждаго обратились на вице-президента. Мистеръ Лоффи выступилъ впередъ, и произнесъ торжественный отвѣтъ:

— Сэръ!

— Я желаю сказать вамъ нѣсколько словъ, сэръ: пусть почтенные джентльмены благоволятъ наполнить свои бокалы.

Мистеръ Джингль сдѣлалъ выразительный жестъ, и произнесъ энергическимъ тономъ:

— Слушайте, слушайте!

Когда бокалы наполнились искрометной влагой, вице-президентъ, принимая глубокомысленный видъ, сказалъ:

— Мистеръ Степль.

— Милостивый государь, началъ миніатюрный джентльменъ, выступивъ на середину залы: — я желалъ бы обратить свою рѣчь собственно къ *вамъ*, а не къ нашему достойному президенту, потому-что, такъ-сказать, нашъ достойный президентъ находится въ нѣкоторой степени... можно даже сказать, въ весьма-

значительной степени... между-тѣмъ-какъ предметъ, о которомъ хочу я говорить, или лучше... правильнѣе то-есть... или... или...

— Разсуждать, подсказалъ мистеръ Джингль.

— Такъ-точно—разсуждать, продолжалъ миніатюрный джентльменъ. — Благодарю за таковое поясненіе мысли моего почтеннаго друга, если онъ позволитъ мнѣ называть его такимъ именемъ. (Слушайте, слушайте! мистеръ Джингль суетится больше всѣхъ.) Итакъ, милостивый государь, объявляю, что я имѣю честь быть криккетистомъ изъ Дингли, то-есть, изъ Дингли-Делля. (Громкія рукоплесканія.) Само-собою разумѣется, что я отнюдь не могу обнаруживать притязаній на высокую честь принадлежать къ почтенному сословію моггльтонскихъ гражданъ, и вы позволите мнѣ замѣтить откровенно, милостивый государь, что я не ищу, не домогаюсь, и даже нисколько не желаю этой чести. (Слушайте, слушайте!) Уже давно продолжается похвальное соревнованіе на полѣ національнаго игрища между Моггльтономъ и Дингли-Деллемъ, —это извѣстно всему свѣту, милостивый государь, и, конечно, никто не станетъ оспоривать, что европейскій континентъ имѣетъ высокое мнѣніе о криккетистахъ... Могучь и славенъ городъ Моггльтонъ, и всюду гремитъ молва о великихъ подвигахъ его гражданъ; но тѣмъ не менѣе я — Дингли-Деллеръ, и горжусь этимъ наименованіемъ, вотъ по какой причинѣ. (Слушайте, слушайте!) Пусть городъ Моггльтонъ гордится всѣми своими отличіями, — на это, конечно, онъ имѣетъ полное право: достоинства его многочисленны, даже, можно сказать, безчисленны. Однакожь, милостивый государь, если всѣ мы твердо помнимъ, что Моггльтонъ произвелъ на свѣтъ знаменитыхъ героевъ, Домкинса и Поддера, то, конечно, никто изъ насъ не забудетъ и не можетъ забыть, что Дингли-Делль, въ свою очередь, можетъ достойно превозноситься тѣмъ, что ему одолжены своимъ бытіемъ не менѣе знаменитые мужи: Лоффи и Строггльсъ. (Дружныя и громкія рукоплесканія.) Унижаю ли я черезъ это честь и славу моггльтонскихъ гражданъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Совсѣмъ напротивъ: я даже завидую, при этомъ случаѣ, роскошному изліянію ихъ національныхъ чувствъ. Всѣ вы, милостивые государи, вѣроятно хорошо знаете достопамятный отвѣтъ, раздавшійся нѣкогда изъ бочки, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе свое великій философъ древней Греціи, стяжавшій достойно заслуженную славу въ классическомъ мірѣ: «если бы я не былъ Діогеномъ, сказалъ онъ: — то я желалъ бы быть Александромъ». — Воображаю себѣ, что господа, здѣсь предстоящіе, могутъ въ свою очередь сказать: «не будь я Домкинсъ, я бы желалъ быть Лоффи», или: «не будь я Поддеръ, я желалъ бы быть Строггльсомъ». (Общій восторгъ.) Къ вамъ обращаюсь, господа, почтенные граждане Моггльтона: одинъ ли криккетъ упрочиваетъ за вами громкую извѣстность? Развѣ вы никогда не слышали о Домкинсѣ и его высокихъ подвигахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ вашей на-

ціональной славѣ? Развѣ вы не привыкли съ именемъ Поддера соединять понятіе о необыкновенной рѣшительности и твердости характера? Припомните послѣднія пренія касательно винокуренныхъ заводовъ: кто здѣсь предложилъ совѣтъ мудрѣйшій? Домкинсъ. Кому еще такъ недавно пришла въ голову счастливая мысль относительно искусственнаго дистиллированія крѣпкой водки? Поддеру. Итакъ, милостивые государи, приглашаю васъ привѣтствовать съ общимъ одушевленіемъ почтенныя имена нашихъ національныхъ героевъ: да здравствуютъ многая лѣта Домкинсъ и Поддеръ!»

Отъ громкихъ рукоплесканій задрожали окна, когда миніатюрный джентльменъ кончилъ свою рѣчь. Весь остатокъ вечера прошелъ чрезвычайно-весело и дружелюбно. Тосты слѣдовали за тостами, и одна рѣчь смѣнялась другою: краснорѣчіе господъ крикетистовъ обнаружилось во всей своей силѣ и славѣ. Мистеръ Лоффи и мистеръ Строггльсъ, мистеръ Пикквикъ и мистеръ Джингль, были, каждый въ свою очередь, предметомъ единодушныхъ прославленій, и каждый, въ свое время, долженъ былъ, въ отборныхъ выраженіяхъ, благодарить почтенную компанію за предложенные тосты.

Какъ соревнователи національной славы, мы весьма-охотно согласились бы представить нашимъ читателямъ полный отчетъ обо всѣхъ подробностяхъ знаменитаго празднества, достойнаго занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ великобританскихъ торжествъ; но, къ-несчастію, матеріалы наши довольно-скудны, и мы должны отказаться отъ удовольствія украсить свои страницы великолѣпными образчиками британскаго витійства. Мистеръ Снодграсъ, съ обычной добросовѣстностью, представилъ значительную массу примѣчаній, которыя, нѣтъ сомнѣнія, были бы чрезвычайно-полезны для нашей цѣли, если бы, съ одной стороны, пламенное краснорѣчіе словъ, съ другой — живительное дѣйствіе вина, не сдѣлали почеркъ этого джентльмена до такой степени неразборчивымъ, что рукопись его въ этомъ мѣстѣ оказалась почти совершенно-неудобною для ученаго употребленія. Мы едва могли разобрать въ ней имена краснорѣчивыхъ ораторовъ, и весьма немного словъ изъ пѣсни, пропѣтой мистеромъ Джинглемъ. Попадаются здѣсь выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «изломанныя кости... пощечина... бутылка... подзатыльникъ... забубённый»; но изъ всего этого намъ, при всемъ желаніи, никакъ не удалось составить живописной картины, достойной вниманія нашихъ благосклонныхъ читателей.

Возвращаясь такимъ-образомъ къ мистеру Топману, мы считаемъ своей обязанностью прибавить только, что за нѣсколько минутъ до полуночи въ трактирѣ «Голубаго-Льва» раздавалась умилительная мелодія прекрасной и страстной національной пѣсни, которая начинается такимъ-образомъ:

Пропируемъ до утра,
Пропируемъ до утра,
Пропируемъ до утра,
Гей, гой! до утра!

ГЛАВА II.

ОБЪЯСНЯЕТЪ И ДОКАЗЫВАЕТЪ ИЗВѢСТНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ, ЧТО: «ПУТЬ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ НЕ ТО, ЧТО ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА».

Безмятежное пребываніе на хуторѣ Дингли-Делля, чистый и ароматическій воздухъ, оглашаемый безпрерывно пѣніемъ пернатыхъ, присутствіе прелестныхъ представительницъ прекраснаго пола, ихъ великодушная заботливость и безпокойство: все это могущественнымъ образомъ содѣйствовало къ благотворному развитію нѣжнѣйшихъ чувствъ, глубоко насажденныхъ самою природою въ сердцѣ мистера Треси Топмана, несчастнаго свидѣтеля птичьей охоты. На этотъ разъ его нѣжнымъ чувствамъ было повидимому суждено обратиться исключительно на одинъ обожаемый предметъ. Молодыя дѣвушки были очень-милы, и обращеніе ихъ казалось привлекательнымъ во многихъ отношеніяхъ; но дѣвственная тётка превосходила во всемъ, какъ своихъ племянницъ, такъ и всякую другую женщину, какую только видѣлъ мистеръ Топманъ на своемъ вѣку. Было какое-то особенное великолѣпіе въ ея чорныхъ глазахъ, особенное достоинство въ ея осанкѣ, и даже походка цѣломудренной дѣвы обличала такія сановитыя свойства, какихъ отнюдь нельзя было замѣтить въ молодыхъ миссъ Уардль. Притомъ, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что мистеръ Тарасъ Топманъ и дѣвственная тётка увлеклись другъ къ другу съ перваго взгляда непреодолимою симпатіей; въ ихъ натурѣ было что-то родственное, что, повидимому, должно было скрѣпить неразрывными узами мистическій союзъ ихъ душъ. Ея имя невольно вырвалось изъ груди мистера Топмана, когда лежалъ онъ на травѣ, плавая въ своей собственной крови, и страшный истерическій хохотъ дѣвствующей тётки былъ первымъ звукомъ, поразившимъ слухъ счастливаго Тараса, когда друзья подвели его къ садовой калиткѣ. Чѣмъ же и какъ объяснить это внезапное волненіе въ ея груди? Было ли оно естественнымъ изліяніемъ женской чувствительности при видѣ человѣческой крови, или, совсѣмъ напротивъ, источникъ его заключался въ пылкомъ и страстномъ чувствѣ, которое только онъ одинъ, изъ всѣхъ живущихъ существъ, могъ пробудить въ этой чудной дѣвѣ? Вотъ вопросы и сомнѣнія, терзавшія грудь счастливаго страдальца, когда былъ онъ распростертъ на мягкой софѣ передъ пылающимъ каминомъ. Надлежало разрѣшить ихъ во что бы ни стало.

Былъ вечеръ. Изабелла и Эмилія вышли погулять въ-сопровожденіи мистера Трундля; глухая старая леди полулежала въ забытьи въ своихъ спокойныхъ креслахъ; жирный и толстый дѣтина храпѣлъ у очага въ отдаленной кухнѣ; смазливыя горничныя вертѣлись у воротъ, наслаждаясь пріятностью вечерней погоды и любезностью сельскихъ кавалеровъ, изливавшихъ передъ ними свои пылкія чувства. Треси Топманъ и Рахиль Уардль сидѣли другъ подлѣ друга, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающіе предметы. Они мечтали о взаимной симпатіи душъ, мечтали и молчали.

— Ахъ! я совсѣмъ забыла свои цвѣты! вдругъ сказала дѣвствующая тётка.

— Пойдемте поливать ихъ теперь, примолвилъ мистеръ Топманъ убѣдительнымъ тономъ.

— Вы простудитесь на вечернемъ воздухѣ, отвѣчала цѣломудренная дѣва тономъ глубочайшаго состраданія и симпатіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ мистеръ Топманъ, быстро вставая съ своего мѣста.—Позвольте мнѣ идти вмѣстѣ съ вами: это будетъ полезно для моего здоровья.

Сострадательная леди поправила перевязку на лѣвомъ плечѣ своего прекраснаго собесѣдника, и, взявъ его за правую руку, отправилась въ садъ.

Въ отдаленномъ и уединенномъ концѣ сада красовалась поэтическая бесѣдка изъ акацій, жасминовъ, душистой жимолости и роскошнаго плюща. Въ этотъ пріютъ спокойствія и тишины направила свои шаги счастливая чета. Дѣвствующая тётушка взяла лейку, лежавшую въ углу, и собралась идти. Мистеръ Топманъ удержалъ ее подлѣ себя.

— Миссъ Уардль! воскликнулъ онъ, испустивъ глубокій вздохъ. Дѣвствующая тётка затрепетала, зашаталась, и лейка едва не выпала изъ ея рукъ.

— Миссъ Уардль, повторилъ мистеръ Топманъ:—вы — ангелъ!

— Мистеръ Топманъ! воскликнула Рахиль, краснѣя какъ піонъ.

— Да́, вы ангелъ, миссъ Уардль, вы... вы... вы — сущій ангелъ, повторилъ энергическимъ тономъ краснорѣчивый пикквикистъ.

— Мужчины всѣхъ женщинъ называютъ ангелами, пробормотала застѣнчивая леди.

— Что́ же вы послѣ этого? Съ чѣмъ могу я васъ сравнить, несравненная миссъ Уардль? говорилъ восторженный Топманъ. — Гдѣ и ка́къ найдти существо, подобное вамъ? Въ какомъ углу міра можетъ еще скрываться такое счастливое соединеніе физическихъ и моральныхъ совершенствъ? Гдѣ—ахъ!—гдѣ...

Мистеръ Топманъ пріостановился, вздохнулъ, и съ жаромъ началъ пожимать руку красавицы, державшейся за ручку лейки. Она потупила глаза, опустила голову, и прошептала едва слышнымъ голосомъ:

— Мужчины какъ мухи къ намъ льнутъ.

— О, какъ бы я желалъ быть мухой, чтобъ вѣчно жужжать вокругъ вашего прелестнаго чела! воскликнулъ вдохновенно Тарасъ Топманъ.

— Мужчины всѣ... такіе обманщики!.. продолжала застѣнчивая леди.

— Обманщики — да; но не всѣ, миссъ Уардль. Есть по-крайней-мѣрѣ одно существо, постоянное и неизмѣнное въ своихъ чувствахъ, существо, готовое посвятить всю свою жизнь вашему счастью, существо, которое живетъ только вашими глазами, дышетъ вашею улыбкой, которое для васъ, только для однѣхъ васъ переноситъ тяжелое бремя своей жизни.

— Гдѣ жь скрывается оно, мистеръ Топманъ, это идеальное существо?

— Здѣсь, передъ вами, миссъ Уардль!

И прежде чѣмъ цѣломудренная дѣва угадала его настоящую мысль, мистеръ Топманъ стоялъ уже на колѣняхъ у ея ногъ.

— Мистеръ Топманъ, встаньте! сказала Рахиль.

— Никогда, никогда! былъ рыцарскій отвѣтъ.—О, Рахиль!

Онъ схватилъ ея трепещущую руку и прижалъ къ своимъ пламеннымъ устамъ. Зеленая лейка упала на полъ.

— О, Рахиль, обожаемая Рахиль! Могу ли я надѣяться на вашу любовь?

— Мистеръ Топманъ, проговорила дѣвствующая тётка: — я такъ взволнована... такъ изумлена; но... но... я къ вамъ неравнодушна.

Лишь-только вожделѣнное признаніе вырвалось изъ устъ цѣломудренной леди, мистеръ Топманъ приступилъ къ рѣшительному обнаруженію своихъ чувствъ, и началъ дѣлать то, что обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ дѣлается пылкими юношами, объятыми пожирающей страстью: онъ быстро вскочилъ на ноги, и забросивъ свою руку на плечо дѣвствующей тётки, напечатлѣлъ на ея уста многочисленные поцалуи, которые, всѣ до одного, послѣ нѣкотораго сопротивленія и борьбы, были приняты терпѣливо и даже благосклонно. Неизвѣстно, какъ долго могли бы продолжаться эти пылкія обнаруженія нѣжной страсти, еслибъ красавица, испуганная какимъ-то внезапнымъ явленіемъ, вдругъ не вырвалась изъ объятій пламеннаго юноши.

— За нами присматриваютъ, мистеръ Топманъ! воскликнула цѣломудренная дѣва.—Насъ открыли!

Мистеръ Топманъ съ безпокойствомъ оглянулся вокругъ себя, и взоръ его немедленно упалъ на одинъ изъ самыхъ прозаическихъ предметовъ вседневной жизни. Жирный дѣтина, неподвижный какъ столбъ, безсмысленный какъ оселъ, уставилъ свои широкіе глаза въ самый центръ живописной бесѣдки; но и самый опытный физіономистъ, изучившій до послѣднихъ мелочей всѣ возможныя очертанія человѣческой фигуры, не открылъ бы

на его лицѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ изумленія, любопытства, или какого-нибудь другаго чувства, волнующаго человѣческую грудь. Мистеръ Топманъ смотрѣлъ на жирнаго дѣтину; жирный дѣтина смотрѣлъ на мистера Тараса Топмана безъ всякихъ характеристическихъ выраженій. Чѣмъ долѣе мистеръ Топманъ наблюдалъ безсмысленно-пошлую фигуру дѣтины, тѣмъ болѣе убѣждался, что онъ или ничего не зналъ, не видалъ, или ничего не понималъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, онъ сказалъ довольно-твердымъ, рѣшительнымъ и нѣсколько суровымъ тономъ:

— Чего тебѣ здѣсь надобно?

— Пожалуйте ужинать, сударь: столъ накрытъ.

— Давно ли ты пришелъ сюда? спросилъ мистеръ Топманъ, окинувъ еще разъ пытливымъ взоромъ жирнаго дѣтину.

— Только сейчасъ, сударь.

Мистеръ Топманъ еще пристальнѣе впился глазами въ пошлую фигуру; но не замѣтилъ въ ней ни малѣйшаго проявленія какого-нибудь чувства.

Успокоенный счастливымъ результатомъ своихъ изслѣдованій, мистеръ Топманъ подалъ руку дѣвствующей тёткѣ, и вышелъ изъ бесѣдки.

Они пошли домой. Дѣтина слѣдовалъ за ними.

— Онъ ничего не знаетъ, шепнулъ мистеръ Топманъ.

— Ничего, подтвердила дѣвственная тётка.

Позади ихъ послышался странный звукъ, произведенный какъ-будто неловкимъ усиліемъ подавить невольный смѣхъ. Мистеръ Топманъ оглянулся. Нѣтъ, быть не можетъ: на лицѣ жирнаго дѣтины не было ни малѣйшей гримасы.

— Скоро онъ заснетъ, я полагаю, шепнулъ мистеръ Топманъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, сказала цѣломудренная тётка.

Они оба засмѣялись отъ чистаго сердца.

Мистеръ Топманъ жестоко ошибся. Жирный дѣтина на этотъ разъ бодрствовалъ и тѣломъ, и душой. Онъ все видѣлъ и все слышалъ.

За ужиномъ ни съ чьей стороны не обнаружилось попытокъ завязать общій разговоръ. Старая леди пошла спать; Изабелла Уардль посвятила себя исключительному вниманію мистера Трундля; дѣвствующая тётушка была вся сосредоточена въ своемъ любезномъ Тарасѣ; мысли Эмиліи Уардль были, казалось, обращены на какой-то отдаленный предметъ, вѣроятно, на отсутствующаго Снодграса.

Одиннадцать — двѣнадцать — часъ за полночь: джентльменовъ нѣтъ-какъ-нѣтъ. Безпокойство изобразилось на всѣхъ лицахъ. Не-уже-ли ихъ остановили и ограбили среди дороги? Не послать ли людей съ фонарями въ тѣ мѣста, гдѣ имъ слѣдуетъ возвращаться домой? Или, пожалуй, чего добраго... Чу! вотъ они. От-

чего они такъ запоздали? Чу — какой-то странный голосъ! Чей бы это?

Все маленькое общество высыпало въ кухню, куда воротились запоздалые гуляки. Одинъ взглядъ на нихъ объяснилъ весьма-удовлетворительно настоящее положеніе вещей.

Мистеръ Пиквикъ, засунувъ въ карманы обѣ руки, и нахлобучивъ шляпу на свой лѣвый глазъ, стоялъ облокотившись спиною о буфетъ, потряхивая головой на всѣ четыре стороны, и по лицу его быстро скользили, одна за другою, самыя благосклонныя улыбки, не направленныя ни на какой опредѣленный предметъ, и не вызванныя никакимъ опредѣленнымъ обстоятельствомъ или причиной. Старикъ Уардль, красный какъ жареный гусь, неистово пожималъ руку незнакомаго джентльмена, и еще неистовѣе клялся ему въ вѣчной дружбѣ. Мистеръ Винкель, прислонившись спиною къ стѣнѣ, произносилъ весьма-слабыя заклинанія на голову того, кто бы осмѣлился напомнить ему о позднемъ часѣ ночи. Мистеръ Снодграсъ погрузился въ кресла, и физіономія его, въ каждой чертѣ, выражала самыя отчаянныя бѣдствія, какія только можетъ придумать пылкая фантазія несчастнаго поэта.

— Что съ вами, господа? спросили въ одинъ голосъ изумленныя леди.

— Ни-чег-гго, отвѣчалъ мистеръ Пиквикъ. — Мы всѣ... благо. .получны. Я говорю, Уардль, мы всѣ благополучны : такъ, что ли?

— Разумѣется, отвѣчалъ веселый хозяинъ.—Милыя мои, вотъ вамъ другъ мой мистеръ Джингль, другъ мистера Пиквика. Прошу его любить и жаловать: онъ будетъ у насъ гостить.

— Не случилось ли чего съ мистеромъ Снодграсомъ? спросила Эмилія безпокойнымъ тономъ.

— Ничего, сударыня, ничего, отвѣчалъ незнакомый джентльменъ. — Обѣдъ и вечеръ послѣ крикета... веселая молодежь... превосходныя пѣсни... старый портеръ .. кларетъ... чудесное вино, сударыня... вино.

— Врешь ты, шарамыжникъ, возразилъ прерывающимся голосомъ мистеръ Снодграсъ.—Какое тамъ вино? никакого, чортъ васъ побери. Селёдка и сёмга—вотъ въ чемъ штука!

— Не пора ли имъ спать, тётушка? спросила Эмма.—Люди могутъ отнести ихъ въ спальную : по два человѣка на каждаго джентльмена.

— Я не хочу спать, проговорилъ мистеръ Винкель довольно-рѣшительнымъ тономъ.

— Ни одной живой души не припущу къ себѣ, возгласилъ мистеръ Пиквикъ, и при этомъ лучезарная улыбка снова озарила его красное лицо.

— Ура! воскликнулъ мистеръ Винкель.

— Ур-р-ра! подхватилъ мистеръ Пиквикъ, снимая свою шляпу

и бросая на полъ, при чемъ также его очки упали на середину кухни.

При этомъ подвигѣ онъ окинулъ собраніе торжествующимъ взоромъ, и захохоталъ отъ чистѣйшаго сердца.

— Давайте еще бутылку вина! вскричалъ мистеръ Винкель, постепенно понижая свой голосъ отъ самой верхней до самой низшей ноты.

Его голова опрокинулась на грудь, и онъ продолжалъ бормотать безсвязные звуки, обнаруживая между-прочимъ звѣрское раскаяніе, что поутру не удалось ему отправить на тотъ свѣтъ старикашку Тараса. Наконецъ онъ заснулъ, и въ этомъ положеніи два дюжихъ парня, подъ личнымъ надзоромъ жирнаго дѣтины, отнесли его наверхъ. Черезъ нѣсколько минутъ мистеръ Снодграсъ ввѣрилъ также свою собственную особу покровительству Джоя. Мистеръ Пикквикъ благоволилъ принять протянутую руку мистера Топмана, и спокойно выплылъ изъ кухни, улыбаясь подъ конецъ самымъ любезнымъ и обязательнѣйшимъ образомъ. Наконецъ и самъ хозяинъ, послѣ нѣмаго и трогательнаго прощанія съ своими дочерьми, возложилъ на мистера Трундля высокую честь проводить себя наверхъ: онъ отправился изъ кухни, заливаясь горючими слезами, какъ-будто спальная была для него мѣстомъ заточенія и ссылки.

— Какая поразительная сцена! воскликнула дѣвственная тётка.

— Ужасно, ужасно! подтвердили молодыя дѣвицы.

— Ничего ужаснѣе не видывалъ, сказалъ мистеръ Джингль серьёзнымъ тономъ. На его долю пришлось двумя бутылками больше противъ каждаго изъ его товарищей.—Зрѣлище страшное, сударыня, да́!

— Какой любезный молодой человѣкъ! шепнула дѣвственная тётка на ухо Тараса.

— И очень-недуренъ собой! замѣтила втихомолку Эмилія Уардль.

— О, да́, очень-недуренъ, подтвердила дѣвственная тётка.

Мистеръ Топманъ думалъ въ эту минуту о рочестерской вдовѣ, и сердце его переполнилось мрачною тоской. Разговоръ, продолжавшійся еще минутъ двадцать, не могъ успокоить его взволнованныхъ чувствъ. Новый гость былъ учтивъ, любезенъ, разговорчивъ, и занимательные анекдоты, одинъ за другимъ, быстро струились изъ его краснорѣчивыхъ устъ. Мистеръ Топманъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, и чувствовалъ, съ замираніемъ сердца, что звѣзда его славы постепенно меркнетъ, и готова совсѣмъ закатиться подъ вліяніемъ палящихъ лучей новаго свѣтила. Мало-по-малу веселость его исчезла, и его смѣхъ казался принужденнымъ. Успокоивъ, наконецъ, свою больную голову подъ теплымъ одѣяломъ, мистеръ Топманъ воображалъ, съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ и отрадой, ка̀къ бы ему пріятно было притиснуть своей спиной этого проклятаго Джингля между матрацомъ и периной.

Поутру на другой день, хозяинъ и его гости, утомленные похожденіями предшествовавшей ночи, долго оставались въ своихъ спальныхъ; но рано всталъ неутомимый незнакомецъ и употребилъ весьма-счастливыя усилія возбудить веселость дамъ, пригласившихъ его принять участіе въ ихъ утреннемъ кофе. Дѣвствующая тётка и молодыя дѣвицы хохотали до-упада, и даже старая леди пожелала однажды выслушать черезъ слуховой рожокъ одинъ изъ его забавныхъ анекдотовъ. Ея удовольствіе выразилось одобрительной улыбкой, и она благоволила даже назвать мистера Джингля «безстыднымъ повѣсой»: мысль, съ которою мгновенно согласились всѣ прекрасныя родственницы, присутствовавшія за столомъ.

Уже издавна старая леди имѣла въ лѣтнее время похвальную привычку выходить въ ту самую бесѣдку, въ которой мистеръ Топманъ наканунѣ ознаменовалъ себя страстнымъ объясненіемъ своихъ чувствъ. Путешествіе старой леди неизмѣнно совершалось слѣдующимъ порядкомъ: — во-первыхъ, жирный дѣтина отправлялся въ спальную своей барыни, снималъ съ вѣшалки ея черную атласную шляпу, теплую шаль, подбитую хлопчатой бумагой, и бралъ толстый сучковатый посохъ съ длинной рукояткой. Старая леди, надѣвая шляпу, закутывалась шалью, и потомъ, опираясь одною рукою на свой посохъ, а другою на плечо жирнаго дѣтины, шла медленнымъ и ровнымъ шагомъ въ садовую бесѣдку, гдѣ, оставаясь одна, наслаждалась около четверти часа благорастворенпымъ воздухомъ лѣтняго утра. Наконецъ, точно такимъ же порядкомъ, она опиралась вновь на посохъ и плечо, и шла обратно въ домъ свой.

Старуха любила аккуратность во всѣхъ своихъ дѣлахъ и мысляхъ. Три года сряду церемонія прогулки въ садъ исполнялась со всею точностью, безъ малѣйшаго отступленія отъ принятыхъ формъ. На этотъ разъ однакожь, къ великому ея изумленію, произошло въ этой церемоніи совсѣмъ неожиданное измѣненіе: жирный дѣтина, вмѣсто-того, чтобы оставить бесѣдку, отступилъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, осмотрѣлся направо и налѣво, и потомъ опять подошелъ къ своей леди съ таинственнымъ видомъ, принимая, повидимому, необходимыя предосторожности, чтобъ его никто не замѣтилъ.

Старая леди была робка, подозрительна, пуглива, какъ почти всѣ особы ея лѣтъ. Первою ея мыслью было: не хочетъ ли масляный болванъ нанести ей какое-нибудь физическое оскорбленіе съ преступнымъ умысломъ овладѣть ея скрытымъ капиталомъ. Всего лучше было бы въ такомъ случаѣ позвать кого-нибудь на помощь; но старческія немощи уже давно лишили ее способности издавать пронзительные звуки. Проникнутая чувствомъ невыразимаго ужаса, старушка наблюдала молча движенія рослаго дѣтины, и страхъ ея увеличился еще больше, когда тотъ, прислонив-

шись къ ея уху, закричалъ взволнованнымъ и, какъ ей показалось, грознымъ тономъ:

— Барыня!

Теперь, должно обратить вниманіе на то, что въ эту самую минуту мистеръ Джингль гулялъ въ саду, весьма-недалеко отъ бесѣдки. Услышавъ громкое воззваніе лакея, онъ остановился—прислушаться, что̀ будетъ дальше. Три существенныя причины побудили его на этотъ поступокъ. Во-первыхъ, онъ былъ любопытенъ и празденъ; во-вторыхъ, деликатность чувства отнюдь не принадлежала къ числу нравственныхъ свойствъ мистера Джингля; въ-третьихъ и въ послѣднихъ, онъ скрывался за куртиною цвѣтовъ, и никто не видалъ его въ саду. Поэтому мистеръ Джингль стоялъ, молчалъ и слушалъ.

— Барыня! прокричалъ опять жирный дѣтина.

— Чего тебѣ надобно, Джой? спросила трепещущая старушка. — Надѣюсь, мой милый, я была снисходительна къ тебѣ, и никогда не взыскивала строго за твои проступки. Могло случиться что-нибудь невзначай; но этого, конечно, никто бы не избѣжалъ на моемъ мѣстѣ. Жалованья получалъ ты много, дѣлалъ мало, кушалъ вдоволь чего хотѣлъ.

Старушка весьма-искусно задѣла за чувствительную струну дѣтины: онъ былъ растроганъ, и отвѣчалъ выразительнымъ тономъ:

— Много доволенъ вашей милостью, покорнѣйше благодаримъ.

— Ну, такъ чего жь ты хочешь отъ меня, мой милый? спросила ободренная старушка.

— Мнѣ хочется поставить дыбомъ ваши волосы, сударыня.

Такое желаніе очевидно могло происходить изъ грязнаго источника, быть-можетъ даже изъ жажды крови; и такъ-какъ старая леди не совсѣмъ понимала процессъ поднятія дыбомъ ея волосъ, то прежній страхъ возвратился къ ней съ новою силой.

— Какъ вы полагаете, сударыня: что̀ я видѣлъ вчера вечеромъ въ этой самой бесѣдкѣ? спросилъ дѣтина, выказывая свои зубы.

— Почему жь я знаю? что̀ такое?

— Я видѣлъ, сударыня, собственными глазами, на этомъ-самомъ мѣстѣ, гдѣ вы изволите сидѣть, видѣлъ, ка́къ одинъ изъ вашихъ гостей, раненный джентльменъ, сударыня, целовалъ и обнималъ...

— Кого, Джой, кого? Мою горничную?

— Нѣтъ, сударыня, похуже, прервалъ жирный дѣтина надъ самымъ ухомъ старой леди.

— Не-ужь-то мою внуку?

— Хуже, гораздо-хуже!

— Что̀ съ тобою, Джой? Ты съ ума сошелъ! проговорила старушка, считавшая послѣднюю догадку верхомъ семейнаго несчастія.—Кого же? говори: я непремѣнно хочу знать.

Жирный дѣтина бросилъ вокругъ себя пытливый взглядъ, и

увѣренный въ своей полной безопасности, прокричалъ надъ ухомъ старой леди.

— Миссъ Рахиль!

— Что-о-о? воскликнула старая леди пронзительнымъ голосомъ. — Говори громче.

— Миссъ Рахиль, проревѣлъ еще разъ дѣтина.

— Мою дочь!!!

Толстыя щеки Джоя залоснились и раздулись, какъ blanc-manger, когда онъ, вмѣсто отвѣта, утвердительно кивнулъ своей головой.

— И она не противилась! воскликнула старая леди.

Джой выказалъ снова зубы и сказалъ:

— Я видѣлъ, какъ она сама целовала и обнимала раненнаго джентльмена.

Еслибъ мистеръ Джингль, изъ своей засады, могъ видѣть выраженіе лица старой леди, пораженной неожиданною вѣстью, громкій смѣхъ, нѣтъ сомнѣнія, обличилъ бы его присутствіе подлѣ таинственной бесѣдки. Онъ притаилъ дыханіе и старался не проронить ни одного звука. Въ бесѣдкѣ между-тѣмъ раздавались отрывочныя сентенціи въ родѣ слѣдующихъ: «Безъ моего позволенія!»—«Въ ея лѣта!»—«Боже мой, до чего я дожила!»—Все это слышалъ мистеръ Джингль, и видѣлъ потомъ, какъ жирный дѣтина, постукивая каблуками, вышелъ изъ бесѣдки на вольный воздухъ.

Обстоятельство довольно-странное, но тѣмъ не менѣе возведенное на степень очевиднаго факта: мистеръ Джингль, черезъ пять минутъ послѣ своего прибытія на Менор-Фармъ, рѣшился и далъ себѣ честное слово—овладѣть, во что бы ни стало, сердцемъ дѣвственной тётки. Съ перваго взгляда онъ замѣтилъ, что его безцеремонное и смѣлое обращеніе совершенно приходилось по мыслямъ старой дѣвѣ, и онъ разсчиталъ на-угадъ, что лучшимъ ея достоинствомъ, безъ-сомнѣнія, должно быть независимое достояніе, принадлежавшее ей по праву наслѣдства. Предстояла теперь повелительная необходимость, такъ или иначе, затѣснить, отстранить или сокрушить своего счастливаго соперника: мистеръ Джингль рѣшился приступить къ этой цѣли смѣло и прямо. Фильдингъ говоритъ остроумно и справедливо: «мужчина то же, что огонь, и сердце женщины—фитиль для него: князь тьмы зажигаетъ ихъ по своей волѣ». Мистеръ Джингль, великій практическій философъ, зналъ отлично-хорошо, что молодой человѣкъ какъ онъ, для такой особы какъ дѣвственная тётка, былъ опаснѣе всякаго огня. Онъ рѣшился попробовать свою силу.

Исполненный глубокихъ размышленій насчетъ этого предмета, онъ выступилъ журавлинымъ шагомъ изъ своей засады, и пошелъ впередъ, по направленію къ джентльменскому дому. Фортуна, казалось, сама распорядилась помогать его планамъ. Мистеръ Топманъ и другіе джентльмены стояли у садовой калитки, и вслѣдъ

за ними появились молодыя дѣвушки, которымъ тоже вздумалось погулять послѣ своего завтрака. Крѣпость осталась безъ прикрытія.

Дверь гостиной была немного притворена. Мистеръ Джингль заглянулъ: дѣвствующая тётка сидѣла за шитьемъ. Онъ кашлянулъ: она подняла глаза и улыбнулась. Нерѣшительность и колебаніе были совсѣмъ незнакомы мистеру Алфреду Джинглю. Онъ таинственно приставилъ палецъ къ своимъ губамъ, вошелъ и заперъ за собою дверь.

— Миссъ Уардль, сказалъ мистеръ Джингль, принявъ на себя озабоченный видъ: — извините... короткое знакомство... церемониться некогда... все открыто!

— Сэръ! воскликнула дѣвственная тётка, изумленная неожиданнымъ появленіемъ незнакомца.

— Тише... умоляю... важныя дѣла... толстый слуга... пухлое лицо... круглые глаза... мерзавецъ!

Здѣсь онъ выразительно кивнулъ своею головой; дѣвствующую тётку пронялъ невольный трепетъ.

— Вы намѣкаете, если не ошибаюсь, на Джозефа? сказала Рахиль, стараясь сообщить спокойное выраженіе своему лицу.

— Да̀, сударыня... чортъ его побери... проклятый Джой... измѣнникъ... собака... все сказалъ старой леди... вспыхнула, пришла въ отчаяніе... дико... бесѣдка... Топманъ... обнимаетъ и цалуетъ... не противится... что̀ вы на это скажете, сударыня?

— Мистеръ Джингль, если вы пришли издѣваться надо мной, обижать беззащитную дѣвушку...

— Совсѣмъ нѣтъ... помилуй Богъ!.. Слышалъ все... сообразилъ... пришелъ предостеречь, предложить услуги... сорвать маску. Думайте что̀ хотите... сдѣлалъ свое дѣло... иду.

И онъ поспѣшно повернулся къ дверямъ.

— Что̀ мнѣ дѣлать? что̀ мнѣ дѣлать? завопила бѣдная дѣва, заливаясь горькими слезами.—Братъ разсердится ужасно!

— Разсвирѣпѣетъ... иначе нельзя... фамильная обида.

— Что̀жь мнѣ сказать ему, мистеръ Джингль? всхлипывала дѣвствующая тётка, терзаемая страшнымъ припадкомъ отчаянія. —Научите, присовѣтуйте!

— Скажите, что ему пригрезилось, и больше ничего, холодно отвѣчалъ мистеръ Джингль.

Лучь надежды озарилъ страждущую душу горемычной дѣвы. Замѣтивъ это, мистеръ Джингль смѣлѣе началъ развивать нить своихъ соображеній.

— Все вздоръ, сударыня... очень-натурально... заснулъ... пригрезилась красавица... кошмаръ... всѣ повѣрятъ... понимаете?

Была ли дѣвствующая тётка обрадована разсчитанной вѣроятностью ускользнуть отъ опасныхъ слѣдствій сдѣланнаго открытія, или быть-можетъ, приписанный ей титулъ красавицы значительно умягчилъ жестокость ея печали, утвердительно сказать мы

не можемъ ни того, ни другаго. Какъ бы то ни было, ея щеки покрылись яркимъ румянцемъ, и она бросила благодарный взглядъ на мистера Джингля.

Понимая въ совершенствѣ свою роль, мистеръ Джингль испустилъ глубокій вздохъ, вперилъ на пару минутъ свои глаза въ желтое лицо старой дѣвы, принялъ мелодраматическую позу, и внезапно устремилъ свой взоръ на небеса.

— Вы кажется страдаете, мистеръ Джингль, сказала сострадательная леди жалобнымъ тономъ:—вы несчастны. Могу ли я, въ благодарность за ваше великодушное участіе, вникнуть въ настоящую причину вашихъ страданій? Быть-можетъ мнѣ удастся облегчить ваше горе?

— Облегчить? Ха, ха, ха! И это говорите вы, миссъ Уардль? вы говорите, тогда-какъ любовь ваша принадлежитъ человѣку, неспособному понимать свое счастіе, человѣку, который даже теперь разсчитываетъ на привязанность племянницы того самаго созданія... который... который... но нѣтъ!.. нѣтъ! онъ мой другъ: я не буду выставлять на позоръ его безнравственныя свойства. Миссъ Уардль—прощайте!

Въ-заключеніе этой рѣчи, принявшей быть-можетъ первый разъ на его языкѣ послѣдовательную логическую форму, мистеръ Джингль приставилъ къ своимъ глазамъ коленкоровый лоскутъ—суррогатъ носоваго платка, и сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ дверямъ.

— Остановитесь, мистеръ Джингль! возопила дѣвствующая тётка.—Вашъ намекъ относится къ мистеру Топману: объяснитесь.

— Никогда! воскликнулъ мистеръ Джингль театральнымъ тономъ.—Никогда!

И въ доказательство своей твердой рѣшимости, онъ придвинулъ стулъ къ дѣвствующей тёткѣ, и усѣлся рядомъ съ нею.

— Мистеръ Джингль, сказала цѣломудренная дѣва: — я прошу васъ, умоляю, заклинаю... откройте ужасную тайну, если она имѣетъ какую-нибудь связь съ моимъ другомъ.

— Могу ли я, началъ мистеръ Джингль, пристально вперивъ глаза въ лицо дѣвствующей тётки:—могу ли я видѣть, какъ безжалостный эгоистъ приноситъ въ жертву прелестное созданіе... Но нѣтъ, нѣтъ! Языкъ отказывается объяснять...

— Именемъ всего, что дорого для вашего растерзаннаго сердца, вопила цѣломудренная дѣва:—умоляю, объясните!

Мистеръ Джингль, казалось, нѣсколько секундъ боролся съ собственными чувствами, и потомъ, преодолѣвъ внутреннее волненіе, произнесъ твердымъ и выразительнымъ тономъ:

— Топманъ любитъ только ваши деньги!

— Злодѣй! воскликнула миссъ Уардль, проникнутая насквозь энергическимъ негодованіемъ.

Сомнѣнія мистера Джингля рѣшены: у дѣвствующей тётки были деньги.

— Этого мало, продолжалъ кочующій актеръ: — Топманъ любитъ другую.

— Другую! возопила тётка. — Кого же?

— Смазливую дѣвушку, съ чорными глазами, вашу племянницу — Эмилію.

Продолжительная пауза.

Съ этого мгновенія въ груди старой дѣвы заклокотала самая непримиримая ненависть къ миссъ Эмиліи Уардль. Багровая краска выступила на ея лицѣ и шеѣ: она забросила свою голову назадъ съ выраженіемъ самаго отчаяннаго презрѣнія и злобы. Закусивъ, наконецъ, свои толстыя губы и вздернувъ носъ, она прервала продолжительное молчаніе такимъ-образомъ:

— Нѣтъ, этого быть не можетъ. Я не вѣрю вамъ, мистеръ Джингль.

— Наблюдайте за ними, отвѣчалъ кочующій актеръ.

— Буду.

— Замѣчайте его взоры.

— Буду.

— Его шопотъ.

— Буду.

— Онъ сядетъ за столомъ подлѣ нея.

— Пусть его.

— Будетъ любезничать съ нею.

— Пусть.

— Станетъ расточать передъ нею всю свою внимательность.

— Пусть.

— И онъ броситъ васъ съ пренебреженіемъ.

— *Меня* броситъ! взвизгнула дѣвственная тётка:—Меня!

И въ припадкѣ бѣшеной злобы, она заскрежетала зубами. Глаза ея налились кровью.

— Убѣдитъ ли это васъ?

— Да́.

— Вы будете равнодушны?

— Да́.

— И вы оставите его?

— Да́.

— Онъ не будетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ?

— Да̀.

— Любовь ваша будетъ принадлежать другому?

— Да́.

— Честное слово?

— Честное слово.

Мистеръ Джингль бросился на колѣни, и пять минутъ простоялъ у ногъ цѣломудренной леди: ему обѣщали подарить неизмѣнно-вѣчную любовь, какъ-скоро будетъ приведена въ извѣстность гнусная измѣна Тараса.

Въ этотъ же самый день, за обѣдомъ, блистательнымъ образомъ

подтвердились слова мистера Альфреда Джингля. Дѣвственная тётка едва вѣрила своимъ глазамъ. Мистеръ Треси Топманъ сидѣлъ подлѣ Эмиліи Уардль напротивъ мистера Снодграса, улыбался, шепталъ, смѣялся и выдумывалъ поэтическіе комплименты. Ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ, не удостоилъ онъ владычицы своего сердца, которой такъ недавно клялся посвятить всю свою жизнь.

— Чортъ-побери этого болвана! думалъ про-себя мистеръ Уардль, знавшій отъ своей матери всѣ подробности романтической исторіи.—Жирный толстякъ вѣроятно спалъ, или грезилъ на яву. Всё вздоръ!

— Извергъ! думала про-себя дѣвственная тётка:—о, какъ я ненавижу его! Да, это ясно: милый Джингль не обманывалъ меня.

Слѣдующій разговоръ объяснитъ нашимъ читателямъ непостижимую перемѣну въ поведеніи мистера Треси Топмана.

Время дѣйствія—вечеръ; сцена — садъ. Двое мужчинъ гуляютъ по уединенной тропинкѣ: одинъ низенькій и толстый; другой — сухопарый и высокій. То были: мистеръ Тарасъ Топманъ и мистеръ Альфредъ Джингль. Бесѣду открылъ толстый джентльменъ:

— Ну, другъ, хорошо я велъ себя?

— Блистательно... безподобно... лучше не съиграть и мнѣ... завтра опять повторить роль... каждый вечеръ... впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

— И Рахиль непремѣнно этого требуетъ?

— Непремѣнно.

— Довольна ли она моимъ поведеніемъ?

— Совершенно... что дѣлать?.. непріятно... терпѣніе... постоянство... отвратить подозрѣнія... боится брата... надо, говоритъ, молчать и ждать... всего два-три дня... старики угомонятся... будете блаженствовать оба.

— Есть отъ нея какія-нибудь порученія?

— Любовь... неизмѣнная привязанность... нѣжное влеченіе. Сказать ли ей что-нибудь отъ твоего имени?

— Любезный Альфредъ, отвѣчалъ невинный мистеръ Топманъ, съ жаромъ пожимая своего *друга:* — отнеси къ ней мою безпредѣльную любовь, и скажи, что я горю нетерпѣливымъ желаніемъ прижать ее къ своей пламенной груди. Объяви, что я готовъ, скрѣпя сердце, безусловно подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, какія ты сегодня поутру передалъ мнѣ отъ имени ея. Скажи, что я удивляюсь ея благоразумію, и вполнѣ уважаю ея скромность.

— Очень-хорошо. Еще что?

— Ничего больше. Прибавь только, что я мечтаю каждую минуту о томъ счастливомъ времени, когда судьба соединитъ насъ неразрывными узами, и когда не будетъ больше надобности скрывать настоящія чувства подъ этой личиной притворства.

— Будетъ сказано. Еще что?

— Милый другъ мой! воскликнулъ мистеръ Топманъ, ухватив-

шись за руку кочующаго актёра: — пріими пламенную благодарность за твою безкорыстную дружбу, и прости великодушно, если я когда, словомъ или мыслью, осмѣлился оскорбить тебя чернымъ подозрѣніемъ, будто ты остановился на перепутьи къ моему счастью. Чѣмъ и ка́къ, великодушный другъ, могу я когда-либо достойнымъ образомъ отблагодарить тебя за твою безцѣнную услугу?

— О, не стоитъ объ этомъ распространяться! возразилъ мистеръ Джингль:—для истиннаго друга, пожалуй, я готовъ и въ воду.

Но тутъ онъ пріостановился, и, казалось, будто нечаянная мысль озарила его голову.

— Кстати, любезный другъ, сказалъ онъ: — не можешь ли ты ссудить мнѣ десять фунтовъ? Встрѣтились особенныя обстоятельства... отдамъ черезъ три дня.

— Изволь, съ величайшимъ удовольствіемъ, возразилъ обязательный мистеръ Топманъ:—только вѣдь на три дня, говоришь ты?

— На три, никакъ не больше.

Мистеръ Топманъ отсчиталъ двѣсти-пятьдесятъ франковъ звонкою монетой, и мистеръ Джингль съ благодарностью опустилъ ихъ въ свой карманъ. Потомъ они пошли домой.

— Смотри же, будь остороженъ, сказалъ мистеръ Джингль: — ни одного взгляда.

— И ни одной улыбки, дополнилъ мистеръ Топманъ.

— Ни полслова.

— Буду нѣмъ какъ болванъ.

— Обрати, какъ и прежде, всю твою внимательность на миссъ Эмилію.

— Постараюсь, громко сказалъ мистеръ Топманъ.

— Постараюсь и я, примолвилъ про-себя мистеръ Джингль.

И они вошли въ домъ.

Обѣденная сцена повторилась и вечеромъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Три дня сряду и три вечера мистеръ Треси Топманъ отлично выдерживалъ свой искусственный характеръ. На четвертый день хозяинъ былъ въ самомъ счастливомъ и веселомъ расположеніи духа, потому-что, послѣ многихъ доказательствъ, пришелъ къ положительному заключенію, что клевета, взведенная противъ его гостя, не имѣла никакихъ основаній. Веселился и мистеръ Топманъ, получившій новое увѣреніе отъ своего друга, что дѣла его скоро придвинутся къ вожделѣнному концу. Мистеръ Пиквикъ, спокойный въ своей совѣсти, всегда наслаждался истиннымъ блаженствомъ невинной души. Но грустенъ, невыразимо-грустенъ былъ поэтъ Снодграсъ, начинавшій питать въ своей душѣ жгучую ревность къ мистеру Топману. Грустила и старая леди, проигравшая въ вистъ три роббера сряду. Мистеръ Джингль и дѣвственная тётка не могли съ своей стороны принять дѣятельнаго участія ни въ радости, ни въ печали своихъ почтенныхъ друзей вслѣдствіе весьма-основательныхъ причинъ, о которыхъ будетъ сообщено благосклонному читателю въ особой главѣ.

ГЛАВА III.

Изумительное открытіе и погоня.

Ужинъ былъ накрытъ, и стулья стояли вокругъ стола. Бутылки, кружки, рюмки и стаканы въ симметрическомъ порядкѣ красовались на буфетѣ, и все обличало приближеніе одного изъ самыхъ веселыхъ часовъ на хуторѣ Дингли-Делль.

— Гдѣ же Рахиль? сказалъ Уардль.

— Куда дѣвался Джингль? прибавилъ мистеръ Пикквикъ.

— Странно, сказалъ хозяинъ: — я ужь, кажется, часа два не слышалъ ихъ голоса. Эмилія, позвони въ колокольчикъ.

Позвонила. Явился жирный дѣтина.

— Гдѣ миссъ Рахиль?

— Не знаю-съ.

— Гдѣ мистеръ Джингль?

— Не могу знать.

Всѣ переглянулись съ изумленіемъ. Было уже одиннадцать часовъ. Мистеръ Топманъ, смѣялся изподтишка съ видомъ совершеннѣйшей самоувѣренности. Альфредъ и Рахиль гуляютъ гдѣ-нибудь въ саду, и безъ-сомнѣнія говорятъ о немъ. Ха, ха, ха!

— Ничего, однакожь, сказалъ мистеръ Уардль послѣ короткой паузы: — прійдутъ, если проголодаются; а мы станемъ дѣлать свое дѣло: семеро одного не ждутъ.

— Превосходное правило, замѣтилъ мистеръ Пикквикъ.

— Прошу покорно садиться, господа.

И сѣли.

Огромный окорокъ ветчины красовался на столѣ, и мистеръ Пикквикъ уже успѣлъ отдѣлить для себя значительную часть. Онъ приставилъ вилку къ своимъ губамъ, и уста его уже отверзлись для принятія соленаго куска, какъ-вдругъ, въ эту самую минуту, въ отдаленной кухнѣ послышался смутный говоръ многихъ голосовъ. Мистеръ Пикквикъ пріостановился, и положилъ свою вилку на столъ. Хозяинъ тоже пріостановился, и нечувствительно выпустилъ изъ рукъ огромный ножъ, уже погруженный въ самый центръ копченой ветчины. Онъ взглянулъ на мистера Пикквика. Мистеръ Пикквикъ взглянулъ на мистера Уардля.

Раздались тяжелые шаги по галереи, и вдругъ, съ необыкновеннымъ шумомъ, отворилась дверь столовой: парень, чистившій сапоги мистера Пикквика, въ первый день прибытія его на хуторъ, вломился въ комнату, сопровождаемый жирнымъ дѣтиной и всею домашнею челядью.

— Зачѣмъ васъ чортъ несётъ? вскричалъ хозяинъ.

— Не пожаръ ли въ кухнѣ, дѣти? съ испугомъ спросила старая леди.

— Чтó вы, бабушка? Богъ съ вами! отвѣчали въ одинъ голосъ молодыя дѣвицы.

— Чтó тамъ у васъ? говорите скорѣе, ревѣлъ хозяинъ дома.

— Они уѣхали, сударь, отвѣчалъ передовой лакей: — то-есть, если позволите доложить, ужь и слѣдъ ихъ простылъ.

При этомъ извѣстіи, мистеръ Топманъ неистово бросилъ свою вилку, и поблѣднѣлъ какъ смерть.

— Кто уѣхалъ? спросилъ мистеръ Уардль, изступленнымъ тономъ.

— Старая барышня, сударь, и вашъ сухопарый гость... покатили на почтовыхъ, сударь, изъ гостинницы «Голубаго-Льва». Я видѣлъ ихъ, но не могъ остановить, и прибѣжалъ доложить вашей милости.

— Я заплатилъ его прогоны! заревѣлъ Топманъ, съ отчаяннымъ бѣшенствомъ, выскакивая изъ-за стола: — онъ взялъ у меня десять фунтовъ! Держать его! Ловить! Онъ обморочилъ меня! Не стерплю, не перенесу! Въ судъ его, Пикквикъ!

И несчастный джентльменъ, какъ помѣшанный, неистово бѣгалъ изъ угла въ уголъ, произнося самыя отчаянныя заклинанія раздирательнаго свойства.

— Ахъ, Боже мой! возгласилъ мистеръ Пикквикъ, устрашенный необыкновенными жестами своего друга: — онъ съ ума сошелъ. Чтó намъ дѣлать?

— Дѣлать! откликнулся мистеръ Уардль, слышавшій только послѣднія слова этой сентенціи: — немедленно ѣхать въ городъ, взять почтовыхъ лошадей и скакать по ихъ слѣдамъ во весь опоръ. Гдѣ этотъ скотина, Джой?

— Здѣсь я, сударь, только я не скотина, раздался голосъ жирнаго парня.

— Дайте мнѣ до него добраться! кричалъ мистеръ Уардль, порываясь на несчастнаго слугу. Пикквикъ поспѣшилъ загородить дорогу: — мерзавецъ, былъ подкупленъ этимъ негодяемъ, и навелъ меня на фальшивые слѣды, сочинивъ нелѣпую исторію насчетъ общаго нашего друга и моей сестры. Здѣсь мистеръ Топманъ упалъ въ кресла. — Дайте мнѣ, добраться до него!

— Не пускайте его, мистеръ Пикквикъ! заголосилъ хоромъ весь женскій комитетъ, заглушаемый однакожь визжаньемъ жирнаго дѣтины.

— Пустите, пустите! кричалъ раздраженный джентльменъ: — мистеръ Пикквикъ, мистеръ Винкель, прочь съ дороги!

Прекрасно, и во многихъ отношеніяхъ, назидательно было видѣть, кáкъ, посреди этой общей суматохи, мистеръ Пикквикъ, не утратившій ни на одинъ дюймъ философскаго присутствія духа, стоялъ среди комнáты съ распростертыми руками и ногами, заграждая путь вспыльчивому джентльмену, добиравшемуся до своего несчастнаго слуги, который, наконецъ, былъ вытолканъ изъ комнаты дюжими кулаками двухъ горничныхъ и одной ку-

харки. Лишь-только угомонилась эта суматоха, кучеръ пришелъ доложить, что бричка готова.

— Не пускайте его одного! кричали испуганныя леди: — онъ убьетъ кого-нибудь.

— Я поѣду съ нимъ, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Спасибо вамъ, Пикквикъ, сказалъ хозяинъ, пожимая его руку: — Эмма, дай мистеру Пикквику шаль на шею, живѣй! Ну, дѣти, смотрите хорошенько за бабушкой: ей, кажется, дурно. Готовы ли вы, Пикквикъ?

Ротъ и подбородокъ мистера Пикквика уже были окутаны огромной шалью, шляпа красовалась на его головѣ, и лакей подавалъ ему шинель. Поэтому мистеръ Пикквикъ далъ утвердительный отвѣтъ: — они впрыгнули въ бричку.

— Ну, Томми, покажи-ка намъ свою удаль! закричалъ хозяинъ долговязому кучеру, сидѣвшему на козлахъ съ длиннымъ бичомъ въ рукахъ.

И стремглавъ полетѣла бричка по узкимъ тропинкамъ, безпрестанно выпрыгивая изъ дорожной колеи, и немилосердо ударяясь о живые заборы, какъ-будто путешественникамъ непремѣнно нужно было переломать свои кости. Черезъ нѣсколько минутъ, легкій экипажъ подкатилъ къ воротамъ городской гостинницы, гдѣ ихъ встрѣтила собравшаяся толпа запоздалыхъ гулякъ.

— Давно ли они ускакали? закричалъ мистеръ Уардль, не обращаясь ни къ кому въ-особенности.

— Минутъ сорокъ съ небольшимъ, отвѣчалъ голосъ изъ толпы.

— Карету и четверку лошадей! Живѣй, живѣй! Бричку отправить послѣ.

— Ну, ребята, пошевеливайтесь! закричалъ содержатель постоялаго двора: четырехъ лошадей и карету для джентльменовъ! Не мигать!

Засуетились ямщики, забѣгали мальчишки взадъ и впередъ, засверкали фонари и забренчали лошадиныя копыта по широкому двору. Явилась на сцену карета изъ сарая.

— Надежный экипажъ? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Хватитъ на двѣсти тысячь миль, отвѣчалъ содержатель постоялаго двора.

Мигомъ впрягли лошадей, бойко вскочили ямщики на козла, и путешественники поспѣшили сѣсть въ карету.

— Семь миль въ полчаса!.. слышите ли? закричалъ мистеръ Уардль.

— Слышимъ.

Ямщики навязали нахлестки на свои бичи, конюхъ отворилъ ворота, толпа взвизгнула, разступилась, и карета стрѣлою помчалась на большую дорогу.

— Прекрасное положеніе! думалъ про себя мистеръ Пикквикъ, когда его мыслительная машина, первый разъ послѣ всеобщей суматохи, начала работать съ обычною силой — прекрасное по-

ложеніе для главнаго президента Пикквикскаго-Клуба: мчаться сломя голову, въ глухую полночь, на бѣшеныхъ лошадяхъ по пятнадцати миль въ часъ!

Первыя три или четыре мили между двумя озабоченными путешественниками не было произнесено ни одного звука, потомучто каждый изъ нихъ погруженъ былъ въ свои собственныя думы; но когда, наконецъ, взмыленные и вспѣненные кони, пробѣжавъ опредѣленное пространство, обуздали свою бѣшеную дерзость, мистеръ Пикквикъ началъ испытывать весьма-пріятныя чувства отъ быстроты движеній, и вдругъ, обращаясь къ своему товарищу, выразилъ свой восторгъ такимъ-образомъ:

— Вѣдь мы ихъ, я полагаю, мигомъ настигнемъ: не такъ ли?

— Надѣюсь, сухо отвѣчалъ товарищъ.

— Прекрасная ночь! воскликнулъ мистеръ Пикквикъ, устремивъ свои очки на луну, сіявшую полнымъ блескомъ.

— Тѣмъ хуже, возразилъ Уардль:—въ лунную ночь имъ удобнѣе скакать, и мы ничего не выиграемъ передъ ними. Луна черезъ часъ зайдетъ.

— Это будетъ очень-непріятно, замѣтилъ мистеръ Пикквикъ.

— Конечно.

Кратковременный приливъ веселости къ сердцу мистера Пикквика началъ постепенно упадать, когда онъ сообразилъ всѣ ужасы и опасности ѣзды среди непроницаемаго мрака безлунной ночи. Громкій крикъ кучеровъ, завидѣвшихъ шоссейную заставу, прервалъ нить его размышленій.

— Йо-йо-йо-йо-йой! заливался первый ямщикъ.

— Йо-йо-йо-йо-йой! заливался второй.

— Йо-йо-йо-йо-йой! завторилъ самъ старикъ Уардль, выставивъ изъ окна кареты свою голову и половину бюста.

— Йо-йо-йо-йо-йой! заголосилъ самъ мистеръ Пикквикъ, не имѣя, впрочемъ, ни малѣйшаго понятія о томъ, какой смыслъ долженъ заключаться въ этомъ оглушающемъ крикѣ.

И вдругъ карета остановилась.

— Что это значитъ? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Подъѣхали къ шоссейной заставѣ, отвѣчалъ Уардль: — надобно здѣсь разспросить о бѣглецахъ.

Минутъ черезъ пять, употребленныхъ на перекличку, вышелъ изъ шоссейной будки почтенный старичокъ съ сѣдыми волосами, въ бѣлой рубашкѣ и сѣрыхъ штанахъ. Взглянувъ на луну, онъ зѣвнулъ, почесалъ затылокъ и отворилъ ворота.

— Давно ли здѣсь проѣхала почтовая карета? спросилъ мистеръ Уардль.

— Чего?

Уардль повторилъ свой вопросъ.

— То-есть, вашей милости, если не ошибаюсь, угодно знать, какъ давно по этому тракту проскакалъ почтовый экипажъ?

— Ну, да.

— Эвося! а сначала я никакъ не могъ взять въ толкъ, о чемъ ваша милость спрашивать изволитъ. Ну, вы не ошиблись, почтовой экипажъ проѣхалъ... точно проѣхалъ.

— Давно ли?

— Этого заподлинно не могу растолковать. Не такъ чтобы давно, а пожалуй что и давно... такъ-себѣ, я полагаю, часа два или около того, а пожалуй, что и слишкомъ!

— Какой же экипажъ? карета?

— Да́, была и карета. Кажись та́къ.

— Давно ли она проѣхала, мой другъ? перебилъ мистеръ Пикквикъ ласковымъ тономъ. — Съ часъ будетъ?

— Пожалуй, что и будетъ.

— Или часа два?

— Немудрено, что и два.

— Ступайте, ребята, чортъ-съ-нимъ! закричалъ сердитый джентльменъ.—Отъ этого дурака во сто лѣтъ ничего не узнаешь!

— Дурака! повторилъ старикъ, оскаливая зубы, и продолжая стоять среди дороги, между-тѣмъ-какъ экипажъ исчезалъ въ отдаленномъ пространствѣ. — Самъ ты слишкомъ-уменъ: потерялъ ни за-что́ ни про-что́ цѣлыхъ пятнадцать минутъ, и ускакалъ какъ оселъ! Если тамъ впереди станутъ тебя дурачить такъ же, какъ и я, не догнать тебѣ другой кареты до великаго поста. Мудрено ли бы догадаться старому хрычу, что здѣсь получено на водку малую-толику? Скачи-себѣ: ни лысаго бѣса не поймаешь! Дуракъ!

И долго почтенный старичокъ самодовольно скалилъ зубы и почесывалъ затылокъ. Наконецъ затворилъ онъ ворота, и вошелъ въ свою будку.

Карета между-тѣмъ, безъ дальнѣйшихъ остановокъ, продолжала свой путь до слѣдующаго станціоннаго двора. Луна, какъ предсказалъ Уардль, скоро закатилась; многочисленные ряды мрачныхъ облаковъ, распространяясь по небесному раздолью, образовали теперь одну густую черную массу, и крупныя капли дождя, постукивая исподоволь въ окна кареты, казалось, предсказывали путешественникамъ быстрое приближеніе бурной ночи. Противный вѣтеръ бушевалъ въ неистовыхъ порывахъ по большой дорогѣ, и печально гудѣлъ между листьями деревъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ. Мистеръ Пикквикъ плотнѣе закутался шинелью, забился въ уголъ кареты, и скоро погрузился въ глубокій сонъ, отъ котораго только могли пробудить его остановка экипажа, звонъ станціоннаго колокола и громкій крикъ старика Уардля, нетерпѣливо требовавшаго новыхъ лошадей.

Встрѣтились непріятныя затрудненія. Ямщики спали на сѣнныхъ сушилахъ богатырскимъ сномъ, и станціонный смотритель едва могъ разбудить ихъ черезъ пять минутъ. Потомъ — долго не могли найдти ключа отъ главной конюшни, и когда, наконецъ, ключъ былъ найденъ, сонные олухи вынесли не ту сбрую и вывели не

тѣхъ лошадей. Церемонія запряжки должна была начаться снова. Будь здѣсь мистеръ Пикквикъ одинъ, погоня, безъ всякаго сомнѣнія, окончилась бы этой станціей; но старикъ Уардль былъ неугомоненъ и упрямъ: онъ собственными руками помогалъ надѣвать хомуты, взнуздывать лошадей, застегивать постромки, и, благодаря его хлопотливымъ распоряженіямъ, дѣло подвинулось впередъ гораздо-скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Карета помчалась опять по большой дорогѣ; но впереди передъ нашими путешественниками открывалась перспектива, не имѣвшая въ себѣ никакихъ привлекательныхъ сторонъ. До слѣдующей станціи было слишкомъ пятнадцать миль; ночь мрачилась больше-и-больше съ каждою минутой; вѣтеръ завылъ какъ голодный волкъ, и тучи разразились проливнымъ дождемъ. Съ такими препятствіями бороться было трудно. Былъ часъ за полночь, и прошло слишкомъ два часа, когда карета подъѣхала, наконецъ, къ станціонному двору. Здѣсь однакожь судьба повидимому сжалилась надъ нашими путешественниками, и оживила надежды въ ихъ сердцахъ.

— Давно ли воротилась эта карета? закричалъ старикъ Уардль, выпрыгивая изъ своего собственнаго экипажа, и указывая на другой, стоявшій среди двора, и облѣпленный свѣжей грязью.

— Не больше четверти часа, сударь, отвѣчалъ станціонный смотритель, къ которому былъ обращенъ этотъ вопросъ.

— Леди и джентльменъ?

— Да́, сэръ.

— Пожилая леди, желтая, дурная?

— Да́-съ.

— Джентльменъ сухопарый, высокій, тонконогій, словно вѣшалка?

— Да́, сэръ.

— Ну, Пикквикъ, это они, они! воскликнулъ мистеръ Уардль.

— Они жаловались, что немножко запоздали, проговорилъ станціонный смотритель.

— Они, Пикквикъ, ей-Богу они! кричалъ мистеръ Уардль. — Четверку лошадей — живѣй! Мы ихъ настигнемъ прежде чѣмъ доѣдутъ до станціи. Двадцать франковъ на водку, ребята, пошевеливайтесь?

И въ состояніи необыкновеннаго возбужденія физическихъ силъ, пожилой джентльменъ засуетился и запрыгалъ по широкому двору, такъ-что его суетливость электрическимъ образомъ подѣйствовала на самаго мистера Пикквика, который тоже, приподнявъ подолъ длинной шинели, перебѣгалъ отъ одной лошади къ другой, кричалъ на ямщиковъ, махалъ руками, притрогивался къ дугѣ, хомутамъ, въ несомнѣнномъ и твердомъ убѣжденіи, что отъ всѣхъ этихъ хлопотъ приготовленія къ поѣздкѣ должны сократиться по-крайней-мѣрѣ въ половину.

— Влѣзайте, влѣзайте! кричалъ мистеръ Уардль, впрыгивая въ

карету, и захлопывая дверцу съ правой стороны. — Живѣй, Пикквикъ, живѣй!

И прежде чѣмъ мистеръ Пикквикъ сообразилъ, о чемъ идетъ рѣчь, дюжая рука одного изъ ямщиковъ втолкнула его въ карету съ лѣвой стороны, захлопнула дверцу, и экипажъ стремглавъ помчался со двора.

— Вотъ мы и пошевеливаемся! сказалъ пожилой джентльменъ одобрительнымъ тономъ.

Они точно шевелились, и мистеръ Пикквикъ чувствовалъ всю силу исполинскихъ движеній, когда его начало перебрасывать съ одной стороны на другую.

— Держитесь крѣпче! сказалъ Уардль, когда мистеръ Пикквикъ толкнулся однажды своею головой о его плечо.

— Въ жизнь никогда я не чувствовалъ такой встряски, отвѣчалъ бѣдный мистеръ Пикквикъ.

— Ничего, ничего, мы ихъ нагонимъ! Держитесь крѣпче.

Мистеръ Пикквикъ забился въ свой уголъ. Карета помчалась еще быстрѣе.

Такъ промчались они около трехъ миль. Наконецъ мистеръ Уардль, наблюдавшій изъ окна минуты двѣ или три, обратилъ на мистера Пикквика свое лицо, обрызганное грязью, и вскричалъ нетерпѣливымъ тономъ:

— Вотъ они!

Мистеръ Пикквикъ высунулъ свою голову изъ окна. Такъ точно: карета, заложенная четверкой лошадей, мчалась во весь галопъ не въ дальнемъ разстояніи отъ нихъ.

— Живѣй, ребята, живѣй! кричалъ мистеръ Уардль. — По гинеѣ на брата!

Быстроногіе кони первой кареты мчались во весь опоръ; кони мистера Уардля вихремъ летѣли по ихъ слѣдамъ.

—Я вижу его голову! воскликнулъ раздражительный джентльменъ. —Вонъ она, чортова башка!

— И я вижу, сказалъ мистеръ Пикквикъ. — Вонъ онъ, проклятый Джингль!

Мистеръ Пикквикъ не ошибся. Лицо кочующаго актера, совершенно залѣпленное грязью, явственно выставлялось изъ кареты, и можно было различить, какъ онъ дѣлалъ неистовые жесты, ободряя ямщиковъ ускорить бѣгъ измученныхъ коней.

Завязалась отчаянная борьба. Деревья, заборы и поля пролетали передъ ними съ быстротою вихря, и черезъ нѣсколько минутъ, путешественники наши были почти подлѣ первой кареты. Они слышали даже, какъ дребезжалъ охриплый голосъ Джингля, кричавшаго на ямщиковъ. Старикъ Уардль бѣсновался и выходилъ изъ себя. Онъ дюжинами посылалъ впередъ энергическія проклятія всѣхъ возможныхъ видовъ и родовъ, сжималъ кулаки, и грозно обращалъ ихъ на предметъ своихъ негодованій; но мистеръ Джингль отнюдь не позволялъ себѣ выходить изъ предѣловъ

джентльменскихъ приличій: онъ исподоволь бросалъ на своего преслѣдователя презрительную улыбку, и отвѣчалъ на его угрозы торжественнымъ крикомъ, когда лошади его, повинуясь убѣдительнымъ доказательствамъ кнута, ускоряли быстроту своего бѣга.

Лишь-только мистеръ Пиквикъ усѣлся на свое мѣсто, и мистеръ Уардль, надсадившій свою грудь безполезнымъ крикомъ, всунулъ свою голову въ карету, какъ-вдругъ страшный толчокъ заставилъ ихъ судорожно отпрянуть отъ своихъ относительныхъ угловъ. Раздался сильный трескъ — крикъ — гвалтъ — колесо покатилось въ канаву — карета опрокинулась на бокъ.

Черезъ нѣсколько секундъ общей суматохи — барахтанья лошадей и дребезжанья стеколъ — мистеръ Пиквикъ почувствовалъ, какъ высвободили его изъ-подъ руинъ опрокинутаго экипажа, и какъ, наконецъ, поставили его на ноги среди грязной дороги. Высвободивъ свою голову изъ капюшона шинели, и поправивъ очки на своихъ глазахъ, великій мужъ поспѣшилъ бросить орлиный взглядъ на окружающіе предметы.

Старикъ Уардль, въ изорванномъ платьѣ и безъ шляпы стоялъ подлѣ мистера Пиквика, любуясь на обломки опрокинутаго экипажа. Ямщики, оконтуженные паденіемъ съ козелъ и облѣпленные толстыми слоями грязи, стояли подлѣ своихъ измученныхъ коней. Впереди, не дальше какъ въ пятидесяти шагахъ, виднѣлся другой экипажъ, придержавшій теперь своихъ лошадей. Кучера съ грязными рожами, обращенными назадъ, ухмылялись и оскаливали зубы, между-тѣмъ-какъ мистеръ Джингль, съ видимымъ удовольствіемъ, смотрѣлъ изъ окна кареты на пораженіе своихъ преслѣдователей. Темная ночь уже смѣнилась разсвѣтомъ, и вся эта сцена была совершенно видима для глазъ при блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ.

— Э-гой! заголосилъ безстыдный Джингль.—Перекувырнулись, господа? Жаль! Какъ ваши кости?.. Джентльмены пожилые... тяжелые... съ грузомъ... очень-опасно!

— Ты негодяй! проревѣлъ въ отвѣтъ мистеръ Уардль.

— Ха, ха, ха! Благодаримъ за комплиментъ... сестрица вамъ кланяется... благополучна и здорова... проситъ не безпокоиться... ѣхать назадъ... поклонъ Тарасу. Ну, ребята!

Ямщики взмахнули бичами, отдохнувшіе кони помчались съ новой быстротой, мистеръ Джингль махнулъ на прощаньи бѣлымъ платкомъ изъ окна своей кареты.

Ничто во всей этой исторіи, ни даже самое паденіе, не могло поколебать невозмутимаго и плавнаго теченія мыслей въ крѣпкой головѣ президента Пиквикскаго-Клуба. Но отчаянная дерзость шарлатана, занявшаго сперва деньги у его вѣрнаго ученика, и потомъ, въ благодарность, осмѣлившагося назвать его Тарасомъ... нѣтъ, это было невыносимо, нестерпимо! Мистеръ Пиквикъ съ трудомъ перевелъ свой духъ, покраснѣлъ чуть не до самыхъ оч-

ковъ, и произнесъ весьма-медленнымъ, ровнымъ и чрезвычайно-выразительнымъ тономъ:

— Если я гдѣ-нибудь и когда-нибудь встрѣчу этого человѣка, я... я... я...

— Да, да, все это очень-хорошо, возразилъ мистеръ Уардль:— но пока мы здѣсь стоимъ и говоримъ, они успѣютъ выпросить позволеніе и обвѣнчаться.

Мистеръ Пикквикъ пріостановился, и крѣпко закупорилъ мщеніе въ своей богатырской груди.

— Далеко ли до станціи? спросилъ мистеръ Уардль одного изъ ямщиковъ.

— Шесть миль, или около того: такъ, что ли, Томми?

— Нѣтъ, братъ, ты врешь: слишкомъ шесть миль. Онъ вретъ, сударь: до слѣдующей станціи будетъ гораздо-больше шести миль.

— Дѣлать нечего, Пикквикъ, пойдемте пѣшкомъ.

— Пойдемте, пойдемте! отвѣчалъ сей истинно-великій человѣкъ.

Одинъ изъ ямщиковъ поскакалъ верхомъ за новыми лошадьми и экипажемъ; другой остался среди дороги караулить усталыхъ коней и разбитую карету. Мистеръ Пикквикъ и мистеръ Уардль бодро выступили впередъ, окутавъ напередъ свои головы и шеи огромными платками для предохраненія себя отъ крупныхъ капель дождя, который лилъ теперь обильнымъ потокомъ на грязную землю.

ГЛАВА IV.

Чудное безкорыстіе и нѣкоторыя другія весьма-замѣчательныя черты въ характерѣ мистера Альфреда Джингля.

Есть въ Лондонѣ нѣсколько старинныхъ гостинницъ, служившихъ нѣкогда главными квартирами для знаменитыхъ дилижансовъ—въ тѣ счастливые дни, когда дилижансы играли главную и существенную роль въ исторіи сухопутныхъ путешествій. Въ настоящее время, послѣ всесильнаго владычества желѣзныхъ рельсовъ, осиротѣлыя гостинницы превратились въ скромныя подворья для сельскихъ экипажей, и столичный житель почти знать не хочетъ о ихъ существованіи, исключительно полезномъ для однихъ провинціаловъ. Въ модныхъ частяхъ города ихъ нѣтъ и быть не можетъ при настоящемъ порядкѣ вещей, и путешественникъ, отъискивая какой-нибудь изъ подобныхъ пріютовъ, долженъ забраться въ грязныя и отдаленныя захолустья, оставшіяся здравыми и невредимыми среди всеобщаго бѣшенства къ нововведеніямъ всякаго рода.

Въ кварталѣ Боро, за Лондонскимъ-Мостомъ, вы можете, если угодно, отъискать полдюжины старыхъ гостинницъ, въ совершенствѣ удержавшихъ свою физіономію давно-прошедшихъ временъ. Это большія, длинныя, закоптѣлыя кирпичныя зданія съ галереями и фантастическими переходами,-способными доставить цѣлыя сотни матеріаловъ для страстныхъ и страшныхъ повѣстей въ сантиментальномъ родѣ, и мы не преминули бы обратиться къ этому обильному источнику, еслибъ пришло намъ въ голову разсказать фантастическую сказку.

Поутру, на другой день послѣ событій, описанныхъ въ послѣдней главѣ, на дворѣ гостинницы «Бѣлаго-Оленя», что за Лондонскимъ-Мостомъ, на соррейской сторонѣ, долговязый малый, перегнутый въ-три-погибели, ваксилъ и чистилъ щеткой сапоги. Онъ былъ въ черной коленкоровой курткѣ съ синими стеклянными пуговицами, въ полосатомъ нанковомъ жилетѣ и сѣрыхъ брюкахъ изъ толстаго сукна. Вокругъ его шеи болтался красный носовой платокъ самаго яркаго цвѣта, и голова его украшалась бѣлою шляпой, надѣтой на-бекрень. Передъ нимъ стояли два ряда сапоговъ, одинъ вычищенный, другой грязный, и при каждомъ прибавленіи къ вычищенному ряду, онъ пріостанавливался на-минуту отъ своей работы, чтобъ полюбоваться на ея блестящій результатъ.

На дворѣ «Бѣлаго-Оленя» не было почти никакихъ слѣдовъ кипучей дѣятельности, составляющей обыкновенную характеристику большихъ постоялыхъ дворовъ. Три или четыре громоздкихъ воза, которыхъ верхушки могли бы достать до оконъ втораго этажа въ обыкновенномъ домѣ, стояли подъ высокимъ навѣсомъ, распростертымъ по одну сторону двора, между-тѣмъ-какъ другой возъ, готовый, повидимому, начать свою дальнѣйшую поѣздку, былъ выдвинутъ на открытое пространство. Въ главномъ зданіи трактира помѣщались нумера для пріѣзжихъ, раздѣленные на два длинные ряда темной и неуклюжей галереи. Изъ каждаго нумера, какъ и водится, были проведены по два звонкихъ колокольчика, одинъ въ буфетъ, другой въ кофейную залу. Два или три фіакра, одинъ шарабанъ, двѣ брички и столько же телѣгъ, покатывались, безъ всякой опредѣленной цѣли, по различнымъ частямъ широкаго двора, и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, тяжелый лошадиный топъ и храпъ давалъ знать, кому слѣдуетъ, о присутствіи отдаленной конюшни съ двумя дюжинами пустыхъ стойлъ, подъ которыми безпечно разгуливалъ самодовольный козелъ, неизмѣнный другъ и совѣтникъ усталыхъ коней. Если къ этому прибавить еще съ полдюжины олуховъ, спавшихъ на открытомъ воздухѣ подъ навѣсомъ сарая, то читатель получитъ, вѣроятно, довольно-полную картину, какую дворъ «Бѣлаго-Оленя» представлялъ въ настоящее достопамятное утро.

Раздался громкій и пронзительный звонокъ, сопровождавшійся появленіемъ смазливой горничной на верхнемъ концѣ галереи.

Она постучалась въ дверь одного изъ нумеровъ, вошла, получила приказаніе, и выбѣжала на противоположный конецъ галереи, откуда было открытое окно во дворъ.

— Самъ!

— Чего? откликнулся голосъ человѣка въ бѣлой шляпѣ.

— Двадцать-второй нумеръ спрашиваетъ сапоги.

— Скажи двадцать-второму нумеру, что сапоги его стоятъ смирно, и ждутъ своей очереди.

— Не дурачься, пожалуйста, Самъ: джентльменъ говоритъ, что сапоги нужны ему сейчасъ, сію-минуту. Слышишь ли?

— Ка́къ не слышать тебя, соловей мой голосистый? Очень-слышу, ласточка ты моя. Да только вотъ что́, касатка: здѣсь, видишь ли, одиннадцать паръ сапоговъ, да одинъ башмакъ, который принадлежитъ шестому нумеру съ деревянной ногой. Одиннадцать сапоговъ, трещотка ты моя, должны быть приготовлены къ половинѣ девятаго, а башмакъ къ девяти. Что́ за выскочка твой двадцать-второй нумеръ? Скажи ему, соро́ка ты моя, что на все бываетъ свой чередъ, какъ говаривалъ одинъ ученый, собираясь идти въ кабакъ.

И, высказавъ эту сентенцію, долговязый малый, перегнувшись въ-три-погибели, принялся съ новымъ рвеніемъ за свою работу.

Еще раздался звонокъ, и на этотъ разъ явилась на галереѣ почтенная старушка, сама содержательница «Бѣлаго-Оленя».

— Самъ! вскричала старушка:—куда онъ дѣвался, этотъ пучеглазый болванъ?.. Ты здѣсь, Самъ. Что́жь ты не отвѣчаешь?

— Ка̀къ же мнѣ отвѣчать, сударыня, когда вы сами изволите кричать? возразилъ Самъ довольно-грубымъ тономъ. — «Молчи и слушай», говорилъ одинъ философъ, когда...

— Молчи, болванъ! Вычисти сейчасъ же вотъ эти башмаки для семнадцатаго нумера, и отнеси ихъ въ гостиную, что̀ въ первомъ этажѣ, пятый нумеръ.

Старушка бросила на землю башмаки, и ушла.

— Пятый нумеръ, говорилъ Самъ, поднимая башмаки, и вынимая кусокъ мѣла изъ своего кармана, чтобъ сдѣлать замѣтку на ихъ подошвахъ. — Дамскіе башмаки въ гостиной. Это, видно, не простая штучка!

— Она пріѣхала сегодня поутру, сказала горничная, продолжавшая стоять на галереѣ:—пріѣхала въ почтовой каретѣ вмѣстѣ съ джентльменомъ, который требуетъ свои сапоги. И тебѣ лучше прямо приниматься за свое дѣло, и не болтать всякаго вздора: вотъ все, что̀ я тебѣ скажу.

— Что́жь ты объ этомъ не объявила прежде? сказалъ Самъ съ великимъ негодованіемъ, отдѣляя джентльменскіе сапоги отъ грязной группы ихъ товарищей.—Я вѣдь прежде думалъ, что онъ, такъ-себѣ, какой-нибудь скалдырникъ въ три пенни за чистку. Вишь ты, джентльменъ и леди въ почтовой каретѣ! Это, авось, пахнетъ двумя шиллингами за разъ!

*

И подъ вліяніемъ этого вдохновительнаго размышленія, мистеръ Самуэль принялся за свою работу съ такимъ пламеннымъ усердіемъ, что менѣе чѣмъ въ пять минутъ джентльменскіе сапоги и башмаки знатной леди сіяли самымъ яркимъ блескомъ. Полюбовавшись на произведеніе своего искусства, онъ взялъ ихъ въ обѣ руки, и немедленно явился передъ дверью пятаго нумера.

— Войди! вскрикнулъ мужской голосъ въ отвѣтъ на стукъ Самуэля.

Онъ вошелъ и отвѣсилъ низкій поклонъ, увидѣвъ передъ собой леди и джентльмена, сидѣвшихъ за столомъ. Затѣмъ, поставивъ сапоги у ногъ джентльмена, а башмаки у ногъ знатной дамы, онъ поклонился еще разъ и попятился назадъ къ дверямъ.

— Послушай, любезный! сказалъ джентльменъ.

— Чего изволите, сударь?

— Не знаешь ли ты, гдѣ... кáкъ бишь, гдѣ выпрашиваютъ позволеніе на женитьбу?

— Есть такая контора, сударь?

— Ну, дá, контора. Знаешь ты, гдѣ она?

— Знаю, сударь.

— Гдѣ же?

— На Павловскомъ-Подворьѣ, сударь, подлѣ книжной лавки съ одной стороны. Мальчишки покажутъ, сударь.

— Кáкъ мальчишки?

— Да тàкъ, мальчишки въ бѣлыхъ передникахъ, которые затѣмъ и приставлены, чтобъ показывать дорогу господамъ, вступающимъ въ бракъ. Когда какой-нибудь джентльменъ подозрительной наружности проходитъ мимо, они снимаютъ шапки, и начинаютъ кричать: «Позволенія, сэръ, позволенія! Сюда пожалуйте!» Странные ребята, провалъ ихъ возьми!

— Зачѣмъ же они кричатъ?

— Кáкъ зачѣмъ, сударь? Они ужь, видно, на томъ стоятъ. И вѣдь чѣмъ иной-разъ чортъ не шутитъ: они раззадориваютъ и такихъ джентльменовъ, которымъ вовсе не приходила въ голову женитьба.

— Ты это кáкъ знаешь? Развѣ испыталъ?

— Нѣтъ, сударь, Богъ миловалъ, а съ другими бывали такія оккázіи... да вотъ хоть съ моимъ отцомъ, примѣромъ сказать: былъ онъ вдовецъ, сударь, и послѣ смерти своей супружницы растолстѣлъ тáкъ, что Боже упаси. Проживалъ онъ въ кучерахъ, у одной барыни, которая—помяни Богъ ея душу—оставила ему въ наслѣдство четыреста фунтиковъ чистаганомъ. Ну, дѣло извѣстное, сударь, коли деньги завелись въ карманѣ, надобно положить ихъ въ банкъ, да и получать-себѣ законные проценты. Тáкъ и сдѣлалъ... то-есть, оно выходитъ, что тàкъ, собственно говоря, хотѣлъ сдѣлать мой покойный родитель—хотѣлъ, да не сдѣлалъ.

— Отчего же?

— Да вотъ отъ этихъ именно крикуновъ—пострѣлъ ихъ побери. Идетъ онъ одинъ разъ мимо книжной лавки, а они выбѣжали навстрѣчу, загородили дорогу, да и ну кричать:—«позволенія, сударь, позволенія?»—Чего? говоритъ мой отецъ.—«Позволенія, сударь», говоритъ крючокъ. — Какого позволенія? говоритъ мой отецъ. — «Вступить въ законный бракъ», говоритъ крючокъ. — Отвяжись ты, окаянный, говоритъ мой отецъ : — я вовсе не думалъ объ этомъ. — «А почему жь бы вамъ не думать?» говоритъ крючокъ. Отецъ мой призадумался, да и сталъ, сталъ, да и говоритъ : — Нѣтъ, говоритъ, я слишкомъ-старъ для женитьбы, да и толстъ черезъ-чуръ : куда мнѣ?— «О, помилуйте, говоритъ крючокъ, это у насъ ничего, ни почемъ: въ прошлый понедѣльникъ мы женили джентльмена вдвое толще васъ». — Будто бы! говоритъ мой отецъ.—«Честное слово! говоритъ крючокъ:—вы сущій птенецъ, въ-сравненіи съ нимъ—сюда, сударь, сюда!» Дѣлать нечего, сударь: идетъ мой отецъ, какъ ручной орангутангъ за хозяиномъ своимъ, и вотъ онъ входитъ на задній дворъ, въ контору, гдѣ сидитъ пожилой джентльменъ между огромными кипами бумагъ съ зелеными очками на носу.—«Прошу присѣсть, говоритъ пожилой джентльменъ моему отцу:—я, покамѣстъ, наведу справки, и скрѣплю такой-то артикулъ.» — Покорно благодаримъ за ласковое слово, говоритъ мой отецъ. Вотъ онъ и сѣлъ, сударь, сѣлъ да и задумался, насчетъ, эдакъ, разныхъ странностей въ человѣческой судьбѣ.—«А что́, сэръ, ка̀къ васъ зовутъ?» говоритъ вдругъ пожилой джентльменъ. — Тони Уэллеръ, говоритъ мой отецъ. — «А сколько вамъ лѣтъ?» — Пятьдесятъ-восемь, говоритъ мой отецъ. — «Цвѣтущій возрастъ, самая пора для вступленія въ бракъ, говоритъ пожилой джентльменъ: — а ка̀къ зовутъ вашу невѣсту?» — Отецъ мой сталъ въ-тупикъ. — Не знаю, говоритъ, у меня нѣтъ невѣсты. — «Ка́къ не знаете? говоритъ пожилой джентльменъ:— зачѣмъ же вы сюда пришли? да ка́къ вы смѣли, говоритъ, да́ я васъ, говоритъ, да вы у меня!..» говоритъ. Дѣлать нечего: отецъ мой струхнулъ. Мѣсто присутственное : шутить нечего. — Нельзя ли, говоритъ мой отецъ, послѣ вписать невѣсту? — «Нѣтъ, говоритъ пожилой джентльменъ:—никакъ нельзя.»—Та́къ и быть, говоритъ мой отецъ:—пишите мистриссъ Сусанну Клеркъ, вдову сорока-трехъ лѣтъ, прачку ремесломъ, изъ прихода Маріи Магдалины: я еще ей ничего не говорилъ, ну, да, авось, она не заартачится : баба повадливая! Пожилой джентльменъ изготовилъ листъ, приложилъ печать и всучилъ моему отцу. Та̀къ и случилось, сударь: Сусанна Клеркъ не заартачилась, и четыреста фунтиковъ лопнули для меня однажды навсегда! Кажется, я обезпокоилъ вашу милость, сказалъ Самуэль въ-заключеніе своего печальнаго разсказа:—прошу извинить, сударь; но ужь если зайдетъ рѣчь насчетъ этого предмета, такъ ужь наше почтеніе — языкъ мой безъ костей.

Простоявъ съ минуту у дверей, и видя, что его не спрашиваютъ ни о чемъ, Самъ поклонился и ушелъ.

— Половина десятаго... пора... концы въ воду, проговорилъ джентльменъ, въ которомъ читатель, безъ-сомнѣнія, угадалъ пріятеля нашего, Альфреда Джингля.

— Куда жь ты, мой милый? спросила дѣвственная тётка.

— За позволеніемъ, мой ангелъ... вписать... объявить пастору, и завтра ты моя... моя навѣки! сказалъ мистеръ Джингль, пожимая руку своей невѣсты.

— За позволеніемъ! пропищала Рахиль, краснѣя какъ піонъ.

— За позволеніемъ, повторилъ мистеръ Джингль.

Лечу за облака на крыліяхъ любви!
Тра-ла-ла... трахъ-трахъ-тарарахъ!

— Милый мой поэтъ! воскликнула Рахиль.

— Мнѣ ли не быть поэтомъ, прелестная вдохновительница моей музы! возгласилъ счастливый Альфредъ Джингль.

— Не могутъ ли насъ обвѣнчать къ вечеру сегодня? спросила Рахиль.

— Не могутъ, мой ангелъ... запись... приготовленія... завтра поутру.

— Я такъ боюсь, мой милый: братъ легко можетъ узнать гдѣ мы остановились! замѣтила померанцовая невѣста, испустивъ глубокій вздохъ.

— Узнать... вздоръ!.. переломилъ ребро... недѣлю отдыхать... поѣдетъ... недогадается... проищетъ мѣсяцъ... годъ не заглянетъ въ Боро... пріютъ безопасный... захолустье—ха, ха, ха!.. Превосходно!

— Скорѣй приходи, мой другъ, сказала дѣвственная тётка, когда женихъ ея надѣлъ свою скомканную шляпу.

— Тебѣ ли напоминать объ этомъ, жестокая очаровательница? отвѣчалъ мистеръ Джингль, напечатлѣвъ дѣвственный поцалуй на толстыя губы своей восторженной невѣсты.

И сдѣлавъ отчаянное антраша, кочующій актёръ перепрыгнулъ черезъ порогъ.

— Какой душка! воскликнула счастливая невѣста, когда дверь затворилась за ея женихомъ.

— Странная дѣвка! сказалъ мистеръ Джингль, проходя галерею.

Мы не станемъ продолжать длинную нить размышленій, гомозившихся въ разгоряченномъ мозгу мистера Джингля, когда онъ «летѣлъ на крыліяхъ любви» за позволеніемъ вступить въ законный бракъ: бываютъ случаи, когда вѣроломство мужчины приводитъ иной-разъ въ содроганіе самое твердое сердце. Довольно сказать, что кочующій актёръ, миновавъ драконовъ въ бѣлыхъ передникахъ, счастливо добрался до конторы, и мигомъ выхлопоталъ себѣ драгоцѣнный документъ на пергаментѣ, гдѣ, какъ

и водится, было изъяснено, что: «архіепископъ кентерберійскій привѣтствуетъ и благословляетъ добродѣтельную чету, возлюбленнаго сына Альфреда Джингля и возлюбленную дщерьРахиль Уардль, да будутъ они въ законномъ супружествѣ», и проч. Положивъ мистическій документъ въ свой карманъ, мистеръ Джингль съ торжествомъ направилъ свои шаги въ обратный путь.

Еще не успѣлъ онъ воротиться къ своей возлюбленной невѣстѣ, какъ на дворѣ гостиницы Бѣлаго-Оленя появились два толстыхъ старичка и одинъ сухопарый джентльменъ, бросавшій вокругъ себя пытливые взгляды, въ надеждѣ отъискать предметъ, способный удовлетворить его любопытству. Въ эту самую минуту мистеръ Самуэль Уэллеръ ваксилъ огромные сапоги, личную собственность фермера, который между-тѣмъ, послѣ утреннихъ хлопотъ на толкучемъ рынкѣ, прохлаждалъ себя въ общей залѣ за легкимъ завтракомъ изъ двухъ фунтовъ холодной говядины и трехъ бутылокъ пива. Сухопарый джентльменъ, осмотрѣвшись вокругъ себя, подошелъ къ Самуэлю, и сказалъ вкрадчивымъ тономъ:

— Любезнѣйшій!

«Знаемъ мы васъ,» подумалъ про себя Самуэль: «мягко стелете, да жостко спать. Хочетъ, вѣроятно, даромъ выманить какой-нибудь совѣтъ». Однакожь онъ пріостановилъ свою работу, и сказалъ:

— Что вамъ угодно?

— Любезнѣйшій, продолжалъ сухопарый джентльменъ съ благосклонной улыбкой:—много у васъ народа нынче, а? Ты, кажется, очень-занятъ мой милый, а?

Самуэль бросилъ на вопросителя пытливый взглядъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ продолговатымъ лицомъ и съ маленькими черными глазами, безпокойно-моргавшими по обѣимъ сторонамъ его инквизиторскаго носа. Одѣтъ онъ былъ весь въ черномъ, и сапоги его блестѣли какъ зрачки его глазъ: — обстоятельство, обратившее на себя особенное вниманіе Самуэля. На шеѣ у него красовался бѣлый галстухъ, изъ-подъ котораго выставлялись, бѣлые какъ снѣгъ, воротнички его голландской рубашки. Золотая часовая цѣпочка и печати картинно рисовались на его груди. Онъ держалъ въ рукахъ свои черныя лаковыя перчатки, и завязавъ разговоръ, забросилъ свои руки подъ фалды фрака, съ видомъ человѣка, привыкшаго рѣшать головоломныя задачи.

— Такъ ты очень-занятъ, мой милый, а?

— Да таки-нешто: не сидимъ поджавши ноги, какъ обыкновенно дѣлалъ пріятель мой, портной, умершій недавно отъ апоплексическаго удара. Сидимъ себѣ за круглымъ столомъ, да хлѣбъ жуемъ; жуемъ, да и похваливаемъ, а хрѣна намъ ненужно, когда говядины вдоволь.

— Да ты, братъ, весельчакъ, сколько я вижу.

— Бывалъ въ-старину, когда съ братомъ спалъ на одной по-

стели. Отъ него и заразился, сударь: — веселость — прилипчивая болѣзнь.

— Какой у васъ старый домъ! сказалъ сухопарый джентльменъ, осматриваясь кругомъ.

— Старъ, да удалъ; новый былъ, да сплылъ, и гдѣ прежде была палата, тамъ нынче простая хата!

— Ты риѳмачъ, мой милый.

— Какъ грачъ, отвѣчалъ невозмутимый Самуэль Уэллеръ.

Сухопарый джентльменъ, озадаченный этими бойкими и совершенно неопредѣленными отвѣтами, отступилъ на нѣсколько шаговъ для таинственнаго совѣщанія съ своими товарищами, двумя толстенькими старичками. Сказавъ имъ нѣсколько словъ, онъ открылъ свою серебряную табакерку, понюхалъ, вынулъ платокъ, и уже хотѣлъ, повидимому, вновь начать свою бесѣду, какъ-вдругъ одинъ толстый джентльменъ, съ весьма-добрымъ лицомъ и очками на носу, бойко выступилъ впередъ, и, махнувъ рукою, завелъ свою рѣчь довольно-рѣшительнымъ и выразительнымъ тономъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ, любезнѣйшій: пріятель мой, что́ стоитъ передъ твоимъ носомъ (онъ указалъ на другаго толстенькаго джентльмена) дастъ тебѣ десять шиллинговъ, если ты потрудишься откровенно отвѣчать на одинъ или два...

— Позвольте, почтеннѣйшій, позвольте, перебилъ сухопарый джентльменъ:—первое, и самое главное, правило, которое необходимо соблюдается въ такихъ случаяхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: какъ-скоро вы поручаете ходатайство о своемъ дѣлѣ постороннему лицу, то ваше собственное личное вмѣшательство можетъ оказаться не только безполезнымъ, но и вреднымъ, а посему—второе правило—надлежитъ вамъ имѣть, при существующихъ обстоятельствахъ, полную довѣренность къ оному оффиціальному лицу. Во всякомъ другомъ случаѣ, мистеръ... (онъ обратился къ другому толстенькому джентльмену) извините, я все забываю имя вашего друга.

— Пикквикъ, сказалъ мистеръ Уардль.

Читатель давно догадался, что толстенькіе старички были не кто другіе, какъ—почтенный президентъ Пикквикскаго-Клуба и достопочтенный владѣлецъ хутора Дингли-Делля.

— Извините, почтеннѣйшій мистеръ Пикквикъ, во всякомъ другомъ случаѣ мнѣ будетъ очень-пріятно воспользоваться вашимъ совѣтомъ въ качествѣ *amici curiæ*; но теперь, при настоящихъ обстоятельствахъ, вмѣшательство ваше съ аргументомъ *ad captandam benevolentiam* посредствомъ десяти шиллинговъ, не можетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, принести ни малѣйшей пользы.

Сухопарый джентльменъ открылъ опять серебряную табакерку, и бросилъ на своихъ собесѣдниковъ глубокомысленный взглядъ.

— У меня, сэръ, было только одно желаніе, сказалъ мистеръ Пикквикъ:—покончить какъ-можно-скорѣе эту непріятную исторію.

— Такое желаніе, почтеннѣйшій, дѣлаетъ вамъ честь, замѣтилъ сухощавый джентльменъ.

— И съ этой цѣлью, сэръ, продолжалъ мистеръ Пикквикъ: — я рѣшился въ этомъ дѣлѣ употребить финансовый аргументъ, который, сколько мнѣ извѣстно, производитъ самое могущественное вліяніе на человѣка во всѣхъ его положеніяхъ и возрастахъ. Я долго изучалъ людей, милостивый государь, и могу сказать, что знаю ихъ натуру.

— Очень-хорошо, почтеннѣйшій, очень-хорошо; но вамъ слѣдовало напередъ сообщить лично мнѣ вашу счастливую идею. Почтеннѣйшій мистеръ Пикквикъ, я совершенно убѣжденъ, вы должны имѣть отчетливое понятіе о той обширнѣйшей довѣренности, какая обыкновенно оказывается оффиціальному лицу. Если требуется на этотъ счетъ какой-нибудь авторитетъ, то я готовъ напомнить вамъ извѣстнѣйшій процессъ въ Барнуэллѣ (*) и...

Какъ не помнить Джорджа Барнуэлля, перебилъ вдругъ Самуэль, бывшій до-сихъ-поръ безмолвнымъ слушателемъ назидательной бесѣды: — я знаю этотъ процессъ такъ же какъ вы, и моимъ всегдашнимъ мнѣніемъ было то, что молодая женщина одна заквасила здѣсь всю эту исторію: ее бы и подъ *сюркупъ*. Но объ этомъ, господа, мы потолкуемъ послѣ, если будетъ вашей милости угодно. Рѣчь идетъ теперь о томъ, чтобъ я согласился изъ вашихъ рукъ принять десять шиллинговъ серебряною монетой: извольте, господа, я согласенъ. Сговорчивѣе меня не найдти вамъ дурака въ цѣломъ свѣтѣ (мистеръ Пикквикъ улыбнулся). Теперь вопросъ такого рода — за какимъ бѣсомъ вы хотите дарить мнѣ ваши деньги?

— Намъ нужно знать... сказалъ мистеръ Уардль.

— Погодите, почтеннѣйшій, сдѣлайте милость, погодите, перебилъ оффиціальный джентльменъ.

Мистеръ Уардль пожалъ плечами, и замолчалъ.

— Намъ нужно знать, сказалъ оффиціальный джентльменъ торжественнымъ тономъ: — и мы спрашиваемъ объ этомъ тебя собственно для-того, чтобъ не обезпокоить кого-нибудь изъ домашнихъ — намъ нужно знать: кто теперь стоитъ въ этой гостинницѣ?

— Кто теперь стоитъ въ этой гостинницѣ! повторилъ Самуэль, представлявшій себѣ всѣхъ жильцовъ не иначе какъ подъ формой костюма, который состоялъ подъ его непосредственнымъ надзоромъ. — А вотъ изволите видѣть: въ шестомъ нумерѣ — деревянная нога; въ тринадцатомъ — гессенскіе ботфорты съ сафьянными отворотами; въ каморкѣ надъ воротами — козловые полусапожки, да

(*) «George Barnwell» — заглавіе извѣстной трагедіи Лилло (Lillow), основанной на истинномъ происшествіи. Главное лицо трагедіи, Барнуэлль, обкрадываетъ своего хозяина и умерщвляетъ своего дядю. Къ этому былъ онъ побужденъ своей любовницей. Эту трагедію еще не такъ давно представляли каждый годъ на лондонскихъ театрахъ, и не мудрено, что Самуэль Уэллеръ знаетъ ея содержаніе. *Прим. перев.*

еще съ полдюжины ледащихъ сапоговъ въ коммерческомъ отдѣленіи за буфетомъ.

— Еще кто? спросилъ сухопарный джентльменъ.

— Постойте... отвѣчалъ Самуэль, пораженный внезапнымъ воспоминаніемъ: — ну, да, точно — веллингтоновскіе сапоги на высокихъ каблукахъ, съ длинными кисточками и еще дамскіе башмаки — въ пятомъ нумерѣ.

— Какіе башмаки? поспѣшно спросилъ Уардль, который, вмѣстѣ съ мистеромъ Пиквикомъ, уже начиналъ теряться въ этомъ длинномъ каталогѣ жильцовъ Бѣлаго-Оленя.

— Провинціальной работы, отвѣчалъ Самуэль.

— Кто мастеръ?

— Браунъ.

— Откуда?

— Изъ Моггльтона.

— Они! воскликнулъ мистеръ Уардль. — Отъискали, наконецъ, слава-Богу! — Дома они?

— Башмаки-то, кажись, дома.

— А джентльменъ?

— Сапоги съ кисточками отправились въ какую-то контору.

— Зачѣмъ?

— За позволеніемъ жениться.

— Мы не опоздали! воскликнулъ мистеръ Уардль. — Господа, не нужно терять ни одной минуты. Ну, любезнѣйшій, покажи намъ этотъ нумеръ.

— Не торопитесь, почтеннѣйшій, сказалъ оффиціальный джентльменъ: — сдѣлайте милость, не торопитесь: осторожность на первомъ планѣ.

Онъ вынулъ изъ кармана красный шелковый кошелекъ, и, вынувъ совеpинъ, пристально посмотрѣлъ на Самуэля. Тотъ выразительно оскалилъ зубы.

— Введи насъ въ этотъ нумеръ безъ доклада и совеpинъ будетъ твой, сказалъ оффиціальный джентльменъ.

Самуэль бросилъ въ уголъ сапоги и повелъ своихъ спутниковъ наверхъ. Пройдя половину галереи во второмъ этажѣ, онъ пріостановился и протянулъ руку.

— Вотъ твои деньги, шепнулъ адвокатъ, положивъ совеpинъ въ руку своего спутника.

Самуэль сдѣлалъ впередъ еще нѣсколько шаговъ и остановился передъ дверью. Джентльмены слѣдовали за нимъ.

— Въ этомъ нумерѣ? пробормоталъ адвокатъ.

Самуэль утвердительно кивнулъ головой.

Старикъ Уардль отворилъ дверь и всѣ три джентльмена вошли въ комнату, въ ту самую минуту, какъ мистеръ Джингль, уже воротившійся, показывалъ дѣвственной тёткѣ вожделѣнный документъ.

При видѣ брата и его спутниковъ, дѣвственная тётка испусти-

ла пронзительный крикъ, и бросившись на стулъ, закрыла свое лицо обѣими руками. Мистеръ Джингль поспѣшно свернулъ пергаменъ и положилъ въ свой карманъ. Незваные посѣтители выступили на середину комнаты.

— Вы безчестный человѣкъ, сэръ, вы... вы—воскликнулъ старикъ Уардль, задыхаясь отъ злобы.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій, сказалъ сухопарный джентльменъ, положивъ свою шляпу на столъ : — присутствіе духа и спокойствіе прежде всего. *Scandalum magnum*, личное оскорбленіе, большая пеня. Успокойтесь, почтеннѣйшій, сдѣлайте милость.

— Ка́къ ты смѣлъ увезти мою сестру изъ моего дома? продолжалъ Уардль.

— Вотъ это совсѣмъ другая статья, замѣтилъ адвокатъ : — объ этомъ вы можете спросить. Та́къ точно, сэръ, ка́къ вы осмѣлились увезти сестрицу мистера Уардля? Что́ вы на это скажете, сэръ?

— Ка́къ вы смѣете меня объ этомъ спрашивать? закричалъ мистеръ Джингль такимъ дерзкимъ и наглымъ тономъ, что сухопарный джентльменъ невольно попятился назадъ.—Что́ ты за человѣкъ?

— Что́ онъ за человѣкъ? перебилъ старикъ Уардль.—Тебѣ хочется знать это, безстыдная тварь? Это мистеръ Перкеръ, мой адвокатъ. Послушайте, Перкеръ, я хочу преслѣдовать этого негодяя, судить по всей строгости законовъ, послать къ-чорту — осудить — истребить — сокрушить! — А ты, продолжалъ старикъ, обратившись вдругъ къ своей сестрѣ : — ты, Рахиль... въ твои лѣта—связаться съ бродягой—бѣжать изъ родительскаго дома—покрыть позоромъ свое имя; ка́къ не стыдно, ка́къ не стыдно! Надѣвай шляпку и сейчасъ домой. — Человѣкъ, найми извощичью карету и принеси счетъ этой дамы, слышишь?

— Слушаю, сударь, отвѣчалъ Самуэль, который дѣйствительно, оставаясь въ корридорѣ, слушалъ всю эту бесѣду, приставивъ свое ухо къ замочной скважинѣ пятаго нумера.

— Надѣвай шляпку, Рахиль, повторилъ старикъ Уардль.

— Не слушайся его, не трогайся съ мѣста! вскричалъ Джингль. — Господа, совѣтую вамъ убираться по-добру по-здорову... дѣлать вамъ не́чего здѣсь : невѣстѣ больше двадцати-одного года и она свободна располагать собой.

— Больше двадцати-одного! воскликнулъ Уардль презрительнымъ тономъ : — больше сорока-одного!

— Неправда! отвѣчала съ негодованіемъ дѣвственная тётка, отложившая теперь свое твердое намѣреніе подвергнуться истерическимъ припадкамъ.

— Правда, матушка, правда. Просиди еще часъ въ этой комнатѣ и тебѣ стукнетъ слишкомъ-пятьдесятъ!

Дѣвственная тётка испустила пронзительный крикъ и лишилась чувствъ.

— Стаканъ воды, сказалъ человѣколюбивый мистеръ Пикквикъ, когда въ комнату вбѣжала содержательница трактира, призванная неистовымъ звономъ.

— *Стаканъ* воды! кричалъ раздражительный Уардль. — Принесите-ка лучше ушатъ и окатите ее съ головы до ногъ : это, авось, скорѣе образумитъ старую дѣвку.

— Звѣрь, просто звѣрь! отозвалась сострадательная старушка, изъявляя совершеннѣйшую готовность оказать свою помощь дѣвственной тёткѣ. — Бѣдная страдалица!.. Выпейте... вотъ такъ... повернитесь... прихлебните... привстаньте... еще немножко...

И сопровождая свою помощь этими и подобными восклицаніями, добрая трактирщица, при содѣйствіи своей горничной, натирала уксусомъ лобъ и щеки дѣвствующей тётки, щекотала ея носъ, развязывала корсетъ и вообще употребляла всѣ тѣ возстановительныя средства, какія съ незапамятныхъ временъ изобрѣтены Сестрами Милосердія для всѣхъ любительницъ истерики и обморока.

— Карета готова, сударь, сказалъ Самуэль, появившійся у дверей.

— Ну, сестра, полно церемониться. Пойдемъ!

При этомъ предложеніи, истерическіе припадки возобновились съ новой силой.

Уже трактирщица готова была обнаружить все свое негодованіе противъ насильственныхъ поступковъ мистера Уардля, какъ вдругъ кочующій актёръ вздумалъ обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ:

— Человѣкъ, сказалъ онъ : — приведи констебля.

— Позвольте, милостивый государь, позвольте, сказалъ мистеръ Перкеръ.—Не благоугодно ли вамъ прежде всего обратить вни...

— Ничего не хочу знать, перебилъ мистеръ Джингль : — она свободна располагать собою, и никто, противъ ея собственной воли, не смѣетъ разлучить ее съ женихомъ.

— О, не разлучайте меня! воскликнула дѣвственная тётка раздирательнымъ тономъ.—Я не хочу, не могу...

Новый истерическій припадокъ сопровождался на этотъ разъ дикимъ воплемъ.

— Почтеннѣйшій, проговорилъ вполголоса сухопарый джентльменъ, отводя въ сторону господъ Пикквика и Уардля. — Почтеннѣйшій, положеніе наше очень-незавидно. Мы стоимъ, такъ-сказать, между двухъ перекрестныхъ огней, и право, почтеннѣйшій, если разсудить по закону, мы не имѣемъ никакой возможности сопротивляться поступкамъ этой леди. Я и прежде имѣлъ честь докладывать вамъ, почтеннѣйшій, что здѣсь — magna collisio rerum. Надобно согласиться на пожертвованія.

Продолжительная пауза. Адвокатъ открылъ табакерку.

— Въ чемъ же собственно должны заключаться эти пожертвованія? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Да вотъ видите ли, почтеннѣйшій : другъ нашъ стоитъ между двухъ огней. Чтобы съ честію выпутаться всѣмъ намъ изъ этой перепалки, необходимо потерпѣть нѣкоторый убытокъ въ финансовомъ отношеніи.

— Дѣлайте, что̀ хотите : я согласенъ на все, сказалъ мистеръ Уардль. — Надобно, во что̀ бы ни стало, спасти эту дуру, иначе она погибнетъ съ этимъ негодяемъ.

— Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчалъ адвокатъ. — Мистеръ Джингль, не угодно ли вамъ пожаловать съ нами въ другую комнату на нѣсколько минутъ?

Джингль согласился, и всѣ четыре джентльмена отправились въ ближайшій пустой нумеръ.

— Ка́къ же это, почтеннѣйшій, сказалъ сухопарый джентльменъ, затворяя за собою дверь : — не-уже-ли никакихъ нѣтъ средствъ устроить это дѣло? Сюда, почтеннѣйшій, сюда, на пару словъ къ этому окну : мы будемъ тутъ одни, садитесь, почтеннѣйшій, прошу покорно. Между нами, почтеннѣйшій, говоря откровенно—согласитесь, почтеннѣйшій, вы увезли эту леди изъ-за денегъ : не такъ ли, почтеннѣйшій?

Мистеръ Джингль нахмурилъ брови.

— Ну, да́, точно та́къ, почтеннѣйшій, я понимаю, что̀ вы хотите сказать, и заранѣе вамъ вѣрю. Мы съ вами люди свѣтскіе, почтеннѣйшій, и хорошо понимаемъ другъ-друга... не-то что эти простаки. Намъ ничего не сто́итъ провести ихъ : не такъ ли, почтеннѣйшій?

Мистеръ Джингль улыбнулся.

— Очень-хорошо, продолжалъ адвокатъ, замѣтивъ произведенное впечатлѣніе. — Теперь, почтеннѣйшій, дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ : у этой леди, до смерти ея матери, нѣтъ и не будетъ ничего, кромѣ развѣ какой-нибудь сотняги, да и то едва-ли.

— Мать *старуха*, сказалъ мистеръ Джингль многозначительнымъ тономъ.

— Истинная правда, почтеннѣйшій, я не спорю, сказалъ адвокатъ, откашливаясь и вынимая платокъ изъ кармана : — вы справедливо изволили замѣтить, что она *старенька*. Мистриссъ Уардль происходитъ отъ старинной фамиліи, почтеннѣйшій, старинной во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Основатель этой фамиліи прибылъ въ Англію съ войскомъ Юлія Цесаря и поселился въ Кентскомъ-Графствѣ. Всего замѣчательнѣе то, почтеннѣйшій, что только одинъ изъ членовъ этой фамиліи не дожилъ до девяноста лѣтъ, да и тотъ погибъ насильственною смертію въ половинѣ XVI вѣка. Старушкѣ теперь семьдесятъ-три года, почтеннѣйшій: старенька, я согласенъ съ вами, и едва ли проживетъ она лѣтъ тридцать.

Сухопарый джентльменъ пріостановился, и открылъ табакерку.

— Что̀ же вы хотите этимъ сказать? спросилъ мистеръ Джингль.

— Да вотъ неугодно ли табака, почтеннѣйшій... не изволите нюхать? И прекрасно—лишній расходъ. Вижу по всему, почтен-

нѣйшій, что вы прекрасный молодой человѣкъ, и могли бы отлично устроить въ свѣтѣ свою карьеру, еслибъ былъ у васъ капиталецъ, а?

— Чтожь изъ этого?

— Вы не понимаете меня?

— Не совсѣмъ.

— Я объясню вамъ эту статью въ короткихъ словахъ, потомучто вы человѣкъ умный, и живали въ свѣтѣ. Кáкъ вы думаете, почтеннѣйшій, чтó лучше—пятьдесятъ фунтовъ и свобода, или, старая дѣвица и долговременное ожиданіе?

— Пятидесяти фунтовъ мало, сказалъ мистеръ Джингль, вставая съ мѣста. — Не сойдемся.

— Погодите, почтеннѣйшій, погодите, возразилъ адвокатъ, удерживая его за фалду. — Капиталецъ кругленькій: человѣкъ съ вашими способностями много можетъ сдѣлать изъ пятидесяти фунтовъ.

— Полтораста фунтовъ, тáкъ и быть, отвѣчалъ мистеръ Джингль холоднымъ тономъ.

— Чтó вы, почтеннѣйшій, Богъ съ вами! возразилъ адвокатъ.— Вѣдь все это дѣло, говоря пó совѣсти, выѣденнаго яйца не стóитъ.

— Однакожь вы сами предложили пятьдесятъ.

— И довольно.

— Сто пятьдесятъ.

— Кáкъ это можно, помилуйте! семьдесятъ, если угодно.

— Не сойдемся, сказалъ мистеръ Джингль, вставая опять съ своего мѣста.

— Куда жь вы тáкъ спѣшите, почтеннѣйшій? Погодите. Восемьдесятъ фунтовъ — согласны?

— Мало.

— Довольно, почтеннѣйшій, увѣряю васъ. Не-уже-ли вы не сдѣлаете никакой уступки?

— Нельзя. Разсудите сами: девять фунтовъ стоили мнѣ почтовые прогоны; три — позволеніе, итого двѣнадцать; вознагражденіе за хлопоты, положимъ, сто, итого сто двѣнадцать. Сколько же, по вашему, должно стоить оскорбленіе личной чести и потеря невѣсты?

— Э, полноте, почтеннѣйшій! Я уже сказалъ, что мы хорошо понимаемъ другъ друга. Стóитъ ли намъ распространяться насчетъ этихъ послѣднихъ пунктовъ? Сто фунтовъ для круглоты счета: хотите?

— Сто двадцать.

— Право, почтеннѣйшій, охота вамъ изъ такой малости.... ну, я напишу вексель.

И сухопарый джентльменъ сѣлъ за столъ писать вексель.

— Срокъ платежа я назначу послѣ завтра, сказалъ адвокатъ, обращаясь къ мистеру Уардлю: — а вы между-тѣмъ увезете вашу сестрицу.

Мистеръ Уардль сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Ну, почтеннѣйшій, стало-быть мы помирились на сотнѣ фунтовъ?

— На ста двадцати.

— Почтеннѣйшій...

— Пишите, мистеръ Перкеръ, и пусть онъ убирается къ-чорту, перебилъ старикъ Уардль.

Мистеръ Джингль взялъ написанный вексель, и положилъ въ карманъ.

— Теперь—вонъ отсюда, негодяй! закричалъ мистеръ Уардль.

— Почтеннѣйшій...

— И помни, продолжалъ мистеръ Уардль,—ни за какія блага я не рѣшился бы на эти переговоры съ тобою, если бы не былъ убѣжденъ, какъ дважды два, что съ моими деньгами ты гораздо скорѣе полетишь къ–чорту въ омутъ, чѣмъ...

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій...

— Погодите, Перкеръ. — Вонъ отсюда, негодяй!

— Сію-минуту, отвѣчалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ кочующій актёръ. Прощай, Пикквикъ, прощай любезный.

Если бы равнодушный зритель могъ спокойно наблюдать физіономію великаго человѣка въ-продолженіе послѣдней части этой бесѣды, онъ не могъ бы надивиться, какимъ-образомъ пожирающій огонь негодованія не расплавилъ стеколъ его очковъ: такъ могучь и величественно-свирѣпъ былъ теперь гнѣвъ президента Пикквикскаго-Клуба! Кулаки его невольно сжались, щеки побагровѣли и ноздри вздулись, когда онъ услышалъ свое собственное имя, саркастически произнесенное презрѣннымъ негодяемъ. Однакожь онъ укротилъ свои бурные порывы, и, невѣроятное чудо! нашелъ въ себѣ твердость духа — неподвижно стоять на одномъ мѣстѣ.

Мистеръ Пикквикъ былъ философъ, это правда; но вѣдь и философы — тѣ же смертные люди, облеченные только бронею высшей мудрости и силы. Стрѣла, роковая стрѣла пронзила насквозь философскую броню, и просверлила самое сердце великаго мужа. Раздираемый самою отчаянною яростью, онъ схватилъ чернильницу, бросилъ ее со всего размаха, и неистово побѣжалъ впередъ. Но мистеръ Джингль исчезъ въ эту минуту, и великій человѣкъ, самъ не зная какъ, очутился въ объятіяхъ Самуэля.

— Куда вы бѣжите, господинъ? сказалъ эксцентрическій слуга.— Мёбель, я полагаю, дешева въ вашихъ мѣстахъ, а у насъ покупаются чернильницы на чистыя денежки, мистеръ... не имѣю чести знать вашего имени, государь мой. Погодите малую-толику: какая польза вамъ гнаться за человѣкомъ, который, провалъ его возьми, мастерски составилъ свое счастье? Онъ теперь на другомъ концѣ квартала, и ужь, разумѣется, его не видать вамъ какъ своихъ ушей.

Мистеръ Пикквикъ, какъ и всѣ люди, способенъ былъ внимать голосу убѣжденія, кому бы онъ ни принадлежалъ. Мыслитель

быстрый и могучій, онъ вдругъ взвѣсилъ всѣ обстоятельства этого дѣла, и мигомъ сообразилъ, что благородный гнѣвъ его будетъ на этотъ разъ совершенно безсиленъ и безплоденъ. Онъ угомонился въ одно мгновеніе ока, испустилъ три глубокихъ вздоха, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, и благосклонно взглянулъ на своихъ друзей.

Говорить ли намъ о плачевномъ положеніи миссъ Уардль, оставленной такимъ-образомъ своимъ невѣрнымъ другомъ? Мистеръ Пикквикъ мастерски изобразилъ эту раздирательную сцену, и его записки, обрызганныя въ этомъ мѣстѣ горькими слезами сострадація, лежатъ передъ нами: одно слово, и типографскіе станки передадутъ ихъ всему свѣту. Но нѣтъ, нѣтъ! Покоряясь голосу холоднаго разсудка, мы отнюдь не намѣрены сокрушать грудь благосклоннаго читателя изображеніемъ тяжкихъ страданій женскаго сердца.

Медленно и грустно два почтенныхъ друга и страждущая леди возвращались на другой день въ городъ Моггльтонъ. Печально и тускло мрачныя тѣни лѣтней ночи ложились на окрестныя поля, когда путешественники прибыли, наконецъ, въ Дингли-Делль, и остановились передъ входомъ на Менор-Фармъ.

ГЛАВА V.

Неожиданное путешествіе и ученое открытіе въ нѣдрахъ земли. Пасторскій манускриптъ.

Спокойная ночь, проведенная въ глубокой тишинѣ на хуторѣ Дингли-Делль, и пятьдесятъ минутъ утренней прогулки на свѣжемъ воздухѣ, растворенномъ благоуханіями цвѣтовъ, возстановили совершеннѣйшимъ образомъ физическія и нравственныя силы президента Пикквикскаго-Клуба. Цѣлыхъ два дня великій человѣкъ пребывалъ въ томительной разлукѣ съ своими добрыми друзьями, и сердце его стремилось теперь къ вожделѣнному свиданію. Окончивъ кратковременную прогулку, мистеръ Пикквикъ возвратился домой, и на дорогѣ, съ невыразимымъ наслажденіемъ, встрѣтилъ господъ Винкеля и Снодграса, спѣшившихъ привѣтствовать и облобызать великаго мужа. Удовольствіе свиданья, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождалось превыспреннимъ восторгомъ, да и какой смертный могъ безъ таковаго восторга смотрѣть на лучезарныя очи и ланиты президента? Между-тѣмъ однакожь какое-то облако пробѣгало по челу обоихъ друзей, и какая-то тайна, тяжелая, возмутительная, облегала ихъ безпокойныя души. Что бы это значило — великій человѣкъ, несмотря на всѣ усилія своего генія, никакъ не могъ постигнуть.

— Здоровъ ли Топманъ? спросилъ мистеръ Пикквикъ, пожимая руки обоимъ друзьямъ послѣ взаимнаго обмѣна горячихъ привѣтствій. — Топманъ, здоровъ ли?

Мистеръ Винкель, къ которому спеціальнымъ образомъ относился этотъ вопросъ, не далъ никакого отвѣта. Печально отворотилъ онъ свою голову и погрузился въ таинственную думу.

— Снодрасъ, продолжалъ мистеръ Пикквикъ строгимъ тономъ: —гдѣ другъ нашъ Топманъ? Не боленъ ли онъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Снодграсъ, и поэтическая слеза затрепетала на роговой оболочкѣ его глаза, точь-въ-точь какъ дождевая капля на хрустальномъ стеклѣ. — Нѣтъ, онъ не боленъ.

Мистеръ Пикквикъ пріостановился, и съ великимъ смущеніемъ принялся осматривать своихъ друзей.

— Винкель, Снодграсъ... что̀ все это значитъ? Гдѣ другъ Топманъ? Что̀ случилось? Какая бѣда разразилась надъ его головой? Говорите... умоляю васъ, заклинаю... Винкель, Снодграсъ—я приказываю вамъ говорить.

Наступило глубокое молчаніе. Торжественная осанка мистера Пикквика не допускала никакихъ противорѣчій и увертокъ.

— Онъ уѣхалъ, проговорилъ наконецъ мистеръ Снодграсъ.

— Уѣхалъ! воскликнулъ мистеръ Пикквикъ. — Уѣхалъ!

— Уѣхалъ, повторилъ мистеръ Снодграсъ.

— Куда?

— Неизвѣстно. Мы можемъ только догадываться, на основаніи вотъ этой бумаги, сказалъ мистеръ Снодграсъ, вынимая письмо изъ кармана, и подавая его президенту. — Вчера утромъ, когда получено было письмо отъ мистера Уардля, съ извѣстіемъ, что сестра его возвращается домой вмѣстѣ съ вами, печаль, тяготѣвшая надъ сердцемъ нашего друга весь предшествовавшій день, начала вдругъ возрастать съ неимовѣрною силой. Вслѣдъ затѣмъ онъ исчезъ, и мы нигдѣ не могли отъискать его цѣлый день. Вечеромъ трактирный конюхъ принесъ отъ него письмо изъ Моггльтона. Топманъ, видѣвшійся съ нимъ поутру, поручилъ ему отдать намъ эту бумагу не иначе какъ въ поздній часъ ночи.

Съ недоумѣніемъ и страхомъ мистеръ Пикквикъ открылъ загадочное посланіе, и нашелъ въ немъ слѣдующія строки, начертанныя рукою несчастнаго друга:

«Мистеръ Пикквикъ,

«дражайшій другъ и благодѣтель!

«Какъ любимецъ природы, щедро надѣленный ея благами, вы стоите на необозримой высотѣ передъ слабыми смертными, и могучая душа ваша совершенно чужда весьма-многихъ слабостей и недостатковъ, свойственныхъ обыкновеннымъ людямъ. Вы не знаете, почтенный другъ и благодѣтель, и даже не должны знать, что̀ такое — потерять однажды навсегда очаровательное созданіе, способное любить пламенно, нѣжно, и попасть въ то же время въ

хитро-сплетенныя сѣти коварно-безчестнаго человѣка, который, подъ маской дружбы, скрывалъ въ своемъ сердцѣ жало ядовитой змѣи. Сраженный безпощадною судьбой, я разомъ испыталъ на себѣ вліяніе этихъ двухъ ужасныхъ ударовъ.

«Письмо, адресованное на мое имя въ трактиръ «Кожаной-Бутылки», что̀ въ Кобгемѣ, вѣроятно дойдетъ до моихъ рукъ... если только буду существовать на этомъ свѣтѣ. Міръ для меня ненавистенъ, почтенный мой другъ и благодѣтель, и я былъ бы радъ погрязнуть гдѣ-нибудь въ пустынѣ или дремучемъ лѣсу. О, если бы судьба, сжалившись надъ несчастнымъ, совсѣмъ исторгла меня изъ среды... простите меня—пожалѣйте! Жизнь для меня невыносима. Духъ, горящій въ нашей груди, есть, такъ-сказать, рукоятка жезла, на которомъ человѣкъ, сей бѣдный носильщикъ нравственнаго міра, носитъ тяжелое бремя треволненій и суетъ житейскихъ: сломайте рукоятку — бремя упадетъ, и носильщикъ не будетъ болѣе способенъ идти въ дальнѣйшій путь. Такова натура человѣка, дражайшій мой другъ и благодѣтель! Скажите очаровательной Рахили—ахъ, опять, опять!

«глубоко преданный вамъ, Тарасъ Топманъ.»

— Мы должны немедленно оставить это мѣсто, сказалъ мистеръ Пикквикъ, складывая письмо.—Послѣ того, что̀ случилось, было бы вообще неприлично жить здѣсь; но теперь, въ-добавокъ, мы обязаны отъискивать своего друга.

И сказавъ это, онъ быстро пошелъ домой.

Намѣреніе президента немедленно распространилось по всему хутору. Напрасно мистеръ Уардль и его дочери упрашивали пикквикистовъ погостить еще нѣсколько дней: мистеръ Пикквикъ былъ непреклоненъ. Важныя дѣла, говорилъ онъ, требуютъ его личнаго присутствія въ англійской столицѣ.

Въ эту минуту пришелъ на дачу старикъ пасторъ.

— Не-уже-ли вы точно ѣдете? сказалъ онъ, отведя въ сторону мистера Пикквика.

Мистеръ Пикквикъ далъ утвердительный отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ представить небольшой манускриптъ, который я хотѣлъ-было прочитать здѣсь въ общемъ присутствіи вашихъ друзей. Рукопись эта, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, досталась мнѣ послѣ смерти моего друга, доктора медицины, служившаго въ нашемъ провинціальномъ сумасшедшемъ домѣ. Бо̀льшую часть бумагъ я сжегъ; но эта рукопись, по многимъ причинамъ, тщательно хранилась въ моемъ портфёлѣ. Вѣроятно вы, та̀къ же ка̀къ и я, будете сомнѣваться, точно ли она есть подлинное произведеніе сумасшедшаго человѣка; но во всякомъ-случаѣ мнѣ весьма-пріятно рекомендовать этотъ интересный памятникъ ученому вниманію вашего клуба.

Мистеръ Пикквикъ съ благодарностью принялъ манускриптъ, и дружески разстался съ обязательнымъ пасторомъ.

Гораздо-труднѣе было разстаться съ радушными и гостепріимными жителями Менор-Фарма. Мистеръ Пикквикъ поцаловалъ молодыхъ дѣвушекъ — мы хотѣли сказать: съ отеческою нѣжностью, какъ-будто онѣ были его родныя дочери; но это выраженіе, по нѣкоторымъ причинамъ, оказывается неумѣстнымъ, и потому надобно сказать просто: — Пикквикъ поцаловалъ молодыхъ дѣвушекъ, обнялъ старую леди съ сыновнею нѣжностью, потрепалъ, по патріархальному обычаю, розовыя щеки смазливыхъ горничныхъ, и вложилъ въ ихъ руки болѣе субстанціальныя доказательства своего отеческаго одобренія. Размѣнъ прощальныхъ церемоній съ самимъ хозяиномъ счастливой семьи былъ чрезвычайно-трогателенъ и радушенъ; но всего трогательнѣе было видѣть, какъ прощался поэтъ Снодграсъ со всѣми членами семейства, и особенно съ миссъ Эмиліей Уардль, начинавшей уже вполнѣ понимать поэтическія свойства молодаго гостя.

Наконецъ, послѣ многихъ возгласовъ, поцалуевъ, объятій, пожатій, друзья наши выбрались на открытый дворъ, и медленными шагами выступили за ворота. Нѣсколько разъ оглядывались они на гостепріимный Менор-Фармъ, и много воздушныхъ поцалуевъ послалъ мистеръ Снодграсъ въ отвѣтъ на взмахъ бѣлаго платочка, безпрестанно появлявшагося въ одномъ изъ верхнихъ оконъ.

Въ Моггльтонѣ путешественники добыли колесницу, представившую ихъ въ Рочестеръ безъ дальнѣйшихъ приключеній. Дорогой общая печаль ихъ нѣсколько утратила свою сокрушительную силу, и они уже могли, по прибытіи въ гостинницу, воспользоваться превосходнымъ обѣдомъ, изготовленнымъ на кухнѣ «Золотаго-Быка». Отобравъ, наконецъ, необходимыя справки относительно дальнѣйшей ѣзды, друзья наши, черезъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда, отправились въ Кобгемъ.

То была превосходная прогулка, такъ-какъ іюньскій день склонялся къ вечеру, и на безоблачномъ небѣ солнце продолжало еще сіять во всемъ своемъ блескѣ. Путь нашихъ друзей лежалъ черезъ густой и тѣнистый лѣсъ, прохлаждаемый слегка свѣжимъ вѣтеркомъ, шелестившимъ между листьями, и оживляемый разнообразнымъ пѣніемъ птицъ, порхавшихъ съ кустика на кустикъ. Мохъ и плющъ толстыми слоями обвивались вокругъ старыхъ деревьевъ, и зеленый дернъ разстилался шелковымъ ковромъ по мягкой землѣ. Путешественники подъѣзжали къ открытому парку съ древнимъ замкомъ, обнаружившимъ передъ ихъ глазами затѣйливыя выдумки живописной архитектуры временъ королевы Елисаветы. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись тутъ длинные ряды столѣтнихъ дубовъ и вязовъ: обширныя стада оленей весело щипали свѣжую траву, и по-временамъ, испуганный заяцъ выбѣгалъ на долину съ быстротою тѣней, бросаемыхъ на землю облаками въ солнечный ландшафтъ.

— О, еслибъ всѣ оскорбленные и страждущіе отъ вѣроломства

людей, приходили съ своей тоской на это поэтическое мѣсто—я убѣжденъ, привязанность ихъ къ жизни возвратилась бы немедленно при одномъ взглядѣ на эти прелести природы!

Такъ воскликнулъ мистеръ Пикквикъ, упоенный философическимъ очарованіемъ и озаренный вдохновеніемъ счастливыхъ мыслей.

— Я совершенно-согласенъ съ вами, сказалъ мистеръ Винкель.

— И нельзя не согласиться, подтвердилъ мистеръ Пикквикъ.— Это мѣсто придумано, какъ нарочно, для оживленія страдающей души закоренѣлыхъ мизантроповъ.

Мистеръ Снодграсъ и мистеръ Винкель изъявили еще разъ свое совершеннѣйшее согласіе на глубокомысленное замѣчаніе президента.

Черезъ нѣсколько минутъ трое путешественниковъ были уже подлѣ деревенскаго трактира «Кожаной-Бутылки», и заботливо разспрашивали о своемъ другѣ.

— Томми, веди джентльменовъ въ общую залу, сказала трактирщица.

Коренастый малый, двадцати лѣтъ съ небольшимъ, отворилъ дверь въ концѣ корридора, и ввелъ путешественниковъ въ длинную, низенькую комнату, мёблированную по всѣмъ сторонамъ кожанными стульями съ высокими спинками, и украшенную по стѣнамъ разнообразною коллекціей портретовъ и фигуръ самаго фантастическаго свойства. На верхнемъ концѣ этой залы находился столъ, на столѣ—бѣлая скатерть деревенскаго издѣлія, на бѣлой скатерти—жареная курица, поросенокъ съ хрѣномъ и сметаной, ветчина, бутылка мадеры, двѣ бутылки шотландскаго пива, и прочая, и прочая. За столомъ сидѣлъ не кто другой, какъ самъ мистеръ Топманъ, удивительно мало-похожій на человѣка, проникнутаго ненавистью къ благамъ земной жизни.

При входѣ друзей, мистеръ Топманъ положилъ на столъ ножикъ и вилку, и съ печальнымъ видомъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Я вовсе не разсчитывалъ на удовольствіе встрѣтить васъ въ здѣшней глуши, сказалъ мистеръ Топманъ, пожимая руку президента:—это очень-любезно съ вашей стороны.

— А! воскликнулъ мистеръ Пикквикъ, усаживаясь за столъ, и отирая крупныя капли пота съ своего чела. — Доканчивай свой обѣдъ, и выходи со мной гулять: намъ нужно поговорить наединѣ.

Мистеръ Топманъ, безпрекословно послушный повелѣніямъ президента, принялся, съ замѣчательною быстротою, уничтожать одно за другимъ скромныя блюда деревенскаго обѣда. Мистеръ Пикквикъ между-тѣмъ прохлаждалъ себя обильными возліяніями пива и мадеры. Лишь-только обѣдъ приведенъ былъ къ вожделѣнному концу, президентъ и членъ Пикквикскаго-Клуба отправились гулять, оставивъ своихъ друзей въ залѣ «Кожаной-Бутылки».

Минутъ тридцать ходили они за оградой деревенской церкви, и,

судя по жестамъ президента, можно было догадаться, что мистеръ Пикквикъ опровергалъ съ особенною живостью возраженія и доказательства своего упрямаго противника. Мы не станемъ повторять подробностей этой одушевленной бесѣды, неизобразимой, конечно, ни перомъ, ни языкомъ. Утомился ли мистеръ Топманъ продолжительной ходьбой послѣ сытнаго обѣда, или онъ почувствовалъ рѣшительную неспособноть противиться краснорѣчивымъ доказательствамъ великаго мужа, дѣло остается подъ сомнѣніемъ; только онъ уступилъ, наконецъ, во всемъ, и призналъ надъ собою совершенную побѣду.

— Та́къ и быть, сказалъ онъ: — гдѣ бы ни пришлось провести мнѣ остатокъ своихъ печальныхъ дней, это, конечно, все равно. Вы непремѣнно хотите пользоваться скромнымъ обществомъ несчастнаго друга — пусть: я согласенъ раздѣлять труды и опасности вашихъ предпріятій.

Мистеръ Пикквикъ улыбнулся, пожалъ протянутую руку, и оба пошли назадъ къ своимъ друзьямъ.

Въ эту самую минуту благодѣтельный случай помогъ мистеру Пикквику сдѣлать то безсмертное открытіе, которое доставило громкую извѣстность его клубу, и распространило его антикварскую славу по всей вселенной. Они уже миновали ворота «Кожаной-Бутылки», и углубились гораздо-далѣе въ деревню, прежде чѣмъ вспомнили, гдѣ стоялъ деревенскій трактиръ. Обернувшись назадъ, мистеръ Пикквикъ вдругъ увидѣлъ, недалеко отъ дверей крестьянской хижины, небольшой растреснувшійся камень, до половины погребенный въ землѣ. Онъ остановился.

— Это очень-странно, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Что́ такое странно? съ безпокойствомъ спросилъ мистеръ Топманъ, озираясь во всѣ стороны, и не останавливаясь ни на какомъ опредѣленномъ предметѣ. — Богъ съ вами, Пикквикъ, что̀ такое?

Мистеръ Пикквикъ, между-тѣмъ проникнутый энтузіазмомъ своего чуднаго открытія, стоялъ на колѣняхъ передъ маленькимъ камнемъ, и заботливо стиралъ съ него пыль носовымъ платкомъ.

— Надпись, надпись! воскликнулъ мистеръ Пикквикъ.

— Возможно ли? воскликнулъ мистеръ Топманъ.

— Ужь я могу различить, продолжалъ мистеръ Пикквикъ, растирая камень, и бросая пристальные взгляды черезъ свои очки: — ужь я могу различить крестъ, и букву Б, и букву Т. Это очень-важно, сказалъ онъ, быстро вскочивъ на свои ноги. — Надпись отличается всѣми признаками старины, и, быть-можетъ, она существовала за нѣсколько вѣковъ до начала деревни. Надобно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

Мистеръ Пикквикъ постучался въ дверь избы. Явился крестьянинъ.

— Не знаешь ли ты, любезный другъ, какимъ-образомъ по-

палъ сюда этотъ камень? спросилъ мистеръ Пикквикъ благосклоннымъ тономъ.

— Нѣтъ, сударь, не могу доложить вашей милости, отвѣчалъ учтивый крестьянинъ.— Онъ, кажись, лежалъ здѣсь еще прежде, чѣмъ родился мой отецъ.

Мистеръ Пикквикъ бросилъ на своего товарища торжествующій взглядъ.

— Послушай, любезный, продолжалъ мистеръ Пикквикъ взволнованнымъ тономъ:—вѣдь этотъ камень, я полагаю, вамъ не слишкомъ-нуженъ: не можешь ли ты продать его?

— Да кто жь его купитъ? спросилъ простодушный крестьянинъ.

— Я дамъ тебѣ десять шиллинговъ, сказалъ мистеръ Пикквикъ съ лукавымъ видомъ:—если ты потрудишься отрыть его для меня.

Глупый крестьянинъ вытаращилъ глаза, взялъ деньги, и отвѣсилъ низкій поклонъ щедрому джентльмену, не думая и не гадая, какую драгоцѣнность уступалъ онъ за ничтожную сумму ученому свѣту. Мистеръ Пикквикъ собственными руками поднялъ отрытый камень, очистилъ съ него мохъ, и, воротившись въ трактиръ, положилъ его на столъ.

Въ нѣсколько минутъ драгоцѣнный камень былъ вымытъ, вычищенъ, выхоленъ, и восторгъ пикквикистовъ выразился самыми энергическими знаками, когда общія ихъ усилія увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ. Камень былъ неровенъ, растреснулся, и неправильныя буквы таращились вкривь и вкось; при всемъ томъ, ученые мужи могли ясно разобрать остатокъ слѣдующей надписи:

+
Б И Л С Т У
М С П Р
И Л Ж
И Л
З Д Е С В О Т А.
В Р О

Мистеръ Пикквикъ сидѣлъ, потиралъ руки, и съ невыразимымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на сокровище, отъисканное имъ. Честолюбіе его было теперь удовлетворено въ одномъ изъ самыхъ главныхъ пунктовъ. Въ странѣ, изобилующей многочисленными остатками среднихъ вѣковъ, въ бѣдной деревушкѣ, поселившейся на классической почвѣ старины — онъ... онъ... президентъ Пикквикскаго-Клуба открылъ весьма-загадочную и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ любопытную надпись, ускользавшую до-сихъ-поръ отъ наблюденія столькихъ ученыхъ мужей, предшествовавшихъ ему на поприщѣ археологическихъ разъисканій. Драгоцѣнный камень долженъ будетъ объяснить какой-нибудь запутанный фактъ въ европейской исторіи среднихъ вѣковъ, и—почему знать? быть-можетъ суждено ему измѣнить самый взглядъ на критическую разработку историческихъ матеріаловъ. Мистеръ Пикквикъ смотрѣлъ во всѣ глаза, и едва вѣрилъ своимъ чувствамъ.

— Ну, господа, сказалъ онъ, наконецъ:—это дастъ рѣшительное направленіе моимъ мыслямъ: завтра мы должны возвратиться въ Лондонъ.

— Завтра! воскликнули въ одинъ голосъ изумленные ученики.

— Завтра, повторилъ мистеръ Пикквикъ.— Ученый свѣтъ долженъ немедленно воспользоваться отъисканнымъ сокровищемъ, и употребить всѣ свои усилія для опредѣленія настоящаго смысла древнихъ письменъ. Притомъ, есть у меня въ виду другая, довольно-важная цѣль. Черезъ нѣсколько дней, мѣстечко Итансвилль будетъ выбирать изъ своей среды представителей въ парламентъ, и знакомый мнѣ джентльменъ, мистеръ Перкеръ, приглашенъ туда, какъ агентъ одного изъ кандидатовъ. Наша обязанность, господа, явиться на мѣсто дѣйствія, и вникать во всѣ подробности шумной сцены, столько интересной для всякаго природнаго Англичанина, уважающаго въ себѣ національное чувство.

— Очень-хорошо, отозвались покорные ученики.

Мистеръ Пикквикъ бросилъ вокругъ себя испытующій взглядъ. Пламенное усердіе молодыхъ людей, столько ревностныхъ къ общему благу, распалило его собственную грудь благороднѣйшимъ энтузіазмомъ. Мистеръ Пикквикъ стоялъ во главѣ пылкаго юношества: онъ это чувствовалъ и зналъ.

— Господа, предлагаю вамъ окончить этотъ день пирушкой въ честь и славу науки! воскликнулъ президентъ вдохновеннымъ тономъ.

И это предложеніе было принято съ единодушнымъ восторгомъ. Мистеръ Пикквикъ уложилъ свое сокровище въ деревянный ящикъ, купленный нарочно для этой цѣли у содержательницы трактира, и поспѣшилъ занять за столомъ президентское мѣсто. Весь вечеръ посвященъ былъ заздравнымъ тостамъ и веселой дружеской бесѣдѣ.

Было уже одиннадцать часовъ — позднее время для маленькой деревушки—когда мистеръ Пикквикъ отправился въ спальную, приготовленную для него заботливой прислугой. Онъ отворилъ окно, поставилъ на столъ зажженную свѣчу, и погрузился въ глубокомысленныя размышленія о достопамятныхъ событіяхъ двухъ послѣднихъ дней.

Время и мѣсто были удивительнымъ образомъ приспособлены къ философическому созерцанію великаго человѣка. Мистеръ Пикквикъ сидѣлъ, облокотившись на окно, сидѣлъ и думалъ. Бой часоваго колокола, прогудѣвшаго двѣнадцать, впервые возвратилъ его къ дѣйствительному міру. Первый ударъ отозвался торжественнымъ звукомъ въ барабанчикѣ его ушей; но когда смолкло все, и наступила тишина могилы, мистеръ Пикквикъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Взволнованный этой внезапной мыслью, онъ раздѣлся на скорую руку, задулъ свѣчу, и легъ въ постель.

Всякій испыталъ на себѣ то непріятное состояніе духа, когда ощущеніе физической усталости напрасно вступаетъ въ безсиль-

ную борьбу съ неспособностью спать. Въ этомъ именно состояніи находился мистеръ Пикквикъ теперь, въ глухой полночный часъ. Онъ повертывался съ бока на бокъ, щурилъ и сжималъ глаза; пробовалъ лежать спиною внизъ и спиною вверхъ: все безполезно! Было ли то непривычное напряженіе, испытанное въ этотъ вечеръ: жаръ, духота, водка и коньякъ, странная постеля, или другія какія-нибудь неразгаданныя обстоятельства, только мысли мистера Пикквика съ неотразимой силой обращались на фантастическіе портреты въ трактирной комнатѣ, и онъ невольно припоминалъ волшебныя сказки самаго фантастическаго свойства. Провертѣвшись такимъ-образомъ около часа, онъ пришелъ къ печальному заключенію, что ему суждено совсѣмъ не спать въ эту тревожную ночь. Досадуя на себя и на судьбу, онъ всталъ, обулся и набросилъ халатъ на свои плеча. «Лучше какое-нибудь движеніе, думалъ онъ, чѣмъ безплодныя мечты, лишенныя всякой разумной мысли.» Онъ взглянулъ въ окно—было очень-темно; прошелся вокругъ спальной — было очень-тѣсно.

Переходя тревожно отъ дверей къ окну, и отъ окна къ дверямъ, онъ вдругъ припомнилъ въ первый разъ, что съ нимъ былъ манускриптъ пастора. Счастливая мысль! Одно изъ двухъ: или найдетъ онъ интересное чтеніе, или будетъ скучать, зѣвать, и, наконецъ, уснетъ. Онъ вынулъ тетрадь изъ кармана своей бекеши, придвинулъ къ постели круглый столикъ, зажегъ свѣчу, надѣлъ очки, и приготовился читать. Почеркъ былъ очень-странный, и бумага во многихъ мѣстахъ почти совершенно истерлась. Фантастическое заглавіе заставило мистера Пикквика припрыгнуть на своей постели, и онъ бросилъ вокругъ себя безпокойный взглядъ. Скоро, однакожъ, ученый мужъ успокоился совершеннѣйшимъ образомъ, кашлянулъ два-три раза, снялъ со свѣчи, поправилъ очки, и внимательно началъ читать: «Записки сумасшедшаго.»

«Сумасшедшій—да́! Какимъ неистово-ужаснымъ звукомъ это слово раздалось въ моихъ ушахъ въ давно-бывалые годы! Помню смертельный страхъ, насильственно вторгшійся въ мою молодую грудь, помню бурливое клокотаніе горячей крови, готовой застыть и оледениться въ моихъ жилахъ при одномъ этомъ словѣ, и помню я, ка́къ замиралъ во мнѣ духъ, и колѣна мои тряслись и подгибались при одной мысли о возможности сойдти съ ума!

«Ка́къ часто, въ глухой полночный часъ, проникнутый судорожнымъ трепетомъ, я вставалъ съ своей постели, становился на колѣни и молился долго, пламенно молился, чтобъ всемогущая сила избавила меня отъ проклятія, тяготѣвшаго надъ родомъ моимъ! Ка́къ часто, отуманенный инстинктивною тоской среди веселыхъ игръ и забавъ, я вдругъ удалялся въ уединенныя мѣста, и проводилъ самъ съ собою унылые часы, наблюдая за ходомъ горячки, начинавшей пожирать мой слабый, постепенно размягчавшійся мозгъ. Я зналъ, что зародышъ бѣшенства былъ въ моей крови, что оно глубоко таилось въ мозгу мо-

ихъ костей, что одно поколѣніе нашего рода окончило свой вѣкъ, не бывъ зараженнымъ этою фамильною чумой, и что я первый долженъ былъ начать свой особый, новый рядъ бѣшеныхъ людей. Та́къ было прежде, и, слѣдовательно—зналъ я—та́къ будетъ впереди. Забиваясь по-временамъ въ уединенный уголъ шумной залы, я видѣлъ, ка́къ вдругъ умолкали веселыя толпы, перемигивались, перешептывались, и зналъ я, что рѣчь ихъ идетъ о несчастномъ человѣкѣ, близкомъ къ потерѣ умственныхъ силъ своей духовно-нравственной природы. Заранѣе отчужденный отъ общества людей, я молчалъ, скучалъ и думалъ.

«Та́къ прошли годы, длинные, предлинные годы. Ночи въ здѣшнемъ мѣстѣ тоже иной-разъ бываютъ очень-длинны; но ровно ничего не значатъ онѣ съ тогдашними ночами, и страшными грезами печальныхъ лѣтъ тревожной юности моей. Больно вспоминать про тѣ годы, и грудь моя надрывается отъ страха даже теперь, когда я воображаю мрачныя формы чудовищъ, выставлявшихъ свои гнусныя рожи изъ всѣхъ угловъ моей одинокой спальной. Склоняясь надъ моимъ изголовьемъ и передразнивая меня своими длинными языками, они гомозились вокругъ моихъ ушей и нашептывали съ дикимъ, затаеннымъ, смѣхомъ, что полъ того стараго дома, гдѣ умеръ отецъ моего отца, обагренъ былъ его собственною кровью, которую исторгъ онъ самъ изъ своихъ жилъ въ припадкѣ бѣшенаго пароксизма. Напрасно затыкалъ я уши, и забивалъ свою голову въ подушки: чудовища визжали неистово и дико, что поколѣніе, предшествовавшее дѣду, свободнымъ оставалось отъ фамильной маніи, но что его собственный дѣдъ прожилъ цѣлые десятки лѣтъ, прикованный къ стѣнѣ желѣзною цѣпью, и связанный по рукамъ и ногамъ. Чудовища навывали правду—это я зналъ, хорошо зналъ. Я отъискалъ всѣ подробности въ фамильныхъ бумагахъ, хотя ихъ тщательно старались отъ меня скрывать. Ха, ха, ха! Былъ я слишкомъ-хитеръ, нѣтъ нужды что сумасшедшій.

«Ма́нія, наконецъ, обрушилась надо мной всею своею силой, и я удивился, отчего мнѣ прежде было та́къ страшно сойдти съ ума. Теперь вступилъ я въ большой свѣтъ, пришелъ въ соприкосновеніе съ умными людьми, говорилъ, острилъ, дѣлалъ предположенія, проекты, и привелъ въ исполненіе множество нелѣпыхъ плановъ, озадачившихъ своею оригинальностью дальновидныхъ мудрецовъ. Я смѣялся до-упада въ тиши своего кабинета, и никто въ цѣломъ мірѣ не подозрѣвалъ, что голова моя страдала размягченіемъ мозга. Съ какимъ восторгомъ поздравилъ я себя, что умѣлъ та́къ искусно провести, надуть и одурачить всѣхъ своихъ любезнѣйшихъ друзей, видѣвшихъ во мнѣ остряка и прожектёра, готоваго работать вмѣстѣ съ ними на общую пользу! О, если бы знали они, съ кѣмъ вели свои дѣла! Случалось, иной другъ обѣдалъ со мною за однимъ столомъ съ-глаза-на-глазъ, и беззаботно веселился, выпивая тостъ за тостомъ за мое «драгоцѣнное» здоровье:

кáкъ бы поблѣднѣлъ онъ, и съ какою быстротою ринулся бы вонъ изъ дверей, еслибъ могъ вообразить на одну минуту, что, любезнѣйшій другъ, сидѣвшій подлѣ него съ острымъ и блестящимъ ножомъ въ рукахъ, есть не кто другой, какъ—сумасшедшій человѣкъ.

«Сокровища перешли въ мои руки, богатство полилось через край, и я утопалъ въ океанѣ удовольствій, которыхъ цѣнность стократъ увеличивалась въ моихъ глазахъ отъ сознанія, что я съ такимъ искусствомъ умѣлъ скрывать свою завѣтную тайну. Я получилъ въ наслѣдство огромное имѣніе. Законъ, даже самъ стоглазый законъ, приведенный въ заблужденіе, поручилъ сумасшедшему управленіе землей и капиталомъ, отстранивъ цѣлые десятки разумныхъ претендентовъ. Куда смотрѣли проницательные люди, гордые своимъ здравымъ разсудкомъ? Куда дѣвалась опытность законовѣдовъ, способныхъ открывать проблескъ истины во мракѣ заблужденій?

«У меня были деньги:—за мной ухаживалъ весь свѣтъ. Я моталъ свое золото безумно —каждый прославлялъ мою щедрость. О, кáкъ унижались передо мной эти три гордые брата! Да и самъ отецъ, сѣдовласый старецъ— какое уваженіе—почтеніе— снисходительность— благоговѣніе ко мнѣ съ его стороны! У старика была дочь, у молодыхъ людей—сестра; всѣ пятеро не имѣли, иной-разъ, чѣмъ накормить голодную собаку. Я былъ богатъ, и когда меня женили на молодой дѣвицѣ, улыбка торжества озарила веселыя лица убогихъ родственниковъ, воображавшихъ въ простотѣ сердечной, что замысловатые ихъ планы увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ. Дошелъ чередъ и до моей улыбки. Улыбки? Нѣтъ, я смѣялся, хохоталъ, рвалъ свои волосы и катался по ковру передъ брачной постелью, упоенный своимъ блистательнымъ успѣхомъ. Кáкъ мало думали они, на какую жертву была обречена молодая дѣвица!

«Думали?—Зачѣмъ имъ думать? Какая нужда всѣмъ этимъ господамъ, что сестра ихъ связала свою судьбу съ сумасшедшимъ мужемъ? что́ значило для нихъ счастье сестры, противопоставленное золоту ея супруга? Что́ могло значить легкое перо, бросаемое на воздухъ моей рукой, въ-сравненіи съ золотою цѣпью, которая украшаетъ мое тѣло?

«Въ одномъ только я ошибся жестоко, несмотря на всю свою хитрость. Бываютъ иногда минуты умственнаго омраченія даже съ тѣми, которые, какъ я, лишены своего природнаго разсудка. Голова моя была въ чаду и я стремглавъ низринулся въ разставленныя сѣти. Не будь-я сумасшедшій, я бы вѣроятно понялъ и догадался въ свое время, что молодая дѣвушка — будь это въ ея власти — согласилась бы скорѣе закупорить себя въ свинцовомъ гробѣ, тѣмъ перешагнуть за порогъ моихъ мраморныхъ палатъ съ титуломъ невѣсты богача. Поздно узналъ я, что сердце ея уже издавна посвящено было плѣнительнымъ формамъ розоваго

юноши съ черными глазами: — разъ она произнесла его имя въ тревожномъ снѣ, убаюканная зловѣщей мечтой. Узналъ я, что ее съ намѣреніемъ принесли на жертву, чтобы доставить кусокъ хлѣба гордымъ братьямъ и старому отцу.

«Теперь не могу я помнить лицъ, очертаній и фигуръ; но я знаю, молодая дѣвушка слыла красавицей, и вполнѣ заслуживала эту славу. Она прелестна, я это *знаю*. Въ свѣтлыя лунныя ночи, когда все покойно вокругъ, и я пробуждаюсь отъ своего сна, я вижу, какъ въ углу этой самой келліи стоитъ, безъ словъ и безъ движеній, легкая прозрачная фигура съ длинными черными волосами, волнующимися на ея спинѣ отъ колыханій неземнаго вѣтра, и съ блестящими глазами, которые пристально смотрятъ на меня, не мигая и не смыкаясь ни на одно мгновеніе. Уфъ! кровь стынетъ въ моемъ сердцѣ, когда я пишу эти строки, — *ея* это форма, ея видъ и осанка. Лицо ея блѣдно, глаза блестятъ какимъ-то дикимъ свѣтомъ, но я помню и знаю, что всѣ эти черты принадлежали ей. Фигура не двигается никогда, не морщитъ своего чела, не хмуритъ бровей, и не дѣлаетъ гримасъ, какъ другіе призраки, наполняющіе эту келлію; но она страшнѣе для моихъ глазъ, чѣмъ всѣ эти духи, терзавшіе меня въ давно-истекшіе годы. Изъ могилы вышла она, и свѣжее дыханіе смерти на ея челѣ.

«Цѣлый годъ почти наблюдалъ я, какъ лицо ея блѣднѣло со дня на день; цѣлый годъ почти я видѣлъ, какъ слезы текли по ея печальнымъ щекамъ безъ всякой видимой причины. Наконецъ я все узналъ. Она не любила меня никогда — этого я отнюдь не подозрѣвалъ: она презирала мое богатство, ненавидѣла блескъ и пышность, среди которой жила — этого я никакъ не ожидалъ. Она любила другаго. Объ этомъ никогда я и не думалъ. Странныя чувства забились въ моей груди, и мысли, одна другой мрачнѣе и страшнѣе, вихремъ закружились въ моемъ размягченномъ мозгу. Я далекъ былъ отъ того, чтобы ненавидѣть ее, хотя ненависть къ предмету ея любви съ дикимъ буйствомъ заклокотала въ моемъ сердцѣ. Я жалѣлъ — дѣйствительно жалѣлъ о злосчастной жизни, на которую обрекъ ее холодный эгоизмъ безчувственной родни. Я зналъ, что бѣдственные часы ея жизни сочтены неумолимою судьбой.

«Черезъ нѣсколько дней она лежала на одрѣ тяжкой, неисцѣльной болѣзни.

«Призвали докторовъ. Великіе люди подкатили къ моему подъѣзду на прекрасныхъ лошадяхъ, и жирные лакеи стояли на запяткахъ ихъ каретъ. Сряду нѣсколько недѣль бодрствовали они при постели моей больной жены. Открылся наконецъ между ними великій консиліумъ, и они совѣщались въ другой комнатѣ съ торжественною важностью, обращаясь другъ къ другу на таинственномъ нарѣчіи врачебнаго искусства. Послѣ консультаціи, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ эскулаповъ предсталъ передо мной съ глубокомысленнымъ лицомъ, отвелъ меня въ сторону, сдѣлалъ

ученое вступленіе, сказалъ въ утѣшеніе и назиданіе нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ, и объявилъ, мнѣ, сумасшедшему! — что жена моя сошла съ ума. Онъ стоялъ со мною у открытаго окна, и его рука лежала на моемъ плечѣ. Стоило употребить весьма-легкое усиліе, и премудрый эскулапъ полетѣлъ бы вверхъ ногами на кирпичный тротуаръ. Это была бы превосходнѣйшая шутка! но я глубоко таилъ въ своей груди завѣтную тайну, и эскулапъ остался невредимъ. Черезъ нѣсколько дней мнѣ было объявлено, что больную должно запереть въ какомъ-нибудь чуланѣ, подъ строгимъ надзоромъ опытной сидѣлки: сумасшедшій долженъ былъ озаботиться насчетъ ареста своей жены. Я удалился за городъ въ открытое поле, гдѣ никто не могъ меня слышать, и громко хохоталъ я, и дикій крикъ мой долго разносился по широкому раздолью.

«Она умерла на другой день. Почтенный старецъ съ сѣдыми волосами сопровождалъ на кладбище свою возлюбленную дщерь, и нѣжные братцы оросили горькими слезами безчувственное тѣло своей сестрицы.

Духъ мой волновался, чувства били постоянную тревогу, и я предъугадывалъ инстинктивно, что секретъ мой, рано или поздно, сдѣлается извѣстнымъ всему свѣту. Я не могъ постоянно скрывать своей дикой радости и буйнаго разгула, клокотавшаго въ моей груди. Оставаясь одинъ въ своей комнатѣ, я прыгалъ, скакалъ, билъ въ ладоши, кувыркался, плясалъ, и дикій восторгъ мой раздавался иной-разъ по всему дому. Когда я выходилъ со двора, и видѣлъ на улицахъ шумныя толпы; когда сидѣлъ въ театрѣ, слышалъ звуки оркестра и смотрѣлъ на танцующихъ актёровъ, неистовая радость дотого начинала бушевать въ моей груди, что я томился непреодолимымъ желаніемъ выпрыгнуть на сцену, и разорвать на мелкіе куски весь этотъ народъ. Но удерживая порывы своего восторга, я скрежеталъ зубами, топалъ ногой, и крѣпко прижималъ острые ногти къ ладонямъ своихъ собственныхъ рукъ. Все шло хорошо, и никто еще не думалъ, не гадалъ, что я былъ сумасшедшій.

«Помню.... это, однакожь послѣдняя вещь, которую еще могу я хранить въ своей памяти: дѣйствительность въ моемъ мозгу перемѣшивается теперь на-половину съ фантастическими грёзами, да и нѣтъ у меня времени отдѣлять перепутанныя идеи одну отъ другой. — Помню, кáкъ, наконецъ, меня вывели на свѣжую воду. Ха, ха, ха! Еще я вижу, какъ теперь, ихъ испуганные взоры, еще чувствую, кáкъ сжатый кулакъ мой бороздилъ ихъ блѣдныя щеки, и кáкъ потомъ, съ быстротою вихря, я бросился впередъ, оставивъ ихъ оглашать безполезнымъ взвизгомъ и гвалтомъ пустое пространство. Сила гиганта объемлетъ меня, когда я думаю теперь объ этомъ послѣднемъ подвигѣ въ своей жизни между разумными людьми. Вотъ... вотъ какъ дребезжитъ, хруститъ, ломается и гнется эта желѣзная рѣшетка подъ моей могучей рукой.

Я могъ бы искромсать ее какъ гибкій сучокъ, если бы могъ видѣть опредѣленную цѣль для такого манёвра; но здѣсь пропасть длинныхъ галерей, запоровъ, дверей: трудно было пробить себѣ дорогу черезъ всѣ эти преграды. Да если бъ и пробилъ, на дворѣ, я знаю, пришлось бы наткнуться на желѣзныя ворота, всегда запертыя и задвинутыя огромнымъ желѣзнымъ болтомъ. Всѣмъ здѣсь извѣстно, что я былъ за человѣкъ.

«Ну, да... такъ точно: я выѣзжалъ на какой-то спектакль. Было уже поздно, когда я воротился домой. Мнѣ доложили, что въ гостиной дожидается меня одинъ изъ трехъ братцевъ, желавшій, сказалъ онъ, переговорить со мною о какомъ-то важномъ дѣлѣ: я помню это хорошо. Этотъ человѣкъ, должно замѣтить, служилъ для меня предметомъ самой остервенѣлой ненависти, къ какой только способенъ сумасшедшій. Уже давно я собирался вонзить свои когти въ его надменную морду. Теперь мнѣ доложили, что онъ сидитъ и ждетъ меня для переговоровъ. Я быстро побѣжалъ наверхъ. Ему нужно было сказать мнѣ пару словъ. По данному знаку, слуги удалились. Было поздно, и мы остались наединѣ, съ-глазу-на-глазъ — *первый разъ въ жизни.*

«Я тщательно отворотилъ отъ него свои глаза, такъ-какъ было мнѣ извѣстно — и я гордился этимъ сознаніемъ — что огонь бѣшенства изливался изъ нихъ яркимъ потокомъ. Мы сидѣли молча нѣсколько минутъ. Онъ первый началъ разговоръ. Странныя выходки съ моей стороны, говорилъ онъ, послѣдовавшія немедленно за смертью его сестры, были нѣкоторымъ образомъ оскорбленіемъ священной ея памяти. Соображая различныя обстоятельства, ускользавшія прежде отъ его вниманія, онъ былъ теперь почти убѣжденъ, что я дурно обращался съ его сестрой. Поэтому желалъ онъ знать, справедливо-ли онъ думалъ, что я злонамѣренно оскорбляю память несчастной покойницы, и оказываю явное неуваженіе къ ея осиротѣлому семейству. Званіе, которое онъ носитъ, уполномочиваетъ его требовать отъ меня такихъ объясненій.

«Этотъ человѣкъ имѣлъ должность, красивую должность, купленную на мои деньги. Въ его головѣ прежде всѣхъ родился и созрѣлъ остроумный планъ—заманить меня въ западню и овладѣть моимъ богатствомъ. Больше всѣхъ и настойчивѣе всѣхъ другихъ членовъ семейства, принуждалъ онъ свою сестру выйдти за меня, хотя зналъ, что сердце ея принадлежало молодому человѣку, любившему ее до страсти. Званіе уполномочиваетъ его! Но это званіе было позорной ливреей его стыда! Противъ воли я обратилъ на него свой взоръ, но не проговорилъ ни слова.

«Подъ вліяніемъ этого взора, физіономія его быстро начала измѣняться. Былъ онъ не трусъ, но краска мгновенно сбѣжала съ его лица, и онъ отодвинулъ свой стулъ. Я подсѣлъ къ нему ближе, и когда я засмѣялся — мнѣ было очень-весело — онъ вздрогнулъ. Бѣшенство сильнѣе заклокотало въ моей крови. Онъ испугался.

«— А вы очень любили свою сестрицу, когда она была жива? спросилъ я:—очень?

«Онъ съ безпокойствомъ оглянулся вокругъ, и я увидѣлъ, какъ рука его ухватилась за спинку стула. Однакожь, онъ не сказалъ ничего.

«— Вы негодяй, милостивый государь, продолжалъ я веселымъ тономъ:—я открылъ твои адскіе замыслы противъ меня и узналъ, что сердце твоей сестры принадлежало другому, прежде-чѣмъ ты принудилъ ее вступить въ ненавистный бракъ. Я знаю все, и повторяю—вы негодяй, милостивый государь.

«Онъ вскочилъ, какъ ужаленный вепрь, высоко поднялъ стулъ надъ своею головою, и закричалъ, чтобъ я посторонился, тогда-какъ мы стояли другъ передъ другомъ лицомъ къ лицу.

«Голосъ мой походилъ на дикій визгъ, потому-что я чувствовалъ бурный приливъ неукротимой злобы въ своей груди. Старыя чудовища выступили на сцену передъ моими глазами, и вдохновляли меня мыслью—растерзать его на части.

«—Будь ты проклятъ, извергъ! взвизгнулъ я во всю свою мочь. — Я сумасшедшій! Провались ты въ тар-тарары.

«Богатырскимъ взмахомъ я отбилъ деревянный стулъ, брошенный мнѣ въ лицо, схватилъ его за грудь, и оба мы грянулись на полъ.

«То была не шуточная борьба. Высокій и дюжій мужчина, онъ сражался за свою жизнь. Я зналъ, ничто въ мірѣ не сравняется съ моей силой, и притомъ — *правда* была на моей сторонѣ... Да, *на моей,* хотя я былъ сумасшедшій. Скоро онъ утомился въ неравной борьбѣ. Я наступилъ колѣномъ на его грудь, и обхватилъ обѣими руками его мясистое горло. Его лицо покрылось багровой краской, глаза укатились подъ лобъ; онъ высунулъ языкъ, и, казалось, принялся меня дразнить. Я стиснулъ крѣпче его шею.

«Вдругъ дверь отворилась съ шумомъ и гвалтомъ, ворвалась толпа народа, и дружно устремилась на сумасшедшаго силача.

«Секретъ мой былъ открытъ, и теперь надлежало мнѣ бороться за свою свободу. Быстро вскочилъ я на ноги, бросился въ самый центръ своихъ враговъ, и мгновенно прочистилъ себѣ путь, какъ-будто моя могучая рука была вооружена сѣкирой. Выюркнувъ изъ двери, я однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ перила, и въ одно мгновенье очутился среди улицы.

«Прямо и быстро побѣжалъ я, и никто не смѣлъ меня остановить. Я заслышалъ шумъ позади, и удвоилъ свое бѣгство. Шумъ становился слабѣе и слабѣе, и наконецъ совсѣмъ заглохъ въ отдаленномъ пространствѣ; но я стремительно бѣжалъ впередъ, перепрыгивая черезъ болота, черезъ рвы, перескакивая черезъ стѣны, съ дикимъ воемъ, крикомъ и визгомъ, которому дружнымъ хоромъ вторили воздушныя чудовища, толпившіяся вокругъ меня спереди и сзади, справа и слѣва. Демоны и чертенята подхватили

меня на свои воздушныя руки, понесли на крыльяхъ вѣтра, заголосили, зажужжали, застонали, засвистали, перекинули меня черезъ высокій заборъ, закружили мою голову, и я грянулся безъ чувствъ на сырую землю. Пробужденный и приведенный въ себя, я очутился здѣсь—въ этой веселой кельѣ, куда рѣдко заходитъ солнечный свѣтъ, и куда прокрадываются лучи блѣднаго мѣсяца единственно для-того, чтобъ рѣзче оттѣнить мрачные призраки, и эту безмолвную фигуру, которая вѣчно жмется въ своемъ старомъ углу. Бодрствуя почти всегда, днемъ и ночью, я слышу иногда странные визги и крики изъ различныхъ частей этой обширной палаты. Кто и чего добивается этимъ гвалтомъ, я не знаю; но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что блѣдная фигура не принимаетъ въ немъ ни малѣйшаго участья. Лишь-только первыя тѣни ночнаго мрака набѣгутъ на эту келлію, она, тихая и скромная, робко забивается въ свой темный уголокъ, и стоитъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, прислушиваясь къ веселой музыкѣ моей желѣзной цѣпи, и наблюдая съ напряженнымъ вниманіемъ мои прыжки по соломенной постели.»

Въ концѣ манускрипта было приписано, другою рукою, слѣдующее замѣчаніе:

«Случай довольно-рѣдкій, но не совсѣмъ-обыкновенный. Сумасбродство несчастливца, начертавшаго эти строки, могло быть естественнымъ слѣдствіемъ дурнаго направленія, сообщеннаго его способностямъ въ раннюю эпоху молодости. Буйная жизнь, необузданныя прихоти и всѣ возможныя крайности должны были постепенно произвести размягченіе въ мозгу, лихорадочное броженіе крови, и, слѣдовательно, извращеніе нормальнаго состоянія интеллектуальныхъ силъ. Первымъ дѣйствіемъ помѣшательства была странная идея, будто наслѣдственное бѣшенство переходило въ его фамиліи изъ рода въ родъ: думать надобно, что онъ случайно познакомился съ извѣстною медицинскою теоріей, допускающей такое несчастіе въ человѣческой природѣ. Мысль эта сообщила мрачный колоритъ дѣятельности его духа, произвела болѣзненное безуміе, которое, подъ-конецъ, естественнымъ образомъ превратилось въ неистовое бѣшенство. Весьма-вѣроятно, и даже нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ описанныя подробности, быть-можетъ нѣсколько изуродованныя больнымъ его воображеніемъ, случились на-самомъ-дѣлѣ. Должно только удивляться, и вмѣстѣ благодарить судьбу, что онъ, оставаясь такъ долго незамѣченнымъ въ кругу знакомыхъ и близкихъ особъ, не произвелъ между ними болѣе опустошительныхъ бѣдъ: чего не въ-состояніи сдѣлать человѣкъ съ пылкими страстями, не подчиненными управленію здраваго разсудка?»

Лишь-только мистеръ Пикквикъ окончилъ чтеніе пасторской рукописи, свѣча его совсѣмъ догорѣла, и свѣтъ угасъ внезапно безъ всякихъ предварительныхъ мерцаній, шипѣній и хрустѣній въ знакъ послѣдняго издыханія, что естественнымъ образомъ сообщило судорожное настроеніе организму великаго мужа. Бросивъ на стулъ ночныя статьи своего туалета, и кинувъ вокругъ себя боязливый взглядъ, онъ поспѣшилъ опять запрятаться подъ одѣяло, и на этотъ разъ весьма-скоро погрузился въ глубокій сонъ.

Солнце сіяло великолѣпно на безоблачномъ небѣ, и былъ уже поздній часъ утра, когда великій человѣкъ пробудился отъ своего богатырскаго сна. Печальный мракъ, угнетавшій его въ-продолженіе безсонной ночи, исчезъ вмѣстѣ съ мрачными тѣнями, покрывавшими ландшафтъ, и мысли его были такъ же свѣжи, легки и веселы, какъ блистательное лѣтнее утро. Послѣ скромнаго завтрака въ деревенскомъ трактирѣ, четыре джентльмена выступили дружной группой по дорогѣ въ Гревзендъ, въ сопровожденіи крестьянина, который несъ на своей спинѣ деревянный ящикъ съ драгоцѣннымъ камнемъ. Они прибыли въ этотъ городъ въ часъ по полудни, сдѣлавъ предварительное распоряженіе, чтобъ вещи ихъ были отправлены изъ Рочестера въ Сити. Дилижансъ только-что отправлялся въ Лондонъ, путешественники взяли мѣста на имперіалѣ, и черезъ нѣсколько часовъ пріѣхали благополучно въ столицу Трехъ-Соединенныхъ-Королевствъ.

Слѣдующіе три или четыре дня были употреблены на приготовленіе къ путешествію въ городъ Итансвиллъ. Такъ-какъ всякое отношеніе къ этому важному предпріятію требуетъ особенной главы, то мы, пользуясь здѣсь немногими оставшимися строками, разскажемъ коротко исторію знаменитаго открытія въ области антикварской науки.

Изъ дѣловыхъ отчетовъ клуба, бывшихъ подъ нашими руками, явствуетъ, что мистеръ Пикквикъ читалъ записку объ этомъ открытіи въ общемъ собраніи господъ членовъ, созванныхъ ввечеру на другой день послѣ возвращенія президента въ англійскую столицу. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, мистеръ Пикквикъ вошелъ въ разнообразныя и чрезвычайно-остроумныя ученыя соображенія о значеніи древней надписи. Впослѣдствіи она была скопирована искуснымъ художникомъ, и представлена Королевскому Обществу Антикваріевъ и другимъ ученымъ сословіямъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Зависть и невѣжество, какъ обыкновенно бываетъ, возстали, соединенными силами, противъ знаменитаго открытія. Мистеръ Пикквикъ принужденъ былъ напечатать брошюру въ девяносто-шесть страницъ мелкаго шрифта, гдѣ предлагалъ двадцать-семь разныхъ способовъ чтенія древней надписи. Брошюра, тотчасъ же переведенная на множество языковъ, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ, и всѣ истинные любители науки объявили себя на сторонѣ глубокомысленныхъ мнѣній президента. Три почтенныхъ старца лишили своихъ стар-

шихъ сыновей наслѣдства именно за то, что они осмѣлились сомнѣваться въ древности знаменитаго памятника, и въ-добавокъ нашелся одинъ эксцентрическій энтузіастъ, который, въ припадкѣ отчаянія постигнуть смыслъ мистическихъ начертаній, самъ добровольно отказался отъ правъ майоратства. Семьдесятъ европейскихъ и американскихъ ученыхъ обществъ сдѣлали мистера Пиквика своимъ почетнымъ членомъ: эти общества, при всѣхъ усиліяхъ, никакъ не могли постигнуть настоящаго смысла древней надписи; но всѣ безъ исключенія утверждали, что она имѣетъ необыкновенно-важный характеръ.

Одинъ только нахалъ—и мы спѣшимъ предать имя его вѣчному презрѣнію всѣхъ истинныхъ любителей науки—одинъ только нахалъ дерзновенно хвастался тѣмъ, будто ему удалось въ совершенствѣ постигнуть настоящій смыслъ древняго памятника, смыслъ мелочной и даже ничтожный. Имя этого нахала — мистеръ Блоттонъ. Раздираемый завистью, и снѣдаемый низкимъ желаніемъ помрачить славу великаго человѣка, мистеръ Блоттонъ нарочно для этой цѣли предпринялъ путешествіе въ Кобгемъ, и по пріѣздѣ, саркастически объявилъ въ своей гнусной рѣчи, произнесенной въ полномъ собраніи господъ членовъ, будто онъ, Блоттонъ, видѣлъ самого крестьянина, продавшаго знаменитый камень, принадлежавшій его семейству. Мужикъ соглашался въ древности камня, но рѣшительно отвергалъ древность надписи, говоря, будто она есть произведеніе его собственныхъ рукъ, и будто ее должно читать такимъ образомъ: «Билль Стумпсъ приложилъ здѣсь свое тавро.» Всѣ недоразумѣнія ученыхъ, доказывалъ Блоттонъ, произошли единственно отъ безграмотности крестьянина, совершенно незнакомаго съ правилами англійской ортографіи. Билль Стумпсъ— имя и фамилія мужика; тавромъ называлъ онъ клеймо, которое употреблялъ для своихъ лошадей. Вся эта надпись, подтверждалъ Блоттонъ, нацарапана мужикомъ безъ всякой опредѣленной цѣли.

Само-собою разумѣется, что Пиквикскій-Клубъ, проникнутый достодолжнымъ презрѣніемъ къ этому безстыдному и наглому шарлатанству, не обратилъ никакого вниманія на предложенное объясненіе. Мистеръ Блоттонъ, какъ злонамѣренный клеветникъ и невѣжда, былъ немедленно отстраненъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ клуба, куда строжайшимъ образомъ запретили ему самый входъ. Съ общаго согласія господъ членовъ рѣшено было, въ знакъ совершеннѣйшей довѣренности и благодарности, предложить въ подарокъ мистеру Пиквику пару золотыхъ очковъ, которыя онъ и принялъ съ искреннею признательностью. Свидѣтельствуя въ свою очередь глубокое уваженіе къ почтеннымъ товарищамъ и сочленамъ, мистеръ Пиквикъ предложилъ снять съ себя портретъ, который и былъ, для общаго назиданія, повѣшенъ въ парадной залѣ клуба.

Къ стыду науки, мы должны здѣсь съ прискорбіемъ объявить, что изверженный мистеръ Блоттонъ отнюдь не призналъ себя по-

бѣжденнымъ. Онъ также написалъ брошюру въ тридцать страницъ, и адресовалъ ее семидесяти ученымъ обществамъ Америки и Европы. Брошюра дерзновенно подтверждала свое прежнее показаніе, и намѣкала вмѣстѣ съ тѣмъ на близорукость знаменитыхъ антикваріевъ. Имя господина Блоттона сдѣлалось предметомъ общаго негодованія, и его опровергли, осмѣяли, уничтожили въ двухъ стахъ памфлетахъ, появившихся почти одновременно во всѣхъ европейскихъ столицахъ на живыхъ и мертвыхъ языкахъ. Всѣ эти памфлеты, съ примѣчаніями, дополненіями и объясненіями, Пикквикскій-Клубъ перевелъ и напечаталъ на свой собственный счетъ въ назиданіе и укоръ безстыднымъ шарлатанамъ, осмѣливающимся оскорблять достоинство науки. Такимъ-образомъ поднялся сильнѣйшій споръ, умы закипѣли, перья заскрыпѣли, и это чудное смятеніе въ ученомъ мірѣ извѣстно до-сихъ-поръ подъ названіемъ «Пикквикской-Битвы».

Такимъ-образомъ, нечестивое покушеніе повредить безсмертной славѣ мистера Пикквика обрушилось всею своею тяжестью на главу его клеветника. Семьдесятъ ученыхъ обществъ единодушно и единогласно одобрили всѣ мнѣнія президента, и вписали его имя въ исторію антикварской науки. Но знаменитый камень остается до-сихъ-поръ неистолкуемымъ монументомъ и, вмѣстѣ, безмолвнымъ свидѣтелемъ пораженія всѣхъ дерзновенныхъ враговъ президента Пикквикскаго-Клуба.

ГЛАВА VI.

Весьма-важная, образующая, такъ-сказать, эпоху, какъ въ жизни мистера Пикквика, такъ равномѣрно и во всей этой исторіи.

Уже извѣстно, что лондонская квартира мистера Пикквика находилась въ Гозъуэлльской-Улицѣ. Комнаты его, при всей скромности и простотѣ, были очень-чисты, комфортебельны, опрятны, а главное, приспособлены какъ-нельзя-лучше къ пребыванію въ нихъ человѣка съ его геніемъ и обширными способностями къ наблюдательности всякаго рода. Кабинетъ его (онъ же и гостиная) помѣщался въ первомъ этажѣ окнами на улицу, спальная— во второмъ. Такимъ-образомъ, сидѣлъ ли онъ за своей конторкой съ перомъ или книгою въ рукахъ, или стоялъ въ своей опочивальнѣ передъ туалетнымъ зеркаломъ съ бритвой, щеткой и гребёнкой—въ томъ и другомъ случаѣ, великій человѣкъ имѣлъ полную возможность созерцать человѣческую натуру во всѣхъ категоріяхъ и формахъ, въ какихъ только она могла проявляться на многолюдномъ и шумномъ переулкѣ. Хозяйка его, мистриссъ Бардль — вдова и единственная наслѣдница покойнаго чиновника лондонской таможни—была женщина довольно-статная и ловкая, съ пріятной физіономіей и живѣйшими манерами, мастерица раз-

ливать чай и стряпать пироги съ морковью — кухмистерскій талантъ, полученный ею отъ природы, и развитый продолжительнымъ упражненіемъ до значительной степени геніальности. Не было въ домѣ ни дѣтей, ни слугъ, ни куръ, ни пѣтуховъ; кромѣ самой хозяйки, единственными жильцами были здѣсь: большой человѣкъ и маленькій мальчишка; большой человѣкъ никто другой, какъ самъ мистеръ Пиквикъ, а мальчишка составлялъ единственное произведеніе самой мистриссъ Бардль. Большой человѣкъ, постоянно-занятый философическими упражненіями внѣ домашняго очага, приходилъ въ свою квартиру въ десять часовъ ночи, когда рукою заботливой хозяйки изготовлялась для него мягкая постель на складной кровати; маленькій человѣкъ вертѣлся постоянно около своей матери, и гимнастическія его упражненія не переходили за порогъ родительскаго дома. Чистота и спокойствіе владычествовали во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, и воля мистера Пиквика была здѣсь непреложнымъ закономъ.

Всякому, кто знакомъ былъ съ этими подробностями въ домашней экономіи великаго человѣка, и съ его необыкновенною аккуратностью во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и дѣлахъ, показались бы вѣроятно весьма-таинственными и загадочными — физіономія, осанка и поведеніе мистера Пиквика раннимъ утромъ, наканунѣ того достопамятнаго дня, когда вновь должна была начаться его ученая экспедиція для историческихъ, географическихъ и археологическихъ наблюденій. Онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ съ замѣчательною скоростью, выглядывалъ довольно-часто изъ окна, посматривалъ на часы, и обнаруживалъ другіе очевидные знаки нетерпѣнія, весьма-необыкновеннаго въ его философической натурѣ. Было ясно, что предметъ великой важности наполняетъ его созерцательную душу, но какой-именно, неизвѣстно. Этого не могла даже отгадать сама мистриссъ Бардль, чиствшая теперь его коммодъ, стулья и диваны.

— Мистриссъ Бардль! сказалъ наконецъ мистеръ Пиквикъ, когда его хозяйка, послѣ своей утомительной экзерциціи, останови лась среди комнаты съ половою щеткою въ рукахъ.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ, сказала мистриссъ Бардль.

— Мальчикъ, мнѣ кажется, ходитъ слишкомъ-долго.

— Не мудрено, сэръ, дорога дальняя, отвѣчала мистриссъ Бардль: — до Боро не вдругъ дойдешь.

— Правда ваша, правда! замѣтилъ мистеръ Пиквикъ.

И онъ опять впалъ въ глубокое раздумье, между-тѣмъ-какъ мистриссъ Бардль принялась мести полъ.

— Мистриссъ Бардль, сказалъ мистеръ Пиквикъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

— Какъ вы думаете, мистриссъ Бардль, расходы на двухъ человѣкъ значительно больше, чѣмъ на одного?

Мистриссъ Бардль покраснѣла до самыхъ кружевъ своего чеп-

ца, такъ-какъ ей показалось, что глаза ея жильца заморгали искрами супружеской любви.

— Чтó за вопросъ, мистеръ Пикквикъ! Боже мой, чтó за вопросъ!

— Кáкъ же вы думаете, мистриссъ Бардль?

Хозяйка подошла къ самому носу ученаго мужа, который сидѣлъ въ эту минуту на диванѣ, облокотившись на столъ.

— Это зависитъ, добрый мой мистеръ Пикквикъ, сказала она, улыбаясь и краснѣя какъ роза : — это зависитъ отъ особы, на которую падетъ вашъ выборъ. Если, примѣромъ сказать, будетъ она бережлива и осторожна, тогда, конечно... вы сами знаете, мистеръ Пикквикъ.

— Справедливо, сударыня, совершенно-справедливо; но человѣкъ, котораго я имѣю въ виду... (Здѣсь мистеръ Пикквикъ пристально взглянулъ на мистриссъ Бардль), человѣкъ этотъ владѣетъ всѣми свойствами, необходимыми въ домашнемъ быту, и притомъ, если не ошибаюсь, онъ хорошо знаетъ свѣтъ, мистриссъ Бардль: его проницательность и опытность могутъ принести мнѣ существенную пользу.

— Вы такъ думаете?

— Дá, я почти увѣренъ въ этомъ, продолжалъ мистеръ Пикквикъ, принимая важную осанку, отличавшую его во всѣхъ случаяхъ, какъ-скоро рѣчь шла о какомъ-нибудь интересномъ предметѣ:—и если сказать вамъ правду, я уже рѣшился, мистриссъ Бардль.

— Такъ скоро? Боже мой, Боже мой!

— Вамъ можетъ-быть покажется весьма-страннымъ, что я никогда не просилъ вашего совѣта объ этомъ предметѣ, и даже не упоминалъ о немъ до нынѣшняго утра, когда я отправилъ вашего мальчика... не такъ ли, мистриссъ Бардль?

Но мистриссъ Бардль, вмѣсто словъ, могла отвѣчать только выразительнымъ и нѣжнымъ взоромъ. Она поклонилась мистеру Пикквику, смотря на него издали, какъ на предметъ недоступный, и вотъ теперь вдругъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, онъ возводитъ ее на такую высоту, которая никогда не грезилась ей въ самыхъ бурныхъ и слѣпыхъ мечтахъ ея пламенной фантазіи, развитой продолжительнымъ вдовствомъ. Итакъ — мистеръ Пикквикъ дѣлалъ предложеніе... какой остроумный планъ!—отослать ея малютку въ Боро, спровадить его съ глазъ долой... отстранить всякое препятствіе... кáкъ это умно, деликатно!

— Чтóжь вы на это скажете, мистриссъ Бардль?

— Ахъ, мистеръ Пикквикъ!.. вы такой добрый!

— По-мóему, мистриссъ Бардль, это будетъ очень-хорошо. Во-первыхъ, вы избавитесь отъ многихъ хозяйственныхъ хлопотъ... не такъ ли?

— Объ этомъ, сэръ, не извольте безпокоиться, возразила вдова, упоенная сладкою мечтой о близкомъ счастіи. — Пусть эти

хлопоты увеличатся во сто разъ, только бы вы были счастливы, мой добрый, несравненный мистеръ Пикквикъ! Ваше вниманіе къ моему одиночеству...

— Ну, да, и это, конечно, пунктъ важный, перебилъ мистеръ Пикквикъ: — хотя я о немъ и не думалъ. Вамъ не будетъ скучно, мистриссъ Бардль, потому-что съ вами будетъ человѣкъ, разговорчивый и веселый.

— Вы меня осчастливите, я не сомнѣваюсь въ этомъ, сказала мистриссъ Бардль.

— Да и вашему малюткѣ...

— Господи, спаси его и помилуй! перебила мистриссъ Бардль съ материнскимъ вздохомъ.

— Вашему малюткѣ, говорю, то же будетъ очень-весело. У него будетъ опытный товарищъ, который станетъ его учить, наблюдать за его нравственностью. Подъ его руководствомъ, я увѣренъ, онъ въ одну недѣлю сдѣлаетъ больше, чѣмъ теперь въ цѣлый годъ.

И мистеръ Пикквикъ бросилъ на свою собесѣдницу самую благосклонную улыбку.

— Милый! милый!

Мистеръ Пикквикъ, совсѣмъ не ожидавшій такого нѣжнаго эпитета, обнаружилъ изумленный видъ.

— Милый, добрый мой толстунчикъ!..

И не прибавляя больше никакихъ объясненій, мистриссъ Бардль бросилась въ объятія мистера Пикквика, и обвила его шею своими дебелыми руками, испуская при этомъ катаракты слезъ и хоры глубокихъ воздыханій.

— Что съ вами, мистриссъ Бардль? вскричалъ ошеломленный мистеръ Пикквикъ.—Образумьтесь... ради Бога... на что это похоже... одумайтесь... мистриссъ Бардль... если кто-нибудь прійдетъ... отстаньте... я ожидаю пріятелей...

— О, пусть ихъ идутъ!.. Пусть прійдетъ весь свѣтъ! кричала изступленная вдова. — Я никогда васъ не оставлю, мой добрый, милый, несравненный другъ души моей!

Съ этими словами, мистриссъ Бардль прижалась еще плотнѣе къ могучей груди президента.

— Отстанете ли вы, наконецъ? говорилъ мистеръ Пикквикъ, вырываясь изъ насильственныхъ объятій.—Чу, кто-то идетъ... шаги на лѣстницѣ. Мистриссъ Бардль, ради Бога! подумайте, въ какое положеніе вы ставите меня...

Безполезныя мольбы! Мистриссъ Бардль безъ чувствъ повисла на шеѣ отчаяннаго старика, и прежде-чѣмъ онъ успѣлъ положить ее на диванъ, въ комнату вошелъ малютка Бардль, ведя за собою господъ Снодграса, Топмана и Винкеля.

Мистеръ Пикквикъ остался прикованнымъ къ своему мѣсту, безъ движенія и языка. Онъ стоялъ среди комнаты съ прелестнымъ бременемъ на своихъ рукахъ, и безсмысленно смотрѣлъ на

лица своихъ друзей, не обнаруживая ни малѣйшаго покушенія объяснить имъ этотъ загадочный случай. Друзья въ свою очередь глазѣли на него; малютка Бардль таращилъ свои глаза на всѣхъ вообще и на каждаго порознь.

Оглушительное изумленіе пикквикистовъ и столбнякъ почтеннаго президента, могли бы, нѣтъ сомнѣнія, продолжиться въ одинаковомъ положеніи до той поры, пока сама-собою возстановилась бы прерванная жизненность интересной леди, еслибъ черезъ нѣсколько минутъ, возлюбленный сынокъ, осѣненный наитіемъ внезапной мысли, не вздумалъ представить весьма-чувствительное и трогательное доказательство своей дѣтской любви. Пораженный тоже въ свою очередь превеликимъ изумленіемъ при видѣ неожиданной сцены, онъ сначала какъ вкопаный стоялъ у дверей безъ всякаго опредѣленнаго выраженія на своемъ лицѣ; но вдругъ пришло ему въ голову, что матушка его, по всей вѣроятности, потерпѣла какой-нибудь вредъ, быть-можетъ побои отъ своего жильца — и вотъ, не говоря дурнаго слова, онъ прямо вскочилъ на спину мистера Пикквика, далъ ему тумака по головѣ, и въ довершеніе эффекта, вцѣпился зубами въ его плечо.

— Чего вы смотрите, господа? вопіялъ угрызаемый мистеръ Пикквикъ.—Оттащите этого сорванца: онъ съ ума сошелъ.

— Что все это значитъ? спросили въ одинъ голосъ трех-язычные пикквикисты.

— Право, я самъ не знаю, отвѣчалъ застѣнчиво мистеръ Пикквикъ.—Оттащите напередъ мальчишку...

Здѣсь мистерь Винкель схватилъ за вихоръ нѣжнаго сынка интересной леди, и сопровождаемый пронзительнымъ визгомъ, потащилъ его на противоположный конецъ кабинета.

— Теперь, господа, сказалъ мистеръ Пикквикъ:—помогите мнѣ снести внизъ эту женщину.

— Охъ! охъ! простонала мистриссъ Бардль.—Что это со мною?

— Позвольте, сударыня, снести васъ въ вашу спальную, сказалъ обязательный мистеръ Топманъ.

— Покорно благодарю васъ, сэръ, благодарю.

И вслѣдъ затѣмъ интересная вдова, сопровождаемая своимъ любезнымъ сыномъ, была отведена въ свои покои.

— Не могу понять, господа, началъ мистеръ Пикквикъ, когда пріятели сгруппировались вокругъ него:—право, не могу понять, что сдѣлалось съ моей хозяйкой. Лишь-только, я сообщилъ ей о своемъ намѣреніи нанять слугу, она вдругъ, ни съ-того ни съ-сего, бросилась мнѣ на шею и принялась визжать какъ изступленная вѣдьма. Странный случай, господа!

— Странный, повторили друзья.

— Поставить меня въ такое непріятное положеніе!

— Очень-странно!

Пріятели покачали головами, перекашлянулись и перемигнулись весьма-многозначительными взорами другъ на друга.

Эти жесты и эти взгляды отнюдь не ускользнули отъ вниманія проницательнаго президента. Онъ замѣтилъ недовѣрчивость своихъ учениковъ, и понялъ, что они подозрѣвали его въ любовныхъ шашняхъ.

— Въ корридорѣ стоитъ какой-то человѣкъ, сказалъ мистеръ Топманъ.

— Это, вѣроятно, тотъ самый слуга, о которомъ я говорилъ вамъ, сказалъ мистеръ Пикквикъ. — Сегодня утромъ я посылалъ за нимъ хозяйскаго сына. Позовите его, Снодграсъ.

Мистеръ Снодграсъ вышелъ въ корридоръ, и черезъ минуту, вмѣстѣ съ нимъ, явился въ комнату мистеръ Самуэль Уэллеръ.

— Здравствуй, любезный. Помнишь ты меня? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Какъ не помнить вашу милость! отвѣчалъ Самъ, плутовски прищуривая лѣвымъ глазомъ. — Я пособилъ вамъ изловить этого канальи... распребестія, сударь, провалъ его возьми! Въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, какъ говаривала моя тётка, когда сверчокъ забился въ ея ухо.

— Очень-хорошо, мой милый, только теперь не въ этомъ дѣло, скороговоркой сказалъ мистеръ Пикквикъ.— Мнѣ надобно кой-о-чемъ переговорить съ тобою. Садись.

— Покорнѣйше благодаримъ.

И не дожидаясь вторичнаго приглашенія, мистеръ Самуэль Уэллеръ сѣлъ на указанный стулъ, озаботившись предварительно положить за дверьми передъ лѣстницей свою старую бѣлую шляпу.

— Шляпёнка не мудрящая, сударь, сказалъ онъ, вынимая платокъ изъ кармана: — но для носки, я вамъ скажу, матеріалъ чудодѣйственный, лучше всякой черепицы, что идетъ на дырявую крышу. Поля, правда, въ ней исчезли, то-есть, сгинули, сударь; но это ничего, или даже, это очень-хорошо, потому, во-первыхъ, что безъ полей она гораздо-легче, и потому, во-вторыхъ, что вѣтерокъ свободнѣе продуваетъ черезъ дырья. Я прозвалъ ее летучимъ вентиляторомъ, сударь.

Высказавъ эту сентенцію, мистеръ Уэллеръ улыбнулся пріятнѣйшимъ образомъ, взглянувъ на всѣхъ пикквикистовъ.

— Стало-быть можно теперь повести рѣчь на-счетъ того дѣла, за которымъ я призвалъ тебя, сказалъ мистеръ Пикквикъ веселымъ тономъ.

— Ведите, сударь, готовъ слушать вашу милость, какъ говорилъ одинъ ученикъ своему учителю, когда тотъ съѣздилъ его линейкой по головѣ.

— Надобно прежде всего узнать, мой милый, доволенъ ли ты своимъ настоящимъ мѣстомъ?

— Задача мудреная, сударь. Я буду отвѣчать вамъ откровенно, если вы потрудитесь напередъ доложить, имѣется ли у васъ для меня въ виду, примѣромъ будучи сказать, какое-нибудь лучшее мѣсто?

Лучъ кроткаго благоволенія заигралъ на умилительной физіономіи мистера Пикквика, когда онъ произнесъ свой отвѣтъ:

— Я почти рѣшился, любезный, взять тебя къ себѣ.

— Право?

— Да́.

— Жалованье?

— Двѣнадцать фунтовъ въ годъ.

— Платье?

— Двѣ фрачныхъ пары.

— Работа?

— Ходить за мною дома, и путешествовать вмѣстѣ со мной и этими джентльменами.

— Идетъ!

— Стало-быть ты соглашаешься?

— Идти въ услуженіе къ старому холостяку? соглашаюсь, сударь, если только платье прійдется подъ стать къ моему летучему вентилятору.

— Я тебѣ подарю свою шляпу.

— Въ такомъ случаѣ вентиляторъ пригодится на растопку камина.

— Можешь ты представить рекомендацію?

— Спросить обо мнѣ содержательницу гостинницы «Бѣлаго-Оленя».

— Можешь прійдти сегодня вечеромъ?

— Я готовъ надѣть ваше платье сію же минуту, если угодно вашей милости, проговорилъ Самуэль рѣшительнымъ тономъ.

— Приходи въ восемь часовъ. Если рекомендація окажется удовлетворительною, платье будетъ готово.

За исключеніемъ одной весьма-простительной шалости, въ которой принимала нѣкоторое участіе смазливая горничная «Бѣлаго-Оленя», поведеніе мистера Уэллера оказалось чистымъ какъ кристаллъ, и мистеръ Пикквикъ въ тотъ же день взялъ его къ себѣ. Привыкнувъ къ обыкновенной быстротѣ и рѣшительности во всѣхъ дѣлахъ общественной и частной жизни, великій человѣкъ повелъ своего новаго слугу на одно изъ тѣхъ благодѣтельныхъ торжищъ, которыя принимаютъ на себя обязанность снабжать джентльменовъ готовыми платьями всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и фасоновъ, и прежде-чѣмъ кончился этотъ вечеръ, мистеръ Самуэль Уэллеръ облачился въ сѣрый фракъ съ свѣтлыми пуговицами, надѣлъ черную шляпу съ кокардой, пестрый жилетъ, синія брюки, легкіе штиблеты, и украсился другими многочисленными статьями лакейскаго костюма. Само-собою разумѣется, что на пуговицахъ были вырѣзаны эмблематическія буквы: П. К.

Поутру на другой день, счастливый слуга и его щедрый баринъ катились въ дилижансѣ по большой дорогѣ въ Итансвилль.

— Чортъ меня возьми, если я понимаю, въ чемъ моя новая должность, бормоталъ Самуэль, сидя на козлахъ вмѣстѣ съ куче-

ромъ дилижанса:—каммердинеръ я, конюхъ, лакей, дворецкій, доѣзжачій, или, быть-можетъ, все это вмѣстѣ, то, что называется, картофельный кисель, приправленный чеснокомъ, медомъ и сметаной. Какая мнѣ нужда? Спи, голубчикъ, ѣшь, веселись, смотри въ оба, и... и многая лѣта тебѣ, мистеръ Пикквикъ!

ГЛАВА VII.

Броженіе умовъ и волненіе сердецъ въ славномъ городѣ Итансвиллѣ.

Мы должны, однакожь, признаться откровенно, что вплоть до погруженія нашихъ мыслей въ дѣловыя бумаги Пикквикскаго-Клуба, намъ никогда не приходилось встрѣчать имя Итансвилля, и даже послѣ, несмотря ни на какія изслѣдованія, мы никакъ не могли подтвердить очевидными доказательствами дѣйствительное существованіе этого города на земномъ шарѣ. Благоговѣя передъ каждымъ замѣчаніемъ мистера Пикквика, историческимъ или статистическимъ, и вмѣстѣ, нисколько не надѣясь на свою память, мы справлялись со всѣми возможными авторитетами на-счетъ этого предмета, перелистывали всѣ древнія и новыя географіи, рылись въ географическихъ словаряхъ, пересмотрѣли всѣ европейскія карты, изданныя учеными обществами, и, къ-несчастію, нигдѣ не встрѣтили ничего похожаго на Итансвилль. Остается, стало-быть, допустить единственное предположеніе, что мистеръ Пикквикъ, руководимый свойственнымъ ему чувствомъ деликатности, отстраняющей всякую личную обиду или колкій намекъ на кого бы то ни было, съ намѣреніемъ выставилъ въ своихъ запискахъ вымышленное названіе вмѣсто дѣйствительнаго имени того мѣста, которое было театромъ его наблюденій. Къ этому предположенію, между прочимъ, привело насъ одно маленькое обстоятельство, повидимому ничтожное съ перваго взгляда, но чрезвычайно-важное съ историко-критической точки зрѣнія. Описавъ контору дилижансовъ, откуда выѣхали наши путешественники, мистеръ Пикквикъ сдѣлалъ вступленіе къ подробной характеристикѣ трактировъ и гостинницъ, гдѣ они перемѣняли лошадей; но самая характеристика тщательно зачеркнута у него толстымъ слоемъ чернилъ, такъ-что, при всѣхъ усиліяхъ, мы не могли разобрать ни одного слова: ясно, стало-быть, что ученый мужъ съ намѣреніемъ озаботился скрыть отъ читателя самое направленіе своего путешествія, и критика никакими судьбами не можетъ опредѣлить съ точностью, въ какую сторону и по какой дорогѣ пикквикисты отправились изъ Лондона. Такимъ-образомъ, отказываясь, къ удовольствію читателя, отъ всякихъ безполезныхъ догадокъ, мы прямо перейдемъ къ послѣдовательному изложенію фактовъ, описанныхъ ученымъ мужемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Открывается прежде всего, что жители города Итансвилля, точь-въ-точь какъ и во всѣхъ другихъ небольшихъ англійскихъ городкахъ, считали себя народомъ чрезвычайно-важнымъ въ экономическомъ и гражданскомъ смыслѣ. Они рѣзко раздѣлялись между собою на двѣ половины или партіи—на «Синихъ» и «Желтыхъ». Каждый горожанинъ, сознавая свою собственную силу и важность своей индивидуальной личности, считалъ непремѣннымъ долгомъ принадлежать, сердцемъ и душою, къ которой-нибудь изъ этихъ двухъ партій. При такомъ порядкѣ вещей, у нихъ, въ нѣкоторомъ родѣ, все шло вверхъ дномъ, и несмотря на кипучую дѣятельность, никто ни въ чемъ не успѣвалъ. «Синіе» не пропускали благопріятнаго случая поперечить «Желтымъ»; «Желтые» пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ поперечить «Синимъ», и отсюда выходило естественное слѣдствіе : гдѣ бы «Синіе» и «Желтые» ни встрѣтились между собой—въ гостиномъ дворѣ, на рынкѣ или въ ратушѣ—между ними поднимались безконечные споры, сопровождаемые иной-разъ крупной бранью. Нѣтъ надобности распространяться, что, при такомъ отношеніи партій, всякій вопросъ въ городѣ Итансвиллѣ становился предметомъ самыхъ противоположныхъ разсужденій. Если «Желтые» предлагали, на-примѣръ, развести публичный садъ въ окрестностяхъ Итансвилля, «Синіе» кричали, что это безполезная прихоть сумасбродовъ въ ущербъ городской казны; если «Синіе» предлагали украсить фонтаномъ городскую площадь, «Желтые» возставали противъ нихъ съ отчаяннымъ упорствомъ, доказывая вредоносное вліяніе фонтановъ на нервы животныхъ и людей. Были въ Итансвиллѣ магазины Синіе и магазины Желтые, трактиры «Желтые» и трактиры «Синіе», и даже самыя мѣста въ театрахъ украшались названіемъ «Желтыхъ» и «Синихъ».

Само-собою разумѣется, что каждая изъ этихъ двухъ могущественныхъ партій имѣла своего представителя и коновода. Въ городѣ издавались двѣ газеты: «Итансвилльская Синица» и «Итансвилльскій Журавль». «Синица» защищала «Синіе» принципы; «Журавль», напротивъ, пропитанъ былъ насквозь мнѣніями «Желтыхъ». Редакторы этихъ двухъ газетъ были, какъ и водится, заклятыми врагами, и весело было слушать, какъ они величали другъ друга. «Сія легкомысленная и непростительно-вѣтреная Синица». «Оный Журавль, необузданно-дерзскій и наглый». «Сія пусто-головая трещетка, внушающая, къ стыду человѣчества...». «Оный сорванецъ, забывающій, по-обыкновенію, всякое чувство приличія и чести». Эти и подобные эпитеты, за которыми постоянно слѣдовали кипучіе возгласы и жаркія фразы, украшали всякій-разъ столбцы обѣихъ газетъ, и доставляли итансвилльской публикѣ неистощимые матеріалы для вседневнаго негодованія и восторга.

Мистеръ Пиквикъ, съ своей обычной проницательностью, выбралъ самое интересное время для посѣщенія этого города. Жители Итансвилля выбирали изъ своей среды представителя въ Нижній-Парламентъ, и по этому случаю, въ городѣ происходила

страшная давка. Мнѣнія сталкивались и расталкивались безпрестанно, и каждый кричалъ вдоволь, сколько его душѣ было угодно. Кандидатомъ «Синихъ» былъ достопочтенный Самуэль Сломки, знаменитый дѣлами своего дѣда, между-тѣмъ-какъ «Желтые» приготовились стоять всею грудью за Горація Фицкина, владѣльца обширнаго помѣстья въ окрестностяхъ Итансвилля. «Синица» считала своею обязанностью предварить итансвилльскихъ гражданъ, что взоры не только Англіи, но и всего образованнаго міра, были исключительно обращены на нихъ въ эту достопамятную эпоху, между-тѣмъ-какъ «Журавль» повелительно приказывалъ своимъ читателямъ *явить* себя достойными потомками древнихъ Британцевъ. Словомъ сказать, было очень-весело.

Было довольно-поздно, когда мистеръ Пикквикъ и его друзья спустились, при содѣйствіи Сама, съ кровли итансвилльскаго дилижанса. Огромные синіе шелковые флаги развѣвались изъ оконъ гостинницы «Сизаго Медвѣдя», и передъ каждымъ стекломъ красовались объявленія, напечатанныя гигантскими буквами, что «Комитетъ достопочтеннаго Самуэля Сломки» засѣдалъ здѣсь денно и нощно. Толпа праздныхъ бродягъ, собравшихся среди дороги, смотрѣла на рослаго и краснощекаго джентльмена, который говорилъ съ балкона убѣдительную рѣчь въ пользу мистера Сломки— рѣчь, совершенно заглушаемую боемъ четырехъ огромныхъ барабановъ, разставленныхъ передъ этой гостинницей приверженцами мистера Фицкина. Подлѣ оратора стоялъ низенькій человѣчекъ съ весьма-заботливой физіономіей и энергическими ужимками: онъ снималъ по-временамъ свою шляпу, и дѣлалъ выразительные жесты, сопровождаемые въ толпѣ громкими восклицаніями и страшнымъ энтузіазмомъ. Кончивъ свою рѣчь и надсадивъ горло, ораторъ сошелъ со сцены, увѣренный, что вполнѣ достигъ своей цѣли, хотя никто не могъ слышать его доказательствъ.

Лишь-только пикквикисты вышли изъ дилижанса, воздухъ огласился троекратными залпами самыхъ дружныхъ восклицаній.

— Ура! Ур-ра! Ур-р-ра! кричала толпа.

— Еще одинъ разъ! сказалъ съ балкона маленькій человѣчекъ.

Залпъ восклицаній снова огласилъ воздухъ.

— Да здравствуетъ Самуэль Сломки! кричала толпа.

— Да здравствуетъ Самуэль Сломки! закричалъ мистеръ Пикквикъ, снимая шляпу.

— Не надо Фицкина! проревѣла толпа.

— Не надо Фицкина! пробасилъ мистеръ Пикквикъ.

— Урра! Ур-р-р-ра-а-а!

— Кто этотъ Сломки? втихомолку спросилъ мистеръ Топманъ.

— Почему мнѣ знать? отвѣчалъ мистеръ Пикквикъ.

Пикквикисты вдругъ измѣрили всю глубину этого отвѣта, и хотя никто изъ нихъ не зналъ достопочтеннаго Самуэля Сломки, однакожь всѣ принялись, дружнымъ хоромъ, кричать его имя.

Сопровождаемые между-тѣмъ огромною толпой, путешествен-

ники подошли къ воротамъ гостинницы, продолжая надрывать свою грудь и горло торжественными восклицаніями. Первымъ предметомъ ихъ заботливости было—пріискать квартиру для ночлега. Мистеръ Пикквикъ подозвалъ трактирнаго слугу.

— Есть ли у васъ порожніе нумера? спросилъ онъ.

— Не могу знать, сударь; кажется, все биткомъ набито. Впрочемъ, я справлюсь.

Слуга побѣжалъ въ буфетъ, и черезъ нѣсколько минутъ воротился съ вопросомъ:

— Позвольте узнать, сударь: вы «Синій» или «Желтый»?

Задача довольно-трудная, потому-что ни мистеръ Пикквикъ, ни его друзья не принимали, собственно говоря, ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ города Итансвилля. Къ-счастію, мистеръ Пикквикъ вспомнилъ въ эту минуту о своемъ новомъ пріятелѣ, мистерѣ Перкерѣ.

— Не знаешь ли ты, любезный, одного джентльмена, по имени Перкера? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Какъ не знать, сударь: господинъ Перкеръ—агентъ мистера Самуэля Сломки.

— Вѣдь онъ «Синій», я полагаю?

— Разумѣется.

— Ну, такъ и мы «Синіе», проговорилъ мистеръ Пикквикъ.

Замѣтивъ, однакожь, нерѣшительность и колебаніе слуги, мистеръ Пикквикъ вручилъ ему свою визитную карточку, съ порученіемъ отдать ее немедленно господину Перкеру, если онъ дома. Слуга побѣжалъ въ гостинницу, и черезъ минуту воротился опять.

— Мистеръ Перкеръ приказалъ васъ просить къ себѣ, сказалъ онъ торопливымъ тономъ.

Слѣдуя по указанному направленію, мистеръ Пикквикъ вошелъ въ огромную комнату перваго этажа, гдѣ, за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами, сидѣлъ не кто другой, какъ самъ мистеръ Перкеръ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій, здравствуйте, сказалъ сухопарый джентльменъ, вставая съ своего мѣста:—очень-радъ васъ видѣть. Садитесь, почтеннѣйшій. Вотъ и вы привели въ исполненіе вашу мысль. Пожаловали къ намъ на выборы—а?

Мистеръ Пикквикъ далъ утвердительный отвѣтъ.

— Жаркое дѣло, почтеннѣйшій, сказалъ сухопарый джентльменъ:—споръ идетъ на-славу.

— Очень-радъ это слышать, сказалъ мистеръ Пикквикъ, потирая руки: — усердіе въ дѣлахъ, какихъ бы то ни было, доставляетъ истинное удовольствіе наблюдателю человѣческой природы. Такъ споръ, вы говорите, идетъ здѣсь на-славу?

— Да, почтеннѣйшій, чрезвычайно-жаркій споръ. Мы заняли всѣ гостинницы, шинки, трактиры, и оставили своимъ противникамъ только пол-пивныя лавочки! —Дипломатическая стратагема, почтеннѣйшій, и я радъ, что мы успѣли пустить ее въ ходъ.

— Какой же долженъ быть результатъ этого спора? спросилъ мистеръ Пиквикъ.

— Этого покамѣстъ еще нельзя сказать, отвѣчалъ сухопарый джентльменъ.—Фицкинъ тоже не дремлетъ съ своей стороны: у него запрятано тридцать-три голоса въ сараѣ «Бѣлаго-Оленя».

— Запрятано? Въ сараѣ? воскликнулъ мистеръ Пиквикъ, изумленный какъ-нельзя-больше этою дипломатической стратагемой противной стороны.

— Да̀, почтеннѣйшій, Фицкинъ держитъ ихъ взаперти, подъ замко̀мъ, длятого, видите ли, чтобъ намъ нельзя было до нихъ добра̀ться. А, впрочемъ, предосторожность почти лишняя: они пьянствуютъ на-пропалую съ утра до ночи. Агентъ Фицкина, какъ видите, чрезвычайно-искусный джентльменъ, и я вполнѣ уважаю его, какъ достойнаго собрата по ремеслу.

Мистеръ Пиквикъ смотрѣлъ во всѣ глаза, но не говорилъ ничего.

— Хитрость за хитрость, дѣло извѣстное, продолжалъ мистеръ Перкеръ, понизивъ свой голосъ почти до шопота.—Вчера былъ у насъ небольшой вечеръ, soirée intime, что̀ называется... сорокъ-пять дамъ, почтеннѣйшій: при разъѣздѣ, каждой изъ этихъ дамъ мы вручили, въ видѣ небольшаго подарка, по зеленому зонтику.

— По зеленому зонтику! воскликнулъ мистеръ Пиквикъ.

— Та̀къ точно. Сорокъ-пять зеленыхъ зонтиковъ, по семи шиллинговъ за штуку. Расходъ небольшой, почтеннѣйшій; но дѣло въ томъ, что теперь мужья этихъ дамъ, бра̀тья и любовники, будутъ на нашей сторонѣ.

— Недурно придумано, замѣтилъ мистеръ Пиквикъ.

— Моя мысль, почтеннѣйшій. Теперь, въ какую погоду ни отправляйтесь гулять, вы почти на каждомъ шагу встрѣтите даму съ зеленымъ зонтикомъ.

Здѣсь мистеръ Перкеръ самодовольно улыбнулся, и потрепалъ по плечу президента Пиквикскаго-Клуба. Съ появленіемъ третьяго лица прекратилось это изліяніе душевнаго восторга.

Это былъ высокій, худощавый джентльменъ, съ рыжеватыми бакенбардами и лысиной на макушкѣ. Его походка и озабоченный видъ обличали человѣка, погруженнаго умомъ и сердцемъ въ глубокія соображенія утонченнаго свойства. Онъ былъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и черномъ суконномъ жилетѣ, на которомъ красовался лорнетъ въ золотой оправѣ, прицѣпленный за одну изъ верхнихъ пуговицъ. Пуховая шляпа съ низенькой тульей и широкими полями довершала его туалетъ. При входѣ его мистеръ Перкеръ всталъ съ своего мѣста.

— Имѣю честь рекомендовать, сказалъ онъ, обращаясь къ президенту Пиквикскаго-Клуба:—мистеръ Поттъ, издатель и редакторъ «Итансвилльской Синицы».

— Очень-пріятно, сказалъ мистеръ Пиквикъ, подавая руку вновь-пришедшему джентльмену.

— Изъ Лондона, сэръ?

— Та́къ точно.

— Что́ поговариваютъ тамъ о нашихъ дѣлахъ?

— Толкуютъ очень-много, сказалъ мистеръ Пикквикъ, принимая большой грѣхъ на свою душу, такъ-какъ въ Лондонѣ никому и не грезилось объ итансвилльскихъ дѣлахъ.

— Здѣшній споръ, конечно, дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на лондонскую публику? спросилъ мистеръ Поттъ.

— Весьма-сильное, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Иначе и быть не можетъ, замѣтилъ редакторъ «Синицы», бросивъ многозначительный взглядъ на мистера Перкера. — Моя субботняя статья, вы знаете, должна была возбудить сильные толки.

— Непремѣнно, сказалъ мистеръ Перкеръ.

— Моя газета, надѣюсь, имѣетъ нѣкоторую извѣстность.

— Громкую, милостивый государь, громкую, сказалъ мистеръ Пикквикъ, слышавшій первый разъ отъ-роду о существованіи «Синицы».

— Этимъ, конечно, я обязанъ своей благонамѣренности, мистеръ... извините, я забылъ ваше имя.

— Пикквикъ, сэръ, подсказалъ мистеръ Перкеръ.

— Благонамѣренности, мистеръ Пикквикъ, ничему больше. Я никогда не вооружался перомъ противъ индивидуальной репутаціи честныхъ согражданъ, и, я надѣюсь, сэръ, что всѣ усилія моего таланта... конечно скромнаго... быть-можетъ даже ничтожнаго... были постоянно посвящены распространенію всѣхъ принциповъ, которые... такъ-сказать... съ точки зрѣнія... относительно вліянія...

Редакторъ «Синицы» пришелъ повидимому въ нѣкоторое затрудненіе. Мистеръ Пикквикъ выручилъ его своимъ положительнымъ отвѣтомъ:

— Я совершенно согласенъ съ вами, милостивый государь.

— Очень-радъ, очень-радъ: это дѣлаетъ честь вашему уму и благородству вашей души.—А позвольте спросить васъ, милостивый государь, ка́къ настроены умы столичныхъ философовъ относительно моихъ споровъ съ «Итансвилльскимъ Журавлемъ»?

— Столичные философы чрезвычайно заинтересованы этимъ споромъ, сказалъ мистеръ Перкеръ съ лукавымъ видомъ.

— И этотъ споръ, подхватилъ Поттъ: — будетъ продолжаться до моего послѣдняго издыханія... до послѣдней капли моего философическаго таланта. Отъ этого спора, сэръ, не отступлю я никогда, хотя бы надменный «Журавль» поджалъ свои крылья. Пусть узнаетъ весь свѣтъ, что правда для «Синицы» всего дороже; что за правду, если понадобится... сэръ, сэръ: amicus Plato, sed magis amica veritas. Кто противъ правды и «Синицы»? Одинъ «Журавль»; но его презираетъ всякій истинный философъ на всемъ пространствѣ англійской территоріи.

— Вы поступаете благородно, милостивый государь, сказалъ

мистеръ Пикквикъ, съ жаромъ пожимая руку великодушнаго Потта.

— Благодарю васъ, сэръ: вы, сколько я замѣчаю, человѣкъ съ тактомъ и большимъ талантомъ, сказалъ мистеръ Поттъ, задыхаясь отъ скопленія въ его груди философическихъ чувствъ, принявшихъ самый восторженный характеръ.—Чувствую себя совершенно счастливымъ отъ удовольствія познакомиться съ человѣкомъ вашего образа мыслей.

— И я съ своей стороны, сказалъ мистеръ Пикквикъ:—весьма-радъ, что удостоился нѣкоторымъ-образомъ вниманія такого человѣка, какъ вы, милостивый государь. Позвольте, сэръ, представить вамъ моихъ друзей, членовъ-корреспондентовъ клуба, основаннаго мною въ англійской столицѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ мистеръ Поттъ.

Мистеръ Пикквикъ удалился, и черезъ минуту привелъ трехъ своихъ друзей, которые должнымъ порядкомъ и были представлены издателю «Итансвилльской Синицы».

— Вопросъ теперь въ томъ, почтеннѣйшій, сказалъ адвокатъ, обращаясь къ мистеру Потту: — куда мы помѣстимъ нашихъ друзей?

— А развѣ намъ нельзя остановиться въ этой гостинницѣ? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшій, никакъ нельзя.

— Отчего же?

— Ни одной лишней постели въ цѣломъ домѣ.

— Непріятно, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Очень-непріятно, подтвердили его ученики.

— Ничего, господа, я придумалъ, какъ распорядиться, сказалъ мистеръ Поттъ. — Въ гостинницѣ «Павлинъ», если не ошибаюсь, у насъ еще есть двѣ лишнихъ постели, и двое, стало-быть, могутъ отправиться туда; чтожь касается до васъ, мистеръ Пикквикъ, я бы очень-радъ былъ вамъ и одному изъ вашихъ друзей предложить помѣщеніе въ своемъ домѣ: мистеръ Поттъ, надѣюсь, съ удовольствіемъ воспользуется обществомъ столичныхъ гостей.

— Помилуйте, мнѣ очень-совѣстно васъ безпокоить! возразилъ мистеръ Пикквикъ.—Мы еще такъ недавно знакомы...

— Такихъ людей, какъ вы, узнать не мудрено, перебилъ обязательный редакторъ «Синицы». — Съ одного взгляда, я, можно сказать, вполнѣ постигъ все благородство вашей души.

— Вашей супругѣ, конечно, будетъ непріятно...

— Напротивъ, очень-пріятно, прибавилъ мистеръ Поттъ энергическимъ тономъ, отстранявшимъ уже всякую возможность дальнѣйшихъ возраженій.

Подумали, потолковали и рѣшили, что поэтъ Снодграсъ и мистеръ Топманъ должны воспользоваться порожними койками въ «Павлинѣ», между-тѣмъ-какъ самъ президентъ и мистеръ Винкель отправятся гостить въ домъ редактора «Синицы». Обѣдъ въ гостин-

ницѣ «Сизаго Медвѣдя», заказанный мистеромъ Поттомъ, окончательно скрѣпилъ дружескія связи новыхъ знакомцевъ. Было рѣшено, что поутру на другой день все общество соберется опять въ общей залѣ «Сизаго Медвѣдя», и потомъ отправится вслѣдъ за достопочтеннымъ Самуэлемъ Сломки.

Домашній кругъ мистера Потта ограничивался имъ самимъ и его почтенной супругой. Уже доказано продолжительнымъ рядомъ наблюденій, что всѣ истинно-великіе люди подвержены какой-нибудь маленькой слабости, которая становится въ нихъ тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ выше и блистательнѣе ихъ необыкновенные таланты. Была слабость и у мистера Потта, имѣвшая, впрочемъ, весьма-умилительный и трогательный характеръ: онъ немножко трусилъ своей хорошенькой жены, и любилъ подчиняться ея маленькимъ капризамъ. Это замѣчаніе, однакожь, въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ никакой важности и силы: мистриссъ Поттъ была теперь до крайности любезна, и радушно спѣшила принять дорогихъ гостей.

— Послушай, душенька, сказалъ мистеръ Поттъ, обращаясь къ своей супругѣ:—рекомендую тебѣ мистера Пикквика, джентльмена изъ Лондона.

Мистриссъ Поттъ, съ очаровательной улыбкой, протянула свою пухленькую ручку президенту знаменитаго клуба, и тотъ пожалъ ее съ отеческою нѣжностью. Мистеръ Винкель между-тѣмъ семенилъ около дверей, покланивался и не говорилъ ни слова, такъ-какъ хозяинъ повидимому совсѣмъ забылъ о немъ.

— Милый... сказала мистриссъ Поттъ.

— Жизнь моя, сказалъ мистеръ Поттъ.

— Чтожь ты не представляешь другаго джентльмена?

— Ахъ, прошу извинить! воскликнулъ мистеръ Поттъ. — Позвольте рекомендовать мистера...

— Винкеля, подсказалъ мистеръ Пикквикъ.

— Мистера Винкеля, повторилъ мистеръ Поттъ.

И рекомендательная церемонія окончилась вполнѣ.

— Мы должны, сударыня, извиниться передъ вами, началъ мистеръ Пикквикъ.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, сударыня, что разстроиваемъ своимъ присутствіемъ домашній порядокъ, не имѣя на то никакого права.

— О, будьте на этотъ счетъ совершенно спокойны, съ живостью возразила мистриссъ Поттъ.—Для меня, увѣряю васъ, большой праздникъ — видѣть новыя лица: я живу почти взаперти въ этомъ скучномъ мѣстѣ, и случается, иной-разъ не вижу никого по цѣлымъ недѣлямъ.

— Никого! воскликнулъ мистеръ Поттъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Никого, мой другъ, кромѣ тебя, возразила мистриссъ Поттъ.

— Дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ, мистеръ Пикквикъ, сказалъ

хозяинъ въ объясненіе на жалобу своей жены: — образъ жизни заставляетъ насъ нѣкоторымъ-образомъ отказаться отъ многихъ удовольствій и наслажденій, доступныхъ для жителей этого мѣста. Мое положеніе въ здѣшнемъ городѣ, какъ издателя «Итансвилльской Синицы»; вліяніе этой газеты на всю провинцію, и вихрь житейской философіи: бездна, такъ-сказать, въ которой я постоянно погруженъ...

— Милый... перебила мистриссъ Поттъ.

— Жизнь моя... проговорилъ редакторъ «Синицы».

— Не-уже-ли ты ни на минуту не можешь разстаться съ своей житейской философіей, мой другъ? Постарайся пріискать предметъ для разговора, интересный сколько-нибудь для этихъ господъ.

— Но житейская философія, мой другъ, интересуетъ мистера Пикквика, отвѣчалъ смиренный супругъ.

— Тѣмъ хуже для него и для тебя, сказала мистриссъ Поттъ выразительнымъ тономъ: — у меня, напротивъ, голова идетъ кругомъ отъ этого вздора. Вѣчныя ссоры съ «Журавлемъ», глупые толки, брань, пересуды! Удивляюсь, мой другъ, какъ у тебя достаетъ охоты навязываться всѣмъ и каждому съ этой — житейской философіей!

— Послушай, душенька...

— Вздоръ, вздоръ, нечего тутъ слушать. — Сэръ, вы не играете въ экартè? спросила мистриссъ Поттъ, обращаясь къ молодому спутнику президента.

— Мнѣ будетъ, сударыня, очень-пріятно изъучить подъ вашимъ руководствомъ эту игру, отвѣчалъ мистеръ Винкель.

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь поставить къ окну этотъ маленькій столикъ: звуки житейской философіи авось не достигнутъ до моихъ ушей, и я буду вамъ очень-благодарна.

— Дженни, сказалъ мистеръ Поттъ служанкѣ, вошедшей со свѣчами: — сходи въ контору, и принеси связку «Синицы» за тысяча восемь-сотъ двадцать-восьмой годъ. Я прочту вамъ, сэръ — прибавилъ редакторъ, обращаясь къ мистеру Пикквику: — я прочту вамъ свои статьи, написанныя въ опроверженіе «Желтыхъ» проныръ, хотѣвшихъ учредить здѣсь новую шоссейную заставу: это, надѣюсь, будетъ для васъ очень-интересно.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, сказалъ мистеръ Пикквикъ.

Связка трехъ-сотъ нумеровъ явилась на сцену: президентъ столичнаго клуба и редакторъ провинціальной газеты усѣлись за столъ.

Долго мы рылись въ бумагахъ мистера Пикквика, и даже перечитывали по нѣскольку разъ каждую страницу, надѣясь отъискать по-крайней-мѣрѣ краткое извлеченіе изъ этихъ статей, пропитанныхъ глубокими соображеніями философико-экономическаго свойства; но усилія наши не увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ: великій человѣкъ повсюду хранилъ глубочайшее молчаніе отно-

сительно философическихъ статей, принадлежащихъ редактору «Итансвилльской Синицы». Не подлежитъ однакожъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что почтенный президентъ былъ проникнутъ поэтическимъ восторгомъ отъ необыкновенной свѣжести и живости философическаго слога, и мистеръ Винкель приводитъ положительный фактъ, что глаза мистера Пикквика, пропитанные и увлаженные избыткомъ удовольствія, были сомкнуты почти во весь этотъ вечеръ.

Докладъ служанки о приготовленномъ ужинѣ прекратилъ игру въ экарте, и положилъ конецъ вторичному чтенію лучшихъ мѣстъ «Итансвилльской Синицы». Мистриссъ Поттъ была повидимому въ самомъ игривомъ и веселомъ расположеніи духа. Мистеръ Винкель сдѣлалъ уже весьма-значительные успѣхи въ ея добромъ мнѣніи, и она объявила ему по секрету, что мистеръ Пикквикъ — «презабавный старикашка»: выраженіе фамиліярное, которое могли позволить себѣ весьма - немногія особы, коротко-знакомыя съ этимъ колоссально-геніальнымъ мужемъ, исчерпавшимъ всю глубину человѣческой премудрости. Отзывъ мистриссъ Поттъ служитъ, конечно, самымъ трогательнымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того уваженія, какимъ мистеръ Пикквикъ пользовался на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, мгновенно располагая къ себѣ умы и сердца всѣхъ особъ, приходившихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ нимъ.

Мистеръ Топманъ и мистеръ Снодграсъ уже давно покоились богатырскимъ сномъ въ гостинницѣ «Павлинъ», между-тѣмъ-какъ пріятели ихъ продолжали вести одушевленную бесѣду въ гостепріимномъ домѣ редактора «Синицы». Былъ уже часъ за-полночь, когда они отправились въ свои спальни. Сонъ мгновенно овладѣлъ усталымъ организмомъ мистера Винкеля; но восторженныя его чувства не прекращали своей дѣятельности даже во снѣ: оставаясь нечувствительнымъ ко всѣмъ земнымъ предметамъ, онъ долго видѣлъ передъ собою образъ прелестной мистриссъ Поттъ, и воображеніе его рисовало самыя очаровательныя картины.

Шумъ и толкотня, ознаменовавшія начало слѣдующаго дня, въ-состояніи были расшевелить душу самаго романтическаго мечтателя, возвращая его изъ области воздушныхъ умозрѣній къ предметамъ дѣйствительной жизни. Лишь-только разсвѣтъ заглянулъ въ окна усыпленныхъ домовъ, по улицамъ раздались звуки трубъ и барабановъ, топотъ коней и крикъ людей, «Синихъ» и «Желтыхъ», возвѣщавшихъ объ окончательныхъ приготовленіяхъ къ великому торжеству въ славномъ городѣ Итансвиллѣ. Пикквикисты пробудились и тѣломъ и душой. Мистеръ Самуэль Уэллеръ, ночевавшій въ гостиницѣ «Павлина», пришелъ раннимъ утромъ къ своему господину.

— Ну, Самъ, каково идутъ дѣла? спросилъ мистеръ Пикквикъ, когда исправный слуга переступилъ черезъ порогъ его спальной. — Суматоха, любезный, а?

— Да́, сударь, все, что́ называется, кипитъ, горитъ и юрлитъ, какъ, бывало, говаривала моя бабушка, когда переваривалась въ печи ея похлебка съ крапивой и петрушкой.—Въ гостинницѣ «Сизаго Медвѣдя» уже давно кричатъ во все горло.

— Это показываетъ, любезный, ихъ усердную привязанность къ общему дѣлу—не такъ ли?

— Да́-съ. Ка́къ же иначе, сударь?

— Горячо работаютъ, Самъ?

— Кипяткомъ, сударь. Въ жизнь не видывалъ такого пьянства и обжорства: дивиться надо, какъ никто изъ нихъ не лопнетъ.

— Здѣшніе джентльмены, стало-быть, очень-щедры?

— И сказать нельзя.

— Какой свѣжій и бодрый народъ! воскликнулъ мистеръ Пикквикъ, выглядывая изъ окна.

— Правда ваша, сударь, народъ удивительно-свѣжій, отвѣчалъ Самъ:—я и два буфетчика изъ гостинницы «Павлинъ» только-что откачали сегодня десятка три «Желтыхъ» молодцовъ, что̀ перепились вчера послѣ ужина.

— Ка̀къ откачали! вскричалъ мистеръ Пикквикъ.

— Да та́къ, сударь, очень-просто: они повалились, гдѣ кто попалъ, и, повидимому, никакою пушкой нельзя было расшевелить ихъ. Вотъ мы съ буфетчиками и вытащили ихъ всѣхъ, одного за другимъ, на вольный воздухъ, вытащили, да и поставили подъ насосъ, поставили, да и ну откачивать. Откачали, сударь: на каждую голову, я полагаю, пришлось ушата по четыре. За-то теперь всѣ—молодецъ къ молодцу: свѣжи, сударь, здоровы, и готовы благодарить за угощеніе мистера Фицкина, который вотъ ужь цѣлую недѣлю кормитъ ихъ и поитъ на свой счетъ.

— Мо̀жетъ ли это быть?

— Очень-можетъ. Да гдѣ жь вы изволили родиться, сударь, если не понимаете этихъ вещей? Бываютъ здѣсь продѣлки почище этой.

— Почище?

— Именно та́къ. Вотъ хоть, примѣромъ сказать, вечеромъ третьяго дня, наканунѣ послѣдняго выбора, «Желтые» смастерили отличную штуку: они подкупили буфетчицу «Сизаго Медвѣдя» запустить, что́ называется, *ко̀ку съ сокомъ* въ пуншевые стаканы четырнадцати избирателей, которымъ слѣдовало подавать голоса въ пользу мистера Сломки.

— Что́ это значитъ—ко̀ка съ сокомъ?

— По́просту сказа́ть: сонный порошокъ, подсыпанный въ коньякъ. Напились они, голубчики, напились, да и проспали больше сутокъ, а выборъ кончился безъ нихъ. Одного, правда, привезли для опыта въ городскую ратушу, да толка не вышло никакого: спалъ мертвецки, хотя и колотили его въ спину. Дѣлать нѐчего: отвезли его назадъ, и положили въ постель. Четырнадцать голо-

совъ какъ не бывало! Это все дѣлаетъ, говорятъ, агентъ мистера Фицкина: продувная бестія!

— Странно, очень-странно, проговорилъ вполголоса мистеръ Пикквикъ, обращаясь отчасти къ себѣ, отчасти къ своему слугѣ.

— Конечно, сударь, странность тутъ имѣется въ нѣкоторомъ родѣ; да все же это, съ вашего позволенія, совсѣмъ не то, что̀ случилось однажды съ моимъ отцомъ. Вотъ, сударь, штука, такъ штука!

— Что̀ такое? спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Кажется, я уже имѣлъ честь докладывать вашей милости, что онъ служилъ въ кучерахъ, да и былъ онъ слишкомъ-толстъ, чтобы заниматься какимъ-нибудь другимъ ремесломъ. Случилось однажды, привезъ онъ свою бричку въ этотъ самый городъ. Были выборы, та̀къ же какъ теперь, и одна изъ партій предложила ему привезти изъ Лондона джентльменовъ, обѣщавшихся подать свои голоса въ пользу избираемаго кандидата. И вотъ, сударь мой, наканунѣ отъѣзда, его вдругъ *покорнѣйше* просятъ въ комитетъ кандидата противной стороны, для-ради, такъ-сказать, нѣкоторыхъ объясненій по кучерской части. Приходитъ мой родитель—огромная комната, сударь мой, зеркала—уму помраченье; письменный столъ, разноцвѣтные огни, перья, чернила, груды бумагъ, дюжины двѣ джентльменовъ—присутствіе, сударь мой, во всемъ разгарѣ. — «Здравствуйте, мистеръ Уэллеръ, здравстуйте!» говоритъ одинъ джентльменъ сановитой физіономіи: — очень-радъ васъ видѣть, сэръ: ка̀къ поживаете, мистеръ Уэллеръ?» — Слава Богу, говоритъ мой отецъ: — покорно васъ благодарю, сэръ; вы тоже, надѣюсь, совсѣмъ здоровы? — «Да, говоритъ, совсѣмъ здоровъ, покорно благодарю. Садитесь, мистеръ Уэллеръ, покорнѣйше прошу васъ, сэръ, садитесь.» Сѣлъ мой отецъ рядомъ съ джентльменомъ, и минуты двѣ они пристально смотрѣли другъ на друга. — «Вы не помните меня, мистеръ Уэллеръ?» говоритъ джентльменъ.—Нѣтъ, говоритъ, не могу припомнить вашей милости, говоритъ мой отецъ.—«А я такъ васъ хорошо знаю, говоритъ джентльменъ: — я знавалъ васъ еще мальчикомъ: ка̀къ это могло статься, что вы меня не помните, мистеръ Уэллеръ?» — Нѣтъ, говоритъ мой отецъ, не помню, да и только.—«Это очень-странно» говоритъ джентльменъ.— Странно, говоритъ мой отецъ. — «У васъ, должно быть, предурная память, мистеръ Уэллеръ,» говоритъ джентльменъ. — Предурная, говоритъ мой отецъ. — «Я та̀къ и думалъ, говоритъ джентльменъ:—не угодно ли стаканчикъ пунша, мистеръ Уэллеръ?» — Покорно благодарю, говоритъ мой отецъ.—Вотъ они, сударь мой, сидятъ да пьютъ, пьютъ да говорятъ насчетъ этихъ житейскихъ дѣлъ и обстоятельствъ по кучерской части. Послѣ третьяго стакана пунша, память у моего родителя какъ-будто просвѣтлѣла, и ему показалось, что онъ точно припоминаетъ черты незнакомаго джентльмена. Сдѣлали стаканъ гоголь-моголя для возобновленія знакомства, и тутъ же добрый

джентльменъ вручилъ ему банковый билетъ въ двадцать фунтовъ. —«Между этимъ городомъ и Лондономъ прескверная дорога, мистеръ Уэллеръ: какъ вы думаете, сэръ», говоритъ джентльменъ.— Тяжеленько, сэръ, нечего сказать, говоритъ мой отецъ.—«Подлѣ канала особенно дорога никуда не годится», говоритъ джентльменъ. — Ѣзда плохая, говоритъ мой отецъ. — «Послушайте, мистеръ Уэллеръ, говоритъ джентльменъ:—вы превосходный ѣздокъ, и мы знаемъ, что вы можете дѣлать съ вашими лошадьми все, что вамъ угодно. Такъ вотъ оно, видите ли, въ чемъ штука, мистеръ Уэллеръ: мы васъ очень любимъ, и весьма уважаемъ ваши кучерскіе таланты. Завтра вамъ надобно будетъ привести сюда нѣкоторыхъ джентльменовъ. Очень-хорошо, мистеръ Уэллеръ: если случится какъ-нибудь, что лошадки ваши заартачатся, какъ-скоро вы поѣдете мимо канала, бричка перевалится на бокъ, и джентльмены полетятъ въ каналъ—разумѣется безъ всякаго вреда для ихъ костей—то мы... вы понимаете, мистеръ Уэллеръ, мы будемъ вамъ очень-благодарны за такую ласку.»—Господа, говоритъ мой отецъ, вставая со стула и обращаясь ко всѣмъ джентльменамъ:—вы народъ очень-добрый, и я васъ полюбилъ отъ всего сердца. Еще стаканчикъ пунша за ваше здоровье, и все у насъ покатится какъ по маслу.—Допивъ стаканъ, родитель мой раскланялся, положилъ деньги въ карманъ, и вышелъ изъ дверей. — Такъ вотъ оно, сударь мой, повѣрите ли, продолжалъ Самуэль, бросая невыразимо-безстыдный взглядъ на своего господина:—повѣрите ли, что въ тотъ самый день, какъ родитель мой ѣхалъ съ лондонскими джентльменами, его лошади вдругъ заартачились, понесли, забушевали, бричка опрокинулась, и джентльмены всѣ до единаго попадали въ каналъ.

— Какъ же ихъ вытащили оттуда? торопливо спросилъ мистеръ Пикквикъ.

— Дѣло темное, сударь мой, отвѣчалъ Самуэль, значительно понизивъ голосъ.—Одинъ пожилой джентльменъ, кажется, совсѣмъ пропалъ безъ вѣсти... то-есть, шляпу-то его нашли, это я знаю; но была ли въ шляпѣ голова, это осталось подъ-спудомъ. Но всего удивительнѣе здѣсь то, что бричка моего родителя опрокинулась въ тотъ самый день и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и когда ей слѣдовало опрокинуться по предсказанію ласковаго джентльмена. Странная окказія!

— Очень-странная, повторилъ мистеръ Пикквикъ. — Однакожь вычисти поскорѣе мою шляпу: кажется зовутъ меня завтракать.

Съ этими словами мистеръ Пикквикъ сошелъ въ гостиную, гдѣ уже вся почтенная компанія сидѣла за накрытымъ столомъ. Послѣ завтрака, каждый изъ джентльменовъ поспѣшилъ украсить свою шляпу огромной синей кокардой, сдѣланной прелестными ручками самой мистриссъ Поттъ, и какъ мистеръ Винкель вызвался сопровождать эту леди на кровлю одного изъ домовъ, ближайшихъ къ мѣсту будущаго торжества, то мистеръ Пикквикъ и

мистеръ Поттъ должны были отправиться одни въ гостинницу «Сизаго Медвѣдя», гдѣ уже давно засѣдалъ комитетъ мистера Сломки. Одинъ почтенный членъ, съ лысиной на головѣ, говорилъ у одного изъ заднихъ оконъ рѣчь передъ шестью ротозѣявшими мальчишками и одной дѣвчонкой, величая ихъ, при каждой новой сентѣнціи, титуломъ «итансвилльскихъ согражданъ»; мальчишки хлопали руками, и кричали «ура» изо всѣхъ силъ.

Площадь передъ «Сизымъ-Медвѣдемъ» представляла положительные признаки славы и могущества «Синихъ» гражданъ Итансвилля. Были тутъ стройныя полчища синихъ флаговъ, расписанныхъ золотыми буквами въ четыре фута вышиной. Трубачи, барабанщики и фаготщики стояли на своихъ опредѣленныхъ мѣстахъ, дожидаясь извѣстныхъ знаковъ для начатія торжественнаго марша. Отрядъ констеблей и двадцать членовъ комитета съ голубыми шарфами, привѣтствовали «Синихъ» гражданъ, будущихъ подавателей голосовъ, украшенныхъ синими кокардами. Были тутъ избиратели верхомъ на борзыхъ коняхъ, и другіе многочисленные избиратели пѣшкомъ. Была тутъ великолѣпная каретка, запряженная въ четверню для самаго достопочтеннаго Самуэля Сломки, и были еще четыре кареты, запряженныя парой для его ближайшихъ друзей. И была тутъ страшная давка.

Громко закричали мальчишки, и сильно заколыхался одинъ изъ синихъ флаговъ съ девизомъ: «Свѣтъ философіи житейской», когда выставилась въ окнѣ голова редактора «Итансвилльской Синицы», и оглушительные залпы громовыхъ восклицаній раздались по всему пространству, когда самъ достопочтенный Самуэль Сломки, въ огромныхъ ботфортахъ и синемъ галстухѣ, выступилъ на сцену, раскланялся толпѣ, и мелодраматически пожалъ руку господину Потту, свидѣтельствуя ему искреннюю благодарность за благонамѣренныя мнѣнія «Синицы».

— Все ли готово? спросилъ достопочтенный Самуэль Сломки, обращаясь къ мистеру Перкеру.

— Все, почтеннѣйшій, все! былъ отвѣтъ сухопараго джентльмена.

— Ничего не забыли, надѣюсь?

— Ничего, почтеннѣйшій, ничего. У воротъ гостинницы стоятъ двадцать человѣкъ, которымъ вы должны пожать руки: имъ нарочно велѣно для этого умыться; тутъ же шестеро маленькихъ дѣтей, которыхъ вы должны погладить по головкѣ, и спросить у каждаго — сколько ему лѣтъ. На дѣтей совѣтую вамъ обратить особенное вниманіе: это всегда производитъ сильный эффектъ.

— Постараюсь.

— Да не худо-бы, почтеннѣйшій, продолжалъ сухопарый джентльменъ:—то-есть, я не говорю, чтобъ это было совершенно необходимо, однакожъ очень-недурно, еслибъ вы поцаловали кого-нибудь изъ этихъ малютокъ: такой маневръ произвелъ бы сильное впечатлѣніе на толпу.

— Не могу ли я поручить эту обязанность кому-нибудь изъ членовъ комитета?

— Нѣтъ, ужь если цаловать, такъ цалуйте сами: эффектъ будетъ вѣрнѣе. Я приказалъ роздать этимъ мерзавцамъ носовые платки.

— Ну, дѣлать нечего, постараюсь, сказалъ достопочтенный Самуэль Сломки. —Теперь, кажется, все.

— По мѣстамъ! закричали двадцать членовъ комитета.

И среди дружныхъ восклицаній собравшейся толпы, музыканты, констебли, избиратели, всадники и кареты, поспѣшили занять свои мѣста. Каждый экипажъ, запряженный парой, былъ набитъ биткомъ, какъ сельдями въ бочкѣ. Карета, назначенная для мистера Перкера, вмѣстила въ себя господъ Пикквика, Топмана, Снодграса и съ полдюжины другихъ джентльменовъ изъ комитета Сломки.

Наступила минута страшной тишины передъ тѣмъ, какъ надлежало выступить самому достопочтенному Самуэлю Сломки. Вдругъ толпа раздвинулась и закричала во весь голосъ.

— Идетъ, идетъ! воскликнулъ мистеръ Перкеръ, предваряя многочисленныхъ зѣвакъ, которымъ нельзя было видѣть, что́ дѣлалось впереди.

Раздались дружныя восклицанія со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ онъ пожимаетъ руки гражданамъ Итансвилля!

— Ура, ур-ра!

— Вотъ гладитъ онъ какого-то малютку по головѣ! говорилъ мистеръ Перкеръ восторженнымъ тономъ.

— Ур-ра! Ур-р-р-р-а-а́!

— Онъ поцаловалъ ребенка!

Толпа заревѣла неистово и дико.

— Другаго поцаловалъ!

Новый оглушительный ревъ и гвалтъ.

— Всѣхъ перецаловалъ! взвизгнулъ сухопарый джентльменъ.

И сопровождаемая оглушительнымъ ревомъ, процессія двинулась впередъ.

Ка́къ, вслѣдствіе чего, и по какому поводу случилось, что на дорогѣ она столкнулась, смѣшалась и перепуталась съ другою такой же процессіей, и какимъ-образомъ окончилась суматоха, возникшая по этому поводу, описать мы не въ-состояніи, потому, между прочимъ, что уши, глаза, носъ и ротъ мистера Пикквика нахлобучились его шляпой при самомъ началѣ этихъ столкновеній. О себѣ-самомъ говоритъ онъ положительно, что въ ту самую минуту, какъ хотѣлъ онъ бросить быстрый взглядъ на эту сцену, его вдругъ окружили со всѣхъ сторонъ звѣрскія лица, облака пыли и густая толпа сражающихся гражданъ Итансвилля. Какая-то невидимая сила, говоритъ онъ, вынесла его вдругъ изъ кареты, и втолкнула въ самый центръ кулачныхъ бойцовъ, при чемъ два довольно-сильныхъ тумака воспріялъ онъ на свою собствен-

ную шею. Та же невидимая сила пособила ему взобраться наверхъ по деревяннымъ ступенямъ, и когда наконецъ снялъ онъ свою шляпу, передъ нимъ были его друзья, стоявшіе въ первомъ ряду съ лѣвой стороны. Правая сторона была занята «Желтыми» гражданами Итансвилля; въ центрѣ засѣдали городской мэръ и его чиновники, изъ которыхъ одинъ — жирный глашатай Итансвилля — безпрестанно звонилъ въ огромный колоколъ, приглашая почтеннѣйшую публику угомониться отъ страшной суматохи. Между-тѣмъ мистеръ Горацiо Фицкинъ и достопочтенный Самуэль Сломки, съ руками, приложенными къ своимъ сердцамъ, безпрестанно склоняли свои головы передъ волнующимся моремъ головъ, наводнявшихъ все это пространство.

— Смотрите-ка, куда забрался Винкель, сказалъ мистеръ Топманъ, дернувъ президента за рукавъ.

— Куда? спросилъ мистеръ Пикквикъ, надѣвая очки, которыя онъ, къ-счастiю, имѣлъ предосторожность держать въ карманѣ до этой поры.

— Вотъ онъ, на крышѣ этого дома, сказалъ мистеръ Топманъ.

И точно, на черепичной кровлѣ, за желѣзными перилами, засѣдали въ спокойныхъ креслахъ другъ подлѣ друга мистеръ Винкель и мистриссъ Поттъ, дѣлая своимъ прiятелямъ привѣтственные знаки бѣлыми платками, на что мистеръ Пикквикъ поспѣшилъ отвѣчать воздушнымъ поцалуемъ, посланнымъ его рукою прелестной леди.

Этотъ невинный поступокъ ученаго мужа возбудилъ необыкновенную веселость въ праздной толпѣ, еще не развлеченной церемонiею выбора.

— Продувной старикашка! закричалъ одинъ голосъ. — Волочится за хорошенькими дѣвушками!

— Ахъ, ты, старый грѣшникъ! закричалъ другой.

— Пялитъ свои очки на замужнюю женщину! добавилъ третiй голосъ.

— Я видѣлъ, какъ онъ моргалъ своимъ старымъ глазомъ, вскрикнулъ четвертый.

— Верзила Поттъ и не думаетъ смотрѣть за своей женой, прогорланилъ пятый, и залпы громкаго смѣха раздались со всѣхъ сторонъ.

Такъ-какъ за этимъ слѣдовали ненавистныя сравненiя между мистеромъ Пикквикомъ и негоднымъ старымъ козломъ и многiя другiя остроумныя шуточки весьма-колкаго свойства, и такъ-какъ все это могло очевиднѣйшимъ образомъ компрометировать честь благородной леди, то негодованiе въ груди мистера Пикквика забушевало самымъ стремительнымъ потокомъ, и Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы оно прорвалось на безсовѣстную толпу, еслибъ въ эту самую минуту не раздался звонокъ, возвѣщавшiй о началѣ церемонiи.

— Тише, тише! ревѣли чиновники городскаго мэра.

— Господа, началъ мэръ, когда народный гвалтъ немного поутихъ: — почтенные избиратели города Итансвилля! Должно ли мнѣ напоминать вамъ, что нашъ патріотическій городъ уже давно владѣетъ неоспоримымъ правомъ представлять изъ своей среды представителя въ нижній парламентъ? Вы это знаете, милостивые государи, знаете равномѣрно и то, что всѣ наши представители съ незапамятныхъ временъ заботились объ истинныхъ интересахъ своего роднаго боро (borough), бывшаго для нихъ единственнымъ предметомъ любви и глубокаго уваженія, проникавшаго ихъ умы и сердца. Трудно было бы исчислить здѣсь безсмертныя благодѣянія, оказанныя итансвилльскимъ гражданамъ послѣднимъ нашимъ представителемъ, выбраннымъ изъ нашей среды. Но вотъ онъ скончалъ свой животъ, милостивые государи, скончалъ, будучи исполненъ долготою дней, посвященныхъ общимъ нашимъ пользамъ. Острое лезвее смертной косы исторгло его изъ человѣческаго круга, и осиротѣлый Итансвилль лишился своего безсмертнаго гражданина. Но вотъ, милостивые государи, мы вновь приступаемъ къ выбору достойнѣйшаго изъ насъ. Вы понимаете, что взоры Трехъ-Соединенныхъ-Королевствъ устремлены на насъ въ эту минуту. Обманемъ ли мы ожиданія образованнаго міра? Откажется ли Итансвилль отъ своей древней патріотической славы? Нѣтъ, милостивые государи, тысячу разъ нѣтъ: я знаю ваше безпристрастіе, благородные граждане Итансвилля, знаю, что здѣсь, какъ и вездѣ, теперь, какъ и всегда, вы будете руководствоваться внушеніями совѣсти, чести и долга, отказываясь отъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ, и поступая исключительно по искреннему и добросовѣстному убѣжденію своихъ умовъ.

Залпы восклицаній служили одобрительнымъ отвѣтомъ на рѣчь почтеннаго мэра. Громкій звонъ колокольчика снова возстановилъ тишину.

Гораціо Фицкинъ Сквайръ выступилъ на сцену для произнесенія своей великолѣпной рѣчи; но лишь-только произнесъ онъ: «Милостивые государи», кекъ «Синяя» толпа загудѣла съ неистовою силой, загремѣли барабаны достопочтеннаго мистера Сломки, оркестръ грянулъ, и воздухъ наполнился смѣшаннымъ гуломъ. Выведенный изъ терпѣнія, Гораціо Фицкинъ Сквайръ подошелъ къ своему оппоненту, достопочтенному Самуэлю Сломки, и грозно потребовалъ объясненія: точно ли оркестръ заигралъ по его предварительному приказу; и когда достопочтенный Самуэль Сломки далъ весьма-уклончивый и неопредѣлительный отвѣтъ, Гораціо Фицкинъ Сквайръ грозно поднялъ кулаки, и, становясь въ наступательную позицію, приглашалъ своего противника вступить въ смертельный бой. При этомъ совершенно непредвидѣнномъ нарушеніи всѣхъ извѣстныхъ приличій и правилъ, городской мэръ скомандовалъ оглушительную фантазію на огромномъ колоколѣ и объявилъ, что онъ требуетъ передъ свои очи обоихъ достопо-

чтенныхъ господъ, Гораціо Фицкина Сквайра и мистера Самуэля Сломки. Минутъ черезъ двадцать, при сильномъ содѣйствіи «Желтыхъ» и «Синихъ» членовъ, противники помирились, пожали другъ другу руки, и Гораціо Фицкинъ Сквайръ получилъ позволеніе договорить свою рѣчь.

Рѣчи обоихъ кандидатовъ, различныя по изложенію и красотѣ слога, совершенно, однакожь, были сходны въ громкихъ похвалахъ, воздаваемыхъ избирателямъ Итансвилля. Гораціо Фицкинъ, такъ же какъ Самуэль Сломки, объявили, каждый съ приличною торжественностью, что не было и не могло быть во всей вселенной людей благороднѣе и безкорыстнѣе тѣхъ великодушныхъ гражданъ, которые вызвались подать голоса въ ихъ пользу; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ оба оратора весьма-искусно намѣкнули, что избиратели противной стороны отличаются, къ-несчастію, такими свинскими качествами, при которыхъ они, судя по совѣсти, совершенно-неспособны къ принятію разумнаго участія въ этомъ національномъ дѣлѣ. Фицкинъ выразилъ готовность дѣлать все, что потребуютъ отъ него; Сломки, напротивъ, заранѣе отказался на-отрѣзъ дѣйствовать подъ вліяніемъ чужихъ мыслей и чувствъ. Оба оратора объявили, что благосостояніе итансвилльскихъ гражданъ сдѣлается исключительнымъ предметомъ ихъ заботливости, и что они всѣми силами будутъ стараться объ усовершенствованіи мануфактуръ, промышлености и торговли во всѣхъ ея видахъ и родахъ.

Когда, наконецъ, приступлено было къ окончательному отбору голосовъ и поднятію рукъ, огромное большинство, какъ и слѣдовало ожидать, осталось на сторонѣ достопочтеннаго Самуэля Сломки, который и былъ торжественно провозглашенъ представителемъ итансвилльскихъ гражданъ. Съиграли еще разъ фантазію на огромномъ колоколѣ, городской мэръ надѣлъ шляпу, и народныя толпы хлынули во всѣ стороны, оглашая воздухъ залпами дружныхъ восклицаній.

БОЯРИНЪ И ВОЕВОДА КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ.

«Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россія.»

Родъ Пожарскихъ идетъ отъ Всеволода III, котораго потомокъ въ шестомъ колѣнѣ, князь Василій Андреевичъ, первый сталъ прозываться Пожарскимъ. Это названіе получилъ онъ отъ городка Погара, или Погорѣлаго, полученнаго имъ въ наслѣдство и опустошеннаго пожаромъ (1). При Іоаннѣ III, Пожарскіе-Стародубскіе князья (2), вслѣдствіе гоненіи, воздвигнутыхъ на православныхъ, литовскимъ княземъ Александромъ, отложились отъ этого послѣдняго и перешли въ подданство Россіи. Въ половинѣ XVI вѣка Пожарскіе считаются уже между жителями Москвы: именно въ это время имѣлъ въ Москвѣ свой домъ дѣдъ знаменитаго князя Дмитрія Михайловича, Ѳеодоръ Ивановичъ Пожарскій (3).

Не видно, чтобъ Пожарскіе занимали важныя мѣста въ государствѣ: бо̀льшею частію они отправляли должности городничихъ въ мелкихъ городахъ; одинъ даже былъ ямскимъ стройщикомъ (4).

---

(1) Прежде онъ назывался Радогощь, и подъ этимъ именемъ встрѣчается въ лѣтописяхъ уже подъ 1500 годомъ. Онъ лежитъ въ Черниговской-Губерніи, въ Стародубскомъ-Уѣздѣ.

(2) Стародубскими назывались князья Пожарскіе оттого, что сынъ Всеволода III, Иванъ, въ 1238 году получилъ въ удѣлъ городъ Стародубъ и отъ него прозваніе Стародубскаго, которое, вмѣстѣ съ удѣломъ, перешло къ его потомкамъ.

(3) Царств. Книг., л. 486. «17 іюля (1560 года) загорѣлося на Арбатѣ у Ризъ Положенія, князя *Ѳедоровской*, дворъ Пожарскаго.» Имя Ѳеодора Ивановича встрѣчается въ двухъ поручныхъ записяхъ временъ Іоанна IV, данныхъ въ 1562 и 1565 годахъ. Въ одной записи онъ называется помѣщикомъ Мещовскимъ. Собр. Гос. Гр. и Дог., томъ I, №№ 176 и 184.

(4) Русскій Историческій Сборникъ 1838 года, томъ II, стр. 294 и 295. Дѣло князя Лыкова съ Пожарскимъ. Лыковъ, между-прочимъ, упрекалъ Пожарскаго, что онъ причисляетъ къ своему роду такіе роды, которые «съ Пожарскими разошлися, и что онъ хочетъ тѣмъ пособить своей *худобѣ* и своему отечеству.» Сравн. стр. 295 и 297. «Князь Иванъ, Княжь Петровъ, сынъ Пожарской былъ на Тулѣ Ямской стройщикъ.» Въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ, дѣдъ Пожарскаго, Ѳеодоръ Ивановичъ, называется *губнымъ старостой*. Чтенія Общ. Ист. и др. 1848, кн. 9, Замѣчат. случаи по Мѣстнич. № XIX.

Отецъ князя Дмитрія Михайловича, Михаилъ Ѳеодоровичъ служилъ при Іоаннѣ IV и участвовалъ въ походахъ на Казань и въ Лифляндію: въ награду за свою службу онъ получилъ отъ царя нѣсколько деревень. Въ 1571 году онъ женился на дочери Ѳеодора Ивановича Беклемишева, Марьѣ; въ 1578 году отъ этого брака родился князь Дмитрій Михайловичъ. Въ 1587 году отецъ Пожарскаго скончался (1), оставивъ вдовствующую супругу съ двумя сыновьями и дочерью Дарьею, вышедшею послѣ замужъ за князя Никиту Хованскаго. При вступленіи Бориса Годунова на престолъ, двадцатилѣтній князь Дмитрій является уже въ должности *стряпчаго съ платьемъ* (2) и получаетъ жалованье по двадцати рублей въ годъ (3). Мать его, Марья, жила во дворцѣ при Ксеніи Борисовнѣ (4). Самъ князь Дмитрій Михайловичъ былъ близокъ къ царю Борису (5).

Въ первый разъ со славою является Пожарскій на полѣ брани въ 1608 году при царѣ Васильѣ Шуйскомъ. Тогда-какъ Лжедимитрій II изъ Тушина грозилъ изнемогающей Москвѣ, толпы Поляковъ бродили по окрестнымъ городамъ, грабили ихъ и опустошали. Подъ Коломной явился панъ Хмѣлевскій, но былъ разбитъ и прогнанъ посланными отъ царя воеводами Прозоровскимъ и Сукинымъ. Вскорѣ царь получилъ извѣстіе, что Поляки опять идутъ къ Коломнѣ съ другой стороны, отъ Владиміра. Тогда онъ послалъ противъ нихъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и ратныхъ людей. Прибывъ къ Коломнѣ, Пожарскій отправилъ нѣсколько человѣкъ для рекогносцировки, и узнавъ, что Поляки стоятъ за тридцать верстъ отъ Коломны, въ селѣ Высоцкомъ, пошелъ туда съ своею ратью. Рано поутру онъ напалъ на нихъ, побилъ ихъ на-голову, взялъ многихъ въ плѣнъ и захватилъ весь обозъ.

Въ 1609 году, когда въ окрестностяхъ Москвы разбойничалъ атаманъ Сальковъ, царь выслалъ противъ него воеводу Сукина; но Сукинъ не могъ одолѣть Салькова и бѣжалъ въ Москву. Тогда Шуйскій послалъ противъ Салькова князя Пожарскаго, который, встрѣтивъ его

---

(1) Въ Актахъ Историческихъ (т. I, № 220) есть свидѣтельство, что князь Дмитрій Михайловичъ по завѣщанію отца своего отдалъ Спасо-Евфиміеву-Монастырю его стародубскую деревню: три дворища. Граммата же писана въ 1587 году. Хованскій, зять Пожарскаго, скончался около 1608 года, схимникомъ, съ именемъ Нифонта. Акты Истор. т. II, № 87.

(2) Акты Экспед. т. II, № 7, стр. 44.

(3) См. Окладн. книга 1604 года въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ жалованья за этотъ годъ вычтено у Пожарскаго 12 рублей за лошадь, купленную имъ въ Конюшенномъ-Приказѣ

(4) Истор. Сборникъ, т. II, 1838 года, стр. 271 — 272.

(5) Ibid. стр. 268. У Пожарскаго спорное дѣло съ Лыковымъ началось въ 1602 году по такому случаю: «по указу царя Бориса велѣно было княгинѣ Лыковой быть при царицѣ Марьи Григорьевнѣ: а матери Пожарскаго при Ксеніи Борисовнѣ. Пожарскій подалъ челобитную, что матери его ниже княгини Лыковой быть не вмѣстно. Начались справки въ разрядныхъ книгахъ; дѣло затянулось и не рѣшено при Борисѣ. Лыковъ возобновилъ дѣло въ 1609 году при Василіи Шуйскомъ, по чѣмъ тогда оно кончилось — не извѣстно.

на владимірской дорогѣ, на берегахъ Пехарки разбилъ и совершенно истребилъ его шайку; осталось въ-живыхъ только тридцать человѣкъ, и они вмѣстѣ съ атаманомъ явились къ царю съ повинною головою.

На слѣдующій годъ Пожарскій является уже воеводою въ Зарайскѣ (1). По смерти Скопина, одинъ Зарайскъ остался вѣрнымъ царю при содѣйствіи Пожарскаго. Племянникъ Ляпунова, Ѳеодоръ, явился съ возмутительнымъ письмомъ къ Пожарскому; но Пожарскій не внялъ совѣту измѣнника, письмо его отправилъ къ царю и получилъ изъ Москвы отрядъ войска съ Глѣбовымъ. Узнавъ объ усиленіи рати Пожарскаго, Ляпуновъ оставилъ Зарайскъ въ покоѣ.

Въ іюлѣ того же года, когда тушинскій самозванецъ, узнавъ о слѣдствіяхъ клушинской битвы, двинулся изъ Калуги къ Москвѣ, князь Пожарскій еще имѣлъ случай выказать всю твердость духа и вѣрность государю. Коломна, по примѣру измѣнника, стрѣлецкаго головы Бабынина, присягнула Тушинскому-Вору, и мятежники послали возмутительныя грамматы въ Каширу и Зарайскъ. Когда посланные прибыли въ Зарайскъ взять присягу съ жителей въ пользу Тушинскаго-Вора, жители собрались къ князю Пожарскому, и требовали, чтобъ онъ первый далъ присягу. Пожарскій отказался, хотя и грозили ему смертью. Ободряемый совѣтами никольскаго протоіерея Дмитрія, князь рѣшился лучше умереть, чѣмъ измѣнить присягѣ, данной Василію. Малое число людей оставалось при немъ, и онъ заперся съ ними въ крѣпости. Скоро измѣнились мысли Зарайцевъ: все имущество ихъ хранилось въ крѣпости, конечно потому, что въ это смутное время опасность каждый день грозила жителямъ городовъ, особенно близкихъ къ Москвѣ. Поэтому, когда Пожарскій заперся въ крѣпости, Зарайцы стали терпѣть нужду въ деньгахъ и запасахъ, и вынуждены были обратиться къ своему воеводѣ съ повинной головой. Чтобъ утвердить ихъ въ вѣрности къ престолу, Пожарскій взялъ съ нихъ присягу въ пользу законнаго царя, и самъ целовалъ крестъ. Твердость Пожарскаго имѣла благодѣтельное вліяніе на другихъ: Коломна, слѣдуя его примѣру, и, вѣроятно, совѣтамъ и убѣжденіямъ, отложилась отъ Самозванца и перешла на сторону царя Василія. Шуйскій, въ благодарность за такіе подвиги Пожарскаго, наградилъ его помѣстьемъ, селомъ, Нижнимъ-Ландехомъ со многими деревнями—въ Суздальскомъ-Уѣздѣ (2).

Но Шуйскій, 17 іюля 1610 года, сложилъ корону, и Россія подверглась всѣмъ ужасамъ междоцарствія. 22-го числа явился подъ стѣнами Москвы гетманъ Жолкѣвскій и утвердилъ, своимъ согласіемъ, мнѣніе Мстиславскаго и Боярской-Думы—избрать въ цари польскаго королевича, Владислава. 17-го августа въ Москвѣ подписали договоръ объ упрошеніи Владислава принять скипетръ русскаго царства и дали ему присягу.

---

(1) Онъ сдѣланъ воеводою Зарайскимъ 1610 года, февраля 8-го. См. Ист. Госуд. Росс. т. XII, прим. 532.

(2) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 56.

Въ договорѣ было сказано, между-прочимъ, чтобъ польскія войска не занимали столицы, а отошли къ Можайску; чтобъ гетманъ не позволялъ ходить солдатамъ въ столицу безъ дѣла, только бы отпускалъ не больше двадцати человѣкъ для закупки съѣстныхъ припасовъ и то не иначе, какъ съ билетомъ за своею подписью (1). Но договоръ не былъ соблюденъ; 21-го сентября Жолкѣвскій вступилъ со всѣмъ войскомъ въ столицу и занялъ Кремль. Для своей безопасности онъ отправилъ русское войско къ Новгороду, будто бы для защиты его отъ Шведовъ (2).

Тогда на Руси поняли, что Польша не можетъ быть въ дружбѣ съ Русскими; по городамъ началось движеніе, цѣлью котораго было изгнаніе изъ Москвы Поляковъ. Въ области Рязанской и Нижнемъ-Новгородѣ открылось оно прежде-чѣмъ въ другихъ городахъ. Прокопій Ляпуновъ, собравъ толпы патріотовъ, взялъ приступомъ Пронскъ. Гонсѣвскій, заступившій мѣсто Жолкѣвскаго, по отъѣздѣ послѣдняго въ Польшу для личнаго ходатайства предъ королемъ объ отпускѣ королевича въ Россію, отправилъ противъ Ляпунова отрядъ Запорожцевъ, къ которымъ присоединился измѣнникъ Сунбуловъ. Казаки осадили Пронскъ, и Ляпунову дѣлали «тѣсноту великую». Узнавъ объ этомъ, зарайскій воевода, князь Пожарскій, поспѣшно набралъ войско въ Коломнѣ и Рязанской-Области и пошелъ на выручку Ляпунова. Запорожцы, услышавъ о его движеніи, отступили къ Михайлову и потомъ къ Зарайску, который они осадили. Пожарскій поспѣшилъ воротиться въ свой городъ; съ небольшимъ отрядомъ сдѣлалъ вылазку и разбилъ Запорожцевъ. Встрѣчая всюду неудачи, казаки ушли въ свою Украйну. Это было въ январѣ 1611 года.

Въ мартѣ 19-го числа, во вторникъ на страстной недѣлѣ, Пожарскій является дѣйствующимъ лицомъ въ Москвѣ. Измѣнникъ Михайло Солтыковъ присовѣтовалъ Гонсѣвскому сдѣлать нападеніе на Москвитянъ въ вербное воскресенье, когда они соберутся въ Кремль на церемонію этого дня. Выпустили изъ заключенія патріарха Гермогена, и велѣли ему совершить шествіе на осляти. Но народъ, узнавъ о злоумышленіи Поляковъ, не пошелъ въ Кремль за *вербою*. Во вторникъ Поляки выполнили свои замыслы. Маскѣвичъ говоритъ, что во время обѣдни въ Китай-Городѣ завязалась у Поляковъ ссора съ Москвитянами; причиною ссоры были сами Поляки, которые обирали въ домахъ обывателей разныя вещи (3). Отъ ссоры дошло до драки: народъ собрался и ударилъ на грабителей. Узнавъ объ этомъ, Гонсѣвскій выслалъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копейщиковъ, которые прежде всего напали на купцовъ въ гостинномъ ряду, умертвили князя Андрея Голицына въ его домѣ, бросились потомъ на Тверскую-Улицу, но здѣсь были отражены стрѣльцами. Князь Пожарскій съ своимъ отрядомъ, под-

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. II, N 199, 200.

(2) Опускаемъ подробности объ отношеніяхъ Польши къ Россіи и отсылаемъ читателя къ «Исторіи Смутнаго Времени» — Бутурлина.

(3) Сказ. Совр. о Дмитріѣ Самозванцѣ. Часть V. Маскѣвичъ, стр. 16.

крѣпленнымъ артиллеріею, стоялъ на Срѣтенской-Улицѣ; онъ мужественно встрѣтилъ враговъ, два часа бился съ ними, отразилъ ихъ и вогналъ въ Китай-Городъ. Въ тотъ же день онъ занялся построеніемъ острога у церкви Введенія-Богородицы, что на Лубянкѣ. Отраженные Пожарскимъ, Поляки бросились изъ Китай-Города на Кулишки, но и здѣсь были отражены Бутурлинымъ. За Москвой-Рѣкой противъ нихъ выступилъ Колтовской и мужественно отбилъ ихъ. Въ другихъ мѣстахъ они встрѣтили столь же мужественное сопротивленіе: «лишь-только, говоритъ Маскѣвичъ, мы бросимся на нихъ съ копьями, они тотчасъ заградятъ улицы столами, скамьями и бревнами. Чтобъ лишить ихъ этихъ выгодъ, мы нарочно отступали; а они подвигались за нами, неся въ рукахъ всѣ эти вещи, и вдругъ перегородивъ улицу, снова стрѣляли изъ загороды, такъ-что мы ничего не могли имъ сдѣлать. Изъ оконъ палили въ насъ изъ самопаловъ, бросали каменья, бревна, доски, били шестами, и конницу нашу прижали къ Кремлю» (1). Видя отчаянное сопротивленіе жителей, Поляки прибѣгли къ другому средству—начали зажигать дома. Первый примѣръ подалъ измѣнникъ Михайло Солтыковъ, который самъ зажегъ свой домъ; порывистый вѣтеръ раздулъ пламя, и оно въ четверть часа охватило всю Москву отъ Арбата до Кулишекъ. Гонимые огнемъ, Москвитяне отступали отъ преслѣдовавшаго ихъ непріятеля. На другой день, въ среду, Поляки устремились на Срѣтенскую-Улицу, гдѣ былъ острогъ Пожарскаго. Пожарскій принялъ Поляковъ съ обычною ему храбростью; цѣлый день бился съ ними, наконецъ, палъ изнеможенный отъ ранъ. Его отвезли въ Троицкій-Сергіевъ-Монастырь. Отсюда, укрѣпившись нѣсколько въ силахъ, онъ поѣхалъ въ свою нижегородскую отчину Пурехъ, которая находилась въ шестидесяти-восьми верстахъ отъ Нижняго-Новгорода.

Между-тѣмъ Москва находилась въ жалкомъ положеніи; почти вся она обращена была въ пепелъ, множество жителей предано мечу, остальные спасли жизнь свою бѣгствомъ. Устрашенные тяжкими бѣдствіями, Русскіе думали, что скоро настанетъ конецъ міра, и самъ Пожарскій раздѣлялъ это мнѣніе (2).

Но духъ народа, искони преданнаго пользамъ Церкви и Престола, не могъ быть совершенно подавленъ игомъ тяжкихъ бѣдъ и сродниться съ элементами для него чуждыми. Предстояла страшная борьба съ иноземцами за свое, родное—борьба на жизнь или смерть. Идеи, которыя всегда одушевляли народъ, и теперь являются на первомъ планѣ. Интересъ религіозный стоялъ выше другихъ интерессовъ: православныя церкви были разорены, вѣра поругана—этого довольно, чтобъ возбудить народъ на защиту Церкви. Обычная древняя привязанность къ царю единоплеменному, православному, удержала умы отъ небывалой мысли подчиниться царю иноплеменному, даже еще болѣе: успо-

(1) Сказ. Совр. о Дмитр. Сам. Часть V. Маскѣвичъ, стр. 76 и 77.
(2) Акты Экспед. т. II, N 201.

коивала совѣсть народа, отказавшагося отъ присяги Владиславу, королевичу польскому.

Движеніе въ русскихъ городахъ началось ранѣе мартовскихъ происшествій. Еще въ январѣ 1611 года, по благословенію патріарха Гермогена, начали собираться ополченія въ разныхъ городахъ; по всей Руси разсылались грамматы, которыми призывали народъ на защиту вѣры и отечества. Прокопій Ляпуновъ прежде другихъ собралъ патріотовъ, и отъ себя писалъ по городамъ, призывая всѣхъ къ вооруженію (1). Марта 28 дружины рязанскія, калужскія, тульскія, ярославскія, вологодскія и изъ другихъ городовъ подступили къ Москвѣ, и 1-го апрѣля, разбивъ Поляковъ, стали въ четырехъ частяхъ города, у Яузскихъ-Воротъ, на Воронцовомъ-Полѣ, на Срѣтенкѣ и у Тверскихъ-Воротъ. Предводителями были: Ляпуновъ, князь Трубецкой, Иванъ Заруцкій, Артемій Измайловъ, Волынскій, Волконскій, Козловскій, Масальскій, Мансуровъ. Открылись ежедневныя стычки съ Поляками, и апрѣля 6-го соединенныя войска одержали блистательную побѣду надъ ними и отняли у нихъ многія части города. Однако, вскорѣ возникшее несогласіе между вождями помѣшало успѣшному продолженію ратнаго дѣла; для прекращенія смутъ рѣшились избрать трехъ главныхъ начальниковъ ополченія, и выборъ палъ на Трубецкаго, Ляпунова и Заруцкаго. «Они», говоритъ лѣтопись, «начаша всѣми ратными людьми и всею землею владѣти.»

Поляки были осаждены въ Кремлѣ и Китай-Городѣ. Но силы Русскаго ополченія были довольно-слабы для рѣшительной борьбы съ ними, и это потому, что войско было набрано вновь и не пріучено еще къ трудамъ войны, исключая казаковъ Заруцкаго. Потому-то, еще въ концѣ 10-го года, Пожарскій хотѣлъ склонить на свою сторону казаковъ, какъ воиновъ надежныхъ и опытныхъ (2). Кромѣ-того «дѣлу ратному спорины не было» и потому еще, что между воеводами была «разнь великая»; выборъ трехъ начальниковъ не прекратилъ разногласій; другіе народные вожди съ завистью смотрѣли на первыхъ вождей, даже между троеначальниками не было согласія. «Въ тѣхъ же начальникахъ бысть великая ненависть и гордость», говоритъ лѣтописецъ (3): «другъ бо предъ другомъ чести и начальства получити желаху, и ни единъ единаго меньши быти не хотяше, всякому бо хотящу

(1) Ibid. NN 174, 175 и 176. «А генваря въ 27 день писали къ намъ съ Рязани воевода Прокофей Ляпуновъ, что они по благословенію святѣйшаго Ермогена, собрався со всѣми городы идутъ на Польскихъ и Литовскихъ людей къ Москвѣ. Да того жь дни прислалъ къ намъ святѣйшій Ермогенъ двѣ грамоты и приказывалъ къ намъ, чтобы намъ идти къ Москвѣ вскорѣ.» Самыя грамматы см. въ Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, NN 227, 228 и 229.

(2) Акты Истор. т. II, № 303.

(3) Лѣт. о мят., стр. 233. Маскѣвичъ говоритъ тоже: «войскомъ непріятельскимъ начальствовали многіе полковники, какъ-то: Заруцкій, Трубецкой, Просавѣцкій; но главнымъ былъ Ляпуновъ, коему всѣ долженствовали повиноваться. Заруцкій однако самъ хотѣлъ быть гетманомъ; другіе искали того же; отъ сего они враждовали другъ другу». (Стр. 101.)

самому владѣти». Говорятъ, что Ляпуновъ въ-особенности навлекъ на себя общее негодованіе своею гордостью, что онъ чрезвычайно притѣснялъ казаковъ Заруцкаго; но это сказаніе объясняется другимъ: тѣмъ, что Ляпуновъ былъ первымъ изъ трехъ вождей, которому всѣ должны были повиноваться (1), что одни казаки считали его высокомѣрнымъ, потому-что онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на грабежи, ими производимые, и когда они являлись къ нему за приказаніями, слишкомъ долго заставлялъ ихъ ждать себя (2). Вотъ причина неудовольствія на Ляпунова, «славнаго и бодреннаго воеводу, промышленника и побораталя по Христовѣ вѣрѣ», какъ отзывались о немъ современники (3). Главнымъ врагомъ его былъ Заруцкій, который, по Маскѣвичу (4), болѣе прочихъ доброжелательствовалъ Полякамъ, который отличался духомъ хищенія и безнаказанно позволялъ своимъ казакамъ грабить по городамъ и селамъ, и самъ участвовалъ съ ними въ добычѣ.

Извѣстія о такихъ неустройствахъ въ соединенной арміи достигли Сергіева-Монастыря, и архимандритъ Діонисій прислалъ въ Москву келаря Палицына, убѣждать вождей къ единодушію и къ мужественной борьбѣ съ врагами отечества. Воеводы жаловались на недостатокъ войска и съѣстныхъ припасовъ; келарь обѣщалъ послать грамматы по всѣмъ городамъ русскимъ, и именемъ Преподобнаго Сергія призвать защитниковъ къ стѣнамъ бѣдствующей столицы. Дѣйствительно, въ Іюлѣ 11 года архимандритъ Діонисій и Палицынъ разослали отъ себя грамматы по городамъ русскимъ, въ Казань, въ Новгородъ, Вологду, Пермь и во всѣ города понизовые. Въ трогательныхъ чертахъ изображали они общее бѣдствіе Россіи и, именемъ Бога и угодниковъ Его, призывали народъ на правое дѣло. «Гдѣ святыя церкви и Божіи образа?» писали они: «гдѣ иноки, многолѣтными сѣдинами цвѣтущіе и инокини добродѣтельми украшены? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончашася. Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ работные чада христіанства? Не всѣ ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ розведены? Не пощадиша бо престарѣвшихся возрастомъ; не устрашишася сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и ссавшихъ млеко младенецъ, незлобивая душа; вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божія. Помяните и смилуйтеся надъ видимою общею смертною погибелію» и пр. (5).

---

(1) Маск. L С. Это подтверждается и нашими актами Грамматы 1611 года, которыми призываемъ былъ народъ къ вооруженію, писаны бо̀льшею частію отъ лица одного Ляпунова. Акт. Экспед. т. II №№ 182, 185, 188.
(2) Палицынъ. Стр. 224, гл. 72 Лѣт. о мят. 234.
(3) Филаретъ и Акт. Экспед. II. № 197. Кобѣржицкій (Hist. Wladis: 434): cui (Ляпунову) apud suos populares, praeter elegantem corporis formam, judicium aere, in rebus agendis industria militiae que peritia, famam comparaverat.
(4) Маскѣвичъ. Стр. 102
(5) Палиц. 226. Акт. Эксп. II. № 190.

Граммата послана была и въ Нижній-Новгородъ; здѣсь, говоритъ Палицынъ: «крѣпцѣ яшася за сіе писаніе, и множество народа внимающе сему по многи дни» (1). Одушевленные ревностью противъ враговъ отечества, граждане нижегородскіе ждали одного живаго слова, чтобы привести въ исполненіе мысль, достойную патріотовъ. Изъ среды ихъ выступаетъ незабвенный Козьма Мининъ-Сухорукой, человѣкъ незнатнаго рода, «художествомъ говядарь» и говоритъ собравшимся гражданамъ: «Буде намъ похотѣть помощи Московскому Государству, и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, да не токмо животовъ своихъ, и дворы свои продавати, и женъ и дѣтей закладывать и бити челомъ, чтобъ кто вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ» (2). Слово его было любо Нижегородцамъ, говоритъ лѣтопись, и по общемъ совѣщаніи, они рѣшились обратиться къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и просить его начальствовать надъ ополченіемъ. Пожарскій жилъ въ своей отчинѣ, Пурехъ, и лечился тамъ отъ ранъ. Къ нему отправили посольство съ прошеніемъ, не отказать въ добромъ желаніи, Нижегородцамъ. Но Пожарскій отказался взять на себя трудную обязанность. Посольство возвратилось безъ успѣха. Отказъ Пожарскаго еще сильнѣе воспламенилъ умы гражданъ и возбудилъ въ нихъ непреоборимое желаніе служить подъ его начальствомъ. Посылали еще посольство, посылали «многажды», но безъ успѣха. Наконецъ обратились къ властямъ духовнымъ, отправили къ нему печерскаго архимандрита Ѳеодосія и изъ всѣхъ чиновъ выборныхъ людей: посланные со слезами молили князя быть главою ополченія и онъ тогда только согласился на ихъ просьбу (3). Но вслѣдъ за этимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ возникло несогласіе между гражданами; многіе сами хотѣли распоряжаться дѣлами и не слушались начальствовавшихъ въ городѣ. Это было по случаю сбора денегъ; открылись подозрѣнія, недовѣріе къ тѣмъ, которые взяли на себя завѣдывать этимъ сборомъ. Пожарскій, узнавъ объ этомъ, велѣлъ выбрать изъ среды гражданъ человѣка честнаго, которому бы можно было поручить сборъ денегъ; онъ самъ указалъ на Минина, какъ человѣка вѣрнаго и надежнаго въ этомъ случаѣ. Мининъ сначала отрекался отъ этой должности, но потомъ, усердно-упрошенный гражданами, согласился и написалъ приговоръ, которымъ граждане

---

(1) Палиц. 227.

(2) Лѣт. о мятеж. 246.

(3) Голиковъ, Малиновскій и Чичаговъ (въ біографіи Пожарскаго) даютъ свидѣтельство, что Пожарскій съ одного раза охотно и съ радостью согласился быть военачальникомъ. Но мы имѣемъ право въ этомъ случаѣ болѣе вѣрить самому Пожарскому, чѣмъ другимъ. Въ одной грамматѣ Пожарскій говоритъ, что къ нему присылали *многажды* (Собр. Госуд. Гр и Дог. Т. II. № 281). А въ разговорѣ съ нижегородскими послами онъ говорилъ: «только бъ нынѣ такой столпъ, князь Василій Васильевичъ (Голицынъ) былъ здѣсь, и объ немъ всѣ держались; и я къ такому великому дѣлу, мимо его, не принялся; а то нынѣ меня, къ такому дѣлу, бояре и вся земля сильно *принєволили*». Акт. Экспед. II. № 210.

обязывались быть послушными ратниками, и каждый — внести пятую часть имущества. Мининъ поспѣшилъ переслать бумагу, скрѣпленную подписями гражданъ, къ князю Пожарскому, «для-того, говоритъ лѣтопись, чтобы того приговору назадъ у него не взяли» (1).

Время этихъ происшествій съ точностью опредѣлить нельзя. Нижегородскій лѣтописецъ говоритъ, что князь Пожарскій прибылъ въ Нижній-Новгородъ въ 1120 году, т.-е. ранѣе сентября 1611 года. Дѣйствительно, онъ не спѣшилъ отъѣздомъ изъ своей отчины; это подтверждается тѣмъ, что къ нему было послано изъ Нижняго другое посольство, чтобъ онъ шелъ въ Нижній не мѣшкая (2). Между-тѣмъ мы имѣемъ одну граммату, изъ которой видно, что Пожарскій былъ въ рядахъ нижегородскаго ополченія еще въ августѣ 11-го года (3).

Вѣсть о нижегородскомъ ополченіи скоро разнеслась по русскимъ городамъ, и отвсюду стали являться въ Нижній люди служилые, съ предложеніемъ своего участія въ общемъ дѣлѣ. Изъ Арзамаса пришли жители Смоленска, бѣжавшіе туда отъ литовскаго разоренія; изъ FurthermoreІрополга прибыли Дорогобужане и Вязмичи, также искавшіе безопасности вдали отъ родины, опустошенной врагами. Пріѣхавъ въ Нижній, князь Пожарскій былъ принятъ съ неописаннымъ восторгомъ; онъ охотно принималъ въ ополченіе новопришедшихъ. Прежде другихъ явились Коломенцы, Рязанцы и Украинскіе казаки. Пожарскій всѣхъ принималъ съ ласкою, давалъ впередъ жалованье, а это привлекало, въ ряды его ополченія, еще бо́льшее число охотниковъ. Скоро на службу къ нему явились князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, князь Дмитрій Петровичъ Лопата-Пожарскій, правнучатный братъ Дмитрія Михайловича (4), князь Хаванскій, князь Семенъ Прозоровскій, Плещеевъ, Михайло Дмитріевъ, Левашевъ, князь Гагаринъ, множество дѣтей боярскихъ и до 17 человѣкъ казацкихъ атамановъ и старшинъ.

Посмотримъ теперь, что̀ дѣлалось въ Москвѣ. При неопредѣленности значенія и отношеній троеначальниковъ, при различіи дарованій и интересовъ каждаго изъ нихъ, духъ партій все болѣе-и-болѣе усиливался. Непоколебимый патріотизмъ Ляпунова не могъ быть закономъ и примѣромъ для всякаго въ это смутное время, когда личныя выгоды предпочитали пользамъ отечества, когда пружиною дѣятельности другихъ вождей былъ духъ корысти и чести. Ляпунова не любили за его правоту, за его открытую борьбу со всѣмъ, что̀ было чуждо интересамъ отечества; положеніе его становилось болѣе-и-болѣе затруд-

---

(1) Лѣт. о мят. 248.

(2) Ibid.

(3) Собр. Госуд. Гр. и Дог. II. № 267.

(4) Между дѣтьми князя Өеодора Даніиловича Пожарскаго были: Өеодоръ и Иванъ Третьякъ. У Өеодора Өеодоровича былъ сынъ Тимоөей — это былъ дѣдъ Дмитрія Петровича Лопаты (отецъ его Петръ Тимоөеевичъ). У Ивана Третьяка былъ сынъ Өеодоръ, у Өеодора былъ сынъ Михаилъ, отецъ Дмитрія Михайловича Пожарскаго. См. Арцыбаш. повѣств. о Росс. III, прим. 1,612.

нительнымъ, и можно было ожидать, что злоба скоро возьметъ верхъ надъ чистотою его намѣреній, надъ благородствомъ его стремленій. Не дремалъ и коварный Гонсѣвскій, зная, чѣмъ покончится дѣло, если Ляпуновъ пріобрѣтетъ исключительное вліяніе на умы всѣхъ. Онъ хорошо понималъ отношенія между троеначальниками и призналъ лучшимъ дѣйствовать противъ Ляпунова, черезъ мятежныхъ казаковъ Заруцкаго, которые недавно хотѣли убить Ляпунова, раздраженные поступкомъ Плещеева (1). Гонсѣвскій непреминулъ воспользоваться обстоятельствами, распустилъ слухъ, что Ляпуновъ имѣетъ намѣреніе убивать казаковъ, и, наконецъ, прибѣгнулъ къ подлой хитрости. Маскѣвичъ въ подробности передаетъ извѣстіе объ участіи Гонсѣвскаго въ смерти Ляпунова. «Гонсѣвскій употребилъ слѣдующую хитрость: однажды на вылазкѣ мы поймали знатнаго боярина. Гонсѣвскій безъ всякаго милосердія объявилъ ему смерть, какъ явному измѣннику, нарушившему присягу королевичу; а между-тѣмъ тайно велѣлъ намъ склонить его ко вторичной присягѣ. Бояринъ долго не соглашался, хотя вѣрная смерть была передъ глазами; наконецъ присягнулъ. Тогда Гонсѣвскій открылъ ему за тайну, какъ надежному человѣку, будто бы имѣетъ сношеніе съ Ляпуновымъ, чрезъ коего намѣренъ дѣйствовать; и, въ доказательство того, показалъ, наединѣ, въ запертомъ покоѣ, чтобы никто не видѣлъ, вымышленное письмо, весьма-искусно поддѣланное подъ руку Ляпунова, увѣряя, что оно прислано отъ сего послѣдняго. Бояринъ, зная хорошо почеркъ Ляпунова, всему повѣрилъ и обязался клятвою доставить отъ Гонсѣвскаго отвѣтъ русскому вождю на мнимое письмо его, тайно, обѣщая передать такимъ же образомъ и другое письмо. Для лучшаго успѣха сей хитрости, мы обмѣняли боярина на своего плѣнника. Возвратясь къ своимъ, Москаль забылъ и вторую присягу; принесъ письмо не къ Ляпунову, а въ «Разрядъ» къ боярамъ, и сказалъ имъ: я своими глазами видѣлъ у Гонсѣвскаго собственноручную граммату Ляпунова; оба вмѣстѣ они куютъ на васъ ковы. Заруцкій, алчный власти, подстрекнулъ Донцовъ; тѣ бросились на Ляпунова и разнесли его на сабляхъ» (2).

Можно представить, какія слѣдствія для Москвы должна была имѣть смерть Ляпунова; патріоты проклинали убійцу, а Заруцкій съ Трубецкимъ радовались, что сбыли съ рукъ опаснаго и ненавистнаго соперника. Казаки теперь безбоязненно начали грабить и бродили цѣлыми

---

(1) Плещеевъ поймалъ 28 человѣкъ казаковъ, грабившихъ близь Угрѣшскаго-Монастыря, и бросилъ ихъ въ рѣку; но товарищи спасли ихъ и приведя въ станъ, разсказали о случившемся. Тогда казаки хотѣли убить Ляпунова, по совѣту котораго дѣйствовалъ Плещеевъ; Ляпуновъ рѣшился бѣжать въ Рязань, но казаки образумились и уговорили его остаться. Лѣт. о мят., стр. 235.

(2) Въ повѣсти Филарета (стр. 52) говорится о смерти Ляпунова согласно съ Маскѣвичемъ: «и нача (Заруцкій) напущати казаковъ на Пракофья и наряди грамоты ссыльныя съ Литвою и руку Прокофьеву подписати велѣлъ». Видно, что Гонсѣвскій дѣйствовалъ заодно съ Заруцкимъ и по его наущенію. Бояринъ Мстиславскій въ своей грамотѣ также признаетъ виновникомъ его смерти, Заруцкаго. Собр. Госуд. Гр. II. № 277, стр. 584.

шайками по окрестностямъ Москвы. Такимъ-образомъ вмѣсто уврачеванія ранъ, нанесенныхъ государству, защитники его наносили ему тягчайшія раны. Время длилось по-пустому, а между-тѣмъ Сигизмундъ послалъ къ Москвѣ новаго военачальника Ходкѣвича, съ сильнымъ отрядомъ, для усиленія слабыхъ полковъ Гонсѣвскаго. Сѣверъ Россіи терпѣлъ не менѣе бѣдъ. Новгородъ былъ вѣроломно взятъ шведскимъ генераломъ Делагарди, и присягнулъ шведскому королевичу Филиппу. Въ Псковѣ было страшное волненіе по случаю явленія новаго самозванца, волненіе, отдавшееся и въ Москвѣ. Нѣкто Исидоръ, бывшій діакономъ въ Москвѣ, бѣжалъ въ Ивангородъ, назвался Димитріемъ Царевичемъ и увѣрялъ, что онъ четыре раза былъ спасенъ Промысломъ отъ смерти. Легковѣрные дали ему присягу и отправились съ нимъ во Псковъ, гдѣ жители также присягнули ему. Тѣмъ дѣло не кончилось: изъ Пскова отправили атамана Попова въ Москву съ граматою, въ которой писали, что Дмитрій живъ и теперь во Псковѣ. Это произвело сильное волненіе въ войскѣ; ослѣпленные казаки, только чтобъ имѣть поводъ къ грабежу и новымъ насиліямъ, цаловали ему крестъ и грозили смертію тѣмъ, которые не послѣдуютъ ихъ примѣру. Присягнули Исидору и Трубецкой съ Заруцкимъ.

Разберемъ свидѣтельство о присягѣ Трубецкаго (о Заруцкомъ уже не говоримъ), чтобъ вывести дѣло наружу; одни оправдываютъ Трубецкаго, другіе его обличаютъ. Вотъ что говорится объ этомъ дѣлѣ въ посланіи троицкаго архимандрита Діонисія и келаря Палицына къ князю Пожарскому: «и боярина, князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго и дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и московскихъ жилецкихъ людей (казаки), привели ко кресту *неволею,* тако же цѣловаша крестъ по ихъ воровскому заводу, бояся отъ нихъ смертнаго убивства» (1). Между-тѣмъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій упрекаетъ князя Трубецкаго за присягу, какъ за измѣну, и видитъ въ этомъ дѣлѣ—злое намѣреніе Трубецкаго вмѣстѣ съ Заруцкимъ и казаками грабить и убивать всякихъ людей (2). Остается показаніе самого Трубецкаго. Онъ писалъ къ Пожарскому, что цаловалъ крестъ псковскому вору по ошибкѣ и недоразумѣнію, принявъ его за царевича Димитрія, что послѣ того онъ, разузнавъ дѣло и открывъ, что во Псковѣ прямой воръ—не тотъ, который былъ въ Тушинѣ и Калугѣ—что онъ отъ того вора отсталъ и умоляетъ о прощеніи ему вины (3). Еслибъ это послѣднее признаніе сдѣлано было однимъ Трубецкимъ

(1) Акт. Экспед. II. № 202. Сн. Лѣт. о Мят. 242.

(2) Акт. Экспед. II, № 203: «Да изъ-подъ Москвы князь Дмитрій Трубецкой, да Иванъ Заруцкой и атаманы и казаки къ намъ и по всѣмъ городамъ писали за своими руками, что они цаловали крестъ на томъ, что имъ вору, который нынѣ во Псковѣ, не служити; нынѣ же, позабывъ свое крестное цалованіе, цаловали крестъ вору Сидорку, имянуя его своимъ бывшимъ царемъ, хотя по своему первому злому совѣту, бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей, побити и животы разграбити.

(3) Собр. Г. Гр. и Дог. II, № 281.

мы должны были бы оставить въ сторонѣ другія свидѣтельства, и разобрать одно это. Нѣтъ! граммата была писана къ Пожарскому и отъ имени Заруцкаго и всего войска московскаго. Такимъ-образомъ Заруцкій своимъ участіемъ въ дѣлѣ раскаянія закрываетъ истинныя намѣренія Трубецкаго, съ какими онъ присягнулъ самозванцу. Трубецкой не можетъ быть оправданъ, если онъ целовалъ крестъ самозванцу по страху смерти, «боясь смертнаго убивства»; крестъ цаловали не всѣ; въ Лаврѣ оплевали бумагу Псковскаго-Вора; изъ-подъ Москвы остававшіеся вѣрными—бѣжали. Еслибъ Трубецкой былъ истиннымъ патріотомъ, онъ долженъ былъ бы положить жизнь свою, только бы не измѣнять правиламъ чести. Напротивъ, въ образѣ дѣйствій Трубецкаго всегда было замѣтно противообщественное направленіе: при Шуйскомъ онъ перешелъ изъ царской службы къ Тушинскому-Вору, и отъ него получилъ санъ боярина. Далѣе, когда тремъ военачальникамъ жители Москвы и другихъ городовъ подали челобитную, умоляя ихъ—быть въ единомысліи и любви, распредѣлить законнымъ образомъ сборы на содержаніе войска и прекратить безпорядки, господствовавшіе въ Московскомъ-Государствѣ отъ насилій и грабежей, производимыхъ казаками—эта челобитная «не люба бысть Трубецкому», такъ же какъ и Заруцкому: одинъ Ляпуновъ подписалъ ее. Это обстоятельство показываетъ, что Трубецкой раздѣлялъ образъ мыслей Заруцкаго и дѣйствовалъ съ нимъ заодно (1). Теперь при худомъ положеніи дѣлъ въ столицѣ и во всей Россіи, при самоуправствѣ и своеволіи Поляковъ, Трубецкому плоха была надежда на успѣхъ, когда силы Россіи были такъ разъединены, когда уже не разъ въ борьбѣ съ Поляками онъ встрѣчалъ неудачи. Явился самозванецъ, онъ привлекъ къ себѣ множество народа въ сѣверо-западной Руси, ему присягнуло все войско, бывшее подъ Москвою. Трубецкой могъ надѣяться, что самозванецъ возьметъ верхъ надъ Поляками, и рѣшился про-

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 277. Граммата боярина Мстиславскаго въ Ярославль 1612 года. Въ этой грамматѣ Мстиславскій и вся Московская-Дума вотъ что говорятъ о Трубецкомъ и Заруцкомъ: и нынѣ князь Дмитрій Трубецкой, да Иванъ Заруцкій съ товарищи стоятъ подъ Москвою на большое крестьянское кровопролитіе и Московскому Государству и городамъ всѣмъ на разореніе, а не на покой христіанской; и безпрестанно ѣздя по городамъ отъ нихъ изъ таборъ изъ-подъ Москвы казаки грабятъ и насилуютъ православныхъ христіанъ, и церкви Божіи разоряютъ, и проч. «И такими правители княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ, да Иваномъ Заруцкимъ съ товарищи Московскому Государству мочно ли состояться, которые вами всѣми владѣютъ и иного чего для, только для своихъ бездѣльныхъ корыстей и воровства.» Конечно нельзя вполнѣ раздѣлять образа мыслей Мстиславскаго, какъ приверженца Владиславова; самого Ляпунова въ этой грамматѣ онъ называетъ измѣнникомъ и говоритъ, что смерть его есть достойное воздаяніе за нарушеніе присяги, данной отъ него Владиславу; но истиннымъ остается въ грамматѣ то, что она ставитъ на одну доску Трубецкаго съ Заруцкимъ и видитъ единство въ образѣ ихъ дѣйствій. А Заруцкій, неумолимая голова, какъ называетъ его Жолкѣвскій, извѣстенъ, какъ атаманъ разбойниковъ, для котораго не было ничего священнаго. Всѣ свидѣтельства говорятъ это.

мѣнять плохое настоящее, на ожидаемую лучшую будущность. Опытъ, предшествовавшій выгодной службѣ у Тушинскаго-Вора порѣшилъ его сомнѣнія, если они только были въ немъ. Онъ былъ такъ усерденъ, что послалъ въ Псковъ пословъ съ поздравленіемъ самозванца.

Самое оправданіе, которое Трубецкой представлялъ послѣ Пожарскому, еще болѣе обвиняетъ его. «Я» говоритъ онъ, «не зналъ, что это новый самозванецъ: я думалъ, это тушинскій и калужскій Дмитрій!» Пожарскій выставляетъ на видъ всю глупость такого оправданія: «какъ» говоритъ онъ, «сатана ослѣпилъ ихъ очи! При нихъ калужскій ихъ царь убитъ и безъ головы лежалъ предъ всѣми цѣлые шесть недѣль, и сами же они изъ Калуги писали въ Москву и въ другіе города, что ихъ царь убитъ, и это знаютъ всѣ православные. Сами же они дали присягу—не служить Псковскому-Вору, а теперь позабыли свое крестное цалованіе» (1). Итакъ, Пожарскій правъ, когда ставитъ Трубецкаго на одну доску съ Заруцкимъ, когда цѣлью его дѣйствій поставляетъ корысть и всякія насилія. Трубецкаго хотѣли оправдать предъ нимъ Діонисій и Палицынъ, и писали ему, что Трубецкой по-неволѣ цаловалъ крестъ и живетъ въ великомъ утѣсненіи отъ казаковъ (2); но Пожарскій оставался при своемъ мнѣніи и продолжалъ винить Трубецкаго (3). Какъ же объяснить теперь извѣстія, сообщаемыя Діонисіемъ и Палицынымъ о присягѣ Трубецкаго? Видно, что Діонисію и Палицыну хотѣлось оправдать Трубецкаго: они имѣли прекрасную цѣль—установить миръ и согласіе между военачальниками, убѣдить ихъ къ единодушному дѣйствію противъ враговъ отечества: эта цѣль видна во всякомъ ихъ поступкѣ, во всякомъ посланіи. И теперь съ тою же цѣлью они закрываютъ передъ Пожарскимъ вину Трубецкаго и сваливаютъ все дѣло на казаковъ. Замѣчательно, что они ни слова не говорятъ о самомъ Заруцкомъ, и это по той же причинѣ: оправдывать Заруцкаго они уже не могли, выставлять вины его не хотѣли, потому-что онъ былъ военачальникомъ, дѣйствовавшимъ подъ стѣнами Москвы противъ враговъ ея. Онъ могъ еще исправить свою ошибку, могъ раскаяться въ своей винѣ: тогда дѣло пойдетъ успѣшно, всѣ они соединятся съ Пожарскимъ и будутъ дѣйствовать заодно.

Оправдывая Трубецкаго, Діонисій и Палицынъ присовокупляютъ, что Трубецкой *радѣетъ соединенія* съ Пожарскимъ, что онъ просилъ ихъ послать къ Пожарскому извѣстіе о своемъ желаніи соединиться

---

(1) Акт. Экспед. II, № 203. Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 287. Въ лѣтописи о мятежахъ говорится, что Трубецкой и Заруцкій писали къ Пожарскому: *прельстихомся* и потому цаловали крестъ Исидору (253). Слѣдовательно, не неволею Трубецкой приведенъ къ присягѣ.

(2) Акт. Экспед. II, № 202.

(3) Собр. Госуд. Гр. II, № 281. Акт. Эксп. II, № 203. Діонисій писалъ къ Пожарскому въ началѣ апрѣля 1612 года, а Пожарскій высказалъ свое мнѣніе о Трубецкомъ въ грамматѣ, писанной уже въ іюнѣ.

съ его ополченіемъ (1). Но это желаніе уже было высказано тогда, какъ Пожарскій усилился и жилъ въ Ярославлѣ; Трубецкой не выразилъ своего сочувствія къ благороднымъ намѣреніямъ Пожарскаго, прежде, когда только составлялось еще народное ополченіе въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ предлагалъ свои услуги, какъ увидѣлъ, что предпріятіе Пожарскаго слишкомъ-обширно и важно, и что онъ можетъ отнять у него славу военачальника. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ въ это же время рушились надежды его на псковскаго самозванца: Исидора, связаннаго, привезли въ Москву и бросили въ темницу. Послѣ этого уже писалъ Трубецкой Пожарскому повинную граммату (2). Мы увидимъ, какъ Пожарскій принялъ это посланіе и какъ онъ смотрѣлъ на Трубецкаго.

Мы оставили Пожарскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ. Войско умножалось; но денегъ на содержаніе его не доставало. Поэтому Пожарскій писалъ во всѣ города грамматы, которыми убѣждалъ жителей помочь ему деньгами и людьми и прислать выборныхъ для земскаго совѣта (3). Во всѣхъ городахъ охотно исполняли желаніе воеводы и обнаружили пламенное усердіе къ замышляемому дѣлу освобожденія отечества. Только въ Казани не хотѣли помочь общему дѣлу; дьякъ казанскій, Никаноръ Шульгинъ, радѣлъ о пользахъ Владислава и привлекъ на свою сторону нижегородскаго посланца Ивана Биркина (4). Не скоро изъ городовъ могли собраться въ Нижній люди служилые; по этому Пожарскій долгое время оставался въ Нижнемъ. Послѣ того, какъ уже изъ другихъ городовъ собрались ратники, онъ долго ждалъ ополченія изъ Казани (5). Такимъ-образомъ вся зима 11 года прошла въ приготовленіяхъ къ походу. Наконецъ, долго ждавъ и недождавшись Казанцевъ, Пожарскій двинулся изъ Нижняго уже въ февралѣ 1612 года (6).

---

(1) Акт. Экспед. II, № 202.

(2) Лѣт. о Мят. 253. «И того вора поимавъ, поведоша его подъ Москву скована... въ тожъ время пріидоша изъ подъ Москвы посланцы отъ князь Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, да отъ Ивана Заруцкаго, и писаху ко князю Дмитрію Михайловичу, что подъ Москвою прельстихомся и пр. Псковск. Лѣт. подъ 1612 г. «Мая 20 вора поймали и посадили въ тюрьму во Псковѣ.» Трубецкой писалъ къ Пожарскому іюня 6-го. Собр. Гос. Гр. II, № 281.

(3) Акт. Эксп. II, № 201.

(4) Лѣт. о Мятеж. 250, 257. Акт. Эксп. II, № 201.

(5) Лѣтоп. о Мят. 252. Акт. Эксп. II, № 201. Въ грамматѣ упоминается и Биркинъ. Видна въ Лѣтописи о мятежахъ ошибка, когда въ ней говорится (257), что Биркинъ съ передовыми отрядами изъ Казани пришелъ уже въ то время, какъ Пожарскій былъ въ *Ярославлѣ*. Граммата Акт. Эксп., писанная еще изъ *Нижняго-Новгорода*, свидѣтельствуетъ, что передовые отряды изъ Казани уже пришли, и что въ Нижнемъ былъ въ это время Биркинъ

(6) Маскѣвичъ, 114. «26 января пустились мы изъ Рогачева въ хлѣбороднѣйшія области: панъ гетманъ (Ходкѣвичъ) шелъ съ нами нѣсколько миль, потомъ разлучился и сталъ въ Ѳедоровскомъ, въ 20 миляхъ отъ Москвы». Слич. Палицына, 228. «Гетманъ же Ходкѣвичъ, услышавъ многое собраніе россійскаго воинства (въ Нижнемъ) отъиде отъ Москвы къ Волоколамскому. А отъ князя Дмитрія Михайловича передовые люди отъ Нижняго въ Ярославль и на Кострому пріидоша.

Извѣстія о сильномъ нижегородскомъ ополченіи встревожили Гонсѣвскаго. Онъ хотѣлъ разрушить намѣренія Пожарскаго, и не имѣя возможности своими слабыми средствами остановить походъ, придумалъ дѣйствовать черезъ патріарха. Онъ зналъ, какъ сильно вліяніе патріарха на умы народа и послалъ къ нему измѣнниковъ, убѣждать его, чтобъ онъ запретилъ Пожарскому идти къ Москвѣ. Томившійся въ неволѣ на Кирилловскомъ-Подворьѣ, страдалецъ за отечество, необоримый и твердый, патріархъ Гермогенъ отвергъ безумную просьбу враговъ и отвѣчалъ посланнымъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго Государства, а вы, окаянные измѣнники, будьте прокляты». Такая ревность стоила святителю жизни; озлобленные Поляки велѣли уморить его голодомъ, и онъ скончался 17-го Февраля 1612 года.

Не одни Поляки негодовали на составъ народнаго ополченія въ Нижнемъ: самъ Заруцкій косо смотрѣлъ на предпріятіе Пожарскаго. Онъ видѣлъ, что Пожарскій не сойдется съ нимъ въ образѣ мыслей и дѣйствій, что онъ положитъ конецъ его своеволію, и рѣшился повредить дѣлу. Онъ отправилъ отрядъ казаковъ въ Ярославль, дабы воспрепятствовать соединенію полковъ, прибывающихъ изъ другихъ городовъ на это сборное мѣсто. Туда же шелъ и Просовѣцкій съ цѣлію занять Ярославль и другіе города. Узнавъ объ этомъ, Пожарскій отправилъ противъ злоумышленниковъ князя Лопату-Пожарскаго съ войскомъ. Лопата пришелъ въ Ярославль прежде, нежели Просовѣцкій успѣлъ соединиться тамъ съ казаками Заруцкаго, и захвативъ ихъ посадилъ въ тюрьму. Это разрушило намѣреніе Просовѣцкаго, и онъ воротился съ дороги.

Между-тѣмъ въ городахъ, лежавшихъ на пути къ Ярославлю, Пожарскаго встрѣчали съ неописаннымъ восторгомъ. Жители Балахны и Юрьевца умножили его казну и войско. Въ Плесѣ ему сказали, что воевода костромскій Иванъ Шереметевъ не хочетъ принять его въ городъ (1). Пожарскій поспѣшилъ къ Костромѣ и узналъ, что тамъ сильное смятеніе: не всѣ Костромичи были на сторонѣ Шереметева; партія благомыслящихъ одолѣла измѣнниковъ; Шереметева едва не убили, и онъ обязанъ своею жизнью князю Пожарскому, который спасъ его отъ ярости народа. По просьбѣ Костромичей, Пожарскій далъ имъ новаго воеводу, князя Гагарина. Въ Кострому явились къ нему Суздальцы, съ прошеніемъ помощи противъ шайки Просовѣцкаго, угрожавшей самому ихъ городу: Пожарскій отправилъ къ нимъ отрядъ съ своимъ братомъ Лопатою. Провождаемый благословеніями народа, Дмитрій Михайловичъ прибылъ, наконецъ, въ Ярославль. Жители встрѣтили его съ дарами, но онъ отказался отъ нихъ.

Въ Ярославлѣ Пожарскій простоялъ болѣе полугода. Эта медлительность была многимъ не по-сердцу. Москва была въ жалкомъ положе-

---

(1) Шереметевъ такъ хотѣлъ поступить вѣроятно въ-слѣдствіе грамматы, присланной къ нему отъ Милославскаго и Московской-Боярской-Думы. Собр. Госуд. Грамм. и Догов. II, № 276.

ніи, народъ только и жилъ надеждою на скорую помощь изъ Ярославля; но Пожарскій не двигался. Современники и позднѣйшіе писатели винили Пожарскаго за эту медленность, говорили, что онъ пируетъ въ Ярославлѣ (1). Но это вовсе несправедливо. Не въ духѣ Пожарскаго было предаваться увеселеніямъ на-счетъ бѣдствующаго отечества и предпочитать свое спокойствіе общей пользѣ. Нельзя ему было, послѣ столькихъ неудачныхъ опытовъ борьбы Русскихъ съ Поляками, въ-попыхахъ бѣжать съ новонабраннымъ ополченіемъ подъ Москву. Препятствія, останавливавшія его въ Ярославлѣ, были слишкомъ-серьёзны. Онъ самъ хорошо понималъ всю важность быстроты дѣйствій въ настоящее время, и вотъ что говоритъ онъ въ одномъ посланіи: «И вамъ бы, господа, вологодскимъ дворяномъ нынѣ идти на литовскихъ людей всѣмъ *вскорѣ*, чтобы литовскіе люди Московскому Государству конечныя гибели не навели; а токмо надъ Литовскими людьми поискъ чинити, не учнемъ, и *вскорѣ* на нихъ не пойдемъ, а нашимъ будетъ нерадѣньемъ учинится конечное разоренье Московскому Государству, который отвѣтъ дадимъ въ страшный день суда Христова (2).

Видно, что не пирушки задерживали Пожарскаго въ Ярославлѣ. Его задерживала, во-первыхъ, присяга Трубецкаго, Заруцкаго и всего войска московскаго псковскому самозванцу. Присяга дана была 2-го марта (3). Уже будучи въ Ярославлѣ узналъ объ этомъ князь Пожарскій вѣроятно въ первыхъ же числахъ марта. Это извѣстіе и остановило его походъ, какъ самъ онъ говорилъ въ одной грамматѣ: «И собрався азъ Князь Дмитрій совсѣми ратными людьми, пришелъ въ Ярославль; изъ Ярославля хотѣли со всѣми людьми идти подъ Москву, и писали къ намъ изъ-подъ Москвы бояре Князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій и атаманы и казаки, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе и умысля воровствомъ, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ, именуя его Дмитріемъ... Мы же, видя злое начинаніе Ивана Заруцкаго и атамановъ и казаковъ, подъ Москву не пошли» (4).

Дѣйствительно, это было *злое начинаніе:* слѣдствія присяги были очень-гибельны. Казаки цѣлыми отрядами броеились изъ Москвы по окрестнымъ городамъ ратовать во имя новаго царя Дмитрія. Причина для ихъ злодѣйствъ была теперь, по ихъ мнѣнію, благовидная: взять съ жителей присягу въ пользу мнимаго Димитрія. Не встрѣчая сопротивленія въ жителяхъ, они причиняли имъ всякія насилія, грабили и жгли селенія, совершали убійства. А обыкновеннымъ, всегдашнимъ по-

---

(1) Палицынъ 230 и 231. «Въ Ярославлѣ же стояша и войско учреждающе (т. е. угощая) и сладость мнящимъ вседневное насыщеніе... и видѣ ласкателей и трапезолюбителей. Малиновскій (Біогр. Пожарскаго, стр. 48—49) думаетъ, что въ свободныхъ разговорахъ на пирахъ Пожарскій извѣдывалъ мысли и расположенія воеводъ своихъ. Берхъ (Царст. Мих. Ѳеод. 78) признаетъ непонятною загадкою медленность Пожарскаго.
(2) Акт. Экс. II, № 201.
(3) Акты Экспед. II, № 202.
(4) Собр. Гос. Гр. и Догов. II, № 281.

бужденіемъ къ грабежамъ была ихъ бѣдность, до которой довелъ ихъ Заруцкій. «Иванъ Заруцкій казну себѣ поймалъ» сказано въ одной грамматѣ, «а ратнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и атаманамъ и казакамъ не давалъ. И всчали въ полкѣхъ по дорогамъ многіе грабежи и убійства» (1). Несчастные жители городовъ обратились съ прошеніемъ помощи къ Пожарскому, и онъ отправилъ отряды въ Суздаль, Угличъ, Кашинъ, Владиміръ, Ростовъ, Устюжну, Тверь, Пошехонь, Касимовъ и въ Троицкую-Лавру (2). Въ Переяславлѣ злодѣйствовалъ самъ Заруцкій, и сюда послали изъ Ярославля войско подъ начальствомъ Наумова. Много, конечно, нужно было времени для очищенія всѣхъ этихъ мѣстъ отъ непріятелей. Лѣтописецъ именно это обстоятельство считаетъ причиною медленности похода Пожарскаго: «Походъ же ихъ замѣшкался, и пріиде же въ то время рать Черкасовъ и ста въ Антоньевѣ-Монастырѣ, и казаки стояху на Угличѣ. Князь Димитрій Михайловичъ и Козма вздумаша на Черкасовъ и на казаковъ послати рать» (3). Три мѣсяца прошло въ этихъ движеніяхъ и въ іюнѣ Пожарскій все-еще не былъ спокоенъ: въ городахъ отдаленныхъ еще происходило движеніе въ пользу самозванца, и онъ долженъ былъ умолять жителей Путивля и другихъ городовъ отстать отъ Псковскаго-Вора (4).

Такимъ-образомъ предполагаемое соединеніе войскъ Пожарскаго съ войсками Заруцкаго и Трубецкаго не могло состояться, какъ сперва желалъ того Пожарскій. Нужно было выжидать перемѣны обстоятельствъ, чтобъ продолжать начатое движеніе къ болящему сердцу Россіи. Заруцкій поставилъ себя въ прямое непріязненное отношеніе къ Пожарскому, и на этого союзника не было уже никакой надежды. Плоха была надежда и на Трубецкаго. Вскорѣ послѣ присяги, данной имъ Псковскому-Вору, онъ посылалъ въ Троицкій-Монастырь Михайла, да Никиту Пушкиныхъ, просить архимандрита Діонисія, чтобы тотъ послалъ отъ себя къ Пожарскому, и просилъ его идти къ Москвѣ на соединеніе съ его полками. Замѣтимъ, что Трубецкой не обратился къ самому Пожарскому, сознавая неправоту своего дѣла и опасаясь его справедливаго гнѣва. Пожарскій не принялъ ходатайства Діонисія и не хотѣлъ вѣрить, чтобъ Трубецкой присягнулъ неволею. Уже послѣ того, какъ онъ получилъ посланіе изъ Лавры, онъ писалъ къ Вычегодцамъ (7-го апрѣля), что Трубецкой вмѣстѣ съ Заруцкимъ рѣшились на злопагубную бѣду и конечное отпаденіе отъ всѣхъ православныхъ христіанъ, цаловали крестъ вору Сидорку (5). Онъ не раздѣлялъ дѣйствій и намѣреній обоихъ военачальниковъ, и о Трубецкомъ выражался такъ же, какъ и о Заруцкомъ. Не однимъ посланіемъ, но и самымъ дѣломъ доказалъ онъ, что не могъ скоро разувѣриться въ вѣро-

---

(1) Собр. Грам., Т. V., 281.
(2) Тамъ же.
(3) Лѣт. о мятеж., 255—256.
(4) Собр. Грамм., V, 281.
(5) Акт. Эксп., II. № 203.

ломствѣ Трубецкаго. Архимандритъ Діонисій, по просьбѣ Пушкиныхъ, послалъ въ Ярославль старцевъ Макарія Куровскаго и Иларіона Бровцына со многимъ молебнымъ писаніемъ, чтобъ онъ шелъ къ Москвѣ не мѣшкая. Между-прочимъ писалъ Діонисій: «Бога ради, государи, положите подвигъ свой воедино избранное мѣсто, на благоизбранной земской совѣтъ: сами вѣсте, что ко всякому дѣлу едино время належитъ, безвременное же всякому дѣлу начинанье суетно и бездѣльно бываетъ; хотя будетъ и есть у васъ которые *недоволы*, Бога ради, отложите то время, чтобъ намъ всѣмъ положити о Государѣ, кого намъ дастъ въ Троицѣ славимый Христосъ Богъ нашъ, покамѣста въ междоусобіи и несовѣтѣ злые заводцы и ругатели достальнымъ намъ православнымъ христіаномъ порухи не учинили. Пишемъ вамъ о подвигѣ на спѣхъ потому, чтобъ тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, *розныю* своею не потеряли большаго каменнаго города и остроговъ и наряду» (1). Однакожь, это трогательное посланіе князь Пожарскій, какъ говоритъ Палицынъ, «въ презрѣніе положи» (2). Безъ-сомнѣнія, это сдѣлано не изъ неуваженія къ Діонисію, но по недовѣрчивости къ Трубецкому, за котораго хлопоталъ Діонисій, и по другимъ важнымъ причинамъ, задерживавшимъ Пожарскаго въ Ярославлѣ. Безуспѣшно было и другое, послѣдовавшее за первымъ, посольство изъ Лавры.

Палицынъ и современный лѣтописецъ свидѣтельствуютъ, что между воеводами нижегородскаго ополченія была смута велія, что Пожарскій «косно и медленно о шествіи промышляше нѣкоихъ ради междоусобныхъ смутныхъ словесъ»; что для прекращенія смуты вызвали изъ Лавры ростовскаго митрополита Кирилла, который «прибывъ въ Ярославль, и люди Божіи укрѣпляше, и которая ссора учинится у начальниковъ, и начальники во всемъ докладываху ему» (3). Нельзя думать, чтобъ эти смуты возникли вслѣдствіе честолюбія Пожарскаго, вслѣдствіе неуваженія его къ другимъ военачальникамъ, служившимъ подъ его начальствомъ. Изъ мѣста, которое занимаетъ подпись Пожарскаго подъ одною грамматою того времени, можно видѣть, что Пожарскій не былъ зараженъ духомъ преобладанія надъ своими товарищами. Выше его подписались девять человѣкъ: Морозовъ, Долгорукій, Головинъ, Одоевскій и другіе (4). А лѣтописецъ неоднократно говоритъ о его ласковомъ обхожденіи съ бывшими у него на службѣ. Итакъ, что это за смута? Изъ-за чего она поднялась? Лѣтописецъ говоритъ, что Заруцкій имѣлъ свою партію въ Ярославлѣ, что тамъ въ службѣ у князя были его *совѣтники* (5). Безъ-сомнѣнія они сѣяли сѣмена раздоровъ въ войскѣ и между воеводами возбуждали недо-

---

(1) Ibid. № 202.
(2) Палиц. 230.
(3) Палиц. 231. Лѣт. о мят., 260.
(4) Акт. Эксп. II. № 203.
(5) Лѣт. о мят., 262.

вольство Пожарскимъ (1), распускали слухи, что онъ домогается послѣ быть царемъ (2) и, такимъ-образомъ, доводили начальниковъ до ссоры, которую не могъ умирить самъ Пожарскій, но долженъ былъ вызвать для этого ростовскаго митрополита. Такъ объясняются слова лѣтописи: «бысть въ начальникахъ въ Ярославлѣ и во всѣхъ людехъ «смута велія, прибѣгнути нѣхкому и разсудити ихъ нѣкому» (3). Партія Заруцкаго была послѣ открыта.

Во-вторыхъ. По-необходимости долгое, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, пребываніе Пожарскаго въ Ярославлѣ имѣло ту невыгоду, что сумма, собранная на содержаніе войска, была истрачена, и не съ чѣмъ было идти подъ Москву. Такъ одна бѣда влекла за собою другую. Лѣтописецъ говоритъ, что по приходѣ Пожарскаго въ Ярославль, денегъ въ казнѣ было много, и Пожарскій вовсе не думалъ тратить ихъ попапрасну, а тотчасъ же сбирался въ Москву: «къ нимъ же начаша изъ «городовъ пріѣзжати многіе ратные люди, посадскіе люди привозити «на помощь денежную казну, и хотяху идти подъ Москву вскорѣ, но «походъ ихъ замѣшкался» (4) отъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, казна истощилась, и вотъ что писалъ объ этомъ Пожарскій еще въ апрѣлѣ, отъ 7-го числа, къ Вычегодцамъ: «и нынѣ, господа, изо всѣхъ «городовъ пріѣзжаютъ къ намъ стольники, и стряпчіе, и дворяне, и «дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, а бьютъ челомъ всей землѣ о «денежномъ жалованьѣ, а дати имъ нечего» (5). Но денегъ, однакожь, все-еще недоставало; Пожарскій обратился къ Цезарю Римскому съ просьбою, чтобъ онъ помогъ ему деньгами при послѣднихъ усиліяхъ его для спасенія отечества (6).

Въ-третьихъ. Между-тѣмъ, какъ Пожарскій очищалъ города отъ Ляховъ и казаковъ, ему представилась новая опасность отъ Шведовъ, покорившихъ Новгородъ и взявшихъ съ его жителей присягу въ пользу королевича Филиппа. Лѣтописецъ ясно свидѣтельствуетъ, что и это дѣло остановило походъ Пожарскаго: «а отъ Новгорода же *оберегахуся*, что при- «доша Нѣмцы и сташа на Тихвинѣ. Князь же Дмитрій Михайловичъ

---

(1) Намекъ на это есть въ посланіи Діонисія: «хотя будетъ и есть у васъ, которые *недоволы*, Бога ради отложите то время, чтобъ намъ всѣмъ во единомъ совѣтѣ положити о государѣ, кого вамъ дастъ Богъ.» Акт. Эксп. II. № 202. Палицынъ (231) говоритъ, что причиною смутъ были немногіе люди, которые дѣйствовали на воеводъ и все войско: «и видя мятежниковъ и ласкателей, воздвижущихъ гнѣвъ великъ и сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ.» Конечно, это были *совѣтники* Заруцкаго, о которыхъ говоритъ Лѣтопись.

(2) См. Сыскное дѣло о спорѣ межев. судей въ «Чтен. Общ. Истор. 1848. № 7.

(3) Лѣт. о мят. 260. Палиц. 231.

(4) Тамъ же, 255.

(5) Акт. Эксп. II. № 203. in fin. Пожарскій говоритъ здѣсь, что одна нижегородская казна истрачена; но и послѣ того Пожарскій получалъ большія суммы. Лѣт. о мят., 255. «Костромичи же ихъ проводиша съ великою радостію, и даша имъ подмогу *многую казну*.

(6) Schreiben d. Fürsten Dm. Mich. Posharsky an d. Römischen Kaiser Matthias aus d. Jaroslaw d. 20 Juni 1612. Издан. Аделунга. Спб., 1840.

«и Кузма начаша думати со всею ратью, и со властьми и съ посад-«скими людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе, и вздумаша «въ Великій Новгородъ послати пословъ» (1). Лѣтописецъ обозначаетъ и цѣль этихъ распоряженій Пожарскаго: «и писаху къ нимъ (къ «Шведамъ) для того и посылаху, какъ пойдутъ подъ Москву, на очи-«щеніе Московскаго Государства, чтобъ Нѣмцы не пошли воевать въ «поморскіе городы»; и въ другомъ мѣстѣ: «чтобъ не помѣшали нѣмецкіе люди идти на очищеніе Московскаго Государства» (2). Итакъ въ Новгородъ отправили изъ Ярославля Степана Татищева съ грамматами къ митрополиту Исидору, къ воеводѣ Одоевскому и къ Делагарди. Одоевскому и митрополиту Пожарскій писалъ, чтобъ они извѣстили его о положеніи дѣлъ въ Новгородѣ и о силѣ договора съ Делагарди; онъ обѣщался, когда обстоятельно узнаетъ все дѣло, послать отъ всей земли пословъ въ Швецію и просить королевича на престолъ русскій. А Делагарди извѣщали только, что послали къ митрополиту и Одоевскому граммату о государственныхъ дѣлахъ, и требовали отъ него охранныхъ листовъ для проѣзда своихъ упономоченныхъ (3). 12-го мая Татищевъ явился въ Новгородъ и 19-го отпущенъ съ отвѣтными грамматами, при которыхъ была послана копія съ договора, заключеннаго Новгородомъ съ Делагарди. При докладѣ Татищевъ замѣтилъ Пожарскому, что отъ Новгорода добра ждать нечего (4). Во второй половинѣ іюня явились въ Ярославль и послы новгородскіе, вяжецкій игуменъ Геннадій и князь Оболенскій (5). Они сообщили вѣсть, что по смерти Карла IX, короля шведскаго, недавно случившейся, вступилъ на престолъ сынъ его Густавъ-Адольфъ, и что братъ его Филиппъ ѣдетъ въ Новгородъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предложили Пожарскому вступить въ союзъ съ Новгородомъ и соединиться подъ властію королевича Филиппа. Пожарскій замѣтилъ посламъ: «быть съ Новгородомъ въ соединеньи мы не «прочь, но только мы уже *искусились*, извѣдали опытомъ, что нена-«дежно полагаться на государей иноземныхъ. Сигизмундъ хотѣлъ «дать на престолъ сына своего, манилъ съ годъ, и не далъ; а теперь, «вы знаете, что дѣлаютъ Ляхи съ Московскимъ Государствомъ. Такъ «точно и шведскій король обѣщался скоро отпустить своего сына на «Новгородское Государство, и вотъ уже скоро годъ, а королевичъ въ «Новгородѣ все-еще не бывалъ.» Оболенскій сказалъ на это, что королевичъ былъ уже на дорогѣ въ Новгородъ, но долженъ былъ воротиться вслѣдствіе полученнаго извѣстія о смерти отца; что, послѣ-того

---

(1) Никон. Лѣт., VIII. 180. Лѣт. о мят., 256.
(2) Лѣт. о Мят. 256—257. Ник. Лѣт., 184.
(3) Акт. Эксп, II. № 208.
(4) Собр. Гос. Гр. и Дог. II. № 278—279. Лѣт. о мят., 257. Татищевъ пріѣхалъ въ Ярославль 1-го іюня. Собр. Г. Гр., II. № 282.
(5) Время ихъ пребыванія въ Ярославлѣ опредѣляется изъ слѣдующихъ словъ ихъ: «а чаемъ подлинно, что королевичъ пришелъ на Ивань-день (24-го іюня) въ Выборъ (Выборгъ), или, кончае, на Петровъ-день будетъ.» Акт. Экс., II. № 210.

онъ замедлилъ по случаю войны Густава съ Даніею. Пожарскій сказалъ: «Пожалуй, мы ради соединиться съ Новгородомъ, только съ условіемъ, чтобъ королевичъ непремѣнно принялъ греческую вѣру. Тогда «мы пошлемъ въ Новгородъ пословъ для переговоровъ о соединеніи. А «теперь въ Швецію пословъ посылать не станемъ: съ ними, пожалуй, «то же сдѣлаютъ, что съ Васильемъ Голицынымъ въ Польшѣ. Еслибъ «былъ теперь такой столпъ, какъ Василій Голицынъ, то за него бы всѣ держались, и я, мимо его, не взялся бы за такое великое дѣло.» Въ-заключеніе Пожарскій повторилъ, что пословъ въ Швецію онъ не пошлетъ, и государя неправославной вѣры на государство взять не согласенъ (1). Почти черезъ мѣсяцъ послѣ этой аудіенціи, 26 іюля, изъ Ярославля отправили въ Новгородъ новаго посла Сѣкерина съ грамматою, въ которой писали одними общими мѣстами, вовсе не искренно. Между прочимъ здѣсь Пожарскій повторялъ то же, что говорилъ и посламъ, именно, что пословъ въ Швецію посылать онъ не намѣренъ: «а нынѣ мы пословъ не послали для-того, что королевичъ въ своей «землѣ, и мы о томъ опасаемся, не такъ бы надъ ними учинилось, что «литовскій король, преступя крестное цѣлованье, Ростовскаго Митро- «полита Филарета, да пословъ князя Василья Васильевича Голицына «съ товарищи въ заточенье послалъ». Далѣе въ грамматѣ поставляется на-видъ и то, что королевичъ долго не ѣдетъ въ Новгородъ, и дѣлается намёкъ, что въ случаѣ замедленія его можно будетъ отказаться отъ присяги, ему данной: «и буде, господа, королевичъ, по ва- «шему прошенью васъ не пожалуетъ, и по договору въ Великій-Нов- «городъ нынѣшнего 120 году по *лѣтнему пути* не будетъ, и во всѣхъ «городахъ о томъ всякіе люди будутъ въ сомнѣньи, а намъ безъ го- «сударя быти невозможно; сами вѣдаете, что такому великому государ- «ству безъ государя долго стоять нельзя». Наконецъ, изъ грамматы можно угадать и самую цѣль сношеній Пожарскаго съ Новгородомъ, которую ясно обозначилъ лѣтописецъ: «А покамѣста, королевичъ Кар- «ло-Филиппъ будетъ въ великій Новгородъ, и до тѣхъ бы мѣстъ Нов- «городскаго Государства всѣхъ чиновъ людемъ съ нами быти въ люб- «ви и совѣтѣ *и войны бы намъ межь себя не вчинати*, и городовъ и «уѣздовъ Московскаго Государства къ Новгородскому Государству не «подводити, *и людей ко кресту не приводити*» (2). Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Секѣрина послали съ этою грамматою для того, «*чтобы не «помышали нѣмецкіе люди* (Шведы) *идти на очищеніе Московскаго Госу- «дарства. А того у нихъ и въ думѣ не было, чтобы взять на Московское «Государство иноземца*, а избрали на Всероссійское Государство изъ «московскихъ родовъ государя» (3).

Что дѣйствительно цѣлью сношеній Пожарскаго съ Новгородомъ и

---

(1) Акт. Эксп., II. № 210.

(2) Дополн. къ Актамъ Истор., т. I, N 164.

(3) Ник. Лѣт., т. VIII, стр. 184, 185. Лѣт. о мят., стр. 261. Въ послѣдней ошибка въ цитованномъ мѣстѣ: вмѣсто, *не помышкали*, надо читать: *не помышали*; вмѣсто: *на обращеніе*, читай: *на очищеніе*.

съ Делагарди было—обезопасить себя со стороны Шведовъ, и что Пожарскій не думалъ объ избраніи шведскаго королевича на престолъ, на это можно привести ясныя доказательства. Если вникнуть пристально въ ходъ дѣла, можно видѣть, какое слабое участіе принималъ Пожарскій въ дѣлѣ присяги Новгородцевъ, какъ онъ старался даже разрѣшить ихъ отъ этой присяги. Сперва онъ писалъ въ Новгородъ, что пошлетъ пословъ въ Швецію; потомъ вдругъ рѣшительно отказывается подъ благовиднымъ предлогомъ, отъ своего обѣщанія. Въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Оболенскому на аудіенціи, онъ высказался еще яснѣе, возбуждалъ въ Новгородцахъ недовѣріе къ Филиппу, намекалъ на опасность, какой можетъ подвергнуться православіе отъ государя не греческой вѣры, и этимъ ослабилъ приверженность пословъ Новгородскихъ къ пользамъ Швеціи (1). Посольство Секѣрина рѣзче выставляетъ намѣренія Пожарскаго. Онъ писалъ съ нимъ, чтобъ въ Новгородѣ погодили даже продолжать присягу королевичу, что ждать королевича больше не слѣдуетъ, когда онъ такъ долго медлитъ и не является въ Новгородъ. Между-тѣмъ, черезъ это союзъ съ Новгородомъ не нарушался, Новгородъ не долженъ былъ вести себя непріязненно съ Московскимъ Государствомъ. О переговорахъ своихъ съ Новгородомъ, Пожарскій писалъ въ города русскіе, и тутъ уже не притворно, искренно выразилъ свои отношенія къ Швеціи. Извѣщая о посольствѣ изъ Новгорода и о цѣли посольства, онъ проситъ прислать къ нему изъ городовъ выборныхъ, для общаго земскаго совѣта; по связи и ходу рѣчи должно было бы ожидать, что эти выборные нужны для рѣшенія дѣла въ пользу шведскаго королевича, но Пожарскій пишетъ совсѣмъ иное: «И вамъ бы, господа, прислати къ намъ для общаго земскаго совѣта, изо всякихъ чиновъ человѣка по два и по три, какъ намъ противъ враговъ общихъ польскихъ и литовскихъ людей стоять, и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть, *и выбрати бы намъ государя* всею землею, *кого милосердый Богъ дастъ* (2). Пожарскій, до конца, удачно выдержалъ свою трудную роль въ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Въ августѣ изъ Новгорода послали въ Москву пословъ для окончательнаго рѣшенія дѣла, о избраніи королевича на престолъ русскій; превозносили до небесъ Филиппа; говорили, что онъ «въ страсѣ Божіемъ возращенъ, ко всякой храбрости и смиренію навыченъ, и отъ Бога великимъ разумомъ одарованъ»; увѣряли; что избраніе его на престолъ положитъ конецъ бѣдствіямъ, какія терпитъ Россія отъ Поляковъ (3). Но Пожарскій успѣлъ и безъ Филиппа до-

(1) Акты Эксп., т. II № 210. «И новгородскіе посланные—князь Өеодоръ Оболенскій съ товарищи говорили: только Карло Королевичъ не хотѣть быть въ православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона, нетокмо съ вами, бояры и воеводы, и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ; хотя вы насъ и подадите, и мы одни за истинную вѣру хотимъ померетъ, а не нашія, не Греческія, вѣры на государство не хотимъ.»

(2) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. II, № 281.

(3) Ibid, № 284.

стичь своей цѣли, и однакожь продолжалъ хитрить передъ Шведами— подавалъ Филиппу надежду на занятіе престола русскаго. Послѣ, когда Москва была уже освобождена отъ Поляковъ, онъ не забылъ, что, избавившись отъ однихъ враговъ — можетъ имѣть еще другихъ, въ самихъ Шведахъ, и вотъ что писалъ въ Новгородъ къ митрополиту въ ноябрѣ 12-го года: «а что ты, великій господинъ, писалъ къ намъ, боярамъ и воеводамъ и ко всей землѣ, чтобъ Московскому государству быти съ вами подъ единымъ кровомъ государя королевича Карлуса-Филиппа Карлусовича, и намъ нынѣ такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, *не обослався и не учиня совѣту и договору* съ Казанскимъ, и съ Астраханскимъ, и съ Сибирскимъ, и съ Нижегородскимъ государствы, и со всѣми городы Россійскаго Царствія, со всякими людьми отъ мала до велика, *однимъ учинити нельзя*». Въ грамматѣ видимъ и причину, для чего Пожарскій продолжалъ сношенія съ Новгородомъ, когда дѣла съ Поляками въ Москвѣ были уже покончены: «и тебѣ бъ, Якову Понтусовичу (Делагарди) совѣтовати, чтобъ ему съ нами и со всѣмъ Московскимъ государствомъ быти въ любви, и Московскаго государства въ городы, которые сошлись съ Новгородскимъ уѣздомъ, ратныхъ людей своихъ не посылати и тѣсноты ни которыя и обидъ чинити не велѣти жъ, и никакихъ задоровъ не вчинати, чтобъ отъ того межъ нами доброму дѣлу поруха не учинилась» (1). Пожарскому отъ души вѣрили въ Новгородѣ: Делагарди посылалъ свои отряды въ уѣзды: Торжковскій, Тверской, Устюжской и Бѣлозерскій, и дѣйствовалъ противъ Поляковъ, опустошавшихъ эти уѣзды (2).

Доказательствомъ, что Пожарскій мало радѣлъ о пользахъ королевича шведскаго, служитъ и то, что онъ въ то же время имѣлъ сношенія съ Австріею по подобнымъ дѣламъ. Изъ Персіи, черезъ Ярославль, возвращался посолъ цесарскій, Іосифъ Грегори. Пожарскій на аудіенціи разсуждалъ съ нимъ о бѣдственномъ положеніи своего отечества, о враждебныхъ дѣйствіяхъ короля польскаго, и о трудности въ безгосударное время прекратить на Руси кровопролитіе. Грегори предложилъ Пожарскому: не хотятъ ли Русскіе выбрать на престолъ Максимиліана, брата цезаря Матѳія (3), и обѣщалъ, что это послужитъ къ совершенному прекращенію бѣдствій Россіи. Пожарскій согласился, и отправилъ съ Грегори своего посла Еремея Еремеева съ письмомъ къ цезарю, въ которомъ писалъ, чтобъ цезарь помогъ ему деньгами и просилъ короля польскаго прекратить непріятельскія дѣйствія въ Россіи (4). Узнавъ о желаніи Русскихъ, Матвѣй съ радостью

---

(1) Дополн. къ Актамъ Истор., т. I, № 166.
(2) Ibid.
(3) А не Рудольфа, который умеръ еще въ декабрѣ 1611 года. Древн. Росс. Вивліоѳ., т. V, стр. 76.
(4) Schreiben d. Fürst. Dm. Mich. Poscharsky an d. Röm. Kajser Matthias aus d. Jaroslaw d. 20 Juni 1612. Изд. Аделунгомъ. Санктпетербургъ. 1840. Еремеевъ отправленъ 20 іюня, и пріѣхалъ въ октябрѣ къ мѣсту своего назначенія. См. Акты Ист., т. III, № 6.

предложилъ Максимиліану отправиться въ Россію и занять престолъ; но старый Максимиліанъ рѣшительно отказался отъ предлагаемой ему короны. Тогда Матвѣй отправилъ въ Россію Грегори, съ предложеніемъ, избрать царемъ одного изъ его племянниковъ (1). Но въ Россіи въ это время уже все перемѣнилось. Грегори пріѣхалъ въ Москву уже по вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича (2), и открылъ царю исторію сношеній Пожарскаго съ Цезаремъ. Въ Москвѣ объясняли это такъ, что «Пожарскій о томъ приказывалъ съ Юсуфомъ безъ совѣту всей земли», или что даже Юсуфъ, или Еремеевъ, затѣяли это дѣло сами-собою «хотячи у цезарскаго величества жалованье какое выманить» (3). Но послѣднее объясненіе не вѣрно. Пожарскій дѣйствительно имѣлъ сношеніе съ Матвѣемъ, и прислалъ къ нему съ Еремеевымъ граммату за подписью 24-хъ человѣкъ (4). Но то справедливо, что Пожарскій затѣялъ это дѣло безъ совѣта всей земли, и это служитъ для него не обвиненіемъ, но хорошимъ объясненіемъ его намѣреній. Думные бояре временъ Михаила Ѳеодоровича въ наказѣ посламъ, отправлявшимся къ Цезарю, правду говорили, «что и въ мысли Московскаго Государства бояръ и воеводъ и у всякихъ людей всего великаго Россійскаго Царствія того не бывало, что было изъ иныхъ государствъ не греческія вѣры Государя обирати» (5). Такъ мыслилъ и самъ Пожарскій; лѣтописецъ прямо свидѣтельствуетъ, что у Пожарскаго «того и въ думѣ не было, чтобъ взять на Московское Государство иноземца» (6). Не сносясь со всею землею, Пожарскій не предпринималъ никакого важнаго дѣла: онъ писалъ въ города русскіе грамматы о дѣлахъ съ Швеціею, а о сношеніяхъ съ Австріею онъ никогда и не думалъ извѣщать, не потому, чтобы онъ дѣйствительно таилъ въ душѣ замыселъ объ избраніи одного изъ членовъ габсбургскаго дома на престолъ русскій, но потому, чтобы не противорѣчить себѣ, еслибъ онъ сталъ писать по всѣмъ городамъ, что предлагаетъ престолъ въ одно время двумъ царственнымъ особамъ. Въ этомъ слу-

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 15.

(2) Древ. Росс. Вивліоѳ., т. V, стр. 73. «Какъ по милости Всемогущаго Бога Великій Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ учинился на своихъ великихъ государствахъ и вѣнчался царскимъ своимъ вѣнцемъ и діадимою, и того жь лѣта пришелъ въ великаго государя нашего государства; шахъ аббасова величества посланникъ Муршу Кулы-бекъ, а съ нимъ вмѣстѣ пришелъ отъ Цезаря посланникъ цезаревъ Юсуфъ.» Это не значитъ, что Грегори пришелъ съ посломъ изъ Персіи — а только то, что они явились въ Москвѣ въ одно время; потому-что далѣе сказано, что Грегори просилъ у царя бумаги на свободный проѣздъ черезъ Россію въ Персію. Еремеевъ съ другимъ посланникомъ Цезаря, Дорномъ, явился въ Москву раньше, еще до избранія на царство Михаила. См. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 24, стр. 3 и Древн. Росс. Вивліоѳ., т. V, стр. 76.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 15.

(4) Ibid. и № 24. Древ. Вивліоѳ., т. V, стр. 76. Акты Истор., т. III, № 6. Schreiben... et caet.

(5) Собр. Гос. Гр., т. III, № 15.

(6) Никон. Лѣт., т. VIII, стр. 184—185. Лѣт. о мят., стр. 261.

чаѣ цѣль у него была совершенно частная: ему нужны были деньги для похода. Объ этомъ, главнымъ образомъ, онъ и писалъ съ Еремеевымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подавъ Цезарю надежду на занятіе престола русскаго, его родственниками, онъ думалъ его заставить дѣйствовать противъ Сигизмунда. Присяга первоначально дана была Владиславу, сыну Сигизмунда; потомъ Русь объявляетъ себя на сторонѣ Швеціи, Новгородъ присягаетъ Филиппу; наконецъ Пожарскій предлагаетъ престолъ Максимиліану, брату Цезаря Матвѣя. Такимъ-образомъ въ одно время являются три претендента на престолъ русскій, и, естественно, каждый изъ нихъ долженъ оружіемъ дѣйствовать противъ своего соперника. Пожарскому хотѣлось этимъ отвлечь Сигизмунда отъ войны съ Россіею, потому-что онъ долженъ будетъ обратить свои войска въ другую сторону, а съ московскими Ляхами надѣялся управиться и самъ. Мы видѣли, что эти мѣры уже начали приносить пользу. Делагарди открылъ военныя дѣйствія противъ Поляковъ, бродившихъ по уѣздамъ. А посольство къ Цезарю возбудило сильное подозрѣніе въ Полякахъ, и они старались воспрепятствовать успѣху посольства. Когда Еремеевъ пріѣхалъ въ Прагу, одинъ польскій полковникъ донесъ на него, что онъ присланъ «воровствомъ, лазучествомъ». Однакожь прагскій епископъ вступился за Еремеева и представилъ его Матвѣю (1). Успѣху посольства содѣйствовали еще Фіонмарконъ и Рулякъ, князьки Меганольскіе, которые пріѣзжали къ Еремееву въ Прагу «и о дѣлѣхъ, которыя годны Московскому Государству, объявляли, и рѣчью къ боярамъ (Рускимъ) о помочи, о наемныхъ людехъ, и о иныхъ о добрыхъ дѣлѣхъ приказывали, и о Московскомъ Государствѣ радѣли и промышляли» (2). Цезарь въ надеждѣ на то, что Русскіе пріймутъ на престолъ его племянника, вступилъ въ сношенія съ королемъ польскимъ, и ходатайствовалъ передъ нимъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Россіи. Сигизмундъ уважилъ просьбу Матвѣя, велѣлъ «учинить покой» съ Русскими (3). Извѣстіе объ успѣхѣ посольства, привезъ къ Пожарскому самъ Еремеевъ, возвратившійся вмѣстѣ съ цезарскимъ посломъ Дорномъ въ Москву еще до избранія Михаила на царство. Хотя русскіе бояре писали послѣ къ польскому сейму, что Матвѣй извѣщалъ ихъ съ Еремеевымъ о томъ только, что онъ послалъ къ Сигизмунду пословъ въ силу ихъ прошенія, а больше ничего «не писывалъ и не приказывалъ», однакожь есть полное основаніе думать, что главнымъ дѣломъ посольства было сношеніе по случаю избранія на престолъ русскій цезарева племянника. Когда Михаилъ вступилъ на престолъ и разослалъ повсюду извѣстительныя грамматы о своемъ воцареніи, онъ отправилъ и къ

---

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 15.

(2) Акты Истор., т. III, № 6. *Меганолисъ* — греческое названіе Мекленбурга. См. Moreri diction. hystor. 1732, tom V, Mecklenburg. *Рулякъ* — это, вѣроятно, Ульрихъ, бывшій герцогомъ мекленбургскимъ въ первой четверти XVII вѣка.

(3) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 13, стр. 64.

Матвѣю пословъ съ такою грамматою. Безъ-сомнѣнія, Цезарь былъ чрезвычайно удивленъ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Михаила; онъ не хотѣлъ этому вѣрить, не хотѣлъ признать царемъ Михаила, и отправилъ въ Москву своего посла, Зингеля, съ грамматою къ боярамъ, а не къ царю. «Мы тому подивились» писали бояре, «какими обычаи Цесарскаго Величества гонецъ Якубъ Спигель идетъ къ намъ, боярамъ, мимо великаго Государя нашего» (1). Обманутый Матвѣй тайно вступилъ послѣ того въ сношенія съ королемъ польскимъ; но было уже поздно, и его козни сдѣлались гибельны для его же пословъ. Адамъ Доринъ сосланъ былъ за лазутчество въ ссылку и содержался въ Чердыни долгое время (2). У Грегоря, который вторично отправлялся посломъ въ Персію, въ Казани нашли тайныя бумаги, изъ которыхъ узнали, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ королемъ польскимъ и писалъ къ нему про царя «многія смутныя рѣчи» (3), и Грегори былъ задержанъ въ Россіи, какъ лазутчикъ.

Обратимся къ Пожарскому. Мы видѣли уже, по какимъ причинамъ онъ долгое время медлилъ въ Ярославлѣ; видѣли, что во все это время онъ не оставался въ праздномъ бездѣйствіи (4). Трубецкой и Заруцкій, Новгородъ и Шведы, грабежи и разбои, производимые по городамъ казаками и Ляхами, недостатокъ въ деньгахъ и смуты между начальниками — не позволяли ему спѣшить походомъ къ Москвѣ. Между-тѣмъ патріоты, не понимая причинъ медленія, роптали на него; двукратное посольство и грамматы изъ Лавры не имѣли успѣха. Наконецъ ревность подвигла самого Палицына лично предстать Пожарскому и убѣждать его—спѣшить въ Москву. 28-го іюня Палицынъ отправился изъ Троицкой-Лавры (5), въ Ярославлѣ онъ засталъ «сваръ

---

(1) Ibid. № 24, стр. III и 133.
(2) Акты Истор., т. III, № 163.
(3) Древн. Росс. Вивліоѳ., т. V, стр. 75.
(4) Изъ граммать, писанныхъ Пожарскимъ въ Ярославлѣ, видно, какъ обширна была его дѣятельность. См. Акты Экспед., т. II, №№ 203, 204, 205 206, 209, 210 Акты Истор. №№ 336, 337, 338. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, №№ 281 и 282.

(5) Въ печатномъ сказаніи Палицына стоитъ 28-го *іюля*, но это не вѣрно; потому-что этого числа Пожарскій выступилъ уже изъ Ярославля и отъ 29-го іюля есть его граммата, писанная съ Шекуцкаго-Яма, который лежитъ въ двадцати шести верстахъ отъ Ярославля. Между-тѣмъ Палицынъ говоритъ, что онъ засталъ Пожарскаго со всѣмъ войскомъ въ Ярославлѣ, чего, конечно, не могло быть, если бы онъ выѣхалъ изъ Лавры 28 іюля, какъ поставлено въ печатномъ сказаніи. Эту несообразность замѣтилъ еще Арцыбашевъ (Повѣств. о Росс., т. III, прим. 1,650); а авторъ *Замѣчаній* объ осадѣ Троицкой-Лавры (Москвитянинъ 1844, № 7), основавшись на ошибкѣ, заподозрилъ Палицына, какъ повѣствователя недостовѣрнаго. Вотъ его слова: «Какъ же могъ Аврамій Палицынъ, отправившись 28 іюля изъ Лавры, отстоящей на 180 верстъ отъ Ярославля, застать тамъ не только князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и Минина, но даже князя Дмитрія Петровича Лопату-Пожарскаго и воеводу Михайла Самсоновича Дмитріева? Послѣ этого можно ли дать несомнѣнную, безусловную вѣру сказанію Палицына?» На чемъ же основанъ такой рѣшительный выводъ. На томъ, что или въ рукописи, съ которой печатано сочи-

между воеводъ и во всемъ воинствѣ». Палицынъ намекаетъ, изъ-за чего былъ этотъ сваръ: «сія вся разсмотривъ, старецъ и князя Димитрія и Козму Минина и все воинство довольно поучивъ отъ Божественныхъ Писаній и много моливъ ихъ *поспѣшити подъ царствующій градъ Москву и ктому таковымъ мятежникамъ невнимати»* (1). Послѣдпія слова показываютъ, что нѣкоторые не совѣтовали Пожарскому идти подъ Москву, представляя опасность со стороны Заруцкаго и его казаковъ, какъ подтверждаетъ это далѣе и Палицынъ. Но старецъ мудрыми совѣтами и убѣжденіями прекратилъ распрю въ войскѣ, его слушали съ умиленіемъ, и самъ Пожарскій былъ убѣжденъ его представленіями, что лучше пожертвовать жизнью, чѣмъ оставлять отечество безъ помощи въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Онъ началъ готовиться къ походу и рѣшился отправить въ Москву передовые отряды, а самъ думалъ выступить послѣ, когда покончитъ дѣла съ послами изъ Новгорода, которые въ это время были въ Ярославлѣ. Трубецкой и Заруцкій между-тѣмъ написали въ Ярославль, что гетманъ Ходкѣвичъ приближается къ Москвѣ съ сильнымъ войскомъ и просили Пожарскаго спѣшить походомъ (2). Это извѣстіе еще болѣе заставило спѣшить Пожарскаго; но тотъ же Заруцкій, который выражалъ желаніе видѣть скорѣе Пожарскаго подъ стѣнами Москвы — адскимъ умысломъ хотѣлъ повредить дѣлу. Онъ давно уже послалъ въ Ярославль двухъ казаковъ: Обрѣзка и Степьку съ порученіемъ умертвить Пожарскаго. Они передали эту тайну 7-ми человѣкамъ, служившимъ въ ополченіи Пожарскаго. Изъ нихъ одинъ, Семенъ Ждановъ, былъ въ довѣренности у князя, пользовался его милостями и жилъ у него въ домѣ. Много разъ покушались злоумышленники исполнить злое дѣло, замышляли убить князя во время сна или на дорогѣ, но имъ не удавалось. Когда стали сбираться въ Москву, Пожарскій назначилъ день для смотра артиллеріи. На смотръ собралось множество народа, и, когда князь выходилъ изъ дома, было чрезвычайно-тѣсно. Убійца воспользовался тѣснотой, пробился сквозь толпу и бросился съ ножомъ на князя. Но Промыслъ спасъ его отъ смерти; убійца промахнулся и ударилъ ножомъ въ казака Романа, который велъ князя подъ руку. Раненный застоналъ и упалъ безъ чувствъ на землю. Пожарскій и не подозрѣвалъ, что тутъ таился злодѣйскій умыселъ на жизнь его, и думая, что казакъ нечаянно раненъ въ тѣснотѣ отъ неосторожности, продолжалъ путь; но его остановили и объявили ему, что онъ

ніе Палицына, было по ошибкѣ писца поставлено: *іюля* вмѣсто *іюня* (что легко могло быть: дѣло въ одной буквѣ); или даже по опечаткѣ. Въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи есть рукописное сказаніе Палицына (№ 218. Судя по почерку, оно писано въ XVII вѣкѣ), и тамъ ясно написано 28 іюня, а не іюля. Чичаговъ ссылается на другой рукописный экземпляръ и ставитъ также 28 іюня. (См. «Жизнь Пожарскаго, Минина и Палицына». Санктпетербургъ. 1848, стр. 92.)

(1) Палиц., стр. 231 — 232.

(2) Лѣтоп. о мят., стр. 263.

былъ цѣлью для убійцы. Виновный схваченъ, подвергнутъ допросу и объявилъ имена всѣхъ заговорщиковъ. Но великодушный князь не казнилъ убійцъ, а одного изъ нихъ сослалъ въ ссылку, другихъ взялъ съ собою въ Москву, чтобъ представить въ нихъ явную улику противъ Заруцкаго. Это обстоятельство обнаружило передъ всѣми гнусныя намѣренія Заруцкаго и, безъ-сомнѣнія, встревожило князя и усилило его опасенія за благоуспѣшность похода. Однакожь мысль о личной безопасности всегда уступала въ душѣ его мѣсто мысли о спасеніи бѣдствующаго отечества, и крайняя необходимость спѣшить въ Москву, дабы предупредить гетмана, превозмогла всѣ возможные страхи. Напередъ онъ отправилъ воеводу Михаила Самсоновича Дмитріева съ Левашевымъ, приказавъ имъ, какъ-можно скорѣе идти къ Москвѣ и стать съ войскомъ у Петровскихъ-Воротъ; черезъ нѣсколько дней онъ послалъ другой сильный корпусъ съ Лопатою-Пожарскимъ и дьякомъ Самсоновымъ, назначивъ ему станъ у Тверскихъ-Воротъ. Тому и другому воеводѣ онъ запретилъ соединяться съ ополченіемъ Московскимъ и приказалъ дѣйствовать особо. Опасенія Пожарскаго были основательны.

Между-тѣмъ Заруцкій, узнавъ, что отряды Пожарскаго приближаются къ Москвѣ и видя, что его участь скоро должна рѣшиться, ознаменовалъ послѣдніе дни своего пребыванія подъ Москвою — всѣми ужасами буйства и насилія (1). Въ станъ Трубецкаго пришли тогда толпы ратниковъ изъ Украйны; Заруцкій и имъ не далъ покоя: казаки ограбили ихъ и причиняли имъ «великое утѣсненіе». Несчастные отправили своихъ товарищей въ Ярославль умолять князя о помощи. Взглядъ на ихъ положеніе и разсказъ о бѣдствіяхъ, какимъ они подверглись подъ Москвою, исторгли изъ глазъ Пожарскаго слезы. Онъ надѣлилъ ихъ деньгами и одеждою, и велѣлъ объявить въ Москвѣ, что скоро самъ явится подъ ея стѣнами. Посланные пересказали всей рати о благоустройствѣ ярославскаго ополченія, и за эту вѣсть едва не погибли отъ Заруцкаго. Онъ велѣлъ ихъ умертвить, но они тайно убѣжали въ станъ Дмитріева. Заруцкій не хотѣлъ оставаться въ бездѣйствіи и съ злобною завистью смотрѣлъ на прибывшія изъ Ярославля ополченія. Ночью отправилъ онъ въ станъ Лопаты-Пожарскаго отрядъ казаковъ съ приказаніемъ умертвить воеводу. Но духъ Пожарскаго обиталъ и въ братѣ его: бодрственный воевода разсѣялъ толпы буйныхъ и за срамъ умысла отплатилъ Заруцкому срамомъ пораженія.

28-е іюля назначено для выступленія остальныхъ войскъ Пожарскаго изъ Ярославля. Отслушавъ молебенъ въ Спасскомъ-Соборѣ, и поклонившись ярославскимъ угодникамъ, онъ двинулся и ночевалъ въ 7-ми верстахъ отъ города. Ему сопутствовалъ выборный человѣкъ изъ

(1) Палицынъ, стр. 232 — 233. «Слыша, яко князь Дмитрій Михайловичъ идетъ подъ Москву и весь лукавый совѣтъ его разорися и бысть ни во что же, Иванъ Заруцкой съ казаки своими мятяше всѣмъ воинствамъ и всѣми православными христіаны, грабяще и насилующе.»

Московскаго-Государства, незабвенный Козма Миничъ-Сухорукій. Онъ былъ душою земскаго совѣта и участникомъ во всѣхъ прекрасныхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ князя; въ грамматахъ князь ставилъ имя его вмѣстѣ съ своимъ. «Мининъ», говоритъ патріархъ Филаретъ, «на всѣхъ людѣхъ, страны тоя силу и власть воспріемлетъ, уроки многіе собираетъ и изыскуетъ во градѣ людей воинскихъ, жаждущая сердца ихъ утоляетъ, наготу ихъ прикрываетъ и на кони восаждаетъ; о своемъ дѣлѣ непрестанно попеченіе имѣетъ, во всѣ грады Россійскаго Царства грамоты посылаетъ и сребра множество собираетъ и раздаетъ воинству» (1).

29-го числа станъ былъ въ 26-ти верстахъ отъ Ярославля на Шепуцкомъ-Яму. Отсюда писалъ Пожарскій къ казанскому митрополиту Ефрему граммату, въ которой просилъ поставить въ крутицкіе митрополиты игумена Сторожевскаго-Монастыря, Исаію (2). Граммата образцовая по чувству, съ какимъ написана, и по языку. Пожарскій въ бѣдствіяхъ отечества видитъ карающую за грѣхи десницу Всевышняго; изображаетъ горькое сиротство Московской Церкви по смерти Гермогена и крутицкаго митрополита Пафнутія и выражаетъ желаніе имѣть хотя одно утѣшеніе — архипастыря Церкви: «Богъ», пишетъ онъ, «за грѣхи наши угасилъ два великіе свѣтила въ мірѣ, взявъ у насъ государя, главу Московскаго Государства и еще Святѣйшаго Патріарха Московскаго; и нынѣ не мала скорбь намъ надлежитъ, что подъ Москвою вся земля въ собраніи, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ: едина соборная церковь Пречистыя Богородицы осталась на Крутицахъ — и та вдовствуетъ». Въ-заключеніе, Пожарскій проситъ дать новому митрополиту и ризницу: ибо церковь Пречистыя-Богородицы въ послѣднемъ оскудѣніи и разореніи.

Съ Шепуцкаго-Стана Пожарскій отправился въ Суздаль, поклониться гробамъ своихъ родителей, погребенныхъ въ Спасо-Евфиміевомъ-Монастырѣ. Войско онъ поручилъ князю Хованскому и Козмѣ Минину. Исполнивъ дѣло благочестія, князь воротился къ Ростову и нашелъ тамъ свое ополченіе. Нельзя упрекать его за эту кажущуюся остановку похода; путешествіе въ Суздаль было предпринято не въ ущербъ скорости похода. Походъ на нѣсколько дней пріостановился вовсе не отъ того, что Пожарскій поѣхалъ въ Суздаль, а оттого, что не всѣ ратники явились изъ городовъ въ ополченіе. Лѣтописецъ говоритъ, что Пожарскій послалъ по городамъ *сборщиковъ*, приказавъ имъ всѣхъ ратныхъ людей *сбивать въ полки*, а самъ отправился въ Суздаль. Теперь, когда въ Ростовѣ корпусъ Пожарскаго вполнѣ былъ сформированъ, онъ поспѣшилъ продолжать путь.

---

(1) Рукопись Филарета, стр. 56 — 58.

(2) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 283. Въ концѣ грамматы читается: «Писанъ на стану, на Шенуцкомъ-Яму, лѣта 7120 іюля въ 29 день.» Надо читать: на Шепуцкомъ-Яму. Это теперь сельцо Шопша, при рѣкѣ того же имени, на большой дорогѣ изъ Ярославля, въ 26-ти верстахъ отъ города. См. «Москвитянинъ» 1844, № 7. Критика, стр. 163—165.

Заруцкому дѣлать было нечего подъ Москвою. Видя себя отвсюду стѣсненнымъ, не имѣя и въ будущемъ надежды, ни на расположеніе Пожарскаго, ни на возможность борьбы съ нимъ, оставляемый войскомъ, лишенный опоры въ псковскомъ самозванцѣ, онъ бѣжалъ изъ-подъ Москвы ночью, взявъ съ собою около половины войска (1). Въ Коломнѣ онъ соединился съ Мариною, съ которою еще прежде обвѣнчался, ограбилъ городъ, пронесъ опустошеніе по Рязанской-Области и сталъ въ Михайловѣ. Половина войска Заруцкаго осталась подъ Москвою и перешла въ ряды Трубецкаго. Въ Ростовъ явился, служившій прежде при Заруцкомъ, атаманъ Кручина-Внуковъ, и просилъ Пожарскаго спѣшить къ Москвѣ. «На умѣ у него было иное», говоритъ лѣтописецъ: «ему хотѣлось вызнать намѣренія Пожарскаго, не хочетъ ли онъ избить казаковъ, оставшихся послѣ Заруцкаго». Такъ глубоко посѣяна была Заруцкимъ ненависть къ Пожарскому во всемъ казачьемъ войскѣ; такъ злодѣи, безпокойные совѣстью, во всякомъ подозрѣвали врага. Но Пожарскій благосклонно принялъ Кручину и наградилъ его деньгами и сукнами; онъ хотѣлъ какъ-нибудь разрушить эти ложныя подозрѣнія и расположить въ свою пользу закоренѣлыхъ злодѣевъ. Но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, онъ не вѣрилъ, чтобъ его милости мгновенно измѣнили духъ всего буйнаго войска и, оставаясь вѣрнымъ своему убѣжденію, что зло глубоко было насаждено въ сердцахъ казаковъ, рѣшился дѣйствовать осмотрительнѣе, когда будетъ лицомъ-къ-лицу съ остатками мятежныхъ. Опасался онъ и сѣверныхъ враговъ, и изъ Ростова отправилъ на Бѣло-Озеро воеводу Образцова съ войскомъ.

Августъ былъ уже въ половинѣ. 14-го числа Пожарскій явился въ стѣнахъ Троицкой-Лавры и былъ встрѣченъ Діонисіемъ и Палицынымъ, какъ герой, шествовавшій спасти отечество. Но и здѣсь возникло нестроеніе между начальниками отрядовъ его войска: боялись, чтобы Пожарскаго не постигла такая же участь, какъ Прокопія Ляпунова; представляли, что мятежнымъ казакамъ, при всѣхъ ихъ увѣреніяхъ, довѣрять нельзя. Эти представленія привели въ раздумье Пожарскаго, и онъ рѣшился побыть въ Троицкой-Лаврѣ и сдѣлать уговоръ съ казаками, «чтобъ другъ-на-друга никакого зла не-умышляли». Этимъ онъ думалъ успокоить свое войско. Но на третій день Трубецкой прислалъ дворянъ и казаковъ въ Лавру съ извѣстіемъ, что гетманъ Ходкѣвичъ подвигается къ Москвѣ, что казаки хотятъ идти прочь отъ Москвы «скудости ради». Трубецкой просилъ, чтобъ Пожарскій шелъ немедленно къ столицѣ. Послѣ этого Пожарскому *не до уговора было* съ казаками, и онъ велѣлъ войску опять снять станъ. Палицынъ присовокупляетъ, что онъ «подѣйствовалъ на Пожарскаго и

---

(1) Лѣтописецъ говоритъ, что Заруцкій бѣжалъ съ Москвы въ то время, какъ Пожарскій двинулся изъ Ярославля (Лѣтоп. о мят. 26 числа), но въ Соборной грамматѣ Россійскаго духовенства къ донскому войску, писанной 1614 года, сказано: что Заруцкій бѣжалъ тогда, какъ Пожарскій стоялъ въ Ярославлѣ и только еще собирался выступить въ походъ. Акты Экспед., т. III, № 23.

все войско своими увѣщаніями и успокоилъ робкихъ», что Пожарскій, въ-слѣдствіе его наставленій, «оставилъ всѣ свои размышленія и страхъ ни во что же вмѣнилъ».

Не унижая высокихъ подвиговъ келаря-патріота, замѣтимъ, что опасенія Пожарскаго были не такъ неосновательны, какъ представлялись онѣ Палицыну. Лѣтописецъ говоритъ, что Пожарскій, не ходя въ Москву, хотѣлъ договориться съ казаками, заключить съ ними условія, на которыхъ они должны были служить ему, установить взаимныя отношенія между ними и его войскомъ. Казаки не вѣрили ему, онъ недовѣрялъ имъ; надо было разрушить это новое недовѣріе договоромъ и клятвами. Но обстоятельства измѣнили намѣренія осторожнаго воеводы, и онъ пошелъ изъ Лавры съ мыслью, что слишкомъ рискуетъ своимъ положеніемъ. Во всемъ войскѣ былъ такой же страхъ отъ сознанія опасности, которой оно могло подвергнуться отъ казаковъ. До борьбы съ врагами иноземными, Пожарскій долженъ былъ вступить въ борьбу съ врагами отечественными, съ остатками *арміи* Заруцкаго.

Что страхъ этотъ былъ основателенъ, что Пожарскій слишкомъ-надѣялся на храбрость своего войска и вовсе не считалъ его робкимъ и малосильнымъ — на это мы имѣемъ ясное доказательство въ граммагѣ, которую онъ писалъ изъ Лавры. Офицеры англійскіе и голландскіе: Фрейгеръ, Эстонъ, Гилль и другіе — писали Пожарскому, что они желаютъ наняться къ нему въ службу и вступить съ своими солдатами въ его полки. Они писали, что и Маржеретъ просится къ нему въ службу. Пожарскій отвѣчалъ имъ грамматою, въ которой благодарилъ ихъ за лестное для него предложеніе услугъ и выразилъ удивленіе, что они въ совѣтѣ съ Яковомъ Маржеретомъ, который уже не разъ выказывалъ свои враждебныя отношенія къ Русскимъ. «Онъ» писалъ Пожарскій, «служилъ прежде у царя Бориса; при Василіѣ Шуйскомъ, по просьбѣ, отпущенъ былъ на родину, потомъ явился въ тушинскомъ станѣ; далѣе дѣйствовалъ противъ Русскихъ, бѣжалъ потомъ въ Польшу и былъ награжденъ королемъ; наконецъ, вотъ теперь является онъ въ Ямбургѣ, и, странно, предлагаетъ Русскимъ свои услуги противъ Поляковъ. Намъ его услуги, и вообще наемные люди теперь не нужны: мы сами справимся съ польскими и литовскими людьми — *сами Россійскимъ Государствомъ и безъ наемныхъ людей*. Итакъ вы теперь къ намъ не ходите», заключаетъ Пожарскій свою граммату, «и себѣ своимъ проходомъ убытковъ не чините. Послѣ, когда нужно будетъ, мы обратимся къ вамъ» (1). Слова грамматы ясно показываютъ, что не страшенъ былъ для Пожарскаго походъ къ Москвѣ, и онъ съ увѣренностью отвѣчалъ за храбрость всего войска.

18-го августа Пожарскій выступилъ изъ Лавры, напутствованный благословеніемъ Діонисія. Къ успокоенію суевѣрныхъ, вѣтеръ, до того времени противный, сталъ попутнымъ, и войско съ надеждою и радостью пошло къ Москвѣ. Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ и келарь

---

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 285. Граммата писана изъ Троицкой Лавры.

Аврамій. На другой день пришло войско въ Ростокино, на берега Яузы, и здѣсь имѣло ночлегъ (1). Трубецкой, узнавъ о приходѣ Пожарскаго, ночью присылалъ звать его въ свой станъ; но Пожарскій отказался. На утро, 20 числа, когда Пожарскій вступалъ въ городъ, Трубецкой самъ выѣхалъ къ нему на-встрѣчу и повторилъ свою просьбу, чтобъ ополченіе Пожарскаго соединилось съ его войсками и стало съ нимъ въ одномъ станѣ. Но Пожарскій далъ рѣшительный отказъ, расположился у Арбатскихъ-Воротъ, сдѣлалъ острогъ и окопался рвомъ. Трубецкой былъ чрезвычайно оскорбленъ его отказомъ; лѣтописецъ говоритъ, что «казаки и князь Трубецкой начаша на князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго и на Кузму, и на ратныхъ людей *нелюбовь держать* за то, что къ нимъ въ таборы не пошли». Со стороны князя Трубецкаго сдѣлано, кажется, большое снисхожденіе, что онъ выѣхалъ на-встрѣчу къ Пожарскому, и неоднократно просилъ его въ свои таборы. Трубецкой былъ бояринъ, а Пожарскій только стольникъ, и могъ съ честію служить подъ его командою, особенно въ такое критическое время, когда всякое разногласіе, разъединеніе силъ, могло страшно повредить дѣлу. Но, судя по прежнимъ отношеніямъ Пожарскаго къ вождю московскаго ополченія, мы имѣемъ право думать, что Пожарскій — этотъ пламенный патріотъ, всѣмъ готовый жертвовать для блага отечества—поступилъ и въ этомъ случаѣ не по самолюбію и не по пустымъ капризамъ, но по причинамъ весьма-уважительнымъ. Отправляя въ Москву Дмитріева и Лопату-Пожарскаго, потомъ Василья Туренина, онъ далъ имъ строгій наказъ — не соединяться съ Трубецкимъ, а занять отдѣльныя позиціи. Слѣдовательно, Пожарскій и теперь, какъ и всегда, дѣйствовалъ разсчитанно. Мы видѣли, что въ войскѣ московскомъ были постоянныя неустройства: оно состояло всего болѣе изъ казаковъ, которые не хотѣли подчиниться правиламъ дисциплины, и не разъ обнаруживали пагубное своеволіе. Духъ Заруцкаго вѣялъ еще въ рядахъ московскаго ополченія; больше половины его казаковъ осталось подъ Москвою. Пожарскій справедливо могъ опасаться, что казаки, по соединеніи съ его войскомъ, могутъ произвести въ немъ неустроеніе и безпорядокъ, заразить его духомъ буйства и своеволія. Самъ Трубецкой не могъ сладить съ казаками— они подняли бунтъ и хотѣли бѣжать изъ-подъ Москвы.

Итакъ, это главная причина, почему отказался Пожарскій стоять вмѣстѣ съ Трубецкимъ. Лѣтописецъ ясно говоритъ: «князь Дмитрій и *вся рать* отказашася, что отнюдь тому не быти, чтобъ намъ стати вмѣстѣ съ *казаками*» (2). Стоитъ обратить вниманіе и на то замѣ-

(1) 19 августа Пожарскій пришелъ на берега Яузы уже поздо. Должно предположить, что онъ довольно-поздо выступилъ наканунѣ изъ Лавры. Въ одной грамматѣ отъ Пожарскаго и Трубецкаго, сказано, что Пожарскій пришелъ подъ Москву 20 августа. Но здѣсь, безъ-сомнѣнія, означенъ день вступленія въ Москву. Акты Эксп., т. II, № 213. Филаретъ (рукоп. 58) считаетъ 21 число днемъ прибытія къ Москвѣ; но мы слѣдуемъ Палицыну, который самъ былъ въ походѣ.

(2) Лѣт. о мят., стр. 270.

чаніе лѣтописца, что *вся рать* отказала Трубецкому. Очевидно, что Пожарскій не могъ поступать вопреки желанію всего войска, а войско не хотѣло перейдти подъ команду другаго вождя, когда само выбрало Пожарскаго и искренно было ему предано. Что касается до личныхъ мнѣній Пожарскаго о Трубецкомъ, то, конечно, и самъ онъ опасался сближаться съ измѣнникомъ Шуйскаго, съ присяжникомъ Тушинскаго и Псковскаго-Вора, съ единомышленникомъ Заруцкаго. Но Пожарскій такъ былъ остороженъ, что не хотѣлъ нанести личнаго оскорбленія Трубецкому. Онъ сказалъ, что не хочетъ стоять съ казаками, и что это приговоръ всей рати. Трубецкой долженъ былъ уважить справедливыя опасенія Пожарскаго и, по-крайней-мѣрѣ въ такое критическое время, оставить личныя выгоды и подозрѣнія. Но онъ не хотѣлъ жертвовать личными оскорбленіями благу отечества, и злоба увлекла его до-того, что онъ рѣшился воспрепятствовать подвигу Пожарскаго.

21 числа явился подъ Москвою гетманъ Ходкѣвичъ, и сталъ станомъ на Поклонной-Горѣ. На другой день (22 числа) (1) онъ перешелъ Москву-Рѣку подъ Дѣвичьимъ-Монастыремъ и расположился у Чертальскихъ или Пречистенскихъ-Воротъ. Пожарскій, не давъ ему времени отдохнуть, вывелъ противъ него все свое войско, далъ знать Трубецкому о своемъ движеніи, и, вѣроятно, просилъ помочь ему во время сраженія. Трубецкой стоялъ тогда у Крымскаго-Брода на другой сторонѣ рѣки и, казалось, соглашался помочь Пожарскому; но требовалъ у него отрядъ конницы, обѣщаясь ударить на враговъ съ тыла. Пожарскій послалъ ему пять сотень отборныхъ всадниковъ. Успокоенный и обрадованный надеждою на Трубецкаго, онъ стремительно бросился на непріятеля. Сраженіе началось съ 6-го часа утра и продолжалось до 2-го пополудни (2). Воины Пожарскаго были утомлены, но Трубецкой и не думалъ являться на помощь; онъ оставался спокойнымъ зрителемъ кровопролитнаго дѣла. «Казаки его» говоритъ лѣтописецъ «ругались надъ Пожарскимъ, и съ насмѣшкою говорили: богати пришли изъ Ярославля, и сами одни отстоятся отъ гетмана». Ходкѣвичъ былъ подкрѣпленъ еще Поляками Струся, сдѣлавшими изъ Кремля вылазку, и сталъ одолѣвать Русскихъ. Не теряя присутствія духа, послѣ такого вѣроломнаго поступка Трубецкаго, Пожарскій приказалъ спѣшиться конницѣ и открыть рукопашный бой. Завязалось

(1) Ibid. 271. «На утріе же приходу своего подъ Москву, (Пожарскій) посла проповѣдывать для Гетмана по всѣмъ дорогамъ, и *августа въ 21 день* прибѣгоша посланники и сказаша, что Гетманъ совсѣмъ поднявся, идетъ подъ Москву. Князь Дмитрій же и всѣ ратные люди начаша готовиться противъ Гетмана и укрѣплятися. Гетманъ же, пришедъ подъ Москву, ста на Поклонной-Горѣ; на утріе же перелѣзе Москву-рѣку». Палицынъ говоритъ, что «того дни (22 числа) былъ имъ бой подъ Новымъ-Дѣвичьимъ-Монастыремъ». Вѣроятно Пожарскій хотѣлъ воспрепятствовать переправѣ и завязалъ бой на берегу Москвы-Рѣки, потомъ былъ оттѣсненъ гетманомъ къ Чертальскимъ-Воротамъ.

(2) Ibid. 272. «Съ Гетманомъ же бысть бою конному съ перваго часа до осьмаго». Часы считались тогда отъ восхожденія солнца.

жаркое дѣло и кончилось бы гибелью русскаго войска, еслибъ обстоятельства внезапно не измѣнились въ пользу доблестнаго героя. Пятьсотъ человѣкъ, посланные къ Трубецкому изъ стана Пожарскаго, видя, что Трубецкой нейдетъ на выручку ихъ любимаго вождя, не утерпѣли и бросились на помощь своимъ товарищамъ, присоединивъ къ себѣ часть казаковъ Трубецкаго. Этотъ не пускалъ ихъ, грозилъ наказать; но они не послушались его, и сказавъ: «Чтожь, изъ-за вашей вражды развѣ гибнуть Московскому Государству» — кинулись на непріятеля. Повторилось славное время Донскаго. Войско Пожарскаго, утомленное продолжительною сѣчей, готово было уже обратиться въ бѣгство, но нѣсколько сотъ свѣжаго, бодраго войска перевернули весь ходъ сраженія: ободренные воины Пожарскаго напрягли оставшіяся силы и съ ожесточеніемъ бросились на враговъ — дѣло скоро рѣшилось въ ихъ пользу. Гетманъ бѣжалъ на Поклонную-Гору; далѣе его не преслѣдовали. Улица Чертольская была завалена трупами и Русскихъ и Ляховъ; послѣднихъ оказалось больше тысячи. Торжествующій герой велѣлъ похоронить тѣла своихъ и непріятелей, и далъ отдыхъ побѣдоносному воинству. Можно представить его радость при первомъ успѣхѣ прекраснаго и труднаго подвига, предпринятаго для спасенія отечества; и тѣмъ болѣе достославна эта побѣда для Пожарскаго, что онъ одержалъ ее одинъ, не только безъ содѣйствія Трубецкаго, но даже вопреки его покушеніямъ—предать соперника въ жертву разъяреннымъ Ляхамъ. Можно представить, какъ больно было для души его это вѣроломство соотчича въ трудную минуту жизни, но онъ былъ великодушенъ; одною мыслью была наполнена душа его—что онъ спасаетъ отечество, за которое носилъ уже раны. Въ радости о побѣдѣ, забыли о врагахъ утомленные и предавшіеся покою воины; но враги не дремали: ночью 600 гайдуковъ польскихъ прошли въ Кремль съ провіантомъ и спасли отъ голодной смерти своихъ единоземцевъ. Ободренные этимъ вспоможеніемъ, кремлевскіе Поляки 23-го числа сдѣлали вылазку, взяли крѣпостцу при Церкви-Св.-Георгія, за Москвой-Рѣкой, и на ней поставили свое знамя. Съ Поклонной-Горы въ этотъ день гетманъ перешелъ къ Донскому-Монастырю, и вытѣснилъ оттуда Трубецкаго, который перенесъ станъ свой къ Лужникамъ. Пожарскій укрѣпился на берегу Москвы-Рѣки, при церкви Иліи-Обыденнаго, разставилъ отряды между Кремлемъ и Замоскворѣчьемъ, дабы прервать сообщеніе между Струсемъ и Ходкѣвичемъ. Часть казаковъ Трубецкаго заняла крѣпостцу при церкви Климента-на-Пятницкой. Въ понедѣльникъ, 24 числа, рано поутру, Ходкѣвичъ ударилъ на Трубецкаго, преграждавшаго ему путь; войско его, не выдержавъ и перваго нападенія, обратилось въ бѣгство, привело въ разстройство полки Пожарскаго, и втоптало ихъ въ рѣку. Гетманъ бросился на Пожарскаго; но онъ, къ-счастію, успѣлъ привести войско въ порядокъ и съ мужествомъ выдерживалъ битву въ-продолженіе нѣсколькихъ часовъ, съ самаго утра за полдень. Казаки Трубецкаго, стоявшіе на Климентовской-Крѣпости, бѣжали оттуда въ свои таборы, и кремлевскіе Поляки тотчасъ заняли ихъ мѣсто, ввезли туда запасы и поставили на церкви свое знамя. Положеніе Пожарскаго бы-

ло самое критическое; но онъ не унывалъ и ободрялъ войско своимъ примѣромъ, убѣждая биться за отечество до послѣдней капли крови.

Между-тѣмъ казаки Трубецкаго, оставившіе Климентовскую-Крѣпость, увидѣвъ развѣвавшееся на ней польское знамя, и замѣтивъ, что туда ввезены запасы, рѣшились отнять ее у Поляковъ. Жажда добычи воспламенила ихъ мужество. Съ яростью устремились они на крѣпость, взяли ее приступомъ и всѣхъ почти изрубили. Достигнувъ своей цѣли, захвативъ непріятельскіе запасы, казаки, надменные побѣдою, осыпали бранью воиновъ Пожарскаго, и повторяли старую пѣсню:—«вы богаты, а мы голодны и наги». Они опять заперлись въ крѣпости, довольные добычей, и сказали, что не станутъ болѣе выходить на сраженіе. Между-тѣмъ гетманъ подвинулся къ Екатерининской-церкви, что на Ордынкѣ, и собирался всею массою силъ сломить усталое войско Пожарскаго. Войско пришло въ ужасъ; послали звать казаковъ на помощь, но они рѣшительно отказались. Пожарскій обрекалъ себя на вѣрную гибель; но знаменитый келарь Лавры молился за него. Къ нему отправили Лопату-Пожарскаго и просили его спѣшить въ станъ казаковъ и звать ихъ на помощь. Старецъ прибѣжалъ сперва къ церкви Климента, и со слезами умолялъ казаковъ пособить изнемогшему войску, заклиналъ ихъ именемъ Сергія, обѣщалъ вѣнцы мученическіе и посулилъ казну монастырскую. Послѣднее, безъ-сомнѣнія, было для казаковъ сильнѣе всякихъ убѣжденій, и они рѣшились идти по призыву старца, просили его идти къ другимъ своимъ товарищамъ и обѣщали биться на-смерть. Авраміи встрѣтилъ другой отрядъ казаковъ близь церкви Никиты-Мученика—и ихъ убѣдилъ идти на брань. Наконецъ онъ пришелъ въ самый станъ ихъ: безпечные, они предавались пьянству и играли въ зернь. По слову Палицына, и они пошли на помощь Пожарскому. Когда такимъ-образомъ полки Пожарскаго были усилены, они съ ожесточеніемъ бросились на гетмана. При церкви Екатерины-Мученицы закипѣла кровопролитная битва; Климентовская-Крѣпость, занятая опять Поляками, была у нихъ отбита, и однихъ Венгровъ легло въ этой сѣчѣ 700 человѣкъ; обозъ непріятельскій достался въ руки храбрыхъ. Знаменитый Козма Мининъ со славою довершилъ начатое дѣло. Начинались сумерки, когда онъ, взявъ три сотни дворянъ, перешедъ Москву-Рѣку и ударилъ на двѣ роты Поляковъ, стоявшихъ у Крымскаго-Брода—вѣроятно въ резервѣ; непріятели обратились въ бѣгство и, преслѣдуемые, прибѣжали въ станъ гетмана, и смяли полки его. Воспользовавшись этимъ смятеніемъ, Пожарскій вторгся въ разстроенные ряды Поляковъ и произвелъ страшное пораженіе. Гетманъ бѣжалъ къ Воробьевымъ-Горамъ, оставивъ въ рукахъ побѣдителей артиллерію и весь обозъ. Русскіе хотѣли продолжать преслѣдованіе и совершенно истребить корпусъ гетмана, но Пожарскій остановилъ ревность ихъ, сказавъ, что «на одинъ день довольно и одной радости» (1). Цѣлые два часа послѣ этого счастли-

(1) Пожарскій не сталъ преслѣдовать гетмана, потому-что войско чрезвы-

ваго дѣла, Русскіе палили изъ ружей и пушекъ, торжествуя побѣду. Эта пальба не дала отдохнуть гетману: войско его цѣлую ночь не сходило съ лошадей, боясь аттаки. А на-утро, 25 числа, гетманъ со стыдомъ бѣжалъ изъ Россіи, «браду свою кусая зубами и царапая лицо ногтями», какъ выражается Филаретъ. Онъ потерялъ множество войска; однихъ плѣнныхъ взято болѣе 10,000 человѣкъ (1).

Такъ блистательно окончилась трех-дневная, почти безпрерывная битва Русскихъ съ Поляками (2). Имя Преподобнаго Сергія гремѣло въ самомъ пылу сраженія: оно было *ясакомъ* или *паролемъ* ратоборцевъ. День побѣды заключенъ благодарственнымъ молебномъ Господу Богу и угодникамъ Лавры, который отслужилъ келарь Авраміи въ церкви Иліи-Обыденнаго.

Но дѣло еще не кончилось пораженіемъ и бѣгствомъ Ходкѣвича. Китай-Городъ и Кремль были еще во власти Поляковъ, полковника Струся. Пожарскій тотчасъ хотѣлъ приступить къ дѣлу, но заносчивость Трубецкаго остановила его. Онъ требовалъ, чтобъ главный штабъ арміи былъ въ его станѣ; но Пожарскій и Мининъ не согласились, «не для-того» говоритъ лѣтопись: «чтобъ не хотѣли, но ради казачья убойства». Вѣроятно тотчасъ же послѣ побѣды казаки выказали жадность къ добычѣ, и выразили неудовольствіе на Пожарскаго, который не любилъ потакать ихъ своеволію, и грозили смертію его «дворянамъ». Но Трубецкой въ отказѣ Пожарскаго видѣлъ личное оскорбленіе и не хотѣлъ дѣйствовать съ нимъ за-одно. Размолвка опять повела бы къ гибельнымъ слѣдствіямъ; дѣло, начатое съ такимъ успѣхомъ, могло имѣть дурной конецъ. Стали носиться слухи, что гетманъ опять идетъ къ Москвѣ съ провіантомъ для осажденныхъ; всѣ сознавали, что надо спѣшить окончаніемъ дѣлъ въ Москвѣ, что надо, по-крайней-мѣрѣ, привесть столицу въ оборонительное положеніе, но видѣли необходимость разрушить прежде вражду между воеводами. Изъ Лавры написали къ нимъ посланіе, въ которомъ убѣждали покончить скорѣе пустую распрю и общими силами довершить высокій подвигъ спасенія Москвы и всего государства: «Молимъ, убо,» такъ писали изъ Лавры: «молимъ васъ, о благочестивіи князи Димитріе Тимоѳеевичъ и Димитріе Михайловичъ! сотворите любовь надъ всею Россійскою Землею, призовите въ любовь къ себѣ всѣхъ любовію

чайно было утомлено; битва началась съ перваго часа дня, т.-е. съ шестаго утра и продолжалась до другаго часа ночи, т.-е. до девятаго вечера. Акт. Эксп., т. II. № 213.

(1) Древн. Росс. Вивліоѳ., т. V., стр. 64.

(2) Акт. Эксп., т. II., № 213. «И мы противъ Гетмана выходили со всѣми людьми и съ ними бились четыре дни и четыре ночи, не сходя съ лошадей». Битва собственно продолжалась три дня: 22, 23 и 24 августа; но Пожарскій считаетъ и 21 число, когда гетманъ явился подъ Москвою и ночевалъ на Поклонной-Горѣ. Вѣрнѣе означено время въ наказѣ Борятинскому, отправлявшемуся въ Персію въ 1618 году; тамъ сказано: «и бились съ Гетманомъ не слѣзая съ коней *три дни*, день и ночь». Древн. Росс. Вивліоѳ. т. V., стр. 64. Еще смотр. тамъ же, т. XV, стр. 206.

своею, поприте врага, ненавидящаго любви въ человѣцѣхъ, *отрините клеветниковъ и смутителей отъ ушесъ вашихъ*, и возлюбите другъ друга нелицемѣрно, не словомъ, но дѣломъ отъ права сердца» (1). Мы видимъ здѣсь повтореніе прежней идеи Палицына, что вражда между двумя воеводами возникла *отъ клеветниковъ и смутителей*, и опять замѣтимъ, что Пожарскій не былъ такъ легкомысленъ, что вѣрилъ пустымъ клеветамъ; онъ имѣлъ справедливыя причины опасаться буйныхъ казаковъ, и вскорѣ опасенія его оправдались, и не одинъ разъ, самымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но голосъ изъ Лавры не остался не услышаннымъ; къ убѣжденіямъ Троицкихъ властей, присоединились просьбы и «челобитье всѣхъ чиновъ людей» (2), и воеводы помирились и стали «воединачествѣ». Трубецкой сдѣлалъ уступку Пожарскому: согласился, чтобъ штабъ обоихъ корпусовъ былъ на Неглинной. Но станы оставались въ различныхъ мѣстахъ; на Неглинной поставлены были только *Разрядъ и всякіе Приказы*, а прежде *Разряды были разные* (3). «Единачество» такъ было упрочено, что всякая граммата, выходившая изъ Разряда, должна была непремѣнно быть писаною отъ имени обоихъ воеводъ, «а которые грамоты учнутъ приходить отъ кого нибудь отъ одного—тѣмъ грамотамъ не вѣрить» (4).

Сигизмундъ еще не зналъ о послѣднихъ происшествіяхъ въ Москвѣ и о бѣгствѣ Ходкѣвича. 25 сентября писалъ онъ въ Москву изъ Орши, что идетъ съ сыномъ своимъ Владиславомъ къ Москвѣ вѣнчать его на царство; что причиной отсрочки его путешествія была болѣзнь Владислава. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ, что послалъ приказъ гетману, прекратить военныя дѣйствія въ Россіи (5). Это извѣстіе чрезвычайно встревожило московскихъ воеводъ, и они поспѣшили до прибытія короля покончить дѣло съ Поляками: поставили баттареи у Пушечнаго-Двора, въ Егорьевскомъ-Монастырѣ и у Всѣхъ-Святыхъ на Кулишкахъ (6), обвели тыномъ берега Москвы-Рѣки и лагери окружили рвами. Сами они по очереди смотрѣли за работами денно и нощно. Только бы слѣдовало открыть военныя дѣйствія, какъ взбунтовались казаки, грозили перебить знатныхъ дворянъ въ войскѣ Пожарскаго, завладѣть ихъ имуществомъ и бѣжать отъ Москвы. Но Лавра опять отвратила бѣду. Діонисій и Палицынъ, узнавъ о неустройствахъ въ войскѣ московскомъ, не знали какъ помочь дѣлу. Палицынъ еще прежде обѣщалъ казакамъ денегъ изъ казны

---

(1) Акт. Эксп., т. II, № 219. Посланіе писано, безъ-сомнѣнія, Діонисіемъ и Палицынымъ. Списокъ съ него найденъ въ архивѣ Троицкой-Лавры.

(2) Акт. Эксп. т. II, № 214.

(3) Ibid. Разрядомъ или Разряднымъ-Приказомъ называлось мѣсто военныхъ совѣтовъ и распоряженій. «А ратныя всякія большія дѣла вѣдать бояромъ и розряднымъ дьякомъ въ Большомъ-Розрядѣ». Граммата 1611 года. Ист. Гос. Росс. т. XII, прим. 793.

(4) Акт. Эксп. т. II, №№ 214, 215.

(5) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 286.

(6) Акты Эксп., т. II, № 214—215.

монастырской; но казна обители была истощена еще во времена ея осады, и Троицкія власти отправили въ Москву послѣднія сокровища Лавры—священныя облаченія, украшенныя жемчугомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ писали къ казакамъ, умоляя ихъ не отходить отъ столицы, не окончивъ дѣла. Сколько ни были наглы и безсовѣстны казаки, но они устыдились коснуться святыни, отослали ризы назадъ въ монастырь и обѣщались не покидать Москвы, пока не отстоятъ ее отъ Поляковъ.

Дѣйствительно, они сдержали свое слово. Воеводы открыли пальбу, съ баттарей, противъ осажденныхъ въ Китай-Городѣ и «причинили имъ тѣсноту великую». Они были въ крайнемъ положеніи и не могли долго держаться за стѣнами города. Со-дня-на-день число ихъ умалялось и не столько отъ пуль и ядеръ, сколько отъ другаго, страшнаго, внутренняго врага—голода, который довелъ ихъ до того, говоритъ Палицынъ, что они «ѣли мертвечину, собакъ, кошекъ, мышей и всякую нечистоту; потомъ начали убивать другъ друга и ѣсть человѣческое мясо» (1)! Лѣтописецъ говоритъ, когда Русскіе взяли Китай-Городъ, онъ своими глазами видѣлъ въ погребахъ множество челновъ съ соленымъ человѣческимъ мясомъ (2). Такое изнуреніе силъ непріятельскихъ облегчило для Русскихъ подвигъ осады. 22 октября воеводы соединенными силами взяли Китай-Городъ приступомъ; Поляки потеряли много убитыми и плѣнными; остальные бѣжали въ Кремль и тамъ умножили число голодавшихъ и увеличили тяжесть бѣдствія (3).

Не долго они могли держаться въ Кремлѣ. Кромѣ Поляковъ тамъ были бояре и чиновники русскіе съ своими семействами. Голодъ ежедневно увеличивалъ число умиравшихъ. Тогда Поляки рѣшились уменьшить число жителей и отправили изъ Кремля всѣхъ русскихъ женщинъ, боярынь и служанокъ, какъ народъ безполезный въ дѣлѣ защиты. Бояре кремлевскіе обратились къ князю Пожарскому и Козмѣ Минину—умоляя ихъ, принять изгнанницъ подъ свое покровительство. Пожарскій далъ слово, принялъ ихъ честно и проводилъ въ домы ихъ знакомыхъ или родственниковъ. Но казаки не могли хладнокровно смотрѣть на это зрѣлище, и хотѣли, говоритъ лѣтописецъ, убить Пожарскаго за то, что не позволилъ имъ грабить боярынь.

Несмотря на эти мѣры, голодъ въ Кремлѣ все-таки не уменьшался, и скоро довелъ Поляковъ до невозможности дальнѣйшаго существованія. Они сами предложили сдаться съ условіемъ, чтобъ жизнь ихъ осталась въ безопасности, и чтобъ принялъ ихъ къ себѣ Пожарскій, а не Трубецкой. Побужденіемъ къ послѣднему условію было то, что

---

(1) Палицынъ, стр. 243. Акты Эксп., т. II, № 214—215.
(2) Лѣт. о мят., стр. 295. Палицынъ, стр. 245.
(3) Доп. къ Актамъ Истор., т. I, № 166. Здѣсь ошибка въ числѣ; вмѣсто *сентября 22*, надо читать: *октября*. Лѣт. о мят., стр. 293. Палиц., стр. 245. Филар., стр. 66. «Октября въ 22-й день на память Аверкія, епископа Іерапольскаго Китай взяша.»

кремлевскіе бояре и Поляки боялись казаковъ Трубецкаго. 25 октября выпустили изъ Кремля всѣхъ Русскихъ; между ними были: князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій и будущій царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерью, инокинею Марѳою Ивановною (1). Князь Пожарскій встрѣтилъ ихъ съ честью на Каменномъ-Мосту; но казаки хотѣли избить бояръ и едва не вступили въ рѣшительное сраженіе съ Пожарскимъ. Измѣнникъ Ѳедоръ Андроновъ, приверженецъ Сигизмунда, бѣжалъ къ Заруцкому въ Астрахань, а Михайло Солтыковъ — въ Польшу. На другой день, 26 октября, вышли изъ Кремля и Поляки (2); жалкое зрѣлище представляли они изъ себя. «На земляковъ нашихъ, говорятъ польскіе историки, высидѣвшихъ 18 мѣсяцевъ въ осадѣ, страшно было глядѣть: голодъ и нужда обезобразили ихъ, и многіе были такъ слабы, что едва переступали, держась за полы одежды своихъ товарищей» (3). Полкъ Будилы поступилъ въ распоряженіе Пожарскаго, а полкъ Струся — къ князю Трубецкому. Лѣтописецъ говоритъ, что казаки Трубецкаго почти весь полкъ Струся побили, и немногихъ оставили въ-живыхъ (4). Но этому нельзя вѣрить. Бѣльскій ничего не говоритъ о томъ въ своей хроникѣ (5), а Пожарскій и Трубецкой свидѣтельствуютъ, что Поляки всѣ остались цѣлы: «и польскіе и литовскіе люди», пишется въ одной ихъ грамматѣ, «видячи свое изнеможенье, били челомъ намъ, чтобъ намъ кровь ихъ не пролить, побить ихъ не дать»; и мы, не хотя кроворазлитья видѣти, польскихъ и литовскихъ людей побити не дали» (6). Видно, что казаки дѣйствительно покушались нарушить договоръ и избить Поляковъ, но воеводы удержали ихъ отъ исполненія этого замысла, и *побить ихъ не дали*. Поляки удалены были отъ разъяренныхъ казаковъ и разосланы по городамъ (7).

---

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 203.

(2) Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 166. Ихъ было до 9,000. См. Древн. Росс. Ѳивл., т. V, стр. 64.

(3) Берха, Царств. Михаила Ѳеодоровича, стр. 83.

(4) Лѣт. о мят., стр. 295. Никон. Лѣт., т. VIII, стр. 197. Маскѣвичъ (стр. 124) говоритъ: «Наши товарищи вмѣстѣ съ паномъ Струсемъ еще до прибытія короля къ столицѣ, сдались Москвитянамъ отъ нестерпимаго голода, на договоръ.»

(5) Bielski — Kronika Swiata. S. 774. «Wszyscy bowiem na odległeysze mieysca Moskwy do wiczenia zaprowadzeni; krom Strusia niegdys przełożonego nad zamkiem, ktory przez cały czas swoiey niewoli w miescie Moskwie był drzyman.»

(6) Дополн. къ Актамъ Истор., т. I, № 166.—Рукоп. Филарета, стр. 65.

(7) Рукоп. Филарета, стр. 65. «И по семъ начальницы Московстіи повелѣваютъ воеводу и властелина Польского народу пана Струся утвердити за крѣпкими стражи, и иныхъ начальниковъ и воеводъ Польскаго народу, вкупѣ жь и все воинство за приставы раздаваша въ окрестные града розслаша, *смерти же ихъ по обѣщанію не предаша.*» Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 24, стр. 116. Въ 1614 году бояре писали въ Польшу объ этихъ плѣнникахъ слѣдующее: «Государя вашего люди, которые взяты на Москвѣ, Николай Струсь, полковники и ротмистры и все его товарищество и иные полоняники сидятъ во дворѣхъ на Москвѣ, и по городамъ дворы имъ даны добрые и

На другой день по сдачѣ Кремля, въ воскресенье, назначенъ торжественный входъ побѣдоноснаго войска въ Кремль. Шествіе открылось съ двухъ сторонъ: Трубецкой съ своими полками шелъ отъ церкви Казанскія, что у Покровскихъ-Воротъ, а Пожарскій отъ церкви Іоанна-Милостиваго, что на Арбатѣ. Когда войска собрались у Лобнаго-Мѣста, архимандритъ Лавры, Діонисій совершилъ молебствіе, и торжествующіе побѣдители, въ сопровожденіи всего народа, остававшагося въ Москвѣ, вступили въ Кремль съ крестами и хоругвями, встрѣченные архіепископомъ Елассонскимъ, Арсеніемъ. Невозможно выразить словами, говоритъ Палицынъ, того страшнаго опустошенія, которое представилъ Кремль взорамъ православныхъ; въ церквахъ валялись оглоданныя кости животныхъ, иконы разсѣчены, престолы ободраны, утварь церковная изломана и разбросана» (1). Справедливо называли Русскіе Поляковъ *врагами Креста Христова* (2). Къ радости православныхъ, святыня Успенскаго-Собора осталась въ цѣлости: Владимірская икона Богоматери и мощи святителей: Петра, Алексія, Іоны— сохранились неприкосновенными (3). Выбросивъ нечистое, отслужили въ Успенскомъ-Соборѣ литургію, которой не было тамъ цѣлые 18 мѣсяцевъ. Со слезами и умиленіемъ молился народъ и благодарилъ Бога, спасшаго Русь отъ конечнаго потребленія.

Но радость народа скоро обратилась въ печаль. Въ Москвѣ получили извѣстіе, что Сигизмундъ уже въ Вязьмѣ и думаетъ скоро быть подъ стѣнами столицы. Онъ самъ писалъ въ Москву, что скоро будетъ и велѣлъ ждать себя. Это извѣстіе привело въ ужасъ Русскихъ; казаки ушли изъ Москвы, въ которой нечѣмъ было имъ поживиться и производили въ окрестностяхъ такіе страшные грабежи и убійства, что эта послѣдняя бѣда, говоритъ лѣтописецъ, была горше первой. Ни денегъ, ни запасовъ въ Москвѣ не было (4). Времени оставалось мало для-того, чтобъ успѣть набрать войско и приготовиться къ оборонѣ въ случаѣ появленія Сигизмунда въ столицѣ. Воеводы писали въ Казань и другіе города, прося помощи; но въ Казани Шульгинъ едва не убилъ посланныхъ.

Между-тѣмъ Сигизмундъ явился подъ Волоколамскимъ и осадилъ этотъ городъ; вѣсть о взятіи Москвы встревожила его. Онъ шелъ прежде съ надеждами вѣнчать Владислава на Русское Царство, и не открывалъ военныхъ дѣйствій, проходя первые русскіе города. И въ Вязьмѣ жилъ онъ мирно, потому-что еще не зналъ о послѣднихъ

царское жалованье, кормъ и питье даютъ имъ довольно и скудости и тѣсноты имъ нѣтъ ни которыя.»

(1) Палицынъ, стр. 248.

(2) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 288.

(3) Ibid.

(4) Акты Эксп., № 216. Наказная память Трубецкаго и Пожарскаго есаулу Поликарпову о сборѣ въ Вологдѣ запасовъ для войска. «А то всякимъ людемъ сказати, что служилые люди дому Пречистые Богородицы и царствующаго града Москвы доступили, не щадя головъ своихъ, а нынѣ они на земской службѣ безъ запасу и помираютъ голодомъ.»

происшествіяхъ въ Москвѣ; но потомъ, получивъ о томъ извѣстіе, открылъ непріятельскія дѣйствія и нападалъ «жестокими приступы» на города, лежавшіе по дорогѣ. Погорѣлое-Городище (Тверской-Губерніи Зубцовскаго-Уѣзда) первое увидѣло въ немъ врага. Когда онъ осадилъ этотъ городъ, воевода Шаховской послалъ сказать ему, что если Москва покорится ему, то и онъ признаетъ власть короля. Сигизмундъ пошелъ къ Волоколамску, и отсюда отправилъ въ Москву князя Мезецкаго и дьяка Грамотина съ приказомъ, чтобъ они приготовили жителей столицы къ пріему короля и его сына въ-силу данной ему присяги. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ послалъ онъ къ Москвѣ отрядъ подъ начальствомъ Адама Жолкѣвскаго. Кажется, онъ все-еще ласкалъ себя надеждою, что Русскіе выполнятъ свою присягу, и могъ думать, что Струсь возбудилъ противъ себя ненависть Русскихъ своимъ жестокимъ обращеніемъ съ ними, и что они, по личнымъ неудовольствіямъ на него, приняли такія рѣшительныя мѣры. Это предположеніе подтверждается письмомъ короля, писаннымъ въ Москву изъ Орши, отъ 25 сентября. Король извѣщалъ бояръ, бывшихъ въ Кремлѣ, что онъ идетъ водворить миръ и тишину въ Россіи, и что онъ приказалъ гетману прекратить непріятельскія дѣйствія и не обижать Русскихъ (1). Съ этою мыслью онъ не велѣлъ и Жолкѣвскому безъ нужды вступать въ сраженіе съ московскимъ ополченіемъ, а только вызнать мнѣніе Русскихъ, и развѣдать о состояніи народа и войска. Но Русскіе встрѣтили Жолкѣвскаго какъ врага, и рѣшились умереть за отечество. Дѣло ограничилось, однакожь, легкой сшибкой: Жолкѣвскій взялъ въ плѣнъ одного Смольянина Философова и подвергъ его допросу (2). Этотъ съ твердостью отвѣчалъ, что въ Москвѣ сильное войско, что запасовъ въ ней множество, что королевича взять на царство тамъ вовсе и не думаютъ, а готовы биться на-смерть за православную вѣру. Жолкѣвскій повѣрилъ ему и, опасаясь подвергнуть гибели свой отрядъ, воротился къ Волоколамску и донесъ королю о томъ, что слышалъ. Философовъ представленъ былъ королю, и ему съ такимъ же увѣрительнымъ тономъ пересказалъ о состояніи Москвы. Сигизмундъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Къ-тому же осаждаемые въ Волоколамскѣ защищались съ такою храбростью, что король никакъ не могъ взять города и потерялъ много солдатъ (3). Онъ рѣшился отправиться назадъ въ Польшу. Это было зимою въ концѣ 1612 года. На возвратномъ пути изъ Россіи множество солдатъ погибло у него отъ холода и голода. Русскіе отряды преслѣдовали и съ безчестіемъ выгнали изъ Россіи претендента на русскій престолъ. Главною причиною неудачнаго похода короля было, конечно, не то, что его обманулъ Философовъ, а то,

---

(132) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 286.

(133) Въ Лѣтописи о мятежахъ онъ называется стольникомъ; но это описка: въ Никоновской-Лѣтописи «Смольянинъ».

(134) Древн. Росс. Вивл., томъ V, стр. 64. «И воеводы съ королемъ бились близко Волоколамсково, два дни не сседая съ коней, и многихъ людей у короля побили, больше 1,000 человѣкъ живыхъ взяли.»

что у него было немного войска. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Маскѣвичъ: «Король, говоритъ онъ, прислалъ къ намъ Ланцкоронскаго съ предложеніемъ воротиться въ Москву, куда, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшился идти онъ самъ, чтобъ сѣсть на престолъ московскій. Имѣя нѣсколько тысячь войска польскаго и иноземнаго, *слишкомъ-слабаго въ сравненіи съ силами непріятеля*, онъ надѣялся какъ на насъ, такъ и на тѣхъ изъ нашихъ, которые были въ Россіи; но надежда его обманула: мы не могли идти, терпя во всемъ недостатокъ, а наши товарищи вмѣстѣ съ паномъ Струсемъ, еще до прибытія короля къ столицѣ, сдались Москвитянамъ. Посему король долженъ былъ воротиться ни-съ-чѣмъ. Съ нимъ былъ гетманъ литовскій, Янъ Король Хоткевичъ, а коронный гетманъ Жолкѣвскій (Станиславъ) не хотѣлъ и съ мѣста тронуться» (1).

Неизъяснима была радость Русскихъ объ отшествіи короля. Окончательное избавленіе отъ иноплеменныхъ праздновали теперь, какъ блистательную побѣду, какъ чудесное спасеніе отъ долговременнаго рабства. Воеводы разослали по всѣмъ городамъ грамматы съ извѣстіемъ объ освобожденіи Москвы, и съ предписаніемъ, чтобъ во всѣхъ церквахъ служили благодарственные молебны и три дня звонили (2). Ободренная, оживленная Россія почувствовала свою силу и теперь готова была бороться съ своими врагами. Бѣда еще угрожала ей со стороны Швеціи, но Русскіе уже не боялись Шведовъ и въ сношеніяхъ съ Делагарди выказывали всю бодрость и неустрашимость. Когда дѣла были покончены съ королемъ, Делагарди прислалъ въ Москву посла, Богдана Дубровскаго—напомнить Русскимъ, что пора теперь исполнить присягу, данную королевичу шведскому, и извѣстить, что Филиппъ ѣдетъ уже въ Новгородъ. Но воеводы, сбывъ съ рукъ одного королевича, отдѣлались и отъ другаго. Богдану Дубровскому дали такой отвѣтъ: «того у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобъ намъ взяти иноземца на Московское Государство: а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылались для-того, чтобъ намъ въ тѣ поры не помѣшали, боясь того, чтобъ не пошли въ московскіе городы; а нынѣ Богъ Московское Государство очистилъ, и мы ради съ вами за помощію Божіею биться и идти на очищеніе Новгородскаго Государства» (3). Какая смѣлость! Русь не только не хочетъ принять королевича—хочетъ даже выгнать Шведовъ изъ Новгорода. Не менѣе самоувѣренности высказали Русскіе и въ томъ еще, что отказались принять вспомогательное войско, прибывшее изъ Англіи. Англичане предлагали свои услуги—помочь Русскимъ избавиться отъ Поляковъ—но Русскіе поблагодарили короля Якова за это позднее предложеніе и сказали, что у нихъ теперь и своихъ силъ довольно.

Теперь наступило время подумать и о царѣ своемъ, православномъ. Нужно было поспѣшить этимъ дѣломъ, чтобъ уничтожить бѣд-

---

(1) Маскѣвичъ, стр. 124.
(2) Соб. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 288.
(3) Лѣт. о мят., стр. 300.

ственную для всѣхъ анархію, чтобъ собрать воедино разрозненныя части государства, чтобъ уврачевать тяжкія раны ему нанесенныя. Нужно было и потому, чтобъ успѣть собраться съ силами для ожидаемой новой борьбы съ Польшею и Швеціею, изъ которыхъ та и другая готовили удары Россіи, желая возвратить мнимыя на нее права или мстить за мнимое вѣроломство. Смертію Өеодора Іоанновича пресѣклась прямая линія властителей Рюрикова Дома; оставались линіи боковыя. Рѣшились всею землею выбрать царя; указывали на несчастный опытъ не единодушнаго избранія Василія Шуйскаго, которое открыло путь многимъ безпорядкамъ и возмущеніямъ. Составили Совѣтъ и послали во всѣ города грамматы съ предписаніемъ, чтобъ изъ каждаго города явились въ Москву знатные люди духовнаго и свѣтскаго чина, а отъ нисшихъ сословій выборные люди. Призываемые скоро собрались въ Москву, ибо всѣ пламенно желали, чтобъ на Москвѣ не было *безгосударно*. Искательный Трубецкой воспользовался обстоятельствами, не хотѣлъ дожидаться награды отъ будущаго государя и получилъ отъ Земскаго-Совѣта Вагу, бывшую отчину царя Бориса (городъ Шенкурскъ съ уѣздомъ) (1). Совѣстливый Пожарскій ничего не искалъ у членовъ Совѣта и ничего не получилъ. Ему не лестны были награды незаконныя; еще въ ту пору, какъ онъ былъ въ Ярославлѣ, Трубецкой и Заруцкій прислали ему жалованную граммату на богатое село Вороново въ Костромскомъ-Уѣздѣ, съ большимъ количествомъ земли; но онъ не принялъ отъ нихъ этого дара (2).

Началось дѣло объ избраніи царя. Поднялись споры, составились партіи и каждая представляла общему вниманію своихъ выборныхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что «многое было волненіе всякимъ людемъ, кійждо бо хотяше по своей мысли дѣяти и кійждо про кого говоряше; иніи убо *подкупахуся* и засылаху, хотяше взойти на такую степень» (3). Послѣ клепали на самого Пожарскаго, будто онъ подкупалъ на царство и это стоило ему 20 тысячь (4).

---

(1) Древн. Росс. Вивліоѳ., т. XV, стр. 201 и слѣд Граммата Трубецкому на Вагу написана въ январѣ 1614 года. Замѣчательно, что Трубецкой выхлопоталъ себѣ Вагу, когда еще не всѣ съѣхались на Совѣтъ.

(2) Біограф. свѣд. о кн. Пожарск., соч. Малиновскаго. Стр. 46.

(3) Лѣт. о мят., стр. 301—302. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I. № 203.

(4) См. Сыскное дѣло о спорѣ межевыхъ судей Василія Ромодановскаго съ Иларіономъ Сунинымъ 1634 — 37 года. Чтен. въ Обществѣ Истор. и Древн. 1848. № 7. На Сумина донесли, будто онъ въ ссорѣ съ Ромодановскимъ говорилъ такія слова: «не государься и не воцаряйся, князь Василей; и братъ твой, бояринъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, докупался государства, и ему стало тысячь въ двадцать, да того ему Богъ не далъ.» Сумину сдѣлали допросъ; онъ отвѣчалъ, что такихъ словъ онъ не говорилъ, что тѣмъ его князь Василей поклепалъ. Но Ромодановскій утверждалъ, что Суминъ отпирается отъ своихъ словъ. Тогда царь Михаилъ Өеодоровичъ нарядилъ слѣдствіе и велѣлъ разспросить, когда это, по словамъ Сумина, хотѣлъ воцаряться Пожарскій, до избранія ли его на престолъ, или уже во время его царствованія? Пятьдесятъ человѣкъ Псковичей и Пустожерцевъ показали, что Суминъ дѣйствительно укорялъ такими словами Ромодановскаго, «а говорилъ онъ, Ларіонъ,

21 февраля, въ недѣлю Православія, назначено послѣднее чрезвычайное засѣданіе Земскаго-Совѣта. Несмотря на духъ партій, Дума большей части членовъ Совѣта была въ пользу юнаго Михаила Θеодоровича Романова, племянника, по матери, царю Θеодору, сына ростовскаго митрополита Филарета. Не случайно сказано имя его среди шумнаго собранія. Нѣтъ! Романовыхъ имѣлъ въ виду еще самъ царь Θеодоръ. Беръ говоритъ, что «Θеодоръ, умирая, предложилъ скипетръ старшему изъ Никитичей, Θеодору (послѣ Филарету, отцу Михаилову) имѣвшему на престолъ ближайшее право. Но Θеодоръ Никитичъ отказался отъ царскаго скипетра» (1). Патріархъ Гермогенъ не скрывалъ мысли, что Домъ Романовыхъ имѣетъ больше всѣхъ права на престолъ и указывалъ народу на юнаго Михаила, какъ на надежду и опору государства. Жолкѣвскій еще послѣ клушинской битвы, писалъ объ этомъ королю. «Патріархъ побуждалъ» говоритъ онъ, «чтобъ избрали или князя Василія Голицына, или Никитича Романова, сына ростовскаго митрополита; это былъ юноша, можетъ-быть, пятнадцати лѣтъ. Представлялъ же онъ его потому, что митрополитъ ростовскій, отецъ его, былъ двоюродный братъ по матери царя Θеодора; къ патріаршему мнѣнію склонялся весь народъ, Гонсѣвскій говорилъ посламъ русскимъ (на съѣздѣ 1616 года), что желаніе патріарха Гермогена было единственно—видѣть Михаила на престолѣ русскомъ. Патріархъ, умирая, завѣщалъ любимую мысль свою народу. Поляки, зная это, всячески старались убить эту мысль въ народѣ, держали въ плѣну отца Михаилова, Филарета; самъ Михаилъ съ матерью во время осады Москвы былъ содержимъ Поляками въ Кремлѣ подъ строгимъ карауломъ и подвергался опасности лишиться жизни (2). Но Провидѣніе сохранило державнаго отрока отъ всѣхъ бѣдъ для счастія Россіи.

Палицынъ разсказываетъ, что каждый изъ выборныхъ людей

то слово глухо, подъ Москвою ли будучи, или уже въ царствованіе Михаила Θеодоровича бояринъ кн. Димитрій Михаиловичъ Пожарскій докупался государства.» То же подтверждали дьякъ Прокофьевъ, дьякъ Быльевъ и многіе дворяне псковскіе. Дѣло затянулось. Суминъ подавалъ челобитныя, чтобъ государь не вѣрилъ показанію Псковичей, потому что они держали сторону Ромодановскаго, который былъ тестемъ псковскаго воеводы Куракина. Ромодановскій съ своей стороны просилъ, чтобъ при допросѣ отстранить Лучанъ, потому-что они не были свидѣтелями ихъ ссоры и потому-что Суминъ въ родствѣ съ луцкимъ воеводою. Дѣло такимъ-образомъ тянулось четыре года и ни одна сторона не получила удовлетворенія; видно, что государь не хотѣлъ дать особеннаго значенія словамъ Сумина, сказаннымъ съ-горяча въ ссорѣ, и смѣнилъ ихъ обоихъ съ должностей межевыхъ судей. Пожарскій нисколько не потерпѣлъ отъ этой исторіи; мы увидимъ, что онъ и дѣти его, во все это время и послѣ, оставались на службѣ при дворѣ и пользовались царскою милостію. Ромодановскій, какъ родственникъ Пожарскаго, не сталъ бы начинать дѣла, въ которомъ такъ дурно выставлялась личность князя Дмитрія; у него была цѣль только повредить Сумину.

(1) Лѣтоп. Бера, стр. 5. И въ народѣ ходила молва, что Θеодоръ дѣйствительно желалъ имѣть своимъ преемникомъ Романова. См. И. Г. Р., т. X, пр. 370.

(2) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 203, стр. 611, «и домышляхуся, какъ бы его, аки агнеца незлобиваго смерти предати».

долженъ былъ написать свое мнѣніе объ избираемомъ царѣ, и когда 21 февраля представлены были такія записи въ засѣданіе Совѣта, оказалось, что общее мнѣніе было въ пользу Михаила. Итакъ онъ торжественно провозглашенъ былъ царемъ и войско, собранное у Лобнаго-Мѣста, радостно воскликнуло: «да будетъ царемъ нашимъ Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ!» Въ тотъ же день собрали присягу новому царю и отправили въ Кострому грамматы къ самому Михаилу и матери его, инокинѣ Мароѣ. Отсылаемъ любопытныхъ къ акту избранія Михаила на царство; въ немъ дѣло раскрыто со всѣми подробностями (1).

Во время совѣщанія Земскаго-Совѣта, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій былъ въ Москвѣ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ подписался подъ дарственною грамматою, данною Трубецкому на владѣніе Вагою. Къ нему и къ Трубецкому, относились всѣ чины въ дѣлѣ о избраніи царя (2). Пожарскій подписался за себя и за Хованскаго и подъ самою выборною грамматою, и ѣздилъ встрѣчать новаго царя (3).

11-го іюля Михаилъ Өеодоровичъ вѣнчанъ на царство. Во время коронованія Пожарскій занималъ важный постъ: ему царь поручилъ принесть съ *казеннаго двора* царскій чинъ, т.-е. бармы, скипетръ, державу и вѣнецъ; во время процессіи, отправлявшейся изъ дворца въ Успенскій-соборъ, Пожарскій несъ царскій скипетръ и во все время литургіи стоялъ около налоя, на которомъ лежали царскія регаліи и «берегъ со страхомъ и трепетомъ, чтобъ никто же отъ простыхъ людей прикоснулся того царскаго сану и вѣнца». Во время помазанія царя мvромъ онъ держалъ *яблоко царскаго чина* (державу) (4), послѣ коронованія былъ приглашенъ къ царскому столу и награжденъ саномъ боярина, какъ значится въ дворцовыхъ запискахъ, въ которыхъ читаемъ: «Въ разрядѣ сыскано въ 121 году Іюля въ 11-й день Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичъ всея Русіи пожаловалъ въ бояре стольника князь Дмитрія Пожарскова, а боярство ему сказывалъ Гаврило, Григорьевъ сынъ, Пушкинъ. И Гаврило билъ

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 203, и томъ III, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12. Въ выборной грамматѣ между-прочимъ сказано, будто шведскій король писалъ въ Московское-Государство, чтобъ выбрали государя не чужеземца, а своего, изъ русскихъ родовъ. Это странно; мы имѣемъ извѣстія, что шведскій король и по вступленіи на престолъ Михаила Өеодоровича продолжалъ имѣть претензіи на русскій престолъ. См. Дополн. къ Истор. Акт., томъ II, №№ 4, 5, 11, 12, 13, 20, 24, 32, 42, 44.

(2) Палицынъ, стр. 253.

(3) Собр. Гос. Гр., т. I, № 203. Граммата писана въ маѣ 1613 года и здѣсь Пожарскій уже подписался *бояриномъ*. Между-тѣмъ онъ получилъ боярство 11 іюля. Видно, что подписи сдѣланы не въ маѣ, даже и не въ 1613 году, а гораздо-позже. Вотъ доказательство: въ грамматѣ князь Черкасскій подписался бояриномъ, но боярство получилъ онъ 11 іюля. Также подписались боярами князь Иванъ Одоевскій и Борисъ Салтыковъ, но они получили боярство въ 1614 году. См. Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 89. См. Опис. Госуд. Разряд. Архив. 1842 г., стр. 260.

(4) Собр. Гос. Гр. и Догов., т. III, № 16, стр. 71, 72, 85.

челомъ Государю, что ему, князю Дмитрію, боярство сказывать не вмѣстно, потому-что родители ихъ меньши Пожарскихъ нигдѣ не бывали. И Государь указалъ для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинѣхъ быть безъ мѣстъ, а не для Гаврилова челобитья, а челобитье всѣхъ отставить, и Гаврило князю Дмитрію боярство сказывалъ» (1). Въ тотъ же день знаменитый сподвижникъ Пожарскаго, Козьма Мининъ пожалованъ думнымъ дворяниномъ (2) и награжденъ отчиною въ Нижегородскомъ-Уѣздѣ, селомъ Богородицкимъ съ деревнями (3). 30-го іюля и Пожарскому дана жалованная граммата на его прежнее помѣстье—Нижній-Ландехъ (4).

Царю былъ только 17-й годъ. Не крамолы, не замыслы вельможъ властвовать при слабости юнаго вѣнценосца возвели Михаила на престолъ; нѣтъ! Его избрала вся Русская Земля, глубоко возчувствовавшая нужду въ своемъ царѣ единокровномъ, послѣ множества смутъ, терзавшихъ ея нѣдра. Всѣ сознавали нужду въ успокоеніи послѣ столькихъ бѣдъ; крамолы притихли, горькій опытъ достаточно научилъ и вразумилъ и бояръ и народъ, къ чему вело возстаніе противъ царской власти; какъ гибельна была смерть Бориса и низложеніе Василія Шуйскаго. Пора было затихнуть этой бурѣ, которая сокрушила Россію съ одного конца до другаго, которая очистила ряды вельможъ — и вотъ доказательство тогдашняго состоянія умовъ въ Россіи: около Михаила совокупились вельможи разнородныхъ партій, приверженцы двухъ царей и двухъ самозванцевъ — доказательство самое убѣдительное, что была общая потребность въ успокоеніи; что личные интересы потерялись въ одномъ желаніи мира подъ скипетромъ царя. Это желаніе рѣзко обозначилось и въ самомъ избраніи царя; партіи должны были замолкнуть предъ единодушнымъ выборомъ. На первый же разъ Михаилъ выказалъ прекрасную сторону въ своемъ характерѣ— онъ не сталъ мстить прежнимъ своимъ врагамъ.

Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ, личность Пожарскаго не могла слишкомъ выдаваться предъ прочими боярами думы. Онъ былъ только-что сдѣланъ бояриномъ: и по характеру своему и по недавнему повышенію не могъ имѣть претензій на первенство при особѣ царя. Царь зналъ его заслуги, съ похвалою упоминалъ о немъ въ грамматахъ, наградилъ и во всю жизнь ласкалъ его. Враговъ при дво-

---

(1) Повсядн. Дворц. Записки, ч. 1, стр. 78, 79. Итакъ мнѣніе, что Пожарскій получилъ санъ боярина отъ Земскаго-Совѣта, еще до избранія царя, оказывается невѣрнымъ. См. Арцыбаш. Повѣств. о Россіи, томъ III, прим. 1,732. Пушкинъ возобновилъ мѣстническій споръ съ Пожарскимъ въ 1634 году; но дѣло кончилось въ пользу Пожарскаго, и Пушкинъ посаженъ въ тюрьму. Повс. Двор. Зап., т. I, стр. 79.

(2) Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 88, 89.

(3) Акт. Эксп., т. III, № 83.

(4) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 56, «а въ той жалованной грамотѣ, какова ему дана въ прошломъ въ 121 году, іюля въ 30 день написано: пожаловали мы боярина нашего князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго въ Суздальскомъ-Уѣздѣ приселкомъ Нижнимъ-Ландехомъ».

рѣ онъ не имѣлъ, развѣ только Лыкова, который въ 1609 году имѣлъ съ нимъ мѣстническій споръ, да и это вѣроятно уже не оставило слѣдовъ непріязни и было забыто. Трубецкой въ послѣднее время былъ въ-ладу съ нимъ; Романовы и Мстиславскій обязаны были ему своею безопасностью по сдачѣ Кремля. Повторимъ, что еслибъ онъ и имѣлъ враговъ, то это ничего бы не значило для Пожарскаго при такомъ царѣ, какъ Михаилъ и при такомъ положеніи Двора и Думы. Непріятности могли быть мѣстническія: родъ Пожарскаго не отличался знаменитостью и древностью; ему не-на-чѣмъ было опереться въ случаѣ мѣстническихъ споровъ, и если Лыковъ и Пушкинъ имѣли смѣлость возставать противъ *ходобы* его рода, то столкновеніе съ Трубецкими, Солтыковыми, Долгорукими никакъ уже не могло кончиться въ пользу новаго боярина. Искусительный случай не замедлилъ представиться: 6-го декабря 1613 года, царь пожаловалъ въ бояре Бориса Михайловича Солтыкова и приказалъ, чтобы Пожарскій съ дьякомъ Васильевымъ сказали ему боярство. Но Пожарскій отказался, сказавъ, что меньше Солтыкова ему быть невмѣстно, и уѣхалъ изъ дворца. Солтыковъ билъ царю челомъ на Пожарскаго, что тотъ его обезчестилъ, что Пожарскій ниже не только его-самого, но и меньшаго брата его многими мѣсты. «И Государь *говоря съ бояры,* велѣлъ князя Дмитрія Пожарскаго вывесть въ городъ, и велѣлъ его за Борисово боярство *выдать* Борису *головою* и въ разрядѣ велѣлъ записать» (1). Говорятъ, что этотъ случай былъ нарочно подготовленъ завистниками и недоброжелателями Пожарскаго, что съ нимъ поступлено весьма-неблагодарно (2). Но мы согласны лучше приписать это дѣло *грубости тогдашнихъ нравовъ* (3), чѣмъ думать, что наказаніе Пожарскаго было дѣломъ совершенно-необыкновеннымъ и чрезвычайнымъ. Духъ мѣстничества такъ глубоко проникъ общество того времени, что нельзя почти указать ни одного лица, которое бы не было заражено этимъ духомъ. Мы знаемъ примѣры, что бывали мѣстническіе споры между нисшими чиновниками, на-примѣръ: въ 1636 году «Государю били челомъ на Ивана Ржевскаго Василій Мясной, да Максимъ Крюковъ, что имъ меньше его быть нельзя» (4). Не мудрено, что духъ мѣстничества — жалкій выродокъ древнихъ родовыхъ отношеній—уничтожалъ или по-крайней-мѣрѣ ослаблялъ благородство намѣреній и дѣйствій въ людяхъ съ прекрасною душою, съ великими дарованіями: бурнымъ потокомъ мѣстничества увлеченъ былъ и знаменитый спаситель отечества, князь Пожарскій, и это уже не въ первый разъ. Не разъ быва-

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 18. Выданный головою обиженному, долженъ былъ поклониться ему въ землю и до-тѣхъ-поръ не вставать, пока не выпроситъ прощенія. Обиженный въ это время вычитывалъ обидчику всѣ неудовольствія и бранилъ за безчестіе, нанесенное его роду; потомъ, удовлетворенный уничиженіемъ обидчика, говорилъ, что повинную голову ни сѣкутъ, ни рубятъ, и прощалъ его.

(2) Малиновскій и Чичаговъ, въ «Біограф. Пожарскаго».

(3) Историко-критич. Отрывки, Погодина, стр. 303.

(4) Повсяд. Дворц. Зап., т. I, стр. 134.

ло, что жаловались на него, и самъ онъ билъ челомъ объ отечествѣ. Онъ считалъ родъ свой слишкомъ-знаменитымъ; но еще Лыковъ замѣтилъ ему, что онъ *разошелся* съ знаменитыми князьями Стародубскими и Ряполовскими; что онъ долженъ указывать на своихъ ближайшихъ предковъ и родственниковъ (1). И въ настоящее время повторилось то же; Пожарскій, какъ видно, думалъ усилить важность своего рода своими личными заслугами, но въ мѣстничествѣ они ничего не значили: тамъ все значила генеалогія, и только она одна. Вотъ доказательство: въ 1642 году князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ хотѣлъ сѣсть во дворцѣ выше князя Дмитрія Маметрюковича Черкасскаго; тогда дьяку велѣно было сказать Голицыну: «ты, князь Иванъ, тѣмъ князя Дмитрія Маметрюковича Черкасскаго безчестилъ, бояринъ князь Дмитрій Маметрюковичъ *человѣкъ великой*». Почему жь такъ? Далѣе читаемъ: «честь ихъ старая; въ прежнихъ лѣтѣхъ блаженной памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ дядя его, бояринъ князь Михаилъ Темгрюковичь Черкасской былъ въ великой чести и проч.» (2). Такимъ-образомъ Пожарскій билъ челомъ на Солтыкова *не по своей мѣрѣ*. Родъ Солтыковыхъ знаменитѣе рода Пожарскихъ. Пожарскій первый положилъ начало славы своего рода; имъ же она и кончилась; но Солтыковы издавна занимали почетныя мѣста въ государствѣ. Ошибся Пожарскій и въ томъ, что почелъ низкимъ для себя *сказывать боярство* Солтыкову: боярство поручали иногда сказывать по личному и родовому достоинству высшимъ тѣхъ, которые награждались боярствомъ, и на это есть доказательство: въ 1635 году «царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ князю Ивану Андреевичу Голицыну, сказать боярство князю Петру Александровичу Репнину, но Голицынъ отказался и сказалъ, что родители его боярства никому не сказывали. Тогда самъ Государь сказалъ Голицыну: «По приговору государскому *большіе меньшимъ сказываютъ, а отечеству ихъ тѣмъ порухи нѣтъ*. При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ бояринъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой сказывалъ боярство Борису Годунову, а у стола Борисъ Годуновъ съ нимъ былъ и послѣ того бывалъ меньше его; а и нынѣ многіе сказывали меньши себя боярство: бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой сказывалъ боярство Семену Головину. И ты не упрямливайся, князь Петру боярство скажи, и тѣмъ отечеству твоему порухи не будетъ.» Но Голицынъ не послушался и боярства Репнину не сказалъ. Государь велѣлъ его за это посадить въ тюрьму на три дня. На четвертый день онъ послалъ сказать ему, чтобъ онъ сказалъ боярство, что если не скажетъ, то его сошлютъ въ ссылку, но Голицынъ отвѣчалъ: «въ раззореньѣ и ссылкѣ воленъ Богъ, да Государь, а ему, князь Петру, боярства не сказывать» (3).

---

(1) Русск. Истор. Сборн. 1838 г., т. II, стр. 267 и слѣд.
(2) Повсяд. Дворц. Зап., т. I, стр. 232.
(3) Тамъ же, стр. 115.

Теперь обратимъ вниманіе на наказаніе, присужденное Пожарскому: и тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Въ Разрядной-Книгѣ сказано: «И *Государь говоря съ бояры* велѣлъ выдать его головою». Въ этихъ словахъ никакъ нельзя видѣть того, что Пожарскій по навѣту бояръ подвергнутъ наказанію. Дѣла мѣстничества обыкновенно поручались боярамъ; они справлялись съ разрядными книгами и выводили, чье дѣло было правое, чье нѣтъ. Въ дѣлѣ Пожарскаго видна та особенность, что самъ царь участвовалъ въ немъ, самъ говорилъ съ боярами и тутъ-то видно особенное вниманіе царя къ знаменитому избавителю отечества; въ другихъ случаяхъ царь предоставлялъ все производство мѣстническихъ дѣлъ боярамъ, и сами они составляли приговоръ. Представимъ примѣръ: въ 1640 году князь Өедоръ Куракинъ билъ челомъ въ отечествѣ на князя Алексѣя Трубецкаго. «И государь приказалъ ихъ дѣло слушать боярамъ, и бояре дѣло слушали и приговорили, что Куракинъ билъ челомъ на Трубецкаго *не дѣломъ* (1). Споры мѣстническіе кончались наказаніемъ тому, кто меньше былъ родомъ и билъ челомъ не по своей мѣрѣ. Виновнаго сажали въ тюрьму, выдавали обиженному головою, сѣкли кнутомъ и иногда ссылали въ ссылку. Мы имѣемъ множество примѣровъ, что въ мѣстническихъ спорахъ не разбирали никакихъ заслугъ, и если человѣкъ съ высокими личными достоинствами безчестилъ вельможу, знаменитаго только предками, перваго не щадили и заставляли его платить безчестье обиженному. Такъ на-примѣръ, бояринъ Иванъ Андреевичъ Голицынъ за безчестье, сдѣланное Черкасскому въ 1642 году, посаженъ въ тюрьму (2). Такъ же поступлено съ бояриномъ Андреемъ Васильевичемъ Хилковымъ, за мѣстническій споръ съ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ (3), несмотря на то, что Хилковъ, бывшій воеводою еще при Шуйскомъ, потомъ при Михаилѣ бояриномъ съ 1625 года и воеводою псковскимъ и новгородскимъ, былъ очень-любимъ царемъ и часто обѣдалъ у него во дворцѣ; тогда-какъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ былъ сдѣланъ бояриномъ только въ 1634 году. Но чрезъ два года самъ Шереметевъ, за котораго наказанъ былъ Хилковъ, въ свою очередь посаженъ былъ въ тюрьму за споръ съ Одоевскимъ объ отечествѣ (4). Мѣстническія наказанія не имѣли рѣшительно никакого вліянія на репутацію наказаннаго и на мѣсто, которое онъ занималъ на службѣ. Бояринъ, котораго сажаютъ въ тюрьму и выдаютъ головою, не теряетъ черезъ это ничего на службѣ, не лишается благоволенія государя. Вотъ примѣры: Өедоръ Куракинъ, крапивинскій воевода, посаженъ былъ въ тюрьму за безчестье, нанесенное Трубецкому; но несмотря на это «на Крапивнѣ указалъ государь князь Өедору Куракину быть попрежнему» (5). Хилковъ посаженъ въ тюрьму за споръ съ

(1) Повсяд. Дворц. Зап., т. I, стр. 206.
(2) Тамъ же, стр. 232.
(3) Ibid., стр. 239.
(4) Ibid., стр. 266.
(5) Повсяд. Дворц. Зап., т. I, стр. 206.

Шереметевымъ; однакожь въ Судномъ Московскомъ Приказѣ указалъ ему государь сидѣлъ попрежнему» (1). Голицынъ и Хилковъ, сидѣвшіе въ тюрьмѣ за мѣстническіе споры и послѣ того не лишены приглашенія къ столу царскому (2). По этимъ даннымъ должно судить и о дѣлѣ Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Мѣстническій споръ его съ Солтыковымъ былъ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей и вовсе не былъ подготовленъ, какъ думаютъ, завистливыми боярами: его также не пощадили за неправое челобитье, какъ не щадили другихъ знаменитыхъ вельможъ. Помилованіе его вышло бы изъ ряду законныхъ распоряженій Царя и Думы: въ лицѣ Солтыкова сочли бы себя обиженными всѣ знаменитые роды. Теперь выданъ былъ головою Пожарскій; черезъ нѣсколько времени ему выдали головою Юрія Татищева, который посланъ былъ Государемъ, въ 1618 году, спросить Пожарскаго о здоровьѣ, и отказался выполнять приказъ царя, ссылаясь на свои родовыя преимущества (3). Пожарскій, какъ увидимъ, ничего не потерялъ на службѣ и во мнѣніи царя за то, что оскорбилъ Солтыкова. Это дѣло было очень-обыкновенное.

Характеръ отношеній юнаго Михаила къ разнороднымъ членамъ Двора опредѣлялся самымъ положеніемъ государства въ это время. Ни въ Польшѣ, ни въ Швеціи, Михаила не хотѣли признавать царемъ: Сигизмундъ продолжалъ выказывать свои притязанія на престолъ русскій, и не хотѣлъ сноситься съ новымъ царемъ, а велъ дѣла, мимо его, съ боярами; Филиппъ и не думалъ отказываться отъ присяги Новгородцевъ и ждалъ уполномоченныхъ отъ всего государства (4); въ Астрахани объявилъ себя царемъ Заруцкій, и въ грамматахъ писался Дмитріемъ Іоанновичемъ (5); казаки, подъ предводительствомъ Баловня, производили страшные грабежи и убійства въ сѣверной Россіи; Лисовскій, отчаянный головорѣзъ, бѣжавшій отъ смертной казни изъ Польши, съ шайкою разбойниковъ свирѣпствовалъ въ Орловской-Губерніи. Трудно было положеніе юнаго царя: онъ имѣлъ нужду въ людяхъ служилыхъ. Самъ Пожарскій могъ быть въ глазахъ его не совсѣмъ правымъ по дѣламъ смутнаго времени: вскрылось дѣло о сношеніяхъ его съ цезаремъ Матвѣемъ, носились слухи, что онъ самъ не прочь былъ отъ чести занять престолъ Русскій, что онъ даже потратился на это; но Михаилъ оставался вѣренъ первому взгляду на вельможъ, и Пожарскому вмѣстѣ съ другими указывалъ на поприще новой дѣятельности, новой славы.

Воеводы брянскій и болховскій писали къ царю, что Лисовскій осаждалъ Брянскъ, но испытавъ неудачу пошелъ къ Карачеву, взялъ его, избилъ жителей, захватилъ въ плѣнъ воеводу и засѣлъ въ горо-

---

(1) Тамъ же, стр. 239.
(2) Ibid., стр. 246, 262.
(3) Малиновск «Біограф. Свѣд. о Пожарск.», стр. 91.
(4) Дополн. къ Акт. Истор., т. II, № 11.
(5) Акт. Истор., т. III, № 263, 264.

дѣ (1). Іюня 1615 года царь отправилъ противъ Лисовскаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ войскомъ, давъ ему въ товарищи воеводу Степана Исленьева. Въ наказѣ, данномъ по этому случаю Пожарскому, предписывалось во время похода наблюдать крайнюю осторожность: «и боярину князю Дмитрію Михайловичу съ товарищи идти дорогою на станъ съ великимъ береженьемъ, и на походѣ по дорогамъ и по сторонамъ посылать подъѣзды и велѣть провѣдывать про литовскихъ людей, чтобъ на походѣхъ литовскіе люди безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили» (2). Изъ наказа видно еще, что Пожарскому вручалось войско довольно многочисленное (3), между-тѣмъ, какъ шайка Лисовскаго состояла только изъ двухъ тысячь человѣкъ (4). Отчаянная храбрость *Лисовчиковъ* заставила Дворъ Московскій принять сильныя мѣры. Въ Бѣлевѣ войско Пожарскаго усилено остатками шайки Баловня, кончившаго жизнь на висѣлицѣ. Казаки явились къ Пожарскому съ повинною головою, получили прощеніе, и дали присягу вѣрно служить государю; это не первый и не послѣдній опытъ уваженія буйныхъ Запорожцевъ къ знаменитому избавителю отечества; тѣ, для которыхъ не было ничего священнаго, смирялись передъ любимымъ воеводой и считали за честь служить подъ его начальствомъ.

Между-тѣмъ Лисовскій, узнавъ о приближеніи царскаго войска къ Карачеву, сжегъ этотъ городъ и бѣжалъ къ Орлу. Пожарскій преслѣдовалъ его, встрѣтился съ нимъ у Орла и открылъ сраженіе: но робкій товарищъ воеводы, Исленьевъ, не выдержавъ и первой стычки, бѣжалъ съ своимъ полкомъ; его примѣру послѣдовала большая часть войска, и Пожарскій остался только съ 600 человѣкъ. Лѣтописецъ удивляется его храбрости и присутствію духа: онъ долженъ былъ биться съ непріятелямъ втрое многочисленнымъ, съ разбойниками, закаленными въ битвахъ. Войско, сознавая неравенство силъ для борьбы съ Лисовскимъ, просило Пожарскаго отступить къ Болхову, но воевода отвѣчалъ, что должно биться до послѣдней капли крови. Открылся рукопашный бой: горсть храбрыхъ держалась нѣсколько часовъ въ битвѣ неровной; наконецъ, видя крайнее изнеможеніе войска, Пожарскій велѣлъ устроить завалы и оградиться обозомъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Лисовскій не замѣтилъ отступленія Исленьева и, видя необычайную храбрость Русскихъ, думалъ, что въ битвѣ участвуетъ все войско. Потерявъ многихъ убитыми и 30 человѣкъ плѣнныхъ, онъ отступилъ за двѣ версты отъ мѣста сраженія. Къ ночи Исленьевъ воротился къ Пожарскому со всѣми ратными людьми и получилъ строгій выговоръ за удаленіе съ поля битвы; главные виновники бѣгства подверглись наказанію. На слѣдующее утро Пожарскій со всѣмъ войскомъ двинулся противъ Лисовскаго— послѣдній бѣ-

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 28.
(2) Тамъ же, стр. 133.
(3) Ibid., стр. 131.
(4) Лѣт. о мят., стр. 307.

жалъ къ Кромамъ, преслѣдуемый Русскими; потомъ вдругъ поворотилъ назадъ и окольною дорогою прошелъ къ Болхову: въ одни сутки онъ сдѣлалъ полтораста поприщъ (150 верстъ) — переходъ удивительно-быстрый! Воевода Болховскій, не ожидавшій нападенія, едва имѣлъ время приготовиться къ оборонѣ, выдержалъ однако съ своимъ гарнизономъ аттаку и далъ отпоръ Лисовскому. Лѣтописецъ говоритъ, что Лисовскій дѣйствовалъ какъ разбойникъ (1): въ образѣ войны онъ не слѣдовалъ обыкновенной тактикѣ, избѣгалъ сраженій, не велъ долговременной осады, но—нападалъ въ-расплохъ, грабилъ и убивалъ жителей и быстро переходилъ въ другое мѣсто съ такою же цѣлью добычи, не считая нужнымъ удерживать за собою взятыхъ городовъ. Отраженный отъ Болхова, онъ кинулся къ Бѣлеву; устрашенные воеводы бѣжали изъ города, предавъ его въ жертву разбойникамъ, алчнымъ корысти. Лисовскій, ограбивъ и предавъ огню Бѣлевъ, явился у Лихвина, но, отраженный воеводою Стрѣшневымъ, бѣжалъ къ Перемышлю, который былъ оставленъ беззащитнымъ: городскіе воеводы ушли въ Калугу. Туда отправился и Лисовскій, но услышавъ, что Пожарскій послалъ туда передовые отряды, а самъ идетъ къ Перемышлю, выжегъ этотъ городъ и бросился по дорогѣ между Вязьмою и Можайскомъ. Войска у Пожарскаго было немного, частію оттого, что онъ долженъ былъ въ смежныхъ городахъ оставлять значительные гарнизоны, для защиты ихъ отъ внезапныхъ нападеній Лисовскаго, частію оттого, что не всѣ еще ратники успѣли собраться въ станъ по царскому наказу. Войско изъ Казани явилось уже тогда, какъ Лисовскій занялъ Перемышль. Чувствуя нужду въ подкрѣпленіи, Пожарскій рѣшился сманить къ себѣ Нѣмцевъ, служившихъ въ войкѣ Лисовскаго, и въ августѣ послалъ къ нимъ граммату, въ которой убѣждалъ ихъ перейдти на государеву службу, обѣщая имъ царскую милость и жалованье (2). Мы имѣемъ основаніе думать, что Нѣмцы согласились на предложеніе Пожарскаго, что они перешли въ его ряды: въ допросѣ одинъ плѣнный Полякъ показалъ послѣ, что, «Нѣмецъ съ Лисовскимъ нѣтъ» (3). Несмотря на то, что у Лисовскаго отъ двухъ тысячь человѣкъ осталось только 1150 (4), онъ продолжалъ съ такимъ же успѣхомъ производить набѣги и собирать добычу, какъ и прежде. Тщетно смоленскій воевода, Хованскій, отъ имени царя, писалъ въ Польшу къ гетману Ходкѣвичу, чтобъ король далъ приказъ Лисовскому выйдти изъ Россіи (5): король не принималъ ни-

(1) Ibid., стр. 308.

(2) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 23. «Прапорщику Кедемляхменю, Донохмакафтѣ, ротмистру Вилиму Гриму, да Устюсу, капитану Якову Шаву, да Юстру». Первыя названія такъ исковерканы, что трудно отгадать въ нихъ настоящія нѣмецкія фамиліи.

(3) Акт. Истор., т. III, № 64. Извѣстіе объ этомъ отъ 27 ноября 1615 г.

(4) Ibid. «А съ нимъ (съ Лисовскимъ) всякихъ людей, Литвы и Черкасъ съ тысячу человѣкъ, а русскихъ казаковъ только полтараста человѣкъ».

(5) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 30.

какихъ мѣръ и самъ въ слѣдующемъ году послалъ Гонсѣвскаго воевать русскіе города.

Къ большему несчастію, Пожарскій сильно занемогъ и былъ отвезенъ въ Калугу, передавъ начальство Исленьеву. Это развязало руки Лисовскому. Казанская рать отказалась идти въ походъ съ Исленьевымъ и возвратилась во-свояси. Такое своеволіе было замѣчено въ Казанцахъ еще въ 12 году: вѣрно мятежникъ Шульгинъ оставилъ по себѣ слѣды въ Казани. Имя Пожарскаго смиряло непокорныхъ. Исленьеву не съ кѣмъ было продолжать походъ, и онъ оставался въ бездѣйствіи, очень благопріятномъ для Лисовскаго. Онъ устремился къ Ржеву, избилъ множество людей въ предмѣстіяхъ, нападалъ на городъ, который съ трудомъ отстоялъ воевода Шереметевъ. Изъ Ржева Лисовскій пошелъ къ Торжку и здѣсь выжегъ предмѣстія; отсюда мимо Твери и Кашина прошелъ въ Угличь, сжегъ посады и отправился къ Ярославлю (1). Селенія, черезъ которыя проходилъ онъ, были опустошены огнемъ и мечемъ. Богатая слобода Даниловская, въ Костромскомъ-Уѣздѣ, подверглась страшному истребленію: здѣсь онъ стоялъ больше недѣли, половину войска посылалъ грабить по окрестностямъ, справлялся черезъ лазутчиковъ о числѣ войска въ городахъ, и, не имѣя силъ для открытой войны съ большими городами, ограничивался грабежемъ селъ и деревень (2). Изъ даниловскаго черезъ костромской и ярославскій уѣзды онъ прошелъ во Владимірскую-Область, пронесъ опустошеніе по рязанской и тульской, и, наконецъ, думалъ пройдти чрезъ сѣверскіе города въ Литву, но погибъ внезапно въ Комарицкой-Области.

Внѣшнія обстоятельства Михаила, въ первые годы царствованія, были довольно безотрадны. Русь еще не успѣла оправиться послѣ смутъ междоцарствія, и должна была продолжать борьбу съ прежними врагами: дѣла шли неудачно, казна истощилась — нечѣмъ было платить жалованья войску, и царь выдалъ указъ о сборѣ денегъ съ людей торговыхъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ внести *пятую*

---

(1) Причина успѣховъ Лисовскаго, завоевывавшаго города съ малымъ числомъ войска, заключается въ тогдашнемъ состояніи городовъ, въ которыхъ не было ни достаточнаго числа войска, ни оружія, ни твердыхъ укрѣпленій. См. Акт. Экспед., т. III, № 87, 88, «и на Углечѣ, государь, ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцовъ нѣтъ, а стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ же ни одного человѣка, только 6 человѣкъ пушкарей, и тѣ голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, и зелейныя казны мало, и у острогу мосты недомощены, и въ башняхъ мосты погнили, и у острогу жъ съ лица противъ приступныхъ мѣстъ рву не копано и чесноку не побито». Отписка къ царю Дашкова отъ 5 и 19 мая 1617 года.

(2) Акт. Ист., т. III, № 64. «и приходной Литвинъ въ распросѣ сказалъ: «Лисовской де нынѣ стоитъ въ Костромскомъ-Уѣздѣ, въ селѣ Даниловскомъ, а народу съ ними и кошей нѣтъ, а зелье де съ ними есть, а лошади де у нихъ добрѣ томны, и Лисовской де отпустилъ отъ себя охочихъ людей въ загоны на три дни и велѣлъ ѣхать къ себѣ въ село Даниловское; а къ Ярославлю ли ему идти, или подъ иные подъ которые города, то онъ самъ не вѣдаетъ, потому что имъ Лисовской своей думы не сказываетъ, а къ городамъ къ Угличу и къ Кашину не приступалъ, потому-что съ нимъ людей мало».

деньгу (1). Въ Москвѣ составили комитетъ по случаю этого сбора, и въ немъ главнымъ членомъ, изъ свѣтскихъ чиновъ, былъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій (2). Въ слѣдующемъ году, при заключеніи мира съ Швеціею въ Столбовѣ (1617 февраля 27), Пожарскій назначенъ, вмѣстѣ съ княземъ Мезецкимъ, уполномоченнымъ со стороны русскаго правительства: онъ имѣлъ сношенія съ посредникомъ примиренія — англійскимъ посломъ Джономъ Мерикомъ, и носилъ въ это время титулъ намѣстника коломенскаго (3).

Покончивъ дѣла съ Швеціею миромъ, хотя и не выгоднымъ для Россіи, царь долженъ былъ обратить все вниманіе на другую враждебную державу—Польшу. Владиславъ не думалъ отказываться отъ данной ему нѣкогда присяги и, послѣ несостоявшагося мира на конгрессѣ подъ Смоленскомъ, въ 1616 году—самъ повелъ войско въ Россію. Предварительно онъ послалъ во всѣ русскіе города окружную граммату (отъ 15 декабря 1616), въ которой напоминалъ Русскимъ о присягѣ, ему данной, извѣщалъ, что идетъ занять русскій престолъ и убѣждалъ покориться ему безъ кровопролитія, обѣщая всѣмъ миръ и тишину подъ своимъ скипетромъ. Между-прочимъ онъ объяснялъ въ грамматѣ, почему такъ долго не шелъ въ Россію и ссылался на свое несовершеннолѣтіе: «а нынѣ мы, великій государь, пришли есма въ совершенный возрастъ къ скипетродержавію, и хотимъ Московское Государство отыскать.» О Михаилѣ онъ говорилъ въ такихъ выраженіяхъ: «а о Михаилѣ, Филаретовѣ сынѣ, какъ еже дастъ Богъ, будемъ на царскомъ своемъ престолѣ на Москвѣ, и въ тѣ поры наше царское милосердіе будетъ по прошенью всей земли» (4). 5 апрѣля 1617 года Владиславъ выступилъ изъ Варшавы (5), но походъ его замедлился частію отъ раздоровъ, возникавшихъ между войсковыми начальниками, частію оттого, что онъ долженъ былъ, по требованію сейма, отослать часть своего войска къ гетману Жолкѣвскому, который отряженъ былъ противъ Турокъ, шедшихъ съ оружіемъ въ предѣлы Польши. Самъ Владиславъ на-время уѣзжалъ изъ лагеря въ Варшаву для оправданія предъ королемъ одного изъ своихъ военачальниковъ. Уже въ октябрѣ онъ явился подъ Дорогобужемъ: воевода Ададуровъ безъ сопротивленія сдалъ Владиславу этотъ городъ, и самъ присягнулъ ему. Вязьма также легко досталась ему: воеводы бѣжали оттуда въ Москву. Изъ Вязьмы Владиславъ отправилъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ Чаплинскаго къ Калугѣ, дабы прикрыть себя съ этой стороны во время похода къ столицѣ и, какъ вѣроятно, набрать войско изъ Запорожцевъ (6). Отрядъ этотъ состоялъ изъ тѣхъ самыхъ

---

(1) Акт. Экспед., т. III, № 79. Указъ 1616 г. отъ 20 апрѣля.
(2) Ibid. №№ 79, 80. Акт. Юрид., № 215, т. IX, стр. 230.
(3) Малинов. стр. 88.
(4) Акт. Ист., т. III, № 72.
(5) Сбор. Мухан., стр. 12.
(6) Лѣт. о мят. 323. «Королевичь же посла въ украйныя мѣста Чеплинскаго».

разбойниковъ, которые прежде служили подъ командою Лисовскаго и которые уже хорошо были извѣстны Русскимъ. Чаплинскій взялъ Мещовскъ, плѣнилъ тамошняго воеводу и отправилъ его къ королевичу, а самъ пошелъ къ Козельску. Устрашенный воевода калужскій, князь Гагаринъ отправилъ къ царю выборныхъ изъ всѣхъ чиновъ съ извѣстіемъ объ опасности, угрожающей городу и съ прошеніемъ помощи и защиты. Калужане просили себѣ «добраго воеводу» и сами указали на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (1). Царь согласился и 18 октября 1617 года, Пожарскій выступилъ изъ Москвы, снабженный наказомъ и ратными людьми. Въ наказѣ подробно очерченъ весь планъ дѣйствій, которому долженъ былъ слѣдовать Пожарскій: ему въ товарищи назначенъ калужскій воевода Гагаринъ (2). Какъ много царь полагался на Пожарскаго, видно изъ слѣдующихъ словъ наказа: «а о всемъ боярину и воеводѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, государевымъ и ратнымъ и всякимъ земскимъ дѣломъ промышляти съ великимъ радѣньемъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ его Богъ вразумитъ; положилъ Государь то свое государево дѣло на немъ, на бояринѣ, на князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ». Между-прочимъ ему предписано было строго смотрѣть за нравственностью гражданъ и войска: «да беречи накрѣпко, чтобъ въ Калугѣ па посадѣ и по слободамъ, и въ уѣздахъ разбою и татьбы и иного никакого воровства, и корчмы, и блудни, и зерни ни у кого не было» (3). Что касается до войска, даннаго въ распоряженіе Пожарскаго, то, по свидѣтельству польскихъ историковъ, у него было не больше 7,000 (4). Въ это число вошло 4,000 казаковъ Заруцкаго, которые занимались разбоями по рѣкѣ Угрѣ и которыхъ царь, въ-слѣдствіе ихъ собственнаго вызова (5), велѣлъ Пожарскому принять въ службу, съ обѣщаніемъ, забыть ихъ вины. Разбойники, уже извѣстные намъ по мятежамъ, въ эпоху освобожденія Москвы, съ радостью пришли въ станъ Пожарскаго, обѣщавшаго имъ прощеніе, и, какъ свидѣтельствуетъ лѣто-

(1) Ibid. 324, «а били челомъ имянно, чтобъ государь послалъ боярина своего князя Дмитрія Пожарскаго».

(2) Князь Гагаринъ въ слѣдующемъ году былъ смѣненъ; на его мѣсто назначенъ Иванъ Колтовскій, который, получивъ приказъ, отказался служить подъ начальствомъ Пожарскаго и (25 мая) «билъ челомъ государю, что ему съ Пожарскимъ быть невмѣстно». За Пожарскаго вступился сынъ, Петръ Дмитріевичъ, бывшій стольникомъ при дворѣ царя. По его челобитью бояре разобрали дѣло и рѣшили, что Колтовскій своимъ отказомъ безчеститъ Пожарскаго, что онъ споритъ объ отечествѣ не по своей мѣрѣ». Колтовскій былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ посланъ съ указомъ царя въ Калугу къ Пожарскому. См. Описан. Госуд. Разряд. Архив., стр. 339, 340.

(3) Собр. Госуд. Гр. и Догов., т. III, № 36.

(4) Сборн. Муханов., стр. 27.

(5) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 36. «Прислали они (казаки) къ Государю Царю и пр. бити челомъ ясаула Ивана Сапожка съ товарищи, чтобъ Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ прислати воеводу добраго и пожаловалъ бы ихъ Государь своимъ Государевымъ жалованьемъ».

писецъ, «къ государю многую службу показали! (1)» Дѣйствительно, при тогдашнемъ запустѣніи городовъ, при большомъ расходѣ войска, не сосредоточеннаго въ одномъ пунктѣ, вызовъ казаковъ былъ большою находкою для царя: изъ наказа можемъ видѣть, какъ трудно было въ то время набрать порядочное число солдатъ. Тамъ сдѣлано росписаніе, изъ какихъ городовъ и по скольку человѣкъ Пожарскій долженъ былъ взять ратниковъ. Городовъ множество, но вотъ сколько каждый изъ нихъ могъ выставить ратныхъ людей: «да изъ городовъ указалъ Государь быти въ Калугѣ: съ Сапожка 50 человѣкамъ, изъ Ряжскаго 100 человѣкамъ, изъ Данкова 60 человѣкамъ, съ Ливенъ 100 человѣкамъ, съ Лебедяни 100 человѣкамъ, съ Гремячева 20 человѣкамъ, съ Веневы 50 человѣкамъ, изъ Печерниковъ 40 человѣкамъ, съ Воронежа 100 человѣкамъ, съ Ельца 200 человѣкамъ.» Итого 820 человѣкъ съ 10 городовъ (2).

Между-тѣмъ пока Пожарскій шелъ къ Калугѣ, Чаплинскій успѣлъ взять Козельскъ; лѣтописецъ говоритъ, что жители измѣнили государю и цаловали крестъ королевичу. Шайка свирѣпыхъ Лисовчиковъ, безпощадными жестокостями и убійствами, дѣйствительно могла вынудить у Козельцевъ безчестную присягу: одно имя Чаплинскаго, достойнаго преемника Лисовскаго, ужасало Русскихъ. Свѣдавъ объ успѣхахъ Лисовчиковъ, Владиславъ послалъ къ Чаплинскому роту тяжелыхъ гусаровъ подъ начальствомъ премскаго старосты Петра Опалинскаго, приказавъ ему соединиться съ Чаплинскимъ и, какъ-можно-болѣе вредить Пожарскому (3). Чаплинскій уже успѣлъ отрѣзать часть казаковъ, шедшихъ въ станъ Пожарскаго, когда еще былъ около Мещовска: теперь въ соединеніи съ Опалинскимъ онъ началъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Они расположились лагеремъ въ Товарковѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Калуги, и неожиданными нападеніями постоянно тревожили Пожарскаго въ Калугѣ. Чаплинскій врывался въ предмѣстья города, зажигалъ домы, грабилъ и убивалъ жителей. Однажды онъ хитростью выманилъ Пожарскаго изъ города къ Лаврентьевскому-Монастырю (въ двухъ верстахъ отъ Калуги), стремительно ударилъ на него съ своимъ отрядомъ, цѣлый день бился съ нимъ, положилъ на мѣстѣ много его воиновъ, пятьдесятъ человѣкъ взялъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и племянника князя Пожарскаго (4).

---

(1) Лѣт. о мят., стр. 324.
(2) Собр. Госуд. Гр. и Догов., III, № 36.
(3) Истор. Сигизмун., Нѣмцевича, т. III, стр. 130.
(4) Ibidem. Въ Лѣтописяхъ о мятежахъ (325) это сраженіе описано такъ, что будто ни одна сторона не имѣла рѣшительнаго преимущества: «и бысть бой чрезъ весь день, съ обѣихъ сторонъ не мало людей побиша и разыдошася». Лѣтописецъ, какъ видно, хотѣлъ скрывать неудачи Русскихъ. Нѣмцевичъ описываетъ дѣло безпристрастно. Это можно доказать параллелью его исторіи съ нашею лѣтописью: онъ не скрываетъ неудачъ польскихъ военачальниковъ и разсказываетъ безъ околичностей, когда они проигрывали сраженія, и когда Пожарскій побивалъ ихъ на-голову. Описаніе побѣдъ Пожарскаго у лѣтописца даже въ подробностяхъ довольно сходно съ сказаніемъ о

Но вскорѣ Пожарскій отплатилъ Полякамъ за понесенное пораженіе. Спустя 9 дней, Опалинскій и Чаплинскій ночью подступили къ стѣнамъ Калуги: Пожарскій замѣтилъ ихъ маневры, позволилъ пройдти имъ за надолбы, сдѣлалъ вылазку и отразилъ ихъ съ большимъ для нихъ урономъ. Потомъ узнавъ, что между Боровскомъ и Калугой, на пути сообщенія съ Москвою, стоитъ отрядъ рейтаровъ подъ начальствомъ Денгофа и Новоѣвскаго—онъ пошелъ туда, напалъ внезапно и разбилъ его на-голову: одиннадцать товарищей легло на мѣстѣ, двое взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали (1). Другое счастливое дѣло было подъ Серпуховымъ: здѣсь злодѣйствовалъ отрядъ, посланный Опалинскимъ за фуражемъ, который Поляки легко доставали себѣ. По просьбѣ жителей, терпѣвшихъ грабежи и насилія отъ Поляковъ, Пожарскій отправилъ къ Серпухову Бѣгичева, приказавъ ему поставить тамъ острогъ. Поляки препятствовали работамъ, но были отбиты и выгнаны изъ уѣзда.

Но въ это время подъ Калугою Пожарскій понесъ другое пораженіе. Самъ онъ крѣпко занемогъ въ ту пору (2), и не могъ лично предводительствовать войскомъ. Отрядъ, посланный имъ изъ Калуги (Нѣмцевичь не говоритъ куда и зачѣмъ) встрѣтился недалеко отъ города съ коннымъ отрядомъ польскаго полковника Рамульты и долженъ былъ вступить съ нимъ въ битву. Русскіе были разбиты, двѣсти человѣкъ изъ нихъ пало на полѣ битвы—за-то самъ Рамульта погибъ въ сраженіи (3). Огорченный воевода рѣшился, когда поправится въ здоровьѣ, во что бы то ни стало выгнать Поляковъ изъ окрестностей Калуги. Его предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Оставивъ небольшой гарнизонъ въ городѣ, онъ съ большею частью войска пошелъ въ Товарково, въ самый станъ непріятелей. Послѣ жестокой стычки, Русскіе одержали побѣду, захватили всѣ военные и продовольственные запасы и, что не могли взять съ собою, сожгли (4). Опалинскій, потерявъ много войска, пошелъ къ Вязьмѣ (5).

томъ же Нѣмцевича. О Пожарскомъ Нѣмцевичъ и другіе польскіе писатели говорятъ, что онъ былъ «полководецъ свѣдущій въ военной наукѣ и преданный своему отечеству». Сбор. Муханова, стр. 30.

(1) Лѣт. о мят., стр. 325. Ист. Сигизм., т. III, стр. 131.

(2) Это было уже въ іюнѣ 1618 года. 10 числа этого мѣсяца писалъ онъ къ царю, что «лежитъ боленъ и ожидаетъ смерти съ часу». Царь послалъ къ нему «съ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спросить» стольника Юрія Татищева, но этотъ билъ челомъ государю, что ему къ Пожарскому ѣхать *невмѣстно*. Царь разсердился, велѣлъ сказать Татищеву, что «ему ко князю Дмитрію ѣхати мочно, что онъ бьетъ челомъ на князя Дмитрія не по дѣлу», и далъ приказъ «поставити его къ рукѣ», т.-е. явиться во дворецъ на отпускную аудіенцію. Но Татищевъ не послушался и уѣхалъ изъ дворца. Царь послалъ въ его домъ подъячихъ; Татищевъ велѣлъ сказать, что его дома нѣтъ. Тогда подъячіе забрали всѣхъ людей его, и Татищевъ волей-неволей долженъ былъ явиться къ царю, чтобъ спасти свое имѣніе отъ конфискаціи. Но упорство осталось еще въ немъ: царь велѣлъ высѣчь его кнутомъ и выдать Пожарскому головою. См. Опис. Госуд. Разряд. Арх., стр. 337

(3) Ист. Сигизм., стр. 142.

(4) Сбор. Мух., стр. 31.

(5) Лѣт. о мят., стр. 326.

Тамъ все-еще стоялъ Владиславъ. 9-го декабря 1617 года, онъ выступилъ-было съ войскомъ къ Можайску, повѣривъ слухамъ, что этотъ городъ не приготовленъ къ оборонѣ, но, не дошедъ до него, со стыдомъ воротился въ Вязьму въ-слѣдствіе извѣстія, что Можайскъ занятъ сильнымъ отрядомъ Лыкова и значительно укрѣпленъ. Въ Вязьмѣ онъ простоялъ до іюня 1618 года: время прошло въ безполезныхъ толкахъ съ русскими гонцами о мирномъ договорѣ, въ сношеніяхъ съ варшавскимъ сеймомъ касательно войны съ Россіею, на продолженіе которой долго не получали ни согласія, ни денегъ. Препятствіемъ къ походу былъ и недостатокъ войска въ станѣ королевича (1). Наконецъ, въ іюнѣ, Владиславъ выступилъ изъ Вязьмы, обнадеженный извѣстіями изъ Варшавы, что запорожскіе казаки, подкупленные золотомъ, обѣщали вторгнуться въ Россію и дѣйствовать за-одно съ королевскими войсками. Владиславъ собралъ военный совѣтъ и на немъ разсуждали, на какой пунктъ слѣдуетъ направить всѣ силы. Ходкѣвичъ предлагалъ идти прежде всего къ Калугѣ и представлялъ, что въ этомъ краю, еще не слишкомъ разоренномъ, можно найдти болѣе средствъ для содержанія войска, и, странно, обѣщалъ королевичу, что Пожарскій, «главный русскій воевода», перейдетъ на его сторону. Такъ пишетъ Нарушевичъ въ своей исторіи (2). Но Нѣмцевичъ смотритъ на Пожарскаго какъ на полководца, крѣпко преданнаго своему отечеству (3). Коммиссары польскіе отвергли предложеніе Ходкѣвича; говорили «нечего тянуть время въ напрасныхъ переходахъ, а лучше всего прямо идти къ Москвѣ: во время похода къ Калугѣ Русскіе изъ Можайска могутъ устремиться на Вязьму и захватить этотъ важный пунктъ сообщенія королевскихъ войскъ съ Варшавою». По большинству голосовъ рѣшено было идти прямо на столицу, черезъ Можайскъ. Но такъ-какъ осада Можайска представлялась Ходкѣвичу трудною по недостатку осадныхъ орудій, то совѣтъ рѣшилъ идти прежде къ Борисову (отъ Можайска семь верстъ), въ надеждѣ, что Лыковъ выйдетъ изъ Можайска на помощь Борисовцамъ и тогда можно будетъ покончить съ нимъ дѣло сраженіемъ въ открытомъ полѣ. На дорогѣ къ Борисову, Опалинскій, бѣжавшій изъ-подъ Товаркова, встрѣтилъ королевское войско и присоединился къ нему съ остатками своего отряда (4). Это обстоятельство, при недостаткѣ хронологическихъ указаній у нашихъ лѣтописцевъ, объясняетъ намъ, сколько времени продолжалась дѣятельность Пожарскаго въ Калугѣ. Онъ выступилъ изъ Москвы въ Калугу въ октябрѣ 1617 года; а Опалинскій вступилъ въ ряды королевскаго войска уже въ іюлѣ 1618 года, слѣдовательно, Пожарскій болѣе восьми мѣсяцевъ дѣйствовалъ противъ Поляковъ Чаплинскаго и Опалинскаго.

---

(1) Войска у него было всего 2,650 человѣкъ. Исторія Сигизмунда, т. III, стр. 133.
(2) Historia Iana Kar. Chodkiew. Warszaw. 1805, т. II, стр. 121.
(3) Исторія Сигизмунда, т. III, стр. 130.
(4) Сбор. Мух., стр. 30.

Борисовъ былъ хорошо укрѣпленъ: замокъ, по свидѣтельству польскихъ писателей, былъ выстроенъ изъ дикаго камня. Въ немъ было 1,200 человѣкъ гарнизона, который передъ приходомъ Владислава усиленъ былъ еще 300 человѣкъ пѣхоты и 800 окрестныхъ жителей. Тщетно королевское войско усиливалось взять эту крѣпость: двукратный приступъ не принесъ желаемаго успѣха. Поляки были храбро отбиты и потеряли много убитыми. Королевичъ оставилъ свое намѣреніе взять Борисовъ и рѣшился тѣснить Можайскъ и его окрестности частыми наѣздами. Получивъ извѣстіе отъ Лыкова о положеніи дѣлъ подъ Можайскомъ, царь Михаилъ Θеодоровичъ далъ приказъ князю Пожарскому двинуться изъ Калуги въ Боровскъ, а князю Черкасскому въ Рузу. Черкасскій, вѣроятно по наказу же царскому, прислалъ товарища своего Ахамашукова въ Боровскъ, для защиты Серпуховскаскаго-Уѣзда отъ набѣговъ литовскихъ и для соединенія съ Пожарскимъ (1). Почти въ одно время съ Ахамашуковымъ прибыли въ Боровскъ сотни казацкія отъ Пожарскаго, для-того чтобъ къ его приходу успѣть поставить острогъ у Пафнутьева-Монастыря. Ахамашуковъ, соскучившись, какъ видно, бездѣйствіемъ и жаждавшій войны, уговорилъ атамана и головъ казацкихъ сдѣлать поискъ надъ непріятелемъ: надежда на добычу увлекла корыстолюбивыхъ сподвижниковъ Заруцкаго, и они согласились сразиться съ непріятелемъ. Въ семи верстахъ отъ Пафнутьева-Монастыря они встрѣтили отрядъ непріятелей и вступили въ сраженіе. Но дѣло кончилось для нихъ весьма-неудачно: Ахамашуковъ повздорилъ съ головами казацкими при самомъ началѣ сраженія, «нападеніе было нестройное» и сраженіе проиграно: Русскіе были разбиты на-голову и обратились въ бѣгство. Къ облегченію ихъ участи, неожиданно явились къ нимъ на помощь двѣ смоленскія сотни, сидѣвшія въ засадѣ безъ вѣдома Ахамашукова—они успѣли-было отбить русскихъ плѣнниковъ, но сами не могли долго выдерживать стремительнаго натиска Поляковъ и вмѣстѣ съ пораженными предались бѣгству. Побѣдители преслѣдовали бѣгущихъ до Пафнутьева-Монастыря и усыпали поле трупами: по свидѣтельству русскаго лѣтописца погибло въ этой битвѣ съ нашей стороны 750 человѣкъ, въ томъ числѣ 150 человѣкъ изъ полка Пожарскаго (2).

Извѣстіе объ этомъ несчастномъ сраженіи заставило Пожарскаго поспѣшить къ мѣсту назначенія. Черкасскій, по новому приказу царя, явился съ войскомъ уже у Можайска; онъ велѣлъ ставить острогъ въ Лужецкомъ-Монастырѣ, но Поляки мѣшали работамъ. Открылась битва и кончилась пораженіемъ Русскихъ: Черкасскій оставилъ весь обозъ въ рукахъ непріятелей и едва успѣлъ съ разбитымъ войскомъ скрыться въ стѣнахъ Можайска. Пожарскій пришелъ въ Пафнутьевъ-Мона-

---

(1) Лѣт. о мят., стр. 327. Черкасскій прислалъ Ахамашукова, «потому-что въ тѣ поры отъ королевича была послана посылка воевать Оболенскій и Серпуховскій уѣзды.

(2) Лѣт. о мят., стр. 328.

стырь и поставилъ острогъ: тутъ къ нему присоединился отрядъ Татаръ изъ Астрахани, которому предписано еще отъ 18 октября прошедшаго года явиться въ станъ его. Не вступая въ рѣшительное сраженіе съ польскимъ отрядомъ, стоявшимъ у Боровска, Пожарскій безпокоилъ непріятелей частыми наѣздами, многихъ побивалъ и бралъ въ плѣнъ.

Между-тѣмъ Владиславъ подступилъ къ Можайску, преградилъ всѣ пути сообщенія его съ столицею (1), и такимъ-образомъ лишилъ осажденныхъ подвоза съѣстныхъ припасовъ. Нѣмцы устроили шанцы и, приближаясь къ крѣпости, безпрестанно громили ея стѣны орудіями. Самъ Черкасскій былъ сильно раненъ пушечнымъ ядромъ и едва остался живъ. Такимъ-образомъ положеніе Можайска было очень-плохое: осажденные терпѣли страшный голодъ и въ вылазкахъ теряли много людей. Польскіе историки говорятъ, что въ многочисленныхъ стычкахъ погибло больше 1,000 человѣкъ Русскихъ (2). Получивъ извѣстіе о жалкомъ положеніи Можайска, царь далъ приказъ князю Пожарскому двинуться изъ Пафнутьева-Монастыря къ Можайску, вывести оттуда воеводъ и конницу, и оставить тамъ небольшой гарнизонъ. Пожарскій привелъ съ собою 3,000 отборнаго войска и вступилъ въ Можайскъ (3). Осажденные были снабжены продовольствіемъ, но не надолго: королевичъ чинилъ имъ тѣсноту великую. Тогда, вслѣдствіе указа царскаго, Пожарскій рѣшился вывести войска изъ города: въ одну темную бурную ночь, при проливномъ дождѣ и ужасномъ градѣ, онъ вмѣстѣ съ Лыковымъ и Черкасскимъ и съ конницею, тихо выступилъ изъ города и проводилъ войско къ столицѣ; передъ выступленіемъ изъ Можайска, Черкасскій забралъ съ собою, что можно было взять, а остальное сжегъ (4). Въ Можайскѣ оставленъ воевода Волынскій съ отрядомъ пѣхоты: самъ Пожарскій возвратился съ своимъ полкомъ къ Пафнутьеву-Монастырю.

Это было уже въ августѣ 1618 года. Узнавъ о выходѣ войска русскаго изъ Можайска, королевичъ думалъ, что Можайскъ уже въ его рукахъ, но ошибся въ своемъ разсчетѣ—Волынскій храбро защищался и отражалъ Поляковъ. Главною же причиною неудачной осады Можайска было то, что войско королевича взбунтовалось и цѣлыми хоругвями уходило въ Польшу: канцлеръ Сапѣга, котораго давно ждали изъ Варшавы, привезъ съ сейма извѣстія, непріятныя для королевича: вмѣсто денегъ приславы однѣ обѣщанія; голодное войско, узнавъ объ этомъ, бѣжало изъ лагеря, такъ-что при королевичѣ всего осталось едва 1,000 человѣкъ конницы; да и тѣ его не слушались и под-

(1) Сборн. Мух.. стр. 57. «Владиславъ съ гетманомъ и со всею конницею расположился къ сторонѣ Рузы подъ Лужецкимъ-Монастыремъ, въ срединѣ между ними и Можайскомъ стала пѣхота съ пушками, а Лисовцы составляли сторожевой отрядъ за Москвой-рѣкой около большой московской дороги.

(2) Сборн. Мух., стр. 59.

(3) Ibid., стр. 58.

(4) Ibid. Лѣт. о мят., стр. 331.

нимали бунтъ. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ Владиславъ не могъ и думать о взятіи Можайска: Ходкѣвичь совѣтовалъ ему отступить къ Калугѣ, но коммиссары говорили, что Сигизмундъ непремѣнно велѣлъ окончить войну въ-продолженіе года; что теперь осталось только четыре мѣсяца съ половиной; что нужно дорожить временемъ и кончить войну или перемиріемъ, или рискомъ на счастіе (hazardowném jakiém szczęsciem). Представленіе коммисаровъ уважено, рѣшились попытать счастья и идти прямо къ столицѣ. Между-тѣмъ желая закрыть свое горькое положеніе, королевичъ въ августѣ послалъ въ Москву граммату, въ которой пѣлъ старую пѣсню, т.-е. убѣждалъ Русскихъ принять его на престолъ (1).

6-го сентября, войско Владислава двинулось изъ-подъ Можайска къ столицѣ. 9-го, въ Москвѣ собрали соборъ, на которомъ рѣшили защищаться до послѣдней возможности противъ Поляковъ и распредѣлили мѣста воеводамъ. Неожиданное счастье улыбнулось королевичу: въ Рузѣ онъ получилъ извѣстіе, что гетманъ запорожскій, Сагайдачный, съ 20,000 казаковъ идетъ къ нему на помощь. Царь далъ приказъ князю Пожарскому идти изъ Боровска къ Серпухову, потомъ къ Коломнѣ, чтобъ воспрепятствовать переправѣ Сагайдачнаго черезъ Оку. Но Пожарскій крайне занемогъ и царь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву (2).

Изъ Рузы чрезъ Звѣнигородъ Владиславъ дошелъ до Москвы (22-го сентября) и расположился въ Тушинѣ: на другой же день соединился съ нимъ Сагайдачный, обошедъ стѣны столицы. Неотвратимая бѣда угрожала Москвѣ: въ Тушинѣ собрали совѣтъ и на немъ составили планъ приступа, который назначенъ послѣдняго числа сентября. Къ-счастію Москвы, два французскихъ инженера, присутствовавшіе въ совѣтѣ, перебѣжали въ Москву и пересказали весь планъ аттаки. Царь разставилъ войска на всѣхъ пунктахъ, на которые долженъ былъ устремиться непріятель. Прежде всего хотѣли напасть на Арбатскія-Ворота; тутъ поставили сильнѣйшее войско подъ начальствомъ окольничаго Годунова. Въ самую полночь непріятель подступилъ къ Арбатскимъ-Воротамъ, но вдругъ противъ него высыпало многочисленное войско: начался кровопролитный бой и продолжался до разсвѣта. Утомленные Поляки, не получая подкрѣпленія изъ резервовъ, должны были, наконецъ, отступить съ значительнымъ урономъ. Тогда Владиславъ увидѣлъ, что не легко взять столицу и началъ соглашаться на заключеніе мира. Уполномоченные не разъ съѣзжались, но съѣзды кончались ничѣмъ, по причинѣ неуступчивости Поляковъ. Холодная, осенняя погода, недостатокъ провіанта и требованіе сейма, чтобъ война скорѣе была окончена — заставили Владислава отойдти отъ столицы и приступить къ рѣшительнымъ переговорамъ о мирѣ, который и подписанъ 1-го декабря въ селѣ Деулинѣ.

---

(1) Соб. Госуд. Гр. и Догов. т. III, № 49.

(2) Лѣт. о мят., стр. 335. «Князь Дмитрій впаде въ болѣзнь лютую и бысть крайнѣ боленъ.»

Во время осады столицы принималъ живое участіе въ дѣлѣ защиты и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, едва оправившійся послѣ болѣзни. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ царь въ своей жалованной граммате Пожарскому: «какъ во 127 году стоялъ Владиславъ подъ Москвою, а онъ, бояринъ нашъ, князь Дмитрій Михайловичъ, помня Бога и Пресвятую Богородицу и православную крестьянскую вѣру и наше крестное цалованіе, съ нами Великимъ Государемъ на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ, и за православную крестьянскую вѣру, и за святыя Божія церкви, и за насъ Великаго Государя противъ королевича Владислава, и Польскихъ, и Литовскихъ, и Нѣмецкихъ людей стоялъ крѣпко и мужественно и *на боѣхъ и на приступѣхъ бился, не щадя головы своей*, и ни на какіе королевичевы прелести не прельстился, и многую свою службу и правду къ намъ и ко всему Московскому Государству показалъ, и будучи въ осадѣ во всемъ оскудѣніе и нужду терпѣлъ» (1).

Въ силу одной изъ статей деулинскаго трактата, слѣдовало сдѣлать размѣнъ плѣнныхъ, между которыми долгое время томился въ Польшѣ отецъ государя, митрополитъ Филаретъ. Въ 1619 году онъ отпущенъ изъ Варшавы и, когда подъѣзжалъ къ Москвѣ, былъ торжественно встрѣченъ далеко отъ столицы. На Пожарскаго возложена честь быть на первой встрѣчѣ Филарета въ Можайскѣ, вмѣстѣ съ Іосифомъ, архіепископомъ рязанскимъ, печерскимъ архимандритомъ, прилуцкимъ игуменомъ и княземъ Волконскимъ (2). Во время встрѣчи всѣмъ велѣно быть безъ мѣстъ, но Ѳедоръ Бутурлинъ билъ челомъ на Пожарскаго: «что князь Дмитрій написанъ въ первой встрѣчѣ въ большихъ, а онъ, Ѳедоръ, въ третьей встрѣчѣ въ другихъ, и ему, Ѳедору, меньши князь Дмитрія быти не мочно». Эта жалоба Бутурлина, только-что предъ тѣмъ пожалованнаго въ окольничіе, на боярина Пожарскаго, раздражила Михаила, и онъ велѣлъ сказать челобитчику: «нынѣшняя де встрѣча велѣно вамъ всѣмъ быть безъ мѣстъ, и тыбъ по нынѣшнему указу былъ, а отечеству твоему порухи не будетъ» (3).

Обрадованный окончаніемъ дѣлъ съ Польшею, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ наградилъ своихъ воеводъ чинами и отчинами. Сентября 19-го

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III., № 48. Въ частномъ росписаніи мѣстъ, которыя должны занимать воеводы въ разныхъ частяхъ города во время осады, имени Пожарскаго нѣтъ. (Собр. Госуд. Гр. и Дог. III. № 40.) Но это росписаніе составлено еще 9 сентября; въ это время Пожарскій былъ отправленъ противъ Сагайдачнаго; послѣ, когда онъ возвратился въ Москву, и онъ дѣйствовалъ при осадѣ Москвы, какъ свидѣтельствуютъ приведенныя нами слова грамматы.

(2) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III., № 43. На второй встрѣчѣ былъ Морозовъ, на третьей князь Трубецкой съ митрополитомъ сарскимъ Іоною. Надо замѣтить, что встрѣча близъ Москвы, которая называется третьею, была выше первой—у Можайска. Морозовъ билъ челомъ государю на Трубецкаго въ отечествѣ, что онъ назначенъ во второй, а Трубецкій въ третьей встрѣчѣ. См. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1848 г. № IX. Замѣч. случ. помѣсти., стр. 246.

(3) Чтен. въ Общ. Ист. ibid

1619 года дана и Пожарскому жалованная граммата на вѣчное и потомственное владѣніе селомъ Ильинскимъ съ деревнями въ Ростовскомъ—Уѣздѣ. Земли при этой отчинѣ было 230 десятинъ (1). Въ 1621 году 5-го іюля, дана ему крѣпостная граммата на владѣніе Нижнимъ—Ландехомъ и посадомъ Холуемъ, съ деревнями, въ Суздальскомъ-Уѣздѣ (2). Выше мы говорили, что эта отчина пожалована ему еще Шуйскимъ, потомъ въ междоцарствіе онъ лишился ея; по вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича возвращена ему съ правомъ владѣть ею, на основаніи прежней грамматы, данной Шуйскимъ. Но прежнія владѣнныя грамматы писались *некрѣпко* (3), и форма ихъ оставалась до рѣшительнаго очищенія Россіи отъ Поляковъ. Царь выдалъ новую форму жалованныхъ грамматъ, въ которыхъ права вѣчнаго и потомственнаго владѣнія отчинами обозначены обстоятельно (4). Такова была крѣпостная граммата, данная Пожарскому въ 1621-мъ году.

Перебирая свидѣтельства актовъ и грамматъ государственныхъ первой половины XVII вѣка, находимъ, что князь Пожарскій и слѣдующіе годы своего служенія пользовался милостивымъ вниманіемъ и расположеніемъ царя. Думаютъ, что прибытіе Филарета въ Москву имѣло значительное вліяніе на улучшеніе участи Пожарскаго; но мы въ другомъ мѣстѣ показали, на какихъ невѣрныхъ основаніяхъ построена эта ипотеза (5). Другіе говорятъ, напротивъ, что «Патріархъ Филаретъ примѣтнымъ образомъ не удостоивалъ Пожарскаго своей довѣренности» (6). Тотъ и другой выводъ представляется невѣрнымъ: какъ до Филарета царь выказывалъ расположеніе къ Пожарскому, такъ и при немъ положеніе Пожарскаго было одинаково—хорошо. Еслибъ справедливо было первое мнѣніе, то въ жизни Пожарскаго до пріѣзда Филарета въ Москву и послѣ смерти его, мы нашли бы какіе—нибудь слѣды невниманія къ нему Михаила; но мы видѣли и увидимъ совершенно-противное. Если бы Филаретъ не любилъ Пожарскаго, въ такомъ случаѣ при немъ въ службѣ Пожарскаго открылась бы противоположность съ его прежнимъ и послѣдующимъ положеніемъ, но ничего этого не видно; слѣдовательно, Филаретъ не имѣлъ особеннаго вліянія на судьбу Пожарскаго.

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III. № 48.
(2) ibid. № 56.
(3) ibid. «И того въ тѣхъ жаловальныхъ грамотахъ за ту царя Васильева осаду, что ему (Пожарскому) та вотчина вольно продать и заложить и въ приданые и въ монастырь по душѣ до выкупу дать — не написано; а написано только, что тотъ, кому вотчина за службу дана, и дѣти и внучата его вольны, а въ какой мѣрѣ имъ та воля написана, о томъ въ царя Васильевыхъ грамотахъ именно не написано».
(4) ibid. «И въ тѣхъ прежнихъ грамотахъ (царя Василія) про тѣ вотчины написано некрѣпко, *не противъ нашего царскаго жалованья нынѣшняго указу*».
(5) См. Москвитянинъ, 1848 г., № XI. Критика. Жизн. кн. Пожар., Палиц. и Минина, соч. Чигагова. Стр. 30.
(6) Біограф. свѣдѣн. о кн. Пожар., соч. Малиновск. стр. 97.

Когда Москва успокоилась отъ враговъ, полковымъ воеводамъ даны видныя мѣста по части гражданскаго управленія. Пожарскій получилъ, въ 1624 году, мѣсто начальника въ Разбойномъ-Приказѣ, въ которомъ разбирались дѣла татьбы и душегубства. Онъ пробылъ въ немъ до конца 1628 года (1), и въ этомъ же году, на мѣсто Ромодановскаго (2), сдѣланъ воеводою новгородскимъ, съ титуломъ намѣстника суздальскаго и съ окладомъ жалованья по 400 рублей въ годъ (3). Мы имѣемъ семь грамматъ царя Михаила Θеодоровича къ Пожарскому, относящихся къ тому времени, когда онъ былъ воеводою новгородскимъ (4). Одною изъ нихъ разрѣшается новгородскимъ купцамъ производить торгъ съ шведскими подданными по обѣ стороны границы; другою дозволяется сдѣлать съ Шведами взаимный размѣнъ перебѣжчиковъ съ той и другой стороны; въ двухъ говорится о Русскихъ, пріѣзжающихъ изъ уступленныхъ Швеціи городовъ въ Новгородъ для свиданія съ родственниками, или по дѣламъ торговымъ. Царь отвѣчаетъ на письмо Пожарскаго, въ которомъ послѣдній просилъ дать ему наказъ касательно Русскихъ, пріѣзжавшихъ изъ Ивань-города, Орѣшка и Корелы, можно ли пускать ихъ въ православныя церкви. Въ грамматѣ царь пишетъ, что прежде нужно изслѣдовать, «не пошатнулись ли такіе люди въ православіи и не пристали ль къ люторской вѣрѣ?» Если не окажется этого, то позволять имъ ходить въ городскія церкви, но въ Соборъ-Софійскій все-таки ихъ не пускать (5). Замѣчательна еще граммата отъ 19-го февраля того же 1629 года. Еще прежній воевова, Ромодановскій, спрашивалъ царя, можно ли позволить Нѣмцамъ учиться въ Новгородѣ русской грамотѣ. Пожарскій просилъ у царя такого же наставленія и получилъ указъ, которымъ дозволялось Нѣмцамъ учиться грамотѣ у церковныхъ дьячковъ: только послѣдніе строго должны смотрѣть, чтобъ «некрещеные Нѣмцы не ходили въ наши церкви» (6).

Недолго Пожарскій занималъ мѣсто воеводы въ Новгородѣ: въ мартѣ 1629 года онъ переведенъ воеводой во Псковъ (7). Въ этомъ году, въ сентябрѣ проѣзжалъ въ Россію французскій посолъ *des Gayes Caurme-*

(1) Акт. Истор. т. III. № 92, отд. VI и XI, № 150, 167., стр. 304. Акт. Эксп. т. III. № 171 Годы грамматъ: 1624—1628 (іюнь).

(2) Ромодановскій, воевода новгородскій умеръ въ 1628 г. См. Древ. Рос. Вивліоѳ., т. XX., ст. 94.

(3) Описан. Госуд. Разряд. Архив., стр. 6. Выпись изъ Бояр. Книгъ 137 г. Акт. Экспед., т. III. № 181. «по нашему указу велѣно тебѣ, боярину нашему князю Д. М. Пожарскому, свѣйскихъ городовъ къ державцомъ противъ ихъ письма писаться въ грамотахъ своихъ «намѣстникомъ Суздальскимъ».

(4) Акт. Экспед. т. III. №№ 179—185.

(5) ibid. № 179.

(6) ibid. № 184.

(7) Акт. Экспед., III., № 185. Граммата новгородскому воеводѣ Пожарскому отъ 11 марта 1629 г. Но въ Собр. Госуд. Гр. и Дог. (III. № 83, стр. 319) есть извѣстіе, что въ мартѣ того же года Пожарскій былъ уже воеводою псковскимъ: «во 137 году, въ мартѣ писали ко Государю изо Пскова воеводы князь Дмитрій Пожарскій съ товарищи» и проч.

піи, для заключенія съ нею торговаго договора: прибывъ въ Дерптъ, онъ извѣстилъ о цѣли своего пріѣзда князя Пожарскаго и получилъ отвѣтъ, что онъ можетъ свободно ѣхать въ Псковъ; между-тѣмъ, по пріѣздѣ его, воевода строго наблюдалъ за нимъ и приставилъ къ его свитѣ лишнихъ проводниковъ, дабы они не позволяли иноземцамъ притѣснять жителей городовъ и селеній, лежавшихъ на пути. Въ самомъ Псковѣ онъ не позволилъ послу въ подробности обозрѣть городъ (1). Въ Псковѣ Пожарскій пробылъ не болѣе полутора года и переведенъ въ Москву главнымъ начальникомъ Помѣстнаго-Приказа (2).

Царь продолжалъ оказывать благоволеніе Пожарскому. Въ 1632 году открылся ему новый случай выступить на поле брани. По заключеніи деулинскаго мира, Поляки продолжали питать чувство непріязни къ Россіи. Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ мира, какъ въ Москвѣ собрали соборъ (въ 1621 г.), и на немъ разсуждали о новой войнѣ съ Польшею. Тутъ поставили на видъ, что Владислава и сама королева и польскіе паны въ письмахъ называютъ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи; что король пишетъ къ государю безъ полнаго титула, отвергаетъ родство его съ царями Іоанномъ IV и Ѳеодоромъ; что послы польскіе съ русскими боярами говорятъ непристойнымъ обычаемъ, что Поляки безнаказанно тиранствуютъ въ русскихъ городахъ: Путивлѣ, Брянскѣ, Рыльскѣ, Торопцѣ и другихъ, грабятъ жителей, отнимаютъ у нихъ земли, ловятъ рыбу въ водахъ государевыхъ и охотятся въ чужихъ лѣсахъ (3). Царь былъ тогда ободренъ въ своемъ намѣреніи — возобновить военныя дѣйствія съ Польшею, предложеніемъ турецкаго султана и шведскаго короля — дѣйствовать противъ Польши соединенными силами. Однакожь война не состоялась. Самъ султанъ Османъ съ 400,000 войска не могъ взять Хотина, занятаго Поляками, и, потерявъ 85,000 человѣкъ, принужденъ былъ предложить миръ; а шведскій король въ это время завоевалъ на свою долю Ригу и также покончилъ дѣло миромъ: такимъ-образомъ Михаилъ остался только съ

---

(1) Берх. Царств. Мих. Ѳеодор., стр. 159. Берхъ заимствовалъ свѣдѣнія объ этомъ изъ «Corps universel de diplomatie», par Dumont. Въ нашихъ бумагахъ посолъ этотъ называется *де-Гансъ*. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III. № 80. Малиновскій (Біог. Пожар. стр. 95) говоритъ, что Пожарскій въ то время, какъ проѣзжалъ Гансъ, былъ въ Новгородѣ; но это ошибка, потому-что, какъ мы сказали, Пожарскій еще въ мартѣ переведенъ въ Псковъ, а Гансъ проѣзжалъ уже въ сентябрѣ 1629 года.

(2) Въ Псковъ на его мѣсто поступилъ князь Мезецкій. См. Акт. Экс., т. III., № 195. Въ архивѣ П. И. Иванова есть бумаги, свидѣтельствующія о причинѣ удаленія Пожарскаго изъ Пскова; мы сообщимъ объ этихъ любопытныхъ бумагахъ подробныя свѣдѣнія въ особой статьѣ. Что Пожарскій изъ воеводъ псковскихъ поступилъ въ Помѣстный-Приказъ, объ этомъ есть свидѣтельство въ Акт. Экс., т. III. № 193 «которыя земли объявились у боярина нашего, у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, въ земляномъ спискѣ, каковъ присланъ изъ помѣстнаго приказа и изъ новгородской чети въ нынѣшнемъ во 139 году (1631) мая въ 17 день, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тѣ деньги прислали къ намъ къ Москвѣ и велѣли отдать въ приказъ боярину нашему, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому.»

(3) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 57.

одними предложеніями союзничества отъ двухъ державъ. Эти обстоятельства далеко подвинули гордость Сигизмунда, и онъ еще больше началъ выказывать неуваженія къ русскому царю. Панъ Александръ Гонсѣвскій, да серпейскіе паны Константинъ Угликъ и Станешевскій писали въ Москву, сказано въ одной бумагѣ (1), «съ укоризными словы невѣжливо»; изъ Москвы послали къ королю пословъ съ грамматой, въ которой написали «невѣжливыя и укорительныя слова про государя и обидныыъ дѣломъ роспись», просили наказать ругателей; но посламъ въ Польшѣ отвѣчали новыми обидами, пановъ не наказали и безпорядковъ, производимыхъ Поляками въ городахъ русскихъ, прекращать не думали. Михаилъ долженъ былъ ждать времени для новой борьбы съ Польшею. Смерть Сигизмунда въ 1632 году, сопровождавшаяся междуцарствіемъ въ Польшѣ, открыла къ тому случай. Царь поспѣшилъ набрать войско, назначилъ воеводами Черкаскаго и Лыкова; но они подняли мѣстническій споръ, и царь, наказавъ ихъ (2), выбралъ (23 апрѣля) новыхъ воеводъ — Михаила Борисовича Шеина и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (3). Но чрезъ мѣсяцъ Пожарскій захворалъ и по просьбѣ уволенъ отъ похода (4); на его мѣсто поступилъ Артемій Васильевичъ Измайловъ. 9-го августа, 100,000 войска, въ томъ числѣ 30,000 иностранцевъ — двинулись изъ Москвы къ Смоленску и 14-го октября осадили этотъ городъ со всѣхъ сторонъ. Сначала Русскіе дѣйствовали успѣшно, въ октябрѣ взяли Серпейскъ и Дорогобужъ, въ ноябрѣ и декабрѣ—Бѣлый, Невель, Рославль, Почепь, Трубчевскъ и Себежъ.

Между-тѣмъ князь Дмитрій Михайловичъ, по выздоровленіи, опять былъ взысканъ милостію государя и въ ноябрѣ приставленъ къ сбору денегъ на жалованье войску. Сборъ назначенъ поголовный: съ торговыхъ людей велѣно было брать *пятую деньгу*, а съ монастырей, съ лицъ духовныхъ и приказныхъ людей «кто-что дастъ». Для сбора денегъ по городамъ разослали честныхъ людей духовнаго и свѣтскаго чина. Въ товарищи Пожарскому данъ симоновскій архимандритъ Левкій (5).

Несмотря на огромныя средства, данныя Шеину, дѣло подъ Смоленскомъ кончилось весьма-несчастнымъ образомъ для Русскихъ. Первые успѣхи радовали царя: въ февралѣ 1633 года Шеинъ разбилъ отрядъ изъ 3,000 Поляковъ, которые хотѣли пробраться въ Смоленскъ на по-

---

(1) Акты Эксп., т. III, № 206.

(2) Повсядн. Дворц. Записки, т. I, стр. 12.

(3) Тамъ же, стр. 14.

(4) Тамъ же, стр. 16. Нельзя думать, чтобъ болѣзнь Пожарскаго была притворная: мы видѣли, что онъ не разъ впадалъ въ болѣзнь, бывалъ больной на глазахъ государя и царь принималъ живое участіе въ состояніи его здоровья. Еслибъ онъ отказался отъ похода подъ предлогомъ мнимой болѣзни, то царь, взыскавшій съ Лыкова за отказъ быть въ походѣ, выказалъ бы какіе-нибудь признаки неблаговоленія къ Пожарскому; но мы увидимъ, что этого не было.

(5) Акты Эксп., т. III, № 213. Наказъ князю Пожарскому отъ 18 ноября 1632 года.

мощь осажденнымъ. Въ началѣ августа разбили Гонсѣвскаго. Но вскорѣ явился къ Смоленску новый король Владиславъ, съ 35,000 войска. Смоленскъ уже около 10 мѣсяцевъ выдерживалъ осаду и готовъ былъ сдаться, потому-что въ немъ было всего 2,400 человѣкъ, и тѣ были сильно изнурены болѣзнями и голодомъ, какъ прибытіе короля перевернуло весь ходъ дѣла. Ночью съ 6-го на 7-е августа король перешелъ Днѣпръ и въ 3 часа утра аттаковалъ генерала Маттиссона, который укрѣпился въ Покровской-Горѣ. Аттака сдѣлана для-того, чтобъ, отвлекши Русскихъ отъ крѣпости, успѣть провезти провіантъ къ осажденнымъ. Сдѣлавъ это дѣло, король отступилъ въ свой лагерь. На слѣдующій день онъ успѣлъ пресѣчь сообщеніе между двумя русскими корпусами Шеина и Прозоровскаго. 25 августа онъ оттѣснилъ Русскихъ отъ воротъ крѣпости и вступилъ въ нее. Тогда, обезпечивъ ретираду, въ случаѣ нужды, король началъ дѣйствовать рѣшительнѣе и съ большими усиліями. Русскіе сначала храбро выдержали нападеніе и, многократно отбивая непріятелей, не выходили изъ своихъ твердыхъ окоповъ. Но въ концѣ августа Поляки вытѣснили Прозоровскаго изъ его позиціи; а 4 сентября вышли изъ своихъ укрѣпленій и иностранныя войска, бывшія въ русской службѣ, и всѣ соединились съ Шеинымъ. Этимъ отступленіемъ Смоленскъ освобожденъ отъ осады, и Шеинъ долженъ былъ уже принять оборонительное положеніе. Тѣснимый королемъ, онъ въ половинѣ октября вынужденъ былъ оставить свою позицію, отступилъ на значительное разстояніе отъ крѣпости и укрѣпилъ лагерь на новомъ мѣстѣ. Между-тѣмъ король отправилъ отрядъ войска въ Дорогобужъ, гдѣ находились военные магазины Шеина. Городъ былъ взятъ и Русскіе лишились своихъ запасовъ. Остатокъ октября и весь ноябрь прошли въ мелкихъ стычкахъ и размѣнѣ плѣнныхъ. Шеинъ потерялъ уже много войска и требовалъ изъ Москвы подкрѣпленія; къ большему несчастію, между войсковыми начальниками возникло несогласіе, которое дошло до-того, что Лесли, въ присутствіи Шеина, застрѣлилъ англійскаго генерала Сандерсона. Сами Поляки дивились образу дѣйствія, или лучше, бездѣйствію Шеина. У него оставалось еще 50,000 войска, и онъ спокойно пребывалъ въ своихъ окопахъ. Много солдатъ гибло отъ меткой стрѣльбы непріятельской; но главною причиною уменьшенія войска въ станѣ Шеина было сдѣланное, по предварительному соглашенію съ королемъ, вторженіе въ Украйну хана Крымскаго, который опустошилъ тамъ многіе города и селенія. Это заставило Украинцевъ бѣжать изъ стана на родину (1). Припасы въ станѣ русскомъ истощились; между-тѣмъ Поляки такъ близко подошли съ своими орудіями къ русскому лагерю, что ядра падали въ палатку Шеина.

---

(1) Акты Эксп., т. III, № 242. «И тою татарскою войною Литовскій король подъ Смоленскомъ Государеву дѣлу поруху учинилъ многую; и дворяне и дѣти боярскіе украинныхъ городовъ, что у многихъ помѣстья и отчины повоеваны, и матери и жены и дѣти въ полонъ пойманы — изъ-подъ Смоленска разъѣхались.»

Узнавъ о стѣсненномъ положеніи Шеина, царь собралъ вспомогательное войско, вручилъ начальство надъ нимъ князьямъ Черкасскому и Дмитрію Михайловичу Пожарскому, и отправилъ съ ними большой обозъ съ провіантомъ (1). Еще отъ 28 сентября царь увѣдомлялъ Шеина, что посылаетъ ему войско съ Черкасскимъ и Пожарскимъ (2). Но формальный приказъ данъ Пожарскому 18 октября (3). Дѣло замѣшкалось отъ того, что 1 октября скончался патріархъ Филаретъ, отецъ Михаила (4); а главное — много времени нужно было и большихъ трудовъ стоило царю—набрать новое войско и деньги на его содержаніе. Наборъ продолжался еще въ концѣ ноября, а деньги, которыя были собраны, тѣ розданы въ декабрѣ войску Шеина (5). Нужно было сдѣлать новые наборы; 29 января слѣдующаго 1634 года только еще собрали соборъ, и на немъ рѣшили дѣло о сборѣ денегъ для войскъ Черкасскаго и Пожарскаго (6), 18 февраля приставили Лыкова съ товарищи быть при сборѣ (7). Такимъ-образомъ дѣло тянулось, а Поляки доводили Шеина до крайняго положенія. Царь писалъ ему отъ 1 декабря 1633 года, что Пожарскій съ Черкасскимъ уже выступили изъ Москвы ему на помощь (8). Воеводы пришли въ Можайскъ, но войска изъ другихъ городовъ еще долго не могли собраться *въ сходъ* съ ними. Такъ прошелъ декабрь. Видя, что войско подъ Смоленскомъ приходитъ все въ худшее положеніе, царь не могъ объяснить это дѣло ничѣмъ иначе, какъ измѣною Шеина и 30 декабря далъ тайный наказъ Черкасскому и Пожарскому спѣшить подъ Смоленскъ и смѣнить Шеина; «а пришодъ подъ Смоленскъ принять у Боярина, у Михаила Борисовича Шеина съ товарищи церковь Боготѣ-«лесныя-Ризы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, со всѣмъ, «какъ она устроена и крестъ съ мощми (посланный отъ патріарха Фи-«ларета), и государевы всякія дѣла и списки дворянъ и дѣтей бояр-«скихъ, которые съ ними нынѣ на государевѣ службѣ, и головъ, и «иноземцевъ, и нѣмецкихъ полковниковъ и всякихъ приказныхъ лю-«дей... да у Боярина М. Б. Шеина взяти нарядъ и всякіе пушечные «запасы» и проч. (9).

Владиславъ, узнавъ о движеніи къ Смоленску вспомогательнаго войска, отправилъ на встрѣчу Черкасскому и Пожарскому 16,000 войска подъ начальствомъ Казановскаго и Козіевскаго. Плѣнные Поляки сказывали Русскимъ, что самъ Владиславъ хочетъ идти въ Москву, какъ скоро управится съ Шеинымъ. Надо было спѣшить дѣломъ; но вое-

---

(1) Еще прежде, въ 1632 году, Пожарскій пожертвовалъ 200 четвертей сухарей войску Шеина и перевезъ ихъ на своихъ подводахъ къ Смоленску. См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1847. № 1. О поход. подъ Смоленскъ, стр. 19.

(2) Акты Эксп., т. III, № 230.

(3) Повседн. Дворц. Записки, т. I., стр. 62.

(4) Акты Эксп., т. III, № 232.

(5) Тамъ же, №№ 235 и 237.

(6) Тамъ же, № 242.

(7) Тамъ же, № 245.

(8) Тамъ же, № 236.

(9) Тамъ же, № 239.

воды Черкасскій и Пожарскій стояли безъ всякаго дѣла въ Можайскѣ; прошелъ январь, а они и не думали еще выступать къ Смоленску. Войска изъ Ржева, Калуги и другихъ городовъ еще не являлись къ мѣсту назначенія; и въ февралѣ 4-го числа царь только еще послалъ въ Можайскъ князя Волконскаго съ приказаніемъ, чтобъ воеводы составили военный совѣтъ, какъ имъ идти подъ Смоленскъ и гдѣ назначить сборный пунктъ городовымъ воеводамъ (1). Февраля 8-го царь опять послалъ къ воеводамъ, чтобъ они готовились къ походу, чтобъ поскорѣе извѣстили воеводъ калужскаго и ржевскаго, гдѣ имъ соединиться съ ихъ станомъ; «а недождався отъ васъ присылки ходить имъ не велѣно» (2).

Странная проволочка времени! Въ указѣ отъ 30 декабря 1633 года царь назначаетъ послѣдній срокъ для сбора арміи — шестое января (3); но потомъ мы видимъ, что уже въ февралѣ царь велитъ послать по городамъ предписаніе о мѣстѣ сбора. Для объясненія этихъ запутанныхъ обстоятельствъ, надо обратиться къ иностраннымъ источникамъ. Владиславъ, сказали мы, послалъ на встрѣчу Черкасскому и Пожарскому 16,000 войска; Казановскій еще въ декабрѣ 1633 года явился около Можайска и разбилъ 4,000-ый корпусъ Пожарскаго (4). Это обстоятельство и несчастное положеніе Шеина заставили царя отправить подъ Смоленскъ посла Ошбалова и просить мира у Владислава. Въ началѣ января 1634 года король прислалъ съ Ошбаловымъ своего посла, пана Вороновскаго съ отвѣтомъ, что онъ согласенъ на миръ (5). Но со стороны царя это сдѣлано было для-того, чтобъ переговорами о мирѣ, по поводу которыхъ пойдетъ продолжительная переписка, выиграть время. Вороновскому данъ былъ тайный наказъ—вывѣдать о состояніи войскъ въ Россіи и о распоряженіяхъ царя. Это перемиріе и было причиною медленнаго движенія дѣла о вспомогательномъ войскѣ и остановки похода Пожарскаго. Хитрость Владислава удалась, какъ-нельзя лучше. Государь отправилъ съ Вороновскимъ своихъ пословъ Горихвостова и Спиридонова для разсужденій о мѣстѣ съѣзда (6), давалъ Пожарскому и Черкасскому наказы, какъ отправиться въ походъ (разумѣется, если миръ не состоится), а тамъ подъ Смоленскомъ 16 февраля Шеинъ сдался королю со всѣмъ своимъ войскомъ на капитуляцію и долженъ былъ принять крайне-тяжкія условія (7). Шеинъ

(1) Тамъ же, № 243.
(2) Тамъ же, № 244.
(3) Тамъ же, № 239.
(4) Journal des Sciences Militair. 1826, т. III. Біографія Владислава, соч. Квятковскаго. Намекъ на присылку польскаго войска къ Можайску есть въ одномъ изъ такихъ актовъ. Въ наказѣ Пожарскому, отъ 30 декабря, сказано между прочимъ: «А какъ, аже Богъ дастъ, Смоленская дорога отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ Черкасъ очистится, и боярину нашему Дмитрію Михайловичу Пожарскому идти подъ Смоленскъ.» Акты Эксп., т. III, № 239.
(5) Повседн. Дворц. Записки, т. I, 65.
(6) Тамъ же, стр. 66.
(7) Акты Эксп., т. III, № 247. «Извѣстительная грамота Черкасскаго и Пожарскаго къ царю отъ 3-го марта.» Шеинъ принялъ перемиріе, но 11-го

оставлялъ весь лагерь во власть короля, всю артиллерію и всѣ запасы, долженъ былъ выдать всѣхъ бѣглецовъ и выступить изъ лагеря съ позорною, унизительною церемоніею. Мы не повѣрили бы польскому историку, но тоже свадѣтельствуетъ рапортъ, присланный отъ Шеина къ царю (1). Изъ него видно, что Шеинъ выступилъ изъ-подъ Смоленска только съ 8,056 человѣками: вотъ что оставалось отъ стотысячной арміи!

Король хотѣлъ послѣ этого продолжать походъ къ столицѣ, но жестокое сопротивленіе, встрѣченное имъ при Бѣломъ, ропотъ войска за невыдачу жалованья и слухи о вторженіи султана турецкаго въ предѣлы Польши, заставили его покончить дѣла съ Россіею миромъ. (Поляновскій 15 іюня.)

Шеинъ съ Измайловымъ были казнены, а Черкасскій съ Пожарскимъ спокойно остались на своихъ мѣстахъ. Если они медлили идти на выручку Шеина, то, во-первыхъ, потому, что еще не собралось къ нимъ въ сходъ все войско, и у Пожарскаго было только 4,000; во-вторыхъ, они дѣйствовали во всемъ по наставленію царя: сношенія по случаю мирныхъ переговоровъ совершенно остановили ихъ дѣятельность. Не чернитъ Пожарскаго и несчастное дѣло его съ Казановскимъ. Казановскій могъ съ 14,000 человѣкъ разбить 4,000-ый корпусъ Пожарскаго.

Въ началѣ іюня Черкасскій съ Пожарскимъ все-еще стояли въ Можайскѣ, пототому-что мирный трактатъ не былъ конфирмованъ. Въ Калугѣ въ это время появились запорожскіе казаки, которые грабили жителей и жгли селенія. Царь послалъ въ Можайскъ воеводамъ приказъ—отправить отъ себя Бориса Пушкина съ отрядомъ на помощь боровскому воеводѣ, князю Хованскому. Но Борисъ Пушкинъ затѣялъ споръ, говорилъ, зачѣмъ о немъ писали къ обоимъ воеводамъ, представлялъ, что онъ служилъ въ полку у Черкасскаго, а не у Пожарскаго—и потому отказался идти въ походъ. Поднялось форменное производство дѣла и кончилось тѣмъ, что Пушкинъ посаженъ въ тюрьму за безчестье, нанесенное Пожарскому (2).

По заключеніи поляновскаго мира, воеводы изъ Можайска отозваны въ Москву, и Пожарскій опредѣленъ начальникомъ Московскаго Суднаго-Приказа (3) и носилъ титулъ намѣстника коломенскаго (4). Въ 1637 г. вслѣдствіе извѣстія о намѣреніи крымскаго хана Нураддина — вторгнуться въ Россію, царь велѣлъ обнести столицу земляным валомъ, и Пожарскому поручено смотрѣть за работами около Яузы (5). Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ назначенъ полковымъ воеводою въ

февраля внезапно нападъ на польское войско и былъ отраженъ; раздраженный король объявилъ, что онъ истребитъ все войско Шеина и заставилъ его сдаться на капитуляцію.

(1) Тамъ же, № 246.
(2) Повсядн. Дворц. Записки, т. I, стр. 76—70.
(3) Тамъ же, 89.
(4) Тамъ же, 102.
(5) Тамъ же, 167.

Переславль-Рязанскій на случай войны съ Крымцами (1). Однакожь война не состоялась; царь удовлетворилъ корыстолюбивымъ требованіямъ хана и покончилъ дѣло миромъ, опасаясь предстоявшей, по случаю взятія Азова донскими казаками, войны съ турецкимъ султаномъ.

Послѣдніе дни своей жизни, Пожарскій провелъ мирно, большею частію въ Москвѣ, и скончался въ 1642 году, 64 лѣтъ отъ рожденія (2). «Царь Михаилъ Өеодоровичъ» говоритъ Голиковъ «чтя заслуги государственныхъ мужей, провожалъ гробъ сего незабвеннаго бoярина и почтилъ оный слезами своими» (3). Тѣло его, какъ думаютъ, погребено въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ-Монастырѣ (4).

Царь постоянно во всю жизнь ласкалъ и честилъ Пожарскаго: бумаги государственныя свидѣтельствуютъ, какъ часто онъ былъ приглашаемъ къ царскому столу (5); сколько разъ былъ призываемъ на конференціи съ послами отъ державъ иностранныхъ (6); не одинъ разъ царь оставлялъ его въ Москвѣ своимъ намѣстникомъ, когда самъ уѣзжалъ изъ Москвы на богомолье (7). На обѣихъ государевыхъ свадьбахъ (1624 и 1626) онъ былъ вторымъ дружкой, а супруга его, Прасковья Варөоломеевна свахою съ государевой стороны (8).

Пожарскій былъ женатъ два раза; отъ первой супруги, Прасковьи Варөоломеевны онъ имѣлъ троихъ сыновей: Петра, Өедора и Ивана; всѣ трое были стольниками (9); послѣдній былъ послѣ окольничимъ и умеръ въ 1668 году (10). Князь Өедоръ Дмитріевичъ скончался еще въ 1632 году 27 декабря, и отецъ далъ по немъ вкладу въ Троицко-Сергіевъ-Монастырь—село Берсеново съ деревнями (11). Первая супруга князя Дмитрія Михайловича скончалась въ августѣ 1635 года (12), и Пожарскій уже на 58 году жизни женился другой разъ и взялъ Өеодору Андреевну, урожденную княжну Голицыну (13). Она

---

(1) Тамъ же, 175.

(2) Древн. Росс. Вивл., т. XX, стр. 100.

(3) Дополн. къ Дѣян. Петра-Великаго, т. II, стр. 481.

(4) Географ. свѣд. о Пожарскомъ, Малиновскаго, стр. 102.

(5) Чтен. въ Общ. Ист. 1848 г., 237, 252. Повсяд. Дворц Записки, т. I, 1631 г. Окт. 11—1632. Февр. 2; апрѣля 3—1633. Февр. 17; апрѣля 14, 23; іюля 12—1634. Іюля 25—1635. Марта 21, 27; авг. 15—1636. Янв. 24; марта 17; апр. 17; мая 5; дек. 21—1637. Янв. 12; апр. 2; мая 13, 16; іюля 12, 28; авг. 15; ноября 4—1638. Янв. 12; марта 18—1639. Іюля 12; авг. 10; сент. 25; дек. 11, 25—1640. Февр. 12; іюля 12. Сент. 1—1641. Сент. 24.

(6) Повсяд. Дворц. Записки, томъ I, 1633 г. авг. 17; 1635, марта 3; 1639, авг. 10; 1640, апр. 9.

(7) Ibid. 1635, янв. 18; 1640, авг. 7 и друг.

(8). Собр. Госуд. Гр. и Дог., III, № 72.

(9) Повсяд. Дворц. Зап., т. I, стр. 112, 183, 221. Собр. Госуд. Гр и Дог., т. III, № 72, стр. 284. Юрид. Акт. № 53.

(10) Древн. Росс. Вивліоө., т. XX, 119.

(11) Акт. Юридич., № 119. Данная князя Д. М. Пожарскаго Троицкому-Монастырю, 1633 г.

(12) Повсядн. Дворц. Зап., т. I, стр. 123. «Тогожъ мѣсяца августа въ 29-й день указалъ Государь съ Дедилова изъ передоваго полка воеводу князя Петра Пожарскаго взять къ Москвѣ, для того, что у него мать умерла.»

(13) Акт. Юридич., № 53.

скончалась бездѣтною черезъ 9 лѣтъ по смерти мужа. Родъ Пожарскихъ по мужской линіи пресѣкся въ 1685 году со смертію князя Юрія Ивановича Пожарскаго, умершаго бездѣтнымъ. По женской линіи онъ перешелъ въ фамилію Рѣпниныхъ, Милославскихъ, Долгорукихъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, посредствомъ браковъ Анны, Евдокіи и Агрипины, внучекъ князя Дмитрія Михайловича.

Пожарскій былъ однимъ изъ богатыхъ вельможъ своего времени. Кромѣ большой наслѣдственной Пурецкой-Отчины, онъ имѣлъ много деревень въ Суздальскомъ, Ростовскомъ и Московскомъ Уѣздахъ: цѣлая слобода Холуй принадлежала ему. Въ Москвѣ онъ имѣлъ три дома на Лубянской-Улицѣ въ приходѣ Введенія во Храмъ Пресвятыя-Богородицы (1). Тутъ было подворье Макарьевскаго-Желтоводскаго-Монастыря, который принадлежалъ къ его Пурецкой-Отчинѣ. Послѣ его смерти все имѣніе было раздѣлено между сыновьями: Иваномъ и Петромъ, а вдовѣ Ѳеодорѣ Андреевнѣ данъ одинъ изъ домовъ въ Москвѣ и часть Пурецкой-Отчины (2).

Въ характерѣ князя Пожарскаго не видно особенныхъ чертъ, которыми бы онъ рѣзко выдавался надъ современниками. Онъ не былъ ни глубокимъ политикомъ, ни военнымъ геніемъ, и только обстоятельствамъ обязанъ образованіемъ и развитіемъ въ себѣ тѣхъ началъ, которыми могъ обратить на себя общее вниманіе. Ляпуновъ, при своихъ природныхъ дарованіяхъ и талантахъ, успѣлъ лучше всѣхъ воспользоваться обстоятельствами времени, и они образовали изъ него человѣка весьма-замѣчательнаго: онъ сталъ въ главѣ партіи, дѣйствовавшей во имя закона и во время тріархіи умѣлъ заставить всѣхъ себѣ повиноваться.

Но въ Пожарскомъ не было ни огромныхъ талантовъ правительственныхъ, ни большой силы воли, какою обладалъ Ляпуновъ; однакожь, если и при тѣхъ средствахъ, какими обладалъ онъ, могъ онъ со славою кончить дѣло, возложенное на него отечествомъ, то онъ достоинъ вѣчной благодарности потомства.

Благочестіе и набожность — исконныя черты въ характерѣ нашихъ предковъ—глубоко были посѣяны въ сердцѣ князя. Безъ молитвы онъ не предпринималъ никакого дѣла: отправляясь въ походъ подъ Москву, онъ нарочно поѣхалъ въ Суздаль—«помолиться Всемилостивому Спасу и у родительскихъ гробовъ проститься» (3). Какъ онъ живо сочувствовалъ интересамъ религіознымъ, доказательствомъ служитъ его грамата къ казанскому митрополиту. Въ ней онъ ясно высказалъ ту мысль, что безъ представителя Церкви нельзя предпринимать подвига освобожденія отечества, что явленіе святителя во вдовствующей Церкви московской должно оживить упадшій духъ народа. Кромѣ многочисленныхъ вкладовъ въ монастыри, памятникомъ его благочестія служитъ московскій Казанскій-Соборъ, который онъ построилъ въ 1630—1637 году на собственное иждивеніе (4), и въ который онъ перенесъ изъ

(1) Малин. Біогр. Пожар., стр. 99, 100. Послѣ Ѳеодоры Андреевны, урожденной Голицыной, домъ Пожарскаго достался князю Василію Андреевичу Голицыну съ братьями; нынѣшній владѣлецъ купилъ его у сына покойнаго оберъ-гофмаршала князя Николая Михайловича Голицына.

(2) Юридич. Акт., № 58. Малинов. ibid.

(3) Лѣт. о мят., стр. 266.

(4) Геогр. Словарь Щекат., т. 3. Казан. собор.

своей приходской церкви присланную ему изъ Казани икону Богоматери, украшенную драгоцѣнными камнями. Онъ же, въ 1620 году, возобновилъ Макарьевскій-Желтоводскій-Монастырь, разоренный въ нашествіе хана Улу-Махмета. Въ Спасо-Евфиміевскомъ-Суздальскомъ-Монастырѣ также много памятниковъ его усердія къ Церкви.

Усердный сынъ Церкви—князь Дмитрій Михайловичъ былъ вѣрнымъ слугой царя и ревностнымъ сыномъ отечества. Князь Пожарскій показалъ такіе опыты вѣрности царю, которому целовалъ крестъ, что никакія опасности, никакія угрозы противниковъ не могли поколебать его. Вся послѣдующая его дѣятельность носитъ на себѣ печать той же вѣрности долгу, той же любви къ отечеству. За его главный первый подвигъ надъ Москвою, приверженцы Сигизмунда, назвали его измѣнникомъ, отняли у него имѣніе; но Пожарскій не хотѣлъ склониться на сторону измѣнниковъ и понесъ возложенное на него новое бремя съ ревностью, ему свойственною. Идея о царѣ православномъ отъ рода русскаго, руководила всѣми его распоряженіями и дѣйствіями: она ярко просвѣчиваетъ въ его сношеніяхъ съ Польшею, Швеціей, Австріей и въ грамматахъ его къ городамъ русскимъ. При Михаилѣ Пожарскій доказалъ своею дѣятельностью, что строгая, безусловная покорность царю Богоизбранному не ослаблялась въ немъ ни честолюбіемъ—которое могло быть воспитано въ немъ его счастіемъ, его блистательными подвигами, ни самымъ духомъ времени, который противопоставлялъ власти царя остатки древней борьбы родовыхъ отношеній съ государственными—въ образѣ мѣстническихъ притязаній. Пожарскій, конечно не могъ идти на перекоръ требованіямъ духа времени, но при всемъ томъ были опыты, что онъ рѣшался жертвовать этими требованіями обязанности строгаго повиновенія царской власти (1).

Въ дѣлахъ службы и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Пожарскій водился постоянною осторожностью, которая составляетъ отличительную черту въ его характерѣ. Довольный всегда своимъ настоящимъ положеніемъ, онъ не думалъ идти опаснымъ путемъ къ невѣрной будущности. Отказъ отъ участія въ бунтѣ Ляпунова; твердость, выказанная въ отношеніи къ тушинскому и псковскому вору; потомъ взглядъ на Трубецкаго—все это ясно показываетъ, что за человѣкъ былъ Пожарскій, какія были причины его дѣятельности. Осторожность его была причиною медленности, которая не всѣмъ нравилась, за которую звали его Фабіемъ; она была слѣдствіемъ того, что онъ мало довѣрялъ себѣ, своей опытности, своимъ знаніямъ: въ эпоху 1612 года Мининъ былъ постояннымъ его совѣтникомъ — черта похвальная, но возможная и естественная только въ одномъ Пожарскомъ. При другомъ военачальникѣ Мининъ не могъ бы имѣть того значенія, какое имѣлъ онъ при Пожарскомъ; недовѣрчивость къ себѣ уничтожаетъ въ человѣкѣ всякую мысль о самостоятельности, сглаживаетъ все неравенство положенія людей въ обществѣ —и потому не одно сочувствіе къ пламенному патріотизму Выборнаго Человѣка сблизило съ нимъ Пожарскаго, но и недовѣріе къ себѣ, опасеніе за трудность своего положенія. Самъ Пожарскій сознавался, что онъ насильно приневоленъ къ трудному дѣлу военачальствованія — и это признаніе, какъ-нельзя-лучше, высказываетъ его характеръ. Говоря это, онъ вовсе не думалъ хва-

---

(1) Повсяд. Дворц. Записки, т. I, стр. 160.

статься, что въ немъ чувствовали нужду. Нѣтъ! здѣсь выставляется борьба его патріотизма съ недовѣріемъ къ себѣ, съ представленіемъ трудностей дѣла и своей неспособности преодолѣть ихъ.

Палицынъ, въ лицѣ Пожарскаго, видитъ человѣка крайне-осторожнаго и благоразумнаго. Этою чертою характера объясняются всѣ его отношенія къ другимъ лицамъ, къ народу и войску. Чѣмъ объяснить эти постоянныя сношенія *со всею землею* въ 1611 и 1612 годахъ? Отъ-чего необходимо было испрашивать согласія всѣхъ городовъ русскихъ на то, или другое предпріятіе? Зачѣмъ звать въ Нижній выборныхъ изъ городовъ для Земскаго Совѣта? Конечно, внѣшняя причина та, что ему нужны были люди, нужны были деньги, но нельзя отвергать и внутренней причины, той именно — что онъ не рѣшался дѣйствовать одинъ, опасаясь худыхъ для себя и для отечества слѣдствій въ-случаѣ неудачи.

Недовѣрчивый къ себѣ, онъ былъ довѣрчивъ къ другимъ, ласковъ и добръ въ-отношенія къ подчиненнымъ, уступчивъ предъ равными себѣ. Когда посланецъ Заруцкаго неудачно выполнилъ данное ему порученіе, Пожарскаго нужно было увѣрять, что убійца направлялъ ножъ на него. Мягкость его нрава и ласковость были извѣстны всѣмъ: казаки Заруцкаго, являвшіеся къ Пожарскому, съ восторгомъ пересказывали своимъ товарищамъ о прекрасныхъ качествахъ его души. Быстрое и совершенное прекращеніе вражды съ Трубецкимъ, которая по-видимому навсегда должна была разрознить двухъ воеводъ, доказываетъ, какъ онъ былъ уступчивъ относительно къ тѣмъ, въ которыхъ видѣлъ враговъ своихъ, которые старались вредить ему. Отношенія его къ войсковымъ начальникамъ въ Ярославлѣ, которые также враждовали противъ него, показываютъ, что уступчивость его доходила до смиренія (1).

Имя князя Пожарскаго пребудетъ вѣчно незабвеннымъ въ исторіи нашего отечества. Церковь 22-го октября ежегодно празднуетъ освобожденіе Москвы отъ Поляковъ: изъ московскаго Кремля отправляется въ этотъ день крестный ходъ въ Казанскій-Соборъ, построенный знаменитымъ избавителемъ отечества и хранящій въ себѣ святыню, ему принадлежащую. Отечество увѣковѣчило имя его памятниками, поставленными въ двухъ знаменитыхъ мѣстахъ его дѣятельности, въ Москвѣ (1818 г.) и Нижнемъ-Новгородѣ (1826). Московскій памятникъ, украшающій Красную-Площадь, вылитъ изъ бронзы знаменитымъ Мартосомъ. Пожарскій и Мининъ представлены въ ту минуту, когда славный гражданинъ Нижегородскій, взявшись лѣвою рукою за мечь Пожарскаго, раненнаго въ битвѣ за отечество, указываетъ ему правою рукою на Кремль, занятый Поляками, на городъ испепеленный, и призываетъ его на новую битву! На одномъ изъ барельефовъ пьедестала изображены въ лицахъ жертвы, приносимыя изъ любви къ отечеству: богатые несутъ деньги, отцы приводятъ своихъ дѣтей, женщины отдаютъ свои драгоцѣнности. На передней сторонѣ пьедестала надпись:

«Гражданину Минину и князю Пожарскому.

«Благодарная Россія.»

С. СМИРНОВЪ.

---

(1) См. стр. 58-ю этой статьи, прим. 4-е.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

(Изъ записокъ русскаго путешественника.)

Статья вторая.

Распространеніе между Турками употребленія спиртныхъ напитковъ. — Отзывъ дамасскаго кади объ этомъ предметѣ. — Нѣчто о людяхъ, принимающихъ внутрь большіе пріемы сулемы. — Отравленіе бея-мамлюка. — Насильственная смерть токаря и казнь убійцы. — Пожары; причина частаго появленія ихъ; дѣйствія пожарныхъ командъ.—Вліяніе пожаровъ на домашній бытъ жителей Константинополя. — Архитектура домовъ.— Вліяніе ея на нравы и общественныя отношенія. — Траги-комическое приключеніе съ французскимъ парикмахеромъ. — Лейб-медикъ великаго-визиря. — Бонапартъ и ага янычаръ въ Каирѣ.

Мы посвятили предшедшую статью (*) описанію въ общихъ чертахъ и съ точки зрѣнія не врачебной, а чисто-этнографической — простонародныхъ лекарствъ и способовъ леченія въ Константинополѣ. Прежде-нежели перейдемъ теперь къ очерку другихъ сторонъ житейскаго быта восточныхъ нашихъ сосѣдей, упомянемъ еще объ употребленіи ими одного вещества врачебнаго, весьма-энергическаго и опаснаго, принимаемаго нѣкоторыми жителями Стамбула, не съ намѣреніемъ избавить себя отъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ разстройствъ здоровья—а съ цѣлью доставлять притупленнымъ чувствамъ минутное раздраженіе, окупаемое послѣдовательнымъ, глубокимъ разслабленіемъ всего организма и длительными, едва-исцѣлимыми страданіями разнаго рода.

Послѣ этого введенія читатель, конечно, подумаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ *опіумѣ*, замѣняющемъ для правовѣрныхъ, коимъ законъ

(*) См. «Отечеств. Записки» 1849 г., апрѣль.

пророка запрещаетъ употреблять спиртные напитки — тѣ наслажденія, которыхъ въ Европѣ столь многіе охотники ищутъ и находятъ въ водкѣ и винѣ. Прежніе путешественники весьма-часто упоминаютъ о константинопольскихъ опіофагахъ, и описываютъ изнуренный наружный видъ и болѣзненное состояніе людей, предавшихся этому губительному пороку. Но, по личному опыту я объ этомъ предметѣ говорить не могу: мнѣ не случалось видѣть опіоѣдовъ въ Константинополѣ, и я имѣю нѣкоторый поводъ полагать, что если употребленіе соннаго зелья прежде когда-либо дѣйствительно было распространено въ столицѣ оттоманской, то оно нынѣ стало выходить изъ моды, можетъ-быть потому, что при болѣе-частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Франками и Европою, мусульмане начали чаще прибѣгать къ вину, какъ средству доставлять себѣ пріятныя ощущенія, не столь вредныя и неестественныя, какъ производимыя опіемъ. На площади *Ат-мейданы* (древнемъ Ипподромѣ), въ Стамбулѣ, украшенной гранитнымъ обелискомъ Фараона Мерида, вывезеннымъ изъ Египта при императорѣ Ѳеодосіи—мнѣ показали мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ рядъ деревянныхъ шалашей и кофеенъ, въ которыхъ, въ прошедшія времена, собирались опіоѣды; эти кофейни теперь развалились и совершенно исчезли. Съ другой стороны, за столомъ у богатыхъ Турковъ, высшихъ сановниковъ и т. п., нынѣ безъ зазрѣнія совѣсти подаютъ водку, ромъ и вино, и правовѣрные лакомятся ими не прятаясь больше, какъ это дѣлалось прежде; даже присутствіе муллъ и другихъ духовныхъ особъ, блюстителей закона мухаммедова, не удерживаетъ «цивилизованныхъ» мусульманъ осушать до дна бутылки съ запрещеннымъ напиткомъ. Въ этомъ отношеніи меня особенно поразилъ отвѣтъ умнаго и весьма-бойкаго кади въ Дамаскѣ, съ которымъ я познакомился во время пребыванія моего въ этомъ городѣ, въ іюнѣ 1847. Разговорившись какъ-то однажды съ нимъ о Египтѣ и Каирѣ, я разсказалъ ему, что обѣдалъ у Мехмеда-Али во время заложенія перваго камня «барража» (запруды) Нила, и что за нашимъ столомъ, изъ всѣхъ присутствовавшихъ гостей мусульманъ, одинъ только *мулла-бей*, глава вѣры, не пилъ вина и на тосты сосѣдей отвѣчалъ стаканомъ наполненнымъ водою, тогда-какъ у всѣхъ прочихъ въ бокалахъ шипѣли и искрились Аи и Силлери. Мулла-бей былъ довольно молодъ—прибавилъ я заключая— и лицомъ весьма походилъ на васъ, почтеннѣйшій кади. — «Это «очень-естественно» возразилъ тотъ: «мулла-бей мнѣ двоюродный братъ; «но я удивляюсь тому, что, по вашему разсказу, онъ не хотѣлъ пить вина. «Мулла-бей, безъ-сомнѣнія, чувствовалъ себя нездоровымъ въ этотъ день; «у него бываютъ иногда припадки *меланхоліи*. А то онъ охотникъ до вина «не хуже меня; а я, между нами будь сказано, никакъ не могу заснуть, «если, ложась въ постель, не выпью цѣлой бутылки этого напитка...» Такой отзывъ кади въ Дамаскѣ—чуть-ли не самомъ фанатическомъ изъ городовъ Востока—ясно доказалъ мнѣ, что Турки быстро подвигаются впередъ на поприщѣ просвѣщенія и образованности! Замѣчено также, что бо́льшая часть молодыхъ людей, посылаемыхъ изъ Турціи и Египта для воспитанія въ Парижъ или Лондонъ, возвращаются на ро-

дину горькими пьяницами, въ доказательство своимъ единовѣрцамъ, что они глубоко *проникнуты* западною цивилизаціею. Скажемъ кстати, что Мехмедъ-Али, страдавшій въ послѣдніе годы своей жизни упорною безсонницею, принялъ привычку выпивать каждый вечеръ до трехъ бутылокъ кипрскаго вина: обстоятельство, которому врачи не могли не приписать важнаго вліянія на совершенное умопомѣшательство, постигшее знаменитаго египетскаго пашу за полтора года до его смерти. Объ этомъ печальномъ помраченіи ума, нѣкогда столь яснаго и свѣтлаго, я еще буду имѣть случай разсказать подробнѣе, потому-что былъ приглашенъ, въ числѣ другихъ врачей въ Александріи, подать свое мнѣніе относительно пользованія его.

Но здѣсь мы намѣрены говорить не о винѣ и не о сонномъ зельѣ, а о другомъ веществѣ, несравненно ихъ вреднѣе, принимаемомъ нѣкоторыми Турками. Это вещество — не что иное, какъ меркурій, и притомъ въ самой сильной и ядовитой формѣ его — именно *сулема* (sublimé corrosif). Англичанинъ Броунъ упоминаетъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о Египтѣ и Дар-Фурѣ (*), что въ Константинополѣ люди, которыхъ притупленныя чувства не находятъ болѣе удовольствія въ опіи, прибѣгаютъ къ сулемѣ, «принимаемой ими въ извѣстномъ «составѣ, до *десяти* гранъ, какъ говорятъ.» Это количество, конечно, весьма-значительно, и у человѣка, непріучившаго себя постепенною привычкою къ употребленію этого яда, оно можетъ произвести довольно-скоро отравленіе смертельное. Но я слышалъ отъ нѣкоторыхъ врачей въ Константинополѣ, и между прочимъ отъ профессора Риглера, что имъ попадались люди, принимавшіе разомъ до *тридцати* гранъ сулемы, смѣшанной съ опіемъ. Къ этому г. Риглеръ присовокупилъ, что такимъ подвигомъ иные Турки хвастаютъ передъ знакомыми своими, и что на стамбульскихъ кладбищахъ иногда встрѣчаются надгробные камни, на которыхъ между прочими качествами и доблестями покойника исчисляется и то, что онъ имѣлъ привычку глотать извѣстный пріемъ сулемы. Какъ ни страннымъ и даже неправдоподобнымъ должно казаться это послѣднее обстоятельство, но свидѣтельство ученаго профессора, въ глазахъ моихъ, ручается за его истину. Въ-послѣдствіи случай доставилъ мнѣ возможность видѣть одного меркуріоѣда въ Смирнѣ: это было въ аптекѣ «Фениксъ», въ которой англійскій врачъ, докторъ Вудъ, по два раза въ недѣлю держалъ родъ поликлиники и принималъ больныхъ неимущихъ, являвшихся туда изъ города. Въ эту аптеку хаживалъ Турокъ, который всякій разъ покупалъ по тридцати гранъ сулемы, и располагаясь на скамейкѣ, тутъ же принималъ съ водою. Водворенный въ желудокъ ядъ сначала производилъ у него ощущеніе весьма-сильнаго жара подъ сердечною ложечкою; потомъ являлись приливъ крови къ головѣ, головокруженіе, родъ опьянѣнія и забытья, сопровождавшіяся вѣроятно пріятными мечта-

(*) *Browne:* Nouveau voyage dans la haute et basse Égypte, le Darfour etc., 1792—1796. Переводъ съ англійскаго, ч. II, стр. 148

ніями и грезами. Это состояніе продолжалось около получаса и мало-по-малу уступало мѣсто всеобщей слабости и изнеможенію, которыя, въ свою очередь, проходили довольно-скоро. Человѣкъ этотъ былъ среднихъ лѣтъ, небольшаго роста, худощавъ и блѣденъ; въ впалыхъ, потускнѣвшихъ глазахъ его изрѣдка только сверкала какая-то болѣзненная искра. Но другихъ признаковъ, по которымъ бы можно было узнать пагубную его привычку, я въ этомъ несчастномъ не замѣтилъ; блѣдность и худощавость его также точно могли зависѣть отъ излишняго употребленія другихъ чувственныхъ раздраженій, отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій, отъ необузданной игры страстей, и т. п. Правда и то, что видѣвъ этого человѣка только одинъ разъ, я не могъ дѣлать надъ нимъ наблюденія очень-полныя и подробныя.

Читатели, привыкшіе у насъ къ столь заботливому попеченію правительства обо всемъ, относящемся до общественнаго здоровья и врачебной части, вѣрно слышали не безъ изумленія, что въ аптекѣ, содержимой въ Смирнѣ европейцемъ, безъ дальнѣйшихъ предосторожностей отпускали столь большіе пріемы сильнѣйшаго яда первому являвшемуся покупщику. Но мы сказали уже прежде, что въ Турціи, какъ вездѣ на Востокѣ, аптеки не выходятъ изъ ряда торговыхъ заведеній вообще, и что начальство не считаетъ нужнымъ подвергать ихъ особенному надзору (*). По моему мнѣнію, впрочемъ, продаваемые въ нихъ самими аптекарями, безъ рецептовъ, обыкновенные лекарственные составы, въ массѣ населенія производятъ гораздо-болѣе вреда, нежели чисто-ядовитыя вещества, покупаемыя все-таки относительно весьма-рѣдко и немногими людьми. Эти вещества, конечно, могутъ подавать поводъ къ преступнымъ дѣйствіямъ, совершеніе коихъ облегчается съ одной стороны безпрепятственною продажею всякихъ ядовъ, а съ другой неприступностью для людей постороннихъ и даже для начальства, внутренняго быта восточныхъ домовъ. Тѣмъ не менѣе такого рода преступленія отнюдь не должно считать столь обыкновенными и частыми на Востокѣ, какъ многіе европейцы полагаютъ.

(*) Должно ли удивляться турецкой безпечности, когда мы видимъ, что въ Англіи и Франціи, называющихъ себя представителями просвѣщенія, начальство, подъ предлогомъ мнимой коммерческой и промышленой свободы, безпрепятственно дозволяетъ наглому шарлатанству ежедневно расхваливать въ газетахъ передъ легковѣрной и неопытной публикой, разные составы, или рѣшительно недѣйствительные и посему безполезные (каковы, на-примѣръ, изобрѣтенные бывшимъ директоромъ Парижской-Оперы, Верономъ, грудныя лепешки [pâte pectorale de Regnauld]; такъ называемые «мальтійскіе конфекты» противъ морской болѣзни; ракагу и мн. др.) или опасные, и безспорно вредные, въ рукахъ людей несвѣдущихъ; на-примѣръ, моррисоновы пилюли, разные робы, эликсиры, и т. п. Кому не случалось читать съ негодованіемъ, и часто съ отвращеніемъ, напыщенныя и обманчивыя объявленія такого рода, которыми наполнены столбцы четвертыхъ страницъ большихъ лондонскихъ и парижскихъ журналовъ? Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, медицинская полиція въ Россіи и въ Германіи стоитъ несравненно-выше, чѣмъ въ сказанныхъ двухъ странахъ.

Что въ харемахъ ревность, зависть и подобныя страсти, скрываемыя съ такимъ рѣдкимъ искусствомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ понынѣ прибѣгаютъ къ помощи ядовъ, это весьма вѣроятно — хотя, впрочемъ, доказать такое предположеніе статистически, цифрами, невозможно. Но нѣтъ также никакого сомнѣнія, что съ успѣхами вѣка и производимаго ими смягченія и укрощенія нравовъ, варварскіе способы избавиться отъ непріятеля или соперника, посредствомъ ядовитаго порошка, и т. п., съ каждымъ годомъ становятся рѣже-и-рѣже.

Въ этомъ отношеніи весьма-характеристически обозначаетъ турецкіе нравы, анекдотъ, разсказанный знаменитымъ путешественникомъ, который былъ въ Каирѣ въ первой трети прошлаго столѣтія. Управлявшій тогда краемъ отъ имени султана, паша, питалъ непримиримую вражду къ бею-мамлюку (*) и желалъ всячески ускорить для него минуту, когда передъ нимъ отверзнутся врата мухаммедова рая и пламенныя объятія черноокихъ, вѣчно-юныхъ гурій. При такомъ благомъ расположеніи, паша, съ свойственнымъ Туркамъ притворствомъ—которое они какъ-будто всасываютъ вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ, не упускалъ случаевъ и не щадилъ усилій, чтобы выказывать необыкновенную благосклонность и всегдашнюю преданность врагу-бею. Послѣдній, съ своей стороны, угадывая коварные замыслы могучаго противника, обращался съ нимъ неменѣе подобострастно, но никогда не подносилъ къ губамъ своимъ кофе, щербета и подобныхъ напитковъ и сластей, которыми, по туземному обычаю, его подчивали у паши. Игра соперниковъ была ведена съ равнымъ искусствомъ и осторожностью; предусмотрительность бея такъ же точно не могла скрываться отъ проницательнаго взора хитраго паши, который, несмотря на многія тщетныя попытки, не терялъ однакожь надежды на успѣхъ. По восточному этикету, весьма-строго наблюдаемому, кофе разносятъ въ маленькихъ чашкахъ, подаваемыхъ прямо изъ рукъ служителей каждому изъ присутствующихъ гостей порознь, но непремѣнно въ одно и то же время, такъ-что всегда, сколько по числу гостей, столько и является въ залу слугъ. Во время одного визита, когда бей и прочіе почетные посѣтители расположились, поджавъ ноги, на диванѣ, рядомъ съ пашою, невольникъ, подходившій съ чашкой кофе къ бею, оступился, задѣлъ ногою протянутый подлѣ него чубукъ, чашка выпала у него изъ рукъ, и содержаніе ея разлилось по богатому персидскому ковру, которымъ выстланъ былъ селамлыкъ (гостиная). Паша нахмурился, пробормоталъ сквозь зубы грозный «пезевенкъ!» противъ неловкаго слуги, но въ ту же секунду съ пріятной

(*) Мамлюкскіе беи въ Египтѣ прежде имѣли чинъ двух-бунчужныхъ пашей; нынѣ этотъ титулъ присвоенъ въ томъ краю полковникамъ, и его получили многіе христіане, какъ европейскіе, такъ и туземцы: на-примѣръ, Клот-бей, Ламбер-бей, Кёниг-бей, Гаэтани-бей, Линан-бей, Мари-бей, Прунер-бей, Варен-бей, и др.

улыбкой велѣлъ подать бею финджанъ, который поднесли-было ему самому, и который онъ еще не успѣлъ взять изъ рукъ негра. Бей отблагодарилъ почтительнымъ поклономъ за это вниманіе, которое дѣйствительно было весьма-лестно, и чтобъ не показать себя слишкомъ невѣжливымъ, рѣшился на тотъ разъ выпить ароматный мокскій отваръ (*).

Пришедъ домой, онъ почувствовалъ рѣзь въ желудкѣ, и когда на другой день къ разсвѣту *муэззины* съ вершины минаретовъ стали сзывать правовѣрныхъ въ мечети, повторяя звучнымъ напѣвомъ: «прійдите къ молитвѣ, молитва лучше сна» — уже для бея были отверзты врата рая и нѣжныя объятія черноокихъ гурій!...

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Константинополь тамъ случилось отравленіе, примѣчательное тѣмъ, что оно подало поводъ къ судебно-медицинскому изслѣдованію, чуть ли не первому въ этомъ родѣ въ оттоманской столицѣ. Къ токарю-раіѣ (**), торговавшему въ Стамбулѣ янтарными мундштуками, до которыхъ Турки такіе страстные охотники и на которые они тратятъ столько денегъ, явился человѣкъ отъ пріѣзжаго богатаго купца, желавшаго купить нѣсколько дорогихъ мундштуковъ. Токарь взялъ съ собою, что было получше въ его лавкѣ, и вмѣстѣ съ посыланнымъ пошелъ въ *ханъ* (***), въ которомъ остановился пріѣзжій, по обычаю восточныхъ купцовъ. Наступила ночь, наступилъ и прошелъ весь слѣдующій день, а токарь домой не возвращался; всѣ старанія семейства открыть слѣды его или купца остались тщетными: онъ пропалъ безъ вѣсти и, разумѣется, вмѣстѣ пропалъ и бывшій при немъ многоцѣнный товаръ. Чрезъ нѣсколько времени какой-то Армянинъ пришелъ къ жившему въ другомъ отдаленномъ кварталѣ токарю и предложилъ ему купить янтарные мундштуки отмѣнной красоты. Токарь этотъ — и тутъ, конечно, видѣнъ перстъ Провидѣнія, карающаго преступниковъ — прежде работалъ у исчезнувшаго столь таинственнымъ образомъ мастера, слышалъ поэтому о постигшемъ семейство его несчастіи и тотчасъ призналъ принесенные мундштуки за тѣ, которые онъ прежде неоднократно видывалъ въ лавкѣ бывшаго своего хозяина. Армянина немедленно арестовали, стали допрашивать, и оказалось, что пропавшаго токаря заманили въ уединенный необитаемый ханъ, гдѣ его отравили и потомъ, ограбивъ, зарыли въ углу двора этого зданія. По приказанію полиціи, тѣло было вырыто и подвергнуто точной судебно-медицинской аутопсіи. Въ желудкѣ нашли употребленный для совершенія преступленія ядъ — мышьякъ, сколько помнится.

(*) На Востокѣ, какъ извѣстно, мелко истолченныя кофейныя зерна кипятятъ съ водою и пьютъ не процѣживая отвара.

(**) Турецко-подданныхъ не-мусульманъ называютъ *раія*.

(***) *Ханъ* — родъ постоялаго двора, служащаго вмѣстѣ и складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Эти зданія называются также *керван-серай*, а въ Египтѣ — *окалэ*. Купцы, торгующіе однородными предметами, всегда останавливаются вмѣстѣ въ однихъ и тѣхъ же ханахъ.

Гуляя однажды послѣ-обѣда въ лабиринтѣ тѣсныхъ стамбульскихъ улицъ съ молодымъ чиновникомъ нашей миссіи, мы замѣтили стеченіе народа, впрочемъ не очень-многочисленное. Толпа окружала нѣсколькихъ кавасовъ (*), которые вели человѣка довольно-нестараго, тощаго, съ связанными на спинѣ руками; на немъ не было рубахи, а были только доходившіе до колѣнъ широкіе, черные шальвары и фуфайка безъ рукавовъ, такъ-что голени и руки по плеча у него оставались обнаженными. Мы съ любопытствомъ отправились вслѣдъ за этимъ кортежемъ, и чрезъ нѣсколько времени вышли на небольшую площадь, окруженную лавочками, въ которыхъ продавали хлѣбъ, баранину, рыбу, зелень и подобные припасы. Шествіе остановилось; одинъ изъ кавасовъ сзади подошелъ къ преступнику и толкнулъ его въ спину, такъ-что онъ упалъ на колѣна; въ ту же минуту другой кавасъ, обнаживъ кривую свою саблю, ударилъ его съ размаха по затылку, но ударилъ слишкомъ высоко, попалъ въ черепъ — несчастный закричалъ раздирающимъ сердце голосомъ и хотѣлъ встать; другой ударъ былъ такъ же неудаченъ — толпа ахнула; при третьемъ голова покатилась на мостовую; двѣ струи, толщиною въ мизинецъ, румяной артеріяльной крови, шипя, брызнули изъ шеи... все было кончено: человѣческое правосудіе получило удовлетвореніе! Казненный былъ Армянинъ, убійца токаря. Оставалось совершить надъ трупомъ его послѣднее поруганіе надъ гяуромъ: тѣло положили на брюхо и отдѣленную голову помѣстили лицомъ внизъ, между бедръ его (казненнымъ мусульманамъ она кладется подъ-мышку). Кавасъ потомъ преспокойно обтеръ саблю и пригвоздилъ къ сосѣдней лавочкѣ кругло-обрѣзанный листъ бумаги, на которомъ написанъ былъ смертный приговоръ. Трупъ долженъ былъ оставаться трое сутокъ въ этомъ мѣстѣ; погода стояла жаркая; рои мухъ сѣли на дымившуюся кровь, обагрившую каменную мостовую, и потомъ летали къ припасамъ, выставленнымъ кругомъ у торговцевъ, но на это никто и не обращалъ вниманія. Мы удалились съ тяжелымъ сердцемъ.

Тяжкія преступленія вообще — убійства, грабежи, воровства со взломомъ, ночныя нападенія и т. п. — случаются весьма-нерѣдко въ Константинополѣ, но, къ чести мусульманскаго населенія столицы должно сказать, совершаются не Турками, а почти всегда европейцами, или Іонійцами, Греками смирнскими или съ острововъ Архипелага, и пр. Разнородныя и враждебныя стихіи въ общественной жизни Запада, кипучіе и клокочущіе, какъ въ котлѣ макбетовыхъ вѣдьмъ, безпрестанно извергаютъ мутную пѣну свою на гостепріимный Востокъ, и главные порты Леванта наполнены разныхъ націй и званій европейцами, бѣжавшими съ каторги или изъ тюремъ, банкро-

(*) *Кавас*'ами называютъ полицейскихъ солдатъ или, собственно, жандармовъ, смотрящихъ за общественнымъ порядкомъ. При каждой европейской миссіи, при консулахъ и т. п. въ турецкихъ владѣніяхъ, также всегда находится извѣстное число нанимаемыхъ ими кавасовъ.

тами, бродягами и вообще людьми, имѣвшими «непріятныя столкновенія съ правосудіемъ», въ своемъ отечествѣ. Отсутствіе строгой и хорошо-устроенной полиціи въ Константинополѣ; возможность пріѣзжать туда и проживать вѣкъ безъ паспорта; особыя, основанныя на старинныхъ капитуляціяхъ христіанскихъ державъ съ Портою, преимущества Франковъ, на-прим. судиться въ уголовныхъ дѣлахъ канцеляріями своихъ миссій; запрещеніе мѣстнымъ мусульманскимъ властямъ входить въ домъ европейца безъ сопровожденія чиновника отъ посольства, къ которому онъ принадлежитъ; дешевизна спиртныхъ напитковъ и жизни вообще, и многіе подобные соблазны — привлекаютъ въ Константинополь множество промышленниковъ, надѣющихся скрывать подозрительное и запятнанное прошедшее въ этой многолюдной столицѣ, или намѣревающихся продолжать въ ней родъ жизни и занятій, несовмѣстныхъ со строгимъ надзоромъ и съ законами болѣе-образованныхъ государствъ. Когда вы сходите на берегъ у главной пристани предмѣстья Галаты, раскинутаго на берегу Босфора, вскрай подошвы перскаго холма, то всегда увидите стоящую тамъ густую толпу пестраго франкскаго человѣчества, и встрѣтите физіономіи, на которыхъ порокъ и развратъ отпечатлѣлись неизгладимыми слѣдами. Если на васъ часы съ золотою цѣпочкою, брильянтовая булавка на галстухѣ, или подобная драгоцѣнная вещь, то навѣрное замѣтите пару-другую горючихъ какъ уголь глазъ, устремляющихъ страшно-похотливые взоры на эти суетныя украшенія. Не желаемъ никому встрѣчаться ночью безъ провожатаго, гдѣ-нибудь на перекресткѣ въ Галатѣ и даже въ Перѣ, съ хозяиномъ такихъ свѣтящихся глазъ: онъ вамъ докажетъ весьма-убѣдительно, съ ножомъ въ рукѣ, что золотые часы или алмазная булавка вамъ вовсе не нужны, а ему, напротивъ, очень пригодятся!

Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе этого рода европейцевъ въ главныхъ торговыхъ городахъ Востока поддерживаетъ въ туземномъ простомъ народѣ, который естественнымъ образомъ имѣетъ болѣе сношеній съ ними, чѣмъ съ франками образованными — весьма дурное мнѣніе о нравственности всѣхъ европейцевъ вообще, и сильную ненависть, питаемую мусульманами къ гяурамъ.

Еще болѣе распространены въ Константинополѣ разнаго рода мошенничества и обманы; въ-особенности раздача фальшивой монеты, продажа краденыхъ вещей, поддѣланныхъ драгоцѣнныхъ камней и т. п. Подобныя продѣлки здѣсь тѣмъ легче удаются, что туземное населеніе въ этомъ отношеніи весьма-неопытно, неосторожно и мало знакомо съ тонкими ухищреніями европейскихъ промышленниковъ, которымъ вышеупомянутыя преимущества обыкновенно доставляютъ полную безнаказанность за такого рода проступки. Такимъ-образомъ два Іонійца надули маркитанта, служившаго на фрегатѣ-пароходѣ, на которомъ я пріѣхалъ изъ Одессы, продавъ ему на 1,500 рублей фальшивыхъ алмазовъ и жемчуга; но, благодаря быстрымъ и энергическимъ мѣрамъ, принятымъ немедленно директоромъ коммерческой канцеляріи нашей миссіи, успѣли поймать и усадить въ тюрьму

этихъ мошенниковъ и принудили ихъ возвратить полученныя деньги. Не столь удачно кончилось происшествіе съ однимъ старикомъ-Армяниномъ, нанимавшимъ комнату въ домѣ Марицы, близь *текiё* (*) пляшущихъ дервишей въ Перѣ, въ которомъ я самъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Армянинъ этотъ имѣлъ небольшой капиталъ, въ какихъ-нибудь тысячь двадцать турецкихъ піастровъ (4,000 рублей ассигнаціями), который онъ отдавалъ въ ростъ, и жилъ процентами съ него. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Константинополя, къ Армянину однажды пришли два человѣка, показавшіе ему въ бумажкѣ порядочное количество брильянтовъ, украденныхъ, по собственному ихъ показанію, во время пожара. Они увѣряли, что имъ непремѣнно нужно скорѣе выѣхать изъ города, и предложили купить эти брильянты именно за двадцать тысячь піастровъ. Старикъ пошелъ съ ними къ знакомому ему ювелиру, удостовѣрившему, что это были настоящіе алмазы, и что цѣнность ихъ значительно превышала требуемую сумму. Надѣясь пріобрѣтеніемъ ихъ скоро и легко умножить капиталъ свой и доживать вѣкъ въ довольствѣ и беззаботно, Армянинъ тотчасъ бросился къ должникамъ своимъ, чтобъ вытребовать слѣдовавшія ему деньги; онъ успѣлъ однакожь собрать не болѣе 14,000 піастровъ, которые и предложилъ продавцамъ, когда они на другой день опять къ нему явились. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ они согласились отдать ему брильянты за сказанную сумму, потому-что будто крѣпко нуждались въ деньгахъ; но онъ долженъ былъ обязаться доплатить остальные 6,000 піастровъ чрезъ нѣсколько времени, и не продавать до этого срока самихъ брильянтовъ, которые они вручили ему для этой цѣли запечатанными при немъ въ коробочку. Но едва продавцы успѣли удалиться, какъ Армянинъ, не отличавшійся особенною честностью, раскрылъ коробочку и отправился къ ювелиру, отъ котораго съ ужасомъ и отчаяніемъ узналъ, что мошенники, искусно подмѣнивъ алмазы, отдали ему вмѣсто ихъ цвѣтныя стеклышки. При изложенныхъ обстоятельствахъ этого дѣла, вообще мудрено было искать помощи въ посольствѣ—Армянинъ проживалъ въ Константинополѣ съ англійскимъ паспортомъ,—да сверхъ-того, не возобновивъ его въ-продолженіе пятнадцати или двадцати лѣтъ, онъ даже потерялъ право прибѣгать къ покровительству великобританской миссіи, и такимъ-образомъ лишился безвозвратно двухъ третей своего капитала, конечно, по собственной винѣ.

Подобныя событія хотя повторяются весьма-часто въ Константинополѣ, но все-таки, по свойству своему, остаются дѣлами частными, фактами изолированными, которыхъ человѣкъ порядочный, ведущій себя съ должною осторожностью—легко можетъ избѣгнуть. Гораздо-страшнѣе и неизбѣжнѣе дѣйствіе другаго рода происшествій, для которыхъ Константинополь, Смирна и многіе другіе турецкіе города должны счи-

(*) *Текiё* есть родъ мусульманскаго монастыря или, точнѣе, страннопріимный домъ.

таться истинно-классическою землею. Мы хотимъ говорить о пожарахъ, производимыхъ или умышленно, преступною рукою поджигателей, или происходящихъ отъ непростительной неосторожности, съ которою Турки обращаются съ огнемъ. Кто не слыхалъ объ этихъ губительныхъ пожарахъ, почти-періодически возобновляющихся въ Стамбулѣ и истребляющихъ въ этой столицѣ многія сотни и даже тысячи домовъ? Въ благоустроенныхъ европейскихъ городахъ запрещается курить даже сигары на улицѣ, хотя улицы тамъ обыкновенно широки и окаймлены каменными домами; и если эту справедливую строгость сравнить съ безпечностью, съ которою въ Константинополѣ полиція смотритъ, или, точнѣе выражаясь, вовсе не смотритъ на этотъ предметъ, то должно удивляться не тому, что пожары здѣсь такъ часты, а скорѣй тому, что этотъ городъ не горитъ съ утра до ночи всякій Божій день! Взгляните, на-прим., хоть на главныя улицы Перскаго-Предмѣстья, заселенныя Франками: вы тамъ постоянно увидите передъ домами, въ которыхъ живутъ портные, стоящія на мостовой, большія глинянныя миски съ горящими углями, на которыхъ разогрѣваютъ утюги; военный постъ, содержащій караулъ на перекресткѣ, называемомъ lè quatre strade, близь дворца нашей миссіи, вечеромъ разводятъ на улицѣ огонь, чтобъ готовить ужинъ для солдатъ. Въ тѣсныхъ, отлогихъ переулкахъ Топ-ханé, Дефтердар-Іокушý и другихъ кварталовъ, занимаемыхъ преимущественно Турками, люди цѣлый день сидятъ на улицѣ передъ домами, куря трубки и шйше (*); послѣднихъ зажигаютъ выносимыми изъ домовъ или многочисленныхъ кофеенъ углями, которые потомъ безъ дальнѣйшихъ церемоній бросаютъ на мостовую, гдѣ они гуляютъ-себѣ привольно въ разныхъ направленіяхъ, при содѣйствіи дующихъ здѣсь сильныхъ и постоянныхъ вѣтровъ. Присовокупите къ этому, что въ домахъ туземцевъ печей нѣтъ, и что зимою для нагрѣванія комнатъ употребляются большіе мѣдные сосуды съ углемъ (мáнгалъ), ставимые на досчатомъ полу, а у Грековъ, Армянъ и многихъ Франковъ—подъ столомъ, накрытымъ стеганнымъ одѣяломъ (тандýръ), вокругъ котораго располагается семейство; вспомните, наконецъ, что здѣсь домá, съ весьма-немногими исключеніями, всѣ деревянные. При знойности здѣшняго климата, матеріалъ, изъ котораго они выстроены, сухъ какъ трутъ, и зажигаясь вспыхиваетъ какъ спичка и быстро обхватывается пламенемъ. Послѣ всего сказаннаго не удивительно, что сердце ваше забивается отъ безпокойства и страха, когда вдругъ слышите ночью голосъ сторожей, стучащихъ желѣзными наконечниками длинныхъ палокъ по мостовой, повторяя крикъ *гáнгенъ варъ* (пожаръ!), и когда увидите въ окошко страшное зарево, освѣщающее

(*) *Шйше* — курительный снарядъ съ длинною эластическою трубкою, устроенный тáкъ, что табачный дымъ проходитъ чрезъ стеклянный сосудъ (шйше) съ водою. Шйше въ Египтѣ и Сиріи называютъ обыкновенно *наргилé*, въ Персіи—*кальянъ*, въ Индіи—*гýка*, и т. п. Табакъ, употребляемый въ этихъ шйше, извѣстенъ подъ названіемъ тéмбеке и привозится преимущественно изъ Шираза.

часть горизонта. При тѣснотѣ здѣшнихъ улицъ, разрушающая стихія весьма-скоро распространяется, и, разливаясь огненною рѣкою, истребляетъ въ самое короткое время цѣлые кварталы. Топографическія условія города и предмѣстій его, выстроенныхъ по-большей-части на скатахъ весьма-крутыхъ холмовъ, не позволяютъ держать здѣсь пожарные снаряды и трубы на колесахъ, съ припрягаемыми къ нимъ лошадьми, какъ въ Европѣ, потому-что для такихъ экипажей нигдѣ почти проѣзда нѣтъ, по узкости или по крутизнѣ улицъ. Трубы поэтому употребляются небольшія, ручныя, которыя переносятся къ мѣсту пожара на плечахъ работниковъ, бѣгущихъ подобно помѣшаннымъ, съ обнаженными по плеча руками. Пособіе, приносимое этими снарядами, не можетъ посему быть очень-дѣятельное и спасительное, и въ большей части случаевъ оно еще совершенно парализируется варварскимъ обычаемъ пожарныхъ командъ торговаться съ частными домовладѣльцами на-счетъ суммы, за которую команда возьмется отстаивать находящееся въ опасности зданіе. Сумма, требуемая въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно бываетъ весьма-значительна, и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ строеніе ближе къ горящимъ домамъ; если хозяинъ не соглашается или не въ-состояніи заплатить ее, то команда предоставляетъ его на произволъ судьбы и собственныхъ его усилій. Министры и высшіе сановники, иногда и самъ султанъ, являются на мѣсто пожара, но присутствіе ихъ ни мало не мѣшаетъ этимъ торгамъ производиться явно и завѣдомо всѣмъ; до-сихъ-поръ полиція не думала прекратить это вопіющее злоупотребленіе. Воры и мошенники съ своей стороны пользуются суматохою, чтобъ грабить и красть въ домахъ, преимущественно ночью, усугубляя такимъ-образомъ всѣ ужасы этихъ плачевныхъ событій. Частое повтореніе ихъ отравляетъ для здѣшнихъ жителей, особенно Европейцевъ — всѣ прочія удовольствія и наслажденія, представляющіяся имъ на восхитительныхъ берегахъ Босфора, потому-что живутъ въ вѣчномъ опасеніи лишиться вдругъ всего имущества. Дѣйствительно, отправляясь изъ дома на самое короткое время, хоть, на-прим., прогуляться за городъ, съѣздить на Принцевы-Острова, или просто поплясать гдѣ-нибудь на вечерѣ или на балѣ, вы не увѣрены, что по возвращеніи найдете домъ вашъ—сдѣлавшимся вмѣстѣ со всѣмъ содержимымъ въ немъ, добычею пламени, въ то время, какъ вы, можетъ-быть, увлекались очаровательными звуками польки и вальса, или доигрывали четвертый робберъ невиннаго виста. Это сюрпризъ, до-нельзя непріятный, и котораго всю горечь и удручающее дѣйствіе на нервную систему лично испыталъ здѣсь, между-прочимъ, извѣстный нѣмецкій ученый, путешествовавшій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по порученію прусскаго правительства, на Кавказѣ, въ Персіи и т. д. На возвратномъ пути въ Европу, онъ провелъ короткое время въ Константинополѣ, и отправившись однажды подышать свѣжимъ воздухомъ внѣ города, потомъ, когда часа черезъ два или три пришелъ домой, не могъ отъискать дома: въ-теченіе этого непродолжительнаго отсутствія, домъ и всѣ бумаги, коллекціи и вещи путешественника сгорѣли до тла! Впечатлѣніе произведенное на него этимъ несча-

стіемъ было такъ сильно, что онъ заболѣлъ и долго не могъ оправиться.

Безпрестанное появленіе пожаровъ въ Константинополѣ не осталось безъ вліянія на весь домашній бытъ и внутреннее устройство жилищъ тамошняго населенія, какъ туземнаго, такъ и европейскаго. Франки—за исключеніемъ немногихъ семействъ, живущихъ въ домахъ каменныхъ, которыхъ тутъ, какъ было упомянуто, весьма-мало—должны были вовсе отказаться отъ всѣхъ или бо́льшей части удобствъ и изобрѣтеній роскоши и утонченнаго комфорта, къ которымъ мы въ Европѣ привыкли до-того, что они для насъ сдѣлались какъ-бы необходимостью. Обзавестись дорогою мёбелью, зеркалами, цѣнными картинами, фортепьянами, библіотекою, богатою фарфоровою посудою и т. п., здѣсь весьма-рѣдко кто рѣшается, потому-что о выносѣ и спасеніи ихъ и думать нельзя. Довольствуются, поэтому, обыкновенно диванами изъ простаго дерева, покрытыми ситцемъ, плетеными стульями, скромными кисейными занавѣсями, березовыми шкафами для платья и подобными предметами, которыми въ случаѣ пожара можно было бы жертвовать безъ большаго убытка. Турки въ этомъ отношеніи еще лучше распорядились: роскошь ихъ не обнаруживается въ тяжеловѣсной и громоздкой мёбели и прочихъ предметахъ, на которые мы, при устройствѣ домовъ въ Европѣ, тратимъ столько денегъ: она вся обращена на покупку янтарныхъ мундштуковъ, золотыхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями *зарфовъ* (*), богатыхъ кашмировыхъ шалей, сидскихъ ковровъ, рѣдкаго оружія, платья изъ дорогихъ матерій—однимъ словомъ, на пріобрѣтеніе такихъ вещей, которыя при первомъ крикѣ: «іангенъ варъ!» тотчасъ можно собрать и унести съ собою. Сверхъ-того, жители Востока, какъ мужчины, такъ и женщины не носятъ (или по-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ не употребляли), ни бѣлья крахмаленнаго и глаженнаго, котораго мять нельзя, ни уборовъ, подбитыхъ жесткими подкладками, «марли или кринолиномъ», ни чепцовъ и шляпокъ, для которыхъ у насъ требуется столько картоновъ, сундуковъ, коммодовъ и проч. Турецкіе мужскіе и дамскіе наряды, даже самые щегольскіе, можно смѣло мять: они отъ этого не пострадаютъ; во многихъ домахъ каждый вечеръ укладываются, точно собираются куда-нибудь въ дальнюю дорогу, или чтобъ перейдти на другую квартиру: гардеробныя принадлежности связываютъ въ узлы, брильянты, янтарные мундштуки и подобныя драгоцѣнности запираютъ въ ящички, ковры свертываютъ въ цилиндры—и если случается пожаръ, то хозяинъ

(*) *Зарф*'ами называются металическіе стаканчики, въ которыхъ жители Востока, не употребляющіе блюдечекъ подъ чашками, подаютъ финджаны съ кофеемъ; у простаго народа эти зарфы мѣдные или фарфоровые; у богатыхъ они бываютъ серебряные филиграновые; въ торжественныхъ случаяхъ подаютъ золотые съ финифтью и алмазами.

и слуги тотчасъ собираютъ всѣ эти предметы, занимающіе мало мѣста и не тяжеловѣсные, и удаляются, а дому преспокойно даютъ горѣть, мало заботясь даже о спасеніи его.

При матеріалѣ, изъ котораго выстроены эти домы и при отсутствіи въ нихъ всякой почти мёбели, потеря въ случаѣ пожара дѣйствительно не очень-велика и слишкомъ тужить или горевать хозяину незачѣмъ. При изобиліи и дешевизнѣ лѣса въ Стамбулѣ требуется немного денегъ, а еще менѣе времени, чтобъ выстроить новый домъ. На дымящемся еще пепелищѣ выростаютъ зданія въ нѣсколько дней, словно какъ грибы изъ земли. Я во время прогулокъ часто останавливался и съ любопытствомъ разсматривалъ систему, и въ-особенности технику тамошнихъ архитекторовъ, которые въ сущности не иное что, какъ плотники. Архитекторы почти всѣ изъ Грековъ, въ семействахъ которыхъ это ремесло переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну; одинъ ученый любитель древности въ Перѣ, съ которымъ мы часто бесѣдовали объ этомъ предметѣ, полагаетъ, что архитектура частныхъ домовъ понынѣ осталась въ Константинополѣ такою же, какою была во время Византійской-Имперіи, такъ же точно, какъ и бо́льшая часть мечетей выстроена по образцу Софійскаго-Собора. Домы состоятъ собственно изъ деревянной клѣтки, сложенной изъ весьма-тонкихъ брусковъ; бруски снаружи и внутри обшиваются легкимъ тесомъ и окрашиваются свѣтлою масляною краскою; промежутокъ въ массѣ стѣнъ ничѣмъ не наполняется, и въ этой пустотѣ гнѣздятся цѣлыя семьи крысъ, гуляющихъ и рыскающихъ вверхъ и внизъ и производящихъ весьма-непріятный шумъ, особенно ночью (*). Фасады домовъ всегда устроены съ цѣлью соединить на данномъ пространствѣ наивозможно-бо́льшее число оконныхъ отверстій, и потому въ весьма-многихъ зданіяхъ эти фасады не представляютъ одной ровной поверхности, по всей ширинѣ дома, какъ у насъ, гдѣ ряды смежныхъ строеній тянутся по прямымъ, иногда необозримо длиннымъ линіямъ — а расположены многими выдающимися впередъ углами, которые вершинами выступаютъ одинъ подлѣ другаго въ видѣ какъ-бы вѣера, и стоятъ косо въ направленіи къ оси улицы. Окна, образующія бока этихъ угловъ, снабжены стеклами и закрыты внутри частою деревянною рѣшеткою, позади которой прекрасный полъ, какъ мусульманскій, такъ и франкскій, непривыкшій на Востокѣ заниматься чтеніемъ, рукодѣліемъ или хозяйствомъ, проводитъ бо́льшую часть дня въ созерцаніи проходящихъ и шумнаго, пестраго движенія на улицахъ.

Экипажей въ Константинополѣ никто почти не держитъ; поэтому

(*) Крыши домовъ въ Константинополѣ острыя, крытыя красною черепицею. Частые дожди и снѣгъ зимою не позволяютъ устроивать здѣсь плоскія кровли, въ видѣ террасъ, какъ въ Сиріи или Египтѣ.

дворовъ обыкновенно здѣсь нѣтъ, и входъ въ домъ устроенъ всегда съ улицы черезъ единственныя наружныя двери. А какъ сверхъ-того каждый домъ занимается всегда однимъ только семействомъ и, кромѣ этого семейства, стороннихъ жильцовъ тутъ не бываетъ, то нѣтъ и того частаго прихода и движенія разнаго рода и званія людей и посѣтителей въ частныхъ домахъ, какъ въ европейскихъ городахъ. Двери, открывающіяся на улицу, поэтому, всегда заперты на крючокъ изнутри, а снаружи, вмѣсто молотка, къ нимъ прибито желѣзное кольцо, которымъ приходящій долженъ постучать, чтобъ его впустили. Это устройство, свойственное всѣмъ безъ исключенія домамъ, не только въ Стамбулѣ, но и вездѣ въ Левантѣ и Египтѣ, кажется маловажнымъ, а между-тѣмъ вліяніе его на нравы и общественную жизнь весьма-велико, и, конечно, гораздо-больше, нежели при первомъ взглядѣ подумаешь. Оно составляетъ непреодолимую преграду всякаго рода интригамъ, нѣжнымъ связямъ и подобнымъ встрѣчамъ и событіямъ, играющимъ такую роль въ нашемъ европейскомъ быту. На Востокѣ туземцы всѣхъ исповѣданій не имѣютъ вообще привычки принимать знакомыхъ и постороннихъ особъ у себя на квартирѣ: для свиданій мужчинамъ почти всегда служатъ кофейни, базары и т. п. мѣста; хозяинъ, поэтому, весьма-рѣдко бываетъ дома, и, обыкновенно отправляясь съ утра въ городъ, возвращается домой обѣдать не раньше захожденія солнца. Но еслибъ какой-нибудь ревностный поклонникъ лучшей, какъ говорится, половины человѣческаго рода, вообразитъ, что подобное правильное и продолжительное отсутствіе супруга облегчаетъ романическія предпріятія и замыслы, то весьма-крѣпко ошибется. Чтобъ войдти въ тамошній домъ, надобно, разумѣется, прежде всего постучать въ дверь; но шумъ ударяющаго объ дерево желѣзнаго кольца непремѣнно и неизбѣжно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ прелестныхъ сосѣдокъ, съ утра до вечера сидящихъ у оконъ за рѣшетками и разсматривающихъ проходящихъ по улицѣ. Еслибъ даже, по предварительному условію, дверь для васъ оставлена была отпертою, то все-таки приходъ вашъ замѣтятъ, особенно если вы носите костюмъ европейскій; впрочемъ и подъ восточнымъ нарядомъ зоркій глазъ наблюдательныхъ особъ узнаетъ въ васъ человѣка чужаго, не ихъ околодка. Что хозяина дома нѣтъ — всѣ знаютъ: «посѣщеніе ваше, слѣдовательно, назначено не ему»... весьма логически заключатъ сосѣдки, и пустятся въ разнаго рода догадки и толки, на которые женщины, особенно праздныя, и молодыя не хуже пожилыхъ, такія страшныя мастерицы. Если посѣщеніе ваше повторится болѣе одного раза — а гдѣ же эти ловласы-сердцеѣды, которымъ удается на первомъ свиданіи побѣдить робкую красоту? — то можете быть увѣрены, что непремѣнно какая-нибудь милосердая сосѣдка тихонько пошлетъ увѣдомить находящагося въ отсутствіи супруга, что волкъ вкрался въ овчарню, и приготовитъ вамъ встрѣчу, столь же непріятную, сколько и нежеланную.

Такимъ-образомъ, прибитый къ дверямъ ничтожный кусокъ желѣза

сковываетъ добродѣтель стамбульскихъ женъ сильнѣе всякихъ цѣпей и замковъ и охраняетъ честь и спокойствіе мужей вѣрнѣе всѣхъ евнуховъ и сторожей, конечно, при могучемъ содѣйствіи неусыпнаго взаимнаго надзора сосѣдей другъ за другомъ. Надзоръ этотъ нравами до-того вкоренился у всѣхъ жителей Востока, что здѣсь каждый считаетъ себя не только вправѣ, но какъ-будто обязаннымъ внимательно слѣдить за поведеніемъ своихъ сосѣдей и всѣми силами противодѣйствовать всякимъ покушеніямъ нарушить подобающую скромность и благонравіе. Мы поговоримъ подробнѣе объ этомъ предметѣ въ другомъ мѣстѣ, но изъ изъясненныхъ здѣсь обстоятельствъ безпристрастный читатель легко убѣдится, какъ мало довѣрія заслуживаютъ хвастливые разсказы иныхъ туристовъ, проживавшихъ нѣсколько дней или недѣль въ оттоманской столицѣ, о разныхъ романическихъ приключеніяхъ и встрѣчахъ, дѣлающихъ гораздо-болѣе чести пылкому воображенію и повѣствовательному таланту этихъ туристовъ, чѣмъ правдолюбію. Послѣ всего изложеннаго выше считаю излишнимъ доказывать несбыточность и невозможность этихъ приключеній... Впрочемъ, нѣтъ — я ошибаюсь! Бываютъ, дѣйствительно, нерѣдкіе примѣры связей и встрѣчъ, которыя въ глазахъ восторженнаго путешественника, только-что прибывшаго изъ прозаической Европы къ прекраснымъ берегамъ прелестнаго Босфора, дышатъ какою-то оригинальною, совершенно-новою для него поэзіею... Но еслибъ мнѣ позволено было поднять здѣсь уголъ завѣсы, за которой скрываются эти щекотливыя отношенія, то читатель увидѣлъ бы, какую роль въ нихъ играютъ мошенники-драгоманы, принимающіе на себя трудъ посвящать любознательнаго туриста въ «константинопольскія тайны», низшаго разряда жрицы пафосской богини, и то не мусульманки, а Гречанки и Армянки, и взятые на-прокатъ съ *Бит-Базара* (Толкучаго-Рынка), полинявшіе наряды, шитые мишурой энтари и шальвары, и т. п. Только зачѣмъ подымать уголъ этой завѣсы? Зачѣмъ разочаровывать добродушныхъ странствователей, упояющихся воспоминаніемъ минувшихъ побѣдъ?..

Во время пребыванія моего въ Константинополѣ, тамъ случилось слѣдующее траги-комическое происшествіе, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является французскій «артистъ-парикмахеръ», устроившій магазинъ на большой улицѣ Перскаго-Предмѣстья. Онъ продавалъ также духи, мыло, щеточки и другія произведенія «годнаго вкуса» парижскихъ мастеровъ, подобно всѣмъ своимъ собратамъ. Послѣднихъ довольно-много поселилось на Востокѣ, съ-тѣхъ-поръ, какъ турецкіе сановники, принявъ полу-европейскій костюмъ, перестали головы брить и начали завивать волосы, а по неимѣнію ихъ, носить парики и накладки, не хуже нашихъ столичныхъ львовъ, или — чтобъ заимствовать сравненіе изъ эпохи болѣе удаленной — не хуже египетскихъ франтовъ, временъ фараоновъ, которыхъ щегольскіе парики понынѣ сохранились, и вмѣстѣ съ муміями столь часто открываются въ древнихъ гробницахъ Ѳивъ и Мемфи-

са (*). Турчанки, весьма-часто гуляющія по перскимъ улицамъ, кутаясь въ длинные плащи и бѣлые кисейные яшмаки, обыкновенно останавливались передъ окномъ этого магазина, чтобъ дивиться восковымъ бюстамъ, на которыхъ художникъ выставлялъ на-показъ парики; иногда онѣ также заходили въ лавку для разныхъ покупокъ. Однажды сосѣди замѣтили, что послѣ взошедшей туда туземной дамы, парикмахеръ заперъ изнутри двери магазина; это возбудило подозрѣніе черни; толпа народа съ ропотомъ собралась передъ лавкой, и немедленно дали знать полиціи объ этомъ происшествіи, которое въ Европѣ, конечно, никогда не обратило бы на себя ничьего вниманія. Изъ ближайшаго *кулука* (караульни) явились грозные блюстители благочинія, усатые кавасы, никогда неснимающіе съ себя длинныхъ пистолетовъ и сабли; постучали въ дверь магазина, но парикмахеръ, знакомый съ преимуществами Франковъ въ Турціи, не отворялъ. Чтобъ войдти силою въ его квартиру, надо было прибѣгнуть къ французскому посольству, съ требованіемъ о наряженіи отъ него чиновника; этого чиновника, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, долго не могли отъискать; прошло нѣсколько часовъ, пока онъ явился, и когда, наконецъ, именемъ закона приказалъ онъ парикмахеру отворить двери, то въ лавкѣ, кромѣ хозяина, никакой посторонней особы не оказалось!... Чернь, стоявшая тутъ почти цѣлый день въ ожиданіи скандала, никакъ не постигала, какимъ-образомъ совершилось это непонятное для нея исчезновеніе виновной, и очень-недовольная разошлась. Дѣло, между-тѣмъ, было весьма-просто: Французъ воспользовался довольно-продолжительнымъ временемъ до прибытія чиновника, чтобъ содрать тёсъ, которымъ обшита была стѣна въ задней комнатѣ лавки—операція весьма-нетрудная— и выпустилъ встревоженную, хотя, можетъ-быть, вовсе не преступную посѣтительницу, въ сосѣдніи переулокъ, чрезъ отверстіе, которое онъ потомъ оклеилъ бумагою, такъ-что вошедшіе кавасы даже не нашли слѣдовъ его. На другой день поутру, когда парикмахеръ вышелъ изъ лавки на улицу, воображая, что все кончено, нѣсколько человѣкъ Турокъ, подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ, стали ссориться съ нимъ и тутъ же порядкомъ его поколотили. Дальнѣйшихъ послѣдствій это событіе не имѣло; женщины, главной причины его, полиція не отъискала.

Серьёзнѣе была развязка другаго, въ томъ же родѣ, происшествія, случившагося въ 1847 году. Такъ-какъ мнѣ крайне-желательно, чтобъ читающая публика наша раздѣляла мое собственное убѣжденіе относительно неосновательности и ложности всѣхъ разсказовъ о расположеніи турецкихъ красавицъ къ романическимъ знакомствамъ съ гяу-

---

(*) Въ этихъ гробницахъ находятъ также весьма-нерѣдко женскія муміи съ накладками, фальшивыми локонами и париками, доказывающими всю истину поговорки, что нѣтъ ничего новаго подъ луной!

рами, и о частости и легкости этихъ знакомствъ — то я позволяю себѣ разсказать, съ нѣкоторою подробностью, это событіе, которымъ заключу настоящую главу моихъ «Очерковъ».

При мнѣ въ Галата-Серайской Медицинской Школѣ въ Константинополѣ служилъ профессоръ анатоміи, молодой врачъ, родомъ изъ Салоникскихъ Грековъ. Онъ воспитывался и кончилъ курсъ наукъ въ Парижѣ, на иждивеніи паши, сдѣлавшагося въ-послѣдствіи великимъ-визиремъ и которому онъ посвятилъ написанную имъ по-французски диссертацію на степень доктора (Diagnostic différentiel des névroses, Paris, 1845). По возвращеніи изъ Парижа, врачъ поступилъ лейб-медикомъ къ своему покровителю, пашѣ, получилъ мѣсто профессора сказанной школы и султанскій орденъ нишанъ-ифтихаръ. Я былъ знакомъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ и всегда любовался прекраснѣйшею его наружностью, которой трудно найдти подобную. Образованіе и обширныя свѣдѣнія этого медика, совершенное знаніе употребительнѣйшихъ туземныхъ нарѣчій и могучее покровительство великаго-визиря вскорѣ пріобрѣли ему довольно-большую извѣстность и практику. Въ числѣ кліентовъ его находилось между-прочимъ семейство И***бея, который, незадолго передъ тѣмъ, купивъ за большія деньги прелестную невольницу-Черкешенку, женился на ней. Пользовавъ черноокую красавицу, врачъ короче познакомился съ нею и имѣлъ счастіе, или, точнѣе, несчастіе, понравиться ей; впечатлѣніе, произведенное Черкешенкою на молодаго Грека, было столь же пламенно и сильно. Сознавая всю опасность предпріятія, онъ тѣмъ не менѣе, увлеченный страстью, искалъ возможности видѣться съ нею наединѣ, внѣ присутствія угрюмыхъ евнуховъ, всегда находящихся въ харемахъ при больной женщинѣ, во время докторскаго посѣщенія. Послѣ долгихъ размышленій онъ выбралъ слѣдующій способъ, казавшійся ему наиболѣе-вѣрнымъ и удобнымъ: нанялъ домикъ въ одной изъ многочисленныхъ деревень, раскинутыхъ по берегамъ Босфора и образующихъ живописныя предмѣстья Стамбула, и ключъ отъ него вручилъ предмету своей любви. Подъ предлогомъ прогулки и въ сопровожденіи преданнаго ей невольника, Черкешенка изрѣдка пріѣзжала въ это таинственное убѣжище. Но подозрительные сосѣди стали развѣдывать, кто была дама, украдкою приходившая въ домикъ; узнали ея имя и дали знать бею... Слухъ объ этомъ происшествіи, какъ молнія пробѣжалъ по всему городу. Врача лишили профессорской должности и орденскаго знака и сослали на безвыѣздное жительство на островъ Кандію, а Черкешенку отправили въ одинъ изъ внутреннихъ городовъ Малой-Азіи, въ Эрзерумъ, если не ошибаюсь. Такой приговоръ, по здѣшнимъ понятіямъ, былъ необыкновенно-мягокъ и снисходителенъ.

Немного лѣтъ прежде, развязка этого происшествія, конечно, вышла бы совершенно-другая. Когда 14 іюля 1801 г. французскія войска подъ предводительствомъ генерала Белльяра, выступили изъ Каира и сдали эту столицу главнокомандующему англійскою арміею, Гучинсону, то чернь схватила всѣхъ женщинъ, Египтянокъ, которыя подозрѣвались,

что были въ связи съ Французами, и завязавъ ихъ въ мѣшки, утопила въ Нилѣ. Въ числѣ этихъ несчастныхъ находилась также родная дочь всѣми уважаемаго *шеиха-эль-бекри*, главы вѣры въ Египтѣ, ведущаго родъ свой прямо отъ пророка Мухаммеда: вліяніе и санъ его не могли спасти дочь отъ жесточайшей изъ всѣхъ смертей (*)!

АРТЕМІЙ РАФАЛОВИЧЪ.

Санктпетербургъ,
въ ноябрѣ 1849 г.

(*) Въ первое время завоеванія Французами Египта, въ концѣ прошлаго столѣтія, генералъ Бонапартъ предоставилъ управленіе мѣстною полиціею въ Каирѣ, янычарскому агѣ, въ рукахъ котораго она прежде, при мамлюкахъ, всегда находилась. Чрезъ нѣсколько времени военные врачи французскихъ больницъ стали жаловаться главнокомандующему, на сильное распространеніе между солдатами, сифилиса. Бонапартъ призвалъ начальника полиціи и приказалъ ему немедленно принять мѣры для пресѣченія этого зла. Ага почтительно поклонился, положилъ правую руку на голову въ знакъ послушанія и удалился для зависящаго распоряженія. Въ тотъ же день и въ тотъ же часъ арестовали четыреста египетскихъ женщинъ, отрубили имъ головы и тѣла бросили въ рѣку. Наполеонъ крайне-огорчился, узнавъ объ этомъ варварскомъ поступкѣ, но на всѣ упреки его ага прехладнокровно отвѣчалъ, что онъ исполнилъ законъ пророка.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ОКТЯБРЬ 1849 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Въ именномъ Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 8-й день октября за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено: «Командующему гвардейскими и гренадерскимъ корпусами, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, признали Мы за благо предоставить ту самую власть относительно преданія суду и окончательнаго утвержденія приговоровъ по войскамъ, Его Высочеству ввѣреннымъ, какою облечены главнокомандующіе арміями въ мирное время, утвержденнымъ Нами 5-го декабря 1846 года уставомъ для управленія арміями.»

— Въ Высочайшемъ Указѣ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ въ 10-й день октября Правительствующему Сенату, изображено: «На основаніи 6-й статьи духовнаго завѣщанія блаженной памяти Любезнѣйшей Родительницы Нашей, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и по случаю кончины Любезнѣйшаго Брата Нашего, Великаго Князя Михаила Павловича, Павловскій дворецъ, со всѣми принадлежащими къ оному зданіями, заведеніями, садами, деревнями и съ капиталомъ въ четыреста двадцать восемь тысячъ пять сотъ семьдесятъ одинъ рубль сорокъ три копейки серебромъ, назначеннымъ на содержаніе Павловска, и внесеннымъ въ Коммиссію Погашенія Долговъ на вѣчное обращеніе, переходитъ нынѣ въ собственность Его Императорскаго Высочества, Любезнѣйшаго Сына Нашего, Великаго Князя Константина Николаевича, и старшаго мужскаго Его поколѣнія; въ случаѣ же пресѣченія онаго, отъ чего да сохранитъ Господь Богъ, старшему въ родѣ Нашемъ, минуя Наслѣдника Престола.»

— Обнародовано о Высочайшемъ утвержденіи предположенія министра финансовъ о новомъ, болѣе-удобномъ для пересылки, форматѣ билетовъ Государственнаго Заемнаго Банка, съ тѣмъ, чтобы билеты, выданные изъ сего банка на бумагѣ прежняго формата, оставались въ полной своей силѣ.

— Товариществу Ваулинской бумагопрядильной фабрики дозволено, для увеличенія капитала своего, состоящаго изъ девяноста

тысячъ руб. сер. и раздѣленнаго на тридцать паевъ, каждый въ три тысячи рублей серебромъ, выпустить еще пятнадцать паевъ по той же цѣнѣ.

— Высочайше разрѣшено принять въ вѣдѣніе Московскаго Попечительнаго Комитета о бѣдныхъ пожертвованнаго въ пользу онаго, по духовному завѣщанію, губернскимъ секретаремъ Зеркалевымъ населеннаго недвижимаго имѣнія въ Московской - Губерніи.

— Объявлено, для всеобщаго свѣдѣнія, что общество, предположенное полковникомъ Якоби, титулярнымъ совѣтникомъ Дороговымъ и поручикомъ Герасимовымъ, для выдѣлки стеариновыхъ свѣчей и жировоска въ Казани—не учредилось по разнымъ обстоятельствамъ.

— Выданы привиллегіи: 1) Фармацевту Александру Кенджорѣ, на изобрѣтенный имъ способъ очищать деревянное масло отъ подонковъ, слизистыхъ частей и проч. Изобрѣтатель объясняетъ, что обработанное способомъ его масло выходитъ чистое, какъ въ-отношеніи цвѣта, такъ и запаха, и дѣлается болѣе жидкимъ, теряя содержащіяся въ немъ растительныя и красильныя вещества и непріятный запахъ, и пріобрѣтаетъ всѣ качества, нужныя для хорошаго горѣнія. 2) Ярославскому купцу Дмитрію Гнусину, на изобрѣтенныя имъ печи особаго устройства, нагрѣваемыя древеснымъ углемъ, которыя, по объясненію Гнусина, могутъ быть разныхъ размѣровъ: желѣзныя, изразцовыя, фаянсовыя, кирпичныя и проч., требуютъ древеснаго угля незначительное количество, не производятъ угара, не требуютъ надзора при топкѣ, не представляютъ въ деревянныхъ зданіяхъ опасности отъ пожара, и въ-особенности удобны для магазиновъ, лавокъ, подваловъ, загородныхъ домовъ и вообще для просушки сырыхъ помѣщеній.

— Высочайше разрѣшенъ выпускъ билетовъ Государственнаго Казначейства семи разрядовъ (серій), именно: XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV и XXVI. Положеніе объ этомъ выпускѣ заключается въ слѣдующемъ: 1) количество вновь выпускаемыхъ билетовъ Государственнаго Казначейства ограничивается семью разрядами (серіями), каждый въ три милліона рублей серебромъ, срокомъ на восемь лѣтъ. 2) Достоинство сихъ билетовъ опредѣляется по прежнему въ 50 р., а количество процентовъ въ $4^{32}/_{100}$ въ годъ, или по восемнадцати копеекъ въ мѣсяцъ. 3) Форма и подпись билетовъ остаются тѣ же, какъ и билетовъ предшедшихъ разрядовъ. 4) Билеты сіи выдаются и принимаются казною, по прежнему, во всѣхъ платежахъ. 5) Погашеніе новыхъ разрядовъ билетовъ имѣетъ быть произведено въ-теченіе восьми лѣтъ, съ платежемъ въ первые три года однихъ процентовъ и съ выплатою въ - продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ всѣхъ семи разрядовъ билетовъ, по - мѣрѣ обратнаго ихъ поступленія въ казну, и съ наблюденіемъ того порядка, который учрежденъ былъ для

прежнихъ разрядовъ. 6) Правительство предоставляетъ себѣ, однако, и прежде назначеннаго срока извлечь сіи билеты изъ обращенія, всѣ или частію, равнымъ образомъ тѣ, которые въ-продолженіе сего срока не поступятъ въ казенные платежи, обмѣнять на новые, если то признано будетъ полезнымъ по ходу денежныхъ оборотовъ. 7) Теченіе процентовъ по билетамъ назначается для каждаго разряда съ того мѣсяца и года, который опредѣленъ будетъ Высочайшимъ указомъ. Срокъ сей означается особымъ штемпелемъ на оборотѣ билета. 8) Платежъ процентовъ предъявителямъ билетовъ производится въ Главномъ Казначействѣ и въ уѣздныхъ казначействахъ губернскихъ городовъ. 9) Проценты выдаются по предъявленіи билетовъ, по-истеченіи одного года или болѣе, но всегда за полные истекшіе годы. 10) Зачеты процентовъ производятся слѣдующимъ образомъ: а) между частными людьми порядокъ зачета предоставляется взаимному соглашенію. б) При платежахъ билетами въ казначейства, проценты, для облегченія разсчетовъ, зачитываются токмо за полные прошедшіе мѣсяцы, а за текущій въ счетъ не принимаются. На семъ основаніи производятся зачеты и при платежахъ билетами изъ казначейства частнымъ лицамъ и казеннымъ мѣстамъ, а сіи послѣднія дѣлаютъ зачеты симъ же порядкомъ. в) Относительно разсчетовъ между Государственнымъ Казначействомъ и казенными мѣстами о процентахъ, которые со времени полученія до дѣйствительнаго израсходованія суммъ, могутъ обращаться въ ихъ пользу, наблюдается существующій нынѣ порядокъ; и 11) Билеты принимаются къ платежу въ казначейства въ тѣхъ только случаяхъ, когда платимая сумма не менѣе суммы билета съ наросшими процентами, ибо казначейства, для избѣжанія сбивчивыхъ счетовъ, ни въ какіе сдачи и размѣны по билетамъ входить не должны.

II. Губернскія учрежденія (измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

По вопросу о порядкѣ заготовленія пороха и свинца для жителей Восточной-Сибири, постановлено: 1) Продажу пороха жителямъ Восточной Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются артиллерійскіе склады, производить на основаніи существующихъ постановленій, за наличныя деньги, по цѣнамъ, также опредѣленнымъ; для снабженія же этимъ припасомъ обывателей, отдаленныхъ отъ артиллеріи складовъ отпускать безденежно порохъ изъ оныхъ, по требованіямъ гражданскаго начальства, которое распоряжается уже самою перевозкою сего матеріала куда слѣдуетъ. 2) Снабженіе артиллерійскихъ складовъ въ Сибири порохомъ, на всѣ вообще надобности и для вольной продажи обывателямъ, оставить на прежнемъ основаніи, т.-е. ежегодно перевозить, по распоряженію Артиллерійскаго Департамента, съ Казанскаго завода въ Иркутскъ, Омскъ и Тобольскъ такое количество пороха, какое будетъ нужно.

3) Гражданскому начальству вмѣнить въ обязанность каждый разъ, предварительно, сообщать начальнику артиллерійскихъ гарнизоновъ Сибирскаго - Округа, въ какомъ числѣ, для какой надобности и для какого мѣста требуется порохъ; окружный же начальникъ, сдѣлавъ по сему надлежащее распоряженіе, долженъ увѣдомить о томъ кого слѣдуетъ, съ присовокупленіемъ разсчета о стоимости отпущеннаго пороха по цѣнамъ, таксою опредѣленнымъ, и въ то же время донести Артиллерійскому Департаменту, съ приложеніемъ квитанціи въ принятомъ порохѣ, а департаментъ, получивъ представленіе окружнаго начальника, долженъ сообщить Департаменту Государственнаго Казначейства о количествѣ отпущеннаго пороха, и по распоряженію онаго, получить причитающіяся за сей порохъ деньги изъ Главнаго Казначейства. 4) Затѣмъ, порядокъ пріема пороха, а равно всѣ распоряженія по храненію его, развозкѣ куда слѣдуетъ, и веденіе отчетности въ употребленіи этого продукта возложить на казенныя палаты, которыя обязаны заготовлять и свинецъ, для снабженія имъ всѣхъ тѣхъ жителей Восточной–Сибири, нуждающихся въ этомъ припасѣ и распоряжаться имъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ это постановлено въ-отношеніи пороха; при чемъ предоставляется симъ палатамъ, для болѣе выгоднаго пріобрѣтенія свинца, входить въ надлежащія сношенія съ главнымъ горнымъ начальствомъ. 5) Заготовленіе и развозку свинца и пороха производить также на счетъ суммъ Государственнаго Казначейства. 6) При продажѣ этихъ припасовъ наблюдать слѣдующее: а) Продажу скота и свинца, по распоряженію казенной палаты, производить при соляныхъ магазинахъ и стойкахъ, но только тогда, если въ нихъ находится незначительное количество соли; въ противномъ же случаѣ, а также тамъ, гдѣ ни магазиновъ, ни стоекъ не существуетъ, а между-тѣмъ полученіе пороха и свинца, по отдаленности, будетъ представляться для жителей затруднительнымъ, отпускать припасы эти для продажи изъ ближайшихъ магазиновъ, въ вѣдѣніе исправниковъ, или другихъ чиновниковъ земской полиціи, по назначенію губернскаго начальства. б) Ежемѣсячное свидѣтельство пороха и свинца производить посредствомъ лицъ, свидѣтельствующихъ соль. в) Порохъ и свинецъ продавать изъ магазиновъ и стоекъ и городскимъ жителямъ, на основаніи правилъ въ Сводѣ Военныхъ Поселеній, для сего предписанныхъ, всегда на наличныя деньги, а окружнымъ не иначе, какъ по требованіямъ земскихъ судовъ, отдѣльныхъ засѣдателей и родовыхъ управленій, смотря по удобности; при томъ не лицамъ, а цѣлымъ селеніямъ, или обществамъ, подъ росписку ихъ повѣренныхъ, или сельскихъ и другихъ начальниковъ. *Примѣчаніе.* Губернское начальство обязано опредѣлить однажды навсегда, по чьимъ требованіямъ и въ какія общества отпускать порохъ и свинецъ; въ самыхъ же требованіяхъ всегда означать, для какихъ именно обществъ, сколько и подъ чью росписку надлежитъ отпускать пороха и свинца на наличныя деньги, сколько въ

долгъ и на какой срокъ. г) Вмѣнить въ обязанность земскимъ судамъ и другимъ начальствамъ, которымъ будетъ предоставлено требованiе пороха и свинца, чтобы они требованiя свои основывали, гдѣ можно, на письменныхъ предъявленiяхъ обществъ и соблюдали правила, предписанныя въ 163, 165 и 166 ст., II т. Сво. Зак. объ упр. инор. (изд. 1842 г.). Засимъ если, по истеченiи срока, назначеннаго для внесенiя денегъ, за взятый въ долгъ порохъ или свинецъ, уплаты не послѣдуетъ, то пополненiе недоимки должно падать уже на отвѣтственность лицъ, подписавшихъ требованiе, если сiи послѣднiя не представятъ уважительныхъ причинъ неустойки; вслѣдствiе чего они обязаны немедленно, по миновании срока уплаты, доставлять объясненiя свои въ казенную палату, которая, по соображенiи объясненiй о степени вины и о мѣрѣ взысканiя, должна представлять всякiй разъ заключенiя свои на утвержденiе Губернскаго Совѣта. д) Мѣстнымъ начальствамъ, которымъ, на основанiи пункта в) поручена будетъ отдѣльная продажа пороха и свинца—предоставить, если потребуетъ надобность, продавать ихъ частнымъ лицамъ, но съ соблюденiемъ тѣхъ же правилъ и съ тою же отвѣтственностью, какiя изложены выше, для продажи окружнымъ жителямъ. е) Продажныя цѣны въ каждой губернiи должны быть одинаковы; опредѣленiе ихъ дѣлать ежегодно по количеству расходовъ, употребленныхъ на покупку и доставку пороха и свинца въ предшествовавшемъ году; самую же продажу производить съ наложенiемъ прибыли на порохъ по 10 процентовъ, а на свинецъ 6 процентовъ, сверхъ установленной цѣны, въ пользу обращающагося капитала.

— По случаю неурожая, бывшаго въ Орловской-Губернiи, Высочайше повелѣно: 1) Слѣдующiя отъ помѣщиковъ Орловской-Губернiи, по займамъ ихъ изъ С.-Петербургскаго-Опекунскаго-Совѣта, Государственнаго-Заемнаго-Банка и Орловскаго-Приказа Общественнаго-Призрѣнiя недоимки за прежнее время, а равно платежи за 1848 годъ, считая по 1-е ноября сего года, присоединить къ капитальнымъ долгамъ, для уплаты равными частями въ остальные сроки займовъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы владѣльцы, которые будутъ имѣть дѣйствительную надобность въ такой разсрочкѣ, предварительно представляли о семъ свидѣтельства уѣздныхъ предводителей дворянства, начальникомъ губернiи утвержденныя. 2) По имѣнiямъ же, заложеннымъ въ Московскомъ-Опекунскомъ-Совѣтѣ, причислить къ капитальному долгу на вышеизложенномъ основанiи недоимки только за 1847 годъ, а также платежи за 1848 и льготу эту допускать не иначе, какъ по соображенiи достоинства заложенныхъ имѣнiй съ долгами, ими обезпечиваемыми, и по представленiи заемщиками надлежащихъ свидѣтельствъ. 3) Изъясненную въ 1-мъ пунктѣ разсрочку долговъ распространить и на владѣльцевъ незаселенныхъ земель,

состоящихъ въ помянутой губерніи и находящихся въ залогѣ мѣстнаго Приказа-Общественнаго-Призрѣнія.

— Разрѣшено учредить въ Москвѣ Четвертую Гимназію съ Благороднымъ при ней Пансіономъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Гимназію эту съ Пансіономъ образовать по уставу 8 декабря 1828 года съ тѣми измѣненіями, которыя сдѣланы въ немъ по Мнѣнію Государственнаго-Совѣта, Высочайше утвержденному 21 марта 1841 года и 2) на содержаніе Гимназіи обратить 8,330 р. 30 к. сер. въ годъ, отпускавшіеся изъ Государственнаго-Казначейства въ пособіе бывшему Московскому Дворянскому Институту, а содержаніе Пансіона отнести на счетъ платы съ пансіонеровъ.

— Вслѣдствіе оказавшейся, при введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 11 мая 1847 года штатовъ для Уральскихъ-Заводовъ, необходимости распредѣлить по казеннымъ палатамъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ, ощущающимъ недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ, оставшихся за реформою излишнихъ нижнихъ горныхъ чиновъ, нынѣ повелѣно: 1) всѣхъ наличныхъ, неспособныхъ къ канцелярской службѣ нижнихъ горныхъ чиновъ, какъ состоящихъ нынѣ въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ въ командировкѣ, такъ и оставшихся на заводахъ за реформою, исключивъ съ семействами ихъ изъ горнаго вѣдомства, перевести на службу въ тѣ присутственныя мѣста, которыя предъявили на то свои требованія, съ причисленіемъ сихъ чиновъ въ третій разрядъ канцелярскихъ служителей гражданскаго вѣдомства и съ представленіемъ имъ всѣхъ правъ лицъ сего сословія по опредѣленію къ должностямъ, по производству въ чины и въ прочихъ отношеніяхъ, съ тѣмъ, однако, чтобы они, по сравненію съ нижними чинами, остающимися въ горномъ вѣдомствѣ при производствѣ ихъ въ первый обер-офицерскій чинъ, подчиняемы были вполнѣ условіямъ, постановленнымъ ст. 899 и 900 Сво. Зак. Т. III, Уст. о служ. по опред. отъ прав. (изд. 1842 г.); на дѣтей же ихъ распространить всѣ права и обязанности приказно-служительскихъ дѣтей; 2) съ остальными за симъ излишними нижними чинами, которые окажутся къ службѣ неспособными, поступить по силѣ ст. 262, 263 и 271 Прод. IX къ VII Т. Св. Зак. Уст. Гор. и 926 ст. Т. VII Уст. Гор., на основаніи которыхъ неспособные нижніе горные чины имѣютъ право на призрѣніе со стороны горнаго вѣдомства и помѣщаются въ богадѣльни или получаютъ безденежно провіантъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ сихъ неспособныхъ нижнихъ чиновъ, которые, въ-послѣдствіи получатъ облегченіе отъ болѣзней и пожелаютъ поступить въ гражданскую службу, не были лишены права поступать въ канцелярскіе служители, на основаніяхъ, въ предъидущемъ пунктѣ изложенныхъ и 3) на семъ же основаніи поступать и въ-отношеніи излишнихъ нижнихъ чиновъ Алтайскихъ и Нерчинскихъ горныхъ заводовъ.

О ДѢЙСТВІИ И СПОСОБАХЪ СОБИРАНІЯ И УПОТРЕБЛЕНІЯ ЖИДКАГО УДОБРЕНІЯ.

Лѣтъ съ 25-ть уже стали много говорить и писать о пользѣ и важности жидкихъ навозовъ, происходящихъ главнѣйше изъ жидкаго помета животныхъ, для удобренія земли. Замѣчали, что всѣ страны, употреблявшія это удобреніе, отличались высокимъ плодородіемъ своихъ полей и луговъ. Бельгія, въ этомъ отношеніи, издавна славилась; въ Англіи, луга, на которыхъ было принято это средство, значительно возвысили свои произведенія; цвѣтущее состояніе земледѣлія въ Швейцаріи, особенно въ кантонахъ Аргаускомъ, Бернскомъ и Цюрихскомъ, также не мало обязано употребленію жидкаго навоза. Въ Россіи, это средство удобренія вообще не употребительно; способы къ собиранію и приготовленію жидкаго навоза, и польза, отъ него происходящая, почти неизвѣстны. Между-тѣмъ, бо̀льшая часть хозяйствъ, гдѣ безъ унавоженія поля не оказываютъ удовлетворительнаго плодородія, очень нуждаются въ средствахъ удобренія, и у многихъ хозяевъ на полное удобреніе пашни недостаетъ навоза: нельзя сомнѣваться, что сборъ и хорошее приготовленіе жидкаго навоза, матеріалы котораго нынѣ теряются напрасно, доставило бы значительное пособіе подобнымъ хозяйствамъ на удобреніе пашни, къ возвышенію его урожая и, вмѣстѣ, самаго дохода. Съ этимъ намѣреніемъ сообщаемъ здѣсь новѣйшія изслѣдованія, сдѣланныя въ Шотландіи, какъ о пользѣ, такъ и о лучшихъ и удобнѣйшихъ способахъ собиранія, приготовленія и употребленія жидкихъ навозовъ.

За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, отъ Шотландскаго Горнаго Земледѣльческаго Общества, были предложены двѣ задачи: 1) представить описаніе самаго выгоднаго способа постройки хранилища (ямы), для собиранія жидкаго навоза изъ конюшень, коровниковъ и свинарниковъ, которое соотвѣтствовало бы потребностямъ обыкновенной фермы; 2) представить описаніе, основанное на опытѣ, самаго дѣйствительнаго и выгоднаго способа собиранія и употребленія жидкаго навоза, для крестьянскихъ и другихъ мелкихъ хозяйствъ, съ соблюденіемъ въ жилищѣ чистоты.—

Изъ разныхъ донесеній, представленныхъ по этому предмету, Общество напечатало въ своихъ трудахъ слѣдующія пять извлеченій.

I. Извлеченіе изъ донесенія Альфреда Гейда.

Достоинство этого сильнаго, но мало-уважаемаго удобренія, пишетъ г. Гейдъ, только нынѣ обратило на себя вниманіе англійскихъ хозяевъ, хотя оно давно употребительно въ Голландіи и Бельгіи, гдѣ его дѣйствіе знаютъ хорошо и цѣнятъ надлежащимъ образомъ. Почтенный В. Рамъ (Rham), говоритъ, что «главнѣйше, помощію особенной и чрезвычайно плодородной силы этого удобренія бельгійское земледѣліе привело свои песчаныя и безплодныя почвы въ состояніе садовъ. Верескъ и жерновецъ, которые росли на самыхъ тощихъ почвахъ, были поддерживаемы до-тѣхъ-поръ, пока ихъ коренья связывали сыпучій бѣлый песокъ. По скошеніи этихъ растеній, небольшія полоски засѣвались клеверомъ, или засаживались картофелемъ, и на нихъ хозяинъ заводилъ корову. Мочу тщательно собирали въ особое хранилище, которымъ служилъ можетъ-быть ящикъ, врытый въ землю. И вотъ что было ядромъ, около котораго, въ нѣсколько лѣтъ, возникала небольшая ферма». Въ необходимости бережливѣе распоряжаться удобреніемъ, и особенно сберегать навозную жижу, эту мало цѣнимую часть его — можно тотчасъ убѣдиться, когда мы сообразимъ, что народонаселеніе Англіи умножается ежегодно 230,000-ми душъ, для продовольствія которыхъ потребно ежегодно увеличеніе производительной силы не менѣе, какъ на 145,000 четвертей пшеницы, или произведеніе 10,000 десятинъ земли, считая по 14-ти съ половиною четвертей съ каждой десятины; кромѣ-того, эти люди употребили бы мясо 160,255 воловъ и барановъ, что равняется произведенію 30,000 десятинъ хорошихъ луговъ: слѣдовательно, ежегодное увеличеніе составляетъ произведеніе 40,000 десятинъ. При такомъ возрастаніи потребности въ пищѣ, площадь Великобританіи остается одна и та же; хотя земля, отъ искусства и улучшенія распоряженій, производитъ нынѣ гораздо-болѣе, нежели производила до этого времени, однако если мы (говоритъ г. Гейдъ) желаемъ на нѣкоторое время отвратить большой привозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, то намъ необходимо употреблять гораздо хозяйственнѣе тѣ навозы, которые мы теперь вообще расточаемъ напрасно; которые, еслибъ были собираемы и порядочно употребляемы, замѣнили бы бо́льшую часть надобности посылать за гуано въ Африку, или въ Перу. Твердое вещество, которое содержится въ мочѣ человѣка и животныхъ, будучи употреблено на удобреніе земли, по-крайней-мѣрѣ не уступаетъ гуано въ плодородномъ дѣйствіи. Если разсчитать, по указанію Либиха, что все количество мочи, ежегодно производимой человѣкомъ, содержитъ въ себѣ 76 фунтовъ твердаго вещества, равняющагося въ удобрительной силѣ гуано, то ежегодная цѣнность этого вещества, по цѣ-

нѣ гуано (1 руб. сер. за пудъ) составитъ около 1 руб. 90 коп. сер.; слѣдовательно, моча всѣхъ 2-хъ мильйоновъ жителей Лондона, если бы она собиралась и употреблялась какъ навозъ, составляла бы ежегодно цѣнность въ 3,800,000 руб. сер. Если распространить этотъ разсчетъ на всю Англію, принимая въ ней 20 мильйоновъ жителей, то сумма за человѣческою мочу въ годъ составитъ до 38-ми мильйоновъ руб. сер.; и если допустить, что только половина ея пропадаетъ, то потеря будетъ равняться цѣнности 19 мильйоновъ пудовъ гуано.

Я намѣренъ разсмотрѣть здѣсь сперва составъ мочи и тѣхъ сущностей, которыя способны употребляться какъ жидкій навозъ, и разсмотрѣть ихъ способность питать растенія.

Почки, у человѣка и у животныхъ, служатъ къ отдѣленію изъ крови растворимыхъ солей и азотистыхъ веществъ, назначенныхъ къ изверженію изъ животной системы. Эти сущности находятся растворенными въ водѣ мочи, въ которой количество ихъ бываетъ гораздо-больше, нежели въ твердомъ пометѣ животнаго; но на собираніе и сохраненіе мочи земледѣлецъ обращаетъ очень-мало вниманія.

Какое количество твердаго вещества, органическаго и неорганическаго, и воды, содержится въ 10,000 частяхъ свѣжей мочи человѣка и нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Моча.	Воды въ 10,000 част.	Твердаго вещества въ 10,000 част.		
		Орг.	Неорг.	Всего.
Человѣка . . .	9,690	230	76	306.
Коровы	9,300	500	200	700.
Лошади	9,400	270	330	600.
Свиньи	9,260	560	180	740.
Овцы	9,600	280	120	400.

Изъ этой таблицы очевидно, что на каждые 10,000 фунтовъ мочи, выпускаемой лошадью и пропадающей напрасно, теряется для земледѣльца 700 фунтовъ твердаго сухаго вещества высокой плодородной силы, стоющіе около 15 руб. сер. по нынѣшней цѣнѣ гуано; на каждые же 10,000 фунтовъ мочи коровы, теряется 700 фунтовъ сухаго вещества, стоющіе 17 руб. 50 коп. Тотъ же разсчетъ можно приложить къ мочѣ прочаго скота и человѣка.

Чтобъ доказать этотъ выводъ и убѣдить сельскихъ хозяевъ въ большой потерѣ, ежегодно ими допускаемой, нужно объяснить это дѣло подробнѣе.

По новѣйшимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ со всею предосторожностью для обезпеченія успѣха, оказывается, что среднее количество мочи, какое доставляетъ въ годъ человѣкъ, корова и лошадь, бываетъ слѣдующее:

Человѣкъ	1,100	фунт. рус.; въ нихъ твердаго вещества				74	ф.
Корова	14,300	»	»	»	»	» 990	—
Лошадь	1,100	»	»	»	»	» 66	—

Инымъ можетъ показаться нѣсколько удивительнымъ, что все количество мочи, доставляемое лошадью, не превосходитъ количества мочи человѣка, особенно, если взять въ соображеніе количество жидкости, принимаемой въ желудокъ каждаго; лошадь часто выпиваетъ отъ $1^1/_2$ до 2 ведеръ въ сутки, а питье человѣка рѣдко превосходитъ $3^3/_4$ фунта ($1^1/_4$ штофа) жидкости. Причина этой разности заключается въ обширности кожи и легкихъ лошади, отчего у нея отдѣляется большое количество воды неощутительною испариною; между-тѣмъ у человѣка испарина рѣдко простирается выше одной десятой выпиваемаго питья.

Такимъ-образомъ, изъ послѣднихъ опытовъ Буссэнго оказалось, что дойная корова даетъ меньше мочи. Онъ нашелъ, что лошадь, выпившая въ сутки 35 фунтовъ воды, доставила мочи только 3 фунта; корова же, выпившая въ сутки 132 фунта воды, доставила 18 фунтовъ мочи и 19 фунтовъ молока. Но, кромѣ питья, и другія обстоятельства измѣняютъ количество воды, азотистыхъ и соляныхъ сущностей, содержащихся въ мочѣ, какъ то: количество и качество пищи, температура воздуха и упражненіе.

Для изображенія потери, какую можетъ нести хозяинъ, допускающій жидкій навозъ утекать въ канаву, возьмемъ ферму во 185 десятинъ (500 экровъ) земли, въ числѣ которой находится 148 десятинъ пахатной и 37 десятинъ пастбищъ; положимъ, на этой фермѣ 50 головъ рогатаго скота, 20 лошадей и 60 свиней, кромѣ овецъ. Если принять въ разсчетъ мочу только рогатаго скота: лошадей и свиней — овцы не стоятъ въ хлѣвѣ—то получится въ мочѣ отъ рогатаго скота до 1,250 пудовъ сухаго удобрительнаго вещества; въ мочѣ отъ лошадей 33 пуда сухаго вещества и въ мочѣ отъ свиней до 122 пудовъ; всего въ мочѣ отъ скота до 1,405 пудовъ сухаго вещества, которое, по цѣнѣ гуано, будучи одинаково съ нимъ, стоило бы ежегодно до 1,405 руб. серебромъ.

Если допустить, что три четверти этого драгоцѣннаго удобренія ежегодно пропадаетъ отъ дурнаго распоряженія, то потеря хозяина на такой фермѣ составитъ 1,054 пуда ежегодно. А какъ 24 пуда гуано достаточно для поддержанія десятины земли на высокой степени плодородія, то въ семъ случаѣ теряются средства на удобреніе не менѣе 43 десятинъ земли. Въ Великобританіи и Ирландіи считается рогатаго скота до 8,000,000 головъ: если умножить это число скота на количество сухаго вещества, содержащагося въ мочѣ, ежегодно доставляемой быкомъ, то получится 186,000,000 пудовъ удобренія, стоющаго столько же рублей серебромъ. Эта цѣнность вшестеро болѣе суммы всего налога на доходы въ государствѣ, и столь велика, что на нее можно

было бы купить по 36 пудовъ гуано на каждую десятину пахатной и садовой земли во всей Великобританіи и Ирландіи.

Мы показали, что твердое вещество, содержащееся въ мочѣ человѣка и животныхъ, равняется лучшему гуано, какъ удобреніе, и что въ немъ содержатся всѣ начала, находящіяся въ гуано, способныя доставлять растеніямъ органическую и неорганическую пищу. Этого послѣдствія и должно ожидать, если мы разсудимъ, что травоядное животное извлекаетъ свою пищу изъ растеній, употребляемыхъ имъ въ кормъ, и что, по отдѣленіи и переработкѣ тѣхъ сущностей, которыя потребны въ составъ животнаго тѣла, остатокъ корма извергается изъ тѣла какъ пометъ: изъ этого помета, въ мочѣ содержится большая часть растворимыхъ солей, и главное количество азотистыхъ веществъ; въ твердомъ же пометѣ находится главнѣйше непереварившаяся древесина, съ немногими солями и небольшимъ количествомъ азотистыхъ веществъ. Всѣ эти соли, сначала находившіяся въ растеніи, но отдѣленныя отъ него и перемѣшанныя между собою во время перехода сквозь животное тѣло, способны опять войдти въ ткань растенія, способствовать его росту, и помогать образованію его сѣмени. Прежде, однакожь, чѣмъ послѣднее обстоятельство можетъ произойдти, эти сущности должны прійдти въ состояніе совершенно растворяться въ водѣ, потому-что корни растеній не могутъ принимать въ себя никакого твердаго вещества, какъ бы мелко оно ни было раздроблено. Въ этомъ и заключается причина быстраго и ощутительнаго плодороднаго дѣйствія, слѣдующаго за употребленіемъ растворимыхъ соляныхъ удобреній, каковы простая и кубическая селитры, или композты, содержащіе въ себѣ растворимыя соли въ соединеніи съ сущностями, которыя должны сперва разложиться, чтобъ стать растворимыми и способными питать ростъ растеній. Это обстоятельство всегда надобно принимать въ соображеніе, что никакая сущность не можетъ войдти въ ткань растенія, не будучи растворенною. Изъ сего обстоятельства необходимо слѣдуетъ то, что жидкая часть пометовъ должна быть цѣннѣе для удобренія растеній, нежели твердая часть, потому-что въ жидкомъ пометѣ содержится болѣе соленыхъ и азотистыхъ веществъ единственно въ томъ состояніи, въ которомъ они могутъ быть употребляемы растеніями. Составъ коровьей мочи послужитъ примѣромъ къ поясненію этого предмета, и вмѣстѣ покажетъ, какое большое количество кали, натра, амміака, фосфорно-кислыхъ и другихъ солей теряетъ хозяинъ, который даетъ мочѣ своего скота стекать напрасно въ канаву; а если моча проберется въ колодезь и прудъ, то отъ нея можетъ даже испортиться водопой для его стада.

Здѣсь приводится составъ коровьей мочи, данный Шпренгелемъ, который изслѣдовалъ ее въ трехъ состояніяхъ, именно: свѣжую, гнилую, цѣльную, и гнилую разведенную предварительно равнымъ объемомъ воды. Во 100,000 частяхъ моча содержитъ:

	Свѣжая.	Гнилая.	Гнилая съ водою.
Мочевины	4,000	1,000	600
Бѣлковины	10	—	—
Слизи.	190	40	30
Бензойной кислоты	90	250	120
Молочной кискоты . . .	516	500	500
Углеродной кислоты. . .	256	165	1,533
Амміака	205	487	1,622
Кали	664	664	664
Натра.	554	554	554
Кремнезема.	36	5	8
Глинозема	2	—	—
Желѣзнаго окисла . . .	4	1	—
Марганцоваго окисла. . .	1	—	—
Извести	65	2	8
Магнезіи.	36	22	30
Хлора.	272	272	272
Сѣрной кислоты	405	333	332
Фосфорной кислоты . . .	70	26	46
Уксусной кислоты . . .	—	1	20
Сѣрнистаго водорода. . .	—	1	30
Нерастворимыхъ земель фосфорно-кислыхъ и углекислыхъ	—	180	150
Воды	92,624	95,442	93,481
	100,000	100,000	100,000

Слѣдующая таблица показываетъ составъ человѣческой мочи, по разложенію Берцеліуса. Во 100,000 фунтахъ мочи содержится:

Мочевины.	3,010
Слизи	32
Молочной кислоты, молочно-кислаго амміака, животнаго вещества нерастворимаго въ алькоголѣ	1,714
Хлористаго натрія	445
Сѣрнокислаго кали.	371
Сѣрнокислаго натра	316
Фосфорнокислаго натра	294
Фосфорнокислаго амміака	165
Хлористаго амміака	150
Фосфорнокислыхъ землистыхъ солей.	100
Мочевинной кислоты	100
Кремнезема	3
Воды	93,300
	100,000

Самую большую долю органическихъ составныхъ частей, которыя содержатся въ твердомъ веществѣ мочи, представляетъ мочевина. Она также и самая важная часть, потому-что заключаетъ въ себѣ болѣе азота, нежели мясо или кровь—два сильныя удобряющія средства. Въ 1,000 частяхъ мочевины, находится:

Кислорода . .	277
Водорода . .	66
Углерода . .	200
Азота . . .	467
	1,000

Въ чистомъ видѣ мочевина представляется въ прозрачныхъ безцвѣтныхъ кристаллахъ, съ легкимъ жемчужнымъ блескомъ. Она расплывается въ сырой атмосферѣ; но иначе не подвержена никакой перемѣнѣ. Ея растворъ въ водѣ можетъ стоять на воздухѣ нѣсколько мѣсяцевъ, или можетъ быть нагрѣваемъ до кипяченія, безъ всякаго измѣненія; но если будутъ находиться вмѣстѣ съ нею другія составныя части мочи, то мочевина быстро загнивается, и почти совершенно разрѣшается въ углекислый амміакъ. Эта перемѣна происходитъ скорѣе или медленнѣе, смотря по температурѣ атмосферы. Углекислый амміакъ, такимъ путемъ образовавшійся, частію удерживается растворенньмъ въ водѣ мочи, а частію улетаетъ въ воздухъ; улетаніе амміака продолжается значительное время, и растворъ постепенно слабѣетъ, пока, наконецъ, останется очень-малая доля первоначальнаго количества этого вещества.

Когда моча разведется равнымъ объемомъ воды, прежде, чѣмъ предоставится гніенію, тогда гораздо-бóльшее количество амміака удерживается въ растворѣ; такъ, по разложеніи, мы находимъ въ мочѣ, которая гнила одна, только 487 частей амміака во 100,000 частяхъ мочи, а въ той, которая до гніенія была разведена равнымъ объемомъ воды, количество амміака находимъ 1,622 части, или слишкомъ-втрое болѣе, чѣмъ въ неразведенной мочѣ. Но даже и это количество амміака меньше того, какое могло быть доставлено мочевиною, на одну четверть; сто частей мочевины должны доставить, по разложеніи ихъ, $56\frac{1}{2}$ частей амміака.

Плодородное дѣйствіе животныхъ навозовъ, во многомъ должно быть приписано амміаку, образующемуся въ почвѣ отъ медленнаго ихъ разложенія. Это особенно бываетъ при хорошемъ гуано, который содержитъ въ себѣ очень-большую долю этихъ сущностей, способныхъ доставлять амміакъ растущему посѣву. Но какъ мало вниманія хозяева обращаютъ на мочевину, которая, въ мочѣ, стекаетъ изъ хлѣвовъ растворенная въ водѣ, или улетаетъ, послѣ гніенія, въ видѣ амміака, невидимо и неслышимо, въ атмосферу; такимъ-образомъ, средство выручить нѣсколько сотъ рублей, которые на многое могли бы пригодиться, совершенно пропадаетъ для хозяина.

Вообще полагают, что достоинство всякаго урожая зависит главнейше от количества животной пищи, в нем содержащейся—в виде клейковины в хлебах, в виде легумена в горохах, и в виде растительной белковины в корневых плодах. Но эти вещества разнятся в составе от тех веществ, которыя составляют толщу растения, потому-что они содержат в себе азот, как одно из своих начал; в последних же, именно: в крахмале, камеди и сахаре, азота не находится. Эти последния (крахмал, камедь и проч.), состоя из углерода и воды, очевидно назначены доставлять углерод в легкия, где, особенным исполнением животнаго горения, совершающимся в орудиях дыхания, они потребляются как средство к поддержанию животнаго тепла. Таково употребление крахмала, камеди и проч. в устройстве животнаго. Для образования же мяса и крови, необходим азот. И потому, без-сомнения, только растительныя начала клейковины и проч. служат к образованию мяса, и составляют в действительности истинно-существенную пищу животнаго. Следовательно, каждый хозяин должен стараться умножать эти начала в своих урожаях всеми зависящими от него средствами. Это условие может быть выполнено только употреблением таких навозов, которые способны доставлять аммиак; и оттого, обильнее или скуднее аммиак будет доставляться разводимому растению, в известных пределах, будет зависеть питательное достоинство урожая. По этой причине находится заметное умножение клейковины в пшенице, которая разводится на навозах, способных производить аммиак при своем разложении, каковы: мясо, кровь и моча, или на таких навозах, в которых содержатся аммиаковыя соли уже готовыя, как гуано. Но из всех родов удобрения, бывающих у хозяина, способных доставлять аммиак, мочевина из мочи есть самый действительный. Если, по словам Либиха, каждым фунтом мочи можно произвести фунт пшеницы, и если с каждым фунтом улетающаго аммиака теряется 60 фунтов хлеба, то какое множество пудов пшеницы ежегодно теряет хозяин, у котораго тысячи фунтов скотской и лошадиной мочи гниют напрасно, и он нисколько не старается извлекать из нея пользу, или удерживать аммиак, раждающийся из разложения ея мочевины? Растения требуют не только азота для своего питания, на образование клейковины и растительной белковины, но требуют также и несколько неорганических сущностей, без которых растение не может довести до совершенства своего семени; эти сущности суть: кали, натр, известь, магнезия, серная кислота, фосфорная кислота и хлор. Но эти сущности в-точности те, которыя находятся в твердом веществе мочи рогатаго скота, и в том состоянии, в каком лучше всего могут вступить в ткань растения и усвоиться как пища. И этому веществу, тысячами пудов каждогодно, дают утекать напрасно, как-будто бы оно было

не только безполезно, но даже вредно для земли; между-тѣмъ англійскій хозяинъ, на наличныя деньги покупаетъ навозъ гуано для удобренія своихъ посѣвовъ, тотъ навозъ, котораго существенную часть онъ ежедневно тратитъ съ величайшимъ небреженіемъ!

Чтобъ этотъ предметъ представить яснѣе, и показать хозяину, что эти неорганическія сущности, которымъ онъ даетъ свободно утекать и пропадать напрасно, дѣйствительно важны для растеній, находятся въ ихъ ткани, и существенно необходимы для ихъ возрастанія, я приведу количество ихъ, содержавшееся въ урожаѣ четырех-годичнаго сѣвооборота рѣпы (только корней), ячменя, клевера съ рейграсомъ, и пшеницы, представленное профессоромъ Джонстономъ. Положимъ, урожай рѣпы (турнепа) 25 тоннъ (1,550 пудовъ) корней съ экра (889 квадр. саженъ, или съ небольшимъ треть десятины); ячменя 38 бушелей (53 четверика); клевера и рейграса каждаго по тонну (по 62 пуда); пшеницы 25 бушелей (35 четвериковъ). По этому разсчету, изъ всего сѣвооборота, будетъ въ фунтахъ англійскаго вѣса (10 англійскихъ фунтовъ=11 фунт. русскимъ):

	Рѣпа корн.	Ячмень: Зерн.	Солом.	Крас. клев.	Рей-грас.	Пшеница: Зерн.	Солом.	Всего.
Кали	145,5	5,6	4,5	45,0	28,5	3,3	0,6	233,0.
Натра	64,3	5,8	1,1	12,0	9,0	3,5	0,9	96,6.
Извести	45,8	2,1	12,9	63,0	16,5	1,5	7,2	149,0.
Магнезіи	15,5	3,6	1,8	7,5	2,0	1,5	1,0	32,9.
Глинозема	2,2	0,5	3,4	0,3	0,8	0,4	2,7	10,3.
Кремнезема. . . .	23,6	23,6	90,0	8,0	62,0	6,0	86,0	299,2.
Сѣрной кислоты .	49,0	1,2	2,8	10,0	8,0	0,8	1,0	72,8.
Фосфор. кислоты	22,4	4,2	3,7	15,0	0,6	0,6	5,0	51,5.
Хлора	14,5	0,4	1,5	8,0	0,1	0,2	0,9	25,6.
								970,9.

Теперь, если сравнить количество этихъ различныхъ веществъ съ такими же веществами, которыя могутъ быть доставлены растенію изъ 100,000 фунтовъ мочи, или изъ 7,376 фунтовъ сухаго вещества, содержащагося въ вышеозначенномъ количествѣ мочи, то найдемъ, что поташа въ немъ содержится болѣе, нежели сколько нужно на снабженіе имъ всѣхъ растеній, въ-продолженіе трехъ полныхъ сѣвооборотовъ; что натра содержится въ немъ слишкомъ на пятилѣтній урожай; что магнезіи больше, нежели сколько нужно на снабженіе ею растеній на 4 года, или на одинъ сѣвооборотъ. Сѣрной и фосфорной кислотъ больше необходимаго количества на періодъ пяти лѣтъ, а хлора достанетъ по-крайней-мѣрѣ на 10-ть лѣтъ.

Такимъ-образомъ, мы находимъ, что моча содержитъ въ себѣ весь неорганическій составъ, потребный растеніямъ, и въ значительномъ количествѣ; хотя гуано обильнѣе фосфорною кислотою, и обильнѣе можетъ-быть началами аммiака, однако онъ почти ли-

шенъ кали и натра, двухъ очень-нужныхъ частей состава въ пищѣ растеній. Изъ этого, можно заключать, что твердое вещество въ мочѣ, по-крайней-мѣрѣ равняется гуано въ качествѣ удобренія.

Но, кромѣ мочи, собираемой изъ хлѣвовъ и жилищъ, находятся еще другія сущности, полезныя для хозяина, которыми онъ, однако, часто пренебрегаетъ. Навозная жижа, вытекающая изъ навозныхъ кучь и съ скотнаго двора, содержитъ въ себѣ много твердаго вещества, сильно удобрительнаго; эта жижа состоитъ изъ мочи, смѣшанной съ растворимыми солями изъ растительнаго вещества, которое сотлѣваетъ въ навозной кучѣ — съ амміакомъ и щелочами, содержа въ растворѣ много несотлѣвшаго органическаго вещества, отъ котораго жижа получаетъ свой бурый пивной цвѣтъ. Жижи изъ отхожихъ мѣстъ, изъ мыловарень, изъ кухонь, и другія домашнія помои, содержащія въ себѣ органическія и соляныя вещества, полезныя растеніямъ, должны быть тщательно собираемы вмѣстѣ съ мочею; надобно всегда помнить, что какая-бы ни случилась органическая частица, она можетъ быть удобреніемъ, и, сгнивая, способна служить пищею растущему растенію.

Слѣдующій опытъ покажетъ дѣйствіе на урожай, какое оказываетъ сухое твердое вещество мочи, получаемое отъ насыщенія амміака сѣрною кислотою, и потомъ выпаренное до-суха.

Посѣвъ.	Количество положеннаго вещества на десятину.	Получено произведеній съ десятины: Неудобренной.	Удобренной.
Рѣпа	8 п. 15 ф.	2,151 пуд.	4,110 пуд.
Картофель . .	12 — 22 —	2,134 (*) —	2,428 —
Пшеница . . .	— —	20 чет. 1 чк.	23 чет. 7 чк.
Овесъ	7 — 27 —	20 — 5 —	25 — 2 —

Давно уже, еще въ 1787 году, Артуръ Юнгъ доказывалъ пользу мочи, употребляемой въ поливку на удобреніе земли. При его опытахъ съ картофелемъ, оказалось слѣдующее дѣйствіе:

1-й опытъ. На простой почвѣ, родилось—388 четвериковъ. На унавоженной почвѣ (185 куб. арш.), съ прибавкою 222 четверик. извести—665 четвериковъ. На унавоженной такимъ же количествомъ навоза почвѣ, съ прибавкою вмѣсто извести 177 ведръ мочи — 720 четвериковъ.

2-й опытъ. На простой почвѣ, родилось—187 четвериковъ. На унавоженной почвѣ 231 четвериковъ. На удобренной кампостомъ, смѣшаннымъ съ навозною жижею—374 четверика.

Геннемъ нашелъ, что при удобреніи земли 32-мя галлонами (12 ведръ) гнилой мочи, смѣшанной съ 2-мя центнерами (6 пудовъ) гипса и 12-ю бушелями (16 съ половиною четвериковъ) костей,

(*) Земля, на которой разводился этотъ картофель, была удобрена навозомъ, около 230 куб. аршинъ на десятину.

урожай рѣпы у него повысился на 47 центнеровъ 6 стоновъ (148 пудовъ); но при удобреніи такимъ же количествомъ гипса и костей, безъ мочи, урожай рѣпы увеличился только на 26 центнеровъ 2 стона (81 пудъ). Онъ увѣряетъ также, что въ-теченіе нынѣшняго лѣта (1848 года), прибавленіе 100 галлоновъ мочи на экръ (100 ведръ на десятину) къ льняной костригѣ, удвоило урожай рѣпы. Успѣхъ былъ слѣдующій, по разсчету на десятину;

Льняной костриги 54 пуда, родилось рѣпы . . . . . 548 пуд.
Тоже, смоченной 100 ведръ мочи . . . . 1,428 —

Слѣдующій опытъ съ ячменемъ показываетъ успѣхъ удобренія земли навознымъ сокомъ, вытекающимъ изъ навозныхъ кучь, сравнительно съ удобреніемъ гуано, раскинутымъ по поверхности земли:

Родъ удобренія.	Количество на десятину.	Стоимость на десятину.	Получено съ десятины: Соломы. пуды.	Зерна. четверики.
Безъ удобренія	» »	» »	174	148
Гуано	$12\frac{1}{2}$ пуд.	17 р. сер.	209	185
Навозный сокъ	330 вед.	» »	222	194.
Вода	670 —			

Эти успѣхи достаточно подтверждаютъ выгоды употребленія мочи, и, конечно, должны побудить къ употребленію ея на удобреніе полей тѣхъ хозяевъ, которые издерживаютъ деньги на покупку гуано, и смотрятъ съ совершеннымъ равнодушіемъ на потерю плодотворной жидкости, способной производить все дѣйствіе гуано за пятидесятую долю его стоимости.

Такое же, и даже еще болѣе дѣйствія, получаемаго на полѣ, можно производить въ саду, надлежащимъ употребленіемъ жидкаго удобренія изъ дома и изъ скотнаго двора, потому-что въ саду можно класть удобреніе во всякую пору роста растеній, а это условіе не такъ легко на полѣ. Для примѣра выгоды, извлекаемой изъ разумнаго употребленія выбрасываемой изъ дома жидкости, г. Гейдъ приводитъ опытъ, подъ его собственнымъ наблюденіемъ, продолжавшійся въ-теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ.

Земля, на которой производился опытъ, состояла изъ легкой известковой почвы, которая была очень истощена урожаями картофеля, разводившагося на ней безъ удобренія навозомъ. Опытъ былъ начатъ тѣмъ, что въ яму, которую обложили глиною, чтобъ вода изъ нея не уходила, стали сваливать всякій растительный соръ съ почвы, траву, листъ и проч. Мочу изъ дома, мыльный щолокъ и всякія помои, содержавшія въ себѣ какія-нибудь соленыя и азотистыя вещества, ежедневно выливали въ кадку, врытую въ землю подлѣ ямы, въ которую сваливали растительный соръ; изъ кадки въ яму была пропущена труба. Когда въ собранной мочѣ начиналось броженіе, и растительнаго сора въ ямѣ скапливался пластъ въ нѣсколько дюймовъ, тогда этотъ пластъ

начинали тщательно смачивать мочею изъ кадки, а жидкость, вытекавшую изъ пласта, спускали въ кадку; черезъ нѣсколько дней другой пластъ растительнаго сора скапливался на первый. Этотъ пластъ осыпали толченымъ гипсомъ, и опять насквозь промачивали жижею изъ кадки. Растительный соръ продолжали копить, съ костями и другими твердыми остатками, выкидываемыми изъ дома, которые были способны приходить въ броженіе: все было осыпаемо гипсомъ и смачиваемо жижею изъ кадки. Въ этой кучѣ, броженіе скоро начиналось, и въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль составлялась груда назема, равнаго во всякомъ отношеніи хлѣвному навозу. Огородъ засадили въ мартѣ и апрѣлѣ обыкновенными овощами, а твердый наземъ, бывшій готовымъ, употребили подъ картофель. Подъ капусту и прочія овощи, подливали жижу изъ кадки съ промежутками, оставляя безъ подливки по бороздѣ, каждаго овоща, какъ образецъ, по которому можно было-бы судить о дѣйствіи жидкаго удобренія. Каждый изъ овощей, подъ который было подлито это удобреніе, родился лучше, и тѣ овощи, которые взвѣшивали, тянули одною-третью тяжеле, нежели выростшіе на той же почвѣ безъ удобренія.

Этотъ опытъ производился въ-теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, съ прибавленіемъ, иногда, къ растительному сору «золота изъ отхожаго мѣста», смѣшаннаго съ опилками, землею и гипсомъ. Урожай нынѣшняго лѣта плодовъ, овощей и цвѣтковъ, качествомъ и количествомъ, не уступалъ ни одному изъ предъидущихъ, а на землю нисколько не было положено хлѣвнаго навоза.

По предмету построенія ямъ или вмѣстилищъ для жидкаго навоза, г. Гейдъ сообщилъ нижеслѣдующую полезную таблицу, показывающую, какое количество жидкости можетъ содержаться въ прямоугольномъ вмѣстилищѣ разной мѣры. Количество жидкости показано ведрами.

Длина.	Ширина.	Глубина вмѣстилища.					
Футы.	Футы.	3 ф.	4 ф.	5 ф.	6 ф.	7 ф. или 1 сажень.	8 ф.
6	3	124	165	207	248		
6	4	165	220	275	330		
6	5	206	275	344	412		
6	6	248	331	414	496		
7	4	193	257	321	386		
7	5	236	323	403	486	563	
7	6	286	418	476	571	667	
7	7	333	443	555	666	778	
8	4	220	294	368	441	515	
8	5	278	366	458	550	641	733
8	6	330	440	550	660	771	881
8	7	386	514	643	771	900	1,028
8	8	441	587	735	882	1,029	1,176
9	5	310	414	517	621	724	830

Длина. Футы.	Ширина. Футы.	Глубина вмѣстилища. 3 ф.	4 ф.	5 ф.	6 ф.	7 ф. или 1 сажень.	8 ф.	9 ф.	10 фут.
9	6	370	533	621	745	870	993		
9	7	434	578	724	870	1,014	1,158	1,303	
9	8	496	662	827	993	1,158	1,324	1,456	
9	9	558	745	931	1,117	1,303	1,489	1,676	
10	5	344	458	555	687	802	916	1,031	
10	6	412	550	687	825	962	1,099	1,237	1,374
10	7	482	643	803	964	1,125	1,286	1,446	1,607
10	8	551	734	918	1,102	1,285	1,467	1,652	1,836
10	9	619	826	1,032	1,239	1,445	1,652	1,885	2,065
10	10	688	916	1,145	1,374	1,603	1,832	2,061	2,290
11	6	455	607	759	911	1,063	1,215	1,366	1,518
11	7	531	708	885	1,062	1,240	1,416	1,592	1,769
11	8	607	810	1,012	1,215	1,417	1,619	1,822	2,024
11	9	683	910	1,138	1,365	1,593	1,820	2,048	2,276
11	10	759	1,012	1,265	1,518	1,771	2,024	2,277	2,530
11	11	834	1,113	1,391	1,669	1,947	2,225	2,503	2,782
12	6	496	652	827	993	1,158	1,324	1,489	1,655
12	7	571	762	953	1,144	1,334	1,525	1,715	1,906
12	8	660	881	1,101	1,321	1,541	1,761	1,981	2,202
12	9	745	993	1,241	1,490	1,738	1,986	2,234	2,482
12	10	824	1,099	1,374	1,648	1,924	2,199	2,477	2,748

Изъ различныхъ устройствъ, мною видѣнныхъ, для собиранія жидкаго навоза, мало я нашелъ, замѣчаетъ г. Гейдъ, удовлетворительныхъ: въ иныхъ, вмѣстилище принимаетъ одну мочу, а стокъ со скотнаго двора и изъ-подъ навозныхъ кучь пущенъ мимо; въ другихъ, въ это вмѣстилище течетъ и дождевая вода съ прилежащихъ строеній, и собирается туда же моча, отчего эта навозная жидкость слишкомъ разводится водою, и тѣмъ увеличиваются издержки на вывозку ея; въ-третьихъ, куча компоста находится въ большомъ разстояніи отъ мочевой ямы, отчего происходитъ неудобство въ смачиваніи компоста, когда оно требуется. Для избѣжанія этихъ неудобствъ, и для надлежащаго устройства къ собиранію стоковъ изъ хлѣвовъ, скотнаго двора, навозной кучи и дома, предлагаю слѣдующій способъ:

Вмѣстилище или яму для жидкаго навоза основать, если возможно, на сѣверной сторонѣ двора, позади его строеній; яму обложить кирпичомъ на цементѣ или водокрѣпкой извести, и покрыть крышею. Величину вмѣстилища соразмѣрить числу скота, обыкновенно бывающаго подъ навѣсами и въ хлѣвахъ. Въ эту яму собирать всю мочу изъ хлѣвовъ, конюшень, дома, и со скотнаго двора, площадь котораго должна быть сдѣлана углубленіемъ, и для сего сбора каждое мѣсто соединить съ ямою надлежащимъ стокомъ, такъ, чтобъ жидкости никуда не пропадали напрасно. Вокругъ навозной кучи, въ которую складывается навозъ изъ хлѣ-

вовъ, надобно сдѣлать канавку, которую пропустить въ мочевую яму, такъ чтобъ стокъ изъ-подъ кучи могъ собираться въ эту яму. Всѣ строенія усадьбы снабдить жолобами, и расположить ихъ такъ, чтобъ вода изъ нихъ могла стекать прочь въ особый стокъ, или дать ей течь свободно по двору, чтобъ потомъ со двора она стекала въ яму. Это расположеніе можно улучшить перекиднымъ жолобомъ, который положить черезъ стокъ; по этому жолобу спускать воду въ яму, когда нужно разжидить мочу передъ вывозкою ея на поле. Наконецъ поставить въ ямѣ насосъ, которымъ можно было бы во всякое время накачивать жижу въ бочку для вывозки, или посредствомъ рукава поливать ею навозную кучу.

Помощію такого устройства, каково вышеозначенное, всѣ эти жидкости, вытекающія изъ дома, со двора и изъ службъ, дѣйствительно собирались бы въ яму, и могли бы быть тамъ — или предоставлены собственному гніенію, при чемъ нужно, время-отъ-времени, раждающійся амміакъ превращать въ сѣрно-кислый, прибавленіемъ въ жидкость сѣрной кислоты, гипса, или желѣзнаго купороса—или жидкость въ ямѣ могла бы быть разведена водою; такими средствами, много амміака было бы удержано въ растворѣ, въ углекисломъ видѣ; но первое средство есть самое дѣйствительное для удержанія амміака въ жидкости. Если ничего не употребляется къ удержанію амміака отъ летучести, то можно было бы яму раздѣлить посрединѣ, и собирать урину и прочіе стоки въ одну половину, разводя ихъ тройнымъ количествомъ воды противъ ихъ объема, пока это отдѣленіе ямы наполнится; этой жидкости дать гнить шесть недѣль, и потомъ она будетъ способна къ поливкѣ земли по поверхности; вода, употребленная на разжиженіе, удержитъ въ растворѣ большую часть амміака, происходящаго отъ разложенія мочевины. Если это устройство будетъ принято, то нужно сточную трубу сдѣлать такъ, чтобъ она сообщалась съ каждымъ отдѣломъ ямы по желанію: это условіе легко выполнить, если главный стержень трубы раздвоить на два рукава подлѣ раздѣловъ ямы, и въ каждомъ рукавѣ, у выхода его изъ трубы, сдѣлать ставень, открытіемъ котораго можно пускать жидкость по любому рукаву въ принадлежащій ему отдѣлъ ямы; насосъ также долженъ быть или снабженъ подвижною трубкою, или самъ двигаться, такъ, чтобъ изъ каждаго отдѣленія можно было выкачивать жидкость, когда потребуется.

Для удобренія земли жидкимъ навозомъ, г. Гейдъ даетъ слѣдующія правила.

Гдѣ почва легкая и не имѣетъ недостатка въ органическомъ веществѣ, тамъ употребленіе жидкаго навоза будетъ самое приличное; но гдѣ почва крѣпкая и глинистая, тамъ употребленіе навоза въ видѣ компоста было бы лучше, потому-что отъ него почва становилась бы легче, скважистѣе и удобнѣе къ обработ-

кѣ. Для хозяйства на легкихъ почвахъ, жидкій навозъ изъ ямы, съ амміакомъ, который надлежащимъ образомъ превращенъ въ сѣрно-кислый, посредствомъ прибавленія сѣрной кислоты или гипса, будетъ очень-полезенъ. Его можно вывозить на пашню въ ящикахъ или въ бочкахъ, передъ самою послѣднею запашкою подъ посѣвъ; или можно разливать его сверху по молодому всходу, особенно когда зелень всхода кажется желтою и хворою; въ послѣднемъ случаѣ, надобно разливать навозъ въ дождливую погоду, и его дѣйствіе окажется вскорѣ темнозеленымъ цвѣтомъ и сильнымъ ростомъ растенія. Если моча и жижа съ двора и изъ-подъ навозной кучи поливаются по всходамъ, то употреблять этого жидкаго навоза отъ 300 до 400 ведеръ на десятину, разведеннаго двойнымъ количествомъ, противъ его объема, воды (то-есть, на каждое ведро жидкаго навоза должно быть прибавлено два ведра воды), и такое удобреніе будетъ равняться посыпкѣ сверхъ зелени отъ 13 до 25 пудовъ гуано; но если жидкій навозъ выливается на паровое поле, или передъ посѣвомъ, то его можно употреблять неразведеный водою, и запахивать или заборонивать въ землю.

2. *Извлеченіе изъ донесенія Джемса Мак-Лина* (James M'Lean). Г. Мак-Линъ говоритъ, что у него стадо состоитъ изъ 24 коровъ, быка, 30 головъ молодаго скота, 8 рабочихъ лошадей и 5 или 6 головъ прочаго скота. При вступленіи его на свою ферму, онъ не нашелъ ни одного средства, которое было бы употребляемо къ удержанію навозной жижи, а она свободно стекала изъ дома и хлѣвовъ въ небольшое болото, простиравшееся по низменности вдоль берега рѣчки. Этотъ навозный стокъ выгонялъ ростъ травы рано весною и тѣмъ соблазнялъ скотъ, при появленіи первой травы, пускаться въ болото, изъ котораго каждую весну съ трудомъ вытаскивали по нѣскольку скотинъ.

Мак-Линъ воспользовался покатостью земли, начинающеюся тотчасъ отъ скотнаго двора къ болоту и расположилъ мѣсто для скопа навоза, внизу этой покатости, такъ-что стало не только удобно складывать на немъ весь навозъ, который могъ скопиться въ-теченіе зимы, но и удобно спускать къ нему всю жижу съ фермы изъ жилья, коровника, конюшни, свинарника, двора, посредствомъ крытыхъ спусковъ. Это навозное мѣсто устроено въ-ровень съ поверхностью верхняго конца болота, лежащаго на 8 футовъ ниже основанія скотнаго двора.

Всѣ крытые спуски, по которымъ текли помои изъ жилья, молочной, прачешной, вода отъ колодезнаго насоса и моча изъ хлѣвовъ, съ зимняго двора и отъ рабочей избы, соединялись одинъ съ другимъ, и были снабжены отверстіями съ желѣзными рѣшетками, въ которыя, однако, дождевая вода не могла попадать, и всѣ оканчивались однимъ общимъ спускомъ надъ навознымъ мѣстомъ,

на такой высотѣ, которая дозволяла жидкому навозу стекать по жолобу во втулку навозной бочки, подставляемой подъ него на телѣгѣ. Когда бочка уѣзжала, тогда жидкій навозъ проводили по жолобу на навозную кучу. Моча изъ конюшни и коровника могла такимъ-образомъ разжижаться до желаемой степени, помоями съ фермы и водою изъ колодезя. Моча, одна, слишкомъ-сильна для поливки молодой травы весною, или и всякой травы въ сухую погоду; посредствомъ же такого разжиженія, моча становится способнымъ удобреніемъ для каждаго растенія во всякое время года.

На бо́льшей части молочныхъ фермъ, стокъ навозныхъ жидкостей бываетъ значительный, а подстилки въ коровникахъ мало, и потому навозная куча скоро дотого смачивается, что излишняя жижа течетъ изъ кучи прочь напрасно, если не принято мѣръ къ сохраненію ея. Для перенятія такой жижи, у Мак-Лина, выкопана въ землѣ яма, длиною въ 24 ф., шириною въ 7 футовъ, между навозною кучею и верхнимъ краемъ болота; въ ямѣ помѣщается за-разъ до 20 возовъ моха, земли и прочаго сора. Эта дрянь, будучи напитана навозною жижею, вывозится изъ ямы на поле, гдѣ ее или запахиваютъ подъ рѣпу, или разбрасываютъ сверху по пастбищу. Въ мокрую погоду, этой одной ямы бываетъ недостаточно для удержанія всего сока изъ навозной кучи, и потому, на такой случай, выкопана другая яма.

Болото было осушено, выровнено и обращено въ лугъ, и весь избытокъ навозной жижи, стекающей со скотнаго двора, изъ-подъ навозной кучи, и изъ ямы, могъ быть спускаемъ на этотъ лугъ; кромѣ-того, вся дождевая вода съ крышъ строенія, и съ высокой почвы около двора, спускалась въ удобное время также на лугъ. Приготовленный къ непрерывному орошенію, лугъ былъ сперва засѣянъ овсомъ, который уродился обильно. Потомъ, засѣяли его викою вмѣстѣ съ овсомъ: эта смѣсь доставляла сильный и постоянный покосъ на кормъ лошадямъ съ іюня до конца сентября; нѣкоторые кусты овса, между викою, выросли до 7 футовъ вышиною. Рѣчку можно было также запрудить съ выгодою, и пустить ея воду на орошеніе той нижней части луга, куда спускался излишекъ жижи изъ грязной ямы.

При складываніи сора, напитываемаго въ ямѣ, многіе фермеры стараются примѣшивать мохъ къ хлѣвному навозу; но какъ г. Мак-Линъ имѣетъ обильную постилку соломы въ своихъ конюшняхъ и коровникахъ, то онъ находитъ, что примѣсь мокраго моха затрудняетъ перепрѣваніе конскаго навоза съ постилкою, и слишкомъ увеличиваетъ объемъ навозной кучи. Двѣ ямы содержатъ въ себѣ до 45 двуконныхъ возовъ, матеріяловъ, которые требуютъ на свое насыщеніе и разложеніе цѣлый мѣсяцъ времени лѣтомъ, а зимою и болѣе. Мак-Линъ считаетъ удобнѣе употреблять мочу *зимою* на насыщеніе мха въ ямѣ, нежели разли-

вать ее по полямъ изъ бочки. Въ-теченіе восьми мѣсяцевъ, нѣтъ затрудненія наполнять и опоражнивать ямы каждый мѣсяцъ, когда ихъ скопъ простирается до 360 возовъ. Въ прочіе четыре мѣсяца, ямы могутъ снова наполниться. Такимъ-образомъ, въ годъ, соберется въ нихъ удобренія до 405 возовъ. Если класть на десятину по 100 возовъ, то этого количества удобренія станетъ слишкомъ на 4 десятины; если цѣнить его только по 30 коп. сер. за возъ, полагая въ томъ числѣ 8 коп. сер. за перевозку, то годовой скопъ будетъ стоить 121 руб. 50 коп. сер.

Болѣе 20 лѣтъ, Мак-Линъ употребляетъ удобреніе жидкимъ навозомъ, получаемымъ отъ своего молочнаго скота, на удобреніе сѣнокоса и пастбища, также рѣпы и картофеля. Скотъ начинаетъ ѣсть траву на этомъ пастбищѣ только послѣ того, какъ ее обмоетъ выпавшій дождь; но рейграсъ на сѣно растетъ очень сильно послѣ поливки по немъ жижею. Жижу пускаютъ подъ рѣпу, подъ картофель и подъ сѣмянныя травы, съ телѣги, сквозь продыравленное корыто, въ 7 футовъ длиною, и разливаютъ ее равномѣрно по поверхности и по рядамъ на растенія. Но разливать такимъ-образомъ жижу на растенія, надобно только въ мокрую погоду, а въ сухую должно лить ее между рядами. Навозная жижа уничтожаетъ отаву на старомъ пастбищѣ. Молочный скотъ, гуляя свободно по пастбищу въ лѣтній день, оставляетъ на немъ значительную часть своей мочи: въ эту пору года, по разсчету Мак-Лина, моча отъ 6 коровъ, получающихъ обильно питательный кормъ, если бы ее тщательно собрать и разумно употребить, могла бы удобрить одинъ экръ (треть указной десятины) земли, и дѣйствіе ея равнялось бы дѣйствію 40 возовъ хлѣвнаго навоза. Если положить, что мочевая бочка наполняется жижею три раза въ недѣлю, и каждая бочка содержитъ въ себѣ 56 ведръ, въ годъ собралось бы жижи до 5,320 ведръ; если полагать по 250 ведръ на десятину, то вся эта жижа удобрила бы такимъ-образомъ болѣе $2^1/_2$ десятинъ, даже если бы бочка оставалась безъ дѣла нѣсколько недѣль при морозахъ зимою.

Когда жидкимъ навозомъ удобрятъ траву, послѣдующій за нею урожай зерна, овса и ячменя, всегда оказывается обильнымъ. Дѣйствіе этого удобренія не истощается первымъ урожаемъ, и даже оказывается долѣе въ почвѣ, чѣмъ дѣйствіе сопрѣвшаго навоза. Жидкій навозъ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ-быстро гонитъ ростъ на легкихъ почвахъ, отъ чего хлѣбъ подвергается полеглости прежде достиженія зрѣлости. Надобно также остерегаться лить мочу въ большомъ количествѣ на земли, которыя слѣдуетъ тотчасъ вспахивать. Мак-Линъ дѣлалъ на сѣнокосѣ, въ 1842 году, опытъ сравнительной цѣнности удобренія мочею, мхомъ напитаннымъ мочею, и подпочвенною землею напитанною мочею. Въ слѣдующей таблицѣ показаны выводы изъ этого опыта:

Удобреніе.	Количество мочи на десятину.	Колич. напитанное мочею.	Цѣнность мочи.		Цѣн. напитан. веществъ		Цѣнность всего.		Вѣсъ сѣна.	Прибыль отъ удобренія.
	Ведра.	Возы.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Пуды.	Пуды.
Безъ удобренія	—	—	—	—	—	—	—	—	130	—
Моча	2,500	—	44	34	—	—	44	34	312	182
Мохъ напитанный мочею	1,600	40	28	33	6	37	34	70	250	120
Земля напитанная мочею	1,600	40	28	33	6	37	34	70	208	78

По опыту разведенія картофеля, въ 1843 году, оказалось:

Удобреніе.	Количество на десятину.	Получено картофеля съ десятины.	Цѣна по 20 коп. сер. за пудъ.	Выгода отъ мочи на десятину.
Хлѣвной навозъ . .	98 возовъ	945 пуд.	189 руб.	— руб.
Мочи	2,500 ведеръ	1,100 —	220 —	31 —

3) *Извлеченіе изъ донесенія Джона Вильсона.* Г. Вильсонъ, въ началѣ своихъ замѣчаній говоритъ, что «нужно разсмотрѣть—сколько навозной жижи съ фермы можетъ быть употреблено особо, безъ уменьшенія тѣмъ доброты коровьяго и конскаго навоза. Въ просторныхъ округахъ Шотландіи, главнѣйше занимающихся *молочнымъ* хозяйствомъ, этотъ вопросъ рѣшается легко. При хлѣвахъ, надлежащимъ образомъ устроенныхъ, къ удержанію влаги находящейся въ навозѣ, потребуется ея меньше къ насыщенію навоза. Это видно изъ того, что лѣтомъ подстилка идетъ вообще умѣренно, и что, въ соединеніи съ сухимъ кормомъ, вся рѣпа обыкновенно скармливается въ хлѣвахъ коровамъ зимою. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большое количество соломы потребляется зимою на скотныхъ дворахъ, и гдѣ мало содержится дойныхъ коровъ, и, можетъ-быть, никакого скота не откармливается, тамъ, безъ-сомнѣнія, нужно больше жидкости проводить изъ хлѣвовъ и усадьбы на насыщеніе и удобреніе навозной кучи. Но я такъ убѣжденъ опытомъ (говоритъ Вильсонъ) въ большой пользѣ удобренія земли жидкимъ навозомъ, что ни въ какомъ случаѣ не проводилъ бы его на навозную кучу болѣе того, сколько нужно для насыщенія ея; остальное количество я собиралъ бы тщательно, и разливалъ его по полю жидкимъ.

«Моча рогатаго скота часто была употребляема съ пользою къ насыщенію земли, мха и другихъ сущностей, и, когда мѣсто для этого было приготовлено способное, она оказывала удивительное дѣйствіе. Но я могъ бы показать, что много работы, потребной на такое насыщеніе, сберегается при употребленіи мочи въ видѣ жижи, и что ея дѣйствіе въ этомъ видѣ, если она употребляется надлежащимъ образомъ, почти всегда превосходитъ вѣроятіе.

«У меня въ хозяйствѣ способы къ собиранію мочи употребляются самые простые, и могутъ выполняться, при очень-малыхъ расходахъ, почти на каждомъ скотномъ дворѣ, какъ бы онъ ни былъ выстроенъ.

«Чтобъ побудить ввести въ общее употребленіе жидкій навозъ, надобно, по-моему убѣжденію, дать самые простые и хозяйственные способы къ собиранію его. Представляя особо подробности употребляемаго у меня способа, я считаю нужнымъ упомянуть о величинѣ моей фермы и описать находящійся при ней скотный дворъ.

«Ферма состоитъ почти изъ 130 указныхъ экровъ (48 десятинъ), на которыхъ производится обыкновенный сѣвооборотъ. Пятая часть земли, или отъ 25 до 26 экровъ (отъ 9 до 10 десятинъ) находится всегда подъ пастбищемъ, на которомъ 14 коровъ, 4 лошади и нѣсколько телятъ пасутся лѣтомъ. Этотъ скотъ, съ присоединеніемъ 8 или 10 тёлокъ, съѣдаетъ зимою всю солому и бо́льшую часть урожая рѣпы.»

Изъ описанія устройства скотнаго двора и усадьбы г. Вильсона видно, что оно во всемъ, даже въ расположеніи стоковъ, установкѣ мочевой бочки, и спусканіи излишней навозной жидкости на лугъ, очень-сходно съ вышеописаннымъ устройствомъ двора и усадьбы Мак-Липа, почему и излишне было бы повторять его здѣсь. Г. Вильсонъ сообщаетъ слѣдующія подробности о расходахъ по устройству у него навозныхъ стоковъ:

«Въ-отношеніи къ расходамъ па стокъ навозныхъ жидкостей, нужно знать, что коровники были сперва вымощены насыпью; но для ускоренія спуска мочи, и для удобства мытья коровника — что у насъ исполняется ежедневно — мы сдѣлали деревянную настилку. Расходъ вышелъ слѣдующій:

	Серебромъ.
Нижній коровникъ съ покрышкою главнаго стока	13 р. 50 к.
Верхній коровникъ	8 — 20 —
Мостовая въ конюшнѣ, рѣшетки и работа . . .	12 — 60 —
Стоки изъ дома и кухни съ рѣшетками	4 — 72 —
Обдѣлка дороги, чтобъ телѣга могла становиться подъ главный стокъ.	3 — 31 —
Итого	42 р. 33 к.

«Естественно, возникаетъ вопросъ» продолжаетъ г. Вильсонъ, «въ какомъ состояніи всего выгоднѣе употреблять мочу на удобреніе полей — свѣжую ли, или уже загнившуюся. При собираніи мочи въ яму, и предоставленіи ея естественному гніенію, неизбѣжно отдѣляются изъ нея летучія вещества; хотя въ семъ случаѣ разводятъ мочу водою для-того, чтобъ удержать въ мочѣ аммiакъ и другія его удобрительныя летучія вещества, однако я нашелъ по опыту, что несмотря на то, постоянно продолжается медленное улетаніе ихъ въ воздухъ. Важное убѣжденіе въ пользѣ принятаго мною способа — собирать навозную жижу прямо въ телѣжную бочку, состоитъ въ большомъ сбереженіи работы, въ-сравненіи съ трудною и скучною работою накачиванія или другаго рода наполненія телѣги изъ ямъ; притомъ очень-трудно въ песча-

ной или хрящеватой почвѣ устроить яму, способную удерживать въ себѣ жидкость, а тамъ, гдѣ и можно яму устроить, она, достаточной величины на помѣщеніе собираемаго навоза, обходится дорого. Опытомъ я дошелъ до заключенія, что дѣйствіе мочи бываетъ сильнѣе, когда она употребляется свѣжая, или только-что начавшая загниваться, нежели тогда, когда ей дадутъ гнить значительное время. Употребляя сперва много лѣтъ мочу довольно-свѣжую, я устроилъ зимою 1842 года для собиранія ея яму; хотя эта яма была покрыта, и всѣ обыкновенныя предосторожности, разведеніе водою и проч. были приняты, къ предупрежденію потери летучихъ веществъ въ воздухъ, однако я нашелъ гораздо-выгоднѣе разливать мочу на почву по способу нашего нынѣшняго собиранія ея, то-есть, много, что черезъ нѣсколько дней по отдѣленіи ея скотомъ. Поэтому я думаю, что способу, нами нынѣ употребляемому, очевидно надобно отдать преимущество. Да и весь порядокъ этого собиранія, кажется, удивительно-хорошъ, потому-что собранная моча разводится водою отъ омыванія коровника, а это омываніе само-по-себѣ очень-полезно для здоровья и удобства скота; помои же изъ жилья и проч., смѣшиваемыя съ мочею, образуютъ очень-хорошее удобреніе, которое можно употреблять во всякую пору года и почти подъ всякій посѣвъ, безъ малѣйшаго вреда.

«Отъ угла скотнаго навѣса, для спуска жидкости съ открытаго двора, въ мокрую погоду, проведенъ жолобъ по-сторону навозной кучи, въ малую яму въ землѣ, устроенную для принятія излишней жижи изъ этой навозной кучи. Количество этой жижи бываетъ очень-значительно, потому-что отъ скота изъ-подъ навѣса вытекаетъ мочи на навозную кучу болѣе, нежели сколько нужно на насыщеніе ея; изобиліе мочи происходитъ оттого, что дойныя коровы всегда получаютъ полную дачу рѣпы, а подстилки подъ нихъ кладется умѣренно. Въ яму проведенъ небольшой ручей, вода котораго употребляется для орошенія ниже лежащаго поля: такимъ-образомъ, ни капли жидкаго навоза изъ усадьбы не пропадаетъ даромъ.»

Количество навозной жидкости, собираемой этимъ способомъ, простирается до двухъ бочекъ еженедѣльно. Выливается его на удобреніе, среднимъ числомъ, по тридцати-восьми бочекъ на десятину, подъ посѣвныя травы, въ-продолженіе зимы съ сентября до конца апрѣля; отъ этого же времени до сѣнокоса, то-есть, въ маѣ и іюнѣ, жижа выливается между рядами картофеля, по бороздамъ, а не на кусты его и не подлѣ нихъ; наконецъ удобряется этою жижею второй подростъ клевера. При разливаніи жижи сплошь, пускаютъ ее изъ продырявленнаго корыта, а при выливаніи по бороздамъ—пускаютъ изъ трубки.

Цѣнность этого удобренія г. Вильсонъ опредѣляетъ по увеличенію урожая, имъ производимому. Сборъ сѣна увеличивается отъ 130 до 165 пудовъ на десятинѣ. Дѣйствія жидкаго навоза на

овесъ также явственны; картофеля родится по-крайней-мѣрѣ 330 пудовъ на десятину болѣе. По этимъ даннымъ, цѣнность бочки этого удобренія составляетъ отъ 1 р. 4 к. до 1 р. 80 к. с.; но если разсчесть и перевозку, то бочку нельзя цѣнить меньше 1 р. 26 к. с.: по этой цѣнѣ, считая двѣ бочки въ недѣлю, весь годовой сборъ навозной жижи можно оцѣнить въ 131 р. с.; къ этому надобно прибавить еще 63 р. с. въ годъ за увеличеніе достоинства луга.

«Но цѣнности такой прибавки къ хозяйственному удобренію», замѣчаетъ Вильсонъ, «почти нельзя опредѣлить, потому-что эта прибавка даетъ хозяину-фермеру возможность возвышать плодородіе почвы ея собственными произведеніями, и, такимъ-образомъ, расширяя кругъ посѣва годъ-отъ-года, въ каждый послѣдующій годъ, хозяйство будетъ получать прибыль отъ умноженія сбора навоза.

«Положимъ, напримѣръ, какой-нибудь хозяинъ снимаетъ молочную ферму такого же размѣра, какая у меня находится; употребитъ почти весь свой капиталъ на покупку скота, нужнаго на ферму, и прочія потребности, и довольно-потрудится для удовлетворенія наемной платы: мы найдемъ, что его способы и желаніе, покупать удобреніе къ возвышенію плодородія своей фермы, будутъ очень-ограничены. Теперь, положимъ далѣе, что онъ попалъ бы на счастливое намѣреніе собирать всю удобрительную жижу, которая до-тѣхъ-поръ сбѣгала напрасно съ фермы, и оцѣнимъ очень-умѣренно, въ 126 р. с., прибыль его отъ употребленія этой жижи. Если на эту сумму онъ купилъ бы 155 пудовъ гуано, то этого количества, вмѣстѣ съ хлѣвнымъ навозомъ съ фермы, было бы достаточно на удобреніе почти десяти десятинъ подъ рѣпу и картофель. Отъ этой издержки можно было бы основательно ожидать по-крайней-мѣрѣ на 25 р. с. пользы съ десятины, кромѣ умноженія плодородія самой земли до высокой степени. Эти соображенія, думаю, достаточны для-того, чтобъ побудить всякаго умнаго хозяина, по-крайней-мѣрѣ испытать такое удобреніе.

«Въ-отношеніи къ способу собиранія помойной жидкости изъ усадебнаго жилья, по моему наблюденію», прибавляетъ Вильсонъ, «для соблюденія чистоты и бережливости, всего выгоднѣе напитывать этою жидкостью золу и прочій растительный соръ, вообще собираемый изъ усадьбы. У меня избы работниковъ находятся саженяхъ въ сорока отъ скотнаго двора. На ихъ жиломъ дворѣ, подлѣ свинарника, выкопана помойная яма, около одного съ четвертью аршина глубиною. Въ эту яму бросаютъ золу и всякій соръ, и ежедневно поливаютъ мочею и помоями изъ избъ, а также и мочею изъ свинарника: эта смѣсь обращается въ хорошее удобреніе; на дворѣ же, передъ жильемъ, сохраняется полная чистота.

«Въ-теченіе зимы, собирается этого удобренія отъ 10 до 12 возовъ. Работники употребляютъ его на свои огороды подъ картофель, и всегда у нихъ родится картофеля столько, что его бываетъ достаточно для ихъ семействъ на весь годъ, и, сверхъ-того, у каждаго выкармливается свинья въ-продолженіе шести мѣсяцевъ.

«Чтобы показать, какъ много доброта сметаемаго въ яму навознаго сора увеличивается отъ старательнаго насыщенія его навозною жидкостью, приведемъ здѣсь наблюденіе. Въ послѣдніе два года, на полосѣ удобряемой соромъ, насыщеннымъ жижею, урожай выходилъ вдвое обильнѣе урожая на другой полосѣ, которую удобряли не смоченнымъ соромъ. Изъ этого примѣра видно, какое важное пособіе получается въ хозяйствѣ поселянина отъ разумнаго собиранія и употребленія навозной жижи, которую обыкновенно допускаютъ утекать напрасно.»

4. Извлеченіе изъ донесенія Грирсона Іорстона (Grierson Yorstoun). Г. Іорстонъ описываетъ соблюденіе чистоты, при спускѣ навозной жидкости изъ усадьбы, простымъ и удачнымъ способомъ. «Всюду принято», замѣчаетъ онъ, «что этотъ родъ навоза долженъ быть очень-разведенъ водою, для произведенія своего надлежащаго дѣйствія; естественно, что струя воды, которая нынѣ уноситъ жидкій навозъ, какъ нечистоту, могла бы быть употребляема для разноса его по почвѣ. Представляю очень-простой способъ употреблять навозную жижу такимъ образомъ, который я испыталъ, какъ мнѣ кажется, съ совершеннымъ успѣхомъ. Предметомъ моего опыта была крестьянская усадьба, расположенная на низменности при подошвѣ горы и имѣющая изобильный запасъ воды. Помойная яма, въ которую собирались изъ жилья помои, была устроена въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ дома; она имѣла около 6 футовъ длины, 18 дюймовъ ширины и столько же глубины. Дно ея вымощено камнемъ; кругомъ обложена каменною стѣною и покрыта досками, сверхъ которыхъ положенъ торфъ, такъ-что снаружи нельзя ямы различить по виду отъ прочей травной площади; дурнаго запаха изъ нея вовсе не слышно. Подпочва, вязкаго свойства, не производила грязи. Воронка, въ которую льютъ помои, деревянная, около 9-ти квадрат. дюймовъ, съ продырявленнымъ дномъ. Она поставлена подлѣ угла избы и закрывается кустами. Изъ воронки помои стекаютъ въ деревянную трубу, пространствомъ около трехъ квадратныхъ дюймовъ внутри. Нижній конецъ этой трубы пропущенъ ко дну помойной ямы, а верхній — лежитъ выше, близъ земли, гдѣ въ него время-отъ-времени пускаютъ токъ воды. Другая труба, такая же, проведена отъ края ямы къ безплодной полосѣ, нѣсколько пониже лежащей. Помои, сливаемыя въ воронку, копятся въ ямѣ, пока соберется ихъ достаточное количество на поливку той полосы. Для-того пускаютъ въ вышеозначенную первую трубу воду, которая, войдя въ яму на днѣ, проходитъ по всей ямѣ, и какъ

вытечь можетъ только черезъ край ея, то смѣшивается съ иломъ, уноситъ его съ собою изъ ямы на ту полосу и по ней разливаетъ. По очищеніи такимъ-образомъ ямы, теченіе воды прекращаютъ, пока снова скопятся помои.

«Описанный мною способъ, для работниковъ въ избахъ, оказался на дѣлѣ совершенно-удовлетворительнымъ. Жены работниковъ не считаютъ тягостью выносить помои въ воронку, и даже находятъ это средство удобнѣе къ содержанію въ домѣ и въ семействѣ чистоты, нежели было прежде, когда они весь соръ и помои выбрасывали за дверь передъ избою. Мужья ихъ считаютъ этотъ навозъ столь выгоднымъ, что охотно предпринимаютъ издержки на вышеозначенное устройство.»

5) *Извлеченіе изъ донесенія Джона Рауата* (John Rowat). — Замѣчанія г. Рауата относятся единственно къ собиранію и употребленію жидкаго навоза на небольшихъ скотныхъ дворахъ. Примѣръ взятъ изъ одного хозяйства, гдѣ такое собираніе и употребленіе навоза продолжается уже нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ.

«Для собиранія жижи изъ коровника (въ которомъ находятся 16 коровъ), устроена сбоку продолговатая яма, около 5 футовъ глубиною, $2^1/_2$ фута шириною и 7 футовъ длиною. Вся моча стекаетъ изъ коровника, по покрытому спуску, проведенному сквозь стѣну, въ эту яму. Зимою, яма наполняется въ двѣ недѣли, а весною и лѣтомъ, когда коровникъ моютъ водою, въ недѣлю. Жижу изъ этой ямы накачиваютъ насосомъ въ бочку, поставленную передъ нимъ на телѣгѣ.

«Въ коровникѣ, коровы стоятъ въ два ряда, по одному на каждой сторонѣ. Проходъ между рядами коровъ, шириною въ $2^1/_2$ фута, вымощенъ камнемъ; кромѣ-того, вдоль каждаго ряда идетъ жолобъ, въ 17 дюймовъ шириною, вымощенный камнемъ, имѣющій легкій склонъ къ хранилищу. Этотъ проходъ и жолоба моются водою каждое утро лѣтомъ; эта вода, въ смѣшеніи съ мочею, значительно увеличиваетъ количество навозной жижи, сила которой, хотя разводимой такимъ-образомъ водою, нисколько не портится, а даже улучшается, потому-что разведеніе водою отстраняетъ ѣдкое дѣйствіе мочи на растенія въ жаркую и сухую погоду. Но предметъ мытья коровника состоитъ не въ умноженіи навозной жижи, а въ содержаніи коровника чистымъ, и для предупрежденія того, чтобы коровы, входя въ коровникъ и выходя изъ него, не скользили и не падали, чему онѣ очень подвержены въ сырую погоду, когда на проходѣ скапливается пометъ.

«Жижа изъ-подъ навозной кучи, изъ конюшни и изъ свинарника, собирается въ особое хранилище. Навозное мѣсто, по его положенію, чрезвычайно-хорошо приспособлено къ собиранію жидкаго удобренія: это мѣсто лежитъ ниже строеній усадьбы, и земля подъ него была вынута въ глубину футовъ на 6, такъ-что

навозъ, по наполненіи мѣста, никогда не поднимается выше окружающей его поверхности. На двухъ углахъ навознаго мѣста, расположены свинарки, а моча изъ конюшень проведена на это мѣсто покрытымъ стокомъ; дно мѣста, чисто и тщательно вымощенное, сдѣлано склономъ къ трубѣ, проводящей жижу въ яму на нижней сторонѣ навознаго мѣста, и все это обнесено каменною стѣною. Въ ямѣ поставленъ насосъ, для накачиванія жижи въ навозную бочку.

«Въ эти два хранилища, каждая капля жижи въ усадьбѣ собирается за ничтожную издержку. Въ мокрую погоду, яму подлѣ навозной кучи нужно выкачивать ежедневно, хотя въ нее нисколько воды не втекаетъ прямо, а только дождь падаетъ на навозную кучу и свинарникъ.

«Жидкій навозъ разливается главнѣйше на травныя полосы. Принятый способъ разливанія жижи по землѣ, очень-простой и дѣйствительный, состоитъ въ томъ, что на телѣгѣ, противъ отверстія навозной бочки, укрѣпляется доска, вершковъ въ 10 длиною и столько же шириною; когда ототкнутъ гвоздь изъ этого отверстія, тогда жижа изъ бочки струею бьетъ въ доску, и разбрызгивается вѣеромъ въ обѣ стороны, во всю ширину телѣги; работникъ ведетъ лошадь тихонько впередъ, и вся поверхность земли смачивается ровно.

«На мягкой почвѣ, которая испортилась бы отъ колесъ телѣги и лошадиныхъ ногъ, спускаютъ жижу въ запруду, которой вода служитъ на орошеніе луга. Этотъ лугъ сталъ теперь, отъ такой поливки, производить вдвое болѣе сѣна, нежели было прежде, когда не поливали его жидкимъ навозомъ.»

Столь убѣдительные, по вѣрности и пользѣ своей, примѣры употребленія мочи и навозной жижи, безъ-сомнѣнія, побудятъ русскихъ хозяевъ, нуждающихся въ удобреніи, обратить на эти средства, вниманіе, и принаровить указанные здѣсь способы къ своимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

С. Усовъ.

БЕСѢДЫ О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ, *составляющія курсъ этой науки, публично преподаваемый въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ $18^{44}/_{45}$ академическомъ году*, **Ярославомъ Линовскимъ.** *Москва. 1845 (1849). Двѣ части.*

Статья вторая и послѣдняя.

Въ предъидущей статьѣ мы сказали уже, что главнѣйшими условіями производительности земли являются, во-первыхъ, тщательное удобреніе, во-вторыхъ, не менѣе тщательная обработка ея. Разсмотримъ теперь, какъ выгоднѣе и лучше могутъ быть осуществлены эти условія, и начнемъ, вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ, съ удобренія земли, хотя, опять повторяемъ, логичнѣе было бы начинать спачала — съ разрыхленія земли, безъ котораго самое удобреніе не можетъ имѣть мѣста. Странное дѣло! ужь, конечно, нѣтъ ни въ одной наукѣ предмета, менѣе изящнаго, и въ то же время столь неизмѣримо-важнаго и существеннаго, какъ удобреніе въ сферѣ сельско-хозяйственной дѣятельности. Безъ-сомнѣнія, для многихъ невѣроятнымъ покажется, если мы скажемъ, что степень удобренія земли можетъ служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мѣриломъ развитія, образованности и благосостоянія страны; а между-тѣмъ это такъ же справедливо, какъ несомнѣнно, что дважды-два—не три и не пять, а четыре. Не нужно быть сангвиникомъ, не нужно обладать пылкой, впечатлительной натурой, чтобъ убѣдиться въ истинности положенія, нами высказаннаго: оно слишкомъ-просто само-по-себѣ. И прежде нежели представится намъ случай подтвердить его фактами (а ихъ, какъ увидимъ, безчисленное множество), посмотримъ, что такое удобреніе, въ чемъ состоитъ его сущность? Удобреніе прежде всего есть издержка производства. Наиболѣе издерживать въ производствѣ можетъ только тотъ, кто надѣется получить изъ этого наибольшую пользу, кто убѣжденъ, что продажа этого произведенія окупитъ издержки и вознаградитъ за трудъ; а это, въ свою очередь, можетъ быть только тамъ, гдѣ цѣна продукта достаточно-высока. Высока же она именно тамъ, гдѣ сильно потребленіе, гдѣ много лицъ, способныхъ купить дорогое произведеніе, имѣющихъ къ тому всѣ средства; а такихъ лицъ всего болѣе тамъ, гдѣ обширно производство, ибо несомнѣнно, что всякая вещь, назначенная для продажи, есть въ то же самое время источникъ новой купли: сапожникъ продаетъ сапоги для того, чтобъ купить кожу, инструментъ, хлѣбъ, говядину, чай и т. д. Но, гдѣ обширно потребленіе, тамъ степень образованности, цивилизаціи, уже значительно высока: дикарь ограничивается только потребностями своего животнаго организма, тогда-какъ для человѣка образованнаго онѣ составляютъ нѣчто слишкомъ обыкновенное, непреходимое и необходимое, у него есть тысячи другихъ, болѣе живыхъ и высокихъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ онъ не жалѣетъ ни трудовъ, ни издержекъ, поколику онѣ

составляютъ высшій интересъ его внутренней, моральной жизни. Съ другой стороны—обширное потребленіе, какъ и обширное производство (ибо одно безъ другаго не мыслимо), необходимо предполагаютъ значительную плотность, густоту, обширность населенія страны; а степень населенія условливается въ свою очередь степенью богатства, благосостоянія: страны малолюдныя преимущественно бѣдны, хотя очень-нерѣдко онѣ обладаютъ многими элементами богатства. Наконецъ плотность населенія во столько же предполагаетъ успѣхи цивилизаціи, во сколько обусловливается всеобщимъ благоденствіемъ: «Сблизьте людей, говоритъ Филанджіери, и вы сдѣлаете ихъ промы-«шлеными и дѣятельными. Раздѣлите ихъ, и вы изъ нихъ сдѣлаете «дикарей, неспособныхъ даже возвыситься до понятія о своей способ-«ности къ усовершенію». Еще нагляднѣе выразилъ эту мысль знаменитый поборникъ физіократовъ графъ ди-Верри: «Одинъ или немного виноградныхъ гроздій (говоритъ онъ) обыкновенно расплываются въ видѣ грязной матеріи; но когда они въ большихъ количествахъ сжаты въ сосудѣ, то взаимное столкновеніе ихъ дѣйствуетъ на всю массу, броженіе распространяется всюду и вытекаетъ напитокъ, который проникаетъ воздухъ благовонными испареніями, придаетъ жизнь и юность вкушающимъ его. Такова картина и человѣческаго рода: отдѣльный человѣкъ боязливъ, дикъ и негоденъ; одинъ или въ соединеніи съ немногими онъ можетъ сдѣлать очень-мало; но соединеніе многихъ людей, собранныхъ и стѣсненныхъ на небольшомъ пространствѣ, воодушевляется, развивается, усовершается и распространяетъ повсюду дѣятельность, производство и жизнь» (*).

Послѣ всего этого не можетъ ни подлежать сомнѣнію, ни показаться удивительнымъ, что наиболѣе тщательное удобреніе земли возможно только въ странахъ наиболѣе многолюдныхъ, богатыхъ, значительно-развитыхъ, что поэтому самому удобреніе способно быть лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мѣриломъ всѣхъ этихъ качествъ, что и требовалось доказать.

Въ настоящей статьѣ мы не разъ встрѣтимъ блистательныя подтвержденія этой истинѣ; теперь же, съ полнымъ почтеніемъ къ важности предлежащаго вопроса, позволимъ себѣ возможно-подробнѣе разсмотрѣть составъ, вліяніе, способы сохраненія и употребленія разныхъ удобрительныхъ веществъ, начиная съ наиболѣе распространенныхъ и до тѣхъ, которые хотя и не встрѣчаются въ нашей практикѣ, тѣмъ не менѣе, однакожь, могутъ оказать ей значительную услугу, какъ по ихъ доступности, такъ еще болѣе по степени вліянія на почву и ея производительную дѣятельность.

Наиболѣе употребительный у насъ, какъ и вездѣ почти, матеріялъ для удобренія почвы составляютъ разнаго рода *навозы*, т.-е. смѣсь разныхъ животныхъ изверженій съ неменѣе различною подстилкою.

Разсмотримъ сначала свойства этихъ изверженій, затѣмъ разные виды подстилки, и, наконецъ, перейдемъ къ самымъ навозамъ.

Пометы животныхъ (изверженія, поземы) суть не иное что, какъ остатки пищи и питья, химически смѣшанные съ животными соками. Поэтому уже не трудно понять, что ихъ свойства бываютъ столько же различны, сколько неодинаковы породы скота, возрастъ живот-

---

(*) «Критико-Историческое Изслѣдованіе объ Итальянской Политико-Экономической Литературѣ» Вернадскаго. Москва. 1849 г., стр. 67 и 86.

ныхъ, образъ ихъ жизни, и, наконецъ, главное—пища, какъ первоначальный элементъ всякаго помета. «Однѣ животныя (говоритъ г. Липовскій) принимаютъ болѣе жидкую, другія болѣе твердую пищу; однѣ «потѣютъ болѣе, другія менѣе; однѣ имѣютъ пищеварительные органы сильнѣе, другія слабѣе, а въ-слѣдствіе того изверженія бываютъ «у однѣхъ животныхъ въ жидкомъ видѣ, тогда-какъ у другихъ онѣ «болѣе или менѣе плотны. У молодаго скота онѣ почти всегда ниже «достоинствомъ, чѣмъ у взрослаго, ибо молодое животное должно на «счетъ принимаемой имъ пищи развиваться, расти, образовать въ себѣ мясо, жиръ, кости и другія матеріи... Всѣ тѣ животныя, которыя превращаютъ употребляемую ими пищу въ молоко или въ кормъ «для приплода, отдѣляютъ отъ себя изверженія, въ которыхъ содержится пропорціонально меньше удобрительныхъ началъ. Но самое «бо́льшее вліяніе на измѣненіе достоинства пометовъ оказываетъ родъ «пищи: чѣмъ изобильнѣе кормъ животнаго, тѣмъ больше получается «навоза; чѣмъ питательнѣе и суше этотъ кормъ, тѣмъ болѣе въ навозѣ азотныхъ матерій, тѣмъ, слѣдовательно, выше его достоинство» (стр. 190). Вотъ почему скотъ, который кормятъ одной соломой, даетъ самые скудные пометы; вотъ почему, съ другой стороны, въ подобномъ хозяйствѣ необходимо бываетъ держать болѣе скота для полученія бо́льшаго количества навоза, и сѣять болѣе хлѣба, чтобъ имѣть болѣе соломы, которая сверхъ-того потребляется еще въ качествѣ подстилки. Очевидно, наука не можетъ одобрить столь ирраціональнаго хозяйства: его основаніе коренится единственно въ утвердившемся обычаѣ.

Наиболѣе популярности въ сферѣ сельскаго хозяйства имѣютъ *пометы рогата́го скота.* Трудно сказать—на чемъ основана эта популярность; несомнѣнно только, что не на внутреннемъ ихъ достоинствѣ, которое, какъ и все въ мірѣ, слишкомъ-относительно. Достаточно вспомнить, что пометы эти во стѣ частяхъ содержатъ семдесятъ-пять процентовъ воды и только одинъ или два процента азота (*), чтобъ убѣдиться въ слабости этихъ пометовъ. Но, съ другой стороны, эти самыя свойства служатъ причиной, почему навозъ рогатаго скота такъ медленно разлагается, приходитъ въ броженіе, гніетъ, такъ не быстро дѣйствуетъ на растительность и поэтому такъ долго сохраняетъ свое дѣйствіе и вліяніе на почву. Если мы вспомнимъ при этомъ, что́ было нами сказано уже о почвахъ песчаныхъ и глинистыхъ, то легко можно будетъ понять, почему навозы эти съ бо́льшею по́льзою могутъ быть употребляемы на песчаныхъ, нежели на глинистыхъ почвахъ: первыя скорѣе могутъ превратить его въ пищу растеніямъ, нежели послѣднія, которыя и безъ того съ трудомъ поддаются вліянію атмосфернаго воздуха; а этимъ-то вліяніемъ и обусловливится болѣе быстрое разрушеніе навозовъ и, слѣдовательно, болѣе благопріятное ихъ дѣйствіе. Совершенно не таковы свойства *лошадиныхъ пометовъ*, по преимуществу сухихъ и плотныхъ. Содержа въ себѣ вдвое болѣе азота, лошадиный навозъ гораздо-скорѣе разлагается, отдѣляетъ отъ себя много аммоніака и быстро превращается въ рыхлую, истлѣвшую массу, которая, какъ нарочно, создана именно для удобренія глинистыхъ, тяжелыхъ почвъ.

(*) Азотъ — новѣйшая наука признаётъ главнѣйшимъ питательнымъ началомъ, и, слѣдовательно, мѣриломъ достоинства и силы навозовъ.

Овечій пометъ, будучи еще суше и богаче азотомъ, оказываетъ сильнѣйшее дѣйствіе на почву и отличается въ-особенности тѣмъ, что разрушается весьма-медленно и тихо, не горитъ, подобно конскому навозу, и не горитъ именно потому, что не имѣетъ въ себѣ столько влаги, сколько конскій навозъ. Вотъ почему многіе опытные хозяева справедливо замѣчаютъ, что пять частей овечьяго навоза могутъ замѣнить шесть лошадинаго и десять коровьяго: первые два дѣйствуютъ сильнѣе, но медленнѣе, тогда-какъ послѣдній слабѣе, но гораздо-долѣе, продолжительнѣе.

Что касается до *свинаго помета*, то онъ столько же водянистъ, сколько коровій; но еще беднѣе азотомъ, еще медленнѣе разлагается, еще слабѣе дѣйствуетъ на почву. Впрочемъ, замѣтить должно, что только въ исключительныхъ и потому весьма-рѣдкихъ случаяхъ навозъ этотъ употребляется для удобренія почвы въ чистомъ видѣ: бо́льшею частію онъ смѣшивается съ другими, болѣе горячими и сильными, какъ потому, что самъ онъ слабъ, такъ еще болѣе потому, что въ обыкновенныхъ хозяйствахъ его не бываетъ столько, сколько, на-примѣръ, овечьяго, лошадинаго, коровьяго, ибо бо́льшею частію свиноводство составляетъ у насъ весьма-незначительную и необширную отрасль хозяйственной дѣятельности.

Всѣ эти пометы, если они до употребленія сохраняются безъ всякой примѣси, въ чистомъ видѣ, обыкновенно скоро подвергаются броженію—питательныя ихъ начала улетучиваются, они теряютъ значительную часть своихъ достоинствъ и, наконецъ, пропадаютъ прежде, нежели успѣютъ принести хозяйству какую-либо пользу. Чтобъ замедлить ихъ броженіе, продлить ихъ дѣйствіе на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени и, такимъ-образомъ, воспользоваться ихъ питательными частями тогда именно, когда это нужно—во всѣхъ хозяйствахъ, къ животнымъ изверженіямъ примѣшиваютъ обыкновенно трудно разлагающіяся вещества, которыя притомъ обладаютъ болѣе или менѣе способностью всасывать и сохранять въ себѣ питательныя начала пометовъ. Эти-то вещества и называются въ общежитіи *подстилкою*. Бо́льшею частію, и особенно у насъ, роль подстилки разъигрываетъ солома, но затѣмъ весьма-нерѣдко употребляются еще разнаго рода мхи, камышъ, тростникъ, стружки, опилки, торфъ, илъ, опавшіе листья, дернъ илистой, или песчаной почвы и разные другіе, болѣе сподручные и дешевые матеріалы. Ни одинъ изъ нихъ, однакожь, не можетъ выдержать сравненія съ соломою, какъ потому, что вслѣдствіе ея продолговатости и внутренней пустоты, она удобнѣе напитывается мочею, долѣе сохраняетъ ее въ себѣ, легче перемѣшивается съ пометомъ и уравниваетъ его гніеніе; такъ, съ другой стороны, потому, что солома, содержа во ста частяхъ отъ двухъ до шести процентовъ азота и сверхъ-того еще разныя питательныя растворимыя соли, сама-по-себѣ должна считаться однимъ изъ лучшихъ матеріаловъ для удобренія. Вотъ почему опытные хозяева, непосредственно вслѣдъ за уборкой хлѣба, запахиваютъ поля, чтобъ заставить перегнить оставшіеся корешки соломы и тѣмъ самымъ дать землѣ хоть нѣкоторую пищу, хоть какой-нибудь запасъ для новой производительности. Это тѣмъ болѣе раціонально, что лучшаго и выгоднѣйшаго назначенія этимъ корешкамъ дать рѣшительно невозможно: очень-часто, на-примѣръ, у насъ оставляютъ сжатое поле для пастбища. Повидимому, обычай этотъ довольно-выгоденъ, ибо дѣйствительно пріобрѣтается

нѣсколько десятинъ новой толоки. Но, съ другой стороны, если сообразимъ, что верхушки соломы, какъ это теперь окончательно доказано Пейёномъ, гораздо питательнѣе, нежели старыя, отвердѣвшія ея части, которыя, слѣдовательно, не представляютъ ничего особенно-лакомаго для скота; что сѣнные покосы оканчиваются у насъ обыкновенно ранѣе уборки хлѣба и что несравненно полезнѣе назначать эти именно луга для временнаго, осенняго пастбища, нежели прельщаться мнимой выгодой соломенныхъ корешковъ; если при этомъ обратимъ вниманіе на то, что всякая лишняя распашка есть въ то же время удобреніе земли и всякій лишній мѣсяцъ, въ-теченіе котораго скотъ пробудетъ на скошенныхъ лугахъ, значительно возвышаетъ ихъ плодородіе и гарантируетъ ихъ будущую производительность; если, наконецъ, вспомнимъ, что сжатое поле, для чего бы оно ни предназначалось, въ свое время и безъ того будетъ удобрено готовымъ уже навозомъ, то по истинѣ выгоды названнаго нами обычая становятся слишкомъ-сомнительными и въ послѣднемъ результатѣ превращаются скорѣе въ чистѣйшія потери: изверженія скота пропадаютъ здѣсь почти даромъ, тогда-какъ распредѣленныя на лугахъ, онѣ возвысили бы ихъ производительность; самая почва не обработывается такъ тщательно, какъ было бы должно, ибо съ открытіемъ весны является безчисленное множество разныхъ другихъ работъ, взаимно другъ другу мѣшающихъ. Напротивъ, осенняя распашка, непосредственно слѣдующая за уборкой хлѣба и сократила бы трудъ и безъ всякаго навоза значительно удобрила бы самую почву единственно тѣмъ, что земля была бы лишній разъ взметана, тщательнѣе разрыхлена и получила бы лишнюю долю питательныхъ частицъ отъ той соломы и сорной травы, которыя, не представляя обильнаго корма скоту, пропадаютъ почти безъ всякой пользы, потому-что подверженные вліянію осенней, влажной атмосферы, скорѣе согниваютъ и легче улетучиваются. До какой степени справедливо все это, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Ломиковскаго: «Нѣ«которые изъ помѣщиковъ жалуются, что у нихъ озимая пшеница ча«сто выводится; у меня же оная пшеница въ худые годы родится до«статочно, а въ добрые съ большимъ избыткомъ; причина сему та, «что я подъ посѣвъ пшеницы сей *орю двукратно:* однажды въ началѣ «іюля и въ другой разъ въ исходѣ августа мѣсяца. *Двукратное же паханіе замѣняетъ отчасти унаваживаніе*, потому-что въ такомъ случаѣ *всѣ сорныя травы и коренья истлѣваютъ* (*).

Но возвратимся къ подстилкамъ.

Изъ указанныхъ нами видовъ подстилки, наиболѣе употребительна во всѣхъ почти хозяйствахъ ржаная солома, не потому, впрочемъ, чтобы она была лучше всякой другой — въ послѣднее время доказано напротивъ, что солома сурѣпицы, гречи и особенно стручковыхъ растеній, гораздо-богаче удобрительной силой, нежели солома колосовыхъ —а единственно потому, что въ большей части случаевъ обстоятельства или не позволяютъ дѣлать выбора между многими видами подстилки, или, если и позволяютъ, то съ очевиднымъ перевѣсомъ на сторону ржаной соломы: такимъ-образомъ очень-часто случается, что овсяной соломы въ хозяйствѣ, если не болѣе, то и не менѣе ржаной; но при этомъ оказывается недочетъ въ сѣнѣ, и овсяная солома, вмѣсто-того

(*) «Земледѣльческій Журналъ», издаваемый Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, № VI, 1822 г., стр. 446.

чтобъ служить подстилкой скоту, идетъ ему въ пищу. У насъ подобные случаи тѣмъ обыкновеннѣе, что мы еще не кормимъ своего скота рѣпой, морковью, картофелемъ, свеклой и другими корнеплодными, какъ это дѣлается за границей, что поэтому единственной пищей ему остается сѣно. При общемъ недостаткѣ луговъ и продолжительной зимѣ весьма-нерѣдко оказывается недостатокъ въ самомъ сѣнѣ и тогда весь скотъ обрекается на строгую діэту, при которой роль бульйона разъигрываетъ солома пшеничная, овсяная, ячменная, а иногда и ржаная, наименѣе питательная. Само-собой разумѣется, что въ этихъ нерѣдкихъ случаяхъ хозяева вынуждены бываютъ употреблять въ качествѣ подстилки другія сподручныя вещества и всего чаще прибѣгаютъ къ листьямъ деревъ, особенно хвойныхъ, которые своимъ устройствомъ нѣсколько напоминаютъ солому—такъ же пусты внутри, такъ же волокнисты. Г. Липовскій справедливо замѣчаетъ при этомъ, что «опавшіе листья должно собирать не въ тѣхъ участкахъ, гдѣ лѣсъ «еще молодой, или низкоствольный, но преимущественно тамъ, гдѣ ра«стутъ высокія деревья, для которыхъ уборка листьевъ не оказывает«ся вредною; надобно тоже выбирать листья, ибо нѣкоторые изъ нихъ, «содержа въ себѣ много дубильнаго начала, не только не ускоряютъ, «но, напротивъ, замедляютъ гніеніе или разложеніе навоза.» (Стр. 206.) У насъ на сѣверѣ употребляютъ нерѣдко въ качествѣ подстилки мохъ и торфъ. Вотъ что писалъ объ этомъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, г. Александръ Ѳоминъ: «Хлѣбопашескія изобрѣтенія, склоняющія«ся къ выгодамъ земледѣлія, представляютъ многія удивительныя дѣй«ствія природнаго земледѣльцевъ разума; но онѣ усовершались тече«ніемъ множества вѣковъ и различными лицами, въ разныхъ стра«нахъ и климатахъ поселившимися... Изъ таковыхъ полезныхъ кре«стьянскихъ изобрѣтеній мнѣ извѣстно слѣдующее, въ странахъ Ар«хангельской-Губерніи недавно открывшееся. Но какъ оное, содержась «въ тѣсномъ углу селеній и въ темнотѣ нѣмаго невѣжества, лишено «пособія со стороны просвѣщенныхъ разумовъ... то я принялъ намѣ«реніе описать оное»... Скудость луговъ и сѣнокосовъ, препятствующая развитію скотоводства, а посредствомъ его и хлѣбопашества, заставили важскихъ (по р. Вагѣ) крестьянъ «предпринимать тягчайшій «трудъ въ расчищеніи новинъ, пріуготовляя оныя къ пашнѣ, по вы«рубкѣ лѣса, иногда выжженіемъ (что на туземномъ языкѣ извѣстно «подъ названіемъ *(прятанія новины)*, а иногда перегноеніемъ онаго. «Первый образъ приготовленія новинъ, выжегомъ, требуетъ большаго «труда, но скоро оную работу оканчиваетъ, и потому употребленіе «его обыкновеннѣе: а второй способъ, хотя меньшею работою совер«шается, однако ожиданіе его преспѣянія долговременно и потому онъ «мало употребителенъ... На сихъ новинахъ вырастающая рожь бываетъ и крупна и урожайна; прибытокъ ея умножается отъ самъ-двадцати«пяти до сорока... Но какъ таковое изобрѣтеніе новиннаго хлѣбопа«шества сопряжено, по причинѣ отдаленностей отъ селеній и тяжкой «работы, со многими неудобностями, терпѣливость трудолюбія преодо«лѣвающими, и труды сіи за однократное награжденіе пропадаютъ, по«тому-что пашня сія въ другой разъ уже никакого посѣва не заслужи«ваетъ (*), то усиливающійся къ облегченію сего разумъ изобрѣлъ въ

(*) Чтобъ предупредить и, до нѣкоторой степени. вознаградить эти потери, въ Вологодской-Губерніи сѣютъ обыкновенно вмѣстѣ съ рожью кормовыя

«недавнихъ лѣтахъ обильный пріискъ самороднаго навоза... Изобрѣ-«теніе сіе надлежитъ приписать пяндскимъ (по р. Пяндѣ) крестьянамъ, «а состоитъ оно въ *землѣ торфяной*». Очень-вѣроятно, что сначала черный цвѣтъ этой земли возбудилъ въ крестьянахъ мысль объ удобрительныхъ ея свойствахъ; но вскорѣ они нашли, что гораздо-выгоднѣе подвергнуть ее предварительно разложенію и потомъ уже употреблять какъ матеріялъ для удобренія. Наконецъ опыты пошли еще далѣе: нарѣзанные пласты торфа свозили въ скирды, давали имъ перегнивать два и три года, затѣмъ складывали на скотные дворы въ качествѣ подстилки и вывозили на поле не прежде, какъ когда они напитывались мочею и перемѣшивались съ пометомъ. Но и здѣсь, какъ во всемъ, излишество оказало болѣе вреда, чѣмъ пользы: крестьяне «при-«мѣтили, что поля, унавоженныя бывшимъ въ скотскомъ дворѣ тор-«фомъ, болѣе подвержены поврежденіямъ раннихъ морозовъ: а не на-«поенныя мочею сію воздушную строгость способнѣе перенесть мо-«гутъ». До какой степени примѣта эта основательна, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, когда будемъ говорить, что моча есть одно изъ самыхъ горячихъ и быстро-дѣйствующихъ удобрительныхъ веществъ; здѣсь замѣтимъ только, что одна крайность, какъ всегда и вездѣ, вызвала другую—и крестьяне перестали вовсе перемѣшивать торфъ съ животными изверженіями, ограничившись имъ только какъ матеріаломъ для удобренія. А что дѣйствительно торфъ въ высокой степени обладаетъ питательными свойствами, и, слѣдовательно, можетъ замѣнять самые лучшіе навозы, видно изъ слѣдующихъ, очень-интересныхъ наблюденій того же г. Ѳомина надъ бывшимъ въ его время близъ Архангельска *Плоскимъ* озеромъ: «Мохъ (говоритъ онъ), простираясь отъ краевъ «озера, застилалъ поверхность воды своими лапочками или вѣтками; «на сіи лапочки наростали другіе, осаждая въ воду первые, и переплетаясь съ ними, дѣлали сѣть, чрезъ немногіе годы могущую держать «на себѣ человѣка и скотину. Подлѣ концовъ сихъ моховыхъ лапо-«чекъ могъ я со служителемъ ходить и бросать въ открытую воду «рыболовную уду, а иногда раздравъ для любопытства подъ собою мо-«ховую сѣтку, тою жь удою доставалъ изъ воды рыбу. Сѣтка моховая «не далѣе позволяла тяжести моей углубляться въ воду, какъ до нож-«ной лодыжки, несмотря на то, что глубина воды тутъ была болѣе саже-«ни. На таковыхъ озерахъ, покрываемыя безпрестанно верхними или «вновь нарастающими, нижнія моховыя отрасли въ водѣ естественно «дрябнутъ и разрушенныя ихъ частицы тонутъ на дно, сгущая оное, «и приближая сію густоту къ поверхности. Наконецъ все озеро симъ «трудомъ естества затягивается и загущается» (*); и въ послѣднемъ результатѣ является торфяная тундра или, другими словами, болѣе или менѣе обширный резервуаръ всякаго рода органическихъ остатковъ отъ времени истлѣвшихъ, превратившихся въ темную, рыхлую почву, которая, очень-естественно, обладаетъ въ высокой степени удобрительными началами.

травы, которыя и собираютъ вслѣдъ за самой жатвой. Травы эти, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, воспроизводятся сами-собою, а наконецъ огнище превращается окончательно въ истощенную, безплодную почву, которая безъ сильнаго удобренія никуда не годится.

(*) Продолженіе Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества, 1790 г., т. X, стр. 123 — 138.

Наконецъ не безъ значительной выгоды, во многихъ губерніяхъ нашихъ, особенно богатыхъ лѣсопильными заводами, могутъ быть употребляемы въ качествѣ подстилокъ разные древесные остатки, каковы: кора, стружки, опилки, даже съ примѣсью щепокъ, какъ это дѣлается давно уже въ Шварцвальдѣ, Эрцгебиргѣ, Швеціи, Норвегіи и другихъ лѣсистыхъ странахъ. У насъ это тѣмъ болѣе выгодно, что всѣ наши лѣса сосредоточились именно на сѣверѣ, гдѣ народонаселеніе относительно болѣе, гдѣ поэтому почва истощеннѣе, урожаи—рѣже и скуднѣе, масса соломы—ничтожнѣе.

Послѣ всего сказаннаго мы могли бы перейдти прямо къ навозамъ, еслибъ не оставалось еще одной, едва-ли не важнѣйшей, составной ихъ части — *мочи,* которая сама-по-себѣ составляетъ самое сильное изъ всѣхъ удобреній, что̀ объясняется съ одной стороны богатствомъ разныхъ солей, съ другой—обиліемъ азота: первыхъ во стѣ частяхъ мочи человѣка всего одинъ процентъ, лошади — пять, рогатаго скота тридцать процентовъ; тогда-какъ азота въ мочи рогатаго скота—три, лошади — двѣнадцать и человѣка отъ семнадцати до двадцати-трехъ процентовъ. Такимъ-образомъ моча рогатаго скота наиболѣе содержитъ въ себѣ соли и наименѣе азота, человѣчья — наиболѣе азота и наименѣе соли, лошадиная занимаетъ средину.

Какъ и всякое сильно-удобряющее средство, моча очень-скоро разлагается, быстро и сильно удобряетъ землю, но за-то дѣйствуетъ очень не долго. Вотъ почему съ одной стороны она должна быть употребляема съ большою осторожностью, дабы вмѣсто пользы не принесла вреда, не выжгла бы растеній; и вотъ почему съ другой стороны дѣйствіемъ ея пользуются и дорожатъ именно тѣ страны, въ которыхъ земля должна производить постоянно, безъ отдыха, въ которыхъ жатвы должны слѣдовать непосредственно однѣ за другими. Отсюда понятнымъ становится неподлежащій сомнѣнію фактъ, что степень собиранія и употребленія мочи тѣмъ выше, чѣмъ значительнѣе степень населенія, чѣмъ менѣе земля можетъ отдыхать, не принося никому прямой, очевидной пользы. Такимъ-образомъ въ Сѣверной-Германіи, многіе хозяева начинаютъ уже собирать мочу въ особенные резервуары и поливаютъ ею навозныя кучи; въ южной, гдѣ населеніе гораздо-болѣе, моча употребляется не только для поливки навозовъ, но и для непосредственнаго удобренія озимыхъ и яровыхъ полей. Въ Англіи и нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи не только даютъ мочѣ то же назначеніе, но перемѣшиваютъ ее съ разными помоями, ежедневно моютъ конюшни и скотные дворы, обмываютъ водою самый навозъ и заставляютъ эту воду стекать въ мочевые резервуары, а наконецъ всю эту жижу подвергаютъ особенному броженію, вслѣдствіе котораго аммоніакъ не только не улетучивается, а напротивъ сохраняется, какъ драгоцѣннѣйшій даръ неба, какъ хлѣбъ. Эту-то жижу и разливаютъ по посѣвамъ кормовыхъ и колосовыхъ растеній, разводя предварительно каждое ведро ея двумя ведрами воды, или, во избѣжаніе лишнихъ трудовъ, избирая для этой операціи пасмурное, дождливое время. Въ Бельгіи, особенно во Фландріи, моча сохраняется еще лучше, тщательнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ: «Зайдите изъ любопытства въ любой тамошній домъ и спросите у «дворника, гдѣ находится резервуаръ съ изверженіями — онъ тотчасъ «подыметъ вамъ каменную плиту и покажетъ выложенную кирпичомъ «или камнями яму, наполненную мочею. Онъ долго будетъ разсказы-

«вать вамъ, какимъ-образомъ приготовляетъ и сохраняетъ онъ эту «жижу, что подбавляетъ къ ней, какъ уравниваетъ гніеніе всей мас- «сы... ибо часто все его жалованье состоитъ въ правѣ продавать эту «мочу земледѣльцамъ, которые платятъ за каждую бочку около рубля «серебромъ.» (Стр. 200.) На всякой фермѣ тамъ, близь самыхъ полей, вы увидите бугорки, возвышающіеся наподобіе нашихъ кургановъ. Подъ ними-то и скрываются тѣ подвалы, или лучше тѣ уры, изъ коихъ каждая стоитъ двѣсти, триста и болѣе рублей, и въ которыя зимою сливаютъ отъ трехъ до пяти-сотъ бочекъ мочи, перемѣшанной съ масляными выжимками, иногда съ водой и всегда на-глухо запираемой, тщательно сохраняемой отъ разрушительнаго вліянія атмосферы. Весной, посредствомъ насосовъ, вся эта жижа выкачивается въ бочки, длинными рядами коихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ обставлены бываютъ цѣлыя сотни и тысячи десятинъ: «поселяне съ цѣлымъ своимъ «семействомъ, съ женами, дѣтьми, всѣ кругомъ суетятся около этихъ «бочекъ, кто съ ушатомъ, кто съ ведромъ, кто съ лейкою въ рукахъ, «а ребятишки съ деревянными ложками черпаютъ изъ бочекъ жижу и «обливаютъ ею любимые кусточки пшеницы или картофеля.» (Стр. 201.) Наконецъ въ Китаѣ, гдѣ народонаселеніе еще значительнѣе, моча собирается если не еще съ большимъ стараніемъ, то конечно съ большею церемонностью. Вездѣ тамъ можно встрѣтить болѣе или менѣе обширныя и глубокія ямы съ мочей, къ которой прибавляютъ обыкновенно кровь, падаль, гнилое мясо и всякія гадости. Надъ этой ямой ставится крыша, тщательно охраняющая ее отъ вліянія атмосферы, и ежегодно важнѣйшіе чиновники азіятской небесной имперіи разъѣзжаютъ по провинціямъ, запираютъ эти ямы, прикладываютъ къ замкамъ казенныя печати, которыя снимаются не прежде, какъ по прошествіи шести мѣсяцевъ, и тогда-то готовая жижа продается земледѣльцамъ и хозяевамъ на вѣсъ золота.

Мы говорили до-сихъ-поръ о разныхъ изверженіяхъ домашнихъ животныхъ, ихъ свойствахъ и степени вліянія ихъ на плодородіе земли, показали затѣмъ разные виды подстилокъ. Изъ смѣшенія этихъ-то элементовъ и составляются тѣ плотные, *густые навозы*, которые употреблялись и теперь употребляются по преимуществу во всѣхъ почти хозяйствахъ для удобренія почвы. Естественно, здѣсь рождается вопросъ: какъ производить это смѣшеніе наивыгоднѣйшимъ образомъ, сколько употреблять того и сколько другаго элемента, чтобы извлечь изъ нихъ наиболѣе пользы? Разрѣшить этотъ вопросъ для каждаго отдѣльнаго случая — очевидно, невозможно. Наука можетъ и должна преподать одни общіе выводы, общія правила—а затѣмъ личные интересы являются лучшими руководителями. Такъ и здѣсь: наука можетъ сказать только, что чѣмъ обильнѣе, питательнѣе и суше кормъ животнаго, тѣмъ-менѣе нужно подстилки, ибо тѣмъ гуще его изверженія; напротивъ, чѣмъ сырѣе и водянистѣе этотъ кормъ, тѣмъ жиже пометы, тѣмъ-болѣе требуется подстилки. Далѣе — животныя, которыхъ изверженія отличаются своею плотностью, требуютъ менѣе подстилки, нежели тѣ, которыхъ пометы обильны водою: отсюда скотные дворы и свиные хлѣвы требуютъ болѣе подстилки, нежели конюшни и овчарни. Наконецъ — тамъ, гдѣ моча собирается въ отдѣльные резервуары, гдѣ, поэтому, жилища домашнихъ животныхъ покрыты сѣтью водосточныхъ канавъ и гдѣ притомъ онѣ ежедневно обмываются и содержатся въ образцовой чистотѣ — какъ въ Англіи и Бель-

гіи — тамъ очевидно требуется менѣе подстилки, хотя она и перемѣняется гораздо-чаще. Но затѣмъ значительно измѣняютъ рѣшеніе нашего вопроса свойства самой подстилки — смотря потому, обладаетъ ли она способностью напитываться быстро и сильно, или имѣетъ качества противоположныя: отсюда, на-примѣръ, соломы, при одинаковости всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, надо подстилать болѣе, нежели древесныхъ стружекъ или опилокъ, а этихъ — болѣе, нежели песка, ила и т. д.

Какова бы, впрочемъ, ни была смѣсь подстилки съ животными изверженіями, каковъ бы ни былъ составъ навозовъ—въ каждомъ хозяйствѣ заслуживаетъ гораздо-большаго вниманія вопросъ о ихъ сохраненіи и употребленіи. Вотъ почему мы считаемъ обязанностью разсмотрѣть этотъ вопросъ возможно-подробнѣе и обстоятельнѣе.

Начнемъ съ того, что тщательное сохраненіе навозовъ, согласное съ указаніями науки, а слѣдовательно и опыта, изъ котораго она черпаетъ свои данныя, необходимо предполагаетъ со стороны хозяина нѣкоторое пожертвованіе. Мы нѣсколько разъ имѣли случай высказывать мысль, что у насъ въ настоящее время, при настоящихъ обстоятельствахъ и особенно при страшномъ колебаніи цѣнъ на земледѣльческія произведенія, трудно и едва ли возможно даже ожидать коренныхъ, рѣшительныхъ преобразованій въ системѣ хозяйничества: надо, чтобы хозяева находили въ этомъ большой интересъ, чтобы они собственнымъ сознаніемъ принуждены были издерживать больше на усовершеніе своихъ хозяйствъ, нежели сколько теперь издерживаютъ. Поэтому съ перваго раза можетъ показаться страннымъ — какъ рѣшаемся мы же предлагать мѣры, которыхъ осуществленіе невозможно безъ болѣе или менѣе значительныхъ издержекъ. Но, во-первыхъ, мы не знаемъ пріобрѣтается ли вообще что-нибудь безъ всякихъ пожертвованій; во-вторыхъ, мы не раздѣляемъ мнѣнія, будто у насъ ощутителенъ недостатокъ капиталовъ и, напротивъ, утверждаемъ, вмѣстѣ съ г. Липовскимъ (а его въ этомъ отношеніи нельзя не упрекнуть въ противорѣчіи съ самимъ собою), что если бы предметы роскоши утратили у насъ десятую часть своихъ теперешнихъ потребителей и эта десятая часть обратила бы свои деньги на улучшеніе хозяйства, то безъ-сомнѣнія послѣднее оказало бы успѣхи, какихъ только можно ожидать въ настоящихъ условіяхъ. Конечно, успѣхи эти были бы, въ-третьихъ, только относительно велики—они не измѣнили бы, на-примѣръ, колебанія цѣнъ, не привели бы нашихъ хозяевъ къ необходимости пахать паровой машиной, кормить скотъ супомъ, освѣщать конюшню гасомъ, строить скирды на чугунныхъ пьедесталахъ съ воздушными токами, удобрять землю солью или гуано, какъ это дѣлается въ Англіи; но вѣдь не объ этомъ мы и хлопочемъ, не этого желаемъ, не это предлагаемъ въ своемъ изслѣдованіи. Пусть цѣны остаются тѣ же, пусть ихъ строеніе будетъ столько же неопредѣленно и случайно, важно то, чтобы хозяйничанье не было безсознательно, чтобъ, дѣлая такъ, а не иначе, оно готово было въ каждый моментъ времени, въ каждой отдѣльной операціи, не стать въ тупикъ предъ любопытствомъ пытливаго *почему*... Наконецъ въ-четвертыхъ, и это главнымъ-образомъ, мы не только не требуемъ отъ нашихъ хозяевъ и не предлагаемъ имъ такихъ мѣръ, которые были бы неудобоприложны; но, напротивъ, имѣемъ постоянно въ виду, что у насъ бываютъ годы, когда четверть хлѣба стоитъ 40 коп. и бываютъ другіе,

когда цѣна той же четверти такого же хлѣба выростаетъ до 10 руб. серебромъ, смотря по случаю. Отправляясь именно отъ этой исходной точки, мы постоянно мѣряли и мѣряемъ предлагаемыя средства улучшенія хозяйства, аршиномъ возможности. Такъ, говоря о почвѣ, мы ни разу не позволили себѣ превзойдти эту мѣрку, останавливались всегда только на томъ, что выгодно, сподручно, что не требуетъ значительныхъ пожертвованій.

Здѣсь, въ вопросѣ о сбереженіи навозовъ, мы будемъ еще скупѣе: мы хотимъ, чтобъ ни одна тряпка, ни одна обглоданная кость, ни одна капля помоевъ не пропадали даромъ, безъ всякой пользы хозяину и хозяйству и желаемъ этого тѣмъ-болѣе, что подобная бережливость не требуетъ или ровно, или почти никакихъ издержекъ: и теперь, на-примѣръ, навозъ сбрасывается въ кучу, помои выливаются, соръ выметается куда-нибудь — мы не видимъ причинъ, почему бы не складывать этихъ навозовъ такъ именно, чтобы они сохранили въ себѣ нужныя качества и силы, почему бы помои не выливать туда именно, гдѣ ихъ дѣйствіе обѣщаетъ особенную пользу и т. д. Не въ нашихъ, конечно, силахъ измѣнить тѣ условія, въ-слѣдствіе которыхъ цѣны на хлѣбъ бываютъ большею частію низки; но совершенно отъ насъ зависитъ собрать съ десятины вдвое и втрое болѣе того, что обыкновенно собирается: и въ этомъ никто не разувѣритъ насъ, потому-что мы имѣемъ за себя неоспоримые факты: южно-русскія колоніи умѣли же достигнуть благосостоянія, о которомъ мы, дѣти сѣвера, можемъ только мечтать; молочане Таврической-Губерніи могли же увеличить сборъ сѣна отъ восьмидесяти до двухсотъ и двухсотъ-пятидесяти пудъ съ десятины — нѣтъ и намъ особенныхъ причинъ отговариваться невозможностью. И если подобныя отговорки слышатся болѣе или менѣе часто, то всегда изъ-за мнимой невозможности проглядываютъ нехотѣніе, привычка, рутина, и другія качества.

Подъ вліяніемъ этихъ-то началъ мы и приступимъ къ мѣрамъ *сохраненія навозовъ*.

«Навозъ, говоритъ нашъ авторъ, сохраняется по одному изъ слѣ-«дующихъ трехъ способовъ: 1) на дворахъ, по названію нашихъ хозяевъ *наваркахъ*, или 2) въ нарочно для сего устроенныхъ *хлѣвахъ* либо *стойлахъ*, или, наконецъ, 3) въ особенныхъ мѣстахъ, называе-«мыхъ *гноищами*» (стр. 209). Существованіе послѣднихъ у насъ подлежитъ впрочемъ сильному сомнѣнію, по-крайней-мѣрѣ въ нашихъ глазахъ; но за-то, съ другой стороны, ихъ мѣсто занимаетъ наиболѣе употребляемый нашими хозяевами способъ—простое, безъискусственное сваливаніе навоза, особенно конскаго, въ огромную кучу. Г. Липовскій не говоритъ ничего объ этомъ способѣ на томъ основаніи, что посредствомъ его не сберегается, а истребляется навозъ. Мы сдѣлаемъ нѣсколько иначе, на томъ же самомъ основаніи мы именно позволимъ себѣ нѣсколько распространиться, потому-что справедливое въ глазахъ автора, не есть еще справедливое и въ глазахъ рутины: послѣдняя простодушно убѣждена, что и этимъ способомъ она именно сохраняетъ навозъ, надо, слѣдовательно, разубѣдить ее, а для этого надобно доказать противное—надобно допустить нѣкоторую подробность. Разсмотримъ по порядку каждый изъ этихъ способовъ сбереженія навоза.

Сохраненіе навоза *на варкахъ* всего болѣе распространено въ Россіи. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что держать скотъ въ огорожен-

ныхъ со всѣхъ сторонъ мѣстахъ, которыя имѣютъ по краямъ, вдоль боковыхъ стѣнъ, навѣсы, но которыхъ средина совершенно-открыта. Дворикъ этотъ застилается соломою и служитъ мѣстопребываніемъ скота въ-теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ—съ Покрова и до Егорьева-дня. Само-собою разумѣется, что подобное содержаніе скота, при нашемъ материковомъ, азіятскомъ климатѣ, значительно замедляетъ успѣхи скотоводства и каждогодно истребляетъ множество скота; но, съ другой стороны, эти дворы, во сколько они суть средства для сохраненія навозовъ, далеко не такъ дурны, какъ думаютъ многіе. Единственное ихъ неудобство, имѣющее впрочемъ важное значеніе только у насъ, состоитъ въ томъ, что варки требуютъ обыкновенно много соломы для подстилки, потому-что иначе животныя изверженія, оставаясь постоянно подъ вліяніемъ солнца и дождей, быстро разлагаются, ихъ сила улетучивается, пропадаетъ даромъ. Можно бы желать еще, чтобы варки эти, подобно англійскимъ, вымащивались, если не кирпичомъ, то хоть глиной, и чтобъ въ ихъ центрѣ былъ закрытый резервуаръ для сохраненія мочи, которая теперь, свободно стекая во всѣ стороны, производитъ лишь грязь и зловоніе; но которая, будучи собираема, могла бы оказать значительную услугу какъ самимъ навозамъ, такъ въ-особенности лугамъ и сѣнокосамъ. Тѣмъ позволительнѣе желать этого, что въ рѣдкомъ имѣніи у насъ нѣтъ кирпичныхъ заводовъ и, конечно, нѣтъ ни одного, въ которомъ не было бы глины: всѣ издержки, слѣдовательно, въ томъ, чтобъ выкопать яму, обложить ее кирпичомъ, тщательнѣе закрыть и затѣмъ обливать, по временамъ, накопившейся мочою навозъ, или, примѣшавъ двойную пропорцію воды, разлить ее весною по лугамъ. Наконецъ, чтобъ предохранить хоть сколько-нибудь навозъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, полезно направлять варки или на сѣверъ, если и безъ того ихъ положеніе не слишкомъ сѣверно, или, въ противномъ случаѣ, на югъ; причемъ совершенно необходимо раскладывать подстилку ровнѣе и акуратнѣе, нежели какъ обыкновенно ее разбрасываютъ. При соблюденіи всѣхъ этихъ условій, цѣль варковъ, какъ блюстителей и хранителей навоза, достигается и дешево и сердито, слѣдовательно, вполнѣ; но затѣмъ источникъ всякихъ навозовъ, бѣдный скотъ, испытывая въ нихъ всѣ ужасы суровой зимы и быстрыхъ атмосферныхъ перемѣнъ, очень-часто подвергается у насъ разнымъ болѣзнямъ и смертямъ, отъ чего, разумѣется, скотоводство не можетъ похвалиться быстрыми успѣхами.

Это-то неудобство и было причиной, что многіе изъ нашихъ хозяевъ стали предпочитать варкамъ второй способъ сохраненія навозовъ—въ *закрытыхъ хлѣвахъ*, которые устраиваются какъ для крупнаго рогатаго скота, такъ равно и для овецъ. Что для сохраненія овечьихъ пометовъ закрытыя овчарни оказываютъ наиболѣе пользы—это совершенно понятно: во-первыхъ, пометы эти, по своей плотности, не легко соединяются съ подстилкой, во-вторыхъ, смѣшеніе ихъ можетъ произойдти не иначе, какъ посредствомъ продолжительнаго утаптыванія пометовъ ногами самихъ животныхъ; а, наконецъ, въ-третьихъ—самое количество подстилки здѣсь уменьшается, потому-что навозъ не подверженъ вліянію атмосферы, разложеніе его не можетъ совершиться быстро, покрывать его толстыми слоями соломы — нѣтъ никакой надобности. Не говоримъ уже о томъ, что и качество шерсти значительно выигрываетъ, какъ-скоро овцы живутъ въ тепломъ мѣстѣ.

Къ-сожалѣнію, нельзя сказать того же о крупномъ рогатомъ скотѣ. Содержаніе его въ хлѣвахъ, разумѣется, лучше нежели на варкахъ, потому уже, что навозъ здѣсь, при постоянно-одинаковой температурѣ, разлагается ровнѣе, удобрительныя его части не только не улетучиваются легко, но, напротивъ, образуютъ теплый слой воздуха, отъ котораго тепло и самому скоту, что составляетъ уже не маловажное усовершеніе въ странахъ холодныхъ. Но за-то, съ другой стороны, эти самыя испаренія развиваютъ разныя другія болѣзни, какъ внутреннія—особенно воспаленія, такъ и внѣшнія—разнаго рода опухоли, весьма нерѣдко смертельныя. До нѣкоторой степени испаренія эти могли бы быть задержаны относительно большимъ количествомъ подстилки; но въ ней и безъ того мы чаще имѣемъ недостатокъ, нежели можемъ похвалиться ея избыткомъ. Искусственный токъ воздуха, если онъ напускается сверху, посредствомъ узкихъ продолговатыхъ оконъ, можетъ, въ свою очередь пособить горю; но при этомъ необходимо избѣгать сквозныхъ вѣтровъ, столько же гибельныхъ для скота, сколько неблагопріятныхъ для самыхъ навозовъ, которые отъ этого быстрѣе и неравномѣрнѣе разлагаются, легче улетучиваются. Всего лучше устроивать и окна и двери только съ одной стороны; или и съ обоихъ, но такъ, чтобъ противъ каждаго окна была глухая стѣна и чтобъ окна открывались попеременно то съ одной, то съ другой стороны: въ одинъ день съ восточной, въ другой съ западной и т. д. Впрочемъ оба эти средства, облегчая бѣду, нисколько не устраняютъ ея: скотъ продолжаетъ стоять на болѣе или менѣе сыромъ полу, продолжаетъ дышать болѣе или менѣе нечистымъ воздухомъ. Единственное средство устранить окончательно и то и другое—состоитъ въ томъ, чтобъ ежедневно выбрасывать навозъ; а для этого по обѣ стороны скотныхъ дворовъ, посреди продольныхъ стѣнъ (на-примѣръ восточной и западной), устраиваются рвы, обложенные кирпичемъ, либо глиною и крытые невысокимъ навѣсомъ, куда ежедневно и сметаютъ навозъ. Рвы эти не должны быть слишкомъ глубоки—не болѣе аршина, иначе трудно будетъ вывозить навозъ на поля; но ширина ихъ можетъ быть произвольна и зависитъ единственно отъ количества скота. Этимъ однако жь раціональное устройство скотнаго двора не можетъ ограничиться: необходимо еще сберечь самую мочу; а для-того съ остальныхъ двухъ сторонъ двора (сѣверной и южной) роются, по усмотрѣнію, болѣе или менѣе глубокія ямы, которыя точно также обкладываются кирпичомъ и наглухо закрываются; къ нимъ съ наружной стороны придѣлываются насосы, изъ которыхъ одинъ обращается къ одному навозному рву, другой къ другому; а изъ внутри хлѣва проводятся по самой его срединѣ канавки, съ помощію которыхъ вся моча изъ-подъ скота стекаетъ съ одной половины хлѣва въ одну, а съ другой—въ другую яму. При этомъ само-собой разумѣется, что собственно стойла устраиваются нѣсколько выше, съ замѣтнымъ скатомъ къ срединѣ, чрезъ которую и проведена сточная канавка въ мочевыя ямы; канавки эти покрываются сверху какъ для-того чтобъ онѣ не засаривались, такъ и для удобнѣйшаго прохода скоту. Наконецъ ямы эти при помощи подземныхъ трубъ соединены съ навозными рвами, откуда и стекаетъ въ нихъ вся лишняя жижа.

Главное и, вмѣстѣ, единственное возраженіе противъ нашего скотнаго двора состоитъ въ томъ, что его устройство требуетъ довольно-значительныхъ издержекъ и относительно большаго числа рукъ. Какъ ни справед-

ливо по-видимому это возраженіе, но оно ничто, въ-сравненіи съ тѣми выгодами, которыя пріобрѣтаетъ и хозяинъ и хозяйство. Во-первыхъ, издержки на устройство такихъ сараевъ весьма-немногимъ превышаютъ тѣ, какія употребляются на постройку обыкновенныхъ скотныхъ дворовъ: если цѣнность послѣднихъ можетъ быть выражена тысячью рублями, то первые обойдутся въ тысячу пятьсотъ рублей, а съ своимъ кирпичомъ—еще менѣе. За-то допущенная однажды, издержка эта дѣлается навсегда, или по-крайней-мѣрѣ весьма надолго: если мы ограничимъ бытье нашего скотнаго двора только десятью годами, то ежегодное содержаніе его будетъ только пятьюдесятью рублями дороже обыкновеннаго; а какъ мы взяли число лѣтъ слишкомъ-незначительное, то очевидно и самая издержка на каждый отдѣльный годъ окажется еще меньшею. Далѣе—если теперь за сотней штукъ рогатаго скота ухаживаетъ пять человѣкъ, то въ нашихъ сараяхъ число послѣднихъ для той же сотни необходимо увеличить до семи, т.-е. двумя рабочими болѣе. Если ихъ наемъ и годовое содержаніе оцѣнить въ сорокъ рублей на брата, то труды обоихъ обойдутся ежегодно въ восемьдесятъ рублей, или въ цѣну одной хорошей, породистой коровы. Затѣмъ ежегодное содержаніе новаго скотнаго двора увеличится, въ-сравненіи съ прежнимъ, на *сто-тридцать рублей серебромъ*. Посмотримъ теперь—стоютъ ли этихъ пожертвованій его выгоды.

Первая и главная выгода состоитъ въ томъ, что скотъ имѣетъ чистое, сухое, теплое жилье, въ которомъ его здоровье и жизнь совершенно обезпечены: если въ прежнихъ сараяхъ умирало ежегодно изо ста пять коровъ, то въ нашихъ, при одинаковости всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, число умершихъ, конечно, не превыситъ трехъ, а слѣдовательно, прибавится ежегодно по двѣ коровы на стадо, что представляетъ, по меньшей мѣрѣ, *сто рублей серебромъ*. Другая, не менѣе важная выгода состоитъ въ томъ, что наши сараи требуютъ по-крайней-мѣрѣ втрое менѣе подстилки: если въ обыкновенныхъ скотныхъ дворахъ ежегодная цѣнность разбрасываемой подстилки представляетъ шестьдесятъ рублей, то для нашего достаточно употребить ее на двадцать рублей, при чемъ *сорокъ рублей* остаются въ карманѣ. Такимъ-образомъ изъ этихъ двухъ источниковъ нетолько покроется новая ежегодная издержка, но получится еще десять рублей чистѣйшей прибыли. А затѣмъ, во сколько оцѣнить выгоды, которыя произойдутъ отъ тщательнаго сбереженія навоза и мочи? Здѣсь, какъ и на *гноищахъ* (*), хозяинъ имѣетъ полнѣйшую возможность управлять гніеніемъ навозовъ такъ, какъ учитъ вѣковая опытность науки и какъ это сообразно собственно-мѣстнымъ обстоятельствамъ его хозяйства: нужно ли ему замедлить броженіе—онъ обливаетъ навозъ водою, примѣшиваетъ къ нему пометъ свиней, торфъ, глину и т. п.; палитъ ли солнце слишкомъ знойно—онъ обращается къ мочѣ, помощью насосовъ выкачиваетъ ее изъ боковыхъ ямъ и поливаетъ навозъ чаще-и-чаще; улетучивается ли много-удобрительныхъ началъ — онъ покрываетъ верхній слой или свѣжимъ навозомъ, соломой, или просто землей, которыя поглотятъ эти начала и превратятъ ихъ въ пищу растеній; наконецъ, нужно ему ускорить броженіе — онъ слегка посыпаетъ навозъ золой,

(*) То-есть, четвероугольныя мѣста, выложенныя кирпичомъ или глиной, устроенныя возлѣ скотныхъ дворовъ и иногда обнесенныя заборомъ не выше полутора аршина, куда и складывается вывозимый изъ сараевъ навозъ.

известью, гипсомъ, обломками штукатурки, мусоромъ и т. п. Однимъ словомъ, этотъ способъ сбереженія навозовъ — самый высшій, самый раціональный. Мы окончательно убѣдимся въ этомъ, если вспомнимъ, что здѣсь всего-легче превратить навозы въ *компосты* или такіе смѣшанные туки, которые представляютъ собою идеалъ удобрительныхъ веществъ, потому именно, что при нихъ есть полнѣйшая возможность хозяину не пренебрегать ни однимъ мѣстнымъ обстоятельствомъ въ ущербъ другому: въ каждомъ хозяйствѣ, какъ бы оно ни было мелко, есть всегда много разнаго хлама, который обыкновенно выбрасывается, какъ вещь ненужная. У насъ, гдѣ прислуга помѣщиковъ бываетъ иногда очень значительна, въ подобномъ хламѣ особенно нѣтъ недостатка; но теперь онъ бо́льшею частію составляетъ украшеніе такъ-называемыхъ черныхъ дворовъ, тогда-какъ въ сущности это превосходнѣйшій матеріалъ для удобренія многихъ десятинъ земли: надобно только умѣть распорядиться имъ какъ слѣдуетъ. Безъ-сомнѣнія, невозможно предвидѣть и высчитать напередъ всѣ случаи, какіе могутъ встрѣтиться въ той или въ другой мѣстности, въ томъ или другомъ хозяйствѣ, невозможно поэтому дать одного общаго правила для составленія компостовъ; но тѣмъ не менѣе можно и должно обнаружить ихъ раціональную, хозяйственную основу. Основа эта состоитъ въ томъ, что собираютъ и хранятъ до времени всякаго рода соръ, обрѣзки, тряпки, опилки, стружки, фабричные остатки, щепки и т. п.; сажу, золу, известь, гипсъ, земляной хрящь, обломки штукатурокъ и пр.; сорныя травы, древесные листья, тростникъ, мохъ, болотную и прудовую тину, гнилое сѣно, или солому, папоротникъ, верескъ, фруктовыя и масляныя выжимки, помои; наконецъ, кости, кровь, илъ, торфъ и т. д., словомъ все, что теперь выбрасываютъ или выливаютъ на черные дворы, что, слѣдовательно, подъ рукой у каждаго почти хозяина. Всѣ эти вещества располагаютъ такъ, что трудно разлагающіяся, каковы: солома, листья хвойныхъ деревьевъ, черноземъ, опилки, стружки и т. п. укладываютъ подлѣ быстро-разлагающихся, каковы, напримѣръ, конскіе и овечьи навозы; кислыя—торфъ, болотная тина и т. п. возлѣ щелочныхъ, каковы: известь, сажа, зола; жидкіе—пометы свиней и рогатаго скота, помои и т. п. возлѣ твердыхъ—каковы: хрящь, илъ, кости, верескъ и т. д. При этомъ слои органическихъ веществъ должен быть вдвое, втрое толще известковаго: на три вершка торфа весьма-достаточно вершокъ и даже менѣе сажи, золы, извести, которыя, въ свою очередь, должны быть покрыты веществами, или трудноразлагающимися, или кислыми, или водянистыми. Если все это вавилонское столпотвореніе производится въ канавахъ нашего скотнаго двора, то глубина ихъ опредѣляетъ вмѣстѣ и высоту компостной массы; если же, напротивъ, смѣсь эта дѣлается на гноищахъ, то вышина компостной кучи не должна превышать двухъ аршинъ; ибо иначе и гніеніе будетъ неравномѣрное и самый свозъ на поля затруднится. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ компостъ покрывается сверху землей и два-три раза въ годъ обливается навозной жижей или мочей изъ ямъ. «Всякій домостроитель, желающій испытать этотъ способъ, сдѣлаетъ «весьма-благоразумно... Онъ можетъ быть увѣренъ, что старанія свои «и иждивенія за-то наградитъ, и что эти собранія (т.-е. разныхъ со-«ровъ, остатковъ и пометовъ), почитающіяся отъ незнающихъ людей «безполезными, весьма-способствуютъ къ великому плодородію пашни, «и такимъ-образомъ должны почтены быть золотыми ямами, кои не-

«сказанно умножаютъ домостроительство и деревенское богатство (*).» Тȧкъ нѣкогда заключилъ г. А. Нартовъ статью свою о шведскомъ способѣ храненія навозовъ — тȧкъ заключаемъ и мы, предлагая свой способъ.

Что касается теперь до простаго, безъискусственнаго сваливанія навозовъ въ кучи, то послѣ всего сказаннаго не трудно подмѣтить всѣ недостатки этого средства. Во-первыхъ, гніеніе здѣсь совершается единственно по законамъ природы и потому чаще въ ущербъ, нежели въ пользу хозяйства: если навозъ слишкомъ плотенъ и горячъ, то онъ разлагается скорѣе, чѣмъ это нужно; если, напротивъ, онъ слишкомъ водянистъ, смѣшанъ съ достаточнымъ количествомъ соломы и поэтому разлагается довольно медленно, то не поспѣваетъ къ тому времени, когда становится нуженъ. Во-вторыхъ, безчисленное множество питательныхъ матерій здѣсь или выгораетъ при знойно-палящемъ солнцѣ, или смывается во время дождливое, снѣжное, или, наконецъ, испаряется, улетучивается въ воздухъ: попробуйте въ лѣтнее или весеннее время встать пораньше утромъ, хоть вмѣстѣ съ восходомъ солнца, и взгляните на вашу навозную кучу—вы увидите сколько паровъ она отдѣляетъ отъ себя; вы отъ души пожалѣете объ этихъ парахъ, если вспомните, что ими можно было бы удобрить не одну десятину полей, собрать не одну четверть лишняго хлѣба, не одинъ пудъ лишней соломы. А убѣдились вы разъ въ несомнѣнности этой истины — и вы будете плакать надъ улетающими парами, ибо подъ ихъ обманчивымъ видомъ улетаютъ собственно тѣ деньги, къ которымъ всѣ мы, по мѣрѣ ихъ недостатка, чувствуемъ болѣе или менѣе глубочайшее почтеніе и совершенную преданность. Въ-третьихъ — чѣмъ выше навозныя кучи, тѣмъ сильнѣе степень давленія, тѣмъ болѣе отдѣляется отъ нихъ жижа, которая, не имѣя для себя опредѣленнаго стока и резервуаровъ, расплывается во всѣ стороны, производитъ грязь и вонь, и, что еще хуже, даетъ бытіе мильйонамъ мошекъ, истребляющимъ часто и сады, и овощи, и даже поля, не говоря о томъ, что самые навозы черезъ это отдѣленіе жижи лишаются лучшихъ, питательнѣйшихъ частицъ своихъ. Все это вмѣстѣ ведетъ очевидно къ огромному результату. Отъ небрежнаго и безпечнаго сохраненія навозовъ, мы получаемъ дурной удобрительный матеріалъ, котораго надо класть на десятину тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ слабѣе и хуже; и эта потеря далеко не тȧкъ ничтожна, чтобъ можно было оставлять ее безъ вниманія: хорошаго навоза довольно три тысячи пудъ на десятину, дурнаго, который сохранялся безъ помощи искусства и безъ участія науки, необходимо вдвое болѣе и все-таки выгоды останутся на сторонѣ перваго — урожаи будутъ обильнѣе, зерна — крупнѣе, полнѣе, увѣсистѣе. Разочтите эти потери и выгоды, переведите ихъ на деньги — и вы окончательно убѣдитесь, что пора, давно пора намъ серьёзнѣе приняться за дѣло хозяйничанья и не жалѣть издержекъ на его улучшеніе.

Переходимъ къ *употребленію навозовъ.*

Наука давно уже перестала сомнѣваться въ необходимости удобрять землю, по мѣрѣ ея истощенія; но въ дѣйствительности и эта, повидимому весьма простая и очевидная, истина встрѣчаетъ часто возраженія, всегда, конечно, наглядныя и потому убѣдительныя только для поверхностнаго, близорукаго взгляда; тѣмъ не менѣе однакожь возра-

(*) Труды Вольнаго Экономическаго Общества. 1766 г., ч. II, стр. 61.

женія сильныя, упорныя, стойкія, возраженія, перешедшія въ плоть и кровь селянина, превратившіяся въ правила жизни. Спросите любаго земледѣльца нашихъ южныхъ, или восточныхъ степныхъ губерній, почему онъ никогда не удобряетъ своей земли — и услышите въ отвѣтъ ходячую пословицу: *жаръ къ жару не должно прибавлять*; а пословицы, вѣдь, живутъ и народы переживаютъ, какъ выразился кто-то, говоря о басняхъ незабвеннаго Крылова. Мало этого. Въ Германіи на-примѣръ, вы часто увидите, какъ за кавалерійскимъ полкомъ слѣдуютъ по пятамъ цѣлые полки стариковъ, старухъ, дѣвочекъ и мальчиковъ съ корзинами въ рукахъ; не только собираютъ они конскій пометъ, но часто ловятъ его на лету, какъ величайшую драгоцѣнность. Но спросите тѣхъ же Германцевъ — почему они не удобряютъ своей земли пудретомъ, или гуано — и получите въ отвѣтъ, что *навозы эти оказываютъ у насъ вредное дѣйствіе*... Французы изобрѣли и изобрѣтаютъ тысячи разныхъ рецептовъ для составленія компостовъ, уратовъ, пудретовъ и т. п., и, однакожъ, до-сихъ поръ многіе изъ нихъ, основываясь на неудачномъ опытѣ Вильморена (въ 1824 году), съ большимъ недовѣріемъ смотрятъ на масляныя выжимки, простодушно думая, что *отъ нихъ растенія выгораютъ*. Наконецъ въ самой Англіи, странѣ высокаго практицизма, въ той странѣ, которая посылаетъ за гуано цѣлыя эскадры кораблей въ Африку и Америку, которая платитъ за пудъ этого навоза—отъ одного до четырехъ рублей серебромъ и щедро разсыпаетъ его по своимъ полямъ, вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ разныхъ другихъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, удобрительныхъ веществъ — въ этой самой Англіи далеко не всѣ еще хозяева рѣшаются собирать мочу, которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Вильсона и др., не только ни въ чемъ не уступаетъ гуано, но даже во многихъ отношеніяхъ превосходитъ его.

Вездѣ, слѣдовательно, даже тамъ, гдѣ нужда устранила всякое сомнѣніе насчетъ необходимости удобрять землю, существуютъ разные предразсудки противъ того или другаго навоза, того или другаго питательнаго вещества; предразсудки, основаніе которыхъ всегда весьма-шатко, но которые тѣмъ не менѣе настойчивы, закоренѣлы. Останавливаясь на одной Россіи, мы видимъ, что цѣлая половина ея не унавоживаетъ своихъ земель. Почему? Во-первыхъ, потому, что до-сихъ-поръ есть у насъ земли еще на столько дѣвственныя и сильныя, что безъ всякаго пособія искусства производятъ даже спаржу — растеніе, которое требуетъ вездѣ наилучше-удобренной и обработанной почвы. Во-вторыхъ, потому, что самое количество земли весьма значительно, что поэтому есть полнѣйшая возможность переходить постоянно отъ одного поля къ другому, оставляя первое подъ перелогомъ, который длится весьма нерѣдко семь, восемь, десять даже лѣтъ. Само-собою разумѣется, что при такомъ продолжительномъ отдыхѣ всякая почва, какъ бы она ни была истощена, легко можетъ воспроизвестись сама-собою; а это-то въ-особенности на-руку безпечнымъ и часто лѣнивымъ жителямъ юга.

Обѣ эти причины, измѣняя конечно, до нѣкоторой степени, значеніе нашего вопроса, нимало однакожь не отрицаютъ необходимости удобренія и напротивъ, еще болѣе доказываютъ эту необходимость: во-первыхъ, истощенную почву потому именно и заставляютъ отдыхать долго, чтобъ тѣмъ самымъ удобрить ее, хотя очень часто и не сознаютъ этого; а во-вторыхъ, самое понятіе удобренія необходимо предполага-

етъ истощеніе: нечего охорашивать то, что само-по-себѣ хорошо, нечего удобрять такую почву, которая и безъ-того слишкомъ-богата и добра — удобреніе существуетъ только для почвъ, болѣе или менѣе обезсиленныхъ, лишенныхъ уже первобытной дѣвственности, не имѣющихъ права притязать на невинность. А какъ число таковыхъ съ успѣхами населенія годъ-отъ-года становится незначительнѣе, то, разумѣется, годъ-отъ-года увеличивается потребность удобренія; причемъ всякое и, тѣмъ болѣе добровольное, безпричинное уклоненіе отъ этой потребности вполнѣ заслуживаетъ упрека со стороны науки. Чтобъ показать до какой степени справедливъ этотъ упрекъ, а съ другой стороны чтобъ удовлетворить той потребности, вслѣдствіе которой всѣ почти хозяева съ недовѣріемъ (не всегда впрочемъ безосновательнымъ) выслушиваютъ уроки теоріи, мы приведемъ опыты самихъ практиковъ и притомъ такихъ губерній, въ которыхъ значительное большинство землевладѣльцевъ и поселянъ имѣетъ обыкновеніе не удобрять своихъ земель. Вотъ что писалъ объ этомъ еще въ 1823 году неизвѣстный намъ казанскій помѣщикъ къ губернскому предводителю дворянства. «Свои поля», говоритъ авторъ, «распредѣленныя по общепринятой трехпольной системѣ, принялъ я за правило подраздѣлять еще на десять равныхъ частей каждое и двѣ изъ нихъ, а именно: одну пароваго поля, а другую ржанаго, приготовляемаго подъ яровой посѣвъ, удобрять ежегодно по слѣдующей системѣ: каждая десятина, состоящая у меня обыкновенно изъ шестидесяти саженъ въ длину и ширину, раздѣляется предварительно, съ помощію сохи, на девять-сотъ квадратовъ, совершенно равныхъ одинъ другому. На эти-то квадраты и вывозится навозъ, котораго, смотря по качеству земли, употребляется отъ четырехъ до девяти-сотъ возовъ на десятину. Женщины тотчасъ же разбиваютъ и разравниваютъ сваленную кучу, наблюдая, чтобъ навозъ отнюдь не выходилъ изъ одного квадрата въ другой, чрезъ что вся десятина удобряется весьма ровно и работа каждаго очевидна. Удобренная такимъ-образомъ десятина *на другой же день* запахивается, дабы поземъ не потерялъ своей силы; а передъ посѣвомъ перепахивается еще въ третій разъ, отъ чего земля становится очень рыхла. «*Болѣе десяти лѣтъ сряду* (заключаетъ неизвѣстный авторъ) я сѣю рожь, такъ-называемую—вазу, полагая на «каждую десятину по восьми пудовъ и имѣю всегда очень хорошій уро«жай хлѣба, такъ-что *въ хорошій годъ я получаю въ сложности самъ«пятьнадцать, а въ средній самъ-десять*» (*), — успѣхъ, которымъ не многіе могутъ похвалиться.

Еще важнѣе и интереснѣе для хозяевъ опыты г. Ломиковскаго, помѣщика Полтавской-Губерніи, Миргородскаго-Уѣзда — того самаго, который справедливо считается плодороднѣйшимъ во всей Малороссіи, *ибо слой чернозёма нашего* (говоритъ самъ авторъ) *толщиною около аршина*. «Тщательныя наблюденія (продолжаетъ онъ) убѣдили меня въ «томъ неоспоримомъ мнѣніи, что унавоживаніе полей очень-необходи«мо даже и у насъ, гдѣ подъ счастливымъ климатомъ, тучныя поля «наши приносятъ обильные плоды при самомъ нерадивомъ и неблаго«временномъ обработываніи оныхъ... въ сосѣдствѣ моемъ есть поле, «которое издавна ежегодно подъ хлѣбомъ и, кто бы подумать могъ,

(*) «Земледѣльческій Журналъ», издаваемый Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, № IX, 1823 г., стр. 390—393.

«что поле сіе такъ заросло спаржею, что съ трудностью орать можно «въ четыре пары валовъ.» Такое неслыханное плодородіе авторъ объясняетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что постоянно на поляхъ истлѣваетъ безчисленное множество сорныхъ травъ (**) и разныхъ насѣкомыхъ; а вовторыхъ, что паровыя поля, находясь подъ толокою съ послѣднихъ чиселъ марта до половины ноября, усѣяны бываютъ стадами, которыя тѣмъ сильнѣе удобряютъ почву, чѣмъ менѣе толоки. Такимъ-образомъ (замѣчаетъ г. Ломиковскій) земля, удобряясь только естественными способами, хотя и не утратила еще всей силы плодородія, но *уже значительно оскудѣваютъ.* «Чтобъ пріостановить это оскудѣніе, опредѣ«лилъ я, для опыта, въ 1814 году, восемь десятинъ такой земли, кото«рая не поступаетъ въ толоку (паръ): землю сію утучнилъ гуменнымъ «и старымъ, уже истлѣвшимъ навозомъ, послѣ чего немедленно посѣ«яны были конопли, а подъ осень того же года рожь, которая въ слѣ«дующемъ 1815 году съ весны сильно пошла въ ростъ и, дабы не вы«легла, то была выпасена овцами (стравлена)—урожай этой ржи былъ «самый удовлетворительный. Въ 1816 году посѣяна была тосканская «пшеница, въ 1817—ячмень, въ 1818—рожь, въ 1819 ячмень, а по «снятіи его—озимая рожь... И нынѣ, въ 1820 году, т.-е., *въ седьмой «годъ послѣ унавоживанія*, снялъ я съ каждой десятины по 26 копенъ «ржи, каждая копна дала по три пуда зерна (или считая, по восьми «пудовъ въ четверти—слишкомъ девять четвертей съ десятины, что и «составитъ урожай въ *самъ-девятъ) въ такой годъ, въ который, по при«чинѣ необыкновеннаго неурожая, многіе не возвратили посѣянныхъ сѣ«менъ, что и у меня отчасти случилось на тѣхъ поляхъ, которыя не бы«ли унавожены».* Другой опытъ состоялъ въ томъ, что, перенеся скотные загоны на новое мѣсто, всю толщу стараго навоза нашъ авторъ разбросалъ тутъ же на пространствѣ пяти десятинъ: «и вотъ» говоритъ онъ, «*четырнадцать лѣтъ сряду сѣю* на гористомъ мѣстѣ семъ «*коноплю* и всякій огородный *овощь*, и изъ года въ годъ *произведенія «сіи урожаются очень удовлетворительно*» (*).

Наконецъ, и болѣе новые, современные намъ опыты еще болѣе утверждаютъ въ необходимости удобренія: молочанскіе менонисты Таврической-Губерніи давно уже стали класть навозъ подъ картофель, отчего постоянно получаютъ весьма значительныя выгоды. Во многихъ мѣстахъ Кіевской, Подольской, Волынской и смежныхъ губерній точно такъ же начинаютъ унавоживать поля съ очевиднѣйшими, для всѣхъ замѣтными успѣхами. Новороссійскій-Край, по своей малонаселенности и страшному обилію непочатыхъ еще степей, долженъ бы, казалось, составлять исключеніе изъ правила; но и здѣсь правило это находитъ блистательнѣйшую опору. Въ докладѣ Министерству Государственныхъ Имуществъ вотъ что говорилъ объ этомъ въ 1844 году инспекторъ тамошняго сельскаго хозяйства, г. Стевенъ: «Въ полуденной Россіи «удобреніе полей вездѣ полезно—оно должно составить единственное «средство къ поддержанію тамъ полеводства. Если до-сихъ-поръ еще «оно мало распространено, то главнымъ препятствіемъ къ даль«нѣйшимъ успѣхамъ въ этомъ дѣлѣ служитъ: у поселянъ то, что они

(**) Травы эти бываютъ тамъ до-того высоки и тучны, что сѣверные ботаники часто не могли узнавать съ перваго взгляда знакомыхъ имъ растеній.

(*) Землед. Журналъ, изд. Моск. Общ. Сельск. Хоз. 1822. № VI, стр. 442—447.

«не имѣютъ собственныхъ земель, а у помѣщиковъ—дальнее разстояніе полей и недостатокъ навоза, который, какъ извѣстно, почти весь «идетъ на топливо» (стр. 186). Можно было бы привести еще сотни подобныхъ доказательствъ, но и этихъ слишкомъ-достаточно, чтобъ устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что, говоря словами г. Ломиковскаго: «настигло уже время, въ которое и у насъ должно обратить «вниманіе на общественный предметъ сей», т.-е. на тщательное удобреніе земель. Если теперь вспомнимъ, что прошло уже безъ малаго тридцать лѣтъ, какъ были сказаны эти слова, и что все-таки слышатся жалобы на неурожаи, все-таки «часто случаются голодные годы, въ «которые сотни, тысячи людей, мгновенно лишаясь средствъ къ про«питанію, вынуждены бываютъ кормиться крапивой и лебедой» (стр. 187)—то по истинѣ прискорбно становится отъ одной мысли, что многіе полезные совѣты до-сихъ-поръ гремѣли въ мертвой, безлюдной пустынѣ: есть и теперь еще, даже въ средней полосѣ России, въ губерніяхъ рязанской, тульской, а вѣроятно и другихъ, многія хозяйства, незнающія, что̀ такое удобреніе!..

Мы имѣемъ теперь хорошіе навозы, убѣждены, по-крайней-мѣрѣ хотимъ думать, что убѣждены въ ихъ необходимости и существенной пользѣ — посмотримъ же, ка̀къ выгоднѣе употреблять эти навозы.

Всѣ существующіе способы употребленія навозовъ могутъ быть подведены къ слѣдующимъ тремъ: или употребляютъ навозъ *свѣжій, соломистый;* или *перепрѣлый, истлѣвшій*, всегда мелкій и рыхлый; или, наконецъ, удобряютъ поля посредствомъ *толоки* (parcage).

Начнемъ съ послѣдняго изъ этихъ способовъ, какъ наиболѣе дешеваго, простаго, безъискусственнаго и безхлопотнаго. Именемъ толоки въ общежитіи называется у насъ и мѣсто, и самый фактъ удобренія. Дѣло въ томъ, что назначенное къ удобренію поле вспахиваютъ, раздѣляютъ на нѣсколько частей, попремѣнно каждую изъ нихъ огораживаютъ звеньями и въ эту-то подвижную ограду запираютъ скотъ на ночь, а иногда и днемъ на нѣсколько часовъ, послѣ чего немедленно запахиваютъ эту толоку вдоль и поперегъ, ради ровнѣйшаго распредѣленія пометовъ, и переносятъ ограду на смежную часть, повторяя этотъ процессъ до-тѣхъ-поръ, пока удобрится цѣлая десятина, что̀ можетъ совершиться и въ десять, и въ двадцать дней и, даже, болѣе, смотря по величинѣ стада, его пищѣ, качествѣ изверженій, по времени, въ-теченіе котораго онъ остается на толокѣ и т. п. Хозяева наши, сколько намъ извѣстно, вообще не благоволятъ къ такого рода толокамъ; предпочитаютъ, напротивъ, оставлять скотъ на паровомъ полѣ, и то только въ-теченіе дня, причемъ окончательная распашка этого поля начинается не прежде, какъ предъ самымъ посѣвомъ. До какой степени этотъ способъ хозяйничанья не можетъ выдержать сравненія съ толоками, очевидно изъ того, что здѣсь животныя изверженія успѣютъ двадцать разъ высохнуть и улетучиться, прежде-нежели сообщатъ землѣ частицу питательныхъ началъ своихъ, тогда-какъ тамъ не пропадаетъ ни малѣйшей доли этихъ началъ, потому-что распашка идетъ объ руку съ удобреніемъ и самое это удобреніе совершается гораздо-ровнѣе, нежели здѣсь, на паровомъ полѣ. Говорятъ еще, что въ нашемъ суровомъ климатѣ вредно оставлять скотъ по ночамъ на толокѣ; что въ-особенности это было бы противно успѣхамъ овцеводства, потому-что овечья шерсть на толокѣ сильно засаривается, грубѣетъ, подвергается порчѣ. Извѣстно, что климатъ нашъ есть чисто материко-

вый, азіатскій: зимы чрезмѣрно-суровы, лѣто чрезмѣрно-жарко. Полное подтвержденіе этому мы видимъ въ направленіи изотермическихъ линій, опредѣляющихъ одинаковость средней температуры; такимъ-образомъ средняя годовая температура въ + 2 проходитъ чрезъ *средину Исландіи* (подъ 65° ш.), Умео, Вазу, Выборгъ, *Кострому* и *Казань* (подъ 55°). Температура въ + 4 идетъ ниже Исландіи, на *Океанъ* (63°), потомъ проходитъ Гефле (въ Швеціи), Перновъ, Великіе-Луки, Вязьму, *Тамбовъ* и *Саратовъ* (51°). Въ + 6 идетъ чрезъ Дорнокъ въ *Шотландіи* (57°), потомъ чрезъ Копенгагенъ, Данцигъ, Пинскъ, Овручь, Зміевъ и *Астрахань* (46°). Наконецъ въ + 8 — чрезъ южную *Ирландію* (52°), потомъ чрезъ Лондонъ, Брюссель, Франкфуртъ, Вѣну, *Бѣлградъ въ Бессарабіи* и *Севастополь* (44°), такъ-что средняя годовая температура послѣдняго та же, какая и въ Южной-Ирландіи, несмотря на разницу *восьми градусовъ* широты. Отсюда — если совершенно-справедливо, что вредно оставлять скотъ на толокѣ весной и осенью, когда нерѣдко бываютъ довольно-сильные утренніе морозы и холодныя росы, то, въ свою очередь, лѣтомъ нетолько не вредно, но даже полезнѣе оставлять скотъ на толокѣ, нежели держать его на варкахъ, а особенно въ закрытыхъ стойлахъ.

Гораздо-основательнѣе второе возраженіе, но и то, впрочемъ, относительно однѣхъ тонкорунныхъ овецъ, каковы электоральныя, мериносы, цыгаи, число которыхъ у насъ едва доходитъ до 7 мильйоновъ головъ, и которыя притомъ сосредоточены исключительно въ южной полосѣ Россіи. Въ полосахъ сѣверной и средней овцеводство, вообще говоря, весьма-несильно и не составляетъ предмета исключительной дѣятельности хозяевъ; тогда-какъ напротивъ, крупный рогатый скотъ есть здѣсь необходимая принадлежность каждаго хозяйства. Овцы, если и водятся, то самой низкой, туземной породы, которая отличается крѣпкимъ здоровьемъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ и въ-особенности грубою шерстью. Эта шерсть и у насъ идетъ только на войлоки, и за границей конопатятъ ею суда, какъ это дѣлается преимущественно въ Англіи. Для такой, слѣдовательно, породы овецъ толока не представляетъ никакой опасности: къ климату эти овцы привыкли, а шерсть и безъ того слишкомъ-груба, чтобъ могла еще болѣе огрубѣть. Не остается, такимъ-образомъ, и у насъ никакихъ причинъ отвергать толоку. Если прибавимъ къ этому, что, во-первыхъ, лѣтомъ весьма нерѣдко истощается у нашихъ хозяевъ весь запасъ соломы, такъ-что и самый навозъ становится тогда слабѣе и хуже; что, во-вторыхъ, число работъ обыкновенно увеличивается до такой степени, что часто не бываетъ физической возможности вывезти навозъ, а особенно на тѣ поля, которыя подалѣе отъ скотныхъ дворовъ; и, наконецъ, что многія, а особенно песчаныя, илистыя, хрящеватыя почвы удобриваются нетолько пометами, мочей, но даже испареніями, утаптываніемъ земли самимъ скотомъ—если сообразимъ все это, то увидимъ, что толоки, по самой строгой справедливости, заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія нашихъ хозяевъ, тѣмъ болѣе еще, что содержаніе ихъ не требуетъ никакихъ почти издержекъ: для толоки въ сто квадратныхъ сажень нужно 32 кола въ сажень вышины и 24 перекладины въ семь съ половиной аршинъ длины, а затѣмъ переносъ ихъ съ одного мѣста на другое можетъ быть возложенъ поочередно на самихъ пастуховъ.

Если несомнѣнно, что правильная толока несравненно выше и лучше общепринятой у насъ системы содержанія скота на паровыхъ поляхъ,

то гораздо-труднѣе рѣшить вообще: какой изъ двухъ навозовъ выгоднѣе—свѣжій или перепрѣлый, тотъ, который не успѣлъ еще перегнить надлежащимъ образомъ, или тотъ, который, вслѣдствіе болѣе-продолжительнаго гніенія, превратился уже въ рыхлую, черную, мелкую массу.

Бо̀льшая часть хозяевъ нашихъ думаютъ, что гораздо-лучше употреблять навозъ перепрѣлый, потому-что онъ быстрѣе разлагается, скорѣе превращается въ пищу растеній. Доводы эти совершенно-справедливы; но, съ другой стороны, подверженный слишкомъ-продолжительному гніенію, перепрѣлый навозъ лишается множества (*) питательныхъ и теплыхъ газовъ, становится холоднѣе и слабѣе и потому долженъ быть употребляемъ въ гораздо-бо̀льшей пропорціи для удобренія одного и того же количества земли. До какой степени, въ-самомъ-дѣлѣ, потеря питательныхъ и теплотворныхъ испареній уменьшаетъ достоинство навоза, очевидно изъ слѣдующаго опыта сэра Гумфри Деви: онъ наполнилъ стеклянную банку гніющимъ навозомъ и, посредствомъ особой трубки, подвелъ его испаренія подъ корни дерева: «не прошло и недѣли, какъ дѣйствіе газовъ сдѣлалось ощутительнымъ, «трава дерна произрастала съ необыкновенною силою и представляла «разительную противоположность съ тою, которая не находилась подъ «вліяніемъ навозныхъ испареній» (стр. 220). Если прибавимъ къ этому, что для полученія одного пуда рыхлаго навоза необходимо два и даже три свѣжаго, то не удивимся, почему многіе ученые агрономы, вообще говоря, рѣшительно предпочитаютъ перепрѣлому навозу соломистый, который и дѣйствуетъ продолжительнѣе, и болѣе доставляетъ пищи растеніямъ и теплоты землѣ и, наконецъ, самое гніеніе котораго, въ случаѣ нужды, можетъ быть ускорено по произволу, чрезъ примѣсь разныхъ щелочныхъ веществъ, каковы: сажа, известь, зола и т. п. Такимъ-образомъ и здѣсь одна крайность вызвала другую. Всматриваясь ближе въ сущность и значеніе навозовъ, мы не рѣшаемся примкнуть ни къ одной изъ нихъ, потому именно, что обѣ совершенно-справедливы вообще и разнятся только въ приложеніи къ отдѣльнымъ, частнымъ случаямъ. Та̀къ, для холодныхъ, глинистыхъ почвъ гораздо-лучше навозъ свѣжій, нежели перепрѣлый; для чернозёма, напротивъ, старый, истлѣвшій навозъ оказывается наиболѣе благопріятнымъ, тогда-какъ почвы песчаныхъ свойствъ не любятъ ни слишкомъ-сильнаго, ни слишкомъ-слабаго удобренія.

Недостаточно, впрочемъ, имѣть хорошіе навозы и знать, какой изъ нихъ лучше въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Необходимо изслѣдовать еще, *когда* выгоднѣе вывозить навозъ, *сколько* разбросать его на десятину, *какъ* распредѣлить и *какимъ-образомъ* перемѣшать его съ землей? Разсмотримъ послѣдовательно всѣ эти вопросы, которыми и заключимъ статью о навозахъ.

Приступая къ первому изъ этихъ вопросовъ, нельзя не замѣтить, что рѣшеніе его обусловливается тысячью постороннихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ главныя—система хозяйства, климатъ и назначеніе полей. При плодоперемѣнномъ хозяйствѣ, въ благонамѣренномъ климатѣ, гдѣ сѣются въ поляхъ не однѣ колосовыя растенія— навозъ

(*) Двухъ-третей и даже трехъ-четвертей, по изслѣдованіямъ Газерри, которыя заслуживаютъ потому уже довѣріе, что продолжались слишкомъ сорокъ лѣтъ съ особеннымъ стараніемъ и искусствомъ.

вывозится четыре, пять разъ въ годъ, иногда и въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ въ южной Германіи, иногда даже и зимой, какъ въ Англіи и т. д. У насъ, при существующей трехпольной системѣ хозяйства, суровомъ климатѣ и преимущественномъ посѣвѣ колосовыхъ хлѣбовъ, всего выгоднѣе вывозить навозъ *лѣтомъ*, по окончаніи весеннихъ посѣвовъ, какъ это и дѣлается обыкновенно въ наибольшей части нашихъ имѣній: въ эту пору и навоза скопляется много, и число полевыхъ работъ уменьшается, и настаетъ время приготовленія къ посѣву паровыхъ полей, которыя съ весны ничѣмъ не засѣваются и съ самой осени отдыхаютъ. Тамъ, однакожь, гдѣ начинаютъ разводить въ поляхъ картофель, свекловицу, табакъ, лёнъ, коноплю и имъ подобныя растенія, требующія сильной, хорошо-удобренной почвы, тамъ нерѣдко приходится вывозить навозъ *весной*. Какъ ни тяжело бываетъ это среди другихъ безчисленныхъ работъ, скопляющихся къ этому времени года; но весенняя вывозка въ томъ отношеніи весьма-выгодна, что навозъ не успѣваетъ до такой степени улетучиться и выгорѣть, какъ это необходимо бываетъ лѣтомъ, при знойномъ солнцѣ. Наконецъ и первая невыгода, далеко не столько необходима, сколько добровольна; ибо мы рѣшительно не понимаемъ, почему бы для такихъ полей не вывозить навозъ *подъ конецъ зимы*, когда и средства сообщенія съ полями несравненно-легче, и испареніе навозовъ наименѣе возможно и самое количество ихъ къ этому времени бываетъ уже достаточно велико. Мы особенно рекомендуемъ нашимъ хозяевамъ эту зимнюю вывозку навозовъ, какъ наиболѣе облегчающую труды земледѣльца, у котораго весной бываетъ и безъ того слишкомъ-достаточно разнаго рода работы. Что же касается до *осенней* вывозки, то прежде всего она у насъ невозможна, за неимѣніемъ въ это время навоза, потому-что во все лѣто скотъ остается на пастбищахъ и даже ночуетъ на нихъ въ южной полосѣ Россіи. Но за тѣмъ, и при возможности, она представляла бы одни невыгоды, потому, во-первыхъ, что въ эту пору и безъ того на нашихъ проселочныхъ дорогахъ, по выраженію Царя Алексѣя Михайловича, «безъ пѣшихъ обережатыхъ нелзѣ розно розбиться», а во-вторыхъ, въ одну и ту же соху нужно было бы запречь три лошади, вмѣсто одной, чтобъ запахать навозъ; потому-что не запахивать значило бы нарочито уменьшить его достоинство и силу, дозволить дождямъ и снѣгу безпрепятственно смывать и уносить его питательныя начала. Изъ всего этого видно, что у насъ всего выгоднѣе вывозить навозъ лѣтомъ для удобренія озимыхъ и зимой для удобренія яровыхъ полей.

Гораздо-труднѣе рѣшить—*сколько потребно навоза для удобренія одной десятины*, какъ потому, что самыя десятины не вездѣ одинаковы, такъ еще болѣе потому, что качество навоза можетъ быть безконечно-разнообразно. Но и затѣмъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ даже приблизительно, потому-что огромное вліяніе здѣсь имѣютъ еще: климатъ, свойства почвы, обработка пахатнаго слоя, время, въ-теченіе котораго долженъ дѣйствовать навозъ, а наконецъ самыя свойства растеній, подъ посѣвъ которыхъ удобряется земля. Чтобы хоть намекнуть на раціональное рѣшеніе этого вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мы условимся прежде всего: принимать десятину за опредѣленную, вездѣ одинаковую единицу и измѣрять качество навоза прилагательнымъ — *хорошій*, подъ которымъ и будемъ разумѣть навозъ, не слишкомъ-перепрѣлый и не слишкомъ-свѣжій, средній между не-

тлѣвшимъ и соломистымъ. Затѣмъ мы получимъ въ результатѣ слѣдующія общія нормы: а) чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ менѣе нужно класть навоза, ибо тѣмъ быстрѣе онъ разлагается и скорѣе становится растительной пищей; b) чѣмъ тучнѣе почва, чѣмъ постояннѣе она удобряется, тѣмъ менѣе нужно класть навоза; но на глинистыхъ необходимо класть его болѣе, нежели на песчаныхъ, потому-что первыя менѣе доступны вліянію атмосферы, навозъ въ нихъ медленнѣе разлагается, долѣе сохраняетъ свою силу и вліяніе; c) чѣмъ глубже и рыхлѣе пахатный слой, тѣмъ менѣе нужно навоза, потому-что самое углубленіе и рыхлость, какъ намъ извѣстно, замѣняютъ до нѣкоторой степени удобреніе; d) чѣмъ продолжительнѣе время, въ-теченіе котораго долженъ дѣйствовать навозъ, тѣмъ болѣе должно быть и количество послѣдняго и наоборотъ; наконецъ e) чѣмъ менѣе растеніе питается на-счетъ воздуха, чѣмъ толще его стебли и сочнѣе корни, тѣмъ обильнѣе должна быть степень удобренія — поэтому для свеклы, рѣпы, конопли, льна, хмѣля, табака и вообще всѣхъ огородныхъ овощей земля должна быть удобрена болѣе; напротивъ, для колосовыхъ растеній навоза требуется менѣе, для стручковыхъ еще менѣе. Повторяемъ, однакожь, что всѣ эти нормы справедливы только *вообще;* въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю онѣ могутъ безконечно видоизмѣняться и даже совершенно превращаться; на-примѣръ: мы сказали, что чѣмъ глубже и рыхлѣе пахатный слой, тѣмъ менѣе нужно навоза; справедливое вообще, это правило оказывается несправедливымъ для тяжелой глинистой почвы, которая чѣмъ глубже вспахана, тѣмъ обильнѣе должна быть удобрена и тѣмъ тщательнѣе разрыхлена. Однимъ-словомъ, совокупное вліяніе множества разнообразнѣйшихъ обстоятельствъ, очевидно, исключаетъ всякую возможность исчислить напередъ всѣ случаи и по-необходимости заставляетъ насъ предоставить рѣшеніе ихъ соображенію самихъ читателей-хозяевъ. Мы думаемъ, однакожь, вмѣстѣ съ г. Линовскимъ, что три тысячи пудовъ или двѣсти обыкновенныхъ крестьянскихъ телѣгъ хорошаго навоза совершенно-достаточно для удобренія одной десятины средняго качества земли.

Обращаясь теперь къ вопросу — *какъ выгоднѣе разбросать и правильнѣе распредѣлить вывезенный на поле навозъ,* мы съ особенною любовью останавливаемся на той системѣ, которую описалъ нѣсколько выше неизвѣстный, но уже знакомый намъ, казанскій помѣщикъ въ письмѣ къ губернскому предводителю дворянства. Каждая полоса должна быть раздѣлена предварительно на квадраты той или другой величины, смотря по качеству почвы. Извѣстное число квадратовъ, опять-таки смотря по величинѣ ихъ, предоставляется извѣстному работнику, которому въ помощь дается женщина, мальчикъ или дѣвочка. Работникъ привозитъ навозъ, сваливаетъ его въ кучу на самой срединѣ квадрата, а помощникъ его въ ту же минуту разгребаетъ и разравниваетъ навозъ, отнюдь, впрочемъ, не перенося его въ другой квадратъ. Такимъ-образомъ навозъ распредѣляется съ необыкновенною равномѣрностью, работа каждаго очевидна, ни какихъ обмановъ быть не можетъ, потому-что улика тотчасъ на лицо. Самое предварительное раздѣленіе земли на квадраты, не требуетъ ни особеннаго умѣнья, ни времени: по свидѣтельству нашего помѣщика, одинъ рабочій успѣваетъ расчертить такимъ-образомъ *въ день* двѣ десятины шестидесяти-саженной мѣры въ длину и ширину, что составитъ *три* десятины обыкновенной, ка-

зенной мѣры; совершаетъ же онъ это черченіе съ помощію простой сохи и четырехъ шестиковъ опредѣленной длины, на глазомѣръ.

Вывезенный *навозъ долженъ быть перемѣшанъ съ землею.* Какъ выгоднѣе произвести эту операцію? По одному изъ трехъ слѣдующихъ способовъ, отвѣчаетъ наша практика: или вывезенный навозъ запахивается немедленно, на другой же день, или онъ остается нѣсколько дней и даже недѣль неразбросаннымъ, въ кучкахъ, или, наконецъ, его разбрасываютъ по полю не передъ посѣвомъ, но послѣ него. Первый изъ этихъ способовъ имѣетъ на своей сторонѣ рѣшительное преимущество, почему онъ и наиболѣе распространенъ у насъ: здѣсь не пропадаетъ ни одна доля удобрительныхъ веществъ, которыя притомъ и распредѣляются гораздо-правильнѣе и ровнѣе. Напротивъ, если навозъ остается нѣсколько времени въ кучкахъ, то обыкновенно на этихъ мѣстахъ или хлѣбъ ложится, если почва глиниста, или выгораетъ, если она песчаныхъ свойствъ; во всякомъ же случаѣ много питательныхъ частей улетучивается, смывается водою, пропадаетъ, слѣдовательно, безъ всякой пользы. При всемъ томъ, однакожь, и этотъ способъ находитъ у насъ весьма-многихъ послѣдователей. За-то третій способъ встрѣчается у насъ единственно въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ-особенности въ мелкихъ помѣстьяхъ бѣдной тамошней шляхты, у которой большею частію не бываетъ достаточно навоза и которая поэтому силится извлечь изъ него возможно-скорую пользу. Съ этою цѣлью ожидаютъ обыкновенно дождливыхъ дней, въ которые и разбрасываютъ навозъ по полю, предварительно-засѣянному. Навозъ этотъ, быстро разлагаясь, также быстро и улетучивается; но съ помощію дождей онъ нѣсколько промывается, напояетъ собою верхній слой земли, въ которомъ разстилаются корешки растеній, и такимъ-образомъ доставляетъ имъ весьма-скоро, хотя и весьма не надолго, нужную пищу. «Нельзя, однакожь, не замѣтить (справедливо говоритъ нашъ авторъ), что этотъ способъ удобренія земли во многихъ отношеніяхъ неудобенъ. Телѣги, наполненныя навозомъ, проѣзжая по полю, дѣлаютъ много вреда молодымъ растеніямъ, особенно въ грязное время; дожди, если только поле имѣетъ малѣйшій скатъ, смываютъ навозъ и уносятъ отъ земли ея плодородныя части. Наконецъ, если вмѣсто дождей бываетъ продолжительная засуха, то въ такомъ случаѣ навозъ выгораетъ, не принося землѣ никакой рѣшительно пользы. Вотъ причина, почему при нашихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ всего лучше бываетъ вывезенный въ поле навозъ—будь онъ свѣжій или перепрѣлый—запахать тотчасъ и *какъ-можно скорѣе* перемѣшивать его въ землю» (стр. 225). А для этого необходимо соблюсти слѣдующія правила: a) если земля назначена подъ посѣвъ колосовыхъ растеній, то не слѣдуетъ удобрять ее предъ самымъ посѣвомъ; гораздо лучше, напротивъ, оставить нѣкоторый промежутокъ времени, въ-теченіе котораго навозъ могъ бы нагрѣть и удобрить землю; b) если почва слишкомъ глиниста и въ навозѣ чувствуется малѣйшій недостатокъ, то полезнѣе запахивать его помельче—вершка на полтора; въ-противномъ случаѣ, на рыхлой почвѣ, при обиліи навоза и благорастворенiи воздуха, нужно запахивать вдвое глубже, чрезъ что продлится и самое дѣйствіе навоза. Впрочемъ c) во всякомъ случаѣ слѣдуетъ запахивать его такъ, чтобъ онъ не торчалъ наружу, а былъ бы совершенно прикрытъ землей, что особенно хорошо выполняется плугомъ, или по-крайней-мѣрѣ косулей.

Что касается, наконецъ, до удобренія земли мочей и навозной жи-

жей, то употреблять ее такъ, какъ употребляютъ, на-примѣръ, въ Бельгіи и Китаѣ, было бы у насъ слишкомъ утопически, несвоевременно и въ-особенности несовременно нашимъ экономическимъ обстоятельствамъ. Но употреблять мочу для поливки навозовъ, для удобренія огородовъ и даже земель, ближайшихъ къ скотнымъ дворамъ, было бы весьма-полезно, потому-что совершенно возможно. Случается, наконецъ, что скотные дворы расположены въ сосѣдствѣ съ лугами и сѣнокосами и притомъ на довольно-возвышенномъ мѣстѣ: ничего бы не стоило хозяину провести внизъ канавки и въ дождливое время пустить въ нихъ мочу, даже значительно разбавленную водою; а между-тѣмъ именно такимъ средствомъ молочанскіе менонисты *утроили* на своихъ лугахъ сборъ сѣна.

До-сихъ-поръ мы разсмотрѣли тѣ только изверженія домашнихъ животныхъ, которыя, составляя элементы навозовъ, играютъ поэтому въ наибольшей части хозяйствъ первую, главную роль. Но затѣмъ есть животныя, изверженія которыхъ еще сподручнѣе каждому хозяину, которыя еще богаче питательными началами, еще сильнѣе дѣйствуютъ на почву, но занимаютъ второе мѣсто потому только, что не вездѣ еще вошли въ употребленіе, не вездѣ пользуются правами гражданства, которыхъ впрочемъ вполнѣ заслуживаютъ. Мы говоримъ о пометахъ птицъ и самаго человѣка.

Птичій пометъ, содержа въ себѣ около четырехъ процентовъ извести и вдвое болѣе азота, извергаясь притомъ вмѣстѣ съ мочей, принадлежитъ, естественно, къ весьма сильнымъ удобрительнымъ веществамъ и особенно благопріятствуетъ развитію тѣхъ растеній, въ которыхъ одною изъ главныхъ составныхъ частей служитъ известь, каковы, напримѣръ, всѣ стручковыя: горохъ, бобы и т. д. Всего благопріятнѣе онъ дѣйствуетъ на глинистыя почвы, которыя отъ того сильно разрыхляются, и затѣмъ на торфяныя, въ которыхъ онъ поглощаетъ всѣ излишнія кислоты. И вотъ причина, почему въ Англіи и Шотландіи такъ щедро разбрасываютъ по полямъ *гуано*, изъ-за котораго недавно еще чуть-чуть не вышла *исторія* между Англіей и Франціей, и который въ сущности есть также пометъ птицъ, но не домашнихъ, а морскихъ, и притомъ смѣшанный съ мильйонами истлѣвшихъ животныхъ; вотъ съ другой стороны причина, почему въ Бельгіи и Франціи, особенно сѣверной, птицеводство составляетъ одну изъ главныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности: пометомъ семисотъ голубей — *колумбиномъ*, собраннымъ въ-теченіе года и представляющимъ цѣнность слишкомъ двадцати рублей серебромъ, удобряется тамъ цѣлая десятина земли и по преимуществу той, которая назначена для посѣва льна, конопли и табака. У насъ также рѣдкій хозяинъ не разводитъ гусей, утокъ, куръ и т. п., если не для продажи, что обыкновенно дѣлается въ имѣніяхъ сосѣднихъ большимъ городамъ, то для домашняго обихода; но рѣдко можно встрѣтить, чтобы птичьимъ пометомъ удобрялись цѣлыя поля: бо̀льшею честію его добывается немного, да и тотъ перемѣшивается съ другими навозами. Г. Линовскій знаетъ одно только исключеніе изъ этого правила: въ подъ-ростовскомъ имѣніи графини Чернышевой, Ярославской-Губерніи, давно уже, говоритъ онъ, поля удобряются птичьимъ пометомъ.

Наконецъ еще бо̀льшаго вниманія хозяевъ заслуживаетъ *пометъ человѣка*, какъ послѣдній результатъ самой лучшей, изъисканной пищи. Русскій человѣкъ обыкновенно величаетъ этотъ родъ помета — *золо-*

томъ. Но ошибется, кто подумаетъ, что у насъ въ-самомъ-дѣлѣ человѣчьи пометы имѣютъ въ хозяйствѣ большую цѣну. Бо́льшая часть нашихъ хозяевъ выбрасываетъ это самое золото, какъ вещь совершенно-ненужную; выбрасываетъ притомъ самымъ тщательнымъ образомъ, въ самыя отдаленныя мѣста, боясь непроронить одной капли этого золота, дабы не потрясти носовыхъ нервовъ и не прибѣгать къ помощи платковъ. Все это, разумѣется, очень-похвально, и мы далеки отъ желанія упрекать за такую изящность вкусовъ, за такія эстетическія чувства; но рядомъ съ этимъ, совершенно противъ нашей воли, выростаетъ предъ нами огромный вопросъ: почему бы не отвозить это самое «золото» на отдаленныя *поля?* Вѣдь тамъ оно превратилось бы въ-самомъ-дѣлѣ въ золото: избавило бы хозяина отъ необходимости удобрять тѣ поля навозами, возвысило бы значительно качество и производительность почвы, увеличило бы массу урожаевъ, обратилось бы въ хлѣбъ и солому, которыя наконецъ цѣнятся болѣе или менѣе высоко, какъ вещи весьма не ненужныя для всѣхъ и каждаго. И, однакожь, вопросъ нашъ остается безъотвѣтнымъ, — «такъ дѣлали, батюшка, отцы и дѣды», замѣчаетъ старушка-рутина, «и намъ не умничать-стать». Но вмѣстѣ съ тѣмъ она то почесываетъ затылокъ, то потупляетъ глаза, какъ провинившійся мальчишка, то не знаетъ куда рукъ дѣвать—неловко какъ-то нашей старушкѣ. Оно и въ-самомъ-дѣлѣ неловко: вѣдь слышала же она отъ отца Іакинѳа, что въ Южномъ-Китаѣ человѣчій пометъ не называютъ только, а прямо почитаютъ—золотомъ; вѣдь знаетъ же она, что въ деревняхъ Тосканы, Эльзаса и особенно Бельгіи, золото это собирается и хранится какъ самое неподдѣльное, червонное — должно же быть въ немъ что-нибудь золотое!.. Ну, да что грѣха таить—*не догадалась бѣдная старушка, больно ужь стара!* Старики вообще предпочитаютъ всякаго рода головоломнымъ изслѣдованіямъ простые безъискусственные разсказы. Вотъ что говоритъ г. Липовскій объ одной изъ парижскихъ живодёрень, извѣстной подъ именемъ— Монфоконъ: «въ этомъ мѣстѣ заведена была въ концѣ еще прошедшаго столѣтія первая въ Европѣ фабрика пудрета (*). Ея владѣльцы вносили въ городовую казну сначала не болѣе *1,200* франковъ. Пудретъ первоначально покупали одни лишь огородники, жившіе въ окрестностяхъ столицы; но потомъ, мало-по-малу потребленіе этого тука начало увеличиваться; его вывозили въ разные департаменты Франціи, а чрезъ нѣсколько лѣтъ его отправляли уже на корабляхъ въ отдаленныя колоніи. Городъ, замѣтивъ возрастающія выгоды фабрикантовъ, возвысилъ свое требованіе и вмѣсто прежнихъ *1,200* франковъ, началъ взимать съ нихъ *15,000*. Нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ получалъ уже *60,000* франковъ; въ 1830 году возобновленъ былъ контрактъ на двѣнадцать лѣтъ, по которому фабриканты обязались вносить въ городовую казну ежегодно *166,000* франковъ. Наконецъ въ 1843 году, когда, вслѣдствіе безпрерывныхъ жалобъ обывателей, живущихъ близь фабрики пудрета, мѣстное полицейское начальство, желая дать этой промышлености другое уже направленіе, возвысило свое требованіе до *350,000* франковъ, то, несмотря на всю значительность этой суммы, лишь только былъ напечатанъ вызовъ къ торгамъ, какъ

(*) То есть, тотъ же человѣчій пометъ, но высушенный, превращенный въ порошокъ, которымъ и посыпаютъ землю. Дѣйствіе его такъ же сильно, быстро и недолговѣчно, какъ и дѣйствіе мочи.

тотчасъ явилось нѣсколько подрядчиковъ, которые къ означенной суммѣ надбавили еще *болѣе ста тысячъ* франковъ», такъ-что городъ за одно право приготовленія пудрета получаетъ ежегодно пол-мильйона, да сверхъ-того 35,000 франковъ за право добыванія аммоніакальныхъ солей изъ мочи, отдѣляемой отъ пудрета (стр. 237 и 197). Изъ всего этого ясно, что человѣчій пометъ обладаетъ въ высокой степени удобрительной силой—иначе не употреблялись бы такія огромныя суммы для пріобрѣтенія права приготовлять и для самаго приготовленія изъ него пудрета. Дѣйствительно — химическія изслѣдованія показали, что даже въ сухомъ видѣ наше золото имѣетъ до четырехъ процентовъ азота, а это уже достаточно рекомендуетъ его силу. И вотъ почему, между прочимъ, употребленіе пудрета распространилось довольно-быстро по всей Европѣ, не исключая и нашихъ столицъ — Варшавы, С. Петербурга и Москвы (*). У насъ, впрочемъ, пудретомъ только и могутъ быть удобряемы земли, прилежащія большимъ городамъ, гдѣ потребленіе развито, гдѣ цѣны земледѣльческихъ произведеній довольно-высоки; въ противныхъ случаяхъ, а ихъ — огромное большинство, невыгодно будетъ разбросать на десятинѣ отъ четырехъ до шести рублей серебромъ (15 четвертей или 90 пудовъ пудрета), когда есть возможность получить за четверть хлѣба не болѣе сорока копеекъ. И вотъ въ этихъ-то случаяхъ всегда выгодно удобрять землю свѣжимъ золотомъ, тѣмъ-болѣе, что оно вывозится же куда-нибудь, другими словами—что издержки удобренія не увеличатся ни на волосъ.

Не однѣ впрочемъ животныя изверженія служатъ или могутъ служить матеріяломъ для удобренія полей—есть много другихъ веществъ, принадлежащихъ разнымъ царствамъ природы, которыя обладаютъ въ высокой степени удобрительными началами и изъ которыхъ страны многолюдныя давно уже извлекаютъ огромныя выгоды. Разсмотримъ въ бѣгломъ очеркѣ всѣ эти вещества и начнемъ съ царства животнаго, къ которому относятся кровь, кости и рунный тукъ, не говоря о падали.

Въ Парижѣ есть большой заводъ, который покупаетъ въ бойняхъ *кровь*, нагрѣваетъ ее до-тѣхъ-поръ, пока она свернется, затѣмъ выжимаетъ прессомъ, рѣжетъ на куски, сушитъ ихъ и такимъ-образомъ приготовляетъ сухой кровяной тукъ, во стѣ частяхъ котораго насчитываютъ пятнадцать и даже семнадцать процентовъ азота. Не малое количество этого тука отправляется ежегодно въ Америку, для удобренія полей, назначаемыхъ подъ посѣвъ сахарнаго тростника; не мало также истребляется парижскими огородниками и садовниками, ибо *фунтъ* сухой крови замѣняетъ у нихъ *два пуда* обыкновеннаго навоза—а это уже выгода весьма-важная, стоющая пожертвованій. Въ Бельгіи перемѣшиваютъ обыкновенно кровь съ водою и потомъ уже эту жижу разливаютъ по полямъ; а во Фландріи никогда не пускаютъ крови животнымъ иначе, какъ въ поляхъ или огородахъ, чтобы не пропало ни одной капли этого сокровища. Въ двадцати верстахъ на югъ отъ Брюсселя, говоритъ г. Линовскій, земледѣлецъ безпечнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; а между-тѣмъ поля его ежегодно покрыты роскошною зеленью, ежегодно приносятъ обильныя жатвы. Почему? Потому-что

(*) Въ Санктпетербургѣ его изготовляетъ Общество Цереры, въ Москвѣ — кондиторъ Дублѐ; первое продаетъ его по 25, второй—по 15 копеекъ ассигнаціями за пудъ.

здѣсь впервые рѣшилась судьба Наполеона, здѣсь цѣлыя тысячи народа пали и обагрили своею кровью землю, здѣсь — знаменитое Ватерлоо!» Необыкновенная производительность тамошнихъ полей поразила нѣкогда Байрона, и онъ воспѣлъ плодородіе этой почвы, и въ прекрасныхъ звучныхъ стихахъ выразилъ ту высокую мысль, что разрушеніе однѣхъ существъ необходимо для образованія другихъ, что смерть и жизнь находятся въ вѣчномъ между собою соприкосновеніи.» (Стр. 249.) Нѣтъ сомнѣнія, что приготовленіе кровянаго тука распространилось бы всюду весьма-скоро, еслибъ современная промышленность не давала крови другаго, весьма-разнообразнаго назначенія, наприм. въ свеклосахарномъ производствѣ, въ фабрикаціи берлинской лазури и т. д. У насъ, при существующей системѣ убоя скота, нельзя и думать о собираніи крови даже для удобренія парниковъ и оранжерей, приносящихъ большія выгоды въ столицахъ и другихъ многолюдныхъ городахъ — не говоримъ уже о цѣлыхъ поляхъ.

Гораздо сподручнѣе для нашихъ хозяевъ кости и рунный тукъ. *Кости*, содержа въ себѣ отъ полутора до четырехъ процентовъ фосфорныхъ и другихъ солей и около семидесяти-пяти — извести, во многихъ хозяйствахъ могутъ оказать великую услугу, какъ это несомнѣнными и давнишними опытами доказала уже Англія, куда не только сосѣднія державы — Швеція, Норвегія и Россія (*), но даже Южная-Америка отсылаютъ цѣлые корабли костей на баснословную почти сумму: еще въ 1841 году сумма эта равнялась *семи мильйонамъ рублей ассигнаціями;* но потомъ, въ-слѣдствіе уменьшенія ввозной пошлины на цѣлую половину, она значительно возросла. И только малая часть этихъ костей идетъ на приготовленіе мази, мыла, помады, фосфорно-кислыхъ и аммоніакальныхъ солей, животнаго угля, фосфора, пуговокъ, запонокъ, черенковъ и подобныхъ галантерейностей — все остальное, громадное количество ихъ поступаетъ прежде на особо-устроенныя мельницы, гдѣ изъ нихъ приготовляютъ нѣчто въ родѣ крупы (весьма-рѣдко — муку), и затѣмъ уже эту крупу разсыпаютъ по полямъ, преимущественно глинистымъ и торфянымъ, употребляя до восьми четвертей на десятину. У насъ трудно было бы удобрять костями цѣлыя поля, но весьма-возможно замѣнять ими навозъ въ огородахъ, подъ посѣвъ корнеплодныхъ и особенно стручковыхъ растеній, тѣмъ болѣе еще, что сохраненіе ихъ не требуетъ никакихъ издержекъ, а для раздробленія очень легко можно употреблять или нищихъ — за кусокъ хлѣба, или машину лифляндскаго помѣщика г. Крестлинга.

Наконецъ *рунный тукъ*, остающійся при стрижкѣ овецъ, или при скобленіи кожъ на кожевенныхъ заводахъ, съ большою выгодою можетъ быть употребляемъ для удобренія земли подъ посѣвъ конопли, хмѣля и другихъ растеній, требующихъ сильной, здоровой почвы. Это объясняется тѣмъ, что изо ста частей руннаго тука цѣлыя двадцать или пятая часть приходятся на долю одного азота. Во многихъ мѣстахъ Италіи и Англіи цѣлыя поля удобряютъ этимъ тукомъ; не невозможно было бы это и у насъ, особенно въ мѣстахъ обширнаго кожевеннаго производства, или даже и въ тѣхъ отдаленныхъ уголкахъ,

(*) Въ 1838 году мы отправили въ Англію костей на 400,000 рублей серебромъ, но съ-тѣхъ-поръ вывозъ значительно уменьшился: въ 1841 году онъ не превышалъ 185,000, а въ 1842 — даже 156,000 руб. сер. Главнѣйшіе пункты, откуда онѣ вывозятся — суть Выборгъ и Бердянскъ.

гдѣ шерсть слишкомъ-груба, цѣна ея слишкомъ незначительна, а между-тѣмъ хлѣбопашество представляетъ особыя выгоды.

Переходимъ теперь къ удобрительнымъ веществамъ растительнаго царства, изъ которыхъ разсмотримъ только масляныя выжимки и зеленое удобреніе, такъ какъ объ остальныхъ, каковы торфъ, опавшіе листья и сорныя травы, мы имѣли уже случай говорить выше.

Чтò касается до *масляныхъ выжимокъ*, то это суть тѣ самыя сѣмена льна, конопли, мака и т. п., изъ которыхъ выжато масло, и которыя составляютъ у насъ нѣчто въ родѣ дессерта низшихъ классовъ городскаго, и особенно московскаго населенія. Вообще говоря, ничто тàкъ не дѣйствуетъ на корыстолюбіе человѣка, какъ опыты другихъ, предпринятые съ знаніемъ дѣла, долго повторяемые и постоянно сопровождаемые полнымъ успѣхомъ. Вотъ почему, вмѣсто теоретическихъ доводовъ и изслѣдованій, мы ограничимся слѣдующимъ фактомъ, котораго очевидцемъ былъ самъ г. Липовскій и къ которому рѣшительно нéчего прибавлять — тàкъ много говоритъ онъ самъ за себя. «Въ нынѣшнемъ году весною (разсказываетъ нашъ авторъ), живя во Фландріи, я часто ходилъ изъ городка Куртрè въ (на) близь лежащую ферму, къ одному хозяину, который приготовляетъ у себя необыкновенно тонкій ленъ. Узнавъ, что онъ купилъ *рублей на шестьсотъ* масляныхъ выжимокъ для удобренія *двухъ или трехъ* десятинъ своего поля, мнѣ хотѣлось посмотрѣть, каково будетъ дѣйствіе этого тука на растительность, и я нѣсколько разъ заходилъ къ моему знакомому, отправлялся въ его поле, но, къ моему удивленію, ничего тамъ еще не видно было, земля только *разъ десять* была перепахана, но о посѣвѣ льна еще ферме́ръ и не думалъ — одинъ только непріятный запахъ гнилаго тука раздавался кругомъ его полей.—Отчего вы до-сихъ-поръ не сѣете еще, спрашивалъ я его: вѣдь ваши сосѣди давно уже управились съ посѣвомъ?—Чтóжь дѣлать, грустно отвѣчалъ мнѣ разсчетливый хозяинъ:—дурной теперь годъ, солнце грѣетъ слишкомъ знойно: если посѣю теперь мой ленъ, такъ не только шестьсотъ рублей, но и весь доходъ пропадетъ непремѣнно.» Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, небо покрылось тучами, пошелъ проливной дождь, фермеръ поспѣшилъ съ посѣвомъ, и чтóжь? Послѣ двухъ недѣль его поле густо покрыто было зеленью и ленъ выросъ у него, какъ обыкновенно, лучше чѣмъ у всѣхъ его сосѣдей» (стр. 255).

Во Франціи, какъ мы видѣли, общее мнѣніе хозяевъ долго было противъ удобренія земли масляными выжимками, единственно въ-слѣдствіе неудачной попытки г. Вильморена. Вотъ почему недавно еще цѣлые корабли этого тука отсылались въ Великобританію и ежегодный грузъ ея представлялъ уже огромную цифру—отъ полутора до двухъ мильйоновъ пудовъ — какъ-вдругъ французскіе хозяева на конгрессѣ 1844 года единогласно рѣшились просить правительство, дабы запрещенъ былъ вывозъ масляныхъ выжимокъ кунжутнаго сѣмени. Не знаемъ, чѣмъ кончилось это рѣшеніе; но не можемъ не замѣтить, что мѣра, которой они требовали, не отличается раціональностью: еслибъ внутреннее потребленіе кунжутныхъ выжимокъ было сильно, то цѣна ихъ, разумѣется, возвысилась бы сама-собою, въ-слѣдствіе усиленнаго запроса, и тогда самимъ производителямъ выгоднѣе было бы продать ихъ дома, нежели отсылать за границу—не было бы, слѣдовательно, необходимости дѣлать насильственно то, что могло бы сдѣлаться, и что уже начиналось само-собою, вслѣдствіе убѣжденія. У насъ во многихъ

мѣстахъ масляныя выжимки могли бы съ пользою замѣнить навозъ въ огородахъ, оранжереяхъ, парникахъ и т. п., тѣмъ болѣе, что безъ примѣси сора, земли, воды и другихъ дешевыхъ и каждому сподручныхъ веществъ употреблять ихъ не только невозможно, но даже положительно вредно—всегда будетъ вѣроятіе, что растеніе выгоритъ, а особенно въ сухое, знойное лѣто. Чѣмъ, слѣдовательно, выше средняя температура лѣта, тѣмъ менѣе нужно масляныхъ выжимокъ для удобренія одного и того же пространства земли: въ Англіи, странѣ вѣчныхъ тумановъ, сырости и влаги, разбрасываютъ обыкновенно на десятину поля до сорока и никакъ не болѣе пятидесяти пудовъ—у насъ это количество можетъ быть еще менѣе.

Зеленое удобреніе можетъ быть или *естественное* — когда поле само собою зарастаетъ травами, которыя тутъ же и засыхаютъ и гніютъ, уступая свое мѣсто другимъ, новымъ; или *искусственное* — когда для той же цѣли, т.-е., для производства одного рода растеній нарочно сѣютъ другія, менѣе необходимыя, которыя, въ извѣстный періодъ ихъ роста, и запахиваютъ, въ качествѣ навоза или удобренія. Обращаясь только къ послѣднему и оставляя въ сторонѣ первое, мы видимъ, что растенія, для него назначаемыя, должны быть какъ-можно дешевле, какъ можно богаче корнями, стеблями и листьями, должны питаться преимущественно насчетъ атмосфернаго воздуха и поспѣвать въ-теченіе нѣсколькихъ только мѣсяцевъ, или даже недѣль. Отсюда уже необходимо слѣдуетъ, что зеленое удобреніе только и можетъ существовать для производства дорогихъ растеній, способныхъ покрыть эту издержку: такимъ-образомъ въ Италіи, напримѣръ, и въ Южной Франціи запахиваютъ нерѣдко бобы, рожь, люпины подъ посѣвъ пшеницы; въ Поднебесной-Азіятской-Имперіи запахиваютъ ту же пшеницу подъ посѣвъ риса, а чтобъ получить хорошіе урожаи проса, лучшее средство состоитъ тамъ въ посѣвѣ индійской чечевицы, а по ней гороха и кунжута. Китайцы увѣряютъ, что *подобное удобреніе лучше всякаго навоза и даже помета шелковичныхъ червей*, который считается тамошними хозяевами однимъ изъ *самыхъ сильно-дѣйствующихъ туковъ*». (Стр. 259.)

У насъ, въ болѣе-теплыхъ полосахъ, многія поля, а особенно тѣ, которыя расположены подальше отъ жилья, не безъ значительной выгоды могли бы быть удобряемы посѣвомъ и запахиваніемъ волчеца, вики, торицы, а въ сѣверныхъ—гречихи, которая и дешево цѣнится, и не вымерзаетъ и, наконецъ, роскошно и скоро цвѣтетъ. Наши песчаныя почвы много выиграли бы отъ такого удобренія, потому-что всѣ названныя породы отличаются именно обиліемъ корней и листьевъ, слѣдовательно въ высокой степени могутъ содѣйствовать сцѣпленію этихъ почвъ и вмѣстѣ роскошной ихъ производительности. При этомъ, однакожь, необходимо соблюсти слѣдующія условія: запахивать растенія, когда онѣ въ полномъ цвѣту, предварительно подламывать ихъ каткомъ и потомъ уже смѣшивать съ землей; но не прежде, какъ за недѣлю или даже и болѣе предъ посѣвомъ; вторичная пропашка уже не можетъ здѣсь имѣть мѣста, въ противномъ случаѣ запаханныя растенія легко могли бы быть выворочены, чего въ-особенности и должно избѣгать.

Наконецъ, изъ минеральнаго царства заслуживаютъ преимущественно нашего вниманія *известь*, *гипсъ*, *рухлякъ*, *зола* и *сажа*, какъ наиболѣе сподручные почти каждому хозяину. Ихъ дѣйствія и вліяніе на

почву до такой степени общи и одинаковы, нерѣдко даже въ подробностяхъ, что мы считаемъ совершенно-излишнимъ говорить о каждомъ изъ этихъ веществъ порознь. Всѣ они въ равной степени содѣйствуютъ быстрому разложенію навозовъ и самаго перегноя, равно истребляютъ зловредныхъ насѣкомыхъ и уничтожаютъ въ землѣ излишнія кислыя начала и, наконецъ, сообщаютъ землѣ болѣе или менѣе одинаковое количество извести, поташа, соды и другихъ началъ, которыя составляютъ однѣ изъ существенныхъ частей каждаго почти растенія. Тамъ, слѣдовательно, гдѣ почвы болотистыя или торфяныя, гдѣ въ землѣ много перегноя и гдѣ слой его довольно высокъ, гдѣ разводятся преимущественно стручковыя растенія, гдѣ, наконецъ, случаи истребленія хлѣбовъ мошками и червями довольно нерѣдки, тамъ минеральные туки будутъ всегда единственной и прочной опорой земледѣльца, тѣмъ болѣе, что дѣйствіе ихъ сохраняется довольно-долго и однажды сдѣланная издержка разлагается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Такимъ-образомъ въ Сѣверной-Германіи, напримѣръ, дѣйствіе рухляка остается замѣтнымъ въ-теченіе десяти и даже двадцати лѣтъ; у насъ въ Таврической-Губерніи посыпаютъ землю золой одинъ разъ въ три года, а иногда даже и въ шесть лѣтъ и т. д. И несмотря на то, многочисленные опыты не только за границей, но даже и у насъ, въ губерніяхъ Тверской, Ост-зейскихъ, Таврической и другихъ, сопровождались всегда желаннымъ успѣхомъ.

Всѣ эти второстепенные туки, повторяемъ, рѣдко могутъ служить у насъ матеріяломъ для удобренія цѣлыхъ полей и луговъ, тѣмъ не менѣе однако жь рѣдкій хозяинъ не можетъ извлечь изъ нихъ огромныхъ выгодъ, употребляя ихъ или для удобренія огородовъ, которые поглощаютъ обыкновенно значительную долю накопившагося навоза, или для составленія компостовъ, о которыхъ мы имѣли уже случай говорить выше. Намъ остается только пожелать, чтобы выгоды эти были приняты къ свѣдѣнію и въ большей части отдѣльныхъ случаевъ удостоились скорѣйшаго осуществленія. Мы не считаемъ нужнымъ доказывать полезность того, что очевидно-полезно.

Въ-заключеніе скажемъ, что мы разсмотрѣли до-сихъ-поръ только первую половину «Бесѣдъ», г. Линовскаго — вторую, въ которой говорится о разрыхленіи и очищеніи почвы отъ всякихъ постороннихъ, ненужныхъ или вредныхъ, веществъ (*) мы оставили безъ вниманія, такъ-какъ готовимъ объ этомъ предметѣ особую статью, которую надѣемся помѣстить въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Отеч. Записокъ»: тамъ между-прочимъ мы разсмотримъ и мнѣнія г. Линовскаго.

А. ЕГУНОВЪ.

(*) Вся вторая часть испещрена притомъ чертежами и рисунками, которые, вмѣстѣ съ текстомъ, значительно облегчаютъ пониманіе предмета и дѣлаютъ его доступнымъ даже для лицъ, не посвященныхъ въ таинства нашей науки.

Ноябрь, 1849 года.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

213) **Очерки Современной Жизни.** *Томъ VII.* **Женщина-Писательница,** *комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе* М. Корсини. *Санктпетербургъ. Въ тип. Якова Трея. 1849. Въ 16-ю д. л., 173 стр.*

Глафира Платоновна была очень-милая и умная дама, прекрасная хозяйка, заботливая мать, нѣжно любила мужа, часто выговаривала ему, зачѣмъ свободное время онъ не проводитъ постоянно съ нею, и ухаживала за нимъ, стараясь его покоить и лелѣять съ тою внимательностью, какую можетъ внушить любовь или дружба, скрѣпленная четырнадцатью или пятнадцатью годами семейнаго счастья. Семенъ Семенычъ вполнѣ оправдывалъ любовь супруги, но имѣлъ маленькій недостатокъ: онъ былъ очень-мнителенъ. Холерное время было для него тяжкимъ испытаніемъ: онъ былъ несчастнѣе всѣхъ печальныхъ жертвъ эпидеміи, потому-что эти жертвы чувствовали однажды муки страшной болѣзни и смерть скоро прекращала ихъ страданія, а Семенъ Семенычъ, можно-сказать, умиралъ по нѣскольку разъ въ день, весь погруженный въ наблюденія за своимъ здоровьемъ, чувствовалъ приближеніе конца всякій разъ, когда его встревожатъ, или когда ему почудится боль подъ ложечкой или урчаніе въ животѣ. Что за жизнь, когда тѣло постоянно изожжено горчицей, горшками, горячими салфетками и наспиртовано мятной эссенціей, тильмановскими и доброправовскими каплями, и до-того распарено горячимъ, что уподобляется вѣчно-тающему льду? Къ этимъ бѣдствіямъ присоединилось еще горе: Глафира Платоновна почувствовала припадки особенной эпидеміи. Вдругъ она перестала заниматься хозяйствомъ, смотрѣть за дѣтьми, ввѣривъ ихъ попеченію Шарлотты Францовны, петербургской нѣмки-гувернантки, и заботиться о холерныхъ припадкахъ мужа. Съ утра она садится въ своемъ кабинетѣ; приходитъ мужъ, она негодуетъ на него, укоряетъ въ малодушіи, не внемлетъ его жалобамъ на нездоровье. Все это ужасно тревожитъ Семена Семеныча, тѣмъ-болѣе, что онъ въ этой тревогѣ видитъ новую возможность захворать. На вопросы его супруга отвѣчаетъ что-то непонятное, говоритъ, что у нея призваніе другое, что воображеніе ея рвется къ идеаламъ, душа ищетъ дѣятельности, мысли готовы, такъ и просятся на бумагу. Безпокоясь о состояніи здоровья и мозга жены, пораженный ея странностями, онъ чувствуетъ упадокъ нервовъ, проситъ горчичниковъ, капель, салфетку, а жена ему:

«Если тебѣ угодно знать, Семенъ Семенычъ, отъ чего я перемѣнилась, такъ изволь, я скажу тебѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ я прозрѣла ясно свое назначеніе и прозрѣла душой; сердце мое облагородилось, умъ просвѣтлѣлъ. Да, я забрала, по твоимъ словамъ, сумасбродство себѣ въ голову, — я пишу, я сочиняю, я творю! Я узнала вдохновеніе, я поняла отраднѣйшія минуты въ жизни, я постигла безкорыстнѣйшую страсть;—я не намѣрена пропадать въ темнотѣ и неизвѣстности, а хочу имени, хочу репутаціи, хочу карьеры, хочу славы,—однимъ словомъ, Семенъ Семенычъ, передъ тобой стоитъ не просто твоя жена, нянька твоихъ дѣтей и экономка твоего хозяйства, — все это исчезаетъ передъ важнѣйшимъ моимъ титуломъ, а этотъ титулъ : женщина писательница!

Семенъ Семенычъ (*въ ужасъ*).—Глафира Платоновна! Глафира Платоновна! Какого же еще ты хочешь имени ? Какой карьеры? Вѣдь ты состоишь въ законномъ бракѣ съ человѣкомъ, который ничѣмъ не уронилъ своего имени. А карьера наша идетъ себѣ, да идетъ, нельзя жаловаться, скоро будемъ представлены въ надворные; какой же, матушка, еще карьеры?.. (Стр. 16.)

Урчаніе въ животѣ, даже корчи и настоятельное требованіе горчичника не позволяютъ Семену Семенычу вполнѣ выразить своей мысли, однако онъ высказываетъ, что еслибы истинное призваніе къ литературѣ было призваніемъ его жены, то оно обнаружилось бы раньше, еще въ дѣтствѣ; что талантъ далъ бы себя почувствовать вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями и проявленіями ея жизни. Но доводы мужа кажутся женѣ страшной несправедливостью... Сцены эти забавны; но сцены разстроеннаго хозяйства еще удачнѣе въ комедіи г-жи Корсини. Глафира Платоновна уже написала комедію, гдѣ всѣ дѣйствующія лица—люди высокаго образованія и хорошаго тона. Она ожидаетъ къ себѣ визита трехъ литераторовъ и готовится ихъ принять, обдумывая, какъ себя вести. Но въ дверь ея безпрестанно стучатся то мамзель, то дѣти, то лакей, то горничная. Вотъ очередь кухарки :

Глафира Платоновна. — Кто тамъ? Ахъ, Боже мой, оставите ли вы меня въ покоѣ ?

Кухарка (*за дверью*). — Это я, сударыня, что изволите приказать на счетъ обѣда?

Глафира Платоновна (*отпирая дверь*).—Ну, что? Говори скорѣе все, что тебѣ надо, я очень занята.

Кухарка.— Ахъ, моя матушка, какъ вы станете меня торопить, такъ я вся и оробѣю ! Иду я къ вамъ, сударыня, съ цѣлымъ кузовомъ спросовъ, а при васъ про все и позабыла. Вотъ хоть бы на счетъ стола, вѣдь ничего вы не изволили приказывать сегодня.

Глафира Платоновна. — Сдѣлай что нибудь, все равно Я думаю и вчерашнихъ кушаньевъ осталось довольно, подогрѣй ихъ къ обѣду.

Кухарка. — Осмѣлюсь доложить вамъ, сударыня, вчерашняго-то ничего у меня нѣту, опричь жиру и костей. Оно, хоша и осталось, это точно справедливо: останется, такъ куды ему дѣваться? А только теперече все чисто. Говядины былъ порядочный кусокъ, да мамзель скушала его за ужиномъ, и еще спросили пол-тетерьки, что снесли со стола, а ко мнѣ сослали одни кости да жиръ; неугодно ли самимъ вамъ взглянуть?

Глафира Платоновна.— Ахъ, какъ это несносно! Не можетъ быть, чтобъ она все съѣла!

Кухарка. – Какъ вамъ угодно, сударыня, вѣрьте мнѣ или нѣтъ, только я врать не стану, я никогда еще не врала.... Ваше вѣдь не первое мѣсто, служила я все по хорошимъ господамъ и, слава тебѣ Господи, всѣ были довольны мной, а у полковницы Корюшкиной три года выжила и никогда худаго слова себѣ не слыхала.

Глафира Платоновна — Что мнѣ за дѣло до полковницы Корюшкиной? Не говори мнѣ безсмыслицы и поди прочь... Ну? что жъ ты стоишь?

Кухарка. — Полковница Корюшкина не то что безсмыслица, сударыня, а рѣдкостная госпожа; тамъ и жалованья у меня было побольше, и сахаръ, и кофе получала я отсыпной, и обиды не слыхивала никогда. Бывало, сама все разскажетъ; вотъ такъ и такъ, 'Аграфенушка;' супъ ли тамъ какой, али жаркое, али пирожное; бывало и блины дѣлывали, и левашнички и шпанскій вѣтеръ...

Глафира Платоновна.—Да замолчишь ли ты, несносная болтунья!... Ну, изволь же теперь отправляться, ты мнѣ ужь надоѣла.

Кухарка (*вздыхая*).—А мнѣ-то, сударыня, то же не легко. До вашей милости не скоро доберешься, ходить къ себѣ не приказываете, а по своему состряпать боюсь, вотъ оно такъ и есть, и сидишь да вздыхаешь. Еще я осмѣлюсь вамъ доложить, Глафира Платоновна, не извольте гнѣваться, матушка; у полковницы Корюшкиной я получала пятнадцать рублей ассигнаціями, а у васъ только четырнадцать, а тамъ и работы было меньше. У васъ и отсыпнаго горячаго мнѣ нейдетъ; право, все жалованье пропиваю на кофей...

Глафира Платоновна. — Вотъ вздоръ какой! Мнѣ рѣшительно все равно, на что бы ты не пропивала свое жалованье, на чай, на кофе, на вино, или на пиво. Я плачу тебѣ четыре цѣлковыхъ, а остальное до меня не касается.

Кухарка —Оно точно не касается... Позвольте, сударыня, это я вижу, все сплетни, да навѣтки, все аннушкина фальшь... Гдѣ же я на вино пропиваю свое жалованье! Вишь она, мерзавка, барынѣ наушничать: Аграфена, де-скать, пьяница, а сама-то она что? Охъ, ужь только говорить-то не хочется... Съ Борисомъ (лакей) такая дружба у нихъ : и бѣлье ему шьетъ, и манишки крахмалитъ господскимъ крахмаломъ, и чаемъ поитъ; ономнясь табаку ему купила четверку. . То-то, сударыня, не ей бы ужь на другихъ-то порочить. Нѣтъ, у полковницы Корюшкиной я этого сраму не видала...» (Стр. 42—47.)

Этой сцены достаточо, чтобъ видѣть, какъ много наблюдательности у г-жи Корсини, какъ мастерски она владѣетъ языкомъ и знаетъ всѣ оттѣнки разговорнаго слога всѣхъ петербургскихъ сословій. Аннушка и Борисъ, говорятъ тоже своимъ языкомъ, который не похожъ на языкъ кухарки. Также удачно очерченъ типъ гувернантки, которая прикидывается сентиментальной, скромной, воздушной дѣвушкой, безпрестанно толкующей и кстати и некстати о томъ, что покойный папенька ей далъ деликатное воспитаніе, и что у нея есть сестрица, «почти генеральша», а между-тѣмъ ужасно занятая собой, ѣстъ за четверыхъ, бѣлится, румянится, кокетничаетъ и безпрестанно является къ Глафирѣ Платоновнѣ просить то гофманскихъ капель, то бузины, то «ромашечки». Эти типы составляютъ въ комедіи г-жи Корсини преприятное явленіе и оживляютъ ее многими сценами, исполненными юмора и художественно-обработанными. Къ-сожалѣнію, изъ этихъ прекрасныхъ матеріаловъ, прекрасно подготовленныхъ авторомъ, комедіи вовсе не выходитъ, дѣйствіе вяло и повтореніямъ нѣтъ конца; въ первомъ дѣйствіи, посвященномъ изображенію домашняго быта, разстроеннаго нерадѣніемъ хозяйки, всѣ лица высказались, обрисовались и совершенно-знакомы читателю, который отъ слѣдующихъ актовъ уже ожидаетъ или новыхъ элементовъ, или развитія элементовъ, обозначившихся въ первомъ. Но ни-чуть не бывало : двадцать разъ передъ нимъ является та же Аннушка, та же кухарка, тотъ же Борисъ, за которымъ онѣ ухаживаютъ и подкармливаютъ господскимъ добромъ; наконецъ, тотъ же Семенъ Семенычъ со страхомъ холеры. Повтореніемъ ослабляется выгодное впечатлѣніе перваго знакомства : отъ чего въ первый разъ смѣялся, отъ того во второй и третій разъ уже чувствуешь скуку. Явленіе литераторовъ, которымъ Глафира Платоновна думала угодить болѣе толками о литературѣ, человѣчности

и идеалахъ, и которымъ не позаботилась подать порядочнаго обѣда, вяло и утомительно, потому-что литераторы — какiе-то абстракты. Одинъ извѣстенъ знанiемъ двѣнадцати языковъ, а потому носитъ двѣнадцать лексиконовъ, лицо утрированное до крайности, равно какъ и другiе два друга, юморъ которыхъ заключается въ томъ, что одинъ повторяетъ слова другаго, провозглашаемаго имъ генiемъ. Послѣ обѣда писательница вручаетъ имъ по списку своей комедiи, для-того, чтобы знать ихъ отзывъ. Литераторы высказали сiи горькую истину на счетъ ея таланта и ея комедiи, т.-е., что комедiя никуда не годится, одинъ — генiй — за то, что она не согласилась посвятить свой первый трудъ на прославленiе его личности, а другой возразилъ сiи тоже невыгодное мнѣнiе объ ея талантѣ изъ любви къ ней, увѣряя ее, что она лучше всѣхъ литературъ и комедiй. Между-тѣмъ она даритъ свое произведенiе на бенефисъ какому-то актёру; пьеса падаетъ, писательница въ отчаянiи возвращается домой и находитъ весь домъ пустой: горничная и кухарка, раскравъ барынины вещи, ушли на другiя мѣста; лакей послѣдовалъ ихъ примѣру; Семенъ Семенычъ, принявшiй бразды домоправленiя, отказалъ Шарлоттѣ Францовнѣ, убѣдясь въ ея невѣжествѣ, потому-что засталъ ее задающею, для умноженiя, ученикамъ своимъ тройной рядъ цифръ, какъ для сложенiя. Дѣтей онъ перевезъ къ бабушкѣ, куда и самъ намѣренъ отправиться. Къ довершенiю горя, литераторъ-филологъ влюбился въ Глафиру Платоновну, преслѣдуетъ ее на каждомъ шагу и дерзко является послѣ паденiя пьесы утѣшать автора и требовать взаимной любви. Опомнившаяся отъ своего усыпленiя и мечтанiй о литературной извѣстности, Глафира Платоновна снова возвращается къ своимъ обязанностямъ, къ мужу и дѣтямъ.

214) Домашняя Исторiя. *Оригинальная комедiя въ одномъ дѣйствiи, въ стихахъ. Сочиненiе* П. И. Григорьева 1. *Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1849. Въ 8-ю д. л., 60 стр.*

«Домашняя Исторiя» лучше другихъ произведенiй, ежемѣсячно увеличивающихъ репертуаръ нашей сцены. Она писана стихами очень легкими, близкими къ разговору; нѣкоторые стихи даже очень-удачны и оригинальны. Вотъ все, что можно сказать о ней. Дѣйствiя въ пьесѣ почти нѣтъ: герой и героиня тайно обвѣнчались еще до поднятiя занавѣса, и все дѣло состоитъ въ томъ, какъ сказать отцу. Характеровъ нѣтъ вовсе: герой—лицо довольно-жалкое, безъ большаго ума, безъ воли, принадлежитъ къ разряду тѣхъ жалкихъ молодыхъ людей, которые идутъ по пути жизни не разсуждая и проявляютъ судорожную твердость духа, или, скорѣе, дерзость только тогда, когда ихъ разобидятъ: это не то благородство характера, которое, очевидно по смыслу пьесы, хотѣлъ изобразить авторъ, и которое должно было обезоружить другое, не менѣе главное лицо—отца. Отецъ обрисованъ нѣсколько-лучше, но окружающiя его лица такъ слабы, что и ему негдѣ проявиться. Второстепенныя лица—графъ Броцкiй и старушка Уткина крайне-безцвѣтны. Но странное дѣло-прiятели! Одному господину, написавшему объ этой пьесѣ фёльетонъ, въ которомъ онъ ставитъ ее рядомъ съ комедiей Грибоѣдова, ужасно нравится длинная сцена героя съ Броцкимъ; намъ же она кажется скучна до крайности, и вовсе неумѣстна. Герой въ ней—просто глупъ, и, право, графъ говоритъ ему чуть-ли не дѣло. Въ сценахъ съ женой—герой возбуждаетъ

къ себѣ еще менѣе уваженія своей трусостью, нерѣшительностью, сваливаніемъ всей бѣды на жену, и всѣхъ этихъ впечатлѣній не выкупаетъ нисколько его объясненіе съ отцомъ.

215) Валеро. *Драматическая фантазія въ семи сценахъ. Сочиненіе* Аскольдова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1849. Въ 8-ю д. л., 76 стр.*

Было время, когда трагедія въ пяти дѣйствіяхъ съ тремя единствами казалась ужасною стариною, а драматическая фантазія самою свѣжею новостью. Давно ли это было — а вотъ теперь и драматическая фантазія уже отзывается тою же отсталостью! Собирая свои воспоминанія, стараешься составить себѣ идею о томъ, что̀ такое драматическая фантазія, чѣмъ она отличается отъ другихъ драматическихъ произведеній, въ существѣ своемъ или въ формѣ, взываешь къ недавнему прошедшему, и что̀ же рисуетъ намъ воображеніе и память? Во-первыхъ, передъ нами непризнанный, непонятый геній, непремѣнно поэтъ или художникъ; несчастная любовь и нищета; «толпа» съ ея мелкими эгоистическими разсчетами... длинные монологи, въ которыхъ изливаются проклятія на людей; добрый человѣкъ, желающій иногда помочь несчастному генію, и геній порицающій его за то, что онъ, заказывая ему портретъ своей почтенной половины, не понимаетъ высокаго полета фантазіи художника, его небесныхъ идеаловъ; ядъ, кинжалъ, кровь, враги, лицемѣрные друзья; страшныя завыванія, вздохи и изступленіе, доходящее, наконецъ, до страшной безсмыслицы. Милое, граціозное, трогательное, простота и естественность, рѣшительно исключаются изъ драматическихъ фантазій; спокойное величіе, которымъ иногда поражаетъ классическая трагедія, тоже отсюда изгнано; во всѣхъ лицахъ какое-то стремленіе къ непонятнымъ идеаламъ; рѣчь и движенія какія-то судорожныя...

«Валеро» принадлежитъ къ семейству этихъ фантазій: «Валеро» созданъ изъ тѣхъ же элементовъ, съ тѣми же пріемами и особенностями, какъ и его предшественники. Откуда же явился онъ? Гдѣ тотъ уголокъ, въ которомъ еще новость—драматическія фантазіи, въ которомъ еще увлекаются возгласами и громовыми монологами, въ которомъ творчество еще ограничивается лепетомъ, бредомъ и изступленіемъ воображенія, а не въ природѣ и жизни заимствуетъ матеріалы для своего созданія? Гдѣ тотъ край, куда такъ медленно проникаетъ дыханіе жизни, выражающееся въ направленіи и развитіи вкуса столько же, какъ и въ покроѣ и модѣ платья и женскихъ прическъ? Увы! недавняя старина гораздо-долѣе сохраняется въ умственномъ мірѣ, нежели въ мірѣ модъ! Ка̀къ это случается—непонятно, и непонятно тѣмъ-болѣе, что жаркіе поборники эпохи драматическихъ фантазій, недавніе юноши, провозглашавшіе права воображенія, независимость мысли отъ оковъ схоластики, отчаянные идеалисты, восторженные поэты, творцы диѳирамбовъ, мистерій въ громадныхъ размѣрахъ, еще не имѣли времени состарѣться, потому-что самая эта эпоха еще такъ близка къ нимъ! Въ свое время въ рядахъ своихъ двигателей не считали они ни одного старца, а, напротивъ, приводили въ ужасъ приверженцовъ старой Таліи и Мельпомены. Не-уже-ли имъ суждено было прожить минуту и исчезнуть подобно молніи, застыть подобно лавѣ, нѣкогда выброшенной волканомъ? Нѣтъ, на этой лавѣ уже цвѣтетъ

и красуется жизнь и растительность. Но... къ-несчастію, не всѣ волканы, стало-быть, погасли; еще кое-гдѣ, стало-быть, дымится недогорѣвшая сопка, и изъ нея излетаютъ по временамъ дымныя, драматическія фантазіи....

Фантазія «Валеро» вѣрна своему преданію. Какъ слѣдуетъ, она переноситъ насъ въ ту фантастическую страну, гдѣ нѣтъ ни опредѣленной природы, ни свойственной ей растительности и неба, ни физіономіи, ни исторіи—словомъ, въ Италію. Разумѣется, это не та Италія, которую вы знаете по разсказамъ путешественниковъ и по сочиненіямъ другихъ литературныхъ школъ; нѣтъ, это Италія драматическихъ фантазій. Общаго у ней съ настоящей Италіей — только имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ: графъ Монти, Энрико Каттива, Джуліо Карлино, Сильвія, Беата, Франческа. Читатель вводится въ домъ синьйоры Сильвіи и присутствуетъ при сценѣ, въ которой эта благоразумная дама совѣтуетъ молодому художнику Карлино повременить вступать въ бракъ съ ея племянницей, а прежде позаботиться объ обезпеченіи будущаго семейства. Племянница, Алиса, раздѣляетъ доводы тётки и соглашается на разрывъ съ художникомъ, обойдясь, впрочемъ, съ нимъ довольно-сухо при прощаніи. За симъ мы переносимся въ мастерскую художника и слышимъ отъ него то же, что и въ другихъ драматическихъ фантазіяхъ—длинный монологъ, на тѣ же тэмы, и почти тѣми же словами:

О, гдѣ вы, *обольстительные сны?*
Гдѣ *рой надеждъ блестящихъ и прекрасныхъ?..*
Все пусто! *все* исчезло, обѣднѣло!..
Она меня не любитъ... нѣтъ, не любитъ!
. . . .
Зачѣмъ же взоръ мнѣ говорилъ — люблю?
Уже ль она способна обмануть?
Нѣтъ, нѣтъ не вѣрю: это невозможно!

Несмотря на гладкіе стихи, читатель замѣчаетъ, что такъ уже не говорятъ даже и на сценѣ, что новѣйшіе писатели стараются, во имя искусства, найдти средство выставить какъ-нибудь иначе то, что прежде дѣйствующее лицо разсказывало публикѣ въ монологѣ, какъ-бы по особенной довѣренности. Думаютъ вслухъ немногіе, и то старики или больные, а когда человѣкъ разсуждаетъ самъ съ собою, то ужь онъ не думаетъ о краснорѣчіи, и мысль не представляется ему въ видѣ громкой фразы. Всѣ эти успѣхи и задачи новаго искусства остались неизвѣстными автору новой драматической фантазіи, и неестественность монолога вовсе не поражаетъ его. Въ древней комедіи монологъ имѣлъ еще значеніе, какъ разговоръ дѣйствующаго лица съ хоромъ: хоръ и отвѣчаетъ ему. Когда же хоръ наконецъ исчезъ изъ трагедіи, монологъ долженъ былъ потерять свое значеніе и натуральность. Подражательная литература не замѣтила этого; хотя она и чувствовала его неудобство, однакожь выставляла, вмѣсто древняго хора почти нѣмыя лица наперсницъ и наперсниковъ; изгнавъ ихъ, какъ глупыхъ куколъ, романтизмъ воспользовался оставшимся монологомъ для помѣщенія сюда-такъ-называемыхъ лирическихъ мѣстъ. Нечего повторять, что если драма есть воспроизведеніе жизни, то къчему же ей эти особенныя средства выражать паѳосъ жизни, чуждыя дѣйствительности, тогда-какъ самая жизнь и дѣйствительность пред-

ставляютъ иногда такой паѳосъ, до котораго никогда не возвыситься искусству?.. Рѣшивъ, что невозможно Алисѣ не любить, Карлино переходитъ къ себѣ:

Но я... достоинъ ли ея любви?..
Я въ самомъ дѣлѣ нищій: что же я
Могу женѣ доставить, кромѣ доли
Моихъ заботъ и, можетъ-быть, лишеній?

А затѣмъ паѳосъ или бредъ, какъ угодно:

Что наша *жизнь*? Ничтожный *призракъ*, паръ,
Который только отраженьемъ свѣта
И существуетъ. Если солнце свѣтитъ,
То призракъ взоръ чаруетъ красотою,
А закатилось — почернѣлъ, исчезъ.
Я былъ богатъ... я былъ увѣренъ въ силахъ:
Я думалъ, что меня Алиса любитъ.
Я *съ жизнью въ бой вступилъ* отважно; вѣрилъ,
Надѣялся, что одержу побѣду
И сдѣлаюсь вполнѣ ея (?) достойнымъ...
И мнѣ казалось, что съ моей любовью
Я *все* возьму и до *всего* достигну,
И бремя жизни понесу легко,
Когда я каждый трудъ, какъ даръ любви
Къ ногамъ подруги милой положу...
Я создавалъ себѣ свой рай земной,
Восторгами, любовью населенный,
И въ немъ моя царица, геній мой,
Улыбкою своей все украшаетъ,
Все просвѣтляетъ и животворитъ...
Одинъ ударъ—и все погибло... все! и т. д. (Стр. 15.)

Утѣшать несчастнаго приходитъ няня, женщина простая и добрая. Не разбирая ничего, Карлино говоритъ съ ней тѣмъ же языкомъ, какимъ говорилъ сейчасъ самъ съ собою. Видно, старуха ужь примѣталась понимать его. Онъ благодаритъ ея за попеченія о немъ, но предупреждаетъ, что сдѣлается угрюмъ, раздражителенъ и золъ:

Когда увидишь
Нахмуренную бровь и мрачный взоръ,—
Не грусть, не думу на лицѣ моемъ,
А дикое отчаянье и гнѣвъ,—
Не подходи: я оскорблю тебя!
Неблагодарно я отвергну утѣшенье
И не дождешься ты моей улыбки. (Стр. 18.)

Няня, однако, заботится о немъ: оказывается, что художникъ не знаетъ ни отца, ни матери, а она ихъ отъискала, и говоритъ, что они оба въ городѣ. Извѣстіе о своемъ незаконномъ рожденіи еще болѣе повергаетъ Карлино въ отчаяніе.

Между-тѣмъ за Алисою ухаживаетъ богатый графъ Монти и предлагаетъ ей свою руку: тётка не знаетъ лучшей партіи для племянницы. Графъ велъ жизнь распутную, теперь уже въ лѣтахъ и хочетъ отдохнуть въ мирной пристани семейнаго счастія отъ бурь своей судьбы. Пріятель его и товарищъ, обирающій графа, Каттива, успѣваетъ возбудить ревность въ Монти къ молодому художнику и поколебать вѣру его въ невинность и въ чистоту Алисы. Рѣшено удостовѣриться. Вдругъ судьба перестаетъ преслѣдовать Карли-

но: герцогъ поручаетъ ему важныя работы, и даетъ хорошее жалованье; Карлино спѣшитъ возобновить сватовство и уже получаетъ согласіе Алисы. Монти застаетъ ее одну и хочетъ похитить: она кричитъ, Карлино является и выручаетъ ее изъ бѣды. Дерутся. Карлино убитъ. Является Беата, нянька его, и объявляетъ, что Монти убилъ своего сына. Алиса, умирающая съ отчаянія, оказывается тоже его дочерью, только отъ другой погубленной имъ женщины. Затѣмъ слѣдуетъ раскаяніе. Все это сопровождается монологами и тирадами, въ которыхъ нѣтъ ничего новаго и которые читать надобно задыхаясь, шипя, вскрикивая и стеная—метода чтенія современная эпохѣ драматическихъ фантазій, изумлявшая въ свое время и нынѣ рѣшительно непроизводящая другаго впечатлѣнія, кромѣ смѣха. Стихи гладки; нѣкоторыя сцены недурны... Трудно сказать что-нибудь о талантѣ автора — до такой степени онъ неуклонно идетъ, въ дебряхъ воображенія, по дорогѣ, ошибочно проложенной его предшественниками. Впрочемъ, дѣйствіе ведено довольно-понятно, хотя судьба, наказующая Монти въ его дѣтяхъ, убитыхъ его же рукою, вовсе чужда того ужасающаго характера, которымъ облечена она въ твореніяхъ образцовъ, отвергнутыхъ авторами драматическихъ фантазій, въ древней трагедіи, и который былъ бы очень-приличенъ подобному сюжету.

216) Русская Старина въ Памятникахъ Церковнаго и Гражданскаго Зодчества. *Составлена* А. Мартыновымъ. *Текстъ соч.* И. М. Снегирева. *Годъ третій. Тетрадь седьмая. Москва. 1849. Въ тип. В. Готье.*

«Русская Старина» г. Мартынова издается уже третій годъ — постоянство и терпѣніе рѣдкія въ издателѣ, заботящемся очевидно о бо́льшемъ и бо́льшемъ усовершенствованіи предпринятаго имъ труда! Въ-самомъ-дѣлѣ, послѣдніе эстампы до-того уже опередили изяществомъ, художественнымъ и литографическимъ, рисунки первыхъ выпусковъ, что издатель рѣшился замѣнять неудовлетворительныя литографіи первыхъ тетрадей новыми изображеніями тѣхъ же предметовъ. Такъ къ седьмой тетради приложенъ новый рисунокъ церкви Спаса-на-Бору, вновь отпечатанный въ два тона и съ планомъ, долженствующій замѣнить менѣе-удачный рисунокъ этого храма во второй тетради изданія. Къ этой же седьмой тетради приложенъ весьма-интересный документъ—списокъ особамъ, благоволившимъ подписаться на «Русскую Старину». На первой страницѣ взглядъ читателя съ благоговѣніемъ останавливается на именахъ особъ Императорскаго Дома: новое доказательство, что ни одинъ истинно-патріотическій и истинно-полезный трудъ не остается у насъ безъ поощренія Августѣйшей Фамиліи дѣломъ и примѣромъ. Затѣмъ слѣдуетъ списокъ частныхъ лицъ и общественныхъ заведеній, числомъ всего до 240 именъ; почти половину изъ этой цифры составляютъ общественныя, казенныя и частныя заведенія, какъ-то: библіотеки гимназій, университетовъ, институтовъ, корпусовъ, академій, библіотеки полковъ, и проч. Остальную половину составляютъ имена частныхъ лицъ, между которыми опять наиболѣе встрѣчаются имена извѣстныхъ сановниковъ и духовныхъ лицъ; остальное, уже весьма-небольшое число именъ любителей старины русской и ревнителей полезнаго изданія, исполняемаго съ такимъ усердіемъ и заботливостью г. Мартыновымъ... Но какъ это число невелико! Не-уже-ли для сердца русскаго не драгоцѣнны почтенны

остатки родной древности, освященные временемъ и историческими событіями, приходящими уже въ ветхость и мало-по-малу даже въ разрушеніе! Спѣшите, господа, на помощь г. Мартынову, пока еще не охладѣлъ онъ въ борьбѣ и съ трудностями изданія и съ равнодушіемъ къ нему большинства публики!

Къ седьмому же выпуску «Русской Старины» приложенъ издателемъ первый листъ обѣщанной имъ исторіи зодчества въ Россіи, составляемой г. Максютинымъ. Мы еще ничего не можемъ сказать объ этомъ любопытномъ приложеніи до-тѣхъ-поръ, пока трудъ г. Максютина или не будетъ конченъ, или не подвинется значительно впередъ. Рисунки же, заключающіеся въ этой тетради, съ принадлежащимъ къ нимъ текстомъ, который съ каждымъ выпускомъ становится интереснѣе—слѣдующіе:

1) *Церковь Гребенскія Богоматери*, и 2) *Сѣнь надъ престоломъ въ церкви Гребенскія Богоматери.* Эта церковь—купа зданій, строенныхъ въ разныя времена. Преданіе, сохраненное въ лѣтописи, составленной, по предположенію г. Снегирева, Стефаномъ Яворскимъ на основаніи древнихъ записокъ и преданій, говоритъ, что храмъ этотъ получилъ свое названіе отъ иконы, поднесенной жителями города Гребня (на устьѣ рѣки Чири, впадающей въ Донъ) Димитрію-Донскому, когда онъ возвращался съ Куликова-Поля; Димитрій поставилъ ее въ церковь Успенія Богоматери. Отъ иконы *Гребневской* или *Гребенской* и самая церковь стала называться церковью Гребенскія Богоматери. Каменная церковь воздвигнута, судя по стилю архитектуры—при Іоаннѣ III. Въ началѣ XVIII столѣтія отъ древности она обветшала, и, какъ гласитъ лѣтопись, «*въ землю углубилась такъ, что въ дождливое время вода въ* «*ней стояла.* Возобновленію сей церкви особенно содѣйствовалъ Сте- «фанъ Яворскій изъ усердія къ чудотворному образу и изъ любви къ «протопопу ея, брату своему, Стефану Ананьину.» Воззваніе его къ доброхотнымъ дателямъ сохранилось, съ его собственноручной подписью. Она оканчивается слѣдующими стихами:

Кто же благоволитъ по силѣ что подати,
Тотъ да изволитъ здѣ свое имя подписати:
Да поминаемъ за здравіе будетъ вину,
Впишется же въ животныхъ книгахъ въ небеснѣмъ чину.

Имъ же засвидѣтельствованы чудеса, явленныя отъ иконы Пресвятой Гребенской Богоматери—и церковь возобновлена и украшена въ 1711 году. Трапеза этой церкви служила усыпальницей знаменитымъ прихожанамъ этого храма — князьямъ Щербатовымъ и Урусовымъ, графамъ Толстымъ, Волынскимъ и Магницкимъ. Надгробные камни вставлены или въ стѣны, или въ помосты; нѣкоторые, вѣроятно во время передѣлки, обращены надписями внизъ, какъ на-примѣръ, надгробный камень г-жи Магницкой, на которомъ начертано, что она скончалась отъ радости, при нечаянной встрѣчѣ съ сыномъ своимъ, котораго почитала умершимъ. На другомъ камнѣ: «Лѣта 1672, іюля «противъ 15 числа, на память Св. Мученикъ Кирика и Улиты пре «ставися раба Божія Столника князя Феодорова жена Феодоровича «Щербатова многострадальная страстотерпица, княгиня Феодора Вла «диміровича дочь Владиміра Ивановича» (стр. 58).

3) *Домъ Князя Гагарина*, любопытный памятникъ петрова времени, когда Русскіе впервые ознакомились съ изяществомъ европейской жизни. Домъ этотъ построенъ во вкусѣ лучшихъ итальянскихъ палаццо;

тамъ-то строитель его, князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, будучи московскимъ губернаторомъ, давалъ свои знаменитые пиры; самъ Петръ-Великій любовался пышностью и красотою его палатъ, напоминавшихъ ему европейскіе увеселительные дворцы. Долго этотъ домъ считался въ Москвѣ чудомъ зодчества, посреди уютныхъ небольшихъ каменныхъ домовъ бояръ, деревянныхъ хоромъ, и даже избъ и мазанокъ горожанъ. Домъ князя Гагарина замѣчателенъ не только какъ первый по времени палаццо русскихъ вельможъ, но и по судьбѣ его хозяина. Г. Снегиревъ такъ разсказываетъ жизнь этого знаменитаго вельможи, котораго любилъ великій Преобразователь Россіи, и который оказалъ отечеству достопамятныя услуги, несмотря на печальный конецъ, омрачившій память его въ потомствѣ. Приводимъ любопытныя извѣстія изъ текста о жизни князя Матвѣя Петровича:

«Онъ сперва былъ Воеводою Нерчинска, богатаго рудами, потомъ Судьею и Президентомъ Сибирскаго Приказа, который завѣдывалъ соболиной всякою и мочной казной, наконецъ Московскимъ Губернаторомъ при Петрѣ I и тогда онъ построилъ диковинныя свои палаты, возбуждавшія въ однихъ удивленіе, а въ другихъ зависть. Съ 1711 года онъ самовластно управлялъ золотымъ дномъ Россіи — Сибирью, гдѣ родилась пословица: *до Бога высоко, до Царя далеко.* Въ этотъ дальній, тогда еще мало образованный, край Россіи, Гагаринъ перенесъ пышность и роскошь, какой не было и въ столицѣ при дворѣ Петра Великаго. Тамъ у него шины у колесъ его кареты и подковы были изъ серебра, лакеи, скороходы и гайдуки облиты золотомъ; на столъ ему подавали по 30 серебряныхъ блюдъ съ кушаньемъ. Когда молва о злоупотребленіяхъ его дошла до слуха Петра I, тогда онъ велѣлъ вызвать Сибирскаго Губернатора въ Санктпетербургъ, а бумаги его тайно захватить и опечатать, 1718 года. Невзирая на ходатайство Императрицы Екатерины I, на родство съ Великимъ Канцлеромъ Головкинымъ и Подканцлеромъ Шафировымъ, на дружбу съ Княземъ Меньшиковымъ, Гагаринъ заключенъ былъ въ Адмиралтейскую тюрьму, гдѣ содержался около двухъ лѣтъ, но не признался въ томъ, въ чемъ его обвиняли. Наканунѣ казни, Петръ I самъ убѣждалъ Гагарина принести повинную, и обнадеживалъ его не только избавить отъ смерти, но не лишать чиновъ и имѣнія, предать прошедшее забвенію; но Гагаринъ остался непреклоннымъ. Между-тѣмъ наступилъ Іюнь мѣсяцъ 1720 года. Въ Московскомъ домѣ Гагарина, какъ говоритъ преданіе, по ночамъ слышались плачевные стоны и рыданія, кои неизвѣстно отъ кого происходили. Сколько ни искали, но никого не могли найти въ комнатахъ. Его приняли за предвѣстіе судьбы хозяина, которая дѣйствительно и совершилась въ Санктпетербургѣ Іюля 17, 1721 года.» (Стр. 60.)

Домъ этотъ принадлежалъ послѣ своего строителя разнымъ владѣльцамъ, между-прочимъ Зубову и Часовникову, и въ 1737 году потерпѣвъ отъ пожара Троицкаго; теперь бэль-этажъ обращенъ въ жилые покои для постояльцевъ, а низъ въ трактиръ и лавки.

5) и 6) *Потѣшный Дворецъ*—зданіе замѣчательное, какъ прекраснѣйшій памятникъ архитектуры XVII вѣка, такъ и по историческимъ воспоминаніямъ, которыя связаны съ нимъ въ-теченіе двухъ столѣтій. Первоначально оно было устроено для царской *потѣхи*, то-есть, охоты, царемъ Алексіемъ Михайловичемъ; при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ и при царевнѣ Софіи, весьма-вѣроятно, въ Потѣшномъ-Дворцѣ устроенъ былъ театръ, на которомъ разъигрывались мистеріи, трагедіи и комедіи. Преданіе говоритъ, что юный Петръ получилъ первое свое образованіе подъ руководствомъ Зотова, въ Потѣшномъ-Дворцѣ, гдѣ на стѣнахъ и потолкахъ велѣлъ изобразить отечественную исто-

рію въ лицахъ, артикулъ родителя его, знатнѣйшіе европейскіе города, зданія, корабли и проч. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны здѣсь жила, нѣкоторое время, цесаревна Елисавета Петровна; наконецъ, въ 1812 году на Потѣшномъ-Дворѣ помѣщалась французская гвардія.

7) *Новинскій Монастырь*—основанный еще въ XV столѣтіи, бывшій митрополичьимъ, патріаршимъ, и, наконецъ, синодальнымъ. Краткій очеркъ судьбы его, приведенный г. Снегиревымъ, много живописуетъ древній бытъ Руси. «Онъ возобновляетъ въ памяти нашей права отчинныя митрополитовъ всероссійскихъ и патріарховъ московскихъ, «ихъ область и обиходъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подданство Грузіи Россій-«ской Державѣ» — ибо въ 1746 году, указомъ синодальнымъ, повелѣно было монаховъ развести по разнымъ монастырямъ, а Новинскій-Монастырь, со всѣми его угодьями, отдать грузинскому игумену. Съ-тѣхъ-поръ эта обитель, стоящая на прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, откуда открываются величественные виды на Москву, стала именоваться Грузинскимъ-Новинскимъ-Дѣвичьимъ-Монастыремъ.

217) Доказательства *непоколебимости и важности Святой, Соборной и Апостольской Каѳолической Церкви Восточной, изъ разныхъ старопечатныхъ книгъ и изъ другихъ достовѣрныхъ церковныхъ писаній собранныя, для убѣжденія глаголемыхъ старообрядцевъ, Козельской Введенской Оптиной Пустыни грѣшнымъ Іеромонахомъ* Іоанномъ. *Москва. Въ Университетской типографіи. 1849. Въ 8-ю д., стр. 214.*

Старецъ Козельской Введенской Оптинной Пустыни, іеромонахъ Іоаннъ, родился недалеко отъ Нижняго-Новгорода, въ экономической слободѣ; оставшись по смерти родителей пятилѣтнимъ круглымъ сиротой, воспитывался и грамотѣ русской обучался у раскольниковъ; на 17-мъ году, по склонности своей къ пустынническому житію и по совѣту воспитателей, удалился въ раскольническіе скиты, въ керженскихъ лѣсахъ находящіеся, оттуда перешелъ въ римовскіе лѣса, въ раскольническій скитъ, называемый Высоковскимъ, въ которомъ пострижемъ въ монахи на 22-мъ году отъ-рода, съ нареченіемъ имени Исаакія; потомъ долгое время искалъ по разнымъ раскольническимъ скитамъ «лучшей вѣры и Церкви; но встрѣчалъ лишь одни безпо-«лезные споры и раздоръ о различныхъ сектахъ и толкахъ, нерѣдко «доходившіе до изступленія и драки.» Въ горькомъ недоумѣніи, Исаакій началъ путешествовать, съ 1790 г., по православнымъ въ Россіи общежительнымъ монастырямъ и пустынямъ, выслушивалъ отъ благоразумныхъ и опытныхъ людей доказательства изъ Священнаго Писанія о святости и непорочности Православной Церкви и убѣжденъ былъ тогда совѣстью своею сознаться въ своемъ заблужденіи. Онъ удалился навсегда изъ скита и отрекся отъ раскола. Присоединясь къ Православной Св. Церкви, Исаакій поступилъ въ единовѣрческій Корсунскій-Монастырь Екатеринославской Епархіи, гдѣ и рукоположенъ въ іеродіакона, а потомъ въ іеромонаха; въ 1820 г. перемѣщенъ въ число духовенства черноморскаго флота, и въ лѣтнее время отправляемъ былъ для священнослуженія на корабляхъ; въ 1828 г., по волѣ Серафима, митрополита новгородскаго и петербургскаго, посланъ былъ въ старорусскую духовную миссію; по возвращеніи оттуда, проживъ четыре года въ Александро-Невской-Лаврѣ, уволенъ, по собственному желанію, въ Козельскую-

Введенскую-Оптинную-Пустынь, намѣреваясь окончить дни въ уединенномъ скитѣ, устроенномъ при пустынѣ бывшимъ епископомъ калужскимъ, Филаретомъ, что нынѣ митрополитъ кіевскій; въ 1836 г. принялъ схиму, съ нареченіемъ имени Іоаннъ, на 74-мъ году жизни; умеръ въ томъ же 1836 году, 87-ми лѣтъ отъ-роду.

По обращеніи своемъ изъ раскола, старецъ Іоаннъ выписывалъ изъ многихъ священныхъ догматическихъ и отеческихъ книгъ доказательства къ обличенію раскольниковъ и убѣжденію ихъ въ истинѣ, съ собственными замѣчаніями и разсужденіями. Хотя онъ и не получилъ въ юности своей образованія въ наукахъ и даже умѣлъ писать только церковными буквами (полууставомъ), однакожь чрезъ прилежное и внимательное чтеніе душеполезныхъ книгъ пріобрѣлъ способность познавать силу истины, которую выражалъ простымъ слогомъ, служащимъ болѣе къ уразумѣнію и убѣжденію простонародія. Сочиненій его напечатано пять: 1) Доказательства о древности трехперстнаго сложенія и святительскаго имесловнаго благословенія (1839 г.); 2) Дополненіе къ доказательствамъ о древности трехперстнаго сложенія (1839); 3) Обличеніе заблужденія раскольниковъ-перекрещеванцевъ, съ показаніемъ истиннаго крещенія (1847) и 4) Доказательства непоколебимости и важности Святой, Соборной и Апостольской Каѳолической Церкви Восточной (1849).

Послѣдняя его книга, заглавіе которой поставлено выше, написана тоже съ цѣлью отвратить раскольниковъ отъ ихъ заблужденій. Авторъ показываетъ, что такое Церковь, въ чемъ существо ея. Для убѣжденія въ святости и непорочности ея, онъ собралъ достовѣрныя доказательства изъ уважаемыхъ старообрядцами старопечатныхъ книгъ (изъ Евангелія, Апостола, Апокалипсиса; изъ Великаго Катихизиса, изданнаго въ Москвѣ при патріархѣ Іосифѣ; изъ книги, именуемой «О Правой Вѣрѣ»; изъ книги, называемой «Кириллова», т.-е. Кирилла Іерусалимскаго; изъ «Маргарита» Іоанна Златоустаго; изъ священномученика Игнатія Богоносца и изъ другихъ православныхъ церковныхъ писателей).

218) Очерки Трансильваніи. Н. Вознесенскаго. *Въ тип. К. Крайя. 1849. Въ 8-ю д. л., 82 стр.*

Трансильванія обратила на себя общее вниманіе, при вступленіи въ нее побѣдоносныхъ русскихъ войскъ. Теперь, когда прекратилась тамъ буря возмущенія и возстановленъ законный порядокъ, Трансильванія дѣлается опять страною мало занимательною. Изданная нынѣ брошюра: «Очерки Трансильваніи», была напечатана въ журналѣ, вѣроятно, въ то время, когда для насъ было любопытно все о той области, гдѣ дѣйствовали наши братья-соотечественники. Теперь «Очерки» не больше, какъ сухой географическо-историческій разсказъ, требующій многихъ дополненій послѣ новѣйшихъ событій. Извлекаемъ изъ него нѣсколько статистическихъ цифръ и указаній, которыя не могли очень устарѣть и послѣ событій 1849 года.

Названіе *Трансильваніи* латинское, означающее страну за лѣсами Карпатскихъ-Горъ. Нѣмцы называютъ ее *Зибенбюргенъ* (Siebenbürgen)—*Седмиградія*, отъ семи укрѣпленныхъ мѣстъ, служившихъ нѣкогда для защиты ея. Иногда и по-русски называли ее *Седмиградскою-Областью*. Населеніе ея составляютъ разноплеменные народы, обломки послѣ множества переворотовъ со временъ Римлянъ. Вообще число жителей

въ Трансильваніи состоитъ слишкомъ изъ двухъ мильйоновъ душъ. Изъ нихъ, около мильйона господствующихъ націй, то-есть : Мадьяровъ и Секлеровъ до 550,000, Саксонцевъ около 240,000; остальные другихъ господствующихъ племенъ. Главное населеніе всей области составляли Волохи, которыхъ считалось до 1,300,000; затѣмъ слѣдовали Цыганы (60,000 душъ), Армяне, Евреи, Славяне, Булгары. Земля Венгровъ занимаетъ почти двѣ трети всей Трансильваніи, на сѣверѣ ея и на западѣ. Въ ней живутъ семь осьмыхъ мадьярскаго населенія страны, всѣ трансильванскіе Армяне, двѣ трети Вологовъ, двѣ трети Евреевъ и двѣ трети Цыганъ. Помѣщики во всей Трансильваніи большею частію Венгры, но есть и цѣлыя селенія венгерскихъ крестьянъ, да сверхъ-того множество бѣдныхъ дворянъ. Земля-Секлеровъ составляетъ почти шестую часть области. Въ ней живутъ всѣ Секлеры, часть Венгровъ и небольшое число Волоховъ. Она простирается къ востоку отъ рѣки Мароша до Молдавіи. Земля Саксонцевъ занимаетъ всю границу Трансильваніи съ Валахіею. Къ ней же принадлежитъ Быстрицкій-Округъ.

По тремъ господствующимъ націямъ, Трансильванія раздѣляется и въ политическомъ отношеніи на три главныя части : Землю-Венгровъ, Землю-Саксонцевъ и Землю-Секлеровъ. Въ землѣ Венгровъ 13 комитатовъ, въ землѣ Саксонцевъ 11, въ землѣ Секлеровъ 5. Завоеваніе имѣло въ Венгріи непосредственнымъ слѣдствіемъ сословіе слугъ или рабовъ. Покоренные сдѣлались рабами побѣдителей. Первоначально слово «дворянинъ» было тожественно съ словомъ «Мадьяръ», такъ же, какъ слово «рабъ» съ словомъ «Волохъ». Впослѣдствіи, значеніе этихъ словъ измѣнилось. Покоренные пріобрѣтали права дворянства, а дворяне иногда теряли свои. Дворянинъ, въ Венгріи, собственно значитъ свободный человѣкъ, и оттого тамъ число дворянъ очень-значительно. Въ Трансильваніи не такъ много Мадьяровъ, но дворянство тамъ составляетъ двадцатую часть всего населенія.

Разсматриваемая нами книжка содержитъ въ себѣ довольно свѣдѣній о жителяхъ и внутреннемъ устройствѣ Трансильваніи.

219) Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италіи, *1848 и 1849 годовъ. Составилъ* М. И. Богдановичъ, *Императорской Военной-Академіи профессоръ. Санктпетербургъ. Въ тип. Военно-Учебныхъ Заведеній. 1849. Въ 8-ю д. л. 55 стр.*

Авторъ упоминаетъ, что извлекъ свое «Описаніе» изъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ обѣихъ сторонъ; но жаль, что онъ не сказалъ, какихъ свѣдѣній — газетныхъ оффиціальныхъ? австрійскихъ? итальянскихъ? Это любопытно было бы знать ; это опредѣлило бы характеръ самаго описанія. Онъ раздѣляетъ изложеніе событій на двѣ части : походъ 1848 года, и походъ 1849 года. Само изложеніе кратко, сжато, и не представляетъ ничего новаго, кромѣ общихъ выводовъ, гдѣ авторъ сравниваетъ графа Радецкаго, какъ полководца, съ Наполеономъ. Въ описаніи переходовъ, расположенія армій, диспозицій — трудно слѣдовать за авторомъ безъ карты, особо для того составленной, и недостатокъ ея въ подобномъ сочиненіи слишкомъ-ощутителенъ. Еще труднѣе дать понятіе о такомъ предметѣ въ рецензіи или, лучше сказать, въ краткомъ нашемъ извѣстіи. То же должны мы сказать и о представляемыхъ имъ выводахъ. Для любопытныхъ читателей — вотъ *Общій выводъ на счетъ дѣйствій Радецкаго въ 1849 году* :

«Походъ 1849 года Радецкаго въ Италіи, быстротою дѣйствій и рѣшительностью успѣховъ, одержанныхъ въ нѣсколько дней, напоминаетъ славную 4-хъ дневную кампанію Наполеона въ 1809 году. Но эти походы различны между собою, по образу дѣйствій полководцевъ, ихъ совершившихъ (*). Послѣдній походъ Радецкаго имѣетъ болѣе сходства, какъ по отважности дѣйствій, такъ и по блестящимъ результатамъ своимъ, съ походомъ Наполеона въ Италію 1800 года; но должно замѣтить, что Радецкій, предпринимая смѣлое движеніе къ Морторѣ, могъ имѣть болѣе вѣроятности въ успѣхѣ, нежели Наполеонъ при движеніи къ Маренго: войска Радецкаго были болѣе сосредоточены, нежели войска Наполеона, который принужденъ былъ оставить половину своей арміи на лѣвой сторонѣ рѣки По, для прикрытія своихъ сообщеній; Австрійская армія Меласа не была разстроена духомъ безначалія, волновавшимъ армію Карла-Альберта. Принимая во вниманіе, что нѣкоторыя изъ выгодъ, бывшихъ на сторонѣ Австрійскихъ войскъ въ кампанію 1849 года, какъ напримѣръ сосредоточеніе силъ и возвышеніе духа войскъ, были послѣдствіемъ искусныхъ соображеній Радецкаго, нельзя не отдать должной дани удивленія предусмотрительности, рѣшимости и быстротѣ его дѣйствій. Не обращая вниманія на мятежное расположеніе умовъ въ Ломбардіи, онъ сосредоточилъ свои войска и подвергъ опасности свои сообщенія, но только на самое короткое время, въ продолженіе котораго не только возстановилъ ихъ, но и пресѣкъ сообщенія Піемонтской арміи. Дѣйствія графа Радецкаго были такъ неожиданны для его непріятелей, что они, находясь не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ испытанной ими неудачѣ, приписывали ее измѣнѣ Ромарино. Но дѣйствительную причину необыкновенныхъ результатовъ этой кампаніи должно искать въ дисциплинѣ и духѣ Австрійскихъ войскъ и въ высокихъ качествахъ ихъ главнокомандующаго, соединяющаго мудрость преклонныхъ лѣтъ съ юношескою бодростью.» (Стр. 54.)

220) Жизнь генералъ-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго. *Сочиненіе* Н. Чичагова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1849. Въ 8-ю д. л., 145 и XIV стр.*

Имя автора этой книжки извѣстно по изданнымъ имъ, въ прошедшемъ году, біографіямъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ лицъ русской исторіи. Нынѣ онъ издалъ свой біографическій трудъ о Румянцовѣ, безъ всякаго предисловія, слѣдовательно безъ объясненія своей цѣли. Въ прежней книгѣ своей онъ говорилъ, по-крайней-мѣрѣ, что надѣется сказать новое, основываясь на неизвѣстныхъ матеріалахъ: при жизнеописаніи Румянцова-Задунайскаго нѣтъ никакой отмѣтки, а содержаніе самой книги еще больше приводитъ въ недоумѣніе. На русскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько жизнеописаній графа Задунайскаго, очень-неудовлетворительныхъ; но есть множество матеріаловъ для лучшаго изображенія этого достопамятнаго человѣка. Естественно ожидать, что новый біографъ воспользуется трудами своихъ предшественниковъ, и

(*) *Кампанія* и *походъ* совершенно равнозначительныя слова, и надобно употреблять одно которое-нибудь изъ нихъ. Странно также находить сходство въ кратковременности, когда рѣчь идетъ о слѣдствіяхъ походовъ. Наконецъ — походъ Наполеона въ 1809 году продолжался не четыре дня, потому-что состоялъ не изъ однѣхъ битвъ при переправѣ черезъ Дунай и подъ Ваграмомъ. Словомъ, тутъ, кажется, нѣтъ ни въ чемъ сходства.

дополнитъ, освѣтитъ критикою всю жизнь изображаемаго имъ героя. Ничего этого нѣтъ въ новой книгѣ г. Чичагова: онъ не пересказываетъ даже всего извѣстнаго изъ другихъ біографій Румянцова; онъ описываетъ жизнь его кратко, посвящая ей въ иныхъ мѣстахъ нѣсколько словъ, а остальное наполняя изложеніемъ военныхъ дѣйствій и своими сужденіями о нихъ, не въ поясненіе жизни Румянцова, а такъ, кажется, для собственнаго удовольствія; наконецъ, онъ не представляетъ ни единой новой черты, ни одного новаго мнѣнія, которое поясняло бы жизнь или характеръ кагульскаго героя. Ко всему этому надобно прибавить какой-то ораторскій тонъ, или высокій слогъ, довольно-странный въ наше время. Вотъ доказательства и указанія на все это.

Разсказывая на двухъ страницахъ жизнь Александра Ивановича Румянцова, отца Задунайскаго, авторъ не показалъ, какое вліяніе могла она имѣть на воспитаніе будущаго героя. Графъ Александръ Ивановичъ не имѣлъ средствъ дать порядочное воспитаніе своему сыну, бывъ въ сильной опалѣ во время дѣтскихъ его лѣтъ, а потомъ въ безпрерывномъ развлеченіи по дѣламъ службы, такъ-что большую часть времени проживалъ онъ за границею, исполняя дипломатическія порученія. Къ-тому же, онъ самъ былъ человѣкъ мало-образованный, съ необыкновенными способностями, но и съ бурными страстями. Вотъ поясненіе, отчего графъ Петръ Александровичъ почти не учился въ отроческихъ лѣтахъ, и до того зашалился, сдѣлавшись офицеромъ, что императрица поручила отцу — наказать его, и отецъ высѣкъ его розгами! Такое начало не обѣщало славной жизни. Въ семилѣтнюю-войну Румянцовъ является уже однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ генераловъ, даже ученымъ инженеромъ, какъ доказалъ онъ образцовымъ взятіемъ Кольберга. Во всѣхъ біографіяхъ это объясняется нѣсколькими общими словами; говорятъ: «занялся ученіемъ и службой». Но какъ? гдѣ? долго ли занимался? Новый біографъ и не упоминаетъ объ этомъ... А многое пояснилъ бы даже послужной списокъ графа Петра Александровича, изъ котораго видимъ, что (по желанію отца) онъ былъ переведенъ въ армію, подвергнутъ всей военной дисциплинѣ, подъ строгимъ надзоромъ начальниковъ, участвовалъ въ походѣ Репнина (въ 1848 году) на Рейнъ, и сколько по собственному сознанію, столько по необходимости, учился всѣмъ частямъ военнаго искусства. Разъисканіе объ этомъ періодѣ его жизни было бы любопытнѣе нѣсколькихъ хвалебныхъ, но безотчетныхъ восклицаній. Служба его въ семилѣтнюю-войну описана на двухъ съ небольшимъ страницахъ, и авторъ сказалъ о ней лишь нѣсколько новыхъ хвалебныхъ словъ. Тщетно будете искать у него отвѣта на вопросъ: въ чемъ состояло искусство Румянцова при осадѣ Кольберга? Управленіе его Малороссіею изложено гораздо-подробнѣе, и это идетъ къ дѣлу; но къ-чему пространныя разсужденія о политикѣ европейскихъ кабинетовъ, о Шуазёлѣ, о Польшѣ, о причинахъ войны съ Турціею? Развѣ это поясняетъ жизнь Румянцова? При описаніи жизни государственнаго человѣка, правило — вводить общія историческія событія столько, сколько могутъ они пояснить его дѣйствія. Но Румянцовъ былъ чуждъ тогдашнимъ отношеніямъ европейской политики, и они не имѣли никакого вліянія на его поприще, слѣдовательно, излишни въ его біографіи. При описаніи походовъ Румянцова противъ Турокъ, авторъ руководствовался только реляціями и общеизвѣстными разска-

зами, которые повторяли всѣ его предшественники. Онъ упустилъ изъ вида два важнѣйшіе матеріала: переписку императрицы Екатерины съ Румянцовымъ и характеръ этого полководца, поясняющій многое въ его дѣйствіяхъ. Переписку съ императрицею приводитъ авторъ въ оправданіе полководца, тогда-какъ она не оправдываетъ нерѣшительныхъ его дѣйствій и подтверждаетъ умныя слова Екатерины въ письмѣ къ князю Щербатову (исторіографу), которому писала она: «Для будущихъ временъ будутъ сіи письма любопытны. Велите ихъ вѣрною «рукою списать: оригиналъ мнѣ возвратите, а копіи у себя сохраните. *Вы увидите изъ нихъ множество вещей*, если съ прилежаніемъ «прочтете, *и, думаю, что не моя сторона останется слабѣйшею.*» Это вполнѣ справедливо. Изученіе характера Румянцова также подтвердило бы автору мнѣніе Екатерины-Великой и пояснило бы многое. Кагульскій герой былъ великій полководецъ, геній на полѣ битвы, мудрый военачальникъ; но характеръ его мѣшалъ многому. Не кстати было бы входить здѣсь въ доказательства этого; замѣтимъ только, что характеръ въ полководцѣ значитъ почти столько же, какъ умъ или геній. Нашъ великій, *безприкладный* Суворовъ, имѣлъ одинъ недостатокъ — не умѣлъ уживаться съ людьми, ссорился съ равными и даже старшими, и это мѣшало всѣмъ его подвигамъ! Другой, не равный ему военнымъ геніемъ полководецъ, князь Кутузовъ-Смоленскій, вознаграждалъ все силою своего характера, умѣлъ ладить и уживаться со всѣми, даже съ вѣнскимъ гоф-кригс-ратомъ, и вспомните, какихъ великихъ послѣдствій достигалъ онъ. Румянцовъ не имѣлъ ни генія Суворова, ни характера Кутузова, и, великій на полѣ битвы, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ—не находилъ пособія въ своемъ характерѣ при затруднительныхъ отношеніяхъ. Къ такому мнѣнію приводитъ изученіе всей его жизни, которое необходимо для поясненія многихъ ея событій. Авторъ не принялъ на себя такого труда, и оттого многое кажется неяснымъ въ его сочиненіи. Въ трехъ строкахъ можно передать все, что писали о Румянцовѣ почти всѣ прежніе біографы его, и что повторилъ новый: «Румянцовъ, великій, безсмертный побѣдитель Турокъ, герой Ларги, Кагула, не могъ исполнить всѣхъ видовъ и намѣреній Екатерины, оттого, что у него было мало военныхъ средствъ и много личныхъ враговъ, которые наконецъ, заставили его удалиться съ поприща». У кого же нѣтъ враговъ, нѣтъ препятствій на поприщѣ житейскомъ? Великіе люди умѣютъ преодолѣвать ихъ, и кто остановился на полу-пути, тотъ не долженъ обвинять міръ, который одинаковъ для всѣхъ. Въ непріятностяхъ, въ несчастіяхъ нашей жизни, прежде всего бываемъ виноваты мы сами. Авторъ біографіи Румянцова глядѣлъ съ иной точки, и оттого герой его представляется ему жертвою враговъ, человѣкомъ безъ недостатковъ, то-есть такимъ, какихъ не бываетъ на свѣтѣ.

Вообще, давно пора оставить эту странную систему, какой слѣдуютъ біографы великихъ людей, превращая жизнеописанія въ панегирики.

Въ доказательство высокости слога, разсматриваемаго нами сочиненія, приводимъ нѣсколько строкъ съ первой его страницы: «Государь «замѣтилъ его способности, отъ придворныхъ не укрылось близкое «возвышеніе, и одинъ изъ богачей предложилъ ему въ супружество «дочь свою съ большимъ приданымъ. Легко угадать, какъ принято «предложеніе тамъ, гдѣ бѣдность набрасывала свои ѣдкія заботы на

«самое честолюбіе. Съ жаромъ донесено государю о назначенномъ ба-«лѣ и сговорѣ, испрашивалось дозволенія на бракъ.» Понимаете ли вы что-нибудь? А слова, кажется, всѣ русскія.

221) Мнемоника по методѣ Ревентлова, *для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ въ Исторіи, Статистикѣ, Законовѣдѣніи, Химіи и другихъ наукахъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1849 г. Въ 12-ю д. л. 122 стр.*

Кто не знаетъ, что въ жизни самаго прекраснаго человѣка бываетъ тотъ несчастный возрастъ, когда онъ, молодой человѣкъ, дѣлается старикомъ, теряетъ чувства зрѣнія, слуха, иногда осязанія и почти всегда памяти, когда онъ слушаетъ и не слышитъ, смотритъ и не видитъ, читаетъ и не понимаетъ, прочтетъ и—забудетъ... Что станешь дѣлать: непремѣнно забудетъ, все забудетъ — забудетъ и то, что прочелъ, не припомнитъ, или, лучше, не придумаетъ и того, чего не читалъ—забудетъ книги, знакомыхъ, друзей, и... даже долги. Послѣднее обстоятельство матеріально вредно обществу.

Кто изъ цвѣтущихъ и лоснящихся жизнью зрѣлыхъ мужей, обладающихъ повидимому всѣми способностями, даже и памятью, не припомнитъ того непріятнаго, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ, счастливаго времени, когда онъ, зрѣлый человѣкъ, былъ еще мальчикомъ, когда онъ ходилъ въ курточкѣ, не боялся промочить ноги и получить насморкъ, могъ съ удовольствіемъ два раза въ день пообѣдать, но не могъ одного сдѣлать — помнить уроковъ исторіи и географіи? И всѣмъ бы возрастъ этотъ былъ счастливъ, и тѣ философы были бы правы, еслибы у этого мальчика не спрашивали, когда именно Нимродъ отправлялся на охоту, въ которомъ именно году гуляла Семирамида въ своемъ висячемъ саду, какъ птица въ рощѣ; въ какое время года Гордій завязалъ тотъ узелъ, который и послѣ Александра-Македонскаго приходится распутывать всѣмъ благовоспитаннымъ юношамъ, сидящимъ на школьныхъ скамейкахъ. Увы! онъ помнитъ, какъ за Нимврода его наказывали, иногда больно, иногда небольно, но всегда непріятно; онъ помнитъ, какъ за Семирамиду его запирали въ карцеръ, и тамъ, на досугѣ, позволяли питать свое нерасположеніе къ этой великолѣпной женщинѣ; онъ думаетъ, что и Гордій могъ бы на своемъ вѣку меньше путать... И хотя все это прошло уже, однакожъ взоръ зрѣлаго человѣка отуманивается воспоминаніемъ, что и въ дѣтствѣ его были темныя пятна, что и этотъ счастливый, по мнѣнію философовъ, возрастъ имѣлъ-таки свои непріятности. Когда взоръ зрѣлаго человѣка отуманивается, онъ всегда мѣшаетъ свободному пищеваренію желудка, съ лѣтами сдѣлавшагося капризнымъ и слабымъ...

И вотъ филантропы обращаютъ свой внимательный глазъ на недуги старости и на недостатки молодости; всѣ безпамятные принимаютъ ихъ сторону, и — да здравствуютъ усилія человѣческаго ума! — существуетъ «Мнемоника», существуютъ надежды помнить все доброе и злое. Безпамятные охорашиваются, ободряются, даютъ обѣщаніе забыть всякое зло, лишь бы помнить добро, и начинаютъ читать мнемоническія сочиненія.

И вотъ въ этихъ сочиненіяхъ встрѣчаются они съ своими старыми знакомыми, Греками, которые на все были горазды, которые могли набирать полонъ ротъ камешковъ, ходить съ этими камешками по берегу моря и, ходя по берегу моря, говорить рѣчи морскимъ волнамъ,

выучиваясь такимъ-образомъ говорить рѣчи многолюднымъ собраніямъ — говорить краснорѣчиво и убѣдительно. Обращаясь къ этимъ Грекамъ, безпамятные находятъ, что они также умѣли помогать и собственнымъ недугамъ. Были Греки, которые могли помнить столько, сколько не припомнятъ всѣ старики, если ихъ собрать съ разныхъ концовъ земнаго шара. Таковъ былъ нѣкто стихотворецъ Симонидъ. Онъ предложилъ свое искусство даже Ѳемистоклу; но тотъ, какъ эксцентрикъ, отвѣчалъ: «мнѣ пріятнѣе было бы научиться отъ тебя искусству забвенія, а не воспоминанія». Ѳемистоклъ, хотя самъ и выучился бѣгло говорить по-персидски въ одинъ годъ, однакожь видимо не раздѣлялъ мнемотехническихъ убѣжденій восьмидесятилѣтняго Симонида. Но Ѳемистоклъ не помѣшалъ этому старику сдѣлаться отцомъ мнемотехниковъ и попасть въ антологію на основаніи слѣдующаго двустишія: «что касается до памяти, то никто не можетъ въ ней сравняться съ восьмидесятилѣтнимъ Симонидомъ, сыномъ Леопрена».

Примѣръ старика Симонида былъ соблазнителенъ: и другимъ захотѣлось попасть въ антологію — они попали въ исторію мнемоники г. Ревентлова.

Куда Греки, туда и Римляне; слѣдовательно, Квинтиліанъ и Цицеронъ писали о мнемоникѣ, или объ искусствѣ памяти. Да имъ за-одно было ужь кстати: писали они и о законахъ, и объ ораторствѣ, и о философіи, и о реторикѣ — такъ какъ же не написать и о мнемоникѣ? А предметы любопытные передъ глазами: тамъ Митридатъ разговариваетъ съ своими подвластными народами на 22-хъ языкахъ, непонятныхъ ни Квинтиліану, ни Цицерону; тамъ Крассъ отъ бездѣлья, во время своего пребыванія въ Малой-Азіи, выучиваетъ пять діалектовъ греческаго языка въ такомъ совершенствѣ, что можетъ произносить судъ надъ варварами, на любомъ изъ этихъ діалектовъ, какъ кому будетъ пріятнѣе.

Все это предметы соблазнительные для безпамятныхъ: изъ нихъ смотришь, одинъ забылъ, что званъ обѣдать; другой забылъ сходить передъ обѣдомъ въ баню, или вымазаться масломъ; тотъ приготовился сказать краснорѣчивую рѣчь — и сказалъ бы непремѣнно, еслибъ въ самомъ жару ораторства не забылъ связи затверженной филиппики; а враги воспользовались его безпамятностью — и поразили... Вотъ Цицеронъ и Квинтиліанъ начинаютъ успокоивать недовольныхъ, объявляя имъ прежде всего, что память находится въ мочкахъ. Это нѣсколько успокоиваетъ огорченныхъ. Потомъ оба ритора продолжаютъ такъ: «тѣ впечатлѣнія, которыя получили мы посредствомъ какого-нибудь чувства, и преимущественно посредствомъ зрѣнія, всего-болѣе дѣйствуютъ на душу и всего продожительнѣе; а потому должно все, что хочешь удержать въ памяти, превратить во что-нибудь видимое и связать съ мѣстностями хорошо намъ извѣстными». Все это было бы совершенно-справедливо, еслибъ г. Ревентловъ не замѣтилъ при этомъ случаѣ, что хотя множество нашихъ представленій и основано на непосредственной наглядности, однакожь есть много и такихъ, въ которыхъ отдѣльныя причины прямой наглядности исчезаютъ и превращаются въ отвлеченности, независящія ни отъ какой чувственной связи, и, не смотря на то, представленія эти производятъ въ душѣ впечатлѣніе, иногда еще гораздо-сильнѣйшее. Какъ часто какая-нибудь идея волнуетъ насъ, а между-тѣмъ представить ее въ видимомъ образѣ очень-трудно и даже невозможно! Но всё-таки, на сторонѣ Ци-

церона и Квинтиліана осталась, по нашему мнѣнію, часть истины, т.-е., что все видимое легче удержать въ памяти, нежели отвлеченное. Ревентловъ не такъ думаетъ: онъ прямо приходитъ къ заключенію, что для памяти главное — сила впечатлѣнія. По его мнѣнію, если и отвлеченныя понятія такъ же сильно дѣйствуютъ на душу, какъ чувственныя впечатлѣнія, то тотъ и другой родъ понятій легко удерживается въ памяти; слѣдовательно, говоритъ онъ, нѣтъ необходимости превращать отвлеченности въ чувственныя воззрѣнія, еслибъ это было возможно сдѣлать и вездѣ; произвольными олицетвореніями мы произведемъ только путаницу въ умѣ. Но мы не говоримъ о произвольныхъ олицетвореніяхъ понятій: они, конечно, должны спутать и память и умъ, и даже пріучить воображеніе къ какимъ-то насильственнымъ и страннымъ картинамъ — мы говоримъ о тѣхъ только картинахъ, которыя сами-собою соединяются съ умственнымъ представленіемъ, и этими-то картинами никогда не должно пренебрегать, потому-что они запоминаются памятью ихъ легче, нежели, такъ-сказать, обнаженныя понятія.

Квинтиліанъ совѣтовалъ, сверхъ-того, всякій разъ хорошенько выспаться, послѣ-того, какъ что-нибудь выучишь, а потомъ — сохранять здоровый желудокъ и хорошее пищевареніе. Это, конечно, относилось къ тому предположенію, что память находится въ мочкахъ: спрашивается, какой совѣтъ для укрѣпленія памяти даютъ Китайцы, которые полагаютъ, что память находится въ кадыкѣ? Мнѣніе Квинтиліана, что для сохраненія памяти необходима діета, было бы очень-дурно принято нашимъ вѣкомъ, который такъ страдаетъ слабостью желудка, еслибъ г. Ревентловъ не поторопился ободрить насъ и тѣмъ заохотить къ изученію его системы. «Я знаю людей» говоритъ онъ: «съ медвѣжьею силою, съ утинымъ аппетитомъ и съ пищевареніемъ, какъ у страуса, которые, несмотря на такія способности, имѣли память очень-ограниченную.» Да здравствуетъ же г. Ревентловъ!

За древнимъ міромъ, само-собою разумѣется, наступаютъ средніе вѣка — времена алхиміи, чернокнижія и мнемоники. Но всѣ средневѣковыя науки никуда не годятся, и потому перейдемъ прямо къ Петру Равенскому, жившему въ XV столѣтіи: онъ на 20-мъ году жизни пересчитывалъ всѣ *leges codicis*, какъ-скоро называли ему соотвѣтствующія имъ числа. За нимъ Лепорэусъ училъ предметы неодушевленные соединять непремѣнно съ одушевленными, движущимися и то, что слишкомъ-мелко, представлять во множествѣ, или въ большомъ видѣ, на-примѣръ, вмѣсто буквъ, людей. Лаврентій Фризъ написалъ также книгу о памяти, или сочиненіе, «въ которомъ можно, по его словамъ, поймать превосходную вещь, т.-е. исправленіе натуральной памяти, надъ которой притупилось всякое прилежаніе, и такимъ-образомъ получить шерсть съ осла.» Въ пользу мнемоники говоритъ то обстоятельство, что Лейбницъ и Винкельманъ занимались этимъ искусствомъ. Лейбницъ, подобно Ревентлову, замѣщалъ цифры буквами и составлялъ изъ нихъ слова; но только слова эти не находились у него ни въ какой связи съ числомъ. Этому же способу слѣдовалъ и Винкельманъ. Ричардъ Грей (1756) превращалъ цифры въ буквы, изъ которыхъ составлялъ слоги, или ничего-неозначавшія слова. Въ приложеніи къ хронологіи, онъ присоединилъ къ данному факту, или имени, изуродовавъ ихъ сперва отнятіемъ одного или нѣсколькихъ слоговъ, слогъ, изображающій число и т. п. Единицу (1)

онъ замѣнялъ буквою *a*; 2 — *e* и *d*; 3 — *i* и *t*; 4 — *o* и *f*, и т. д. Если на-прим. дано будетъ: «Побѣда Александра при Граникѣ 334», то это число превращалось сперва въ слогъ *tif* и прибавлялось въ этомъ видѣ къ слову *Granicus*, отъ котораго, для-того, чтобъ выиграть мѣсто, отбрасывалось нѣсколько буквъ, такъ-что выходилъ: «Granitif». Метода Грея неудобна, потому-что нужно уродовать слова и заучивать ихъ изуродованными. Между-тѣмъ, на практикѣ, въ Англіи, она долго употреблялась. Метода Григорія Фэйнальс сходна съ методою древнихъ, придерживавшихся чувственнаго воззрѣнія: онъ наполняетъ мнемоническія мѣста чувственными образами, постоянными. Древніе брали *ограниченное* пространство, хоть бы, на-примѣръ, комнату, дѣйствительную или только воображаемую; въ этомъ пространствѣ замѣчали пятьдесятъ или сто предметовъ. Когда хотѣли запомнить рядъ чиселъ, именъ, или т. п., въ извѣстномъ порядкѣ, то превращали ихъ сперва въ картины и связывали эти картины съ заданными предметами. Надобно было предварительно заготовить въ умѣ большой запасъ такихъ мнемоническихъ мѣстъ и квадратовъ, а для-того построить сперва такъ-называемый мнемоническій городъ, т.-е., вообразить себѣ городъ, состоящій изъ 10-ти частей, каждую часть изъ 10-ти домовъ, каждый домъ изъ 10-ти комнатъ и каждую комнату раздѣлить на 50 или 100 квадратовъ, наполненныхъ постоянными картинами. Процесъ этотъ повидимому довольно-труденъ, но на-самомъ-дѣлѣ люди, неимѣющіе даже живаго воображенія, выполняли его очень-легко. Трудность состоитъ, какъ мы уже выше сказали, въ олицетвореніи предметовъ и соединеніи ихъ съ тѣми мѣстами. Фэйнальс, для каждаго столѣтія, также назначилъ особенное пространство или мѣсто, не заботясь только о томъ, *было ли оно ограничено или нѣтъ.* Въ приложеніи къ хронологіи соединяетъ онъ отчасти методу Винкельмана съ методою Грея, и потому вышло тоже неудобство, что и у Грея. Въ приложеніи къ географіи метода вышла уже совершенно-забавною: онъ велитъ учиться географіи по градусамъ, именно такъ, чтобъ для каждаго градуса было назначено *извѣстное мѣсто*, на-прим. такъ, чтобъ 25-е мнемоническое мѣсто, на которомъ находится постоянное изображеніе *льва* (мнемоническая картина, какими должно наполнять, по его ученію, пустыя пространства), соотвѣтствовало квадрату, лежащему между 20° долготы и 50° широты. Въ этомъ квадратѣ, между многими другими городами, находятся и слѣдующіе: Madrid, Barcelona, Toulouse, Bordeaux, la Rochelle, Brest, Rouen, Paris и т. д. Чтобъ удержать эти города въ памяти, говоритъ Фэйнальс, вообразите себѣ, что Мадридъ (mater) есть мѣсторожденіе, мать льва, что оттуда онъ, выходя на добычу, *кувыркнулся* (Burzelbaum-Barcelona) въ Барселону; отсюда отправился онъ въ Тулузу, гдѣ поймалъ мышь, Laus (Toulouse) и пошелъ въ Бордо. Въ этомъ городѣ ему такъ понравилось хорошее красное вино, что онъ напился пьянъ (Rausch-Rochelle) и вслѣдствіе того заснулъ, а потому надо было ему поторопиться (pressiren-Brest). Отсюда прибылъ онъ *сырымъ* (kam *rohan*) въ Руанъ и наконецъ явился въ Парижѣ въ Ботаническомъ-Саду. Вотъ метода Фэйнальс и недостатки непремѣннаго соединенія картинъ съ извѣстными предметами: что же было бы, еслибъ онъ попытался представить отвлеченныя понятія въ извѣстныхъ образахъ?

Нѣкогда-славившаяся метода Аретина не менѣе запутана. Къ языкознанію она примѣняется такъ: чтобъ запомнить иностранное слово,

на-прим. *энтомологія*, должно изъ его буквъ, или слоговъ, составить другія слова, которыя бы означали что-нибудь чувственное, и которыхъ порядокъ былъ бы связанъ съ мнемоническими образами (предполагается также пространство, наполненное картинами). Вотъ какъ это дѣлается: слогъ *En* превращается въ *Ente* (утка); *to*— въ *Topas*; *mo*— въ *Morast* (болото); *lo*—въ *Logie* (квартира); *gie*—въ *Giebel* (щипецъ). Эти пять образовъ связываются съ имѣющимися уже пятью мнемоническими картинами; беремъ пять первыхъ: на нихъ означено, на первой—стволъ дерева, на второй—гусь, на третьей—треугольная шляпа, на четвертой — скрипачъ, на пятой — змѣя. Изъ этихъ обѣихъ картинъ составляются фантастическія соединенія, въ родѣ слѣдующихъ: 1) утка садится на стволъ дерева; 2) гусь проглатываетъ топазъ; 3) шляпа падаетъ въ болото; 4) скрипачъ ищетъ себѣ квартиру; 5) змѣя грѣется на солнцѣ, находясь на щипцѣ. Послѣ такой операціи, каждый, по словамъ Аретина, запомнитъ слово *энтомологія*. Такъ же запутано приложеніе искусства Аретина и къ хронологіи.

Успѣхи въ мнемоникѣ сдѣлали Эме Пари и братья Кастильйо, сочиненія которыхъ относятся къ 1823—1835 годамъ. Эме, изучая методу Фэйналье, перешелъ къ новой, имъ самимъ придуманной. Онъ замѣняетъ цифры артикуляціями, или сложными звуками; онъ беретъ слова не такъ, какъ они пишутся, по принятой ороографіи, но какъ бы они должны были писаться по произношенію, и разлагаетъ ихъ на простые звуки и сложные; слѣдовательно, звуки у него то же самое, что гласныя; на-прим. É — въ pâtÉ, piED; È — въ EST, niAIS и пр.; цифры превращаются также въ буквы. Метода Кастильйо сходна съ методою Эме Пари, и потому мы прямо переходимъ къ г. Ревентлову.

Этотъ почтенный Нѣмецъ и мнемоникъ соблазнился, во времена юности, примѣромъ какого-то Корсиканца, проживавшаго въ Падуѣ давнымъ-давно, въ то время, когда еще тамъ изучали Corpus juris. Этотъ Корсиканецъ могъ повторить 36,000 словъ, неимѣющихъ никакой связи между собою. Г. Ревентлова, какъ человѣка честолюбиваго, это очень оскорбило; онъ началъ учиться мнемоникѣ, придумалъ свою систему и достигъ такихъ результатовъ, что и Корсиканецъ, въ свою очередь почувствовалъ бы въ себѣ присутствіе зависти. Ревентловъ завѣряетъ насъ, что онъ можетъ повторить, въ какомъ угодно порядкѣ сказанное ему однимъ, или много два раза, *какое угодно* (!) количество именъ, чиселъ изъ нѣсколькихъ цифръ — даже рѣчи на разныхъ языкахъ... Двое совсѣмъ-почтенныхъ нѣмецкихъ докторовъ и директоровъ училищъ штетинскаго и нюрнбергскаго, дали г. Ревентлову свидѣтельство, «что его метода совершенно сообразна съ природою памяти и какъ-бы скопирована съ отправленій этой духовной «силы; что метода эта приводитъ въ порядокъ и подъ правила те, что «память дѣлала безсознательно, что она, метода, можетъ быть употреблена съ пользою для удержанія въ памяти большаго количества «именъ, чиселъ, иностранныхъ словъ, что эта метода полезна даже «для упражненія *мышленія*...»

Это послѣднее обстоятельство очень-важно, потому-что потерять умъ и пріобрѣсть память еще не большая находка, а при произвольныхъ мнемоническихъ системахъ, этого, кажется, прежде всего достигнешь, потому-что наполнишь голову словами безъ связи и смысла: будешь припоминать эти слова на основаніи данныхъ, которыя не будутъ

имѣть никакой разумной связи между собою, будутъ построены на пустыхъ пространствахъ, наполненныхъ безсмысленными образами, или словами безъ значенія въ дѣйствительномъ мірѣ. Вольфгангъ Менцель, который не любитъ хвалить нѣмецкихъ ученыхъ, не сказалъ, однакожь, ничего дурнаго о сочиненіи г. Ревентлова: «Lehrbuch der Mnemotechnik, nach einem durchaus neuen und auf das Positive aller Disciplinen anwendbaren Systeme», 1843.

Г. Чумиковъ рѣшился познакомить русскихъ читателей съ этимъ сочиненіемъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что побудило его издать на русскомъ языкѣ методу Ревентлова:

«Прочитавъ выгодные отзывы о ней въ нѣсколькихъ иностранныхъ журналахъ, я, какъ воспитатель, почелъ обязанностію извѣдать его прежде на самомъ себѣ.

«Этотъ способъ облегчать память вполнѣ удовлетворилъ меня, и я, желая испытать его и на другихъ, попробовалъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній приложить его къ преподаванію исторіи. Несмотря на то, что учащіеся еще не проходили всей исторіи, и что метода обработана была для моей личной потребности, я дошелъ однакожь до самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ: въ двѣнадцать уроковъ (по одному часу), половина которыхъ употреблялась еще на истолкованіе и диктованіе самыхъ событій, ученики съ легкостію удержали въ памяти важнѣйшія хронологическія числа изъ всей исторіи.

«Занимаясь такимъ образомъ, я непримѣтно переложилъ свою методу на русскій языкъ. Убѣжденіе въ ея пользѣ возлагаетъ на меня обязанность стараться сдѣлать ее болѣе извѣстной и доступной, какъ наставникамъ, такъ и учащимся.»

На этомъ же основаніи и мы разсмотримъ, что составляетъ сущность методы Ревентлова, переложенной г. Чумиковымъ.

Главное положеніе этой системы слѣдующее: человѣкъ легче и долѣе удерживаетъ въ памяти то, что понимаетъ, что согласно съ его личнымъ взглядомъ на предметъ, что, наконецъ, превратилось въ немъ въ мысль и перешло въ сознаніе. Согласно этому началу всѣ отправленія памяти будутъ состоять изъ умственныхъ отправленій — отвлеченія, размышленія, соединенія однороднаго съ разнороднымъ, соотвѣтствующаго съ противоположнымъ и т. д. Слѣдовательно, по этой системѣ, для-того, чтобъ запомнить что-нибудь, нѣтъ надобности прибѣгать непосредственно ни къ чувственной наглядности, ни къ другимъ какимъ-либо символическимъ изображеніямъ: должно будетъ превращать въ понятіе и то, что не заключаетъ въ себѣ понятія. Поэтому задача будетъ выполнена тогда только, когда при этомъ возведеніи мѣстъ и чиселъ въ понятія не будетъ натяжки, на которую могъ бы пожаловаться умъ. Ревентловъ замѣнилъ чувственное воззрѣніе численными поразительными словами (Schlagwörter), или лучше, какъ выразился Менцель, *характеристическими* словами, приходящими на память, когда мы разсуждаемъ о какомъ-нибудь предметѣ (aus Reflexion hervorgegangen Charakteristik). Въ-самомъ-дѣлѣ, должны же быть для памяти какіе-нибудь законы, по которымъ она дѣйствуетъ, точно такъ, какъ есть законы для отправленія умственной способности. Открытіе этихъ законовъ, положимъ, не можетъ усилить отъ природы слабую память, подобно тому, какъ и уясненіе законовъ мысли, не расширяетъ еще и не дѣлаетъ болѣе-объемлющимъ умъ человѣческій; но приложеніе этихъ законовъ къ ученію, къ преподаванію, можетъ облегчить средства запоминать множество предметовъ, какъ

правильные пріемы ума могутъ дать гораздо-болѣе ясное и отчетливое понятіе о предметѣ. Вѣдь страдала же наука отъ схоластической методы въ средніе вѣка — и та же самая наука пошла быстрѣе и благотворнѣе, по своимъ полезнымъ открытіямъ, со времени примѣненія методы Бэкона къ наукамъ естественнымъ. Слѣдовательно, изъисканіе законовъ памяти и приложеніе ихъ къ изученію наукъ, должно также имѣть свою благодѣтельную сторону. Намъ кажется только, что всѣ мнемоники ошибаются, когда ищутъ одного общаго начала для всѣхъ наукъ. Есть память на числа, на мѣста; но та ли же самая память дѣйствуетъ при воспоминаніи цѣлаго ряда понятій? Мы хотимъ сказать вотъ что: положимъ, мы откроемъ какой-нибудь законъ, по которому изловчимся удерживать въ памяти мѣста, числа и событія — будетъ ли годиться этотъ законъ въ примѣненіи къ понятіямъ отвлеченнымъ? Положимъ даже, мы достигнемъ того, что съ извѣстнымъ распорядкомъ чиселъ или буквъ соединимъ то или другое понятіе, ту или другую идею; но какъ мы припомнимъ связь этихъ понятій, связь идей, ихъ постепенное развитіе? Какъ вы, читая, на-прим. поэтовъ, запомните всѣ оттѣнки мысли и красокъ, оттѣнки иногда чрезвычайно-тонкіе и нѣжные, обрисовку характеровъ и много, много другихъ предметовъ, неосязаемыхъ, выдающихся сильно, но тѣмъ-не-менѣе составляющихъ личность извѣстнаго писателя? Объ этомъ второмъ родѣ памяти и не думали мнемотехники; а если они и показываютъ видъ, что трудились надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, то это неправда: они переносили, безъ всякихъ поправокъ, свою систему, изобрѣтенную для запоминанія чиселъ и мѣстъ, на отвлеченныя понятія, — и отдѣлывались общими чертами. Такимъ-образомъ эта сторона мнемоники совершенно нетронута, и всѣ труды ученыхъ относятся только къ открытію искусства запоминать хронологію, географическія и статистическія данныя; въ законовѣдѣніи мнемоника ограничивалась перечисленіемъ заглавій и знаніемъ, что, на-примѣръ, въ такой-то статьѣ говорится о томъ-то.

То, что переведено и передѣлано г. Чумиковымъ, относится къ хронологіи.

Мы можемъ разсуждать, говорятъ гг. Ревентловъ и Чумиковъ, объ отношеніяхъ чиселъ 2, 4, 8, 16, 32 и т. д., если, на-примѣръ будемъ имѣть въ виду ихъ зависимость отъ числа 2, какъ отъ общаго всѣмъ дѣлителя. Дѣлитель 2 будетъ служить здѣсь посылкой. Но поставимъ, вмѣсто 16, слово *Канова*, и тогда, между имъ и числомъ 32 не будемъ имѣть никакой посылки, потому-что слово это не изображаетъ численнаго понятія. Если, однакожь, вмѣсто 32, мы поставимъ слово *Венера*, то легко найдемъ отношеніе между ею и Кановою. Изъ этого видно, говоритъ Ревентловъ, какъ необходимо, и, вмѣстѣ, какъ естественно средство замѣнять числа понятіями, имѣющими къ нимъ какое-либо отношеніе. Слѣдовательно, еслибы въ памяти учащагося утвердить нѣсколько такихъ главныхъ чиселъ, которыя можно назвать точками опоры, то онъ могъ бы усвоить себѣ большое число фактовъ, которое одновременно съ Кановой. Но мы замѣтимъ, при этомъ случаѣ, что какъ много было послѣдовательности въ первомъ положеніи автора, такъ мало ея во второмъ. Положимъ, ученику извѣстенъ годъ, когда умеръ Рафаэль — 1521; онъ заучилъ этотъ годъ по методѣ Ревентлова. Въ этомъ же году умеръ Леонардо Винчи; это еще ученикъ будетъ помнить; но какъ онъ сохранитъ въ памяти, что въ

этомъ же году учреждены *почты* въ Германіи? Сколько тутъ ни размышляй *умъ* — онъ безъ насилія законовъ логики не сообразитъ, что почты учреждены въ томъ же году, когда умеръ Рафаэль, потому-что между *почтами* и *Рафаэлемъ* нѣтъ никакого соотношенія. Замѣчаніе это относится къ запоминанію тѣхъ событій, которыя память наша должна удерживать по опредѣленію и условію, главныхъ точекъ опоры, какъ на-примѣръ, года смерти Рафаэля. Какимъ же образомъ запомнить *самый годъ* смерти Рафаэля?

Для этого предлагаются слѣдующія средства. Всѣ числа замѣщаются буквами русскаго алфавита такимъ-образомъ:

0=*л*, *ѳ*. Въ словѣ *нуль* послѣдній звукъ есть *л*; буква *ѳ* имѣетъ почти ту же форму, какъ *о*.

1=*р*, *ф*. Буква *р* составлена изъ прямой черты и *о*; *ф* составлено изъ прямой черты и двухъ *оо*.

На подобныхъ же основаніяхъ 2 замѣнено *н*, *ц*; 3—*ж*, *м*, *з*; 4—*ч*, *к*; 5—*п*, *б*; 6—*ш*, *щ*, *т*; 7—*с*, *г*, *х*; 8—*в*; 9—*д*. Г. Чумиковъ передѣлалъ такимъ-образомъ замѣну чиселъ латинскими буквами Ревентлова: 0=l, z; 1=t, d; 2=n, o, и т. д. Вы видите, что при той и другой замѣнѣ много произвола; но ни г. Ревентловъ, ни г. Чумиковъ не выдаютъ за безусловно-совершенныя свои переложенія: всякой другой можетъ сдѣлать ихъ совершенно-иначе. — Теперь представимъ ученика, который затверживаетъ числа изъ исторіи по методѣ Ревентлова и по книжечкѣ г. Чумикова. Ученикъ твердитъ:

«Походъ троянскій 1194. *Рѣдкое* соединеніе людей достойныхъ и храбрыхъ для одного предпріятія.»

Какое характеристическое слово этого похода? Г. Чумиковъ говоритъ: *Рѣдкое*. Слѣдовательно, ученику должно затвердить слово: *рѣдкое*. А если это слово перевести на языкъ чиселъ, что выйдетъ? р=1; д=9; к=4= итого: 194, да если прибавить тысячу, выйдетъ 1194. И ученикъ отвѣчаетъ, что походъ троянскій былъ въ 1194 г.

Другой примѣръ:

«Сраженіе при Калкѣ 1240. Русскіе, убивъ пословъ монгольскихъ, *накликали* сами на себя бѣду.

Идетъ слово *накликали*. Н=2; к=4; л=0; итого 240; а съ тысячею: 1240.

Подобнымъ образомъ передѣланы г. Чумиковымъ цифры всѣхъ главнѣйшихъ событій древней, средней и новой исторіи. Но слова, прибранныя г. Чумиковымъ, нельзя всегда назвать удачными. Такъ и въ приведенномъ нами первомъ примѣрѣ, слово *рѣдкое*, не есть характеристическое, и его можно отнести не къ одному троянскому походу, а ко множеству другихъ событій. Иногда для характеристики выбраны такія слова, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ текстѣ, на-примѣръ:

«Походъ Аргонавтовъ—1250. Греческіе герои поѣхали въ Колхиду, «вѣроятно для грабежа».

Для характеристики этого событія г. Чумиковъ выбралъ слово *напали*, котораго нѣтъ въ текстѣ, но котораго согласныя: н=2; п=5; л=0, составляютъ—1250 годъ.

Г. Чумиковъ самъ хорошо понималъ, что одному трудно составить руководство, безукоризненное во всѣхъ отношеніяхъ, и потому говоритъ:

«Метода эта всеобщая, потому-что она можетъ быть приспособлена и измѣняема, соображаясь съ каждою индивидуальностью. И потому задача этого руководства состоитъ единственно въ томъ, чтобы посредствомъ наглядныхъ примѣровъ и приложеній, ознакомить съ самою методою, а не въ томъ, чтобы передать другимъ нашъ индивидуальный способъ, по которому мы дошли до извѣстныхъ результатовъ. Такое желаніе не только повредило бы цѣли, но было бы невозможно исполнить, какъ невозможно передать процессъ собственнаго мышленія.» (Стр. 75.)

«Прилагая при семъ образцы численныхъ словъ, относящихся къ хронологіи, мы, конечно, старались отыскивать между ними отношенія болѣе общія и всѣмъ понятныя, но повторяемъ еще разъ, что мы вовсе не желаемъ исключить другія отношенія, пріискиваемыя каждымъ лицомъ для себя: напротивъ, только такія численныя слова, которыя пріисканы собственно для себя, и могутъ облегчить память: слова же пріисканныя другими, удерживаются гораздо труднѣе.» (Стр. 79.)

Но послѣдними словами г. Чумиковъ требуетъ слишкомъ-многаго: если каждый ученикъ будетъ пріискивать для себя слова, то онъ потеряетъ бо̀льшую часть времени, назначеннаго для приготовленія уроковъ, и, сверхъ-того, можетъ пріискать такія слова, между которыми и числами событій не будетъ никакой связи; слѣдовательно, онъ станетъ затверживать эти слова только во вредъ своему уму. По нашему мнѣнію, каждый наставникъ, который найдетъ методу Ревентлова удобною въ приложеніи или къ исторіи, или къ географіи, или къ статистикѣ, долженъ приспособить руководство къ хронологическимъ цифрамъ, т.-е. помѣстить въ руководствѣ непремѣнно такія слова, которыя были бы и характеристическими для событія, и послѣ перевода на языкъ чиселъ, выражали годъ событія. Для учащихся это будетъ тѣмъ легче, что, заучивая событія, они непремѣнно заучиваютъ наизустъ и *слова* руководства; у менѣе-способныхъ учениковъ бываетъ даже та̀къ, что они могутъ разсказать какое-нибудь происшествіе только тогда, когда начнутъ его именно съ тѣхъ словъ, которыми начинается разсказъ въ «руководствѣ». Это доказываетъ, ка̀къ должно быть важно въ этой методѣ помѣщеніе «характеристическихъ» словъ въ текстѣ, и ка̀къ могутъ они облегчить изученіе хронологіи, если эти же самыя слова перевести на языкъ чиселъ.

Но обратимся къ тому состоянію ученика, когда онъ отъискалъ «характеристическія» слова для выраженія годовъ событій; когда передъ нимъ рядъ такихъ словъ: *рѣдкое*, *накликали*, *напали*, и т. п. Что̀ ему дѣлать? Согласно методѣ Ревентлова и передѣлкѣ ея для русскихъ г. Чумиковымъ, онъ долженъ: во-первыхъ, затвердить отношенія событій и словъ такимъ-образомъ: «Аргонавты—напали. Походъ троянскій—рѣдкое. Сраженіе при Калкѣ — наклйкали» и т. д.; во-вторыхъ, ученикъ долженъ сдѣлать повтореніе такимъ-образомъ: при названіи фактовъ въ разбивку—«Аргонавты. Соломонъ. Походъ троянскій. Ликургъ» и т. д. — назвать численныя слова и самое число; въ-третьихъ, при названіи численнаго слова: «напали, рѣдкое, любопытно» и т. д.— сказать годъ и событіе.

Этимъ и кончается затверживаніе хронологіи.

Г. Чумиковъ передѣлалъ краткое приложеніе методы Ревентлова и къ географіи.

Предоставляя гг. преподавателямъ повѣрить на опытѣ достоинства и недостатки этой методы, полагаемъ, что только опытъ можетъ повести къ точному заключенію о методѣ Ревентлова и о той пользѣ,

какую она можетъ принести. Только вслѣдствіе опыта и усилій многихъ лицъ можетъ быть усовершенствованъ выборъ характеристическихъ словъ; выборъ этихъ словъ долженъ повести и къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ самыхъ руководствахъ, куда необходимо будутъ внесены эти слова. Метода Ревентлова, непредставляющая большихъ затрудненій и теперь, можетъ-быть, будетъ еще болѣе упрощена. Да благоденствуетъ дѣтство и да будетъ оно счастливѣйшимъ возрастомъ жизни, какъ того желали нѣкоторые философы!

222) Природа *съ ея таинствами и богатствами. Выпускъ 14. Отдѣлъ первый. I. Астрономія. Тетрадь II-я. Санктпетербургъ. 1849. Въ тип. Якова Трея. Въ 12-ю д. л., отъ 255 до 528-й стр.*

Эта тетрадь «Природы» посвящена описанію планеты Урана съ его спутниками, и исторіи открытія Нептуна, которая, впрочемъ, еще неокончена.

223) Алфавитный Указатель *статей, напечатанныхъ въ Трудахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, составленный по порученію Совѣта его, Членомъ, Академикомъ и заслуженнымъ профессоромъ, Докторомъ Мед. и Хир. Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ* В. Всеволодовымъ. *С.-Петербургъ. Въ тип. III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи. 1849. Въ 8-ю д. л. VII стр. Предувѣдомленія и 432 текста.*

Въ *Предувѣдомленіи* авторъ говоритъ, что онъ, «сдѣлалъ перемѣще-«ніе статей стараго Оглавленія, приличнѣйшее смыслу ихъ и удобнѣй-«шее къ отъисканію; напр. *Рѣчь Рênованца* о пользѣ Горной Науки, «перенесъ изъ литеры *Р.* въ литеру *Г. Горная наука.* Справедливо.— Но такъ ли это выполнилъ авторъ?—На стр. 51 ищете *Горную Науку*, —а ея нѣтъ!

По смыслу словъ *Предувѣдомленія* выходитъ, что и другія рѣчи также должно отнести, по содержанію ихъ, къ общимъ ихъ знаменателямъ — но этого вы не найдете. Напр. на стр. 297 показана *Рѣчь торжествен. Джунковскаго, о пользѣ и необходимости опытнаго упражненія въ* земледѣліи и домостроительствѣ и проч.—Но вы ищете подъ словомъ *Земледѣліе* этой рѣчи, — а ея нѣтъ, какъ нѣтъ. — Подобныхъ примѣровъ многое множество въ «Указателѣ».

Въ томъ же *Предувѣдомленіи* авторъ говоритъ: «Сверхъ сего я сдѣ-«лалъ выборъ Авторовъ статей, и помѣстилъ имена ихъ, не въ особомъ «однакожь алфавитѣ, а въ алфавитѣ статей.» Посмотримъ, какъ авторъ вѣренъ словамъ своимъ на дѣлѣ.

Стр. 5 «*Аренды.* О предупрежденіи споровъ при сдачѣ арендъ. Соч. *Ливоніуса.*»—Но подъ буквою *Л* — *Ливоніуса* нѣтъ!

Стр. 6. «*Архивъ для* Исторіи Эстляндіи, Финляндіи и Курляндіи. *Бунге.*» — Но подъ буквою *Б* — *Бунге* не находится.

Такихъ примѣровъ весьма-много. Еще къ этому мы должны присовокупить слѣдующія замѣчанія:

1) Почему авторъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ *Энгельгард'А*, въ другомъ же *Энгельман'а*, т.-е. въ одномъ случаѣ употребляетъ въ окончаніи имени букву большую, въ другомъ малую, а въ третьемъ, просто, безъ этихъ особенностей, напримѣръ. *Шреттера* о топленіи, и проч. — Такая пестрота видна во многихъ мѣстахъ «Указателя».

2) На стр. 84, авторъ указываетъ на земледѣліе въ *Камчаткѣ. А*

подъ словомъ *К — Камчатка* не показана.— Вообще *Города, Губерніи и Государства* авторомъ исключены изъ *Алфавита!*

3) На стр. 79. «*Закалка* стекла въ Россіи.» Но на стр. 336, поименованы *Стекла* синія, красныя, тусклыя,—а *Закалки стеколъ* нѣтъ!— Въ этомъ отношеніи, «Указатель» составленъ чрезвычайно-неудовлетворительно.

224) Уставъ *Заведенія Общины Сестеръ Милосердія. С.-Петербургъ. 1849 г. Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній. Въ 12-ю д. л., 42 стр.*

Заведеніе Общины Сестеръ Милосердія учреждено въ 1844 году въ память въ Бозѣ почивающей Великой Княгини Александры Николаевны. Уставъ этого заведенія удостоился Высочайшаго утвержденія въ 5 день октября 1848 года. Въ уставѣ сказано, что заведеніе имѣетъ цѣлію: «Попеченіе о бѣдныхъ больныхъ, утѣшеніе скорбящихъ, приведеніе на путь истины лицъ, предавшихся порокамъ, воспитаніе дѣтей безпріютныхъ и исправленіе дѣтей съ дурными наклонностями. Сообразно съ этою цѣлью, при заведеніи учреждены: 1) Отдѣленіе Сестеръ Милосердія, 2) Женская больница, 3) Нормальная школа, 4) Исправительная школа, 5) Школа для приходящихъ дѣтей и 6) Отдѣленіе кающихся. Заведеніе состоитъ подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ; управленіе заведеніемъ ввѣряется Попечителю и Особому Женскому Комитету; одна изъ дамъ Комитета избирается для непосредственнаго начальства надъ заведеніемъ и именуется Начальницею Заведенія.

На содержаніе отпускается 14,000 р. с., изъ которыхъ: 600 р. назначаются на годовыя починки, передѣлки и на застрахованіе дома; 1,500 р. —на освѣщеніе и отопленіе; 3,000 — на жалованье должностнымъ лицамъ и прислугѣ; 5,000 — на столъ; 1,500 — на одежду; 600 р. — на содержаніе больницы и аптеки; 200 — на учебные предметы для трехъ учрежденныхъ при заведеніи училищъ, и 1,600 — на непредвидимые и мелочные расходы.

225) Das St.-Marien-Asyl *bei der Evangelisch-Lutherischen St.-Annen-Kirche zu St.-Petersburg* (Пріютъ Св.-Маріи *при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны въ Санктпетербургѣ). 1849. Въ тип. Иверсена. Въ 8-ю д. л., 14 стр.*

Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ пятый годовой отчетъ о состояніи Пріюта—съ 1-го сентября 1848 по 1-е сентября 1849 года. Капиталъ этого заведенія, состоявшій въ предшествовавшемъ году изъ 30,072 р. 71 к. сер.—увеличился въ-теченіе года 4,030 р. 12 к. Изъ этой суммы израсходовано всего 3,866 р. 96 к.; въ томъ числѣ 1,261 руб. 53 коп. на содержаніе и одежду 42-хъ питомцевъ.

226) Учебникъ Русской Словесности. *Часть I-я — теорія для среднихъ учебныхъ заведеній. (Съ примѣрами изъ лучшихъ отечественныхъ писателей.)* А. Охотина. *Санктпетербургъ. Въ тип. Военно-Учебныхъ Заведеній. 1849. Въ 8-ю д. л., VIII—226 стр.*

Различіе отзывовъ о книгѣ зависитъ отъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ на нее смотрятъ. Все дѣло въ томъ, какъ поглядишь. И потому нисколько не удивительно, если два человѣка, смотря на одинъ и тотъ же предметъ, подаютъ о немъ противорѣчащіе голоса и даже начинаютъ другъ съ другомъ ссориться, подобно тѣмъ

двумъ рыцарямъ, которые подъѣхали къ одному щиту съ восточной и западной сторонъ.

Такъ и «Учебникъ Русской Словесности» можетъ подать поводъ къ двумъ мнѣніямъ, сообразно двумъ точкамъ зрѣнія. Если взглянуть на него, какъ на компендіумъ уроковъ, которымъ авторъ и вмѣстѣ преподаватель руководствуется въ своемъ преподаваніи русской словесности и хочетъ другимъ дать такое же руководство, то, конечно, книга его заслуживаетъ одобреніе. Она — нѣчто въ родѣ программы, указывающей ученику на извѣстные, главнѣйшие предметы науки. Дальнѣйшія объясненія ученикъ пусть ищетъ или въ другихъ руководствахъ, или въ собственныхъ тетрадяхъ, составляемыхъ по болѣе-подробнымъ лекціямъ учителя. Въ «Учебникѣ Русской Словесности» сокращенно сказано обо всемъ, что̀ должно входить въ теорію словесности или какъ главное ея содержаніе, или какъ побочные, вспомогательные предметы. Тутъ есть и понятія психологическія и эстетическія, и стилистика, и, наконецъ, теорія поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій. Чего же больше для извѣстныхъ цѣлей и извѣстныхъ точекъ зрѣнія?

Но если мы обратимся къ предмету со стороны научныхъ требованій, то, безъ-сомнѣнія, встрѣтимъ въ немъ недостатки и погрѣшности, которые подраздѣлимъ на общіе, то-есть, во многихъ учебныхъ курсахъ русской словесности встрѣчающіеся, и частные, то-есть, свойственные книгѣ г-на Охотина. Для этого мы не будемъ перебирать все сочиненіе, но возьмемъ преимущественно одну его часть — теорію поэзіи.

Прежде всего двѣ замѣтки о предисловіи. Авторъ исчисляетъ пособія и источники для изученія русской словесности въ теоретическомъ и историческомъ отношеніи. Это исчисленіе далеко неполно. Оно даже неполно въ кругу исчисленныхъ руководствъ. Такъ, на-примѣръ, указанъ только I-й томъ «Историческаго Словаря» (митрополита Евгенія) о свѣтскихъ писателяхъ, тогда-какъ давно выданы оба тома; «Вѣстникъ Европы» рекомендованъ только отъ 1803 до 1811 года, какъ-будто послѣ 1811 года не было въ немъ очень-дѣльныхъ статей историко-литературныхъ; «Москвитянинъ» взятъ только за три года (1846—1848), какъ-будто прежде того нѣтъ въ немъ историческихъ матеріаловъ и критикъ.

Теперь посмотримъ на теорію поэзіи. «То сочиненіе, въ которомъ исключительно изъясняются чувствованія души *подъ вліяніемъ очаровательной игры фантазіи*, называется поэзіею» (стр. 118). Опредѣленіе чрезвычайно-неопредѣлительное. Что̀ такое *очаровательная игра фантазіи?* Въ 22-мъ параграфѣ, говоря о фантазіи, слѣдовало бы яснѣе и точнѣе объяснить значеніе поэтическихъ вымысловъ, показать, въ чемъ состоитъ ихъ согласіе съ *дѣйствительностью вообще*, т.-е., съ родами предметовъ, и въ чемъ ихъ несогласіе съ *дѣйствительностью въ частности*, т.-е., съ предметами единичными, дѣйствительно существовавшими или существующими. При разборѣ такъ-называемыхъ вымысловъ, вся сбивчивость происходитъ отъ неточнаго разграниченія между *истиной исторической*, которая состоитъ въ пунктуально-вѣрномъ изображеніи сущаго, и *истиной поэтической*, которая состоитъ въ идеальномъ изображеніи сущаго. Область первой—то, что̀ дѣйствительно было, есть или будетъ; область второй—то, что̀ могло или можетъ быть, но что̀ не противорѣчитъ существеннымъ признакамъ дѣйствительности, взятой вообще. Такъ-какъ эта дѣйствительность распа-

дается на человѣка и природу, то мы и говоримъ : «въ произведеніяхъ фантазіи, т.-е., въ идеальномъ изображеніи міра, не должны нарушаться ни законы природы, ни законы духа (человѣка)». Кто не знаетъ этихъ законовъ, тому, конечно, понравятся всѣ романы и драмы, въ которыхъ разсказывается небывальщина, тотъ *выдуманныя хитросплетенія* Дюма предпочтетъ изящнымъ созданіямъ Вальтера Скотта, для того поэтическій вымыселъ все то же, что безсмысленная ложь. Отъ идеальнаго представленія предметовъ необходимо отличать картины собственно-вымышленныя, или фантастическія въ тѣсномъ смыслѣ (какъ и отличилъ ихъ г. Охотинъ на стр. 26) — картины, въ которыхъ, говоря словами автора, есть и сапоги-самоходы, и ковры самолёты, и деревья съ золотыми яблоками. Такія созданія находятся въ произведеніяхъ народной поэзіи (сказкахъ). Сюда же принадлежатъ и многія произведенія образованной литературы, которая или воспроизводитъ созданное народной фантазіей, или творитъ особенный, въ-самомъ-себѣ замкнутый міръ. Есть ли какой-нибудь законъ для подобныхъ созданій, или они вполнѣ беззаконны? Конечно, есть, и онъ долженъ выразиться слѣдующимъ образомъ : согласіе не съ истинною дѣйствительностью, а съ воображаемой, вѣрность тому идеалу, который сотворилъ себѣ самъ авторъ. Фантастическія сказки Гофмана, противорѣча понятію о жизни, не противорѣчатъ тому понятію, которое есть плодъ его мечты или мечты лицъ, имъ выведенныхъ. Такъ, на-примѣръ, сонъ дитяти, изображенный Гофманомъ, именно таковъ, какимъ онъ долженъ быть сообразно духовному развитію дѣтей; сонъ пьянаго казака (въ разсказѣ Гоголя : «Пропавшая Грамота») какъ-нельзя больше совпадаетъ съ личностью этого казака и съ его временнымъ расположеніемъ : онъ не могъ видѣть другаго сна, ему необходимо надлежало видѣть во снѣ то, что онъ разсказывалъ. Такимъ-образомъ и въ чисто-фантастическомъ творчествѣ, постоянное свойство субъекта и его случайное состояніе суть тѣ два пункта, отъ которыхъ не уклоняется фантазія, которые выражаются въ ея созданіяхъ.

Авторъ пишетъ неправильно : драм*м*атическая поэзія. Драматическій происходитъ отъ греческаго слова дра*м*а, а не отъ драм*м*а.

Не всегда достоинство эпическихъ произведеній зависитъ отъ *неожиданности развязки* (стр. 156) : есть очень-много такихъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, въ которыхъ весь интересъ сосредоточивается на психологическомъ анализѣ, а завязка и развязка составляютъ предметъ второстепенный.

«Описательная часть эпическихъ произведеній въ драмѣ замѣняется сценою и *недопускается на сценѣ чудесное*» (157). Послѣдними тремя словами авторъ выключилъ изъ драмы цѣлый кругъ древнихъ трагедій (особенно греческихъ), гдѣ чудесное является какъ существенная даже часть, и цѣлый кругъ новыхъ оперъ, водевилей и другихъ пьесъ, отличаемыхъ именемъ *волшебныхъ*. Не эту мысль слѣдовало бы выразить автору. Ему слѣдовало бы постановить слѣдующее правило : «для интереса драммы нужно, чтобъ дѣйствующія лица, завися въ своей жизни отъ воли Провидѣнія, не отрѣшались однакожь отъ силъ, свойственныхъ человѣческой природѣ». Намъ пріятно видѣть, когда разумное существо дѣйствуетъ въ кругу своей природы, борется съ противодѣйствующими силами и побѣждаетъ ихъ собственными силами, или падаетъ въ борьбѣ отъ собственнаго безсилія. У древнихъ, сверхъестественная сила была — судьба. Она придавала драмѣ большой

эффектъ и значеніе, потому-что, при условіи несокрушимой судьбы, страданія людей становились достойнымъ предметомъ трагедіи. Нужно только умѣе располагать сверхъестественнымъ средствомъ. Люди, останавливаемые въ своихъ стремленіяхъ предопредѣленіемъ судьбы и падающіе въ напрасной борьбѣ съ нею, должны — для возбужденія къ себѣ сострананія—пріобрѣсти своими поступками наше участіе и проявить свою дѣятельную силу. Сверхъестественная сила (судьба), имѣющая рѣшительное вліяніе въ драмѣ, должна, поэтому, обнаружиться не прежде, какъ тогда, когда лица, которыя она намѣрена преодолѣть, уже успѣли внушить въ насъ къ себѣ участіе : иначе ничѣмъ-неотвратимая судьба уподобится молніи, съ огромнымъ трескомъ ударяющей въ море. Многое зависитъ и отъ того, въ какомъ видѣ появляется сила, лежащая внѣ вліянія дѣйствующихъ лицъ ; она тѣмъ эффектнѣе, чѣмъ болѣе, по своей природѣ, заставляетъ зрителя благоговѣть передъ собою, или находится въ причинной связи съ поступками дѣйствующихъ лицъ. Простой случай глупъ и невыносимъ. Хотя жертвы его и возбуждаютъ въ насъ порою состраданіе, но къ этому состраданію всегда примѣшивается какое-то негодованіе, подобное тому, какое чувствуемъ мы, услышавъ, что такой-то заслуженный человѣкъ убитъ упавшимъ сверху кирпичомъ, или что такое-то художественное произведеніе сокрушено рукою варварства. Еще меньше случая драматичное волшебство. Подъ категорію случая и волшебства подходитъ также внезапный переворотъ дѣйствія, ненаходящійся ни въ какомъ съ нимъ соотношеніи, какъ на-примѣръ, огромный лоттерейный выигрышъ, непредвидѣнная смерть того, чья жизнь была препятствіемъ, внезапное появленіе мнимоумершаго родственника, привозящаго съ собою милліоны изъ отдаленныхъ странъ свѣта, и т. д. Этимъ поэтъ заглушаетъ скорбь, которую онъ, зная такое окончаніе, безполезно старался пробудить въ насъ : непріятное ощущеніе, производимое внезапнымъ переворотомъ, похоже на то, какое чувствуется при окончаніи трогательнаго повѣствованія, стоившаго намъ слёзъ и оказавшагося подъконецъ ложнымъ. Всѣ подобныя произвольныя раздѣлки называются на сценическомъ языкѣ *deus ex machina*, потому-что случай является здѣсь подобно божеству или волшебнику, который внезапно ниспускается съ облаковъ на своей воздушной колесницѣ, рѣшаетъ все мигомъ и безъ дальнѣйшаго отлагательства велитъ убираться во-свояси какъ дѣйствующимъ лицамъ, такъ и зрителямъ. Произвольное, сверхъестественное окончаніе драмы всегда непозволительно и вредно, потому-что, не находясь въ связи съ дотолѣ бывшимъ ходомъ дѣйствія, оно уничтожаетъ разумную дѣятельность человѣка. Драматически истинно только то, что опирается на драматическомъ дѣйствіи. И потому случай допускается въ драмѣ тогда только, когда производится имъ новое дѣйствіе, чрезъ которое дѣйствующія лица овладѣваютъ нашимъ участіемъ, то-есть, когда внѣшнее побужденіе становится причиной измѣненнаго направленія и когда драматическій интересъ этой перемѣны основывается единственно на внутренней дѣятельности дѣйствующихъ лицъ.

Различіе между драмой и трагедіей не существенно : въ драмѣ, говоритъ г. Охотинъ, главное дѣйствующее лицо, *изъ обыкновеннаго круга*, преодолѣвъ всѣ препятствія, *благополучно достигаетъ цѣли*, а въ трагедіи главное лицо *историческое*, съ сильнымъ и высокимъ характеромъ, *падаетъ подъ ударами судьбы* (стр. 157 и 158). Какъ въ

драмѣ, такъ и въ трагедіи, могутъ быть лица историческія и не-историческія. Главное дѣло—опредѣлить характеръ благополучной развязки въ драмѣ и характеръ паденія въ трагедіи, которое называется иначе *трагическимъ несчастіемъ*. Эпитетомъ— *историческое* авторъ ограничилъ сферу трагедіи однѣми только трагедіями греческими и тѣми изъ новыхъ, которыя написаны по образцу греческихъ. Въ Греціи, человѣкъ имѣлъ цѣну только въ-отношеніи къ цѣлому — къ обществу, и потому героями трагедій избирались представители общественной жизни. Притомъ же идея греческой трагедіи заключалась въ борьбѣ человѣка съ судьбою; а сила судьбы обнаруживается тѣмъ больше, чѣмъ выше стоитъ человѣкъ, ею сокрушаемый. По возобновленіи трагедіи въ новомъ мірѣ, правило выбирать въ дѣйствующія лица знаменитыхъ людей осталось неизмѣннымъ: такъ во Франціи, почти до нашихъ временъ, величіе жизненнаго положенія было необходимымъ условіемъ трагизма. Это произошло оттого, что упускали изъ вида особенное отличіе древне-греческаго общества и не понимали, что предметъ трагедіи составляетъ нравственная сила. Въ-послѣдствіи возникла такъ-называемая гражданская драма въ противоположность тѣмъ трагедіямъ, которыхъ сюжетъ развивался въ высшихъ слояхъ общества.

Опера по содержанію не всегда то же, что трагедія (158): есть оперы комическія.

Не всегда монологъ происходитъ въ то время, когда лицо предается *выспреннему* восторгу или *глубокой* грусти (159): часто онъ бываетъ слѣдствіемъ *думы*.

Мы не согласны назвать дѣйствующія лица въ «Скопинѣ-Шуйскомъ» художественно-обрисованными и разговоры ихъ естественными (161). Вообще совѣтовали бы мы автору быть болѣе-строгимъ въ указаніи образцовъ и не ставить «Горе отъ Ума» и «Бориса Годунова» на ряду съ «Воздушными Замками», «Скопинымъ-Шуйскимъ» и даже «Пустодомами»: въ преподаваніи должна быть наблюдаема строгая разборчивость и серьёзная критика.

227) Ариѳметика *академика* В. Я. Буняковскаго. *(Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Составлены на основаніи Наставленія для образованія воспитанниковъ сихъ заведеній, Высочайше утвержденнаго 24 декабря 1848 года. Математика. Часть I.) Санктпетербургъ. Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній. 1849. Въ 8-ю д. л., 199 стр.*

Новое сочиненіе академика Буняковскаго, составляющее первую часть «Учебныхъ руководствъ для военно-учебныхъ заведеній», собственно есть второе изданіе въ 1844 году напечатаннаго имъ курса ариѳметики, который имѣлъ тогда большой успѣхъ и былъ допущенъ Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія къ употребленію въ гимназіяхъ. Руководство, предлагаемое нынѣ авторомъ, хотя въ главныхъ чертахъ и согласно съ первымъ изданіемъ, однако отличается отъ него очень-многими подробностями въ изложеніи и упрощеніемъ доказательствъ нѣкоторыхъ теоремъ. Такія сочиненія, какъ «Ариѳметика» г. Буняковскаго, всегда имѣли и имѣютъ чрезвычайно-важное значеніе въ нашей учебной литературѣ, вообще не очень-богатой дѣльными и хорошо-составленными книгами. Если нельзя сказать, что по предмету чистой математики совершенно нѣтъ хорошихъ руководствъ, то, по-

крайней-мѣрѣ, ихъ несравненно-менѣе, нежели по другой какой-нибудь наукѣ. Переводные и оригинальные курсы, которые издавались у насъ — болѣе или менѣе, неудовлетворительны: одни со стороны ясности изложенія, другіе въ-отношеніи полноты содержанія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти хорошо-составленныя отдѣльныя статьи; но нѣтъ ни одного, въ которомъ всѣ части предмета были бы изложены одинаково-полно и удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на новый курсъ ариѳметики г. Буняковскаго, какъ на одно изъ лучшихъ сочиненій въ этомъ родѣ.

Въ-особенности мы желаемъ, чтобъ гг. преподаватели чистой математики обратили вниманіе на общую теорію дѣлителей, которая, по нашему мнѣнію, составляетъ одну изъ самыхъ лучшихъ и наиболѣе-обработанныхъ главъ въ «Ариѳметикѣ» г. Буняковскаго: она помѣщена въ видѣ необходимаго дополненія въ четвертомъ отдѣлѣ, гдѣ объясняется сокращеніе дробей, основывающееся, какъ извѣстно, на признакахъ дѣлимости цѣлыхъ чиселъ и нахожденіи общаго наибольшаго дѣлителя. Авторъ прекрасно начинаетъ эту статью, давая понятіе о первоначальныхъ числахъ изъ разсмотрѣнія таблицы умноженія, именно изъ разсмотрѣнія тѣхъ чиселъ, которыя не входятъ въ рядъ произведеній, получаемыхъ при перемноженіи первыхъ десяти знаковъ. Этотъ пріемъ очень-остроуменъ и, по своей простотѣ и прямому соотношенію къ дѣлу, много выигрываетъ передъ обыкновеннымъ способомъ ученія о простыхъ числахъ; г. Буняковскій познакомилъ съ нимъ учащихся еще въ первомъ изданіи своей «Ариѳметики».

Объяснивъ способъ разложенія сложныхъ чиселъ на простые множители, авторъ показываетъ, какимъ образомъ опредѣлять, сколько всякое данное число можетъ ихъ имѣть, и затѣмъ прибавляетъ новую теорему, которая, сколько мы знаемъ, еще ни въ одномъ учебникѣ не была включена въ статью о дѣлителяхъ, именно — что всякое цѣлое число допускаетъ только одно разложеніе на простые множители. Далѣе слѣдуетъ объясненіе извѣстныхъ трехъ предложеній, выражающихъ общія свойства чиселъ и необходимыхъ для опредѣленія, такъ-называемыхъ, условій дѣлимости. Первое предложеніе, состоящее въ томъ, что если цѣлое число разложено на части, изъ которыхъ каждая дѣлится на извѣстный какой-нибудь дѣлитель, то на этотъ же самый дѣлитель безъ остатка дѣлится и предложенное число—послужило для доказательства другой теоремы, также неизлагавшейся до-сихъ-поръ въ элементарныхъ курсахъ и заключающейся въ томъ, что первоначальныхъ чиселъ существуетъ безконечное множество. Такимъ-образомъ авторъ ввелъ въ общую теорію дѣлимости цѣлыхъ чиселъ двѣ новыя теоремы, представивъ для нихъ простыя и очень-ясныя элементарныя доказательства.

Третьему предложенію, заключающемуся въ томъ, что если какое-нибудь число дѣлится порознь на два или на нѣсколько взаимно-простыхъ чиселъ, то оно дѣлится также и на произведеніе ихъ — авторъ въ примѣчаніи, помѣщенномъ въ концѣ книги, далъ совершенно-новое доказательство, независимо отъ свойства, по которому для всякаго цѣлаго числа существуетъ только одно разложеніе на простые множители. Доказательство свое онъ основалъ на томъ, что двѣ дроби съ знаменателями взаимно-простыми не могутъ быть равны между собою; какъ непосредственное слѣдствіе того же самаго свойства дробей, выведено еще другое замѣчательное предложеніе въ теоріи

дѣлимости цѣлыхъ чиселъ, именно: произведеніе нѣсколькихъ множителей не можетъ дѣлиться на-цѣло на число простое съ каждымъ изъ нихъ.

Общіе признаки дѣлимости на простыя числа 7, 11 и 13 излагаются въ бо́льшей части курсовъ безъ поясненія причинъ, служащихъ имъ основаніемъ; авторъ точно также сначала представилъ ихъ безъ доказательства въ четвертомъ отдѣлѣ, отнеся полное объясненіе ихъ въ прибавленіе, помѣщенное въ концѣ книги, гдѣ и развиты съ возможной подробностью всѣ необходимыя соображенія, на которыхъ вообще можно основывать выводы подобныхъ признаковъ. Здѣсь авторъ съ удовлетворительною ясностью показалъ, какимъ образомъ послѣдовательное разсмотрѣніе разрядовъ, состоящихъ изъ одной, двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. цифръ, на которыя можетъ быть разложено всякое число, приводитъ самымъ простымъ и естественнымъ образомъ къ различнымъ признакамъ дѣлимости цѣлыхъ чиселъ на нѣкоторые простые дѣлители; изъ его изложенія очень-нетрудно видѣть, какъ эти дѣлители, по свойству производимаго дѣйствія, обнаруживаются легко сами-собою. Такимъ-образомъ эта статья составила въ книгѣ г. Буняковскаго отдѣльную общую теорію для нахожденія условій дѣлимости на простыя числа, и то, что излагалось въ прежнихъ руководствахъ сбивчиво и неудовлетворительно, является здѣсь въ новомъ, усовершенствованномъ видѣ. Авторъ приложилъ общій способъ къ разрядамъ, состоящимъ изъ одной, двухъ, трехъ и шести цифръ, и очень-легко вывелъ всѣ приведенные имъ прежде безъ доказательства признаки дѣлимости на 7, 11 и 13.

Въ теоріи общаго наибо́льшаго дѣлителя, авторъ предлагаетъ новое доказательство для обыкновеннаго способа нахожденія его помощію послѣдовательныхъ дѣленій; основаніемъ этому доказательству послужило то простое и очевидное свойство всякой дроби въ-отношеніи къ обратной ей, получаемой чрезъ перемѣну числителя на знаменателя, по которому дроби такого рода всегда бываютъ или вовсе-несократимы, или сокращаются на одно и то же число, которое въ этомъ случаѣ и служитъ общимъ дѣлителемъ обоихъ ихъ членовъ. По простотѣ, это доказательство вполнѣ заслуживаетъ вниманіе преподавателей, и мы увѣрены, что современемъ оно непремѣнно будетъ внесено въ новые курсы ариѳметики.

Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что теорія дѣлителей представлена авторомъ въ болѣе-полномъ и улучшенномъ видѣ, нежели въ другихъ ариѳметикахъ. Отъ учебныхъ книгъ, въ-особенности математическихъ, если не совершенно-нельзя, то, по-крайней-мѣрѣ, очень-трудно вообще требовать новыхъ изслѣдованій и дальнѣйшаго развитія излагаемаго ими предмета; несмотря на то, однако, оказывается, что въ этомъ отношеніи «Ариѳметика» г. Буняковскаго имѣетъ много преимущества предъ другими учебниками.

Не менѣе обработана и глава о десятичныхъ дробяхъ, и въ-особенности статья о превращеніи простыхъ дробей въ десятичныя и о періодическихъ дробяхъ. Здѣсь особенно-замѣчательны разсужденія, на основаніи которыхъ авторъ самымъ строгимъ образомъ доказываетъ признаки разложимости обыкновенной несократимой дроби въ простую и смѣшанную періодическую. Г. Буняковскій разсматриваетъ этотъ предметъ съ совершенно-новой точки зрѣнія; основаніемъ для его разсужденій послужило то обстоятельство, что какую бы смѣшанную

періодическую дробь ни обращали въ обыкновенную, знаменатель непосредственно-получаемой дроби, до ея сокращенія, всегда будетъ составленъ изъ цифры 9, написанной нѣсколько разъ сряду и сопровождаемой нулями. Изъ этого онъ заключаетъ, что всякое цѣлое число, безъ исключенія, будетъ дѣлителемъ числа вида 9....9900...0, состоящаго изъ повторенной нѣсколько разъ цифры 9 съ приписанными къ ней нулями. Отъ этой общей теоремы не трудно было уже перейдти къ другой, составляющей частный случай ея, именно — всякое число, недѣлящееся на 2 или на 5, будетъ непремѣнно дѣлителемъ числа вида 9......999, т.-е. цифру 9 всегда можно написать столько разъ сряду, что полученное такимъ-образомъ число будетъ дѣлиться на-цѣло на всякое другое, первое съ 2 и 5. Эти-то самыя разсужденія, очень-замѣчательныя въ теоретическомъ отношеніи, но до-сихъ-поръ сколько извѣстно, еще невошедшія въ составъ ни одного курса ариѳметики, и послужили автору для объясненія признаковъ разложимости всякой несократимой дроби въ простую или смѣшанную періодическую. Такимъ-образомъ г. Буняковскій обогатилъ и эту часть ариѳметики новыми способами изслѣдованій, которыя совершенно-неожиданнымъ путемъ привели къ весьма-замѣчательнымъ результатамъ.

Мы указали на главныя и существенныя измѣненія, которыя ввелъ г. Буняковскій въ область ариѳметики своимъ новымъ сочиненіемъ; остается упомянуть о другихъ, хотя второстепенныхъ, но не менѣе достойныхъ вниманія, особенностяхъ его книги. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, содержащемъ въ себѣ дополненія, которыя авторъ счелъ нужнымъ прибавить къ общему изложенію, помѣщено объясненіе различныхъ системъ нумераціи, показано, какимъ-образомъ переходить отъ одной системы къ другой и съ подробностью разобраны діадическое (двойничное, двух-цифренное) и додекадическое (двѣнадцати-цифренное) счисленія; представлены даже примѣры сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, произведенные по этимъ системамъ, и показаны преимущества додекадическаго счисленія предъ обыкновеннымъ десятичнымъ. Къ числу немаловажныхъ дополненій принадлежитъ также объясненіе счисленія, употребляемаго въ нашихъ церковныхъ книгахъ; оно тоже помѣщено въ послѣднемъ отдѣлѣ, вмѣстѣ съ приложеніемъ таблицы славянскихъ письменъ, которыми въ этомъ счисленіи замѣняются арабскія цифры. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ отличіи «Ариѳметики» г. Буняковскаго, состоящемъ въ томъ, что въ ней принято новое счисленіе. Извѣстно, что счисленіе, употребляемое нами, нѣсколько несогласно съ тѣмъ, которое принято въ новыхъ математическихъ сочиненіяхъ; несогласіе состоитъ въ томъ, что единицы высшихъ разрядовъ мы считаемъ не на томъ мѣстѣ, на которомъ приняты онѣ въ новомъ счисленіи, и это различіе начинается съ бильйоновъ. Авторъ слѣдуетъ въ своей книгѣ новому счисленію, и потому принимаетъ бильйоны не на тринадцатомъ мѣстѣ, какъ мы, но на десятомъ.

Что касается до ясности изложенія, то «Ариѳметика» г. Буняковскаго, какъ и вообще всѣ сочиненія этого геометра, можетъ служить образцомъ въ этомъ отношеніи. Но, кромѣ ясности и строгости доказательствъ, она отличается еще простотою пріемовъ и однообразіемъ способовъ объясненій, что, безъ-сомнѣнія, для начинающихъ много облегчитъ изученіе. Существенный недостатокъ бо́льшей части математическихъ учебныхъ книгъ заключается въ неточности опредѣленій,

которыя обыкновенно даются составителями элементарныхъ курсовъ основнымъ началамъ науки, вслѣдствіе чего затрудняется изложеніе самого предмета и становится нерѣдко сбивчивымъ и неяснымъ. Строгой точности опредѣленій не легко достигнуть вообще во всякой отвлеченной наукѣ; тѣмъ труднѣе это въ математикѣ, предметъ которой обнимаетъ самыя общія и обширныя понятія. Поэтому-то очень-рѣдко удается, какъ преподавателямъ, такъ и составителямъ математическихъ курсовъ, вѣрно и опредѣлительно выражать отвлеченныя аналитическія сужденія, и часто очень-много потребно усилій и искусства, чтобъ отчетливо и ясно излагать самыя простыя, элементарныя начала математики. Весьма-близкій примѣръ, въ настоящемъ случаѣ, представляетъ намъ опредѣленіе ариѳметики, какъ науки о числахъ, обыкновенно даваемое въ большей части учебниковъ — опредѣленіе въ строгомъ смыслѣ вовсе неидущее той наукѣ, которой его приписываютъ. Если разсматривать числа въ-отношеніи способа представленія ихъ и различныхъ дѣйствій, которыя можно совершать надъ ними, то совокупность такого рода изслѣдованій, дѣйствительно, составитъ содержаніе той науки, которую мы привыкли называть «ариѳметикою». Но, кромѣ-того, числа можно изучать, разсматривая совершенно съ иной точки, на-примѣръ, въ-отношеніи ихъ способности, независимо отъ всѣхъ системъ нумераціи, удовлетворять опредѣленному какому-нибудь условію или закону, на-примѣръ, закону такъ-называемыхъ первоначальныхъ чиселъ, которыя, кромѣ единицъ и самихъ-себя, ни на какое другое число не дѣлятся Изслѣдованіе подобныхъ свойствъ чиселъ, которыхъ, безъ-сомнѣнія, можетъ быть множество, составляетъ предмтеъ особой науки—теоріи чиселъ, называемой также «трансцендентной ариѳметикой», болѣе общей и обширной, нежели ариѳметика элементарная, которой она много облегчаетъ численныя выкладки, часто по своей огромности невыполнимыя безъ ея помощи. Г. Буняковскій принялъ въ своемъ сочиненіи иное опредѣленіе ариѳметики : «Ариѳметика есть наука, въ которой предлагаются правила «для произношенія всякихъ чиселъ, для изображенія ихъ приличны-«ми знаками, и, наконецъ, для производства надъ ними различныхъ «выкладовъ или дѣйствій»— и мы считаемъ это определеніе точнымъ и вполнѣ-удовлетворительнымъ.

228) Русская Исторія для дѣтей. *Москва. Въ тип. Александра Семена. 1849 г. Въ 8-ю д. л., стр. 161, съ картинками.*

Этимъ выпускомъ окончено изданіе «Русской Исторіи для дѣтей», предпринятое еще въ 1846 году. Въ немъ заключается исторія Россіи отъ Іоанна III до нынѣшняго времени. По предмету, всѣ такія книги не могутъ быть безполезными. Цѣль изданія — знакомить дѣтей съ отечественной исторіей—похвальна ; исполненіе удовлетворительно.

229) Учебная Грамматика Русскаго Языка, *основанная на логическомъ разборѣ предложеній. Изданіе коллежскаго совѣтника* Ст. Гуро. *Санктпетербургъ. 1849. Въ тип. К. Крайя. Въ 16-ю д. л., IV и 86 стр.*

Съ нѣкотораго времени чаще прежняго начали появляться у насъ практическіе учебники русскаго языка — доказательство, что преподаватели стали смотрѣть серьёзнѣе на предметъ и, вмѣсто сухаго заучи-

ванія опредѣленій и правилъ, излагаютъ теперь формы отечественнаго языка на законахъ логическаго развитія. Молодые наставники поняли, какъ безполезна и тягостна старая метода механическаго изученія грамматики, и какъ благодѣтельно должна дѣйствовать на умственное развитіе новая система практическаго преподаванія. Кромѣ педантовъ теперь никто уже не защищаетъ старой схоластики, которая губила столько драгоцѣннаго времени въ нашей молодости и приносила пользу только тѣмъ, кому, по выходѣ изъ ея чистилища, удавалось совершенно забыть ее. Новая практическая метода въ преподаваніи отечественнаго языка, одобренная учебнымъ начальствомъ, теперь совершенно установилась въ нашихъ заведеніяхъ, по-крайней-мѣрѣ въ столицѣ. Между-тѣмъ теоретическія грамматики гг. Греча и Востокова остаются, какъ и прежде, классными руководствами. Это происходитъ, однакожь, не отъ привязанности къ авторитетамъ, но оттого, что, какъ начальство, такъ и преподаватели, видятъ очень-хорошо разницу между изустнымъ преподаваніемъ и составомъ самыхъ учебниковъ. Учитель можетъ и долженъ вести воспитанниковъ практическимъ путемъ, заставляя выводить законы языка изъ образцовъ, а не пригонять примѣры къ правиламъ, какъ дѣлалось прежде. Книга, напротивъ, служитъ ученикамъ только пособіемъ для того, чтобъ припоминать слышанное въ классѣ; а потому наука должна излагаться въ ней послѣдовательно и заключаться систематическое изложеніе тѣхъ фактовъ и законовъ, до которыхъ учащіеся доходятъ на лекціяхъ путемъ сознательнаго опыта. Мы не говоримъ о такъ-называемыхъ *самоучителяхъ*, назначаемыхъ для того, кто волей или неволей принужденъ учиться безъ пособія преподавателя: въ сочиненіяхъ этого рода метода изложенія науки всего важнѣе. Но книги, составляемыя для руководства въ классахъ, гдѣ всякій вопросъ долженъ объясняться подробно учителемъ, не имѣютъ съ ними ничего общаго. Потому мы убѣждены, что практическіе учебники совершенно-ненужны дѣтямъ при хорошемъ наставникѣ и безполезны при дурныхъ: они приносятъ пользу образованію только какъ ученыя сочиненія и наставленія для самихъ преподавателей. «Учебная Грамматика Русскаго Языка», по поводу которой мы высказали эту мысль, составлена по системѣ извѣстнаго филолога Геккера. Впрочемъ, нѣмецкій ученый понималъ, что нужно только образовать учителей и убѣдить ихъ въ преимуществахъ новой практической методы, и потому не издавалъ учебниковъ, а написалъ одно руководство для самихъ наставниковъ. Въ-послѣдствіи уже Вурстъ составилъ практическую книгу для дѣтей, хотя, собственно, его «Sprachdenklehre» можно назвать не грамматикою, а только собраніемъ приготовительныхъ свѣдѣній, какъ матеріала къ изученію теоріи языка. Съ его-то легкой руки явилось и у насъ нѣсколько практическихъ грамматикъ, которыя, по нашему мнѣнію, принесли много пользы преподавателямъ, но рѣшительно не годятся дѣтямъ въ учебныхъ заведеніяхъ, потому-что показываютъ только, какъ учить языку, а не представляютъ систематическаго изложенія формъ и законовъ. При всемъ томъ мы считаемъ долгомъ сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ учебниковъ въ этомъ родѣ, изданный теперь г-мъ Гуро едва-ли не самый лучшій. Мы прочли внимательно книжку и убѣдились, что авторъ основательно изучалъ языкъ, наблюдалъ за своимъ преподаваніемъ, многое обдумывалъ и соображалъ; а потому рекомендуемъ ее учителямъ, съ увѣренностью, что они найдутъ въ ней удовлетворительную практическую грамматику, соста-

вленную по системѣ Беккера, которую авторъ добросовѣстно изучалъ на собственной практикѣ.

Въ предисловіи къ «Учебной Грамматикѣ» составитель ея говоритъ: «При бѣдности нашей учебной литературы, вѣроятно, и мою грамма-«тику вздумаетъ кто-нибудь разбирать. Покорно прошу г. рецензента «не ограничиваться одними общими, теоретическими мнѣніями, а ука-«зать мнѣ положительно, что въ ней дурно.» Охотно исполняемъ его желаніе и указываемъ на тѣ мѣста, гдѣ, по нашему мнѣнію, есть значительныя ошибки и неточности.

Развивая всѣ этимологическія формы изъ предложенія, авторъ говоритъ прежде о главныхъ частяхъ его—подлежащемъ и сказуемомъ, потомъ переходитъ къ словамъ, выражающимъ эти рѣчи, и разсматриваетъ сперва имя, а потомъ глаголъ. Какимъ же образомъ, при такой системѣ, спряженіе является у него прежде склоненій? Намъ кажется, что это нововведеніе, нисколько необлегчающее изученія языка и невытекающее даже изъ положеній самого автора, произошло только отъ желанія блеснуть оригинальностью. Въ статьѣ объ имени существительномъ, опредѣляя имена, неимѣющія множественнаго числа, авторъ пишетъ: «Имя существительное, означающее предметъ, «или классъ предметовъ, такой, *которому* нѣтъ подобнаго, *который* «никогда и нигдѣ не повторяется, или *который* вездѣ одинаковъ, не «можетъ имѣть множественнаго числа. Напримѣръ, вселенная, приро-«да, воздухъ.» (Стр. 29.) Здѣсь важный пропускъ, потому-что ни слова не сказано объ именахъ вещественныхъ и названіяхъ многихъ растеній, на-примѣръ: мука, капуста, перецъ. Они также не имѣютъ множественнаго числа, а между-тѣмъ ихъ никакъ нельзя подвести подъ опредѣленіе автора. Далѣе, въ описаніи употребленія именительнаго падежа, находимъ такія строки: «Означая независимое состо-«яніе предмета, именительный падежъ управляетъ другими словами, но «самъ никакимъ не управляется, никакому не подчиняется, иначе ска-«зать: нѣтъ словъ, требующихъ именительнаго падежа.» А въ выраженіяхъ: онъ произведенъ *въ офицеры*, его записали *въ мѣщане*—развѣ именительный падежъ не зависитъ отъ предлога и не управляется имъ?

Въ объясненіи степеней сравненія «Учебная Грамматика» говоритъ: «Прилагательныя числительныя и притяжательныя не могутъ имѣть «степеней сравненія, т.-е. сравнительной и превосходной. Это потому, «что въ признакахъ, ими означаемыхъ, къ какимъ бы и къ сколькимъ «бы предметамъ эти признаки ни относились, никогда разницы быть «не можетъ.» Вмѣсто этого гораздо-проще слѣдовало бы объяснить, что одни прилагательныя имена означаютъ качества измѣняемыя, случайныя, другія—свойства постоянныя, нераздѣльныя съ предметомъ, а потому первыя качества, какъ перемѣнныя, могутъ являться въ большей или меньшей мѣрѣ, вторыя же постоянны, и, слѣдовательно, во всѣхъ предметахъ одинаковы. Вотъ причина, по которой въ именахъ, выражающихъ случайныя качества, есть степени сравненія, а въ тѣхъ, которыя означаютъ постоянныя свойства, ихъ нѣтъ и быть не можетъ.

Статья о глаголахъ изложена коротко и неудовлетворительно. Авторъ не говоритъ ни слова о такъ-называемыхъ *видахъ*, которые служатъ камнемъ преткновенія для учащихъ и учащихся. Правда, ни одна часть грамматики не находится у насъ въ такомъ жалкомъ положеніи, какъ

глаголъ и особенно значеніе временъ въ разныхъ видахъ. Ломоносовъ удовольствовался тѣмъ, что подраздѣлилъ прошедшее и будущее времена нашихъ глаголовъ на совершенныя и несовершенныя—и прекрасно сдѣлалъ. Но впослѣдствіи Шлёцеръ, основываясь на различномъ значеніи неопредѣленнаго наклоненія, подалъ мысль о *видахъ*, отчего вопросъ, однакожь, нисколько не подвинулся впередъ. Въ однѣхъ грамматикахъ начали дѣлить глаголы на три вида, въ другихъ— на четыре, въ иныхъ даже на шесть, а дѣло оставалось все такъ же запутаннымъ, какъ и прежде. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этого вопроса, но мы постараемся при удобномъ случаѣ доказать, что знаменитые виды русскихъ глаголовъ ничѣмъ не отличаются отъ сложныхъ временъ въ другихъ языкахъ. Между-тѣмъ авторъ «Учебной Грамматики», выпуская совершенно виды, ни слова не говоритъ о подраздѣленіи прошедшаго и будущаго времени, и оттого въ книгѣ его выходитъ значительный пропускъ. Въ подробностяхъ есть также важные недосмотры. На-примѣръ, въ правильномъ глаголѣ повелительное наклоненіе спрягается такимъ образомъ: «я говори, ты говори, онъ говори». Къ-чему спрягать это наклоненіе въ первомъ и третьемъ лицѣ? Если въ русскомъ языкѣ употребляются выраженія: «*скажи я* это, *прочти онъ* эту книгу, дѣло пошло бы иначе», то это не что иное, какъ только условные обороты: «*еслибъ я сказалъ* это, *еслибъ онъ прочелъ* книгу, дѣло пошло бы иначе.» Другаго значенія не можетъ быть, и притомъ всѣ подобныя выраженія употребляются только въ видѣ или времени однократномъ.

Вотъ замѣчанія, которыя мы сочли нужнымъ высказать автору, тѣмъ-болѣе, что признаёмъ его учебникъ однимъ изъ лучшихъ практическихъ сочиненій по части русской грамматики. Мы желали бы, чтобъ составитель «Учебной Грамматики», пересмотрѣвъ и обработавъ свою книгу, особенно въ-отношеніи къ глаголамъ, далъ ей въ слѣдующихъ изданіяхъ совсѣмъ-другое назначеніе, болѣе-сообразное съ пользою, и написалъ изложеніе своей методы, какъ наставленіе преподавателямъ, а не какъ руководство для учениковъ.

230) Новоизобрѣтенная Игра *Почта или Путешествіе въ городъ. Составленное* (?) Иконниковымъ. *Санктпетербургъ. 1849. Въ тип. Карла Крайя. Въ 8-ю д. л., 4 и 4 стр. съ чертежемъ.*

Кому незнакома игра, изобрѣтенная впервые едва-ли не самимъ Хамомъ, если не его непосредственными потомками, и извѣстная съ того времени подъ именемъ «гусёка», тотъ можетъ воспользоваться *составленнымъ новоизобрѣтеніемъ* г. Иконникова и, научившись играть въ «почту», получить полное право на званіе человѣка, умѣющаго играть въ «гусёкъ», потому-что первобытный «гусёкъ» и новоизобрѣтенная «почта» — одно и тоже. Впрочемъ, несмотря на тождество новоизобрѣтенной игры съ игрою, изобрѣтенною вскорѣ послѣ всемірнаго потопа, въ предлагаемой брошюрѣ, содержащей въ себѣ описаніе этой игры на отечественномъ и французскомъ языкахъ, есть нѣчто дѣйствительно-новое, только не для любителей игоръ, а для любителей слова. Вотъ какъ г. Иконниковъ излагаетъ свои мысли:

«Правило игры заключается въ слѣдующемъ: *число* играющихъ *можетъ быть* (?) *неограниченное* (какъ-будто и бываютъ такія числа!), (;) играющіе (,)

разложивъ таблицу (,) (никакъ не прежде?) должны условиться такимъ образомъ : поставивъ на изображеніе города, на срединѣ таблицы означеннаго (то есть на изображеніе города, на срединѣ таблицы изображеннаго?), чашечку, въ которую каждый играющій долженъ положить по 6 марокъ, потомъ (поставивъ... потомъ; о, граматика!) первый (?) начинаетъ метать двумя костями (?) съ очками (?) и *смотря сколько* (!) очковъ выпадетъ, *становится* (?) на *номерѣ* (?) числа очковъ и т. д. »

А что именно происходитъ далѣе : продолжаетъ ли играть *первый*, или прочіе игроки повторяютъ продѣлку перваго?—Этого не извѣстно: потому-что непосредственно послѣ приведеннаго нами описанія игры, слѣдуетъ роспись значенія 85-ти клеточекъ, изображенныхъ на особомъ, приложенномъ къ брошюрѣ, листѣ, или на особой, какъ говоритъ новоизобрѣтатель, таблицѣ.

Эта роспись составлена также довольно-*удачно;* частію совершенное отсутствіе знаковъ препинанія, частію замѣна точекъ запятыми, придаютъ ей самый-оригинальный, чисто-новоизобрѣтенный характеръ. Въ ней говорится, на-примѣръ :

« *Нищій*, клад*утъ* 1 марку. »
« *Застава* уѣзднаго города, *получается* прогонныхъ денегъ 12 марокъ. »
« Застава платить (?) 6 марокъ. »
« Скалы выкинуть должно четъ 2 и 2 очка », и т. д.

231) Междудѣлье. *Альманахъ разнообразныхъ статей, по смыслу и качеству принадлежащихъ разнымъ неизвѣстнымъ писателямъ и собраннымъ во-едино* — Иваномъ Ваненко. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института-Восточныхъ-Языковъ. 1848. Въ 12-ю д. л., 181 стр.*

232) Семейныя приключенія животныхъ. *(Басни инаго манера). Сочиненіе* Ивана Ваненко. *Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1849. Въ 12-ю д. л., 94 стр.*

Имя г. Ивана Ваненки давно уже знакомо читателямъ. Оно пріобрѣло нѣкотораго рода извѣстность, которая всегда, рано или поздно, служитъ наградою таланту, болѣе или менѣе замѣчательному — по-крайней-мѣрѣ такому, который не прокрадется незамѣченнымъ отъ журнальной оцѣнки. Притомъ этотъ талантъ или способность (не будемъ спорить о словахъ) ясно обозначился въ своихъ свойствахъ, тѣмъ съ большею опредѣленностью, что все, написанное г-нъ Иваномъ Ваненкой, относится къ одному и тому же роду. Мы даже знаемъ, что и всѣ будущія его сочиненія не выйдутъ изъ границъ своей сферы. Эта сфера — или сказка или пародія. Въ двухъ книжечкахъ, теперь вышедшихъ, есть то и другое. Въ сказкахъ довольно-вѣрно воспроизводится характеръ народныхъ былинъ; видно, что автору знакомы преданія, поговорки и складъ рѣчи русскаго народа. Но пародіи... какая цѣль ихъ?.. Мы, признаться, не видимъ нужды въ частомъ повтореніи одного и того же. Правда, при первомъ появленіи такихъ пьесъ, каковы : «Шмелиное желаніе, или о томъ, что трудно пріискать друга по нраву», «Муравьиное завѣщаніе, или о томъ, что нажитое не добромъ въ прокъ не пойдетъ», «Утиныя чувствованія,

или о томъ, какъ обстоятельства измѣняютъ нравъ», и пр. и пр., намѣреніе автора ясно выказывалось изъ-за шутливой аллегоріи — намѣреніе посмѣяться не только надъ романтизмомъ въ литературѣ, но и надъ романтизмомъ въ жизни. Какъ шутка, имѣющая справедливое основаніе и благородное побужденіе, пародія должна была возбудить интересъ. Какъ шутка, повторенная въ томъ же видѣ, она теряетъ силу первоначальнаго впечатлѣнія. Одно и то же, хотя и не дурное, пріѣстся. Только сильный талантъ способенъ держать долго вниманіе читателей на одной и той же мысли, выводить разнообразныя и счастливыя варьяціи на одну и ту же тему. Басни г. Ваненко пародируютъ, кромѣ содержанія, самый размѣръ стиховъ и тонъ выраженія. Для примѣра, вотъ пьеса: «Муравьиное Завѣщаніе».

Такъ, умирая, старый Муравей
Оканчивалъ житейскіе разсчеты
Въ кругу родныхъ, знакомыхъ и друзей,
И всѣхъ, о комъ онъ полонъ былъ заботы.

«Друзья мои, и дѣти, и отцы,
И братія... настало уже время,
Пора свести съ концами мнѣ концы,
Пора сложить мнѣ грѣшной жизни бремя...

Я чувствую, что ноги ужь не тѣ,
И щупальцы мои ужь притупились:
Я ихъ умаялъ въ тягостномъ трудѣ:
Пора на отдыхъ; дни мои свершились!

Вы собрались на мой послѣдній зовъ,
Вы притекли разумною толпою...
Но по-пусту что тратить много словъ,—
Пришли вы взять награбленное мною!..

И, видите, запасся я добромъ:
Такихъ яицъ едва-ли вы видали...
Да страшно мнѣ; забочусь объ одномъ —
Нажитаго, чтобъ вы не промотали!..

Взгляните—здѣсь запасъ на круглый годъ.
Вотъ половина стрекозы, два жука,
Три паука, червякъ, пять мухъ — и вотъ
Пол-яблока... Добыть — нужна наука!

Не просто я вотъ-такъ все обобралъ —
А нужны были хитрость и уловка:
Иныхъ убилъ, иное своровалъ,
Иль у своихъ иное отнялъ ловко...

И нажилъ вотъ— и вмѣсто, чтобъ пожить,
Довольствоваться честными трудами—
Околѣваю... жалко, но какъ быть!»
И Муравей простерся вверхъ ногами.

Наслѣдники оплакали его,
И за ноги стащили въ подземелье;

Потомъ, любя роднаго своего,
Не мѣшкая, схватились за имѣнье...

Какъ-вдругъ явился птицеловъ Пахомъ
Къ наслѣдникамъ, и заварилъ имъ кашу :
Онъ всю семью ошпарилъ кипяткомъ,
А яица всѣ выгребъ на продажу.

Изъ альманаха : «Междудѣлье» выписываемъ двѣ пьесы :

Лукерья Матвѣвна.

(*Вальсъ.*)

Лукерья Матвѣвна, за что такъ жестоко
Казните вы взглядомъ Луку Ѳомича?
Онъ бѣдный, отъ взора гнѣвливаго ока,
Какъ сальная таетъ отъ солнца свѣча!

За что же? Что скушалъ онъ банку съ груздями
Безъ вашего спросу — такой сибаритъ!
Роскошенъ... Что жь дѣлать — судите вы сами,
Что жь дѣлать, коль есть у него аппетитъ?

Лукавый попуталъ; для страсти грибовной
Онъ самъ не рѣшился бъ пятнать свою честь —
Да ключница ваша, Ненила Петровна,
Забыла съѣстное на погребъ отнесть.

О, Боже мой! снова глядите вы гнѣвно,
Какъ бы подтверждая : никакъ не прощу !
Лукерья Матвѣвна, Лукерья Матвѣвна!
Уже ль нѣтъ пощады Лукѣ Ѳомичу ?

Къ тому же супругъ онъ вашъ, вспомните это,—
И стоитъ ли шумъ изъ груздей подымать?
Нѣтъ, будьте примѣромъ согласья для свѣта,
Простите его, примиритесь опять!

Дарья Прокловна.

(*Полька.*)

Дарья Прокловна, злодѣйка,
Подкузмила ты меня,
Продала ни за копѣйку—
Эхъ, испортила коня!

Экой былъ я бойкій, рьяной,
Не удержите никакъ;
Хоть взнуздай уздой ремянной —
Разнесу, бывало, въ прахъ!

А теперь, куда какъ плохо,
Знать не тѣ ужь времена :
Только знай крехти, да охай,
А вѣдь все виной жена —

Дарья Прокловна! ну, право,
Подъ недобрый видно часъ,
За грѣхи ли то лукавый
Свелъ не въ пору вмѣстѣ насъ...

Навязалася въ невѣсты,
Не красива, вѣдь кажись,
А пристала точно къ тѣсту—
Хоть ты лопни, а женись.

Съ дуру ль, съ молоду ль, не помню,
Я и втюрился, винюсь.

Вотъ она и доконала —
Такъ-что ты хоть волкомъ вой!
Вотъ лѣтъ сорокъ ужь безъ-мала
Мы воюемъ межь собой !

Впрочемъ, кромѣ пьесъ въ шуливомъ тонѣ, пьесъ-пародій, есть въ альманахѣ и другія статьи, тона серьёзнаго, выражающія чувство трогательное; на-примѣръ. «Онъ», «Минута грусти», и пр. Всѣ онѣ высказываютъ въ авторѣ присутствіе таланта.

233) Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть шестая. Санктпетербургъ. 1849. Въ тип. Карла Крайя. Въ 12-ю д. л. 324 стр.*

Воспоминанія или записки писателя, лѣтъ тридцать печатающаго свои большія и малыя сочиненія, должны были возбудить любопытство во многихъ. Это очень-естественно. Многіе литераторы издаютъ свои записки, или воспоминанія, желая представить себя въ настоящемъ видѣ, искренно высказать всѣ свои намѣренія и даже помышленія. Въ такихъ запискахъ увидите вы не литератора въ необходимой для него маскѣ, а человѣка, да, человѣка! Иначе, не для чего ему писать и издавать свои записки. Собственно, записки—трудъ не литературный, и ни одному писателю никогда не прибавятъ онѣ литературной славы, если онъ предпріиметъ ихъ не съ какою-нибудь особенною цѣлью, а съ прямымъ желаніемъ представить публикѣ свою исповѣдь. Иное дѣло—записки людей государственныхъ и лицъ политическихъ... Но что можетъ быть важнаго, общелюбопытнаго въ жизни человѣка, по занятію своему уединеннаго отъ треволненій міра, вольнаго, а иногда и невольнаго затворника, привыкшаго проводить время въ ученомъ кабинетѣ или въ кругу немногихъ друзей? Одно средство поддержать любопытство и оправдать вниманіе публики къ запискамъ литератора — искренность. Публика уже знаетъ писателя по его сочиненіямъ, и чѣмъ больше любитъ его, тѣмъ съ бо́льшимъ интересомъ будетъ читать искреннюю повѣсть о томъ, какъ пріобрѣлъ онъ взглядъ свой на жизнь, что видѣлъ въ окружавшихъ его людяхъ и событіяхъ, какіе опыты, изученія, случайности заставили его возвысить свой голосъ при томъ или другомъ стеченіи обстоятельствъ. Такая исповѣдь любопытна и поучительна, и тутъ не писатель, а человѣкъ, съ необыкновеннымъ взглядомъ, съ живою чувствительностью—словомъ, съ дарованіемъ, можетъ быть увлекателенъ.

Конечно, такой исповѣди, или чего-нибудь въ родѣ ея, вѣроятно, ожидали читатели «Воспоминаній» г. Булгарина, написавшаго нѣсколько романовъ, нѣсколько томовъ мелкихъ статеекъ, нѣсколько неконченныхъ книгъ, говорливаго аристарха, который, въ послѣдніе годы, чуть-ли не два раза въ недѣлю, судитъ и рядитъ въ «Сѣверной Пчелѣ» обо всемъ, начиная отъ подовыхъ пироговъ и анти-зловоннаго порошка, до высшихъ вопросовъ въ наукахъ, въ искусствахъ и даже въ общественной жизни. Любопытно было видѣть, какъ представитъ *себя* этотъ безпощадный судья всѣхъ и всего, и какъ познакомитъ съ собою, съ своею жизнью, съ своими помышленіями тѣхъ, которые знали его какъ писателя.

Съ первыхъ частей «Воспоминаній», оказались напрасными всѣ подобныя ожиданія. Послѣ незанимательныхъ подробностей о своемъ дѣтствѣ (любопытно ли слушать, какъ дѣтей кормятъ кашей и сѣкутъ прутомъ?), онъ началъ описывать современныя историческія событія. Конечно, изъ книгъ Михайловскаго-Данилевскаго, графа Сухтелена, изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ, можно извлечь много любопытнаго о войнахъ Императора Александра; но развѣ это будутъ «записки очевидца»? Развѣ такъ писали о войнахъ очевидцы ихъ, гг. Глинка (Ѳедоръ), Лажечниковъ, Ахшарумовъ, Норовъ, Радожицкій, и другіе? Г. Булгаринъ пустился въ общія соображенія, въ біографіи, надѣлалъ притомъ множество ошибокъ (какъ доказано это въ журналахъ), и весь интересъ собственныхъ его приключеній ограничивается разсказомъ о томъ, какъ онъ пилъ, ѣлъ, падалъ съ лошади—словомъ, повседневными происшествіями, о которыхъ и вспоминать не стоило. Едва-ли найдется въ первыхъ пяти частяхъ его книги пятьдесятъ страницъ *собственныхъ его* интересныхъ воспоминаній.

Любопытство къ такимъ воспоминаніямъ не могло не упасть. Наконецъ, вотъ, выходитъ и *шестой* томъ ихъ, выходитъ тихо, безъ объявленій и безъ надеждъ отъ издателей... Можно еще много ожидать такихъ томовъ, потому-что въ *шестомъ* событія литературной жизни автора подвинулись недалеко... Но, покуда, мы обязаны говорить о томъ что находимъ въ шестомъ томѣ.

Тутъ авторъ вдругъ переноситъ васъ въ Кронштадтъ и представляетъ себя уже осѣдлымъ жителемъ въ этомъ городѣ... А какъ, для чего и почему переселился онъ туда послѣ веселой жизни въ Петербургѣ и послѣ службы въ уланскомъ Его Высочества полку?.. авторъ не объясняетъ ничего, таинственно говоря: «Много испыталъ я въ жизни горя, «но чтобъ, по словамъ Крылова, *гусей не раздразнить*, умалчиваю о мно-«гомъ...» Читатель готовъ всегда уважать домашнія отношенія; но если нельзя было описывать самого любопытнаго, нельзя было соблюдать даже связи въ разсказѣ происшествій жизни — то для чего же было и начинать описаніе ея? Развѣ обязанъ я угадывать то, о чемъ вы умалчиваете? спрашиваетъ обманутый въ ожиданіи читатель. И зачѣмъ вы дразните насъ, вашихъ читателей, дразните наше любопытство, и, вмѣсто драматическихъ сценъ изъ вашей жизни, представляете выписки изъ чужихъ книгъ, или такіе анекдоты и картинки, о которыхъ, право, не знаешь что и подумать...

Разсказъ начинается описаніемъ Кронштадта; но тщетно стали бы вы искать тутъ свѣдѣній объ этомъ главномъ гнѣздѣ русскихъ флотовъ, гнѣздѣ, свитомъ Великимъ-Петромъ, и донынѣ носящемъ на себѣ слѣды его генія. Для автора «Воспоминаній» Кронштадтъ суще-

ствовалъ только въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ — а это общество ограничивалось нѣсколькими товарищами его удовольствій, или случайными знакомыми, изъ которыхъ интереснѣе всѣхъ одичалый Французъ Кабри́, вывезенный съ острова Нукагивы Крузенштерномъ въ Камчатку, а оттуда пріѣхавшій въ Петербургъ съ графомъ Толстымъ.

«Кабри былъ небольшаго роста, сухощавый, смуглый, неправильнаго очерка лица, изуродованнаго наколотыми узорами (tatoué) темно-синяго цвѣта. Взглядъ его выражалъ врожденную свирѣпость, и онъ имѣлъ всѣ кошачьи ухватки. Когда онъ улыбался, то казалось, что хочетъ укусить человѣка. Умъ его былъ во всѣхъ отношеніяхъ ограниченный, и онъ могъ говорить порядочно только о своемъ любезномъ островѣ Нукагивѣ. Впрочемъ, весь остальной міръ казался ему недостойнымъ вниманія. Удивительнѣе всего, что этотъ одичалый уродъ *имѣлъ* прелестную *жену* (Русскіе такъ не говорятъ и не пишутъ), Француженку, изъ одного Петербургскаго моднаго магазина (*имѣлъ жену — изъ магазина*... Доказательство, что русскому языку нельзя научиться только изъ «Краткой Грамматики» г-на Греча!)... Я почти ежедневно навѣщалъ Кабри и проводилъ у него вечера...» (Стр. 49.)

Другое оригинальное лицо, описываемое г-мъ Булгаринымъ—мѣщанинъ Голяшкинъ, хозяинъ дома, въ которомъ авторъ «Воспоминаній» нанималъ квартиру.

«Онъ остался навсегда въ моей памяти (говоритъ авторъ). Голяшкинъ былъ лѣтъ пятидесяти отъ рожденія, сухощавъ, хромъ, пилъ хлѣбное вино, и распѣвалъ пѣсни съ утра до ночи, всегда былъ веселъ (не *навеселѣ* ли?), и безпрестанно балагурилъ то съ домашними, то съ прохожими... Голяшкинъ ѣлъ каждый день яичницу, и всегда приносилъ мнѣ половину на тарелкѣ, съ поклонами, съ ужимками, съ припѣвами и поговорками... Голяшкинъ полюбилъ меня и даже привязался ко мнѣ, и я, видя доброе его сердце и притомъ *находя развлеченіе въ его веселости*, позволялъ ему балагурить ..» (Стр. 48—50)

«Изъ его отрывчатыхъ разсказовъ узналъ я, что онъ родомъ Олончанинъ, пришелъ въ Кронштадтъ мальчикомъ-сиротою; былъ сперва золотаремъ, потомъ дрягилемъ (носильщикомъ), грузильщикомъ судовъ, перевощикомъ, потомъ сталъ торговцемъ корабельныхъ снастей, и, наконецъ, какъ онъ говорилъ, вышелъ въ отставку отъ всѣхъ дѣлъ, и сталъ жить припѣваючи (это было буквально правда), доходами съ небольшаго своего капитала. Изъ разсказа его я догадался, что онъ, *будучи* лодочникомъ или перевощикомъ, *занимался* контрабандою, какъ почти всѣ тогдашніе Кронштадтскіе жители.» (Стр. 53.)

Право, такіе оригиналы, какъ Голяшкинъ и Кабри́, лучше самыхъ оригинальныхъ изобрѣтеній въ романахъ, называемыхъ «Выжигиными»... Но г. Булгаринъ говоритъ, что ему скучно было въ кругу кронштадтской аристократіи, и вотъ какъ объясняетъ онъ это:

«Кто привыкъ къ крѣпкимъ напиткамъ, тотъ, при ихъ недостаткѣ, предпочтетъ чистую сивуху подмѣшанному виноградному вину (vin frélaté). Мнѣ казалось лучше de m'encanailler, чѣмъ томиться скукою и быть послѣднимъ въ жеманномъ обществѣ.» (Стр. 55.)

Г. Булгаринъ, замѣтимъ, мимоходомъ, имѣлъ привычку употреблять французскія слова, доведенную до истиннаго комизма. Почти каждая статейка его изъузорена французскими словами, въ скобкахъ, или въ текстѣ, причемъ въ скобкахъ помѣщается и переводъ. Смѣшно то, что часто г. Булгаринъ поясняетъ такимъ образомъ слова, вовсе не требующія поясненія, въ родѣ: «здравствуй (bon jour), adieu (прощай)». Для чего

нужны подобныя толкованія? развѣ для наполненія строкъ? И въ послѣдней выпискѣ нашей изъ его книги, при словахъ: «Мнѣ казалось лучше de m'encanailler», авторъ прибавилъ въ особомъ примѣчаніи: «Выраженіе непереводимое, почти то же, что *опростонародиться*». А для кого пишете вы? спрашиваетъ читатель: развѣ для Французовъ? Въ русской рѣчи нельзя употреблять «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ», какъ сказалъ Грибоѣдовъ, котораго авторъ «Воспоминаній», обыкновенно *цитуетъ* (cite, citat, приводитъ въ доказательство), признавая «Горе отъ ума» чѣмъ-то въ родѣ алкорана. Надобно мыслить по-русски: тогда всѣ слова, употребляемыя въ нашемъ языкѣ, будутъ ясны; къ нимъ не понадобится ни французскихъ, ни нѣмецкихъ поясненій, и строчки книги не будутъ узоромъ для русскихъ читателей. Г. Булгаринъ еженедѣльно сердится на тѣхъ, кто по-необходимости употребляетъ иностранныя слова, принятыя по-крайней-мѣрѣ многими; но какая необходимость можетъ заставить писать между русскими словами чужеязычныя, и притомъ чужими буквами? Большая часть Русскихъ не могутъ и прочитать этого. Развѣ г. Булгаринъ пишетъ *для немногихъ?* Кажется нѣтъ, когда онъ употребляетъ такія слова, какъ s'encanailler, которое совѣстится и перевести буквально, потому-что буквально значитъ оно скорѣе *оподлиться*, чѣмъ *опростонародиться.*

«Жизнь моя протекала тихо между литературными занятіями и нѣ-«сколькими *пріятными знакомствами*». (Стр. 29.) Авторъ представилъ намъ, въ какомъ находился онъ обществѣ, и далѣе самъ говоритъ, что только съ бывшимъ начальникомъ своимъ, генераломъ Клугеномъ, разстался онъ съ сожалѣніемъ, когда пришлось ему уѣзжать изъ Кронштадта. Почти все остальное кронштадтское общество представилъ онъ въ такомъ видѣ, что «не поздоровится отъ этакихъ похвалъ»... Кстати достается тутъ многимъ и многому. Конечно, всякій авторъ воленъ имѣть свои сужденія, но никому не позволяется искажать событія и представлять небылицу за правду. Не вступая въ оспориваніе мнѣній автора, мы не можемъ не отмѣтить его ошибокъ и заблужденій, потому-что если онъ, писатель, принимающій на себя тонъ судьи, ошибается, то могутъ и читатели его впасть въ тѣ же ошибки, повѣривъ ложнымъ увѣреніямъ. Онъ говоритъ:

«Всѣ издѣлія англійскихъ фабрикъ и мануфактуръ были чрезвычайно дешевы, гораздо дешевле и лучше даже нынѣшнихъ *русскихъ издѣлій, которыя мы хвалимъ* теперь отчасти потому, что нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій точно хороши, *а болѣе выхваляемъ изъ патріотизма.*» (Стр. 120.)

Послѣ этого простодушнаго и откровеннаго признанія, публика будетъ знать, почему «Сѣверная Пчела» хвалитъ и восхваляетъ русскія издѣлія!.. Но мы не видимъ никакого патріотизма въ похвалѣ противъ убѣжденія, въ восхваленіи плохаго издѣлія потому только, что оно сдѣлано въ Россіи. Плохое мы всегда называемъ плохимъ, хорошее хорошимъ, и мнѣніе наше о русскихъ фабричныхъ и ремесленныхъ издѣліяхъ изложено въ статьѣ о бывшей въ нынѣшнемъ году мануфактурной выставкѣ Больше или меньше, тамъ было все хорошо; было много хорошаго, превосходнаго, что можно хвалить не изъ патріотизма, а потому, что оно истинно-хорошо и превосходно. Можно замѣчать, что иное несовершенно, иное дорого, иное вовсе не кстати, но сказать, что все наше, плохо, что надобно хвалить его только изъ па-

тріотизма — это такая несправедливость, которую горько будетъ услышать нашимъ производителямъ. Они могутъ утѣшиться тѣмъ, что хулу противъ нихъ произноситъ человѣкъ, не совершенно знающій то, о чемъ онъ говоритъ, и доказательствомъ этому служатъ слѣдующія его слова :

«Главный недостатокъ русской фабричной промышлености *былъ*, *есть* и *будетъ* тотъ, что фабрики наши, по мелочному разсчету пускаютъ въ продажу бракъ, вмѣстѣ съ хорошимъ товаромъ, когда, напротивъ, въ Англіи всѣ произведенія одной фабрики равнаго достоинства » (Стр. 120.)

Тутъ не только несправедливость, но и несообразность: во-первыхъ, фабрики наши *не пускаютъ* въ продажу брака съ хорошимъ товаромъ; бракъ — ничтожная часть въ количествѣ хорошаго товара, и онъ продается особо, даже не тѣмъ торговцамъ, которые покупаютъ хорошій товаръ; слѣдовательно, никогда не смѣшивается съ нимъ. И не-уже-ли г. Булгаринъ опытнѣе и смышленѣе всѣхъ нашихъ фабрикантовъ въ *ихъ* дѣлѣ, предполагая, что они не понимаютъ своихъ пользъ и портятъ ложкою дегтя бочку меда? Да, именно: продавать, вмѣсто добротнаго товара, бракъ, котораго бываетъ тысячная доля въ сравненіи съ хорошимъ товаромъ (разумѣется, на хорошей фабрикѣ), значитъ не знать своихъ, пользъ, обманывать покупателей, подрывать свой кредитъ, и послѣ не находить сбыта и лучшему товару!... На-оборотъ, г-ну Булгарину можно сказать: этого *не бывало*, *нѣтъ* и *не будетъ*, потому-что это противно пользамъ самихъ фабрикантовъ—а они знаютъ свои пользы, конечно, не хуже, чѣмъ наши помѣщики знаютъ свои, хотя г. Булгаринъ и увѣрялъ ихъ въ противномъ, совѣтуя орошать поля *послѣ захожденія солнца* (на тысячахъ десятинъ) и класть снопы въ скирдахъ на подмостки, съ которыхъ разнесло бы ихъ степнымъ вѣтромъ за тридевять земель!.. Все это — несправедливость; а несообразность въ томъ, что будто «англійскія произведенія одной фабрики всѣ равнаго достоинства». Какъ? Развѣ англійскій суконный фабрикантъ не дѣлаетъ суконъ двадцати, пятидесяти разныхъ цѣнъ и достоинствъ?.. Если же вы хотите сказать, что сукно каждаго достоинства у него сообразно цѣнѣ, то это есть и у насъ, и вездѣ. Не называете ли вы бракомъ дешевыхъ сортовъ?.. Нѣтъ, въ примѣчаніи, г. Булгаринъ поясняетъ, что значитъ, *по его мнѣнію, бракъ*:

«Для этого въ русскомъ торговомъ языкѣ (торговый языкъ!..) существуетъ особое названіе : *кустарныя произведенія*. Это тоже, что дюжинная работа.»

Вотъ новое доказательство, что авторъ плохо знаетъ о чемъ говоритъ. Онъ слыхалъ, что есть кустарныя произведенія, и думаетъ, что это — бракъ! Лучше было бы, прежде чѣмъ изрекать приговоры — справиться, и тогда авторъ узналъ бы вотъ что: кустарныя произведенія не бракъ, а особый сортъ или разрядъ произведеній, большею частію приготовляемыхъ крестьянами московской и окружающихъ московскую губерній. У этихъ крестьянъ собственно нѣтъ фабрикъ, а есть, какъ они называютъ, «заведеніе», то-есть стана два-три для ткацкихъ произведеній, печь или двѣ для обжиганія посуды, и въ подобномъ размѣрѣ устройство, гдѣ производятъ они товаръ своими руками, товаръ плохой, но чрезвычайно-дешевый и необходимый для великаго числа потребителей. Оттуда-то выходятъ легонькія тафтицы и другія шелковыя произведенія, ситцы въ шесть копеекъ за аршинъ,

посуда въ пятьдесятъ копеекъ за дюжину тарелокъ. Эти-то плохія, но дешевыя и полезныя произведенія называются — *кустарными*. Есть и большія фабричныя заведенія, приготовляющія такого сорта товаръ, но они не выдаютъ его за доброкачественный, лучшій, и торговцы не смѣшиваютъ его съ настоящимъ фабричнымъ товаромъ, лучшаго качества. Одно не вредитъ другому; напротивъ, то и другое необходимо въ своемъ мѣстѣ. Покупайте произведенія фабрикъ Сапожникова, Гучкова, Рошфора, Попова — вы всегда получите товаръ добротный, стоющій той цѣны, какую заплатите; но зачѣмъ хотите вы лишить небогатый народъ кустарныхъ произведеній, называя ихъ *бракомъ?* Это не бракъ, а особаго рода издѣліе, нужное, необходимое для простолюдиновъ, какъ сермяга, валенки, овчинные тулупы, поярковыя шляпы — какъ сукно въ двѣнадцать рублей серебромъ и произведенія Сазикова необходимы для людей богатыхъ.

Такими-то сужденіями, основанными не на знаніи дѣла, наполнена по-крайней-мѣрѣ половина 6-й части «Воспоминаній» г-на Булгарина. Это любопытно, какъ изнанка истины, какъ примѣръ, до чего доводитъ желаніе говорить о предметахъ, автору незнакомыхъ. Не касаемся сужденій г-на Булгарина объ отношеніяхъ военныхъ и политическихъ, но можемъ пожелать, чтобы и о нихъ говорилъ онъ поменьше, безъ поэтическихъ увлеченій, которыя и тутъ неумѣстны, также какъ въ агрономіи и мануфактурной промышлености. Смѣшно было бы оспоривать мнѣніе автора, что Россія не должна имѣть фабрикъ, и что все богатство ея состоитъ въ торговлѣ сырыми произведеніями. Это даетъ онъ знать на 121-й страницѣ, полагая, что континентальная система раззорила насъ на вѣки, породивъ въ Россіи свои фабрики. Невѣроятное увлеченіе!

Оставимъ поскорѣе Кронштадтъ, о которомъ воспоминанія автора большею частію такъ неудачны. Мы видѣли, что онъ и самъ былъ радъ выѣхать изъ Кронштадта, и послѣ того, какъ говоритъ, почти годъ прожилъ въ Лифляндіи и Эстляндіи (стран. 151). Тамъ ему понравилось; особенно хвалитъ онъ свою жизнь въ Ревелѣ, говоря:

«Въ клубахъ ежедневно бывали публичные обѣды, а вечеромъ въ клубѣ, называемомъ Einigkeit (Согласіе), метали банкъ, потому-что публичныя азартныя игры тогда не были запрещены. Въ театрѣ каждую недѣлю бывали маскарады. Русскихъ офицеровъ, особенно морскихъ, было множество въ Ревелѣ, и въ танцовщикахъ не было недостатка. Карточная игра разсыпала деньги по рукамъ, но, какъ водится, молодые люди не считали проигрыша, а выигрышъ почитали обязанностью (?) проживать съ пріятелями, *и отъ этого всѣ веселились* (какъ? и проигравшіе?), не чувствуя недостатка въ деньгахъ (новая теорія политической экономіи— подъ стать свѣдѣніямъ автора въ агрономіи и мануфактуристикѣ!). Жизнь быстро летѣла по ясному горизонту — и вдругъ, безъ бури, меня поразилъ громъ!.. Судьба моя совершенно измѣнилась, жизнь приняла другой оборотъ и другое направленіе. Я долженъ былъ оставить военную службу.» (Стр. 158.)

Не выписываемъ слѣдующихъ за этимъ увѣреній автора, что онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ.

Далѣе идутъ описанія разныхъ незанимательныхъ приключеній, бывшихъ съ авторомъ и съ другими людьми. Авторъ отправился къ своимъ роднымъ. На пути онъ побилъ жида за обманъ и способствовалъ одному знакомому похитить молодую жидовку. Замѣтимъ опять неточность русскаго языка его: описывая ссору съ жидами, онъ

говоритъ, что они кричали: «О, вей миръ! Бульхаринъ, *салёнаго* Бульхарина сынъ!» И въ примѣчаніи поясняетъ, что по жидовскому произношенію *салёный* значитъ *шаленый*. Но такого слова нѣтъ въ русскомъ языкѣ: у насъ есть *шальной*, совершенно-равносильное польскому Szalony. Вообще, и особенно въ слѣдующемъ тутъ описаніи польскихъ обычаевъ, авторъ употребляетъ много полонизмовъ, и даже польскихъ словъ, безъ перевода, не вспоминая, что Русскіе не обязаны знать по-польски. На-примѣръ, не разъ онъ пишетъ: *трефъ*, *кошеръ*—а что́ это такое? спроситъ русскій читатель... Отдаемъ справедливость автору въ томъ, что вездѣ, гдѣ описываетъ онъ польскіе нравы и обычаи, видно, что онъ говоритъ не по-наслышкѣ, не на-обумъ, а какъ образованный уроженецъ, знающій свою родную землю. Но не должно было и тутъ увлекаться, вездѣ выставляя себя какимъ-то героемъ. Не диво бить и гонять жидовъ; но авторъ самъ сознается, что на охотѣ за козами онъ былъ не изъ числа молодцовъ, когда обломалъ дорогое ружье о толстый черепъ козла и все-таки не убилъ его безъ помощи другихъ. Странно послѣ этого читать, ка́къ онъ сравниваетъ охоту съ кавалерійскимъ сраженіемъ. Описаніе польскихъ пановъ любопытнѣе восторженныхъ восклицаній. Таково описаніе пана Тышкевича и всего семейства Булгариныхъ: это уже давно-исчезнувшіе типы, чудаки, во многихъ отношеніяхъ, вовсе несходные съ русскими боярами; но въ нихъ была оригинальность, между ними были характеры самобытные—а это также имѣетъ свою цѣну.

По совѣту родныхъ своихъ, и съ рекомендательнымъ письмомъ графа Тышкевича, авторъ «Воспоминаній» отправился въ Варшаву, намѣреваясь вступить въ польскія войска (стр. 222). Извѣстно, что король саксонскій считался тогда герцогомъ варшавскимъ, но собственно въ герцогствѣ повелѣвалъ Наполеонъ, а главнокомандующимъ польскихъ войскъ былъ князь Понятовскій, въ-послѣдствіи командиръ корпуса Поляковъ, въ арміи Наполеона, утонувшій въ Эльстерѣ, послѣ лейпцигской битвы, въ-продолженіе которой императоръ Французовъ произвелъ его въ маршалы. Къ нему явился г. Булгаринъ съ просьбою о принятіи его въ польскія войска, былъ обласканъ имъ и приглашенъ къ обѣду. За столомъ Понятовскій разспрашивалъ его о разныхъ подробностяхъ касательно финляндской войны. Здѣсь авторъ «Воспоминаній» опять впадаетъ въ ошибку, говоря:

«Князь превозносилъ храбрость, стойкость, терпѣнье русскаго солдата и превосходную дисциплину русскаго войска и повторилъ слова Наполеона, сказанныя послѣ сраженія подъ Фридландомъ, что: «Русскихъ можно перебить (или разгромить), но побѣдить нельзя.» (Стр. 250.)

Память измѣнила нашему автору: князь Понятовскій какъ-нибудь *иначе хвалилъ* Русскихъ, потому-что приведенныя здѣсь слова о нихъ сказаны были не Наполеономъ, а Фридрихомъ-Великимъ, во время семилѣтней-войны. Да и не въ духѣ Наполеона эти слова. Напротивъ, онъ старался всегда внушать мысль, что для него нѣтъ непобѣдимыхъ войскъ. Сбираясь бѣжать изъ Россіи, послѣ гибели своей арміи, онъ увѣрялъ всѣхъ, что побѣдилъ Русскихъ; а послѣ Фридланда, онъ даже имѣлъ поводъ провозглашать себя побѣдителемъ. Объ историческихъ лицахъ и событіяхъ надобно писать не прежде, какъ изучивъ ихъ, а не по наслышкѣ, не съ памяти о словахъ, слышанныхъ за полвѣка, въ бѣгломъ разговорѣ. Однакожь, ка́къ бы ни было, По-

нятовскій не исполнилъ желанія г-на Булгарина: сначала хотѣлъ *подумать*, потомъ адресовалъ его къ полковнику Раутенштрауху, а тотъ объявилъ просителю, что вакансій вовсе нѣтъ, и прибавилъ:

«Подождите! Предполагается съ января будущаго года формировать два новые полка пѣхоты и я надѣюсь сберечь для васъ мѣсто подпоручика.» — Покорно благодарю! отвѣчалъ г. Булгаринъ: но для пѣхотной службы я не созданъ и безпокоить ни князя, ни васъ больше не намѣренъ — раскланялся и вышелъ раздосадованный обманутою надеждою.» (Стр. 256.)

Хотя авторъ и говоритъ послѣ этого: «раздумавъ хорошенько, я успокоился», но вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «Ни съ кѣмъ не посо«вѣтовавшись, и ни съ кѣмъ не простясь, я взялъ паспортъ и отпра«вился въ Парижъ! Съ этой минуты начинаются мои странствованія.» (Стр. 257).

Желаемъ, чтобъ эти *странствованія* были также занимательны, какъ синдбадовы (въ «Тысячѣ и Одной Ночи»). Вѣроятно, съ нихъ и начнется любопытная часть книги, а до-сихъ-поръ, какъ видятъ читатели изъ разборовъ нашихъ, въ шести изданныхъ томахъ «Воспоминаній» мало любопытнаго. Боимся, что авторъ не скоро сознается въ этомъ и все-еще будетъ угощать своихъ читателей посторонними разсужденіями, судить объ агрономіи, торговлѣ, политической экономіи, историческихъ происшествіяхъ—а мы видѣли, каково судитъ онъ объ этихъ предметахъ. Изъ Варшавы отправился авторъ «Воспоминаній» въ Бреславль, гдѣ Нѣмцы, узнавъ, что онъ былъ принятъ у Понятовскаго, заставили его поспѣшить отъѣздомъ въ Дрезденъ (стр. 288). Оттуда онъ пустился по Эльбѣ въ Гамбургъ, но вышелъ на берегъ въ Лауэнбургѣ, гдѣ слуга обокралъ его, и, въ-добавокъ, далъ ему соннаго зелья, отъ котораго г. Булгаринъ проспалъ *двадцать часовъ сряду!* Очутившись безъ всего, онъ пѣшкомъ пошелъ въ Гамбургъ, надѣясь встрѣтить тамъ богатаго родственника. Дорогою, на ночлегѣ, онъ видѣлъ, какъ ночью хозяинъ его вывозилъ изъ дома три мертвыя тѣла. Онъ испугался за свою жизнь, поспѣшилъ оставить страшный ночлегъ и дорогою предался размышленіямъ.

«Тогда (говоритъ онъ) *я не имѣлъ* еще *постоянныхъ правилъ* на счетъ обязанностей гражданина и человѣка, и судилъ о многомъ по-кадетски, то есть какъ школьникъ! Долженъ ли я *донести* правительству о видѣнномъ мною или нѣтъ? Этого вопроса я никакъ не могъ разрѣшить! Для разрѣшенія моего недоумѣнія, по прибытіи въ Гамбургъ, я отправился немедленно къ *католическому пастору*, за совѣтомъ, что мнѣ должно дѣлать въ этомъ случаѣ, для очищенія моей совѣсти.» (Стр. 304.)

Замѣтимъ, что католическихъ пасторовъ нѣтъ на свѣтѣ: *пасторы* бываютъ только у протестантовъ; слѣдовательно, г-нъ Булгаринъ обратился къ кому-нибудь другому, а не къ пастору, несуществующему между католиками. Вообще книга г. Булгарина—продолжительный панегирикъ самому-себѣ, оправдательная диссертація, а не исповѣдь человѣка, желающаго познакомить съ собою читателя. Не должно забывать, что каждый читатель, не совершенно безтолковый, имѣетъ свое сужденіе, свой умъ: не отнимайте же у него законнаго права судить о томъ, что находитъ онъ въ книгѣ, если не хотите подвергнуться жестокому, но неизбѣжному съ его стороны мщенію: именно, онъ будетъ пропускать ваши сужденія безъ вниманія, довольствуясь внушеніями собственнаго своего ума. Это говоримъ мы на пользу самой книги, потому-что и въ насъ произвелъ

скуку и даже недовѣрчивость постоянно-панегирическій тонъ ея. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ, какъ и всякій человѣкъ, во многомъ перемѣнилъ свой образъ мыслей, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ описываемыхъ имъ событій. Подъ старость человѣкъ невольно дѣлается философомъ, и потому долженъ безпристрастно представлять и судить свои юношескіе поступки. Этого не находимъ мы въ «Воспоминаніяхъ» и, наконецъ, скучаемъ, видя безпрерывное стремленіе только восхвалять и оправдывать себя даже въ мелочныхъ случаяхъ жизни. Даже упоминая вскользь о томъ, что самъ признаетъ невиннымъ, онъ почитаетъ необходимымъ тутъ же приложить и оправданіе. Напримѣръ (на стр. 309): «Сознаюсь, что въ молодости моей я игралъ часто въ банкъ, и притомъ довольно-счастливо. *Да и кто тогда не игралъ?*» Если примѣромъ другихъ оправдывать себя, то это даетъ неограниченное средство быть правымъ во всемъ: другіе, дескать, совратили съ прямаго пути... Вотъ какія общія, извѣстныя дѣтямъ истины принуждена повторять критика противъ философіи автора «Воспоминаній»!

Въ Гамбургѣ были съ г. Булгаринымъ любопытные случаи, интересныя встрѣчи, и онъ видѣлъ тутъ вознагражденіе за добрыя дѣла, которыя успѣлъ сдѣлать прежде. Предоставляемъ читателямъ прочесть это мѣсто, потому-что нельзя сокращать такихъ разсказовъ, гдѣ вся занимательность въ мелкихъ подробностяхъ. Мы разстаемся съ авторомъ въ Гамбургѣ, откуда онъ уже прямо отправился въ Парижъ, и прибылъ туда благополучно. Онъ заключаетъ 6-й томъ восклицаніемъ:

«И вотъ я, наконецъ, въ столицѣ тогдашняго владыки почти всей Европы, для которой Парижъ былъ тогда тоже, что Римъ во время первыхъ Кесарей и Мекка для Мусульманъ!»

Фраза не складна, но обѣщаетъ многое, и мы надѣемся и желаемъ найдти въ слѣдующихъ томахъ «Воспоминаній», гораздо-больше любопытнаго, нежели сколько видѣли въ первыхъ. Желаемъ также, чтобъ авторъ воспользовался благонамѣренными замѣчаніями критики и постарался избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, на какіе она указывала ему досихъ-поръ. Книга его много выиграетъ отъ этого.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

31) Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, *während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699, zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch* Fürst M. A. Obolenski *und* Dr. Phil. M. C. Posselt. *Erster Band. 1849.* (Дневникъ генерала Патрика Гордона, *во время военной службы его въ шведскихъ и польскихъ войскахъ, съ 1656 по 1661 годы, и во время пребыванія въ Россіи, съ 1661 по 1799 годы. Въ первый разъ вполнѣ изданный* княземъ М. А. Оболенскимъ и докторомъ философіи Поссельтомъ. *Часть первая. Москва. 1849. Въ университетской типографіи. Въ 8-ю д. л. LXVII и 672 стр.*

Генералъ Патрикъ Гордонъ принадлежитъ къ числу достопамятныхъ лицъ нашей исторіи. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ воен-

ныхъ людей своего времени и бо́льшую часть жизни посвятилъ на службу тремъ царямъ Россіи, въ то время, когда у насъ измѣнялся весь порядокъ дѣлъ. Въ-продолженіе почти сорока лѣтъ, онъ употреблялъ всѣ силы и познанія свои, участвуя въ великомъ пересозданіи Россіи. Уважаемый и достойно-цѣнимый царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и ближайшимъ преемникомъ его, Гордонъ открылъ себѣ неизмѣримое поприще при Петрѣ, который скоро полюбилъ его, довѣрялъ многое его уму, способностямъ, свѣдѣніямъ, и приблизилъ къ себѣ этого умнаго и ученаго Шотландца. Гордонъ служилъ ему вѣрно и усердно до самой своей смерти. Онъ получалъ безчисленныя порученія отъ государя, участвовалъ во многихъ важнѣйшихъ событіяхъ тогдашняго времени и имѣлъ привычку, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, вести дневникъ, каждый день записывая въ него все, что онъ видѣлъ, слышалъ, дѣлалъ. Дневникъ этотъ представляетъ достовѣрную и непрерывную лѣтопись за много лѣтъ, потому-что никакіе труды и занятія не мѣшали Гордону записывать въ дневникѣ хоть нѣсколько строкъ каждый день. Онъ неуклонно велъ его и на полѣ сраженій, и при осадѣ крѣпостей, и послѣ важныхъ и трудныхъ занятій. На ряду съ историческими описаніями встрѣчаете у него извѣстія о домашней его жизни, о свиданіяхъ и разговорахъ съ знакомыми; встрѣчаете и портреты всѣхъ лицъ, съ кѣмъ былъ онъ въ сношеніяхъ. Когда царь началъ изъявлять ему довѣренность, бесѣдовать съ нимъ искренно и обо всемъ, тогда стали искать сближенія съ Гордономъ почти всѣ важнѣйшія лица, отчего «Дневникъ» его получилъ новую важность. Наблюдательный умъ Гордона также замѣчалъ нравы и обычаи современной Россіи, и въ этомъ отношеніи «Дневникъ» его представляетъ драгоцѣнный историческій матеріалъ. Словомъ, этотъ «Дневникъ» такое любопытное и важное пособіе для занимательнѣйшаго періода нашей исторіи, что всѣ знатоки и любители ея давно желали видѣть полное его изданіе, и вздыхали, что издать его было невозможно—вотъ по какимъ причинамъ.

«Дневникъ», писанный Гордономъ собственноручно, на англійскомъ языкѣ, первоначально составлялъ восемь или девять томовъ. Нѣкоторые томы очень-толсты. Никто и не зналъ о существованіи этой драгоцѣнной рукописи до 1759 года, когда графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ услышалъ, что послѣ смерти какого-то Гордона, служившаго переводчикомъ при Петербургскомъ Адмиралтействѣ, остался «Дневникъ» его предка. Графъ купилъ у вдовы умершаго Гордона рукопись, но она оказалась только изъ четырехъ томовъ, въ числѣ которыхъ были два первые, одинъ изъ средины, и послѣдній. Тщетно доискивались недостающихъ томовъ. По-крайней-мѣрѣ находка досталась въ добрыя руки. Графъ Строгоновъ подарилъ ее исторіографу Миллеру, и тотъ, разсматривая рукопись, вспомнилъ, что Байеръ пользовался «Дневникомъ» Гордона при составленіи своей «Исторіи Азова», гдѣ два похода противъ Крымскихъ Татаръ, въ 1688 и 1689 годахъ, и осада и взятіе Азова въ 1696 году, извлечены почти исключительно изъ Гордона. Не оставалось сомнѣнія, что въ рукахъ Байера были недостающіе томы «Дневника», но куда дѣлись они — Миллеръ не могъ доискаться, покуда, при началѣ царствованія Екатерины, не переѣхалъ въ Москву, гдѣ, къ радости своей, нашелъ бывшую у Байера часть «Дневника»—въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Эта часть составляла два толстые тома, такъ-что Миллеръ обладалъ уже

шестью томами подлинной рукописи, обнимавшей слѣдующіе періоды:

1-й томъ съ 1635 по 1659 годъ,
2-й — — 1659 — 1667 —
3-й — — 1677 — 1678 —
4-й — — 1684 — 1690 —
5-й — — 1690 — 1695 —
6-й — — 1695 — 1699 —

Въ этихъ томахъ «Дневникъ» прерывается въ двухъ мѣстахъ: съ 1667-го по 1677-й, то-есть, со времени возвращенія Гордона изъ Англіи, куда ѣздилъ онъ по порученію царя, до начала такъ-называемаго чигиринскаго похода, и съ 1678 по 1684 годъ, то-есть, тотчасъ послѣ окончанія чигиринскаго похода до возвращенія Гордона изъ Кіева въ Москву. По соображенію, это должно составлять два или три тома, которые и до-сихъ-поръ остаются неотъисканными. Въ тѣхъ томахъ, которые сохранились и принадлежатъ нынѣ Московскому Архиву Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, есть пропуски или, лучше сказать, пробѣлы, гдѣ, какъ видно, Гордонъ намѣревался вписать разныя подробности; но такихъ пробѣловъ немного, и они не мѣшаютъ связи разсказа. Изъ хранящихся въ Архивѣ бумагъ графа Остермана видно, что онъ не только зналъ о «Дневникѣ» Гордона, но даже, заботясь, въ 1724 году, о переводѣ его на русскій языкъ, поручалъ это какому-то Волкову, потомъ Синявину, и особенно недовольный послѣднимъ, велѣлъ прислать подлинникъ изъ Москвы въ Петербургъ. Ясно, что тогда «Дневникъ» находился въ Москвѣ.

Миллеръ, вполнѣ понимая важность гордоновой рукописи, хотѣлъ сдѣлать изъ нея полное и обработанное извлеченіе. Вообще видно, что онъ ревностно заботился объ изданіи въ свѣтъ этого историческаго матеріала, въ томъ или другомъ видѣ. Въ бумагахъ его находится особый трудъ, имъ самимъ составленный въ 1767 году на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Mémoires du général Gordon, écrits par lui même». Сокращенный переводъ этой рукописи былъ напечатанъ въ 4-й части «Опыта трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», въ 1778 году. Въ томъ же изданіи Миллеръ помѣстилъ «Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полка», извлеченное изъ гордонова «Дневника». Между-тѣмъ, по повелѣнію императрицы Екатерины, трудолюбивому Миллеру былъ приданъ свѣдущій и просвѣщенный сотрудникъ, академикъ Стриттеръ. Тотчасъ по пріѣздѣ его въ Москву, Миллеръ поручилъ ему заняться рукописью Гордона. Стриттеръ такъ увлекся этимъ любопытнымъ трудомъ, что перевелъ на нѣмецкій языкъ бо́льшую часть «Дневника» буквально, сокращая или пропуская только общеизвѣстныя историческія событія или мелочныя подробности домашней жизни Гордона. Оба эти ученые, Миллеръ и Стриттеръ, распространили извѣстность Гордона, какъ генерала и писателя. О немъ явились въ разное время слѣдующія извѣстія и извлеченія изъ его рукописи:

Въ санктпетербургскомъ мѣсяцословѣ на 1782-й годъ помѣщено: «Описаніе жизни бывшаго Россійскаго генерала Гордона». Въ мѣсяцословѣ на 1783-й годъ есть «Извѣстіе объ осадѣ Азова въ 1695 году», гдѣ упоминается о Гордонѣ и его «Дневникѣ», который служилъ ма-

теріаломъ для «Извѣстія». Въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ на 1788-й годъ, помѣщено: «Извѣстіе о Чигиринскихъ походахъ въ 1677 и 1678 годахъ», составленное изъ «Дневника» Гордона. Продолженіе «Извѣстія» помѣщено въ томъ же изданіи слѣдующаго года. — Трудолюбивый Туманскій напечаталъ въ своемъ «Россійскомъ Магазинѣ», 1793 года, отрывокъ изъ «Дневника» Гордона (въ плохомъ и невѣрномъ переводѣ), относящійся къ 1684 и 1685 годамъ. Наконецъ, незабвенный Голиковъ издалъ въ 1800 году «Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ знаменитаго Шотландца, войскъ Его Величества генерала аншефа Патрика Гордона, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Петра Ивановича Гордона.» Онъ напечаталъ это вмѣстѣ съ жизнеописаніемъ Лефорта, но пользовался для своего труда только помѣщеннымъ прежде въ мѣсяцословѣ «Описаніемъ жизни Гордона», которое распространилъ разными подробностями объ историческихъ событіяхъ того времени.

Но ни Миллеръ, ни Стриттеръ не довершили начатыхъ ими работъ надъ «Дневникомъ». Стриттеровъ переводъ, или лучше сказать, подробное извлеченіе, гдѣ онъ даже измѣнилъ форму подлинника, выражаясь вездѣ отъ третьяго лица (хотя и сохранилъ форму «Дневника»), служитъ памятникомъ его трудолюбія. Работа его особенно драгоцѣнна потому, что Миллеръ способствовалъ ему въ ней своими глубокими свѣдѣніями. Неизвѣстно, почему Стриттеръ довелъ трудъ свой только до 1691 года, и не обработалъ важнѣйшей части гордонова «Дневника», съ 1691 года по 1699 г. Этотъ періодъ занимаетъ въ подлинникѣ почти два тома, составляющіе больше полуторы тысячь страницъ рукописи.

Въ послѣднее время, рукопись Стриттера находилась въ обладаніи двухъ лицъ. Князь М. А. Оболенскій, начальникъ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, имѣлъ въ своей библіотекѣ первое отдѣленіе стриттерова труда, гдѣ «Дневникъ» доведенъ до прибытія Гордона въ Россію въ 1661 году. Остальная рукопись перевода, вмѣстѣ со всѣми другими бумагами Стриттера, досталась г-ну Погодину, бывшему профессору исторіи въ Московскомъ-Университетѣ. Онъ охотно ссудилъ князя Оболенскаго принадлежащею ему частью рукописи, и такимъ-образомъ оставалось только перевести остальную часть «Дневника», что и принялъ на себя докторъ Поссельтъ, приступившій къ такому труду послѣ тщательнаго изученія самого предмета, какъ доказываетъ «Предисловіе» къ изданному нынѣ первому тому «Дневника». Это «Предисловіе» составляетъ само-по-себѣ любопытную книгу, гдѣ помѣщено историческое извѣстіе о фамиліи Гордоновъ, о Патрикѣ Гордонѣ и «Дневникѣ» его. Много умныхъ, ясныхъ историческихъ сближеній показываютъ въ нынѣшнихъ издателяхъ гордонова «Дневника» тѣхъ людей, которые могли предпринять и выполнить столь важный трудъ.

Ограничиваясь на первый случай краткимъ, совершенно библіографическимъ извѣстіемъ объ этой книгѣ, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія втораго и послѣдняго ея тома. Тогда представимъ подробное извлеченіе изъ нея въ отдѣлѣ Критики, при чемъ сообщимъ и нѣкоторыя замѣчанія, какъ на трудъ самого Гордона, такъ и на труды его переводчиковъ и издателей. Въ предисловіи упоминается, что

стриттеровъ переводъ, при самой тщательной повѣркѣ, оказался точнымъ и близкимъ къ подлиннику; единственнымъ же недостаткомъ его было неправильное и различное правописаніе собственныхъ именъ. Впрочемъ, онъ оставленъ почти безъ всякой передѣлки.

Въ изданномъ нынѣ первомъ томѣ «Дневника» событія жизни Гордона доходятъ до 1678 года, представляя все время его юности и службы въ шведскихъ и польскихъ войскахъ, а затѣмъ и службу въ Россіи. Кромѣ-того, издатели обогатили этотъ томъ многими приложеніями и примѣчаніями, поясняющими текстъ книги. Слѣдующій томъ долженъ быть гораздо-интереснѣе, потому-что тамъ явится на сцену Петръ-Великій, и поприще Гордона представитъ жизнь и дѣятельность не только военачальника, но и государственнаго человѣка. (*)

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

44) Полная Русская Хрестоматія. *Составилъ* А. Галаховъ. *Изданіе третье, дополненное примѣчаніями. Часть III. Примѣчанія. Москва. Въ тип. Александра Семена, на Софійской-Улицѣ. 1849. Въ 8-ю д. л., 80 стр. и III.*

Это—*третій томъ третьяго изданія* «Полной Русской Хрестоматіи», о выходѣ котораго мы извѣщали въ августовской книжкѣ нашего журнала. Онъ продается особенно (**). Въ немъ содержатся характеристики сорока отечественныхъ писателей, т.-е. біографическіе ихъ очерки, исчисленіе сочиненій и критика литературной дѣятельности каждаго. Мы не имѣемъ нужды прибавлять что-нибудь въ пользу труда г. Галахова, потому-что публика оцѣнила уже этотъ трудъ по достоинству.

45) Русская Грамматика, *составленная* А. Ивановымъ. *Шестое изданіе. Санктпетербургъ. Въ типографіи Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1849. Въ 8-ю д. л., 99 стр.*

Число изданій не всегда опредѣляетъ достоинство книги. Рѣдкій мѣсяцъ намъ не случается видѣть перепечатокъ такихъ сочиненій, кото-

---

(*) Извѣстіе наше о «Дневникѣ Гордона», издаваемомъ княземъ Оболенскимъ и докторомъ Поссельтомъ, было написано, когда мы получили вѣрное, но тѣмъ больше печальное свѣдѣніе, что печатаніе втораго и послѣдняго тома этой важной и любопытной книги пріостановилось... Не хотимъ вѣрить, чтобъ просвѣщенный и ревностный къ пользамъ русской исторіи, князь М. А. Оболенскій, не преодолѣлъ мелочныхъ, матеріальныхъ препятствій для изданія труда, котораго ждетъ весь ученый міръ.

(**) По *50 коп. сер.* за экземпляръ. На пересылку прилагается за *одинъ* фунтъ.

рыхъ недостатки не разъ уже показаны были критикою. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить новое изданіе хорошей книги, и особенно полезнаго учебника, составленнаго не съ цѣлью блеснуть какой-нибудь новопридуманной методой, а съ основательнымъ знаніемъ дѣла и потребностей учащихся. Такова «Русская Грамматика» г. Иванова. Въ ней правила языка изложены коротко и просто, безъ важныхъ пропусковъ и безъ лишнихъ подробностей, и, что всего важнѣе — она можетъ служить руководствомъ по какой бы то ни было методѣ. Конечно, у насъ есть грамматики, съ которыми книга г. Иванова не можетъ стать въ сравненіе по ученой обработкѣ теоріи языка; но, какъ учебное руководство, она болѣе другихъ приноровлена къ потребностямъ учениковъ и классньмъ занятіямъ.

46) Руководство къ познанію Новой Исторіи. *Для среднихъ Учебныхъ-Заведеній, составленное* С. Смарагдовымъ, *адъюнктъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго-Лицея. Изданіе третье, исправленное. Санктпетербургъ. Въ тип. Военно-Учебныхъ-Заведеній. 1849. Въ 8-ю д. л., 188, 141, 144 и XXXV стр.*

Руководство г. Смарагдова для среднихъ учебныхъ заведеній давно извѣстно публикѣ, достигло уже *третьяго* изданія, и потому само за себя говоритъ.

47) Карманная поваренная книга, *составленная К. Авдѣевой.* Изданіе третье. *Санктпетербургъ, 1850. Въ типографіи Я. Трея. Въ 16-ю д. л., 196 стран.*

Право, мы уже потеряли счетъ изданіямъ всѣхъ поваренныхъ книгъ, написанныхъ г-жею Авдѣевою. *Третье изданіе* «Карманной Поваренной книги», то-есть небольшой книжки, которую добрая хозяйка можетъ носить въ карманѣ. Но сколько въ этой книжкѣ описано кушаній и разныхъ гастрономическихъ лакомствъ! И все это, по указанію книжки, можетъ изготовлять всякая хозяйка... Мы не удивляемся всеобщему успѣху поваренныхъ книгъ г-жи Авдѣевой, и желаемъ еще, чтобы всѣ хозяйки умѣли приготовлять или хоть заказывать хорошія кушанья, слѣдовательно, желаемъ бо́льшаго и бо́льшаго успѣха книгамъ почтенной сочинительницы.

СБОРНИКИ И ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

48) Временникъ *Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1849. № 4. Въ 8-ю д. л.*

Содержаніе четвертой книжки «Временника» составляетъ слѣдующія статьи: въ отдѣлѣ *Изслѣдованій:* 1) Великій Князь Александръ Яросла-

вичъ Невскій; соч. д. ч. И. Бѣляева; 2) Изслѣдованіе о значеніи вруцѣ лѣта въ пасхаліи; соч. д. ч. В. Ундольскаго;—въ отдѣлѣ *Матеріаловъ:* 1) Книга Сеунчей 123 года; 2) Помѣстныя дѣла; 3) Дѣло о пожалованіи князю Д. П. Пожарскому изъ помѣстья въ вотчину по уложенію; 4) Дѣло о пожалованіи изъ помѣстья въ вотчину Өедору Стрѣшневу; 5) Дѣло о передачѣ помѣстья Тимоѳеемъ Еремеевымъ внуку своему Павлу Бѣшенцову; 6) Дѣло объ опредѣленіи губныхъ старостъ и воеводъ по городамъ; 7) Указъ о хлѣбномъ и колачномъ вѣсу 7134 года; всѣ матеріалы сообщены д. ч. И. Бѣляевымъ;—въ отдѣлѣ *Смѣси:* 1) Книжная старина Южно-Руская (продолженіе), соч. д. ч. М. Максимовича; 2) Два любопытные юридическіе акта, сообщ. Серебряковымъ; 3) Сметный списокъ 7139 года; 4) Формы крестоприводныхъ записей; 5) Челобитная князей Дмитрія Михайловича и Дмитрія Петровича Пожарскихъ на своего племянника князя Өедора Пожарскаго; 6) Отписка воеводы Өедора Пушкина о безпорядкахъ, производимыхъ Литовцами изъ Новгорода-Сѣверскаго; 7) Извѣтная челобитная; 8) Собственноручное письмо думнаго разряднаго дьяка Василья Григорьевича Семенова къ князю Василію Васильевичу Голицыну, и таковой же отвѣтъ князя В. В. Голицына; 9) Способъ возстановлять полинявшіе и вытершіеся чернилы въ древнихъ рукописяхъ пергаментныхъ и бумажныхъ, сообщ. д. ч. И. Бѣляевымъ.

Новая статья г. Бѣляева — «В. К. Александръ Ярославичь Невскій» написана совершенно въ духѣ прежнихъ его статей «О Дружинѣ и Земщинѣ», о «Служилыхъ людяхъ», о «Князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ»... Въ началѣ статьи г. Бѣляевъ говоритъ, что Александръ Ярославичъ, живя съ одиннадцатилѣтняго возраста въ Новгородѣ, постоянно, въ-продолженіе десяти лѣтъ, умѣлъ снискать расположеніе гражданъ его, ибо въ противномъ случаѣ Новгородцы, въ-продолженіе десяти лѣтъ, двадцать бы разъ успѣли послать къ отцу его, Ярославу, съ просьбою перемѣнить неугоднаго князя. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что со времени Всеволода Мстиславича, въ-продолженіе почти ста лѣтъ, ни одинъ князь не жилъ въ Новгородѣ болѣе пяти лѣтъ, а Александръ прожилъ тамъ десять лѣтъ. Но тутъ же самъ г. Бѣляевъ говоритъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ первые годы своей жизни въ Новгородѣ, будучи еще малолѣтнымъ, не могъ самъ «управлять народомъ, и за него правили отцовскіе бояре, его пѣстуны, «подъ руководствомъ и при дѣятельной помощи самого Ярослава.» Въ такомъ случаѣ для чего же считать десять лѣтъ? много-много можно считать пять лѣтъ самостоятельнаго управленія дѣлами (начиная съ шестнадцатилѣтняго возраста), послѣ чего Александръ оставилъ Новгородъ по неудовольствію на безпокойныхъ гражданъ его. Далѣе г. Бѣляевъ помѣстилъ извѣстіе о поѣздкѣ Александра въ Орду къ Батыю прежде извѣстія о смерти великаго князя Ярослава, основываясь на авторитетѣ, такъ-называемой «Новгородской IV-й Лѣтописи»; но въ такомъ случаѣ г. Бѣляевъ долженъ былъ бы помѣстить двѣ поѣздки Александра въ Орду до смерти Ярослава—одну въ 1242 году, а другую въ 1246 году, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. На какомъ основаніи въ первомъ случаѣ принято свидѣтельство «Новгородской IV-й Лѣтописи», и на какомъ основаніи во второмъ случаѣ отвергнуто — неизвѣстно. Также безъ всякаго основанія, и даже вопреки свидѣтельствамъ источниковъ, г. Бѣляевъ приписываетъ князю Святославу Всеволодовичу изгнаніе великаго князя Андрея Ярославича Татарами изъ Владиміра;

одинъ князь ѣздилъ въ Орду, возвратился, и поѣздка его не имѣла никакого слѣдствія; другой князь отправился въ Орду гораздо-позже и непосредственно за тѣмъ получаетъ ярлыкъ на великое княженіе, тогда-какъ въ то же время настоящій великій князь Андрей изгоняется полками татарскими; спрашивается теперь, какого князя можно обвинять въ изгнаніи Андрея—перваго, или втораго? Ясно, что втораго, потому-что это изгнаніе было въ его пользу; но г. Бѣляевъ непремѣнно хочетъ обвинить перваго, тогда-какъ дѣло могло бы обойдтись безъ всякихъ обвиненій, еслибъ авторъ обратилъ вниманіе на право Александра предъ Андреемъ, какъ старшаго брата. Но еще страннѣе слѣдующій выводъ г. Бѣляева, который достойнымъ образомъ повершаетъ статью: ханъ Мункэ издалъ нѣсколько постановленій относительно почты и налоговъ, слѣдствіемъ чего и было перечисленіе людей въ русскихъ областяхъ для сбора дани. Вотъ два явленія, находящіяся въ естественной, необходимой связи другъ съ другомъ, и этою связью историкъ долженъ ограничиться; но для г. Бѣляева этого мало: по его мнѣнію, если ханъ Мункэ издалъ нѣсколько постановленій относительно почты и налоговъ, то слѣдствіемъ этого долженствовали быть—полная зависимость Россіи и совершенное прикрѣпленіе ея къ непосредственнымъ монгольскимъ владѣніямъ, и если этого не случилось, если дѣло кончилось одною переписью, то этимъ Россія обязана только переговорамъ великаго князя. Впрочемъ, быть-можетъ, г. Бѣляевъ имѣетъ какія-нибудь основанія такъ думать? Рѣшительно никакихъ, кромѣ указанія на долгіе переговоры, веденные по этому случаю Александромъ съ ханскими чиновниками; но и одна перепись, какъ дѣло новое и чрезвычайно-трудное, естественно, требовала долговременныхъ переговоровъ.

Другимъ характеромъ отличается изслѣдованіе г. Ундольскаго о значеніи «Вруцѣ-лѣта въ пасхаліи», веденное съ начала до конца чисто-ученымъ образомъ. Авторъ имѣлъ полное право окончить свою статью слѣдующими словами: «Охотники поспорить и противъ этихъ убѣди«тельныхъ доказательствъ, пожалуй, будутъ писать и печатать свои «возгласы. Готовъ отвѣчать, *если они приведутъ хотя половину пред«ставленныхъ нами доказательствъ*».

Отдѣлъ «Матеріаловъ» богатъ любопытными актами; за такой удачный выборъ нельзя не благодарить г-на Бѣляева. Дѣло о службѣ князя Дмитрія Петровича Пожарскаго сообщаетъ новыя любопытныя подробности о событіяхъ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Дѣла объ опредѣленіи губныхъ старостъ и воеводъ по городамъ чрезвычайно замѣчательны: вопросъ о губныхъ старостахъ и воеводахъ былъ вопросомъ первой важности въ Московскомъ-Государствѣ, вслѣдствіе различнаго происхожденія этихъ двухъ властей, одинакихъ по своему значенію. Г. Бѣляевъ въ предисловіи говоритъ: «Изъ дѣлъ нынѣ издаваемыхъ мы ясно видимъ, что губные старосты, «*по-крайней-мѣрѣ въ XVII вѣкѣ*, имѣли тотъ же кругъ занятій, какъ «и воеводы». Здѣсь *по-крайней-мѣрѣ* лишнее, ибо мы имѣемъ достовѣрное свидѣтельство, что губные старосты искони замѣняли воеводъ: на соборѣ, созванномъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ по случаю взятія Азова казаками, торговые люди говорили: «А при прежнихъ «государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а воеводъ въ го«родѣхъ не было.» Любопытна челобитная Кашинцевъ о назначеніи имъ воеводы:

«Царю Государю и Великому Князю Михаилу Өеодоровичу всеа Руссіи, бьютъ челомъ Кашина города и Кашинсково уѣзду нищіе твоѣ, Государь, богомольцы архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и холопи твои государевы, столники и стряпчіе и дворяне Московскіе и жилцы и разныхъ чиновъ люди, которыхъ у насъ холопей твоихъ помѣстья и вотчины въ Кашинскомъ уѣздѣ, и Кашинцы дворяне, и дѣти боярскіе, и Кашинцы, сироты твои государевы, посадскіе людишки. По твоему государеву указу велѣно быти у насъ въ Кашинѣ въ губныхъ старостахъ Савѣ Спѣшневу, и велѣно вѣдати ему татинные и разбойные и всякіе твои государевы судныя дѣла, и росправа чинити промежъ насъ нищихъ твоихъ государевыхъ богомольцовъ, и холопей твоихъ и сиротъ твоихъ; и того, Государь, Савы Спѣшнева съ твоѣ Государевы дѣла не стало, страменъ и увѣченъ, руками и ногами не владѣетъ. И нынѣ, Государь, у насъ въ Кашинѣ передъ съѣзжею избою и на посадѣ, и въ уѣздѣ воровства и грабежи и убійства чинятся многіе, и насильства велики; а росправы чинить промежъ нами и людишками и крестьянишками нашими некому. А преже сего по твоему, Государь, указу въ Кашинѣ были воеводы и губные старосты; а воровства, и убійства, и грабежу, и насильства такова не бывало. Пожалуй, Государь, насъ нищихъ своихъ государевыхъ богомольцевъ и холопей своихъ, и сиротъ своихъ, вели, Государь, у насъ въ Кашинѣ по прежнему быти воеводамъ, чтобы было кому промежъ нами и нашими людишками и крестьянишками росправа чинити, чтобы намъ нищимъ твоимъ государевымъ богомольцомъ и холопемъ твоимъ, и сиротамъ твоимъ посадцкимъ людишкамъ отъ насильства и грабежу вконецъ не погинуть. А по твоему Государеву указу въ Бѣжецкомъ Верху, и въ Твери, и въ Ростовѣ, и въ Торжку воеводы и губные старосты по прежнему. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Өедоровичъ всеа Руси, пожалуй насъ, нищихъ своихъ государевыхъ богомольцовъ, и насъ холопей своихъ, и сиротъ своихъ, вели, Государь, у насъ въ Кашинѣ быти изъ Московскихъ дворянъ воеводою Дементью Лазореву. А тотъ Дементей Лазоревъ у твоихъ Государевыхъ у многихъ дѣлъ бывалъ, и съ твое Государево дѣло ево будетъ. Царь Государь смилуйся, пожалуй.»

Эта челобитная замѣчательна потому, что составляетъ исключеніе: обыкновенно желали болѣе губныхъ старостъ, чѣмъ воеводъ; вѣроятно здѣсь это исключеніе произошло вслѣдствіе уваженія къ личности Дементія Лазарева.

По указу о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу 1626 года, велѣно городовымъ прикащикамъ и цѣловальникамъ ходить повсюду и вѣсить хлѣбы ситные и рѣшетные, и калачи тертые, и коврищетые мягкіе; если окажется, что хлѣбы и калачи ниже установленнаго вѣса, то продавцевъ подвергать штрафу; равно прикащики и цѣловальники должны были смотрѣть, чтобъ хлѣбы и калачи были выпечены, и хлѣбники и калачники не прибавляли въ нихъ гущи или какой-нибудь другой подмѣси. Прикащикамъ и цѣловальникамъ дана была подробная роспись издержкамъ производства въ приготовленіи разнаго рода хлѣбовъ и калачей, на-примѣръ: «На колачи, на четверть, дрозжей на два алты-«на на двѣ денги, соли на шесть денегъ, дровъ на восемь денегъ, «проносу и провозу восемь денегъ, отъ сѣянья четыре деньги, за ра-«боту десять денегъ, лавошнаго два алтына двѣ деньги, свѣчи и по-«мело двѣ деньги. И всего харчю на четверть вышло на одиннадцать «алтынъ.»

Изъ актовъ, напечатанныхъ въ «Смѣси», важнѣе другихъ: 1) Сметный списокъ 1631 года, изъ котораго узнаёмъ, что число служилыхъ людей въ Московскомъ-Государствѣ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ простиралось до 66,690 человѣкъ. 2) Формы крестоприводныхъ записей. Донскіе казаки, между-прочимъ, должны были клясться:

«Также намъ самовольствомъ безъ Государсково указу зъ Дону на море подъ Турковъ въ городы не ходити, и кораблей и каторгъ не громити, и городовъ и селъ Турсково не воевать и не имати; и на Крыскіе улусы не ходити не воевати, и на Волгу и подъ Астрахань на учуги не ходити и Государевыхъ людей не грабити и не побивати, и на Хвалинское море не ходити, и Шаха Казылбашскова (Персидскаго) кораблей и бусъ не громити и городовъ и селъ не воевать, и Государевыхъ пословъ и посланниковъ и воеводъ и ратныхъ людей не побивать и не грабить, и дурна и безчестья никакова не чинить, а провожать ихъ по Государеву указу въ Азовъ и изъ Азова принимать и-съ Дону провожать чесно.»

3) Челобитная князей Дмитрія Михайловича и Дмитрія Петровича Пожарскихъ на своего племянника князя Феодора Пожарскаго:

«Племянникъ нашъ, Государь, у насъ холопей твоихъ Федка Пожарской на твоей Государевой службѣ въ Можайску заворовался, пьетъ безпрестани, и сталъ безъ ума, а насъ не слушаетъ. И мы холопи твои всякими мѣрами его унимали; и помѣстьице твое царское давно запустошилъ, пропилъ все, и нынѣ, Государь, въ Можайску съ кабаковъ нейдетъ, спился съ ума, а унять не умѣемъ. Милосердый Государь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи! пожалуй насъ холопей своихъ, вели, Государь, ево изъ Можайска взять и послать подъ началъ въ монастырь, чтобы намъ холопемъ твоимъ отъ ево воровства впредь отъ тебя, Государь, въ опалѣ не быть.»

49) Творенія Святыхъ Отцевъ *въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Годъ седьмой. Книжка 3. Москва. Въ тип. В. Готье. Въ 8-ю д. л., стр. 1 — 172, и отъ 329 до 487.*

Въ главномъ текстѣ помѣщено продолженіе твореній Св. Ефрема Сирина — тринадцать духовно-нравственныхъ словъ его. Въ «Прибавленіяхъ» напечатано: три слова московскаго митрополита Филарета (первое — въ день рожденія Е. В. Государя Императора, 25 іюня 1849; второе — въ день вѣнчанія и помазанія на царство Государя Императора, 22 августа 1849 г.; третье — въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, 15 августа 1849 г.); изъясненіе псалма 2-го; жизнь святаго мученика Іустина философа; Слово по освященіи храма, покойнаго архимандрита Макарія (бывшаго начальника алтайской миссіи); Радуга, его же (отрывокъ изъ Слова на день Рождества Пресвятыя Богородицы); Константинопольскій храмъ Св. Софіи и Никея (письмо А. Н. Муравьева къ московскому митрополиту Филарету, изъ Буюкдере, отъ 9 и 21 числъ іюля 1849 года).

Вотъ содержаніе главнѣйшихъ статей. Первое слово Филарета (на текстъ: «Аще быша людіе Мои послушали Мене, Исраиль аще бы въ пути Моя ходилъ: ни о чесомъ же убо враги его смирилъ быхъ» Пс. 80 — 14. 15), начинается такъ:

«Тогда какъ мы во внутреннемъ мирѣ отечества, подъ мирнымъ кровомъ дома Божія, соединенные мыслію о Царѣ своемъ, благословляемъ день, въ ко-

торый намъ дарована его жизнь, для блага нашего предназначенная — въ такомъ же ли мірѣ Онъ, зиждитель и охранитель нашего міра, предметъ нашихъ всеобщихъ молитвъ? И чѣмъ теперь занятъ духъ Его? Не устремляетъ ли Онъ орлихъ, дальновидныхъ взоровъ за предѣлы отечества, чтобы наблюдать движенія союзныхъ и враждебныхъ силъ, и, въ пользу однихъ и противъ другихъ, направлять нравственную и военную силу Россіи? Не обращаетъ ли въ то же время также неусыпныхъ, также проницательныхъ взоровъ на свою Россію, которой внутреннія дѣла требуютъ Его мановеній, и во время Его занятія дѣлами внѣшними? Не въ бореніи ли Онъ съ влеченіемъ сердца къ своему Августѣйшему Семейству, послѣ того, какъ отвлеченъ отъ него попеченіемъ о безопасности своего всероссійскаго семейства, и о возстановленіи также и другихъ, болѣе или менѣе союзныхъ народовъ, общественнаго устройства, если только не въ конецѣ оно тамъ разстроено разрушителями всякаго законнаго общества, которые, конечно, въ горькую шутку, называются *общественниками*? Если, при сихъ помышленіяхъ, къ радости о Царѣ присоединяется забота: то тѣмъ паче должны мы благоговѣть и молиться.» (Стр. 329 и 330.)

За симъ слѣдуетъ показаніе необходимости молитвы для споспѣшествованія побѣдѣ.

Описаніе «Константинопольскаго храма Св. Софіи», изложенное А. Н. Муравьевымъ въ письмѣ къ митрополиту московскому, Филарету, отличается обычными свойствами взгляда и слога автора. Сначала онъ описываетъ общее впечатлѣніе, производимое храмомъ, и сравниваетъ его съ храмомъ Св. Петра, а потомъ переходитъ къ подробному осмотру частностей.

50) Географическія Извѣстія, *выдаваемыя отъ Русскаго Географическаго Общества. Подъ редакціею* В. В. Григорьева, *дѣйствительнаго члена Р. Г. О. 1849. Выпускъ 3-й. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 8-ю д. л., отъ 107 до 152 стран.*

Несмотря на малое количество страницъ, этотъ третій выпускъ «Географическихъ Извѣстій» богатъ самыми любопытными новостям. Въ немъ заключается болѣе двадцати отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ почти каждая въ-состояніи занять читателя всякаго возраста, всякаго темперамента и пола. Правда, бо́льшая часть этихъ статей-извѣстій — не что иное какъ переведенныя выдержки, сокращенія и извлеченія изъ книгъ или болѣе-обширныхъ статей, но это-то именно и дѣлаетъ ихъ общедоступными и общеполезными, какихъ, вѣроятно, и желало Общество для изданія, за которое положило годовую цѣну (за 8-мь выпусковъ) — 1 р. 50 к.

51) Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. *Année 1849.* (Бюллетень Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы. *Годъ 1849-й.*)

Подъ этимъ именемъ Московское Общество Испытателей Природы, какъ извѣстно, издаетъ ежегодно записки своихъ членовъ и другихъ ученыхъ. Каждая книжка (всего четыре въ годъ) роскошна и по содержанію и по изданію. Каждый мемуаръ—плодъ самобытныхъ, собственныхъ трудовъ и занятій автора его. Направленіе Общества—чисто-ученое; отъ

этого и содержаніе трудовъ его, имѣя важное значеніе въ наукѣ, отличается спеціальностью, недоступною для всѣхъ въ одинаковой степени. Въ кругъ занятій Общества входятъ всѣ отрасли естествовѣдѣнія, какъ-то: минералогія, геологія, палеонтологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, физика, химія, астрономія, метеорологія и другія. Но несмотря на эти данныя, ручающіяся за блестящее положеніе Общества, и въ высокой учености и занимательности его трудовъ, — все-таки должно сознаться, что ни Общество само, ни его бюллетени не производятъ никакого вліянія на публику; даже можно сказать, что оно неизвѣстно большинству публики, несмотря на то, что считаетъ 44-й годъ своего славнаго существованія. Отчего же это происходитъ?

Мы думаемъ, что въ жизни каждаго ученаго общества можетъ быть три эпохи. Въ первую эпоху его существованія — наука до-того еще чужда и недоступна публикѣ, что общество ограничивается немногими, избранными, ревностными сотрудниками. Вліяніе, которое производитъ общество въ это время на публику — чисто моральное. Развиваясь изнутри себя, живя отдѣльной самостоятельной жизнью, безъ посторонняго участія и безъ просьбъ объ этомъ участіи, общество постепенно пріучаетъ въ это время смотрѣть и на себя и на науку съ уваженіемъ, какъ на нѣчто цѣлое, независимое отъ постороннихъ обстоятельствъ. Публика начинаетъ сочувствовать интересамъ науки, начинаетъ сродняться съ понятіемъ объ ея необходимости и важности, готова даже вдаться въ изученіе ея, но еще пугается строгости и непонятности изложенія и формъ, въ которыя облечена наука. Доведя публику до этого состоянія, общество оканчиваетъ свой первый періодъ существованія и переходитъ во второй, какъ-бы поучающій. Въ-продолженіе его общество присоединяетъ къ своимъ ученымъ трудамъ другія, временныя, но не менѣе важныя занятія: оно старается въ это время укрѣпить возникшую любовь къ наукѣ, удовлетворить требованіямъ публики, старается сдѣлать самую науку доступною для всѣхъ, научаетъ, какъ должно трудиться, помогаетъ своими знаніями и средствами и, наконецъ, доставляетъ каждому возможность быть полезнымъ наукѣ. Приготовя публику, доведя ее до состоянія зрѣлаго мужа, способнаго понимать безграничность, занимательность и пользу науки, общество переходитъ въ окончательный — третій періодъ. Здѣсь оно возвращается къ своему прежнему плану дѣйствій и снова начинаетъ работать исключительно на пользу науки.

Все это пришло намъ въ голову при размышленіи о Московскомъ Обществѣ Испытателей Природы. Всѣ наши общества болѣе или менѣе публичны, всѣ они болѣе или менѣе часто напоминаютъ о себѣ публикѣ или подробнымъ изложеніемъ программъ своихъ, или отчетами о дѣйствіяхъ и трудахъ своихъ членовъ, или желаніемъ содѣйствія въ будущихъ предпріятіяхъ, или, наконецъ, извѣщеніемъ о выходѣ въ свѣтъ своихъ трудовъ. Московское же Общество Испытателей Природы поступаетъ въ этомъ отношеніи совершенно-иначе: оно издаетъ свои записки не по-русски, разсылаетъ ихъ только членамъ и ученымъ обществамъ, никогда не публикуетъ ни о выходѣ своихъ бюллетеней, ни о содержаніи ихъ, ни о мѣстѣ, гдѣ ихъ можно получать и пр.

Вся публичность Общества ограничивается краткимъ форменнымъ приглашеніемъ къ засѣданіямъ и оффиціальными протоколами, печа-

таемыми въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Изолированное отъ публики и знакомое только членамъ, оно невольно порождаетъ вопросъ: въ которомъ періодѣ существованія находится и оно и публика? кто виноватъ въ этомъ рѣшительномъ разъединеніи интересовъ Общества съ интересами публики? Конечно, не наука, не Общество, составленное изъ членовъ, такъ добросовѣстно и плодотворно трудящихся на пользу науки. Общество съ своей стороны сдѣлало и дѣлаетъ все, что только можно ожидать отъ него. Оно считается за границей однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ, имѣетъ превосходныя средства, издаетъ свои бюллетени великолѣпно, особенно рисунки—и, несмотря на все это, почти-неизвѣстно большинству читателей.

Желая подѣлиться тѣми отрадными впечатлѣніями, которыя производитъ на насъ каждый томъ записокъ Общества, мы постоянно будемъ знакомить читателей съ его «Бюллетенемъ».

Мы уже сказали, что несмотря на ученость, оригинальность и занимательность каждой статьи «Бюллетеня», все-таки отличительный признакъ этихъ статей — спеціальность, недоступная всѣмъ; поэтому, не вдаваясь въ подробное разсматриваніе каждой статьи, ограничимся краткимъ изложеніемъ содержанія ихъ. Если же встрѣтятся статьи общія, интересныя для всѣхъ въ равной степени, то мы съ удовольствіемъ передадимъ ихъ читателямъ.

Нынѣшній годъ вышло уже три книжки «Бюллетеня». Разсмотримъ ихъ.

Первая книжка (20 листовъ въ 4-ю д. л. 333 стр. и 4 табл. рисунк.) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи :

Etudes progressives sur la géologie de Moscou, par Ch. Rouillier. Avec 1 planche (Troisième étude)—«Постепенныя Геологическія изслѣдованія подъ Москвою, Карла Рульё» (третій мемуаръ). Въ этомъ сочиненіи неутомимый московскій геологъ-профессоръ Рульё разсматриваетъ всѣ различныя видоизмѣненія одной ископаемой раковины, характеризующей второй ярусъ московско-юрской формаціи и называющейся Rhynchonella Fischeri *Rllr.* Цѣль мемуара доказать, что всѣ разнообразныя формы этой раковины, описанныя подъ разными названіями, произошли или отъ различнаго возраста животнаго, или отъ случайныхъ обстоятельствъ. Подобное сравнительное изученіе близкихъ между собою формъ весьма-полезно и поучительно во всей естественной исторіи: оно избавляетъ науку отъ лишнихъ названій, дѣлаетъ прочными тѣ роды и виды, которые установлены при соображеніи всѣхъ случайностей, и особенно-важно въ палеонтологіи, гдѣ нѣтъ возможности прослѣдить исторію развитія и жизнь животнаго. Особенно замѣчательна таблица рисунковъ, срисованныхъ съ натуры, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ профессора. Всѣ видоизмѣненія раковинъ подобраны такъ искусно и, вмѣстѣ, такъ естественно, что нигдѣ нѣтъ перерыва въ переходѣ одной формы въ другую. Исполненіе превосходно.

Die Staphylinen-Fauna des Kaukasus und Trans-Kaukasiens, bearbeitet von Joh. Heinr. Hochhuth — «Описаніе Кавказскихъ и Закавказскихъ стафилиновъ, составленное Ив. Генр. Гохгутомъ». Обширный мемуаръ, содержащій въ себѣ подробное описаніе 297 видовъ жуковъ изъ

фамиліи стафилиновъ, изъ которыхъ 44 нигдѣ еще не были прежде описаны. Богатый матеріалъ для будущей фауны кавказскихъ земель.

Notice sur le Crioceras Voronzovii de Sperk, par G. Fischer de Waldheim; avec 1 pl.—«Замѣчаніе о Crioceras Woronzovii, Гр. Фишера фонъ-Вальдгейма». Описаніе новой ископаемой раковины, найденной въ 1847 году, г. Шперкомъ въ окрестностяхъ Кисловодска и замѣчательной по своей величинѣ.

Insectes coléoptères de la Sibérie orientale, nouveaux ou peu connus, décrits par M. le Comte Mannerheim—«Описаніе новыхъ или малоизвѣстныхъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, водящихся въ Восточной Сибири». Имя графа Маннергейма, знаменитаго нашего энтомолога, извѣстно всѣмъ русскимъ естествоиспытателямъ. Въ этомъ его сочиненіи находится описаніе 20 видовъ жуковъ, изъ которыхъ 17 новыхъ, найденныхъ по-преимуществу гг. Седаковымъ и Поповымъ. Въ этомъ же мемуарѣ упоминается объ одномъ весьма-интересномъ наблюденіи, сдѣланномъ г. Поповымъ, что самка бабочки Euprepia hololeuca можетъ нести яйца безъ предварительнаго совокупленія. Фактъ этотъ былъ замѣченъ и прежде надъ другими бабочками. Г. Поповъ думаетъ, что совокупленіе происходило вѣроятно въ то время, когда насѣкомое было еще въ состояніи личинки.

Ueber den im August 1847 in Moskau entdeckten Kometen, von G. J. Schweizer — «О кометѣ открытой въ августѣ 1847 года въ Москвѣ, Г. И. Швейцеромъ». Астрономическое описаніе новооткрытой кометы, первой въ Россіи.

Note sur deux araignées venimeuses de la Russie méridionale, qu'on croit être le Tchim des Kalmouks (avec 1 pl.), par Victor de Motchoulsky — «Замѣчаніе о двухъ ядовитыхъ паукахъ, водящихся въ Южной Россіи и т. д. Виктора Мочульскаго». Еще со временъ Палласа извѣстно, что въ калмыцкихъ степяхъ, близь устьевъ Волги, водится паукъ, называемый у Калмыковъ «чимъ» — чрезвычайно-ядовитый и опасный для рогатаго скота. Въ 1838 и 1839 годахъ, по увѣренію кочевыхъ народовъ Южной-Россіи, отъ него пало въ самое короткое время около 70,000 головъ. До-сихъ-поръ еще не было положительно извѣстно, что это за паукъ. Г. Мочульскій, въ сказанномъ мемуарѣ, описываетъ двухъ водящихся тамъ ядовитыхъ пауковъ: Lycosa infernalis *Motch* и Latrodectus lugubris *Motch*, изъ которыхъ первый и есть, по всей вѣроятности, «чимъ».

Quelques mots sur les Daphnés russes et description d'une nouvelle espèce, par le Docteur Jean Kaleniczenko, avec 1 pl.—«Нѣсколько словъ о русскихъ дафнахъ и описаніе новаго вида ихъ, доктора Ив. Калениченко». Daphne, по-русски волчникъ или лавруша, есть родовое названіе многихъ красивыхъ растеній изъ семейства Thymeleae Juss, ягодковыхъ. У насъ въ Россіи извѣстно было семь видовъ, принадлежащихъ къ этому роду. Въ настоящее время, авторъ описываетъ новый восьмой видъ: Daphne Sophia, найденный имъ въ Курской и Харьковской Губерніяхъ.

Untersuchungen verschiedener Mineralien, von R. Hermann—«Изслѣдованіе различныхъ минераловъ, Р. Германна». Довольно-подробное описаніе физическихъ, химическихъ и геогностическихъ признаковъ стилбита

изъ Ильменскихъ-Горъ и хризолита, и нѣсколько словъ о ратовкитѣ, минералѣ, попадающемся въ Верейскомъ-Уѣздѣ, Московской-Губерніи.

Nouvelles. Phénomènes périodiques —«Новости». Подъ этимъ названіемъ помѣщаются въ «Бюллетенѣ» разныя ученыя извѣстія и различныя замѣчанія, которыя современемъ могутъ служить матеріаломъ для объясненія неизвѣстныхъ еще теперь явленій. Въ разсматриваемомъ нами первомъ нумерѣ помѣщено, подъ заглавіемъ «Періодичныя явленія», нѣсколько весьма-любопытныхъ наблюденій, сдѣланныхъ профессоромъ Рульё и г. Гро надъ различными животными. Отдѣльно-взятыя, они кажутся неимѣющими ученаго значенія, но надо помнить, что всѣ подобныя наблюденія имѣютъ важность въ наукѣ только или въ совокупности ихъ съ подобными наблюденіями, произведенными въ другихъ мѣстахъ, или по сравненію ихъ съ тѣми условіями, которыя вліяютъ на жизнь животнаго. Самыя замѣчательныя изъ сообщенныхъ наблюденій—три послѣднія; они сдѣланы въ 1848 году, слѣдовательно, во время свирѣпствованія въ Москвѣ холеры. Изъ нихъ мы узнаёмъ, что, 1) въ это время совершенно исчезли породы большихъ бабочекъ, на-примѣръ Morio, Machaon и др., и оставались только весьма-немногія изъ мелкихъ. Равнымъ-образомъ замѣчено было отсутствіе нѣкоторыхъ семействъ жуковъ и мухъ. 2) Нѣкоторыя породы птицъ тоже совершенно исчезли, на-примѣръ, бекассы, вихири; другія попадались въ несравненно-меньшемъ количествѣ, нежели прежде, на-примѣръ гар-шнепъ, дупель-шнепъ, водяная курочка, и наконецъ, нѣкоторыя были также обыкновенны, какъ и прежде, на-примѣръ, дергачъ. Но самое замѣчательное наблюденіе относится до городской ласточки, Hirundo urbica. Эта птица, весьма-обыкновенная во всѣхъ городахъ, была въ Москвѣ чрезвычайно-рѣдка во время холеры. Даже тѣ изъ этихъ птицъ, которыя прилетѣли до холеры и заняли было свои прежнія гнѣзда, съ наступленіемъ холеры отлетѣли вновь. Другія широкоротыя пташки того же семейства, на-примѣръ, деревенская ласточка, H. rustica, прибрежная ласточка, H. riparia, стрыжъ—попадались тоже въ несравненно-меньшемъ количествѣ, нежели прежде. Оба эти факта, и особенно первый, замѣчены были не въ одной Москвѣ, но и въ губерніяхъ московской, тульской, калужской, воронежской, саратовской, симбирской, петербургской, а потомъ, какъ показываютъ современныя извѣстія, повторились во Франціи и Германіи, и поэтому получаютъ важное значеніе.

Observations météorologiques faites a l'Observatoire astronomique de l'Université imperiale de Moscou pendant les mois Novembre et Décembre 1848 et communiquées par M. Spassky —«Метеорологическія наблюденія производимыя, на астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго Университета въ ноябрѣ и декабрѣ 1848 года и сообщенныя М. Спасскимъ».

Во второй книжкѣ (22 листа 336 стр.) находятся слѣдующія сочиненія:

Etudes progressives sur la géologie de Moscou. Quatrième et cinquième etudes, par Ch. Rouillier (avec 4 planches), Suite — «Постепенныя геологическія изслѣдованія подъ Москвою, К. Рульё» (продолженіе; четвертый и пятый мемуары). Этотъ новый мемуаръ несравненно-обширнѣе и разнообразнѣе помѣщеннаго въ предъидущемъ нумерѣ «Бюл-

летеня». Онъ содержитъ въ себѣ конхилогическое и геологическое описаніе 36 видовъ ископаемыхъ раковинъ, принадлежащихъ къ различнымъ формаціямъ и семействамъ. Всѣ сомнительные виды разобраны критически и разсмотрѣны со стороны ихъ видоизмѣненій. Новыхъ описано 14 раковинъ, изъ которыхъ особенно-замѣчательна Nummulina antiquior. Онъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что родъ Nummulina отнюдь не составляетъ, какъ полагалъ д'Орбиньй, несомнѣннаго признака третичной формаціи, но встрѣчается и въ нижнихъ песчаниковыхъ слояхъ (Grünsand), какъ въ послѣднее время доказалъ Цейшнеръ и еще глубже въ горной известковой формаціи, какъ доказываетъ найденная подъ Мячковымъ г-мъ Рульè Nummulina antiquior.— Четвертый мемуаръ составленъ въ сотрудничествѣ съ г. Восинскимъ. Приложенные рисунки превосходны и ни мало не уступаютъ лучшимъ заграничнымъ.

Zweiter Nachtrag zur Infusorienkunde Russlands, vom Staatsrathe Dr. von Eichwald—«Второе прибавленіе къ описанію инфузорій русскихъ, статскаго совѣтника доктора Эйхвальда». Первое прибавленіе было напечатано тоже въ «Бюллетенѣ» въ 1847 году; оно относится до инфузорій, водящихся въ Рижскомъ-Заливѣ. Въ помѣщенномъ нынѣ второмъ мемуарѣ сперва находится описаніе всѣхъ наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ въ окрестностяхъ Ревеля, относительно формы поверхности, геологическихъ свойствъ страны, климата, нѣкоторыхъ растеній и нисшихъ животныхъ; потомъ представлено вычисленіе и описаніе множества найденныхъ имъ тамъ инфузорій, и, наконецъ, приложено три таблицы метеорологическихъ наблюденій.

Fragments d'Helminthologie et de Physiologie microscopique, par G. Gros— «Отрывки изъ наблюденій надъ глистами и въ микроскопической физіологіи, Г. Гро». Г. Гро постоянно занимается изслѣдованіемъ вопроса о зарожденіи глистовъ. Въ этомъ мемуарѣ онъ сообщаетъ свои наблюденія, во-первыхъ, надъ исторіей развитія большой круглой глисты (Ascaris lumbricoides) и нѣкоторыхъ другихъ, найденныхъ имъ въ легкихъ кролика, въ кишкахъ черепахъ, въ легкихъ галки и др., и во-вторыхъ, надъ образованіемъ перьевъ, кристаллическаго тѣла въ глазѣ, нервовъ, желчи и др. Особенно замѣчателенъ фактъ, что авторъ всегда почти находилъ круглую глисту въ больныхъ холерою. Желательно знать, не замѣтилъ ли кто еще подобнаго явленія.

Notice biographique sur M. C. I. Schönherr, par M le Comte Mannerheim. «Біографическое извѣстіе о Шенгерѣ—графа Маннергейма». Шенгеръ, шведскій энтомологъ, извѣстный по многимъ своимъ сочиненіямъ о насѣкомыхъ, особенно изъ семейства Curculionides, скончался прошлаго 28 марта 1848 года. Поэтому случаю графъ Маннергеймъ и сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ образѣ жизни и ученыхъ трудахъ покойнаго.

Notizen über den neulich, am 11 April (30 März) 1849 in Moskau entdeckten Kometen, von G. Schweizer—«Извѣстіе о еще новооткрытой кометѣ въ Москвѣ сего 11 апрѣля (30 марта) 1849 года, Г. Швейцеромъ». Точно такое же подробное астрономическое сочиненіе, какъ и то, которое было помѣщено въ первомъ нумерѣ «Бюллетеня».

Description d'une nouvelle variété d'ammonite du terrain jurassique de Moscou, par M le Comte Hutten Czapsky (avec 1 pl.)—«Описаніе нова-

го видоизмѣненія аммонита изъ московско-юрской формаціи, графа Гуттенъ-Чапскаго».

Auszug aus Prof. Schtschurowsky's geologischen Reise nach dem Altai im Jahre 1844, mitgetheilt vom Verfasser —«Извлеченіе изъ геологическаго путешествія профессора Щуровскаго по Алтаю въ 1844 году, сообщенное самимъ авторомъ». Полное путешествіе профессора Щуровскаго было напечатано по-русски еще въ 1846 г., подъ названіемъ: «Геологическое путешествіе по Алтаю»; въ «Бюллетенѣ» помѣщается оно частями, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, съ цѣлью познакомить съ нимъ иностранныхъ ученыхъ. Въ нынѣ-помѣщенномъ отрывкѣ находится описаніе рудниковъ Зырянскаго, Таловскаго, Николаевскаго и плаванія по Иртышу между крѣпостями Бухтарминской и Устькаменогорской.

Observations météorologiques faites à l'observatoire astronomique de l'Université Impériale de Moscou pendant les mois de Janvier, Fevrier, Mars et Avril 1849 et communiquées par M. Spassky.—«Метеорологическія наблюденія за генварь, февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы 1849 г. сообщенныя М. Спасскимъ».

Séances de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou — «Протоколы засѣданій Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы». Шесть протоколовъ за шесть засѣданій, отъ октября 1848 г. по мартъ 1849. Еслибъ даже Общество и не издавало разсматриваемыхъ нами «Бюллетеней», то одни эти протоколы служили бы достаточнымъ доказательствомъ неутомимой дѣятельности его членовъ и обширной извѣстности его за границей. Одинъ перечень книгъ, присланныхъ въ даръ Обществу въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, показываетъ, что Общество находится въ постоянномъ сношеніи не только съ русскими, но вообще со всѣми европейскими и американскими учеными обществами и лицами — фактъ, убѣдительно доказывающій, какимъ высокимъ уваженіемъ пользуется оно повсюду. Большая часть сочиненій, представленныхъ Обществу въ эти шесть засѣданій, уже напечатаны въ «Бюллетенѣ»; другія будутъ напечатаны. Изъ словесныхъ донесеній особенно замѣчательны: донесеніе профессора Рулье о нахожденіи имъ въ наносѣ Москвы-Рѣки «иматрійскихъ камней» — этихъ странныхъ минеральныхъ образованій, встрѣчаемыхъ доселѣ на первичномъ мѣстонахожденіи только у иматрійскаго водопада въ Финляндіи и у двухъ-трехъ водопадовъ сѣверо-американскихъ. Другой, сообщенный фактъ — нахожденіе закругленныхъ обломковъ янтаря въ московскихъ наносахъ, раскрытыхъ по случаю проложенія Московско-Петербургской-Желѣзной-Дороги на Сходнѣ. Два эти отдѣльные факта интересны уже сами по себѣ, но взятые вмѣстѣ, получаютъ еще большую важность: они говорятъ въ пользу той геологической ипотезы, которая полагаетъ, что сѣверо-западные древніе русскіе наносы занесены къ намъ изъ сѣверо-западныхъ частей материка Европы. Наконецъ изъ этихъ же протоколовъ узнаемъ, что «Бюллетени» Общества печатались только въ количествѣ четырехсотъ экземпляровъ. Если изъ этого числа исключить всѣ заграничныя и русскія ученыя общества и всѣхъ членовъ, то желательно знать, сколько же экземпляровъ расходится въ русской публикѣ?

Третій мемуаръ «Бюллетеня» (18 лист. 280 стр. и 6 табл. рис.) вышелъ въ сентябрѣ и содержитъ въ себѣ слѣдующія сочиненія:

Decas sexta generum plantarum hucusque non descriptorum, adjectis descriptionibus specierum non nullarum; auctore Tourczaninow (cum tab. 2) —«Шестой десятокъ новыхъ родовъ растеній и описаніе нѣкоторыхъ ихъ видовъ, состав. Турчаниновымъ, съ 2 рис.» Нашъ знаменитый ботаникъ, Н. С. Турчаниновъ, извѣстный по своей «Байкало-Даурской Флорѣ», занимается теперь описаніемъ экзотическихъ растеній. Онъ уже представилъ описаніе пятидесяти новыхъ растеній, помѣщенное въ «Бюллетеняхъ» прошлыхъ годовъ; теперь описываетъ онъ слѣдующіе десять новыхъ родовъ: *Ochralasia, Achilleopsis, Geleznowia, Urodon, Cyssopetalum, Kokoschkinia, Physopsis, Cyanostegia, Lachnocephalus и Gomotriche.* На двухъ рисункахъ изображены: *Geleznowia Verrucosa*, и *Kokoschkinia paniculata*. Первая названа въ честь профессора Московскаго Университета Н. И. Желѣзнова, а вторая въ честь попечителя Харьковскаго Университета и генерал-губернатора Черниговской, Полтавской и Харьковской Губерній, С. А Кокошкина.

Abhandlung über eine neue Daphnienart, Daphnia aurita und über die Daphnia laticornis Jur. von Sebastian Fischer (Mit 2 Taf.) —«Разсужденіе о новомъ видѣ животнаго изъ рода Daphnia: Daphnia aurita и Daphnia laticornis Jur., Себастьяна Фишера; съ 2 табл. рис. «Это подробное описаніе одного мелкаго животнаго изъ класса раковыхъ, найденнаго авторомъ въ окрестностяхъ Петергофа.

Coleoptères reçus d'un voyage, de M. Handschuh dans le midi de l'Espagne, énumerés et suivis de notes par Victor de Motschoulsky — «Вычисленіе жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, собранныхъ г. Гандшу во время путешествія по Южной-Испаніи, и замѣчанія о нихъ Виктора Мочульскаго»—обширный мемуаръ, заключающій въ себѣ исчисленіе и описаніе 250 насѣкомыхъ изъ отдѣленія жесткокрылыхъ, и замѣчательный особенно по сравненію ихъ съ астрабадскими насѣкомыми.

Lepidopteren verzeichniss der Umgegend von St.-Petersburg von I. H. Fixsen — «Вычисленіе чешуекрылыхъ насѣкомыхъ или бабочекъ, водящихся въ окрестностяхъ С.-Петербурга — У. Т. Фиксена». Хотя этотъ мемуаръ не болѣе какъ каталогъ, но тѣмъ не менѣе онъ чрезвычайно-замѣчателенъ, особенно для петербургскихъ энтомологовъ. Онъ составлялся двадцать лѣтъ, слѣдовательно, по всей вѣроятности, содержитъ въ себѣ полное вычисленіе всѣхъ видовъ. Это подтверждается и самымъ числомъ: г. Фиксенъ нашелъ 766 видовъ, тогда-какъ во всей Европѣ считается не болѣе 4,134 видовъ.

Der Krater bei Sall auf der Insel Oesel vom Major Wangenheim v. Qualen (mit 1 Tafel) —«Описаніе кратера вблизи Салла на островѣ Эзелѣ — маіора Вангенгейма фон-Кваленъ» (съ 1 рис.).

Monographie des Essigaelchens von Czernay (mit 1 Tafel) — «Монографія уксуснаго угря — проф. Черная, съ 1 табл. рис.» Давнымъ-давно извѣстно, что, при нѣкоторыхъ условіяхъ, въ уксусѣ, особенно въ такъ-называемомъ гнѣздѣ, развиваются въ значительномъ количествѣ маленькія червеподобныя животныя, называемыя уксусными червями или угрями, Vibrio aceti. Множество ученыхъ, начиная отъ Левенгука до Эренберга, занимались изслѣдованіемъ этого животнаго, какъ со стороны его анатомическаго устройства и, слѣдовательно, мѣста его въ системѣ, такъ и въ-отношеніи его зарожденія, образа жизни и другихъ признаковъ, однакожь, несмотря на это, все-таки оста-

валось еще о немъ много неизвѣстнаго. Желая восполнить этотъ недостатокъ, профессоръ Харьковскаго-Университета, Чернай, рѣшился какъ-можно подробнѣе и точнѣе изслѣдовать это животное во всѣхъ отношеніяхъ. Прекраснымъ плодомъ его серьёзнаго труда была разсматриваемая нами монографія. Въ ней онъ подробно излагаетъ анатомію всѣхъ органовъ, ихъ физіологическое отправленіе, образъ жизни животнаго, его появленіе и т. д. Какъ результатъ своихъ изслѣдованій, онъ выводитъ, что Vibrio aceti составляетъ рѣшительно одно и то же животное, какъ и Vibrio fluviatilis и что мѣсто этого животнаго въ системѣ должно быть не въ классѣ инфузорій, но въ классѣ кольчецовъ, между stematoda. Къ сочиненію приложена весьма-подробная таблица пояснительныхъ рисунковъ.

Observations sur la floraison de quelques plantes cultivées à Moscou pendant les années 1844, 1845, 1846, 1847 et 1848 par N. Annenkow. — «Наблюденіе надъ временемъ расцвѣтанія нѣкоторыхъ воспитываемыхъ растеній, произведенныя въ Москвѣ, въ 1844, 1845, 1846, 1847 и 1848 годахъ Н. Анненковымъ». Наблюденія надъ различными фазами растительной жизни производятся въ Западной-Европѣ уже давно; стоитъ только взять мемуары Брюссельской-Академіи, чтобъ видѣть длинный рядъ ихъ, сообщенный изъ различныхъ мѣстностей. У насъ въ Россіи до-сихъ-поръ не было еще ничего напечатано объ этомъ предметѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ отрывочныхъ наблюденій г. Кеппена о крымскихъ плодовыхъ деревьяхъ и еще менѣе-важныхъ замѣтокъ, помѣщаемыхъ иногда въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ». Г. Анненковъ, какъ видно изъ его предисловія, производитъ съ 1844 года непрерывно подобныя наблюденія въ Москвѣ, какъ надъ воспитываемыми, такъ и надъ дикорастущими растеніями. Въ сообщенный имъ нынѣ мемуаръ вошли наблюденія только надъ воспитываемыми растеніями. Весь мемуаръ состоитъ изъ 4-хъ таблицъ. Въ первой помѣщено время наступленія полнаго цвѣтенія 145 растеній, за всѣ пять лѣтъ, хотя не исключительно для всѣхъ растеній во всѣ годы. Вторая таблица показываетъ, сколькими днями ранѣе или позже наступало время цвѣтенія, если одинъ изъ годовъ принять за единицу и сравнивать съ временемъ цвѣтенія въ-теченіе его всѣ прочіе годы. Эта таблица видимо составлена для сравненія съ подобною же таблицею температуры. Третья таблица показываетъ постепенность развитія цвѣтенія во всѣ пять лѣтъ, то-есть, тотъ порядокъ, въ которомъ слѣдовали всѣ наблюденныя растенія по времени ихъ расцвѣтанія. Каждый мѣсяцъ раздѣленъ на три равныя части (кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ 31 день), такъ-что въ каждое десятидневіе каждаго года можно тотчасъ видѣть, какія растенія были въ полномъ цвѣтѣ и въ какомъ порядкѣ наступало расцвѣтаніе. Послѣдняя таблица представляетъ отдѣльный отчетъ наблюденій за одинъ 1848 годъ. Она составлена по плану болѣе-широкому: кромѣ наступленія времени полнаго цвѣтенія, въ составъ ея вошли наблюденія надъ появленіемъ листьевъ, почекъ, надъ временемъ отцвѣтанія, созрѣванія плодовъ и др. Всего наблюдено 139 растеній, которыя расположены, подобно какъ въ первой и во второй таблицахъ, по азбучному порядку. Отдавая полную справедливость занимательности и важности этихъ наблюденій, мы, однакожь, позволяемъ себѣ думать, что подобныя наблюденія надъ дикорастущими растеніями несравненно-важнѣе, потому-что на развитіе воспитываемыхъ ра-

стеній всегда имѣетъ большее или меньшее вліяніе уходъ за ними, тогда-какъ дикорастущія растенія зависятъ исключительно отъ причинъ общихъ, климатическихъ и топографическихъ.

Этимъ мемуаромъ оканчивается третій и послѣдній изъ вышедшихъ до-сихъ-поръ нумеровъ «Бюллетеня». Въ какой мѣрѣ мы были справедливы, сказавъ, что Московское Общество Испытателей Природы одно изъ лучшихъ въ Европѣ, пусть скажутъ сами читатели. Мы же, въ-заключеніе, позволяемъ себѣ еще разъ повторить, что, какъ изданіе, такъ и содержаніе «Бюллетеня» — не оставляетъ ничего желать болѣе; книжки его выходятъ не только въ срокъ, но даже прежде срока; помѣщаемыя статьи не компиляція, не передѣлка чужаго на свой ладъ, а почти всѣ оригинальныя и касаются исключительно мѣстнаго русскаго интереса. Въ прошломъ году такихъ статей, за исключеніемъ мелкой смѣси, помѣщено было 42, со многими нужными рисунками. Согласитесь, что за границею такихъ изданій очень-и-очень-немного, а если къ тому прибавите важное обстоятельство житейскаго міра, что отъ сотрудниковъ и авторовъ до издателей, смотрящихъ за внѣшнею исправностью, никто не получаетъ ни малѣйшаго матеріальнаго вознагражденія, то, конечно, согласитесь, что и за границей такія изданія на-перечетъ.

52) Mittheilungen *der Kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft zu St.-Petersburg* (Труды *Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.) Тетрадь за вторую треть 1849 года. Съ 2-мя чертежами и 3-мя политипажами. Санктпетербургъ. Въ тип. III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Въ 8-ю д. л., отъ 177 до 322 стр.*

Помѣщенное въ этомъ выпускѣ «Трудовъ» начало статьи графа де-Бедемара «Изслѣдованія о ростѣ лѣсовъ въ С.-Петербургской-Губерніи» заслуживаетъ особеннаго вниманія лѣсоводовъ.

53) Журналъ Садоводства, *издаваемый Россійскимъ Обществомъ Любителей Садоводства. Редакторъ, Дѣйствительный Членъ Общества, докторъ философіи,* Егоръ Классенъ. *Въ Университетской тип., Москва. 1849. №№ 1, 2 и 3. Въ 8-ю д. л., 96 и 94 стр.*

Этотъ журналъ, по всей вѣроятности, имѣетъ такую извѣстность, какою не пользуется ни одно изъ нашихъ ученыхъ изданій. Мы бы даже не повѣрили самому ученому редактору его, доктору философіи (какого университета?) Егору Классену, еслибъ онъ сталъ насъ увѣрять, что издаваемый имъ журналъ не расходится между всѣми слоями публики, не читается всѣми полуграматными, граматными, получеными, учеными сельскими хозяевами, садоводами, литераторами, историками и всѣми остальными обитателями нашей обширной Россіи. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: это такой журналъ, въ которомъ «чего ни спросишь — все найдешь». Въ немъ есть и статьи капитально-оригинальныя, есть и юмористическія, и историческія, и сельско-хозяйственныя, и экономическія. Прежде даже помѣщались въ немъ и стихи, но теперь, по случаю неурожая на стихи — ихъ нѣтъ и въ этомъ журналѣ. Но за-то помѣщаются иногда такія статьи, которыя рѣшительно могутъ быть считаемы суррогатомъ стиховъ.

Разсмотримъ поподробнѣе весь журналъ. Онъ выходитъ шестью тоненькими книжками (около 6-ти лист.), иногда опаздываетъ; обертка сѣ-

ренькая, бумага бѣленькая, картинки такъ-себѣ, а содержаніе... не угодно ли послушать.

Судя по оглавленію, всѣ статьи должно относить къ слѣдующимъ главнымъ отдѣламъ: Фитологія, Монографія, Теорія и Практика Садоводства, Исторія и Смѣсь; къ нимъ по временамъ присоединяются Лѣтописи Общества. Таковъ планъ журнала — судя по оглавленію, еще разъ повторяемъ; въ-самомъ же дѣлѣ статьи изъ одного отдѣла легко могутъ быть перенесены въ другой, отчего, читая статью одного отдѣла и потомъ сходную съ ней въ другомъ отдѣлѣ рѣшительно не знаешь — произошло ли это просто отъ небрежности редактора или отъ особеннаго тайнаго значенія названія отдѣловъ. Мы укажемъ на всѣ эти статьи въ своемъ мѣстѣ, а теперь обратимся по порядку къ первому отдѣлу, называемому «Фитологія». Въ немъ, какъ можно догадываться, помѣщаются статьи чисто-ученаго содержанія, двигающія науку — слѣдственно, капитальныя. Въ трехъ первыхъ книжкахъ находятся двѣ статьи въ этомъ отдѣлѣ: терминологія описательной ботаники и новая классификація растеній генерал-майора Радожицкаго. Первая статья представляетъ полнѣйшій сборникъ названій листа, въ которомъ хотятъ отличить различныя видоизмѣненія пластинки. Кто выучитъ всѣ эти названія, про того смѣло можно сказать, что онъ знаетъ ботанику, какъ свои пять пальцевъ. И какъ разнообразенъ Божій міръ; чего въ немъ нѣтъ и какъ все это просто! Посмотрите только на одни листья растеній, вглядитесь въ нихъ—вы увидите, что они могутъ быть *иглистоостропильныя*, *неровнопилообразноразрѣзные*, *повторенновилообразнораздвоенные*, *сугубоперистодольные*, *равномѣрноперисторѣзные* и т. д. Не правда ли, какъ это просто, какъ врѣзывается въ память, и притомъ какъ поучительно! Это-то и называется фитологія. Другая статья того же отдѣла — новая классификація растеній. Легко сказать новая клаиссфикація, а каково построить ее: Робертъ Броунъ, первая ботаническая знаменитость въ Европѣ, еще до-сихъ-поръ не составилъ намъ классификаціи. Шлейденъ далъ только дѣленіе на главныя группы. Что это за классификація — предоставляемъ судить читателямъ.

Второй отдѣлъ журнала, называемый «Монографія», содержитъ въ себѣ коротенькое описаніе признаковъ трехъ растеній: Cummingia trimaculata Salpingantha coccinea и Phalaenopsis amabilis, которыя могутъ быть разводимы въ нашихъ оранжереяхъ и теплицахъ. За описаніемъ слѣдуетъ еще болѣе-короткое изложеніе ухода за ними, и въ концѣ книжки — не совсѣмъ-дурные рисунки этихъ растеній. Но почему эти три статейки названы монографіями, мы не можемъ рѣшить; развѣ только потому, что въ каждой книжкѣ описывается по одному растенію. Другой причины нѣтъ, тѣмъ-болѣе что въ слѣдующемъ отдѣлѣ, въ отвѣтѣ на письмо Гр. Д., находится очень-много такихъ статей. Описаніе Salpinganthae coccineae сдѣлано небрежно и даже грѣшитъ противъ смысла. Для примѣра приведемъ нѣсколько строкъ:

«Это прекрасное и любопытное растеніе родомъ изъ Ямайки, гдѣ нашелъ его Пюрди, собиратель Ботаническаго Королевскаго Сада въ Кью. Онъ (то-есть г. Пюрди) цвѣлъ первый разъ въ Европѣ, въ одной изъ оранжерей этого великолѣпнаго сада (слѣдовательно, Европа есть великолѣпный садъ), возобновленнаго недавно подъ управленіемъ одного изъ главнѣйшихъ ботаниковъ

нашего вѣка, во время жестокой зимы (т. е. возобновленнаго во время жестокой зимы) съ 1844 на 1845 годъ.»

Въ шести строкахъ и столько путаницы! — Прочтите объ уходѣ за этимъ растеніемъ:

«Лѣтомъ должно содержать его въ теплицѣ, нѣсколько сыро, а зи-«мою достаточно сухо». (Не правда ли, какъ понятны и опредѣленны эти—нѣсколько и достаточно?) «Поливать надлежитъ часто пересажи-«вать, когда окажется къ тому необходимость» (и это очень-опредѣленно) «и держать круглый годъ на воздушномъ мѣстѣ». Вотъ это ужь совершенно непонятно, во-первыхъ, потому, что мы не знаемъ безвоздушнаго пространства въ тѣсномъ смыслѣ слова, да не можемъ принимать и въ обыкновенномъ садовомъ смыслѣ, потому-что сейчасъ же было сказано, что лѣтомъ должно содержать это растеніе въ теплицѣ. Еще далѣе читаемъ:

«Размноженіе не затруднительно; достаточно изъ угловъ листа вырѣзанные молодые побѣги посадить весною, или еще лучше въ началѣ лѣта въ самые малые горшечки и поставить ихъ на паръ. Тамъ уходъ за ними обыкновенный.»

Вездѣ общія мѣста, неопредѣленность, сжатость. Такъ и видно, что ни одного изъ этихъ растеній авторы не видѣли живыми — а всѣ статьи просто перевели изъ иностранныхъ журналовъ. Лучшее изъ трехъ описаній принадлежитъ г. Іевлеву (Описаніе Salpingantliae coccinea, сдѣлано г. Николаемъ Классеномъ). Замѣтимъ только г-ну Іевлеву, что ligulata значитъ не лопатчатыя, а язычковыя. Есть и русская пословица, которая говоритъ, что «губа не дура, а языкъ не лопата». Равнымъ образомъ panicula значитъ, метёлка, а не вѣничекъ.

Третій отдѣлъ, болѣе-обширный, нежели другіе, называется «Теорія и Практика Садоводства». Здѣсь помѣщено много сочиненій: 1) *полное цвѣтоводство*, въ которомъ содержится краткое описаніе почки, листа и цвѣта по методѣ Ришара, слѣдовательно, на основаніи началъ, брошенныхъ въ ботаникѣ; 2) *Древесная школа*, въ которой говорится о причинѣ смолотеченія, о древесной сухоткѣ, короѣдѣ, коростѣ, о истребленіи мха и омелы. 3) *О разведеніи Grammanthes gentianoides;* 4) *Выписка изъ письма одного любителя садоводства*, дышащая, по выраженію журнала (№ 2, стр. 29), благодѣяніемъ къ человѣчеству и заключающая въ себѣ увѣдомленіе, что г. любитель садоводства самъ ежегодно высѣваетъ сѣмена плодовыхъ растеній въ горшечки, «которые и ставитъ зимой у себя въ комнатѣ передъ глазами». Намъ кажется, что эта выписка болѣе дышетъ любовью къ плодовымъ деревьямъ, нежели къ человѣчеству. 5) *Спаржевый горохъ* — негодованіе, зачѣмъ бросили публикаціи объ немъ, съ заключеніемъ, наполненнымъ философіей: вотъ судьба всего прекраснаго на землѣ! 6) *Еще словцо о горшечныхъ плодовыхъ деревьяхъ.* 7) *Крыжовникъ и смородина, воспитанныя въ шпалерахъ.* Если вы хотите, чтобъ у васъ плоды крыжовника и смородины сохранились на растеніи до самаго Рождества въ цѣлости и отъ птицъ, и отъ морозовъ, и отъ сырости, то устройте шпалеру наподобіе андреевскаго креста, привяжите къ ней кусты смородины или крыжовника, да накиньте рогожку на все это. «Что за пустяки?» говорите вы. Какъ знаете; прочтите сами № 2, стр. 33. Высмотрите и удивляетесь, какъ можно печатать подобнаго рода совѣты

въ Россіи, въ Москвѣ, гдѣ рождественскіе морозы считаются сильными, гдѣ температура въ это время нерѣдко понижается до 25° Р. Вы не знаете, что это такое—мистификація или просто небрежность, промахъ, неумѣнье отличать дѣльное отъ пустяковъ. Не-уже-ли г. редакторъ не знаетъ, что пріемы, употребляемые въ Англіи, могутъ быть совершенно невозможны въ Россіи? 8) *Замѣтки 80-лѣтняго Помолога*—два коротенькія, но дѣльныя замѣчанія объ обработываніи земли передъ посѣвомъ сѣменъ плодовыхъ деревьевъ и о пересадкѣ. 9) *Отвѣтъ на письмо Гр. Д., помѣщенное въ этомъ же нумерѣ, въ Смѣси.* Читая самое письмо и помѣщенный на него отвѣтъ, мы вывели одно заключеніе, что если бы намъ отвѣчали такимъ-образомъ, то мы остались бы очень-недовольны. Но такъ-какъ есть счастливцы, которые и малымъ довольны, то, можетъ-быть, и Гр. Д. остался удовлетвореннымъ въ своихъ недоразумѣніяхъ. 10) *Безпошлинный совѣтъ садохозяевамъ.* 11) *О раннемъ полученіи превосходныхъ персиковъ.* 12) *Новый способъ растить цвѣты и проч. въ плетушкахъ, вмѣсто глиняныхъ горшковъ*—съ анекдотомъ. 13) *Лучшее расположеніе огорода въ городѣ и деревнѣ.*

Четверый отдѣлъ журнала составляетъ «Исторія». Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщена *Исторія розы и ея воспитаніе. Глава XIII.* — Длинная статья, служащая продолженіемъ чего-то. Особенно замѣчательны своей сантиментальностью и поэзіей общія замѣчанія. Посмотрите, какъ это трогательно: «Самые многочисленные народы, самыя «обширныя страны, самыя богатыя царства исчезали съ лица земли; «самыя многолюдныя династіи поглощены волнами времени въ-теченіе «прошедшихъ вѣковъ; простой цвѣтокъ перешелъ всѣ политическія «смуты: онъ видѣлъ сто смѣняющихся поколѣній; онъ видѣлъ непостоянныхъ смертныхъ; онъ одинъ пережилъ вѣка, не видя перемѣны въ своей судьбѣ; приверженность и любовь, оказываемыя ему, «остались все тѣ же...» и такъ далѣе—все въ томъ же тонѣ.

Сравните это съ тѣмъ, что было сказано про спаржевый горохъ, и вы увидите, что не всегда одинакова судьба всего прекраснаго на землѣ, какъ вы воскликнули въ порывѣ негодованія на садовниковъ.

Пятое отдѣленіе или «Смѣсь»—самое богатое по числу различныхъ совѣтовъ, новостей, замѣтокъ. Ограничимся указаніемъ только самыхъ любопытныхъ. Къ нимъ относятся: способъ замѣнять каперсы бузиной и энестрой (№ 2, стр. 94), льняныя нитки—ананасными (№ 3, стр. 73), способъ усмирять лошадей (№ 3, стр. 75), безкорыстное самохвальство (№ 3, стр. 83, 84) и новый способъ къ легчайшему изученію ботаники (№ 3, стр. 85, 86 и 87). Предпослѣднія двѣ статейки такъ замѣчательны, что мы ихъ выпишемъ на пользу общую:

«Способъ усмирять лошадей. — Совершенно дикихъ лошадей, въ первый разъ только еще попавшихся въ руки человѣка, можно усмирять слѣдующимъ простымъ способомъ: надлежитъ взять котыгъ (что значитъ котыгъ? — надо спросить редактора) конскаго кала съ ногъ (?), высушить его и обратить въ порошокъ. Малую частицу его надлежитъ вдунуть въ ноздри лошади сквозь трубочку, сдѣланную изъ пера, и дѣйствіе произойдетъ чрезъ нѣсколько минутъ; лошадь будетъ послушна, позволитъ на себя садиться и брать себя за ноги и подымать ихъ.

«Безкорыстное самохвальство. — Я одна изъ семейства капусты и имѣю честь рекомендовать себя превосходною какъ на видъ, такъ и на вкусъ. Мое имя: *Итальянская пальмовая капуста.* Многіе изъ среды васъ, мои почтеннѣйшіе читатели, знаютъ меня лично, потому что я во многихъ вашихъ садахъ имѣла пристанище. Мнѣ давали прекрасное ложе, на которомъ я возрастала, какъ арабская пальма; высокъ былъ мой стволъ, прелестна сводистая крона. Когда я, бывало, гордилась своею красотою и упивалась наслажденіями жизни — приходилъ внезапно разбойникъ садовникъ и срубалъ меня. Послѣ смерти моей онъ отдавалъ меня на кухню, и въ короткое время превращали останки мои въ пріятнѣйшее кушанье, а потому я и мертвая воодушевляла пирующихъ гостей. По этой причинѣ, будучи совершенно убѣждена въ пользѣ, мною приносимой тому, кто отведетъ мнѣ уголокъ въ своемъ саду, я покорнѣйше прошу внять моему прошенію. Но я люблю быть откровенной: вы знаете, что я итальянка, а потому знайте, что и зимы ваши для меня нестерпимы — меня должно укрывать на зиму отъ морозовъ. За то я могу предложить вамъ другія выгоды: знаете ли, что я совсѣмъ не такова, какъ какой нибудь спѣсивый господинъ салатъ, который воображая, что онъ въ царствѣ растеній стоитъ выше драгоцѣннаго ананаса, не терпитъ вокругъ себя ни травки, и рѣшительно все вокругъ себя уничтожаетъ . . . . . .

. . . .

. . . .

«Съ истиннымъ самоотверженіемъ и стоическою преданностью имѣю честь назваться

«вашею покорнѣйшею слугою

«Пальмовая капуста,

«огородная овощь изъ Италіи.»

Новый способъ легчайшаго изученія ботаники — тоже не дуренъ. Авторъ находитъ, что гербаріи, во-первыхъ, «не могутъ дать полнаго «и яснаго понятія ни о живой формѣ, ни о силѣ и степени колорита «цвѣтка, а во-вторыхъ, заключая въ себѣ всѣ пластическія формы «изуродованными, холодны для того, чтобъ произвесть въ душѣ эстетическій порывъ, и не ясны для того, чтобъ дать уму раздолье въ «созерцаніи разнообразныхъ чудесъ природы и въ изученіи ея варіянтовъ въ изгибахъ и оттѣнкахъ растеній». Ergo — дѣло рѣшеное: гербаріи никуда не годятся. Оранжереи — недостаточны, «потому-что «нѣтъ во всемъ мірѣ такой оранжереи, которая заключала бы въ себѣ хотя четвертую часть растеній земнаго шара». Что же дѣлать? Чѣмъ пособить въ этомъ случаѣ? Что изобрѣсть? Авторъ думалъ, думалъ и придумалъ, что дѣланіе восковыхъ цвѣтовъ всего лучше достигаетъ цѣли. Не-уже-ли авторъ думаетъ, что однихъ цвѣтовъ достаточно для изученія ботаники? А гдѣ же прочіе органы? Притомъ, съ чего же слѣплять, да, наконецъ, если бы и можно было отстранить всѣ эти препятствія, та же самая причина, на основаніи которой авторъ считаетъ оранжереи недостаточными — существуетъ и здѣсь. Замѣтимъ еще, что авторъ жестоко ошибается, полагая, что зоологическіе кабинеты говорятъ намъ живо и ясно о своихъ индивидуальностяхъ: они не говорятъ на-волосъ болѣе, сколько гербаріи. Они говорятъ даже меньше, нежели гербаріи, потому-что въ животныхъ надо отличать стороны болѣе-важныя, нежели внѣшній видъ; при изученіи животныхъ, надо обращать вниманіе на ихъ анатомическое устройство, на ихъ образъ жизни, нравы, привычки и вообще на такъ-

называемую психологію животныхъ. Авторъ ничего этого и не подозрѣвалъ вѣроятно. Равнымъ же образомъ, онъ вѣроятно и не зналъ, что есть цѣлые классы животныхъ, на-примѣръ, слизняки, инфузоріи, полипы, акалефы, кольчецы, даже рыбы, которыя отсутствуютъ въ кабинетахъ, или если и находятся—то въ такомъ состояніи, что даютъ о животныхъ гораздо-меньшее понятіе, нежели дрянной, неполный экземпляръ растенія хорошо-высушеннаго.

Опущенныя нами статьи предоставляемъ прочесть самимъ читателямъ.

Лѣтопись Общества, приложенная къ 3-й книжкѣ, содержитъ въ себѣ выписку изъ журнала. Она заключаетъ въ себѣ только одни офиціальныя отношенія и донесенія, и потому неинтересна.

Мы кончили. Что́ же можно сказать общаго объ этомъ журналѣ? Потрудитесь сами сдѣлать выводъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ШЛЮПѢ «БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ»,

для изслѣдованія береговъ Азіи и Америки за Беринговымъ-Проливомъ съ 1819 по 1822 годъ.

Статья третья и послѣдняя (*).

Оставивъ портъ св.-Франциска, мы взяли курсъ на SW и шли по немъ съ перемѣнными вѣтрами до широты 27°. Достигнувъ этой параллели, мы стали по-возможности держаться ея, продолжая путь свой къ W. Цѣлью этого дѣйствія, было намѣреніе отъискать два острова, нанесенные испанскими мореплавателями на карту около этой широты: Rico d'Ora и Rico-plata—острова, никѣмъ, ни Кукомъ, ни Клеркомъ, ни Ванкуверомъ, неотъисканные. И наши труды были напрасны; хотя мы два раза имѣли признаки близкаго берега, потому-что къ намъ прилетали береговыя птицы, и море было покрыто травою и пловучимъ лѣсомъ, но самого берега мы не могли увидѣть, почему, достигнувъ долготы 202°, спустились на S къ острову Овайги или Гавайэ.

17-го марта мы увидѣли этотъ островъ; вѣтеръ сильно дулъ отъ NO и такъ успѣшно подвигалъ насъ впередъ, что мы около полудня прошли проливъ между островами Овайги и Муве. Оба эти острова принадлежатъ къ высочайшимъ изъ всей группы; на островѣ Атой, самомъ крайнемъ къ сѣверу, подымаются три высокія горы, называемыя Мои-Роа, Моно-Каа и Моно-Моротай. Первая выше остальныхъ и вѣчно дымится; она высотою 8,700 футовъ надъ поверхностью океана и находится на сѣверо-восточной оконечности острова; потомъ слѣдуетъ, по величинѣ, Моно-Каа, лежащая на южномъ концѣ и, наконецъ, Моно-Моротай — на сѣверо-западномъ, недалеко отъ бухты Кіаракуа, знаменитой смертью Кука.

Когда мы прошли упомянутый проливъ, около двухъ часовъ по полудни, и укрылись за островъ Гавайэ, высоты его заслонили намъ вѣтеръ, и мы совершенно заштилѣли. Стоя на одномъ мѣстѣ, мы имѣли время разсмотрѣть прекрасные, очаровательные виды, представляемые этими островами. Сначала низменный берегъ въ нѣкоторомъ отдаленіи начинаетъ подыматься постепенно, доходя до высочайшихъ горъ, и переливаясь отъ самой темной зелени до свѣтлой, пока она совершенно пропадаетъ; вершины горъ представляютъ глазу видъ безплодныхъ скалъ, изрытыхъ лавою, длинные остывшіе потоки которой простираются мѣстами до самаго морскаго берега, гдѣ рас-

(*) См. вторую статью въ «Отечественныхъ Запискахъ» кн. 11-ю, ноябрь 1849.

положены домы или, лучше, шалаши туземцевъ, окруженные кокосовыми рощами, банановыми и хлѣбными деревьями. Словомъ, видъ до-того очарователенъ, что нельзя на него наглядѣться. Слабый, иногда съ берега подувавшій, вѣтерокъ, приносилъ къ намъ благоуханія; но нетерпѣніе наше выйдти на землю, которая въ состояніи производить такіе ароматы, было напрасно — вѣтеръ не допускалъ насъ ближе къ заливу Кіаракуа, почти единственному якорному мѣсту около острова. Притомъ, полагая, что въ селеніи того же имени или въ ближайшемъ отъ него, называвшемся Тіататуа, найдемъ короля этихъ островов, намъ и незачѣмъ было искать другаго мѣста, гдѣ бы можно было стать на якорь.

На другой день, то-есть 18-го февраля, намъ удалось приблизиться къ бухтѣ на такое разстояніе, что простымъ глазомъ могли мы различать людей, стоявшихъ на берегу; но все-еще не могли мы достать лотомъ морскаго дна. У лейтенанта Лазарева была прекрасная собака, изъ рода Ньюфаундлендовъ. Она по приближеніи къ берегу безпрестанно лежала на сѣткѣ и съ жадностью втягивала береговыя благоуханія; но наконецъ, видя себя такъ близко къ берегу, не удовольствовалась этимъ, бросилась съ борта въ море и поплыла. Ни клики, ни брань не могли ее принудить возвратиться: она, съ свойственною этой породѣ легкостью, плыла все далѣе и далѣе, не обращая на насъ вниманія. Посредствомъ зрительныхъ трубъ, мы слѣдовали за нею и видѣли, какъ она благополучно достигла берега, хотя мы были отъ него на разстояніи болѣе 2-хъ миль.

«Открытіе» находилось впереди насъ, ближе къ бухтѣ Кіаракуа, и, пользуясь полосой ударяющаго въ паруса вѣтра, успѣло войдти въ бухту и стать на якорь, между-тѣмъ-какъ мы, штилюя, вертѣлись на одномъ мѣстѣ, относимые только теченіемъ.

Въ такомъ положеніи находились мы до утра 19-го числа. Тогда увидѣли, что товарищъ нашъ опять снялся съ якоря, и мы было уже стали отчаяваться выйдти на берегъ; но вскорѣ «Открытіе» подошло къ намъ и разсѣяло наши опасенія, сдѣлавъ телеграфъ, что король, уже нѣсколько времени назадъ, основалъ свою резиденцію на островѣ Вагу, имѣющемъ превосходную гавань, и что по этой причинѣ намъ надлежало отправиться туда.

Къ 3-мъ часамъ мы приблизились къ малой бухтѣ Тіататуа и совершенно заштилѣли; въ это время увидѣли большую пирогу, сопровождаемую множествомъ малыхъ, идущихъ къ намъ съ берега. Вскорѣ они пристали къ борту и къ намъ вышелъ на декъ губернаторъ острова, дядя короля, извѣстный подъ именемъ Мер-Адемса. Такой огромной человѣческой фигуры мы не имѣли еще случая видѣть: ростомъ онъ былъ полныхъ семь футовъ и соразмѣрно толстъ; онъ намъ представился одѣтый въ коричневомъ сюртукѣ, такомъ же нижнемъ платьѣ и въ круглой соломенной шляпѣ; впрочемъ онъ былъ безъ чулокъ и обуви; по-англійски изъяснялся онъ довольно-свободно; привезъ намъ въ подарокъ кокосовыхъ орѣховъ, банановъ, ананасовъ, арбузовъ, пататъ или сладкаго картофеля и таро, корня, составляющаго главную пищу этихъ островитянъ, и о которомъ я ниже буду говорить подробнѣе. Матросы наши вымѣнивали такіе фрукты у другихъ островитянъ на разныя мелочи и моржовые зубы; но туземцы ихъ не очень цѣнили и брали охотнѣе испанскіе піастры, цѣня ихъ, впрочемъ, весьма-низко. Они у насъ пробыли до

пяти часовъ. Тогда поднявшійся отъ NO довольно-свѣжій вѣтеръ заставилъ ихъ удалиться, а мы къ утру подошли къ острову Вагу; но заштилѣвъ тутъ, принуждены были провести ночь въ морѣ. Послѣ полуночи поднялся легкій SW вѣтеръ, съ которымъ мы успѣли подойдти къ берегу, но штиль снова удержалъ насъ въ морѣ, и мы должны были пробыть еще сутки подъ парусами, въ виду покойной, прекрасной гавани.

21-го числа мы находились такъ близко отъ берега, что могли воспользоваться поднявшимся морскимъ вѣтромъ (*), и войдти въ гавань; но какъ она образуется изъ кораллового рифа, покрытаго во время приливовъ водою и простирающагося широкою дугою отъ сѣвера къ югу—а мы знали, что входъ находится только съ этой послѣдней стороны, то капитанъ нашъ, для безопасности, приказалъ, поднявъ на фор-брам-стеньгѣ кейзер-флагъ и выпаливъ изъ пушки, потребовать лоцмана.

Вскорѣ мы увидѣли нѣсколько пирогъ, гребущихъ къ намъ изъ гавани; на одной изъ нихъ было два Англичанина, матросы Ботлъ и Уорнъ. Первый, вышедъ на декъ, отрекомендовалъ себя лоцманомъ его гавайскаго величества въ гавани Ганаруро, и представилъ Уорна въ качествѣ ученика своего. Этотъ тотчасъ воротился на берегъ, донести губернатору острова, по имени Поки, о приходѣ русскаго военнаго судна, и испросить позволеніе ввести его въ гавань. Между-тѣмъ вѣтеръ началъ стихать и Ботлъ рѣшился, не ожидая отвѣта ввести насъ, тѣмъ-болѣе, что отказа ожидать было нельзя.

Съ помощью буксира, мы благополучно прошли проходъ, который не шире ста сажень и бросили якорь на глубинѣ девяти сажень, прямо противъ крѣпости Кагуманна, которая намъ тотчасъ отсалютовала восмью выстрѣлами, и получила столько же въ отвѣтъ на свое привѣтствіе.

Вскорѣ послѣ насъ вошло «Открытіе» и было встрѣчено тою же почестью.

Крѣпость Кагуманна, названная такъ по имени мачихи царствовавшаго короля, построена не у входа, а на низменномъ берегу, противъ самой середины гавани, и состоитъ изъ квадратнаго редута съ низкимъ землянымъ валомъ, на которомъ поставлены тридцать-два чугунныя орудія разнаго калибра, начиная отъ 12-ти-фунтовой пушки до 48-ми-фунтоваго единорога; всѣ они стояли на морскихъ лафетахъ. Инженеръ, строившій эту крѣпость, видимо былъ изъ туземцевъ, ибо для нея нельзя было избрать худшаго мѣста. Берегъ, на которомъ она стоитъ и самый валъ, такъ низки, что ядра, съ самаго малаго военнаго судна могли безъ труда сбить орудія съ лафетовъ, и заставить ихъ молчать.

Гавань Ганаруро одного имени съ селеніемъ за крѣпостью, простирающимся вдоль берега, не очень-велика, и можетъ вмѣстить не болѣе пятидесяти судовъ, но очень-покойна. Коралловый рифъ, защищающій ее отъ морской зыби, оставилъ столь узкое отверстіе, что

(*) Около береговъ полуденныхъ странъ земнаго шара, обыкновенно, ежели тому не попрепятствуютъ сильные штормы или ураганы, вѣтеръ дуетъ ночью съ берега а днемъ на берегъ, достигая къ полуночи и къ полудню большей своей силы.

зыбь во внутрь не можетъ проникнуть, тѣмъ-болѣе, что проходъ находится на западной сторонѣ острова, а въ тропикахъ, гдѣ господствуютъ пассатные вѣтры, волненіе обыкновенно идетъ отъ востока. Эта природой созданная гавань — единственная по всей группѣ гавайскихъ острововъ, и такъ-какъ она образовалась отъ кораллоLаго рифа, которые обыкновенно постепенно разрастаютъ, то проходъ долженъ современемъ закрыться, и тогда мореходцы лишатся покойнаго, прекраснаго мѣста, для отдыха и запаса свѣжею провизіею и водою. Нѣкоторые старики изъ туземцевъ помнили, что проходъ былъ втрое шире тогдашняго. Берега, до горъ, составляющихъ внутренность острова, представляются въ видѣ наклонной долины, покрытой вѣчною зеленью, окраенной около самой воды узкою песчаною полосою, за которою полукружіемъ расположено селеніе Ганаруро, состоящее изъ шалашей туземцевъ и двухъ домовъ, построенныхъ на европейскій манеръ. Одинъ изъ этихъ домовъ, лежащій прямо противъ пристани, построенъ американскими купцами, въ два этажа, изъ досокъ, и проданъ королю; но король самъ не живетъ въ немъ, и отдалъ его мачихѣ, Кагуманнѣ; въ верхней этажѣ ея покои, а внизу помѣщается придворный штатъ. Другой домъ, лежащій на сѣверо-восточной оконечности селенія, каменный, окруженный такою же стѣною, вышиною въ 6 футовъ, принадлежалъ одному Испанцу, тамъ поселившемуся, по-имени Марини. Дома, или лучше шалаши островитянъ, расположенные безъ правила, то по нѣскольку вмѣстѣ, то по-одиначкѣ, построены въ видѣ домовой кровли изъ жердей, прямо на землю поставленной, покрытой длинною травою. Оконныя отверстія находятся въ рѣдкихъ шалашахъ, за-то почти каждый имѣетъ двое дверей, съ противоположныхъ сторонъ шалаша; двери завѣшаны только цыновкою; шалаши у простаго народа величиною отъ 2 до 4 квад. саж.; королевскія и тѣ, которыя принадлежатъ его вельможамъ, гораздо-просторнѣе и имѣютъ до двадцати квадратныхъ сажень. Внутренность этихъ шалашей у всѣхъ одинакова, то-есть, полъ, покрытый весьма-чистыми узорчатыми травяными цыновками, имѣетъ въ одномъ концѣ возвышеніе, которое отдѣляется отъ остальной части шалаша занавѣсомъ изъ того же матеріала и служитъ спальною; вся разница королевскихъ шалашей отъ простонародныхъ состоитъ въ томъ, что стѣны въ королевскихъ обшиты цыновками. Селеніе кажется весьма-большимъ, потому-что у самаго бѣднаго Сандвичанина должны быть два шалаша — одинъ для него и сыновей, а другой для женъ и дочерей; король же и вельможи имѣютъ для каждой жены и дочери особый шалашъ.

Вправо отъ селенія, въ разстояніи трехъ верстъ, около самой подошвы горъ, американскіе миссіонеры изъ секты моравскихъ братьевъ основали, съ дозволенія еще покойнаго короля Тамеамеа I-го, свое жилище, состоявшее тогда изъ двухъ небольшихъ досчатыхъ домовъ со службами и изъ большаго шалаша, въ видѣ дома построеннаго и служившаго церковью.

Прямо за селеніемъ начинаются плантаціи жителей. Въ нихъ они садятъ сахарный тростникъ, пататы или сладкій картофель — достигающій величины человѣческой головы и имѣющій приторно-сладкій вкусъ — арбузы, дыни, ананасы и, европейцами привезенные, огурцы; но главный предметъ, разводимый ими — корень, называемый таро, и ньямы—весьма сходные между-собою какъ наружнымъ видомъ, такъ и вкусомъ. Таро, корень похожій видомъ и величиною на нашу брю-

кву, съ тою только разницею, что имѣетъ черную наружную кожу и бѣлую какъ снѣгъ внутренность: онъ любитъ мокрую, болотистую почву, почему разведеніе его сопряжено съ большими трудами. Посѣявъ таро, жители обносятъ мѣсто земляным валомъ, который для большей прочности одѣваютъ дерномъ и проводятъ туда, изъ близь текущей рѣчки, воду, которую по испареніи возобновляютъ. Одинъ разъ засѣявъ такое мѣсто, не нужно повторять посѣвы послѣ каждаго сбора плодовъ; выдернувъ корень отрѣзаютъ его отъ листьевъ, оставляя небольшой кусокъ плода при зелени такъ, чтобъ листья могли держаться не распадаясь, и втыкаютъ ихъ назадъ въ то же мѣсто: черезъ три мѣсяца корень возобновляется, и опять можетъ быть отрѣзанъ. Въ хорошемъ грунтѣ и при бдительномъ присмотрѣ, процессію эту можно повторять до десяти разъ. Въ пищу корень употребляютъ слѣдующимъ-образомъ: обмывъ въ морской водѣ, кладутъ корни, завернутые, каждый особо, въ банановые листья—въ ямы, въ землѣ вырытыя, булыжникомъ обложенныя и раскаленныя, закрываютъ ихъ раскаленными же каменьями и засыпаютъ яму землею; чрезъ нѣсколько часовъ корни испекаются; тогда очищаютъ ихъ отъ кожи и растираютъ въ корытахъ, разбавляя тѣсто горячею водою до-тѣхъ-поръ, пока изъ него сдѣлается кисель или, лучше, масса, на разведенный крахмалъ похожая; тогда корень готовъ и употребляется туземцами при всякомъ другомъ кушаньѣ, какъ хлѣбъ. Этотъ корень имѣетъ странное свойство: не печеный, а вареный, производитъ нестерпимую жгучую боль во рту и въ горлѣ: чтобы избѣгнуть этой жгучести, его надо варить раза три, давая ему сначала всякій разъ остыть; такимъ-образомъ приготовленный, потомъ разрѣзанный на пластинки и поджаренный въ маслѣ, корень этотъ составляетъ весьма-пріятную и здоровую пищу. Иньямы не имѣютъ этого свойства, и потому островитяне не такъ любятъ ихъ; иньямы не могутъ быть обращены посредствомъ растиранія въ кисель.

Кромѣ этихъ овощей, туземцы во множествѣ разводятъ каву или аву, давно извѣстную изъ описаній другихъ путешественниковъ; но теперь употребленіе ея выходитъ уже изъ обыкновенія, особенно между простолюдинами, и только одна знать пьетъ изъ нея приготовленный напитокъ.

Изъ фруктовъ здѣсь водятся: кокосовые орѣхи, бананы, пизангъ, хлѣбный плодъ, апельсины, лимоны и виноградъ. Послѣдніе три сорта завезены сюда за нѣсколько передъ этимъ лѣтъ и растутъ очень-успѣшно, кромѣ винограда, для котораго, хотя онъ Испанцемъ Марини разсаженъ въ тѣни, климатъ слишкомъ-теплъ.

Относительно царства животнаго, нѣтъ страны беднѣе этихъ острововъ; впрочемъ, это свойство общее со всею Океаніею. Изъ четвероногихъ есть тамъ крысы и мыши; изъ домашнихъ животныхъ туземцы имѣютъ свиней, козъ, собакъ и кошекъ: послѣднія завезены со временъ открытія острововъ; а въ недавнемъ времени привезены лошади, рогатый скотъ и овцы.

Тогда царствовалъ король Тамсамеа II, сынъ преобразователя и покорителя всей группы острововъ, Тамеамеа I, о которомъ г. Коцебу, въ описаніи своего путешествія кругомъ свѣта на бригѣ «Рюрикъ», весьма-подробно говоритъ. Сынъ принялъ имя отца по возшествіи на престолъ, а до того времени его звали Ріо-Ліо. Онъ имѣлъ тогда около 25 лѣтъ, былъ очень-некрасивой наружности и не отличался, какъ прочая знать, большимъ ростомъ и вообще прекраснымъ тѣлосложеніемъ. Умственныя

его способности также были не изъ-ряда-вонъ, почему мудрый отецъ его, зная слабость сына, при смерти постановилъ, чтобъ любимая жена его, вышеупомянутая королева Кагуманна, участвовала въ правленіи. Онъ, казалось, былъ очень-доволенъ этимъ распоряженіемъ своего родителя и почти ни чѣмъ не занимался; цѣлый день проводилъ въ своемъ шалашѣ, окруженный любимцами, и попивая аву или ромъ, и рѣдко капъ — мадеру, которую онъ предпочиталъ всѣмъ винамъ. Иногда для разнообразія садился онъ въ свою прекрасную яхту и катался по островамъ въ сопровожденіи своей любимой жены, Камегамеги, умершей въ-послѣдствіи съ нимъ вмѣстѣ въ Англіи.

Покойный король Тамеамеа I, при жизни своей, несмотря на просвѣщенный образъ своихъ мыслей относительно религіи, не хотѣлъ вводить на островахъ, имъ покоренныхъ, новую вѣру; но на смертномъ одрѣ завѣщалъ сыну и правительницѣ Кагуманнѣ стараться постепенно это дѣлать. По смерти его первымъ дѣломъ ихъ было уничтожить Табу (*), сжечь идолы и разорить мораи; итакъ жители не имѣли ни какой религіи, потому-что уничтоживъ старую, христіанской вѣры не приняли, хотя имѣли уже наставниковъ. Миссіонеры, о которыхъ выше было говорено, назывались: старшій Биньямъ, младшій Ферстеръ; при нихъ находился кистеръ или дьячокъ по имени Ламисъ и одинъ земледѣлецъ. Ламисъ сверхъ-своей обязанности управлялъ маленькою типографіею, въ которой печатался тогда переведенный миссіонерами на гавайскій языкъ краткій катихизисъ и азбука, латинскими буквами. По прибытіи ихъ въ 1818 году, король отвелъ имъ земли и далъ рабочихъ, позволилъ проповѣдывать христіанство и крестить, кто захочетъ; но самъ не принялъ вѣры, полагаю, изъ лѣни. Миссіонеры завели школу, въ которой обучалось до тридцати дѣтей письму, чтенію, первымъ началамъ священной исторіи и закону Божію. Всѣ взрослые и особенно вельможи, слѣдуя примѣру своего правителя, чуждались миссіонеровъ и не хотѣли принять не только христіанской вѣры, но и ни какихъ наставленій, ни относительно правленія, ни хозяйства, особенно хлѣбопашества, хотя своими глазами могли удостовѣриться, что Европейцы лучше обработываютъ землю. Разработанные и засѣянные пшеницею и кукурузою (которая, впрочемъ, уже была на островахъ до миссіонеровъ), поля ожидали богатой жатвы. Причины этого равнодушія туземцевъ къ лучшему, нельзя было искать въ одной лѣни и приверженности къ старому, но болѣе въ наущеніи жившихъ на островахъ европейцевъ, изъ которыхъ опять отличался одинъ бѣглый французскій матросъ, по имени Rives. Они находили для себя выгоднымъ, чтобъ жители этихъ островов оставались въ невѣжествѣ, боясь, что ученіе миссіонеровъ исправитъ нравственность этого народа, особенно женщинъ, ведшихъ довольно-развратную жизнь, и что тогда имъ невозможно будетъ болѣе удовлетворять своимъ страстямъ: сластолюбію и жадности обогатиться посредствомъ обмана—деньгами, вырученными у Американцевъ и прочихъ командировъ судовъ, посѣщавшихъ гавань Ганаруро. Въ то время развратъ на этихъ островахъ господствовалъ еще въ полной силѣ, особенно въ Вагу, такъ часто посѣщаемомъ европейскими, а болѣе всего американскими китоловами.

(*) Считаю излишнимъ описывать значеніе этого слова, потому-что оно объяснено многими путешественниками до меня.

Незамужнія женщины не знали стыда; замужнія же, изъ боязни быть обличенными передъ своими мужьями, были болѣе воздержны и бывали въ связяхъ только съ иностранцами; часто сами властители продавали своихъ супругъ изъ корысти; если которая-нибудь изъ нихъ бывала уличена въ связи съ соотечественникомъ, то смерть была неминуемымъ ея жребіемъ.

При насъ многоженство было почти въ общемъ обыкновеніи, особенно между вельможами. Король имѣлъ семь женъ, губернаторъ острова, человѣкъ прекрасный, не старѣе двадцати-двухъ лѣтъ — столько же. Сколько миссіонеры противъ этого обычая ни возставали, но онъ оставался въ силѣ по старому, хотя они и приводили себя въ примѣръ, увѣряя жителей, что чрезвычайно-счастливо живутъ и съ одною женою.

Странно, что вельможи на этихъ островахъ разительно отличались отъ простонародья своимъ наружнымъ видомъ. Простой народъ — болѣе средняго роста и сухощавъ; вельможи — почти всѣ исполинскаго роста и тучны. Чему приписать это различіе? Лѣни ли, въ которой они проводятъ свою жизнь, или совершенно беззаботной жизни?

Народъ раздѣлялся только на два класса, вельможъ и простонародье. Первые происходили отъ родственниковъ кациковъ или королей, какъ прежнихъ династіи, такъ и нынѣшней. До Тамеамса I, каждый островъ имѣлъ собственнаго короля, независимаго отъ другихъ, управлявшаго народомъ совершенно деспотически. Тамеамса соединилъ всѣ острова подъ одинъ скипетръ и назначалъ губернаторовъ острова, кромѣ одного — Атоса, который сохранилъ своего короля, платившаго только дань. Люди, составлявшіе второй классъ хотя не были настоящими рабами, однакожь безвозмездно должны были работать для первыхъ; изъ нихъ набираются матросы и солдаты, составляющіе военную силу этихъ острововъ.

24-го марта увидѣли мы входящую въ гавань эскадру мелкихъ судовъ, подъ сандвичскимъ флагомъ, состоящую изъ двухъ бриггов и четырехъ шхунъ: изъ нихъ одна, шедшая впереди, была собственная яхта короля, на которой и самъ онъ находился. Эта яхта куплена имъ у одного американскаго купца за 80,000 піастровъ, и хотя была отдѣлана внутри позолотою и зеркалами и имѣла 16 мѣдныхъ каронадъ 12-ти-фунтоваго калибра, однакожь никакъ не стоила этой огромной суммы. Король, въ сопровожденіи наставника своего, по имени Краймоку, приставленнаго къ нему еще покойнымъ отцомъ его, тотчасъ по прибытіи своемъ на берегъ, пошелъ посѣтить больную свою мачиху. Вслѣдъ за нимъ, и мы вышли на берегъ и, отправились туда же, желая сдѣлать ему визитъ. Насъ ввели въ верхній этажъ; мы полагали, что увидимъ въ комнатахъ королевы-правительницы, хотя не королевское убранство, однакожь, по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторую мёблировку; но какъ же мы удивились, когда намъ, вмѣсто всего этого, бросились въ глаза голыя стѣны и пустая большая комната. Полъ былъ покрытъ цыновками, на которыхъ посреди комнаты лежала больная королева Кагуманна; ее лечили бабы, по-сандвичски, то-есть, колѣнами давили ей животъ изъ всѣхъ силъ, причемъ не только сами лекарки, но и съ дюжину другихъ бабъ, сидящихъ въ одномъ углу комнаты, выли и кричали раздирающимъ душу голосомъ; на крикъ этотъ отвѣчала такъ же безчисленная толпа туземцевъ, расположившихся внизу. Когда король вошелъ, мачиха приподняла голову и заплакала; это было новымъ сигналомъ къ всеобщимъ крикамъ, къ которымъ присталъ и

самъ король съ своею свитою. Процессія эта продолжалась съ полчаса; потомъ король выгналъ всѣхъ изъ комнаты и сталъ на колѣни подлѣ мачихи, которая, поговоривъ съ нимъ, потребовала отъ насъ лекаря. Г. Ковалевъ, лекарь съ «Открытія», находился съ нами; онъ взялся тотчасъ за дѣло и чрезъ нѣсколько дней вылечилъ королеву. Она была женщина лѣтъ пятидесяти и настоящая великанша; когда мы вошли, ее еще мяли женщины, а она лежала на полу.

Посидѣвъ, или лучше, постоявъ нѣсколько времени, потому-что сидѣть было нечѣмъ, кромѣ какъ на полу—король пошелъ въ свой шалашъ и пригласилъ насъ съ собою. Прибывъ туда, первымъ дѣломъ его было снять съ себя всю одежду, состоявшую изъ бѣлой фланелевой куртки, такого же нижняго платья, рубахи, башмаковъ и круглой соломенной шляпы; вмѣсто всего этого онъ надѣлъ свой маро, родъ узкаго пояса, одинъ конецъ котораго проходитъ промежъ ногъ и закрѣпляется на спинѣ за тотъ же поясъ. Этотъ маро составляетъ единственную одежду мужчинъ, и сдѣланъ изъ матеріи туземнаго издѣлія, приготовляемой изъ коры папируса слѣдующимъ образомъ: содравъ съ дерева кору, они мочатъ ее въ известковой водѣ около двухъ недѣль; потомъ, вынувъ ее, растягиваютъ на доскахъ и складываютъ краями вмѣстѣ, столько, какъ широка нужна имъ матерія; послѣ бьютъ ее плоскими вальками, поливая тою же водою до-тѣхъ-поръ, пока она сдѣлается тонка какъ бумага; въ такомъ видѣ сушатъ ее на солнцѣ, потомъ растираютъ руками, пока сдѣлается мягкою. Ее красятъ разными растительными красками весьма-яркихъ цвѣтовъ. Раздѣвшись, король легъ на цыновки и пригласилъ насъ сдѣлать то же. Тутъ онъ началъ разспрашивать насъ, посредствомъ переводчика, Француза Rivés, о Россіи, причемъ изъявлялъ желаніе посѣтить императора Александра — объ американскихъ колоніяхъ нашихъ, извѣстныхъ ему по экспедиціи какого-то искателя приключеній доктора Шеффера, увѣрившаго управляющаго Баранова, что нѣтъ ничего легче, какъ занять островъ Вагу, откуда былъ онъ удаленъ покойнымъ отцомъ короля — и, наконецъ, о цѣли нашей экспедиціи, которую онъ никакъ не могъ понять и спросилъ: какое дѣло нашему императору, вода или земля находится на сѣверѣ? Капитаны наши просили у него позволенія раскинуть на берегу палатки для астрономическихъ наблюденій, и онъ тотчасъ приказалъ отвести намъ мѣсто по правую сторону крѣпости. Когда мы хотѣли откланяться, ему вздумалось пригласить насъ на свою яхту. Онъ опять одѣлся, и поѣхалъ на нашемъ катерѣ съ нами вмѣстѣ; на яхтѣ насъ подчивали виномъ и фруктами. Когда мы отвалили, онъ приказалъ салютовать пятью выстрѣлами, на которые ему отвѣтили столькими же съ «Открытія».

На другой день его гавайское величество удостоилъ насъ чести своего посѣщенія. Онъ явился въ англійскомъ адмиральскомъ мундирѣ, въ соломенной шляпѣ и въ башмакахъ на босую ногу; его сопровождали вышеупомянутый Краймоку—губернаторъ Поки, также какъ и король, въ мундирѣ англійскаго флота — и любимая жена его, Камегамега въ бѣломъ атласномъ платьѣ, хотя голова ея была убрана по-гавайски, а ноги были вовсе безъ обуви. Позади короля, королевы и каждаго изъ вельможъ, ходилъ одинъ прислужникъ, носившій плевальницу; въ качествѣ переводчика въ этотъ день находился при королѣ Испанецъ Марини. Всѣ они сошли въ каюты, сѣли за столъ вмѣстѣ съ нами, и ѣли наши кушанья съ большимъ аппетитомъ, не забывая однако своего любезнаго

таро, привезеннаго ими съ собой; вина они мало пили, и больше употребляли ромъ, такъ-что вставъ изъ-за стола почти всѣ были пьяны. Король, отъѣзжая, просилъ насъ черезъ день къ себѣ отобѣдать; ему салютовали девятью выстрѣлами, на которые съ яхты и потомъ съ крѣпости отвѣчали столько же. Въ назначенный день мы пріѣхали къ королю. Столъ, накрытый по-европейски въ одномъ изъ большихъ его шалашей, блестѣлъ множествомъ серебра и хрусталя; обѣдъ былъ въ англійскомъ вкусѣ. Кромѣ насъ, были миссіонеры, европейцы острова и три капитана американскихъ судовъ. Король въ этотъ день былъ одѣтъ въ морской англійскій генеральскій мундиръ. Церемоніймейстеромъ былъ Французъ Ривесъ, а кушанье приготовлялъ поваръ съ одного изъ американскихъ судовъ; вина были отличныя. Во время обѣда пили за здоровье нашего императора, короля и американскаго народа. Изъ этого видно, что онъ старался перенимать обычаи просвѣщенныхъ народовъ, но это было ему не къ-лицу: онъ даже не умѣлъ сидѣть на стулѣ и никогда не употреблялъ ложки, ножа и вилки.

Военная сила короля состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ солдатъ, расположенныхъ на всѣхъ островахъ; они были обмундированы въ англійскіе красные мундиры, но безъ нижняго платья и головнаго убора. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на нихъ; потому-что они, при своей красной кожѣ, походили на наряженныхъ обезьянъ. Ружей хранилось въ крѣпости, построенной на горѣ за селеніемъ Ганаруро, 40,000; тамъ же было нѣсколько полевыхъ орудій съ принадлежащими къ нимъ зарядными ящиками и всѣми принадлежностями. Флотъ состоялъ изъ девяти бриговъ и четырехъ шхунъ, вмѣстѣ съ яхтою. Эти суда управлялись Англичанами, а матросами были туземцы. Капитаны не могли нахвалиться проворствомъ и сметливостью этихъ людей. Плаваніе гавайскихъ судовъ простиралось не только по островамъ, но они ходили даже въ Кантонъ; въ наступающее лѣто король хотѣлъ отправить одинъ бригъ съ солью въ Камчатку, чтобъ взять оттуда соленую и вяленую рыбу, до которой Гавайцы большіе охотники, но приготовлять ее не умѣютъ.

Доходы королевскіе не опредѣлены и зависятъ отъ обстоятельствъ, потому-что постоянныхъ податей или сборовъ нѣтъ. Когда король нуждался въ деньгахъ, то приказывалъ выстроить себѣ новый шалашъ, а старый сломать. Перебравшись, у дверей ставилъ онъ большіе глиняные горшки, у которыхъ стояли часовые и одинъ изъ приближенныхъ короля; по всему острову посылали гонцевъ съ извѣстіемъ объ этомъ, и всякій подданный мужескаго пола, старѣе десяти лѣтъ, обязанъ былъ бросить по испанскому піастру въ горшокъ. Этотъ сборъ повторялся два и три раза въ годъ на каждомъ островѣ, смотря по надобностямъ короля. Такъ-какъ островъ, на которомъ онъ имѣетъ свое пребываніе, обязанъ содержать съѣстными припасами большой дворъ и короля, то король часто переѣзжаетъ съ одного острова на другой, но болѣе всего живетъ онъ на Гавайэ и Вагу; почему прочіе острова должны иногда провизію присылать въ мѣстопребываніе короля. Другой доходъ состоялъ въ продажѣ сандальнаго дерева, отпускаемаго за деньги или вымѣниваемаго на разные товары; сандальное дерево растетъ въ изобиліи на всѣхъ островахъ и принадлежитъ только королю. Американскіе купцы платятъ ему отъ 5 до 7 піастровъ за пикуль и продаютъ его въ Кантонѣ по 9 и 11. Это дерево такъ тяжело, что кусокъ его длиною въ одну сажень и толщиною не болѣе трехъ вер-

шковъ, составляетъ пикуль. Съ отпуска сандала король получалъ отъ 30,000 до 40,000 піастровъ. Третій доходъ составляла соль, собираемая на морскомъ берегу въ изобиліи. Сандальное дерево не рубили топорами, а пилили, чтобъ не тратить матеріала въ щепахъ. Работа эта и собираніе соли производится, по наряду, простымъ народомъ. Должность министра финансовъ исправляли Испанецъ Марини и Французъ Ривесъ, которые обманывали короля, какъ могли. Имъ это было весьма-легко, потому-что учитывать некому; а о правильномъ расходѣ и приходѣ въ хозяйствѣ, и думать нельзя. Марини занимался продажею сандальнаго дерева и соли, отдавая королю сколько ему вздумается. Чтобъ купцы не открыли его плутней, онъ дѣлился съ ними. Ривесъ былъ, такъ-сказать, государственнымъ казначеемъ. Плутуя заодно съ Марини, онъ показывалъ менѣе прихода, чѣмъ дѣйствительно было; и сумму, собираемую въ горшки, онъ не показывалъ всю. Перваго туземцы любили за то, что онъ имъ не вредилъ и не возносился надъ ними; но втораго ненавидѣли и нѣсколько разъ, во время нашего пребыванія на островѣ, сжигали его шалашъ, чѣмъ изъявляли свое негодованіе противъ него.

29-го числа пріѣхала къ намъ выздоровѣвшая королева Кагуманна и привезла въ подарокъ на каждый шлюпъ по двадцати свиней, множество фруктовъ и зелени. Она была одѣта въ черномъ бархатномъ платьѣ, но весь придворный штатъ, сопровождавшій ее, и состоявшій изъ восьми женщинъ, не имѣлъ иной одежды, кромѣ пау, родъ юбки, покрывающей тѣло и состоящей изъ куска вышеописанной матеріи, ярко-желтаго, зеленаго, или пунцоваго цвѣта, который въ нѣсколько разъ обвернутъ вокругъ тѣла. Волосы ихъ сзади были заплетены въ двѣ косы, а спереди коротко выстрижены и около лба намазаны известью. Во время танцевъ, которые состояли въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ и жестахъ, мужчины пѣли и били тактъ коротенькою палочкою по длинной, издающей весьма-непріятные звуки и—смотря по величинѣ ихъ— то низкіе, то высокіе тоны. Женщины иногда еще болѣе наряжаются—тогда надъ обыкновенною пау надѣваютъ фестонами другую—разноцвѣтную; на головахъ и вокругъ шеи носятъ тогда вѣнки, изъ красныхъ, желтыхъ и черныхъ перьевъ сплетенные; около плечь — сзади завязанные банановые листья; а ноги повыше ступни и руки у кисти, обвертываютъ плющомъ. Танцуя, онѣ становятся въ три ряда и всѣ вдругъ дѣлаютъ, по такту, одинакія тѣлодвиженія. Музыканты или пѣвчіе стояли позади ихъ.

Вотъ политическое, нравственное и общественное состояніе Сандвичевыхъ или Гавайскихъ-Островов въ 1821 году, потерпѣвшее съ тѣхъ-поръ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, большія перемѣны.

Языкъ сандвичскій мягокъ, пріятенъ для слуха и весьма-легко выговаривается иностранцами; онъ имѣетъ въ словахъ своихъ весьма-много гласныхъ буквъ, а *р* почти вовсе не слышно. На всѣхъ островахъ говорятъ однимъ общимъ языкомъ и только нѣкоторые разнятся произношеніемъ или недостаткомъ буквъ, какъ-то: Островъ-Вагу, гдѣ буквы *к* вовсе нѣтъ и вмѣсто ея ставится *т.*; на-примѣръ, на Оваги жрецъ называется *кагуна*, а на Вагу *тагуна*; на немъ же королевъ Кагуманну и Калигамегу звали *Тагуманна* и *Талигамега.*

3-го апрѣля мы совсѣмъ были готовы къ отплытію, но тутъ король прислалъ къ намъ просить нашихъ врачей. Его любимая жена, королева Калигамега, внезапно занемогла. Тотчасъ послали обоихъ лекарей

на берегъ. Они нашли, что припадки были дѣйствительно опасны, почему отплытіе наше отложено; до 7-го числа она находилась въ опасности, потомъ поправилась, и мы не замедлили оставить этотъ прекрасный островъ, имѣющій лучшій климатъ на земномъ шарѣ и освобожденный отъ всѣхъ мучителей рода человѣческаго, живущихъ между тропиками, какъ-то: москитовъ, ядовитыхъ мошекъ, змѣй и прочихъ, чтобъ отправиться обратно къ сѣверу, на страданія и недостатки.

Вышедъ изъ гавани вмѣстѣ съ «Открытіемъ», мы взяли курсъ на N и увидѣли 8-го числа на разсвѣтѣ Островъ-Атой. Этотъ островъ хотя гористъ, но несравненно ниже прочихъ; сѣверная часть его низменна, и только на южной оконечности возвышается довольно-высокая конусообразная гора; хотя она гораздо-ниже горъ Моно-Роа и Моно-Каа, но тѣмъ не менѣе очень-далеко видна съ моря и, стоя совершенно отдѣльно, служитъ мореплавателю хорошею опознательною точкой.

Пройдя Островъ-Атой, насъ встрѣтилъ сѣверо-восточный пассатъ, который весьма-замедлялъ наше плаваніе, пока мы не дошли до широты 39°, гдѣ, послѣ довольно-сильной бури, получили SW. Здѣсь кружилось около насъ безчисленное множество морскихъ ласточекъ, обыкновенно недалеко отъ берега пускающихся въ океанъ, почему мы появленіе ихъ приняли признакомъ какого-либо острова; но какъ цѣль нашего путешествія не дозволяла намъ терять время на изъисканія въ океанѣ, то мы воспользовались упомянутымъ вѣтромъ для возможно-поспѣшнаго достиженія Ситхи.

8-го мая, мы находились въ широтѣ 53°. Здѣсь густой туманъ разлучилъ насъ съ «Открытіемъ», но это не помѣшало намъ продолжать плаваніе, такъ-что 12-го числа мы увидѣли гору Эджкумбъ, къ которой къ-вечеру и подошли; но удержанные противными вѣтрами, не могли войдти въ Зундъ до 14-го числа.

Въ этотъ день мы благополучно прошли среднимъ проливомъ и бросили якорь прямо противъ крѣпости, которая отсалютовала военному флагу, лишь-только мы вышли изъ-за Японскаго-Острова (такъ называется одинъ изъ малыхъ острововъ, образующихъ защиту гавани съ моря). Мы весьма удивились, что «Открытіе» еще не прибыло, потому-что оно ходило гораздо-лучше насъ.

Глазамъ нашимъ представился совершенно-готовый и оснащенный ботъ на стапелѣ. Лейтенантъ Игнатьевъ пріѣхалъ къ намъ на шлюпъ вмѣстѣ съ капитаномъ Муравьевымъ и очень-сожалѣлъ, что обстоятельства удерживали его въ Ситхѣ, въ то время, когда мы имѣли случай быть въ земляхъ, одаренныхъ щедрою природою всѣми прелестями теплыхъ странъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія «Открытія», чтобъ спустить ботъ и удалиться изъ плачевной Ситхи—истинно плачевной, по безпрерывнымъ дождямъ, здѣсь господствовавшимъ. Наконецъ мы увидѣли «Открытіе» 18-го числа къ вечеру; оно бросило якорь у баттарейнаго острова, въ западной гавани, очень-далеко отъ насъ.

19-го числа, отслуживъ молебенъ, спустили со стапеля новопостроенный ботъ, и онъ, какъ уточка, поплылъ къ «Открытію», ставъ рядомъ съ нимъ на якорь. Командиромъ его назначили лейтенанта Игнатьева и къ нему отрядили: одного урядника, лекарскаго помощника и десять человѣкъ матросовъ.

Начальникъ колоній; капитанъ Муравьевъ, сбирался отправиться, для осмотра Кодьяка и Уналашки; для этого вооружалось компанейское судно «Головинъ», которымъ командовалъ мичманъ Храмченко. Г. Му-

равьевъ хотѣлъ остаться нѣкоторое время на Кодьякѣ и, между-тѣмъ отправить Храмченко къ сѣверу также для изъисканій. Результатъ этого предпріятія мнѣ не извѣстенъ.

Во время нашей стоянки, насъ опять, какъ и въ первый разъ, почти ежедневно посѣщали Колоши, которыхъ теперь поселилось большое число около крѣпости, для рыбной ловли, въ ожиданіи хода сельдей.

29-го мая, взявъ одного Камчадала, здѣсь находившагося, и одного же Агалахмюта, переводчиками, мы снялись съ якоря и благополучно вышли въ море. Ботъ, взятый «Открытіемъ» на буксиръ, весьма-задерживалъ насъ, такъ-что мы, при постоянно-благополучномъ вѣтрѣ, только 13-го іюня увидѣли гряду Лисьихъ-Острововъ. Тутъ насъ встрѣтили туманы и противные вѣтры, не позволившіе намъ ранѣе 17-го числа пройдти Уналашкинскій-Проливъ. Вступивъ въ Камчатское-Море, мы до Уналашки должны были бороться со штилями и крѣпкими вѣтрами. Наконецъ, 21-го числа, могли мы войдти въ Капитанскую-Гавань, бросивъ въ третій разъ якорь противъ селенія Иллюлюкъ. Тотчасъ пріѣхали къ намъ старые наши знакомые и нѣсколько новыхъ лицъ, присланныхъ сюда изъ Ситхи. Зная приходъ нашъ, съ сосѣднихъ острововъ съѣхались въ Уналашку множество Алеутовъ и Русскихъ, чтобъ у нашего священника пріобщаться, вѣнчаться и креститься.

Въ послѣдній крѣпкій вѣтеръ, у насъ повредилась фор-стеньга и лонг-салингъ у фор-марса; для починки первой и перемѣны другаго, спустили ее внизъ; это задержало насъ до 27 числа.

Отправляясь отсюда къ сѣверу, гдѣ насъ ожидали и ненастная погода, и холода, и разные труды, и гдѣ тремъ офицерамъ было слишкомъ тяжело — съ «Открытія» откомандировали къ намъ лейтенанта Зеленаго, и когда онъ перебрался, мы вмѣстѣ съ «Открытіемъ» вышли упомянутаго числа изъ гавани, взявъ разные съ нимъ курсы, потому-что передъ выходомъ нашъ капитанъ получилъ отъ командира экспедиціи слѣдующее предписаніе: «По выходѣ изъ гавани взять курсъ къ «видѣнному какимъ-то промышленикомъ Острову-Преображенія, опре«дѣлить, или удостовѣриться въ существованіи его; потомъ отправить«ся къ Острову-Андерсону, поставленному на карту капитаномъ Ку«комъ, но послѣ его никѣмъ не найденнымъ. Описать Острова-св.-Мат«ѳѣя и Лаврентія, и, наконецъ, стараясь достигнуть Ледовитаго-Моря «къ 7-му іюля, идти вдоль азіатскаго берега до возможной высоты, «отъискивая проходъ кругомъ этой части Свѣта къ западу.»

Имѣя разные курсы съ «Открытіемъ», мы направились къ WNW, а оно въ сопровожденіи бота, опредѣленнаго для описи Бристольской-Бухты—къ Мысу Невенгаму къ NO. Вскорѣ мы потеряли изъ вида другъ друга, чему способствовалъ поднявшійся густой туманъ.

1-го іюля дошли мы до мѣста, гдѣ на картѣ назначенъ былъ Островъ-Преображенія, т.-е. до широты 58° 48′ и восточной долготы 183° 24′. Погода была довольно-ясная и горизонтъ чистъ; но и съ саленговъ, на которые я влѣзъ съ трубою въ рукахъ, ничего нельзя было видѣть; поэтому капитанъ недолго задумывался и стеръ островъ этотъ съ лица земли, или лучше—съ лица моря.

Окончивъ это дѣло, мы продолжали путь свой къ Острову-св.-Матѳѣя, до котораго на другой день дошли; но за густымъ туманомъ видѣли только въ воздухѣ очерки высокихъ горъ его; низменная часть его была совершенно укрыта отъ глазъ нашихъ. Не теряя времени въ ожи-

данія пока прочистится туманъ, мы направили путь къ мѣсту, гдѣ на картѣ находился Островъ-Андерсонъ, и 3-го числа достигли этого мѣста; но также при несовершенно-ясной погодѣ ничего не видѣли похожаго на островъ. При всемъ этомъ мы медлили стереть его съ карты и продолжали путь свой по взятому направленію къ NNO. Около четырехъ часовъ пополудни, горизонтъ къ SO совершенно очистился, и мы по этому направленію увидѣли высокую землю. Находясь въ это время въ широтѣ 62° 56′ и долготѣ 193° 32′, мы находились отъ американскаго берега по этому направленію на разстояніи болѣе 180 миль — слишкомъ-великомъ, чтобъ увидѣть и самую высочайшую гору на земномъ шарѣ; поэтому приняли этотъ берегъ за новое открытіе или, предполагая невѣрности въ счисленіи капитана Кука, за Островъ-Андерсонъ. Желая болѣе удостовѣриться, капитанъ приказалъ спуститься къ этому берегу. Подвигаясь впередъ, безпрерывно бросали лотъ. Эта предосторожность оказалась очень-полезною, потому-что глубина примѣтно начинала убавляться. Когда мы прошли нѣсколько миль, вода начала измѣнять цвѣтъ свой и изъ темно-зеленой становилась желтою и мутною: ясный признакъ мелководья въ открытомъ морѣ; и дѣйствительно, глубина вдругъ убавилась съ восьми до четырехъ сажень. Видя невозможность безъ опасности и потери времени проникнуть къ видѣнному берегу, мы, находясь въ разстояніи 67½ миль отъ него, по приказанію капитана перемѣнили направленіе и пошли прямо къ Острову-Св.-Лаврентія. Имѣя противные вѣтры, доходившіе своею силою часто до бури, мы не прежде 9-го числа подошли къ западному мысу этого острова, который вскорѣ скрылся отъ насъ въ туманѣ; послѣ полудня, туманъ прочистился, и мы увидѣли десять большихъ байдаръ, идущихъ къ намъ съ острова. Чтобъ дать имъ время приблизиться, капитанъ приказалъ лечь въ дрейфъ, и они вскорѣ подошли; но люди на нихъ находившіеся, не только не хотѣли выйдти на палубу, но даже боялись пристать къ борту, пока Агалахмютъ нашъ и Камчадалъ не заговорили съ ними на своихъ языкахъ. Тогда началась мѣна, и за табакъ, ножи, ножницы, топоры и разныя мелочи они отдавали все, что у нихъ было, даже снимали съ себя свои оленьи парки и камочные камлейки, называемыя ими камлильки. Промѣнявъ все, что имѣли при себѣ, они отвалили и погребли обратно къ острову.

Желая освѣжить команду не соленою пищею, капитанъ приказалъ держать къ губѣ, одного имени съ островомъ, чтобы у Чукочь достать оленей. На другой день, мы вошли въ нее, и бросили якорь противъ небольшаго селенія осѣдлыхъ Чукочь.

Губа-Св.-Лаврентія открыта и безпокойна; она была бы вовсе неспособна къ якорной стоянкѣ, еслибъ отъ сѣвернаго берега не простиралась низменная песчаная коса, образующая маленькій заливъ, къ которому морская зыбь достигаетъ только отражаясь отъ противолежащаго берега; впрочемъ она совершенно открыта и простирается во внутрь берега болѣе чѣмъ на 15 миль къ NW. Въ самой глубинѣ, по этому направленію, лежатъ два небольшихъ острова, за которыми, ежели бы понадобилось кому простоять здѣсь продолжительное время или даже зимовать, можно найдти спокойную стоянку. Берега и земля окружающіе губу, большею частью высоки и гористы; эта страна не только на высотахъ, но и въ лощинахъ между горами покрыта вѣчнымъ снѣгомъ; только вдоль берега, на низменностяхъ, можно видѣть нѣчто похожее на произрастеніе, т.-е. желтую и сухую траву,

надъ которой изрѣдка подымается желтый цвѣтокъ; тутъ не видно не только дерева, но даже и мелкаго кустарника; словомъ, здѣсь взорамъ мореплавателя представляется печальная, угрюмая природа. По берегу губы, въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣются конусообразныя юрты туземцевъ, которые замѣтя насъ тотчасъ сѣли въ байдары и погребли къ намъ. Они безъ приглашенія и боязни пристали къ борту и вошли на палубу. Ихъ было двѣнадцать человѣкъ, и между ними находился старшина селенія, передъ нами лежащаго. Принявъ и одаривъ какъ-можно-лучше, этихъ Чукочь, которые сами-себя называли Чаучи, капитанъ просилъ старшину доставить десятка два оленей; но онъ увѣрялъ, что этихъ животныхъ въ окрестности нѣтъ, и такъ-какъ они, по недостатку мха вблизи, угнаны далеко во внутрь земли, то необходимо, по-крайней-мѣрѣ 12 дней, чтобы ихъ пригнать. Намъ нельзя было потерять такъ много времени, почему мы и хотѣли тотчасъ сняться съ якоря и идти далѣе по данному назначенію, но должны были отложить это намѣреніе, по причинѣ совершеннаго безвѣтрія.

Отобѣдавъ, мы для препровожденія времени и для познанія домашней жизни Чукочь, слѣдуя приглашенію ихъ, поѣхали на берегъ въ близлежащее селеніе. Оно состояло изъ семи кожаныхъ юртъ, совершенно подобныхъ видѣннымъ нами въ прошломъ году въ Зундѣ-Коцебу и на Островѣ-Св.-Лаврентія, съ тою разницею, что юрты эти во внутренности были гораздо-просторнѣе, но также раздѣлены на двѣ части, изъ которыхъ одна, служившая спальною семейства, была обшита и устлана медвѣжьими шкурами, и—такъ низка, что стоять въ ней нельзя, а вползши туда надо сидѣть или лежать. Въ этомъ отдѣленіи вѣчно горитъ въ глиняной чашѣ китовый жиръ, до-того нагрѣвающій воздухъ, что Чукчи, вползши туда, тотчасъ до-гола раздѣваются. Китовый жиръ составляетъ у нихъ единственное топливо, ибо на азіятскій берегъ весьма-мало выкидывается пловучаго лѣса, употребляемаго ими на разныя издѣлія, какъ-то: на постройку саней, байдарнаго набора, на юрты и оружіе.

Прибывъ опять на шлюпъ, мы нашли множество байдаръ у борта; онѣ пріѣхали изъ другихъ селеній около губы лежащихъ и промѣнивали свои лисьи мѣха, оружіе и одежду на котлы, топоры, ножи, ножницы, иголки и табакъ; но послѣдній они брали только какъ придачу къ другимъ вещамъ, потому-что они нюхаютъ, но не курятъ, или лучше, какъ островитяне Св.-Лаврентія, не ѣдятъ его.

На этихъ байдарахъ пріѣхало къ намъ нѣсколько молодыхъ женщинъ; изъ нихъ нѣкоторыя были очень-хороши собою, несмотря на то, что онѣ накалываніемъ искажали свои лица: двѣ узенькія полоски идутъ отъ волосъ черезъ лобъ, носъ и кончаются подъ подбородкомъ; другія полоски наколоты полукружіемъ на щекахъ. Мужчины не имѣютъ никакихъ украшеній. Волосы свои они стригутъ на темени, оставляя кругомъ головы вѣнокъ волосъ длиною въ вершокъ; но женщины отращиваютъ волоса и заплетаютъ ихъ въ косы, не сзади ниспадающія, но съ обѣихъ боковъ, такъ-что ушей ихъ не видно. Одежда Чукочь, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ двойныхъ оленьихъ парокъ, изъ штановъ — у мужчинъ изъ тюленьей кожи, а у женщинъ—изъ оленьей же. Сапоги также тюленьи, у обоихъ половъ одинакіе. Народъ этотъ средняго роста, но широкоплечъ и силенъ; первоначальный цвѣтъ кожи ихъ, какъ это примѣтно у дѣтей—бѣлый; но отъ вѣчной копоти въ юртахъ они дѣлается темножелтымъ,

или лучше, грязнымъ. Отъ-этого и потому, что здѣсь снѣгъ почти никогда совершенно не разстаеваетъ, у всѣхъ глаза красны и запухли, но вовсе слѣпыхъ мы не видали. Нечистоплотность простирается до невѣроятности : они никогда не моются и имѣютъ такія отвратительныя привычки, что ихъ описывать нельзя. Оружіе ихъ состоитъ изъ деревянныхъ луковъ, стрѣлъ и копій съ костяными оконечностями, въ которые вставлены кременныя острія. Сверхъ этого, каждый имѣетъ два ножа, одинъ у пояса поменьше, а другой большой на спинѣ между лопатками; у нѣкоторыхъ мы видѣли винтовки. Сани ихъ деревянныя, низенькія, длинныя, иногда съ кибиткою, и полозья ихъ обшиты, вмѣсто тормазовъ, костью или китовымъ усомъ; для ѣзды, кочующіе Чукчи употребляютъ оленей, а осѣдлые — собакъ.

Относительно ихъ религіи я могъ узнать только, что они вѣруютъ въ существо доброе, называемое ими Кергеугіа; ему приписываютъ они все доброе и радостное въ мірѣ, но никогда не приносятъ ему жертвъ; вѣруютъ также и въ существо злое, называемое Камака. Этому они часто приносятъ жертвы, чтобы умилостивить его, и дабы онъ не ниспосылалъ на нихъ несчастія. Жертвоприношенія ихъ весьма-просты: позади каждой юрты врыты, стоймя, въ землю, три китовыхъ ребра; проходя мимо ихъ они никогда не забываютъ прилѣпить къ нимъ намоченный табакъ, или, если что-нибудь ѣдятъ, вынутый изо рта кусочикъ пищи, призывая Камаку принять даръ. Они вѣруютъ въ будущую жизнь и говорятъ, что добрые по смерти живутъ вмѣстѣ съ Кергеугіа, гдѣ они не имѣютъ никакого недостатка; злыхъ же беретъ Камака и мучитъ ихъ всѣми возможными муками. Они полагаютъ, что свѣтъ разрушится, и что изъ развалинъ возстанетъ другая земля.

О созданіи людей они имѣютъ слѣдующія понятія. Издалека приплылъ китъ и родилъ мужчину, который скитался въ одиночествѣ, пока Кергеугіа, сжалясь надъ нимъ, не бросилъ съ неба женщину; но какъ, когда и кѣмъ міръ созданъ, они не знаютъ.

Это—повѣрья прибрежныхъ или осѣдлыхъ Чукчей; тѣ ли же вѣрованія имѣютъ кочующіе, мнѣ неизвѣстно.

11-го числа съ разсвѣтомъ, мы, при тихомъ NO вѣтрѣ, снялись съ якоря; но не успѣли еще пройдти песчаную косу, отъ которой довольно далеко простирается отмель, заштилѣли и насъ теченіемъ прибило къ этой отмели. Шлюпъ сталъ на мель. Чтобъ стянуться, мы только-что хотѣли завести верьпъ, какъ задулъ легкій вѣтеръ отъ NO; мы тотчасъ же обрасопили реи, вѣтеръ ударилъ на нихъ спереди, и шлюпъ заднимъ ходомъ вскорѣ сошелъ безъ дальнихъ хлопотъ съ мели. Но тутъ вѣтеръ опять затихъ, и мы, для избѣжанія повторенія того же случая, принуждены были посреди губы стать на якорь. Вскорѣ послѣ этого мы увидѣли большую байдару, шедшую къ намъ изъ глубины залива. Между прибывшими Чукчами находился старшина, по имени Пайгдау и одинъ крещеный туземецъ; этотъ обѣщался намъ на другой день непремѣнно доставить нѣсколько оленей. Получивъ подарки, онъ отправился назадъ на берегъ; но старшинѣ Пайгдау такъ понравилась наша жизнь, что онъ остался на шлюпѣ. Для команды почти необходима была свѣжая пища, потому-что цынга опять начинала являться, и капитанъ положилъ подождать до другаго дня; но вмѣсто одного, штили задержали насъ тутъ еще три дня. Напрасно мы ждали возвращенія Ивана (такъ звали крещенаго Чукчу), и потому, на второй день,

по совѣту Пайгдау, былъ посланъ на берегъ ялпкъ; но онъ воротился пустой, не найдя ни одного человѣка въ указанномъ селеніи. Пайгдау оставался у насъ все остальное время нашей стоянки въ Губѣ-Св.-Лаврентія, которую Чукчи называютъ «кугом-нуніани» и уѣхалъ на прибывшей байдарѣ тогда, когда уже мы вступили подъ паруса.

Этотъ старшина разсказывалъ намъ, что онъ ежегодно ѣздитъ на ярмарку въ Островное, и что видѣлъ тамъ нынѣшняго года много русскихъ тойоновъ, прибывшихъ изъ Нижне-Колымска ; на разспросы наши о положеніи берега Азіи, онъ увѣрялъ, что мы не далеко уйдемъ къ сѣверу; и когда мы ему сказали, что намѣрены пройдти въ Нижне-Колымскъ, онъ разсмѣялся, говоря: «много льда, горы льда, не пройдти вамъ».

Когда мы вступили 13-го числа подъ паруса, къ намъ пріѣхалъ на двухъ байдарахъ, въ сопровожденіи 24-хъ человѣкъ чукчей, старшина, по имени Лейчейгу ; онъ увѣрялъ будто нарочно пріѣхалъ для насъ изъ Метчиглинской-Бухты, гдѣ находится селеніе его, и что онъ сынъ старшины Имлерата, провожавшаго капитана Биллингса въ путешествіи по землѣ Чукчей. Надѣясь, наконецъ, получить отъ него желаемыхъ оленей, капитанъ обратился къ нему съ этимъ требованіемъ, но, по увѣренію его, ему нужно было семь дней, чтобъ доставить сколько угодно оленей. На такую потерю драгоцѣннаго времени, капитанъ безъ крайности не смѣлъ рѣшиться, почему сказали Лейчейгу, чтобъ онъ уѣхалъ, а что мы, черезъ мѣсяцъ или полтора, пріидемъ въ Метчигдинскую-Бухту, гдѣ посѣтимъ его и купимъ оленей ; получивъ нѣкоторые подарки, онъ отвалилъ и обѣщался къ назначенному времени приготовить все, что мы требуемъ.

Вышедъ изъ губы при легкомъ SO вѣтрѣ, мы легли на NON, но подвигались очень-медленно впередъ, потому-что были принуждены бороться съ штилями и противными слабыми вѣтрами, и только 16-го числа могли пройдти Капъ-Оріэнталь.

Отсюда мы хотѣли приняться за опись азіятскаго берега, но частые туманы и неправильность вѣтровъ, переходящихъ отъ NW черезъ N къ O, и дувшихъ большею частью очень-слабо, принудили оставить это намѣреніе, и мы стали держать по-возможности къ сѣверу.

19-го числа туманъ прочистился и мы, находясь миляхъ въ 30-ти отъ берега, увидѣли мысъ Сердце-Камень на SW 30°. Отъ него къ S простиралось сплошное широкое ледяное поле вдоль берега, которое къ сѣверу занимало весь горизонтъ. Глубина была 24 сажени, грунтъ— чорный илъ. Находясь въ слишкомъ-далекомъ разстояніи отъ льда, капитанъ приказалъ придержаться къ берегу. Глубина не уменьшалась. Когда мы приблизились къ льдамъ, во всю ночь слышенъ былъ ревъ моржей; наразсвѣтѣ увидѣли мы ихъ тысячи, расположившихся на льду ; сверхъ-того мы увидѣли множество пловучаго лѣса. Тогда мы находились въ широтѣ 67° 49′ 42″ и въ долготѣ 195° 52′ 37″ O. Ледъ былъ сплошной и простирался большимъ полукружіемъ отъ азіятскаго берега къ NO.

Видя невозможность проникнуть далѣе, и имѣя недостатокъ въ дровахъ, капитанъ приказалъ держать къ американскому берегу, въ надеждѣ запастись тамъ выброшеннымъ лѣсомъ. Въ разстояніи одной и трехъ четвертей мили отъ берега, на глубинѣ семи съ половиною сажень, капитанъ приказалъ, взявъ паруса только на гитовы, стать на якорь. Тотчасъ спустили на воду катера—шестерку и четверку, и капитанъ въ-

сопровожденіи всѣхъ офицеровъ, кромѣ меня, бывшаго тогда на вахтѣ, отправились на берегъ, взявъ съ собою топоры и пилы. Я за ними слѣдилъ въ зрительную трубу и видѣлъ, что они, подъѣзжая къ берегу, остановились и, казалось, совѣтовались, какъ имъ пристать, ибо бурунъ, довольно-сильный, билъ на низменный берегъ, вдоль котораго, гребли наши суда, отъискивая удобное мѣсто, гдѣ бы можно было безопасно пристать. Но весь берегъ, на далекое разстояніе, состоялъ изъ песчаной низменности; нечего было дѣлать: они рѣшились пристать и идти сквозь бурунъ. Лишь-только вошли они въ него, какъ увидѣлъ я всѣ три судна выброшенными на берегъ. По пріѣздѣ обратно на шлюпъ, они разсказывали слѣдующее: когда примѣтили они сильный бурунъ по всему берегу, не имѣвшему ни малѣйшей бухты, гдѣ бы онъ билъ не такъ сильно, они хотѣли поставить суда на дрекъ и переправиться на берегъ на трех-лючной байдарѣ, отправленной туда же; но желая имѣть самое краткое разстояніе для переправы напиленныхъ дровъ съ берега на суда, они слишкомъ приблизились и вошли въ стремленіе валовъ, которые заливъ гребныя суда, выбросили ихъ на берегъ; видя невозможность спустить ихъ на воду, они развели огонь чтобъ просушить платье. Къ-счастію, этотъ день былъ довольно теплый (т.-е. мы имѣли 12° по Реомюру) и потому не такъ чувствительно было раздѣвшись сидѣть около огня, пока платье просохнетъ. Между-тѣмъ матросы принялись за распиловку бревенъ, которыя были суше; тутъ бо́льшею частью находился сосновый лѣсъ, изрѣдка лиственница и осина. Офицеры, надѣвъ камлейки (такъ называются рубахи изъ сивучьихъ кишокъ сшитыя съ капюшономъ, употребляемыя всѣми жителями этихъ странъ для предохраненія отъ сырости нижней мѣховой одежды) весьма-мало промокли; они, пока матросы приготовляли дрова, отправились за песчаные холмы, окраивающіе берегъ, для изслѣдованія свойства земли за ними. За этими холмами увидѣли они широкую, болотистую равнину, на которой у самыхъ холмовъ, лежатъ вдоль по направленію, три озера прѣсной воды, соединенные между-собою узкими протоками. Озера простирались отъ NO 67° до SO 24° и имѣли ширину до 30-ти саженъ. Равнина, простирающаяся до горъ, идущихъ внутри этой земли, болѣе возвышается къ сѣверу и оканчивается тамъ высокимъ пикомъ, около мыса Мульгрева; поросши мхомъ, и самые горы, казалось изъ-дали, состояли изъ голаго камня покрытаго снѣгомъ въ лощинахъ и на вершинѣ. Широта пика по пеленгамъ опредѣлена 67° 39′ 24″, а долгота 195° 58′ O.

Между-тѣмъ вѣтеръ перемѣнился и задулъ довольно-свѣжо отъ NO; имѣя направленіе съ берега, онъ скоро обратилъ морскія волны назадъ и бурунъ прекратился; тогда наши поспѣшили нагрузить суда дровами, стащивъ ихъ сначала на воду. Въ пять часовъ всѣ воротились благополучно и привезли съ собою нѣсколько дикихъ гусей, убитыхъ на озерахъ.

Во время отсутствія капитана, мы примѣтили довольно-сильное теченіе отъ NNO; для изслѣдованія скорости его, бросили лагъ и нашли $2^1/_4$ узла.

Послѣ прибытія гребныхъ судовъ, вѣтеръ, дувшій отъ NO, постепенно началъ обходить чрезъ N къ NW. Мы поспѣшили сняться съ якоря и подойдти, взявъ курсъ SW, къ азіятскому берегу.

Лежа бейдевиндъ правымъ галсомъ, мы 23 числа увидѣли мысъ Оріэнталь на SW, въ разстояніи 80 миль; тогда перемѣнившійся вѣтеръ

дозволилъ намъ опять подняться къ сѣверу. Взявъ NNW курсъ, мы шли вдоль льда, стоявшаго попрежнему массою вдоль берега, и на разсвѣтѣ 24 числа увидѣли на траверзѣ (*) мысъ Сердце-Камень, въ разстояніи 37 миль. Отъ него ледъ продолжался по прежнему къ NO. Мы подошли къ нему на разстояніе $1\frac{1}{2}$ миль, и тогда увидѣли къ NW довольно-широкое пространство чистой воды. Капитанъ тотчасъ приказалъ войдти въ него; прогалина эта постепенно начала съуживаться и когда мы прошли по ней миль 15, на горизонтѣ открылся сплошной ледъ изъ огромныхъ глыбъ, за которыми возвышались наподобіе горъ или кварцевыхъ скалъ высокія террасы, занимавшія все видимое нами пространство моря къ сѣверу и сѣверо-востоку. При такомъ положеніи льда оставалось мало надежды проникнуть высоко къ сѣверу; но чтобъ исполнить данное порученіе, мы продолжали подвигаться впередъ до рѣшительной невозможности. Прогалина начинала имѣть направленіе болѣе къ N, и мы черезъ нѣсколько часовъ вошли въ широкую полынью, имѣвшую въ діаметрѣ около 3 миль, сѣверный край которой ограничивался высокими стоящими льдинами. Тогда мы находились въ широтѣ 69° 51′ 46″ и долготѣ 182° 33′ 22″ O; глубина была 25 саж.; грунтъ илъ. Склоненіе компаса 28° 1′ 15″ O. По этой полыньѣ плавало множество оторвавшагося льда, между которымъ были льдины вышиною надъ поверхностью въ 20 и болѣе футовъ. Пловучій ледъ покрытъ былъ моржами, ревъ которыхъ уподоблялся грому волнъ океана, ломающихся около скалъ. По обыкновенію вахтенный имѣлъ всегда свое ружье на палубѣ; я стоялъ около борта на пушкѣ и увидѣлъ выплывающаго изъ подъ шлюпа молодаго моржа. Я прицѣлился, выстрѣлилъ и попалъ ему прямо въ затылокъ; онъ опустилъ голову и остался недвижимъ на поверхности; тотчасъ спустили яликъ, заложили подъ передніе ласты каболочный стропъ и подняли его на палубу. Это была самка, судя по клыкамъ не болѣе ¼ фута въ длинѣ, не старѣе двухъ или трехъ лѣтъ; она была длиною отъ головы до оконечности заднихъ ластовъ 6¼ футовъ и вѣсила 18 пудовъ; жиръ подъ кожею былъ толщиною въ пол-фута; мясо, которое пробовали варить, было черное, жидкое и такой отвратительной наружности, что и команда, жаждавшая свѣжей пищи, отказалась ѣсть его. Вынувъ на память пулю, которая прошла въ самый мозгъ, и обрѣзавъ весь жиръ, который растопили для употребленія вмѣсто масла въ ночники, остальное мы бросили за бортъ.

Вѣтеръ дулъ тихій отъ N и NO. Ледъ оставался въ одномъ положеніи до 3-го августа, до котораго и мы оставались также въ одномъ положеніи, въ надеждѣ что онъ, какимъ-либо случаемъ очиститъ намъ дальнѣйшій путь; теченіе по лоту оказалось 2¾ узла отъ NO, глубина около льда была 23 сажени, грунтъ—илъ. Въ этотъ день вѣтеръ отъ NNO началъ свѣжѣть; мы имѣли тогда по термометру 1½°. Къ-полдню вѣтеръ еще усилился и, обошедъ къ NNW, началъ ломать окраины льда. Къ-вечеру онъ усилился; громъ ломавшагося льда былъ оглушителенъ, огромныя глыбы, напирая на стоящій еще ледъ, подымались изъ воды и съ трескомъ упадали. Тотчасъ поспѣшили мы выйдти въ чистое море, преслѣдуемые огромными массами льда. Образовалась другая прогалина, прямо къ SO; мы вошли въ нее и, поставя воз-

(*) Траверзъ — значитъ перпендикуляръ къ курсу.

можные паруса, спѣшили впередъ, между-тѣмъ, какъ ледъ, разломавшись, напиралъ въ насъ и, наконецъ, сжалъ такъ, что намъ некуда было идти. Положеніе наше становилось критическимъ; вѣтеръ послѣ полуночи началъ стихать и, наконецъ, совершенно заштилѣлъ; ледъ, несомый теченіемъ отъ NNO, сжималъ насъ болѣе-и-болѣе, такъ-что уже подошелъ къ самому борту, съ котораго спустили, для предохраненія отъ тренія обшивки, нѣсколько бревенъ съ обѣихъ сторонъ. Ледъ, нажимая на лѣвую сторону, придвинулъ правую къ нетронувшимся еще льдамъ и вскорѣ окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ; несчастный нашъ шлюпъ скрипѣлъ и трещалъ во всѣхъ составахъ и, наконецъ... его подняло на лѣвую сторону и накренило подъ угломъ 45°. Въ такомъ положеніи мы пробыли почти сутки и насъ неминуемо раздавило бы, еслибъ льдины не упирались уже въ стоячій ледъ и оттого не могли болѣе сдвигаться. Послѣ полуночи задулъ сначала легкій вѣтеръ отъ WNW, который къ утру постепенно крѣпчая дошелъ до унтер-зейля (*). Это послужило къ нашему освобожденію: массы льда, сжимавшія насъ, пришли въ движеніе и очистили намъ дорогу, такъ-что мы къ-вечеру благополучно высвободились изъ лабиринта огромныхъ льдинъ, плававшихъ около насъ. Отойдя на довольно-большое разстояніе, капитанъ приказалъ привести въ бейдевиндъ и держаться подъ однѣми стакселями, въ ожиданіи благопріятнѣйшей погоды.

Проштурмовавъ цѣлые сутки, мы опять, когда вѣтеръ стихъ, устремились къ сѣверу, подвигаясь туда медленно, между пловучими льдами, Густые туманы, сопровождавшіе почти всегда сѣверный вѣтеръ, господствовали теперь, часто разсыпались густымъ снѣгомъ, который такъ покрывалъ декъ, что вахтенные матросы безпрерывно заняты были сгребаніемъ его; температура иногда понижалась на два, на три и болѣе градусовъ ниже нуля.

Въ такомъ положеніи находились мы до 5-го числа; въ этотъ день мы были въ широтѣ 17° 13′ и дошли до стоящихъ льдовъ, находившихся по направленію отъ SW къ NO. Видя невозможность проникнуть далѣе къ сѣверу, капитанъ положилъ воротиться къ азіятскому берегу, чтобъ произвести съемку той его части, которая была свободна отъ льда; итакъ въ этотъ день слѣдуя этому намѣренію, мы отошли навсегда отъ льдовъ, и при ясной погодѣ и легкомъ SW вѣтрѣ, лавировали къ азіятскому берегу. Еще недалеко отошли мы, какъ я, стоя на ютѣ, услышалъ за кормою ревъ и стукъ рулевыхъ цѣпей. Удивленный этимъ шумомъ, я посмотрѣлъ чрезъ гика-бортъ и увидѣлъ огромнаго бѣлаго медвѣдя, уцѣпившагося за цѣпи передними лапами. Отойдя тихо, я далъ знать объ этомъ капитану, который — такъ-какъ мы по причинѣ штиля стояли почти на одномъ мѣстѣ — приказалъ спустить шестерку, и поймать хищника; но онъ, испугавшись шума, поплылъ ко льдамъ, такъ-что яликъ насилу могъ догнать его. Изъ ружей не стрѣляли въ него, боясь, что онъ пойдетъ на дно, когда будетъ убитъ, а хотѣли его пиками заколоть; но это покушеніе было безуспѣшно, потому-что медвѣдь всякій разъ, когда думали уже приколоть его, нырялъ съ удивительнымъ проворствомъ и выходилъ на поверхность уже въ далекомъ разстояніи. Утомленные такою погонею, они выстрѣлили въ него изъ нѣскольких ру-

(*) Вѣтеръ, по морскому выраженію, равняющійся силою съ штормомъ.

жей: но попалъ ли въ него хотя одинъ выстрѣлъ — не извѣстно: онъ нырнулъ и болѣе не выходилъ. Яликъ спѣшилъ къ шлюпу, отъ котораго находился уже довольно-далеко, а перемѣнившійся вѣтеръ начиналъ наносить туманъ; только-что успѣли поднять яликъ, какъ туманъ сгустѣлъ до-того, что и ближайшіе предметы нельзя было различить. При NW вѣтрѣ мы держали на SW подъ малыми парусами, чтобъ не наткнуться въ туманѣ на ледъ, вокругъ насъ плававшій; эта мѣра послужила къ нашему счастію. Спустя часъ послѣ наставшаго тумана, боцманъ закричалъ съ бака, что близко, прямо передъ носовой частью судна, большая льдина; но она сквозь туманъ была примѣчена уже тогда, когда невозможно было избѣгнуть удара, потому-что вахтенный лейтенантъ не успѣлъ еще прокомандовать — лѣво на-бортъ и обезвѣтреніемъ парусовъ ослабить по-крайней-мѣрѣ ударъ—шлюпъ уже наткнулся форштевнемъ на льдину и мачты въ основаніяхъ своихъ загрещали. Тотчасъ поставили паруса такъ, чтобы вѣтеръ ударялъ въ нихъ спереди и, такимъ-образомъ, мы успѣли отойдти заднимъ ходомъ отъ льдины и потомъ обогнуть ее съ подвѣтренной стороны. Это была не льдина, а цѣлый отрывокъ ледянаго поля, имѣвшаго около полу-мили длины и четверть мили ширины. Миновавъ благополучно эту опасность, мы еще больше убавили парусовъ и пробыли въ такомъ положеніи до другаго утра; тогда туманъ прочистился, и мы пошли подъ большими парусами по прежнему направленію. Подойдя на видъ азіятскаго берега, мы нашли все-еще льды около него, попрежнему. Плывя около льдовъ къ S, мы, наконецъ, въ разстояніи 50 миль отъ Мыса-Оріэнталь, могли подойдти къ берегу на такое разстояніе, что намъ можно было начать опись его, къ которой немедлено и приступили и до 8 часовъ достигли упомянутаго мыса. Тутъ мы должны были поспѣшить въ открытое море, потому-что вѣтеръ началъ часъ-отъ-часу крѣпчать и къ полуночи превратился въ совершенный штормъ съ ужаснѣйшими порывами. Въ такомъ положеніи находились мы до 9-го числа, когда онъ началъ стихать.

Къ-утру 11 числа, находясь по южную сторону Гвоздевыхъ-Острововъ, мы увидѣли «Открытіе», выходящее изъ Берингова-Пролива; тотчасъ и мы придержались къ нему. Подойдя на довольно близкое разстояніе, командиръ экспедиціи посредствомъ телеграфа спросилъ о состояніи нашей команды и требовалъ нашего капитана къ себѣ. Для исполненія этого приказанія мы легли въ дрейфъ и спустили катеръ, потому-что зыбь для мелкихъ судовъ была еще слишкомъ-велика; на катерѣ поѣхалъ капитанъ и свободные отъ вахты офицеры. Прибывъ туда, первый вопросъ нашъ былъ о участи бота, котораго мы не видѣли при «Открытіи»; мы узнали, что ботъ отъ самаго мыса Невенгама находится въ разлукѣ съ «Открытіемъ»; что судно это, подъ командою лейтенанта Авинова (что нынѣ вице-адмиралъ), которому въ помощь дали мичмана Галла и штурмана Коргуева, отряжено снять Бристольскую-Бухту, и потомъ, для соединенія съ «Открытіемъ», ему предписано стараться къ 15 августа быть въ Нортонъ-Зундѣ, куда это послѣднее и держало теперь курсъ свой.

Пробывъ до вечера вмѣстѣ съ товарищами, мы отправились назадъ на нашъ шлюпъ, и только-что прибыли, какъ уже потеряли «Открытіе» изъ-вида; мы взяли курсъ къ Метчигменской-Губѣ, чтобъ запастись оленями, въ которыхъ надобность со-дня-на-день увеличивалась, потому-что большая часть команды нашей болѣе-и-болѣе начинала страдать

цыпгою: три человѣка были очень-больны и одинъ изъ нихъ вовсе безнадеженъ.

На другой день послѣ полудня, мы достигли упомянутой бухты, но за противнымъ вѣтромъ не могли войдти, почему и бросили противъ входа ея якорь на глубинѣ шести сажень. Въ это время умеръ матросъ, о которомъ говорилъ я выше; его на другое утро похоронили, потому-что умершіе въ цынгѣ невѣроятно скоро подвержены тлѣнію.

Лишь-только мы стали на якорь, къ намъ пріѣхалъ нашъ старый пріятель Лейчейгу съ обѣщаніемъ, что черезъ три дня будутъ доставлены олени; но какъ капитанъ не хотѣлъ ему вѣрить, то онъ предложилъ самого-себя въ заложники и послалъ тотчасъ своего сына на берегъ. Этотъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, что мы уже на другой день къ-вечеру получили 6 оленей, а въ слѣдующій еще 4. За это Лейчейгу получилъ два чугунныхъ котла, нѣсколько табака, топоръ, бусы и другія бездѣлицы.

Доставъ желаемую провизію, мы 15 числа съ разсвѣтомъ снялись съ якоря и отправились для окончанія описи Острова-Св.-Лаврентія; мы ее начали 16 числа, съ той точки, на которой въ предъидущемъ году должны были покинуть ее. Такимъ-образомъ мы описали всю сѣверную сторону острова и 17-го приступили къ описи остальной, юго-восточной; но туманы и крѣпкіе вѣтры мѣшали намъ въ этомъ, и мы должны были оставить это намѣреніе до 23 числа.

18-го числа мы имѣли весьма-непріятное происшествіе; переводчикъ агалахмютскаго языка давно уже имѣлъ припадки съумасшествія: онъ вообразилъ-себѣ, что, такъ-какъ онъ не имѣетъ никакого дѣла, потому-что мы не подходили къ такимъ мѣстамъ, гдѣ бы его познанія потребовались—то онъ грѣшитъ, и потому долженъ умереть. За нимъ весьма-строго присматривали; но въ этотъ день, когда нашедшій сильный шквалъ потребовалъ всей команды наверхъ, онъ улучилъ время, вышелъ на бакъ и съ крамбалы бросился за бортъ. Хотя это тотчасъ было замѣчено, и яликъ вмигъ слетѣлъ на воду, однакожь все было напрасно, и онъ уже не выходилъ на поверхность.

Безпрерывные крѣпкіе вѣтры и туманы, какъ сказано, задержали насъ до 23 числа; но тутъ хорошее утро позволило намъ пройдти описью до того мѣста, гдѣ капитанъ Коцебу на «Рюрикѣ» прервалъ ее; и такъ, соединивъ эту юго-западную часть съ прежде описаннымъ нами, мы очень-вѣрно положили весь островъ на карту.

24-го числа, окончивъ это дѣло, мы пошли къ Острову-Св.-Матвея и достигли его 28 числа. Пройдя проливомъ между большимъ и малымъ островами, глубиною отъ 10 до 6 сажень, и опредѣливъ два большихъ камня, названныхъ нами, по сходству, Нидельскими, а самый проливъ — по имени адмирала Сарычева, мы отправились къ Острову-Беринга, но въ туманѣ его не видали.

Цѣлый мѣсяцъ мы боролись со стихіями, такъ-что, когда 17-го сентября мы увидѣли камчатскій безплодный, голый берегъ — онъ намъ показался тропической землею. Огромная, изъ краснаго камня состоящая, Кроноцкая-Сопка, первая представилась нашимъ взорамъ въ разстояніи 80 миль; другія горы, гораздо-низшія, нежели она, открывались только въ разстояніи 35 миль, чему, конечно, былъ причиною наступившій мракъ. Горы еще покрыты были зеленью, и вотъ почему онѣ показались такими прелестными; мертвая природа въ странахъ выше Берингова-Пролива утомила насъ своею ужасною безплодностью.

Наконецъ, послѣ многихъ страданій, больные и утомленные, вошли мы 21 числа въ Авачинскую-Губу, а 22-го въ самую Гавань-Петра и Павла.

«Открытіе» было уже десять дней здѣсь, а ботъ три недѣли.

Этимъ заключаю описаніе нашего путешествія, потому-что обратный путь отсюда въ отечество проходилъ по странамъ давно-описаннымъ и, скажу только, что обогнувъ Мысъ-Горнъ и пройдя Атлантическій-Океанъ, мы благополучно, послѣ трех-лѣтняго путешествія, прибыли въ августѣ 1822 года въ Кронштадтъ.

МАГНИТИЗЁРЪ.

Разсказъ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, молодой докторъ, Франкъ Небельштейнъ, родомъ нѣмецъ и нѣсколько баронъ, пріѣхалъ въ Парижъ учиться, или составить себѣ состояніе. Франкъ, хотя и нѣмецъ родомъ, былъ красивый молодой человѣкъ, ловкій и развязный. Онъ былъ не глупъ и не слишкомъ уменъ—именно столько уменъ, сколько нужно, чтобы составить себѣ каррьеру; нѣсколько вѣтренъ и нѣсколько безпеченъ. Легко было предвидѣть, что докторъ съ такими свойствами и въ двадцать семь лѣтъ—долженъ былъ что-нибудь сдѣлать, но только не состояніе.

Къ-тому же это былъ докторъ въ новѣйшемъ вкусѣ: съ претензіей на искусство вылечивать тѣло, врачуя сердце, и потому долженъ былъ имѣть страшный успѣхъ въ Парижѣ между женщинами. Для успѣха своей методы, которая ничѣмъ не хуже другихъ (исключая, разумѣется, методы доктора Санграло), Франкъ прибѣгалъ особенно къ магнитизму. Черезъ годъ по прибытіи въ Парижъ, онъ получилъ уже прозваніе прекраснаго магнитизёра. Онъ остановился въ самой срединѣ улицы Лаффиттъ, и такъ-какъ въ качествѣ нѣмецкаго барона не владѣлъ ни баронствомъ ни доходами, то его средства скоро истощились. Какъ бы то ни было, а въ одинъ прекрасный день онъ долженъ былъ переѣхать и, разочарованный, перебрался съ своими послѣдними надеждами въ Отель-Корнелля, которая въ Латинскомъ-Кварталѣ почти то же, что Шом-д'Антёнъ. Тамъ онъ нашелъ множество студентовъ богатыхъ или дѣлавшихъ долги, что почти одно и то же: всѣ они сдѣлались его друзьями и приняли на себя трудъ хлопотать по его дѣламъ, вездѣ разглашая о немъ, какъ о фениксѣ магнитизма и, въ то же время, истинномъ ученикѣ Галля и Лафатера. Ихъ усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣла Франка пришли въ болѣе цвѣтущее состояніе, и самъ онъ сдѣлался болѣе баронъ, чѣмъ когда-нибудь. Лучшимъ его пріятелемъ былъ Леонъ Дюранъ, студентъ, учившійся правамъ, писавшій нѣсколько стихи, и принятый въ порядочныхъ домахъ, потому-что его мать была изъ

порядочнаго дома. Г. Леонъ Дюранъ полюбилъ и привязался къ нашему нѣмцу, находя его оригинальнымъ. Онъ возилъ его съ собой повсюду. Франкъ влюблялся нѣсколько во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, которыя ему встрѣчались. До-сихъ-поръ, впрочемъ, онъ любилъ такъ, мимоходомъ; но ему пришлось испытать страсть болѣе продолжительную. Вотъ исторію этой-то любви я хочу разсказать вамъ. «Разсчитывать на любовь, значитъ — строить на пескѣ», говоритъ пословица; эта исторія скажетъ вамъ то же, что пословица, и, вмѣстѣ съ ней — и вы, мои читатели.

II.

Разъ, утромъ, Франкъ, прогуливаясь, по своему обыкновенію, у Люксанбургской-Заставы, замѣтилъ толпу гуляющихъ, окружавшую одного, очень-оригинальнаго, промышленика: это былъ человѣкъ непріятной наружности, настоящій бродяга, вырвавшійся изъ мастерской Калло. Онъ продавалъ проходящимъ, почти за ничто, за два какіе-нибудь су, свободу птичекъ, которыхъ наловилъ. Печальные плѣнники жалобно пищали, просясь въ небо, свое отечество; но безчувственная толпа, у которой на все нашлось бы су, и на проходъ черезъ мостъ и на покупку букета, и на карты, безпечно смотрѣла на нихъ, не думая ихъ освобождать. Въ это время черезъ толпу проходила торговка съ букетами, разливая упоительный запахъ гвоздики и майскихъ розъ; въ этой толпѣ были дамы съ мужчинами, которые бросились покупать имъ букеты. Но одна изъ нихъ сказала своему кавалеру, предлагавшему ей букетъ майскихъ розъ: «я бы хотѣла лучше посмотрѣть, какъ вылетитъ на свободу одна изъ этихъ ласточекъ». Кавалеръ поспѣшилъ дать два су; птичникъ отворилъ клѣтку и бѣдная ласточка, давно сторожившая удобную минуту, вспорхнула и исчезла въ небѣ. Франкъ съ благодарностью посмотрѣлъ на самую сострадательную изъ всѣхъ этихъ женщинъ: длинный черный вуаль мѣшалъ ему разсмотрѣть ея лицо.

Птичникъ, затворивъ клѣтку, началъ снова свой припѣвъ: «Господа и госпожи, будьте сострадательны. Посмотрите, какъ бѣдныя птички страдаютъ въ этой тюрьмѣ, въ то время какъ имъ было бы такъ хорошо на свободѣ! Посмотрите, какъ они бьютъ крыльями. Два су, господа, два су, госпожи—и бѣдные плѣнники, благословляя васъ, улетятъ въ небо. Скалы заплакали бы, еслибъ могли видѣть, какъ они страдаютъ въ этой клѣткѣ; ихъ жалобные крики раздираютъ мое сердце. Какъ богатые счастливы тѣмъ, что могутъ помогать несчастнымъ! Ахъ, какъ бы я желалъ быть богатымъ!.. Но, увы! у меня нѣтъ хлѣба ни для моихъ бѣдныхъ дѣтей, ни для этихъ бѣдныхъ птичекъ!.. Полюбуйтесь на ихъ хорошенькія перышки, на ихъ крошечныя лапки! Пожалѣйте ихъ и помогите имъ!»

Молодая женщина снова бросила умоляющій взглядъ на своего спутника. Франкъ черезъ вуаль поймалъ этотъ взглядъ. Чтобы утѣшить ее, онъ подошелъ къ продавцу и предложилъ ему заплатить за свободу всѣхъ его птицъ. Торговка, услышавъ это предложеніе, захотѣла раздѣлить съ нимъ честь ихъ освобожденія: она, за свои деньги, отворила клѣтку, и, просунувъ свою красную руку въ уголъ, достала бѣднаго растрепаннаго воробья, который мучился тамъ уже второй день и, казалось, приготовился умереть. Всѣ смотрѣли на нее съ участіемъ; самъ

продавецъ, протягивая руку за своими два су, былъ тронутъ этимъ добрымъ дѣломъ. Она поцаловала сѣрыя перья плѣнника и бросила его вверхъ, закричавъ ему вслѣдъ: «Счастливаго пути!» Франкъ завидовалъ взгляду, который бросила на нее женщина подъ вуалью и поспѣшилъ отворить клѣтку: весело было смотрѣть, какъ плѣнники толпой вылетали на свободу и исчезали въ воздухѣ. Франкъ былъ такъ восхищенъ, что не замѣтилъ, какъ дама съ черной вуалью исчезла; онъ купилъ у торговки всѣ букеты изъ майскихъ розъ и спросилъ ее, съ разсѣяннымъ видомъ, въ которую сторону пошла та дама, которая не хотѣла принять букета.—«Господинъ, бывшій съ нею, очень поспѣшно увелъ ее вонъ въ ту сторону, отвѣчала она, указывая на Одеонъ: — онъ, кажется, завидовалъ вашему доброму поступку и вашему хорошенькому лицу», продолжала она съ любезностью.

Франкъ слѣдовалъ за незнакомкой до самой аркады, но здѣсь онъ вдругъ остановился. «Слѣдовать за ней! Какое сумасшествіе!» прошепталъ онъ удаляясь.

Взглянувъ вверхъ, онъ увидѣлъ еще нѣсколько птичекъ, кружившихся въ воздухѣ.

— Пойте ей, сказалъ онъ: — не я, а ея взглядъ выпустилъ васъ на волю. Я освободилъ васъ, милыя птички, не для васъ, а для нея.

III.

Въ концѣ осени, Франкъ быстро шелъ по Елисейскимъ-Полямъ, желая прогнать отъ себя тяжелую грусть, тяготившую его уже нѣсколько дней. Вечеръ одѣвалъ даль въ печальный сумракъ; вѣтеръ колыхалъ высокія деревья, шумно срывая съ нихъ пожелтѣлые листья; все небо было покрыто сѣрыми тучами; солнце едва-едва просвѣчивалось изъ-за нихъ на западѣ. Франкъ сдѣлался еще грустнѣе: ему казалось, что его душа покрывалась такими же облаками, какъ и небо, и что его солнце скрылось для него надолго. Онъ съ горечью вспоминалъ о своей прошедшей жизни, не находя ни одного радостнаго воспоминанія, въ которомъ могъ бы укрыться отъ настоящей грусти.

Вдругъ онъ остановился передъ молодой женщиной, въ длинномъ черномъ платьѣ и зеленой шляпкѣ.

Блѣдная и грустная, она слѣдила глазами за листьями, уносимыми вѣтромъ, но, казалось, не видѣла, не замѣчала ихъ; шумъ шаговъ вывелъ ее изъ задумчивости: она вздрогнула и пошла скорѣе, чтобъ уйдти отъ человѣка, слѣдовавшаго за ней; она бѣжала отъ него, какъ Франкъ бѣжалъ отъ своей тоски.

Она опередила Франка, который невольно сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ, живо тронутый этой странной сценой. Мужчина, слѣдовавшій за ней, бросалъ на нее страшные взгляды и кутался въ плащъ, вѣроятно, чтобъ придать себѣ болѣе грозный видъ. Франкъ, котораго не такъ легко было испугать, обернулся и пошелъ также за молодой женщиной, безпокойно-приподнявшей голову, чтобъ лучше различать шумъ шаговъ по сухимъ листьямъ. Такъ шли они нѣсколько минутъ. Но мужчина въ плащѣ, въ свою очередь, опередилъ Франка, задѣвъ его. Франкъ, разсерженный, поднялъ свою трость, и началъ вертѣть ее надъ самымъ ухомъ господина въ плащѣ. Между-тѣмъ приближалась ночь, и сталъ накрапывать дождь. Молодая женщина распустила зон-

тикъ, но тотчасъ же опустила его, вѣроятно боясь, чтобъ шумъ капель, падающихъ на шелковый зонтикъ, не помѣшалъ ей слышать шаги слѣдовавшихъ за ней. Какъ ни быстро было это движеніе, однакожь господинъ въ плащѣ угадалъ его причину: «дождь идетъ!» закричалъ онъ ей сердитымъ голосомъ. Эти два слова заставили вздрогнуть молодую женщину и проникли въ сердце Франка, какъ нестройный звукъ. Взбѣшенный, онъ позабылъ, что молодая женщина была не героиня оперной труппы, и подбѣжавъ къ ней, остановилъ ее.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ свой зонтикъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

И такъ-какъ у него не было никакого зонтика, то онъ поспѣшно взялъ его изъ рукъ молодой женщины, не имѣвшей силы противиться ему.

Мужчина въ плащѣ презрительно оттолкнулъ его.

— Вы оскорбляете мою жену, сказалъ онъ.

Эти слова поразили Франка, но онъ тотчасъ же оправился, и отвѣчалъ спокойно :

— Извините, я хотѣлъ оскорбить только васъ.

Молодой женщинѣ сдѣлалось дурно. Франкъ, замѣтивъ, что губы ея поблѣднѣли и глаза блуждали, протянулъ руку, чтобъ поддержать ее; но она взглянула на него съ умоляющимъ видомъ, и сдѣлала ему знакъ удалиться.

Онъ удалился, но слѣдилъ за ней глазами до-тѣхъ-поръ, пока она не скрылась между деревьями. «Прости!» сказалъ онъ печально. Черезъ нѣсколько времени ему смутно представилось, что женщина въ траурѣ была та самая, которую онъ видѣлъ у Люксанбургской-Заставы.

IV.

Во время своихъ прогулокъ по Парижу, Франкъ всматривался во всѣхъ женщинъ въ черномъ платьѣ и зеленой шляпкѣ, но между всѣми этими царицами модъ, онъ напрасно искалъ царицы своего сердца.

Въ-продолженіе осени и зимы онъ бѣгалъ повсюду, и не видалъ ее; когда же возвратилась весна, отчаяніе овладѣло имъ съ такою же силою, какъ и любовь. Но послѣ того, какъ онъ много выстрадалъ отъ этого горькаго чувства, загадочный предметъ его страсти исчезъ съ золотаго алтаря, который онъ ему воздвигнулъ: онъ пересталъ вѣрить въ побужденія своей души; но сердце недолго оставалось безъ отмщенія.

Разъ утромъ, прогуливаясь подъ густыми каштанами Тюльери, Франкъ былъ живо пораженъ видомъ женщины, сидѣвшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Подлѣ нея сидѣлъ мужчина, читавшій какой-то огромный журналъ, съ важностью нѣсколько смѣшною.

— Вотъ они! сказалъ Франкъ въ сильномъ волненіи.

Солнечный лучь, пробравшись между вѣтвей, падалъ на плечо молодой женщины, печально склонившей голову, чтобъ избѣжать солнца. Напрасно Франкъ устремлялъ на нее пылающій взглядъ: она не приподнимала головы, въ то время какъ онъ проходилъ. Онъ вернулся назадъ, и на этотъ разъ, проходя мимо молодой женщины, убѣдился, что она его замѣтила : ручка старой скамейки, на которую она оперлась, дрожала подъ ея рукой ; въ это время сосѣдъ ея презрительно закачалъ головою и бросилъ журналъ на скамейку,

Тогда только Франкъ вспомнилъ о глупой выходкѣ этого господина. Онъ остановился и хотѣлъ подойдти къ нему, но одинъ взглядъ молодой женщины приковалъ его къ мѣсту, и погрузилъ въ невыразимый восторгъ. Мужъ, занятый какою-то честолюбивою мыслью, не обращалъ вниманія на Франка, въ нѣмомъ созерцаніи стоявшаго передъ его женой. Она подняла на него глаза, въ которыхъ блистали слезы. Если когда-нибудь онъ испытывалъ небесную радость, то—въ эту чудесную минуту: но въ то время, какъ мы предаемся самой полной радости, передъ нашими глазами всегда мелькнетъ что-нибудь зловѣщее, какъ страшный призракъ во время страшнаго сновидѣнія. Несмотря на свой восторгъ, Франкъ не могъ забыть, что онъ на землѣ: взглядъ этой женщины, полный слезъ, приводилъ его въ очарованіе; но что̀ значатъ эти слезы? Можетъ-быть ихъ вызвало тайное горе, можетъ-быть они были повѣренными глубокихъ страданій! Франкъ, взволнованный, удалился на другой конецъ аллеи, чтобъ тамъ обсудить свои радостныя, и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, печальныя ощущенія. Вернувшись назадъ, онъ не нашелъ на томъ мѣстѣ ни молодой женщины, ни ея мужа. Напрасно смотрѣлъ онъ кругомъ, напрасно бѣгалъ въ ту и другую сторону; предметъ его страсти снова исчезъ для него.

На другой день, поутру, онъ получилъ вѣсти изъ Германіи. У него былъ старый дядя, очень-богатый и очень-странный человѣкъ, никакъ не хотѣвшій умирать; но, наконецъ, онъ умеръ, оставивъ племяннику въ наслѣдство маленькій майоратъ. Это наслѣдство подоспѣло очень во̀-время. Франкъ оставилъ Отель-Корнелля и снова началъ жить, какъ прилично баронету.

Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтилъ Леона Дюра̀на, болѣе довольнаго и веселаго, чѣмъ когда-нибудь.

— Что̀ это вы сегодня та̀къ веселы? спросилъ онъ его.

— Все оттого, что я болѣе чѣмъ когда-нибудь погруженъ въ изученіе правъ; кромѣ-того влюбленъ въ прекрасную дѣвушку — ангела, который забылъ свои крылья на небѣ; черезъ годъ сдѣлаюсь нотаріусомъ, женюсь на ней и откажусь отъ друзей. Да здравствуетъ радость!

— Прекрасная дѣвушка? проговорилъ Франкъ, озадаченный превращеніемъ Леона Дюрана.

— Да̀, прекрасная дѣвушка; она дороже всѣхъ музъ настоящаго и прошедшаго времени; она моя землячка, и я ее встрѣтилъ какимъ-то чудомъ у г. де-Вандёля, котораго дѣдъ былъ родственникомъ, не знаю въ какомъ-то колѣнѣ, моей бабушкѣ. Вчера я простился съ музами и любовными похожденіями; прощайте, господа! довольно съ меня этихъ глупостей: завѣщанія и свадебные контракты, право, гораздо-занимательнѣе. Хочешь, я тебѣ составлю духовную? Впрочемъ, теперь дѣло идетъ не о духовной; дѣло въ томъ, что у тебя въ глазахъ есть магнитизмъ, заставляющій блѣднѣть всякую женщину, на которую ты только взглянешь. Жена, вышеупомянутаго Вандёля, заболѣла и требуетъ непремѣнно магнитизёра: это разсѣетъ твою грусть, потому-что Вандёль, самая красивая женщина послѣ Камиллы де-Санси. Но, пожалуйста, не вздумай влюбиться въ нее: мужъ ея—Отелло, который какъ разъ отомститъ за себя, мой милый докторъ; не влюбляйся также въ мою прекрасную невѣсту и не магнитизируй ее своимъ взглядомъ.

— Что̀ такое этотъ Вандёль?

— Дворянинъ, очень-бѣдный, живетъ въ Парижѣ совершенно уединенно. Онъ обожаетъ свою жену; но его ревнивая любовь приноситъ ей болѣе страданій, чѣмъ радости; онъ запираетъ ее изъ ревности. Изъ постороннихъ я одинъ только допущенъ въ ихъ убѣжище, потому-что Отелло питаетъ ко мнѣ довѣренность: его ревнивый взглядъ, послѣ перваго моего визита госпожѣ Вандёль, открылъ, что было бы совершенно излишнимъ меня опасаться; другое постороннее лицо, допущенное въ это убѣжище, дѣвица де-Санси, которую Вандёль знала еще въ монастырѣ.

Франкъ послѣдовалъ за Леономъ Дюраномъ съ удовольствіемъ, похожимъ на то чувство, которое испытываетъ молоденькая дѣвушка, собираясь прочесть романъ. Вандёль жилъ недалеко оттуда. Едва переступилъ Франкъ черезъ порогъ ихъ дома, какъ очнулся отъ своихъ неопредѣленныхъ видѣній, и неизъяснимое чувство наполнило его душу.

— Эта женщина точно больна? спросилъ онъ Леона.

— Мужъ ее уѣхалъ вчера въ Тулузу, куда призываютъ его родные, и съ самаго утра ее тревожитъ мысль, что она одна: но отчего и почему это ее тревожитъ, право, не знаю. Если ты успѣешь ее намагнитизировать, то постарайся открыть тайны ея сердца, которое должно быть страшной бездной, потому-что эта женщина никогда никому ничего не открывала. Я забылъ тебѣ сказать, что твое посѣщеніе должно остаться въ совершенной тайнѣ: одно неосторожное слово можетъ погубить ее навсегда. Пожалуйста, не вздумай съ ней любезничать: кромѣ-того, что она, кажется, уже умерла для любви, она находится подъ присмотромъ матери своего мужа. Итакъ запомни вотъ что: ты докторъ, живешь на другомъ концѣ Парижа и былъ моимъ другомъ въ то время, когда у меня были друзья.

Франкъ и Леонъ взошли къ двери квартиры г. де-Вандёля. Леонъ позвонилъ. Франкъ погрузился въ мечты. Имъ отворила горничная.

— А, это вы, г. Леонъ! сказала она съ улыбкой. — Пожалуйте въ гостинную; съ барыней все-еще не перестаютъ дѣлаться сильные припадки, обмороки, спазмы... и Богъ знаетъ что!

Когда Франкъ вошелъ, въ комнатѣ была глубокая тишина; яркій огонь, пылавшій въ каминѣ, бросалъ дрожащій свѣтъ на трехъ женщинъ: дѣвицу Санси, хозяйку дома и старую госпожу де-Вандёль. Хозяйка дома лежала на маленькой кушеткѣ рококо. Когда отворилась дверь, она медленно подняла голову и, увидѣвъ Франка, лишилась чувствъ.

— Опять проклятый обморокъ! вскричала старуха.

Молодая дѣвушка бросилась къ своей подругѣ и заключила ее въ свои объятія. Въ эту минуту Франкъ поблѣднѣлъ и задрожалъ: женщина, упавшая въ обморокъ, была та, которую онъ любилъ.

Когда она открыла глаза, ея блуждающій взглядъ, казалось, хотѣлъ ему сказать: — Боже мой, это вы? Онъ отвѣчалъ ей такимъ же взглядомъ, и безсознательно взялъ ея руку.

— Посмотрите, докторъ, у меня сильный лихорадочный жаръ, сказала она, взглянувъ на старую даму.

Франкъ вспомнилъ, что пришелъ туда какъ докторъ, и, подавивъ въ себѣ волненіе, сказалъ съ поклономъ:

— Да, у васъ сильная лихорадка.

— Ахъ, Боже мой! какое несчастіе! а сынъ мой уѣхалъ.

Франкъ обернулся къ старой дамѣ и сдѣлалъ ей глубокій поклонъ. Такая почтительность очень польстила ей: на ея увядшихъ губахъ появилась улыбка.

— Пожалуйста, докторъ, прогоните поскорѣе эту гадкую слабость и страшные припадки, которые мучатъ мою милую дочь; я желала бы, чтобъ вы попробовали ее магнитизировать. — И, приблизясь къ Франку, она тихо прибавила: — во время сна она, можетъ-быть, откроетъ вамъ тайную причину грусти, которая убьетъ ее, если мы не примемъ никакихъ мѣръ.

— Вы слишкомъ-слабы, сказалъ Франкъ, обращаясь къ молодой женщинѣ: — вамъ нужно нѣсколько успокоиться.

— А между-тѣмъ, докторъ, вы попробуете усыпить Камиллу, продолжала старуха.

— Нѣтъ, ни за что! возразила молодая дѣвушка, говорившая съ Леономъ: — лучше позвольте намагнитизировать себя вы.

— О! въ мои лѣта безсильно всякое человѣческое могущество.

Франкъ началъ увѣрять ее, что магнитизмъ дѣйствуетъ во всякомъ возрастѣ. Старуха, принимая это за шутку, отвѣчала, что она очень-хотѣла бы увидѣть это на самомъ дѣлѣ. Франкъ выдвинулъ кресла на середину комнаты, пригласилъ ее сѣсть и, внутренно смѣясь, принялся за дѣло. Сначала старуха попробовала выдержать взглядъ магнитизёра, глаза котораго блестѣли передъ ней, какъ солнце; но скоро голова ея опустилась; она хотѣла приподнять ее, но отъ этого усилія опрокинулась на спинку креселъ: губы ея поблѣднѣли, щеки покрылись зеленоватымъ оттѣнкомъ, вѣки закрылись, когда онъ началъ свое однообразное движеніе руками: въ нѣсколько секундъ она была погружена въ глубокій сонъ.

— Уснула, сказалъ Франкъ госпожѣ де-Вандёль такимъ голосомъ, какъ-будто онъ усыпилъ Аргуса.

Госпожа де-Вандёль о чемъ-то думала, устремивъ глаза на пылавшій огонь камина; она вздрогнула и съ испугомъ посмотрѣла на Франка.

— Уснула, повторила она.

— Да, уснула, продолжалъ Франкъ, внѣ себя отъ счастья: — и если вы не боитесь моихъ магнитическихъ пріемовъ, то я попробую намагнитизировать васъ.

— Нѣтъ, докторъ, я такъ слаба, что умерла бы, кажется, отъ этого; когда-нибудь, въ другой разъ... можетъ-быть завтра; но сегодня... нѣтъ, ни за что! къ-тому же вы усыпили...

— Да! да! вскричала Камилла Санси, сегодняшній вечеръ весь принадлежитъ госпожѣ Вандёль.

Въ эту минуту дверь отворилась и горничная доложила Леону, что одинъ изъ знакомыхъ г. Вандёля ждетъ его на дворѣ. Леонъ хотѣлъ-было отдѣлаться отъ этого свиданія, но госпожа де-Вандёль, очень-довольная этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, поспѣшила съ нимъ проститься:

— До свиданія, господинъ Леонъ; надѣюсь, мы увидимся завтра.

Леонъ сдѣлалъ прежалкую гримасу, утѣшая себя внутренно только тѣмъ, что его выгоняютъ самымъ любезнымъ образомъ. Онъ искалъ своей шляпы тамъ, гдѣ ее не было, надѣясь придумать какой-нибудь

предлогъ остаться; но Франкъ нашелъ ее и отдавая ему, сказалъ, какъ истинный другъ: — «вотъ твоя шляпа, мой милый; прощай».

Леонъ бросилъ на него сердитый взглядъ, на который тотъ отвѣчалъ улыбкой; боясь показаться смѣшнымъ, онъ также улыбнулся и, наклонясь къ уху Франка, поздравилъ его съ столѣтней паціенткой.

— Тебѣ будетъ очень-весело, прибавилъ онъ, отправляясь: — она будетъ тебѣ разсказывать свои давнопрошедшія любовныя похожденія, и если у ней ихъ столько же, сколько морщинъ, то тебѣ прійдется долго слушать. Прощай.

Леонъ, считая себя отмщеннымъ, низко поклонился двумъ дамамъ и вышелъ. Старуха въ это время сдѣлала безпокойное движеніе. Франкъ нѣсколько разъ повелъ руками, успокоилъ ее и спросилъ, спитъ ли она; неясный звукъ вырвался изъ ея устъ, голова ея опустилась на грудь.

— Спите ли вы? повторилъ Франкъ, возвышая голосъ.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе.

— Спите ли вы? спросилъ Франкъ еще разъ, но голосомъ почти повелительнымъ.

— Да̀, отвѣчала она наконецъ.

— Что̀ вы чувствуете?

— Что-то странное.

— Что̀ вы видите?

— Бѣлыя покрывала, облака, дымъ. Я снова становлюсь молода и легка, какъ въ прежнее время. Старость — тяжелая ноша: когда молодъ, опираешься на любовь; когда же прійдетъ старость, нужно идти одному.

Она покачала головой; слово любовь она произнесла дрожащимъ голосомъ.

— Что̀ же вы видите? повторилъ Франкъ.

Камилла стояла, наклонясь надъ ясновидящей.

— Я вижу большіе глаза и густыя брови Камиллы де-Санси.

— О чемъ она думаетъ?

Франкъ посмотрѣлъ съ лукавымъ видомъ на молодую дѣвушку: но въ эту минуту Камилла рѣшительно ни о чемъ не думала, и потому этотъ вопросъ нисколько не испугалъ ее.

— Она думаетъ обо всемъ и въ то же время ни о чемъ, отвѣчала старуха.

— Это нескромно, докторъ, прошептала госпожа Вандёль.

Франкъ обернулся къ ней, и, не забывая своей роли, сказалъ ей съ улыбкой:

— Мы, врачи тѣла, а иногда и души — настоящія гробницы, въ которыхъ каждый день погребаются тысячи таинъ.

— Ну, этого не замѣтно, сказала Камилла, устремивъ глаза въ газету.

— Вы говорите такъ потому, что я изъявилъ нескромное желаніе узнать ваши мысли.

Молодая дѣвушка покраснѣла и отошла.

— Вѣрно ничего нѣтъ прекраснѣе ихъ и чище; прекрасная наружность всегда скрываетъ прекрасную душу, и я увѣренъ, что самое большое изъ вашихъ преступленій есть маленькое кокетство.

Госпожа Вандёль, которой вовсе не нравилось то, что Франкъ оставилъ ясновидящую и занялся молодой дѣвушкой, сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

Франкъ посмотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ.

— Всѣ доктора таковы, сказала она, опустивъ глаза: — они болѣе способны мучить своихъ больныхъ, нежели лечить.

Франкъ подошелъ къ ней съ озабоченнымъ видомъ.

— Я говорю не о себѣ, продолжала она: — а о бѣдной ясновидящей: это усыпленіе, вѣрно, утомляетъ ее, вы о ней, кажется, совсѣмъ забыли. Правда, она не очень-привлекательна; вотъ, если бъ на ея мѣстѣ была Камилла, тогда бы изъ этого вышелъ цѣлый романъ.

Франкъ посмотрѣлъ на госпожу Вандѐль съ такимъ невыразимымъ наслажденіемъ, что она прочла въ этомъ взглядѣ всю его душу.

Въ это время ясновидящая тяжело вздохнула и стала къ чему-то прислушиваться.

— Г. де-Вальми́ все-еще помнитъ обо мнѣ, сказала она вдругъ.

— Кто этотъ г. Вальми́? спросилъ Франкъ, снова подходя къ ней.

— Соперникъ Вандёля.

Камилла громко захохотала.

— Да̀, это точно онъ. Онъ разсказываетъ... Гдѣ же это я?

— Скажите сначала, гдѣ теперь вашъ г. Вальми́?

— На моей родинѣ, Тулузѣ, гдѣ онъ былъ прежде капитаномъ. Онъ разсказываетъ свои похожденія пріятелю, старому президенту... Боже мой! онъ говоритъ о томъ ужасномъ днѣ...

Она закрыла лицо руками; магнитизёръ и обѣ женщины поблѣднѣли при видѣ бѣдной старухи, такъ сильно пораженный какимъ-то воспоминаніемъ.

— Ревность—ужасная вещь, продолжала ясновидящая, дрожа всѣмъ тѣломъ: — это тиранъ, терзающій мужчинъ и женщинъ и раздирающій сердце своими желѣзными когтями.

— Вы ревновали? спросилъ Франкъ, продолжая магнитизировать.

— Нѣтъ, Вандёль ревновалъ меня... Его ревность наводитъ на меня страхъ и теперь. Онъ былъ ревнивъ, какъ никогда не былъ никто, кромѣ моего сына; онъ ревновалъ меня ко всякому звуку, ко всякому взгляду; онъ ревновалъ меня, кажется, къ самому солнцу.

— Что̀ случилось въ тотъ страшный день, о которомъ Вальми́ разсказывалъ старому президенту?

— На другой день нашей свадьбы, наши знакомые давали намъ балъ. Когда я надѣла свое бальное платье и меня убрали, какъ царицу, Вандёль подошелъ ко мнѣ и сказалъ: — «Вы не поѣдете на этотъ праздникъ!» И теперь еще мнѣ слышится его глухой голосъ, заставившій меня затрепетать.—«Почему жь мнѣ не ѣхать?» спросила я.— «Потому-что я ревнивъ», отвѣчалъ онъ.—«Но что̀ же я могу сдѣлать дурнаго на этомъ праздникѣ. Развѣ танцовать грѣхъ?» — «Въ моихъ глазахъ грѣхъ; и я повторяю вамъ: вы не поѣдете на этотъ балъ.» Въ эту минуту нѣсколько человѣкъ знакомыхъ заѣхали за нами. Мужъ мой не посмѣлъ сказать ничего болѣе, и мы отправились. Среди шумнаго праздника, я скоро забыла глупую сцену, которая меня перепугала, и съ безпечностью предалась упоительному вальсу, какъ-вдругъ Вандёль схватилъ меня за платье.—«Я сейчасъ ѣду», сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, удерживая меня. Моимъ кавалеромъ былъ Вальми́; онъ держалъ меня одной рукой, а другой отвелъ руки Вандёля. — «Вандёль, сказалъ онъ съ улыбкой: — вѣроятно есть мужья любезнѣе васъ, но навѣрно не найдется ни одного невѣжливѣе. Вандёль поблѣднѣлъ отъ злости, я затрепетала: въ глазахъ у меня потемнѣло, и въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ я не чувствовала, что почти прижалась

къ груди Вальми́, продолжавшаго со мной вальсировать. При послѣднемъ звукѣ музыки я очнулась. Я подошла къ Вандёлю, блѣдная какъ смерть; Вальми́ закрутилъ усы и съ насмѣшкой показалъ ему на мое блѣдное лицо. Вандёль ничего не отвѣчалъ и увлекъ меня вонъ, сжавъ мою руку съ страшной силой; онъ втолкнулъ меня въ карету, гдѣ я лишилась чувствъ. Пріидя въ себя, я была уже въ своей комнатѣ; Вандёль ходилъ взадъ и впередъ, время-отъ-времени посматривая на меня съ страшнымъ бѣшенствомъ. При дрожащемъ свѣтѣ лампы, я вдругъ замѣтила, что браслетъ мой сломанъ.»

Госпожа Вандёль вскрикнула. Молодая дѣвушка бросилась къ ногамъ своей подруги и взяла ея руку.

— Это твоя собственная исторія, сказала она печально.

Это неожиданное открытіе поразило Франка.

— Ея собственная исторія! прошепталъ онъ.

Въ эту минуту кто-то постучался въ ворота. Франкъ невольно спросилъ у старухи, кто это.

— Сынъ мой! сынъ мой! отвѣчала она съ сильнымъ безпокойствомъ.

V.

Госпожа де-Вандёль встала.

— Мой мужъ! вскричала она.

Франкъ, обезпокоенный, повторилъ свой вопросъ.

— Сынъ мой! я сказала ужь вамъ.

Госпожа де-Вандёль упала въ обморокъ.

— Бога ради, докторъ, уйдите скорѣй! сказала съ ужасомъ Камилла: — если Вандёль увидитъ здѣсь мужчину—все погибло.

— Вы напрасно такъ пугаетесь, сказалъ Франкъ, стараясь привести въ чувство госпожу Вандёль: — Къ-тому же, кто бы ни былъ этотъ г. де-Вандёль, мнѣ нечего отъ него скрываться.

— Онъ никогда не позволялъ призывать сюда доктора. Умоляю васъ именемъ его жены, уйдите скорѣе.

Молодая дѣвушка упала на колѣни и въ отчаяніи ломала себѣ руки.

Франкъ не могъ сопротивляться милой дѣвушкѣ. Пораженный горестью и страхомъ, онъ бросилъ нѣжный взглядъ на безчувственную госпожу Вандёль и хотѣлъ уйдти, но, подходя къ двери, вспомнилъ о ясновидящей и, боясь оставить ее въ этомъ положеніи, вернулся назадъ.

— Проснитесь! сказалъ онъ звучнымъ голосомъ.

Ясновидящая сдѣлала усиліе выйдти изъ усыпленія.

— Проснитесь! повторилъ онъ.

— Какой странный сонъ! прошептала она, устремивъ свой блуждающій взглядъ на магнитизёра, который не зналъ, что̀ дѣлать.

Камилла все-еще стояла на колѣнахъ у ногъ госпожи Вандёль и съ ужасомъ смотрѣла на Франка, моля Бога, чтобъ онъ спасъ ея подругу. Наконецъ Франкъ снова подошелъ къ двери, но снова остановился, услышавъ поспѣшные шаги Вандёля.

— Вотъ онъ! вскричала Камилла.

— Кто это? спросила старуха.

— Вашъ сынъ! мы погибли.

— Сынъ мой! Боже мой, что̀ я ему скажу!

Неожиданная мысль мелькнула у ней въ головѣ; она подбѣжала къ Франку:

— Спрячьтесь въ эту комнату, когда мой сынъ...

Раздался стукъ въ маленькую дверь гостиной; Франкъ, неподвижный, гордо приподнялъ голову и устремилъ взглядъ на дверь. Старуха собрала свои послѣднія силы и, схвативъ его за руку, увлекла въ сосѣднюю комнату. Вандёль снова постучался. Она втолкнула Франка въ дверь, заперла ее и пошла отворить сыну.

Вандёль вошелъ, пожирая комнату взглядомъ. Напрасно бѣдная мать протягивала руки, чтобъ обнять его: онъ не замѣчалъ этого движенія, не слыхалъ ея голоса и едва не сбилъ ея съ ногъ.

— Да у васъ настоящій шаббашъ, сказалъ онъ, осматривая всѣ двери: — я насилу попалъ къ вамъ: все заперто.

— Другъ мой, когда мы однѣ...

— Однѣ! скажите! Нѣтъ, вы здѣсь не однѣ!

— Ты, кажется, ослѣпъ, сынъ мой!

— Нѣтъ, вы ослѣпли, матушка! Гдѣ Леонъ, вашъ любимецъ?

— Онъ ушелъ.

— А другой?

Бѣдная мать затрепетала.

— О комъ говоришь ты? сказала она.

— О мужчинѣ, съ которымъ былъ здѣсь г. Леонъ. Я знаю, что г. Леонъ вышелъ отсюда одинъ, потому-что я его самъ вызвалъ; но онъ взошелъ сюда не одинъ.

— Что съ тобой, другъ мой? Пожалѣй свою жену.

Госпожа Вандёль пришла въ себя, но не открывала глазъ, боясь взглянуть на взбѣшеннаго мужа. Она оставалась въ томъ положеніи, въ которомъ лишилась чувствъ. Камилла продолжала молиться: голосъ Вандёля раздавался въ ея ушахъ, какъ перекаты грома, и еслибъ въ эту минуту обрушился домъ, она не испугалась бы столько. Франкъ бѣсился въ своей тюрьмѣ: онъ пробовалъ отворить дверь, чтобъ спокойно явиться предъ взоры разсерженнаго ревнивца, но дверь была заперта; въ досадѣ онъ собирался закричать и затопать ногами, чтобъ обратить на себя вниманіе Вандёля; но что-то непонятное, какое-то воспоминаніе, какая-то надежда удерживала его.

Вандёль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ женѣ, но замѣтивъ, что занавѣски у окна зашевелились, вѣроятно отъ дуновенія вѣтра, остановился; съ дикой радостью въ глазахъ бросился онъ къ окну и съ бѣшенствомъ сорвалъ занавѣску.

Старуха принужденно засмѣялась.

— Мнѣ показалось, что зашевелился онъ, прошепталъ Вандёль въ смущеніи.

— Что жь тутъ удивительнаго? Ты все заставляешь дрожать: взгляни на меня, другъ мой; взгляни на бѣдную Каролину: она лишилась чувствъ и остается безъ всякой помощи; ты до смерти перепугалъ ее своимъ безумнымъ крикомъ.

Вандёль забылъ о присутствіи своей жены, а между-тѣмъ онъ страстно любилъ ее; но въ его сердцѣ любовь была безусловной рабой ревности, которая царствовала, какъ полная властительница. У большей части людей ревность проявляется по-временамъ; но великая, благородная любовь неспособна ревновать, потому-что ревность рождается всегда отъ слабости—боязливой, тщеславной слабости. Есть люди, у кото-

рыхъ ревность торжествуетъ надъ любовью. Мольёръ сказалъ, что любовь ревнивца есть своего рода ненависть; и дѣйствительно, Вандёль болѣе ревновалъ свою жену, нежели любилъ. Въ немъ постоянно бушевала буря, страшный призракъ туманилъ его мысли.

— Развѣ ты не видишь, что Каролина все-еще не пришла въ чувство? повторила мать, взявъ его за руки.

Онъ подошелъ къ женѣ, насупивъ брови; бѣдная женщина вздрогнула при его приближеніи. Камилла встала и поклонилась; онъ слегка ей кивнулъ головой.

— Странныя мысли иногда приходятъ въ голову, сказалъ онъ съ горечью.

Молодая дѣвушка, полагая, что онъ хочетъ сѣсть подлѣ жены, отошла къ камину; но Вандёль бросился на кушетку.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ: — ревность весьма-естественное чувство; но къ кому жь я ревную?!

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Но вѣдь Леонъ приходилъ сюда не одинъ? вскричалъ онъ, вскочивъ съ своего мѣста.

— Ты мнѣ не вѣришь, другъ мой? развѣ я тебѣ когда-нибудь лгала?

— Нѣтъ, но вы могли не замѣтить.

Вандёль взялъ руки Камиллы и устремилъ на нее пылающій взглядъ:

— Я повѣрю вашимъ словамъ, Камилла, скажите: Леонъ здѣсь былъ одинъ?

Молодая дѣвушка покраснѣла.

— Я ничего не скажу вамъ, чтобъ не оскорбить вашей матушки, которая вполнѣ достойна вашей довѣренности. Что̀ могутъ значить мои слова послѣ ея свидѣтельства.

Вандёль оставилъ руки Камиллы и повернулся къ ней спиной. Его мать, внутренно довольная отвѣтомъ молодой дѣвушки, поспѣшила попросить ее удалиться въ свою комнату. Но въ ея комнатѣ былъ спрятанъ Франкъ. Камилла пришла въ совершенное смущеніе и объявила, что она не хочетъ спать и ни-за-что̀ не оставитъ своей подруги въ такомъ положеніи. Но когда госпожа Вандёль устремила на нее взглядъ, исполненный невыразимаго ужаса, умоляя ее повиноваться, молодая дѣвушка вспомнила, какой опасности подвергается Каролина, если ея мужъ узнаетъ о присутствіи Франка, и, подавивъ въ себѣ стыдливость, пошла къ дверямъ своей комнаты. Едва она отворила дверь, какъ ревнивецъ послѣдовалъ за ней. Старуха подняла глаза къ небу, какъ-бы прощаясь съ послѣдней надеждой.

— Прощайте, Камилла, сказалъ Вандёль, цалуя ее руку: — не сердитесь на меня, я самъ не знаю, что̀ дѣлаю.

И онъ устремилъ безпокойный взоръ въ глубину комнаты, слабо освѣщенной свѣчею, которую Камилла держала въ рукѣ.

— Мнѣ показалось, продолжалъ онъ, медленно удаляясь отъ двери: — что Камилла вынула ключъ изъ замка; странно: она прежде не была такъ недовѣрчива. И потомъ, ударивъ себя по лбу, прибавилъ. — Еще призракъ, созданный моимъ разстроеннымъ воображеніемъ; моя жена не такъ глупа, чтобъ прятать кого-нибудь въ комнату такого милаго ребенка.

И въ полной увѣренности, что его жена невинна, онъ подошелъ къ ней, полный блаженства и гнѣва.

VI.

Камилла вошла въ свою комнату въ совершенномъ смущеніи и заперла дверь дрожащею рукой. Поставивъ свѣчу на столикъ, она съ робостью взглянула на Франка, который бросился въ кресла и держался за нихъ обѣими руками, чтобъ не соскочить съ своего мѣста. Она сѣла въ углу и начала плакать, посматривая на дрожащее пламя свѣчи. Франкъ, пожираемый страшнымъ безпокойствомъ, оставался на своемъ мѣстѣ, не обращая на нее никакого вниманія; но услышавъ громкія рыданія Камиллы, онъ пришелъ въ себя и съ участіемъ подошелъ къ ней. Когда онъ сѣлъ подлѣ молодой дѣвушки, въ глазахъ его было столько грусти, что ея страхъ мгновенно разсѣялся, и взоръ по-прежнему сдѣлался ясенъ и спокоенъ. Въ гостиной все было тихо; только слышались тяжелые шаги Вандёля, въ душѣ котораго по-прежнему бушевала ревность, какъ мрачный демонъ.

Мысли Франка сдѣлались нѣсколько спокойнѣе; онъ даже улыбнулся, размышляя о странномъ случаѣ, который привелъ его въ комнату молодой, незнакомой ему дѣвушки; Камилла была хороша какъ ангелъ; никто, быть-можетъ, кромѣ Леона Дюрана, не срывалъ цвѣтовъ съ ея дѣвственной души — и Франкъ былъ съ ней одинъ, съ глаза на глазъ. Франкъ замечтался, но голосъ любви снова раздался въ его сердцѣ, разрушилъ неопредѣленныя мечты и, смотря на Камиллу, онъ снова видѣлъ только госпожу де-Вандёль.

Камилла взяла книгу и развернула ее съ разсѣяннымъ видомъ: это былъ романъ Анны Радклэйфъ. Вскорѣ она перенеслась воображеніемъ въ какой-то старый замокъ, населенный толпою духовъ—забывая дѣйствительность для вымысла, драму, разъигрывавшуюся передъ ней, для драмы, происходившей въ романѣ. Болѣзненный крикъ госпожи Вандёль заставилъ ее вспомнить о настоящемъ. Книга выпала у ней изъ рукъ, и она поблѣднѣла какъ смерть.

Услышавъ крикъ Каролины, Франкъ съ бѣшенствомъ вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ броситься къ двери: теперь онъ могъ отворить ее, потому-что она была заперта извнутри. Камилла удержала его за руки.

— Если вы имѣете къ ней хоть каплю сожалѣнія, останьтесь здѣсь.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ Франкъ, въ отчаяніи ломая руки.

Въ бѣшенствѣ онъ хотѣлъ оттолкнуть Камиллу, но молодая дѣвушка упала передъ нимъ на колѣни:

— Вы пройдете только черезъ меня, сказала она ему.

Это отчаянное движеніе остановило Франка: онъ не зналъ, что ему дѣлать. Крикъ снова раздался, и почти въ то же время кто-то постучался въ дверь. Камилла взглянула на Франка съ невыразимымъ ужасомъ.

— Не отворяйте! не отворяйте! прошептала она, прислушиваясь къ двери.

— Камилла! вскричала госпожа Вандёль болѣзненнымъ голосомъ.

— Это она, сказалъ Франкъ, отталкивая молодую дѣвушку и бросаясь къ двери.

Но Камилла, быстрая какъ лань, предупредила его.

— Онъ увидитъ, увидитъ васъ, сказала она, стараясь его удержать.

Франкъ отступилъ назадъ, повинуясь ея умоляющему голосу. Камилла отворила дверь и госпожа Вандёль бросилась въ комнату.

— По-крайней-мѣрѣ у меня есть убѣжище, сказала она, обнимая Камиллу.

Но когда Франкъ подошелъ къ ней, молодая женщина пошатнулась и едва не упала.

— Боже мой! Боже мой! онъ былъ здѣсь: онъ все слышалъ.

Еслибъ въ эту минуту смерть явилась Каролинѣ, она умерла бы съ радостью: такъ горько и стыдно было ей предъ Франкомъ ревности г. Вандёля.

Затворивъ дверь, Камилла обняла бѣдную женщину съ невыразимой нѣжностью. Франкъ, страдавшій отъ сдержаннаго гнѣва и горя, взялъ ея руку и крѣпко пожалъ ее: эта слабая, онѣмѣвшая отъ ужаса, рука не сопротивлялась. Но когда снова раздался крикъ Вандёля, она оживилась и выскользнула изъ рукъ Франка, какъ испуганная птичка при крикѣ ястреба. Молодая женщина смутилась отъ своего движенія и чтобъ скрыть краску, выступившую у ней на лицѣ, прислонила голову къ плечу Камиллы. Молодая дѣвушка посадила ее на диванъ, передъ богатымъ венеціанскимъ зеркаломъ, которое странно противорѣчило простому убранству комнаты. Каролина, по обыкновенію женщинъ, подняла голову, чтобъ взглянуть на себя въ зеркало; но прежде, чѣмъ взглянула на себя, взглянула на Франка. Любовь или бѣсъ виноваты въ этомъ, только она, несмотря на свое горе, нѣсколько мгновеній не сводила глазъ съ Франка: и эти краткія мгновенія показались ей цѣлымъ часомъ. Въ это время она думала о трехъ вещахъ: о любви Франка, о своей собственной любви и о мрачной ревности мужа, готовой разразиться грозой надъ ней. Молодая женщина съ трепетомъ отвратила голову, но образъ Франка былъ по-прежнему передъ ней, потому-что въ ея душѣ было магическое зеркало.

Каролина любила Франка любовью тихою и грустною, какъ осенній вечеръ; ничего бурнаго, ничего упоительнаго; кругомъ все ясно, воздухъ наполненъ дѣвственнымъ запахомъ простыхъ цвѣтовъ, кой-гдѣ слышится пѣніе, но не радостное, а грустное пѣніе. Для нея любовь была утѣшительницей въ горѣ, мечтой во время безсонныхъ ночей, надеждой, что-то обѣщавшей ей въ будущемъ. До Франка бѣдная женщина не любила никого; до двадцати лѣтъ она уединенно жила въ маленькой деревенькѣ Нормандіи, и оставила ее только для-того, чтобъ сдѣлаться женою Вандёля. Она вѣрно полюбила бы его, еслибъ онъ не терзалъ ее своей ужасной ревностью. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Вандёль былъ довольно-порядочный человѣкъ.

Въ то время, какъ Каролина, склонясь на плечо своей подруги, смутно вспоминала о встрѣчѣ съ Франкомъ въ Елисейскихъ-Поляхъ, три удара въ дверь раздались въ комнатѣ; затѣмъ послѣдовала минута тишины. Госпожа Вандёль и Камилла съ трепетомъ глядѣли другъ на друга; Франкъ стоялъ передъ ними, блѣдный, неподвижный, съ пылающимъ взоромъ. Еще раздался ударъ, отъ котораго дверь затрещала, Франкъ бросился къ двери и отворилъ ее. Вандёль хотѣлъ войдти въ комнату, но Франкъ остановилъ его и оттолкнулъ въ гостинную. Молодая дѣвушка, почти обезумѣвъ отъ страха, послѣдовала за ними.

— Что вы здѣсь дѣлаете? сказалъ Вандёль задыхающимся голосомъ.

Камилла бросилась предъ нимъ на колѣни: — я виновата во всемъ, вскричала она.

Въ голосѣ и движеніяхъ молодой дѣвушки было столько истины, что Вандёль посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Вы виноваты? это вашъ гость? сказалъ онъ съ презрѣніемъ.

«Она спасена!» подумала Камилла.

— Вашъ гость! повторилъ Вандёль тѣмъ же презрительнымъ голосомъ.

— Чтóжь изъ этого? сказалъ Франкъ, взявъ за руки Камиллу: — если вамъ это не нравится...

— Напротивъ, очень нравится, съ живостью возразилъ Вандёль, ревность котораго стала утихать. Но, онъ еще сомнѣвался и, устремивъ сердитый взглядъ на Камиллу, продолжалъ: — теперь не угодно ли вамъ обоимъ выйдти отсюда и навсегда забыть, что вы здѣсь были.

— Ради Бога, вскричала Камилла: — сжальтесь надо мною! Завтра пріѣдетъ за мной дядя. Не погубите меня въ его глазахъ.

Гнѣвъ Вандёля снова вспыхнулъ: онъ сдѣлалъ молодой дѣвушкѣ знакъ удалиться въ свою комнату, и, отворивъ дверь гостинной, сказалъ Франку: — не угодно ли вамъ.

Потомъ, обратясь къ окну, съ котораго сорвалъ занавѣсъ, прибавилъ: — если вамъ не нравится эта дорога, такъ я покажу вамъ другую...

Франкъ прервалъ его: — Вы напрасно тáкъ храбритесь, мой милый, я уйду, потому-что мнѣ время уйдти, и сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ, потому-что вы вовсе не забавны.

Вандёль ничего не отвѣчалъ ему на это; онъ проводилъ его до дверей и заперши ихъ, принялся ходить по комнатѣ. Во всемъ окружающемъ онъ видѣлъ непонятную для него загадку: его сомнѣнія снова возвратились, ревность проснулась, и когда онъ вошелъ въ комнату Камиллы, въ душѣ его по-прежнему бушевала ярость.

— Послушайте, сказалъ онъ молодой женщинѣ мрачнымъ голосомъ: — вы должны мнѣ поклясться, что этотъ человѣкъ приходилъ сюда не для васъ.

VII.

Франкъ блуждалъ по Парижу, какъ сумасшедшій; ему казалось, что онъ очнулся послѣ страшнаго сновидѣнія. Прошло нѣсколько дней, а прежнее спокойствіе не водворялось въ его сердцѣ.

Послѣ многихъ прогулокъ по окрестностямъ Парижа, въ Версали, Шантильи, Энгіенѣ, гдѣ несчастные любовники стараются разсѣять свою любовь, онъ принялся отъискивать госпожу Вандёль. Но его розъиски были тщетны. Онъ не могъ узнать послѣдствій сцены, которой былъ свидѣтелемъ въ домѣ Вандёля. Леонъ былъ у него на другой день послѣ драмы, или лучше мелодрамы; но ему отказали. Въ тотъ же самый день Вандёль перемѣнилъ квартиру, не сказавъ, по своему обыкновенію, куда переѣзжаетъ. Все это узналъ онъ отъ самого Леона.

Камилла Санси была круглая сирота, находившаяся подъ покровительствомъ стараго дяди, маркиза Санси, дворянина съ очень-небольшимъ состояніемъ. Маркизъ, жившій въ Пикардіи, на берегу Соммы, любилъ свою племянницу и желалъ ей добра; но едва получая съ своего маленькаго имѣнія столько, сколько нужно чтобы прожить самому,

онъ не могъ ей дать ничего — по-крайней-мѣрѣ при своей жизни. Леонъ Дюра́нъ, у котораго было столько дохода, что онъ могъ сдѣлаться нотаріусомъ, искалъ только красоты и любви Камиллы, не простирая, впрочемъ, величія души до-того, чтобъ не разсчитывать на маленькое имущество маркиза, послѣ его смерти. Онъ любилъ Камиллу, которая съ своей стороны жаждала любить и быть любимой. Они видѣлись у Вандѐля въ-продолженіе всей зимы; госпожа Вандѐль сама покровительствовала этой благородной любви, и вскорѣ Камилла полюбила Леона Дюра́на. На другой день, послѣ сцены съ магнитизёромъ, старый маркизъ пріѣхалъ за Камиллой, какъ она это объявила Вандѐлю, и увезъ ее въ Пикардію. Она уѣхала не видавъ Леона и поручивъ съ нимъ проститься своей подругѣ. Но госпожа Вандѐль тоже не успѣла видѣть Леона. Несчастный любовникъ вскорѣ страшно соскучился и убѣдилъ своего отца купить ему мѣсто нотаріуса въ окрестностяхъ Аббевилля, въ маленькомъ городкѣ, недалеко отъ за̀мка стараго маркиза Сансй. Передъ отъѣздомъ, Леонъ зашелъ къ Франку проститься, приглашая его пріѣхать взглянуть на него въ его новомъ положеніи—нотаріуса и мужа. «Ка̀къ знать, прибавилъ онъ, можетъ-быть мы тамъ что-нибудь узнаемъ о госпожѣ Вандѐль.»

— Можетъ-быть я и пріѣду, отвѣчалъ Фра̀нкъ.

Они обнялись и разстались какъ добрые дру́зья.

VIII.

Разъ, вечеро̀мъ, Франкъ въ задумчивости сидѣлъ передъ пылающимъ каминомъ; вдругъ до его слуха долетѣли звуки музыки. Никогда музыка не производила на него такого сильнаго впечатлѣнія. Онъ всталъ и наклонилъ голову къ сосѣдней комна̀тѣ, отъ которой былъ отдѣленъ одной перегородкой. То былъ голосъ женщины, пѣвшей подъ аккомпаньеманъ фортепьяно. Ея пѣснь, сначала веселая и живая, становилась все тише-и-тише и, наконецъ, перешла въ звуки, полные невыразимой грусти. Франкъ, блѣдный, съ пылающимъ взглядомъ, съ трепещущимъ сердцемъ, прислушивался къ звукамъ съ странною жадностью. Голосъ замолкъ; рука пѣвицы упала на клавиши и нѣсколько секундъ глухой звукъ еще раздавался въ комнатѣ: потомъ все затихло. Но Франку казалось, что онъ все-еще слышитъ этотъ слабый, замирающій голосъ: та̀къ сильно звуки этого голоса взволновали ему сердце.

Вскорѣ голосъ раздался снова; на этотъ разъ онъ пѣлъ Романеску, старую плясовую пѣсню, которая, по мнѣнію умныхъ женщинъ нашего времени, болѣе дѣйствуетъ на сердце, нежели на ноги танцующихъ. Пѣвица, вѣроятно слишкомъ растроганная, не кончила своей пѣсни, и Франкъ цѣлый часъ прислушивался понапрасну.

Франкъ легъ въ постель, волнуемый тысячью неопредѣленныхъ ощущеній; ночь показалась ему невыносимо-длинной: по-временамъ сонъ смыкалъ его глаза, но онъ тотчасъ же пробуждался отъ страшныхъ сновидѣній.

На другой день звуки музыки снова долетѣли до его слуха, или лучше до его сердца; онъ прислонился къ перегородкѣ, но наружный шумъ не позволялъ ему разслышать ничего, кромѣ неясныхъ звуковъ.

И въ забытьи онъ долго стоялъ у перегородки, разсматривая яркіе цвѣты обоевъ; его глаза смотрѣли на ихъ неподвижныя формы, а

воображеніе было полно живыми образами: передъ нимъ въ смутномъ видѣніи являлись — то Каролина, то старуха-мать, усыпленная его магнитизмомъ, то Камилла, обнимающая его колѣни, то незнакомая пѣвица, голосъ которой прерывался рыданіемъ. Увлеченный этими видѣніями, онъ предался совершенно на волю своихъ неопредѣленныхъ мечтацій. Когда онъ очнулся и нѣсколько привелъ въ порядокъ свои мысли, ему въ первый разъ пришло въ голову, что до послѣдней своей прогулки по окрестностямъ Парижа, онъ никогда не слыхалъ музыки въ сосѣдней комнатѣ.

Слуга объявилъ ему, что во время его отсутствія мужчина и три женщины переѣхали въ сосѣднюю квартиру. Франкъ, въ нетерпѣніи, надѣлалъ тысячу вопросовъ, на которые слуга не могъ отвѣчать: впрочемъ, онъ обѣщалъ ему съ самодовольной улыбкой черезъ нѣсколько дней разъузнать обо всемъ.

Никому другому, можетъ-быть, не пришло бы въ голову, что его сосѣдка госпожа Вандёль; но Франкъ былъ совершенно въ этомъ увѣренъ.

Разъ вечеромъ, возвратясь домой, Франкъ, къ величайшему удивленію, засталъ своего слугу и горничную госпожи Вандёль среди самаго нѣжнаго объясненія.

— Мы не ожидали васъ такъ скоро, сказалъ слуга, сильно струсивъ: — но я хотѣлъ узнать...

Франкъ выслалъ его вонъ, и спросилъ у горничной, намагнитизировавъ ее, не взглядомъ, а кошелькомъ, гдѣ ея господинъ. Она отвѣчала ему, что Вандёль въ Марселѣ, и что въ его отсутствіе Каролина не выходитъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ отъ нея не отходитъ мать г. Вандёля.

— Господинъ Вандёль, прибавила она: — надѣется, что никто не увидитъ Каролину въ этой новой квартирѣ, о которой не знаютъ даже его друзья.

Бѣдный ревнивецъ и не подозрѣвалъ, что помѣстилъ Каролину подъ одинъ кровъ съ Франкомъ.

Горничная, подкупленная Франкомъ, обѣщала въ тотъ же вечеръ провести его въ комнату Каролины, какъ-только заснетъ старуха; но онъ напрасно прождалъ ее до самой ночи. Желаніе увидѣть госпожу Вандёль было въ немъ такъ сильно, что онъ готовъ былъ разломать дверь, раздѣлявшую ихъ. На другой день онъ снова принялся ждать; цѣлый день не выходилъ изъ дома и вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ, раздававшемся въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ, вечеромъ, служанка пришла ему сказать, что старуха заснула, и взяла съ него слово — никому не говорить о ея участіи. Онъ осторожно послѣдовалъ за ней въ ту комнату, гдѣ была заключена Каролина.

— Боже мой! вы хотите взойдти насильно, сказала она слабымъ голосомъ, пропуская Франка въ дверь.

Госпожа Вандёль страшно поблѣднѣла и опустила голову на грудь, не будучи въ-силахъ сказать ни одного слова; служанка тотчасъ же вышла. Франкъ, взглянулъ на спящую старуху и бросился на колѣни передъ Каролиной.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? сказала она съ усиліемъ.

Франкъ взглянулъ на нее съ невыразимой нѣжностью и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Боже мой, какъ я васъ люблю!

Каролина горько улыбнулась, какъ-бы желая сказать, что это для нея не новость.

— Увы! прошептала она:—я такъ же васъ люблю; но я давно рѣшилась пожертвовать этою любовью своему долгу. Оставьте меня; не возвращайтесь сюда никогда, если не хотите меня погубить: воспоминаніе о васъ усладитъ мою горькую участь. Воспоминаніе—это отрадный лучь. Оставьте меня одну съ моимъ горемъ: пусть мысль о васъ будетъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ.

Франкъ, глубоко тронутый этимъ простымъ признаніемъ, продолжалъ безмолвно стоять передъ ней на колѣняхъ.

Каролина убѣдительно просила Франка ее оставить.

— Прежде-чѣмъ я васъ оставлю безъ надежды снова увидѣться съ вами, сказалъ онъ взявъ ея руку: — я хочу попросить у васъ одной милости, которую вы можете мнѣ оказать, не измѣняя своему долгу.

— Заранѣе обѣщаю вамъ оказать эту милость, сказала съ печальной улыбкой Каролина, желая хоть что-нибудь для него сдѣлать.

— Вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба: я живу подлѣ васъ; моя комната отдѣлена отъ вашей одной легкой перегородкой — такъ-что я могу васъ слышать. Всякій день, съ самаго переѣзда вашего въ этотъ домъ, вы поете послѣ обѣда, и я слушаю васъ съ невыразимымъ наслажденіемъ: обѣщайте мнѣ пѣть всегда.

— Всегда! вы не знаете, какъ много значитъ это слово, сказала съ улыбкой Каролина.

— Я готовъ васъ слушать цѣлую жизнь. Но если не всегда, то по-крайней-мѣрѣ обѣщайте мнѣ долго пѣть ваши печальныя пѣсни: хоть одинъ часъ во время дня, который для меня такъ длиненъ: я буду, какъ-будто съ вами.

— Я обѣщала ужь вамъ, сказала госпожа Вандёль, отворяя дверь. Прощайте.

IX.

Каролина стала пѣть всякій день. Франкъ слушалъ ее то съ невыразимымъ наслажденіемъ, то съ глубокой грустью. Ея пѣсни были всегда печальны: если ей случалось начать что-нибудь веселѣе, рыданія тотчасъ прерывали ея голосъ. Этотъ часъ былъ сладокъ для нихъ обоихъ; оба ожидали его съ нетерпѣніемъ, и вспоминали о немъ съ наслажденіемъ. Этотъ часъ былъ полонъ любви: они какъ-будто видѣли другъ друга и души ихъ сливались въ одинъ общій восторгъ, въ одно общее упоеніе.

Но въ одинъ день, часъ любви прошелъ, а Каролина не пѣла. Франку сдѣлалось невыразимо-грустно. Весь слѣдующій день онъ провелъ въ мучительномъ ожиданіи: пришелъ желанный часъ, но Каролина не пѣла. Здоровье Франка давно разстроилось отъ грусти и тоски; онъ слегъ въ постель. Онъ велѣлъ перенести свою кровать къ завѣтной двери и предался на волю болѣзни, не имѣя ни малѣйшаго желанія выздоровѣть. Тысяча мрачныхъ мыслей толпились въ его головѣ: онъ съ радостью смотрѣлъ на приближеніе смерти.

Разъ поутру, вообразивъ, что ему остается ужь немного жить, Франкъ рѣшился нарушить обѣщаніе, которое далъ Каролинѣ: онъ написалъ къ ней, что умираетъ, и что передъ смертью желалъ бы

еще разъ услышать ея голосъ. Онъ просилъ возлюбленную своего сердца пропѣть для него въ послѣднiй разъ.

Сидѣлка успѣла передать письмо горничной госпожи Вандёль. Настал вечеръ, но Франкъ не слыхалъ пѣнiя. Въ изнеможенiи онъ всталъ съ постели и подошелъ къ окну. Каролина гуляла въ маленькомъ саду для жильцовъ: она была тоже больна и едва переступала, опираясь на руку старухи. Молодая женщина печально смотрѣла на цвѣты, которые, какъ она, увядали отъ недостатка воздуха и солнца.

Когда сдѣлалось темно, Франкъ легъ въ постель и погрузился въ свои мрачныя мысли, какъ-вдругъ у его изголовья явился свѣжiй образъ Каролины. Сидѣлка засвѣтила лампу и вышла. Франкъ безмолвно протянулъ ей руку.

— Вы больны? прошептала она, садясь у его постели.

— Да благословитъ васъ Богъ, сказалъ Франкъ, внѣ себя отъ радости: — да благословитъ васъ Богъ за то, что вы посѣтили страдальца на краю гроба!

— Не говорите этого, мой другъ; въ ваши лѣта не умираютъ, если хотятъ жить.

— Къ-чему мнѣ жизнь! О, еслибъ для-того чтобъ любить васъ.

Каролина склонилась къ его изголовью: — не говорите мнѣ о любви, сказала она. Я не должна была васъ видѣть; но узнавъ что вы умираете, измѣнила своему долгу. Я тоже больна и знаю, что эта болѣзнь убьетъ меня.

Голосъ Каролины совершенно ослабѣлъ при послѣднихъ словахъ. На глазахъ Франка выступили слезы.

Каролина встала и простилась съ Франкомъ.

X.

На другой день сидѣлка принесла Франку письмо отъ госпожи Вандёль.

«Я уѣзжаю къ Монастырь-Урсулинокъ—писала она; въ день своихъ «имянинъ я выйду оттуда—къ этому дню г. Вандёль возвратится изъ «Марсели. Васъ ожидаютъ въ Ормой: отправьтесь туда для поправ«ленiя своего здоровья: если у меня достанетъ силъ, я къ вамъ прiѣду «2-го октября. А до-тѣхъ-поръ мысль—что вы среди нашихъ общихъ «друзей, будетъ утѣшенiемъ для моего бѣднаго сердца. Прощайте!»

Франкъ прочелъ это письмо съ невыразимою тоской.

— Если она умретъ, я также умру, сказалъ онъ, поднявъ глаза къ небу, какъ-бы призывая его въ свидѣтели своей клятвы.

Исполняя послѣднюю волю Каролины, и, устроивъ свои дѣла, онъ отправился въ Пикардiю, къ своему другу Леону, въ твердой рѣшимости дождаться тамъ дня имянинъ Каролины и умереть, если ея не увидитъ. Вы скоро увидите, сдержалъ ли онъ свою клятву.

Франкъ нашелъ Леона нотарiусомъ, мэромъ деревни, мужемъ, почти отцомъ семейства и умирающимъ. Онъ простудился, но, надѣясь на свои молодыя силы, не слушался доктора и продолжалъ разъѣзжать верхомъ: у него сдѣлалась чахотка, которая въ недѣлю привела его на край гроба. Передъ смертью Леонъ взялъ за руку Франка и сказалъ ему: «Я поручаю тебѣ свою жену, будь ей покровителемъ и храни ее».

Франкъ успѣлъ продать безъ убытка контору и домъ Леона, но сумма вырученная отъ этой продажи, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ, которое

Камилла должна была получить послѣ смерти дяди, не могла доставить ей и ея ребенку блистательной участи. Заботливость и нѣжность Франка усилились оттого еще болѣе.

Камилла переѣхала въ замокъ маркиза Санси. Франкъ, помѣстившійся послѣ смерти Леона въ скверномъ трактирѣ, хотѣлъ возвратиться въ Парижъ; но старый маркизъ, которому онъ очень понравился, уговорилъ его остаться и переѣхать къ нему въ замокъ. Франкъ остался для Камиллы.

Черезъ мѣсяцъ тѣнь Леона стала мало-по-малу удаляться отъ молодой вдовы и его вѣрнаго друга: они все-еще продолжали говорить о Леонѣ, но думали о немъ гораздо-меньше. Въ тотъ годъ была чудесная осень: Франкъ и Камилла безпрестанно гуляли, чтобъ разсѣять, какъ они говорили, свое горе; наговорившись о Леонѣ, они говорили о г-жѣ Вандёль. Франкъ былъ прекрасенъ въ минуту страсти: онъ любилъ съ пылкостью нѣмца и граціей Француза, и при одномъ имени Каролины приходилъ въ восторгъ и одушевленіе. Онъ повѣрялъ Камиллѣ тайну своей любви съ простодушіемъ ребенка и двадцать разъ въ день былъ готовъ говорить объ этой печальной страсти. Франкъ походилъ на скупца, который усталъ носить съ собой свое сокровище и нашелъ уединенное мѣсто, гдѣ можетъ его спрятать.

Разъ вечеромъ, прогуливаясь по парку, они проговорили часа два сряду, не произнеся ни раза имени Леона. Камилла испугалась такого забвенія. Но на другой день не было сказано ни слова о Каролинѣ, и Камилла почувствовала неизъяснимую радость. Ревность дала ей почувствовать, что она любитъ Франка.

— Я напрасно стараюсь скрыть отъ себя свои собственныя чувства, думалъ Франкъ: — я люблю г-жу Вандёль; но, увы! я также люблю и Камиллу.

Итакъ они любили другъ друга; но воспоминаніе о бѣдной Каролинѣ все-еще волновало Франка, а тѣнь Леона повременамъ посѣщала Камиллу. Въ такомъ неопредѣленномъ состояніи засталъ ихъ день имянинъ Каролины. Франкъ провелъ его самымъ романическимъ образомъ: старая любовь, казалось, восторжествовала надъ новой страстью. Съ самаго утра онъ вышелъ на берегъ рѣки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большой дороги и просидѣлъ въ тоскливомъ ожиданіи до самаго вечера. Наступила ночь, а Каролина не пріѣхала.

Нѣсколько дней спустя, Камилла принесла ему письмо.

— Письмо! вскричалъ Франкъ съ испугомъ.

— Да, отвѣчала Камилла, едва скрывая свою радость: — письмо отъ Каролины.

Франкъ схватилъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Какъ безумно, мой другъ, искать любви тамъ, гдѣ нельзя найдти «счастья. Какое жалкое заблужденіе, какая горькая ошибка! Богъ уврачевалъ мое сердце и открылъ мнѣ глаза: я возвратилась къ Вандёлю, «который принялъ меня какъ-нельзя-лучше. Все прощено, все кончено. «Лучшая сторона любви—самопожертвованіе: я предаюсь ему отъ всей «души. Прощай! Пусть все будетъ забыто.

«Каролина де-Вандёль.»

— Вы видите, сказала Камилла:—что Каролина не даромъ была въ монастырѣ: религія заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ утѣшеній.

Франкъ былъ очень удивленъ этимъ письмомъ. «Ни одного слова обо мнѣ, думалъ онъ, обо мнѣ, который такъ долго для нея страдалъ. «Пусть будетъ все забыто», сказала она. — Да, пусть будетъ все забыто.» И ему невольно пришла на мысль Камилла и неразлучная, счастливая жизнь съ нею. Онъ успѣлъ даже убѣдить себя въ томъ, что никогда не любилъ Каролины такъ, какъ любитъ Камиллу.

Въ концѣ зимы съ старымъ маркизомъ сдѣлался параличъ. Мысль о женитьбѣ снова пришла въ голову Франку: маркизъ скоро умретъ и тогда онъ долженъ будетъ оставить Камиллу; не лучше ли сдѣлать такъ, чтобъ никогда не разставаться. Онъ рѣшился поговорить объ этомъ съ Камиллой, которая совершенно согласилась съ его мнѣніемъ.

═

ПЛОВУЧІЙ ОСТРОВЪ.

Шотландская сказка.

I.

Наконецъ я въ Шотландіи. Видѣлъ Твидъ, Тей, Клидъ; прорѣзалъ Лох-Ломондъ, Катринъ, Оу, Левенъ, Ойхъ, Нессъ; миновалъ Шевіотъ, Грампіонъ, весь Хайландъ и, наконецъ, убѣдился, что Вальтеръ-Скоттъ былъ человѣкъ съ сильнымъ воображеніемъ.

Читайте поэтическія описанія страны, созданной воображеніемъ Вальтер-Скотта — но, вѣрьте мнѣ, не ѣздите въ Шотландію.

Твидъ, Тей и Клидъ покажутся вамъ жалкими снимками съ Лоары и Рейна; Лох-Ломондъ и Катринъ — слабыми подражаніями швейцарскимъ озерамъ; Шевіотъ, Грампіонъ и Хайландъ — скучными пустынями, какихъ вамъ, быть-можетъ, и видѣть не случалось. Впрочемъ и о Шотландіи нельзя сказать, чтобы она вовсе была лишена прекраснаго. Не говоря уже о великолѣпномъ Эдимбургѣ, который, по красотѣ мѣстоположенія, можетъ равняться Генуѣ, есть прелестные пейзажи въ окрестностяхъ Перта; а въ Атольскомъ-Лѣсу попадаются мѣста, напоминающія Швейцарію.

За этимъ лѣсомъ начинаются холмы Грампіона, какъ-бы иззябшіе и укутавшіеся въ кустарникъ. Въ августѣ, когда кустарникъ въ цвѣту, все принимаетъ какой-то фіолетовый видъ, сначала изумляющій и веселящій зрѣніе, но скоро дѣлающійся монотоннымъ и утомительнымъ. И горы могутъ надоѣсть своимъ однообразіемъ.

На Грампіонѣ обитаютъ глухари, да кой-гдѣ блуждаютъ стада овецъ черноголовыхъ и черноногихъ, съ рогами, изгибающимися надъ глазами и придающими имъ престранный видъ. Набреди на нихъ случайно какой-нибудь путешественникъ и овечки разбѣгутся, какъ серны. Попадаются еще тамъ-и-сямъ груды камней, положенныхъ въ кружокъ, и означающихъ мѣсто, на которомъ былъ найденъ трупъ какого-нибудь заблудившагося иностранца. Горе проходящему, не прибросившему хоть камешка къ этой грудѣ: не обойдтись ему въ томъ году безъ несчастья.

Облака и туманы не покидаютъ высотъ Грампіона; холодъ постоянный, даже и лѣтомъ; и потому не слѣдуетъ путешествовать безъ спутника и не запасшись провизіей.

Поднимаясь отъ Грампіона къ сѣверу, вступаешь въ Хайландъ, обширное пространство безплодныхъ болотъ, перемежающихся холмами. Это новая пустыня. Я сдѣлалъ тридцать миль по Хайланду — и не встрѣтилъ ни одного селенія; только изрѣдка попадаются постоялые дворы или уединенныя, крытыя торфомъ, хижины, окруженныя полемъ, засѣяннымъ рожью. И на порогѣ этихъ бѣдныхъ, задымленныхъ, избушекъ, появляется длинная, тощая фигура заслышавшаго шаги Хайландца, обыкновенно въ черномъ костюмѣ.

Черное платье, поношенное англійскими богачами, переходитъ къ лондонскимъ бѣднякамъ, отъ нихъ — къ бѣднякамъ провинцій, затѣмъ—къ Шотландцамъ, и, наконецъ, въ видѣ полусгнившихъ лохмотьевъ — къ обитателямъ Хайланда.

Эти грязныя, отвратительныя рубища, вездѣ принимаютъ съ распростертыми объятіями. Самые дикіе обитатели Каледонскихъ-Горъ, забываютъ при нихъ свои яркіе плащи. Въ настоящее время вы не найдете въ цѣломъ Хайландѣ ни одного горца, одѣтаго Роб-Роемъ (*); развѣ случится вамъ, какъ и мнѣ случилось въ концѣ моего путешествія, въ Форт-Вильямѣ, присутствовать на пиру у начальника племени (clan), гдѣ я видѣлъ за однимъ столомъ сорокъ отростковъ древнѣйшихъ шотландскихъ фамилій, одѣтыхъ въ древніе національные костюмы.

И если въ одно прекрасное утро, проходя по дорогѣ къ Крейг-Бею, я имѣлъ спутникомъ горца въ шляпѣ съ перьями, въ плащѣ, курткѣ и въ кольчугѣ древнихъ временъ, то, конечно, за это преобразованіе былъ обязанъ своей щедрости и страсти ко всему національному.

Однажды, заблудившись въ окрестности Грантауна, я принужденъ былъ войдти въ попавшуюся мнѣ на дорогѣ хижину, гдѣ нашелъ бѣдняка преклонныхъ лѣтъ: наружность его была безобразна, но сквозь это безобразіе, проглядывало какое-то добродушіе; станъ его крѣпкій, но исхудалый, былъ покрытъ лохмотьями, не предохранявшими его даже и отъ разрушительнаго вліянія воздушныхъ перемѣнъ; цвѣтъ этого платья, когда-то черный, въ настоящую минуту не имѣлъ названія.

Бѣднякъ съ жадностью черпалъ похлебку, изъ жестяной чашки, укрѣпленной надъ слабымъ огонькомъ; огонёкъ этотъ былъ разложенъ на утоптанной землѣ, посреди сырой комнаты, какъ это обыкновенно бываетъ въ хижинахъ шотландскихъ горцевъ; лѣнивый дымъ, вмѣсто того, чтобы выходить въ отверстіе, сдѣланное въ крышѣ и замѣняющее трубу, стлался небрежно по всѣмъ угламъ; соломенная постель, деревянный сундукъ и нѣсколько грубыхъ инструментовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, дополняли картину этого бѣднаго обиталища. Добрый Хайландецъ всталъ, чтобы мнѣ поклониться. По привѣтствію мнѣ сказанному я замѣтилъ, что онъ переселенецъ изъ Ирландіи. Онъ

(*) Потомки древнихъ начальниковъ племенъ, сохранившіе по-нынѣ этотъ титулъ, утратившій первоначальное свое значеніе и сдѣлавшійся почетнымъ званіемъ, собираются разъ въ годъ на пиршество (meeting) и надѣваютъ драгоцѣннѣйшіе костюмы своихъ предковъ.

меня такъ хорошо принялъ, разговоръ его мнѣ такъ понравился, что я предложилъ ему быть моимъ проводникомъ по Хайланду, который онъ не разъ проходилъ съ котомкой за спиной, и мѣстность котораго была ему извѣстна въ совершенствѣ. Онъ согласился, и просилъ съ меня за трудъ одно дневное пропитаніе, да зимнее платье; я обѣщалъ ему сверхъ этого нѣсколько кроуновъ. Онъ проводилъ меня въ Грантаунъ, гдѣ вмѣсто нынѣшняго костюма, я велѣлъ сшить ему платье шотландскаго лорда; и въ одно прекрасное утро мы отправились въ путь оба довольные: онъ своимъ богатымъ костюмомъ, а я тѣмъ, что подлѣ меня шелъ Хайландецъ похожій на комедіанта.

Въ-продолженіе восьми часовъ шли мы по невоздѣланной пустынѣ; безконечность равнины начинала утомлять меня, какъ-вдругъ наша тропинка, до-тѣхъ-поръ ровная и однообразная, начала спускаться въ глубокое ущелье—да такъ круто, что мы съ трудомъ держались на ногахъ. Проводникъ шелъ впереди меня и совѣтовалъ мнѣ подражать каждому его движенію, угрожая, въ противномъ случаѣ, паденіемъ, которое на этихъ утесистыхъ скалахъ могло быть опасно; слѣдуя его наставленію, я съ точностью ставилъ ногу на то мѣсто, которое только-что покидала его нога; но не прошли мы и ста шаговъ, какъ-вдругъ, на одномъ поворотѣ, котораго я и не замѣтилъ, онъ внезапно остановился и нога моя, уже занесенная, чтобы ступить на его слѣдъ, ударилась о его пятку: мы стояли на краю пропасти. Чтобъ удержать меня отъ паденія, Блакброу (такъ звали моего горца) подставилъ мнѣ лѣвую руку, указывая правой въ глубину узкой долины, на маленькое озеро и на плавающій въ ней, по волѣ вѣтра, зеленѣющійся островокъ, посреди котораго стояло что-то похожее на человѣка.

— Вѣдьма (the witch)! пробормоталъ мой спутникъ, повертываясь ко мнѣ, блѣдный и испуганный:—намъ нельзя идти далѣе: иначе будетъ бѣда; пусть сатана удалится, и счастье наше, если онъ насъ не увидитъ...

Послѣ этого Блакброу присѣлъ на-корточки.

Я охотникъ до вѣдьмъ, и ни-за-что на свѣтѣ не хотѣлъ бы съ ними ссориться, подстерегая и вывѣдывая ихъ тайны, и потому, присѣвъ подлѣ Блакброу и храня глубокое молчаніе, я внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ «пловучаго-острова». Наконецъ онъ присталъ къ берегу; я ждалъ, что вотъ эта старушонка соскочитъ на берегъ, испуститъ дикій крикъ, на который отвѣтятъ хриплые голоса двухъ появившихся изъ тумана ея помощницъ, тощихъ, съ косматымъ лицомъ, съ распущенными рыжими волосами; что вотъ онѣ начнутъ всѣ трое приготовлять адскія чары, въ котлѣ, который появится изъ земли, послѣ-того, какъ дикая кошка три раза промяукаетъ и ёжъ испуститъ три жалобныя стенанія; вотъ, взявшись за руки, онѣ девять разъ обѣгутъ вокругъ кипящаго сосуда, подбрасывая въ него, каждая, своего яда; первая броситъ напитанную ядомъ жабу, отрубокъ змѣи, ящеричій глазъ, лягушечью ногу, шкуру летучей мыши и крыло совы; вторая—чешую дракона, волчій зубъ, остовъ вѣдьмы, желудокъ акулы, сорванный ночью корень цикуты, сучокъ зеленицы, срѣзанный во время луннаго затмѣнія, турецкій носъ и татарскія губы; третья—еще порядочное количество подобныхъ же снадобьевъ; вотъ запоютъ онѣ у котла сатанинскія пѣсни; вотъ запляшутъ онѣ адскіе танцы и музыкой имъ будетъ служить вой волковъ, лай собакъ и визжаніе заржавленныхъ пилъ. Чтобъ охладить кипящій отваръ, онѣ подо-

льютъ въ него крови обезьяны. Вотъ начнутъ онѣ призывать нечистыя силы, и страшныя явленія представятся въ воздухѣ; Блакброу со страха упадетъ безъ чувствъ, а между-тѣмъ сдѣлается громъ, котелъ и всѣ чудовищныя явленія исчезнутъ, и вѣдьмы скроются въ туманѣ, при мяуканьи Греймалкана и кваканьи Паддока... Увы! я былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи. Уже съ пять минутъ островъ стоялъ у берега, а таинственная фигура не измѣняла своего положенія. Потерявъ терпѣніе я, вскочилъ, и, несмотря на увѣщанія Блакброу, умолявшаго меня не ходить на вѣрную погибель — отправился къ озеру.

Приблизившись къ страшилищу, я увидѣлъ, что это былъ просто шестъ, на которомъ навязанъ тростникъ и разныя травы, покрытыя сверху разными тряпками. Блакброу, видя, что я началъ обдирать перепугавшее его чудовище, рѣшился, наконецъ, и самъ ко мнѣ присоединиться.

Нисколько не смутясь своей ошибкой, какъ бы, можетъ-быть, сдѣлалъ всякій другой на его мѣстѣ, онъ же сталъ меня упрекать, зачѣмъ я сорвалъ съ островка это чортово веретено, которое должно быть произведеніемъ злыхъ духовъ, и привлечетъ на насъ ихъ мщеніе.

Весь край знаетъ, что этотъ островъ принадлежитъ вѣдьмамъ; часто видятъ по ночамъ, какъ онѣ катаются по озеру на этой природной лодкѣ; да и озеру-то по нимъ дано прозваніе Заколдованнаго (Witchs'-loch). Никто, кромѣ нихъ, не поплыветъ по этому озеру: свѣжо еще преданіе о странномъ приключеніи двухъ любовниковъ, осмѣлившихся прокатиться по немъ.

Я сталъ просить Блакброу разсказать мнѣ это приключеніе, и онъ передалъ мнѣ легенду «пловучаго-острова», которая до-того извѣстна во всей этой части Шотландіи, что сдва-ли можно пропутешествовать изъ одного конца въ другой, не услыхавъ ея изъ устъ какого-либо туземца. Разсказъ Блакброу мнѣ понравился, и я передамъ его словами Дик-Лаудера:

II.

Мери была прелестная дѣвушка, а отецъ ея, Дональд-Розъ, считался первымъ арендаторомъ въ окрестностяхъ Грантауна.

Робъ, молодой пастухъ, красивый, дородный мужчина, былъ сынъ бѣдняка по имени Гарри-Стюартъ, прозваннаго *Лишкильнскимъ* пастухомъ, отъ горы этого имени, на склонѣ которой стояла его хижина.

Мери и Робъ любили другъ-друга, а какъ эта любовь пришла, того объяснить они были не въ-состояніи. Единственныя дѣти въ этомъ дикомъ мѣстѣ, съ первыхъ дней жизни, они вмѣстѣ играли въ пустоши, идущей на разстояніи мили и раздѣлявшей ихъ жилища; они привыкли жить другъ для друга; ихъ дружба съ лѣтами возрастала и превратилась, наконецъ, въ мощную страсть — страсть тихую, чистую, связавшую неразрывною цѣпью ихъ существованіе.

Не замѣчая быстраго возрастанія привязанности дѣтей другъ къ другу, родные не препятствовали ихъ сближенію.

Мери было шестнадцать лѣтъ, а Робу восемнадцать, когда Дональдъ-Розъ и старый Гарри, поссорившись за какое-то интересное дѣло, сдѣлались между-собою открытыми врагами. На слѣдующій день послѣ этой ссоры Дональдъ засталъ у себя въ домѣ Роба, подлѣ Мери: они

сидѣли рука-въ-руку, и губы юноши прикасались къ зардѣвшейся щечкѣ дѣвочки. Увидѣвъ это, Дональдъ пришелъ въ неистовый гнѣвъ. Онъ схватилъ Роба за плечи, толкнулъ его къ дверямъ и, хлопнувъ ладонью по рукояткѣ кинжала, закричалъ громовымъ голосомъ : «Вѣрь мнѣ, мальчишка, что я заставлю тебя поцаловаться съ этимъ остреемъ, если мнѣ случится встрѣтить тебя за пол-мили отъ моей дочери ; а тебя, Мери, если ты подпустишь къ себѣ хоть разъ Роба, я выгоню изъ дома такъ же, какъ выгоняю теперь его.»

Несмотря на эти угрозы, любовники продолжали тайкомъ видѣться, и запрещеніе Дональда только придавало этимъ свиданіямъ еще большую прелесть.

Разъ, утромъ, въ началѣ весны, Дональд-Розъ поѣхалъ въ Грантаунъ на рынокъ, и, по вѣроятію, долженъ былъ возвратиться поздно ночью. Робъ и Мери давно уже дожидались этого благопріятнаго для нихъ случая, и не могли имъ не воспользоваться. Не успѣла длиннохвостая лошадь завезти арендатора за первый холмъ, въ концѣ Гран-Ланда, какъ Робъ прибѣжалъ къ своей возлюбленной, чтобъ сопутствовать ей въ назначенной прогулкѣ.

Дома не было никого, кто бы могъ замѣтить ихъ побѣгъ, кромѣ старой Мизи Мориссонъ. Это была женщина добрая, вѣрная и преданная слуга; но и она была слишкомъ-занята хозяйствомъ и не могла наблюдать за любовниками. Да, кромѣ-того, еслибъ она и подмѣтила ихъ прогулку, такъ все-таки не могла измѣнить своей барышнѣ, потому-что слишкомъ была къ ней привязана и знала ея задушевныя тайны. Итакъ бояться имъ было нечего.

Виды окрестностей были самые печальные; но молодые люди были такъ заняты другъ-другомъ; вмѣстѣ имъ было такъ весело, что и самое грустное мѣсто казалось имъ восхитительнѣйшимъ садомъ. Весело бѣгали они другъ подлѣ друга, какъ лани скакали по холмамъ и не заботились о томъ, куда приведетъ ихъ взятое ими направленіе. Такимъ-образомъ очутились они на берегу Заколдованнаго-Озера. На озерѣ было много цвѣтовъ, и цвѣты были такъ прекрасны, что бѣглецы рѣшились расположиться тутъ на завтракъ : Робъ вынулъ изъ-подъ плаща свой мѣшокъ, Мери усѣлась подлѣ него на травѣ, и они стали завтракать.

Послѣ завтрака, они начали собирать цвѣты, набрали по большому букету, усѣлись снова на траву и принялись свивать вѣнки и гирлянды. Они были такъ счастливы, такъ погружены въ любовныя мечты, что не замѣчали часовъ, а между-тѣмъ солнце катилось и приближалось къ закату.

— Ахъ, Мери ! зачѣмъ твой отецъ не походитъ на моего ! проговорилъ, наконецъ, молодой пастухъ : — или зачѣмъ его богатство и гордость препятствуютъ тебѣ оставить его и сдѣлаться моею женой?

— Нѣтъ, Робъ, отвѣчала Мери, всматриваясь ему въ глаза : — не уговаривай меня покинуть дряхлаго отца, осиротѣвшаго съ-тѣхъ-поръ, какъ не стало моей матушки. А если, какъ я и надѣюсь, онъ когда-нибудь возвратитъ тебѣ свою дружбу, продолжала она, потупивъ взоръ: — такъ кто жь помѣшаетъ тебѣ назвать его своимъ отцомъ.

— Эти двѣ руки скоро заработали бы приданное, какое бы онъ ни потребовалъ. Съ какимъ одушевленіемъ работалъ бы я, еслибъ я зналъ, что наградою за трудъ будешь ты, Мери !

— И я была бы вполнѣ счастлива, еслибъ ты достигъ этой награды, съ нѣжностью проговорила Мери: я не могла бы покинуть отца; но еслибъ онъ умеръ—я промѣняла бы все его золото на счастье уйдти съ тобой на край свѣта. И никого мнѣ тогда не надобно, кромѣ тебя.

— О, Мери! воскликнулъ восторженный Робъ, съ тобой я сталъ бы жить въ пустынѣ, на необитаемомъ островѣ, забытомъ на широкомъ морѣ, хотя бы островъ этотъ былъ меньше этого «пловучаго» островка и хотя бы мы должны были провести на немъ цѣлую вѣчность.

Игривость послѣдней мысли вывела Мери изъ серьёзнаго положенія; несмотря на восторженность чувствъ, которая высказывалась у ней за минуту, она громко засмѣялась и Робъ послѣдовалъ ея примѣру.

— Смотри, сказала она ему шутя, указывая на подплывшій въ это время къ берегу островокъ: — смотри, какъ нашъ пустынный островъ заманиваетъ насъ къ себѣ.

— Пойдемъ же, Мери, и будемъ тамъ жить! говоритъ Робъ со смѣхомъ и, схвативъ ее за руку, волею-неволею влечетъ къ тому мѣсту, гдѣ островъ присталъ. Онъ поддерживаетъ Мери, и она ставитъ ножку на дрожащій грунтъ; восхищенный своей выдумкой и забывая подвижность материка, Робъ быстро бросается за ней и этимъ толчкомъ въ одно мгновеніе удаляетъ островокъ на нѣсколько аршинъ отъ берега. Проказники вскрикнули, подбѣжали и молча стали разсматривать обломокъ земли, который катился по черной, глубокой водѣ и увлекалъ ихъ на середину озера. Наконецъ онъ остановился, но на такомъ дальнемъ разстояніи отъ берега, что для неумѣющихъ плавать не было никакой надежды на спасеніе. Они были во власти адскихъ духовъ; сердце Мери переполнилось таинственнымъ страхомъ; тотъ же страхъ, да смѣшанный еще и съ опасеніемъ за возлюбленную, мучилъ и бѣднаго Роба. Но онъ былъ вполнѣ властелиномъ своихъ чувствъ и имѣлъ довольно присутствія духа, чтобъ не дать замѣтить Мери того, что происходило у него на сердцѣ. У нея начали подкашиваться ноги: Робъ нарвалъ на-скоро травы и тростника, набросилъ на это свою куртку, и такимъ-образомъ среди мокраго луга устроилъ для нея покойное сѣдалище; потомъ закуталъ ее въ свой красный плащъ, сталъ подлѣ нея, и наклоняясь отъ-времени-до-времени къ ней на ухо, употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобъ успокоить ее и утѣшить. Повременамъ онъ пробѣгалъ взоромъ молчаливое пространство окружавшей ихъ пустыни и сотни страшныхъ идей тѣснились въ его голову. На-минуту его обрадовала мысль, что на этомъ островѣ не было никого кромѣ той, которую онъ любитъ... что они были одни!.. Но въ самомъ ли дѣлѣ они были одни; не было ли тутъ кого-нибудь ими незамѣченнаго, но могущаго ихъ видѣть? И онъ снова сталъ безпокойно озираться, вглядываясь не только въ поверхность озера, но и въ каждое малѣйшее углубленіе на берегу. Съ каждымъ мгновеніемъ предметы казались ему все менѣе-и-менѣе явственными; онъ подумалъ о ночи, взглянулъ на солнце и съ ужасомъ замѣтилъ, что его блѣдный кругъ быстро склонялся къ горизонту. Другое замѣчаніе оледенило кровь въ его жилахъ; пловучій-островъ началъ погружаться въ воду, и разгоряченное его воображеніе рисовало уже передъ нимъ картину той минуты, когда вспѣнившаяся влага поглотитъ его и его возлюбленную. Дрожь пробѣжала по его членамъ; чтобъ увѣриться въ томъ, не былъ ли этотъ испугъ плодомъ изступленнаго бреда, онъ силился замѣтить степень углубленія острова, и усиліе это было такъ велико, что сдѣ-

лало его неспособнымъ отвѣчать на вопросы Мери, испуганной отчаяннымъ выраженіемъ лица ея любовника. Наконецъ, послѣ долгаго наблюденія, Робъ началъ убѣждаться, что положеніе острова измѣнялось: страхъ его началъ постепенно упадать, а этого уже было довольно, чтобъ успокоить Мери—такъ велика была симпатія ихъ душъ.

Солнце скрылось за холмомъ, и мракъ началъ распространяться по необъятному пространству синеватой степи. Съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣлъ Робъ во всѣ стороны, желая открыть какого-нибудь заблудившагося странника. Пристальнѣе всего смотрѣлъ онъ на дорогу къ Грантауну, надѣсь увидѣть кого-нибудь изъ возвращавшихся съ рынка горцевъ; но въ то же время, по странному противорѣчію, боясь, чтобъ не попасть на Дональд-Роза и зная, что онъ долженъ по этой дорогѣ возвращаться, бѣдный юноша почти желалъ, чтобъ надежда его не сбылась. Конечно, дорога эта не была ближайшимъ путемъ отъ Грантауна къ дому Дональда, но для ночнаго путешествія ее можно было предпочесть, потому-что она была лучше другихъ. Дорога эта опоясывала треть окружности озера, и всякій проѣзжающій по ней не разъ окидывалъ взоромъ прозрачную поверхность, желая подстеречь какую-нибудь отсталую утку. Итакъ, проѣзжай въ это время Дональдъ, онъ навѣрно бы ихъ увидѣлъ, а могъ ли Робъ надѣяться возвратить себѣ его расположеніе, когда онъ подвергъ опасности жизнь единственной его дочери. Да хотя бы и онъ не поѣхалъ по этой дорогѣ, ихъ могъ подмѣтить кто-нибудь другой, и не подавая имъ помощи, сказать объ этомъ тому же старому Розу, котораго гнѣвъ заставлялъ ихъ трепетать заранѣе.

Впрочемъ, такой конецъ ихъ приключенія былъ меньшимъ изъ несчастій, которыхъ они должны были ожидать отъ злобы подземныхъ духовъ, такъ безжалостно надъ ними издѣвавшихся. Робъ, то желалъ, чтобъ ночь заволокла озеро мрачнымъ покрываломъ и скрыла ихъ отъ отъ любопытныхъ взоровъ, то снова впадалъ въ отчаяніе, помышляя о томъ, что отецъ Мери возвратится домой, не найдетъ дочери и будетъ терзаться цѣлую ночь; терзанія эти послужатъ пищею его ярости, настанетъ утро, и они будутъ открыты. Мученія Роба доходили до крайности; ихъ смѣнила тоска, которая была еще ужаснѣе.

Ночь давала безпредѣльную власть вѣдьмамъ, а онѣ и безъ того уже такъ много сдѣлали имъ зла.

— О, Боже Всемогущій! Ниспошли намъ вѣтеръ!.. шепталъ бѣдный Робъ, испуганный, какъ-будто сотни страшныхъ привидѣній вертѣлись у него передъ глазами.

— О, Боже! дай намъ вѣтеръ! повторила Мери Розъ, перечувствовавшая и передумавшая все то, что передумалъ и перечувствовалъ ея другъ.

Весеннія испаренія начинали подниматься изъ сосѣднихъ болотъ: всѣ пустынныя растенія съ жадностью впивали въ себя животворную влагу и въ благодарность наполняли воздухъ пріятнѣйшимъ благоуханіемъ. Эти душистыя испаренія раздирали сердца бѣднымъ любовникамъ. Черная, холодная ночь окружала ихъ.

— Робъ, сказала Мери голосомъ дрожавшимъ отъ страха: — возьми куртку, ты умираешь отъ холода.

— Надѣнь лучше плащъ мой, милая Мери, и перестань бояться.

— Я не хочу отнимать у тебя плаща, кротко отвѣчала Мери, закрываясь руками.

— Ну, такъ раздѣлимъ его по-поламъ, проговорилъ Робъ съ нѣжнымъ смущеніемъ.

Онъ сѣлъ подлѣ Мери, обвернулъ ее плащомъ и крѣпко сжалъ концы, желая предохранить ее отъ сыраго тумана. Успѣлъ онъ въ этомъ или нѣтъ, но самому ему въ эту минуту было хорошо; онъ былъ единственнымъ покровителемъ дѣвушки, которую онъ такъ-сильно любилъ; любовь и гордость согрѣвали его сердце. Такъ прошло четверть часа, наконецъ Мери начала жаловаться, что ногамъ ея становилось сыро и холодно. Кто можетъ представить себѣ весь ужасъ положенія Роба, когда онъ замѣтилъ, что къ нимъ начинала подступать вода. Несмотря на темноту ночи, онъ увидѣлъ, что собственная ихъ тяжесть погружала мало-по-малу островокъ; верхнія, ноздреватыя части земли, напитываясь водой, увеличивали тяжесть материка, который, погружаясь постепенно, наконецъ долженъ былъ уйдти совершенно подъ воду.

Сколько времени пробьются они до совершеннаго погруженія—этого Робъ опредѣлить не могъ. Ему оставалось напречь всѣ свои силы, чтобъ скрыть свой ужасъ отъ Мери. Но онъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ такъ пламенно, такъ изступленно, что ей нельзя было не догадаться о ихъ погибели.

Какъ ни темна была ночь, какъ ни боялись они вліянія злыхъ духовъ, но все это исчезло передъ роковымъ убѣжденіемъ о близкомъ концѣ. Имъ казалось, что пропасть разинула уже пасть свою и готова была ихъ поглотить; оставалось одно утѣшеніе: умереть въ объятіяхъ другъ друга.

— Будемъ молиться! сказала Мери: — часъ нашей смерти насталъ.

Робъ не старался поддерживать надежду въ ея сердцѣ; онъ самъ ужь больше не надѣялся; они преклонили колѣна и молитва ихъ была проста, высока и торжественна. Смерть была такъ близка, что они не просили уже больше заступничества на землѣ, они молили Предвѣчнаго о спасеніи за гробомъ, въ томъ мірѣ, куда скоро должны были переселиться. Робъ говорилъ, Мери, прижавшись къ нему, повторяла его слова, то мысленно, то шопотомъ — и въ молитвѣ ея видна была твердость вѣры и надежды.

Ужь нѣсколько минуть продолжалась ихъ молитва, какъ-вдругъ съ востока показался слабый лучъ свѣта и прорѣзалъ густой туманъ, покрывавшій озеро; легкій вѣтерокъ прожурчалъ надъ ихъ головами, какъ голосъ ангела-хранителя; они начали оживать.

Туманъ, уступая вліянію полной луны, раздѣлился на два столба, поднявшіеся вмѣстѣ кверху и исчезнувшіе наконецъ изъ вида.

Желанный вѣтерокъ радовалъ любовниковъ, и они скоро замѣтили, что полузатопленный островъ началъ удаляться отъ берега и поплылъ къ противоположной сторонѣ озера.

Воздухъ былъ чистъ, луна сіяла въ полномъ блескѣ. Только притягательная сила островка удерживала еще частичку тумана надъ головами любовниковъ. Къ ихъ радости вѣтеръ сталъ усиливаться.

— Милая Мери, сказалъ ей Робъ привставая:—успокойся, мы спасены, разставимъ плащъ вмѣсто паруса.

Они растянули плащъ надъ головами и поплыли втрое скорѣе прежняго. Весело плыли они, мечтая, что черезъ нѣсколько секундъ до-

стигнутъ берега и Мери успѣетъ добѣжать до дома прежде возвращенія ея отца, какъ-вдругъ на дорогѣ показался всадникъ, приближавшійся къ тому самому мѣсту, гдѣ имъ надобно было пристать.

Каковъ же былъ ихъ ужасъ, когда въ этомъ всадникѣ они узнали широкое лицо Дональд-Роза, которое при лунномъ освѣщеніи казалось блѣднѣе самой луны. Съ минуту они оставались безъ движенія, когда старикъ, остановивъ свою лошадь, пристально въ нихъ вглядѣлся; потомъ бросившись другъ-другу въ объятія и завернувшись въ широкій плащъ, они молча и неподвижно ждали приближенія къ берегу, на которомъ ихъ поджидалъ грозный Дональд-Розъ...

Уже съ минуту островокъ стоялъ у твердой земли, а они все-еще не поднимали капюшона, закрывавшаго ихъ головы. Они едва переводили дыханіе. Бѣдная, дрожащая Мери, крѣпко держалась за Роба, и мысль, что это дитя, въ минуту гибели, ввѣряло ему свою защиту, прогнала изъ головы пастуха всякую боязнь.

— Я вамъ все разскажу, господинъ Розъ, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ и не открывая головы; но видя, что ему не отвѣчаютъ, онъ пріободрился и принялъ болѣе рѣшительный тонъ:

— Думайте, что̀ хотите, господинъ Розъ; но я не могу не любить миссъ Мери; я люблю ее вопреки своему желанію и вопреки вашему запрещенію; теперь убейте меня; но, ради всего, что̀ есть для васъ святаго, не трогайте ни волоска съ головы ея, или, увѣряю васъ честью, господинъ Розъ, что...

Послѣднія слова были произнесены съ такой энергіей, что ихъ однихъ было достаточно, чтобъ понять рѣшимость Роба; поднятая рука и судорожно-сжатый кулакъ были только средствомъ вспомогательнымъ. Плащъ, скрывавшій ихъ головы, былъ отброшенъ въ сторону.

— Богъ насъ спасаетъ! Дональдъ исчезъ! Не будь я человѣкъ, не будь я живое существо, если мы не видѣли призрака твоего отца, Мери!.. И, говоря это, Робъ судорожно сжималъ ея руки, чтобъ увѣриться, что все происходившее было не во снѣ.

Бѣдная дѣвушка была безъ чувствъ въ-продолженіе этой сцены и легко повѣрила тому, что̀ говорилъ ей Робъ.

— Онъ дѣйствительно ускакалъ, милая Мери, говорилъ юноша нѣжнымъ голосомъ, перенося ее на берегъ. — Будемъ благодарить небо за благополучное возвращеніе на твердую землю. Позволь же мнѣ, Мери, проводить тебя до дома; Богъ да будетъ нашимъ покровителемъ! Онъ накинулъ на нее плащъ, обхватилъ станъ ея мощной рукой и, при свѣтѣ луны, они стали пробираться по пустоши, густо заросшей травой и цвѣтами.

Дорогой они вспомнили, какъ радостно свѣтило поутру надъ ихъ головами солнце, когда они рѣзвились и бѣгали по тѣмъ же самымъ мѣстамъ.

Поворотивъ за холмъ, они невольно содрогнулись: домикъ Дональд-Роза, построенный на маленькомъ возвышеніи, былъ освѣщенъ. Не означалъ ли этотъ свѣтъ присутствіе хозяина? Мери объ этомъ не могла и помыслить. Приблизившись къ дверямъ въ совершенномъ аРущеніи, они долго не рѣшались войдти. Она предчувствовала, что ъкяэ угрожала еще бо̀льшая опасность, чѣмъ ей самой. Нѣжно пожобу ему руку, она сказала:

— Робъ, спѣши возвратиться въ Лимкильнсъ; ты не долженъ показываться моему отцу, оставь меня одну; прощай.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Робъ: — я не скрою отъ него своихъ глазъ — я не хочу бѣгать отъ твоего отца; и если онъ дома, то мое присутствіе здѣсь необходимо для твоей защиты...

Мери старалась доказать ему нелѣпость его самоотверженія; споръ дѣлался шумнѣе-и-шумнѣе, и Мизи Мориссонъ, услыхавъ голоса, внезапно ихъ прервала:

— Боже милостивый! милые мои дѣти, вы ли это? проговорила добрая женщина. — Гдѣ пропадали вы такъ долго?

— Возвратился ли батюшка? спросила ее трепещущая Мери.

— Не возвратился, да врядъ-ли ночью-то и возвратится; ручаюсь вамъ, что въ настоящую минуту онъ пируетъ въ гостинницѣ *Синей-Лисицы*, въ Грантаунѣ, съ полдюжиной грязныхъ торгашей, и что онъ долго еще тамъ останется; да скажите же мнѣ, гдѣ вы были, дѣти? Дайте мнѣ васъ чѣмъ-нибудь накормить, вѣдь вамъ, я думаю до-смерти ѣсть хочется.

Вспомнивъ о привидѣніи, показавшемся имъ на берегу озера, Робъ не рѣшился идти ночью въ Лимкильнсъ, черезъ степь, отдѣлявшую домикъ Дональд-Роза отъ хижины его отца. Ему лучше было встрѣтить въ четырехъ стѣнахъ арендатора, хоть разъяреннаго и съ кинжаломъ въ рукахъ, но живаго, нежели набресть на дорогѣ, въ пустынѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, на угрожающій его призракъ, такъ-сильно его перепугавшій. Кромѣ-того, желаніе непокидать Мери и невыносимый голодъ заставили его остаться.

Да и Мери хотѣлось пригрѣть и успокоить молодаго пастуха; по своей собственной слабости она чувствовала, какъ необходимо было возстановить его силы. Но боясь, несмотря на увѣренія старушки, чтобъ отецъ внезапно не встрѣтился, она оставалась нѣсколько времени въ нерѣшимости. Наконецъ Мизи Мориссонъ удалось убѣдить ее, что опасности не было никакой. Любовники вошли въ комнату и сѣли противъ огонька у стола, на которомъ былъ приготовленъ ужинъ. Чтобъ совершенно быть безопасными, осторожная Мизи пошла въ другую комнату и сѣла у окна, выходившаго на дорогу; въ такомъ положеніи и при свѣтѣ луны, она не могла не увидѣть хозяина, если бы онъ вздумалъ возвратиться; случись это, она сейчасъ дастъ знать Робу, который будетъ имѣть довольно времени уйдти черезъ заднее крыльцо, покуда старый Розъ пойдетъ въ конюшню привязывать свою лошадь.

Погрузившись въ воспоминанія о страшномъ призракѣ, любовники нѣсколько времени молчали; потомъ стали говорить о минувшихъ ужасахъ и, наконецъ, разговоръ ихъ перешелъ на любовь, и только по-временамъ перемежался нѣжною улыбкой.

Время уходило; они сидѣли другъ-подлѣ-друга, ихъ разговоръ начиналъ дѣлаться страстнымъ; Робъ обвилъ рукою гибкій станъ Мери, она приподняла съ одной стороны все-еще непокидавшій ее плащъ и положила ему на плечо свою руку.

Пламя отъ очага бросало на лица ихъ блѣдный свѣтъ и придавало всему какую-то таинственность. При такомъ освѣщеніи и при красной

драпировкѣ, они могли бы служить несравненнымъ сюжетомъ для картины Рембрандта.

Имъ казалось, что въ этихъ разговорахъ не прошло и получаса, а по счету старушки, употреблявшей всѣ усилія, чтобы прогнать сонъ, прошло болѣе четырехъ. Какъ правда бываетъ обыкновенно на серединѣ, то я думаю, что прошло часа два, когда утомленная Мизи Морриссонъ, уступивъ вліянію сонливости, такъ крѣпко уснула, что невозможно было бы разбудить ее ни гуломъ пушки, ни трескомъ грома.

Вдругъ дверь той комнаты, гдѣ сидѣли Робъ и Мери, растворилась, и вошелъ Дональд-Розъ, съ головы до ногъ обрызганный грязью, блѣдный какъ смерть и съ свирѣпымъ взглядомъ; за нимъ слѣдовалъ Гарри Стюартъ, пастухъ изъ Лимкильнса!

Удивленіе любовниковъ было такъ велико, что они совершенно потеряли присутствіе духа. Не выпуская другъ друга изъ объятій, они приподнялись; плащъ висѣлъ у нихъ на плечахъ; забытыя съ утра гирлянды цвѣтовъ дополняли убранство: въ такомъ видѣ, какъ статуи, предстали они передъ вошедшими.

— Боже избави насъ отъ злаго наважденія! вскричалъ Дональд-Розъ, попятившись назадъ и смотря на нихъ съ ужасомъ:—люди вы или привидѣнія?.. Тотъ же плащъ!.. тѣ же гирлянды!.. то же положеніе!.. говорите!.. ради Бога, говорите!.. кто вы?.. Но я вижу, продолжалъ Дональдъ послѣ нѣкотораго молчанія: — что это вы сами, и благодарю Создателя...

— Да, это мы сами! отвѣчалъ Робъ рѣшительно и торжественно: — дѣйствительно мы, и ничто иное! Въ насъ одна жизнь! одна душа!..

— Ты сказалъ правду, Робъ! отвѣчалъ старый Розъ важно и таинственно: — бѣдное созданіе, человѣкъ, не можетъ противиться волѣ неба. О, дѣти мои! продолжалъ онъ, изнемогая отъ усталости и опускаясь въ большое дубовое кресло: — дѣти мои, сколько страха претерпѣлъ я въ эту ночь! Спокойно возвращался я съ рынка, даже не былъ и на-веселѣ, потому-что, выходя изъ города вмѣстѣ съ мясникомъ Калли, мы выпили неболѣе трехъ кружекъ *wisky*. Подъѣзжаю къ заколдованному озеру, и что же представляется глазамъ моимъ: я вижу васъ въ этой самой одеждѣ, съ этими же гирляндами, какъ я засталъ васъ при входѣ сюда, съ тѣмъ же выраженіемъ на лицахъ и въ томъ же положеніи, плывущими по озеру и держащими надъ головами этотъ плащъ, растянутый вмѣсто паруса! — Съ нами крестная сила! Что вы объ этомъ думаете?.. Полная луна показалась на востокѣ, и свѣтъ ея проникалъ сквозь эти оба привидѣнія, образуя вокругъ нихъ родъ прозрачнаго облака, какъ бываетъ иногда вокругъ луны; вѣрьте мнѣ, это было рѣдкое чудо, и дай Богъ, чтобы страшныя грезы не заставили меня провести эту ночь безъ сна!

Робъ и Мери значительно между собой переглянулись; но старый Розъ былъ слишкомъ погруженъ въ воспоминанія о призракѣ и не замѣтилъ ихъ движенія.

— Выпейте этого, батюшка, хоть капельку, сказала Мери, подавая ему стаканъ вина.

— Благодарю тебя, прекрасное дитя мое, отвѣчалъ арендаторъ, возвращая ей стаканъ и потрепавъ ее слегка по щекѣ. —Да, на чемъ же

я, бишь, остановился-то?.. да! я сказалъ, что привидѣнія неслись ко мнѣ быстрѣе ястреба, преслѣдующаго маленькую птичку; лошадь моя испугалась, взвилась на дыбы, закусила удила и стремглавъ понеслась черезъ степь. Къ-счастію, проскакавъ за Крейг-Бей, я встрѣтилъ Гарри Линкильнса, который ее остановилъ. Я разсказалъ Гарри свое видѣніе, и, думаю, что въ эту минуту онъ не меньше моего былъ доволенъ нашей встрѣчей, потому-что она доставила намъ удовольствіе быть вдвоемъ. Ни ему, ни мнѣ не хотѣлось возвращаться къ заколдованному озеру. Мы выбрали ближайшую дорогу и направились прямо черезъ степь; а чтобы убѣдиться въ томъ, какъ хороша была эта дорога, вамъ довольно посмотрѣть на мои измоченныя ноги. Долго мой конь не забудетъ этого путешествія по оврагамъ.

— Позвольте же мнѣ, батюшка, подать вамъ сухую обувь, сказала Мери.

— Нѣтъ, дочь моя, теперь не время.

— Гарри, продолжалъ онъ, обращаясь къ своему спутнику, стоявшему все время у дверей: — войди же въ комнату, садись! да что жь ты не садишся, Гарри? Что нужды, что ты бѣденъ—ты честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно.

— Я вѣрю тебѣ, товарищъ, отвѣчалъ Гарри, гордо посмотрѣвъ на арендатора.

— Довольно! довольно! проговорилъ Дональдъ: — оставимъ это; забудемъ нашу ссору и соединимъ дѣтей нашихъ узами брака. Согласенъ ли ты, Гарри?

— Могу ли я не согласиться? отвѣчалъ старый пастухъ, пожимая руку Дональда.

Робъ и Мери, съ слезами на глазахъ, обнимали своихъ отцовъ.

— Теперь я долженъ сказать тебѣ, Дональдъ, продолжалъ Гарри Стюартъ: — что сынъ линкильнскаго пастуха не такъ бѣденъ, какъ ты думаешь. Я мало пріобрѣталъ, но зато мало и издерживалъ, и чтожь бы я былъ за пастухъ, ежели бъ пятидесяти-лѣтними трудами не накопилъ себѣ маленькаго капитальца; за горой продается хорошая ферма: я куплю эту ферму, наполню ее всѣмъ необходимымъ и подарю нашимъ дѣтямъ.

— Хорошо сказано!.. замѣтилъ Дональд-Розъ, ударивъ по плечу стараго Гарри: — Мизи! принеси намъ бутылку лучшаго *бранди*.

Пробужденная голосомъ хозяина, Мизи съ просонковъ перепугалась, но скоро узнавъ въ чемъ дѣло, она приняла участіе въ общей радости.

Весело прошелъ вечеръ: старики потягивали вино, а юноши не могли наговориться о будущемъ своемъ благополучіи.

Черезъ нѣсколько дней была ихъ свадьба. Говорятъ, было такъ весело, что даже старая Мизи Моррисонъ танцовала.

И когда въ-послѣдствіи случалось счастливымъ супругамъ проходить съ своими дѣтьми мимо заколдованнаго озера, не разъ разсказывали они малюткамъ о своемъ приключеніи, посматривая по-временамъ на островокъ, то съ благодарностью, то со страхомъ.

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ И АНГЛИЧАНАХЪ (*).

Письмо I.

Обыкновенный, ошибочный взглядъ путешественниковъ на Лондонъ и Англію. — Начало осени, по окончаніи сизона. — Холера и мѣры, принятыя къ ея прекращенію.

Лондонъ, 4 ноября / 23 октября *1849.*

Вы просили у меня писемъ о Лондонѣ и Англіи, о лондонской и англійской жизни; спѣшу удовлетворить вашему любопытству, и тѣмъ охотнѣе, что эта мѣстность, эта жизнь, какъ много ни писали о нихъ, представляютъ неистощимый запасъ матеріаловъ интересныхъ и достойныхъ глубокаго изученія.

Сколько талантливыхъ фёльетонистовъ, литераторовъ, публицистовъ писали о Лондонѣ и Англіи, и несмотря на это, я вызываю васъ — назвать хоть одно сочиненіе изъ цѣлаго вороха печатной бумаги, которое представило бы вамъ, жителямъ континента, точную, вѣрную картину быта островитянъ, гордыхъ своею родиною, самою природою, оторванною отъ остальной цивилизованной Европы, и своею жизнью, которая кажется всѣмъ Европейцамъ эксцентрическою до каррикатуры.

Нельзя, или по-крайней-мѣрѣ трудно, упрекать пишущихъ и описывающихъ путешественниковъ въ болѣе или менѣе невѣрномъ изображеніи Англіи. Послѣ пятичасоваго бурнаго плаванія между Остенде и Довромъ (**), на совершенно плоскодонномъ почти пароходѣ, который какъ щепка скачетъ по волнамъ Ла-Манша едва разсѣкая ихъ, то уходя и прячась между ними, то поднимаясь опять на ихъ хребетъ; выдержавъ такимъ-образомъ въ-продолженіе пяти часовъ ужасную качку, отъ которой у несчастнаго путешественника вывертывается весь организмъ — онъ, наконецъ, выходитъ на берегъ, полубольнымъ, недовольнымъ, и непремѣнно съ чувствомъ предубѣжденія къ такъ трудно доступной странѣ. Таможня не даетъ ему даже времени увлечься величавыми скалами, украшающими негостепріимный берегъ острова. А какъ удивительно-живописенъ этотъ берегъ; какъ вѣрно и точно онъ изображаетъ самую горделивую, сухую, себялюбивую, холодную Англію и *эту крѣпость, воздвигнутую природою для ней самой* (***), какъ говоритъ Шекспиръ, и неприступную для чужеземца.

(*) Одинъ изъ нашихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, находясь теперь болѣе года въ Англіи и достаточно ознакомившись съ этою страною, обѣщалъ доставлять намъ время-отъ-времени письма обо всемъ, что англійская жизнь представляетъ замѣчательнаго въ ученомъ, литературномъ и промышленомъ отношеніяхъ. Помѣщая нынѣ первое письмо его, надѣемся, что эта любопытная корреспонденція будетъ продолжаться постоянно. *Ред.*

(**) Пароходы также ходятъ изъ Франціи между Булонью и Фолкстономъ, и между Кале и Довромъ, дѣлая переѣздъ въ полтора и два часа; но, сокращая время, они далеко не избавляютъ отъ всѣхъ непріятностей морскаго путешествія.

(***) This fortress built by nature for herself.
(Shakspeare. Richard II.)

Но желѣзная дорога не ждетъ; сейчасъ отправляется въ Лондонъ «Экспрессъ», который почти нигдѣ не останавливается и дѣлаетъ восемдесятъ-восемь миль только въ два часа съ половиною, вмѣсто казенныхъ четырехъ часовъ. Эта удушающая быстрота, частые и безконечные тоннели, еще болѣе увеличиваютъ чадъ, туманящій мозгъ бѣднаго путешественника и достигающій наивысшаго градуса по пріѣздѣ въ Лондонъ на станцію Лондон-Бриджъ (London-Bridge).

Ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ Англіи составляетъ ея исключительную, характеристическую особенность, о которой не могутъ дать ни малѣйшаго понятія желѣзныя дороги континента, особенно германскія, точно такъ же медленныя, какъ лѣнивая германская почта. Я молчу уже о Царскосельской-Дорогѣ, которая возитъ петербургскую публику слушать оркестры Гильмана или Гунгля или московскихъ Цыганъ, дѣлая шестнадцать миль (двадцать верстъ) въ сорокъ минутъ и *болѣе:* быстрота совершенно соотвѣтствующая цѣли и назначенію. Въ Англіи, въ первый разъ путешественникъ начинаетъ чувствовать великую аксіому, составляющую одно изъ первыхъ основаній англійской жизни — *Time—is money* (время—деньги); какъ ни коротко будетъ его пребываніе въ Англіи, эта аксіома не разъ раздвинетъ колечки его кошелька, или разстегнетъ замочекъ port-monnaie, и заставитъ поневолѣ сознать всю важность роли, которую играетъ эта аксіома въ англійской торговлѣ и вообще въ англійской жизни. На станціи Лондон-Бриджъ сходятся нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ въ различныя мѣстности, болѣе или менѣе важныя по своей коммерческой дѣятельности, которыя сходятся въ одинъ общій центръ, въ одинъ всемірный рынокъ—Лондонъ. Въ ближайшія къ нему точки — Гриничъ (Greenwich) или Вуличъ (Woolwich) поѣзды (trains) отходятъ каждый часъ и даже каждую четверть часа. Въ пункты болѣе отдаленные, каковы: Доверъ, Брайтонъ, Фолькстонъ, Гэстингсъ, Портсмуосъ—поѣзды ходятъ до девяти разъ въ сутки. Каково должно быть постоянное движеніе на этихъ желѣзныхъ дорогахъ, обнимающихъ, какъ сѣтью, своими отраслями, весь юго-восточный берегъ Англіи!.. Чѣмъ ближе къ Лондону, тѣмъ ближе сходятся эти дороги, и, наконецъ, сливаются между-собою. Паровозы съ безконечными хвостами вагоновъ летятъ въ различныхъ направленіяхъ, одни навстрѣчу, другіе обгоняя «Экспрессъ», гдѣ сидитъ бѣдный путешественникъ: и все это дѣлается на разстояніи, можетъ-быть, фута или нѣсколькихъ дюймовъ, раздѣляющихъ боковые рельсы двухъ смежныхъ дорогъ. Вотъ «Экспрессъ» прямо летитъ на поѣздъ, который идетъ въ одномъ направленіи съ нимъ и впереди его; паровозы одинъ возлѣ другаго; вотъ они оба, кажется, готовы уже взлетѣть на воздухъ или по-крайней-мѣрѣ соскочить съ рельсовъ и раздавить всѣхъ пассажировъ подъ грудою разбросанныхъ и разбитыхъ вагоновъ; путешественникъ припоминаетъ всѣ несчастные случаи, такъ поэтически описываемые въ англійскихъ газетахъ особеннаго рода сотрудниками, получающими за свои статьи по пенни за строчку; онъ припоминаетъ объявленія, напечатанныя вершковыми буквами краснаго и синяго цвѣта, вывѣшанныя на всѣхъ станціяхъ, и приглашающія всѣхъ робкихъ пассажировъ застраховать свою жизнь въ тысячу, въ пятьсотъ или двѣсти фунтовъ стерлинговъ, съ платою только трехъ, двухъ и даже одного пенса за застрахованіе... Но передовой поѣздъ, заслышавъ уже издали свистокъ «Экспресса», постепенно убавляетъ свой ходъ и вдругъ останавли-

вается у соединенія рельсовъ, уступая дорогу «Экспрессу». Выше послѣдней станціи Нью-Кроссъ (New-Cross), желѣзная дорога поднимается надъ почвою и виситъ на каменныхъ сводахъ, состоящихъ почти изъ тысячи арокъ, на высотѣ слишкомъ двадцати-пяти футовъ; чудная мурава луговъ—до-сихъ-поръ та́къ отрадно покоившая глаза путешественника, непремѣнно утомленные неестественною быстротою ѣзды, и начинавшая уже мирить его съ новою негостепріимною почвою, ка́къ бы ни было велико его первое предубѣжденіе—уступаетъ теперь мѣсто довольно-грязнымъ улицамъ, гдѣ ютятся котэджи (маленькіе домики рабочихъ), населяющихъ такъ-называемую *другую сторону воды*, то-есть, противоположный берегъ Темзы...

Но «Экспрессъ» останавливается, билеты отобраны у пассажировъ и поѣздъ медленно въѣзжаетъ подъ навѣсъ станціи Лондон-Бриджъ.

Путешественникъ въ Лондонѣ. Десятокъ омнибусовъ, ряды кэбовъ (наемныхъ каретъ) окружаютъ платформу станціи желѣзной дороги. Угрюмые и тяжелые кочмены и кэбмены, какъ истинные джон-були, молчаливо предлагаютъ свои услуги однимъ поднятіемъ руки; поклажа выручена, хотя не безъ малаго труда, если путешественникъ имѣлъ несчастіе понадѣяться на служителей (guards) желѣзной дороги и самъ хорошенько не присмотрѣлъ, куда ее положили; всѣ вещи уложены на имперіалѣ перваго попавшагося кэба, и вотъ онъ катитъ по макадамизированнымъ улицамъ Лондона, разумѣется, въ самую фешёнебльную часть города, въ такъ-называемый Уэст-Эндъ (West-End), въ одну изъ мрачныхъ, темныхъ параллельныхъ улицъ, каковы Бонд-Стритъ (Bond-street), Альбемарль-стритъ (Albemarle-street), или Довер-стритъ (Dover-street), впадающихъ въ Пикадилли (Picadilly), гдѣ ютятся лучшіе и, слѣдственно, самые дорогіе отели.

Первый шагъ иностранца въ Лондонѣ очень-тягостенъ. Какой бы образованной націи онъ ни былъ представителемъ, онъ долженъ пройдти рядъ различныхъ испытаній, совершенно-одинаковыхъ для всѣхъ иностранцевъ, и которыя, къ-несчастію, показывая только худыя стороны (реверсъ медали), оставляютъ, должно сознаться, дурное впечатлѣніе, и только усиливаютъ первоначальное предубѣжденіе. Иностранецъ, если только показалъ, что онъ новичекъ и не знаетъ Лондона (а есть ли возможность это скрыть), дѣлается жертвою безчисленныхъ и безконечныхъ обмановъ, отъ которыхъ не спасутъ его никакіе практическіе совѣты. Это—красный звѣрь для Англичанина, и кэбменъ, который везетъ его теперь, и ланд-лордъ или ланд-леди отели, гдѣ онъ остановится, не одинъ разъ пробудятъ въ немъ понятное, если не вполнѣ справедливое, негодованіе противъ цѣлаго лондонскаго народонаселенія. Эти два лица играютъ важную роль въ жизни иностранца во все время его пребыванія въ Лондонѣ; для него это единственные представители англійской націи, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе, съ которыми онъ непремѣнно въ постоянной борьбѣ, и которые портятъ ему каждое пріятное впечатлѣніе. И онъ видитъ предубѣжденными глазами великолѣпную столицу съ ея удивительными памятниками; онъ смотритъ этими же глазами на ея человѣчество, положимъ, немного эксцентрическое въ глазахъ европейца, но тѣмъ не менѣе достойное глубокаго изученія по оригинальности его нравовъ, всегда параллельныхъ физическимъ условіямъ мѣстности, всегда находящихся въ строгой зависимости отъ этихъ условій—и достойное подражанія по неизмѣнному повиновенію закону, недопускающему никакихъ

частныхъ толкованій. Повторяю, онъ смотритъ на все глазами предъубѣжденными, глазами раздраженными отъ постояннаго мытарства (imposition) кэбмена и ланд-леди. «Какъ это мелко!..» скажете вы... но какъ справедливо!

Я ничего не знаю скучнѣе осматриванія города такъ, какъ дѣлаютъ это путешественники по обязанности. Это служба очень-трудная, очень-непріятная, въ Лондонѣ довольно-дорогая, и, въ-заключеніе, всегда почти разочаровывающая: какъ рѣдко дѣйствительное впечатлѣніе выдержитъ сравненіе съ представленіемъ, которое возсоздастъ воображеніе по рисунку! Только природа дѣлаетъ исключеніе, природа вѣчноновая для каждаго глаза, никогда неуловимая на картинѣ.

Въ прежнее время, хотя не очень-отдаленное, достопримѣчательности Лондона, заслуживающія любопытства и вниманія чужестранца, по-крайней-мѣрѣ, по мнѣнію Англичанина, ограничивались львами Тауэра (London-Tower), медвѣжьею и бычьею травлями на противоположномъ берегу Темзы, пѣтушьимъ боемъ въ Hocley in the Hole, надгробными памятниками Уэст-Минстерскаго Аббатства, отрубленными головами, вывѣшенными на Заставѣ-Темпля (Temple-Bar), и Бэдламомъ; къ нимъ можно прибавить процессію лорд-мэра и Варѳоломейскую-Ярмарку, если эти два зрѣлища случались во время пребыванія иностранца въ Лондонѣ. Осмотрѣть Лондонъ въ то время была не трудная задача. Но эти невинныя зрѣлища, составлявшія удовольствіе кореннаго джон-буля, уступили мѣсто другимъ, болѣе-интереснымъ, если не такъ характернымъ памятникамъ.

Въ 1836 году былъ уничтоженъ скромный звѣринецъ въ Тауэрѣ: его замѣнили два великолѣпные зоологическіе сада. Нѣкогда разгульный противоположный берегъ Темзы, такъ-называемый Banc-side, теперь сдѣлался мирнымъ убѣжищемъ красильщиковъ, судостроителей, выбравшихъ эту мѣстность по близости ея къ водѣ и верфи, и заводы ихъ покрываютъ почву, гдѣ нѣкогда была арена медвѣжьей и бычьей травли и гдѣ возвышались первые англійскіе театры, пріютившіе на своихъ грубыхъ подмосткахъ перваго драматическаго генія Европы. Одинъ изъ нихъ, именно *Globe*, былъ колыбелью европейской драмы. Шекспиръ былъ въ немъ дольщикомъ и здѣсь представлены были въ первый разъ многія изъ его драмъ.

Hocley in the Hole, знаменитое нѣкогда пѣтушьимъ боемъ, куда сходились также джон-були помѣряться силами или порѣшить ссору кулачнымъ боемъ, теперь обратилось въ мирный Tea Garden Излингтона, куда по воскресеньямъ сходятся ремесленники и мелкіе клерки съ своими семействами напиться чаю и вообще попить, погулять и освѣжиться послѣ шестидневной тяжелой работы.

Изъ всѣхъ прежнихъ достопримѣчательностей, такимъ-образомъ остаются только надгробные памятники Уэст-Минстерскаго-Аббатства и Застава-Темпль (Temple-Bar), но и та теперь не украшается болѣе отрубленными головами, потому-что Англичане нашли болѣе-удобнымъ вѣшать преступниковъ, нежели рубить имъ головы.

Знаете ли сколько достопримѣчательностей обязанъ видѣть путешественникъ въ наше время. Крючлей, въ своей «картинѣ Лондона» (Cruchley, o Picture of London) насчитываетъ ихъ восемдесять-шесть; Куннингамъ болѣе, милостивый, въ «ручной книгѣ для Лондона» (Handbook for London post and present by Peter Cunningham) ограничивается семидесятью-шестью. Но въ томъ и другомъ случаѣ эта работа превышаетъ силы чело-

вѣческія... Итальянскія оперы театровъ Ея Величества (Her Majesty) и Ковен-Гардена (Covent-Garden), французскій водевиль Сен-Джемскаго Театра (St.-Games-Theatre), скачки въ Аскотѣ (Ascot races) и Эпсомѣ (Epsom races)—вотъ зрѣлища, которыя въ наше время раздѣляютъ вниманіе путешественника-дилеттанта во все время пребыванія его въ Лондонѣ, если онъ въ первые дни своего пріѣзда успѣлъ побывать, по обязанности туриста, въ Уэст-Минстерскомъ-Аббатствѣ или въ Тауэрѣ, взобраться на вершину Сэн-Пола (какъ Англичане зовутъ церковь Св.-Павла) и спуститься въ знаменитый тоннель, холодный, сырой, душный погребъ (*). Путешественникъ болѣе любознательный, желая имѣть право судить потомъ о развитіи торговли Англіи, садится на пароходъ и ѣдетъ внизъ по Темзѣ въ Блакуолъ (Blackwoll) или Гриничъ (Greenwich), гдѣ заканчиваетъ свою ученую прогулку рыбнымъ обѣдомъ или завтракомъ, состоящимъ преимущественно изъ Whitebait (**).

Если его интересуютъ мануфактуры, онъ не пропуститъ случая посмотрѣть пивоварню Баркляя и Перкинса... и такъ проходитъ недѣля, другая, мѣсяцъ. Онъ видитъ постоянно, т.-е. смотритъ постоянно только на то, что глаза его привыкли видѣть или на что привыкли смотрѣть въ другихъ столицахъ Европы; сочувствуетъ тому, что подходитъ подъ общій ладъ, что не выходитъ изъ обыкновеннаго круга его зрѣнія, а въ Лондонѣ этотъ европейскій горизонтъ очень-тѣсенъ и наслаждаться имъ очень-дорого, и вотъ еще новый источникъ, новая причина неудовольствій. А англійскій характеръ? а англійская жизнь? особенности этой жизни? Джонбулизмъ, странности, чудаки-Англичане, и все, выходящее изъ обыкновеннаго круга зрѣнія путешественника, представляется ему панорамою каррикатуръ; онъ пожимаетъ плечами, улыбается, смѣется, если въ веселомъ расположеніи духа или, въ припадкѣ желчнаго раздраженія, вооружается негодованіемъ, можетъ-быть невольнымъ, на Англію, Англичанъ и все англійское.

Въ августѣ мѣсяцѣ французская труппа уѣзжаетъ изъ Лондона, обѣ итальянскія оперы закрываются; любопытство путешественника не находитъ себѣ пищи, кругъ дѣятельности разорванъ; ему скучно, дѣлать

(*) Тоннель Темзы (Thames tunnel), какъ называютъ его Англичане, есть подземный проходъ, прорытый подъ Темзою для соединенія двухъ противоположныхъ береговъ; цѣль, которую имѣли въ виду при сооруженіи этого замѣчательнаго, но, къ-сожалѣнію, неудавшагося памятника, была—устроить для работниковъ, живущихъ по ту сторону рѣки, кратчайшую дорогу въ доки, на которыхъ они работали; ближайшій мостъ — Лондон-Бриджъ — отстоитъ отъ тоннеля двѣ мили; за нимъ почти тотчасъ же начинается лондонскій портъ, принимающій въ свои гигантскіе доки, корабли, нагруженные произведеніями всѣхъ странъ Земнаго-Шара; слѣдовательно, новый мостъ былъ бы важнымъ препятствіемъ судоходству по Темзѣ; длина тоннеля 1,200 футовъ; онъ стоилъ 614,000 фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ 247,000 дало правительство; но годовый сборъ съ проходящихъ—не болѣе 5,000 фунт. стерлинговъ — лучшее доказательство безполезности тоннеля. Онъ составляетъ собственность общества, называемаго Компаніею Тоннеля Темзы (Thame's tunnel Company); дорога для экипажей до-сихъ-поръ еще не сдѣлана и едва ли будетъ сдѣлана когда-нибудь; въ настоящее время это только любопытный и замѣчательный памятникъ инженернаго искусства.

(**) Маленькія рыбки въ родѣ снятковъ.

нечего—не идти же во второй разъ смотрѣть тоннель... и только ясная погода удерживаетъ его отъ припадковъ сплина.

Но вотъ онъ просыпается въ одно сентябрское утро, именно въ одно изъ такихъ, какія иногда случаются два, три раза въ-продолженіе цѣлаго сентября, какъ-будто для-того, чтобъ напомнить лондонскому человѣчеству грустную лондонскую осень и еще болѣе грустную лондонскую зиму. Его комната наполнена какимъ-то дымомъ или паромъ; онъ едва можетъ дышать въ этой холодной, удушливой атмосферѣ, подбѣгаетъ къ окну и видитъ, или, лучше сказать, ничего не видитъ изъ-за густой непроницаемой массы паровъ желтаго цвѣта, черезъ которую едва брежжетъ огонёкъ газоваго рожка, засвѣченнаго въ противолежащемъ магазинѣ. Это новое зрѣлище для путешественника—постоянная лондонская атмосфера въ-продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ осени; это лондонскій туманъ, смѣшанный съ дымомъ и копотью каменнаго угля.

Одинъ французскій поэтъ, пораженный мрачною атмосферою Лондона, въ припадкѣ сплина говоритъ, что это безобразная хаотическая масса, посереди которой подымаются высокія трубы.

. . . . Clochers de l'industrie
Ouvrent toujours la gueule et de leurs ventres chauds
Exhalent dans les airs la fumée à grands flots,
Puis un ciel tourmenté, nuage sur nuage;
Le soleil comme un mort, le drap sur le visage
Ou parfois dans les flots d'un air empoisonné
Montrant comme un mineur son front tout charbonné.

Картина довольно-вѣрная осенняго лондонскаго утра.

Испуганный путешественникъ спѣшитъ покинуть царицу всемірной торговли и промышлености, когда она во всемъ блескѣ ея великолѣпія — въ вѣнцѣ изъ клубовъ дыма, свидѣтельствующихъ о главномъ источникѣ ея могущества: тотъ же самый Кэбъ, который привезъ его въ Лондонъ, отвозитъ опять на станцію Лондон-Бриджъ, не пропуская случая въ послѣдній разъ воспользоваться дурнымъ расположеніемъ духа, если не неопытностью теперь уже болѣе опытнаго путешественника; тотъ же «Экспрессъ» мчитъ его по Доврской-Желѣзной-Дорогѣ, и волны всегда бурнаго Ламанша, надуваемыя рѣзкими порывами холоднаго сѣверовосточнаго вѣтра, уносятъ его пароходъ отъ гордыхъ береговъ туманнаго Альбіона, къ низкимъ, песчанымъ, грустнымъ берегамъ сѣверной Франціи, гдѣ путешественникъ залечиваетъ свой сплинъ въ шумныхъ удовольствіяхъ веселаго Парижа и наслаждается альпійскимъ воздухомъ на высотахъ послѣднихъ этажей его громадныхъ домовъ...

Простите мнѣ отступленіе, можетъ-быть очень-длинное; но оно мнѣ кажется необходимымъ введеніемъ въ мои письма, чтобъ показать вамъ, какъ большая часть путешественниковъ смотритъ или осматриваетъ Англію (то-есть Лондонъ), и какъ должны они необходимо описывать ее.

Очень-жаль, что переписка наша открывается въ такое грустное и невыгодное время, «голодное время», какъ говорятъ фёльетонисты: августъ мѣсяцъ унесъ съ собою шумный сизонъ (season), когда Лондонъ кипитъ удовольствіями, когда въ немъ пробуждается къ новой періодической жизни разнообразная дѣятельность, животворящая каж-

дый новый періодъ ея. Лондонъ опустѣлъ; все пріѣзжее народонаселеніе откочевало; даже постоянные обитатели оставляютъ его въ-продолженіе грустной, туманной осени, и бѣгутъ: или на берега моря въ аристократическій Брайтонъ (Brighton), очаровательный Гэстингсъ (Hastings), несравненный островъ Уайтъ (Isle of Wight)—любимое мѣстопребываніе королевы; или въ середину Англіи въ мѣстности, Челтенгэмъ (Cheltenham) и Лимингтонъ (Leamington), защищенныя горами отъ рѣзкихъ порывовъ холоднаго сѣвернаго вѣтра и, слѣдственно, пользующіяся, сравнительно, умѣреннымъ климатомъ.

Холера, посѣтившая Лондонъ нынѣшнее лѣто и усилившаяся осенью, еще болѣе увеличила его уныніе, всегда почти нераздѣльное съ лондонскимъ осеннимъ временемъ. Ужасная эпидемія обрушилась на бѣдные кварталы, населенные рабочимъ народомъ, находящіеся на противоположномъ берегу Темзы, каковы Ньюингтонъ (Newington), Ламбетъ (Lambeth), Сауѳсуоркъ (Southwork), Бермондсэ (Bermondsey).

Несчастное народонаселеніе этой части города гибло, и каждый день сотни людей дѣлались жертвами страшнаго недуга. Страхъ смерти пробудилъ пуританскую религіозность, во многихъ подавленную можетъ-быть слишкомъ сильнымъ увлеченіемъ дѣлами житейскими; и двери церквей распахнулись, чтобъ принять толпу, которая стекалась теперь умилостивлять Создателя своими смиренными мольбами. Лондонскій епископъ сочинилъ, по приказанію королевы, особенную молитву по случаю холеры. Во всѣхъ церквахъ назначены были дни для молебствія (days of humiliation), и въ эти дни лондонское народонаселеніе оставляло всѣ занятія, чтобъ предаться исключительно одной молитвѣ.

Въ это время Совѣтъ-Народнаго-Здравія (Board of Health) обнаружилъ необыкновенную предусмотрительность и энергію въ исполненіи имъ задуманныхъ мѣръ. Этотъ Совѣтъ — учрежденіе очень-недавнее; въ 1848 году прошелъ въ парламентѣ билль о народномъ здравіи, имѣвшій въ виду прежде всего соблюденіе чистоты въ городахъ и жилищахъ, какъ единственнаго средства остановить и даже предупредить развитіе и распространеніе повальныхъ болѣзней (Public Health act and nuisances removal and diseases prevention act); непосредственнымъ слѣдствіемъ этого биля было учрежденіе Главнаго-Совѣта-Народнаго-Здравія, состоящаго не болѣе какъ изъ четырехъ членовъ; но это были Ирлъ Карлиль (Earl Carlisle), Чадикъ (Chadwick), Лордъ Ашлэ (Ashley) и докторъ Сауѳсвудъ Смиѳсъ (Southwood Smith) — люди, сдѣлавшіеся извѣстными своею нелицемѣрною филантропіею и вѣрною наблюдательностью.

Дѣятельность этого молодаго учрежденія изумительна, несмотря на недавность его существованія; особенно если принять въ разсчетъ упрямое сопротивленіе къ его полезнымъ мѣрамъ, которое встрѣчало оно въ комитетахъ для бѣдныхъ прихода (board of Guardians) (*). Хо-

(*) Города Англіи раздѣляются на приходы (parishes); бѣдные каждаго прихода содержатся на-счетъ достаточныхъ прихожанъ, которые, всѣ безъ исключенія, платятъ довольно-значительную «подать на бѣдныхъ» (poor rate); эта подать взимается каждую четверть года и поступаетъ въ распоряженіе комитетовъ для бѣдныхъ (board of guardians), находящихся въ каждомъ приходѣ и состоящихъ изъ чиновниковъ, избираемыхъ ежегодно владѣльцами земли и прихожанами, платящими подать.

лера не застала его въ-расплохъ: оно встрѣтило незваную гостью какъ старый опытный воинъ, всегда готовый на ратоборство; и, вѣрное въ своихъ дѣйствіяхъ идеѣ, что соблюденіе всѣхъ условій чистоты атмосферы, если не уничтожаетъ совершенно повальной болѣзни, то, по-крайней-мѣрѣ останавливаетъ, въ извѣстной степени, ея развитіе, оно постоянно имѣло въ виду въ своихъ распоряженіяхъ—устранить по-возможности все, что отравляло или заражало атмосферу. Прослѣдить за его дѣйствіями въ этомъ направленіи невозможно въ тѣсныхъ предѣлахъ письма; но чтобъ вы могли составить себѣ понятіе, въ какихъ размѣрахъ онъ дѣйствуетъ; я вамъ скажу только, что слишкомъ полтораста городовъ и мѣстечекъ обратились къ нему съ просьбами, о приведеніи въ исполненіе послѣдняго закона о народномъ здравіи. Но эта дѣятельность не ограничивалась исключительно этимъ важнымъ вопросомъ; вниманіе Совѣта-Народнаго-Здравія также было обращено на то, чтобъ подать дѣйствительную помощь больнымъ, которые по своимъ ограниченнымъ средствамъ не могли пользоваться обыкновенными медицинскими пособіями. Мало того, что на всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ углахъ, на всѣхъ церквахъ и публичныхъ зданіяхъ были прибиты печатныя объявленія, объяснявшія каждому, что холера не опасна, если захватить ея первые припадки, и приглашавшія каждаго обращаться во всякомъ случаѣ къ мѣстному доктору: Совѣтъ-Народнаго-Здравія обязалъ приходы наряжать особыхъ докторовъ, которые каждый день посѣщали бы бѣдныхъ, и переходя изъ дома въ домъ, навѣдывались о состояніи ихъ здоровья, подавая помощь нуждающимся въ ней. Нельзя не удивляться отеческой предусмотрительности, которая обнаруживается въ этой послѣдней мѣрѣ; ее подсказалъ не одинъ холодный долгъ — на нее навела горячая любовь къ несчастному, страждущему человѣчеству; эта мѣра была главнымъ дѣйствительнымъ средствомъ, противъ самонадѣянности и безпечности простаго народа (нищаго народа poor people, какъ говорятъ Англичане), качествъ общихъ необразованнымъ классамъ всѣхъ націй и которыя, можетъ-быть, помѣшали бы ему самому искать для себя помощи даже въ указанныхъ источникахъ. Какъ надобно любить людей, чтобъ предвидѣть эти недостатки и придумать подобную мѣру! Это почти то же, что спасать людей противъ ихъ воли. Какъ ни были полезны, даже спасительны мѣры Совѣта-Народнаго-Здравія, но онѣ встрѣтили, какъ я вамъ сказалъ, большое сопротивленіе въ нѣкоторыхъ приходахъ; напротивъ, послѣднее распоряженіе, чтобъ доктора ежедневно посѣщали бѣдныхъ, показалось совершенно излишнею роскошью въ приходѣ Сэн-Панкрасъ (St.-Pancras) и никогда не было приведено въ исполненіе, несмотря на настоятельныя требованія Совѣта. «Совѣтъ-Народнаго-Здравія требуетъ отъ насъ, чтобъ мы не только доставляли простому народу медицинскія пособія и лекарства, но чтобъ мы снабдили его и умомъ», сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ на митингѣ прихода Сэн-Панкрасъ. Мозги почтенныхъ джентльменовъ не могли переварить этой глубокой филантропической мѣры и благонамѣренное распоряженіе Совѣта-Народнаго-Здравія должно было разбиться о мелочные разсчеты управленія комитетовъ. Но это упрямство приходовъ ни въ чемъ такъ рѣзко и такъ невыгодно для нихъ не обозначилось, какъ въ спорѣ ихъ съ Совѣтомъ, когда онъ потребовалъ, чтобъ были закрыты всѣ городскія кладбища.

Этотъ споръ такъ характеренъ и интересенъ, что я не могу не остановиться на немъ.

Должно вамъ сказать, что въ Лондонѣ до-сихъ-поръ существуетъ варварскій обычай—хоронить въ серединѣ города, за оградами церквей—обычай, противъ котораго возставали уже въ пятнадцатомъ столѣтіи, но который, какъ всѣ англійскіе обычаи, глубоко укоренился въ обществѣ. Впрочемъ онъ существуетъ только для простаго народа; потому-что для людей достаточныхъ частныя компаніи на акціяхъ устроили великолѣпныя кладбища, въ самыхъ живописныхъ окрестностяхъ Лондона. Щадя ваши нервы, не хочу описывать, какія отвратительныя сцены происходили на городскихъ или церковныхъ кладбищахъ, уже покрытыхъ могилами, которыя хладнокровный могильщикъ, свыкшійся съ смертью, разрывалъ теперь для принятія новыхъ пришельцевъ въ другой міръ; и все это дѣлалось середи бѣлаго дня, середи города, въ самой шумной, населенной, дѣятельной его части, какова на-примѣръ улица Страндъ (Strand) возлѣ церкви Св.-Клемента Датчанъ (St.-Clement Danes) въ глазахъ тысячи прохожихъ, въ виду, наконецъ, несчастныхъ постоянныхъ жителей мѣстности, которые по неволѣ должны были вдыхать въ себя атмосферу, отравленную гнилыми газами могилы. Это варварство, достойное дикихъ антропофаговъ, только можно объяснить себѣ, когда поживешь въ Англіи, и узнаешь на опытѣ, какъ вѣрны и преданы Англичане своимъ древнимъ обычаямъ, нерѣдко въ наше время потерявшимъ всякій смыслъ.

Очень-естественно, что Совѣтъ-Народнаго-Здравія обратилъ вниманіе на это обстоятельство, непремѣнно обусловливающее развитіе эпидеміи, и, основываясь на биллѣ о народномъ здравіи (public healthe bill), которымъ Парламентъ уполномочилъ его очищать городъ отъ всякаго рода источника заразы (nuisance), требовалъ, чтобы кладбища, находящіяся при церквахъ, были закрыты, и чтобы мѣстные комитеты для бѣдныхъ сдѣлали распоряженія на-счетъ погребенія своихъ умершихъ кліентовъ внѣ города.

Не многіе приходы рѣшились сообразоваться съ этою мѣрою Совѣта-Народнаго-Здравія, мѣрою уничтожавшею одинъ изъ коренныхъ обычаевъ англійскаго общества; большая часть приходовъ возстала противъ этой мѣры, и оставалось рѣшить споръ судебнымъ порядкомъ. Комитеты для бѣдныхъ и Совѣтъ-Народнаго-Здравія пользуются правами одинаковой самостоятельности. Совѣтъ имѣетъ только право требовать отъ комитетовъ буквальнаго исполненія законовъ, но комитеты не обязаны исполнять его мѣръ, какъ бы онѣ ни были полезны и благодѣтельны, если онѣ выходятъ изъ предѣловъ закона. Вотъ въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся эти учрежденія. Совѣтъ требовалъ закрытія городскихъ кладбищъ, основываясь на томъ же самомъ законѣ, на которомъ комитеты основывали свое право не исполнять его требованія; законъ былъ одинъ и тотъ же для обѣихъ партій; но онѣ его не понимали или не хотѣли понять, изъ какихъ-нибудь видовъ, одинаковымъ-образомъ; это несогласіе, это сомнѣніе въ законѣ должно было разрѣшить сословіе, котораго назначеніе—блюсти законы: и споръ двухъ учрежденій, какъ частная тяжба, поступилъ въ Уэстминстерскій-Судъ (Westminster Cuort). Все несогласіе, какъ оказалось, происходило отъ различнаго толкованія слова *nuisance* (нечистота или источникъ заразы); комитеты не допускали обширнаго смысла, который давалъ этому слову Совѣтъ и не хотѣли включить городскихъ кладбищъ въ число нечистотъ или источниковъ

заразы—и Судъ всегда держащійся только буквальнаго значенія закона, рѣшилъ споръ въ пользу комитетовъ.

Не будемъ возставать противъ этого рѣшенія; тѣмъ-болѣе, что настоящее торжество комитетовъ, кажется, не будетъ продолжительно. И если чаша вѣсовъ Өемиды опустилась на ихъ сторону, то общественное мнѣніе осталось на сторонѣ Совѣта-Народнаго-Здравія.

Нельзя сомнѣваться, что общественное мнѣніе найдетъ отголосокъ въ парламентѣ, который вѣроятно укажетъ комитетамъ средства выполнить требованія Совѣта, и Лондонъ избавится отъ одного лишняго несовершенства.

Въ концѣ октября, эпидемія оставила Лондонъ, унеся съ собою слишкомъ 14,000 жертвъ. Это еще небольшая цифра, если взять въ разсчетъ громадное народонаселеніе Лондона и смертность отъ холеры въ другихъ столицахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благодѣтельныя мѣры Совѣта-Народнаго-Здравія значительно способствовали этой, сравнительно, малой смертности.

Благодарственныя молебствія заключили грустную эпоху. Епископъ лондонскій сочинилъ новую молитву по приказанію королевы.

Такъ прошли первые мѣсяцы нынѣшней осени въ Лондонѣ.

—н—

ЗАМѢТКИ НА ПУТИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ БАРНАУЛЪ.

Статья восьмая и послѣдняя.

XXV.

Томская тайга.

Зимнее населеніе Покровскаго-Пріиска было немноголюдно: въ бытность мою тутъ жили всего человѣкъ десять разныхъ разрядовъ рабочихъ, подъ управленіемъ служителя (послѣдняя степень въ градаціи прикащиковъ), самаго смирнаго въ свѣтѣ человѣка. Но у этого смирнаго человѣка была чрезвычайно-бойкая жена, которая исполняла часть его обязанностей.

Покровскій-Пріискъ стоитъ на такомъ мѣстѣ, что прохожему никакъ нельзя его проминовать, и потому идущіе на пріиски рабочіе должны непремѣнно останавливаться при переходахъ именно здѣсь, потому-что здѣсь представляются имъ всѣ удобства для отдыха. Но рабочіе—народъ хитрый: не полагаясь на излишнюю щедрость хозяевъ и прикащиковъ, раздающихъ винныя порціи только для подкрѣпленія силъ трудолюбивыхъ тружениковъ, при большой работѣ, да въ случаѣ болѣзни, и зная о существованіи строгихъ предписаній начальства, чтобъ на пріискахъ отнюдь вина не было, что предпринято изъ опасенія противозаконной его продажи и предупрежденія людей отъ пьянства, они изъискиваютъ всѣ средства какъ бы помочь своему горю. На пріискахъ вино вездѣ бываетъ, но рабочимъ оно раздается только въ нѣкоторые праздники: чтобъ имѣть его всегда въ собственномъ своемъ распоряженіи, рабочіе и придумали особаго рода контробанду; но занимались ею такъ искусно, что

не было возможности за ними усмотрѣть. Въ обширномъ и отдаленномъ отъ осѣдлаго населенія краѣ, всякій, разумѣется, управляющій, заботится облегчать труды полиціи, самъ, для предупрежденія дурныхъ послѣдствій. Смиренный служитель не годился на исправленіе этихъ дѣлъ, и потому главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь была его дражайшая половина.

Она встрѣтила меня гостепріимно и радушно; выказала, въ первые полчаса нашей дружеской бесѣды, живой и наблюдательный умъ, стойкость, живость и веселость характера. Женщина эта была большая охотница до новостей, всю томскую тайгу́ знала какъ свои пять пальцевъ, и, благодаря ея заботливости, на пріискахъ вина не существовало, кромѣ развѣ однихъ хозяйскихъ амбаровъ; но что́ касается до рабочихъ, они всегда были трезвы, развѣ что иногда подпоятъ ихъ прикащики, за какую-нибудь важную услугу.

— Здѣсь вѣдь народъ, замѣтила, между-прочимъ, жена прикащика — не то, что гдѣ въ деревнѣ: слабенекъ! Вотъ въ Почитанской у меня братецъ живетъ и говоритъ, бывало: «эхъ, сестра, народъ-отъ нынче какой сталъ хилый! Выпьетъ штофъ, ну, много два, глядь — ужь и пьянъ!» Нѣтъ; здѣсь какъ выживетъ онъ мѣсяца два-три не пивши, да все въ трудахъ, такъ его и стаканъ спирта сшибетъ. Эхъ, злы они, чай, на меня: солона́ я имъ стала! точно заноза въ горлѣ сижу!

— Вы вѣрно имъ потачки не даете?

— Какая потачка! я какъ-разъ смекну дѣломъ. Ужь что̀ они тамъ ни придумывай, а винцо я у нихъ непремѣнно открою. Вѣдь рабочій народъ ходитъ все пѣшкомъ, а ухитрится таки запрятать подъ себя покрайности полведерка. У нихъ этакія подѣланы посудины изъ листоваго желѣза, во всю спину надѣваютъ подъ рубаху, а иногда и на грудь навѣшиваютъ, или съ боковъ привяжутъ; вотъ я вижу: мужичонокъ съ лица пресщедушный, а самъ такъ врознь и ползетъ, или ходитъ какъ-то неловко, или забульбулькаетъ у него гдѣ-нибудь — я и хвать его колѣнкой, или кулачиной; а слышу крѣпонько — и раздѣвайся! и подай посуду! Да вотъ и вечо̀ръ еще проходили какіе-то; выложили мнѣ билеты, вижу — билеты вѣрные, да показалось мнѣ странно, что мужикъ скоро очень ходитъ, а у самого брюхо такое купецкое: я его и хвати въ брюхо, а у него тутъ вотъ что́ было припрятано...

И съ этими словами жена прикащика подала мнѣ родъ баклаги изъ двухъ желѣзныхъ кружковъ, вдѣланныхъ въ желѣзный же ободокъ, пальца въ четыре шириною. Одна сторона этого прибора была гладкая, другая выпуклая; у горлышка висѣли два ремешка, и они, какъ поясокъ, завязывались около тальи. Дѣйствительно, если этотъ приборъ скрыть подъ платьемъ, то никому и въ голову не пріидетъ подозрѣвать тутъ контрабанду.

Еслибъ я не боялся оскорбить гостепріимство здѣшнихъ владѣльцовъ, я каждый ихъ пріискъ назвалъ бы даровымъ трактиромъ. Каждому проѣзжему отводятъ комнату, подаютъ завтраки, обѣды, ужины, чай, кофе, вино къ столу, въ-теченіе всего времени, пока нужда, или скряжничество удерживаютъ здѣсь путника. А этихъ путниковъ, не говоря про мимоидущихъ рабочихъ и чорныхъ людей, а упоминая только о тѣхъ, кто считаетъ для себя необходимостью повкуснѣе пообѣдать — и пересчитать нельзя. Сюда относятся коронные

чиновники, сосѣди, хозяева, управляющіе, старшіе приказчики: всѣхъ ихъ не перечтешь, но за-то и сами они стараются отплатить подобнымъ же гостепріимствомъ. Но такъ-какъ по всѣмъ направленіямъ тайги, впрочемъ не одной Томской, но и въ дальнихъ округахъ Сибири, главныя дѣйствующія золотопромывательныя фабрики принадлежатъ господамъ Рязановымъ, Казанцову и Баландину, то имена эти по цѣлой Сибири извѣстны, какъ имена богачей и радушныхъ гостепріимныхъ хозяевъ, круглый годъ окруженныхъ множествомъ наѣзжихъ отвсюду гостей. Неизлишне прибавить, что и громадные расходы на эти очень-предвидѣнныя посѣщенія, принадлежатъ къ категоріи расходовъ «непредвидимыхъ».

Оставивъ на разсвѣтѣ Покровскій-Иріискъ, мы скоро достигли до Кіи. Лѣтомъ здѣсь бываетъ переправа водой; зимой никакой задержки не могло быть. Здѣсь расположены избушки разныхъ золотопромышленниковъ и отсюда расходятся пути въ разныя стороны.

Когда мы, съ громомъ и звономъ, подъѣхали къ этому мѣсту, отвсюду высыпало человѣкъ двадцать народа посмотрѣть на наше шествіе. Это были рабочіе, отправлявшіеся уже въ работу на пріиски и наканунѣ пришедшіе сюда на стоянку. По кислой физіономіи одного изъ нихъ я узналъ, что это былъ именно тотъ, у котораго жена приказчика сдѣлала выемку контробанднаго вина. Но скоро вниманіе мое было отвлечено отъ него на другой предметъ. Хохотъ толпы провожалъ въ дальнюю дорогу высокаго, щедушнаго, съ впалыми глазами человѣка. Онъ былъ одѣтъ такъ, какъ обыкновенно сбираются на лѣтнюю прогулку: ни теплой шапки, ни полушубка, ни валенокъ, ни варежекъ; всей одежды на немъ было рубаха, шальвары, дырявые сапоги и азямъ. Онъ дулъ себѣ въ посинѣлыя руки и очень-спокойно отсмѣивался на сопровождавшій его хохотъ.

Это былъ человѣкъ, имѣвшій понятіе объ удобствахъ петербургской жизни. Давно, лѣтъ десять назадъ, жилъ онъ въ столицѣ, въ мальчикахъ у портнаго мастера; съ юныхъ лѣтъ онъ впалъ въ разгулъ, какъ увѣрялъ меня, и, не достигнии еще совершеннолѣтія, обратился въ горькаго пьяницу и негодяя. Сибирь не вылечила его отъ пьянства и, не дальше какъ за два дня, онъ пропилъ все свое платье въ сосѣдствѣ съ Тамбаромъ, въ селѣ Тюсюлѣ. Онъ отправился въ тайгу въ то самое утро, когда я выѣзжалъ изъ Тамбара; чтобъ согрѣться отъ захватывавшаго дыханіе мороза, онъ такъ быстро бѣжалъ въ прискачку, въ подбитой воздухомъ одеждѣ, что еще вчера вечеромъ явился у кіискихъ избушекъ, между-тѣмъ-какъ я, совершая кратчайшій путь, едва могъ доѣхать только до Покровскаго-Пріиска. Несчастный ознобилъ и отморозилъ себѣ одно ухо, носъ, щеку и пальцы на рукахъ и на ногахъ и увѣряетъ, что это «ничего — пройдетъ!» Другіе рабочіе, знавшіе его хорошо, говорили мнѣ, что это было съ нимъ уже не въ первый разъ и предупреждали, что если я дамъ ему существенную и чувствительную подмогу—портнишка убѣжитъ опять въ Тюсюль и тамъ снова все спуститъ. Благодаря находчивости Кузьмы Семенова, намъ удалось избѣжать двухъ крайностей, въ которыя можно бы впасть, слѣдуя двумъ противоположнымъ побужденіямъ, и нашъ портнишка не бѣжалъ обратно.

Вверхъ по рѣкѣ мѣста чудныя, особенно лѣтомъ; рѣка Кія съ ревомъ бѣжитъ по узкому ложу, обрамленному утесистыми берегами; живописные виды—безпрестанны, что новый поворотъ—то новая кар-

тина, но эта картинность видовъ памятна мнѣ по особенному происшествію.

Былъ у меня прикащикъ, Варѳоломей Васильичъ, старый таёжникъ, лѣтъ тридцати-пяти, избороздившій всѣ золотопромышленые округи во всевозможныхъ направленіяхъ. Дѣло было раннимъ лѣтомъ; жилъ я подъ Алатагой. Разъ мнѣ случилось послать этого прикащика въ маленькую экспедицію; компанейскія лошади всѣ были въ работѣ, я и рѣшился дать ему въ дорогу своего коня. Конь былъ благородной вороной масти и пресмышленое животное: откликался на мой свистъ, и каждое утро, каждый вечеръ являлся для полученія подачки, которою я собственноручно его надѣлялъ. Понимая, вѣрно, что состоя подъ моимъ сѣдломъ, съ своей стороны играетъ важную роль между лошадьми компаніи, онъ никакой лошади не позволялъ равняться съ нимъ на тропкѣ, а тѣмъ болѣе опережать. Тихаго и кроткаго нрава, онъ былъ необыкновенно ко мнѣ внимателенъ и чрезвычайно остороженъ. Однажды, запнувшись за пень, онъ сшибъ меня съ сѣдла и я растянулся на травѣ, не успѣвъ вытащить одной ноги изъ стремени и очутившись подъ своимъ буцефаломъ, который много что черезъ секунду долженъ былъ меня расшибить, потому-что не успѣлъ еще опустить правой передней ноги, которая прямо приходилась противъ моего бока. Но благородный конь все время простоялъ съ приподнятой ногой, пока я не высвободился и не всталъ съ мѣста. Этого-то коня я и отдалъ прикащику на-время. Благородный конь не давался иному сѣдоку и силился сшибить съ себя знакомаго человѣка, котораго онъ привыкъ видѣть далеко позади себя. Но прикащикъ былъ вполнѣ наѣздникъ и горячіе удары нагайки, которыми мой конь былъ засыпанъ, укротили горделивые порывы воронка. Прикащикъ, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, простился и уѣхалъ въ сопровожденіи другаго наѣздника изъ рабочихъ, для охраны себя на всякій случай, и съ доброю пулею въ ружьѣ про медвѣдя.

Варѳоломей Васильичъ не желалъ тратить времени на объѣзды по тропинкамъ; по привычкѣ къ тайгѣ ему было все равно, гдѣ ни ѣхать: для него вездѣ дорога была одинакова; онъ пустился цѣликомъ по лѣсу. Экспедицію свою онъ обязанъ былъ совершить въ тотъ же день; не придавая никакой важности сдѣлать сотню верстъ на одной и той же лошади, до вечерней зари, по валежнику, болотамъ и каменистымъ ущельямъ, онъ пришпорилъ—безъ шпоръ, конечно—лошадь и поѣхалъ крупной рысью. Солнышко было еще высоко, когда, выгадывая сократить какъ-можно-болѣе свой путь, прикащикъ подъѣхалъ къ Кіи. Намѣреваясь тутъ пуститься вплавь, прикащикъ сталъ спускаться, но скоро замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣка слишкомъ-быстра и что усталый конь не вынесетъ стремленья. Онъ стоялъ на крутизнѣ береговыхъ утесовъ, которые громоздились другъ на другѣ и выворачивали сплошныя каменныя массы, принимавшія вдали фантастическое изображеніе причудливыхъ зданій. Прикащикъ слѣзъ съ коня и повелъ его въ поводу по крутизнѣ, въ надеждѣ въ другомъ мѣстѣ найдти для себя удобную переправу. За нимъ слѣдовалъ и конюхъ съ своею лошадью. Скоро ли очень шагалъ прикащикъ и скакалъ по камнямъ, а изморенный конь, съ подтершимися у подковъ шипами, не могъ цѣпляться за гладкія плиты, или отъ другой причины, только конь мой, натянувъ трензель, вырвалъ его изъ рукъ прикащика. Варѳоломей Васильичъ, вмѣсто того, чтобъ не обращать на это вниманія, потому-что лошадь одна никуда не уйдетъ, вздумалъ схватить опять за поводъ; конь не да-

вался, ртачился, присѣлъ на заднія ноги и вытянулъ впередъ морду, не двигаясь съ мѣста; этимъ онъ такъ разсердилъ горячаго прикащика, что тотъ, снова выпустивъ изъ рукъ трензель, схватилъ ногайку и хлестнулъ коня по этой выразительной и весьма-характерной мордѣ. Конь мой не вынесъ такого оскорбительнаго порыва злости, хотѣлъ отпрыгнуть: узкая окраина не представляла тому никакой возможности; въ это время благородный конь наступилъ на поводъ, запутался, поскользнулся о гладкій камень, потерялъ равновѣсіе и стремглавъ полетѣлъ по утесамъ въ рѣку, разбившись головой о плиту. Взятая, про запасъ, пуля пригодилась: прикащикъ прекратилъ ею послѣднія страданія издыхавшаго коня.

Эта жестокость съ животными почему-то напомнила мнѣ другое происшествіе. Петербургскій ломовой извозчикъ безъ милосердія колотилъ толстой дубиной усталую лошадь. Эта сцена оскорбила самыя нѣжныя чувства проходящаго. «Ахъ ты, варваръ, варваръ!» вскричалъ онъ: «за что ты такъ тиранишь бѣдное животное; вѣдь оно тебя поитъ и кормитъ!» Въ порывѣ негодованія онъ вцѣпился въ бороду извозчика. Тутъ неожиданно явился передъ нимъ полицейскій чиновникъ. «Любовь къ животнымъ чувство похвальное» сказалъ онъ: «а за буйство на улицѣ и за побои человѣку, извольте отправиться со мной сейчасъ же!»

Дорога за Кіею насъ совершенно истомила и никогда еще меня такъ часто не выбрасывало изъ экипажа, какъ въ этотъ день. Началось съ въѣзда на небольшой прозрачный голубой ледяной сугробъ, который пересѣкалъ намъ таёжную тропинку. Передовой конюхъ хотѣлъ-было его объѣхать и взялъ въ сторону, но тамъ увидѣлъ онъ новый ледяной холмъ, такъ-что куда ни взгляни—нигдѣ намъ нельзя было миновать холмистой площадки синихъ ледяныхъ бугровъ. Это «наледи». Образованіе ихъ очень-просто. Горные потоки имѣютъ обыкновенно чрезвычайно-крутое паденіе. Въ иныхъ мѣстахъ они текутъ довольно спокойно и тутъ, во время сильныхъ морозовъ, вода въ нихъ вымерзаетъ вся; тамъ же, гдѣ стремленіе гораздо-быстрѣе, рѣчка вымерзаетъ не вся и постоянно прибывающія съ истоковъ струи по-прежнему остаются текучими. Текучая вода, достигая вымерзшаго и запорошеннаго снѣгомъ ложа, напираетъ на столбъ льда, запруживаетъ нѣсколько окрестныя выбоины, подымается выше и проникаетъ покрывающій льдины снѣгъ, который въ то же время прохватывается морозомъ и обращается въ новый слой льдины, иногда съ шероховатой поверхностью, иногда гладкій, какъ зеркало. Слѣдующая затѣмъ новая струя покрываетъ его новымъ слоемъ влаги, которая, въ извѣстномъ пунктѣ, расплывается въ стороны, крѣпнетъ, остываетъ неровно и, прохватываясь морозомъ, образуетъ скаты и возвышенія правильной выпуклой формы. Образовавъ одинъ холмъ, текучая струя прокладываетъ себѣ новую дорожку: тамъ производится новый такой же процессъ, и эта безпрерывная борьба струи съ морозомъ производитъ то обыкновенное въ гористыхъ мѣстахъ явленіе, которое мы называемъ наледями.

Сильныя, здоровыя, хорошо подкованныя лошади силились острыми шипами удержаться на шарообразной, выполированной морозомъ поверхности синеватаго возвышенія; перебираясь съ одной части наледи на другую, онѣ, съ грѣхомъ по-поламъ, встащили, наконецъ, кошеву на то изъ возвышеній, которое было обширнѣе прочихъ; но по-

лозья безъ подрѣзей измѣнили направленію кошевы́ черезъ самый центръ возвышенія : экипажъ взялъ влѣво и, увлекаясь тяжестью помѣщенной въ немъ клади, съ шумомъ и грохотомъ сталъ бокомъ катиться внизъ, ударился съ размаха о выдавшійся пень дерева, перекинулся и отбросилъ насъ далеко всторону, сбивъ въ то же время и лошадей, изъ которыхъ коренную и двухъ среднихъ раскатъ грузнаго экипажа стащилъ съ занятаго ими пункта, а у передней оборвались натянутыя постромки и она, принявъ напряженную позу впередъ, ринулась со всѣхъ ногъ о̀-земь.

Перебираясь пѣшкомъ черезъ глыбы льда, скользя и падая на каждомъ шагу, ватага наша, что́ грѣха таить! представляла преуморительную группу людей, которые съ серьёзнымъ видомъ, съ гнѣвнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ лицъ, хлопотливо подбирали полы разнородныхъ шубъ и осторожно, бочко̀мъ, передвигались по скользкимъ покатостямъ, тщетно стараясь не потерять равновѣсія. Наконецъ дѣло кой-какъ уладилось; мы благополучно миновали огромную на̀ледь, вышли на дорогу, отерли градомъ струившійся по лицу потъ, выступившій вслѣдствіе такой передряги, размѣстились по кошевамъ и двинулись далѣе.

Въ этотъ день на̀леди насъ преслѣдовали и вывели изъ терпѣнья. Наконецъ, переваливъ черезъ одинъ хребетъ, мы въѣхали въ ущелье, занесенное снѣгомъ и оканчивавшееся вдали чорной полосой.

Мы приближались къ этой полосѣ и, наконецъ, увѣрились, что это ничто̀ иное, какъ длинная лѣсина, уравновѣшенная на двухъ коротенькихъ бревнахъ. Казалось, лѣсина положена была здѣсь, въ лѣсу, не безъ намѣренія, но для чего именно—объ этомъ никакъ нельзя было догадаться ; а такъ-какъ она мѣшала проѣзду, то конюхи мои и рѣшились-было свалить ее прочь. Старанія ихъ были, однакожь, безуспѣшны : открылось, что одинъ конецъ лѣсины былъ прикрѣпленъ канатомъ, и если этотъ канатъ снять съ крючка, то противоположный конецъ лѣсины, силою собственной тяжести, станетъ опускаться, междутѣмъ-какъ конецъ съ канатомъ поднимется — и проходъ тогда очищенъ. Однимъ словомъ, устройство этой простой машины, которой употребленія мы не могли никакъ понять, напомнило намъ наши шлагбаумы, которые очень-необходимы въ столицахъ и большихъ городахъ, и которыхъ намъ не удавалось встрѣчать въ сибирскихъ городкахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ, и еще того болѣе въ дремучемъ лѣсу. И что̀ жь вы думаете? мы обрадовались старому знакомому, съ которымъ такъ-долго не видались и припомнили былыя поѣздки на дачи и въ загородныя мѣста.

Подивившись хитрой выдумкѣ золотопромышленика, позволившаго своему прикащику загораживать дорогу на своемъ пріискѣ, мы подняли шлагбаумъ и стали подъ нимъ проѣзжать.

— Эй, ты! ка̀къ ты смѣешь? Стой!! закричалъ намъ голосъ.

Не обративъ на него вниманія, мы продолжали свою дорогу, но не успѣли еще всѣ три кошевы́ переѣхать заповѣдную границу, какъ два молодые парня, бритые, но съ усами, остановили мою кошеву́ и заворотили лошадей.

— Пошелъ назадъ! не смѣй самъ ѣздить!

— Какъ не смѣй ? тутъ дорога.

— Не твое дѣло; твое дѣло — тутъ застава : и жди!

— Да чего жь мнѣ ждать?

— Толкуй еще; вылѣзай! пойдемъ!
— Куда?
— Къ Александру Михайлычу!
— А кто такой Александръ Михайлычъ?
— Чья застава, тотъ и Александръ Михайлычъ. Сходи, да покажись ему, да и скажи кто ты — тогда и пуститъ.
— Я, братъ, вашего Александра Михайлыча знать не хочу: если ты смѣешь еще минуту меня задержать, такъ я тебя посажу къ себѣ въ кошеву, да къ исправнику и представлю.
— Не горячись больно, почтенный: я-те какъ-разъ самого отвезу къ Александру Михайлычу; намъ приказъ данъ: онъ хочетъ знать, кто туто-ка ѣздитъ, всякій и долженъ казать ему рыло.
— Скажи же ты своему прикащику, чтобъ онъ самъ завтра пожаловалъ ко мнѣ на домъ, на рѣку Кундатъ, поглядѣть на мое рыло. Здѣсь земля государственная, а не частная; притомъ же лѣсъ и проѣзжая дорога: запретить проѣздъ мнѣ никто не можетъ.
— Да ты кто такой? что́ больно растолковался?
— Чиновникъ изъ Петербурга.
— Чиновникъ?!.. изъ Петербурга??!.. Ваше высокородіе... извольте проѣхать! Мы, то-есть, только на-счетъ рабочихъ: какі у нихъ пачпорты; а, то-есть, на-счетъ вашего высокородія...

Но я уже давно проѣхалъ мимо, и не слыхалъ послѣднихъ словъ.

Мы проѣхали еще нѣсколько и своротили въ сторону. Скоро передъ нашими глазами открылась обширная долина. Съ одной стороны ея домы и домики лѣпились по горѣ и казались нагроможденными одни надъ другими; вправо блестѣлъ золоченный крестъ, надъ неслыханнымъ въ тайгѣ зданіемъ — церковью, выстроенною усерднымъ приношеніемъ ветерановъ золотопромышлености, открывшихъ, именно въ этомъ мѣстѣ, долго неизсякавшій источникъ земныхъ богатствъ, знаменитый своею розсыпью Кундустуюльскій-Ключъ. Внизу подъ горой тянулась линія избушекъ, выстроенныхъ не по-таёжному, не на живунитку, а прочно и съ необходимыми удобствами; при нѣкоторыхъ домикахъ виднѣлись плетни запорошенныхъ снѣгомъ огородовъ. Смѣсь этихъ зданій скорѣе походила на село, чѣмъ на временное заселеніе; все говорило о привычкахъ осѣдлой жизни и, въ-слѣдствіе этого, о довѣріи къ пріиску, о довѣріи къ его хозяевамъ и о довольствѣ обитателей. Это былъ извѣстный Воскресенскій-Пріискъ на Кундустуюлѣ, тѣхъ же владѣльцовъ, которыхъ я прежде поименовалъ и гдѣ не Александръ-Михайлычъ-съ-шлагбаумомъ былъ владѣтельнымъ лицомъ.

Проѣхать мимо и не явиться, за отсутствіемъ хозяевъ, къ главноуправляющему, было и не въ порядкѣ вещей, и не въ обычаѣ, и противъ всѣхъ правилъ таёжной вѣжливости, тѣмъ-болѣе, какъ въ-послѣдствіи открылось, что съ этого пріиска, по случаю разныхъ недостатковъ нашей компаніи, снабжали насъ всѣми потребностями, отъ хлѣба до гвоздей; но вспоможеніе тѣмъ не ограничивалось: Воскресенскій-Пріискъ ссужалъ нашъ пріискъ даже рабочими людьми, а это тамъ дороже денегъ. О важности подобной ссуды можно судить изъ того, что въ этихъ мѣстахъ, не говоря про тайгу, руки крайне-дороги, а ростовщики ссужаютъ нуждающихся деньгами за невѣроятные проценты. Двадцать-пять копѣекъ на рубль имъ въ мѣсяцъ платятъ, да еще въ поясъ кланяются за человѣколюбіе!

Двое попавшихся мнѣ на встрѣчу рабочихъ взялись проводить меня въ домъ главноуправляющаго. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что многіе изъ нихъ живутъ у здѣшнихъ владѣльцевъ лѣтъ по пятнадцати, съ самаго открытія розсыпи, послѣдовавшаго въ 1831 году, и что они тутъ точно «у Христа за пазухой»; что всѣхъ рабочихъ здѣсь на пріискѣ теперь, зимой, человѣкъ двѣсти; что многіе изъ нихъ живутъ съ женами цѣлымъ хозяйствомъ; что лѣтомъ ихъ бываетъ больше тысячи и прочее.

Въ домѣ управляющаго я нашелъ полонъ домъ народа, точно будто семейный кругъ какого-нибудь помѣщика. Собраніе сидѣло за круглымъ столомъ; жена главноуправляющаго разливала чай; главноуправляющій съ отцомъ Александромъ о чемъ-то разсуждали; хорошенькая дочь священника разсматривала картинки, приложенныя при журналахъ; востроглазая племянница хозяина сидѣла въ уголку съ молодымъ человѣкомъ красивой наружности, простымъ управляющимъ другаго рязановскаго пріиска: это была влюбленная чета, на которую присутствовавшіе обращали довольные взоры; въ сторонѣ у окна сидѣлъ молодой человѣкъ въ двубортномъ сюртукѣ съ форменными пуговицами и разрѣзывалъ только-что полученныя книжки журналовъ, вышедшихъ въ Петербургѣ около двухъ мѣсяцовъ назадъ. Въ немъ узналъ я горнаго-исправника, который съ удивительнымъ терпѣніемъ круглый годъ живетъ въ тайгѣ и посѣщаетъ городъ только въ случаѣ крайней нужды по службѣ. Горный исправникъ, въ существѣ, есть не что иное, какъ отдѣльный засѣдатель Земскаго-Суда, прикомандированный исключительно къ золотымъ пріискамъ, для наблюденій по полицейской части.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были какъ-будто вѣкъ знакомые. Разговоръ переходилъ съ одного предмета на другой; всѣ принимали въ немъ дѣятельное участіе, разспрашивали про Петербургъ, пересказывали по-своему дошедшія до нихъ наши столичныя новости въ преувеличенномъ видѣ, говорили о театрѣ, о Европѣ, и проч.

Обширность знаній пріисковыхъ обитателей меня сначала поразила, но послѣ я не находилъ тутъ ничего необыкновеннаго. Вѣдь тамъ книги, газеты и журналы читаютъ не по-нашему, а какъ именно — объ этомъ можно судить изъ того, что листокъ «Полицейской Газеты» не выпадетъ изъ рукъ чтеца до той поры, пока всѣ объявленія о находкѣ штыка за Кавказомъ, о продажѣ дойной козы на Бугоркахъ, о постройкѣ кенегъ и полушубковъ въ Бобруйскѣ, объ отъисканіи родственниковъ и знакомыхъ утопшему, неизвѣстно гдѣ, тѣлу въ синемъ армякѣ и сапогахъ, о римскомъ подданномъ Михайлѣ Принчипе, или о медали за выставку-Генрихъ-Барцихъ — пока всѣ, говорю, объявленія эти не врѣжутся въ памяти какъ-можно глубже.

Въ разговорахъ время промелькнуло быстро, и хотя мнѣ было близко до своего дома, верстъ восемь, не больше, но за темнотою ночи я принужденъ былъ остаться ночевать здѣсь.

Понѣжившись на мягкихъ пуховикахъ, которыхъ я терпѣть не могу, и проведя ночь, благодаря добродушнымъ заботамъ хозяевъ, очень-дурно, по причинѣ страшнаго тепла и духоты, я былъ и на слѣдующій день задержанъ здѣсь по случаю наступившей масляницы. Ребятишки, молодые парни и дюжія бабы катались съ природныхъ, искусно-укатанныхъ и облитыхъ водою высокихъ горъ, употребляя вмѣсто санокъ рогожи, кульё или куски простой кожи; мужики праздновали масляницу по-своему: пили кирпичный чай, въ большемъ противъ положен-

наго количествѣ, получили по небольшой порціи вина и пѣли на площадкѣ у дома управляющаго пѣсни; иные рѣзвились съ бабами, выдумывали съ ними разныя игры; иные выказывали свою удаль передъ ними, спускаясь съ ледяной горы просто на ногахъ и катясь внизъ съ быстротою оленя: веселились всѣ и недовольныхъ не было.

Насъ ожидалъ роскошный завтракъ, въ которомъ главную роль занимали цѣлыя горы блиновъ, вафель и хлѣбеннаго пирожнаго. Насмотрѣвшись на гулянье рабочихъ, и по необходимости принявъ въ немъ участіе, что наши добрые мужички считаютъ за особенное къ себѣ вниманіе, мы, утомленные прогулкой, возвратились въ комнаты.

— Кажется, вамъ ужь наскучило наше веселье? А вотъ, постойте, я васъ потѣшу одной штучкой: я ее берегу на закусочку, говорилъ Андрей Аѳанасьичъ.

— А какого она рода?

— А вотъ какого. Эй! позвать ко мнѣ Ковыля, Михайлу! сказалъ онъ вошедшему въ комнату прислужнику съ бородой, въ плисовыхъ шальварахъ и двубортной курткѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату рабочій, низенько поклонился Андрею Аѳанасьичу и смиренно сталъ у дверей въ струнку.

Рабочій былъ стройный молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, средняго роста, съ высокимъ открытымъ большимъ лбомъ и съ темно-русыми волосами; продолговатое лицо его было красиво и очень-выразительно; но впалыя щеки, мертвенная блѣдность и томное выраженіе большихъ прекрасныхъ глазъ давали замѣтить, что подъ одеждою мужика, стоявшаго у дверей съ видомъ невозмутимаго хладнокровія, билось сердце, преданное, которое много, слишкомъ-много перенесло на своемъ вѣку горя и рано отжило для ближнихъ; видно еще было, что человѣкъ этотъ еще не весь выстрадался, что въ немъ не очерствѣло еще сердце, чувство не угасло окончательно, а пробивалось въ немъ при каждомъ движеніи мускуловъ лица, давало о себѣ знать въ выразительности влажныхъ голубыхъ глазъ.

— Ну, что-о, Михайло? Что ты скажешь? спросилъ управляющій съ участіемъ.

— Такъ соби пришовъ: звать изволили, Андрій Ахвонасьичъ!

— Ну, здравствуй, Михайло! здорово!

— Здоровеньки булы, Андрій Ахвонасьичъ, съ понедилкомъ, зъ масляной!

— Ну, каково ты встрѣтилъ масляницу?

— Да такъ-соби по маленьку, Андрій Ахвонасьичъ.

— Вотъ, братецъ, я тебѣ стаканчикъ винца приготовилъ.

— Благодаримъ покорнѣйше: къ-чему не выпить, якъ ваша мылость буде.

— Только знаешь что, Михайло? Ты его получишь, когда споешь мнѣ что-нибудь. Вѣдь ты будешь мнѣ пѣть?

— Чому жь и не заспивать, якъ велять!

— Спой же!

Рабочій поклонился, потеръ себѣ лобъ и провелъ рукой по всему лицу, но ухвативъ себя за подбородокъ и простоявъ нѣсколько секундъ въ этомъ положеніи, онъ быстро снова провелъ рукой по лицу, какъ-будто отгоняя отъ себя черныя мысли, крякнулъ и выпрямился. Всѣ присутствовавшіе давно уже хранили молчаніе и съ участіемъ глядѣли на Михайлу. Онъ обвелъ глазами собраніе, съ напряженіемъ нѣсколь-

ко разъ останавливалъ взоръ на молодыхъ дѣвицахъ поочередно, и видимо старался что-то припомнить. Выраженіе лица измѣнялось у него постепенно; покорность и хладнокровіе исчезли, ихъ мѣсто заступило одушевленіе, глаза разгорѣлись, мертвенная блѣдность миновала, и на верхнихъ краяхъ щекъ выступилъ красноватый румянецъ пятнами.

— «Туманъ», что̀ ли, Андрій Ахвонасьичъ?

— Ну, хошь «Туманъ».

— Такъ слухайте же!

Михайло запѣлъ малороссійскую пѣсню; я слышалъ только начальныя слова «Туманъ, туманъ по долинѣ, широкій листъ на калинѣ»; далѣе мнѣ было не до словъ. Сначала меня поразили звуки голоса; сладостная пѣвучесть чистаго, рѣдкаго тенора, свобода управленія имъ, искусство блестящимъ образомъ выказать всю обширность средствъ органа, простота украшеній самодѣльныхъ, немножко-топорныхъ, но чрезвычайно-гармоническихъ, нисколько не ослабляющихъ впечатлѣнія цѣлаго — все это дивило меня потому особенно, что это былъ первый въ жизни моей примѣръ, когда я стоялъ, такъ-сказать, лицомъ къ лицу съ безукрашенной природой; но скоро Михайло заставилъ меня забыть и обширность голоса и все на свѣтѣ. Онъ пѣлъ съ такимъ вдохновеніемъ, на насъ лились такіе потоки любви, моленій, страданія, что всѣ мы сидѣли точно прикованные на мѣстѣ и не смѣли пошевельнуться. Пѣвецъ болѣе-и-болѣе приходилъ въ экстазъ, но вдругъ онъ съ отчаяннымъ воплемъ всплеснулъ руками, поднялъ глаза къ небу, поникнулъ головой на сжатыя руки и залился слезами. Прежде, чѣмъ мы пришли въ себя — онъ убѣжалъ изъ комнаты.

— Эй, стой! куда, Михайло? А водку-то и забылъ, плутъ этакой?! закричалъ-было ему вслѣдъ одинъ изъ пріѣзжихъ, но глубокое молчаніе, котораго остальные слушатели долго не рѣшались нарушить, остановило порывъ его говорливости.

— Скажите, пожалуйста, Андрей Аѳанасьичъ, изъ какихъ у васъ Михайло?

— Не могу вамъ сказать ничего, кромѣ того, что это, какъ и большая часть нашихъ рабочихъ — не здѣшній.

— Но кто онъ былъ прежде?

— Сколько можно замѣтить изъ разговоровъ и наблюденій за его привычками — онъ простой крестьянинъ.

— Зачѣмъ же онъ сюда попалъ?

— Этого мы никакъ не могли отъ него допытаться! Ужь я чего-чего надъ нимъ не дѣлалъ, и жена-то моя ка̀къ его лелѣяла — нѣтъ, ничего на него не дѣйствуетъ. Одинъ отвѣтъ: «Богъ покаралъ!» да и только! А есть у него, стало, какая кручина: чахнетъ! Ужь онъ цѣлый годъ у насъ, я его и съ тяжелой работы снялъ—все таетъ!

— Какая у него чахотка? Онъ и не кашляетъ вовсе!

Прошло много времени и Мишка Ковыль не выходилъ у меня изъ памяти; но совершенно нечаянный, благопріятствующій иногда совершенно-неожиданно, случай далъ мнѣ возможность узнать объ немъ слѣдующія подробности.

Михайло Ковыль женился въ молодости на красивой дѣвчинѣ Параскѣ, по любви. Молодые супруги другъ въ другѣ души не слышали: въ ихъ маленькой семьѣ царствовали миръ и согласіе. Господь благословилъ эту чету прекраснымъ ребенкомъ, который ростетъ и хорошѣетъ на утѣшеніе отца и матери. По пятому году маленькая Мару-

ся была чудной пухленькой дѣвочкой, съ большими карими глазами, украшенными длинными рѣсницами, съ узенькими дугообразными бровями, съ пунцовыми, какъ дозрѣлая вишня, губками и съ румяными, какъ маковъ цвѣтъ, щечками, которыя, какъ пышечки, отдувались, свидѣтельствуя о крѣпкомъ здоровьи и хорошемъ аппетитѣ Марусеньки. Ребенка холили, лелѣяли, баловали..... но часто мать, прижимая къ груди любимую дочку, смотрѣла на нее отуманенными отъ слезъ глазами. «Дитя мое, дорогое, ненаглядное! часто думала она: что тебя ждетъ на семъ мірѣ? Тебѣ готовится несчастье!..»

Дикія, несродныя простой грубой крестьянкѣ мысли тѣснились въ головѣ Параски. Она чаще и чаще задумывалась объ участи дорогаго ребенка, и все болѣе-и-болѣе ее смущали страшныя предчувствія, что ея Марусенька будетъ несчастна, Марусенька забудетъ Бога, предастся грѣху и сдѣлается вѣдьмой.

Однажды, въ отсутствіе мужа, Параска затопила печь, набивъ ее полнёшеньку хворостомъ. Пламя угасало, и толстый слой раскаленнаго жара тлѣлъ на поду, по-временамъ подергиваясь сизою плёнкой, по-временамъ обращаясь въ сѣрую золу.

Параска дико смотрѣла на Марусю, вперивъ въ нее жгучіе взоры; ребенокъ, не понимая ничего, ёжился и пятился назадъ отъ страшнаго выраженія материнскаго лица, покрытаго смертною блѣдностью. Пугаясь все больше-и-больше, Маруся хотѣла уже выбѣжать вонъ, какъ Параска схватила ее на руки, поднесла къ печи и бросила на горящіе уголья. Это было дѣломъ одной минуты. Ребенокъ взвизгнулъ и, сжигаемый пламенемъ, объявшимъ ея платье, карабкался назадъ и рвался выскочить изъ устья. Параска схватила кочергу, отодвинула ребенка въ уголъ печи и нагребла на него угольевъ. Ребенокъ бился, но мать прижала его кочергой и выждала конца: злодѣяніе совершилось—злодѣяніе, по ужасу имъ внушаемому, единственное въ лѣтописи судебныхъ производствъ богобоязливой Россіи; случай почти невѣроятный, еслибъ онъ, къ-несчастію, не былъ слишкомъ истиненъ!

Поставивъ въ уголъ кочергу, Параска собралась съ мыслями и, переполненная ужаса и тяжкихъ страданій, распростерлась въ слезахъ передъ иконою.

Къ-вечеру пришелъ мужъ.

— Гдѣ Маруся? спросилъ онъ, не встрѣченный дочерью, по обыкновенію, на порогѣ избы.

— Нѣтъ нашей Марусеньки, отвѣчала Параска.

— Но гдѣ же, гдѣ она?

Параска отняла отъ печи заслонку и указала пальцомъ на объуглившійся трупъ дочери. — Послѣ она разсказала все какъ было.

Что чувствовалъ, что перенесъ въ эти минуты Ковыль — понятно; но онъ рѣшился молчать. Несмотря, однакожь, на это, дѣло скоро получило извѣстность.

На допросѣ въ судѣ, Параска раскрыла всю истину, разсказала, какъ она погубила дочь, какъ она вѣровала, что черезъ это спасаетъ свое дѣтище отъ горькой и грѣховной жизни, какъ она болѣе года обдумывала это дѣло, понимая, что она рѣшается на дѣло ужасное, неслыханное, какъ, наконецъ, изжарила ребенка въ печкѣ, и какъ послѣ того разсказала все мужу.

Ковыль, по непонятному ослѣпленію необъявившій о поступкѣ жены самъ кому слѣдовало, вѣроятно послѣ опомнился, но, вмѣсто рас-

каянія въ своемъ заблужденіи, теперь, по глупости ли, или изъ пустаго страха, сталъ запираться, что онъ ничего не зналъ и вѣрилъ будто бы словамъ жены, что ребенка взяли къ сосѣдямъ въ другомъ хуторѣ. Запутываясь болѣе и болѣе на допросахъ, онъ принужденъ былъ, наконецъ, открыть все и, страшась теперь уже за себя, бѣжалъ изъ-подъ караула. Бѣгство его было кратковременно: его скоро поймали.

Судъ первой степени, видя изъ допросовъ подсудимой, что она давно замышляла свое дѣло, что она болѣе года обдумывала его, сама сознавая великость совершаемаго ею поступка, рѣшилъ, что Параска виновата въ дѣтоубійствѣ, въ преступленіи совершенномъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ, не въ припадкѣ сумасшествія или совершеннаго безпамятства, а въ здравомъ состояніи, при свободномъ обладаніи всѣми душевными способностями. Въ-слѣдствіе этого рѣшено было совершить надъ нею опредѣленную закономъ казнь.

Но какъ объяснить себѣ этотъ случай варварскаго дѣтоубійства? слѣдуетъ ли здѣсь совершенное дѣяніе вмѣнить Параскѣ въ преступленіе, тогда-какъ тутъ видно явное душевное разстройство, явное противоестественное насилованіе воли, вопреки всѣмъ человѣческимъ ощущеніямъ Параски, какъ женщины и какъ матери? Вотъ вопросъ, который задала себѣ Уголовная-Палата. Вслѣдствіе этого, дѣло приняло оборотъ, совершенно противный рѣшенію суда первой степени.

Въ-отношеніи къ мужу подсудимой, подобнаго разномыслія быть не могло и потому судебныя мѣста, согласно другъ съ другомъ, приговорили ему должное наказаніе.

Дѣло пошло дальше и кончилось тѣмъ, что Параску признали дѣйствовавшею подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго разстройства, составляющаго отдѣльный видъ болѣзней души, несмотря на кажущееся присутствіе воли, омраченной въ этомъ случаѣ совершеннымъ умоизступленіемъ и болѣзненно, насильственно направленной исключительно на одинъ предметъ, вслѣдствіе односторонняго помѣшательства; строгое юридическое вмѣненіе здѣсь было невозможно, а потому судъ, не рѣшаясь оправдать Параску на-чисто, облегчилъ, однакожь, ожидавшую ее участь столько, сколько дозволяетъ и повелѣваетъ это человѣколюбіе нашихъ положительныхъ законовъ.

Благопріятное сверхъ всякаго чаянія судебное рѣшеніе объявили Параскѣ, но ее въ это время ожидало уже другое судилище: сердечныя муки и душевныя терзанія подкосили жизнь молодой женщины — она умерла.

Мишка Ковыль одинъ пришелъ въ Сибирь.

XXVI.

Таежные анекдоты.

Я пріѣхалъ на свой пріискъ; но на немъ, наканунѣ моего пріѣзда, случилось несчастье, съ которымъ, однакожь, рабочіе поздравляли меня, какъ съ счастливымъ событіемъ...

— Слава тебѣ, Господи! говорили они: — сгорѣлъ домишко анаѳемскій! нечего намъ больше бояться!

— Что жь тутъ хорошаго, любезный, что домъ сгорѣлъ? Не новый же строить, а между-тѣмъ жить негдѣ.

— Мы для вашей милости сарайчикъ приготовили: чѣмъ въ немъ не житье? все лучше, чѣмъ было въ этомъ проклятомъ домѣ!

— Да чѣмъ же лучше?

— Да, вишь ты, домъ-отъ стоялъ на обрывѣ, красиво таково, во всѣ стороны видно, да старенекъ больно былъ; того и гляди рухнется. Вотъ и подперли бока-те ему шестами; да куда! какъ, знаешь, вѣтеръ подуетъ — а онъ и заскрыпитъ, того и гляди, что снесетъ его подъ гору.

— Но въ немъ вѣдь жили?

— Какъ не жили? жили! да что толку, что жили. Какъ, бывало, начнется погода, такъ жильцы-то, середь ночи, и повыскочатъ: боятся, чтобъ ихъ не пришибло.

— Какимъ же манеромъ сгорѣлъ домъ?

— А коимъ маниромъ? Сгорѣлъ отъ огня — вотъ и все!

— Да огонь-то отчего?

— Сперва затлѣлось, а тамъ и вспыхнуло: и пошла работа.

— Подожгли его, что ли?

— Зачѣмъ подожгли? никто не поджигалъ.

— Такъ огонь самъ взялся? Домъ самъ загорѣлся?

— Самъ загорѣлся, батюшка; самъ загорѣлся, да такъ и сгорѣлъ.

— А отчего же вонъ эта избёнка цѣлёхонька?

— Это амбаръ! его не топятъ: печей нѣтъ.

— А въ домѣ топили печи?

— Какъ не топить? топили!

— Да хорошо ли вы топили?

— Такъ-то знатно, что небу жарко: въ комнатахъ словно въ банѣ.

— Такъ что жь: труба, что ли, лопнула?

— Не могимъ знать эвтого, батюшка; а въ комнатахъ-то какъ стало тепленько, вотъ мы и полегли. Только ночью и слышимъ, что жарко будто мало-мало: испить и захотѣлось. Я и всталъ, да и слышу, смородомъ будто пахнетъ; я пошелъ къ двери — а дымъ-отъ, дымъ-отъ такъ и повалилъ. Пожаръ, молъ; дай-ко людей разбужу! Насилу растолкалъ — въ теплѣ-то, знаешь, спится крѣпко. Въ переполохѣ насилу повыскакали. А господинъ управляющій почивать изволили въ нижнемъ ярусѣ; онъ, съ шума, тоже проснулся. Спаслись всѣ, слава-те Богу: только и потраты, что свинья, да курица сгорѣли, а лошадки и накинулись-было на пожарище, да мы этого не допустили, и конюшню заперли, а до того она у насъ и не бывала на запорѣ.

Приготовленный для меня сарай, въ которомъ, для свѣта, прорублено было два окошка, показался мнѣ худымъ пристанищемъ. Рабочія избушки были покосившіяся, перегнившія, а частію оставленныя безъ крышъ нищенскія лачужки, недоступныя для обитанія зимою; только очень немногія изъ нихъ были въ сносномъ порядкѣ, но и тѣ надлежало оставить въ пользованіе трудолюбивыхъ мужичковъ, которые, пустившись на хитрости, съумѣли какой-то простой сарай обратить въ обширную затѣйливую залу.

Посереди сарая стояла желѣзная печка, труба которой, на половинѣ высоты жилья, проведена была зигзагомъ въ одну стѣну и поддерживалась повсюду на длинныхъ проволокахъ, прикрѣпленныхъ однимъ концомъ къ потолку. Полъ выстланъ досками, поверхъ которыхъ навалено было ровнымъ слоемъ разное добро, спасенное изъ амбара, сосѣдняго съ горѣвшимъ домомъ. Съ трехъ сторонъ печи стояла узень-

кая скамья, покоемъ; къ одной ея сторонѣ прислоненъ простой столъ изъ грубыхъ сосновыхъ досокъ; къ другой приставлена кровать, на которой лежалъ больной отъ переполоха управляющій; а по третью сторону приготовлена была широкая лавка для меня.

Жить въ этомъ сараѣ было можно съ условіемъ, чтобы огонь былъ въ печи круглый Божій день и не переводился на ночь. Температура сарайнаго воздуха была странная: если сидѣть на скамьѣ у стола—теплынь была невыносимая; если отойдти къ лавкѣ, исправлявшей должность кровати—надо было обвязать шею шарфомъ, надѣть фуражку и поплотнѣе застегнуться; а еслибъ вздумалось подсѣсть къ окну—безъ шубы и медвѣжьихъ сапоговъ нельзя было и подумать объ этомъ, кажется, недальномъ путешествіи. Отовсюду дуло страшно и нашъ сарай былъ выстроенъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ здѣсь въ Петербургѣ строятся временные заборы около вновь-возводимыхъ зданій.

Лѣтомъ томская тайга вовсе не представляетъ тѣхъ неудобствъ, которыя очень обыкновенны въ другихъ золотопромышленыхъ округахъ. Дороги здѣсь превосходныя и служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что значитъ время. Легко согласиться, что мало найдется охотниковъ проводить или обдѣлывать дороги не въ собственномъ своемъ лѣсу, и тотъ, кто знакомъ съ дремучимъ лѣсомъ, пойметъ, что подрубить высунувшійся посреди дороги пень, срубить подгнившее и грозящее ушибомъ прохожему дерево, прибрать къ сторонкѣ валежникъ, накидать сучьевъ на топкое мѣсто, накинуть мостокъ на трясину, что эти по-видимому мелочи—огромныя заслуги для человѣчества. Оно что? кажется, и ничего бы не значило для человѣка съ силой отбросить бревешко, которое можетъ пришибить другаго? анъ нѣтъ! бываютъ такія натуры, что для нихъ помощь—«не наше дѣло!» Конечно, правила инаго человѣка нашего времени «было бы мнѣ хорошо» и «послѣ насъ не будетъ насъ»—правила, нечего сказать, мудрыя, не вводящія его ни въ какія опасныя столкновенія интересовъ и вмѣшательство въ чужія обстоятельства, но на этотъ счетъ распорядителямъ томской тайги нельзя не сказать спасибо: рѣшительно почти нигдѣ нѣтъ опасности сломить себѣ шею! а вѣдь тамъ, на этотъ счетъ, нельзя еще думать о проѣзжихъ дорогахъ въ огромномъ, страшно-огромномъ лѣсу. Мало этого; я самъ видѣлъ тамъ молодыхъ купчиковъ, которые ѣздятъ въ этой тайгѣ въ колесныхъ экипажахъ: посадивъ своихъ рабочихъ кучеромъ и вершниками и окруживъ себя, на манеръ старинныхъ баръ, ѣздовыми — они считаютъ себя вправѣ пролетѣть разгульной рысью и во весь опоръ верстъ шестьдесятъ и больше, не перемѣняя ни лошадей, ни верховыхъ наѣздниковъ—на то они и прикащики или хозяйскія дѣти! Какая, вы думаете, у нихъ въ это время задушевная мысль? Жалѣютъ рабочихъ, которые трясутся за ними верхомъ? Нѣтъ не эта, а вотъ какая: «иной встрѣтится—подумаетъ, что я— чиновникъ ѣду!»

Лѣтняя жизнь на пріискѣ не можетъ наскучить: трудовъ много, моціону бездна, аппетитъ такой же, каковъ былъ у древнихъ героевъ Гомера. Утромъ встанешь почти-что съ солнышкомъ—перекличка рабочихъ; черезъ часъ идешь осматривать работы и хлопотать по хозяйству, потомъ присутствуешь на «смывкѣ» или на окончательномъ отдѣленіи чистаго золота отъ разной дряни, его сопровождающей; около полудня, иногда раньше, даже часовъ въ десять утра — обѣдъ; послѣ обѣда тѣ же занятія до вечерней смывки. Кто помоложе, тотъ въ это

время ужинаетъ, а кто постарше — пьетъ чай. Вечеромъ вѣсишь золото, предварительно отдѣливъ отъ него, магнитомъ, разную оставшуюся при немъ желѣзистую мелочь, запишешь золото въ казенную книгу, отдашь приказы на завтра и свободенъ. Времени свободнаго много еще остается, и его посвящаютъ кто картамъ, кто чтенію журналовъ или газетъ, получаемыхъ разомъ за недѣлю, иногда за двѣ. Иногда эта правильность распредѣленія времени надоѣстъ, осѣдлаешь коня, возьмешь казака или конюха и куда-нибудь ѣдешь или къ сосѣдямъ, или за сосѣдями.

Однажды собрались мы у одного не старыхъ лѣтъ человѣка; въ карты играть было нельзя: недоставало четвертаго, а въ троемъ не хотѣли; прочія занятія такого же рода тоже не шли въ голову; въ винѣ оказался недостатокъ, потому-что новаго не привезли изъ города а, старое все вышло; пѣсенники дурно поютъ, нельзя слушать; въ цѣль стрѣлять—ребячество; идти на охоту—невидаль! пожалуй еще на медвѣдя наскочишь! заняться чтеніемъ — «стыдно, будто времени не будетъ». Насъ было человѣкъ шесть-семь разнаго сброда и съ разными привычками жизни; наконецъ, послѣ разныхъ рѣшеній вопроса, чѣмъ бы заняться? сошлись на одномъ—заняться чаемъ и «болтки болтать», то-есть, бесѣдовать, переливая изъ пустаго въ порожнее. Весело мы разговаривали. Одинъ анекдотъ быстро смѣнялся другимъ анекдотомъ или происшествіемъ, случившимся съ кѣмъ-либо изъ собесѣдниковъ.

— И полно вамъ, Иванъ Ильичъ! ну, что̀ еще за бѣда; а вотъ бѣда со мной разъ была, такъ бѣда! возразилъ разскащику одинъ изъ гостей, еще невходившій въ разговоры. «Разъ, вотъ видите ли, что̀ со мной приключилось. Послали меня съ пріиска съ золотомъ, чтобъ въ Барнаулъ свезти сплавить. Я и поѣхалъ; въ провожатые, какъ водится, дали мнѣ конюха. Въ это же время должны были и съ другихъ пріисковъ отправиться, тоже съ золотомъ, прикащики; мы про это знали и заранѣе сговорились выѣхать въ такой-то день. Дорога намъ лежала всѣмъ одна черезъ одну Безъимянку, а на Безъимянкѣ-то этой мостокъ былъ; вотъ у насъ и улажено было къ полудню того дня всѣмъ съ разныхъ сторонъ къ мосточку собраться и обождать другъ друга, чтобъ потомъ всѣмъ вмѣстѣ ѣхать двое сутокъ тайгой—оно веселѣе. Отъѣхали мы отъ пріиска таки порядочно, больше половины дороги, до мостика-то; конюхъ и сталъ приставать ко мнѣ—позволь ему воротиться, занездоровилось, видишь, ему. Лжетъ, молъ, мужикъ: надуваетъ! Ѣдемъ мы дальше, конюхъ опять пристаетъ—я опять не вѣрю; конюхъ слѣзъ съ лошади; пошелъ пѣшкомъ, да какъ-вдругъ застонетъ: я и пріостановился; гляжу—на моемъ парнѣ лица нѣтъ: та̀къ его и коробитъ. Это онъ, при отъѣздѣ, на прощаньи съ своими, объѣлся чего-то не въ мѣру, такъ его теперь и корчитъ. Что̀ мнѣ дѣлать? Пріисковъ по близности нѣту, воротиться съ больнымъ на пріискъ—дѣло спѣшное мѣшаетъ, дальше съ собой вести—человѣка жаль: пришлось его середь лѣсу бросить. Я разсчитывалъ такъ: конюха, вѣрно, растрясло верьхомъ, часа два-три ему бы отдохнуть и пройдетъ все; запасу у него было съ собой дня на три, человѣкъ не пропадетъ, добредетъ завтра до дому; тамъ и долечится: та̀къ оно и вышло. Я себѣ отправился впередъ одинъ, перекинувъ мѣшки съ золотомъ къ себѣ на сѣдло. Ѣду я путемъ-дорогою, такъ-себѣ, гдѣ рысцой, а гдѣ въ прискачь, колоколецъ дребезжитъ у лошади подъ шеей, а я покрикиваю, да реву пѣсни. До мостика осталось мнѣ маленько. Вдругъ лошадушка моя запряла ушами, потомъ

заложила ихъ назадъ, затряслась всѣмъ туловищемъ и стала, какъ вкопанная. «Что̀ за грѣхъ такой, думаю: не медвѣдь ли, взаправду?» Глядь—анъ онъ какъ тутъ! Близехонько въ сторонѣ поднялся на дыбы, вышелъ на тропку, да ко мнѣ и подходитъ: ну, что бы ему маленечко подождать, да дать бы мнѣ проѣхать? Я сижу на конѣ ни живъ, ни мертвъ, и гляжу, что̀ будетъ; а при мнѣ, кромѣ добраго ножа, ни ружьишка. Но медвѣдь былъ такой матёрый, что̀ тутъ съ ножомъ сдѣлаешь? а у меня и руки трясутся и со страху не опомнюсь. Медвѣдь стоитъ. Простояли мы этакъ, молча, съ добрую минуту, я и направь коня влѣво; конь ступилъ шагъ, а медвѣдь на шагъ къ намъ еще ближе сталъ и опять ни съ мѣста; поправѣе осталось пошире мѣста; я коня туда—и медвѣдь туда, и еще на шагъ ближе. Вижу, пришелъ мой послѣдній конецъ; я, какъ дуракъ-дуракомъ, бросился съ сѣдла на земь, стащилъ съ головы шапку и ну́ ему въ поясъ, да въ поясъ! Батюшка, Михайло Иванычъ, не сгуби душеньки: дай дорогу! я съ хозяйскимъ золотомъ! пропадетъ—не ты въ отвѣтѣ будешь. Что̀ жь вы думаете, Топтыгинъ? Дай Богъ ему здоровье: ревнулъ, да и пошелъ прочь.»

— Нѣтъ, а вотъ я вамъ разскажу, какую однажды Топтыгинъ съигралъ штуку съ Игнатьемъ Петровичемъ, вотъ, что̀ на Безъимянкѣ, въ вершинахъ Удерея, пріиска̀ богатые, говорилъ сосѣдъ этого разсказщика.—Поѣхалъ разъ онъ въ гости на Пескинъ, къ Николаю Ѳедорычу. Съ нимъ конюхъ. Ужь и близко къ пріиску подъѣхали. Только вдругъ откуда ни возьмись медвѣдь. Лошади спужались. Игнатья-то Петровича конь и сшиби сѣдока, а сама и тягу! Другая лошадь тоже понесла, вмѣстѣ съ конюхомъ—и остался одинъ Игнатій Петровичъ передъ медвѣдемъ. Вскочилъ онъ на ноги, а у самого только нагайка въ рукѣ осталась. Онъ и спрячься за дерево, что̀ потолще въ обхватѣ. Медвѣдь за нимъ и сталъ противъ. Вотъ онъ постоялъ, постоялъ передъ бѣднякомъ, да и лапой его, лапой!.. ухватить его хочетъ. А Игнатій Петровичъ его нагайкой, да нагайкой, по лапѣ-то. Мишукъ вытянулъ другую лапу; да съ другой стороны ствола цапать его хочетъ, а тотъ опять его по лапѣ нагайкой. Медвѣдь опять лапой, а тотъ опять нагайкой: ходятъ-себѣ кругомъ дерева, да и полно! Надоѣло ли медвѣдю, или онъ смекнулъ дѣломъ—онъ и затѣялъ прижать бѣднягу. Схватилъ палое бревно, да, вѣрно, и думаетъ: положу ему на земь подъ ноги — тогда не уйдетъ. И поло̀жилъ. Да, глупый, та́къ положилъ, что Игнатью Петровичу и горюшка мало, опять онъ свободно около дерева ходитъ. Наконецъ медвѣдь взялся за умъ, бревно и припёръ къ самому дереву, набралъ валёжнику, да и съ другой стороны его накинулъ; а чаща страшная—тому и некуда больше. Медвѣдю стоило только перелѣзть, а ему это не въ догадъ: онъ, приперши пріятеля, и давай его засыпать, да забрасывать разною дрянью. Совсѣмъ-было тому бѣда пришла; онъ медвѣдя съ глазъ не спущаетъ и зорко-таково̀ прямо ему въ глаза смотритъ; а медвѣдь то и дѣло башкой ворочаетъ: нѐ любо, вишь, ему когда глядятъ зорко. На счастье, послышались голоса, крикъ сталъ ближе, да ближе — это конюхъ далъ ужь знать, да съ народомъ идетъ на подмогу. Медвѣдь прослышалъ—и убѣжалъ: только его и видѣли! А Игнатій Петровичъ, даромъ-что молодчина, какъ смерть блѣдный, еле-еле, и то шатаясь, дошелъ до пріиска къ Николаю Ѳедорычу.

— Ужь коли пошло дѣло на медвѣдя, сказалъ пятый изъ присут-

ствующихъ:—такъ я сейчасъ вспомнилъ про одинъ случай съ Философомъ Александрычемъ. Жилъ онъ на своемъ пріискѣ, на Тахтагайктѣ, въ хорошенькомъ домикѣ; супротивъ домика выстроена была кухонька, а тамъ въ сторонкѣ, промежъ нихъ, стояла прикащицкая изба. Въ кухнѣ была кухарка, премастерица стряпать, что̀ твой поваръ! За кухаркой ухаживали добрые молодцы, а она, на нихъ не глядя, повадилась въ одну избушку ходить, къ рабочему Максиму: парень такой былъ красивый, первый весельчакъ передъ костромъ, и первый батракъ на работѣ. Она Максимкѣ гостинцы разные, съ хозяйской кухни, нашивала. Прикащики на нее озлились и давай надсматривать, чтобъ она хозяйскаго добра не тратила: сами у него воровали на сотни, да на тысячи, а тутъ приглядывали за объѣдками, что̀ и гроша не стоютъ. Наступили темные вечера. Только, государи мои, и прошелъ слухъ, что̀ медвѣдь близко и по ночамъ шутки такія творитъ, что чудо. Какъ послѣ ужина станутъ у хозяина собирать со стола, а стряпка понесетъ лучшее блюдо прятать на мѣсто, у чулана близъ кухни, и нападетъ на нее медвѣдь—лучшее блюдо и выхватитъ, и слѣдъ простылъ! Нѣсколько вечеровъ сряду продолжалась такая исторія, бѣдняжка кухарка плакала отъ страха, а смѣнить ее никто не хотѣлъ—медвѣдя боялись! Наконецъ Философу Александрычу доложили, что, де-скать, та̀къ-и-та̀къ. Хозяинъ разспросилъ, когда и ка̀къ это случается и только-что послѣ ужина, стряпка съ кушаньемъ вышла, Философъ Александрычъ схватилъ ружье, заряженное пулей—и за двери. Стрѣлокъ онъ былъ, правда, плохой, да все, думаетъ, дай потѣшусь. Вотъ и видитъ онъ: идетъ такая фигура вдали, чернѣется, точно пень какой по-маленьку ступаетъ. Онъ прицѣлился, бацъ! Эхма, промахъ. Ушелъ медвѣдь, и съ-тѣхъ-поръ больше не хаживалъ.

— Экіе, братъ, ты пустяки разсказываешь! замѣтилъ Власъ Антонычъ:—а я-то уши развѣсилъ, будто и дѣло! Ну, кто на своемъ вѣку не дѣлалъ промаховъ?

— Та̀къ-оно, та̀къ; точно та̀къ, Власъ Антонычъ, возразилъ гость, разсказывавшій эту исторію: — да никто, я чай, на своемъ вѣку та̀къ не порадовался бы этому промаху кстати.

— А что̀ такое?

— Да ка̀къ что̀? Вѣдь медвѣдемъ-то наряженъ былъ Максимка; кухарка-актёрка все знала: она сама Максимку надоумила кушанье у ней вырывать. Ужь послѣ прикащики правду какъ узнали, что Максимка выворачивалъ шубу да разныя штуки выдѣлывалъ, чтобъ въ темнотѣ показаться медвѣдемъ, ужь они смѣялись-смѣялись, перестали и за стряпкой присматривать.

— Ну, а что̀жь Философъ Александрычъ, тоже смѣялся?

— Что̀ вы? ему и не сказывали! Такая добрѣющая душа: онъ занемогъ бы, когда бъ узналъ, что чуть не подстрѣлилъ человѣка и не сдѣлался убійцей. Онъ и о-сю-пору этого не знаетъ.

Въ это время одинъ гость откашлялся и завелъ рѣчь:

— Вы сейчасъ изволили, почтеннѣйшій, назвать рѣчку Тахтагайкту и давича Власъ Антонычъ изволили упоминать про одного питерскаго господина. Такъ позвольте вамъ, къ слову, разсказать то же преказусное происшествіе и тоже съ питерскимъ однимъ господиномъ, близёхонько отъ Тахтагайкты. Изволите видѣть. На Шаулконѣ есть пріискъ Степана Егорыча, а въ Шаулконъ текутъ многія рѣчушки, и

всѣ ихъ называютъ Безъимянками. По одной изъ этихъ Безъимянокъ, не доходя до пріиска Степана Егорыча, сдѣлана была однимъ хозяиномъ—фамилью позабылъ— заявка пріиска, какъ водится обыкновенно, на фуфу; то-есть дастъ Богъ золота — ладно, нѣтъ—не важность. И накопилось у него нѣсколько такихъ неразвѣданныхъ пріисковъ. Онъ собралъ о нихъ всѣ бумаги и поѣхалъ, какъ, можетъ-быть, сами изволите догадаться, въ Петербургъ. Пріискъ-то этотъ онъ и продалъ за нѣсколько тысячъ одной компаніи. Компанія послала сюда управляющаго; управляющему слѣдовало принять отводъ этого пріиска. Между этимъ временемъ открылось какъ-то, что проданный пріискъ очень-богатъ; пріискъ этотъ, когда онъ переходилъ въ чужія руки, бродившіе по тайгѣ люди хозяина—позабылъ фамилью, немножко пощупали, пошурфовали и когда хозяинъ изъ Петербурга возвратился, разсказали ему про свои изслѣдованія. Хозяину жаль пріиска стало такъ, что хоть въ слёзы. Въ то время, когда вновь пріѣхавшій управляющій поѣхалъ отъискивать купленный пріискъ, гдѣ-то на Шаулконѣ, прежній хозяинъ такъ искусно велъ дѣла, что окружилъ пріѣзжаго со всѣхъ сторонъ приверженными къ себѣ людьми: то-есть, осыпалъ деньгами и напоилъ виномъ прикащика, двухъ конюховъ, четырехъ работниковъ, которые находились при петербургскомъ пріѣзжемъ, и задобрилъ въ свою пользу тѣхъ людей, которыхъ петербургскій пріѣзжій неминуемо долженъ былъ встрѣтить на Шаулконѣ. Пріѣзжій управляющій явился на Шаулконъ, взялъ въ руки заявку и сталъ по ней искать купленный пріискъ. Заявка была такъ написана, что къ какой Безъимянкѣ ни подойди, никакъ не узнаешь, про которую именно сказано въ бумагѣ? Продавецъ, чтобъ вѣрнѣе дойдти до своей цѣли, то-есть сбить съ толка покупщиковъ, на той Безъимянкѣ, которая была пройдя пріискъ Степана Егорыча, и которая никѣмъ не была заявлена, вытесалъ столбъ, какой надо по обычаю, и загрязнилъ его разнымъ мараньемъ, такъ-что разобрать ничего нельзя и выкопалъ въ разныхъ мѣстахъ ямки, про которыя въ заявкѣ упоминалось. Но такъ-какъ старый годовалый шурфъ сейчасъ можно отличить отъ свѣжаго, то желая всему придать видъ древности, онъ свѣжіе-то шурфы обложилъ мхомъ, дряблыми и вывѣтрившимися камешками, обсыпалъ добытыми на сторонѣ прошлогодними откидными песками, для-того, чтобъ наружность не внушала никакого подозрѣнія. Всѣ эти предварительныя приготовленія сдѣланы были на-спѣхъ, потому-что петербургскій пріѣзжій торопился. Закупленные и задаренные люди, вмѣсто-того, чтобъ привести пріѣзжаго на одну Безъимянку, не доходя до пріиска Степана Егорыча, гдѣ было золото, привели его на другую Безъимянку, пройдя пріискъ Степана Егорыча, гдѣ золото было искано, перепскано, но не отъискано. Пріѣзжій обрадовался: видитъ—мѣстность схожая съ заявкой, и Безъимянка есть, есть и гора по одному берегу, и сосна есть, и береза, и ямокъ фальшивыхъ столько же счетомъ, сколько счетомъ шурфовъ; онъ совершилъ всѣ необходимыя церемоніи и принялъ пріискъ. А ужъ тамъ хозяинъ — не помню фамильи — сдѣлалъ свое дѣло. Только когда прошла десятилѣтняя давность, тогда только петербургскій пріѣзжій узналъ настоящую истину.

— Много слыхивали мы о разныхъ, примѣрно сказать, комедіяхъ, въ старые годы по золотымъ компаніямъ, а этакой отличной штуки, право-слово, не приводилось еще слышать. Экой же этотъ питерскій пріѣзжій былъ пентюхъ: чего жь онъ смотрѣлъ? самъ виноватъ, кру-

гомъ виноватъ самъ! говорилъ, качая головой, послѣдній гость, за которымъ была очередь то же что-нибудь разсказать.

— Ну, это то̀ же, что «свою вину на Ивана сверну!»... да чего вы хотите отъ этихъ людей? возразилъ хозяинъ. — Они нашего дѣла не знаютъ, къ пріемамъ всѣмъ имъ еще долго пріучаться; ну, и жизнь-то здѣшняя имъ вовсе непривычна!

— Правда; пріѣзжему изъ Питера никогда не вынесть того, что̀ вынесетъ нашъ братъ, простой прикащикъ-бородачъ, коли мало-мальски обживешься въ тайгѣ и съ измалѣтства узнаешь, что̀ голодъ, что̀ холодъ. Наши, на-примѣръ, качали только головой, да дивились отвагѣ Егорова, хоть и считали ее вещью возможною, ну, а вотъ питерскіе-то господа и вѣрить егоровской штукѣ не хотѣли, та̀къ она казалась имъ несбыточна.

— Какая же это егоровская штука?

— Будто вы не знаете?

— Не помню что-то, можетъ и не знаю.

— Что̀ вы, что̀ вы: да про этое дѣло вся Сибирь знаетъ. Видите, ка̀къ это было. У Гаврилы Ѳедоровича, была партія въ розъискахъ въ Енисейскомъ-Округѣ, подъ начальствомъ Егорова. Вотъ къ осени и вышла она изъ тайги, въ Мотыгино-ли, въ Рыбное-ль, теперь не помню, а тамъ еще до нихъ начались праздники, по случаю окончанія работъ... Есть пословица: «коли знатьё, что у кума питьё—наберется народа!»— наши выходцы присусѣдились къ прочимъ и пошла потѣха—закутили порядкомъ. Только вотъ, государи мои, вдругъ настали морозы и по Ангарѣ пошла шуга. Что̀ тутъ дѣлать? Наймуютъ суда—перевозчики отказываются, нельзя плыть: затретъ шугой лодки—и пропали! Ждать пока рѣка станетъ и думать нельзя; дѣло спѣшное, надо быть на той сторонѣ! ну, а не безъизвѣстно вамъ, что Ангара въ эвтемъ, то-есть, мѣстѣ широка: съ островами двѣ версты выйдутъ вѣрныхъ. Прикащикъ выкатилъ боченокъ вина: «пейте, ребята!» Ребята накатились; онъ и сталъ имъ держать слово. «Ребята!» говоритъ: «тутъ намъ плохо! Заживемся — будемъ безъ вина и безъ хлѣба. Въ Кулаковой, ребята, хлѣба и всего вдоволь, тамъ наша и кантора, тамъ у насъ и деньги. Али мы трусы какіе, ребята, что воды побоимся? Кони здоровые: вынесутъ на берегъ. Ну, ребята, покажи удаль молодецкую. Кто хочетъ — за мной, ребята, въ Кулакову!.. Ну, чего стойте, братцы? Смѣлымъ Богъ владѣетъ! Крестись, ребята, да въ воду! За мной!.. ура!» Бѣдовый парень Егоровъ гаркнулъ молодецкимъ говоромъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, хлестнулъ ногайкой коня по крутымъ бокамъ, конь взметнулся — и съ ѣздокомъ бултыхъ въ рѣку. За нимъ кинулась вся ватага. Съ визгомъ и гикомъ понеслись они противъ быстрыхъ струй, волны шумныя разсѣкаючи, пѣсни буйныя распѣваючи. Студеной водой какъ ихъ обдало, да морозомъ-то ка̀къ въ дрожь кинуло—молодецкій хмѣль въ нихъ и вышибло. И увидѣли наши молодцы, разудалыя все головушки, что неладное дѣло вздумали. Не честно было имъ ворочаться, отплывши вдаль отъ берега... а между-тѣмъ ихъ, голубчиковъ, нашей матушкой, быстрой рѣченькой, относило внизъ и все вдаль, да вдаль, припираючи льдиной толстою...

— Ахъ, Боже, Твоя воля! Да не-уже-ли такъ-таки вотъ ихъ всѣхъ и затерло льдомъ?

— Для чего затерло? Не затерло... Эх-ма, злодѣй только попусту перебилъ меня... вотъ я теперь и не могу разсказать складно. Да она,

того, и вся недолга. Добрались парни до острова, вышли, повздохнули, да снова пустились... но каковы же кони у нихъ были сильные? выплыли-таки на берегъ и вынесли на себѣ молодцовъ здраво и невредимо. А? шутка ли это въ двѣ версты рѣку переплыть, да еще при шугѣ?

— Да чегожь тутъ дивиться нашимъ русскимъ ребятамъ? Какъ война съ Французомъ была, наши солдатушки цѣлыми батальйонами, пѣшіе, съ тяжелыми ранцами, съ тяжелымъ ружьемъ, безъ коней, и не въ бродъ, а иногда вплавь, рѣки переплывали, подъ непріятельскими выстрѣлами, да и то не хвастались!

— Такъ оно, батюшка, такъ, да вѣдь то война была, дрались за родную землю — это одно, а другое дѣло и народъ-отъ ныньче больно слабенекъ сталъ... ну, а все-таки рѣку въ двѣ версты переплыть — оно, знаете, того!!...

XVII.

Барнаулъ.

Я жилъ на пріискѣ, посереди котораго весной струился тощій ручеекъ, текущій, за гранью нашего межеваго столба, въ рѣчку Больше-Никольскую; Больше-Никольская впадаетъ въ рѣку Кундатъ, а Кундатъ, извилистымъ своимъ теченіемъ, приходился у меня какъ-разъ подъ бокомъ: насъ раздѣляла только одна гора.

Пріискъ, на которомъ я жилъ, былъ уже, больше половины, выработанъ: то-есть почва, въ нижней части долины моего ключика, была совершенно обнажена до почвеннаго камня; земля, покрывавшая мѣстность, снята и свезена въ сторону; золотосодержащіе пески давно промыты и обмѣнены на наличныя деньги и, такимъ-образомъ, въ этомъ мѣстѣ образовались, такъ-сказать, двѣ улицы, одна въ другой: между горъ—долина, посереди долины—корридоръ вынутыхъ уже песковъ.

Но, можетъ-быть, я не ясно выражаюсь для нѣкоторыхъ читателей, незнакомыхъ съ дѣломъ? Можетъ-быть они захотятъ понять нагляднѣе мои слова? Для этого я, мысленно, поведу ихъ въ нашъ Пассажъ.

Пусть представитъ себѣ читатель, что галерея Пассажа, начиная отъ Невскаго-Проспекта, идетъ все въ-гору, и что именно верхняя галерея представляетъ земную поверхность, покрытую лѣсомъ. Когда пріискъ еще не начинали разработывать—обѣ стороны верхней галереи сходились вмѣстѣ и составляли сплошную землю. По-мѣрѣ-того, какъ пріискъ разработывали и вынимали изъ него сперва пустую землю, а потомъ «пески» съ золотомъ, постепенно открывался и нижній ярусъ Пассажа; наконецъ пріискъ нашъ принялъ такой видъ, что окна и двери этого нижняго яруса представляютъ пустые, безъ золота, пески, оставшіеся невынутыми; полъ нижняго яруса — сплошную горнокаменную породу, поверхъ которой, можетъ-быть въ доисторическія времена, во время естественныхъ переворотовъ, образовалась розсыпь; верхняя галерея, какъ я уже выше сказалъ, замѣнитъ намъ землю, со всѣми ея произрастеніями, а окна и двери этой верхней галереи — возвышенности, окоймляющія долину. Протягиваясь вдаль, верхняя галерея сошлась бы гдѣ-нибудь съ линіей протяженія вершины зданія Пассажа — и это было бы вершиной нашего пріиска; узенькая тропинка, на подставахъ

посереди Пассажа, представляла бы намъ ключикъ, текущій по водопроводу; панель Невскаго-Проспекта—играла бы тутъ роль рѣчки Больше-Никольской, а Михайловская-Улица можетъ, въ воображеніи читателя, занять мѣсто рѣки Кундата. Что касается до подземной галереи Пассажа, то, при нашемъ сравненіи, мы не можемъ найдти ей приличнаго назначенія: а потому предположимъ лучше, что этой галереи нѣтъ и что все это пространство, отъ пола нижней галереи внизъ, вглубь, составляетъ неизвѣданную сплошную массу камня и скорлупу земнаго ядра.

Избушка, мною обитаемая, стояла почти на самой вершинѣ высокаго мыса, образуемаго впаденіемъ ключика въ рѣчку. По одну сторону предо мной открывался видъ на свою долину, которая, сильно покатою наклоненною плоскостью, въ окончаніи своемъ представляла какъ-будто пропасть подъ моими ногами. По другую сторону дома, передъ глазами—угрюмые бока и чернѣющіеся лѣса Больше-Никольской-Долины, пересѣкаемой горными хребтами, оттѣнивавшими промежуточныя пространства бо̀льшею или мѐньшею степенью яркости зелени на деревьяхъ. Бывало какой-нибудь шаловливый прикащикъ выстрѣлитъ въ тишинѣ ночи, изъ дѣдовскаго мушкета въ эту сторону, такъ такой трескъ и грохотъ пойдетъ по горамъ, будто громы разсыпались, такъ и застонетъ окрестность; и перекаты, отражаясь съ одного упора на другой, слышатся долгое время. Мнѣ стоило пройдтись нѣсколько шаговъ пѣшкомъ въ третью сторону и перевалить хребетъ (перейти крыши домовъ по направленію къ Михайловской-Улицѣ)—и передо мной новыя, далекія горы и новая панорама видовъ, а подъ ногами — быстрый Кундатъ, съ стремленіемъ катящій свои чистыя воды между высокими и каменистыми берегами. Наконецъ, съ четвертой стороны высилась, близёхонько отъ меня, трех-отрогая, и отсюда кажущаяся громадною, Алатага, съ фантастическими зàмкомъ и подобіемъ цитадели на самой вершинѣ, гдѣ почти до половины іюня зимній снѣгъ не успѣлъ еще весь растаять.

Съ пріиска всюду виды были превосходные, богатѣйшіе!..

Но за-то какіе нищенскіе виды были на пріискѣ! Боже, ты мой!..

Ужь мы оставимъ въ сторонѣ его наружный видъ; Богъ съ нимъ! что̀ ужь тутъ за наружность и до красоты ли тутъ внѣшней, когда думается о красотѣ внутренней, и о той силѣ существенной, которая одна придаетъ значеніе цѣлому. Ка̀къ ни будь, хоть на-примѣръ пріискъ, гадокъ по наружному виду, по наружнымъ пріемамъ и по наружнымъ обстановкамъ, а какъ въ немъ запрятанъ мильйончикъ другой чистымъ золотцомъ—повѣрьте, лучше всякаго красавца покажется... А пріискъ, на которомъ я жилъ, по изслѣдованію, оказался очень не богатъ золотомъ. Все, что̀ было получше, изъ него давно уже было выбрано, на покрытіе прежнихъ издержекъ.

Но вотъ еще новая бѣда: въ пріискѣ и открылось золото, не обильное, но все же золото; но золотосодержащихъ песковъ нѐчѣмъ было обработывать: огненная плавка запрещена закономъ, амальгамація была неумѣстна, простая промывка и того менѣе возможна: мыть было нѐчѣмъ!

— Ка̀къ-такъ это случилось? спроситъ можетъ-быть кто изъ любопытныхъ.

— Очень просто — воды не было.

— Что вы это? воды не было! сами вы насчитали ключикъ, рѣчку и рѣку? Кудажь они дѣвались?

— Остались на своемъ мѣстѣ. Воды было столько, что пей не хочу, но для промывки песковъ воды не было. — Воды въ Кундатѣ было страшное изобиліе, но насъ раздѣляла высокая гора. Чтобъ провести кундатскую воду въ границу владѣній нашей компаніи, надо было употребить огромный капиталъ, котораго никогда не возвратишь. Никольская рѣчка была богата водой, но на ближайшемъ къ намъ ея берегѣ стояли пограничные столбики и мы, какъ Танталы, стоя у воды, вѣчно мучились жаждою. Впрочемъ нѣтъ! Для самовара, и вообще для кухни, намъ дозволено было возить ее цѣлыми бочками, но мыть золота въ ней намъ не дозволяли: она сама нужна была сосѣдямъ и дѣлиться ею, въ количествѣ, нужномъ для работъ, имъ было невозможно. Право было на сторонѣ сосѣдей, «строить пику» намъ они не желали и потому мы жили дружно; но сколько, изъ-за воды, изъ этой, кажется, пустой причины, возникло процессовъ.

Ключикъ нашъ скромно журчалъ между камешками и струился потомъ по деревянному корытцу, поддерживаемому рогульками, или шестами, изливаясь въ маленькую ложбину съ плотиной; за-ночь въ плотинѣ скоплялось воды нѣсколько ушатовъ, но всего этого хватало едва на нѣсколько короткихъ часовъ работы; только когда Богъ пошлетъ, бывало, дождичка — тогда только въ запрудѣ было воды вдоволь; а чуть-чуть пошли жаркіе ясные дни — хоть плачь, а сиди безъ дѣла! Я и управляющій, оба мы были плохіе механики, въ инженерномъ искусствѣ ничего не смыслили и горю помочь ничѣмъ не могли.

Со скуки, разгуливая то тамъ, то сямъ по пріиску, мы часто любовались игрою солнечныхъ лучей въ ограненныхъ самою природою плоскостяхъ безчисленнаго множества разнородныхъ камешковъ, вкропленныхъ мощною силою въ огромные валуны конгломератовъ, которые выплыли своими вершинами изъ-подъ подпочвеннаго камня, сплошною массою разлитаго по дну корридора, образовавшагося отъ выемки золотосодержащихъ песковъ изъ площади. Мы вмѣстѣ дивились роли, которую замѣтно, на нашемъ по-крайней-мѣрѣ пріискѣ, разъигрывали эти конгломераты, составляя какъ-бы переходныя формы изъ одной горной породы въ другую; но, плохіе адепты таинствъ естественныхъ знаній, мы никакъ не могли растолковать себѣ отчего именно мы привыкли известнякъ встрѣчать тутъ, шиферныя породы здѣсь, а сіенитъ въ третьемъ мѣстѣ; отчего между расположеніемъ и сочетаніемъ ихъ существуетъ постоянство и правильность и отчего конгломератъ встрѣчаемъ мы только при данныхъ условіяхъ? мы что-то такое чувствовали, касательно послѣдовательности этихъ явленій, какъ-будто бы что-то и сознавали, хотя и темно, но что именно такое—этого опредѣлить мы никакъ не могли, даже и другимъ-то передать своихъ ощущеній не умѣли!

Не менѣе безплодно занимали насъ и двѣ ямины, почти на самой вершинѣ нашего пріиска. Съ одной стороны, интересъ тутъ былъ въ томъ, что ямины эти были провалами, что дна въ этихъ провалахъ, мы не могли достать ни шестами, ни веревками, съ привязанными на концахъ тяжестями и, наконецъ, въ томъ, что вода, скоплявшаяся въ-теченіе дня, въ этихъ яминахъ, по самые ихъ края, во время сильныхъ дождей, къ утру совершенно исчезала; ямины эти не были, какъ кажется, извѣстны и господину Чихачеву, упоминаю-

щему именно про эту мѣстность въ своемъ знаменитомъ и роскошномъ «Путешествіи»; а съ другой стороны, интересъ здѣсь былъ такого рода, что и въ воронкѣ каждой ямины, и по наружной сторонѣ ихъ, таились пески съ чрезвычайно-богатымъ содержаніемъ золота, и эти-то богатые пески, узкой, извилистой лентой соединяли оба провала. Пространство, занимаемое этими богатыми песками было не велико; это не давало однакожь намъ права терять свою добычу; но по случаю постоянно ясныхъ дней, мы потеряли воду и не умѣли помочь горю... Какъ это досадно и обидно! Одного не понимаешь, другаго не умѣешь сдѣлать, передъ третьимъ стоишь разинувъ ротъ и считаешь за чудо, того не знаешь какъ объяснить, этого не разгадаешь...

Какъ мучительно положеніе того, кто начинаетъ увѣряться въ незнаніи многаго, чего стыдно не знать!

Сколько тутъ тайныхъ страданій, сколько тоски, сколько огорченія, сколько безсильной досады долженъ затаить такой человѣкъ въ своемъ сердцѣ; сколько горькаго, но поздняго раскаянія должно пробудиться въ его совѣсти, при оскорбительномъ сознаніи глубокаго, крайняго, ничѣмъ не извинительнаго невѣжества, не по случаю потери барышей, отъ остановки промывки, а по случаю тому, что не умѣетъ читать книги, развернутой передъ нимъ природою на самыхъ блестящихъ страницахъ. Вотъ что должно глубоко оскорблять его самолюбіе, вотъ что должно терзать и истомлять душу, дѣлая изъ него не господина, а послѣдняго раба окружающихъ его обстоятельствъ.

Представьте себѣ, читатель, что вы нечаянно получили билетъ, въ концѣ сезона, въ итальянскій театръ. Васъ это обрадовало, потому-что на этотъ разъ давали оперу, которой вы не знали и которой еще не слыхали. Проведя весело утро за завтракомъ, погулявъ на Невскомъ-Проспектѣ и потомъ, какъ слѣдуетъ, повкуснѣе пообѣдавъ — вы вечеромъ въ театрѣ. Васъ поразятъ, уничтожатъ, повергнутъ въ прахъ и восхитятъ на седьмое небо потоки звуковъ, исполненныхъ чувства, страсти, всего, что даже не можетъ разомъ вмѣститься у васъ въ хранилищѣ всѣхъ впечатлѣній. Точнаго, вѣрнаго отчета вы себѣ не можете отдать во всемъ, что видите и слышите; наитіе впечатлѣній на васъ такъ смѣшанно и такъ сильно, что вы даже не въ-состояніи слѣдить за ходомъ пьесы и всѣми переливами мелодій; вы увлекаетесь однимъ какимъ-нибудь отдѣльнымъ ничтожнымъ обстоятельствомъ, впадаете въ односторонность и машинально просиживаете до конца. Теноръ сорвется съ голоса, баритонъ не дотянетъ ноты, или сопрано прокозлитъ: это оскорбитъ ваше нѣжное ухо и, пораженные этимъ диссонансомъ, вы пропускаете превосходныя мѣста и лишаете себя высокаго наслажденія. Вы тутъ ужь не судья ни автору, ни исполнителямъ, сидите смирно и молчите, въ полной зависимости отъ прихоти случая и отъ сужденій другихъ. Опера кончилась и вы, одурманенные, въ чаду отъ тревожныхъ волненій, стараетесь составить себѣ какое-нибудь понятіе о цѣломъ. Вы кое-что усвоили, кое-что поняли инстинктивно, чувствуете, что душа ваша изныла, что внутри васъ совершился какой-то чудный переворотъ отъ наплыва свѣжихъ, невѣданныхъ прежде, ощущеній и хотите, наконецъ, во что бы ни стало, разумно понять, что жь эта была за опера? и подѣлиться своимъ сужденіемъ съ другими. Вы возвращаетесь домой, добываете себѣ транскрипцію избранныхъ мѣстъ, и начинаете ихъ разъигрывать; но пока еще вы собирались — восторгъ вашъ охладѣлъ, впечатлѣнія мало-по-

малу ослабѣли и вы, читая ноты, приноравливая къ нимъ слова либретто и стараясь припомнить объ исполненіи на сценѣ — издаете одни мертвые, лишенные блеска и энергіи, звуки. Вы понимаете, что это далеко не то, чему бы слѣдовало быть, съ досадою сознаетесь, что это только каррикатура надъ изящностью цѣлаго созданія и съ грустью убѣждаетесь, что пора прошла, надо было прежде это сдѣлать, заранѣе, еще сбираясь только слушать оперу: остается одно — предаться изученію каждой отдѣльной части и прослушать хоть еще резъ оперу. Но сезонъ кончился, пѣвцы разъѣхались и, Богъ-знаетъ, когда они воротятся, да будетъ ли еще та опера на ихъ репертуарѣ?!

Вотъ такъ-то и съ нами было: привелъ намъ Богъ неожиданно видѣть далекіе края нашего отечества. И чтожь мы видѣли? Мы видѣли то, чего растолковать не можемъ, а не можемъ растолковать видѣннаго, потому-что «этому мы не учились». И мы воображали, что мы правы?! Но не пропади у насъ многіе годы молодости въ пустотѣ и ничтожности, умѣй мы дорожить временемъ, посвяти мы хоть половину по-пусту погубленныхъ свободныхъ часовъ дѣльнымъ занятіямъ—не пришлось бы намъ тяжко скорбѣть за потраченную возможность собрать добрые плоды прожитаго прошедшаго. Хотѣлось бы намъ очень примирить и согласить нужду съ возможностью, мы вѣримъ, что ничто не поздно: но чѣмъ далѣе идемъ впередъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что прошлаго—не воротить!..

Однажды случилось какъ-то мнѣ, отъ нечего дѣлать, прогуляться по нижнему разрѣзу, названному мною выше корридоромъ. Я шелъ преспокойно по глыбамъ подпочвеннаго камня, думалъ о плохихъ обстоятельствахъ пріиска и о приближеніи дня своего отъѣзда. Въ сторонкѣ, вблизи раздались слѣдующія замѣчанія и я сталъ къ нимъ прислушиваться.

— Ишь ты, ишь ты! Петруха, ишь ты, ишь ты!! Камешекъ сшибаетъ!

— Смотри, Пронька, не замай! Пузырьки-те такъ и рвутся, камушки-те и сшибаютъ.

— А коли шестикъ пригнать, да въ ямку заколотить, пузырьковъ, Петруха, не будетъ?

— Вѣстимо не будетъ: щелочку задѣлаешь неоткуда будетъ и водѣ сочиться.

— Эхъ вы, витебскіе болотники: какъ вы щелку-то задѣлаете? Такъ вотъ, думаешь, токъ тебя и послушаетъ? Какъ бы не такъ! Нѣтъ ужь, братцы! Ужь коли токъ гдѣ рвется наружу—ничѣмъ вы его не удержите. Здѣсь вотъ онъ камень прорвалъ и льется впередъ? задѣлай щелку — такъ прорветъ камни въ другомъ мѣстѣ, гдѣ и не ждешь и польется быстрѣе.

Это говорилъ коренастый работникъ съ огромной лысой головой, на которой только кое-гдѣ торчали тощіе клочки волосъ. Онъ стоялъ, опираясь сложенными руками на лопату, какъ солдатъ на ружье; широкій лобъ его былъ обвязанъ пестрымъ платкомъ, концы котораго развѣвались сзади отъ вѣтра; полосатые шальвары были запрятаны въ высокіе, по самыя колѣни, чорные сапоги; чистый передникъ, спущенный отъ самой шеи, былъ заткнутъ за поясъ; рукава красной рубухи засучены выше локтя и совершенно обнажали крѣпкія мускулистыя руки.

— Отчего же это такъ, дядюшка? спросили Петруха и Пронька, оба

молодые парня, новенькіе пришельцы въ страшную Сибирь, у стараго, обжившагося уже въ ней, товарища.

— Ну, отчего? отчего? Ну, такъ ужь Богъ создалъ. Господнею волей воды вездѣ дивно, и на землѣ и подъ землей. Вотъ и въ нашей горѣ ее понакопилось. Какъ понакопилось ее въ горѣ-то — она и ищетъ себѣ хода, просочила камни, пробуравила дорогу, да пузырьками здѣ-вотъ и выходитъ. И ничѣмъ ее горѣ ужь не сдержать. Вотъ она и сочится-себѣ помаленьку и ни пользы, ни вреда не даетъ, потому-что каплетъ по каплѣ. И запри ей ходъ здѣсь, она можетъ прорваться въ другомъ мѣстѣ цѣлымъ потокомъ, можетъ и вредъ причинить, всяко случиться можетъ. А вотъ здѣсь какъ знаешь, что родничокъ просится, опасаться и нечего, и не мѣшай: а лучше подумай, чтобъ отъ него тебѣ польза была.

— А что намъ въ немъ? не наше дѣло! отвѣчали Пронька съ Петрухой, махнувъ рукой.

Молодые рабочіе, по-своему, были правы, но не правъ былъ бы я, еслибъ не захотѣлъ воспользоваться умнымъ замѣчаніемъ стараго ссыльнаго, который, въ такихъ простыхъ безъискусственныхъ словахъ, умѣлъ показать направленіе своихъ помысловъ въ ограниченной сферѣ житейскихъ обыденныхъ потребностей. Я подошелъ къ этой группѣ.

— Молодецъ, старикъ! Спасибо за добрыя мысли. Нут-ко, рѣбята, раскиньте-ка умомъ-разумомъ, да придумайте-ка втроемъ, какую бы намъ сдѣлать пользу изъ этого родника? Кто лучше придумаетъ, тому стаканъ знатнаго вина.

Послѣ этого предложенія никто не подумалъ сказать—«не наше дѣло!»—всѣ призадумались.

Пронька первый встрепенулся отъ заманчивой награды, которая казалась ему еще слаще, отъ нетруднаго, на первый взглядъ, разрѣшенія задачи. Онъ зачесалъ въ затылкѣ, заскоблилъ въ головѣ, взъерошилъ волосы, прищурилъ глаза и, послѣ разныхъ подергиваній и гримасъ, ухмыляясь и съ довольнымъ видомъ, проговорилъ:

— Кажино утро я здѣсь буду сидѣть, да ждать, пока вода понакопится, да и стану сцѣжать ее, да цѣльнёхонекъ стаканъ и наберу, да вашей милости и принесу: кушайте во здравіе! Славная водичка! изъ родничка!

— Спасибо на услугѣ! сказалъ я хитрому мужику, который зналъ о моей привычкѣ пить по утрамъ и по вечерамъ холодную воду.—Только вотъ, братецъ, что: покамѣстъ ты будешь сидѣть, да ждать—за тобой будетъ остановка въ работѣ. Посмотримъ, что другіе скажутъ. Ну, а ты, Петруха: ты что путнаго выдумалъ?

— А вотъ, ваше здоровье: кабы родничекъ былъ поширше, да кабы щель-то поглубже, я бы придумалъ доброе дѣло!

— А что бы ты, парень, придумалъ? спросилъ старикъ.—Коли ты смекнулъ то, что я смекнулъ—твой стаканъ вина, я отступаюсь: твое перво слово, тебѣ и честь!

— А вотъ что. Ка-бы, то-есть, того, пошире, да поглубже: я бы вашгертъ состроилъ тутъ, да поставилъ для «старанья»; никого бъ не пускалъ; самъ бы, одинъ, мылъ тутъ, послѣ работъ, золото, самъ бы одинъ и денежки за это старанье получалъ отъ вашего здоровья. Моя выдумка—мнѣ и польза.

— А слыхалъ ты, парень, пословицу: «кабы бабушкѣ...»?

— Ну??

— «Кабы бабушкѣ годковъ сорокъ съ плечь — была бы красотка!» То-то внучекъ: все дѣло-то изъ-за «кабы!» Нѣтъ, ваше благородіе — продолжалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ: — тутъ не на «кабы» надо разсчитывать, а навѣрное бить надо, да и такъ, чтобъ всѣмъ была польза, а не одному только. Я такъ, своимъ глупымъ разсудкомъ, смекаю. Вода просится наружу: сочится и прётъ камешки? — стало, она сильна и ее много. Просочила она известковый камень: а онъ ломокъ. Родничекъ-то бы намъ роздѣлать? дѣло не мудрое, только кропотное; ямку-то мы какъ роздѣлаемъ, ломами да клиньями, да и углубимъ ее еще больше. И до аршина еще не дойдемъ, какъ вода одолѣвать станетъ, наппраючи отовсюду на одно мѣсто. Тутъ мы и вставимъ машинку, насосецъ, и станемъ воду вытягивать, да поднимать выше; на козлахъ устроимъ корытчатый проводъ и воду изъ родника соединимъ съ водой изъ ключика, который за-одно порасчистимъ: анъ посмотришь—на промывальню и хватитъ, хоть дождя не надо! Польза и хозяевамъ, польза и рабочимъ!

Совѣтъ былъ очень простой и очень мудрый. Старикъ получилъ обѣщанный стаканъ вина, порученіе раздѣлать родникъ, и устроить дѣло какъ слѣдуетъ и увѣреніе, что за свою выдумку онъ будетъ получать вознагражденіе, смотря по результатамъ промывки.

Золотые пески у проваловъ и крестьянская выдумка поправили немножко разстроенныя наши обстоятельства. Управляющій всякій день аккуратно записывалъ въ книгу добычу золота чрезвычайно-вѣрно, не ошибаясь даже ни въ пол-долѣ, то-есть, ни въ $\frac{1}{192}$ части золотника. Но какъ ни вели мы счетъ вѣрно, а все-таки, къ одному праздничному дню, у насъ итогъ всей добычи оказался только въ десять фунтовъ 26 золотниковъ и 50 долей.

Это было въ четвертокъ, вечеромъ. Въ слѣдующіе дни, пятницу и субботу, предстояли два большіе праздника и, слѣдовательно, новыя золотинки должны были поступить въ хранилище не ранѣе какъ по истеченіи трехъ сутокъ. Въ этотъ же день, къ ночи, получили мы извѣщеніе, что на дняхъ насъ посѣтитъ горный ревизоръ изъ Барнаула. Мы только-что передъ этимъ высыпали свое золото на большой листъ бумаги и окончательно очистили его отъ постороннихъ частицъ и мелкихъ камешковъ; эти камешки мы или прежде не замѣтили, или теперь только отколотили молоткомъ отъ золотыхъ крупинокъ, къ которымъ они приросли отъ природы.

— Знаете ли что, говорилъ я управляющему, на другой день утромъ: —Мы съ вами вѣсили золото только частями, сколько намъ приносили отъ ежедневной смывки. Провѣримте-ка себя, перевѣсимъ еще разъ все золото: выйдетъ ли такъ, какъ мы сосчитали по книгѣ?

Перевѣсили; оказалось 10 фунтовъ и 25 золотниковъ съ половиной: недоставало одного золотника и двухъ долей.

Управляющій поблѣднѣлъ какъ полотно, зашатался и упалъ на лавку.

— Что съ вами? вскричалъ я, подбѣжавъ къ нему.

— Я погибъ! въ книгахъ невѣрность; меня могутъ отдать подъ судъ.

— Что вы это, какъ вамъ не стыдно!

— Будутъ производить слѣдствіе, васъ остановятъ, запретятъ работы, денегъ не хватитъ, намъ нечѣмъ будетъ разсчитаться съ рабочими.

— Перестаньте, успокойтесь: я вамъ завтра такъ все устрою, что у васъ выйдетъ десять фунтовъ и тридцать золотниковъ! сказалъ я, позабывъ, что завтра тоже праздникъ, работъ нѣтъ, а безъ этого не-

льзя записать въ книгу будущую добычу, съ маленькимъ уменьшеніемъ противъ настоящаго.

— Оборони васъ Богъ: тогда мнѣ еще хуже: явная фальшъ въ книгахъ!

— Такъ чего же вы понапрасну безпокоитесь: у насъ нѣтъ фальши; вчерашніе камешки и шлихи еще цѣлы, вонъ они на столѣ: они-то и составляютъ потрату въ золотникѣ съ двумя долями.

— Да̀, вамъ хорошо: вы сегодня здѣсь, а завтра уѣдете; а каково мнѣ-то будетъ? Вотъ хоть бы докторъ изъ Барнаула? Захочетъ—скажетъ, что у насъ испорченная солонина — и баста! мы и погибли!

— Да что̀ съ вами, любезнѣйшій! Какая у насъ солонина? Вы забыли, что, по случаю невысылки компаньйонами денегъ въ срокъ, вы не успѣли сами посолить солонины и мы кормимъ теперь рабочихъ свѣжей говядиной? Развѣ вы не знаете, что всѣ сосѣди и самъ докторъ любуются на нашихъ быковъ?

Управляющій улыбнулся; ему самому на себя смѣшно стало; трусость такъ-было его обуяла, что онъ дозволилъ себѣ сомнѣваться въ чувствахъ отличныхъ, можно сказать превосходныхъ, людей, каковы горный ревизоръ и горный лекарь, въ-теченіе многихъ лѣтъ постоянныхъ занятій въ здѣшнихъ лѣсахъ, пріобрѣвшіе себѣ общее уваженіе золотопромышлениковъ, за правдивость и деликатныя чувства. Управляющій сталъ спокойнѣе, но, при слабонервности и трусливомъ характерѣ, казалось, о чемъ-то раздумывалъ.

— Что̀ васъ еще смущаетъ?

— У меня изъ головы не выходитъ Безъимянка-Неизвѣстный! Онъ страшно золъ и мстителенъ! Когда пріѣдетъ на нашъ пріискъ полковникъ, онъ оговоритъ меня въ несправедливости.

— Но вѣдь вы не сами приговорили Безъимянкѣ-Неизвѣстному наказаніе, за картежную игру и намѣреніе украсть золото? Вы поручили это артели: артель приговорила, да и виноватаго вы съ этою цѣлію отослали къ горному исправнику...

— Да̀; но вы знаете: на дурное дѣло всегда найдутся охотники, не найдутся только на доброе.

— На-счетъ Безъимянки-Неизвѣстнаго я васъ могу успокоить окончательно: полковникъ о васъ самаго лучшаго мнѣнія и самъ рекомендовалъ мнѣ васъ, какъ добраго, честнаго и скромнаго человѣка, а Безъимянку-Неизвѣстнаго всѣ знаютъ: онъ двѣнадцать разъ изъ Сибири бѣгалъ и ему нигдѣ не даютъ вѣры.

— Правда, правда! только слабенька натура у васъ, почтеннѣйшій! сказалъ одинъ изъ троихъ жданныхъ пріѣзжихъ, неожиданно вошедшихъ къ намъ въ избушку.

Управляющій вскочилъ, бросился принимать дорогихъ гостей. Я разсказалъ имъ весь нашъ разговоръ, и цѣлый день управляющему житья не было отъ шутливыхъ упрековъ, отъ аханій, покачиванія головой и восклицаній: «и не стыдно вамъ? а? ай, ай, ай!»

Въ тотъ же день были покончены всѣ дѣла по пріиску, книга о золотѣ подписана, свидѣтельство въ вѣрности добычи золота дано, съ вычетомъ потери, по точному вѣсу.

Я подумалъ-подумалъ: чего жь мнѣ здѣсь заживаться? вѣдь не придумаю же я ничего, что могло бы возродить въ нашемъ пріискѣ жданыя горы золота? Поѣду-ка я себѣ лучше домой съ Богомъ, да, чтобъ,

при малыхъ барышахъ, сберечь бо̀льшіе убытки, свезу-ка я самъ золото въ Барнаулъ для сплавки. Можетъ, Богъ дастъ, и деньги за него получу. Я могу и получить деньги, могу и не получить... Ну, да попробую. А если этихъ денегъ не хватитъ — управляющій заложитъ квитанцію въ Томскѣ, въ Общественномъ-Сибирскомъ Банкѣ... Господи благослови.

Долго сбираться мнѣ было нечего. Приготовили бараньи рукавицы, отмочили ихъ въ водѣ, всыпали въ нихъ золото, обвернули, обвязали, приложили печати и отдали мнѣ подъ росписку. У крылечка стояла осѣдланная лошадка, но уже не статный вороной конь, а исхудалая отъ работъ пѣгашка, два конюха верхомъ, и еще лошаденка съ небогатымъ вьюкомъ. Простившись со всѣми, мы стали спускаться къ рѣчкѣ: сзади насъ раздавались ружейные выстрѣлы прикащиковъ и служителей, впереди на насъ неслись сосѣдскія собаки съ громкимъ лаемъ.

Прощаясь съ тайгой и съ Сибирью, мы неслись впередъ, думая только о неизвѣстности, ожидающей насъ въ Москвѣ-бѣлокаменной. Замѣтки были забыты, записная книжка и не вспомянута... Въ-добавокъ, ненастная погода, преслѣдовавшая меня въ-продолженіе всего пути, извиняла мою лѣнь и неохоту дѣлать замѣтки. Но вотъ, наконецъ, и Барнаулъ.

— Куда васъ, господинъ, приставить?

— Куда хочешь, мнѣ все-равно.

— У Степана Алексѣевича Федченки важно.

— Вези!

Я давно уже не видалъ хорошихъ квартиръ, привыкнувъ къ грязноватымъ постоялымъ дворамъ, да простымъ избамъ. Я и не мечталъ о комфортѣ. Здѣсь мнѣ отвели два прекрасные зала, обширные и высокіе, въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ. Широкая лѣстница вела въ переднюю, оттуда въ первую залу, заставленную комодами подъ покрышкой ковровъ, диванчиками и китайскими столиками съ инкрустанціей и живописью золотомъ по черному дереву. Другой залъ былъ весь бѣлый съ мраморными досками на столахъ и подоконникахъ; скромная березовая мёбель обита была яркою матеріей краснаго цвѣта; два большіе зеркала, въ золотыхъ рамахъ, висѣли въ простѣнкахъ. За право помѣщенія, пользованіе услугой, за обѣдъ и ужинъ весьма-хорошо приготовленные и за порядочный экипажъ, дрожки, съ меня запросили шесть или семь рублей ассигнаціями въ сутки. Такая дешевизна меня удивила: у Альбиноса, въ Томскѣ, за все это, съ примѣсью лачужнаго помѣщенія, пришлось бы заплатить рублей пять серебромъ.

Хозяинъ мой, Степанъ Алексѣичъ, былъ купецъ, семейный человѣкъ и очень-милый собесѣдникъ. Онъ, какъ и бо̀льшая часть Сибиряковъ, ходитъ по-нѣмецки но никакъ не рѣшается надѣвать фракъ. «Помилуйте», часто говаривалъ онъ: «право, этотъ кургузый балахонъ носить совѣстно! да вы вглядитесь хорошенько, на что̀ похожъ человѣкъ во фракѣ? То ли дѣло сюртукъ, али нынче пальты попридумали?—благодать, да и только! И передъ бабьёмъ не краснѣешь, и дешево обходится; износилъ, выворотилъ: онъ и за̀ново.

Пустившись въ разговоры съ Степаномъ Алексѣичемъ о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ, и выслушавъ неопровержимый аргументъ о дешевизнѣ всего, то-есть, что здѣсь даже цѣны на виноградное вино христіан-

скія и что вино это не только можно въ ротъ брать, но даже и пить его съ удовольствіемъ, а это не всегда найдешь — я обратился за совѣтами къ хозяину о своемъ дѣлѣ.

— Эхъ! поздненько пріѣхали! Здѣсь ужь понабралось-таки прикащиковъ съ золотомъ. Очередь строгая и вамъ недѣльки двѣ здѣсь пріидется прожить. А съѣздите-ка вы къ Лукѣ Александрычу — это душа нашего города, да къ Алексѣю Петровичу — это такой рѣдкій человѣкъ, что вы частенько вспоминать будете добрымъ словомъ нашъ Барнаулъ! да къ Александру Иванычу — вы съ перваго раза всей душой къ нему привяжетесь! Вѣдь это все какой народъ? самый, то-есть, цвѣтъ всего здѣшняго края: образованія высокаго, правдивы, добры...

И долго мой Степанъ Алексѣичъ расточалъ восторженные похвалы цѣлому десятку снискавшихъ общее уваженіе людей, получившихъ образованіе въ Петербургѣ, изъѣздившихъ чужія страны и стоявшихъ теперь на верхнихъ ступеняхъ здѣшняго общества.

Не успѣлъ я кончить немногочисленныхъ визитовъ, какъ получилъ уже призывъ въ первый же день явиться свидѣтелемъ сплава собственнаго моего золота.

— Да вѣдь очередь не дошла?

— Очередь священная вещь для тѣхъ, кто привезъ много золота: а у васъ его такая малость, что вашъ горшочекъ можетъ помѣститься безъ помѣхи рядомъ съ большимъ горшкомъ другаго золотопромышленика.

Къ назначенному времени я явился. Проходя обширный дворъ завода, я, вѣроятно, имѣлъ торжественное выраженіе лица, или, можетъ-быть, на лбу у меня было написано, что я сплавляю сто пудовъ своего золота — это я заключаю изъ того, что всѣ встрѣчные кланялись мнѣ съ особенными знаками почтенія и всѣ видимо старались предупредить мои желанія, даже тайные помыслы. Тотъ тащилъ съ меня калоши, другой снималъ смоченный дождемъ плащь, третій началъ вытряхать шляпу, четвертый растворялъ настежь обѣ половинки дверей. Экое веселье, подумаешь! Вотъ радости-то!

Пройдя нѣсколько отдѣленій завода, я вступилъ въ обширную, свѣтлую, высокую и прохладную залу. Здѣсь нашелъ я нѣсколько горныхъ служителей и урядниковъ, поодаль стояли рабочіе въ особыхъ одеждахъ, накинутыхъ сверхъ-обыкновеннаго платья и придававшихъ обыкновеннымъ людямъ странный, даже, если угодно, страшный видъ. На каждомъ изъ сихъ послѣднихъ надѣты были толстые войлочные балахоны, но они закрывали собою только переднюю часть рабочаго и сидѣли на немъ, какъ латы. Люди были въ войлочныхъ шапкахъ, затѣнявшихъ лицо и предлинныхъ войлочныхъ рукавицахъ, выше локтя.

Посреди зала стояла огромная печь, чрезвычайно-красивой формы; она была украшена императорскимъ гербомъ; двуглавые орлы виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. Внутри печи что-то страшно клокотало; кругомъ слышался глухой шумъ.

Привезенную мною рукавицу принялъ горный урядникъ. Взрѣзали кожу, распороли рукавицу, и мое золото выбросили на массивные, но чрезвычайно-чувствительные вѣсы. Золото провѣрили и высыпали въ карандашный горшокъ и чѣмъ-то пересыпали.

Въ это время одинъ изъ рабочихъ, костюмированныхъ въ войлочные латы, длиннымъ шестомъ отодвинулъ задвижки и отворилъ двер-

цы печи. Передъ нами раскрылся цѣлый адъ—въ миніатюрѣ; мы взглянули на страшную массу ослѣпительнаго огня и поспѣшили закрыть глаза, будучи не въ-силахъ перенести жгучіе переливы блѣднаго пламени: въ трехъ аршинахъ отъ жерла жаръ былъ нестерпимъ и могъ бы спалить платье, еслибъ встать прямо передъ растворенною печью. Чтобъ отвратить вредное вліяніе сильнаго жара на здоровье рабочихъ, принужденныхъ по службѣ исправлять чорную работу передъ печью, въ извѣстныхъ случаяхъ, придуманы для нихъ толстые войлочные костюмы, въ которыхъ я ихъ и видѣлъ.

Въ то же время, когда одинъ рабочій раскрылъ печь, другой рабочій, особеннаго рода ухватомъ, стиснулъ мой драгоцѣнный горшочекъ и осторожно поставилъ въ печи рядомъ съ другимъ, очень-большимъ и внушившимъ мнѣ огромное уваженіе своимъ объемомъ, чужимъ горшкомъ. Гиганта и пигмея захлопнули въ одной печи.

Черезъ нѣсколько минутъ мой горшокъ вынули тѣмъ же ухватомъ, наклонили его надъ формою, и изъ раскаленнаго, брызжущаго искрами сосуда, полился огненный потокъ приведеннаго въ жидкое состояніе металла. Форму съ растопленнымъ золотомъ бросили въ чанъ съ водой; черезъ нѣсколько времени ее вынули, перевернули къ верху дномъ: изъ нея выпалъ золотой слитокъ въ видѣ кирпича и въ формѣ трапеціи. Слитокъ былъ бураго цвѣта; его стали колотить молотами, очистили отъ нагорѣвшей коры, смѣси буры, воска и солей, и когда онъ получилъ свой законный золотой цвѣтъ—изъ разныхъ угловъ его вырубили нѣсколько горошинокъ золота и отправили ихъ въ лабораторію для произведенія пробъ.

Я подошелъ къ своему слитку полюбоваться на него въ послѣдній разъ; но, несмотря на порядочное пространство времени, протекшее послѣ купанья золота въ водѣ, къ слитку моему нельзя было голой рукой прикоснуться—такъ еще онъ былъ горячь.

Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ увѣдомленіе, что изъ привезеннаго мною золота, 10-ти фунтовъ 25 золотниковъ 48 долей, по сплавѣ получено 9 фунтовъ и 58 золотниковъ; остальное пошло на угаръ. На девяносто-шесть частей сплавленнаго золота оказалось $85\frac{1}{2}$ частей золота, которое поэтому и называлось золотомъ восемьдесятъ-пятой съ половиной пробы, $9\frac{5}{6}$ частей серебра и $\frac{2}{3}$ части лигатуры. Такимъ образомъ выходило, что въ моемъ слиткѣ было чистаго золота 8 фун. 53 зол. 14 долей; серебра 94 зол. и 42 доли, и 6 зол. 40 доль лигатуры. Поэтому разсчету мнѣ слѣдовало получить и деньги, треть тутъ же теперь, а остальные въ будущемъ февралѣ, въ Петербургѣ. Всѣ расходы ограничивались нѣсколькими листами гербовой бумаги, да опредѣленною платою въ заводъ и лабораторію: въ первый за горшокъ, буру, воскъ, селитру, квасцы, простую соль, за рабочее время, за провіантъ и за уголь 2 руб. 69 коп., съ тринадцатью копѣйками серебромъ процентовъ на нихъ; да въ послѣднюю—за лабораторный свинецъ, селитряную кислоту, уголь и рабочее время $76\frac{1}{4}$ коп. капитала и $9\frac{1}{4}$ коп. на него процентовъ. За-то, что золото это извлечено изъ земли, принадлежащей государству, Государственное Казначейство, по закону, долженствовало, и у насъ, какъ и у всѣхъ, получить въ свои сокровищницы отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ всего количества извлеченнаго золота.

Вслѣдъ за тѣмъ меня пригласили и получить деньги: тутъ я истинно пожалѣлъ, что у меня вмѣсто десяти фунтовъ не двѣсти пудовъ,

какъ иные золотопромышленики привозятъ. Сколько народа перебываетъ въ Барнаулѣ съ золотомъ, сколько сотъ пудовъ его они здѣсь переплавятъ— и каждый изъ нихъ вѣрно никогда не пропуститъ случая, чтобъ не покоситься, при разсчетахъ, на ближняго и не пожелать себѣ еще побольше.

Мнѣ, владѣльцу одного пая, не приходилось даже и пылинки золота! Теперь я ясно увидѣлъ, что сибирское золото ко мнѣ не благоволитъ, что оно никакъ не дается мнѣ въ руки. Компанія наша, изъ-за сибирскаго золота, была въ накладѣ, въ огромномъ убыткѣ: обогатились только прежніе управляющіе... Впрочемъ, нѣтъ: наши пріиски не имъ однимъ дали кусокъ хлѣба: я забылъ массу народа, который на нашихъ пріискахъ употребилъ въ дѣло свой честный трудъ, про рабочихъ: въ этомъ отношеніи сибирское золото много добра дѣлаетъ.

Сибирское золото, кромѣ ежегоднаго обогащенія казны государственной на нѣсколько мильйоновъ, кромѣ обогащенія предпріимчивыхъ золотопромышлениковъ, двигаетъ впередъ науку, открывая безпрестанно какія-нибудь новыя условія, дотолѣ неизвѣстныя спеціальнымъ ученымъ по этой части, распространяетъ знанія между тысячами простаго народа, который непремѣнно долженъ поневолѣ набраться новыхъ свѣдѣній. Полсотни тысячь людей, трудящихся по золотымъ пріискамъ, ища насущнаго хлѣба и стараясь обезпечить существованіе своихъ семействъ, на золотыхъ пріискахъ пріучаются къ порядку, къ дисциплинѣ, къ правомѣрности, врожденное чувство любопытства, весьма-обыкновенное въ человѣкѣ, какъ бы ни было темно его происхожденіе, какъ бы ни былъ разсудокъ его ограниченъ, любопытство это своевременно, по мѣрѣ возможности удовлетворяемое, знакомитъ простой народъ съ начальными основаніями и неотвлеченными результатами тѣхъ знаній, которыя, въ обыкновенной крестьянской жизни, при ограниченной сферѣ насущныхъ потребностей, не могутъ сами-собой прійдти ему въ голову. Человѣкъ ближе знакомится съ природой, узнаётъ то, чего сперва не въ силахъ былъ понимать, получаетъ наглядное понятіе о непостижимомъ для него прежде, пріучается къ труду, старается усвоить себѣ утонченные пріемы и высшіе, сравнительно съ прежнимъ, взгляды на предметъ своихъ занятій, входитъ въ потребности своего будущаго и въ обсужденіе средствъ ихъ удовлетворенія, пріучается къ размышленію и дѣлается несравненно общительнѣе тѣхъ, кто привыкъ къ домосѣдству и глуши. Сибирское золото, непосредственно обезпечивая полсотни тысячь семействъ рабочихъ, имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ощутительное и неоспоримое вліяніе на благосостояніе цѣлаго края. Сибирское золото дало толчокъ всѣмъ родамъ промышлености, двинуло въ ходъ всѣ роды предпріимчивости, щедрою рукою разлило массу богатствъ между всѣми сословіями тамошняго народонаселенія; оно окрылило внутреннюю торговлю края, подняло цѣну на рабочія руки, уравновѣсило возмездіе за трудъ, обновило общественную жизнь новыми потребностями, разлило повсюду довольство. Но если нѣкоторыя общія черты тамошняго края возбуждаютъ огорченіе, если, при видѣ нѣкоторыхъ сценъ, въ человѣкѣ раждается горькое соболѣзнованіе къ отдѣльному человѣчеству, если нѣкоторыя часто-повторяющіяся картины вырываютъ изъ груди тяжелый вздохъ, если, увлекшись односторонностью оборотной стороны медали, мы поддадимся грустнымъ мыслямъ о неотрадности того, что иногда очень-рѣзко бросается въ глаза—постараемся утѣшить себя лучшею участью, го-

товящеюся впереди и надеждою, что могущество истиннаго, нравственнаго образованія искоренитъ со-временемъ плевелы на благодатной почвѣ примиримъ себя съ настоящимъ, мыслью, что зло всюду перемѣшано съ добромъ, и увѣренностью, что еслибъ можно было положить на вѣсы противоположные результаты, проистекающіе отъ сибирскаго золота, добро намного перевѣситъ дурное. Тотъ только край можно поистинѣ назвать несчастнымъ, гдѣ отрадность явленій — рѣдкость : такова была старинная Сибирь, но не Сибирь нынѣшняя.

Красивенькій городокъ Барнаулъ, какъ изъ всего сказаннаго мною заключить можно, постояннымъ движеніемъ своимъ, приливомъ и отливомъ капиталовъ, благосостояніемъ и довольствомъ своихъ жителей и всѣми похвальными и другими характеристическими чертами очень-много обязанъ золотопромышлености. Въ старые годы былъ онъ такъ-себѣ городокъ, неважный и неслышный, тысячи въ-двѣ въ-три постояннаго населенія; но со времени открытія частной золотопромышлености стали появляться въ немъ и хорошенькія частныя зданія, и расширеніе торговли и усугубленіе всего, что даетъ жизнь цѣлому населенію при благопріятствующихъ обстоятельствахъ. Въ Барнаулѣ, начиная съ тридцатыхъ годовъ, цифра общаго числа жителей обоего пола, постояннаго народонаселенія, вертится около девяти или десяти тысячь, лицъ преимущественно горнаго вѣдомства и, слѣдовательно, людей, получившихъ надлежащее образованіе, если читатель помнитъ отдѣльную мою замѣтку объ учебныхъ заведеніяхъ и о гарантіяхъ, опредѣленныхъ положительными законами, касательно благосостоянія здѣшнихъ обитателей, въ чемъ мы должны видѣть продолженіе той заботливости, съ которою Петръ-Великій, въ 1702 году, писалъ Демидову о горныхъ работникахъ, отечески совѣтуя ему, не водить «на себя правыхъ слезъ и обиднаго въ томъ воздыханія : а всякая обида, паче же убогому человѣку, есть грѣхъ непростительный».

Цвѣтъ этихъ обитателей, сливки здѣшняго общества, составляютъ горные офицеры, почти всѣ до одного воспитанники нашего Горнаго-Института. Будучи однокашниками, взлелѣянные подъ однимъ, общимъ кровомъ, возросшіе подъ одинаковыми началами, подъ одними и тѣми же правилами любви къ ближнему, къ правдивости, къ общему благу, они живутъ здѣсь, какъ бы огромной семьей, въ согласіи, ненарушаемомъ ни спорами, ни враждой, ни разорительными тяжбами, въ ущербъ благосостоянія своего и своихъ ближнихъ, предаваясь безъ перерыва то службѣ, то занятіямъ науками, то развлеченіямъ за предметами искусствъ и художествъ. Музыка, книги, русскіе и иностранные газеты и журналы, танцы, домашніе спектакли—здѣсь необходимость, насущная потребность, и вслѣдствіе-то всего этого Барнаулъ, какъ оазисъ въ пустынѣ, какъ пріютъ всего прекраснаго, не можетъ не оставить въ каждомъ, кто только хоть одинъ разъ въ немъ побывалъ, самыхъ отрадныхъ, самыхъ чистыхъ воспоминаній. Глядя на барнаульскихъ горныхъ офицеровъ нынѣшнихъ, Богъ знаетъ почему, непремѣнно припоминаешь себѣ о стародавнихъ подъячихъ и воеводскихъ товарищахъ и другихъ лицахъ, поставленныхъ въ непосредственное соприкосновеніе съ массою простаго чернаго народонаселенія какого-нибудь края — въ старину, и тутъ-то поймешь разницу между прошедшимъ и настоящимъ, между образованнымъ человѣкомъ и пошлымъ, злымъ невѣждой.

По этому случаю нельзя не припомнить себѣ, что прочное начало

образованію въ нашемъ отечествѣ сословія спеціальныхъ ученыхъ по горной части, относится къ послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, когда для обученія горнымъ наукамъ велѣно было набрать молодыхъ людей изъ дворянъ и просвѣтить ихъ надлежащими для этого знаніями. Имъ стали жаловать офицерскіе чины; но за это полевые офицеры косились на горняковъ и наружнымъ образомъ выказывали знаки своего неудовольствія. Нѣсколько неизвинительныхъ сценъ, исторій и ссоръ дошло до свѣдѣнія императрицы и въ послѣдній годъ ея царствованія состоялся по этому предмету указъ, въ которомъ сказано: «Произведенные въ горные штабъ- и оберъ- «офицеры, колывано-воскресенскаго горнаго начальства, въ такомъ отъ «служащихъ въ армейскихъ и гарнизонныхъ полкахъ штабъ- и оберъ- «офицеровъ презрѣніи, что не хотятъ ихъ и за офицеровъ призна- «вать; а на гауптвахтахъ, или при иномъ какомъ караулѣ, часовые «онымъ горнымъ офицерамъ и чести ружьемъ не отдаютъ, поставляя «ихъ за мастеровыхъ людей, а не за офицеровъ. И какъ изъ того «имъ презрѣнія слѣдуетъ, что изъ дворянства никто въ горную науку «идти не хочетъ»... то, для большаго возвышенія ихъ — горные офицеры сравнены въ чинахъ и въ жалованьи съ артиллерійскими и инженерными офицерами; въ то же время дана имъ и новая форма мундировъ: кафтанъ краснаго сукна съ зеленымъ стамеднымъ подбоемъ, съ зелеными отворотами, съ небольшимъ воротникомъ и разрѣзными обшлагами; камзолы изъ зеленаго сукна; кафтаны, камзолы и шляпы обложены серебрянымъ позументомъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что первая въ Россіи чугунная дорога устроена была на здѣшнихъ заводахъ, а теперь нужнымъ считаемъ прибавить, что первая въ Россіи паровая машина была устроена въ Барнаулѣ, въ 1766 году, русскимъ человѣкомъ, механикомъ Ползуновымъ, и приспособлена имъ для заводскаго дѣйствія, а знаменитый въ то время горный ученый Шлаттеръ ее усовершенствовалъ.

Барнаулъ—горный городъ и главный центръ управленія Колыванской-Области. Этого управленія основныя начала утверждены въ 1828 году. Главное начальствованіе надъ областью приписывается лицу «Главнаго Начальника Алтайскихъ Горныхъ Заводовъ», который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и томскій гражданскій губернаторъ; оба титула и обѣ власти, по положительнымъ законамъ, неразъединимы. По званію начальника губерніи, «главный начальникъ» обыкновенно живетъ въ Томскѣ, а мѣсто его въ области занимаетъ «горный начальникъ» съ «помощникомъ». Лица эти, вмѣстѣ съ приданными къ нимъ совѣтниками, составляютъ высшую администрацію области—«Горное Правленіе». Оно раздѣляется на четыре отдѣленія — а) рудниковъ и заводовъ, б) приписныхъ крестьянъ, в) судное и г) счетное; при Правленія есть канцелярія, главная лабораторія, главная чертежная, архивъ и инспекторъ медицинской части.

Подъ вѣдѣніемъ горнаго правленія состоятъ «Горныя Конторы», и десять «Отдѣленій». Предметы вѣдомства «Конторъ» раздѣлены на четыре отдѣльныя части: пробирную, маркшейдерскую, казначейскую и горную полицію. Этихъ конторъ восемь: Барнаульская, Павловская, Локтевская, Сузунская, Томская, Змѣиногорская и Салаирская, завѣдывающія собственно или заводами, имена которыхъ носятъ, съ принадлежащими къ нимъ рудниками, или цѣлою массою рудниковъ и заводовъ того края, имя котораго имъ присвоено (напримѣръ, Салаирская,

съ заводами Гавриловскимъ и Гурьевскимъ и всѣми рудниками Салаирскаго-Края; Змѣиногорская съ Змѣевскимъ заводомъ и всѣми рудниками Змѣиногорскаго-Края); восьмая контора, Колыванская, завѣдываетъ колывановскою шлифовальною фабрикою и ломками цвѣтныхъ камней.

«Отдѣленія» находятся въ завѣдываніи «Управителей» и дѣйствуютъ на основаніи общихъ законовъ о земской полиціи. Отдѣленія эти находятся: 1) Аёщинское въ Томскомъ-Округѣ, 2) Чаусовское и 3) Ординское въ Колыванскомъ, 4) Бѣлоярское и 5) Малышевское въ Барнаульскомъ, 6) Бачатское и 7) Верхотомское въ Кузнецкомъ, 8) Енисейское, 9) Убинское и 10) Бухтарминское въ Бійскомъ-Округѣ. Разница между конторами и отдѣленіями, въ-отношеніи къ народонаселенію, здѣсь та, что конторы, кромѣ искусственной части, управляютъ только собственно заводскими людьми, а отдѣленія—только людьми, «приписанными къ заводамъ».

Къ каждому отдѣленію приписано нѣсколько волостей, а волость есть ничто-иное, какъ собраніе сосѣдственныхъ между-собою селъ и деревень, или лежащихъ въ отдѣльной совершенно особой мѣстности, или составляющихъ числительностію своихъ обитателей такую цифру, какая въ извѣстномъ краѣ принята за норму, для возможности существованія волости, какъ удобнопонятнаго собирательнаго. На-примѣръ, если было принято за правило составлять волости изъ четырехъ тысячъ душъ, то изъ шестидесяти-тысячнаго населенія было бы учреждено пятнадцать волостей; но если вдругъ приказъ придетъ «считать волость въ три тысячи», то изъ того же самаго населенія составится уже двадцать волостей. Волость управляется головой, и потому волостной голова есть начальникъ всѣхъ сельскихъ начальниковъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, которыя соединеніемъ своимъ составляютъ эту волость.

Въ Барнаулѣ особенное вниманіе любопытныхъ обращаютъ на себя: памятникъ Демидову, обсерваторія, ботаническій садъ, типографія, въ которой впрочемъ никакихъ литературныхъ произведеній не печатаютъ, публичный музеумъ, помѣщаемый въ деревянномъ зданіи и содержащій въ себѣ зоологическій кабинетъ, богатое собраніе моделей золотопромывательныхъ машинъ, собраніе моделей горныхъ разработокъ въ знаменитѣйшихъ рудникахъ, собраніе сибирскихъ древностей, и собраніе оружій и одеждъ разныхъ сибирскихъ и американскихъ народовъ. Всѣ эти рѣдкости, точно также какъ и самые заводы, показываются желающимъ не просто «на-те, смотрите»! а съ необходимыми объясненіями, такъ-что неопытный зритель имѣетъ передъ глазами не одинъ сборъ явленій, не имѣющихъ для него никакого смысла, но онъ видитъ весь механизмъ, понимаетъ связь между явленіями, создаетъ себѣ возможно-ясное понятіе о цѣломъ.

На-примѣръ: не такъ давно случилось мнѣ осматривать близъ Петербурга одно частное заведеніе. Осмотръ этотъ дозволенъ мнѣ былъ безъ особенныхъ съ моей стороны упрашиваній. Въ чичероне дали мнѣ какого-то господина. Ввели въ одну комнату: — Что это? спрашиваю. — «А это-съ, такъ-съ!» Ввели въ другую: —А это что?—«Машина-съ!»—Какая?—«Простая-съ, желѣзная-съ!» Ввели въ третью комнату. — Постойте, не торопитесь, мой другъ! Что это за приводъ? — «Колесо-съ».— Я вижу что колесо, но къ чему оно служитъ? —«Оно-съ... вертится-съ!» — Не можете ли вы мнѣ сказать, какою силою оно

оборачивается и что именно приводитъ оно въ движеніе? — «Мы-съ эфтева не знаемъ-съ!» Такое же ясное понятіе пріобрѣлъ я и о гигантскомъ молотѣ, управляемомъ ничтожною силою и поражающемъ страшною тяжестью: какимъ я взошелъ профаномъ въ заведеніе, точно такимъ же профаномъ изъ него и вышелъ; видѣлъ многое, понималъ, если угодно, что все это великолѣпно, прекрасно, но ровнёшенько ничего не уразумѣлъ.

На горныхъ кабинетскихъ заводахъ, пріѣзжій ли, тутошный ли житель испроситъ дозволеніе, или изъявитъ желаніе осмотрѣть знаменитый заводъ — ему въ ту же минуту дается и согласіе и провожатый. Показываніе комнатъ завода сопровождается разсказомъ ab ovo того, чему видимое теперь явленіе служитъ уже результатомъ. На сребороплавиленномъ, на-примѣръ, заводѣ въ Барнаулѣ посѣтитель съ самымъ горячимъ любопытствомъ выслушаетъ понятную, краткую, блестящую лекцію о добычѣ серебра, и своими глазами тутъ же на мѣстѣ провѣритъ ее и, вслѣдствіе этого, смотря по большей или меньшей степени воспріимчивости, усвоитъ себѣ отчетистое знаніе и о зданіи завода, и о его механизмѣ, и о силѣ его машинъ, и о усовершенствованіяхъ, произведенныхъ при такихъ-то пріемахъ, и о платѣ рабочимъ, и о ихъ состояніи, и о раздѣленіи занятій, и о переходахъ даннаго вещества изъ одного вида въ другой и изъ одной формы въ другую. Итакъ, желая посмотрѣть какъ серебро плавятъ, зритель въ то же время видитъ и понимаетъ всѣ измѣненія, претерпѣнныя простыми кусками руды, начиная отъ первобытнаго ихъ вида до той минуты, когда, пройдя весь процессъ, руда эта является блестящимъ серебрянымъ слиткомъ. Точно такъ на монетномъ дворѣ посѣтитель усвоитъ себѣ весь переходъ, совершаемый необработаннымъ металломъ при перехожденіи въ монету; на гранильной фабрикѣ онъ узнаетъ, какимъ-образомъ вдругъ изъ какого-то невзрачнаго на видъ камешка получается то, что мы называемъ брильянтомъ, а на шлифовальной фабрикѣ ему станутъ понятны тѣ тайны трудовъ, искусства и науки, при которыхъ массивный бездушный кусокъ роднаго мрамора, яшмы или малахита принимаетъ обаятельныя формы рѣдкаго произведенія искусства.

Въ 292 верстахъ къ югу отъ Барнаула, при рѣкѣ Бѣлой, есть небольшое населеніе, домовъ въ полтораста съ народонаселеніемъ около тысячи душъ обоего пола. Это колывановская шлифовальная фабрика. Въ 35-ти верстахъ отъ этой фабрики высится знаменитая Ревнюха, богатая яшмовыми ломками. Въ 1815 году отъ нея отторгнутъ былъ прекрасный кусокъ зеленоволнистой яшмы. По огромности куска, его не могли доставить на фабрику ни водой, ни лошадьми, и рѣшено было эту громадину, болѣе семисотъ пудовъ вѣса, перетащить туда посредствомъ людей. Перетаскиваніе совершено было въ-теченіе восьми дней, при помощи четырехъ-сотъ человѣкъ. Изъ этого матеріяла велѣно было выработать чашу, по рисунку архитектора Гваренги. Сколько тутъ требовалось трудовъ, искусства и осторожности, можно сообразить изъ того, что чаша долженствовала быть длиной въ четыре съ половиною аршина, шириной безъ двухъ вершковъ въ сажень, а вышиною, съ ножкою и цоколемъ, въ два аршина съ вершкомъ. Къ 1820 году работа эта была окончена и изготовленная чаша вѣсила 127½ пудовъ. Почти мѣсяцъ везли ее сухимъ путемъ до

Уткинской-Слободы, на Чусовой, и безъ малаго четыре мѣсяца она шла водой до Петербурга.

Но еще громаднѣйшія чудеса искусства были изготовлены тамъ въ послѣднее время: имѣвшіе случай видѣть яшмовую купальню въ Царскомъ-Селѣ, огромную ванну въ Петергофѣ, или менѣе-колоссальныя, но еще болѣе-художественныя произведенія изъ горнокаменныхъ породъ въ императорскомъ эрмитажѣ и въ кладовыхъ кабинета—тутъ только, можетъ-быть, въ первый разъ узнавали, что всѣ эти дивы-дивныя, украшающія собою царскіе чертоги — не что иное, какъ работа простыхъ русскихъ мужичковъ и заводскихъ мастеровыхъ.

— Ну что́, сударь мой, ка́къ вамъ наша Сибирь понравилась? полюбился ли вамъ Барнаулъ нашъ? спросилъ меня Степанъ Алексѣичъ, входя ко мнѣ въ комнату, въ то время, когда я, распростившись со всѣми окончательно, укладывался въ дорогу.

— Нешто, Степанъ Алексѣичъ, не дурно, да все оно, знаете, какъ-то не то. Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ-то и я: какъ мнѣ здѣсь съ вами ни пріятно было, а все дома лучше.

— Да нѣтъ, я не то хотѣлъ у васъ спросить: вотъ вы бывали и въ Тобольскомъ и въ Томскомъ... Ну, такъ ка́къ вамъ Барнаулъ нашъ противу нихъ показался?

— И Томскъ и Тобольскъ и другіе все это города хорошіе, прекрасные, настоящіе сибирскіе, а Барнаулъ мнѣ кажется чистымъ уголкомъ Петербурга; я даже вамъ скажу, что онъ похожъ на заграничный европейскій городокъ...

— Ужь вотъ на этомъ и не стоитъ благодарности! возразилъ стоявшій тутъ посторонній человѣкъ. Вотъ ужь и примѣнили вы Божій даръ къ яичницѣ! Неужь-то по вашему, сударь, мнѣнію: на иностранное походить честнѣе, чѣмъ быть чистымъ русскимъ?

Или посторонній господинъ не понялъ моей мысли, или онъ намѣренно предложилъ такой кляузный вопросъ; но я ему не отвѣчалъ ни слова.

Черезъ двѣ недѣли я уже былъ въ Москвѣ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

I.

РУССКІЙ И ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, СЪ 15 ОКТЯБРЯ ПО 15 НОЯБРЯ.

Александринскій Театръ. Бенефисъ г-жи Гусевой: Новый Саміель, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. П. Каратыгина; Римскій Диктаторъ Камиллъ и Школьный учитель, историческая драма въ одномъ дѣйствіи; А. Ф., шутка-водевиль, перев. съ французскаго П. С. Ѳедоровымъ; Лоскутница съ Толкучаго, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Оникса.—*Бенефисъ г. Григорьева 1-го:* Аристофанъ *или представленіе комедіи* Всадники, оригинальная историческая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. кн. А. А. Шаховскаго; Своя семья, оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова и Н. И. Хмѣльницкаго; Развѣ мы хуже другихъ, оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Андреевскаго; Дивертиссементъ. — *Бенефисъ г-жи Валберховой:* Сынъ Степей, драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ; Богатая Старушка, комедія въ двухъ

дѣйствіяхъ; соч. Амца; Минуэтъ, исполненный Фанни Эльслеръ и г—жею Андреяновою; Сто тысячь, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи; Дивертиссементъ. — *Бенефисъ г. Самойлова:* Блаженство безумія, драма въ двухъ дѣйствіяхъ; переводъ съ французскаго А. Л. Неваховича; Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полѣзай, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго; Репетиція домашняго спектакля, оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Руднева.—*Михайловскій-Театръ: Бенефисъ Mlle Жеральдинъ:* Les Amour de Paris, комедія въ двухъ актахъ, соч. Дюмерсана: Un Drame de Famille, драма въ пяти актахъ, соч. Мишеля, Карре и Барбьера; Les Rendez-Vous Bourgois, комическая опера въ одномъ дѣйствіи : слова Гофмана, музыка Николо. — *Бенефисъ г. Варле:* La Maréchale d'Ancre, историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Альфреда де Виньи.—*Бенефисъ г-жи Дегранжъ:* Riche d'Amour, водевиль въ одномъ актѣ, соч. Дювера и Лозанна; Horace et Caroline, комедія въ двухъ актахъ, соч. Баяра и Бьевилля; L'ordonnance du Medicin, комедія-водевиль въ одномъ актѣ, соч. Жюля Премаре.—*Дебютъ Mlle Suzanne-Lagier:* Susanne de Croissy, комедія-водевиль въ одномъ актѣ, соч. Филиппа де-Марвилля; Pas de Fumée sans feu, комедія-поговорка въ одномъ актѣ, соч. Баяра.— *Второй дебютъ Mlle Каролины-Даллока:* Elle est folle, комедія въ двухъ актахъ, соч. Мельвилля.—*Бенефисъ г. Руже:* J'attends un Omnibus, водевиль въ одномъ актѣ, соч. Габріеля и Поля Вермона; Les Sept Billets, водевиль въ трехъ актахъ и семи дняхъ, соч. Г. Клервилля; Les Précieuses Ridicules, комедія, соч. Мольера

Едва минулъ годъ, какъ эта «Хроника» стала жить, и уже театральныя обозрѣнія наши съ каждымъ мѣсяцемъ становятся такими здоровыми, что многіе могутъ подумать, будто мы больны. Ничего небывало. Театръ начинаетъ занимать въ общественной жизни нашей болѣе и болѣе мѣста; не проходитъ бенефиса, въ который мы не видѣли бы или возобновленія пьесъ старыхъ, почему-нибудь замѣчательныхъ, какъ «Скупой» или «Аристофанъ», или появленія новыхъ, обнаруживающихъ въ авторахъ несомнѣнное дарованіе, какъ «Царская Невѣста», «Холостякъ», или «Богатая Старушка». На сценѣ совершаются въ наше время серьёзныя работы: она попеременно показываетъ всѣ стороны нашей жизни—и былой, и современной, и, пожалуй, будущей, потому-что могутъ же встрѣчаться на ней типы съ совершенствами идеальными, до какихъ мы еще недостигли; а кому же и указывать на нихъ, какъ не талантамъ творческимъ, которымъ дается особый даръ прозрѣвать то, чего еще нѣтъ, или что только въ зародышѣ... Для сцены начинаютъ писать люди даровитые, которые до того времени трудились только въ литературѣ. Въ настоящее время, когда всѣ европейскіе театры, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, замѣтно падаютъ — русская сцена наша представляетъ для литературной дѣятельности поприще самое завидное. Но этого мало. Дѣятельность сценическая, конечно, не выше, но, безспорно, полнѣе и ближе къ жизни, чѣмъ та, которая выражается въ романѣ, или повѣсти. Выборъ того или другаго направленія, безъ-сомнѣнія, зависитъ не отъ человѣка, а опредѣляется самою природой; но при всемъ томъ никакъ нельзя отвергнуть, чтобы здѣсь, какъ и вездѣ, въ образованіи и въ направленія той, или другой изъ этихъ способностей, не имѣли вліянія внѣшнія обстоятельства. Отъ этого иногда въ литературѣ особенно пробуждается жажда болѣе-дѣятельнаго существованія. Вотъ почему теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, могутъ раждаться желанія въ одушевленныхъ сценахъ проводить предъ глазами на-

шими воспоминанія изъ нашей старины, очерки изъ нашихъ нравовъ— не льстивые, а въ ихъ настоящемъ видѣ, наконецъ подвиги, колебанія и страданія людей, чѣмъ-нибудь обогатившихъ сокровищницу нашего народнаго, моральнаго достоянія. Форма сценическихъ произведеній всего скорѣе удовлетворяетъ склонности къ такому драматизму. И какъ можетъ быть иначе! На сценѣ все, что нужно человѣку съ нетерпѣливой жаждой осуществить созданія своей фантазіи въ живыхъ, осязаемыхъ образахъ. Передъ вами люди, способные передать всѣ характеры, всѣ порывы, всѣ мученія страсти, и которыхъ вы можете поставить тамъ, гдѣ они должны стоять въ ряду человѣческихъ явленій. Передъ вами великолѣпныя, свѣжія изображенія греческихъ храмовъ и портиковъ, развалинъ друидовъ, общественныхъ зданій, внутренностей жилищъ, непокрытыя пылью, неокрашенныя плесенью времени; передъ вами восторги, никому неоткрываемые, веселый смѣхъ, непритворныя слезы, которыя нигдѣ не найдете въ такомъ обиліи и искренности, какъ передъ вами—передъ вами, однимъ словомъ все, что жизнь сцены дѣлаетъ столько похожею на дѣйствительность, но дѣйствительность преображенную и очищенную въ горнилѣ искусства... Сюда, сюда! на театральныя подмостки!.. Вотъ и перо, которое запишетъ ваши имена на страницахъ этой бѣдной хроники... Вамъ этого мало?.. Не на печальныя же васъ доски въ храмахъ! Но погодите минуту; дайте намъ убрать съ дороги бенефисъ г-жи Гусевой, а тамъ ужь прямо на ленейское торжество въ «Аристофанѣ»!..

Грѣшные люди! отъ бенефиса г-жи Гусевой въ нашей памяти не осталось почти ничего. Пьесы—точно люди: два-три слова, сказанныя однимъ, жестъ, улыбка, врѣзываются глубже, чѣмъ длинный, краснорѣчивый разговоръ другаго. Какъ не помнить слѣпой Іоланды въ минуту, когда она, вмѣсто бѣлой, срываетъ красную розу; помѣшанной Марѳы въ багряницѣ и вѣнцѣ, или объясненія Маши съ Вилинскимъ!.. Отъ бенефиса г-жи Гусевой, комѣ поношенной тоги римскаго диктатора, до калошъ отставнаго солдата Потапыча, изъ которыхъ видна солома — ничего...

Но вотъ хоть примѣты бенефиса.

Даны были: «Новый Саміэль», гдѣ роль Чертовича, вмѣсто г. Мартынова, исполнялъ г. Щепкинъ; потомъ — шутка-водевиль А. Ф., передѣлка съ французскаго, въ которой трудно было не узнать подстрочнаго перевода съ французскаго водевиля А. Н., и о которомъ мы говорили мѣсяцъ или два тому назадъ. Изъ оригинальныхъ пьесъ шли: «Лоскутница съ Толкучаго» и «Камиллъ». Въ цѣломъ бенефисѣ ни одной порядочной роли для бенефиціантки! Это очень-жаль. Ея талантъ заслуживалъ того, чтобъ для нея написать что-нибудь полное; въ характерахъ простыхъ, грубыхъ женщинъ, которыя умѣютъ съ теплотой любить, съ энергіей выражаться, можно было бы найдти для нея много пищи.

Отъ «Лоскутницы съ Толкучаго», соч. Ониксa, послѣ пьесы того же автора «Аллегри», признаёмся, мы ожидали гораздо-болѣе. Сцена, гдѣ баринъ учитъ слугу, какъ просить руки своей любезной—есть единственное мѣсто сколько-нибудь интересное. Къ-счастію водевиля, въ немъ игралъ г. Мартыновъ; это спасло его отъ конечнаго крушенія. Г. Мартыновъ занималъ роль отставнаго солдата Потапыча, портнаго, занимающаго уголъ у лоскутницы Ильинишны. Не говоря о самой игрѣ Мартынова, онъ въ совершенствѣ владѣетъ искусствомъ костюмировки, рас-

крашиванія лица и усвоенія маперъ, разговора, пріемовъ, даже голоса того лица, которое онъ представляетъ. Отставной солдатъ Потапычъ, съ небритою бородой, съ хриплымъ, прерывистымъ голосомъ, съ носомъ, который точно съузился отъ грубыхъ очковъ, которыми Потапычъ сѣдлаетъ его, наконецъ съ какими-то башмаками, изъ которыхъ видна солома — былъ снятъ г. Мартыновымъ съ натуры. И всѣмъ своимъ ролямъ онъ умѣетъ придать такую внѣшнюю оригинальность, что какъ бы онѣ ничтожны ни были, они всегда представляютъ прелесть новизны. Правда, иногда они бываютъ преувеличены. Но это необыкновенное разнообразіе во внѣшней отдѣлкѣ не можетъ не нравиться большинству. Въ этомъ отношеніи съ Мартыновымъ трудно тягаться артисту даже одного съ нимъ таланта и даже съ бо́льшею, чѣмъ онъ, опытностью. Въ роляхъ, на которыя онъ однажды наложилъ свою печать, никто другой, въ глазахъ петербургской публики, не заслужитъ равнаго съ нимъ успѣха. Рѣчь эту держимъ мы къ тому, чтобъ нѣсколько оправдать холодный пріемъ, сдѣланный М. С. Щепкину въ роли Чертовича, въ «Новомъ Саміэлѣ».

Самою капитальною пьесой бенефиса г-жи Гусевой, безспорно, былъ «Римскій диктаторъ Камиллъ и Школьный учитель» — историческая драма въ одномъ дѣйствіи.

Греческій педагогъ Фалалей, послѣдователь Пиѳагора, учитъ школьниковъ, а пастухъ пасетъ, за сценой, овецъ. Раздается трубный звукъ: педантъ, школьники, бараны и пастухъ прячутся въ сосѣднюю пещеру. На сцену приходитъ римское воинство, предводимое римскимъ полководцемъ Фуріемъ Камилломъ. Герой, драпируясь въ римскую тогу, произноситъ какую-то великолѣпную тираду въ стихахъ. Въ это время римскій дозоръ приводитъ захваченнаго Фалалея. Какъ послѣдователь Пиѳагора, школьный учитель принимаетъ одни манеры съ Фонкомъ и Загорѣцкимъ. Затѣмъ, желая спасти свою грѣшную душу, открываетъ Камиллу, гдѣ спрятаны пастухъ, бараны и школьники — дѣти знатныхъ Фалерянъ. Между-тѣмъ приходятъ фалернскіе старѣйшины; за ними ихъ жены, разныя Лавиніи и Сабины. Фалеряне никакъ не хотятъ сдать своего города, а жены ихъ, съ плачемъ и съ воплемъ бросаются обнимать своихъ дѣтей, плѣненныхъ Римлянами. «Э, маменька! не плачьте!» говоритъ одинъ изъ школьниковъ: «ну, чтожь такое, что насъ отведутъ въ Римъ; тамъ, говорятъ, славно жить. А господинъ Фалалей сказывалъ, что отечество вездѣ, гдѣ хорошо». Камиллъ наморщиваетъ брови, велитъ раздать школьникамъ толстые прутья, которые римскіе воины носятъ съ собой, и приказываетъ имъ сѣчь Фалалея за то, что онъ софистъ. Тутъ ужь мы не помнимъ: — отдаетъ Камиллъ мальчиковъ семействамъ, или нѣтъ, только старѣйшины, побѣжденные умышленнымъ великодушіемъ его, или педагогическими познаніями, рѣшаютъ: сдать Фалерны. Камиллъ, все продолжая играть роль великодушнаго, говоритъ имъ: «Такъ нѣтъ же: ужь если на то пошло, такъ я принимаю васъ не такъ, какъ плѣнныхъ, а какъ нашихъ союзниковъ; вмѣстѣ и на войну пойдемъ». Затѣмъ онъ принимаетъ геройскую посадку и въ стихахъ начинаетъ говорить о величіи Рима.

Нужно сказать правду, что князь Шаховской, въ своей пьесѣ «Аристофанъ», возобновленной въ бенефисъ г. Григорьева 1-го, умѣлъ выбрать, для сцены, изъ событій древняго міра предметъ гораздо-болѣе здоровый и вдохнуть въ него гораздо-болѣе одушевленія, чѣмъ сколь-

ко видно это въ «Римскомъ Диктаторѣ». «Аристофанъ» есть лучшая пьеса, какую князь Шаховской написалъ, и потому мы позволяемъ себѣ вкратцѣ изложить здѣсь содержаніе этой исторической комедіи.

Лѣтъ пять или шесть тому назадъ, въ Берлинѣ устроенъ былъ древній театръ. Изъ всей Германіи съѣхались тогда въ Берлинъ ученые антикваріи. Сцена и самый театръ расположены были точно такъ, какъ это было у древнихъ. Роли женщинъ замѣняли мужчины. Давали на латинскомъ языкѣ комедію «Плѣнники» (Captivi) — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Плавта. Декораціи изображали площадь и Помпейскую-Улицу. Въ составленіи костюмовъ, подобранныхъ съ отличною вѣрностью, участвовалъ самъ король. Въ антрактахъ играли оды Горація, положенныя на музыку Мейерберомъ. Хоры, парабазъ, котурны, маски, трубы для усиленія человѣческаго голоса—словомъ, ничто не было забыто, чтобъ придать театру ту иллюзію, какую онъ имѣлъ для древнихъ, и чтобъ лица драмы точно казались зрителямъ, по выраженію Эсхилла—какими-то видѣніями, предшествуемыми страхомъ. Это былъ настоящій древній театръ, устроенный съ нѣмецкою аккуратностью, если только книги вѣрно передали намъ акцентъ мертвыхъ языковъ, и если зрители XIX вѣка могли принимать какое-нибудь участіе въ тѣхъ интересахъ, какими театръ связанъ былъ съ общественной жизнью Грековъ и Римлянъ. Само-собою разумѣется, что такой театръ, стоя огромныхъ издержекъ, могъ быть понятенъ только для небольшаго числа образованныхъ цѣнителей.

Князь Шаховской, не прибѣгая къ переводамъ, задумалъ представить Грековъ не на театрѣ, а въ ихъ домашней жизни, въ ихъ языческихъ храмахъ и на площадяхъ.

Кожевникъ Клеонъ, съ самой смерти Перикла, случившейся за пять лѣтъ до времени дѣйствія, крикливымъ голосомъ своимъ, сильною грудью, лестью черни и клеветой на знаменитыхъ гражданъ, согналъ съ Аѳинской-Площади благоразуміе и справедливость. Выбранный крамолою черни, въ воинскіе казнодары, онъ раздуваетъ выгодную для него и пагубную для всей Греціи, пелопонезскую войну. Подобныя событія, раздражая высокую душу Аристофана, давно стало воспламенять его комическій жаръ; не разъ уже онъ схватывалъ, такъ-сказать, съ народной площади лица и происшествія, и, не давъ имъ охолодѣть, пародировалъ ихъ на театрѣ. Страстно любя свое отечество и славу Греціи, защищая интересы класса владѣльцевъ, называемыхъ всадниками, увлекаясь, наконецъ, воспоминаніями еще о недавнемъ времени, когда Периклъ былъ почти царемъ и когда Аѳины были жилищемъ искусствъ и наукъ, Аристофанъ рѣшается въ комедіи обличить грабительство и развратъ кожевника Клеона.

Комедія эта, названная «Всадниками», одобрена и принята на театръ. Чтобъ имѣть какое-нибудь понятіе о жесткости этой сатиры, стоитъ вспомнить отвратительную низость, съ какою выведенные Аристофаномъ на сцену Кожевникъ и Колбасникъ—два любимые раба народа—ищутъ чѣмъ бы угодить черни, представленной въ комедіи подъ видомъ дряхлаго старика. — «Дружочикъ» говоритъ кожевникъ Клеонъ, «когда ты будешь сморкаться, сдѣлай милость, обтирай пальцы о мои волосы.»—«Нѣтъ, нѣтъ! ради боговъ, о мои, о мои!» перебиваетъ его колбасникъ. Благородная смѣлость, правда и высокое искусство восторжествовали: поэтъ и комедія были увѣнчаны на ленейскомъ празднествѣ въ четвертый годъ 88-й олимпіады. Вотъ происшествіе, кото-

рос князь Шаховской избралъ въ основаніе своей классической комедіи, названной имъ «Аристофанъ, или представленіе комедіи Всадники»—въ родѣ того, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ комедіи «Das Urbild des Tartuff» (Подлинникъ Тартюфа) Гуцковъ изобразилъ представленіе «Тартюфа» и интриги президента Лемоаньйона,—съ котораго Тартюфъ былъ снятъ—противъ Мольера. Театръ представляетъ уголъ Улицы Треножниковъ; налѣво храмъ Эскулаповъ, направо — фронтонъ и колонны вакхова храма. По совершеніи передъ храмомъ Вакха, въ присутствіи всего народа, жертвоприношеній въ ознаменованіе начала ленейскаго празднества, первый архонтъ приглашаетъ Аѳинянъ разойдтись по домамъ, а на-утро собраться въ театръ къ присужденію ленейскаго вѣнца.

Нѣсколько приверженцевъ Клеона, въ томъ числѣ плохой комическій поэтъ, но богатый человѣкъ, Антимахъ, отдѣлясь отъ толпы, бесѣдуютъ о намѣреніи Аристофана вывести на сцену Клеона: они еще надѣются общими усиліями остановить успѣхъ. — Является самъ Аристофанъ, и на слова, то надменныя, то вкрадчивыя, сказанныя Антимахомъ насчетъ его «Всадниковъ», отвѣчаетъ открытыми жесткими рѣчами; наконецъ говоритъ:

. . . Но я республику возвышу,
Какъ съ плечь ея сшибу грабителя Аѳинъ
Кожевника Клеона.

Оставшись одинъ, Аристофанъ твердитъ напечатлѣвшіеся въ его памяти стихи изъ «Всадниковъ», и предается грустнымъ мыслямъ о томъ, какъ цвѣтущи были искусства и науки при Периклѣ и какъ подавлены они теперь, когда господствуетъ надъ Аѳинами грубая чернь и во главѣ ея Клеонъ:

. . . Увы! гдѣ Клеоны одни всемогущи,
Тамъ и лира и кисть — упадаютъ изъ рукъ!

Добрый рабъ Аристофана, Созіа, предостерегаетъ его, чтобъ онъ былъ остороженъ: Клеонъ не даромъ дѣлится казной съ чернью; она не перестаетъ кричать на площади и въ пниксѣ, что Аристофанъ—аристократъ. Аристофанъ и самъ не отрекается отъ того, что онъ не принадлежитъ къ партіи, поддерживающей Клеона. За рабомъ уговариваетъ Аристофана и любимица его, Алкиноя, племянница Аспазіи. Клеонъ погубилъ многихъ; съ нимъ тягаться трудно, Клеонъ человѣкъ сильный.

А смѣхъ сильнѣй его!

отвѣчаетъ Аристофанъ. — Наконецъ на площади составляется противъ Аристофана партія. Клеонъ подымаетъ всѣ пружины, чтобъ какъ-нибудь остановить представленіе «Всадниковъ». Одни изъ его приверженцевъ рѣшаютъ изгнать Аристофана; другіе—предать его пыткѣ; третьи — распустить въ народѣ молву, что Аристофанъ подкупленъ Спартою, и въ ту минуту, какъ на сцену явится актеръ въ роли Клеона, всѣмъ встать и криками: «Аристофанъ злодѣй! Аристофанъ злодѣй»! заглушить стихи его. — Аристофанъ, удалясь съ Алкиноей въ преддверіе вакхова храма, слышитъ весь этотъ разговоръ. Онъ съ ужасомъ видитъ, что враги убьютъ его комедію. — Любовь ее спасетъ! говоритъ Алкиноя. — «Но какъ?» — Пойдемъ ко мнѣ. —

Алкиноя посылаетъ къ Клеону приглашеніе встрѣтить у нея день Вакха. Клеонъ спѣшитъ разстаться на площади съ друзьями. — Меж-

ду-тѣмъ Алкиноя бесѣдуетъ съ Аристофаномъ. Тяжелое чувство гнететъ бѣднаго поэта передъ началомъ того боя, къ которому онъ устроилъ полки свои. Но онъ боится не Клеона, а самого-себя, своего самолюбія...Кáкъ многихъ оно обманываетъ!...

Кáкъ трудно возбудить въ народѣ умный смѣхъ,
Кáкъ комикъ долженъ быть въ изображеньяхъ точенъ,
Разборчивъ, веселъ, живъ; и кáкъ его успѣхъ
Всегда сомнителенъ — и рѣдко проченъ.

Алкиноя разсѣеваетъ грусть Аристофана, но она и сама страшится! Чтò скажетъ имъ будущій день! Въ довершеніе горя, приходитъ рабъ Аристофана, Созіа, и объявляетъ ему, что ни одинъ актёръ не соглашается играть роли Клеона и никто не осмѣливается дѣлать его маски. Кто нарушитъ приказанія, того Клеонъ стращаетъ утопить. Въ одну минуту тяжелое сомнѣніе Аристофана исчезаетъ. «Я буду играть самъ!» говоритъ онъ — «я явлюсь съ раскрашеннымъ лицомъ вмѣсто маски». Сама Алкиноя, еще за минуту страшившаяся будущаго, теперь дѣлается совершенно-безстрашною:

Такъ, мнѣ Клеонъ теперь не страшенъ, а смѣшонъ,

говоритъ она, обѣщая Аристофану достать, для полноты сходства, хламиду Клеона.

Въ эту минуту входитъ къ Алкиноѣ Клеонъ и, остановясь за колонной, подслушиваетъ разговоръ Аристофана съ Алкиноей.

Показывая видъ, будто не замѣчаетъ его:

Когда народъ смѣшишь ты глупостью чужой,

говоритъ Алкиноя, какъ-бы защищая Клеона:

То почему жь ему не пользоваться ею?

Весьма-довольный такимъ умнымъ отвѣтомъ, Клеонъ входитъ въ комнату и говоритъ, что онъ только-что вошелъ; «не вѣрь», обращается Аристофанъ къ Алкиноѣ:

«Клеонъ и Иппербoлъ не входятъ тотчасъ въ дверь.»

Алкиноя удерживаетъ Аристофана отъ лишнихъ словъ. «Оставь его», говоритъ Клеонъ: «шутамъ я даю полную волю ругаться надо мной»:

«Какъ Иппербoлъ, Периклъ и я — имъ все равно.»
— Есть разность небольшая,

прерываетъ Аристофанъ:

Между Перикломъ и тобой:
Периклъ надъ Греціей Аѳины возвышая,
Хотѣлъ ихъ видѣть подъ собой;
А ты Аѳины топчешь
Въ свою стихію — грязь...

Клеонъ не сердится за такую параллель; онъ знаетъ связь Аристофана съ аристократами; Аристофанъ ропщетъ на него за то, что онъ не терпитъ ихъ спѣси,

И что народъ, какъ самъ себя люблю,

прибавляетъ Клеонъ.

— Не тáкъ:

замѣчаетъ Аристофанъ,

. . . Любовь къ себѣ тебя учетверила;
Къ нему жь любовь — его какъ спичку изсушила.

Клеонъ, наконецъ, какъ прободенный волъ, начинаетъ сердчать; онъ уже готовъ треснуть съ досады, и въ гнѣвѣ говоритъ Аристофану, что если онъ осмѣлится поставить своихъ «Всадниковъ», такъ послѣ того, ему и дня не жить. Аристофанъ замѣчаетъ на это, что

. . . кто грозитъ
Тотъ труситъ.»

— «Кого?» спрашиваетъ Клеонъ:

— Боится ль левъ, что пёсъ его укуситъ

«Не левъ!..» опять замѣчаетъ Аристофанъ язвительно-желчнымъ тономъ. Алкиноя видитъ, что Аристофанъ выходитъ изъ себя: глаза его горятъ, онъ готовъ забыть приличія; Алкиноя проситъ его оставить ихъ въ покоѣ. Аристофанъ хочетъ уйдти; за нимъ и рабъ его, Созія:

«Останься здѣсь», говоритъ Алкиноя послѣднему,

«Чтобъ взять его хламиду.»

Но въ эту самую минуту входитъ рабъ Клеона, Фригикъ, и на-ухо передаетъ своему господину, что, слава богамъ, актёры отказались играть роль Клеона, и потому «Всадники» не будутъ представлены Клеонъ такъ обрадовался этой вѣсти, что злоба его совершенно смягчилась, и онъ началъ спокойно подшучивать надъ Аристофаномъ, надъ его «Всадниками», надъ тѣмъ, будетъ ли онъ похожъ? Не зная, что Аристофанъ хочетъ явиться въ его роли самъ и не подозрѣвая, что Алкиноя также дурачитъ его, Клеонъ обращается къ ней, и по секрету говоритъ объ Аристофанѣ:

Ужь коршунъ въ западнѣ;

потомъ, что онъ очень-радъ, что Аристофанъ нашелъ доброхотныхъ смѣлыхъ артистовъ... Всѣ начинаютъ хохотать: Аристофанъ съ Алкиноей надъ Клеономъ, Клеонъ надъ Аристофаномъ, въ полномъ убѣжденіи, что и Алкиноя съ нимъ за-одно. Наконецъ, нахохотавшись вдоволь, Аристофанъ собирается уйдти.

— Ну, умница, прощай!

говоритъ ему Клеонъ.

«Прощай—не умница!...» отвѣчаетъ Аристофанъ.

— Да не обняться ль намъ?
«Прощай безъ обниманья!

Оставшись съ Клеономъ наединѣ, Алкиноя показываетъ къ нему необыкновенную нѣжность, но въ то же время весьма-ловко отклоняетъ всѣ его грубые намёки. Такое милое упорство кажется Клеону просто желаніемъ Алкинои *оказнадариться*. А Алкиноя, между-тѣмъ, подсмѣиваясь надъ нимъ, проситъ его снять хламиду и другіе признаки власти, которые пугаютъ милаго Эрота. Клеонъ соглашается, его оплетаютъ гирляндами изъ зеленаго плюща и розъ, и тучный Силенъ превращается въ рѣзваго Фавна. Алкиноя подаетъ ему руку и ведетъ къ эстрадѣ... Между-тѣмъ открывается празднество, въ чаду котораго Клеону суждено прогулять представленіе «Всадниковъ».

Послѣднее дѣйствіе представляетъ въѣздъ въ Аѳины; направо наружный видъ дома Алкинои. Утро. Алкиноя съ безпокойствомъ ожидаетъ, чѣмъ кончится представленіе «Всадниковъ». Клеонъ съ рабомъ сидятъ у нея въ силкахъ; но у Клеона много друзей, которые могли успѣть оклеветать Аристофана, и, быть-можетъ, въ эту-самую минуту, сограждане его... Алкиноя не можетъ удержать порыва негодованія и говоритъ:

Не вы ли съ изступленнымъ жаромъ
Плескали въ честь ему, когда онъ съ вашихъ глазъ
Снималъ повязку заблужденья,
И съ истины срывалъ покровъ?..

Въ это время поодиначкѣ приходятъ друзья Клеона: одни изъ поисковъ за нимъ, другіе изъ театра; но казнодара нигдѣ нѣтъ, а «Всадники» между-тѣмъ идутъ успѣшно; безъ Клеона козни не удались, а Клеонъ, просто—

Сгибъ и пропалъ, какъ-будто исчезъ въ преисподней.

Алкиноя уже наводитъ друзей Клеона на мысль, что безъ нихъ онъ не былъ бы ничѣмъ, и только черезъ нихъ сталъ всѣмъ. Всѣ они въ одинъ голосъ рѣшаютъ, что Клеонъ грабитель, безстыдникъ, глупецъ и трусъ. Является и самъ Аристофанъ; за нимъ народъ, въ предшествіи процессіи, во главѣ которой идутъ архонтъ и жрецъ. Всѣ идутъ вѣнчать поэта ленейскимъ вѣнцомъ. Собираясь принять его, Аристофанъ снимаетъ убранство Клеона, и бросаетъ его на землю. Приверженцы Клеона узнаютъ одежду и обвиняютъ Аристофана въ убійствѣ

...Все рѣшено, все ясно...
Извергъ, признайся, гдѣ тѣло Клеона ты скрылъ?

— Вотъ оно! отвѣчаетъ Аристофанъ, указывая на Клеона, который, въ видѣ рѣзваго Фавна, обвитый гирляндами изъ плюща и розъ, показывается надъ стѣною сада Алкинои. Алкиноя спѣшитъ объяснить архонту, что

Вся вина,
Вина
И сна. .

и что,

Когда бъ Клеонъ проснулся ранѣ
Не веселились бы граждане.

Клеонъ, оставленный всѣми, со стыдомъ удаляется; Аристофана вѣнчаютъ ленейскимъ вѣнцомъ.

Мы не остановились на многихъ другихъ сценахъ, написанныхъ съ неменьшимъ искусствомъ и одушевленіемъ. «Аристофанъ», какъ мы уже сказали, есть лучшее произведеніе князя Шаховскаго, и при своей постановкѣ на сцену въ 1822 году имѣлъ необыкновенный успѣхъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Подлѣ: «Аристофана» — «Полубарскія Затѣи» и «Казакъ-Стихотворецъ» (того же автора) по-истинѣ кажутся дѣтскими попытками. Лицо Аристофана очерчено рѣзко и его же собственными красками. Сцена встрѣчи его съ Клеономъ ведена весьма-бойко. Вообще вся комедія показываетъ, что князь Шаховской обладалъ большою гибкостью въ изложеніи и глубокою энергіею. Съ 1822 года прошло слишкомъ двадцать-пять лѣтъ; князь Шаховской далеко не былъ между первоклассными поэтами своего времени, и между-тѣмъ

многіе изъ его стиховъ дышатъ свѣжестью и, главное—силою. Сила въ изложеніи—важное достоинство; ее не губитъ и самая форма: мы придаемъ мало значенія этому качеству. Но кромѣ созданія и самой увлекательности изложенія, «Аристофанъ», какъ видно, стоилъ автору много труда и изученія. Къ чести князя Шаховскаго должно сказать, что и то и другое было далеко не такъ безплодно, какъ это мы видимъ на другихъ авторахъ: въ «Аристофанѣ» онъ глубоко проникнулся понятіями о греческой жизни. Затѣмъ мысль принаровить размѣръ стиховъ къ характерамъ и состоянію выведенныхъ лицъ—мысль весьма-счастливая; протяжная рѣчь Иппербола, анапестомъ, размѣромъ, какимъ написанъ «Смальгольмскій баронъ»—имѣетъ цѣну и свойство самой бойкой каррикатуры. Н. И. Гречь въ «Учебникѣ Русской Словесности» говоритъ, что успѣху нѣкоторыхъ произведеній князя Шаховскаго вредило желаніе его дѣйствовать на современниковъ изображеніемъ не только характеровъ, но и лицъ его времени. Не зная всѣхъ произведеній князя Шаховскаго и обстоятельствъ, въ которыхъ они были написаны, не можемъ судить—въ какой степени замѣчаніе это справедливо; но въ «Аристофанѣ» князь Шаховской вполнѣ созналъ

«Искусство мудрое — полезнымъ быть забавой!»

Великолѣпныя декораціи греческихъ храмовъ и портиковъ, хоры, древніе обряды, размѣрный стихъ, греческіе костюмы, за-частую забористая рѣчь и, наконецъ, эта борьба любви къ истинѣ противъ грубаго невѣжды, избраннаго грубою чернью, которую онъ обманываетъ и которой онъ льститъ—словомъ, все въ этой пьесѣ представляетъ въ цѣломъ что-то отмѣнно-грандіозное.

Жаль одного, что «Аристофанъ» былъ разъигранъ далеко не такъ, какъ мы ожидали. Г. Каратыгинъ 1-й исполнилъ свою роль очень-хорошо; въ его монологахъ и смѣхѣ не было ничего преувеличеннаго. М. С. Щепкинъ весьма-спокойно отмѣтилъ нѣсколько словъ, которыя достались на долю раба Созіи, съ какимъ-то войлокомъ на головѣ, вмѣсто волосъ. Крикунья Ксантиппа—жена Сократа, прибавила прекрасную роль къ репертуару г-жи Липской, которая, вмѣстѣ съ бенефиціантомъ, г. Григорьевымъ 1, умѣла сохранить всю характерность ихъ типамъ. Но затѣмъ роли Клеона и Алкинои, столько важныя въ пьесѣ, а послѣдняя и столько трудная—были выполнены, на наши глаза, весьма-неудовлетворительно. Клеонъ долженъ быть не исключительно смѣшонъ; лицо Аристофана было бы поднято гораздо-выше — Клеона, опущено гораздо-ниже, еслибъ противнику поэта сохранено было болѣе надменности, положимъ, и глупой, но не исключительно-смѣшной. Эта роль была не по средствамъ г. Толченова. Что касается до игры г-жи Жулевой, то мы, больше чѣмъ прежде, того мнѣнія, что для драматическихъ ролей она не создана. Нѣкоторые монологи она произнесла довольно-хорошо, но въ большей части ихъ, слабая грудь ея до-того измѣняла ей, что она, не успѣвая во-время переводить дыханія, грѣшила даже противъ акцентуаціи. Роль Алкинои не легкая: она требуетъ опытной игры, еще большаго искусства въ чтеніи и большихъ физическихъ средствъ.

О другихъ пьесахъ, данныхъ въ бенефисъ г. Григорьева 1: «Развѣ мы хуже другихъ» и «Своя Семья» — мы не станемъ говорить. О «Своей Семьѣ»—комедіи въ трехъ дѣйствіяхъ, данной въ первый разъ въ 1818 г., въ пользу актрисы Валберховой, князь Шаховской отзы-

вается такъ: времени до бенефиса оставалось мало, и онъ просилъ написать ему кое-что — Грибоѣдова и Хмѣльницкаго; остальное написалъ самъ, и затѣмъ старался связать всѣ эти эпизодическія явленія какою-нибудь простою интригою. Для насъ «Своя Семья» уже устарѣла, и кажется скучною, длинною и безъ малѣйшаго интереса. Въ роли Наташи — которую слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ исполняла г-жа Валберхова—въ этотъ вечеръ въ первый разъ дебютировала воспитанница Театральнаго-Училища, г-жа А. Читау. Переходимъ къ бенефису г-жи Валберховой.

Видѣли ли вы «Богатую Старушку и ея родственниковъ», или нѣтъ? Совѣтуемъ посмотрѣть! Вотъ еще пьеса, которой, подобно какъ «Царской Невѣстѣ» и «Холостяку» можно обѣщать продолжительную жизнь.

Въ домѣ богатой старушки, Анны Ивановны Салиной (г-жа Валберхова) живетъ воспитанница ея, Софья (г-жа Самойлова 2). Софья—круглая сирота, и послѣ Анны Ивановны, принявшей ее въ домъ какъ дочь, самый близкій къ ней человѣкъ —отставной брантмейстеръ Чаркинъ (г. Щепкинъ), спасшій ее изъ пожара, гдѣ погибла ея мать. Чаркинъ человѣкъ грубый — пьющій съ горя, но доброй души, привыкшій къ Софьюшкѣ какъ къ своему дитяти. У старушки Салиной тьма внуковъ, внучекъ, племянниковъ и племянницъ, которыя всѣ разсчитываютъ на ея наслѣдство. Между ними особенно замѣчательны были: Владиміръ (г. Максимовъ), влюбленный въ Софью, и которому, поэтому, въ голову не приходитъ мысль о наслѣдствѣ, и Егоръ Егоровичъ Лисичкинъ (г. Мартыновъ 1), хитрѣе всѣхъ почтенныхъ своихъ собратовъ и потому занятый наслѣдствомъ болѣе всѣхъ ихъ. Старушка больна. Родные то-и-дѣло шмыгаютъ къ ней. Старый, преданный ей слуга, Потапычъ, не надивится такому участію. Комната, сосѣдняя къ спальной больной, сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ всевозможныхъ продѣлокъ: тутъ строятся родственныя козни, тутъ приходитъ видѣться съ Софьей добрый старикъ Чаркинъ, тутъ же и влюбленныя ловятъ украдкой минуту сказать другъ другу что-нибудь нѣжное. Но, увы! Софья знаетъ, что ея назначеніе— всю жизнь быть сидѣлкой при больной, и хоть этимъ отплатить ей за ея участіе. Куда думать Софьѣ о любви, о своихъ чувствахъ, о мысли связать свою судьбу съ судьбой другаго!

Каждый изъ родственниковъ богатой старушки, видя приближеніе ея смерти, думаетъ о томъ, какъ бы уменьшить число сотрудниковъ, чтобъ больше досталось ему-самому. Здѣсь общія намѣренія ихъ прежде всего сходятся на мысли: вооружить старушку противъ Софьи, которую она любитъ, какъ дочь.

Но вотъ она и сама—богатая старушка: несмотря на свою болѣзнь, она выходитъ въ залу кушать чай, который въ углу приготовляетъ грустная Софьюшка. Искатели наслѣдства не находятъ чѣмъ угодить старушкѣ: кто несетъ подушку подъ голову, кто—подъ ноги; одинъ совѣтуетъ бросить лекарства, другой, чтобъ выслужиться больше, совѣтуетъ непремѣнно продолжать. Каждый изъ родственниковъ съ подозрѣніемъ слѣдитъ за всякимъ шагомъ другаго, и—такъ и боится, чтобъ тотъ, лишнею лаской, лишней угодливостью, не выигралъ передъ нимъ въ глазахъ богатой старушки. Анна Ивановна проситъ у Софьи кусочикъ сахара—не сладокъ чай. «Какое невниманіе! какое невниманіе!» кричатъ родные: «больная старушка—и такъ обходиться съ ней!» Анна Ивановна проситъ лекарства. «Маменька!» говоритъ Софья: «вѣдь вы принимаете

послѣ чая.»—Какъ послѣ чая: докторъ велѣлъ передъ чаемъ!—«Ахъ, Боже мой!» опять восклицаютъ родные: «вѣдь это просто безчеловѣчно! это, просто, значитъ насильно гнать въ гробъ!.. И то правду сказать: чужая!.. Что ей! Вотъ мы!..» И толпа родныхъ бросается къ прислугамъ старушки. Какая богатая старушка устоитъ передъ такими признаками участія: человѣкъ любитъ лесть. Анна Ивановна ужь и сама начинаетъ находить, что Софья невнимательна, неблагодарна, не помнитъ ея добра. Но вотъ старушка засыпаетъ; родственники распахнулись. Та упрекаетъ мужа, что мало старается угождать, другая — но чего не бываетъ въ такія минуты, когда богатыя старушки спятъ... Разнузданная корысть скачетъ черезъ моря и горы. Марья Сергѣевна (г-жа Сосницкая) съ кулаками, съ пѣной у рта, подступаетъ къ Андрею Өедоровичу — зачѣмъ не подличаетъ! Глупый добрякъ, чтобъ не быть битымъ, пятится назадъ; Лисичкинъ тянетъ его сзади за фалды и какъ-разъ наводитъ на богатую старушку, на которую тотъ и опрокидывается. Анна Ивановна въ испугѣ просыпается: шумъ, гамъ... «Что такое, что такое?» спрашиваетъ она.—Софья хочетъ бѣжать отъ васъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, свищетъ ей въ уши Лисичкинъ, не давъ опомниться отъ испуга и сна. Старушка велитъ позвать Софью: «Неблагодарная» говоритъ она: «я любила тебя, какъ дочь, и вотъ чѣмъ ты платишь мнѣ.» Софья плачетъ. Слезы ея начинаютъ трогать старушку; она уже готова смягчиться. «Твердости, больше твердости!» кричитъ ей на ухо Лисичкинъ: «дѣло нужно покончить разомъ: если Софья останется здѣсь, она не перестанетъ тревожить васъ; ее нужно выгнать, это — подколодная змѣя!» — Прочь, прочь изъ моего дома, говоритъ богатая старушка, въ которой подняли всю небывалую ея рѣшимость:—чтобъ твоего и духа здѣсь не было, неблагодарная дѣвчонка!—Софья со слезами оставляетъ домъ своей второй матери и уходитъ къ нарѣченному отцу, Чаркину, который на прощаньи упрекаетъ богатую старушку, давшую ему клятву замѣнить Софьѣ мѣсто матери, а вмѣсто-того... «Ну, да спасибо и за то, что сдѣлала,» говоритъ онъ: «виновата не ты, а твоя родня, которая какъ воронъ ждетъ твоей кончины.»

Черезъ нѣсколько дней богатая старушка точно такъ же, какъ и прежде, выходитъ въ залу; но она уже не хочетъ, чтобъ родные вели ее подъ руки, чтобъ они даже оставались съ ней въ одной комнатѣ; родные стараются разгадать, что бы это значило. По однимъ, старушка впала въ меланхолію — явный признакъ скорой смерти; по другимъ — она хочетъ остаться одна просто затѣмъ, чтобъ подумать о завѣщаніи. Съ такою пріятною надеждой они удаляются въ другіе покои. Но старушка думаетъ не о нихъ и не о смерти; въ нее врѣзались слова, сказанныя Чаркинымъ о ея родныхъ. Она груститъ о Софьѣ, которую любила, какъ дочь. Она хотѣла бы услышать что-нибудь о ней отъ другихъ. — «Что жь ничего не говоришь, хоть ты, Потапычъ?» обращается старушка къ вѣрному слугѣ. — Да что, матушка, отвѣчаетъ тотъ: — сказалъ бы вамъ, да не смѣю. — «Говори, говори.» — Вѣдь голубушка-то Софья ни въ чемъ не виновата! — «Такъ, значитъ, виновата я?» — Да и не ты, а твоя родня! — «Пошелъ вонъ!» кричитъ старушка: «ты вѣчно клевещешь на мою родню.» — Богатой старушкѣ нельзя же было отвѣчать иначе Потапычу — хоть человѣку ей и преданному.

Но вотъ то же самое подтверждаетъ о Софьѣ и Владиміръ. Онъ во

всемъ винитъ одного себя; онъ любилъ Софью, но Софья, любя его взаимно, не соглашалась ни на что безъ воли старушки, которую любитъ, какъ мать. Какъ можно упрекать ее въ неблагодарности! Съ тѣхъ-поръ, какъ она выгнала ее изъ этого дома, не проходитъ ночи, чтобъ она не являлась въ спальную старушки... Да, да! старушка теперь и сама помнитъ, какъ въ просонкахъ нѣсколько разъ видѣла ея лицо.— Если вы хотите, бабушка, она тотчасъ же придетъ къ вамъ. «Нѣтъ, нѣтъ, Владиміръ послѣ», отвѣчаетъ растроганная старушка — «теперь оставь меня одну»... Но одной больной, богатой старушкѣ, оставаться не суждено. — «Нѣтъ, нѣтъ, хоть убейте меня, ни за что не оставлю васъ» говоритъ Лисичкинъ, уловившій, наконецъ, минуту, когда старушка одна:—«Вѣдь я не такой, какъ вся ваша родня! Еслибъ вы знали, что они говорятъ про васъ—страхъ только подумать! О, я такъ люблю васъ бабушка... Скажите, отчего вы такъ скучны, душенька?» Старушка въ размышленіи слушаетъ льстивыя рѣчи; потомъ, какъ-бы обдумавши что-то:—«Ахъ, другъ мой» говоритъ она: «ты спрашиваешь отчего скучна я? Какъ не грустить мнѣ! у меня былъ большой капиталъ въ рукахъ одного человѣка, отъ котораго я получала проценты; но вотъ этотъ человѣкъ умеръ, не оставивъ рѣшительно ничего, и я теперь безъ куска хлѣба. Нѣтъ ли хоть у тебя, голубчикъ не много?» Лисичкинъ корчитъ отчаянную гримасу, беретъ шляпу, застегиваетъ фракъ и говоритъ, что ему некогда. Черезъ минуту собирается домой и вся остальная родня. — «Погодите, погодите!» — упрашиваетъ ихъ старушка. Но чего имъ годить у старухи, у которой ничего нѣтъ.—«Останьтесь еще хоть на нѣсколько минутъ!» упрашиваетъ она.— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!— «А!.. нѣтъ?» говоритъ старушка: «такъ вотъ вы какіе!.. Такъ знайте же, что я обманула васъ! Я очень-богата и хотѣла только испытать васъ.» Родные просятъ извиненія; старушка смягчается, и, отдавъ половину своего состоянія Софьѣ, на бракъ которой изъявляетъ согласіе — другую, чтобъ никто не желалъ ея смерти, при жизни же, дѣлитъ между родными. Всѣ съ радостью бросаются лобызать ея ручки, за всѣми — и Лисичкинъ.—«Нѣтъ, мой милый» говоритъ старушка: «ты клеветалъ на всѣхъ, всѣхъ старался опорочить въ моихъ глазахъ: тебѣ не даю ничего.» Всѣ съ ужасомъ отступаютъ отъ Лисичкина, который ознаменовалъ себя такими низостями.— «Э, мои милые», говоритъ богатая старушка: «и вы-то всѣ, право, не лучше его; только онъ поумнѣе и похитрѣе васъ!»

Вотъ содержаніе комедіи: «Богатая старушка». Въ сюжетѣ ея нѣтъ оригинальности: нѣтъ особенной глубины и новизны въ характерахъ; нѣтъ, наконецъ, неожиданности въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Какъ въ картинѣ, взятой изъ ежедневной жизни, вы съ самою малой опытностью, можете предвидѣть каждый шагъ. Второе дѣйствіе, на глаза многихъ, особенно можетъ отличаться этимъ недостаткомъ. Авторъ видимо былъ занятъ не столько отдѣлкою того, или другаго характера, или загадочностью комическихъ положеній, сколько такою постановкою группъ, которая отвѣчала бы его мысли и ярко очерчивала картину, какую онъ себѣ задалъ. Сцена въ первомъ дѣйствіи, когда Лисичкинъ тянетъ за фалды Андрея Ѳедоровича прямо на кресла, въ которыхъ спитъ старушка — въ серьёзной комедіи быть-можетъ нѣсколько и не у мѣста; но, нужно сказать правду, авторъ, въ цѣломъ, достигъ своей цѣли съ большимъ искусствомъ: въ пьесѣ много простоты; она развивается легко и безъ всякой натянутости; ча-

сти ея соразмѣрны съ цѣлымъ; видна оконченность во всѣхъ сценахъ, и самыя тѣ, которыя кажутся преувеличенными и рѣзкими, какъ напримѣръ та, о которой мы говорили—идутъ къ дѣлу. Вообще въ пьесѣ много движенія и естественнаго комизма; въ авторѣ много наблюдательности и знанія сцены. Сверхъ всего этого, въ основаніе пьесы положена мысль весьма-хорошая. Эта добрая старушка, которой трубятъ въ уши, что Софью нужно выгнать, и въ которой, послѣ этого, пробуждается мысль—не сдѣлала ли она несправедливости; потомъ намѣреніе испытать родныхъ; наконецъ, чтобъ помирить ихъ съ своимъ существованіемъ; желаніе раздѣлить между ними свое состояніе при своей жизни— словомъ, все въ этомъ характерѣ, около котораго сгруппированы всѣ лица и сцены, представляетъ въ себѣ чрезвычайно-много затѣйливости, жизни и ума.

Изъ остальныхъ пьесъ, данныхъ въ бенефисъ г-жи Валберховой— «Сынъ Степей» и «Сто Тысячъ»—пьесы давно-знакомыя. Послѣ «Богатой Старушки» замѣчательнѣе всего въ этотъ вечеръ были: «Le menuet de la reine et la gavote de Vestris», исполненныя г-жею Фанни Эльслеръ и г-жею Андреяновою. Фанни была одѣта по-мужски, г-жа Андреянова къ ней въ пару. Голубое платье съ фижмами, украшенія изъ гирляндъ мелкихъ розъ, кармазинный бархатный кафтанъ, атласные башмаки съ красными каблуками, и потомъ, эти легкія движенія, эти увлекательныя позы, то опущенныя, то поднятыя, головки и ножки!.. «О, Греки, Греки, кто васъ не любитъ!»

Послѣ этого намъ не остается ничего болѣе, какъ перейдти къ «Блаженству Безумія», что мы и дѣлаемъ. «Блаженство Безумія», переводная драма въ двухъ дѣйствіяхъ, давалась въ бенефисъ г. Самойлова. Кромѣ ея шли съ французскаго «Поэзія любви и...» водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, и «Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полѣзай» — также водевиль, извѣстный на французскомъ подъ названіемъ, гораздо-болѣе короткимъ и кроткимъ: «Un vilain monsieur». И о томъ и о другомъ мы уже говорили въ прежнихъ отчетахъ нашихъ о французскомъ театрѣ. Оба они были разъиграны весьма-согласно. Замѣтимъ только одно, г. бенефиціантъ, въ роли Артура, что въ «Поэзіи любви», въ первой сценѣ перваго дѣйствія, не придалъ характеру шалуна довольно безпечности. Оригинальной пьесой въ этотъ вечеръ была шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе г. Руднева: «Репетиція домашняго спектакля», въ которой г. Марковецкій пародируетъ—и довольно неудачно—роль Гамлета. «Ты честная дѣвушка, Офелія?» спрашиваетъ онъ. Едва ли эта фраза поставлена у Шекспира въ вопросительномъ тонѣ, и мы, право, не припомнимъ, не-уже-ли такъ произноситъ, эти слова, нашъ трагикъ!? Въ «Репетиціи домашняго спектакля» одно изъ лицъ проситъ у публики извиненія, что заняло ее подобными вещами. Ну, хорошо; мы беремъ на себя смѣлость извинить за публику: ей ужь не въ первый разъ привыкать къ подобнымъ вещамъ. Она такъ къ нимъ присмотрѣлась, что даже привыкла къ нимъ. Все это крайне притупляетъ вкусъ; трогательное въ смѣшномъ дѣлается непонятнымъ, и человѣка глубоко-огорченнаго узнаешь только потому, что онъ рычитъ львомъ.

Драма «Блаженство Безумія» была самою капитальною пьесой бенефиса г. Самойлова. Но, правду сказать, сама-по-себѣ, эта вещь не важная, и, скорѣй, представляетъ рядъ очерковъ, чѣмъ полно-развитыя характеры. Въ Ирландіи жили молоденькая дѣвочка Памелла и ея мо-

лочный братъ, Давидъ. Привычка и лѣта сблизили ихъ, и они полюбили другъ друга. Но, въ одно утро, Давидъ возвращается домой и ненаходитъ ни Памеллы, ни своей тётки, Бригитты. Онъ, какъ помѣшанный, идетъ въ Лондонъ и нечаянно попадаетъ въ тотъ самый отель, гдѣ живетъ Памелла — теперь наслѣдница одного изъ богатыхъ лордовъ. Извѣстіе, что онъ въ домѣ Памеллы, желаніе видѣть ее, потомъ, видъ Памеллы больной и, какъ ему кажется, даже умирающей, такъ разрушительно дѣйствуютъ на его усталыя силы, на его занятое воображеніе, что онъ выбѣгаетъ изъ ея спальной совершенно-помѣшанный. Здѣсь только начинается его блаженство. Не чувствуя боли и страданій, онъ, среди своего безумія, предается самымъ сладкимъ мечтамъ: онъ слышитъ голосъ Памеллы, ему представляется, что она подлѣ него: онъ говоритъ съ нею и, воображая, что она готова ѣхать съ нимъ, уѣзжаетъ съ тёткой въ Ирландію. Благодаря, однако, попеченіямъ искуснаго врача Джемса, разсудокъ Давида мало-по-малу вступаетъ въ свои права; только, конечно, не на радость молодому человѣку: сознавая всю тягость своего положенія, Давидъ дѣлается раздражительнымъ, постоянно грустнымъ и съ досадой упрекаетъ доктора, зачѣмъ онъ лишилъ его блаженства безумія, среди котораго, въ воображеніи, онъ былъ такъ счастливъ. Въ эту минуту является передъ нимъ герцогиня Памелла и отдаетъ ему свою руку. Давидъ излечивается окончательно. Такому концу мы очень-рады.

Главная роль въ этой драмѣ, роль Давида. Г. Максимовъ 1-й умѣлъ придать нѣкоторымъ сценамъ весьма-много теплоты и естественности. Выведенъ въ драмѣ и другой безумецъ — Патрикъ (г. Мартыновъ 1), помѣшанный на томъ, что помощію паровъ онъ будетъ согрѣвать воздухъ и, такимъ-образомъ, въ Лондонѣ произведетъ такое же тепло, какъ въ Италіи, или въ Испаніи. Одинъ изъ этихъ безумцевъ, Давидъ, мы видѣли, излечился. «А вотъ этотъ такъ совершенно неизлечимъ» говоритъ медикъ, указывая на Патрика... Почему бы такъ?

Но оставимъ ихъ обоихъ и перейдемъ къ французскому театру.

Послѣ дебютовъ m-lles Маріи и Каролины Далокка, первое празднество на Михайловскомъ-Театрѣ дано было недавно залетѣвшею къ намъ малиновкою, m-lle Жеральдинь. Въ ея бенефисъ шли: «Les amours de Paris», комедія въ двухъ актахъ Дюмерсана, до-того ничтожная, что мы уже рѣшительно ничего изъ нея непомнимъ; потомъ: «Les rendez-vous bourgois»—старая комическая опера, музыка Николо, и, наконецъ: «Un drame de famille»—драма въ пяти актахъ, сочиненіе двухъ молодыхъ людей, Мишеля Карре и Барбьера.

Въ «Un drame de famille» одна изъ тѣхъ язвъ, которыя поддерживаетъ все — до нашего собственнаго заблужденія. Бѣдная Десдемона, конечно, не знала своего сердца, позволивъ себѣ увлечься доблестями Отелло. Такъ и здѣсь.

Старый генералъ де-Веррьеръ (г. Алланъ), женатъ на молодой богатой и прекрасной женщинѣ (г. Вольнисъ). Гастонъ (г. Бертонъ), сынъ его отъ перваго брака, добрый и прямой, съ живымъ, но безпечнымъ умомъ, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ африканской арміи, возвращается къ своему отцу. Узнавъ, еще среди своихъ походовъ, о женитьбѣ отца на молодой женщинѣ, Гастонъ не могъ не опасаться за его счастіе. Но теперь, будучи подъ роднымъ кровомъ, встрѣтивъ стараго друга своего, домашняго доктора отца, Фредерика Берне (г. Давлуи), старинный предметъ своей любви—сестру этого док-

тора, Джульетту (г-жа Марія Далокка), и найдя, наконецъ, въ своей мачихѣ, столько же ума, какъ и чувствъ, Гастонъ совершенно успокоивается, и въ душѣ обѣщаетъ себѣ самую пріятную жизнь. Но все—дѣло одной минуты.

Однажды, бесѣдуя въ саду съ своею милой Джульеттой, Гастонъ нечаянно слышитъ разговоръ мадамъ де-Веррьеръ съ Фредерикомъ Берне. Гастонъ въ минуту теряетъ прежнюю свою безпечность и даетъ себѣ слово разъяснить подозрѣнія, какія этотъ разговоръ зароняетъ въ него на-счетъ отношеній его мачихи и его друга, Берне. Въ одинъ вечеръ онъ становится въ саду подъ окнами мадамъ де-Веррьеръ съ намѣреніемъ подстеречь Фредерика и въ этомъ ночномъ похожденіи теряетъ свой портфёль. Послѣ того онъ съ горячностью говоритъ съ Фредерикомъ, проситъ его уѣхать, намекаетъ ему, что онъ долженъ будетъ забыть дружбу, которая ихъ связываетъ: все напрасно, Фредерикъ прикованъ къ мадамъ де-Веррьеръ непобѣдимою страстью. Гастонъ въ отчаяніи! Между-тѣмъ, угрюмый, озабоченный видъ его, его безмолвный присмотръ надъ мадамъ де-Веррьеръ, старанія ея, своимъ вниманіемъ и ласками, уменьшить его холодность, подаютъ молодой, вѣтреной вдовушкѣ мадамъ Валори (г-жа Арну-Плесси) поводъ думать, и даже говорить другимъ, что Гастонъ влюбленъ въ свою мачиху. Эта необдуманная болтливость, дошедшая до слуха мосьё де-Веррьера, портфёль Гастона, переданный ему старымъ слугою и тысячи подробностей, которыя онъ самъ подмѣтилъ, возбуждаютъ въ старикѣ горькое подозрѣніе. Онъ требуетъ отъ Гастона объясненія. Какъ ни тяжка Гастону мысль оставить въ отцѣ такое ужасное о себѣ мнѣніе, но, не желая унизить мадамъ де-Веррьеръ въ глазахъ мужа, и, можетъ-быть, подвергнуть опасности самого отца, Гастонъ отказывается дать это объясненіе. Онъ соглашается на одно: оставить Францію и опять уѣхать въ Африку. Но вскорѣ послѣ этого, старикъ подслушиваетъ между своимъ сыномъ и женой разговоръ, который открываетъ ему всю тайну — и на колѣняхъ проситъ прощенія. Между-тѣмъ Фредерикъ де-Берне, оскорбившій и мосьё де-Веррьера и своего друга Гастона, получаетъ отъ нихъ обоихъ вызовъ. Стараясь предупредить сына, мосьё де-Веррьеръ отправляется къ Фредерику ночью; заставляетъ его, на случай если онъ будетъ убитъ, вложить въ карманъ записку, въ которой было бы сказано, что онъ — Берне, умираетъ по своей волѣ и послѣ смерти своей вручаетъ свою сестру, Джульетту, попеченіямъ генерала де-Веррьера; потомъ предлагаетъ ему два пистолета, изъ которыхъ одинъ заряженъ. Фредерикъ выбираетъ именно послѣдній... Когда доходитъ очередь до него, онъ оборачиваетъ пистолетъ къ своей груди и застрѣливается. Де-Веррьеръ смотритъ на трупъ и, обращаясь къ старому слугѣ, съ которымъ явился на мѣсто дуэли, говоритъ: «По-крайней-мѣрѣ Берне умеръ какъ слѣдуетъ благородному человѣку». Потомъ лицо его подергивается ироническою улыбкою: «И найдутся люди» продолжаетъ де-Веррьеръ, «которые скажутъ, что я палачъ!..» Видно и старикъ де-Веррьеръ въ самую минуту гнѣва не могъ не проникнуться сомнѣніемъ, что онъ несовсѣмъ былъ правъ!.. Само-собою разумѣется, что мадамъ де-Веррьеръ остается въ полномъ невѣдѣніи о настоящей причинѣ смерти Берне.

«Un drame de famille» написана съ большимъ одушевленіемъ; она идетъ кругло и быстро, интересъ поддержанъ постоянно; въ авторахъ

видна наблюдательность, въ драмѣ есть характеры, развитые довольно полно и сцены, очерченныя весьма-нѣжно и бойко. Особенно укажемъ на три изъ нихъ: объясненіе Гастона съ своимъ другомъ Берне, потомъ—съ мачихой и, наконецъ, съ отцомъ. Г-жа Вольнисъ, гг. Аллапъ и Бертонъ разъиграли драму съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о г. Давлуй: къ нему ужасно не йдутъ роли убитыхъ, несчастныхъ-любовниковъ. Онъ въ нихъ постоянно крайне-не хорошъ... Быть-можетъ онъ хочетъ тѣмъ оправдать замѣчаніе, сдѣланное при этомъ одной дамой: «S'il est si peu attrayant, c'est dans un but tout-a-fait moral, car qui aura de la pitié pour un tel amoureux et de la jalousie pour la femme qui l'aime?

Есть въ драмѣ вводный характеръ непонятаго поэта Анатоля Серезй (г. Ружѐ). Поэтъ этотъ, на маленькомъ домашнемъ вечерѣ, которые Французы умѣютъ представлять съ такою непринужденностью и вкусомъ, декламируетъ какіе-то преуморительные стихи, построенные на непроходимой какофоніи. Тотъ же непонятый поэтъ Серезй, разсуждаетъ, между-прочимъ, о томъ, какъ ничтожно le sens commun въ сравненіи съ вдохновеніемъ: «Le sens commun», говоритъ онъ: «это самая обыкновенная, самая пошлая вещь. Кто, спрашиваю васъ, не имѣетъ le sens commun? Мой слуга—и тотъ даже имѣетъ его... Вотъ я такъ его не имѣю». Авторы, въ лицѣ этого чудака Серезй, конечно, мѣтили на какую-нибудь знаменитость безъ sens commun.

Сцена представляетъ галерею Луврскаго-Дворца (переходимъ къ разсказу содержанія драмы: «La maréchale d'Ancre»). Нѣсколько приверженцевъ Кончини съ связками желтыхъ, красныхъ и чорныхъ лентъ на плечахъ, играютъ въ трикъ-тракъ. По-одаль наблюдаетъ за ними какой-то неизвѣстный человѣкъ—корсиканецъ Борджіа (г. Давлуй). Фіескъ, де-Креки и маршалъ де-Теминъ, отдѣлясь отъ группы играющихъ, начинаютъ бесѣдовать о положеніи придворныхъ дѣлъ. Марія Медичи—правительница королевства, но совершеннолѣтіе Людовика XIII приближается. Де-Люинь не перестаетъ внушать ему намѣренія освободиться изъ-подъ опеки матери. Король кротокъ, но хитеръ; онъ ненавидитъ заносчиваго маршала д'Анкра, и, конечно, при первомъ случаѣ свергнетъ его. Маршалъ положилъ сѣмена раздора въ цѣломъ государствѣ. Присутствіе принца Конде въ Парижѣ бросаетъ новую тяжесть на вѣсы придворныхъ интригъ. На что рѣшится маркиза д'Анкръ — въ эту минуту, когда въ ея рукахъ воля правительницы Франціи? Маркиза—самая крѣпкая голова въ цѣлой Франціи. У нее много должно быть ума, если своего мужа, неизвѣстнаго человѣка, она успѣла сдѣлать столь значительнымъ лицомъ въ государствѣ, его враговъ — своими приверженцами. А ея сердце? О! пока оно не принадлежитъ никому: ея грустный взглядъ, ея презрительная улыбка достаточно говорятъ, что она никого не находитъ достойнымъ себя.

— Ты правъ! ты правъ вѣтренный Французъ! замѣчаетъ мрачный Борджіа, прислушиваясь къ разговору.

Но, вотъ и она — маркиза д'Анкръ (г-жа Вольнисъ). Бросивъ нѣсколько словъ играющимъ, она отводитъ въ сторону своего супруга (г. Бертонъ), съ которымъ вошла въ галерею. Кончини собирается ѣхать въ Нормандію и хлопотать о покупкѣ новаго графства Монбельяръ. Быть маршаломъ Франціи, виконтомъ де-ла-Пель, барономъ де-Люзиньй—не-уже-ли этого не довольно для Кончини!?.. Пора подумать о чемъ-нибудь другомъ. Французы ненавидятъ Итальянцевъ; а прежде

всего слѣдуетъ задержать принца Конде, по-крайней-мѣрѣ получить отъ королевы разрѣшеніе: — «Вотъ оно!» произноситъ маркиза, показывая королевское повелѣніе. — Но съ условіемъ: ни слова больше о новыхъ пріобрѣтеніяхъ... Все это для дѣтей, для будущаго величія ихъ—правда, но ужь это, наконецъ, низко...» И вмѣстѣ съ этимъ тяжелый вздохъ вылетаетъ изъ груди Леоноры. Среди величія и власти она думаетъ объ Италіи, о тишинѣ, о Флоренціи, о неизвѣстности и забвеніи. Увы! ей кажется, что Франція ужь начинаетъ утомляться ими.

— Правда ли, что Микель Борджіа здѣсь? спрашиваетъ Кончини.

— Не слышала, но что тебѣ!

— Какъ! смертельный врагъ мой, и врагъ корсиканскій?!

— Что тебѣ въ томъ, что онъ ненавидитъ тебя: ты маршалъ Франціи.

— Мы были соперники: онъ любилъ тебя.

— Что тебѣ за дѣло, что онъ любилъ меня; я—маркиза д'Анкръ.

Кончини на прощаньи цалуетъ руку жены; маркиза отправляется къ королевѣ... По возвращеніи отъ нея, она застаетъ въ галереѣ де-Люиня (Г. Латушъ), въ сопровожденіи парламентскаго совѣтника Дежеана (г. Готи). Маркиза быстро подходитъ къ де-Люиню: — «Король дурно принялъ моего мужа! Потомъ, обращаясь къ маршалу де-Теминю, говоритъ: — «Если я уроню перчатку, вы должны арестовать Конде. Вотъ приказъ королевы.» — Входитъ Конде и бросаетъ маркизѣ нѣсколько оскорбительныхъ фразъ. Маркиза срываетъ съ руки перчатку, но еще медлитъ. Она подходитъ къ Конде, почтительно кланяется ему. Тотъ отвѣчаетъ тою же грубостью. Маркиза роняетъ перчатку; въ одну минуту всѣ входы закрываются. Маршалъ де-Теминь подходитъ къ Конде и объявляетъ ему, что онъ арестованъ. Между-тѣмъ-какъ его уводятъ въ Бастилію, маркиза, держа руку Борджіа и оправляясь отъ испуга, говоритъ ему: «Ахъ, Борджіа, будь завтра здѣсь!»

На другой день утромъ, придворный Еврей Самуэль Монтальто (г. Алланъ, сводитъ счеты деньгамъ, которыя онъ получилъ отъ Конде, Кончини и де-Люиня. Изабелла (г. Арну-Плесси), пріѣхавшая, мѣсяцъ тому назадъ, съ Борджіа, изъ Флоренціи, мечтаетъ, скоро ли возвратится ея Микэль. Входитъ слесарь Пикаръ, сержантъ гражданской гвардіи. Онъ явился къ Самуэлю, чтобы по условію, сдѣланному имъ съ Борджіа, получить шесть тысячь пикъ, хранящихся въ подвалахъ послѣ лиги. Пикаръ привелъ поручителемъ совѣтника Дежеана, присланнаго вмѣстѣ-съ-тѣмъ де-Люинемъ осмотрѣть всѣ углы жилища Самуэля. Но прежде онъ хочетъ говорить съ Пикаромъ. Дежеану извѣстно, что Пикара постыднымъ образомъ побили—и побили слуги Кончини! Пользуясь этимъ, Дежеанъ старается еще больше поджечь ненависть Пикара къ Кончини и къ его супругѣ, употребляя для-того, какъ водится, и ложь и правду. Кончини измѣнникъ! Кончини грабитель! Кончини вырѣзалъ свой гербъ на королевскихъ пушкахъ и позволяетъ себѣ носить на шляпѣ перо Генриха IV! А жена Кончини — это просто колдунья! «Господинъ совѣтникъ», говоритъ Пикаръ, выслушавъ Дежеана: «вы принимаете меня за простака. Послушайте, что я скажу вамъ: Вы хотите избавиться отъ Кончини? Я тоже, потому-что Кончини поддерживаетъ раздоры, отъ которыхъ мы ужь и безъ того устали. А что вы говорите о немъ и о его женѣ, до этого мнѣ дѣла нѣтъ!» Разговоръ прерываютъ двое слугъ, которые предупреждаютъ Самуэля о немед-

ленномъ приходѣ Кончини. Но вотъ и онъ. Кончини съ недовѣріемъ осматриваетъ углы, прислушивается къ стѣнамъ. — «Знаешь ли ты», говоритъ онъ, «что вчера мы задержали Конде?» Еврей поздравляетъ маршала. — «О, нѣтъ, это не я, не я: это моя жена; и, минуту спустя, спрашиваетъ: — «Нѣтъ ли у тебя противоядія?» Кончини пришелъ къ Самуэлю скрыться и хотя черезъ Изабеллу добыть отъ Борджіа письмо, которое Кончини писалъ за нѣсколько дней до смерти Генриха IV. Но вотъ слышны шаги Борджіа; Кончини поспѣшно скрывается въ потаенный кабинетъ.

Борджіа все-еще любитъ Леонору Галигаи, и однакожь замышляетъ свергнуть Кончини, какъ-будто вмѣстѣ съ нимъ не погибнетъ и она. Въ эту минуту пажъ приноситъ отъ Леоноры письмо, которымъ она приглашаетъ Борджіа къ себѣ.

— Леонора! восклицаетъ Борджіа: — твоя звѣзда хочетъ, чтобъ я спасъ тебя! Не замѣчая, что подлѣ него Изабелла, такая же корсиканка, какъ онъ самъ, Борджіа предается всей необузданности порывовъ, мечтаетъ, говоритъ съ Леонорой, и послѣ безумныхъ словъ, поспѣшно убѣгая къ ней, оставляетъ Изабеллу въ полномъ недоумѣніи... —«Что съ нимъ?» спрашиваетъ она: «я ничего не поняла».—«Да, онъ говорилъ такъ скоро», отвѣчаетъ Самуэль; «но не хочешь ли послушать итальянскаго пѣвца?...» Изабелла въ смущеніи; она незнаетъ, что думать, на что рѣшиться, и, медленно удаляясь въ свою комнату, говоритъ: «не теперь! позже, въ десять часовъ, вечеромъ, вечеромъ...»

Третье дѣйствіе происходитъ въ покояхъ маркизы д'Анкръ, въ Луврскомъ-Дворцѣ. Двѣ приближенныя дамы сидятъ за работою. Выходитъ маркиза; она ждетъ Борджіа. Вошедшій Борджіа подходитъ къ Леонорѣ. Занятая работой, Леонора, среди внутренняго волненія, не смѣетъ поднять на него глаза, произнести слово. Наконецъ, спрашиваетъ объ общихъ знакомыхъ во Флоренціи. Послѣ двухъ-трехъ словъ о ихъ прежней любви, о нарушенныхъ клятвахъ, Борджіа говоритъ:—«Скажите, заслужили ли вы несчастія, которыя ждутъ васъ?»—«Какія несчастія?» спрашиваетъ Леонора. — Маркиза дѣлаетъ столько добра, раздаетъ столько денегъ. Маркиза арестовала Конде; все, кажется, идетъ какъ-нельзя-лучше. А между-тѣмъ ея приверженцы уже устроили съ де-Люинемъ и Конде замыселъ противъ нея, Маріи Медичи и д'Анкра. Борджіа, изъ мщенія, вмѣшался въ замыселъ. Но онъ еще готовъ спасти Леонору: пусть только она сознается, что никогда не любила Кончини, что Кончини — низкій человѣкъ. — «Онъ мой мужъ», отвѣчаетъ Леонора, потупляя глаза. — Въ такомъ-случаѣ Борджіа непреклоненъ! Леонора подходитъ къ двери, раскрываетъ ее, зоветъ къ себѣ свою придворную даму, и, снимая съ груди медальйонъ, говоритъ — «Вотъ мой отвѣтъ, Борджіа», и показываетъ ему его портретъ. «Я не переставала оплакивать тебя!.. Но не будемъ говорить болѣе объ этомъ. Мнѣ нужна вся твердость воли... — Правда ли то, что говоришь ты?..» Маркиза велитъ позвать дѣтей и проситъ Борджіа спасти ихъ. Но вотъ Фіескъ и маршалъ Теминъ; они такъ безпечны и веселы.—«Ну, что новаго, господа?» спрашиваетъ маркиза, подавляя свое безпокойство. Придворные передаютъ ей слухи о пріѣздѣ де-Ришліё, о новомъ констаблѣ, о всѣхъ придворныхъ новостяхъ.—«Ты видишь», обращается маркиза къ Борджіа: «чѣмъ ограничиваются всѣ эти слухи объ опасности?» Наконецъ, на-

ступаетъ минута разочарованія. Входитъ Дежеанъ и беретъ маркизу подъ стражу.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ этой сцены, Кончини, не зная ничего о происшедшемъ, подъ видомъ странствующаго пѣвца бесѣдуетъ въ домѣ Еврея Самуэля съ Изабеллою, у которой хочетъ добыть извѣстное письмо. Онъ старается возбудить ея ревность, говоритъ ей, что умѣетъ угадывать будущее. Недовѣрчивая Итальянка сначала не хочетъ слушать его... и зачѣмъ ему это письмо, о которомъ онъ такъ проситъ? Письмо это отъ одной женщины, говоритъ Кончини, которую Борджіа любитъ. «Правда?»—спрашиваетъ Изабелла: ея любопытство возбуждено, глаза ея разгараются. Изабелла хочетъ знать имя этой женщины; не изъ Флоренціи ли она? не та ли эта, къ которой онъ такъ часто ходитъ?—«А кто это такая?» спрашиваетъ въ свою очередь Кончини—«Прежде она называлась Галигаи.»—Галигаи!—и гитара выпадаетъ изъ рукъ его. О, Борджіа! восклицаетъ онъ... Кровь его кипитъ, слова, угрозы, изступленіе довершаютъ ударъ. — «Такъ вы ее знаете? такъ онъ точно любитъ ее?» спрашиваетъ Изабелла.—И любитъ теперь и любилъ прежде, отвѣчаетъ Кончини. — Любитъ и любилъ прежде!... произноситъ Изабелла: — такъ это было до нашей свадьбы. Но зачѣмъ же тогда онъ женился на мнѣ, если онъ любилъ ее? Эта мысль представляется Изабеллѣ мучительной загадкой. О! зачѣмъ этотъ незнакомецъ исторгъ у ней ея тайны и открылъ ей свои. Что она ему сдѣлала?.. Кончини, все продолжая выпытывать у Изабеллы о своей супругѣ, говоритъ ей, что эта женщина хороша собой... Что, быть-можетъ, въ эту самую минуту... О! измѣна—ужасное преступленіе!.. И думать, что ничѣмъ нельзя остановить любовь ихъ, а только можно лишить ихъ жизни... Быть-можетъ въ эту минуту Борджіа смѣется надъ Изабеллой!.. Кольца, подарки, всѣ залоги любви разбиваются въ такомъ-случаѣ у ногъ женщины, которую мужчина любитъ. — Если ты поможешь мнѣ, я отомщу за тебя! говоритъ Кончини. «Какъ?» спрашиваетъ Изабелла, едва держась на ногахъ. — Имъ обоимъ. — «О, ей особенно; но ему?!..» произноситъ Изабелла безъ чувствъ падая въ кресла, между-тѣмъ-какъ Кончини въ изступленіи убѣгаетъ искать Борджіа. Входитъ Дежеанъ съ стражей и велитъ отнести Изабеллу въ судилище.

Маркиза въ Бастиліи, въ той самой комнатѣ, куда она еще вчера заключила Конде. Судъ идетъ, какъ-нельзя успѣшнѣе: мосьё де-Люинь весьма-доволенъ имъ. Судьи согласны въ томъ, что Галигаи — колдунья. Входитъ маркиза: она въ необыкновенномъ волненіи.—«Какъ!» восклицаетъ она: «не-уже-ли мы въ Испаніи? Не-уже-ли я въ инквизиціонномъ судилищѣ? Подлѣ моей комнаты засѣдаетъ огненная палата (chambre ardente). Тамъ говорятъ о свидѣтеляхъ моихъ преступленій. Но гдѣ они? Я хочу видѣть ихъ...» Черезъ минуту входятъ судьи, прежніе приверженцы маркизы; президентомъ — де-Люинь. Дежеанъ начинаетъ читать приговоръ. — «Софора Леонора Галигаи, уроженка изъ Флоренціи, дочь столяра Пепоселли, обвиняется въ тайныхъ сношеніяхъ съ Савоіей, съ Испаніей, въ магическихъ заклинаніяхъ...» Маркиза не вѣритъ своему слуху. — «Господа», говоритъ она: «Что я сдѣлала? Гдѣ свидѣтели? Кто судьи мои?..»

Въ залу вводятъ одного изъ свидѣтелей — Изабеллу. Изабелла поспѣшно подходитъ къ маркизѣ, и съ наглымъ любопытствомъ смотритъ на нее. «Какъ она хороша!» говоритъ Изабелла. «Все, что я на-

писала» обращается она къ судьямъ: «я подтверждаю; эта женщина— колдунья.»— Маркиза не можетъ прійдти въ себя отъ изумленія: она въ первый разъ видитъ передъ собой эту женщину. Она требуетъ, чтобъ свидѣтельница подошла къ ней. Въ лицѣ Изабеллы столько простоты и невинности. — Маркиза требуетъ, чтобъ Изабеллу оставили наединѣ съ ней. Судьи уходятъ. Нѣсколько минутъ маркиза остается въ креслахъ; Изабелла, съ видомъ непреклоннаго упорства стоитъ подлѣ нея; обѣ молчатъ, измѣряя другъ-друга взглядами... Изабелла, конечно, не знаетъ, что произнесла смертный приговоръ надъ маркизой... И какой приговоръ! Чрезъ нѣсколько часовъ ее сожгутъ на кострѣ! Изабелла въ смущеніи отворачивается... Что Леонора сдѣлала ей? Изабелла смотритъ на Леонору съ презрительной улыбкой. Если она оскорбила ее чѣмъ-нибудь, то она проситъ у нея прощенья... проситъ не для себя, а для дѣтей, для мужа... и что съ нимъ теперь, съ Кончини? — «Я знаю это» прерываетъ Изабелла. Потомъ говоритъ о любви, объ измѣнѣ, о томъ, что должна чувствовать любящая женщина, когда говорятъ ей: «твой мужъ у ногъ другой; эта женщина прекрасна; они смѣются надъ тобой». Маркиза не понимаетъ словъ Изабеллы, ея неподвижнаго взгляда, остановленнаго на ней. — «Что должна чувствовать я» повторяетъ Изабелла: «когда мнѣ говорятъ это?» — Тебѣ? — «Да; я слышала это отъ итальянскаго пѣвца Кончини.» — Гдѣ, гдѣ? — «Здѣсь, у ногъ моихъ», отвѣчаетъ Изабелла, холодная и суровая. Маркиза догадывается, что это какая-нибудь несчастная жертва заблужденія. — «И ты смѣешь говорить такъ!» произноситъ Изабелла: Маркиза все-еще не можетъ понять, что все это значитъ. — «А Борджіа?» спрашиваетъ наконецъ Изабелла: «А этотъ медальйонъ, найденный у тебя?..». прибавляетъ она, показывая Леонорѣ портретъ Борджіа и поспѣшно удаляясь. «О! теперь ты будешь помнить меня, будешь помнить!..»

Леонора, въ терзаніяхъ неизъяснимыхъ мукъ, бросается на колѣни. Въ эту минуту растворяется дверь: входятъ Деожанъ съ де-Люинемъ. Леонора въ минуту оправляется. Враги ея не должны видѣть ея слезъ. Она съ спокойнымъ лицомъ принимаетъ де-Люиня, спрашиваетъ его, что дѣлается при дворѣ. Де-Люинь хочетъ объявить ей приговоръ Парламента.—«Ну, что?» прерываетъ маркиза: «что сдѣлалъ Парламентъ?» — Нарядилъ Бульйоне и Мема... — «О, замолчите, ради Бога» говоритъ маркиза. «Ну, а епископъ люссонскій — Ришльё, сдѣлалъ ли онъ имъ наставленія, говорилъ ли опять, что правосудіе должно быть послушнымъ.» Наконецъ предсмертная шутка эта надоѣдаетъ маркизѣ; она понимаетъ зачѣмъ пришелъ де-Люинь, и проситъ его объ одной милости: видѣть передъ смертью своихъ дѣтей. Де-Люинь предлагаетъ ей свою руку. — «Не надо мнѣ вашей руки!» холодно отвѣчаетъ маркиза, съ достоинствомъ оставляя мѣсто своего заключенія.

На дворѣ глубокая, мрачная ночь. По сторонамъ сплошныя массы домовъ; у того, въ которомъ живетъ Еврей Самуэль, видѣнъ столбъ. Показывается Борджіа, съ дѣтьми Кончини. Одинъ изъ нихъ указываетъ Борджіа на какого-то незнакомца — на своего отца. Борджіа подноситъ фонарь и узнаетъ Кончини; Кончини узнаетъ Борджіа. Они выхватываютъ мечи и начинаютъ въ темнотѣ биться. Раненъ одинъ; раненъ другой; бойцы останавливаются, перевязываютъ себя, изнемогаютъ, падаютъ. — «Я не слышу твоего клинка: ты раненъ?»

спрашиваетъ Кончини. — Нѣтъ: начнемъ опять.— «Ну, чтожь. А! ты вѣрно раненъ, вѣрно раненъ?» говоритъ каждый изъ нихъ, стараясь скрыть свое положеніе. Наконецъ они сознаются: и тотъ и другой ранены смертельно. Между-тѣмъ маркизу ведутъ на сожженіе.

Разсказанная нами драма «La Maréchale d'Ancre», дана на Михайловскомъ-Театрѣ 25 октября въ бенефисъ г. Варле. Ее написалъ — Альфредъ де-Виньй, переводчикъ шекспирова «Отелло» и «Венеціанскаго Купца» и авторъ извѣстнаго «Чаттертона», котораго женское лицо Котти Бель, по отзыву знатоковъ дѣла, до-сихъ-поръ остается однимъ изъ лучшихъ созданій новѣйшаго театра. «La Maréchale d'Ancre», какъ драма — и по драматическому элементу, положенному въ основаніи характеровъ и по сценическому движенію своему, несравненно выше «Чаттертона». Эпоха владычества во Франціи Медичи; искаженные итальянскимъ наплывомъ безпечные французскіе нравы, въ которые проникла самая vendetta; борьба придворныхъ партій, пользовавшихся малолѣтствомъ короля; внутреннее неустройство, среди котораго нельзя было сдѣлать шага безъ оружія въ рукахъ — все это изображено Альфредомъ де-Виньй въ картинѣ широкой, которую онъ исполнилъ мастерски. Въ ней нѣтъ, быть-можетъ, строгой, исторической истины; но характеръ эпохи сохраненъ въ ней весьма-вѣрно. Недостатокъ этой драмы заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что въ нее брошено ужь слишкомъ-много различныхъ элементовъ, которые раздѣляютъ ея интересъ и мѣшаютъ единству. Авторъ не хотѣлъ, повидимому, забыть ни одной—отъ самыхъ великихъ до самыхъ мелкихъ причинъ, и пружинъ, какія могли участвовать въ катастрофѣ, которую онъ избралъ сюжетомъ драмы. Оттого положеніе маркизы и ея любовь къ Борджіа, картина борьбы партій и лицо Борджіа, повидимому, проходящее незамѣтно, но въ которомъ заключается скрытая пружина всѣхъ движеній—составляютъ для зрителя какъ-бы двѣ связки событій: любовь Борджіа къ Леонорѣ, ревность Изабеллы, послѣдствія этой ревности—одна связка; заключеніе принца Конде, предлогъ, какой находитъ въ этомъ де-Люинь въ вооруженіи юнаго короля противъ Кончини и королевы — другая. Когда вы смотрите со стороны одного изъ этихъ круговъ, многіе изъ лицъ и сценъ круга противоположнаго кажутся вамъ безполезными. Правда, всѣ они соединяются въ одномъ центрѣ—въ маркизѣ, въ которой авторъ хотѣлъ раскрыть и ея сердечную жизнь и ея внѣшнюю дѣятельность; но на вторыхъ планахъ картины, на которыхъ стоятъ характеры менѣе сложные, связь эта, по-необходимости становится слабѣе, и по-временамъ невольно кажется вамъ, будто драма обращается около двухъ совершенно различныхъ центровъ.

Но всѣ эти недостатки далеко выкупаются множествомъ истинно-драматическихъ положеній и весьма-бойко очерченными характерами. Говоря объ отдѣльныхъ характерахъ драмы, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, недосказанности однихъ, превратно-выставленной сторонѣ другихъ, необходимо судить обо всемъ этомъ не иначе, какъ по отношенію къ главной цѣли драмы. Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ маркизѣ д'Анкръ не видно того ума и ловкости, какими она отличалась. Но выставить ихъ — и не входило въ намѣреніе автора. Онъ указалъ намъ маркизу д'Анкръ на верху могущества, къ которому привели ее эти качества; затѣмъ онъ заставляетъ ее дѣлать послѣдній, фальшивый шагъ, заключеніемъ Конде — и вотъ этотъ умъ и ловкость, поте-

рявъ въ борьбѣ съ противною партіею, равновѣсіе, падаетъ, пораженный, между другими ударами, ревностью простой женщины. Словомъ, цѣль автора состояла не въ томъ, чтобъ возбудить удивленіе въ изворотливости, которая привела неизвѣстную Галигаи къ власти, а чтобъ указать на самонадѣянность и ложь, которыя низводятъ ее къ костру. Въ драмѣ, которой кругъ дѣйствія не ограничивается развитіемъ нѣсколькихъ страстей, а гдѣ борятся цѣлые интересы, словомъ, въ драмѣ исторической, необходимо нѣкоторыя основанія ея и положенія нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ принимать за аксіомы, и ужь отъ нихъ идти, какъ отъ базиса—иначе историческая драма невозможна, иначе на каждомъ шагу, можно ставить вопросъ: почему это такъ, а не этакъ?

Характеры: де-Люиня — съ учтивою жестокостью любимца, Изабеллы—съ ея ревностью, Борджіа—съ затаенною враждой, наконецъ, Кончини—съ этими быстрыми переходами отъ высокомѣрія къ боязни — словомъ, всѣ эти характеры обведены чертами немногими, но весьма-вѣрными. Но характеръ самый полный въ драмѣ, безспорно, есть, характеръ маркизы д'Анкръ.

Драма была разъиграна съ большимъ согласіемъ. Любопытно, какъ одинъ изъ современниковъ маркизы д'Анкръ описываетъ наружныя ея качества. Это было существо маленькаго роста, худощавое и весьма-смуглое, но довольно-пріятнаго сложенія. Хотя черты ея были правильны, по вслѣдствіе своей необыкновенной худобы, она казалась безобразною. Манеры ея были благородны, но выражали лицемѣріе; ея пріемы были иногда даже рѣзки. Г-жа Вольнисъ передала характеръ д'Анкръ съ необыкновенною истиной. Всѣ сцены ведены ею съ большою энергіею и теплотой; конечно, трудно было бы вмѣсто нея, отъискать другую д'Анкръ. На долю г. Бертона и г-жи Арну-Плесси достались роли небольшія; но они умѣли сохранить имъ всю ихъ характерность. Въ сценѣ, когда Кончини возбуждаетъ въ Изабеллѣ ревность, потомъ въ свиданіи Изабеллы съ Леонорой, г-жа Арну-Плесси—и по манерамъ, и какъ-будто по самому облику лица, была настоящею Корсиканкой, то сосредоточенною въ глубинѣ самой-себя, то смѣлою и рѣшительною — со всею быстротою переходовъ южнаго дня къ мраку ночи. Однимъ г. Давлуи въ роли Борджіа, мы остались весьма-недовольны. Двѣ сцены въ роли Борджіа: минута, когда онъ получаетъ приглашеніе отъ Леоноры и свиданіе съ ней — требовали тщательной отдѣлки, истиннаго увлеченія, но г. Давлуи былъ въ нихъ крайне-нехорошъ. Здѣсь опять несчастное для него положеніе—любовника; въ его увлеченіи мало естественнаго жара; въ игрѣ и въ жестахъ много натянутости, и, наконецъ, г. Давлуи въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ говоритъ такимъ страннымъ голосомъ, какъ-будто онъ семидесяти-лѣтній старикъ, у котораго нижняя губа выдалась больше верхней и препятствуетъ натуральному образованію звуковъ. Это Concini! Concini! не чрезъ *ч*, а чрезъ *ш*, какъ выговариваютъ и всѣ Французы, у него выходитъ какъ-то весьма-непріятно-оригинально, такъ-что оно у насъ еще и до-сихъ-поръ звучитъ въ ушахъ. Горько, но надо сказать правду: г. Давлуи не только не дѣлаетъ успѣховъ, но идетъ совершенно въ противную сторону...

Тѣхъ, которые не любятъ пьесъ, подобныхъ «La Maréchale d'Ancre», завлекали въ драму самые костюмы — дѣйствительно великолѣпные;

блестящіе камзолы, мантіи, раскидныя шляпы съ перьями, шелкъ, бархатъ, кружева... Сколько вкуса! Сколько богатства!

Бенефисъ г. Дегранжъ не принесъ и не обѣщалъ принести ничего хорошаго. Тѣ, которые предпочли въ Настасьинъ день остаться на вечерѣ у какой-нибудь имянинницы — нисколько не проиграли. «Riche d'Amour», въ которой та́къ забавенъ г. Верне́ — пьеса старая. Водевиль Жюля Премаре́ «L'ordonnance du Medecin»—и новая, но гораздо хуже старой; она основана на переодѣваньяхъ, и если это выборъ самой бенефиціантки—то она, на наши глаза, весьма ошиблась. Костюмъ временъ Людовика XV, съ напудреннымъ парикомъ, крайне не шелъ къ ней.

Лучшею пьеской этого вечера была комедія въ двухъ актахъ Баяра и Бьевилля: «Horace et Caroline.» — Въ одномъ изъ парижскихъ мансардовъ живутъ двѣ молоденькія сестрицы-швеи: Адель (г-жа Марія-Даллока) и Джульетта (г-жа Дегранжъ). На одной изъ нихъ сватается молодой человѣкъ, Адольфъ Бидо́ (г. Руже), ремесломъ encadreur (не знаемъ ка́къ ближе перевести по-русски); на другой — Огюстъ Потенъ (г. Феде́)—обойщикъ. На дворѣ—день свадьбы послѣдней. Къ молодымъ дѣвушкамъ собираются гости и, прежде всѣхъ, сиротка Каролина Дюранъ (г-жа Арну-Плесси́), дочь покойнаго банкира. Въ бесѣдѣ съ пріятельницами она разсказываетъ имъ, ка́къ однажды какой-то молодой человѣкъ спасъ ей жизнь. Вслѣдъ за этимъ, вмѣстѣ съ другими гостями, является Орасъ де-Прони́—постоянный посѣтитель кофейныхъ; веселый, безпечный малый. Каролина, только-что желавшая уйдти, услышавъ о приходѣ Ораса, перемѣняетъ намѣреніе и остается у сестрицъ. Черезъ нѣсколько минутъ свадебный кортежъ собирается къ меру, а Джульетта, Каролина и Орасъ остаются хозяйничать. Орасъ затѣваетъ жжонку, и въ то время, какъ дѣвушки чистятъ лимоны, разсказываетъ имъ о своей жизни: онъ былъ сыномъ богатаго человѣка, котораго разорилъ банкиръ Дюранъ; съ-тѣхъ-поръ Орасъ возненавидѣлъ всѣхъ банкировъ. При имени Дюрана, Каролина, слушавшая Ораса съ участіемъ, не можетъ скрыть своего безпокойства... Орасъ—тотъ самый, который спасъ ей жизнь; узнавъ его теперь ближе, Каролина уже любитъ его, но ка́къ помирить его съ именемъ ея отца? Ка́къ помочь ему въ его бѣдности? Каролина въ-минуту обдумываетъ планъ, и въ то время, какъ Орасъ убѣгаетъ, чтобъ принести свою скрипку повеселить свадьбу, она запечатываетъ въ конвертъ десять тысячь франковъ и посылаетъ ихъ къ Орасу. Посланный ушелъ; Каролина съ нетерпѣніемъ ждетъ, чѣмъ все это кончится. Чрезъ нѣсколько времени возвращается Орасъ и съ самымъ безпечнымъ видомъ разсказываетъ, ка́къ къ нему приходилъ какой-то мусьякъ съ деньгами отъ мадмуазель Дюранъ, и ка́къ онъ выгналъ его. Затѣмъ становится на стулъ и начинаетъ, для потѣхи присутствующихъ, играть на скрипкѣ. Вдругъ ему объявляютъ, что мадмуазель Дюранъ, о которой онъ говоритъ, здѣсь, на свадьбѣ, и указываютъ на Джульетту; въ то же время прибѣгаетъ слуга съ пакетомъ; распечатываютъ конвертъ и не находятъ денегъ... Общее смятеніе; Орасъ со стыдомъ скрывается.

Второе дѣйствіе происходитъ, полгода спустя, въ Гаврѣ, въ домѣ стараго кассира Бьенеме́ (г. Алланъ), у котораго живетъ племянникъ его, Адольфъ Бидо́, женатый на Джульетѣ. У нихъ и сиротка-Каролина. Ораса нѣтъ — нѣтъ цѣлыхъ шесть мѣсяцовъ. Всѣ думаютъ, что

онъ въ Лондонѣ. Но вотъ является и онъ, и мнимой Каролинѣ Дюранъ—Джульеттѣ возвращаетъ заработанныя имъ деньги, пропажа которыхъ надѣлала ему столько стыда. Потомъ онъ опять видитъ настоящую Каролину—дѣвушку имъ любимую, о которой говорятъ ему, что она за-мужемъ за Адольфомъ Бидо́. Зная ненависть Ораса къ ея отцу, Каролина все не смѣетъ открыть своего настоящаго имени. Орасъ улучаетъ минуту и говоритъ Каролинѣ, что любилъ ее, что думалъ, какъ о счастіи, получить ея руку. Каролина не въ-силахъ болѣе скрывать себя! О, она также любитъ Ораса, и она вовсе не за́мужемъ, но... она дочь Дюрана! Этого удара только и недоставало!.. Орасъ съ горестію прощается съ Каролиной и спѣшитъ уѣхать въ Америку. Въ эту самую минуту входитъ старикъ Бьеннеме́ и объясняетъ Орасу, кто былъ Дюранъ и кто былъ отецъ его — Ораса: покойникъ промоталъ чужія деньги; его ожидало наказаніе и позоръ. Онъ обратился къ Дюрану, и Дюранъ, подъ залогъ его имѣнія, ссудилъ ему требуемую сумму. Онъ ждалъ, что Прони́ выкупитъ имѣніе, но Прони́ не явился, и по смерти Дюрана, оно сдѣлалось достояніемъ коммерческаго общества, котораго Дюранъ былъ членомъ.—Орасъ сознается, что онъ ненавидѣлъ Дюрана напрасно, проситъ у Каролины прощенія и получаетъ ея руку.

Эта маленькая пьеска идетъ весьма-кругло: разсказъ Ораса при началѣ свадьбы о его жизни и балъ въ мансардѣ, прерванный извѣстіемъ о пропажѣ денегъ—сцены очень-живыя. Во второмъ дѣйствіи встрѣча Ораса съ Каролиной, ихъ объясненіе, потомъ прощаніе, очерчены легко, но довольно-нѣжно. Пьеса еще болѣе имѣла успѣха, потому-что въ ней принимали участіе г-жа Арну-Плессу́ и г. Бертонъ. Мы вѣрно скоро увидимъ эту пьесу на русской сценѣ. И это такъ недалеко; стоитъ перейдти Невскій-Проспектъ. Каролина возьметъ подъ-ручку Ораса и скажетъ ему :—Ну, пойдемъ теперь, мой милый, показаться въ русскомъ театрѣ; здѣсь нами нѣкоторые быть-можетъ тронулись, тамъ патетическія наши движенія встрѣтятъ можетъ-быть смѣхомъ. Но это ничего!.. Пойдемъ...» Ступайте, ступайте, милые! а мы, пока еще останемся здѣсь.

Французскій театръ рѣшительно хочетъ переродиться: съ нынѣшняго лѣта на сценѣ вотъ уже четвертая дебютантка, и, странная вещь! все на амплуа jeunes premières. Амплуа самое непрочное! Театръ точно человѣческое тѣло—на немъ безпрестанно мѣняется кожа. Между-тѣмъ-какъ, по объвленіямъ шла аукціонная продажа вещей Mlle Эстеръ Бонгаръ; мы собрались 1-го ноября въ Михайловскій-Театръ посмотрѣть на новую дебютантку на подобныя же амплуа, Mlle Лажье́. Она дебютировала въ одинъ день въ двухъ пьескахъ: давно-извѣстномъ водевилѣ «Suzanne de Croissy», Филиппа де-Марвилля, и новой комедіи-поговоркѣ въ одномъ актѣ г. Баяра: «Pas de fumée sans feu». И въ той и въ другой Mlle Лажье́ занимала роли своихъ соименницъ Сюзаннъ. Но вы, быть-можетъ, не знаете ни одной изъ нихъ?

Нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ ихъ Кроасси́ (г. Монжозъ) и Шамильякъ (г. Бертонъ), повѣряютъ друдъ другу, за бокалами шампанскаго, свои тайны. Шамильякъ собирается на свиданье съ г-жею де-Ламаръ, для которой мосьё де-Кроасси́ давно оставилъ въ провинціи свою четырнадцатилѣтнюю супругу Сюзанну. Послѣ такого признанія не остается ничего другаго, какъ встать изъ-за стола, за которымъ другіе уже спятъ, и взять въ руки шпаги. Друзья помогаютъ

другъ другу подняться на ноги, на прощаньи цалуются, обнажаютъ оружіе и, съ совершенно-французской вѣжливосью, становятся en gard. По-счастію, шумъ клинковъ будитъ другихъ; ихъ разнимаютъ, и въ веселыхъ головахъ пирующей молодежи раждается мысль составить договоръ такого содержанія: Шамильякъ навсегда долженъ отказаться отъ искательствъ на де-Ламаръ; за это Кроасси позволяетъ ему, сколько угодно, волочиться за M-me де-Кроасси. Друзья обязаны обращаться другъ съ другомъ съ совершеннымъ почтеніемъ. Тотъ изъ нихъ, который почему нибудь заспоритъ, имѣетъ тотчасъ же сходить посмотрѣть: на томъ ли мѣстѣ стоитъ статуя короля Генриха IV. Сказано — сдѣлано; договоръ составленъ и подписанъ. Всѣмъ ужасно весело!.. Пріѣзжаетъ Mme де-Кроасси (Лажье): мужъ не видѣлъ ея съ самой свадьбы, Петербургъ ни раза; мосьё де-Кроасси не вѣритъ глазамъ, удивляется, восхищается, влюбляется... Петербургъ хлопаетъ. Въ напудренномъ парикѣ, въ розовой атласной тюникѣ, съ цвѣтами на платьѣ и на груди... нѣжно-розовый цвѣтъ лица, плутовскіе глазки, которымъ до каждаго изъ насъ есть дѣло... Петербургъ хлопаетъ, хлопаетъ, и, наконецъ, въ удовольствіи останавливается—онъ давно не видѣлъ такой хорошенькой Сюзанны. Бѣдный мужъ! Шамильякъ напоминаетъ о контрактѣ. Сузанна любитъ мужа, но она видитъ его замѣшательство, узнаетъ причину, приглашаетъ его сѣсть за столъ, а сама, между-тѣмъ, садится поодаль и начинаетъ заниматься съ Шамильякомъ... Но всего не перескажешь... пьеса уже старая!

«Pas de fumée sans feu» еще проще. Въ пьескѣ только два лица: Тимолеонъ (г. Верне) конторщикъ въ домѣ банкира и его жена Сюзанна (Mlle Лажье). Тимолеонъ приходитъ домой и, ужь не въ первый разъ, слышитъ запахъ сигары; а жены нѣтъ дома. Тимолеонъ осматриваетъ всѣ углы: вездѣ запахъ сигары; а онъ этого запаха терпѣть не можетъ. Нѣтъ мѣсяца, какъ онъ женатъ: откуда взялась эта проклятая сигара? «Comme c'est bête!» восклицаетъ Тимолеонъ. Приходитъ Сюзанна и приготовляетъ мужу кофе; но Тимолеону не до кофе; Сюзанна ласкаетъ его, цалуетъ; Тимолеонъ забываетъ подозрѣнія и отъ радости начинаетъ полькировать съ Сюзанной подъ напѣвъ миленькаго голоса ея: «ah! quel bon petit ménage!..» Тимолеонъ совершенно-счастливъ. Но вотъ Сюзанна подаетъ ему шляпу и прогоняетъ въ контору. Тимолеонъ задумывается опять. Черезъ минуту онъ опять возвращается и опять слышитъ запахъ, но запахъ самый свѣжій; онъ, какъ безумный, бросается то въ ту, то въ другую комнату: вездѣ то же, даже простое платьице Сюзанны пропитано этимъ запахомъ! А въ домѣ, кромѣ ея — ни души. Что за напасть? Тимолеонъ уходитъ опять, и на этотъ разъ безъ шума возвращается въ боковую дверь и смотритъ: на креслахъ сидитъ Сюзанна и куритъ... Эта незатѣйливая пьеса написана очень-мило и забавно. Правда, автору этой пьески, Баярду, какъ рыцарю Баярду, не довольно (по замѣчанію парижскаго фёльетониста) быть только *безъ страха*, не мѣшало бы—и *безъ упрека*; но все же, какъ водевиль, «Pas de fumée sans feu» одна изъ тѣхъ милыхъ бездѣлокъ, какія подъ названіемъ водевилей являются довольно-рѣдко.

Mlle Лажье въ обоихъ этихъ водевиляхъ выказала очень-миленькій талантъ. Она, конечно, не будетъ искать трудныхъ положеній, и, быть-можетъ, хотѣла бы, чтобъ эта чаша навсегда шла мимо ея; ея пріемы кажутся немного рѣзкими; но игра ея очень-проста, въ ней много

жизни, много веселости, въ физіономіи много подвижности, въ голубыхъ глазахъ просвѣчиваетъ кокетливость и умъ, во всѣхъ движеніяхъ видна грація, дикція весьма-пріятная, голосъ, хоть маленькій, но далеко не безъ одушевленія. Вотъ еще «сюжетъ», которому искренно радуемся!

Послѣ Mlle Лажьё дебютировала во второй разъ Mlle Каролина Даллока. Для втораго своего дебюта она выбрала роль леди Анны въ драмѣ «Elle est folle» (Она помѣшана!), о которой мы говорили какъ-то въ отчетахъ о русскомъ театрѣ. Но часто въ то время, какъ пишешь—и въ драмѣ и въ характерахъ находишь гораздо-болѣе драматическихъ положеній, нежели сколько оказывается на дѣлѣ. Главное лицо драмы сэръ Гарлей — помѣшанный отъ ревности на томъ, будто помѣшана жена его. Такія явленія нерѣдки не только въ помѣшанныхъ, но и въ здоровыхъ; по пословицѣ: «съ больной головы на здоровую», часто виноватъ самъ, а винишь другаго. Характеръ сэра Гарлея развитъ Мельвиллемъ довольно-полно; но на долю леди Анны оставлено очень-мало словъ и даже—немного самой игры. Поэтому Mlle Каролина Даллока не имѣла случая выказать при своемъ второмъ дебютѣ никакой новой стороны своего таланта, и роль, исполненная ею въ драмѣ «Jullette» была, въ этомъ отношеніи, гораздо-полнѣе. Не знаемъ обстоятельствъ, какія могли заставить Mlle Каролину Даллока явиться въ роли леди Анны; но скажемъ здѣсь, и, конечно, не какъ новость, что для первыхъ появленій своихъ передъ новой публикой, актрисса необходимо должна выбирать роли, съ интересомъ возрастающимъ, или по-крайней-мѣрѣ такія, которыя, хотя не болѣе трудны, но раскрываютъ какую-нибудь новую сторону таланта. Иначе любопытство публики притупляется; она привыкаетъ видѣть артиста въ амплуа, менѣе значительномъ, и потомъ ему уже труднѣе занять настоящее свое мѣсто. Mlle Каролина Даллока—такой талантъ, которому нѣчего опасаться появленія въ роляхъ полнѣе роли какой-нибудь Джульетты. Все это говоримъ въ видѣ одного добраго совѣта; законы искусства, конечно, гласятъ другое: истинный талантъ всегда выкажется. Все это такъ; да публика-то иногда выказывается не такъ.

Но вотъ «еще послѣднее сказанье»—и хроника наша окончена.

Бенефисъ любимца петербургской публики г. Ружё былъ составленъ: изъ водевиля въ трехъ актахъ «Les Sept billets ou la semaine des echéances»; изъ маленькаго водевиля «J'attends un omnibus» и изъ мольеровской пьесы «Les précieuses ridicules». Вообще г. Ружё составилъ свой бенефисъ довольно-неудачно и далеко не такъ забавно, какъ онъ забавенъ самъ.

Водевиль «Les Sept billets» заключается въ томъ, что молодой человѣкъ, студентъ медицины, Оскаръ (г. Бертонъ), получаетъ за-разъ семь записокъ: приглашеніе на похороны, billet doux, вызовъ на дуэль, билетъ на балъ, нарядъ въ караулъ національной гвардіи, наконецъ, приглашеніе на свадьбу—и въ слѣдующихъ шести дняхъ, на которые раздѣлена пьеса, проходятъ всѣ эти шесть круговъ дантова ада, болѣе похожіе, впрочемъ, на сараи, въ которыхъ бываютъ представленія о масляницѣ. Въ спутницы Оскару дана дѣвушка, которую онъ любитъ; въ черные геніи—два кредитора, которыхъ онъ не любитъ, и которые вызываютъ его на всѣ эти печальные и радостные случаи съ цѣлью захватить его. Само-собою разумѣется, что должникъ, какъ геній доб-

рый, одерживаетъ верхъ, и пьеса, едва успѣвъ спасти главнаго своего героя, падаетъ...

«J'attends un omnibus» еще менѣе занимательна: тутъ также какой-то должникъ Тибюрсъ (г. Верне) никакъ не можетъ уѣхать со станціи желѣзной дороги, куда, по его слѣдамъ, является его кредиторъ, нѣмецкій сапожникъ Франкфортъ, и старинная пріятельница, Сигаретта. Но въ этой пьесѣ есть, по-крайней-мѣрѣ, нѣсколько остротъ, при которыхъ нельзя не смѣяться. Сапожникъ Франкфортъ упрекаетъ мосьё Тибюрса, что онъ дурно платитъ долги, ведетъ роскошную жизнь, обѣдаетъ у ресторановъ. — «Et où voulez-vous que je dîne?» спрашиваетъ Тибюрсъ; «est ce chez un quincaillier?.. On voit bien que Francfort est partisan de la diète!» Сигаретта, описывая своего мужа, между-прочимъ говоритъ о немъ: — «Mon mari est cossu.» —«Madame» замѣчаетъ Тибюрсъ, «vous avez une prononciation vicieuse: il n' y a pas de cédille dans ce mot.» Говорятъ, когда въ парижскомъ театрѣ Арналь произноситъ эту послѣднюю остроту, то весь Парижъ хохочетъ.

Затѣмъ остается «Les précieuses ridicules»; но кто изъ живыхъ и мертвыхъ не знаетъ «Les précieuses ridicules»?

Время, въ которое написана эта пьеса, или, лучше, съ котораго она списана, было потѣшное, уморительное время! «Рѣка *склонности*», «море *пріязни*», «озеро *равнодушія*» — вотъ выраженія, какія тогда употреблялись въ разговорномъ языкѣ лучшаго общества. Чтобъ назвать зеркало, нужно было сказать «le conseiller des graces». Слуги хорошаго дома, желая сказать вамъ, что какой-то господинъ хочетъ васъ видѣть, долженъ былъ докладывать: voilà un nécessaire qui demande si vous êtes en commodité d'être visible?» Вмѣсто: подай намъ кресла, говорилось: «voiturez nous ici les commodités de la conversation». Наконецъ, какъ можно было выражаться такъ натянуто, какъ выражаемся мы теперь, приглашая гостя сѣсть: садитесь, пожалуйста! не угодно ли вамъ присѣсть! или: сядь, братъ! Тогда говорили просто: de grace, Monsieur, ne soyez pas inexorable à ce fauteuil, qui vous tend les bras il y a un quart d'heure; contentez un peu l'envie qu'il a de vous embrasser». Говорить такимъ отборнымъ языкомъ называлось тогда «pousser le doux, le tendre et le passionné», и владѣть такимъ искусствомъ, значило быть bel esprit. Самое избранное общество гнушалось всего обыкновеннаго; выражаться просто считалось недостаткомъ хорошаго вкуса. Зараза этого приторнаго жеманства распространилась всюду: въ салонахъ, въ литературѣ, въ городѣ, чуть-чуть не у боссюэтовъ. Во главѣ этой маніи стояли имена герцогини Лонгвилль, Ла-Файетъ, Севиньй, тогдашнихъ поэтовъ Бенсерада и Воатюра, знаменитой Нинонъ де-Ланкло, Дезульеръ — съ ея одами къ барашкамъ, воспитательницы дофина, маркизы де-Рамбульé. Сонаты Бенсерада и Воатюра «Iob» и «l'Uranie» раздѣляли придворныхъ на двѣ рѣзкія партіи: uranie'стовъ и jobelins'истовъ... Альковы служили для подобныхъ собраній мѣстомъ салона, и какая-нибудь précieuse'ка принимала въ немъ это избранное общество des beaux esprit. Но коноводъ собранія, маркиза де-Рамбульé, въ постоянномъ усердіи своемъ: pousser le doux et le tendre, до того-жъ, наконецъ, дошла, что имя Катерины, данное ей при крещеніи, показалось ей не поэтическимъ и неладнымъ, и она, вмѣсто его, приняла имя Артемизы... Малербъ, Раканъ, Сегрé, самъ проповѣдникъ Флешьé, по этому адресу посылали къ ней всѣ свои посвященія.

Какъ знать! быть-можетъ иногда и сами précieuses сознавали всю ничтожность своей болтовни; не знали куда идти, что дѣлать—и чтобъ хоть чѣмъ-нибудь обмануть себя и увѣрить, что онѣ живутъ, онѣ стали придавать важность пустякамъ, въ которыхъ постоянно обращались, и для-того о вещахъ самыхъ ничтожныхъ судили и рядили языкомъ самымъ высокимъ. Среди своей изнѣженности и бездѣйствія, онѣ хоть въ этомъ нелѣпомъ жеманствѣ старались найдти какую-нибудь гимнастику для своего ума.

Долго въ молчаніи смотрѣлъ на всѣ эти глупости Мольеръ; наконецъ подумалъ, махнулъ своею львиною гривой (надъ пустяками рукъ марать было нечего!) — и *въѣхалъ* въ самую отель Рамбулье, бросивъ всѣмъ этимъ жеманницамъ «Les précieuses ridicules»...

Двѣ чванныя провинціалки, пріѣхавшія въ Парижъ, перемѣняютъ свои имена и хотятъ устроить у себя академію des beaux esprits. Добрякъ-отецъ пріискиваетъ имъ жениховъ; но, по мнѣнію красавицъ, молодые люди понятія не имѣютъ о томъ, что такое: pousser le doux, le tendre et le passionné... Обиженные женихи посылаютъ къ разборчивымъ невѣстамъ, вмѣсто себя, своихъ слугъ, изъ которыхъ одинъ называетъ скотами всѣхъ лакеевъ, которые не умѣютъ говорить такими отборными фразами, какъ онъ. Чванницы принимаютъ лакеевъ за маркизовъ и виконтовъ; не могутъ пріийдти въ себя отъ восторга; но являются настоящіе господа и выгоняютъ слугъ.

«Les précieuses ridicules» въ первый разъ была представлена въ 1658 году. Это была первая комедія Мольера, вмѣстѣ *добрая* и злая. Для насъ она, конечно, уже не имѣетъ цѣны ни той, ни другой.

Вл. Ч.

II.

ЗАМѢТКИ О МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Письмо пятое.

Нѣсколько вопросовъ. — Сценическія новости. — Энгувильскій Нѣмой. — Г-жа Косицкая въ роли Гризельды.

Если бы успѣхи русской драматургіи измѣрять количествомъ новыхъ пьесъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обойдется ни одинъ бенефисъ, то, безъ-сомнѣнія, можно было бы дойдти до самыхъ *отрадныхъ* фактовъ и до самыхъ *блестящихъ* результатовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, дѣятельность нашихъ трагиковъ, драматурговъ, комиковъ и водевилистовъ — изумитъ хоть кого своею плодовитостью. И драматическіе писатели и драматическія сочиненія плодятся годъ-отъ-года; но когда поразмыслишь, отчего они плодятся, то невольно сдѣлается грустно. Понятное дѣло, что всякую попытку, не то что ужь серьёзную, а хоть сколько-нибудь изъявляющую претензію на серьёзность, встрѣчаешь съ невольнымъ участіемъ: ждешь, что вотъ-вотъ, наконецъ,

хоть одно произведеніе станетъ выше посредственности — и почти всегда разочарованіе ожидаетъ васъ въ этомъ случаѣ... Все тѣ же опошлѣвшіе эффекты, все тѣ же достолюбезныя шуточки... Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, не развились мы до созданія и до пониманія драмы? Не-уже-ли должны мы все плакать въ драмахъ отъ сценъ разставаній и свиданій, и хохотать въ комедіяхъ тому, что одинъ вытащилъ другаго изъ-подъ стула за ногу, или показалъ другому палецъ; или, наконецъ, спѣлъ куплетъ о *финтифлашкахъ?* Не-уже-ли такъ-таки и породнились мы съ героями на ходуляхъ или съ тривіальными остротами? Вопросъ, безпрестанно смущающій всякаго, кто сколько-нибудь сочувствуетъ драматическому искусству! Порѣшаешь этотъ вопросъ обыкновенно тѣмъ, что идешь искать трагедіи въ оперѣ, и комедіи — тамъ же, какъ бы опера ни исполнялась: въ оперѣ какъ-то свободнѣе дополняешь воображеніемъ то, что исчезаетъ отъ исполненія въ музыкальной драмѣ композитора. Право такъ: я никогда не пропущу представленія «Фрейшюца», «Роберта» и другихъ извѣстныхъ оперъ, и радъ бы былъ пропустить почти всѣ новыя представленія бенефисныхъ произведеній...

Вотъ и теперь — я, рѣшительно, не знаю, о чемъ повести рѣчь: о *Вдовѣ ли Сатаниловой,* данной въ бенефисъ г. Соколова; о *Сэръ Жакѣ* ли, представленномъ въ бенефисъ г. Нѣмчинова?.. Всего лучше — ни о чемъ, тѣмъ болѣе, что въ моихъ скромныхъ замѣткахъ, я зарекаюсь одинъ разъ навсегда говорить о бенефисахъ, какъ о бенефисахъ, потому-что въ сущности это значило бы, ни болѣе ни менѣе, писать исторію театральныхъ афишъ.

Въ бенефисъ добросовѣстнаго и умнаго артиста г. Нѣмчинова шла старая новость, пользующаяся давно уже успѣхомъ: *Кремневъ.* Самъ бенефиціантъ занималъ роль стараго служаки и передалъ превосходно этотъ характеристическій типъ: у него были минуты даже истинно-драматическія, и въ нихъ не было ни тѣни аффектаціи. Водевиль *Сэръ Жакъ или Неугодно ли быть повѣшеннымъ?* несмотря на то, что снабженъ всѣми средствами успѣха, обыкновенными для подобнаго рода произведеній—прошелъ на нашей сценѣ какъ-то не совсѣмъ удачно.

Красавица съ золотыми волосами — съ ея солнцами, вѣтрами, превращеніями и проч. данная въ бенефисъ г. Щепина, не принадлежитъ собственно къ области драматическаго искусства.

Гораздо-интереснѣе, появленіе г. Бантышева въ роли Егора Башлыка въ драмѣ: «Двумужница», да и это появленіе, говоря откровенно не совсѣмъ удовлетворило ожиданіямъ. Разумѣется, г. Бантышевъ, хотя въ этотъ разъ онъ былъ, какъ говорится не въ-ударѣ, явился лицомъ довольно-типичнымъ, въ-особенности въ первомъ актѣ, но... недоставало въ немъ прежней размашистой удали...

Вотъ и все почти замѣчательное въ драматическомъ отношеніи. Остается говорить о г-жѣ Косицкой въ ролѣ *Гризельды;* но прежде, считаю нужнымъ замѣтить одно не новое явленіе—именно, сказать нѣсколько словъ о г. Самаринѣ 1, въ роли «Энгувильскаго Нѣмаго». Эта ничтожная пьеса дается довольно-часто и смотрится съ наслажденіемъ, благодаря искусству г. Самарина. У него дѣйствительно превосходная драматическая мимика, и если бы другія его средства, хоть сколько-нибудь соотвѣтствовали этому, г. Самаринъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ артистовъ; теперь же онъ остается только артистомъ умнымъ, любящимъ свое дѣло и, слѣдовательно, вполнѣ достойнымъ уваженія — но менѣе всего способнымъ увлечь, заста-

вить хоть на-минуту позабыть въ себѣ артиста. Роль «Нѣмаго»—по его средствамъ; въ ней онъ съ начала до конца драматиченъ и изященъ... въ ней онъ даже увлекателенъ. Кромѣ сценъ чисто-эффектныхъ, на которыя, по какому-то мнѣ-самому необъяснимому чувству, я привыкъ смотрѣть съ крайнею подозрительностью, онъ поражаетъ простотою и глубокимъ чувствомъ своей мимики въ единственной, не форсированной сценѣ, когда нѣмой Жоржъ хочетъ бѣжать отъ безнадежной любви, и звуки фортепьяно опять влекутъ его къ прошедшему. Эта сцена сама-по-себѣ хороша и поэтична, потому-что она болѣе или менѣе обыкновенная исторія для каждаго любившаго человѣка. Г. Самаринъ въ ней превосходенъ, потому-что не прибѣгаетъ ни къ какой форсировкѣ, не возмущаетъ васъ ничѣмъ вамъ чуждымъ и непонятнымъ—и едва ли, не болѣе истиннаго таланта выказывается въ этой простой, повседневной сценѣ, чѣмъ въ различныхъ внезапныхъ признаніяхъ, отцами ихъ дѣтей и дѣтьми ихъ родителей.

Признаюсь, у меня развилась какая-то антипатія къ эфектнымъ сценамъ. Скажите, отчего Шекспиръ избѣгалъ ихъ какъ-будто съ умысломъ? Въ «Королѣ Лирѣ», напримѣръ, два раза, по-видимому, есть поводъ къ подобнымъ изліяніямъ—въ сценѣ Корделіи съ пробудившимся отъ сна и съумасшествія Лиромъ и въ сценѣ Эдгара съ Глостеромъ; а изліяній нѣтъ... Изліянія — только въ сценѣ Лира съ мертвой Корделіей, да и то не изліянія, а вопли, терзающіе, трагическіе. Думаю, что не безъ причины обходилъ поэтъ эти сцены, какъ не безъ причины же любятъ ихъ до такой степени драматурги-рутинеры. Не въ-силахъ возвести ихъ въ трагическое величіе, не въ-силахъ же и подмѣтить въ нихъ комическую сторону, они видятъ только внѣшнія проявленія чувства и переносятъ ихъ на сцену безъ дальнихъ околичностей и церемоній. Сантиментальныя драмы такъ же мало достойны искусства, какъ и драмы неистовыхъ страстей: въ тѣхъ и другихъ одна и та же основная ошибка—нелѣпая мысль искать драматизма въ одной внѣшности факта.

Перехожу теперь къ замѣчательнѣйшему сценическому событію настоящаго мѣсяца, къ г-жѣ Косицкой въ роли *Гризельды*. Драма «Гризельда», вѣроятно извѣстна всѣмъ: она принадлежитъ къ категоріи самыхъ дюжинныхъ нѣмецкихъ драмъ, а вѣдь извѣстно, что нѣмецкія дюжинныя драмы отстоятъ на безконечно-далекую ступень даже отъ дюжинныхъ французскихъ драмъ. Величайшій порокъ ихъ состоитъ въ лиризмѣ, который, нисколько не вытекая изъ сущности дѣла, есть не что иное какъ балластъ и притомъ самый дешевый; другой, столько же вредный ихъ недостатокъ — явное присутствіе напередъ заданной мысли, въ-слѣдствіе которой событія являются декораціями, люди же — марьйонетками: Гризельда идеализирована до приторности: самъ авторъ драмы вѣроятно не вѣрилъ въ возможность ея существованія, а нашелъ этотъ типъ весьма-удобнымъ для приведенія различныхъ, яко бы драматическихъ столкновеній, и яко бы потрясающихъ эффектовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ канва богатая, повидимому: женщина изъ преданности любимому человѣку выдаетъ сына на жертву палачамъ, выноситъ съ любовію и покорностью насильственную и унизительную разлуку, готова пожертвовать жизнью за неблагодарнаго — обезславленная, отвергнутая даже отцомъ; но вина ли то самаго идеальнаго типа, вина ли автора — только не сила характера и страсти, а какая-то апатія, какое-то отсутствіе жизненной силы про-

глядываетъ во всѣхъ этихъ самопожертвованіяхъ; борьба въ ней всегда только минутная, потому и жертвы ея какъ-то не цѣнятся. Два женскіе характера вспомнились мнѣ, когда я пытался принять участіе въ Гризельдѣ; шекспирова Юлія, въ той великой сценѣ, гдѣ узнавъ о смерти Тобальда, убитаго Ромео, она начинаетъ бранить Ромео, и вслѣдъ затѣмъ, узнавъ объ изгнаніи Ромео, предается снова всей силѣ своей страсти — и характеръ Жюльетты въ «Леоне Леони» — полный типъ беззавѣтно-любящей женщины; вѣдь въ то время, когда она увѣряетъ себя, что ненавидитъ и презираетъ Леони, она — добросовѣстна какъ добросовѣстна и тогда, когда какая-то невольная сила повлекла ее къ нему, лишь-только она увидала его въ гондолѣ. Вотъ эти женщины существовали и существуютъ, они точно любили безпредѣльно, беззавѣтно... а Гризельды и не бывало, и нѣтъ. Не говорю уже о томъ, что остальныя лица пьесы возбуждаютъ чувство непобѣдимаго отвращенія къ себѣ, потому-что съ нечеловѣческимъ разсчетомъ играютъ жестокую комедію, пытаютъ бѣдную женщину — не говорю уже о томъ, какъ нелѣпа была мысль перенести цѣликомъ на сцену простодушную и грубую легенду, въ которой самое дѣйствительное получаетъ характеръ фантастическій, чудовищный.

Что касается до г-жи Косицкой, то ея богатая чувствомъ натура высказывалась иногда такими неподдѣльными порывами, такими воплями и рыданіями, что глядя на нее можно было позабыть, въ театрѣ ли находишься: зачѣмъ только такъ односторонно, такъ обильно одними слезами и воплями это сильное дарованіе?

Москва, 16-го октября.

Письмо шестое.

Г. Синявскій въ роли *Наца* въ «Дезертёрѣ». — «Три невидимки», *водевиль г. Ленскаго.* — Г. Нѣмчиновъ въ «Ревизорѣ». — Старое воспоминаніе. — *Драма* «Три Сестры» и г-жа Косицкая. — «Милліонъ», *водевиль гг. Тарновскаго и Руднева.* — Нѣчто о бенефисныхъ представленіяхъ въ отличіе отъ обыкновенныхъ. — Еще нѣсколько словъ о *трагедіи* «Гризельда» и о г-жѣ Косицкой. — Г-жа Лаврова въ «Докторскомъ предписаніи». — Г. Ольгинъ въ *водевилѣ* «Жена Кавалериста» и нѣсколько словъ о томъ, что такое спеціальность. — Г. Самаринъ въ *драмѣ*: «Мачиха и Падчерица».

Любите ли вы характеры наивныхъ простаковъ, такъ-часто встрѣчающіеся въ нашихъ водевиляхъ и комедіяхъ? Что касается до меня, то признаюсь вамъ, они мнѣ ужасно надоѣли — какъ надоѣдаетъ все, что становится условнымъ. И между-тѣмъ, сколько силъ потрачивается артистами весьма-даровитыми, каковы гг. Мартыновъ, Марковецкій и Васильевъ, на это амплуа!.. и между-тѣмъ, ни на одно амплуа не является столько охотниковъ, какъ на это! Причина здѣсь весьма-простая: ни въ одномъ амплуа не пріобрѣтается такъ-скоро любовь нѣкоторой части публики — ни однѣ роли не выдаются такъ ярко, потому-что ни однихъ ролей такъ легко нельзя выказать; образовались даже своего рода преданія и своего рода требованія для ихъ выполне-

нія. Вотъ и еще одинъ искатель этого амплуа, г. Синявскій; онъ явился въ роли *Паца* въ «Дезертёрѣ», премиленькомъ, хотя нѣсколько сантиментальномъ водевилѣ. *Пацъ* и *Жанна Биму* (въ водевилѣ «Любовный Напитокъ») нѣчто въ родѣ прототиповъ всего этого поколѣнія наивныхъ простаковъ, дураковъ и, наконецъ, безпримѣсныхъ идіотовъ, которыхъ появленіе на сцену производитъ всегда такой общій, единодушный взрывъ смѣха... Г. Синявскій, въ «Пацѣ», не придалъ никакого новаго самобытнаго колорита этому лицу и не выказалъ ни раза дарованія, сколько-нибудь выходящаго изъ ряда посредственностей, не съумѣлъ даже быть смѣшнымъ, хотя это очень-легко, и потому собственно объ этомъ дебютантѣ я и не упомянулъ бы, еслибъ г. Черкасовъ, игравшій драматическую роль самого дезертёра, не навелъ меня на размышленія о весьма-старомъ предметѣ — о вредѣ подражанія. Г. Черкасовъ давно уже изумляетъ всѣхъ какимъ-то буквальнымъ копированіемъ дикціи, жестовъ и манеръ г. Самарина 1-го, иногда до-того точнымъ, что трудно отличить копію отъ оригинала: тѣ же повышенія голоса, всплескиваніе руками и трясеніе головою, то же ускореніе рѣчи въ извѣстныхъ мѣстахъ, та же сантиментальность въ окончаніи каждаго періода; нѣтъ только того, что щедро вознаграждаетъ недостатки г. Самарина 1-го — истинной теплоты чувства, полной свободы движеній, мастерскаго умѣнья пользоваться небольшими средствами; нѣтъ того, однимъ-словомъ, что даетъ г. Самарину 1-му такое почетное мѣсто въ ряду молодыхъ артистовъ. Г. Черкасовъ поясняетъ даже свой оригиналъ, котораго недостатки проявляются у него рѣзко; въ игрѣ г. Черкасова такъ и слышится та ложная, сантиментальная школа, которая до-сихъ-поръ еще держитъ подъ своимъ вліяніемъ молодаго и даровитаго артиста. Если хотите, въ заблужденіяхъ этой школы лежитъ зерно истины: она искала естественности, простоты, въ противоположность ложному, ходульному величію — только дѣло въ томъ, что естественность смѣшала она съ тривіальностью, простоту съ какимъ-то вѣчно сладкимъ тономъ: этой школѣ понятно только слезное изліяніе чувства; ни одного движенія — рѣзкаго и мужескаго, ни какого выхода изъ заученнаго тона. Поэтому и на г. Самарина 1-го можно смотрѣть съ наслажденіемъ тогда только, когда онъ играетъ холодныя роли, не потому, чтобъ въ немъ видѣли мы отсутствіе порывовъ, а потому, что на этихъ порывахъ отпечатался вѣчно одинаковый, неизмѣнный типъ. Я помню его въ небольшой роли Герцога въ «Маскарадѣ при Лудовикѣ XV» — гдѣ онъ былъ вполнѣ мастеромъ, гдѣ онъ усвоилъ себѣ манеру, небрежный тонъ знаменитыхъ roués XVIII вѣка, и гдѣ ему не было случая предаваться сантиментальнымъ порывамъ... Въ водевилѣ «Дезертёръ» игралъ еще г. Ленскій; роль молодаго веселаго Француза Дорвиньи была передана имъ не только съ умомъ, но во многихъ мѣстахъ, и съ душевною теплотою и притомъ, безъ малѣйшей натяжки, что бываетъ съ нимъ очень-рѣдко. Особенно-хорошъ онъ былъ въ разспросахъ о Парижѣ, въ чтеніи писемъ — хотя волокитствомъ его нельзя было быть довольнымъ: въ этомъ волокитствѣ было много аффектаціи и дурнаго тона и мало искренности, веселости, непринужденности; изъ женскихъ лицъ водевиля — только роль Гритли (г-жа Бороздина 1-я) была исполнена какъ слѣдуетъ.

Г. Ленскій подарилъ театръ въ свой бенефисъ тремя водевилями, изъ которыхъ одинъ, именно *Три Невидимки* — не только милъ и остро-

уменъ, но даже поэтиченъ въ нѣкоторыхъ сценахъ. Это, передѣлка водевиля: «Les trois Fées de Paris», но передѣлка мастерская, съ легкими, граціозными куплетами, съ живой человѣческой рѣчью; эстетическое чувство не возмущено здѣсь ни трактирными остротами, ни каламбурами, которыхъ нельзя назвать иначе какъ—вѣчными принадлежностями водевилей доморощеннаго издѣлія. Содержаніе «Трехъ Невидимокъ» довольно запутано, но интрига развивается живо и бойко; сцены, одна другой занимательнѣе, слѣдуютъ другъ за другомъ... Женскія лица водевиля такъ легки и милы, такъ наивны и, вмѣстѣ, такъ кокетливы, что дѣйствительно похожи на женщинъ... Молодаго, бѣднаго художника (г. Самаринъ 1), покровительствуютъ три феи—впрочемъ феи весьма-земныя: супруга богача, Гортензія (-жа Лаврова) и двѣ молодыя дѣвушки, изъ которыхъ одна (г-жа Бороздина 1) сговорена за его свѣтскаго товарища (г. Васильевъ), а другая (г-жа Косицкая) просто-на-просто любитъ его, сама того не зная. Съ художникомъ дѣлаются удивительныя вещи: то, въ ту самую минуту, когда онъ клянетъ судьбу съ такимъ же горемыкой-пріятелемъ адвокатомъ (г. Ленскій), у него въ комнатѣ является отличный завтракъ; то — шинель, въ которой онъ сильно нуждался; то свѣтскій герой, не хотѣвшій ему кланяться, усильно зоветъ его на вечеръ къ своей будущей тёщѣ, которая почему-то принимаетъ сильное участіе въ художникѣ; то господинъ, съ которымъ ведетъ онъ процессъ, является къ нему заказывать картины. А дѣло объясняется очень-просто: квартира его связана потаенным ходомъ съ великолѣпнымъ отелемъ; три феи проходятъ этимъ входомъ въ его комнату, но, заслышавъ шаги, прячутся въ альковъ; потомъ во время бесѣды трехъ пріятелей хотятъ убѣжать, впрочемъ не совсѣмъ удачно, нототому-что каждый изъ пріятелей художника видѣлъ по одной феѣ: третья осталась еще въ альковѣ. Изумленіе и насмѣшки товарищей еще болѣе кружатъ голову молодому человѣку: оставшись одинъ, онъ призываетъ въ тревожной лихорадкѣ милую фею, звучными, прекрасными стихами, и фея является робкая, застѣнчивая (г-жа Косицкая), потомъ, разумѣется, исчезаетъ, боясь сильныхъ порывовъ художника. Таковъ первый актъ живой, веселый, занимательный. Во второмъ актѣ, дѣло, разумѣется, распутывается... Г. Самаринъ 1-й былъ бы весьма-хорошъ въ своей роли, если бы не впадалъ въ неумѣстный драматизмъ, отзывавшійся какою-то пародіею на Гамлета. Г. Васильеву не удалась роль свѣтскаго фата, потому-что онъ не позаботился оттѣнить ее отъ обыкновенныхъ ролей наивныхъ простаковъ и шутовъ; г. Ленскій былъ безукоризненъ въ своей роли. Что касается до трехъ фей, то одна изъ нихъ, г-жа Косицкая, слезно плакала или говорила задыхающимся голосомъ; другая, г-жа Лаврова, противъ обыкновенія, была какъ-то принужденна: вообще этой даровитѣйшей изъ нашихъ артистокъ не мѣшаетъ отвыкнуть отъ излишней изъисканности, въ каждомъ словѣ и движеніи переходящей часто въ манерность, и не мѣшаетъ помнить, что ничто болѣе аффектаціи не вредитъ той граціозности, которою щедро надѣлила ее природа. Превосходна была она только въ той сценѣ, когда уговаривала мужа пожертвовать выиграннымъ процессомъ: тутъ было много истины, лукавства, милой наивности; въ другихъ же сценахъ, явно высказывалось что-то заученное, проглядывало желаніе *выдать* порѣзче мысль или куплетъ; не было непринужденности, однимъ-словомъ, того высокаго качества въ артисткѣ,

которое дороже всѣхъ другихъ, которымъ отличалась на-примѣръ Н. В. Рѣпина, которымъ, каждая по-своему, отличаются обѣ г-жи Самойловы. Да! много непринужденности (т.-е. отсутствія всего ложнаго, жеманнаго) нужно для-того, чтобъ съумѣть такъ лукаво-мило приложить пальчикъ къ устамъ въ заключительномъ куплетѣ водевиля «Въ людяхъ—ангелъ, не жена»; или такъ испански лѣниво и беззаботно качаться на койкѣ съ сигарой въ водевилѣ «Мериносъ», какъ незабвенная Рѣпина; придать какой-то мило-рѣзкій колоритъ роли «Дочери Полка», какъ г-жа Самойлова 1; заставить навсегда замолчать простыя слова: «а что братецъ? всѣ моряки такіе сердитые?» какъ г-жа Самойлова 2, въ «Заревскомъ». Не даромъ привожу я эти примѣры: я хочу указать осязательно, чего именно недостаетъ г-жѣ Лавровой для-того, чтобъ быть истинною артисткой: она не умѣетъ еще говорить простыя вещи просто и непринужденно, хотя мастерски уже говоритъ мудреныя вещи; въ ней есть еще желаніе—*выдать* порѣзче; желаніе губительное для настоящей граціи, а между-тѣмъ, мѣстами и даже иногда въ цѣлыхъ роляхъ, въ ней проявляется нѣчто вполнѣ-женственное, изящно-кокетливое, наивно-милое! Ей дано такъ много, что многаго должно отъ нея и требовать.

Немногіе артисты заслуживаютъ такого уваженія, какъ г. Нѣмчиновъ, постоянно, добросовѣстно изучающій каждую роль, обдумывающій ее и не прибѣгающій ни къ какимъ внѣшнимъ средствамъ для пріобрѣтенія любви публики. Въ послѣднее время, дѣятельность его значительно усилилась: онъ являлся въ роляхъ: Ѳедора Дятла въ «Двумужницѣ» — Матроса въ водевилѣ этого же имени, Кремнева и, наконецъ, городничаго въ «Ревизорѣ». Почти всѣ эти роли, за исключеніемъ первой, играны были М. С. Щепкинымъ; но вовсе не потому не былъ я доволенъ въ двухъ изъ нихъ г. Нѣмчиновымъ; вовсе не считаю я дерзостью—попытку добросовѣстнаго артиста по-своему съиграть эти роли: уважая, любя великій талантъ перваго русскаго комика, я вовсе не хочу никакой исключительности, и потому, старался смотрѣть на г. Нѣмчинова въ роляхъ г. Щепкина безъ всякой, заранѣе подготовленной, мысли. Но прежде-чѣмъ говорить о роляхъ, неудавшихся г. Нѣмчинову, считаю долгомъ отдать ему полную справедливость за роль Дятла—въ которой онъ былъ лучше всѣхъ видѣнныхъ мною артистовъ, не искючая даже г. Орлова и г. Брянскаго—и за роль Кремнева, въ которой онъ умѣлъ быть истиннымъ и типичнымъ, не утрируя, не переходя въ слёзный драматизмъ... Словамъ:

И пусть на той всемірной перекличкѣ
Откликнется солдатская слеза.

онъ придалъ энергію, которая даже въ самую тяжкую минуту не оставляетъ стараго служаки. Другое дѣло роли Матроса и Городничаго: въ первой еще были у него хорошія минуты; но какъ въ той, такъ и въ другой недоставало главнаго—*созданія*. Г. Нѣмчиновъ—артистъ прежде всего умный и трудолюбивый, но нисколько не обладаетъ способностью создавать лица съ извѣстными привычками, съ извѣстнымъ ярко-опредѣленнымъ характеромъ, съ извѣстными, пожалуй, странностями: онъ прочтетъ вѣрно и даже съ чувствомъ все, что угодно—но только прочтетъ; есть драматическіе характеры, которые удастся; ему воспроизводить довольно-живо, какъ, на-примѣръ, лицо президента въ «Коварствѣ и Любви», лицо Дятла и Кремнева—и вы готовы повѣрить

въ присутствіе въ немъ творческой способности. Но роль Сквозника-Дмухановскаго не принадлежитъ къ числу такихъ счастливыхъ ролей г. Нѣмчинова. Признаюсь, я съ какимъ-то нетерпѣніемъ ждалъ поднятія занавѣса: мнѣ ужасно хотѣлось дознаться, можетъ ли существовать другой Сквозникъ кромѣ моего давнишняго знакомаго, кромѣ этого достолюбезнаго типа, тáкъ трусливаго передъ ревизоромъ. Почти съ перваго же слова, г. Нѣмчиновъ разубѣдилъ меня въ этой надеждѣ — и, странное дѣло! какъ-то мертва показалась эта бесѣда городскихъ властей, не оживленная присутствіемъ знаменитаго художника; какъ-то безцвѣтно-умно разсказанъ былъ сонъ о двухъ крысахъ, которыя «пришли — понюхали — и опять ушли»; кàкъ-то заученно звучалъ упрекъ Ляпкину-Тяпкину: не было глубокаго убѣжденія, съ которымъ Сквозникъ-Дмухановскій или г. Щепкинъ говоритъ о неизбѣжности взятокъ... ничего, ничего не было, чтó именно сообщаетъ этому лицу значеніе: все было вяло, сухо, безжизненно-умно... И не ожидая ничего болѣе, потому-что вся личность Городничаго обозначается уже въ первомъ актѣ — я предпочелъ отправиться въ другой спектакль, который шелъ на Большомъ-Театрѣ.

Въ этотъ другой спектакль влекла меня старая страсть, а всѣмъ извѣстно, что старыя страсти сильнѣе новыхъ. Давали «Роберта». Я почти никогда не пропускаю представленія этой оперы, несмотря на то, что ничто уже не возвратитъ мнѣ Бертрана—Ферзинга. Я помню этотъ мрачный, колоссальный óбразъ, о которомъ вполнѣ можно было сказать:

Онъ сіялъ
Такой волшебно-чудной красотою,
Что было страшно — и душа тоскою
Сжималася.

или словами другаго великаго поэта:

Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Я помню это страстное, таинственное, скорбное увѣреніе Роберта въ любви:

Nie wirst erfahren du, wie sehr ich Dir ergeben,

Эту сатанинскую иронію въ напѣвѣ: *Gold ist eine Chimöre*, эти вопли страсти:

Für den Glanz, der erblichen,
Den Ruhm, der entwichen,
Warst du mein Trost mir geblieben...

Этотъ гремящій, отчаянный финалъ послѣдняго акта, эту борьбу страшную, раздирающую... Самые недостатки Ферзинга были здѣсь достоинствами: его излишняя пластичность, его отрывистый речитативъ — все это шло какъ-нельзя-лучше къ Бертрану, все это гармонировало съ великими достоинствами, съ необъятнымъ и, вмѣстѣ, бархатно-мягкимъ, органнымъ голосомъ, съ глубокимъ, истиннымъ чувствомъ... Я вспомнилъ и другое лицо въ «Робертѣ»—лицо нѣмое, говорившее только движеніями, лицо Елены, созданной г-жею Андреяновой во всей ея вакхической прелести... Нѐчего и говорить, что я тàкъ же мало былъ доволенъ и «Робертомъ», какъ «Ревизоромъ». Г. Петровъ, котораго съ истиннымъ наслажденіемъ вижу я во всѣхъ другихъ роляхъ — слыш-

комъ подвиженъ, слишкомъ-человѣчески страстенъ въ Бертранѣ: нѣтъ ничего величаваго въ его отчаяніи, не звучитъ таинственно его голосъ... Г-жа Санковская 1, къ которой я, мимоходомъ сказать, не питаю большаго сочувствія — далеко не та Елена, какую создаетъ г-жа Андреянова! Елена въ «Робертѣ», въ полномъ смыслѣ

Плѣнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ, лживый, но прекрасный.

Самая музыка въ сценѣ «Tantation par amour», исполненная какого-то безконечнаго томленія, медленнаго, сладкаго замиранія—ясно говорятъ объ этомъ образѣ.

По поводу великой оперы, производящей впечатлѣніе, едва-ли не полнѣе всякой трагедіи, замѣчу, что только два или три раза въ жизни удавалось мнѣ выносить цѣльное чувство изъ представленій собственно-драматическихъ и къ числу ихъ относилъ я въ-особенности два представленія «Короля Лира»--одинъ разъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ, въ которыхъ г. Каратыгинъ былъ какъ-то особенно, почти недосягаемо-великъ; но сколько разъ «Робертъ», «Лючія» и «Фрейшюцъ» увлекали меня вполнѣ въ свой фантастическій міръ! Мнѣ кажется, виною этому—отсутствіе общности (ансамбля) въ трагедіи и присутствіе его въ оперѣ, гдѣ нѣтъ мѣста произвольному толкованію, гдѣ все болѣе или менѣе повинуется одному закону—оркестру. Ансамбль—великое дѣло; изъ-за ансамбля часто извинишь частности, но нужна слишкомъ-рѣзкая частность въ родѣ г. Каратыгина или покойнаго Мочалова, чтобъ для васъ было заслонено ею все остальное; съ другой стороны, это нисколько не доказываетъ, чтобъ опера, по существу своему, была выше и цѣннѣе трагедіи, или чтобъ мы были уже неспособны понять трагедію. Подобная мысль была бы самымъ молодымъ и смѣшнымъ парадоксомъ. Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ намекнулъ на то, какъ въ наше время должны быть представлены художественныя представленія. Поставьте пьесу Шекспира (котораго уже новѣйшіе драматурги и артисты считаютъ *не-сценическимъ* авторомъ) такъ, чтобъ каждый актёръ былъ на своемъ мѣстѣ, поставьте ее *всю*, безъ пропуска одной іоты (ибо всякое выпущеніе ради *сценическихъ условій*, будетъ искаженіемъ художественнаго плана), монтируйте эту пьесу со всею роскошью оперъ и балетовъ... и публика оцѣнитъ величіе созданія; ибо нельзя не сознать живой и дѣйственной силы изящнаго: чѣмъ чаще въ него углубляешься, всматриваешься, вдаешься, тѣмъ чаще и проще оно является. Дѣло въ томъ только, что наслажденіе имъ условливается развитіемъ и воспитаніемъ эстетическаго чувства, а воспитаніе тоже, въ свою очередь, условливается частымъ созерцаніемъ образцовъ. Въ примѣръ того, какъ должны быть выполняемы второстепенные типы въ шекспировыхъ пьесахъ, укажу на роль Полонія, когда ее игралъ г. Щепкинъ; на роль шута въ «Лирѣ» глубоко-понятую г. Самойловымъ; на роль Меркуціо, въ которой я видѣлъ разъ г. Голланда на нѣмецкой сценѣ. Нечего и говорить, что второстепенные шекспировскіе типы, въ высшей степени трудны для исполнителя; немногіе изъ нихъ обозначены рѣзкими чертами и только актёръ-художникъ въ-состояніи уловить ихъ дѣйствительное бытіе. Нечего и говорить также, что шекспировы женщины, за исключеніемъ чудовищъ женскаго пола — почти невыполнимы; чтобъ быть

истинной Мирандой и Юлией, нужны два несовмѣстныя качества: юность, почти недозрѣвшая, и художественное мастерство.

Перехожу теперь къ новой драмѣ, игранной въ бенефисъ гг. Самарина 1 и Живокини, драмѣ, о которой заранѣе было объявлено, что въ ней для г-жи Косицкой предназначена роль, блистательнѣе чѣмъ роль Маріи въ «Материнскомъ Благословеніи». Не цѣня высоко ни драмы «Материнское Благословеніе» вообще, ни роли Маріи—я не могъ восхищаться заранѣе. Новая драма названа: «Три сестры, или Торжество добродѣтели». Названіе весьма возбудило мое любопытство.

Молодой повѣса XVIII вѣка — имя его я уже позабылъ, какъ имена почти всѣхъ лицъ пьесы — знаю только, что его игралъ г. Самаринъ 1-й, живетъ въ своемъ помѣстьи, а у него проживаютъ, въ родѣ домашнихъ шутовъ, пѣвецъ (г. Живокини 2-й) и живописецъ (г. Васильевъ). Всѣ они занимаются тѣмъ, что волочатся за тремя хорошенькими крестьянками-сестрицами и стрѣляютъ дичь въ чужихъ владѣніяхъ, между прочимъ, во владѣніяхъ какого-то Бертрана. Является самъ означенный Бертранъ—человѣкъ, такъ ужь и видно, *героическій* (г. Леонидовъ). Онъ шутить не любитъ и грозитъ перестрѣлять какъ дичь, непрошеныхъ гостей. Трое гонеѕ, разумѣется, только смѣются на угрозы Бертрана, и по уходѣ его являются двѣ хорошенькія крестьяночки (г-жа Бороздина 2-я и г-жа Сабурова 2-я), съ которыми пѣвецъ и живописецъ занимаются *галантерейнымъ* обхожденіемъ. Нѣтъ только третьей сестрицы—Жанны, которая *возбудила страсть* въ молодомъ графѣ. Является и она (г-жа Косицкая); начинается обыкновенная сцена любезничанья; крестьянки, разумѣется, остаются твердыми и непоколебимыми, какъ тѣ дамы, о которыхъ сказалъ одинъ великій поэтъ:

> Такъ осмотрительны, такъ томны,
> Такъ неприступны для мужчинъ,
> Что видъ ужь ихъ рождаетъ сплинъ

Впрочемъ, Богъ знаетъ еще, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибъ на выручку не явился Бертранъ, съ возвѣщеніемъ, что Жанну рѣшено совѣтомъ старшинъ увѣнчать вѣнкомъ. Обольститель самъ долженъ надѣвать вѣнокъ на Жанну; впрочемъ, мало тронутый такимъ увѣнчаніемъ, напѣваетъ при семъ неудобномъ случаѣ, обыкновенныя вещи, которыя напѣваются всегда. Разумѣется, крестьянки завлечены потомъ въ западню: слѣдуетъ сцена Андре съ Маріей изъ «Материнскаго благословенія», съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями; важнѣйшія измѣненія заключаются въ томъ, что одна изъ крестьянокъ, Жанна, въ самую патетическую минуту, падаетъ на колѣни и поетъ нѣчто въ родѣ пародіи на каватину Изабеллы въ «Робертѣ», преимущественно же въ томъ, что спасеніемъ своимъ одолжена она прыжку въ окошко, весьма *героическому*. Занавѣсъ падаетъ подъ вопль любезника.

Во второмъ актѣ казусы переходятъ во что-то сказочное и чудесное. Я не ошибся, угадывая въ Бертранѣ, лицо *героическое*—онъ не Бертранъ, а герцогъ: Жанна не Жанна, а дочь герцога, т.-е. онъ выдаетъ ее за дочь любезнику, котораго, какъ Жанна такъ и онъ, принимаютъ по всей вѣроятности за слѣпаго или за что-нибудь худшее, и хотятъ увѣрить, что Жанна, не Жанна. Любезникъ влюбленъ: Жанна тоже влюблена въ него и т. д... Между-тѣмъ, двѣ се-

стры Жанны, премиленькія созданія, олицетворяющія собою противоположныя качества, обмануты своими любезниками; между ними хорошенькая сцена, похищенная, впрочемъ, изъ одной старой и умной комедіи. Любезникамъ совѣстно отдѣлаться отъ нихъ прямо; каждый обращается къ обманутой другимъ, пользуясь маленькою женскою страстью къ сплетнямъ и злословію... Что касается до Жанны, то графъ падаетъ передъ ней на колѣни, впрочемъ понапрасну, теряя, по старому выраженію одного латинскаго писателя, и масло и трудъ.

Въ третьемъ актѣ, разумѣется, Жанна окончательно торжествуетъ и передъ ней совершаются два новыя колѣнопреклоненія: сестеръ и, вторичное, любезника.

Г-жа Косицкая, противъ всякаго чаянія, не произвела никакого эффекта ни слезами, хотя ихъ было много, ни задыхающимся голосомъ, хотя и въ немъ не было недостатка, ни пѣніемъ, потому-что съ перваго же романса взяла не въ тонъ и фальшивила въ-продолженіе всей пьесы. Г. Самаринъ 1 превосходно костюмировался и превосходно держалъ себя на сценѣ; гг. Живокини 2-й и г. Васильевъ были оба только не дурны: всего лучше шла живая сцена между двумя сестрицами Жанны во второмъ актѣ: это было дѣйствительно очень-мило; но одна сцена не выкупила цѣлой пьесы, которая тянулась болѣе двухъ часовъ, къ крайней скукѣ публики.

За длинною драмою слѣдовалъ тоже довольно-длинный водевиль гг. Тарновскаго и Руднева: *Милліонъ*, которымъ впрочемъ публика осталась повидимому довольна, если признакомъ ея удовольствія считать вызовъ авторовъ. Водевиль, конечно, французскій, передѣланный какъ слѣдуетъ на *русскіе* нравы. Дѣло вотъ въ чемъ. Дочь богача Рогачева—Евгенія или Эжени (г-жа Лаврова), начитавшись романа *Гордость* Эжена Сю, вообразила себѣ, что всѣ ее любятъ за богатство и *возжелала* быть любимою сама для себя. Для-того ли чтобъ вылечить ее отъ таковой эксцентрической мысли или для другаго чего, батюшка Эжени (г. Живокини) повезъ ее въ Москву, а между-тѣмъ написалъ жениху, на котораго онъ мѣтитъ, чтобы тотъ не зѣвалъ и тоже пріѣзжалъ въ Москву, только не подъ своимъ именемъ. Случайно пріѣзжаетъ въ гостинницу молодой художникъ Колчинъ (г. Самаринъ 1), котораго отецъ Эжени принимаетъ за ожидаемаго жениха. Какъ обыкновенно бываетъ въ водевиляхъ, молодые люди, нарочно оставляемые наединѣ, влюбляются другъ въ друга; только Евгенія, которой отецъ проболтался про свою тайну, рѣшительно взбѣшена и осыпаетъ упрёками молодаго художника, котораго за минуту до этого вознесла, какъ говорится, на седьмое небо. Наконецъ, дѣло объясняется, къ крайнему неудовольствію родителя, который радъ-не-радъ, а долженъ благословлять на-скоро сформированную чету, потому-что ужь у него, какъ говоритъ онъ, *такой характеръ!..* Вся роль г. Живокини, состоитъ почти единственно изъ этого восклицанія, повторяемаго на каждомъ шагу, и, естественно, что несмотря на громадныя средства своего таланта, онъ не могъ сдѣлать изъ этого лица ничего ни особенно-типическаго, ни даже особенно-забавнаго: публика смѣялась только по привычкѣ смѣяться всему, что бы ни говорилъ г. Живокини. Пальма первенства—выражаясь нѣсколько-*героическимъ* языкомъ — принадлежала здѣсь г-жѣ Лавровой. Въ-самомъ-дѣлѣ, трудно даже понять, какъ съумѣла прекрасная артистка создать

блестящую роль изъ самыхъ ничтожныхъ данныхъ; она была и наивна и граціозно-причудлива, и кокетка, и мечтательница вмѣстѣ, была существомъ дѣйствительно-живымъ, въ дѣйствительность котораго всѣмъ хотѣлось вѣрить. Почти такъ же хорошъ былъ и г. Самаринъ 1, говорю *почти*, потому-что мнѣ лично не нравится въ немъ всегдашняя замашка, изъ водевильнаго героя сдѣлать весьма не кстати героя мелодраматическаго; мнѣ кажется, что толки его объ искусствѣ отзывались какимъ-то педантизмомъ, въ чемъ виноваты и авторы водевиля. Г. Садовскій игралъ вводную роль трактирнаго слуги или половаго — итакъ-какъ это огромное дарованіе тоже способно создавать многое изъ ничего, то не удивительно, что вводная роль въ-особенности содѣйствовала успѣху водевиля. Въ куплетѣ, довольно-соотвѣтствующемъ его званію по пьесѣ, виноватъ, конечно, уже не онъ, а гг. водевилисты, и даже не они, а публика, заставляющая повторять подобные куплеты по два и по три раза, и привѣтствующая ихъ гомерическимъ хохотомъ. Но кто виноватъ въ искаженіи вкуса публики— это уже другой вопросъ; объ этомъ я уже излагалъ свое мнѣніе въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ.

По поводу этой драмы и этого водевиля, съигранныхъ въ бенефисъ гг. Живокини и Самарина 1-го, нельзя не обратить вниманія на различіе бенефиснаго исполненія пьесъ отъ обыкновеннаго. Кажется бы какія разумныя основы этой разницы? Скорѣе даже всѣ шансы лучшаго успѣха должны были быть на сторонѣ обыкновенныхъ представленій; естественное дѣло бы, кажется, что пьеса нѣсколько разъ съигранная, должна идти и лучше и живѣе, и между-тѣмъ на фактѣ — а въ несомнѣнности этого факта сознаются сами артисты — выходитъ не такъ. Все преимущество на сторонѣ представленій бенефисныхъ.

Между-тѣмъ г-жа Косицкая продолжаетъ производить фуроръ въ «Гризельдѣ», которую она играла уже три раза. Послѣ перваго представленія, я написалъ уже нѣсколько словъ объ игрѣ ея въ этой роли, но забылъ замѣтить, что нигдѣ, можетъ-быть, не высказываются такъ рѣзко и положительныя, и отрицательныя качества таланта г-жи Косицкой. Талантъ—сильный и могущественный, но въ высшей степени односторонній и всегда находящійся подъ вліяніемъ минуты; въ этомъ есть дѣйствительно нѣкоторое сходство между г-жею Косицкою и покойнымъ Мочаловымъ; она точно такъ же, какъ и великій трагикъ, играетъ по вдохновенію, но вдохновенія Мочалова становилось часто на цѣлыя роли: Ричарда III, Мейнау, Бидермана; вдохновеніе же г-жи Косицкой обыкновенно исчерпывается однимъ актомъ. До-сихъ-поръ еще я не видалъ ни одной *цѣлой* роли. Въ самой «Гризельдѣ»— она вполнѣ превосходна только во второмъ актѣ и постепенно слабѣетъ въ послѣдующихъ; этотъ недостатокъ столько же обусловленъ свойствомъ таланта, сколько и его развитіемъ. И геній Мочалова былъ скованъ въ своей дѣятельности отсутствіемъ обработки; жаль, если подобное же явленіе повторится на г-жѣ Косицкой. Никому, даже великому таланту, не позволено пренебрегать искусствомъ. Искусство само за себя караетъ безпощадно своего избранника, если онъ слишкомъ-ослѣпится самолюбіемъ. Прежде всего и паче всего—внутренняя, сосредоточенная дѣятельность души поддерживаетъ пламя таланта...

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное—должно быть величаво.

Не даромъ избранники искусства называются его жрецами и жрицами; но чтобъ не даромъ носить это названіе—нуженъ честный и серьёзный взглядъ на свое дѣло, нужна вѣчная борьба съ своими собственными средствами, съ воплемъ собственнаго мелочнаго самолюбія; для служенія искусству, нужно свѣтлое, широкое пониманіе искусства, условливаемое, конечно, пониманіемъ всего, чего искусство служитъ отраженіемъ; нуженъ трудъ спеціальный, относящійся чисто къ самому дѣлу; нужно образованіе, сколько-возможно всестороннее. Истинный художникъ часто бываетъ недоволенъ собою, пока не передѣлаетъ въ себѣ того, чѣмъ онъ недоволенъ. Лучшій примѣръ—Листъ, который, говорятъ, нѣсколько разъ бросалъ фортепьяно, недовольный и имъ, и самимъ-собою. Конечно, для этого нужно много душевной силы, много гордаго сознанія своихъ средствъ: это—подвигъ самоотреченія, къ которому способны весьма-немногія счастливыя натуры.

7-го ноября мнѣ удалось быть въ одномъ незатѣйливомъ спектаклѣ, составленномъ изъ четырехъ водевилей. Въ одномъ изъ нихъ, въ «Докторскомъ предписаніи», я снова любовался умною, тонкою, граціозною игрою г-жи Лавровой: въ другомъ, довольно-старомъ—«Жена Кавалериста», меня изумилъ г. Ольгинъ въ роли инвалида Сидора Порохова. Г. Ольгинъ принадлежитъ къ числу артистовъ, не пользующихся ни участіемъ, ни любовью публики; амплуа его не опредѣлено; онъ играетъ и бояръ въ русскихъ драмахъ, и благородныхъ отцовъ въ комедіяхъ. Между-тѣмъ, роль инвалида показываетъ, что у него есть своя спеціальность, а спеціальность — всегда признакъ таланта, какъ бы ограничена она ни была. Всесторонность дается только генію или посредственности: спеціальность же, т.-е., способность создавать извѣстнаго рода типы, рѣшительно несовмѣстна съ посредственностью, какъ бы ни былъ мало-обширенъ кругъ дѣйствія этой способности. Многимъ покажется страннымъ, если я скажу, что г. Ольгинъ былъ художественно-прекрасенъ въ своей небольшой, но драматической роли—а это было такъ: тонъ, жесты—все было здѣсь на своемъ мѣстѣ, несмотря на то, что артистъ, повидимому, какъ-будто робѣлъ. Была одна сцена, та сцена, когда Пороховъ напоминаетъ старому полковнику о томъ, что онъ не слуга его. Какимъ задыхающимся отъ гнѣва голосомъ, съ какимъ достоинствомъ проговорилъ г. Ольгинъ эти жесткіе упреки; какъ мастерски, просто, съ чувствомъ глубокаго негодованія, желающаго прикрыться равнодушіемъ, сказалъ онъ, надѣвая шинель въ дверяхъ: «я теперь въ отставкѣ». Взрывъ рукоплесканій при этихъ словахъ, произнесенныхъ безъ всякаго ложнаго пафоса и величія, служилъ вѣрнымъ ручательствомъ того, что публика точно такъ же способна цѣнить всякую спеціальность, какъ и многосторонній талантъ, и, кажется, что эти рукоплесканія были несравненно достойнѣе многихъ частыхъ рукоплесканій, обратившихся, наконецъ, во что-то обычное.

Но еще пріятнѣе для меня отдать, наконецъ, полную справедливость артисту, которому, изъ уваженія къ нему, я позволяю себѣ безпрестанныя замѣчанія. Ноября 8-го возобновлена была драма «Мачиха и Падчерица», передѣланная изъ повѣсти талантливой г-жи Ганъ «Любонька» г-мъ Соловьевымъ. Достоинства и недостатки г-жи Ганъ давно уже оцѣнены критикою: и первыя и послѣднія были довольно-ярки;

и тѣ другія равно свидѣтельствовали о силѣ дарованія, избравшаго, къ сожалѣнію, самый ложный путь. Повѣсть цѣликомъ перешла въ драму и, надобно сказать, что, по внѣшней своей конструкціи, пьеса эта — почти единственная удачная передѣлка повѣсти въ сценичеcкое представленіе. Г-жа Ганъ коснулась въ своей «Любонькѣ» одной изъ тѣхъ сторонъ семейнаго быта, въ которыхъ таится зерно сильной драмы; — но разумѣется, только коснулась. Ея Антонинѣ Михайловнѣ — недостаетъ холодности; она какъ-то эффектна, мелодраматична; ея Любонька — слишкомъ-чиста и невинна, до-того чиста, что дѣйствія ея непонятны. Какимъ-образомъ, только-что узнавъ изъ разговора съ отцомъ, что мачиха замышляетъ козни противъ ея брата, она, не подозрѣвая ни мало истины, пишетъ подъ диктовку мачихи письмо — да и къ-чему эта мелодраматическая пружина?... За-то, сцены Антонины Михайловны съ пріѣзжающими навѣщать больнаго мужа, сцена подписанія духовнаго завѣщанія и смерти Стрѣльцова, все это намеки на дѣйствительную трагедію, намеки яркіе, поразительные. Г-жа Спицская въ роли Антонины Михайловны и г-жа Косицкая въ роли Любоньки — были превосходны. Но г. Самаринъ 1-й — въ роли Валеріана, во второмъ актѣ пьесы, былъ таковъ, какимъ уже давно его не видали. Какъ-то не вѣрилось себѣ, что это былъ тотъ самый г. Самаринъ, который жалобно поетъ въ роляхъ первыхъ любовниковъ. Откуда эта энергія, этотъ плачъ, эти вопли, эти минуты совершенно мочаловскія?... Что-то неотразимо увлекающее, что-то даже лихорадочное было въ его игрѣ; глубоко прочувствовано и художнически передано было каждое слово; увлекаясь самъ, онъ всѣхъ увлекалъ за собою — и полное торжество его напомнило даже торжества покойнаго генія нашей драмы. Всѣ недостатки г. Самарина какъ-будто исчезли въ этой роли — и многіе, очень-многіе изъ посѣтителей театра, мечтали потомъ о настоящемъ шекспировомъ Гамлетѣ, съ блѣдною, болѣзненною наружностью, съ тяжкою, сосредоточенною скорбію во взорѣ, безцѣльно - устремленномъ въ пространство, съ лихорадочными порывами, подавляемыми тяжкимъ гнетомъ сознанія собственнаго безсилія. Но горе намъ — продолжали они уже не мечтать, а думать — если вмѣсто этого скорбнаго, трагическаго образа, явится передъ нами мелодраматическій герой съ сантиментальною пѣвучестью рѣчи, съ заученными эффектами, съ отсутствіемъ всякой мужской энергіи тогда лучше уже дайте намъ колоссальный, весь созданный изъ величія и энергіи типъ, который, несмотря на всѣ недостатки, имѣетъ все-таки значеніе серьёзное, глубокое, шекспировское. Такъ думали нѣкоторые посѣтители, помнящіе Мочалова и помнящіе Каратыгина, поклоняющіеся какъ тому, такъ и другому по достоинству.

А. Григорьевъ.

9-го ноября, 1849 г.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

I.

Итальянская опера въ Санктпетербургѣ: Доницетти *(элементы, внесенные имъ въ итальянскую музыку).* — «Лючія ди-Ламмермуръ»; сравнительный анализъ исполненія роли Эдгардо гг. Сальви и Маріо *(арфа въ оркестрѣ; школа пѣнія М. Гарсіи).*—«Линда ди-Шамуни». — Очеркъ новѣйшаго развитія драмы въ Италіи. — «Лукреція Борджіа» *(современность, внѣшній элементъ; Доницетти и Мейерберъ).*—Исполненіе: г-жи Гризи и Мерикъ; гг. Маріо и Тамбурини; арія Пачини, спѣтая г-мъ Маріо въ «Лукреціи Борджіа».

> Conviene però confessare che in oggi l'Italia non è piu quella dé secoli passati, rispetto ai compositori, ai cantanti ed agli autori didattici, et la buona musica di Chiesa è ormai quasi del tutto scomparso (*).

Эти размышленія одного извѣстнаго музыканта, въ сочиненіи объ искусствѣ въ Италіи, пришли намъ невольно въ голову, при слушаніи въ сто-двадцатый разъ «Лючіи», «Линды ди Шамуни» и «Лукреціи Борджіи» Доницетти. Не отрицая достоинствъ этого композитора, мы находимъ, что въ немъ итальянская рутина достигла своей апогеи. И точно — паденіе страшное, ощутительное для всякаго и не посвященнаго въ таинства музыкальнаго искусства. Въ драматической музыкѣ Италіи до Россини не было того *драматизма*, который ввелъ въ нее этотъ piu dolce cigno, но въ каждой изъ школъ, господствовавшихъ въ ней, были сильные элементы будущаго развитія: такъ въ *неаполитанской школѣ* господствовала жизненность и истина выраженія, въ *римской* и *болонской*—чистота, правильность и широта стиля, въ *венеціанской* и *ломбардской* — мощный колоритъ, въ *флорентинской*— вѣрность интонаціи речитатива. Всѣ эти элементы соединилъ въ себѣ, поглотилъ Россини. За нимъ явился Беллини, окончательный приговоръ которому невозможенъ, по причинѣ его ранней смерти. За Беллини возникъ Доницетти. Вліяніе Беллини на Доницетти очевидно въ «Anna Bolena» и проглядываетъ на каждомъ шагу въ «Лючіи»: въ чемъ состоитъ новый элементъ, внесенный Доницетти въ сферу итальянской драматической музыки? Въ рисункѣ и прелести мелодій онъ остался далеко за Беллини, речитативы его просто плохи, оркестръ не всегда занимателенъ. По нашему мнѣнію, заслуга Доницетти состоитъ въ введеніи въ итальянскую музыку настоящихъ *morceaux d'ensemble*—вѣнца драматической музыки. Morceau d'nsemble — истинно-музыкальный драматизмъ, который доступенъ только одному этому искусству. Въ поэзіи, въ драмѣ, нѣсколько лицъ, пораженныхъ однимъ событіемъ, но изъ которыхъ каждое, при сохраненіи индивидуальности, получило отъ этого событія свое собственное впечатлѣніе,

(*) «Должно, однако, согласиться, что Италія уже не то, что была прежде, относительно композиторовъ, пѣвцовъ и дидактическихъ писателей, и что истинная церковная музыка тамъ теперь почти совершенно потеряна.»

не могутъ выразить своихъ единичныхъ ощущеній въ общей картинѣ: поэзія—языкъ частности; музыка—языкъ обобщенія. Когда родилась впервые мысль ввести музыку въ область драмы, подчинить ее выраженію драматическихъ положеній, возникла первая форма этого выраженія — *речитативъ*. Въ Италіи, до Россини, эта форма осталась въ своемъ первобытномъ видѣ; во Франціи—Глюккъ создалъ впервые истинно-драматическую музыку и одну изъ ея совершенныхъ формъ— *речитативъ инструментованный*. На этой послѣдней формѣ онъ остановился, какъ на омегѣ драматической музыки. Такъ и должно было быть при его слишкомъ систематическомъ воззрѣніи на музыку, какъ на рабыню поэзіи. На долю Моцарта досталось созданіе другой формы драматической музыки — morceaux d'ensemble. И это также логично. Задача Моцарта, какъ мы видѣли (*), состояла въ провѣреніи критеріума истины музыкально-драматической—критеріумомъ истины музыкально-лирической; въ послѣдней музыкѣ существовала форма, которая, по самому созданію своему, выражала въ другой области то, что должно было составить задачу morceau d'ensemble: мы говоримъ о фугѣ. Произведеніе религіознаго духа католической Европы, фуга есть *стремленіе нѣсколькихъ голосовъ къ одной цѣли, одному предмету, при сохраненіи самостоятельности личностей*. Очевидно, что эта форма могла служить моделью для созданія драматическихъ morceaux d'ensemble. И точно, въ «Дон-Жуанѣ» Моцарта встрѣчается впервые эта новая, великая, высокая форма драматической музыки. Секстетъ втораго акта этой оперы — дивное созданіе музыкальнаго воображенія, въ которомъ Эльвира, донна Анна, Оттавіо, Зерлина, Мазетто, Лепорелло обрисованы съ своими отличительными характерами. Послѣ Моцарта, Мегюль обработалъ *финалъ*; но финалъ принадлежитъ болѣе къ симфонической музыкѣ, и въ немъ голоса на второмъ планѣ. По странному капризу случая, эта юнѣйшая форма проникла въ итальянскую музыку раньше того, что мы называемъ въ тѣсномъ смыслѣ вокальнымъ morceau d'ensemble. У Россини уже есть прекрасные финалы; типомъ же его вокальныхъ morceaux d'ensemble можемъ взять квартетъ 1-й картины 1-го акта въ «Семирамидѣ». Ясно, въ этомъ квартетѣ, намѣреніе Моцарта не понято: голоса одинъ за другимъ выводятъ одинъ и тотъ же мотивъ. Ощущенія ихъ не обрисованы, личности не очерчены: уничтожьте одинъ, два голоса, прибавьте пять — квартетъ останется все съ той же самой физіономіей. А въ драматическомъ положеніи — личности такъ разнообразны. Первосвященникъ, знающій о существованіи Ниніаса, говоритъ съ угрозою, Ассуръ нагло требуетъ —

. . . . sceglierai
Di Nino il successor!

сама Семирамида въ смятеніи:

E perche tremi e palpiti
Misero cor, cosi?

и на всѣ эти разнообразныя ощущенія яркимъ фономъ ложится торжественно-веселое ликованіе народа. А музыка? — ничего, рѣшительно ничего не выражаетъ. Въ этомъ отношеніи Россини имѣетъ то пре-

(*) См. нашу *Музыкальную Хронику* въ 5-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» 1849 года (май).

имущество передъ своими предшественниками, что умѣетъ отлично свести голоса въ концѣ каждаго morceau d'ensemble. Беллини ушелъ далеко впередъ, передъ Россини, въ morceau d'ensemble и остановился на финалѣ 3-го акта «Пуританъ»—превосходномъ созданіи. Если мы отъ morceau d'ensemble Беллини перейдемъ къ секстету «Лючіи», квартету «Паризины», тріо «Qual atroce-orga», «Лукреція Борджіи» и др. Доницетти, то увидимъ, что этотъ композиторъ достигъ большаго предъ всѣми совершенства въ этой формѣ драматической музыки. Вся вторая картина 2-го акта «Лючіи» представляетъ замѣчательное по единству фактуры цѣлое: отъ хора «Per te d'immenso jubile» до стретты «T'allontano, sciagurato» передъ вами развивается цѣлая стройная музыкальная драма. Но не станемъ судить опрометчиво: этотъ актъ «Лючіи» — chef d'oeuvres Доницетти, и мы жестоко ошиблись бы, еслибъ по немъ стали дѣлать общее сужденіе о силѣ таланта этого композитора. Да и то сказать: рѣдко либретто представляло такъ-много данныхъ музыкѣ и такое поразительное отсутствіе галиматьи, послужившей основаніемъ французской пословицѣ — «bête, comme un libretto italien!» Синьйоръ Камарано отличился въ «Лючіи», какъ синьйоръ Романи въ «Нормѣ». Въ музыкѣ «Лючіи» мы находимъ прекрасными, кромѣ уже названной выше 2-й картины 2-го акта, два нумера: adagio «Fra poco» и дуэттъ «Verano te sul' aura». Остальные нумера были бы ни то ни се, но становятся монотонными отъ однообразнаго акомпаньемана оркестра. Дуэттъ Лючіи съ Аштономъ сбиваетъ на мелодію Меркаданте. Сцена съумашествія вяла и растянута до-крайности. Хорошо инструментованъ секстетъ, въ которомъ акомпаньеманъ идетъ арпеджіями pizzicato; вторая половина этого секстета замѣчательна, какъ умно-разсчитанное crescendo, разрѣшающееся на ударѣ литавръ: эффектъ этого crescendo явно заимствованъ изъ финала квартета 1-го акта «Пуританъ». Передъ секстетомъ, о которомъ мы только-что говорили, есть мотивъ, возвѣщающій приходъ Лючіи, въ которомъ скрипки очень-эффектно перекликаются съ альтами, подъ акомпаньеманъ pizzicato контрбасовъ. Наконецъ упомянемъ о замѣчательномъ эффектѣ, производимомъ соло арфы, въ ритурнелѣ къ сценѣ Эдгардо съ Лючіей: эти меланхолически - льющіеся звуки арфы, при превосходной декораціи, живо напоминаютъ таинственную сцену у Фонтана Нимфы въ «Ламермурской-Невѣстѣ» Вальтера-Скотта. Арфа, при настоящей степени совершенства, должна бы была войти въ постоянный составъ оркестра, какъ это было при Монтеверде и какъ это началъ дѣлать Берліозъ. Чтобы показать, до какого совершенства доведенъ, въ настоящее время, этотъ инструментъ, упомянемъ бѣгло о тѣхъ различныхъ усовершенствованіяхъ, которымъ онъ подвергался. Въ 1720 году Хохбрукеръ придумалъ педальную арфу, на которой можно было играть во всѣхъ тонахъ, не перестроивая ее для каждаго. Въ 1789 г. Кузино сообщилъ ей способность производить piano и forte, которая была доведена въ-послѣдствіи до самыхъ тонкихъ оттѣнковъ Крумхольцомъ. Въ 1804 г. построена была въ Шлезингенѣ хроматическая арфа о 62 струнахъ, но она сдѣлалась не нужною послѣ новѣйшихъ усовершенствованій Надермана и Себ. Эрара: арфа, придуманная послѣднимъ, даетъ на каждой струнѣ три интонаціи: *бемоль, бекарръ* и *діэзъ*. При постоянномъ употребленіи арфы въ оркестрѣ, на долю этого инструмента отошли бы всѣ pizzicato, которые, преимущественно въ арпеджіяхъ, ужасно сухи и непріятны на скрипкахъ.

Партія Эдгардо одна изъ труднѣйшихъ въ новѣйшемъ теноровомъ репертуарѣ. Два великіе тенора — Рубини и Моріани исполняли эту партію въ совершенствѣ. Непосредственно за ними должно поставить Маріо и Иванова, который преимущественно владычествовалъ въ нѣжныхъ мѣстахъ. За ними слѣдуетъ—Сальви. Въ-отношеніи къ *созданію роли*, Маріо должно ставить выше Сальви. Для подтвержденія справедливости нашего воззрѣнія, разсмотримъ исполненіе роли Эдгардо сравнительно, сколько можно болѣе подробно. Первый нумеръ тенора «Sulla tomba» былъ исполняемъ Сальви съ однимъ оттѣнкомъ—ненавистью къ Аштону; у Маріо было болѣе оттѣнковъ: голосъ его звучалъ болѣзненно, скорбно на фразѣ «il traditto genitore», отчего rinforzando «al tuo sangue eterna guerra» вышло гораздо-эффектнѣе. Дуэтъ «Verrano te» прекрасенъ у обоихъ. За этимъ въ секстетѣ втораго акта г. Маріо оттѣнилъ свою партію совершенно иначе, чѣмъ это дѣлалъ Сальви. Самый поверхностный анализъ покажетъ, съ чьей стороны болѣе психологической тонкости: Сальви начиналъ свою фразу громко, съ гордостью оглядывая присутствующихъ:

«*Chi* mi frena in tal momento?»

Не отрицаемъ, чтобъ въ этомъ вызовѣ не было величія, но Маріо понялъ роль не такъ. Онъ начинаетъ тихо у рампы, вопрошая себя:

«*Che* mi frena in tal momento?»

Здѣсь очевидно намѣреніе композитора понято вѣрнѣе: иначе онъ не усилилъ бы въ оркестрѣ фразу:

«T'amo, ingrata, t'amo ancor!»

Дѣло въ томъ, что Эдгардо отнюдь не бравируетъ; онъ спрашиваетъ себя: что удерживаетъ его въ эту минуту, и узнаетъ, вопросивъ сердце, что оно все-еще любитъ невѣрную. Отъ одного слова — *che* вмѣсто *chi*—измѣнился весь характеръ партіи. Такъ, при повтореніи мотива, когда Сальви, вѣрный своему воззрѣнію, бѣшено порывался на каденцахъ мелодіи въ отдѣльной фразѣ—«chi mi frena?» Маріо, послѣдовательный своему, выбрасываетъ тихо, съ недоумѣніемъ: «che mi frena?» Переходимъ къ проклятію. Эдгардо узналъ окончательно измѣну Лючіи: «ai tradita il cielo e amor!» говоритъ онъ ей. Эта фраза слаба какъ у Сальви, такъ и у Маріо, хотя Маріо и менѣе растягиваетъ ее. «Maledetto siè l'instante!» Сальви произносилъ эту фразу прекрасно, но онъ неестественно растягивалъ первый слогъ *ma*... на нѣсколько тактовъ; г. Маріо поступилъ умнѣе, переложивъ это tenuto на восклицаніе *Ah!*, которое онъ прибавилъ къ тексту; отъ этого самое слово *maledetto* много выиграло. У Сальви весь эффектъ лежалъ на словахъ *maledetto* и *abominata*, которое было вѣрно оттѣнено и у Маріо, но Маріо сдѣлалъ изъ этой стретты страшное crescendo, разрѣшившееся на словахъ «ti disprezzo», вызвавшихъ у зрителей единодушный апплодисманъ. Композиторъ, кажется, опять на сторонѣ Маріо: слова ti disprezzo усилены у него восходящей унисонной діатонической гаммой всего оркестра, разрѣшающейся на септ-аккордѣ доминанта. Послѣдняя арія была исполнена г-мъ Маріо превосходно. Замѣтимъ здѣсь речитативъ «tombe degli avi miei», постоянно исчезавшій у г. Сальви, и, въ этомъ речитативѣ, превосходно сказанную фразу:

«Tu—delle gioje in seno, io... della morte!»

Скорбь, которою было проникнуто «Fra poco», не имѣла въ себѣ ничего аффектированнаго и сантиментальнаго; но разбирать исполненіе такихъ вещей, какъ это adagio и канцона третьяго акта «Пуританъ»— рѣшительно невозможно: это—художественныя созданія, которымъ надобно только удивляться. Первая половина «tu che a Dios, piè gastilai» была спѣта г. Маріо прекрасно, но противъ второй мы протестуемъ на томъ же основаніи, на которомъ протестовали противъ исполненія того же г-мъ Сальви: какъ-только въ оперѣ пѣвецъ ставитъ пѣніе на второй планъ, такъ, воля ваша, гармонія оперы нарушается. Что прикажете? заблужденіе наше (если это заблужденіе) добросовѣстно и мы готовы его доказывать вопреки всѣмъ, даже на основаніи эврибіадова «бей, но выслушай!»

До-сихъ-поръ мы говорили о созданіи роли болѣе, чѣмъ о самомъ исполненіи. Въ-отношеніи къ исполненію должно согласиться съ иностранными журналами, что партія Эдгардо не самая блестящая изъ репертуара Маріо и что она не совсѣмъ въ характерѣ его голоса, болѣе нѣжнаго, чѣмъ энергическаго. Въ энергическихъ драматическихъ мѣстахъ намѣреніе у г. Маріо всегда прекрасно, но силы иногда измѣняютъ тому, что задумано. Подлѣ превосходнаго созданія — Артура «Пуританъ»—Эдгардо не можетъ быть поставленъ на ровной высотѣ. Нѣкоторые думали видѣть въ *тихомъ* исполненіи секстета разсчетъ для сбереженія голоса къ моменту проклятія. Быть можетъ оно и такъ, но здѣсь разсчетъ удивительно сошелся съ драматическимъ требованіемъ. Мы часто воевали противъ Эдгардо г. Сальви, но должно сознаться, что онъ исполнялъ эту роль, особенно въ первое время пребыванія на нашей сценѣ, съ своей точки зрѣнія—прекрасно: у него было нѣсколько неподражаемыхъ голосныхъ эффектовъ и двѣ-три высокія минуты.

Г-жа Корбари уже исполняла партію Лючіи въ прошломъ году. О ней должно сказать, что она вполнѣ оправдываетъ тѣ надежды, которыя мы обозначили тогда же. Голосъ ея замѣтно выравнивается и, somme tout, въ настоящее время—она прекрасная primadonna comprimaria. Г-жа Корбари никогда не кричитъ, не форсируетъ голоса и въ пѣніи ея много драматизма: видно, что пѣніе на однѣхъ сценахъ съ г-жею Гризи и другими настоящими драматическими пѣвицами принесло ей много пользы. Фіоритурами г-жа Корбари не щеголяетъ, да и не старается ихъ выставлять; въ первой ея аріи въ «Лючіи» мы замѣтили два-три очень-искусные smorzando. Въ дуэттѣ съ теноромъ недоставало, быть-можетъ, той ровности въ piano, съ которою насъ ознакомила г-жа Гризи, но было много чувства и теплоты. Лучше всего разъиграла молодая пѣвица сцену сумасшествія, которая, вообще написана довольно-неблагодарно. Замѣтимъ въ пѣніи г-жи Корбари одинъ недостатокъ, который, къ-несчастію, начинаетъ господствовать въ новой школѣ пѣвцовъ и пѣвицъ: это — неумѣніе разсчитывать силы респираціи и перерывъ голоса для захватыванія духа тамъ, гдѣ это вредитъ portamento голоса и вѣрности интонаціи. Неправильное расположеніе передышекъ не только вредитъ эффекту пѣнія, но даже имѣетъ вліяніе на самое здоровье пѣвца. При каждомъ сколько бы то ни было короткомъ обрывѣ фразы, можно всегда перевести духъ, но въ связномъ пассажѣ это производитъ самое непріятное впечатлѣніе. Portamento и messa di voce, могутъ единственно быть возможными при математически-вѣрномъ со-

размѣреніи силъ дыханія, безъ котораго не можетъ быть ровности въ пѣніи. Кромѣ-того, драматическій стиль требуетъ также, чтобъ передышки никогда не производились тамъ, гдѣ стихъ или фраза не могутъ быть пересѣчены безъ нарушенія смысла. Наконецъ, безъ ровнаго дыханія, невозможно произведеніе smorzando — богатаго наслѣдства, которое передано старой школой сопранистовъ, при посредствѣ Рубини, новому драматическому пѣнію: переходы отъ piano къ forte и обратно возможны только тогда, когда пѣвецъ обладаетъ вполнѣ правильностью дыханія. Мы уже сказали, что это недостатокъ общій новѣйшей школѣ пѣвцовъ и извиняемъ его тѣмъ болѣе въ г-жѣ Корбари, что эта пѣвица имѣетъ передъ собою еще много годовъ упражненія. Въ гораздо-меньшей степени этотъ недостатокъ встрѣчается мѣстами въ пѣніи *г-на Колетти*. Вообще жаль, что новѣйшіе пѣвцы имѣютъ мало приготовительныхъ занятій и учатся, большею частью, на сценѣ. Впрочемъ, это замѣчаніе вскользь, а что касается до «Лючіи», то г. Колетти исполнилъ партію Аштона, по обыкновенію, прекрасно. Первая арія его съ allegro «Nella pietade in sua favore» выказала всѣ богатыя средства этого *полнаго* голоса, который, однако, болѣе импозируетъ въ адажіо, чѣмъ въ скорыхъ темпахъ. Въ концѣ этой аріи намъ непонравилась одна фіоритура г-на Колетти. Мы знаемъ, что вкусъ, изящность и *умѣстность* въ украшеніяхъ и разнообразіи каденцъ исчезли въ новой школѣ; но, при неумѣніи создать своего, есть средства воспользоваться прекраснымъ чужимъ. Для этого мы рекомендуемъ пѣвцамъ школу пѣнія *Манюэля Гарсіи*: въ ней они найдутъ богатую коллекцію изящныхъ и разнообразныхъ каденцъ. Г-жа Віардо, отличавшаяся всегда превосходными и полными изящнаго вкуса фіоритурами, заимствовала многія изъ нихъ нота въ ноту изъ названнаго выше руководства. Вѣнцомъ партіи Аштона было исполненіе г-мъ Колетти дуэтта съ Эдгардо въ третьемъ актѣ и, преимущественно, allegro его «O sol!» etc.

Опера буффа дѣйствуетъ преимущественно на воображеніе, доставляя мало пищи размышленію; вотъ почему этотъ родъ останется навсегда за Итальянцами. Въ этомъ отношеніи музыка такъ мощно дѣйствуетъ, что придаетъ занимательность самымъ глупымъ, площаднымъ фигурамъ: Лепорелло, Каймаканъ «Italiana in Algeri» и глупый мужъ «Turco in Italia» достаточно подтверждаютъ наши слова. Въ новѣйшее время нѣкоторые композиторы пытались создать genre mixte, въ которомъ бы серьёзная драматическая музыка была оттѣняема одной или двумя ролями буффа. Моцартъ показалъ намъ въ «Дон-Жуанѣ», какимъ мощнымъ рессурсомъ можетъ служить въ драматическомъ стилѣ это сочетаніе; но его комизмъ возвысился до-того, до чего дивно возвышаетъ комизмъ нашъ неподражаемый Щепкинъ, и до чего возвысилъ комическое положеніе Россини въ аріи клеветы «Севильскаго Цирюльника». «Gazza ladra» того же маэстро представляетъ также довольно-удачное сочетаніе комизма съ патетизмомъ. Что-то подобное думалъ создать Доницетти въ «Linda di Chamouni», но исполненіе осталось ниже музыкальной задачи. Доницетти могъ справиться съ легонькими положеніями «Elisir d'amore», онъ могъ провести тонкую черту между любовью юноши-племянника и старика-дяди, борющагося съ скупостью въ «Don Pasquale»; но контрастъ маркиза-волокиты и развратника съ бѣдной дѣвушкой, сознающей свое достоинство, и Пьерротто, который, подъ видомъ дружбы, въ сущности влюбленъ въ Лин-

ду — очеркъ этихъ положеній требуетъ болѣе громадной кисти. Что же вышло изъ драматическаго сюжета «Nouvelle Fanchon»? Маркизъ-старикъ выкроенъ по модели Дулькамары, Линда—блѣдна, Пьеротто—одна изъ тѣхъ овечьихъ добродѣтелей, которой существованіе объясняется только желаніемъ композитора заставить пропѣть романсъ «Cari luoghi», отецъ Линды созданъ г. Тамбурини: Доницетти тутъ не участвовалъ ни на грошъ. Дѣйствіе развивается вяло, мѣстнаго колорита нѣтъ, кромѣ двухъ хоровъ, изъ которыхъ каждый скалькированъ съ хоровъ «Вильгельма-Телля»; идиллическаго характера, котораго должно было бы ожидать отъ перваго акта, также нѣтъ. Хорошо второе andante дуэтта маркиза съ Линдой, гдѣ патетизмъ довольно-удачно соединенъ съ комизмомъ. Сцена съумасшествія не довольно обдѣлана, хотя въ мотивѣ ея есть очеркъ драматическаго положенія въ staccato на словахъ «No, non è vero... mentirone!»; наконецъ, въ «Линдѣ» встрѣчается непростительная небрежность, какъ на-примѣръ, молитва «O, divina Providenza», которая включена въ пошлую унисонную кабалетту дуэтта двухъ бассовъ. Какъ отдѣльные нумера хороши: арія Линды въ первомъ актѣ, квартетъ, съ занимательнымъ рисункомъ акомпаньемана въ оркестрѣ, романсъ «Cari luoghi», и пожалуй, allegro перваго дуэтта тенора съ сопрано. Но эти нумера далеко не выкупаютъ всей оперы. Инструментація «Линды» замѣчательна: изъ духовыхъ инструментовъ извлечены эффекты умѣренные и разумные; акомпаньеманы развиты хорошо: въ этомъ отношеніи совѣтуемъ обратить вниманіе на инструментацію баллады, гдѣ, при второмъ куплетѣ, есть замѣчательный эффектъ хроматическаго pizzicato. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оперы, Доницетти очень умно употребилъ вальдгорнъ. Вообще, ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ оперъ Доницетти, мы не встрѣчали такой тщательной обдѣлки оркестра. Однако, поговоримъ объ исполненіи.

Г-жа Фреццолини была прекрасна въ роли Линды и исполнила игривую каватину перваго акта съ замѣчательнымъ колоритомъ. Кромѣ того, у нее была высокая минута въ адажіо дуэтта съ г. Росси: ея чудное cantabile на высокихъ нотахъ превосходно ложилось на усѣченные септ-аккорды оркестра. Вообще; это адажіо лучшій изъ нумеровъ оперы: въ немъ очень-эффектна модуляція изъ мажёра въ мольный тонъ верхней секунды (модуляція довольно-употребительная, но которая особенно дѣйствуетъ на слухъ въ тихомъ темпѣ). Сочетаніе этого cantabile съ отдѣльными фразами буффа: «Marchese mio, guarda ti—e un capriccio... e poi—adio!» очень-эффектно. Видите ли, прекрасная артистка, какъ публика оцѣниваетъ ваше прекрасное cantabile, ваше широкое пѣніе? зачѣмъ же не пользуетесь вы всегда этимъ богатымъ рессурсомъ; зачѣмъ же испещряете вы его такимъ изобиліемъ фіоритуръ, которыя (позвольте сказать вамъ это на ушко) не всегда изящны? Словомъ, мы очень, очень-благодарны г-жѣ Фреццолини за ея партію въ «Линдѣ». Быть-можетъ, она недостаточно проявила достоинство оскорбленной женщины, быть-можетъ сцена сумасшествія могла быть ведена строже, но, къ-чему такая взыскательность? (*).

Г-жа Мерикъ была также хороша; «Cari luoghi» пропѣла она мило,

---

(*) Кстати здѣсь поправить проскользнувшую въ *Музыкальной Хроникѣ* прошедшаго мѣсяца опечатку; напечатано: «Унгеръ была очень-*не*хороша собою»; должно читать: «Унгеръ была *очень-хороша* собою».

безъ аффектаціи; слѣдующую за нимъ балладу — съ замѣчательнымъ драматическимъ колоритомъ. Въ разсказѣ своемъ въ терцетино 2-го акта, она превосходно оттѣнила фразу: «e chi il sposo? Visconte Carlo!» Visconte Carlo—*г. Гардони*, такъ-какъ рѣчь зашла о немъ, спѣлъ прекрасно свой романсъ во 2-мъ актѣ; въ другихъ нумерахъ силы ему измѣняли. Маркизъ Буафлёри, г. *Росси*, постоянно забывалъ, что онъ поетъ въ «Линдѣ ди-Шамуни», а не въ «Любовномъ-Напиткѣ», и что онъ маркизъ, а не проныра Дулькамара. Это насъ очень поразило: въ «Дон-Пасквалѣ» г. Росси показалъ, что онъ можетъ возвышаться до высокаго комизма. Впрочемъ, онъ былъ очень-хорошъ въ живомъ pezzo concertato 1-го акта.

Всѣмъ извѣстна высокая драматическая игра г. *Тамбурини*, равно какъ и прекрасная патетическая роль, созданная имъ въ «Линдѣ ди Шамуни». Мы будемъ говорить здѣсь только объ одномъ его проклятіи. Намъ приводили его какъ вещь, уничтожающую положеніе нашей теоріи фальшиваго драматизма, тогда-какъ, напротивъ, оно подтверждаетъ ее. Наша теорія выражается аксіомой: *пѣніе должно постоянно оставаться пѣніемъ и отнюдь не переходить въ декламацію.* Это значитъ: тамъ, гдѣ композиторъ желалъ, чтобъ пѣвецъ пѣлъ, онъ долженъ пѣть; но выходитъ ли изъ этого, что пѣвецъ обязанъ пѣть и тамъ, гдѣ композиторъ того не желалъ? Очевидно, нѣтъ. Разсмотрите же компоновку этого проклятія и вы увидите, что Доницетти желалъ именно употребить здѣсь мелодраматическую форму: иначе, какъ объяснить это десяти-тактное тремоло скрипокъ послѣ удара оркестра, при первомъ словѣ проклятія? Притомъ же, въ партитурѣ Доницетти отмѣтилъ слова проклятія: «a parole interrotte per convulsione». Исполненіе этого пассажа г-мъ Тамбурини кажется намъ превосходнымъ; но мы осмѣлимся предложить памяти Доницетти скромный вопросъ: можетъ ли проклинать такимъ-образомъ отецъ свою дочь? Въ минуту увлеченія онъ можетъ выбросить слово: проклятіе! но самъ непремѣнно испугается его, потому-что онъ все-таки отецъ. А здѣсь, смотрите: отецъ проклялъ свою дочь, она лежитъ бездыханная у его ногъ, а онъ, недовольный однимъ словомъ, дорѣзываетъ ее. (Va, sciagurata, soffri la pena della tua colpa, del tuo rossor!») и прекращаетъ свои проклятія только потому, что Пьеротто выкидываетъ его насильно за дверь. Или мы очень-ошибаемся, но это положеніе кажется намъ вовсе неестественнымъ.

Въ массѣ публики существуетъ странное предубѣжденіе къ музыкальнымъ произведеніямъ стараго времени. Предубѣжденіе это происходитъ, если не ошибаемся, отъ отсутствія музыкально-исторической критики. Всѣмъ извѣстно, какъ опасна и одностороння критика эстетическая: помните ли вы то время, когда, на основаніи этой критики, вздумали вдругъ отрицать существованіе русской литературы до нашего времени? Въ тотъ же самый промахъ попалъ Берліозъ въ сферѣ музыки, какъ должно судить по его грозной филиппикѣ противъ музыкальной старины въ статьѣ о Рамо. Собственно съ Россини возникла въ Италіи истинно-драматическая музыка. Логическая необходимость возникновенія для Италіи таланта Россини дѣлается очевидною при изученіи развитія итальянской драмы.

До XIX столѣтія въ Италіи не было *драмы:* нѣсколько произведеній Триссино и Руччелаи—ниже всякой посредственности. Великая драма того времени—*Божественная Комедія* Данта. Произведенія Альфіе-

ри — порожденіе французскаго псевдо-классицизма; драматическіе опыты двухъ Пиндемонто, Пеполи, Монти — показываютъ нѣкоторыя понятія о драматическихъ требованіяхъ; но собственно драма современная возникла съ Никколини. Никколини родился въ Тосканѣ около 1789 года; первые его опыты скорѣе лирическіе, чѣмъ драматическіе. Въ 1815 году, въ итальянской литературѣ обозначилось сильное движеніе: Манцони, Беркетъ, Сильвіо Пеллико, Гросси возникли представителями новой школы; между ними и старой школой завязалась сильная журнальная полемика. «Карманьйола» и «Адельгисъ» Манцони указали путь драматургамъ, но онѣ остались внѣ сцены. «Антоніо Фоскарини» Никколини былъ первой совершенной итальянской драмой. Онъ написанъ въ 1827 году; въ немъ есть стройность и простота дѣйствія поразительная вмѣстѣ съ какимъ-то постоянно-меланхолическимъ оттѣнкомъ. Драма была разъиграна на всѣхъ итальянскихъ театрахъ и возбудила всеобщій восторгъ. Одинъ критикъ, въ журналѣ «Антологія», олицетворилъ эту драму такъ: «Однажды» говоритъ онъ «я увидѣлъ молодую Француженку, знаменитую своей красотой и поэтическимъ дарованіемъ; она сходила по лѣстницѣ паллаца Микелоцци. Гордая и прелестная фигура ея, русые волосы превосходно отдѣлялись отъ монументальной постройки, служившей имъ фономъ: вотъ — трагедія Никколини! воскликнулъ я.» «Иванъ Прочида» написанъ былъ въ 1830 году; въ этой драмѣ исчезъ совершенно лирическій элементъ и она представляетъ окончательное торжество драматизма. Въ это время, въ новой итальянской литературѣ совершился переломъ. Было ли то вліяніе школы Гюго или, просто, независимое движеніе, только она страшно ударилась въ изъисканность, аффектацію и натяжку. Это послѣднее направленіе отразилось въ послѣдней трагедіи Никколини — «Arnaldo da Brescia».

Вотъ всѣ ступени новѣйшаго развитія итальянской драмы: каждая изъ этихъ ступеней отразилась на развитіи драматической музыки этой страны. И точно, драматизмъ первыхъ трагедій Никколини, спокойный драматизмъ древняго міра (изъ котораго онъ почерпалъ ихъ сюжеты): вполнѣ соотвѣтствуетъ драматической музыкѣ Россини. Въ 1827 году появился «Антоніо Фоскарини»; въ томъ же году Беллини написалъ своего Пирата, первую свою оперу, превознесенную alle stelle: сравните эти произведенія, припомните олицетвореніе перваго критикомъ «Антологіи», и вы увидите, что оба порождены однимъ моментомъ общественнаго направленія. Остальныя черты сравненія очевидны: «Прочида» отвѣчаетъ вовсемъ характеру драматической музыки Доницетти; «Арнальдо да Брешія» — Верди.

Доницетти написалъ много оперъ; одна изъ удачнѣйшихъ и самостоятельнѣйшихъ — «Лукреція Борджіа». Въ ней онъ окончательно освободился изъ-подъ вліянія Беллини; въ ней же выразились вполнѣ всѣ блестящія стороны его таланта. Въ «Лукреціи Борджіа» нѣтъ красотъ первоклассныхъ, но нѣтъ и промаховъ Беллини: вся музыка оживлена живымъ драматическимъ колоритомъ. Эта опера никогда не надоѣстъ, потому-что представляетъ неистощимое разнообразіе положеній; да и въ музыкѣ нѣтъ натяжекъ, нѣтъ длиннотъ, нѣтъ повтореній. Это — романъ Александра Дюма, увлекающій своей внѣшностью и нѣсколькими мастерскими сценами посреди ряда другихъ, выкупаемыхъ занимательностью обстановки. Самый сюжетъ представляетъ уже бездну музыкальныхъ положеній: всякій композиторъ дорого бы далъ за

сцену, въ которой пиръ прерывается похороннымъ хоромъ. Наконецъ, драматическое положеніе 2-й картины 2-го акта представляло богатое поприще Доницетти, при его искусствѣ обдѣлывать morceaux d'ensemble. И точно, музыкальная мысль тріо необыкновенно счастлива! Это cantabile тенора на урывчатомъ разговорѣ сопрано съ бассомъ — вещь мастерская. Съ одной стороны бушуютъ самыя разнообразныя страсти, готовится преступленіе, а съ другой — теноръ рѣзко противорѣчитъ имъ своимъ спокойствіемъ и трогательнымъ воззваніемъ къ тѣни матери. Если бы акомпаньеманъ этого тріо былъ болѣе занимателенъ, это было бы образцовое произведеніе! Слушая «Лукрецію Борджіа» — апогею современнаго драматическаго пѣнія и музыки въ Италіи, мы понимаемъ, почему Верди, сдѣлавъ шагъ впередъ, впалъ въ натяжку. Черезъ нѣсколько лѣтъ, дѣти наши очень понизятъ въ своихъ глазахъ достоинство этой оперы — и будутъ правы, но мы — мы всегда будемъ оказывать ей наше расположеніе и всегда будемъ ею восхищаться. «Лукреція Борджіа» нравится больше оперъ Беллини и, даже, Россини потому же, почему мы отдаемъ преимущество нѣкоторымъ произведеніямъ бельлетристики, передъ другими болѣе замѣчательными и строгими созданіями. Разсматривая эту оперу, съ точки зрѣнія строгой критики, въ ней все-таки найдется много хорошаго или, по-крайней-мѣрѣ, ловко-составленнаго. Вспомните, на-примѣръ, какъ хорошъ въ ней дуэттино двухъ клевретовъ съ оригинальнымъ и прекрасно-ритмированнымъ хоромъ сбировъ: въ этомъ нумерѣ проведена тонкая черта между комизмомъ положенія этихъ двухъ лицъ и вовсе не комическимъ порученіемъ, возложеннымъ на обоихъ. Въ страттѣ «Infelice, tu veleno bevesti» есть много неподдѣльнаго драматическаго движенія. Спора нѣтъ: итальянская рутина гуляетъ на просторѣ въ дуэттѣ «ama tua madre», въ кабалеттѣ бассовой аріи и нѣсколькихъ другихъ нумерахъ, но вѣдь нельзя же быть такъ взыскательнымъ къ композиторамъ. Въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта есть же «lacidarem la mano» и еще два-три нумера въ этомъ родѣ. Хотя нѣсколько критиковъ и нашли, что эти произведенія написаны Моцартомъ съ умысломъ показать, какъ ничтожна была современная ему итальянская школа, но вѣдь это нашли критики: остается, вызвавъ тѣнь Моцарта, спросить у нее, справедливъ ли этотъ приговоръ? Впрочемъ, не станемъ простирать далѣе разбора «Лукреціи Борджіа». Доницетти, въ маленькихъ размѣрахъ, выражаетъ въ своей музыкѣ одинаковое направленіе съ Мейерберомъ. Что же касается до послѣдняго, то мы должны признать отчасти справедливымъ сужденіе о немъ извѣстнаго музыкальнаго критика Гати: «Самый сильный упрекъ, который вправѣ сдѣлать строгая критика этому композитору, состоитъ въ недостаткѣ уваженія къ искусству и къ своему собственному прекрасному таланту. Вотъ почему произведенія его вытекаютъ не изъ внутренней потребности созданія, но изъ внѣшнихъ побужденій и представляютъ льстивое, искусное приношеніе вкусу настоящаго» (schlaue kuenstliche Huldigung dem Geschmacke der Gegenwart). Приговоръ этотъ рѣзокъ, но въ немъ есть правда. Подробный анализъ послѣдней оперы Мейербера можетъ выставить справедливость словъ Гати въ очень-ясномъ свѣтѣ. Въ оправданіе Мейербера должно замѣтить, что едва ли оперная драматическая музыка можетъ производить всеобщій эффектъ безъ значительной дозы внѣшняго элемента, а у этого композитора, рядомъ съ потворствомъ вкусу настоящаго, встрѣчаются истинно высокія созданія. Самая задача музыки Мейербера —

совокупное дѣйствіе *поэта, музыканта* и *пѣвцовъ* въ одномъ цѣломъ, не жертвуя однимъ въ пользу другаго, — уже представляетъ много простора внѣшнему элементу. Объяснимъ еще мысль нашу сравненіемъ: по партитурѣ «Жизни за Царя» можно судить вполнѣ объ этой прекрасной музыкѣ; по партитурѣ «Пророка», не видѣвъ оперы на сценѣ, невозможно судить о музыкѣ Мейербера. Это болѣе важно, чѣмъ кажется съ перваго взгляда: въ драматической литературѣ есть пьесы, имѣющія полный эффектъ только на сценѣ, а другія—только въ чтеніи. Игра актеровъ тутъ не можетъ быть главной причиной: «Холостякъ» г. Тургенева былъ исполненъ артистами первоклассными и, несмотря на это и на свои достоинства, не произвелъ эффекта.... А «Донъ-Жуанъ»?

Въ настоящемъ году «Лукреція Борджіа» была дана съ тѣми варьянтами, которые были сдѣланы Доницетти въ парижскомъ изданіи, а именно была измѣнена вторая половина мотива дуэтта «ama tua madre» и вставлены въ 1-мъ актѣ allegro аріи сопрано, написанное для г-жи Гризи, и романсъ тенора въ 3-мъ актѣ, написанный первоначально для Маріани. Романсъ прекрасенъ и драматиченъ, но арія—бравурная вещь съ разными вокальными хитросплетеніями. Измѣненіе мотива дуэтта 1-го акта также намъ не нравится: въ первоначальномъ финалѣ было болѣе граціи. Въ началѣ 3-го акта, г. Маріо имѣлъ обыкновеніе пѣть или романсъ, написанный для него Доницетти (*), или транспонированную для него же каватину «Raggio d'amore». На этотъ разъ онъ спѣлъ арію Пачини, вставленную Давидомъ въ «Donna del Lago», Россини. Не знаемъ, отдѣльная это арія или изъ какой оперы, только она принадлежитъ къ старой манерѣ Пачини, въ которой написана «Ніобе» и которая отличается рѣзко отъ его оперъ новаго стиля «Сафо» и «Fidanzata Corsa».

Г-жа Гризи, послѣ колоссальной роли Нормы, образца совершенства драматическаго исполненія, невполнѣ удовлетворила насъ въ роли Лукреціи. У нее были прекрасныя минуты, но ансамбль не былъ такъ хорошъ. Первая ея выходная арія была исполнена вполнѣ совершенно въ механическомъ отношеніи: piano превосходныя, эффектныя рулады— все это выше похвалъ. Въ «Нормѣ» и «Семирамидѣ» г-жа Гризи поразила насъ вкусомъ и умѣренностью своихъ вокальныхъ украшеній: въ «Лукреціи Борджіа» мы не замѣтили того же. Не внушилъ ли кто прекрасной артисткѣ мысль, будто петербургская публика слишкомъ свыклась въ послѣднее время съ трескучими колоритурами пѣнія? Какъ бы то ни было, мы не совсѣмъ довольны исполненіемъ larghetto «Come e bello», требующаго полнаго cantabile. Другое дѣло allegro «Si voli il primo acogliere», написанное Доницетти именно для г-жи Гризи: эти восходящія трели, групетты, хроматическія гаммы piano были верхомъ совершенства. Трудно себѣ представить что-либо совершеннѣе и искуснѣе восходящаго и постепенно усиливающагося трильера на *sibemol, do, re* и *mi-bemol* медіума, который г-жа Гризи продолжаетъ на послѣдней нотѣ еще на два такта. Дуэттъ «ama tua madre» былъ спѣтъ г-жею Гризи прекрасно. При повтореніи мотива г-жа Гризи сдѣлала удивитель-

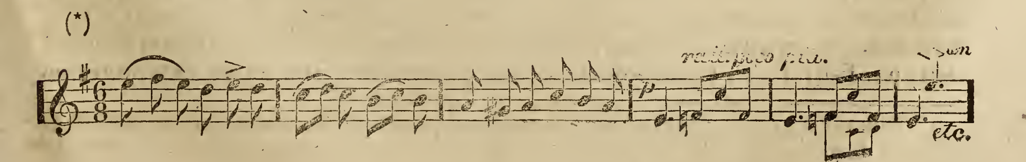
---

(*) Читатели найдутъ этотъ романсъ подъ № 16 въ концѣ парижскаго изданія «Лукреція Борджіа» для фортепьяно съ пѣніемъ (Melodia cantata per il segnor Mario).

ный tour de force голоса; выдержавъ нѣсколько-тактное tenuto на высокомъ *la-bémol*, чистомъ и ровномъ отъ начала до конца. Когда съ Лукреціи срываютъ маску, движеніе г-жи Гризи было полно драматической истины: это оживленное лицо, на которомъ стыдъ смѣнился яростью, этотъ жестъ руки, указывающій на будущую жертву, были краснорѣчивѣе всякихъ словъ и всякаго пѣнія. Во 2-мъ актѣ г-жа Гризи превосходно сказала фразу: «Дон-Альфонзо, помни, что ты мой четвертый мужъ!» «Oh! a te bada, a te stesso pontente don Alfonso mio quarto marito!» Въ тріо «qual atroce opra» она была также хороша и достигла всѣхъ драматическихъ эффектовъ, не прибѣгая къ шипѣнью, декламаціи и тому подобнымъ фальшивымъ эффектамъ. Стретта съ Дженнаро была драматизирована вѣрно. Сцена 3-го акта съ сыномъ была пропѣта и прочувствована вѣрно, хотя мы ожидали большаго эффекта отъ словъ «un Borgia sei!» Но съ этой минуты начинается вѣнецъ всей роли Лукреціи: передъ умирающимъ сыномъ, это точно она, женщина, для которой все было возможно и которая, междутѣмъ, немощна противъ воли природы. Вся эта сцена, до той минуты, когда изъ груди Лукреціи вырывается страшный крикъ «é spento!» — паѳосъ драматизма. По нашему мнѣнію, г-жа Гризи пропѣла лучше всего финальное рондо «Eradésso il figlio mio!» Пѣвицы, исполнявшія это рондо на нашей сценѣ до г-жи Гризи, пѣли его съ яростью, грозно. Г-жа Гризи поняла его не такъ: она начинаетъ тихо, на колѣняхъ передъ трупомъ сына, и въ этомъ болѣе психологической истины.

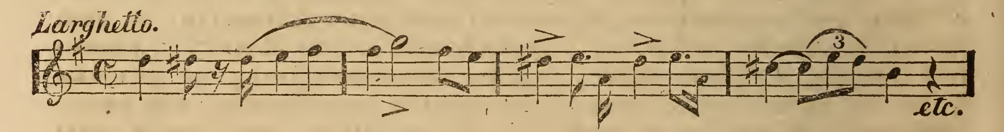
Г-жа Мерикъ произвела большой эффектъ въ роли Маффіо Орсини. Мы не можемъ только похвалить исполненія ея баллады «Nella fatal di Rimini», которая требуетъ болѣе драматизма. Во 2-мъ актѣ г-жа Мерикъ вставила извѣстную очень-граціозную каватину изъ «Маріи ди-Роганъ»: Доницетти вообще обладалъ труднымъ секретомъ писать для контральто; изъ новѣйшихъ композиторовъ это искусство осталось у одного Меркаданте. Не знаемъ, кто придумалъ г-жѣ Мерикъ прекрасный речитативъ, связывающій названную выше каватину съ предшествующимъ ей хоромъ: — онъ очень эффектенъ. Въ концѣ каватины г-жа Мерикъ сдѣлала очень-изящную фіоритуру. Застольная пѣсня 3-го акта была исполнена ею добросовѣстно, *честно*, какъ выразился кто-то, но вакхическій характеръ этого нумера исчезъ — а это очень-важно: безъ него становится непонятнымъ намѣреніе Доницетти въ этой фигурѣ осьмушекъ — тріолей, (измѣненныхъ г-жею Мерикъ), лѣниво нисходящихъ по діатонической скалѣ и оканчивающихся на низкихъ *fa, do, fa, mi* какимъ-то зѣваньемъ человѣка опьянѣвшаго, или насытившагося всѣми благами земли (*). Мы замѣтили, что низкія ноты довольно-крѣпки у г-жи Мерикъ, потому-что второй разъ она измѣнила первую фигуру на *fa, do, re, mi*, и выдержала эти ноты хорошо. Г-жа Ангри не могла исполнять эту канцону, по отсутствію въ ея діапазонѣ низкихъ нотъ, но она болѣе-вѣрно передавала его вакхическій характеръ. Впрочемъ и то сказать: «Il segreto per esser felice»

(*)



болѣе подходило къ характеру и фигурѣ г-жи Ангри... Это намъ напоминаетъ, какъ одна ученица спрашивала наивно своего учителя, правда ли, что для-того, чтобы пѣть съ чувствомъ, должно непремѣнно влюбиться? Г-жа Мерикъ, въ концѣ каждаго куплета, выдерживаетъ эффектное tenuto на верхнемъ *mi*, тамъ, гдѣ г-жа Ангри дѣлала скачекъ вверхъ по интерваламъ аккорда E–dur: послѣднее смѣлѣе, а первое труднѣе.

Г. Маріо могъ дать полный разгулъ своему голосу въ роли Дженнаро. «Di pescatore ignobile» было пропѣто имъ превосходно, въ особенности второй куплетъ, гдѣ онъ оттѣнилъ превосходно своимъ чуднымъ голосомъ «era mia madre ahi misera!» и «dirio possente vittima» съ удареніемъ на верхнее *la*, и щегольнулъ очень-умѣстно своимъ прекраснымъ *si–bémol*, прибавивъ его къ партіи, написанной Доницетти. Стретта съ Лукреціей была исполнена имъ превосходно: съ жаромъ, съ увлеченіемъ. Сцену съ матерью г. Маріо разъигралъ превосходно; особенно-хороши вышли у него двѣ фразы: первая—полная энергіи «Allor, signora, morrem tutti!» и вторая «son un Borgia», которую онъ произноситъ съ какимъ-то отчаяніемъ. Предсмертный романсъ его былъ обдуманъ и исполненъ очень-умно: игралъ онъ и умиралъ какъ нельзя болѣе естественно; впечатлѣніе публики было страшное, но вопросъ: было ли это исполненіе *музыкально?* очень насъ тревожитъ. Дѣло въ томъ, что превосходная мелодія этого романса много выиграла бы, если бы г. Маріо меньше прерывалъ ее вздохами и стонами. Вообще, по нашему мнѣнію, какъ уже читателямъ извѣстно, эта метода исполненія фальшивая. Что же касается до самаго романса, то онъ одинъ изъ лучшихъ нумеровъ оперы. Мелодія широкая, драматическая; акомпаньеманъ arpegiato, въ которомъ умѣстно употребленъ эффектъ литавръ (*). Такъ какъ мы уже взяли на себя трудъ крестоваго похода противъ замашекъ фальшиваго драматизма, то напомнимъ здѣсь примѣръ великаго Рубини: ни въ финальной аріи «Лючіи», ни въ «Пиратѣ», ни въ «Отелло», онъ не жертвовалъ мелодіей въ пользу драматизма игры. Чтобъ возвратиться къ «Лукреціи», Доницетти явно имѣлъ намѣреніе сдѣлать мелодію романса, о которомъ мы говоримъ *текучею*, какъ могутъ судить читатели по прилагаемому отрывку:



О г. *Тамбурини*, въ роли Альфонзо, мы такъ часто говорили въ прошломъ году, что, боясь повтореній, скажемъ, что онъ былъ, по-прежнему, въ малѣйшемъ движеніи феррарскимъ герцогомъ, питомцемъ Макіавеля. Нѣтъ сомнѣнія, что эта эпоха итальянской исторіи — самая драматическая изъ всѣхъ эпохъ историческихъ: Франческа ди Римини, Беатриче Ченчи, Элеонора Толедская, Беатриче ди Тенда, Изабелла Брачіано—готовыя героини самыхъ занимательныхъ, самыхъ трогательныхъ драмъ. Лукреція Борджіа также не менѣе драматическая фигура. Г-ну Гюго угодно было облагородить это чудовище материнскою

(*) Романсъ этотъ, если читатели помнятъ, былъ исполняемъ на нашей сценѣ *г-мъ Боріони*.

любовью—самымъ священнымъ изъ чувствъ. Гюго, въ этомъ отношеніи, похожъ на алхимиковъ, проводившихъ всю жизнь въ усиліяхъ превратить свинецъ въ золото: свинецъ остался свинцомъ такъ же, какъ и Лукреція Борджіа и Маріонъ Делормъ останутся тѣмъ, чѣмъ представляетъ ихъ исторія. Что же касается до завязки «Лукреціи Борджіи», то про нее можно сказать: *много шума изъ-за ничего.* Альфонзо подозрѣваетъ въ Дженнаро любовника Лукреціи: вотъ причина всѣхъ преслѣдованій этого молодаго человѣка и его окончательной погибели. Между Лукреціей и Альфонзомъ страшная борьба: оба подкапываются другъ подъ друга; но Лукреція можетъ остановить преслѣдованія мужа однимъ словомъ—Дженнаро мой сынъ! И такъ, драматическая завязка «Лукреціи Борджіи» (говоримъ здѣсь собственно о драмѣ) разлетается въ пухъ отъ малѣйшаго прикосновенія здраваго смысла.

Во второе и послѣдующія представленія «Лукреціи Борджіи», г. Маріо исполнялъ арію Пачини, вставляемую обыкновенно Давидомъ въ «Donna del Lago» Россини. Сама-по-себѣ эта арія довольно замѣчательна не только какъ музыкальное произведеніе стараго стиля, но и какъ бравурный фокус-покусъ. Въ ней нѣтъ той *естественности*, которая господствуетъ во всѣхъ вокализахъ Россини и дѣлаетъ ихъ, несмотря на трудность, такъ удобными для исполненія; но пассажи довольно изящны и сдѣланы со вкусомъ. Она написана довольно-трудно для исполненія, но г. Маріо ее еще болѣе затруднилъ пассажами на нотахъ недосягаемой высоты (какъ, на-примѣръ, этотъ безконечный пассажъ на высокихъ головныхъ *mi, fa*), въ которыхъ однако нѣтъ ни безвкусія, ни натяжки: видно, что г. Маріо воспользовался уроками Аларіи, у котораго бездна вкуса въ колоритурѣ пѣнія. Исполненіе этой аріи г. Маріо было рѣшительно испытаніемъ передъ нашей публикой на патентъ перваго тенора настоящаго времени. Этотъ патентъ былъ данъ пѣвцу взрывомъ одного изъ самыхъ восторженныхъ успѣховъ, какіе мы помнимъ на нашей итальянской сценѣ. Нѣтъ! искусство не погибло съ Рубини—передъ нами достойный преемникъ славы великаго тенора теноровъ и, эпоха, въ которую былъ человѣкъ, дѣлавшій безконечную волнообразную фіоритуру въ «Пиратѣ» и трехтактный трильеръ на верхнемъ *si-bèmol* въ «Anna Bolena»—не останется баснословнымъ преданіемъ въ лѣтописяхъ искусства. Достойно замѣчанія, что, кромѣ превосходной методы smorzando, г. Маріо стремится заимствовать у Рубини бо́льшую часть его пріемовъ въ исполненіи разныхъ пассажей и въ колоритурѣ пѣнія. Въ самой обдѣлкѣ ролей, Рубини остается его постепеннымъ идеаломъ: черта похвальная и достойная всякаго уваженія.

Должно замѣтить вообще, что произведенія *кудряваго* пѣнія гораздо-менѣе утомляютъ, чѣмъ голосные эффекты пѣнія новѣйшаго драматическаго, но исполненіе этихъ бравурныхъ вещей становится доступнымъ только въ-слѣдствіе страшныхъ трудовъ. Здѣсь ничто не можетъ быть скрадено, ничто не достигается обманомъ или натяжкой, и матеріальныя средства голоса (т.-е. *количество*, а не *качество*) не имѣютъ никакого значенія. Вотъ почему по этой аріи мы можемъ положительно судить о талантѣ г. Маріо и смѣло говоримъ, что кромѣ Маріо, въ настоящее время нѣтъ тенора въ Европѣ, который могъ бы такъ пропѣть это allegro. Всѣ бравурные пассажи даются ему легко, безъ натяжки, безъ обрывовъ; всѣ они нюансированы прекрасно и фальцет-

ныя ноты замѣчательно хороши. Болѣе всего насъ поразилъ бравурный пассажъ на верхнихъ *mi*, *fa*: и прекрасная каденца изъ той семьи фіоритуръ du bon vieux temps, въ которомъ каждая была примѣняема къ характеру исполняемой пьесы и не походила на другія, какъ колоритуры настоящаго времени или какъ трескучіе пассажи г-жи Фреццолини, въ которыхъ едва можно уловить первую и послѣднюю ноты. Говоря о кудрявомъ пѣніи, нельзя не вспомнить о Рубини: въ «Donna del Lago» онъ вставлялъ иногда арію изъ оперы Россини «Ermione», или арію композитора Раймонда, въ allegro которой онъ дѣлалъ восходящую хроматическую гамму отъ *fa* на верхней линейкѣ сопраннаго ключа до верхней его октавы. Кто пѣвалъ когда-нибудь и что-нибудь понимаетъ, какая разница между исполненіемъ хроматическихъ гаммъ восходящихъ и нисходящихъ: послѣднія несравненно легче первыхъ. Прибавьте къ этому, что хроматическая гамма, о которой мы говоримъ, расположена на верхней октавѣ тенора, и вы получите мѣрило того рубиніевскаго искусства, котораго преемникомъ показалъ себя г. Маріо въ послѣднія представленія «Лукреціи Борджіи». Арія Пачини показала намъ, что за Альмавиву мы будемъ имѣть въ этомъ прекрасномъ пѣвцѣ! Кстати одно біографическое свѣдѣніе: партія тенора (Ореста) въ «Ermione» была написана для извѣстнаго тенора Давида, находящагося теперь въ Петербургѣ; въ тоже время небольшую партію втораго тенора (Пилада) исполнялъ Рубини... Нынѣ и Орестъ и Пиладъ окончили свое артистическое поприще: первый находится въ самомъ незавидномъ положеніи, второй — живетъ бариномъ съ своими любезными мильйонами. Капризъ судьбы, игра случая!.. И Давидъ и Рубини родились въ Бергамо.

II.

Событія въ музыкальномъ мірѣ, музыкальная библіографія: о балетѣ Бетховена «Прометей».—«Fleurs mélodiques de la Russie». Ф. Бейера.— Хроматическое октавное фортепьяно гг. *Шöнеманна*, *Мюллера* и *Дрешке*. — Погребеніе Шопеня.

Въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за настоящій годъ, мы говорили о томъ, что Берліозъ видѣлъ въ какомъ-то городѣ Германіи оригинальную партитуру балета Бетховена «Прометей». На дняхъ получили мы письмо отъ одного любителя музыки, князя Н. Голицына, въ которомъ находится нѣсколько историческихъ подробностей на-счетъ этого произведенія неистощимаго генія Бетховена. Балетъ «Die Geschöpfe des Prometheus» былъ поставленъ на сцену въ Вѣнѣ, въ 1806 году, знаменитымъ хореографомъ *Вигано*. Въ 1813 году тотъ же самый Вигано поставилъ этотъ балетъ на сцену La Scala въ Миланѣ, подъ названіемъ «Gli uomini di Prometeo»: онъ составилъ торжество знаменитой въ свое время танцовщицы *La Cassentini* и Вигано, исполнявшаго роль Прометея. Изъ всего балета намъ извѣстна прекрасная увертюра (C-dur), которая исполнялась въ концертахъ Филармоническаго-Общества. Самъ Бетховенъ очень-цѣнилъ и любилъ это произведеніе своей фантазіи: онъ переложилъ музыку «Прометея» на квартетъ (ор. IX) и на фортепьяно (ор. 24). Самый сюжетъ балета заключаетъ въ себѣ много драматическаго. Онъ раздѣляется на шесть

отдѣленій или картинъ: въ первомъ представляется человѣкъ въ природной простотѣ, но грубый и дикій; во второмъ Прометей, желая усовершенствовать человѣческое созданіе, похищаетъ божественный огонь; въ третьемъ являются примѣры этого оживленія, то-есть, общество съ добромъ и зломъ; въ четвертомъ — Юпитеръ, разгнѣванный, завидуетъ и грозитъ опасному для него благотворителю человѣчества. Въ пятомъ отдѣленіи видны слѣды просвѣщенія; въ шестомъ Юпитеръ осуществляетъ свои угрозы. Изъ финала этого послѣдняго отдѣленія Бетховенъ перенесъ въ Героическую Симфонію тэму, служащую основаніемъ послѣднему ея allegro ($^2/_4$ Es-dur). Въ послѣдней картинѣ Прометей, прикованный къ Кавказу и освобожденный потомъ Геркулесомъ, примиряется съ Юпитеромъ и возносится на облака, чтобы насладиться безсмертіемъ. Изъ этого краткаго очерка уже видно, какъ оригиналенъ сюжетъ балета и какъ много онъ представляетъ музыкальныхъ положеній.

— За два мѣсяца тому назадъ мы рекомендовали молодымъ пьянисткамъ и пьянистамъ средней руки «Antologie Musicale» Шотека. На этотъ разъ считаемъ не излишнимъ обратить ихъ вниманіе на маленькія fantaisies brillantes на русскіе мотивы — *Фердинанда Бейера.* Ихъ двѣ серіи: первая — Hommage à la Russie, состоитъ изъ 12-ти fantaisies élégantes; вторая — «Fleurs mélodiques de la Russie»; изъ послѣдней вышли до-сихъ-поръ только четыре фантазіи на мотивы: Краснаго Сарафана, Пѣсни Вероники, Тройки и Ангела, прекраснаго романса Варламова, одного изъ удачнѣйшихъ его произведеній. Всѣмъ надоѣли скучныя «variations brillantes», представлявшія разжиженіе тэмъ на тысячи ладовъ. Листъ и Тальбергъ создали новую форму fantaisie brillante, которая, сохраняя мотивъ, даетъ болѣе простора фантазіи и самобытности пьяниста аранжирующаго. Бейеръ воспользовался этимъ новымъ родомъ и создалъ рядъ блестящихъ, салонныхъ пьесъ, которыя труднѣе произведеній, пишущихся обыкновенно для обучающагося юношества и легче произведеній Листа, Тальберга и другихъ новѣйшихъ фантазёровъ. Лучше другихъ его фантазія на м. Ангела — Варламова. Во всей пьесѣ строго сохраненъ характеръ романса и мотивъ обстановленъ мило и разнообразно. Другія три фантазіи также хороши: для бóльшаго удобства онѣ дуатированы... Эти фантазіи изданы г. *Бютнеромъ*, нотный магазинъ котораго находится на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской-Церкви. Кстати о фантазіяхъ... Бывшій директоръ нѣмецкой оперы въ Санктпетербургѣ и членъ нашего Филармоническаго-Общества, *Сигизмундъ Нейкоммъ*, создалъ новый родъ фантазій для полнаго оркестра — мысль, которою до-сихъ-поръ еще никто послѣ него не воспользовался.

— Въ Берлинѣ изобрѣтено гг. Шёнеманомъ, Мюллеромъ и Дрешке новое *Хроматическое октавное фортепьяно.* Оно имѣетъ видъ обыкновеннаго флигеля и оправдываетъ свое названіе тѣмъ, что играющій, во-1-хъ, при употребленіи октавной педали, получаетъ на каждомъ клавишѣ (за исключеніемъ контра-тоновъ) относительную ноту съ ея нижней октавой, въ то время, какъ, во 2-хъ, онъ можетъ на нижней клавіатурѣ, безъ черныхъ высокихъ косточекъ, производить однимъ пальцемъ всѣ хроматическіе ходы. Эта нижняя клавіатура—изобрѣтеніе г. Дрешке, употребленное имъ уже въ патентованномъ во Франціи и Англіи piano monogamme. Октавная педаль имѣетъ три части: пер-

вая имѣетъ вліяніе на всю клавіатуру, а двѣ другія на бассы и дисканты.

— Постояннымъ желаніемъ Шопеня было, чтобы при его погребеніи былъ исполненъ Реквіэмъ Моцарта : желаніе это было исполнено стараніями его ученика, г. Гутмана. Оркестръ и хоры состояли изъ членовъ Общества концертовъ Консерваторіи; соло были исполнены г-жами Віардо и Кастелланъ и гг. Дюпономъ и Лаблашомъ. При вносѣ тѣла оркестръ исполнилъ похоронный маршъ, извлеченный изъ фортепьянныхъ сочиненій Шопеня и аранжированный другомъ его Реберомъ (*).

═

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ОТВѢТЪ НА РЕЦЕНЗІЮ

КНИЖКИ : «РАЗСКАЗЫ О БОГѢ, ЧЕЛОВѢКѢ И ПРИРОДѢ».

Мы получили отъ одного изъ издателей «Разсказовъ» слѣдующее письмо :

«Въ V книжкѣ «Современника» за нынѣшній годъ, напечатанъ отзывъ о изданной нами, въ началѣ нынѣшняго года, книжкѣ для чтенія дѣтямъ, подъ заглавіемъ: *Разсказы о Богѣ, человѣкѣ и природѣ.* Рецензентъ, между-прочимъ, говоритъ : «Если мы сообразимъ назначе«ніе «Разсказовъ» съ сдѣланною въ предисловіи авторовъ оговоркою, «что для объясненія предметовъ, заключающихся въ этой книгѣ, не«обходима помощь родителей или наставника, то не можемъ не удивляться противорѣчію, которое поражаетъ съ перваго взгляда. Дол«жно предположить что-нибудь одно : или эта книга написана для «всѣхъ сословій безъ различія, или для дѣтей, которыя могутъ поль«зоваться руководствомъ наставника или достаточно образованныхъ «родителей, или, наконецъ, для дѣтей простолюдиновъ, которые по не«обходимости лишены подобнаго руководства.»

Отвѣтъ на эти сомнѣнія рецензента находится въ предисловіи къ нашей книжкѣ, гдѣ мы сказали слѣдующее : «Книжка наша не вся, и «тѣмъ болѣе съ перваго раза, можетъ быть понята ученикомъ или «ребенкомъ ; мы не считали и этого недостаткомъ. Дѣти, сами по се«бѣ, одни учиться не могутъ : когда и взрослымъ придаютъ названіе «*самоучки*, то съ этимъ соединяютъ понятіе о чемъ-то недостаточ«номъ, неразвитомъ, недоконченномъ.»

(*) Въ этомъ отдѣлѣ *Музыкальной Хроники* мы будемъ представлять въ будущемъ году отчетъ о замѣчательнѣйшихъ музыкальныхъ произведеніяхъ, появляющихся въ нашихъ музыкальныхъ магазинахъ и за-границею. Преимущественное вниманіе будетъ обращено на пьесы для фортепьяно и на вокальную музыку, такъ-какъ эти отрасли искусства болѣе всего распространены въ нашихъ провинціяхъ. Выписывать ноты, не имѣя возможности заранѣе узнать хороши онѣ или нѣтъ—довольно затруднительно. Будемъ имѣть въ виду помочь въ этомъ отношеніи, сколько возможно, дилеттантамъ, живущимъ вдали отъ столицы.

«Въ чемъ же теперь противорѣчіе: въ назначеніи ли, ясно указанномъ, нашей книжки, или въ словахъ рецензента? Книжку свою мы назначили для дѣтей, не лишенныхъ руководства или образованныхъ родителей или наставника, а въ послѣднюю категорію входятъ и дѣти простолюдиновъ, которыя обучаются и воспитываются въ заведеніяхъ, для нихъ устроенныхъ попеченіями правительства—стало-быть, подъ руководствомъ наставниковъ.

«Можетъ-быть рецензентъ думаетъ, что одна и та же книжка не можетъ быть пригодна для дѣтей всѣхъ сословій. Рецензентъ не высказываетъ своего мнѣнія по этому предмету; но чтобъ отвратить всякое недоумѣніе, скажемъ слѣдующее: въ благоустроенномъ государствѣ различныя сословія столь же необходимы, какъ необходимы различные члены въ здоровомъ организмѣ; каждое сословіе, по степени его значенія, имѣетъ призваніе къ соотвѣтственному, такъ-сказать, специяльному образованію, къ бо́льшему или ме́ньшему усвоенію знаній. Но при всемъ различіи состояній, всякій долженъ быть христіаниномъ, подданнымъ Государя, собратомъ своего ближняго; обязанности эти— общія всѣмъ, и точно такъ же какъ и кругъ знаній, ихъ объемлющій. Основное ученіе вѣры развѣ можетъ быть различно для разныхъ сословій? Азбукѣ развѣ не всѣ дѣти могутъ учиться—и дѣйствительно учатся—по однимъ и тѣмъ же букварямъ? И въ нашей книжкѣ мы хотѣли видѣть, такъ-сказать, азбуку отношеній человѣка къ Богу, властямъ, ближнимъ и къ природѣ. Съ этою цѣлью и разсказаны потребности и обязанности въ государствѣ, понятія о тѣлесной и нравственной природѣ человѣка, объ отношаніи его къ Богу, объ откровеніяхъ религіи, о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка къ ближнему, о силахъ и явленіяхъ природы. Какъ мы достигли означенной цѣли — объ этомъ пусть судятъ родители и наставники.

Рецензентъ «Современника» отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «къ «сожалѣнію въ исполненіи мы не нашли того, чего вправѣ были ожи«дать отъ сочиненія», и проч. И въ подтвержденіе такого своего приговора, указываетъ на первую главу нашей книжки. Мы увѣрены, что издатели «Современника» не потрудились прочесть нашу книжку и сличить ее съ приговоромъ рецензента; иначе они не напечатали бы этого приговора.

Издатели «Разсказовъ о Богѣ, Человѣкѣ и Природѣ» — не спекулировали еще ни разу на легковѣріе читателей, да и, благодаря Бога, не имѣютъ нужды прибѣгать къ какимъ-либо спекуляціямъ. Ихъ руководила любовь къ святому дѣлу воспитанія, долговременное изученіе и размышленіе о педагогическихъ пособіяхъ нашихъ, и убѣжденіе, что книгу для первоначальнаго образованія написать не такъ легко, какъ, можетъ-быть, думаетъ рецензентъ. Еслибъ онъ имѣлъ все это въ виду, то, можетъ-быть, прежде нежели сдѣлалъ голословный приговоръ отдѣльному разсказу, онъ потрудился бы вникнуть въ связь всѣхъ ихъ между собою, которою только и объясняется значеніе ихъ, и, можетъ-быть, рецензія его явилась бы въ другомъ видѣ».

Отъ Редакціи. Помѣщая это письмо одного изъ издателей «Разсказовъ о Богѣ, Человѣкѣ и Природѣ», мы не считаемъ излишнимъ повторить опять свое мнѣніе объ этой книгѣ, о которой было уже сказано въ № 4 «Отеч. Зап.» за 1849 годъ. Мы и тогда говорили, что она—рѣдкость въ нашей педагогической литературѣ, богатой числомъ

дѣтскихъ книгъ, но бѣдной хорошими книгами для дѣтей. Не разъ мы говорили уже о неосновательности мнѣній многихъ издателей, будто составлять книги для дѣтей — дѣло легкое; нѣтъ, надобно имѣть особенный талантъ, чтобъ говорить съ дѣтьми, а еще болѣе, чтобъ говорить съ ними о предметахъ для нихъ неизвѣстныхъ, объяснять то, что имъ представляется смутно или въ извращенномъ, предразсудками и нянькиными сказками, видѣ. Умѣнье издателя «Разсказовъ о Богѣ, Человѣкѣ и Природѣ» бесѣдовать о предметахъ наукъ съ простолюдинами, или, какъ выражаются издатели, съ *большими дѣтьми*, относительно предметовъ науки, давно извѣстно публикѣ, оцѣнившей его въ статьяхъ «Сельскаго Чтенія»—издаваемаго также г. Заблоцкимъ и княземъ Одоевскимъ. Теперь, когда уже нѣсколько тысячь экземпляровъ «Разсказовъ о Богѣ и пр.» разошлось въ публикѣ, самый опытъ указалъ, каковы достоинства этой книги, и какъ издатели (или скорѣе, авторы) умѣли приспособить важнѣйшія истины психологіи, физіологіи, естественной исторіи и гражданскихъ отношеній къ понятіямъ дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ наставники и родители, читавшіе эту книжку съ своими питомцами, подтвердятъ, что это чтеніе достигло цѣли, т.-е., что ребенокъ читалъ книжку не какъ простую дѣтскую сказку; напротивъ, факты, которые онъ находилъ въ книгѣ, невольно заставляли его подумать, разсудить, и понять такимъ-образомъ то, что прежде не представлялось его сознанію. Всякій изъ нихъ, конечно, согласится съ издателями, что «задача воспитанія состоитъ «не въ томъ, чтобъ сдѣлать ученика, что называютъ, ученымъ, но «въ томъ, чтобъ, сообщивъ ему немногія, но существенныя истины, «развить въ немъ способность къ пріобрѣтенію знаній: *не то питаетъ, «что съѣдено*, а то, что переварено». (Пред. стр. IV.)

Въ ряду дѣтскихъ книгъ, есть двѣ книги, правда, написанныя первоначально не для дѣтей, а уже потомъ примѣненныя къ дѣтскимъ понятіямъ—двѣ книги, которыя, сколько мы могли замѣтить, чрезвычайно занимаютъ своихъ маленькихъ читателей, дѣлаются ихъ любимцами, доставляютъ работу ихъ уму и фантазіи, и благодѣтельно дѣйствуютъ на пробужденіе въ нихъ благороднѣйшихъ чувствъ и понятій. Это—«Робинсонъ Крузе» и «Донъ-Кихотъ». Пребываніе на пустынномъ островѣ Робинсона, лишеннаго всѣхъ удобствъ жизни и помощи своихъ ближнихъ, предоставленнаго самому-себѣ въ удовлетвореніи своихъ потребностей, какъ-нельзя болѣе занимаетъ и упражняетъ изобрѣтательность ребенка. Говорятъ, дѣти любятъ подражаніе: это справедливо; но еще вѣрнѣе будетъ выражено это замѣчаніе, если скажутъ, что дѣти любятъ исполнять на дѣлѣ то, что поймутъ умомъ. Вникните въ ихъ игры: въ этихъ играхъ происходитъ цѣлая исторія, и въ этой исторіи участвуетъ непремѣнно то, что болѣе поразило ребенка въ жизни. Что занимательнаго для него — копаться въ глинѣ, сидя на пескѣ, выдѣлывать горшки, копать маленькія грядки, утыкать ихъ прутьями, вѣтвями и цвѣтами? Не самое занятіе поглощаетъ его вниманіе: онъ живетъ посреди своего фантастическаго міра, онъ воображаетъ себя не тѣмъ, что онъ есть, а—или героемъ сказки, или большимъ человѣкомъ, садовникомъ, горшечникомъ, рудокопомъ; у него слагается цѣлая исторія этого горшечника, садовника, рудокопа. Робинсонъ чрезвычайно поражаетъ ребенка, и прочтя его, ребенокъ дѣлается, на своей маленькой кучѣ песка, Робинсономъ на острову, самъ старается доходить до того, до чего дошелъ несчастный на своемъ остро-

вѣ. Отчего другой ребенокъ, на палочкѣ верхомъ, вдругъ пускается бѣгать по зеленому лугу, перепрыгиваетъ канавы, бьетъ хлыстомъ по кустарнику, героемъ становится на лежащемъ бревнѣ и рубитъ воображаемымъ мечомъ это бревно? Это не Саша, не Ваня; это Иванъ-Царевичъ, это Еруславъ-Лазаревичъ; если же попался ему въ руки «Донъ-Кихотъ»— о! это уже рыцарь Печальнаго-Образа, сражающійся съ невидимыми полчищами, поражающій несправедливость, ложь, порокъ, это —заступникъ невиннаго. Итакъ игры дѣтей—это осуществленіе ихъ понятій, упражненіе ихъ творческой фантазіи, впечатлѣнія ихъ сердца, приведенныя въ дѣйствіе. Настроеніе этихъ понятій, фантазіи и сердца зависитъ отъ тѣхъ свѣдѣній, которыя даются ребенку, и въ этомъ случаѣ выборъ чтенія для дѣтей есть важная школа для ихъ ума и сердца: нравственныя понятія и умственная пища должны очень заинтересовать ребенка, чтобъ войдти въ его жизнь. И должно замѣтить, что привычки дѣтства долго остаются: дѣвицы шестнадцати и семнадцати лѣтъ любятъ воображать себя героинями прочитанныхъ романовъ и поэмъ.

Издатели «Разсказовъ о Богѣ, Человѣкѣ и Природѣ», ясно поняли это свойство дѣтскаго ума, и, въ книгѣ своей, нагляднымъ образомъ старались пояснить, повидимому, самыя трудныя для дѣтскихъ понятій идеи.

Это самое заставило ихъ прибѣгнуть къ методу, который всего болѣе способствуетъ развитію мышленія дѣтей, а умственное образованіе ребенка именно въ томъ и должно заключаться. Если одинъ разъ это совершилось въ человѣкѣ, въ дитяти — будьте увѣрены, что главное основаніе положено: привыкнувъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ его окружающемъ и съ нимъ случающемся, онъ хоронитъ себя этимъ отъ грубыхъ предразсудковъ невѣжества, и будетъ уяснять себѣ свои отношенія къ другимъ людямъ. Развитіе его пойдетъ обычнымъ путемъ до-тѣхъ-поръ, пока опытъ и знаніе не оснуютъ крѣпкихъ основъ его мышленія. Выставляя на первый планъ факты и предоставляя ребенку самому дѣлать изъ нихъ выводы о внутреннемъ значеніи факта, «Разсказы» сообщаютъ этотъ первый толчокъ дѣтскому мышленію, а постепеннымъ раскрытіемъ разныхъ сторонъ предлагаемаго вопроса, они подстрекаютъ его любопытство, и, наконецъ, освѣщая мыслью и разумнымъ значеніемъ всѣ явленія общественной и индивидуальной жизни человѣка и жизни природы, заставляютъ ребенка проходить жизнь не неразумнымъ животнымъ, а уже существомъ мыслящимъ и чувствующимъ.

«Разсказы о Богѣ, Человѣкѣ и Природѣ», обнимаютъ собою, какъ видно изъ заглавія, весь міръ, въ которомъ вращается человѣкъ. Фактическія свѣдѣнія, т.-е. основные законы физики, географіи, астрономіи, ботаники и естественной исторіи, не представляютъ особеннаго затрудненія при изложеніи ихъ, сообразуясь съ понятіями дѣтей. Какъ явленія, которыя могутъ быть наблюдаемы, они сами-по-себѣ представляютъ интересъ для маленькихъ читателей; достаточно, если они только разсказаны языкомъ для нихъ понятнымъ. Гораздо-труднѣе объяснить ребенку факты, не менѣе важные, изъ нравственнаго міра. Здѣсь съ большимъ умѣньемъ надобно выбирать факты, выводы изъ которыхъ вели бы сами-собою къ уразумѣнію невидимыхъ законовъ нравственнаго міра. Вотъ эта-то часть и есть лучшая половина «Разсказовъ» — съ чѣмъ, вѣроятно, согласятся всѣ, кому уже случилось

пользоваться ими для чтенія съ дѣтьми; для тѣхъ же, кому не попадалась въ руки эта книжка, считаемъ не лишнимъ разсказать здѣсь составъ ея и распредѣленіе статей, и привести изъ нихъ нѣкоторыя черты.

Въ первой главѣ объясняется «Исторія Общественной Жизни, ея потребностей и обязанностей»: въ этой небольшой статейкѣ разсказано то, о чемъ писаны цѣлые томы, начиная отъ Платона и Аристотеля, до Томазія Кампанеллы, Гоббеса и до нашихъ временъ. Разсказъ же, находящійся передъ нами, хотя и назначенъ для дѣтей, однако, по здравости анализа человѣческаго быта, можетъ соперничать съ произведеніями любаго изъ ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ. Онъ такъ простъ, ясенъ и очевиденъ, такъ согласенъ съ дѣйствительностью и сущностью человѣческой природы, что можетъ служить блистательнымъ опроверженіемъ всѣхъ умозрительныхъ системъ общежитія, особенно системъ тѣхъ ученыхъ, которые, прежде-чѣмъ разобрали факты, уже составили себѣ идею: что именно можно отъискать въ нихъ, на зло человѣческой природѣ, на-перекоръ опыту; клевеща на исторію, они и не замѣчали иногда, что факты не укладывались въ предначертанную рамку: но что имъ за дѣло!

Главы раздѣлены на разсказы. Въ книжкѣ прежде всего излагается: «какъ и для-чего небольшія семейства соединяются въ одно большое?» Этотъ разсказъ и всѣ послѣдующіе представляютъ изобрѣтательности ребенка ту же занимательную и полезную пищу, какъ и житьё-бытьё Робинсона Крузе на его одинокомъ островѣ.

Что ни шагъ, то новое затрудненіе; снова надобно искать, какъ его отвратить; устранивъ одно, является ни-вѣсть откуда другое, совсѣмъ непредвидѣнное — новое постановленіе, новый выводъ, новый законъ; все становится сложнѣе и опредѣленнѣе въ этомъ маленькомъ мірѣ — въ первоначальномъ обществѣ, въ организмѣ котораго сначала дитя и не подозрѣвало такихъ существенно-необходимыхъ рессоръ и пружинъ.

«Въ странѣ плодородной, но пустынной, жили два трудолюбивые и умные отца семейства; одного изъ нихъ звали Яковомъ, а другаго Іосифомъ. Эта земля была очень обширна; они съ издавна выбрали лучшія мѣста; отдѣлили въ каждомъ мѣстѣ по участку земли — сколько каждый изъ нихъ могъ обработать съ своимъ семействомъ, и означили границы участковъ камнями. Чтобъ не спорить, они согласились кинуть жеребій—кому которымъ владѣть участкомъ, и рѣшили между собою, что участокъ, который достанется каждому изъ нихъ, будетъ составлять неотъемлемую его *собственность*, на вѣчныя времена, и дали они другъ другу обѣщаніе никогда не брать того, что принадлежало другому, и даже ничего не портить на чужой землѣ.

«Вотъ — каждый хозяинъ выстроилъ, на доставшемся ему участкѣ, домъ, обратилъ часть своей земли въ пашню, другую въ лугъ, третью въ садъ. Они строго соблюдали договоръ свой, ни одинъ изъ нихъ не касался собственности другаго, и каждый довольствовался своею частію.

«Однажды Яковъ работалъ въ полѣ; вдругъ онъ видитъ двухъ незнакомыхъ людей, которые, какъ-будто гуляя, обошли кругомъ его землю, осмотрѣли ее съ удовольствіемъ, сорвали съ дерева два яблока, съѣли ихъ и удалились. Яковъ, по уходѣ ихъ, тотчасъ бросился къ своему сосѣду Іосифу, разсказалъ ему все, что видѣлъ, и прибавилъ: «я боюсь, чтобъ эти незнакомцы не возвратились, и не вздумали завладѣть нашею собственностью; не даромъ они осматривали наши поля съ такимъ вниманіемъ; одинъ изъ нихъ сорвалъ даже нѣсколько яблоковъ въ моемъ саду.» Іосифъ, внимательно выслушавъ разсказъ

Якова, сказалъ: «Этого отнюдь не должно допускать! знаешь-ли что? будемъ стоять другъ за друга, и общими силами защищаться отъ этихъ незнакомцевъ, если они опять возвратятся и вздумаютъ взять что либо, что принадлежитъ тебѣ или мнѣ». Яковъ вполнѣ согласился на это предложеніе, и они дали обѣщаніе взаимно помогать другъ другу и охранять собственность обоихъ.

«На другой день незнакомецъ дѣйствительно опять пришелъ, и не одинъ, а съ нѣсколькими работниками; они хотѣли было распорядиться въ саду Якова, какъ въ своемъ собственномъ. Хотя Яковъ и говорилъ имъ: «садъ этотъ принадлежитъ мнѣ, я первый обработалъ эту землю, и никто не имѣетъ права отнять ее у меня»; но незнакомцы не обращали вниманія на его слова, и приготовились уже рвать плоды съ деревьевъ. Тогда Яковъ послалъ сына своего къ сосѣду Іосифу, который тотчасъ же явился съ своими работниками, и твердо и рѣшительно сказалъ незнакомцамъ: «удалитесь немедленно съ земли моего сосѣда, или мы силою прогонимъ васъ, какъ нарушителей справедливости; мы съ сосѣдомъ *обязались* помогать другъ другу, и общими силами защищать нашу собственность отъ несправедливыхъ притязаній.»

«Незнакомецъ былъ человѣкъ разсудительный. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что поступилъ необдуманно и несправедливо, и что оба сосѣда люди были твердые, добрые и честные. Онъ пожелалъ даже поселиться вблизи ихъ, тѣмъ болѣе, что страна эта была очень-плодородна. Яковъ и Іосифъ объявили, что они не противятся его желанію поселиться съ ними, но съ тѣмъ только, чтобъ онъ выбралъ себѣ участокъ земли внѣ ихъ владѣнія. Незнакомецъ согласился и просилъ только, чтобъ они приняли его въ свое общество. Яковъ и Іосифъ также согласились на это, но съ условіемъ, чтобъ и онъ обязался помогать имъ и общими силами защищать каждаго. Незнакомецъ согласился и на это, ибо онъ понялъ, что людямъ необходима взаимная помощь.

«Въ-послѣдствіи являлись многіе, желавшіе также поселиться въ этой странѣ, и прежніе жители объявляли каждому новому пришельцу, что онъ можетъ выбрать себѣ землю, но только внѣ ихъ владѣній. Новые поселенцы понимали справедливость этого требованія, и просили только, чтобъ ихъ приняли въ общество.

«Мало-по-малу число поселенцевъ увеличилось до того, что колонія эта состояла изъ тридцати семействъ. Они жили между собою въ мирѣ, выстроили себѣ, какъ могли, жилища, завели сады, распахали поля, начали сѣять хлѣбъ, разводить овощи и садить деревья. Для общаго же блага и безопасности, они поставили три правила, или закона:

«1) Никто не долженъ дѣлать того, что можетъ оскорбить другаго, или нарушить его права собственности.

«2) Никто не долженъ мѣшать другому распоряжаться его собственностію.

«3) Никто не можетъ вступить въ ихъ общество, если не обяжется исполнять эти законы, и всѣ жители должны блюсти за исполненіемъ ихъ.

«Такимъ-образомъ всѣ эти семейства *общими* силами заботились о безопасности каждаго, отчего и произошло названіе *общества* или *общины*.»

Вскорѣ съ новой общиной стали случаться разныя несчастія. Загорѣлся одинъ домъ: хозяинъ просилъ помощи у сосѣда, но сосѣдъ, видя, что горитъ не его домъ, не далъ помощи; пламя распространилось и на его домъ, а затѣмъ и на другіе, такъ-что все село сгорѣло; когда погорѣлые обстроились вновь, съизнова случилась бѣда: въ сосѣднемъ лѣсу завелись мошенники и обирали по-очереди всѣхъ хозяевъ. Это все заставило жителей подумать и постановить законъ: «что каждый членъ общины долженъ оказывать другому помощь «при несчастныхъ случаяхъ всякаго рода, всѣ за одного, каждый за «всѣхъ».

Но и этого оказалось мало: загорѣлась изба. Вся деревня собралась тушить пожаръ, но не было единства въ дѣйствіяхъ, порядка и рас–

предѣленія работъ, почему положено было выбрать Голову или Старшину, который указывалъ бы каждому, что онъ долженъ дѣлать; всѣ обѣщались исполнять его распоряженія для пользы общей, помогать ему на дѣлѣ и — совѣтомъ въ дѣлахъ важныхъ. За симъ возникаетъ рядъ особыхъ учрежденій для общей безопасности: заведеніе ночной стражи отъ воровъ; закупка инструментовъ для тушенія пожара; общественныя работы, натуральныя повинности, денежные сборы. Съ умноженіемъ жителей общины, стали въ ней появляться дурные и злые люди, отъ которыхъ нужно было оградить общество, предупредить исполненіе ихъ дурныхъ намѣреній; изъ окрестныхъ селеній стали являться нищіе и бродяги; надобно было разбирать кого выпроводить вонъ, кому позволить проживать въ селѣ; также—разобрать нищихъ: кто обнищалъ отъ лѣни, кто отъ дѣйствительныхъ несчастій. На все это выбрали особенныхъ людей, и имъ поручили исполненіе обязанностей *полицейскихъ*. Затѣмъ, съ расширеніемъ дѣятельности начальства деревни, возникла необходимость общественныхъ зданій; завели школу, и пр.

Все, кажется, было предусмотрѣно: многому научили обстоятельства. Но вотъ случилось, что и за школой надобно было смотрѣть; за выборными тоже:

«У выборныхъ были или родственники или друзья, или люди, съ которыми они хлѣбъ-соль водили; этимъ людямъ не захотѣлось дать своихъ пріятелей въ обиду; а межъ тѣмъ, противники, съ своей стороны, разочли, что если они старыхъ выборныхъ смѣнятъ, а на ихъ мѣсто своихъ пріятелей посадятъ, то будетъ имъ самимъ жить привольнѣе.

«Отъ такого несогласія споры усилились; даже доходило до драки; а отъ споровъ другая бѣда: нѣкоторые, изъ неповиновенія къ властямъ, говорили, что они тѣхъ властей, которыми не довольны, и признавать не хотятъ. Голова и выборные не знали что и дѣлать; подумали, подумали, да и начали мироволить; кто посильнѣе, у кого друзей побольше, да голосъ погромче — тому все ничего; и запашетъ онъ чужую ниву и корову пуститъ на потраву—Голова съ выборными боятся ихъ наказать, да еще приказываютъ, чтобы только молчали; все пошло на выворотъ; тамъ гать прорвало — назначаютъ людей на поправку, кто пойдетъ, кто нѣтъ; дорогу бы надобно починить—то же отказъ, да отказъ, или работаютъ, какъ пень черезъ колоду валятъ; сторожъ, вмѣсто того, чтобъ сторожить, завалится спать, а межъ тѣмъ пришли недобрые люди, благо призора нѣтъ — да и обокрали всю деревню.

«Еще больше пошли крики: ропщутъ, что правды нѣтъ, что порядка нѣтъ, что слабымъ притѣсненье, сильнымъ — пожива, и что некому все дѣло по правдѣ разобрать, умныхъ поддержать, а глупыхъ унять.

«Нашлись на селѣ умные, бывалые люди и сказали такую рѣчь: «что въ сосѣдней землѣ нѣтъ такой бѣды, какъ въ ихъ селѣ; что тамъ виновный, какъ бы онъ силенъ ни былъ, не избѣжитъ отъ наказанія; что если есть споръ, то есть и кому разрѣшить; есть кому добраго Голову отъ дурнаго отличить; есть кому разсмотрѣть какой налогъ нужнѣе и на какую потребу; есть кому негодяевъ унять, и всѣмъ порядкомъ заправить, и отъ недобрыхъ гостей защитить, и всякому доброму дѣлу пособить, и всякому несчастью помочь». Да прибавили они: «отъ-того въ этой землѣ такой порядокъ, и правда, и благодать — что надъ нею есть Царь, власть котораго отъ Бога!»

«Собралися люди, подумали, посудили и порѣшили тѣмъ, что просить Царя взять ихъ подъ свой законъ. Царь принялъ такое покорство ихъ милостиво; прислалъ къ нимъ мудрыхъ, опытныхъ людей; разсмотрѣли они всѣ жалобы поселянъ, учредили судъ и расправу — правыхъ наградили, виновныхъ наказали; и стали смотрѣть строго, чтобъ каждый въ чужое дѣло не мѣшался, а дѣлалъ свое дѣло, да исправлялъ бы его честно, по совѣсти; чтобъ судья су-

дилъ, сторожъ сторожилъ, всякой бы подать платилъ, другаго бы не обижалъ, да самъ въ обиду не попадалъ; а кто, хоть и въ большой знати, да совѣстью кривилъ или своего дѣла не исполнялъ, тотъ попадалъ подъ царскую опалу — отрѣшали его отъ должности, чтобъ другимъ не повадно было.

«И скоро по селу все пошло къ лучшему; хотя кому иное и покажется не къ мѣсту, а нечего дѣлать, исполнитъ, противъ царскаго указа спорить нельзя; — а тамъ, смотришь, отъ того исполненья такое добро пошло, котораго никто и не гадалъ; потому что *Царь далеко видитъ, и судитъ — не по родству и дружбѣ, а по истинной правдѣ и по произволенію Божію.*

Этимъ заключается статья общественной жизни маленькой общины.

Съ такимъ же умѣньемъ написаны и прочіе разсказы. Лучшій изъ нихъ — это вторая глава: о «Человѣкѣ вообще, о Пяти Чувствахъ, и о Душѣ», и глава третья о «Богѣ и о Нравственномъ Законѣ или о Совѣсти». Въ разсказахъ о Душѣ, можно замѣтить только одно: факты, въ которыхъ проявляется нравственная природа человѣка разсказаны слишкомъ пространно, и окончательный выводъ изъ нихъ слишкомъ отдаленъ, такъ-что ребенку приходится запоминать слишкомъ-длинный силлогизмъ. Это несвойственно дитяти. Ребенокъ неохотно слѣдуетъ за длинной нитью сужденій и посылокъ; но понимаетъ то, что скоро удовлетворяетъ пробужденный въ немъ интересъ. Самые же факты, приводимые въ книжкѣ «Разсказовъ» чрезвычайно-хорошо подобраны; примѣры ясно заставляютъ ребенка почувствовать и отличить присутствіе въ немъ особенной силы, помогающей ему различать добро и зло, и проявляющейся въ негодованіи къ послѣднему и въ удовольствіи отъ перваго; но показавъ присутствіе нравственнаго, врожденнаго человѣку, закона, необходимо должно было перейдти къ утвержденію его откровеніемъ, почему цѣлая глава посвящена краткому начертанію Священной Исторіи. Затѣмъ послѣднія главы посвящены изображенію міра физическаго, и здѣсь нельзя не похвалить авторовъ, что ихъ слова постоянно направлены къ тому, чтобы пробудить въ ребенкѣ чувство красоты природы и разумность ея устройства. Прошло то время, когда жаловались, что разоблаченіе тайнъ природы, открытіе и познаніе процесса ея жизненныхъ отправленій губитъ всякую поэзію жизни. Нѣтъ! поэзія въ истинѣ, а не въ вымыслѣ, не во лжи. Изслѣдуя построеніе физическихъ тѣлъ и органовъ жизненныхъ отправленій ихъ, человѣкъ присутствуетъ при величайшемъ зрѣлищѣ, читаетъ поэму созданную не геніемъ человѣка, а Тѣмъ, отъ Кого дается и человѣку геній, Тѣмъ, уразумѣніе законовъ Котораго, вложенное во внѣшній міръ, или въ душу человѣка, характеризуетъ человѣческій геній: угадай ихъ человѣкъ — будь это Шекспиръ, Линней или Берцеліусъ — потомство признаетъ его геніемъ и съ благодарностью и удовольствіемъ произнесетъ его имя. Елизавета Кульманъ въ дѣтствѣ прекрасно знала ботанику — и посмотрите, какъ поэтически она смотрѣла на цвѣты, на ихъ жизнь, на ихъ значеніе въ природѣ!

Мы съ намѣреніемъ указываемъ на эти достоинства книжки г. Заблоцкаго и князя Одоевскаго, въ-особенности на эти общія идеи, которыя приведены въ частностяхъ, потому-что книжка эта — первый выпускъ. Не знаемъ, что будетъ заключаться во второй; но если второй выпускъ будетъ посвященъ изображенію міра внѣшняго, то мы желали бы, чтобы издатели постоянно держались цѣли — развивать въ ребенкѣ чувство красоты явленій природы и разумности ея устройства. Отсутствіе мечтательныхъ теорій сообщаетъ книжкѣ высокую цѣну,

хотя, впрочемъ, мѣстами еще даютъ себя чувствовать — и нѣсколько-утрированная чувствительность и нѣсколько-натянутый оптимизмъ нѣмецкаго оригинала.

═

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Сѣверныя сіянія, при настоящемъ состояніи науки, принадлежатъ къ числу явленій загадочныхъ, для объясненія которыхъ хотя и было предложено много различныхъ теорій, болѣе или менѣе остроумныхъ, но всѣ онѣ далеко недостаточны: онѣ всѣ имѣютъ характеръ апріорическій, характеръ предположеній (болѣе или менѣе смѣлыхъ), и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, имѣютъ одинъ общій недостатокъ — односторонность. Каждая изъ этихъ теорій превосходно объясняетъ одну какую-нибудь часть даннаго явленія, которая казалась автору теоріи легко-объяснимою посредствомъ сдѣланнаго имъ предположенія, по анологіи, и которая такимъ-образомъ завлекла его къ составленію и развитію теоріи на основаніи этого побочнаго явленія и въ ущербъ объясненія другихъ обстоятельствъ того же метеора.

Единственное положительное данное, которое указываетъ на причину или, по-крайней-мѣрѣ, на близкую зависимость сѣвернаго сіянія, есть связь между сѣвернымъ сіяніемъ и магнетизмомъ земнаго шара, существованіе которой доказывается нѣкоторыми явленіями, постоянно сопровождающими сѣверное сіяніе. Явленія эти суть слѣдующія: 1-е Центръ *кароль* сѣвернаго сіянія совпадаетъ съ магнитнымъ полюсомъ (или съ полюсомъ наибольшаго холода) земнаго шара, такъ-что сѣверное сіяніе является то на западной, то на южной и пр. части горизонта, смотря потому, находится ли наблюдатель на востокъ или на сѣверъ и пр. отъ магнитнаго полюса земли; 2-е, Самая высшая точка *свѣтлой дуги* находится въ плоскости магнитнаго меридіана; 3-е, Всѣ *свѣтлые столбы*, подымающіеся изъ свѣтлой дуги, бываютъ параллельны стрѣлкѣ наклоненія; 4-е, Одновременно съ перемѣщеніями сіянія происходятъ колебанія магнитной стрѣлки по тѣмъ же направленіямъ.

Итакъ тѣсная связь сѣвернаго сіянія съ магнитизмомъ земнаго шара очевидна; остается объяснить: какого рода эта связь и въ какомъ соотношеніи съ нею находятся всѣ остальныя обстоятельства сѣвернаго сіянія. Для разрѣшенія этой задачи и были придуманы различныя теоріи. Но, доказательство — что одного даннаго понятія о связи, существующей между явленіемъ сѣвернаго сіянія и земнымъ магнетизмомъ недостаточно для объясненія этого явленія, — есть то, что всѣ теоріи сѣвернаго сіянія до такой степени не похожи одна на другую и развиты изъ совершенно-различныхъ началъ. Это разнорѣчіе теорій служитъ признакомъ, между-прочимъ, и того, что не ощупана еще та точка опоры, на которой бы можно было утвердиться начиная строить теорію, что неизвѣстна первая посылка, отъ которой слѣдуетъ идти къ развитію теоріи.

Недостатокъ этотъ теперь пополненъ трудами гг. Огюста де ла-Рива и Морле, предпринятыми этими учеными въ послѣднее время. По нашему мнѣнію, эти господа своими изслѣдованіями положили прочное основаніе истинной теоріи сѣверныхъ сіяній и завѣрили ея будущее развитіе. Но—предоставляемъ читателямъ самимъ судить о достоинствѣ этихъ изслѣдованій, которыя мы постараемся изложить какъ-можно полнѣе и понятнѣе.

Г. Морле, посредствомъ точныхъ изслѣдованій, объясняетъ образованіе правильныхъ свѣтлыхъ дугъ сѣвернаго сіянія, принимая за данное, что свѣтъ сіянія зависитъ отъ электрической матеріи, распространенной въ атмосферѣ на большихъ высотахъ, въ тѣхъ слояхъ, гдѣ воздухъ очень рѣдокъ. Онъ считаетъ это предположеніе весьма-вѣроятнымъ, если будетъ доказано положительными опытами, что магнетизмъ производитъ вліяніе на электрическій свѣтъ. Впрочемъ, его объясненіе образованія свѣтлыхъ дугъ сіянія, независимо отъ этой гипотезы, и основывается только на оптическихъ данныхъ.

Г. де-ла-Ривъ доказываетъ прямымъ опытомъ, что магнетизмъ оказываетъ непосредственное вліяніе на свѣтъ, происходящій отъ электричества.

Г. Морле объясняетъ происхожденіе свѣтлой дуги слѣдующимъ образомъ:

Всѣ наблюденія согласны въ томъ, что свѣтлая дуга всегда представляется въ видѣ части окружности малаго круга небеснаго свода, въ центрѣ котораго находится наблюдатель. Изъ этого можно заключить, что свѣтлая дуга есть явленіе оптическое по слѣдующей причинѣ: По закону перспективы, всякая фигура, находящаяся въ небесномъ пространствѣ, представляется нашему глазу не въ настоящемъ своемъ видѣ, но въ видѣ ея проекціи изъ нашего глаза на сводѣ небесномъ, слѣдовательно, круговая дуга, находящаяся въ пространствѣ надъ поверхностью земли, представится глазу наблюдателя въ видѣ другой кривой линіи. Чтобъ получить эту линію, мы должны представить себѣ, что всѣ точки дуги соединены съ нашимъ глазомъ, и что полученная такимъ-образомъ коническая поверхность, вершина которой находится въ нашемъ глазѣ, продолжена до пересѣченія съ небеснымъ сводомъ. Кривая линія, полученная отъ этого пересѣченія, и будетъ проекція дуги. Въ геометріи доказывается, что пересѣченіе конической поверхности со сферой есть кривая линія двойной кривизны (кромѣ одного только частнаго случая); а такъ-какъ свѣтлая дуга сѣвернаго сіянія всегда имѣетъ видъ круговой дуги, то значитъ, что она, подобно радугѣ или кругамъ около солнца и луны, зависитъ отъ положенія наблюдателя на томъ или другомъ мѣстѣ и, слѣдовательно, есть оптическое явленіе.

Образованіе свѣтлой дуги г. Морле приписываетъ отраженію электрическаго свѣта отъ ледяныхъ или снѣговыхъ кристалликовъ, распространенныхъ въ атмосферѣ. Существованіе этихъ кристалликовъ доказывается образованіемъ ложныхъ солнцъ и колецъ около луны.

Извѣстно, что свѣтъ, отраженный отъ полированной поверхности, раздѣляется на два пучка лучей, изъ которыхъ одинъ отражается правильно, т.-е. въ плоскости перпендикулярной къ отраженной поверхности и притомъ такъ, что уголъ отраженія его равенъ углу паденія

а другой пучекъ лучей отражается неправильно и разсѣевается по всѣмъ направленіямъ. Доказано также, что этотъ неправильноотраженный свѣтъ получаетъ наибольшую силу въ томъ случаѣ, когда направленіе его перпендикулярно къ отражающей поверхности.

Представимъ себѣ теперь, что въ атмосферѣ распространено безчисленное множество ледяныхъ кристалловъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ форму правильной многогранной пирамиды, грани которой, слѣдовательно, наклонены къ основанію подъ однимъ и тѣмъ же угломъ; оси всѣхъ этихъ пирамидъ параллельны между собою (какъ это будетъ объяснено ниже); но грани ихъ расположены во всевозможныхъ положеніяхъ относительно плоскости, мысленно проведенной параллельно осямъ кристалловъ. Всѣ эти кристаллы находятся въ электрическомъ свѣтѣ или очень-близко отъ него. Грани ихъ отражаютъ этотъ свѣтъ по всевозможнымъ направленіямъ, съ различной степенью его напряженія, смотря по углу отраженія лучей, такъ-что наибольшая степень напряженія свѣта принадлежитъ лучамъ перпендикулярнымъ къ отражающей плоскости грани кристалловъ. При безчисленномъ множествѣ различныхъ положеній граней кристалловъ, при всякомъ направленіи падающаго на нихъ свѣта, найдется множество, группа такихъ одинакихъ положеній, при которыхъ свѣтъ, отраженный перпендикулярно къ плоскостямъ граней, соберется въ одной точкѣ, въ глазѣ наблюдателя. Кристаллы этой группы, обусловленной извѣстнымъ положеніемъ граней кристалловъ и перпендикулярнымъ отраженіемъ отъ нихъ лучей свѣта, очевидно, должны составлять полосу, которая, по законамъ перспективы, представляется намъ въ видѣ дуги. Для каждаго мѣста наблюденія особая группа кристалловъ представляетъ свѣтлую дугу, такъ-что при перемѣщеніи наблюдателя съ одного мѣста на другое, перемѣщается и видимая имъ дуга или, говоря правильнѣе, при каждомъ новомъ положеніи его, онъ видитъ новую дугу.

Мы сказали, что группа кристалловъ, изображающихъ свѣтлую дугу, составляетъ въ природѣ полосу — объяснимъ это.

Мы сначала приняли за данное, что оси всѣхъ кристалловъ параллельны между-собою. Теперь положимъ, что отъ глаза наблюдателя проведена прямая линія къ одному изъ кристалловъ, перпендикулярно къ его грани. Тогда эта линія составитъ съ осью кристалла, или съ плоскостью, проведенной чрезъ ось, уголъ равный углу наклоненія грани къ основанію пирамиды (что легко выводится изъ простаго чертежа, на основаніи подобія треугольниковъ), слѣдовательно, уголъ постоянный, который мы, для краткости, обозначимъ буквой ρ.

Всѣ лучи свѣта, перпендикулярно отраженные отъ граней кристалловъ и проходящіе въ глазъ наблюдателя, составляютъ постоянный уголъ ρ съ осями кристалловъ и, слѣдовательно, съ линіей мысленно проведенной чрезъ мѣсто наблюденія параллельно осямъ кристалловъ. Эти лучи, слѣдовательно, составятъ поверхность прямаго конуса, котораго вершина находится въ глазѣ наблюдателя, ось котораго есть линія, проведенная черезъ мѣсто наблюденія параллельно осямъ кристалловъ, и на поверхности котораго расположены, кристаллы отражающіе лучи въ глазъ наблюдателя. По направленію каждаго луча наблюдатель увидитъ свѣтлую точку, и рядъ этихъ точекъ, въ проекціи изъ глаза наблюдателя на сводъ небесный, составитъ окружность или

часть окружности круга, центръ котораго будетъ находиться на оси конуса, и, слѣдовательно, радіусъ котораго будетъ равенъ углу ρ. Эта окружность есть сѣченіе конуса отраженныхъ лучей со сферой небесной.

Если мы предположимъ, что ледяные кристаллы имѣютъ видъ призмъ, тогда ρ долженъ быть равенъ прямому углу и, слѣдовательно, отраженные лучи, соединяющіеся въ глазѣ наблюдателя, вмѣсто конической поверхности, составятъ одну плоскость, которая, проходя чрезъ центръ сферы небесной, т.-е. чрезъ мѣсто наблюденія, раздѣлитъ ее на двѣ равныя части и, слѣдовательно, въ проекціи образуетъ большой кругъ сферы.

Еслибъ уголъ ρ былъ совершенно-равенъ во всѣхъ кристаллахъ, отъ которыхъ получается изображеніе дуги, то эта дуга была бы очень-узка. Но, чтобъ объяснить образованіе широкой дуги, ширина которой простирается отъ 10 до 15 и даже, иногда, до 40 градусовъ, должно предположить, что всѣ пирамиды, отъ граней которыхъ отражаются въ глазъ наблюдателя лучи, образующіе изображеніе лимба свѣтлой дуги, не одинаковы, но что наклоненія ихъ граней къ основанію измѣняются въ величинѣ въ различныхъ пирамидахъ и заключаются между двумя предѣлами величинъ.

Если между кристаллами находится большое число такихъ, у которыхъ это наклоненіе имѣетъ величину одного изъ предѣловъ наклоненій, то одинъ край свѣтлой дуги будетъ рѣзко ограниченъ; начиная отъ него, по направленію къ другому краю, свѣтъ мало-по-малу ослабѣваетъ и наконецъ сливается съ лазурью неба. Если же будетъ много кристалловъ, которыхъ наклоненія граней имѣютъ величины одного и другаго предѣловъ, то свѣтлая дуга будетъ рѣзко ограничена съ обоихъ краевъ.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ образоваться дуги, соотвѣтствующія промежуточнымъ величинамъ двухъ предѣловъ наклоненія граней. Такое частное явленіе описываютъ слѣдующимъ образомъ: «Очень-замѣчательно въ устройствѣ свѣтлыхъ дугъ то обстоятельство, что онѣ состоятъ изъ продольныхъ фибръ или, говоря точнѣе, изъ частныхъ дугъ, параллельныхъ между собою, расположенныхъ одна надъ другою и почти прилегающихъ другъ къ другу» (Voyages en Scandinavie, en Laponie, etc).

Когда на горизонтѣ находится нѣсколько системъ кристалловъ, которыхъ оси имѣютъ различныя направленія, то появляется въ одно время нѣсколько непараллельныхъ между собою дугъ, которыя, пересѣкаясь другъ съ другомъ, производятъ явленіе развиленныхъ дугъ или двойныхъ дугъ.

Для избѣжанія многословія, условимся называть *меридіаномъ сіянія* вертикальную плоскость, проведенную чрезъ вершину дуги; *конусомъ сіянія* назовемъ конусъ, образуемый отраженными лучами, сходящимися въ глазѣ наблюдателя; *осью сіянія* назовемъ ось этого конуса.

Тѣло, которое можетъ оставаться въ атмосферѣ, должно имѣть плотность, равную плотности окружающаго воздуха. Еслибъ ледяная пирамида была совершенно однородна, то центръ тяжести ея, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ пирамиды, совпадалъ бы съ центромъ тяжести вытѣсненнаго ею воздуха, и она могла бы оставаться въ рав-

повѣсіи при всякомъ направленіи ея оси. Въ такомъ случаѣ, потокъ *матеріи сѣвернаго сіянія*, находящійся въ верхнихъ слояхъ атмосферы, необходимо дастъ направленіе оси пирамиды, параллельное своему теченію. Оси сіянія сдѣлаются тогда параллельными направленію земнаго магнетизма и на всякомъ мѣстѣ наблюденія центръ дуги будетъ находиться въ зенитѣ или надирѣ магнетизма земли. Но предположеніе о совершенной однородности состава этихъ кристалловъ мало вѣроятно. Почти всегда центръ тяжести кристалла не совпадаетъ съ центромъ тяжести вытѣсненнаго имъ воздуха и, въ такомъ случаѣ, ось пирамиды сама по себѣ пріиметъ опредѣленное направленіе, такъ-что эти два центра тяжести будутъ находиться на одной и той же вертикальной линіи.

Въ этомъ положеніи кристаллъ поддерживается вертикальной силой, равной его вѣсу. Когда кристаллъ подвергнется вліянію потока сіянія, который имѣетъ стремленіе сообщить оси кристалла направленіе параллельное своему собственному, то ось кристалла пріиметъ направленіе равнодѣйствующей двухъ составляющихъ силъ, которое необходимо будетъ заключаться въ плоскости этихъ составляющихъ, т.-е. въ плоскости вертикальной и параллельной направленію магнетизма, однимъ словомъ, въ плоскости *магнитнаго меридіана*.

Изъ этого слѣдуетъ, что если во время сѣвернаго сіянія магнитное наклоненіе остается постояннымъ, или представляетъ только незначительныя колебанія, то центръ и вершина свѣтлой дуги постоянно остаются въ плоскости магнитнаго меридіана или только слегка уклоняются то въ ту, то въ другую сторону отъ этой плоскости. Такое явленіе обыкновенно бываетъ на среднихъ широтахъ.

Въ полярныхъ странахъ происходятъ большія магнитныя колебанія, которыя оказываютъ вліяніе на направленіе оси сіянія. Посредствомъ простаго разложенія силъ объясняются дѣйствія этихъ колебаній. Производящая отъ различныхъ колебательныхъ силъ, оказывающихъ вліяніе на направленіе оси сіянія, дѣйствуетъ на него какъ безпрерывно-ускорительная сила, послѣдовательные толчки которой накопляются ежеминутно; она можетъ привести въ движеніе меридіанъ сіянія и удалить его на большой уголъ отъ магнитнаго меридіана. И дѣйствительно, члены сѣверной ученой коммиссіи наблюдали дуги сѣвернаго сіянія, вершины которыхъ уклонялись на 30 и до 40 градусовъ отъ магнитнаго меридіана, то на западъ, то на востокъ. Капитанъ Россъ, во время своего перваго путешествія, также видѣлъ дугу сѣвернаго сіянія, вершина которой была отклонена на прямой уголъ отъ магнитнаго меридіана.

Ось и вершины свѣтлой дуги приводятся въ движеніе также и въ вертикальномъ направленіи, въ плоскости меридіана сіянія.

Колебательная сила, дѣйствуя безпрерывно ускорительнымъ образомъ, заставляетъ ось сіянія двигаться въ восходящемъ направленіи до извѣстнаго предѣла. Достигнувъ этой высшей степени уклоненія, ось сіянія остается въ этомъ положеніи нѣкоторое время неподвижно, и потомъ возвращается къ прежнему своему положенію посредствомъ колебательнаго движенія. Когда колебательная сила направляется почти въ плоскости магнитнаго меридіана, то происходитъ явленіе, которое наблюдалъ Боссенопъ: «Свѣтлая дуга сначала появилась на сѣверномъ горизонтѣ, потомъ, постепенно возвышаясь, достигла зенита,

перешла черезъ него и стала спускаться до южнаго горизонта; въ этомъ положеніи она оставалась нѣкоторое время неподвижно, но потомъ стала двигаться въ обратномъ порядкѣ и наконецъ достигла прежняго положенія. Концами своими дуга упиралась почти въ точкахъ востока и запада и двигалась около нихъ какъ около оси.»

По описанной нами теоріи, угловой радіусъ свѣтлой дуги сѣвернаго сіянія равенъ двугранному углу, который составляетъ каждая грань ледяной пирамиды съ ея основаніемъ. Еслибъ всѣ пирамиды ледяныхъ кристалловъ имѣли совершенно одну и ту же форму вездѣ и во всякое время, то дуги сѣвернаго сіянія всегда имѣли бы одну и ту же величину, но наблюденія показываютъ противное.

Въ томъ случаѣ, когда ледяные кристаллы имѣютъ форму призмы, отраженные лучи, проходящіе въ глазъ наблюдателя, перпендикулярны къ оси призмы и, слѣдовательно, радіусъ свѣтлой дуги равенъ 90 градусамъ, а потому эта дуга раздѣляетъ горизонтъ на двѣ равныя части въ 180 градусовъ. Но въ томъ случаѣ, когда кристаллы имѣютъ форму пирамиды, радіусъ дуги меньше 90 градусовъ и дуга раздѣляетъ горизонтъ на неровныя части, изъ которыхъ одна меньше, а другая больше 180 градусовъ.

Въ среднихъ широтахъ дуга сѣвернаго сіянія раздѣляетъ горизонтъ почти всегда на неровныя части, изъ которыхъ меньшая обращена къ сѣверу; но въ полярныхъ странахъ эта дуга, по-большей-части, раздѣляетъ горизонтъ пополамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что существуютъ, по-крайней-мѣрѣ, два рода кристалловъ, одни призматическіе и другіе пирамидальные.

Для того, чтобъ узнать, составляютъ ли кристаллы одну систему подобныхъ между собою пирамидъ, или многоразличныхъ системъ, можно воспользоваться только однимъ средствомъ—опредѣлить изъ наблюденій величины какъ-можно-большаго числа угловыхъ радіусовъ свѣтлыхъ дугъ, и потомъ посмотрѣть, приводятся ли всѣ полученныя числа къ одной или многимъ группамъ величинъ.

Затѣмъ, г. Морле разсматриваетъ различные способы опредѣленія величины радіусовъ свѣтлыхъ дугъ и приводитъ формулы, служащія для вычисленія этихъ величинъ. Извѣстныя величины этихъ формулъ выводятся изъ непосредственныхъ наблюденій. Эти величины суть слѣдующія: зенитальное разстояніе вершины дуги и двухъ другихъ соотвѣтственныхъ точекъ дуги, находящихся по обѣимъ сторонамъ вершины на одинаковомъ возвышеніи надъ горизонтомъ и разность азимутовъ этихъ точекъ.

Послѣ того г. Морле приводитъ уже сдѣланныя въ различныя времена наблюденія надъ радіусами дугъ. Онъ говоритъ, что изъ прежнихъ наблюденій только очень-немногія сдѣланы довольно-точно. Для полученія приблизительнаго результата изъ всѣхъ сдѣланныхъ прежде наблюденій, г. Морле употребилъ слѣдующій пріемъ: изъ всѣхъ наблюденій выбралъ только тѣ, при которыхъ высота и горизонтальная амплитуда дуги были опредѣлены довольно-тщательно посредствомъ сравненія съ положеніемъ звѣздъ или измѣренія астрономическими инструментами. Выведенныя величины онъ раздѣлилъ на группы, соединяя въ одну группу всѣ величины, которыя разнились другъ отъ друга не болѣе какъ на одинъ или полтора градуса. Среднюю ариөме-

тическую величину каждой группы онъ сравнилъ, сколько было возможно, съ величинами, выведенными изъ наблюденій г. Браве, сдѣланныхъ съ помощію теодолита.

Самыя точныя наблюденія сдѣланы голландскимъ астрономомъ Габри въ Найс Біотомъ на Шотландскихъ-Островахъ, Христи, въ Лондонѣ и Браве. Всего четыре наблюденія. Числа, выведенныя изъ этихъ наблюденій, сравнены съ соотвѣтственными числами, полученными г. Браве и, посредствомъ простыхъ математическихъ пріемовъ, приведены къ извѣстному виду алгебраическаго выраженія, изъ котораго видно, что величины тангенсовъ этихъ четырехъ угловыхъ радіусовъ приблизительно принадлежатъ къ геометрической прогрессіи, которой знаменатель равенъ двумъ, а первый членъ—тангенсъ въ 30 градусовъ. Получивъ посредствомъ извѣстной формулы числа для членовъ этой прогрессіи, написавъ ихъ въ рядъ и поставивъ подъ ними соотвѣтственныя числа, полученныя отъ наблюденій, можно нагляднымъ образомъ удостовѣриться, какъ мала разница между данными числами и соотвѣтственными членами прогрессіи. Наконецъ, на основаніи простой геометрической теоремы, можно вычислить относительную величину высоты данной пирамиды и, слѣдовательно, графически построить различныя пирамиды, существующія въ природѣ, принимая то ту, то другую изъ вычисленныхъ величинъ для угла наклоненія граней пирамиды къ его основанію.

Существованіе въ атмосферѣ кристалловъ въ видѣ призмъ съ основаніемъ правильнаго шестиугольника давно доказано непосредственнымъ наблюденіемъ надъ снѣгомъ. Англійскій мореплаватель Скорби видѣлъ также снѣжинки, которыя имѣли видъ прямыхъ пирамидъ съ правильнымъ шестиугольнымъ основаніемъ.

Что же касается до существованія различныхъ системъ такихъ пирамидъ, которыхъ высоты, въ-отношеніи другъ къ другу, составляли бы геометрическую прогрессію съ знаменателемъ 2, то, сколько извѣстно, говоритъ г. Марле, нѣтъ прямыхъ наблюденій ни подтверждающихъ, ни опровергающихъ этого вывода.

Кромѣ дугъ, которыхъ угловые радіусы составляютъ описанный нами рядъ чиселъ, изъ другихъ наблюденій, именно изъ наблюденій гг. Катера и Моля, Шеффильдъ-Лоджа, капитана Росса, Крамера, Майрана и др., съ помощію того же пріема, получается другой рядъ величинъ для угла ρ. Эти величины принадлежатъ пирамидамъ съ правильнымъ шестиугольнымъ основаніемъ и которыхъ высоты составляютъ геометрическую прогрессію съ знаменателемъ 3 и съ первымъ числомъ равнымъ полу-радіусу круга, описаннаго около основанія призмы.

Сверхъ-того, подобнымъ же образомъ, изъ четырехъ наблюденій Майрана и Кассини, вычислена величина для угла и найдено, что она относится къ пирамидамъ съ квадратнымъ основаніемъ.

Г. Морле оканчиваетъ свой мемуаръ словами: «Таковы результаты, выведенные мною изъ всѣхъ, дошедшихъ до моего свѣдѣнія наблюденій надъ сѣвернымъ сіяніемъ. Отъ будущихъ наблюденій, которыя сдѣланы будутъ при болѣе-благопріятныхъ обстоятельствахъ и съ помощію способовъ болѣе-точныхъ, зависитъ рѣшеніе вопроса: отношенія между радіусами свѣтлыхъ дугъ, выведенныя мною, представляютъ ли истинные законы природы или суть только ошибочные вы-

воды, происшедшія отъ искуственной комбинаціи количествъ, данныхъ значительно неточными наблюденіями?»

Теперь мы изложимъ опытъ г. де-ла-Рива, доказывающій вліяніе магнетизма на свѣтъ, происходящій отъ электричества, и сдѣланный имъ для подтвержденія теоріи сѣвернаго сіянія.

До-сихъ-поръ это вліяніе было извѣстно только относительно электрической дуги, образующейся между двумя остріями проводниковъ, соединенныхъ съ полюсами гальванической баттареи; но большая разница: будетъ ли извѣстно это обстоятельство какъ явленіе само-пособѣ, или въ приложеніи къ теоріи сѣверныхъ сіяній. Вотъ какъ описываетъ свой опытъ г. де-ла-Ривъ.

«Въ стеклянный шаръ 30 сантиметровъ въ діаметрѣ, снабженный двумя трубочками, я ввелъ чрезъ одну изъ нихъ цилиндрическую проволоку изъ мягкаго желѣза, такой длины, что конецъ ея достигалъ почти до центра шара, а другой конецъ выставлялся изъ трубочки на три или четыре сантиметра. Эта проволока герметически укрѣплена въ трубочкѣ и по всей длинѣ, кромѣ концовъ, покрыта толстымъ, изолирующимъ слоемъ воска. На нее, сверхъ воска, на внутреннюю ея часть, близко къ стѣнкамъ шара, надѣто мѣдное кольцо; отъ этого кольца идетъ проводникъ, хорошо изолированный, чрезъ ту же трубочку, чрезъ которую проходитъ и желѣзная проволока, не сообщаясь съ этой послѣдней, и оканчивается съ внѣшней стороны шара утолщеніемъ или крючкомъ. Если теперь мы отвернемъ кранъ, приложенный къ другой трубочкѣ шара и вытянетъ чрезъ нее воздухъ изъ этого шара до трехъ или пяти миллиметровъ по барометру, потомъ соединимъ крючокъ проводника съ одной электрической машиной, а наружный конецъ желѣзной проволоки съ другой, то два электричества будутъ соединены внутри шара и образуютъ между кольцомъ и внутреннимъ концомъ желѣзной проволоки болѣе или менѣе неправильный свѣтовой снопъ. Но, если наружный конецъ желѣзной проволоки привести въ прикосновеніе съ однимъ изъ полюсовъ сильнаго электро-магнита, стараясь о томъ, чтобы проводники были постоянно хорошо изолированы, то электрическій свѣтъ приметъ совершенно-особый видъ. Вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, происходить изъ различныхъ точекъ поверхности каждой части желѣзной проволоки, свѣтъ будетъ происходить единственно изъ точекъ, образующихъ окружность этой части, такъ-что образуетъ непрерывное свѣтлое кольцо. Но это еще не все: свѣтлое кольцо и искры, изъ него происходящіе, имѣютъ постоянное коловратное движеніе вокругъ намагниченной проволоки, то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, смотря по направленію электрическихъ разряженій и сторонъ намагничиванія. Наконецъ, искры болѣе блестящія выходятъ изъ этой свѣтлой окружности, не смѣшиваясь съ тѣми, которыя прилегаютъ къ окружности или кольцу и образуютъ снопъ. Когда намагничиваніе прекращается, явленіе снова дѣлается такимъ же, какъ было прежде и какое бываетъ обыкновенно при опытѣ, извѣстномъ подъ именемъ *электрическаго яйца*. Не имѣя въ своемъ распоряженіи сильной электрической машины, я употреблялъ для этого опыта гидро-электрическую машину Армстронга, котелъ которой соединялъ съ мѣднымъ кольцомъ, а изолированный кондукторъ, принимающій пары, съ желѣзной проволокой, или наоборотъ, когда желалъ измѣнять направленіе разряженій. Опытъ очень-хорошо удавался такимъ образомъ.

«Описанный опытъ, мнѣ кажется, дастъ весьма-удовлетворительное понятіе о томъ, что происходитъ при явленіи сѣвернаго сіянія; въ-самомъ-дѣлѣ, свѣтъ, происходящій отъ соединенія двухъ электричествъ въ той части атмосферы, которая покрываетъ полярныя страны, вмѣсто того, чтобъ быть распространеннымъ неопредѣленно, распредѣляется, дѣйствіемъ земнаго магнитизма, вокругъ магнитнаго полюса земли, откуда этотъ свѣтъ кажется восходящимъ въ видѣ извивающейся колонны, у которой магнитный полюсъ находится въ основаніи. Понятно также, почему магнитный полюсъ всегда составляетъ центръ свѣта, который образуетъ сѣверное сіяніе или отъ котораго онъ кажется расходящимся.

Г. де-ла-Ривъ говоритъ также о томъ, что онъ имѣлъ случай, въ Англіи, доказать своими собственными наблюденіями и болѣе-продолжительными наблюденіями другихъ физиковъ, существованіе на поверхности земли электрическихъ токовъ, направленныхъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Присутствіе этихъ токовъ легко можетъ быть доказано съ помощію металлическихъ проволокъ, служащихъ для телеграфическихъ сообщеній. Эти проволоки находятся подъ землей и притомъ хорошо изолированы по всей длинѣ, кромѣ двухъ концовъ, погруженныхъ въ почву, и потому весьма-удобны для этого рода наблюденій. Весьма-интересно слѣдить за взаимнымъ соотношеніемъ, существующимъ между измѣненіями въ напряженіи этихъ токовъ и измѣненіями амплитуды склоненій магнитной стрѣлки.

Наконецъ, г. де-ла-Ривъ обѣщаетъ издать скоро свой трудъ, въ которомъ этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ гораздо-подробнѣе.

— Нынѣшній ноябрь замѣчателенъ появленіемъ на солнцѣ большаго числа огромныхъ пятенъ. Пожалуй и это явленіе приймутъ за причину картофельной болѣзни или холеры. Но, безъ шутокъ, этихъ пятенъ такъ много, что ихъ можно замѣтить простымъ, не вооруженнымъ глазомъ, а съ помощію обыкновенной театральной трубки чрезвычайно-легко видѣть недалеко отъ центра, длинную, темную полосу. Длина этой полосы занимаетъ около 100,000 англійскихъ миль, а ширина отъ 15,000 до 30,000. Всѣхъ пятенъ можно насчитать до 20, а они переходятъ одно въ другое полутѣнями, такъ-что нельзя видѣть, гдѣ оканчивается одно, и гдѣ начинается другое.

— Одинъ англійскій ученый, г. Мэлль, собралъ всѣ источники относящіеся къ извѣстіямъ о землетрясеніяхъ, и, принявъ въ соображеніе всѣ существующіе документы объ этомъ феноменѣ, написалъ статью *О статическихъ и динамическихъ явленіяхъ, сопутствующихъ землетрясеніямъ*, въ которой онъ резюмируетъ и обобщаетъ всѣ обстоятельства землетрясеній въ видѣ слѣдующихъ положеній:

1) Землетрясенія происходятъ на всѣхъ точкахъ земнаго шара, какъ на землѣ, такъ и въ океанѣ.

2) Онѣ бываютъ во всѣ возможныя эпохи, во всякое время года и во всѣ часы дня и ночи.

3) Нѣтъ достаточной побудительной причины предполагать, чтобъ землетрясенія происходили чаще или съ большей силой въ одинъ періодъ времени, чѣмъ въ другой.

4) Нельзя въ-точности сказать, чтобъ одна часть поверхности земли была постоянно-болѣе, чѣмъ другая, подвержена землетрясеніямъ,

5) Но страны, окружающія большіе центры настоящаго періода и линіи волканическихъ дѣйствій, въ настоящее время болѣе другихъ странъ подвержены землетрясеніямъ.

6) Въ данныхъ странахъ землетрясенія бываютъ тѣмъ чаще и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе въ опредѣленныя времена проявляются волканическія дѣйствія.

7) Очень многія страны, въ которыхъ не проявляются въ настоящее время волканическія дѣйствія и въ которыхъ не видно слѣдовъ такихъ дѣйствій въ прежнія времена, подвержены частымъ землетрясеніямъ.

8) Страны, въ которыхъ встрѣчаются потухшіе волканы, не болѣе подвержены землетрясеніямъ, чѣмъ другія, не волканскія страны.

9) Хотя страны, въ которыхъ есть дѣйствующіе волканы, не подвержены частымъ землетрясеніямъ, однако самыя сильныя землетрясенія, о которыхъ извѣстно, разрушали страны, находящіяся по сосѣдству съ волканическимъ центромъ.

10) Вообще, самыя сильныя землетрясенія происходятъ на морскихъ берегахъ или на небольшомъ разстояніи отъ береговъ на твердой землѣ. Есть, однакожь, сомнѣніе, относительно этого обстоятельства, по случаю извѣстій о нѣсколькихъ очень-древнихъ землетрясеніяхъ въ Азіи.

11) Толчки или удары землетрясеній ощутительны на океанѣ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, они почти вертикальны на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ море особенно глубоко, между-тѣмъ-какъ на поверхности океана не замѣчается никакого явленія, которое свидѣтельствовало бы о волканическомъ дѣйствіи на днѣ.

12) Толчокъ или земная волна есть очень-быстрое и весьма-кратковременное движеніе, для какого-нибудь даннаго мѣста.

13) Время продолженія землетрясеній въ данномъ мѣстѣ измѣняется неопредѣленнымъ образомъ или между предѣлами еще неизвѣстными.

14) Дѣйствительное пространство на поверхности земли, разрушаемое землетрясеніемъ, измѣняется между неопредѣленными предѣлами величинъ, и, относительно своего протяженія, находится въ видимомъ отношеніи съ maximum силы толчка.

15) Толчокъ или земная волна есть дѣйствительное волненіе твердой коры земли.

16) Волненіе одновременнаго толчка представляетъ дѣйствительное поступательное движеніе.

17) Направленіе поступательнаго движенія земной волны измѣняется между вертикальнымъ поднятіемъ и почти горизонтальнымъ движеніемъ: *a*) толчки ощущаемые на большомъ разстояніи отъ ихъ мѣстапроисхожденія, почти горизонтальны въ своемъ движеніи; *b*) на извѣстный радіусъ вокругъ мѣстопроисхожденія они ощутительно дѣлаются наклонны; *c*) нѣкоторые изъ наиболѣе разрушительныхъ толчковъ были вертикальны; *d*) направленіе движенія часто измѣняется во время одного и того же землетрясенія; *e*) два толчка могутъ одновременно произойдти изъ одной точки и представлять различныя направленія движеній.

18) Поступательное движеніе волны всегда прямолинейное и никогда не бываетъ криволинейнымъ.

19) Волна землетрясенія всегда имѣетъ дѣйствительную форму волны

и когда направленіе ея горизонтальное, гребень волны движется по извѣстной линіи и притомъ параллельно самому-себѣ.

20) Земная волна имѣетъ опредѣленное протяженіе въ длину и въ ширину, зависящее отъ силы первоначальнаго толчка.

21) Скорость движенія волны до-сихъ-поръ еще не опредѣлена наблюденіемъ; однако замѣчено, что она чрезвычайно-велика и зависитъ отъ упругости и плотности формацій, чрезъ которыя проходитъ волна.

22) Направленіе и скорость движенія волны иногда измѣняется при переходѣ съ одной формаціи на другую.

23) Многія землетрясенія сопровождаются различными звуками, происходящими изъ-подъ земли. Эти звуки могутъ предшествовать, сопутствовать или слѣдовать за ударами, или могутъ быть слышны прежде, во время или послѣ только нѣкоторыхъ ударовъ. Другаго рода землетрясенія, наиболѣе сильныя, не сопровождаются никакимъ звукомъ.

24) Когда центръ удара землетрясенія находится подъ моремъ, на извѣстномъ разстояніи (вообще сравнительно небольшомъ) отъ берега, то море во время удара, ощущаемаго на землѣ, немного отступаетъ отъ берега, а потомъ, чрезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ удара, снова возвращается къ прежнему положенію. Этотъ промежутокъ времени такъ же, какъ большая волна поступательнаго движенія, зависитъ отъ разстоянія до центра удара.

Самыя сильныя землетрясенія не въ-состояніи непосредственно произвести поднятіе или пониженіе значительной части земной поверхности; но могутъ своими второстепенными дѣйствіями произвести на ней нѣкоторыя измѣненія:

1) Могутъ образоваться обширные скаты земли.

2) Новыя озера и новые водные потоки, а старые уничтожиться;

3) Могутъ произойдти новыя долины;

4) Щели или трещины въ почвѣ и строеніяхъ непосредственнымъ дѣйствіемъ землетрясенія, а жидкія или неплотныя массы, при пособіи воды, могутъ подвергнуться осѣданію или стороннему перемѣщенію.

5) Въ минуту образованія трещинъ въ почвѣ замѣчали появленіе изъ нихъ пламени и, вѣроятно, дыма.

6) Часто изъ этихъ трещинъ бьетъ вода; родники и источники могутъ вдругъ появиться изъ земли въ минуту удара;

7) Поверхность земли послѣ землетрясенія, дѣйствіемъ большой земной волны, бываетъ такимъ-образомъ разломана и исковеркана, что имѣетъ видъ обширнаго покрытаго льдомъ бассейна во время его вскрытія.

Трудъ г. Мэлла обнимаетъ сверхъ-того отношенія, существующія между землетрясеніями и другими физическими явленіями; вотъ главныя изъ нихъ:

1) Общее состояніе погоды и предшествующія явленія, замѣченныя на животныхъ; 2) состояніе барометра; 3) термометра; 4) омброметра; 5) электрометра; 6) магнитометра; 7) сѣверное сіяніе или въ продолжительные періоды предъ землетрясеніями, или непосредственно предъ ними, и послѣдующее видоизмѣненіе сѣвернаго сіянія, зависящее отъ землетрясенія.

Разобравъ потомъ свойства нагнетательной подземной силы, произ-

водящей ударъ въ началѣ землетрясенія, авторъ этого труда приводитъ нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ, которыя необходимо должны быть изучены при настоящихъ свѣдѣніяхъ о землетрясеніяхъ, именно:

1) Опредѣленіе въ большомъ размѣрѣ степеней упругости, веществъ составляющихъ твердую кору земли; 2) систематическія наблюденія надъ направленіемъ и другими обстоятельствами удара землетрясеній, и сравненіе этихъ наблюденій съ показаніями *сеизмометровъ.* 3) Прямые опыты надъ скоростью распространенія, въ различныхъ формаціяхъ, удара, произведеннаго искусственно, и измѣренія этой скорости, съ помощію сеизмометра, изобрѣтеннаго авторомъ этого труда.

— Г. Плюкеръ доказалъ неосновательность беккрелевой ипотезы, относительно вліянія магнитовъ на эѳиръ. Вотъ его доказательства. Измѣненіе свободной поверхности жидкости, очевидно, есть слѣдствіе притяженія и отталкиванія частицъ жидкости, подверженныхъ дѣйствію магнитнаго полюса, и вліянія на нихъ силы тяжести. Явственныя измѣненія, произведенныя магнитомъ въ вѣсѣ жидкостей, подтверждаются употребленіемъ вѣсовъ, которые даютъ возможность сравнивать магнитизмъ и діамагнитизмъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и выражать ихъ въ абсолютныхъ числахъ, какъ это дѣлается при опредѣленіи удѣльнаго теплорода и сравнительнаго вѣса. Видоизмѣненіе дѣйствія силы тяжести на частицы жидкости, посредствомъ магнитизма и діамагнитизма, очевидно, *если погрузить въ нее твердое тѣло,* и объясняетъ явленія, которыя, несмотря на свою простоту, непонятны нѣкоторымъ знаменитымъ физикамъ. Короче, г. Эдмондъ Беккрель былъ приведенъ этими явленіями къ ипотезамъ, которыя противны здравымъ началамъ естествознанія.

Для полученія вѣрнаго взгляда, поднесемъ магнитный полюсъ подъ магнитную жидкость, тогда къ дѣйствію силы тяжести присоединится дѣйствіе этого полюса на малѣйшія частицы жидкости, и явленія будутъ совершенно тѣ же, какія получились бы, еслибъ увеличилась сила тяжести. Но здѣсь надо принять въ разсчетъ то обстоятельство, что вѣсъ слоевъ жидкости, лежащихъ ближе къ полюсу, увеличится болѣе, нежели вѣсъ лежащихъ далѣе. Для простоты, сдѣлаемъ теперь предположеніе, что равнодѣйствующая магнитнаго притяженія всѣхъ частицъ жидкости, направлена перпендикулярно книзу, тогда гидростатическое давленіе на каждый горизонтальный слой жидкости останется тѣмъ же самымъ. Если въ жидкость погрузить твердое тѣло передъ возбужденіемъ въ ней магнитизма, то вслѣдствіе архимедова начала, оно потеряетъ въ своемъ вѣсѣ, сколько вѣситъ вытѣсненная имъ жидкость. При возбужденіи же магнитизма, *согласно съ тѣмъ же самымъ началомъ,* оно будетъ при погруженіи тѣмъ легче, чѣмъ увеличится вѣсъ жидкости отъ магнитнаго притяженія. Если же жидкость будетъ діамагнитична, то она, наоборотъ, увеличитъ вѣсъ погруженнаго тѣла.

Изъ этого вытекаетъ слѣдующій общій результатъ.

Притяженіе магнитнаго тѣла, погруженнаго въ магнитную или діамагнитную жидкость, уменьшается или увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе возрастаетъ магнитное притяженіе или діамагнитное отталкиваніе вытѣсненной жидкости. Наоборотъ, отталкиваніе діамагнитнаго тѣла, погруженнаго въ ту же самую жидкость, увеличивается

или уменьшается, на сколько будетъ болѣе магнитное притяженіе или діамагнитное отталкиваніе вытѣсненной жидкости.

Итакъ, если погруженное тѣло и жидкость будутъ въ одно время магнитны или діамагнитны, то въ первомъ случаѣ магнитное притяженіе переходитъ въ діамагнитное отталкиваніе, во второмъ случаѣ, наоборотъ.

Если магнитный полюсъ будетъ дѣйствовать не снизу, а сверху, то явленія будутъ совершенно тѣ же, какія имѣютъ мѣсто, если жидкость при магнитизированіи сдѣлалась легче, а при полученіи діамагнитнаго свойства, тяжелѣе.

Если магнитъ будетъ дѣйствовать по горизонтальному направленію, то тяжесть жидкости не измѣняется, и предъидущіе законы справедливы и для этого случая. Они примѣнимы съ математическою точностью вездѣ, гдѣ только можно приложить архимедово начало. Если не одна сила тяжести, а какія угодно силы, приложенныя къ любымъ точкамъ, будутъ оказывать притяженіе или отталкиваніе на частицы твердаго тѣла и окружающей его жидкости, какъ на-примѣръ это бываетъ при дѣйствіи каждаго магнита, то на погруженное тѣло дѣйствуетъ сила равная разности дѣйствія на то же самое тѣло, когда оно въ пустомъ пространствѣ безъ дѣйствія на жидкость, занимавшую прежде его мѣсто. То же самое будетъ, если мы возьмемъ не все дѣйствіе, которое вообще можетъ быть приведено къ одной равнодѣйствующей силѣ и одной равнодѣйствующей парѣ силъ, но только дѣйствія, по одному извѣстному направленію.

Въ этомъ результатѣ очень-легко убѣдиться. Если погрузить въ растворъ хлористаго желѣза или желѣзнаго купороса ареометръ, нечувствительный къ дѣйствію магнита. на-примѣръ, если взять для этой цѣли узкую трубочку съ шарикомъ на концѣ, сдѣланную изъ тонкаго стекла, и отчасти наполненную ртутью, то такой ареометръ значительно подымается или опускается, при приближеніи сильнаго электромагнита съ верхней или нижней стороны жидкости. Явленія бываютъ противоположныя, при употребленіи діамагнитной жидкости. Но если жидкость находится между обоими полюсами магнита, лежащими въ одной плоскости съ шарикомъ ареометра, то послѣдній движется, въ-случаѣ магнитной жидкости, отъ центра къ ближайшему полюсу, въ случаѣ же діамагнитной отъ полюса къ центру. Въ первомъ случаѣ, въ центрѣ неустойчивое равновѣсіе; во второмъ же устойчивое.

Изъ этого объясняется необыкновенная легкость, съ которою діамагнитныя тѣла обращаются въ магнитныя, и, на-оборотъ, магнитныя въ діамагнитныя при простомъ измѣненіи гидростатическаго давленія, несмотря на огромное сопротивленіе, встрѣчающееся при этомъ обращеніи. Эти явленія уже г. Фаредей, въ первомъ своемъ мемуарѣ, изложилъ со всею подробностью и отчетливостью.

Если сверху магнитнаго полюса находится газообразная жидкость, имѣющая діамагнитное свойство, то ея вѣсъ уменьшается отъ дѣйствія магнита на частицы этой жидкости. Но уменьшеніе силы тяжести, вслѣдствіе упругости, необходимо влечетъ за собою уменьшеніе *плотности*. Архимедово начало имѣетъ мѣсто для газовъ, также какъ и для жидкостей, и потому мы приходимъ къ слѣдствію, что магнитное притяженіе или діамагнитное отталкиваніе тѣла, находящагося надъ полюсомъ, и окруженнаго газомъ, увеличится или умень-

шится тѣмъ болѣе, чѣмъ легче сдѣлается вытѣсненный газъ отъ діамагнитнаго отталкиванія. Это дѣйствіе такъ ничтожно, что г. Фередей при своихъ опытахъ, различнымъ образомъ измѣненныхъ, никакъ не могъ его доказать.

Пустое пространство, неоказывающее никакого гидростатическаго давленія, не можетъ имѣть, вслѣдствіе предъидущаго начала, никакого вліянія на магнитныя и діамагнитныя тѣла. И, однакожь, г. Эдмондъ Беккрель утверждаетъ, что пустое пространство своимъ невѣсомымъ эѳиромъ отклоняетъ висмутъ.

Вотъ результаты законовъ г. Беккреля.

1) Всѣ тѣла получаютъ магнитизмъ, подъ вліяніемъ магнита, совершенно такимъ же образомъ, какъ мягкое желѣзо, только въ различной степени—одни болѣе, другія менѣе, смотря по ихъ свойствамъ.

2) Мгновенное сообщеніе магнитизма тѣлу зависитъ не отъ массы этого тѣла, а отъ того, какъ расположенъ въ немъ эѳиръ.

3) Магнитный центръ притягиваетъ тѣло съ силою равною разности дѣйствій, оказываемыхъ на это тѣло и на объемъ вытѣсненной средины.

Это третье начало сходно съ началомъ Архимеда, для тяжести съ тою разницею, что послѣднее примѣнимо къ массѣ тѣла, между-тѣмъ, какъ магнитное напряженіе нисколько отъ него не зависитъ... (?). Можно сдѣлать вопросъ, какимъ-образомъ въ пустотѣ ни одно тѣло не притягивается магнитомъ, между-тѣмъ-какъ висмутъ, сѣра, фосфоръ и проч. отталкиваются въ пустотѣ почти такъ же, какъ въ воздухѣ? Поэтому необходимо допустить, что эѳирная средина, въ которой передаются магнитныя дѣйствія, сама подвержена тому же вліянію, хотя въ различной степени въ пустомъ пространствѣ и въ матеріяльной срединѣ, и что пустое пространство будетъ срединою болѣе магнитною, чѣмъ тѣло наиболѣе отталкиваемое, т.-е. висмутъ.

До-сихъ-поръ не было силы, приложенной къ невѣсомой матеріи, и въ настоящемъ случаѣ эта сила—ни что иное, какъ абстракція непонятаго опыта. Въ-самомъ-дѣлѣ, г. Беккрель не понялъ, что висмутъ отталкивается въ растворѣ хлористаго желѣза, сильнѣе чѣмъ въ воздухѣ, вслѣдствіе гидростатическаго давленія, и видитъ въ этомъ прямое дѣйствіе магнитнаго распредѣленія въ жидкости. Но можно математически доказать, что это таинственное измѣненіе и безъ того уже загадочнаго эѳира есть чистое самообольщеніе, потому-что увеличеніе въ отталкиваніи висмута есть прямое и необходимое слѣдствіе измѣненія въ гидростатическомъ давленіи: поэтому *въ этомъ явленіи не остается ничего для ипотетическаго дѣйствія эѳира.* Итакъ, этого дѣйствія нѣтъ, или архимедово начало несправедливо.

Беккрелева ипотеза окажется нелѣпою и тогда, когда будемъ выводить изъ нея слѣдствія. Такъ на-примѣръ, если принять ее за основаніе, то выйдетъ, что при приближеніи полюса къ магнитному тѣлу, твердому или жидкому, внутренняя масса его не притягивается, а только поверхность будетъ подвержена дѣйствію и увеличится въ вѣсѣ.

Но довольно, прибавляетъ г. Плюкеръ, я не привожу фактовъ, изъ которыхъ прямо очевидна ложность ипотезы г. Беккреля.

Довольно, діамагнитизмъ относится къ магнитизму, такъ какъ положительное электричество къ отрицательному; законы дѣйствія магнитизма и электричества уже давно извѣстны и составляютъ одно

изъ великихъ открытій, которыми обогатилась физика въ нынѣшнемъ столѣтіи. Эти законы не поколеблются новою ипотезою г. Беккреля, какъ не поколебались они другимъ, уже совершенно опровергнутымъ, предположеніемъ, что висмутъ есть поперечный магнитъ.

— Теперь всѣ собираютъ факты для изслѣдованія теоріи вѣтровъ и стараются сдѣлать свои наблюденія столь же простыми и точными, какъ астрономическія. Въ Англіи въ прошломъ мѣсяцѣ вышли двѣ книги, относящіяся къ этому предмету.

1) *Новыя прибавленія къ анемометріи, профессора Филлипса.* — Настоящія изъисканія автора были направлены преимущественно къ усовершенствованію способа вносить въ таблицы показанія о вѣтрѣ, которыя должны быть независимы отъ механическаго движенія, моментовъ, тренія и относиться только къ слѣдствіямъ перемѣщенія частицъ, а не къ движенію всей массы. Для достиженія этой цѣли, ему кажется, что только одна метода можетъ быть употреблена, именно измѣреніе скорости вѣтровъ посредствомъ испаренія жидкостей. Онъ дѣлалъ опыты надъ водою, растворами солей, алькоголемъ, и нашелъ, что каждая изъ этихъ жидкостей представляетъ вѣрный инструментъ для измѣренія силы вѣтра, если замѣчать испареніе, производимое воздушнымъ движеніемъ. Такой инструментъ занимаетъ самое незначительное мѣсто, имѣетъ необходимую точность и показываетъ очень-вѣрно такія скорости вѣтра, которыя совершенно ускользали отъ линдова анемометра и были едва-замѣтны на другихъ подобныхъ машинахъ. Чтобъ узнать скорость вѣтра изъ таблицъ испаренія жидкостей, необходимо въ нихъ сдѣлать поправку относительно гигрометрическаго состоянія воздуха. Поступая такимъ-образомъ, мы найдемъ, что охлаждающая сила воздуха равна почти корню квадратному изъ его скорости. Филлипсъ долженъ былъ принять этотъ результатъ, найденный изъ опытовъ, потому-что онъ вытекаетъ изъ вѣрнаго физическаго дѣйствія воздуха, находящагося въ движеніи. Имѣя случай наблюдать восходящее теченіе воздуха въ каменно-угольныхъ минахъ, гдѣ это теченіе такъ слабо и медленно, что не оказываетъ никакого вліянія на самый чувствительный анемометръ—авторъ былъ такъ счастливъ, что разрѣшилъ задачу вполнѣ и легко, замѣчая охлаждающую силу воздушнаго потока. Интегральный анемометръ для этой цѣли не годится. Подземныя теченія постоянны и требуютъ только анемоскопа или показателя мгновенной скорости. Поэтому термометръ съ намоченнымъ шарикомъ можетъ быть оставленъ, а обыкновенный съ сухимъ шарикомъ совершенно удовлетворителенъ при подобныхъ изъисканіяхъ.

2) *Усовершенствованіе интегральнаго анемометра и выводы изъ пятилѣтнихъ наблюденій, дѣланныхъ въ Эдинборгѣ, Вроттеслейнѣ и Ллойдѣ, г-на Ослера.*—Г. Ослеръ говоритъ, что онъ выводилъ свои заключенія изъ числа, превышающаго 50,000 ежечасныхъ наблюденій, и потому нельзя сомнѣваться въ точности результатовъ, имъ полученныхъ. Изъ его изъисканій слѣдуетъ, что ежечасная сила вѣтровъ совпадаетъ почти совершенно съ ежечасными измѣненіями температуры. Кривая температуры для каждаго времени года соотвѣтствуетъ кривой силѣ вѣтровъ; но наименьшая сила вѣтра вечеромъ случается почти за полчаса до наименьшей температуры; изъ этого видно, что движеніе воздуха уменьшается быстрѣе температуры. Всѣхъ положеній, внесенныхъ въ таблицы и исправленныхъ, было почти 200,000. Прежде всего бы-

ли приведены въ порядокъ и внесены въ таблицы показанія силы и направленія вѣтра для каждаго часа, и изъ нихъ выведена сила и направленіе для каждыхъ сутокъ. Разсматривая вроттеслейскія наблюденія, которыя были полнѣе остальныхъ, г. Ослеръ нашелъ, что въ воздушныхъ теченіяхъ случаются возмущенія, въ опредѣленные и какъ-будто правильные промежутки времени. За сравнительною тишиною всегда слѣдуетъ значительное возмущеніе и, эта тишина и пертурбаціи, кажется, случаются періодически. Очень возможно, что бо́льшее число наблюденій будутъ нейтрализировать эти періоды, и тогда мы не въ-состояніи знать, что были перемежающіяся волненія; но правильность нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ надежду, что этого не случится, и что періодичность эта можетъ быть изображена чертежемъ даже въ такомъ перемѣнномъ климатѣ, какъ вроттеслейскій. Изъ шестилѣтнихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ этомъ городѣ, видно, что періоды сильныхъ движеній въ воздушныхъ теченіяхъ бываютъ около конца января, средины и конца марта, въ концѣ апрѣля, въ перво́й половинѣ іюня, немного спустя послѣ средины октября, около 20 ноября, и въ первую недѣлю декабря. Періоды самой большой тишины случаются около средины января, около 17 іюня, и около 14 ноября. Встрѣчаются много другихъ maxima и minima, но г. Ослеръ думаетъ, что нельзя входить въ подробности до-тѣхъ-поръ, пока не будемъ имѣть болѣе наблюденій относительно этого предмета. При внимательномъ изслѣдованіи показаній анемометра, открываются два рода воздушныхъ теченій: одни изъ нихъ имѣютъ чрезвычайно-правильное движеніе и постоянное направленіе, другія же часто перемѣняютъ свое движеніе и повертываютъ безпрестанно флюгеръ на значительную дугу. Сѣверные вѣтры представляютъ вообще меньше неправильныхъ волненій, чѣмъ южные. Во время изслѣдованія этихъ наблюденій, г. Ослеръ случайно обратилъ вниманіе на особенныя теченія, и приложилъ къ нимъ вращательную теорію Кол. Рейда, съ которою въ главныхъ началахъ онъ совершенно согласенъ; но думаетъ, что вращательный кругъ не объясняетъ всѣхъ перемѣнъ, которыя случаются. Онъ того мнѣнія, что вращающаяся часть менѣе, чѣмъ обыкновенно принимаютъ, что воздухъ приближается къ этимъ кругамъ или вихрямъ въ спиральныхъ линіяхъ, что иногда этотъ вращающійся кругъ не находится въ прикосновеніи съ землею, и въ этомъ случаѣ нижній потокъ бываетъ по бо́льшей части направленъ по радіусамъ, что воздухъ вблизи вихря не имѣетъ самой большой скорости, вслѣдствіе противнаго движенія самого вихря, а потому скорость въ задней части вихря возрастаетъ. Кромѣ этихъ важныхъ результатовъ, г. Ослеръ описываетъ свой усовершенствованный анемометръ.

— Г. Петерманнъ издалъ подробное изслѣдованіе температуры Британскихъ-Острововъ и ея вліянія на распредѣленіе растеній. Кто занимается физическою географіею, тотъ пойметъ, какую огромную важность представляютъ подобные труды. А потому передадимъ результаты его изъисканій.

Извѣстно, что климатъ Западной-Европы умѣреннѣе другихъ странъ, лежащихъ подъ тѣми же широтами. Въ-самомъ-дѣлѣ, умѣренный поясъ, заключающійся между изотермическими линіями 70° и 30° Фаренгейта, распространяется:

Въ Сѣверной-Америкѣ отъ 30° до 51° сѣв. шир.
Въ Азіи . . . . 30° до 50° — —
Въ Европѣ . . . . 30° до 71° сѣв. шир.

Британскіе-Острова помѣщены почти въ центрѣ этого пояса. Для яснаго и нагляднаго представленія главныхъ изгибовъ ихъ температуры, г. Петерманъ начертилъ кривыя для самыхъ жаркихъ и самыхъ холодныхъ мѣсяцевъ въ году, т.-е. изотермы іюля и января. Кривая самой нисшей температуры направлена вообще отъ сѣвера къ югу, а не отъ запада къ востоку. Поэтому самый большой холодъ въ Великобританіи бываетъ не на самой сѣверной точкѣ, а на востокѣ. Между Шотландскими-Островами и южными берегами Англіи (за исключеніемъ Корнуэльса и Девоншира) нѣтъ разницы въ зимнихъ температурахъ, между-тѣмъ-какъ восточные берега Англіи и западные Ирландіи зимою разнятся другъ отъ друга почти на 10° F.; средняя температура первыхъ 35° F., а послѣднихъ около 45° F. Самая холодная часть Британіи идетъ отъ Неsa до Фортскаго-Залива и содержитъ въ себѣ (въ западной части) всю цѣпь Пеннинов. Въ этой части средняя температура равна 35°,5′ F.

Въ Европѣ, на материкѣ, зимняя температура бываетъ тѣмъ ниже, чѣмъ дальше на востокъ, и понижается въ томъ же самомъ отношеніи, какъ на Британскихъ-Островахъ, такъ-что изотерма 28° F идетъ западнѣе Гёттингена и Ганновера. Въ Скандинавіи температура вдругъ понижается чрезвычайно-быстро. Это происходитъ отъ снѣговыхъ вершинъ горъ, которыя окружаютъ ея западный берегъ. Разница между зимними температурами Бергена и Христіаніи, двухъ мѣстъ, лежащихъ на разстояніи 190 миль и почти подъ тою же широтою, простирается слишкомъ на 14°. Средняя температура перваго мѣста равна 35°,0 F, а втораго 20°,8 F. Далѣе авторъ разсматриваетъ общія и мѣстныя причины, обусловливающія направленіе январской изотермы.

Изотермическая линія самаго жаркаго мѣсяца (іюля) идетъ въ Британіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Изотерма самой высшей лѣтней температуры британскихъ островов имѣетъ 64° F и идетъ по средней части южнаго берега Англіи; самая же нисшая лѣтняя температура находится въ сѣверо-западной части Шотландіи. Разница между этими температурами по-крайней-мѣрѣ 10° F., между-тѣмъ-какъ разница между лѣтними температурами западныхъ и восточныхъ береговъ Великобританіи несравненно менѣе. Изотерма 62° F. идетъ черезъ Линкольнъ, Бирмингемъ и южную часть Валлиса. Вся Ирландія, Валлисъ, сѣверная часть Англіи и Шотландіи, лежатъ между изотермами 62° и 60°F. При сравненіи Британскихъ-Островов съ мѣстами континента, лежащими подъ тѣми же широтами, видно, что лѣто жарче на материкѣ, чѣмъ на островахъ. Такъ, на-примѣръ, въ Дублинѣ средняя температура лѣта равна 64 F., а въ Гамбургѣ 65°. Въ Инварнессѣ средняя температура 55°,7; въ Фридрисгавенѣ (Данія) средняя температура 61°,9; въ Гетсбургѣ (Швеція) 63°,2 F.

При изслѣдованіи вліянія температуры на распредѣленіе растеній, области, которыя поразительно совпадаютъ съ общимъ распредѣленіемъ изотермъ, г. Петерманну значительно помогалъ г. К. Уатсонъ, авторъ «Британской Цибеллы». Изъ ихъ изъисканій слѣдуетъ, что въ Британіи есть множество растеній, встрѣчающихся только въ западной части Британіи отъ Корнваллиса до Шотландіи, и не переходящихъ въ восточную часть. Но, при сравненіи этихъ растеній другъ съ другомъ,

мы видимъ, что они не сходны ни по строенію, ни по количеству, ни по пространству, ими занимаемому въ Британіи, и что общее между ними заключается только въ ихъ отсутствіи въ этой части Британіи, которая идетъ отъ Фортскаго-Залива до водъ Линкольншира, и на восточныхъ берегахъ между Темзою и Муррайскимъ-Заливомъ. Мѣсто нахожденія этого класса растеній соотвѣтствуетъ январской изотермѣ. Другія растенія, не столь чувствительныя къ зимнему холоду, но требующія высокой лѣтней температуры, совпадаютъ съ іюльскою изотермою. Между важными для человѣка растеніями, ограниченными лѣтними изотермами, приведемъ виноградъ. Онъ въ долинѣ Сены растетъ подъ 49° сѣв. шир., но дальше къ востоку встрѣчается гораздо-сѣвернѣе, именно около Берлина, подъ 52° сѣв. широты, соотвѣтствующей широтѣ Норича, Бирмингама и Лимерика, гдѣ его нѣтъ.

— Недавно Парижская Академія Наукъ была непріятно поражена новостью, что знаменитый Ботаническій-Садъ въ Тулонѣ имѣетъ быть уничтоженъ или, по-крайней-мѣрѣ, превращенъ въ публичное гульбище. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ уничтоженіе извѣстнаго всему свѣту *Тулонскаго морскаго ботаническаго сада* могло прійдти въ голову тому, кто видѣлъ его, кто знаетъ какія важныя услуги, въ-теченіе почти цѣлаго столѣтія онъ оказывалъ наукѣ и земледѣлію окклиматизированіемъ многочисленныхъ экзотическихъ породъ, кто видѣлъ прекрасныя растенія, открытыя въ-продолженіе пятидесяти лѣтъ для взоровъ всякаго, и возбуждавшія любопытство и удивленіе людей. Тѣмъ труднѣе представить себѣ рожденіе этой идеи, что она, вѣроятно, принадлежитъ человѣку, который, по самому положенію своему въ обществѣ, обязанъ заботиться о пользахъ Франціи.

На разведеніе этого сада, еще въ прошедшемъ столѣтіи, положенъ былъ большой капиталъ, который теперь сдѣлался тѣмъ болѣе невознаградимымъ, что чрезвычайно возросъ помощью силъ природы. Этотъ садъ принадлежалъ до-сихъ-поръ вѣдомству морскаго министерства, которое передало мѣсто, на которомъ онъ находится, тулонскому госпитальному вѣдомству. Объ этой сдѣлкѣ Академія ничего не знала, а когда случайно получила извѣстіе о намѣреніи уничтожить этотъ садъ, то уже всѣ формальности сдѣлки были совершены, утверждены кѣмъ слѣдуетъ и проч., такъ, что не оставалось никакого законнаго основанія для протеста.

Коммиссія, которой Академія поручила заняться этимъ дѣломъ, предложила Академіи протестовать отъ имени науки, снесясь съ министрами: Морскимъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія и прося ихъ остановить совершеніе приговора надъ Ботаническимъ-Садомъ, и сохранить для Франціи это важное учрежденіе, уничтоженіе котораго было бы истиннымъ бѣдствіемъ для науки и невознаградимой потерей для земледѣлія. Въ этомъ протестѣ изображено все огромное значеніе жертвы, готовой совершиться, изложены тѣ невознаградимыя матеріальныя потери, которыя необходимо сопряжены съ уничтоженіемъ сада. Вотъ въ чемъ состоятъ доводы коммиссіи:

1) Мѣстоположеніе тулонскаго Ботаническаго-Сада единственное въ своемъ родѣ: оно защищено отъ вѣтровъ сѣвернаго и сирокко, изобильно снабжено текучей водой, имѣетъ температуру тёплую и правильную, атмосферу достаточно-влажную, и, наконецъ, всѣ самыя благопріятныя обстоятельства для содержанія экзотическихъ растеній

южныхъ странъ. Кромѣ этого мѣста, на всемъ протяженіи французскаго берега Средиземнаго-Моря, нѣтъ ни одного подобнаго, въ которомъ были бы соединены столь благопріятныя обстоятельства для разведенія сада, назначеннаго для оклиматизированія растеній.

2) Экзотическія деревья въ этомъ привилегированномъ мѣстѣ достигли дивнаго развитія; по словамъ нѣкоторыхъ людей, заслуживающихъ довѣріе, эти деревья гораздо-лучше, сильнѣе ростомъ, чѣмъ въ своихъ отечественныхъ странахъ, благодаря постоянству и правильности атмосферическихъ явленій, которыми онѣ пользуются въ Тулонѣ. Тоже можно сказать и о другихъ иностранныхъ растеніяхъ, разведенныхъ тамъ: они растутъ роскошно и даютъ сѣмена лучше привозныхъ, потому-что, не подвергаясь разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, неизбѣжнымъ во время перевозки, иногда очень-продолжительной, они лучше проростаютъ и, слѣдовательно, болѣе способны къ разведенію породъ. Тулонскій садъ снабжаетъ своими сѣменами большую часть ботаническихъ садовъ Европы.

Невозможно опредѣлить цѣну деревъ, кустарниковъ, растеній всѣхъ родовъ, которыя находятся въ тулонскомъ саду въ полномъ развитіи растительности. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, хорошій судья въ этомъ отношеніи, говоритъ, что пятьсотъ тысячь франковъ далеко не составляютъ той суммы, которой стоитъ дѣйствительно это собраніе растеній, единственное въ Европѣ.

3) Госпитальная администрація отнимаетъ у морскаго вѣдомства мѣсто, которымъ оно пользовалось съ 1786 года, только для-того, чтобъ построить на этомъ мѣстѣ новый госпиталь въ-замѣнъ стараго, стоящаго по сосѣдству и который теперь приходитъ въ разрушеніе. Но развѣ госпитальная администрація, въ уваженіе столь важныхъ неудобствъ, происходящихъ отъ уничтоженія сада, не можетъ возобновить старое зданіе вмѣсто того, чтобъ строить новое, построеніе котораго сопряжено съ такимъ важнымъ ущербомъ для науки и земледѣлія всей Франціи? Сверхъ-того, мѣстность, занятая садомъ, превосходно приспособленная для школы акклиматаціи экзотическихъ растеній, будетъ, напротивъ того, весьма-неблагопріятна для жительства убогихъ и больныхъ. Даже, съ точки зрѣнія публичной гигіены, можно бы посовѣтывать госпитальной администраціи выбрать для своей постройки другое мѣсто.

4) Есть и другая побудительная причина, заставляющая домогаться сохраненія ботаническаго сада въ Тулонѣ. Морское вѣдомство должно имѣть въ этомъ портѣ ботаническое училище, въ которомъ ученики медицинскаго и морскаго училищъ знакомились бы съ растеніями всѣхъ возможныхъ родовъ, которыя имъ пріидется встрѣчать во время своихъ дальнихъ путешествій.

Скажутъ, что морское вѣдомство, въ-замѣнъ потеряннаго имъ сада, устроитъ новый; но, во-первыхъ, гдѣ найдетъ оно мѣстоположеніе, подобное тому, которое теряетъ, и, во-вторыхъ, подумало ли оно о томъ, сколько лѣтъ надо ждать и сколько суммъ истратить для того, чтобъ имѣть только то, чего требуетъ необходимость, не говоря уже, чтобъ вознаградить существующее теперь великолѣпіе сада.

Мы не беремся вычислять здѣсь всѣхъ услугъ, оказанныхъ этимъ садомъ земледѣлію, всѣхъ полезныхъ растеній, оклиматизированныхъ въ немъ, и которыя теперь мало-по-малу распространяются въ де-

ренію г. Буссенго, съ водой Пассіамбо протекаетъ, въ-продолженіе двадцати четырехъ часовъ, 38,610 килограммовъ сѣрной кислоты; но еще въ-трое большее количество ея, по изслѣдованію г. Рунца, заключается въ водахъ Парамо. Откуда берется такое огромное количество сѣрной кислоты? Какими способами оно образуется въ природѣ? Г. Бландо говоритъ, что это чрезвычайно-замѣчательное явленіе привлекло его вниманіе въ Авейронскомъ Департаментѣ и дало ему возможность изслѣдовать на мѣстѣ естественное образованіе кислоты, столь часто употребляемой въ промышлености. Находясь въ мѣстности, благопріятной для предмета его изученія, онъ нашелъ легкое средство приготовлять сѣрную кислоту, не прибѣгая къ сложнымъ способамъ, которые обыкновенно употребляются.

Въ большей части каменноугольныхъ мѣстностей Авейронскаго Департамента, и особенно въ окрестностяхъ Кранзака, существуетъ весьма интересное явленіе: произвольное горѣніе почвы, происходящее отъ освобождающихся изъ нея паровъ и гаса. Это явленіе издали имѣетъ видъ маленькаго волкана. Подходя къ нему, чувствуешь, что подъ землею въ этомъ мѣстѣ есть пустота и въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаешь широкія трещины, изъ которыхъ въ изобиліи подимаются пары воды и кислыя испаренія. Когда подходишь къ самому краю трещины, то чувствуешь нестерпимый жаръ. Послѣ этого нечего удивляться тому видоизмѣненію поверхности земли, которое замѣтно въ этомъ мѣстѣ, потому-что вполнѣ постигнешь, что можетъ сдѣлать такой жаръ въ соединеніи съ кислыми парами. Въ близкомъ разстояніи отъ этого горящаго возвышенія находятся огромныя скалы, состоящія изъ конгломератовъ, которыя, отъ дѣйствія огня, совершенно измѣнили свой наружный видъ и соединились вмѣстѣ посредствомъ цемента, который, отъ дѣйствія огня, принялъ красный кирпичный цвѣтъ. Эти скалы образовались изъ песчанниковъ, шиферовъ, глинистыхъ сланцовъ, составлявшихъ почву горящей горы. Отъ дѣйствія огня, эти породы приняли видъ халцедоновъ, яшмъ, стекла, кирпичей, и иногда даже видъ ноздреватыхъ волканическихъ камней. Агрегаты, которыхъ образуютъ эти вещества, въ соединеніи съ глиной, иногда бываютъ такъ плотны, какъ самые твердые камни. Полость въ землѣ, расширяясь все болѣе и болѣе отъ происходящаго въ ней химическаго процесса, наконецъ дойдетъ до того, что лежащій надъ ней слой земли осядетъ и образуетъ рытвины конической формы, очень-похожія на кратеры волкановъ. Изъ этихъ углубленій подпимаются колонны паровъ, которыя иногда возносятся въ атмосферѣ на огромную высоту, а иногда отгоняются вѣтромъ въ долины. Въ этихъ мѣстахъ встрѣчается множество скопленій минеральныхъ солей, налетовъ кристалловъ сѣры и нашатыря, изъ которыхъ индустрія старается извлечь пользу и которыя, растворяясь въ дождевой водѣ, образуютъ минеральные источники; ими изобилуетъ описываемая нами мѣстность. Причина образованія сѣрной кистлоты очевидна для того, кто убѣдился въ существованіи въ природѣ сѣрнистаго желѣза, которое въ изобиліи распространено въ различныхъ слояхъ каменнаго угля, залегающаго въ этой мѣстности. Сѣрнистое желѣзо, въ прикосновеніи съ водой и атмосфернымъ воздухомъ, подъ вліяніемъ высокой температуры, горитъ и образуетъ пары сѣрнистой кислоты, которая, въ свою очередь, измѣняется въ сѣрную кислоту, при помощи воздуха и основаній: глинозема и окиси желѣза. Образуются соли—квасцы и желѣз-

ный купоросъ, которыя, дѣйствіемъ возвышенной температуры, разлагаются и сѣрная кислота дѣлается свободною.

Температура отъ этихъ дѣйствій иногда такъ возвышается, что слои каменнаго угля, составляющіе тутъ почву, воспламеняются, и произведенія отъ сгоранія каменнаго угля, соединяясь съ парами воды и съ сѣрной кислотой, увеличиваютъ размѣръ явленія. Сѣрная кислота, образующаяся при обстоятельствахъ, о которыхъ мы говорили, оказываетъ весьма сильное дѣйствіе на вещества органическія и минеральныя, встрѣчающіяся ей на пути. Стволы деревьевъ, растущихъ въ окрестностяхъ горящей горы, покрыты чернымъ налетомъ органическихъ веществъ измѣненныхъ сѣрной кислотой. На минеральныя вещества сѣрная кислота дѣйствуетъ также весьма сильно; въ одно время она дѣйствуетъ на кремнеземъ, глинозёмъ, известь, окись желѣза, земли и щелочи, входящіе въ составъ горныхъ породъ и результатомъ этого дѣйствія есть образованіе сѣрнокислыхъ солей, между которыми встрѣчается въ значительномъ количествѣ двойная соль кали и глинозема (квасцы), которой можно пользоваться для промышленности. Сдѣланъ былъ анализъ налетовъ, собранныхъ на горящей горѣ Кранзака. Эти налёты были бѣлаго цвѣта, очень кислы, окрашивали лакмусовую бумажку краснымъ цвѣтомъ, притягивали влажность изъ воздуха. Собранный налетъ былъ предварительно высушенъ въ безвоздушномъ пространствѣ, потомъ взято отъ него 50 граммовъ и растворено въ одномъ литрѣ дистиллированной воды. Растворъ былъ изслѣдованъ какъ всякая минеральная вода; найдено, что въ немъ содержались квасцы, сѣрнокислыя соли глинозема, магнезіи, марганца, желѣза и свободная сѣрная кислота.

Изслѣдованіе естественнаго процесса, происходящаго при образованіи большаго количества сѣрной кислоты, подало мысль искусственно соединять подобныя обстоятельства и приготовлять сѣрную кислоту прямо изъ сѣрнистой кислоты.

Для этой цѣли былъ составленъ слѣдующій аппаратъ: фарфоровая трубка была наполнена глинистымъ пескомъ и соединена однимъ концомъ съ двумя колбами, изъ которыхъ въ одной отдѣлялись пары воды, а въ другой—сѣрнистая кислота, а другимъ концомъ была соединена съ изогнутой трубкой, погруженной свободнымъ концомъ чрезъ одно горлышко двугорлой стклянки въ воду; чрезъ другое горло той же стклянки проходила трубка, ведущая прямо въ пріемникъ. Въ фарфоровую трубку, кромѣ-того, вдувался воздухъ посредствомъ газометра. Эту трубку нагрѣвали посредствомъ углей до темнаго краснокаленія и, въ тоже время, впускали въ нее сѣрнистую кислоту, воду и воздухъ; тогда въ пріемникѣ получалась сѣрная кислота.

Для того, чтобы этотъ лабораторный опытъ измѣнить въ заводскую операцію, должно получать сѣрнистую кислоту посредствомъ сженія сѣры и, вмѣсто фарфоровой трубки, употреблять чугунные цилиндры. Безъ-сомнѣнія, этотъ способъ будетъ предпочтенъ тому, который употребляется теперь; при новомъ способѣ сѣрная кислота будетъ обходиться дешевле.

— Извѣстно, что зрѣніе у многихъ людей, близорукихъ и дальнозоркихъ, часто имѣетъ различные недостатки; но, кромѣ общеизвѣстныхъ, часто встрѣчающихся недостатковъ зрѣнія, существуетъ еще одинъ недостатокъ, который бываетъ рѣже другихъ и состоитъ въ томъ,

что лучи свѣта, падающаго на глазъ, проходящіе въ различныхъ плоскостяхъ, относительно оси зрѣнія, съ различной силой преломляются въ глазѣ, такъ-что глазъ съ такимъ недостаткомъ представляетъ оптическій инструментъ, несимметрическій относительно своихъ осей.

Этотъ недостатокъ зрѣнія въ первый разъ былъ описанъ г. Айри, около двадцати лѣтъ назадъ, въ Запискахъ Философическаго Общества, въ Кембриджѣ.

Для того, чтобы убѣдиться въ существованіи этого недостатка у себя, стоитъ взять, на-прим., игральную карту, проткнуть ее иглой, потомъ приставить ее сдѣланнымъ отверстіемъ къ самому глазу и отдалять отъ него по-немногу на такое разстояніе, на какое можно протянуть руку. При этомъ нужно, чтобъ глазъ смотрѣлъ чрезъ отверстіе на солнце или на какой-нибудь другой блестящій и довольно-большой предметъ. При обыкновенномъ, хорошемъ зрѣніи, дирочка въ картѣ, на всякомъ разстояніи, будетъ казаться круглою; но если зрѣніе имѣетъ недостатокъ, о которомъ мы говоримъ, то, при удаленіи карты отъ глаза, дирочка будетъ дѣлаться все болѣе-и-болѣе удлиненной и наконецъ, при извѣстномъ разстояніи, обратится въ прямую линію. Если станемъ еще болѣе удалять карту отъ глаза, то отверстіе начнетъ удлинняться въ другомъ направленіи, перпендикулярномъ къ прежнему, и, на извѣстномъ разстояніи, обратится въ прямую линію, которая будетъ перпендикулярна къ прежней прямой линіи. Г. Айри вознаградилъ этотъ недостатокъ своего собственнаго зрѣнія посредствомъ сферическо-цилиндрическаго стекла, кривизна цилиндрической поверхности котораго вычислена по двумъ разстояніямъ отъ глаза карты, въ тѣхъ положеніяхъ ея, въ которыхъ отверстіе принимало видъ линіи.

— Пользованіе холодомъ, какъ средствомъ, въ леченіи болѣзней, безъ сомнѣнія, весьма-старо, но до-сихъ-поръ никогда не пробовали дѣйствовать имъ непрерывно для возстановленія нормальной температуры въ тѣлѣ больнаго. Такимъ-образомъ, лечили больныхъ или холодными ваннами, или вспрыскиваніями холодной водой, или прикладываніемъ льда къ опредѣленнымъ мѣстамъ тѣла. Давали также и внутрь ледъ, но чрезъ большіе промежутки времени, такъ-что возбуждали этимъ только пріятное ощущеніе въ больномъ, но нисколько не измѣняли хода его болѣзни, которая, несмотря на это средство, достигала обыкновенныхъ періодовъ своего развитія. Уже давно извѣстно изъ опыта, что для излеченія, безъ послѣдствій, человѣка, у котораго отмерзли, на-прим., руки или ноги, должно сначала тереть замерзшіе члены снѣгомъ и потомъ дѣйствовать на нихъ такъ, чтобы они согрѣвались мало-по-малу, до-тѣхъ-поръ, пока придутъ въ нормальное состояніе. Точно такъ же поступаютъ и съ замерзшими плодами: ихъ сначала погружаютъ въ воду со льдомъ, потомъ просто въ холодную воду, которую постепенно нагрѣваютъ, такъ-что плоды оттаеваютъ и тогда ихъ можно ѣсть съ удовольствіемъ.

Такой способъ постепеннаго возстановленія нормальной температуры въ тѣлѣ, докторъ Ваннеръ съ большимъ успѣхомъ употреблялъ для излеченія отъ тифозной лихорадки.

«Въ-продолженіе трехъ лѣтъ, говоритъ г. Ваннеръ, всѣ больные, которыхъ я пользовалъ (а число ихъ было очень-значительно) чувствовали ломъ въ членахъ и сильную головную боль; они медленно

отвѣчали на мои вопросы; чувствовали бурчаніе въ подвздошной части; голова была въ сильномъ жару; выраженіе лица ихъ было унылое, взоръ неопредѣленный; кожа, то сухая, то влажная; одни изъ больныхъ проводили ночь въ безпокойствѣ и томленіи, другіе въ бреду; ихъ рѣчь была отрывиста, пульсъ сильный и очень-частый (отъ ста-двадцати до ста-двадцати-пяти біеній); глаза ихъ были блестящи, языкъ, у нѣкоторыхъ, сухой, чорный, какъ-будто покрытый сажею, а у другихъ влажный, покрытый бѣловатой слизью; они чувствовали сильную жажду. Я предписывалъ больному глотать лёдъ чрезъ каждую минуту, или чрезъ двѣ минуты, по маленькому кусочку, величиной съ большую дробину. Такой пріемъ въ-теченіе часа составитъ не болѣе одного или полутора стакана воды. Когда я достигалъ этимъ средствомъ того, что теплота тѣла больнаго дѣлалась нормальною и когда больной, принимая лёдъ, чувствовалъ опредѣленный вкусъ (что служитъ доказательствомъ облегченія), то продолжалъ еще давать ему лёдъ въ-теченіе двѣнадцати или двадцати-четырехъ часовъ, смотря по силѣ болѣзни. Въ-продолженіе всего леченія больной не долженъ ничего пить и единственнымъ лекарствомъ его долженъ быть только лёдъ. Чтобъ облегчить головную боль и предупредить пораженіе мозга, я предписывалъ употребленіе подушки изъ волоса или изъ овсяной соломы, а ко лбу больнаго часто прикладывалъ губку, намоченную въ водѣ со льдомъ. Кромѣ-того, чрезъ каждые шесть часовъ, больной бралъ полуванну изъ холодной воды, а чрезъ каждые два дня онъ бралъ теплую ванну въ 27 градусовъ по Реомюру, и сидѣлъ въ этой ваннѣ около часа.»

«Въ-продолженіе трех-лѣтняго употребленія этого способа леченія, всѣ мои паціенты, безъ исключенія, были вылечены: одни въ двадцать-четыре часа, другіе въ сорокъ-восемь часовъ, и нѣкоторые въ пять или шесть дней — потому, что эти послѣдніе нѣсколько отступали отъ моихъ предписаній.»

— Г. Барраль сдѣлалъ изслѣдованіе химической статики организма овцы. Въ прошедшемъ году онъ представилъ подобный же трудъ—изслѣдованіе химической статики человѣческаго тѣла. Теперь снова принимается за тѣ же изслѣдованія, съ цѣлью — опредѣлить химическую статику органическихъ существъ вообще. Гг. Буссенго, Валентинъ и Бруннеръ, своими опытами, опредѣлили уже, по-крайней-мѣрѣ приблизительно, отношенія, существующія между питаніемъ, дыханіемъ и изверженіями у быковъ и лошадей. Теперь г. Барраль опредѣлилъ эти отношенія у овецъ, которыя до-сихъ-поръ не были изслѣдованы въ этомъ отношеніи. Общіе результаты, полученные имъ, согласны съ тѣми, которые были получены для человѣка и для различныхъ животныхъ, и особенно согласны относительно дыханія, съ результатами весьма-доказательныхъ опытовъ гг. Реньо и Рейце. «Есть, однакоже, различія, говоритъ г. Барраль, которыя заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, особенно со стороны земледѣльцевъ, потому-что овца есть такое домашнее животное, которое пользуется для своего питанія худшей частью корма, назначеннаго для скота, и, слѣдовательно, которое даетъ сравнительно большее количество экскрементовъ.

Опыты надъ животными овечьей породы сдѣланы были въ видахъ изученія явленій, производимыхъ питаніемъ посредствомъ соленаго корма. Для этой цѣли овца, привыкшая къ соли, была подвергнута пер-

вому опыту, который продолжался пять сутокъ, и въ это время вся принятая пища и всѣ изверженія были опредѣлены съ точностію. Въ теченіе опыта животному давали ежедневно по 12 граммовъ соли, послѣ чего оно не принимало соли въ продолженіе десяти дней. По истеченіи этого времени, снова опредѣлили количество пищи и изверженій, въ продолженіе пяти сутокъ. Этотъ опытъ повторяли еще два раза, одинъ разъ въ продолженіе 7 дней, а другой 4 дня, и въ этотъ послѣдній опытъ животному давали въ день только по восьми граммовъ соли. Посредствомъ анализа мочи, полученной во время этихъ трехъ опытовъ, доказано, что хлористый натрій увеличиваетъ пропорцію азота, извергаемаго съ мочею. Равнымъ образомъ, въ мочѣ увеличилась пропорція и уриновой кислоты, и вообще ежедневное количество мочи увеличилось, что зависѣло или отъ воды, въ которой была растворена почти вся соль, которую давали животному, или отъ органическихъ веществъ, которыя были приняты животнымъ въ то же время.

— Для истребленія носатиковъ (charançon) предлагали употреблять окись углерода и углекислоту, а въ послѣднее время одинъ англійскій химикъ увѣрялъ, что амміачный гасъ поражаетъ этихъ насѣкомыхъ, какъ громомъ.

Но г. Келья (Caillat) доказалъ опытомъ, что амміакъ не убиваетъ носатиковъ: послѣ погруженія въ гасообразный или жидкій амміакъ они бѣгали какъ ни-въ-чемъ небывало. Конечно, долгое пребываніе въ этомъ или другомъ гасѣ, неспособнымъ поддерживать дыханіе большихъ животныхъ, убиваетъ носатиковъ. Но неизвѣстно, какой приборъ, простой, дешевый и сподручный всякому земледѣльцу, придумали гг. Барруаль и Литтль, для употребленія предложенныхъ ими окиси углерода и аммоніака противъ носатиковъ. Г. Келья предлагаетъ для этой цѣли другое средство, гораздо-болѣе практическое и менѣе расходное, именно—смолу. Дѣйствіе этого вещества извѣсто многимъ земледѣльцамъ и продавцамъ зерноваго хлѣба.

Когда г. Келья посадилъ въ банку нѣсколько бойкихъ носатиковъ и туда же положилъ открытую стклянку, въ которой было немножко смолы, то насѣкомыя очень-скоро сдѣлались безпокойны, а потомъ упали къ-верху лапками и употребляли напрасныя усилія стать на ноги; чрезъ 15 или 18 часовъ они погибли. И такъ, только запахъ смолы смертоносенъ для носатиковъ.

Дѣйствительность смолы въ этомъ отношеніи неоспоримо доказана въ домѣ отца г. Кальѝ. Носатики въ безчисленномъ множествѣ напали на всѣ хозяйственныя учрежденія его дома—на житницу, овинъ, клѣти и пр., забрались вездѣ. Отецъ г. Кальѝ взялъ бочку изъ-подъ дегтя и поставилъ ее въ житницѣ; чрезъ нѣсколько времени видно было, какъ эти насѣкомыя во множествѣ торопливо убѣгали во всѣ стороны отъ бочки. Когда бочку нѣсколько разъ передвинули съ мѣста на мѣсто, то ужь послѣ того не оставалось въ житницѣ ни одного носатаго хищника. Ту же продѣлку повторили и въ овинѣ, и въ амбарѣ и пр., и наконецъ совсѣмъ изгнали это животное изъ предѣловъ помѣщичьихъ владѣній.

— Мѣсяца три назадъ, въ «От. Зап.» была помѣщена статья г. Бутиньѝ о минутной несгараемости человѣческаго тѣла. Теперь авторъ

этой статьи сдѣлалъ нѣсколько изслѣдованій этого замѣчательнаго явленія, зависящаго отъ свойства жидкихъ тѣлъ при возвышенной температурѣ приходить въ сфероидальное состояніе. Вотъ въ чемъ состояли опыты г. Бутиньи. Онъ опустилъ свой указательный палецъ, смоченный сначала водой, въ растопленный свинецъ и тогда почувствовалъ жаръ, зависящій отъ сфероидальнаго состоянія воды. Потомъ онъ повторилъ тотъ же опытъ, омочивъ палецъ въ спиртѣ, и въ этомъ случаѣ чувствовалъ жаръ меньше прежняго и очень-легко переносимый. Когда онъ сдѣлалъ то же съ эѳиромъ, то не чувствовалъ болѣе ни малѣйшаго жара, а напротивъ того имѣлъ пріятное ощущеніе свѣжести и мягкости въ родѣ бархата на осязаніе.

Г. Бутиньи говоритъ, что онъ много разъ повторялъ эти опыты совершенно безъ вреда для себя, и что болѣе-нѣжная и бѣлая рука женщины могла бы повторить эти опыты безъ малѣйшей опасности обжечься и даже безъ всякаго неудобства. Впрочемъ, одна дама, при подобномъ опытѣ, почувствовала значительный жаръ, но это произошло отъ того, что, помочивъ свой палецъ въ эѳирѣ, она не тотчасъ опустила его въ расплавленный металлъ, а чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, въ который такая летучая жидкость, какъ эѳиръ, легко могла испариться; поэтому результатъ опыта былъ такой, какъ безъ помощи эѳира.

Но есть опасность жестоко обжечься, именно — можетъ случиться, что опустишь свой палецъ въ расплавленный металлъ въ такую минуту, когда онъ отвердѣваетъ. Въ такомъ случаѣ палецъ можетъ быть задержанъ въ массѣ отвердѣвшаго металла (и ужь тогда ему нѣтъ спасенья), или, если и удастся выдернуть его во-время, то къ нему могутъ пристать частицы металла. Г. Бутиньи испыталъ эту непріятность нѣсколько разъ. Алкоголь и эѳиръ, очень-удобные для опытовъ надъ расплавленнымъ свинцомъ, нисколько не дѣйствительны при опытахъ надъ расплавленнымъ чугуномъ, потому-что въ этомъ случаѣ температура довольно-высока, чтобъ воспламенить эти горючія вещества. Г. Бутиньи замѣчаетъ, въ подтвержденіе теоріи, изложенной имъ въ первомъ мемуарѣ, что при погруженіи пальца въ расплавленный металлъ, остальная часть руки, отъ дѣйствія лучистаго теплорода, исходящаго отъ поверхности металла, подвергается сильному, почти нестерпимому жару, отъ котораго кожа дѣлается красною; а часть, погруженная въ металлъ, напротивъ того, нисколько не терпитъ и остается совершенно-неповрежденною.

Г. Бутиньи пробовалъ приводить амміакъ въ сфероидальное состояніе, выливая небольшое количество его на поверхность расплавленнаго металла. Потомъ къ амміаку было прибавлено нѣсколько миллиграммовъ іода, который и растворился въ немъ. Внимательно разсматривая эту смѣсь, г. Бутиньи замѣтилъ въ сфероидѣ смѣси чрезвычайно-быстрое движеніе по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, въ которомъ не участвовалъ внѣшній слой сфероида, но только всѣ частицы, находящіяся внутри этого слоя. Другіе, подобные этому, опыты подтвердили его наблюденіе. Г. Бутиньи сдѣлалъ еще слѣдующій опытъ: онъ взялъ 5 сантиграммовъ рыжаго угля, превращеннаго въ порошокъ, такъ-что каждая порошинка была не болѣе четверти миллиметра въ самомъ большомъ измѣреніи. Порошокъ былъ разведенъ десятью граммами дистиллированной воды и потомъ нѣсколько капель этой смѣси было брошено, посредствомъ пипетра, въ платиновую коробочку, очень-

хорошо выполированную и раскаленную до-красна. Тогда всѣ частицы образовавшагося сфероида, кромѣ внѣшняго слоя, пришли въ безпрерывное движеніе по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Нѣкоторыя частицы угля приставали къ внѣшнему слою и оставались неподвижными, между-тѣмъ какъ другія шныряли мимо ихъ съ чрезвычайной быстротой. Когда брали смѣсь угольнаго порошка съ известковой водой, то явленіе это повторялось еще съ бо́льшею ясностью; въ этомъ случаѣ внѣшній слой состоялъ изъ углекислой извести.

На основаніи этого опыта г. Бутиньи́ дѣлаетъ заключеніе, что *тѣла въ сфероидальномъ состояніи облекаются слоемъ изъ частицъ, соединенныхъ между собою такимъ образомъ, что ихъ можно разсматривать какъ твердую и прозрачную оболочку, чрезвычайно-тонкую и очень-пластическую.*

Не будетъ ли это обстоятельство въ-послѣдствіи служить для объясненія нѣкоторыхъ непостижимыхъ теперь свойствъ веществъ, находящихся въ сфероидальномъ состояніи? Напр. того явленія, что вода, налитая въ капсульку, нагрѣтую до 200 градусъ, въ пятьдесятъ разъ медленнѣе испаряется чѣмъ при кипяченіи; или, напр., того обстоятельства, что сѣрнистая кислота и азотная окись остаются въ сфероидальномъ состояніи въ капсулькѣ, накаленной до-красна и притомъ въ безвоздушномъ пространствѣ, тогда-какъ при такихъ условіяхъ эти вещества должны бы немедленно вскипѣть или произвести вспышку.

Хотя заключеніе г. Бутиньи́ и основывается непосредственно на наблюденіи, однако утвержденіе его въ наукѣ, какъ положенія все-таки парадоксальнаго, не можетъ обойдтись безъ спора. Такимъ-образомъ дѣлаютъ возраженіе, что твердый слой, облекающій тѣло въ сфероидальномъ состояніи, долженъ быть менѣе-плотенъ, чѣмъ жидкая часть того же тѣла, потому-что, въ противномъ случаѣ, онъ бы долженъ былъ сосредоточиться въ центрѣ сфероида вслѣдствіе частичнаго притяженія. А это противно общему физическому закону, состоящему въ томъ, что твердое тѣло всегда плотнѣе жидкости, его производящей. Но мы можемъ отвѣтить на это, что законъ этотъ не такъ общій, какъ думаютъ. Есть много исключеній изъ него, наприм.: 1) вода въ твердомъ видѣ менѣе-плотна чѣмъ въ жидкомъ; 2) многіе металлы менѣе-плотны чѣмъ ртуть; 3) серебро, въ твердомъ видѣ, плаваетъ на расплавленномъ; 4) специфическій вѣсъ расплавленнаго свинца больше вѣса твердаго свинца.

Итакъ это возраженіе не дѣйствительно; если же будутъ другія, болѣе-основательныя, то г. Бутиньи́ объявляетъ готовность, смотря по ихъ справедливости, или принять ихъ, или опровергнуть.

— Г. Винцентъ предложилъ Французской Академіи изобрѣтенный имъ способъ узнавать въ пряжѣ фибры различныхъ растеній. Главное назначеніе этого способа—открывать въ холстѣ, употребляемомъ во флотѣ, подложную примѣсь нитей растенія *phormium tenax*.

Берутъ нѣсколько пробъ пряди, нитей или холста, кладутъ ихъ въ насыщенный растворъ хлора въ водѣ; чрезъ минуту ихъ вынимаютъ оттуда и кладутъ на фарфоровую пластинку. Потомъ, на каждую пробу наливаютъ амміаку; тогда нити каждаго рода окрасятся особеннымъ цвѣтамъ. Нити *phormium tenax* принимаютъ ярко-красный цвѣтъ, но чрезъ минуту темнѣютъ и бурѣютъ. Французская конопля,

обработанная отмочкой въ проточной водѣ, и итальянская конопля принимаютъ оранжевый цвѣтъ, который чрезъ минуту темнѣетъ, но не получаетъ ни оттѣнка ни густоты того цвѣта, который принимаетъ phormium. Французская конопля, моченая въ стоячей водѣ, принимаетъ болѣе тёмный цвѣтъ, чѣмъ предъидущія. Французскій ленъ, моченый въ проточной или стоячей водѣ, окрашивается гораздо слабѣе, чѣмъ конопля.

Очень было бы полезно примѣнить этотъ способъ къ распознаванію въ пряжѣ, нашихъ русскихъ сортовъ льна и конопли.

— Приготовленіе сыра Рокфоръ (Roquefort) составляетъ предметъ выгодной торговли во многихъ горныхъ мѣстностяхъ Кастрскаго (Castres) Округа; между прочимъ, Лаконскій-Кантонъ (Lacoune) (*) съ успѣхомъ занимается этой отраслью промышлености.

Этотъ родъ сыра дѣлается исключительно изъ овечьяго молока. Овецъ доятъ одинъ разъ въ сутки, въ 7 — 8 часовъ утра; вечеромъ, по возвращеніи съ паствы, овецъ оставляютъ съ ягнятами, а на ночь ихъ разлучаютъ. Молоко, надоиваемое въ деревянные сосуды, процѣживаютъ потомъ чрезъ холстъ въ глиняные муравленые горшки, за тѣмъ сливаютъ черезъ сито въ мѣдныя камелоти, и въ этомъ видѣ молоко съ овчарни относится въ сырню; тутъ въ молоко кладутъ козлиный сычужокъ (présure) въ количествѣ двухъ большихъ ложекъ на 25 метровъ молока. Въ-теченіе 2-хъ часовъ молоко должно достаточно скиснуть. Тогда, начинаютъ снимать сырную массу особаго рода чумичкой (casse), въ родѣ ложки (съ отверстіями, употребляемой для снятія пѣны) и такимъ образомъ отдѣляютъ содержавшуюся въ ней сыворотку. Потомъ сырную массу подвергаютъ сжиманію, кладутъ въ форму и тщательно мѣсятъ, за тѣмъ перекладываютъ, полученное такимъ образомъ тѣсто, на холстъ, и опускаютъ въ другую форму, а сверху нажимаютъ деревянной втулкой. По прошествіи двухъ дней сыръ вынимаютъ изъ формы, снимаютъ холстъ, въ которомъ онъ былъ завернутъ, солятъ по краямъ мелкой солью, снова кладутъ въ форму и оставляютъ въ ней на нѣсколько дней, для того, чтобы оно получило достаточную твердость. Тогда его ставятъ на столъ, накрытый холстомъ, для того, чтобъ окончательно извлечь имѣющійся въ немъ излишекъ влажныхъ частей. Столъ этотъ долженъ находиться въ сухомъ мѣстѣ. Нѣсколько дней спустя, сыръ переносятъ въ другое помѣщеніе, тоже сухое, но посвѣжѣе перваго и гдѣ воздухъ болѣе спертъ. Отсюда перемѣщаютъ его въ третью комнату еще низшей температуры: послѣ заката солнца окна отпираются и остаются отворенными до утра, а на день непремѣнно запираются, для предохраненія сыра отъ солнечныхъ лучей и отъ мухъ. Здѣсь сыръ получаетъ зеленоватый цвѣтъ и отличительныя качества его начинаютъ развиваться. Послѣ всѣхъ этихъ операцій сыръ относятъ на погреба. Температура этихъ погребовъ въ Лаконѣ бываетъ отъ 6 до 8° + Р. Чтобъ сыръ достаточно былъ готовъ, то-есть годенъ для продажи, онъ долженъ пролежать въ погребѣ не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Каждая штука сыру соотвѣтствуетъ 18 литр. молока и вѣситъ 2 килогр. Главная

(*) Въ Тарнскомъ--Департаментѣ.

продажа сыра Рокфоръ бываетъ на ярмаркѣ 15 августа. За килограммъ платится не менѣе 2 франковъ (*).

Сыръ, приготовляемый въ Лаконѣ, замѣчателенъ особеннымъ вкусомъ и свойствомъ сохраняться долгое время. Достоинства его много зависятъ отъ устройства тамошнихъ погребовъ, допускающаго провѣтриваніе свѣжимъ воздухомъ, что удивительно содѣйствуетъ зрѣлости сыра.

Другой сортъ сыра, менѣе цѣннаго, но уважаемаго гастрономами, а именно *Козій сыръ*, приготовляется въ Изерскомъ-Департаментѣ. Козъ доятъ три раза въ день: весь удой идетъ на фабрикацію. Въ молоко кладутъ сычужокъ (la présure); когда оно скиснетъ, его сливаютъ въ глиняную форму съ дырочками, въ которыя бы могла стекать сыворотка; потомъ выставляютъ на воздухъ, въ плетёныхъ корзинахъ. Когда масса достаточно сгустится, ее солятъ съ двухъ сторонъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ приготовленія, сыръ этотъ можетъ быть употребляемъ. На каждую штуку сыра идетъ $1/4$ метра молока. Пол-килограмма продается по 75 сантимовъ.

Наконецъ третій, знаменитый сортъ, извѣстный подъ названіемъ сыра *Сассенажъ* (Sassenage) приготовляется, въ томъ же департаментѣ, слѣдующимъ образомъ:

Положимъ, что сыръ приготовляется въ пропорцію 100 метровъ молока.

Непосредственно послѣ доенія, молоко нагрѣваютъ до кипѣнія въ мѣдномъ, спеціально къ тому предназначенномъ котлѣ. Когда молоко готово уйти изъ котла, его снимаютъ съ огня и относятъ на холодный погребъ. Этимъ процессомъ достигается отдѣленіе сливокъ, изъ которыхъ получается масло: и потому надобно дать устояться вскипяченному молоку въ-продолженіе, по-крайней-мѣрѣ, двадцати-четырехъ часовъ и потомъ уже снимать сливки. Изъ слѣдующаго удоя, равнымъ образомъ въ 50 литр., половину кипятятъ тѣмъ же порядкомъ, а другую половину оставляютъ свѣжею. Надобно обращать вниманіе на то, чтобы сосуды съ вареным молокомъ стояли подальше отъ сосудовъ со свѣжимъ молокомъ, потому-что послѣднее можетъ скиснуться отъ жара, исходящаго отъ вскипяченной жидкости, что можетъ повредить достоинству сыра.

Вслѣдствіе кипяченія, молоко отдѣляетъ масляныя части, которыя, свернувшись, выступаютъ на поверхности. Для этого достаточно 24 часовъ; но въ-случаѣ надобности молоко можетъ оставаться въ этомъ состояніи и долѣе, безъ всякой порчи; только тогда важно не снимать съ него сливокъ, прежде нежели полагаютъ приступить къ дѣланію сыра.

По снятіи сливокъ, наливаютъ 75 литр. молока (допуская предположенную пропорцію) въ большую еловую кадку, а не въ котелъ, по той причинѣ, что дерево, по-видимому, болѣе благопріятно для этого производства, нежели металлъ, присоединяютъ къ этому остальные 25 литр. сыраго цѣльнаго молока втораго удоя, предварительно вскипятивъ ихъ.

Все это мѣшаютъ, для уравненія температуры, послѣ чего въ молокѣ бываетъ обыкновенно отъ 32 до 35^0 стоградуснаго термометра.

(*) Въ Петербургѣ килограммъ (2 ф. 43 зол.) этого сыра въ розничной продажѣ стоитъ 1 р. $83^1/_4$ коп. сер.

Приливаютъ $1/4$ литра заранѣе приготовленнаго сычужка, и мѣшаютъ.

Кадка должна плотно закрываться, для поддержанія въ молокѣ той же температуры.

Черезъ полчаса молоко скисаетъ. Тогда надобно его помѣшать, чтобы ускорить разложеніе.

Сыръ осаждается на дно, а сыворотка выступаетъ на верхъ и, по мѣрѣ образованія ея, снимается ложкою. Работа эта производится довольно-медленно, и оканчивается не ранѣе, какъ въ годъ.

Чтобы сыворотка лучше отдѣлялась, кадку наклоняютъ такимъ образомъ, чтобы дно приходилось нѣсколько выше отверстія и оставляютъ ее нѣкоторое время въ этомъ положеніи.

Масса сыра, будучи по-возможности отдѣлена отъ сыворотки, мѣсится руками, для сообщенія ей равномѣрной густоты, потомъ ее наминаютъ въ деревянную форму (moule), выложенную холстомъ, и съ просверленными отверстіями, для стока остатковъ сыворотки. На это требуется не болѣе получаса.

Уложенный такимъ-образомъ въ формѣ сыръ, для просушки, помѣщается у огня на поставкѣ, на которую бы, чрезъ отверстіе формы, сочилась сыворотка. Въ этомъ положеніи онъ долженъ простоять 1 сутки.

На другой день снимаютъ холстъ, въ которой обернутъ сыръ: для этого его встряхиваютъ и опрокидываютъ въ другую форму, подобную первой. Послѣ этого приступаютъ къ соленію; верхнюю часть покрываютъ слоемъ толченой соли въ толщину 1 сантиметра. Еще на день оставляютъ сыръ постоять, послѣ чего онъ твердѣетъ и можетъ держаться на рукѣ.

На слѣдующій день его оборачиваютъ и солятъ тѣмъ-же порядкомъ другую сторону, слегка нажимая соль, для того, чтобъ стѣнки сыра были крѣпче и для предохраненія его отъ насѣкомыхъ. Потомъ кладутъ для просушки въ сухое теплое мѣсто на твердой соломѣ дни на 4 или на 5 и часто поворачиваютъ.

Когда сыръ пріобрѣтетъ достаточную плотность, его относятъ на погребъ, гдѣ и слѣдуетъ оставить его не менѣе, какъ на два или на три мѣсяца, послѣ чего онъ получаетъ свойственный ему синеватый цвѣтъ и можетъ быть употребляемъ въ пищу.

— Теперь, когда многіе ученые оспариваютъ честь изобрѣтенія электрическихъ телеграфовъ, — г. Вейсъ, секретарь Королевскаго Общества въ Лондонѣ, доказываетъ, что первенство этого удивительнаго изобрѣтенія принадлежитъ французскому механику Ломонду, и въ подтвержденіе приводитъ слова Юнга, изъ путешествія его по Франціи, изданнаго въ 1792-мъ году въ Лондонѣ. Юнгъ говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ:

«Г. Ломондъ, у котораго я провелъ вечеръ 16-го сентября 1787-го года, сдѣлалъ замѣчательное открытіе по части электричества. Вы напишете два или три слова на клочкѣ бумаги, Ломондъ уноситъ эту бумажку въ сосѣднюю комнату и начинаетъ вертѣть машину, заключенную въ цилиндрическомъ ящикѣ, наверху котораго находится электрометръ, т.-е. маленькій бузинный шарикъ. Этотъ ящикъ соединенъ проволокою съ подобнымъ же ящикомъ, имѣющимъ такой же электрометръ, и поставленнымъ въ очень-отдаленной комнатѣ. Г-жа

Ломондъ наблюдаетъ за движеніями этого послѣдняго электрометра и тотчасъ произноситъ, или пишетъ тѣ же слова, которыя написаны на клочкѣ бумаги, врученной ея мужу. — Длина проволоки не имѣетъ на дѣйствіе прибора никакого вліянія; можно сообщаться этимъ средствомъ на всякомъ разстояніи. — Къ чему бы ни было приложено это изобрѣтеніе, но, во всякомъ случаѣ, надо признаться, что оно—прекрасное изобрѣтеніе.»

Артуръ Юнгъ прибавляетъ потомъ, что г. Ломондъ сдѣлалъ еще и другія замысловатыя изобрѣтенія, и что особенно произвелъ онъ важныя усовершенствованія въ машинахъ для праденія бумаги.

— Въ скоромъ времени будетъ произведенъ опытъ надъ подводнымъ электрическимъ телеграфомъ между Нью-Іоркомъ и Вашингтономъ. Линія эта пересѣкаетъ р. Гудсонъ около крѣпости Lee; проволока обернута гутта-перчей и погружена на дно рѣки, посредствомъ 8 фунтовыхъ гирь, привязанныхъ въ разстояніи 30 футовъ одна отъ другой. Если этотъ опытъ удастся, тогда не останется никакого сомнѣнія въ возможности устроить подобный телеграфъ между Дувромъ и Кале.

— Съ 1 января 1849 года въ разныхъ Нью-Іоркскихъ верфяхъ спущено на воду: 2 большихъ и 6 малыхъ пароходовъ, 9 трех-мачтовыхъ судовъ, 2 барки, 3 гоэлетты, 6 каботажныхъ судовъ, равняющихся 20.251 тоннамъ. Строятся: 3 большихъ и 9 малыхъ пароходовъ, 12 трех-мачтовыхъ кораблей и 1 барка: всего на 28.960 тоннъ. Цѣнность этихъ судовъ равняется 3.000,000 долларовъ.

— Предложеніе—соединить Атлантическій-Океанъ съ Тихимъ, установленіемъ путей сообщенія чрезъ Панамскій-Перешеекъ—въ высшей степени важное для всемірной торговли, приводится, наконецъ, въ исполненіе учрежденіемъ пароходства отъ города Панамы вверхъ по рѣкѣ Шагрѣ, и проложеніемъ желѣзной дороги отъ того пункта, гдѣ судоходство на этой рѣкѣ дѣлается неудобнымъ, до противоположнаго берега Перешейка.

Пароходы уже строятся, а кладка рельсовъ начнется съ 1-го декабря будущаго года. Производство работъ поручено двумъ инженерамъ изъ Соединенныхъ-Штатовъ, которые уже извѣстны сооруженіемъ канала, соединяющаго два рукава рѣки Магдалины, въ Новой-Гренадѣ, на протяженіи 38 французскихъ льё.

— Въ одномъ селеніи малозаселенной части Массачусетскаго-Штата, составилось два промышленыхъ общества, каждое съ капиталомъ въ 5,000,000 фр., одно для производства бумажныхъ, а другое шерстяныхъ издѣлій. Послѣднее общество уже имѣетъ фабрику, которая занимаетъ двѣнадцать акровъ и состоитъ изъ главнаго корпуса съ двумя флигелями въ 250 футовъ длиною и десяти другихъ зданій въ 200 фут. длиною, каждое въ 8 этажей. Приводя въ движеніе только третью часть своихъ машинъ, общество сработало въ нынѣшнемъ году 100,000 шалей, на сумму 2,500,000 фр. На фабрикѣ работаютъ 1,000 молодыхъ дѣвушекъ. Они платятъ по 6 фр. 25 сант. въ недѣлю за пищу и квартиру, и сверхъ-того выработываютъ еще по 6 франк.

— Санъ-Франциско — Нью-Іоркъ Тихаго-Океана — расширяется съ

удивительною быстротою. Газета *Alta California* съ любовью распространяется о возрастаніи города и его порта. Несмотря на затрудненія отъ неправильнаго положенія, дебаркадеры и магазины возводятся съ тою удивительною дѣятельностью, къ которой способенъ только умъ Американцевъ.

Сан-Франциско имѣетъ уже четыре молы для выгрузки, столь полезные въ морской торговлѣ, и опредѣляемыя словомъ *wharf;* еще нѣсколько недѣль и онъ будетъ обладать пятою центральною wharf, выдающеюся на триста футовъ въ губу и предназначенною для сосредоточенія торговой дѣятельности. Магазины уже возвышаются вокругъ этихъ импровизированныхъ береговъ.

Не менѣе замѣтны улучшенія и внутри города. Въ числѣ многихъ доказательствъ быстраго развитія этого будущаго складочнаго мѣста на Тихомъ-Океанѣ, приводятъ значительное число лавокъ, магазиновъ, домовъ и гостинницъ, построенныхъ въ-теченіе послѣднихъ шести недѣль, какъ-будто по мановенію могущественнаго волшебника. Ежедневно прибываютъ люди съ характеромъ, энергіею, предпріимчивостью и богатствомъ, которые возбуждаютъ дѣятельность. Торговля болѣе всего этимъ пользуется. Доказательствомъ той быстроты, съ которою развивается возникающій главный городъ, служитъ въ скоромъ времени готовящееся открытіе въ Сан-Франциско публичной биржи—капитолія всѣхъ большихъ торговыхъ городовъ.

Народонаселеніе умножается съ каждымъ днемъ. Въ августѣ мѣсяцѣ прибыло въ Сан-Франциско 93 корабля съ 3,806 эмигрантами, изъ которыхъ 3,342 Американца; къ этому числу надо еще прибавить внутреннюю эмиграцію.

Коснувшись этого предмета, кстати перейдти къ рудникамъ, о которыхъ извѣстія совершенно-благопріятны. Кромѣ изгнанія иностранцевъ (особенно Индійцевъ и Перуанцевъ), все, кажется, идетъ къ лучшему въ этой богатѣйшей странѣ.

Погода самая благопріятная для золотопромышленниковъ; вода въ рѣкахъ убыла до послѣдней возможности и добываніе сдѣлалось гораздо-легче и удобнѣе. Такъ-что чудесные разсказы прошедшаго года едва и нынѣ не повторились. Разсказываютъ объ одной компаніи, которая, работая по улучшенному способу на островѣ Мармонѣ, добываетъ по 200 долларовъ въ день. Во всякомъ случаѣ, Нордъ и Мидль-Форксъ (сѣверная и средняя вѣтви Американской-Рѣки)—мѣста самыя производительныя. На второмъ изъ этихъ потоковъ, товарищество изъ тридцати человѣкъ, при помощи высушиванія, въ три дня добыло бы на сумму въ 15,000 долларовъ и могла бы надѣяться получить до 10 унцій золота на человѣка ежедневно.

Еще разсказываютъ о двадцати лицахъ, соединившихся въ компанію и постоянно добывающихъ по три унціи на человѣка. На Мидль-Форксѣ еще лучше: одна компанія, снабженная подводнымъ аппаратомъ, надѣется пріобрѣтать по-крайней-мѣрѣ по 10,000 долларовъ въ день.

Замѣчательно, что уже болѣе не упоминается о Сакраменто. «Рѣка эта, говоритъ журналъ «Placer Times», образуетъ, вѣроятно, сѣверныя границы плацера; но ошибочно полагаютъ, что страна, орошаемая ею, золотоносна. Рудники простираются нынѣ на югъ до рѣки Марипозы, двадцатью милями юго-восточнѣе Мерседа.» Тотъ же журналъ разсказываетъ объ экспедиціи, совершенной въ-теченіе іюня и іюля и до-

стигшей до рѣки Троицы, гдѣ открыли еще богатыя золотоносныя жилы.

Прибытіе парохода «Empire City» можетъ послужить къ возбужденію калифорнской лихорадки, нѣсколько времени тому назадъ замѣтно ослабнувшей. Пароходъ этотъ привезъ, между прочимъ, 450,000 долларовъ золотой руды, не считая уже того, что могли имѣть съ собой 74 пассажира, на немъ пріѣхавшіе.

Калифорнскіе журналы распространяются всего болѣе, и съ особеннымъ удовольствіемъ, о возрастаніи Сан-Франциско, въ которомъ насчитываютъ уже до шести церквей и гдѣ готовятся къ открытію не только биржи, какъ мы это выше сказали, но еще и театра; съ того дня, какъ городъ будетъ обладать этимъ двойнымъ символомъ новѣйшей цивилизаціи, онъ смѣло можетъ стать на ряду большихъ городовъ. Но рядомъ съ этими специальными извѣстіями, «Pacific News», «Alta California» и «Places Times» излагаютъ весьма-занимательныя подробности о золотоносной странѣ. На первый разъ можно составить себѣ довольно-точную идею о новомъ Эльдорадо.

Страна, извѣстная подъименемъ рудниковъ, на востокѣ граничитъ Сіерра-Невадою или Снѣжными-Горами, идущими съ сѣвера на югъ. Два большіе потока ниспадаютъ съ Сіерры: одинъ съ сѣверной стороны подъ именемъ Сакраменто; другой съ южной, извѣстный подъ именемъ Сан-Жоакина. Обѣ эти рѣки направляются къ вершинѣ треугольника, которому они служатъ сторонами, и тамъ соединяясь, вливаются вмѣстѣ въ воды Губы-Сан-Франциско. Треугольникъ, образуемый ими вмѣстѣ съ Снѣжными-Горами, орошается кромѣ-того безчисленнымъ множествомъ притоковъ этихъ рѣкъ; болѣе-значительные находятся на сѣверѣ и впадаютъ въ Сакраменто. Смотря на западъ съ вершины Снѣжныхъ-Горъ, которая возвышается отъ пяти до шести футовъ надъ поверхностью моря, страна представляется усѣянною возвышенностями, раздѣляющими потоки и направляющими одни изъ нихъ къ сѣверо-западу, другіе къ юго-западу. Высоты эти постепенно уменьшаются, такъ-что превращаются просто въ холмы и, наконецъ, теряются въ долинѣ, заключенной между этими двумя рѣками.

Вообще равнины эти покрыты обильною травою и окаймлены по берегамъ рѣкъ большими дубами. По-мѣрѣ-того какъ почва возвышается, растительность становится гораздо-рѣже. Цѣпь горъ, гдѣ находятъ золото, отличается единообразіемъ растительности, которая ни слишкомъ-бѣдна, ни слишкомъ-богата; дубъ тамъ преизобилуетъ, перемѣшанный изрѣдка съ нѣкоторыми видами елей. Эти послѣдніе встрѣчаются все чаще-и-чаще, точно также какъ и гранитъ, по-мѣрѣ-того какъ золото исчезаетъ. Вообще золотоносные холмы представляютъ взору видъ болѣе пріятный, чѣмъ сосѣдніе; отличительный характеръ ихъ состоитъ въ томъ, что кругловатая линія ихъ склона сохраняется даже и при обрывистой покатости. Они простираются гораздо далѣе, нежели какъ полагаетъ общественное мнѣніе, но не въ томъ направленіи, какъ думаютъ; они переходятъ черезъ Сакраменто и Сан-Жоакинъ, въ сѣверной части первую и въ южной вторую, приближаясь постепенно къ берегу. Положеніе это повторяется, впрочемъ, на всемъ протяженіи берега Тихаго-Океана, и теряется, наконецъ, въ южной части Хилиской-Республики; но нигдѣ не находили золота и, вѣроятно, не найдутъ его въ такомъ изобиліи, какъ въ Калифорніи.

Богатство этого края, однакожь, сильно преувеличено разгорячен-

нымъ воображеніемъ толпы. Несвойственно *плацерамъ* быть долго производительными. Немного лѣтъ нужно, чтобъ истощить ихъ, съ той минуты, какъ множество рукъ пріймутся за дѣло: даже происхожденіе самаго металла служитъ подтвержденіемъ этого. Ширина золотоносной страны съ сѣвера на югъ простирается отъ пятидесяти до шестидесяти миль отъ Сіерры-Мадры; на западѣ она оканчивается тамъ, гдѣ холмы теряются въ долинѣ.

«Pacific News» дополняетъ эти важныя извѣстія статистическимъ описаніемъ работъ, производящихся на главныхъ рѣчныхъ потокахъ золотоносной страны.

Сакраменто, говоритъ онъ, даетъ еще хорошій дивидендъ, отъ десяти до пятнадцати долларовъ ежедневно всѣмъ трудолюбивымъ работникамъ; а участокъ, находящійся возлѣ того мѣста, гдѣ открыли золото въ первый разъ, но тогда оставленный безъ вниманія отъ алчности искателей, разработанный нынѣ съ большимъ успѣхомъ, принесъ въ-теченіе первыхъ пятнадцати дней среднимъ числомъ около 200 долларовъ каждому члену товарищества, изъ трехъ человѣкъ состоящаго. Новый способъ для добыванія золота, состоящій въ отводѣ рѣки и въ производствѣ работъ на ея осушенномъ днѣ, не всегда вознаграждалъ употребленныя усилія, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ столь удаченъ, что сдѣлался общенароднымъ. Необходимо отъ двадцати до шестидесяти человѣкъ, чтобъ вывести плотину. Та, которую дѣлаютъ на островѣ Мармонѣ, еще не удовлетворила ожиданіямъ ея созидателей, несмотря на то, что акціи въ 50 продавались въ Санъ-Франциско за 100 свыше пари.

Рѣка Фетеръ (Feather), гдѣ нашли золото самое чистое, до-сихъ-поръ еще въ большомъ уваженіи у золотопромышлениковъ. Она доставляетъ среднимъ числомъ по унціи каждому хорошо трудящемуся. Лѣнивые и недѣятельные и здѣсь также, какъ и вездѣ, не пользуются большимъ успѣхомъ, а расточительные суть вообще первые жертвы климата. Около трехъ тысячь человѣкъ постоянно работаютъ въ этомъ мѣстѣ.

Рѣка Аюба (Ayuba) есть, говорятъ, мѣсто, наивѣрнѣйшее для пріобрѣтенія денегъ людямъ постоянно трудящимся: торговля съ Индійцами тутъ чрезвычайно дѣятельна. Увѣряютъ, что за простое красное одѣяло получаютъ отъ нихъ четыре и даже до восьми унцій золота.

Изъ трехъ рукавовъ Американской-Рѣки (Rio de los Americanos), на сѣверномъ находится самое большое число золотопромышлениковъ. Золото, въ немъ находимое, имѣетъ цвѣтъ свѣтло-лимонный, и при очищеніи его открыли примѣсь большаго количества серебра, гораздо значительнѣе той, которая находится въ рудѣ сосѣднихъ потоковъ. Многія компаніи оставили средній рукавъ и обратились къ источнику драгоцѣннаго металла—въ горы; но тутъ они не были удовлетворены, какъ ожидали. Люди, работающіе на Орегонѣ, кажутся самыми счастливыми въ этой сторонѣ...

Утра и вечера прохладны и пріятны; въ полдень жарко и сухо; термометръ Фаренгейта поднимается до 90 и 115 градусовъ.

Число работающихъ на Сакраменто и его притокахъ, простирается почти до пятнадцати тысячь; къ первому января они добудутъ до 20 милліоновъ долларовъ, и это по разсчету очень-умѣренному.

Санъ-Жоакинъ, вмѣстѣ съ Сакраменто, раздѣляетъ народонаселеніе

золотопромышленниковъ, и несмотря на то, что уже разработанъ и переразработанъ, содержитъ еще достаточное количество металла.

На берегахъ Станисласа, нашли очень-большіе самородки, отъ полунціи до пятнадцати фунтовъ, и тысячи людей ждутъ пониженія воды, чтобъ приступить къ разработкѣ дна этой рѣки, почти еще нетронутаго.

Сухіе рудники въ Вудс-Крикѣ дали нѣсколько тысячь унцій, и Мехиканцы собрали тамъ богатую жатву. Рудники эти почти оставлены по недостатку воды для промыванія золота. На берегахъ Станисласа, напротивъ, всѣ углубленія наполнены водою и безпрестанно нужно насосомъ ее выкачивать. До рѣкъ Туолумнъ и Мерседесъ едва только коснулись, и попытка была удачная. Теперь многіе направляютъ шаги свои къ оврагамъ Калаверскимъ, гдѣ одинъ счастливый золотоискатель добылъ на 20,000 долларовъ въ-теченіе двухъ недѣль.

Можно полагать до двадцати тысячь работающихъ на Сан-Жоакинѣ и его притокахъ. Они добудутъ тоже около 20 мильйоновъ къ будущему январю. Итакъ, по этой смѣтѣ, страна эта приноситъ въ годъ не менѣе сорока мильйоновъ дохода, чему не бывало примѣра въ лѣтописяхъ міра. Процвѣтаніе городовъ, есть лучшее доказательство этого несмѣтнаго богатства, которое способствуетъ населенію страны, нуждающейся только въ рукахъ, чтобъ сдѣлаться одною изъ самыхъ богатыхъ земледѣльческихъ странъ въ свѣтѣ.

Говорятъ, что еще новые рудники открыты на рѣкѣ Тюркеѣ, по другую сторону Сіерра-Невады, и многія компаніи уже обратились туда. Разсказываютъ, что тамъ добывается отъ 500 до 1,000 долларовъ въ-теченіе дня.

— Одинъ англійскій журналъ сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія, объ экспедиціи, посланной подъ предводительствомъ сэръ Джемса Росса, для отъисканія сэръ Джона Франклина.

«Экипажи обоихъ кораблей «Entreprise» и «Investigator» находятся въ совершенномъ здоровьѣ. Съ самаго прибытія въ Леопольдскій-Портъ, оба корабля не переставали, ни утромъ ни вечеромъ, пускать ракеты и зажигать голубой огонь. Въ-продолженіе длинныхъ и скучныхъ зимнихъ дней, люди, находящіеся на кораблѣ, забавлялись ловлею утокъ; они поймали ихъ болѣе ста штукъ, и пустили опять на волю, привязавъ каждой ошейникъ изъ медвѣжьей кожи; на ошейникахъ этихъ они написали имена кораблей и капитановъ, также долготу и широту мѣста, гдѣ находятся «Entreprise» и «Investigator». Многія изъ этихъ утокъ съ ошейниками попадались имъ опять. Сэръ Джемсъ Россъ и люди, ходившіе съ нимъ по льдамъ, для отъисканія сэръ Джона Франклина и офицеровъ кораблей «Erebe» и «Terreur», претерпѣли очень-много; они ходили тридцать девять дней; въ-продолженіе двадцати девяти дней они не ѣли ничего теплаго. Остатки корабля «Fury» были найдены въ хорошемъ состояніи. Горохъ, мука и другая провизія не были испорчены. Одни сухари сдѣлались негодны для употребленія.

Въ этихъ путешествіяхъ матросы проваливались иногда въ снѣгъ до самаго пояса. Нѣкоторыхъ надобно было назадъ везти въ саняхъ, потому-что идти они уже были не въ-состояніи. Подлекарь, три матроса съ корабля «Entreprise» и три съ корабля «Investigator» умерли весною 1848 года, вскорѣ послѣ отхода кораблей изъ Улунча. Единственное растеніе, которое встрѣчается въ этихъ странахъ, есть вѣчно-зе-

ленѣющая ива, но и та едва поднимается отъ земли. Нѣсколько этихъ ивъ привезено вмѣстѣ съ землею, но, кажется, они не примутся. Тамъ есть и тысячи прудовъ, въ которыхъ находятся миріады маленькихъ рыбокъ. Рыбки эти въ мерзломъ состояніи хрупки, какъ хрусталь, но при первой оттепели онѣ оживаютъ. Подлекарь Матіасъ взялъ нѣсколько льдинъ, заключающихъ въ себѣ множество этихъ рыбокъ. Внесенныя въ комнату, онѣ выходили изъ своего оцѣпененія и рѣзвились въ растаявшей водѣ. Сердце этого маленькаго животнаго окружено масломъ, которое никогда не замерзаетъ. Вотъ секретъ удивительной живучести рыбы во льду. Въ странахъ этихъ очень-много медвѣдей. Они ужасно-смѣлы, но несмотря на то, ихъ убили очень-много. Одинъ медвѣдь противостоялъ 30 человѣкамъ, и удалился только тогда, когда его ранили.

Если корабли сэра Джона Франклина и капитана Крозьера находятся въ Prince-Regent's inlet, то они должны были зимовать въ гавани Байонъ, по направленію остатковъ корабля «Fury».

Кораблямъ «Entreprise» и «Investigator» заплатятъ въ Улунчѣ; отдано приказаніе, по которому они должны отправиться въ началѣ 1850 года въ арктическія страны. На кораблѣ «Entreprise» есть люди, которые надѣются, что сэръ Джонъ Франклинъ возвратится изъ своей экспедиціи.

— Крѣпость Заудзи, находящаяся возлѣ острова Майота, есть мѣсто, назначенное французскимъ правительствомъ для ссылки преступниковъ.

Вотъ выписка, взятая изъ отчетовъ моряковъ и путешественниковъ, которые недавно посѣщали островъ Майотъ:

«Островъ этотъ, находящійся подъ 12 град. и 50 минут. южной широты, составляетъ часть Коморскаго-Архипелага на Мозамбикскомъ-Каналѣ. До 1840 года онъ былъ мало извѣстенъ Европейцамъ. Мореплаватели избѣгали его, полагая, что къ нему нельзя подойдти по причинѣ подводныхъ коралловыхъ рифовъ, которые окружаютъ его, какъ поясъ. Наконецъ замѣтили, что поясъ этотъ былъ не непрерывный, что самые огромные линейные корабли могли пройдти во многихъ мѣстахъ, и что тамъ за этими порогами, какъ въ хорошемъ и огромномъ рейдѣ, мореходы могли найдти удобное мѣсто для бросанія якоря.

«Французское правительство надѣялось устроить на островѣ Майоттѣ огромное адмиралтейство. Мѣстность его представляла всѣ удобства. Лава, вытекая изъ нѣдръ земли на поверхность острова, составляетъ безчисленные контрофорсы, выдавшіеся въ море, между которыми находятся въ большомъ количествѣ очень хорошо защищенныя бухты и мѣста, удобныя для бросанія якоря. На сѣверо-востокъ есть земляной языкъ, который выходитъ изъ воды едва на шесть метровъ, и, отдѣляясь отъ острова къ юго-востоку, составляетъ маленькій полуостровъ, называемый Шоа. Какъ-разъ напротивъ островокъ Памандзи, отдѣляетъ отъ себя къ сѣверо-западу крошечный песочный полуостровокъ, выдающійся изъ коралловыхъ пороговъ. На немъ возвышается утесъ Заудзи.

«Каналъ, имѣя въ ширину около 1,200 метровъ, раздѣляетъ эти двѣ выдавшіяся точки. На каждой изъ нихъ находится село. Островъ Шоа населенъ Сокалавами, а Памандзи Арабами. Полуостровъ Заудзи соста-

вляютъ два рейда. Одинъ находится на сѣверѣ и называется бухтою Паманзи; ее можно было бы считать настоящею гаванью, еслибъ она была лучше защищена отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, которые постоянно дуютъ всю зиму. Другой находится на югѣ и совершенно открытъ пассатнымъ вѣтрамъ, дующимъ шесть мѣсяцевъ въ году. Еще французское правительство не рѣшилось—начинать ли здѣсь устроивать набережную, къ которой могла бы приставать лодка во всякое время года.

«Островъ Майотъ былъ уступленъ Франціи въ 1843 году 1-го іюня послѣднимъ его султаномъ. Островъ этотъ совершенно волканической; вся средина его какъ-бы взъерошена остроконечными горами, изъ которыхъ самыя высокія имѣютъ отъ шести сотъ до семи сотъ метровъ; на многихъ изъ нихъ можно узнать погасшіе кратеры. Зеленоватая раститсльность покрываетъ теперь лаву, но, однакожь, большія деревья очень-рѣдки. На югѣ роща, вполовину погибшая, въ бухтахъ нѣсколько большихъ недавно открытыхъ деревьевъ, вотъ все, что можно найдти на островѣ для постройки; бѣлая такамака, черное и цыновочное дерево встрѣчаются чаще другихъ. Мы не говоримъ о кокосахъ, которые растутъ букетами и осѣняютъ своими вершинами холмы, находящіеся подлѣ селеній. Земли, удобной для воздѣлыванія, находится на этомъ островѣ не болѣе какъ 8,000 метровъ, что составляетъ четверть всей поверхности острова; множество источниковъ, наполненныхъ бѣловатою водою, протекаютъ въ глубинѣ долинъ, перерѣзывающихъ островъ, и распространяютъ по берегамъ своимъ огромную растительность. Внутренность острова почти неизвѣстна: туда почти никто не проникаетъ. Причина этому—слухъ, распущенный Европейцами, о вредномъ его воздухѣ. Всѣ тѣ, которыхъ посылаютъ туда работать, напримѣръ: рубить дрова, косить сѣно, копать колодцы или воздѣлывать сады, приходятъ ночевать на свои лодки или корабли, или на утесъ Заудзи.

Въ Мадагаскарѣ также считаютъ ночь, проведенною въ срединѣ этого острова, очень вредною для здоровья. Но несмотря на то, онъ обитаемъ. Въ немъ считается около 5,000 жителей, состоящихъ изъ Сакалавовъ, Арабовъ и Анталоатовъ. Они всѣ почти мухаммедане и невольники. Лѣность есть врожденный порокъ этого населенія—ихъ почти нельзя заставить работать. Для воздѣлыванія земли, уступленной Европейцамъ, надобно будетъ прибѣгать въ Индійскую-Кулію. До-сихъпоръ только одно еще правительство занималось привозкою оттуда работниковъ; казенный бриггъ посланъ за ними въ Пондишери.

«Разумѣется, и здѣсь есть плодородная земля; сахарный тростникъ растетъ очень-хорошо; но еще ничего вѣрнаго нельзя сказать о результатахъ хлѣбопашества; это еще проблема, отъ которой надѣются имѣть успѣхъ, несмотря на препятствія, съ которыми надобно будетъ бороться.

«Островокъ Паманзи не такъ вреденъ, какъ Майотъ; но это утесъ, покрытый въ очень не многихъ мѣстахъ плодородною землею. На немъ нѣтъ воды; надобно выкапывать очень глубокіе колодцы, чтобъ достать ее. На немъ совсѣмъ нѣтъ деревьевъ, но за-то превосходная пастьба. Земля эта превышаетъ 1,500 гектаровъ, усѣяна холмами, горками, и даже горами, возвышающимися на 200 метровъ надъ поверхностью моря.

«На вершинѣ одной горы находится озеро сѣрнистой воды въ 45 футовъ глубиною. Оно не имѣетъ теченія и никакого сообщенія съ другими источниками. Это долженъ быть погасшій волканическій кратеръ. Утесъ Заудзи соединенъ съ островкомъ Паманзи маленькимъ песочнымъ перешейкомъ, который каждый день закрывается и открывается отъ прилива и отлива воды. На этомъ утесѣ находится крѣпость, арабское село, т.-е. куча хижинъ, обтянутыхъ кокосовыми листьями, окружаетъ стѣну изъ сухихъ камней. Воды изъ колодцевъ едва достаетъ жителямъ; пришедшіе корабли должны ходить за нею на островъ Майотъ.

«Если постройка адмиралтейства пойдетъ въ ходъ, то не худо выстроить здѣсь дома съ террасами и водоемами, которые наполнялись бы въ дождливое время. Этотъ утесъ есть ключъ острова; оттуда можно господствовать надъ двумя рейдами; и здѣсь-то французское правительство думаетъ устроить военную крѣпость. Вотъ мѣсто, гдѣ будутъ содержаться ссыльные. Ихъ можно будетъ заставлять работать. Матеріаловъ здѣсь довольно для построенія каменныхъ домовъ, въ которыхъ можно было бы укрыться отъ непогодъ. На это только надобно имѣть деньги и руки.

— Знаменитый буддійскій храмъ, называемый Ку-шенъ, находится въ Китаѣ, между горами, въ нѣсколькихъ миляхъ на востокъ отъ мѣстечка Фу-чау-фу. Всякій ревностный буддистъ, въ извѣстное время года, приходитъ въ этотъ храмъ на поклоненіе по обѣщанію. У самаго подножія горы находятся огромные ворота. Пройдя чрезъ нихъ, надобно взбираться на гору. Гора эта возвышается надъ рѣкою Минъ на 3,000 футовъ, а храмъ стоитъ на 2,000 футовъ отъ подножія, или на 1,000 футовъ отъ вершины ея. Узенькая вымощенная тропинка, около шести футовъ шириною, есть единственная дорога, по которой можно добраться до храма. По-мѣрѣ-того, какъ путешественникъ восходитъ по этой извилистой дорожкѣ, глазамъ его открываются тамъ и сямъ прелестнѣйшіе виды, какіе только можно себѣ вообразить, и которые вполнѣ награждаютъ его за всѣ труды и усталости, понесенные въ-продолженіе этого путешествія. Онъ видитъ у подножія скалъ, покрытыхъ столѣтними деревьями, какую-нибудь уединенную долину, которой почва столь безплодна, что и самая промышленость Китайцевъ ничего не можетъ на ней произвести. Но еще шагъ, еще маленькій поворотъ, и путешественникъ подходитъ къ одной изъ скамеекъ, устроенныхъ для усталыхъ богомольцевъ, въ равномъ одна отъ другой разстояніи, и чудный ландшафтъ развертывается передъ его глазами. Это отдаленная и плодоносная долина Минъ, прорѣзанная по всѣмъ направленіямъ рѣками и каналами и наполненная, какъ улей, безчисленнымъ множествомъ народа.

Вотъ какъ описываетъ этотъ храмъ и его восхитительныя окрестности одинъ путешественникъ, Англичанинъ, недавно возвратившійся изъ Китая.

«Съ часъ времени я подымался на гору по извилистой тропинкѣ, и, наконецъ, достигъ до паперти храма. Нѣсколько жрецовъ этого храма, по-видимому, чрезвычайно-неповоротливыхъ, сидѣли въ различныхъ положеніяхъ на ступеняхъ лѣстницы, которая ведетъ въ первый этажъ этого зданія. Какъ-только они меня замѣтили, то одинъ изъ нихъ побѣжалъ увѣдомить о моемъ прибытіи главнаго жреца, который тот-

часъ же сошелъ внизъ и принялъ меня съ величайшею учтивостью. Я сказалъ ему, что пришелъ осмотрѣть храмъ, о которомъ слышалъ такъ много любопытнаго, и просилъ его дать мнѣ кого-нибудь, кто могъ бы показать мнѣ всѣ рѣдкости. Въ эту минуту одинъ старый жрецъ, одѣтый въ желтую мантію, подошелъ ко мнѣ и предложилъ проводить меня по всѣмъ различнымъ частямъ этого огромнаго зданія и по садамъ его. Я поблагодарилъ его и пошелъ по его слѣдамъ.

«Храмъ построенъ по одному плану съ тѣмъ, который находится въ Тіин-Тунгѣ, близь Нинг-по, такъ-что описывая планъ одного, вы въ то же время дѣлаете описаніе обѣихъ. Онъ состоитъ изъ трехъ главныхъ зданій, стоящихъ на одной сторонѣ полугорья; зданія эти расположены такимъ-образомъ, что второе стоитъ выше перваго, а третье выше втораго. Направо отъ нихъ находятся кельи жрецовъ, а на остальныхъ трехъ сторонахъ этого холма возвышаются еще три огромные храма. Три главные Будды: прошедшее, настоящее и будущее, божество съ безчисленнымъ количествомъ рукъ, и многіе другіе украшаютъ куполы этихъ храмовъ. Въ одномъ изъ храмовъ было болѣе ста идоловъ и передъ каждымъ изъ нихъ стоялъ на полушкѣ колокольчикъ.

Осмотрѣвъ главные храмы, я пошелъ въ кухню и столовую. Когда вспомнить, что болѣе ста служителей обѣдаютъ здѣсь ежедневно, то можно себѣ вообразить, что это мѣсто есть самое занимательное для посѣтителя. Столовая есть огромное четвероугольное строеніе, наполненное множествомъ столовъ, поставленныхъ накрестъ, за которые садятся жрецы и ѣдятъ свой умѣренный обѣдъ. Я вошелъ въ столовую какъ разъ въ ту минуту, когда они сидѣли за столомъ, и такимъ-образомъ имѣлъ случай видѣть ихъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ ни прежде ни послѣ не видалъ. Это собраніе показалось мнѣ страннымъ и чрезвычайно-пестрымъ. Большая часть изъ нихъ имѣли глупыя и ничего не выражающія наружности, но это были нижніе жрецы этого храма. Главный жрецъ и другіе высшіе жрецы были люди умные и чрезвычайно-расторопные; но всѣ они, безъ-исключенія, имѣли загорѣло-блѣдныя лица, что производило чрезвычайно-непріятное впечатлѣніе. Когда я вошелъ въ столовую, многіе изъ нихъ встали и учтиво предлагали мнѣ сѣсть и раздѣлить съ ними ихъ порцію риса. Я поблагодарилъ ихъ, также учтиво отклонивши предложеніе, и ограничился однимъ осмотромъ мѣста. Огромные мѣдные котлы, въ которыхъ варится рисъ, приводятъ посѣтителей въ немалое удивленіе.

Библіотека состоитъ изъ огромнаго выбора религіозныхъ книгъ. Книги со тщаніемъ уставлены и заперты въ шкафахъ, и, повидимому, очень-рѣдко бываютъ въ употребленіи. Слышавъ еще прежде, что въ этой части зданія находился зубъ Будды и многія другія вещи, которыя иногда показываются посѣтителямъ, я просилъ моего проводника показать мнѣ ихъ. Онъ повелъ меня въ небольшой, смежный съ библіотекою, храмъ, гдѣ, какъ онъ сказалъ, хранились эти рѣдкости.— «Нѣтъ ли у васъ какой монеты въ карманѣ?» сказалъ онъ мнѣ съ величайшею важностію, «потому-что прежде чѣмъ открою вамъ эти драгоцѣнности, я долженъ воскурить ѳиміамъ. Я далъ ему мелкую монету, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что я не поклоняюсь Буддѣ. Такимъ-образомъ монета, данная мною, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ ему, въ знакъ моей благодарности за его предупредительность. — «А развѣ въ вашемъ отечествѣ не покланяются Буддѣ?» спросилъ онъ. Я отвѣ-

чалъ, что нѣтъ.— «Въ такомъ случаѣ, кому жь вы покланяетесь!» Я показалъ ему на небо, и сказалъ, что мы покланяемся великому Богу, который создалъ небо и землю.» — «О, да! имя его Іи-Іи-сю; не такъ ли?» Надобно полагать, что обитатели этого мѣста имѣютъ нѣкоторое понятіе о христіанской вѣрѣ, потому-что въ этой странѣ Китая есть небольшое количество людей, принявшихъ эту вѣру. — «Теперь подойдите, и посмотрите драгоцѣнный зубъ» сказалъ онъ мнѣ. Я взошелъ на ступени алтаря; жрецъ открылъ крышку огромнаго сундука, и глазамъ моимъ представилась драгоцѣнная рѣдкость этого храма, защищенная желѣзною рѣшеткою. Въ сундукѣ, на плоской мѣдной доскѣ, лежалъ сказанный зубъ—огромное бѣловатое вещество, имѣющее около шести дюймовъ, какъ въ-длину, такъ и въ-ширину и скорѣе похожее на камень, чѣмъ на зубъ. Возлѣ него лежала другая рѣдкость, которая показалась мнѣ гораздо-интереснѣе первой. Это былъ маленькій кусокъ кристалла, имѣющій форму небольшой вазы, наполненной странною жидкостью. Послѣ я узналъ, что это былъ простой хрустальный пузырёкъ, наполненный жидкостью, которой Китайцы то же покланялись и которую позволялось брать изъ пузырька въ извѣстныхъ случаяхъ. Пузырёкъ этотъ находился тоже подъ рѣшеткою и я не могъ разсмотрѣть его съ точностью. — «Теперь» сказалъ мнѣ жрецъ, «посмотрите въ эту сторону и скажите мнѣ, что вы видите?» Я обернулся въ назначенную мнѣ сторону, и увидѣлъ что-то очень-похожее на человѣческую голову, съ вытаращенными на меня глазами. Но мнѣ, однакожь, сказали, что это не самая голова, а наростъ со лба Будды, и что если подобный наростъ замѣчался на лбѣ какого-нибудь смертнаго, то это былъ знакъ высокой степени совершенства, доходящей до божества.—«Теперь обернитесь въ другую сторону, и скажите мнѣ, какого цвѣта вамъ кажется эта драгоцѣнность?» Я сдѣлалъ то, что онъ мнѣ велѣлъ, и сказанное вещество показалось мнѣ красноватаго цвѣта.—«Ахъ, это очень-хорошо» сказалъ жрецъ, «это предвѣщаетъ что-нибудь хорошее, потому-что въ этомъ цвѣтѣ онъ показывается только избраннымъ существамъ. Онъ показывается въ различныхъ цвѣтахъ, но этотъ цвѣтъ, въ которомъ вы его видѣли, считается лучшимъ».

Рѣшетка мѣшала мнѣ разсмотрѣть подробно всѣ эти рѣдкости, и я долженъ былъ довольствоваться однимъ описаніемъ жрецовъ. Но, несмотря на то, возвращаясь въ Фу-чау-фу, я тотчасъ же пошелъ къ господину Моррисону (сыну извѣстнаго ученаго доктора Моррисона, который первый началъ писать о Китаѣ) и просилъ его, если возможно, достать, отъ его наставника, подробнѣйшія объ этихъ рѣдкостяхъ свѣдѣнія. Наставникъ его былъ урожденецъ города Шау-хинг-фу, мѣста извѣстнаго въ Китаѣ своими литераторами. Онъ также посѣщалъ храмъ Ку-шенъ и видѣлъ всѣ его рѣдкости. Но на вопросы наши онъ отвѣчалъ намъ то же самое, что мы уже слышали отъ жрецовъ.

Отсюда старый жрецъ повелъ меня въ садъ, чтобъ показать знаменитый источникъ. Онъ протекалъ на днѣ самаго романическаго и живописнѣйшаго рва, какой только я когда-либо видѣлъ. Мы опустились въ него по каменнымъ ступенямъ, перешли черезъ мостъ, висящій надъ рвомъ, и очутились передъ дверями небольшаго храма. Съ одной стороны храма чистая и холодная вода съ шумомъ падала съ горы въ небольшой резервуаръ, нарочно для того устроенный, а съ другой стороны храма—эта же самая вода, въ-продолженіе всего дня, безпрестан-

но кипѣла для-того, чтобъ каждую минуту можно было заварить чай для посѣтителей. Нѣсколько жрецовъ сидѣли вокругъ храма. Они приняли меня чрезвычайно-радушно, и просили сѣсть за столъ, стоящій на паперти. Одинъ изъ нихъ взялъ чашу, наполнилъ ее водою изъ источника, и принесъ мнѣ попробовать. Они всѣ хвалили ея свойство, и въ-самомъ-дѣлѣ эта вода была чрезвычайно-вкусная. Я сказалъ имъ, что въ жизнь свою не пилъ такой вкусной воды, и они подали мнѣ чашку чаю.

Напившись чаю, я пошелъ дальше по вымощенной дорожкѣ, которая шла вокругъ горъ, посреди растительности, насаженной и воздѣланной рукою одной природы. Китайская пихта (Pinus sinensis) и благородный родъ несіи были единственныя высокія деревья, попадавшіяся мнѣ на глаза; но за-то дорога была усѣяна различными превосходными кустарниками, между которыми всѣхъ замѣтнѣе была азалія. Такъ-какъ это было весною, то прекрасные цвѣты этого кустарника были еще всѣ въ почкахъ. Я часто видѣлъ это растеніе въ Англіи, гдѣ растительность его доведена до высочайшей степени, и, разумѣется, что въ нашихъ теплицахъ и оранжереяхъ оно производитъ великолѣпный эффектъ. Но мнѣ гораздо-лучше нравится, когда азалія дико и натурально растетъ по горѣ между мелкимъ лѣсомъ, смѣшивая яркій цвѣтъ своихъ цвѣтовъ съ другими-менѣе блестящими растеніями и этимъ контрастомъ увеличивая свою натуральную красоту.

Наконецъ прогулка моя должна была кончиться, потому-что передъ ногами моими открывалась пропасть, на краю которой былъ выстроенъ маленькій лѣтній домикъ. Я вошелъ въ него и сѣлъ на скамейку, нарочно устроенную здѣсь для посѣтителей. Великолѣпный ландшафтъ, какой я когда-либо видѣлъ, представился отсюда глазамъ моимъ и напомнилъ мнѣ гористыя мѣста Шотландіи. Надо мною возвышалась въ величественной красотѣ своей знаменитая вершина горы Ку-шенъ. Внизу, глазамъ моимъ открывались изрытые утесистые рвы, въ однихъ мѣстахъ совершенно обнаженные, а въ другихъ покрытые огромными деревьями и мелкимъ кустарникомъ, совершенно дикимъ. Чтобъ дать глазамъ своимъ возможность насладиться контрастомъ, я перенесъ ихъ на прекрасную долину Минъ, гдѣ находится городъ Фу-чоу-фу. Рѣка, протекающая черезъ этотъ городъ, покрыта лодками и джонками, скользящими по ней взадъ и впередъ. Поля зеленѣли, прорѣзанные безчисленнымъ множествомъ каналовъ, наполненныхъ водою. Изъ-за этого превосходнаго ландшафта виднѣлись холмы, почти такіе же высокіе, какъ и Ку-шенъ. Около нихъ извивалась рѣка до-тѣхъ-поръ, пока терялась совершенно изъ вида.

Мнѣ оставалось увидѣть еще одно зрѣлище, которымъ Китайцы восхищаются. Это восходъ солнца съ вершины горы Ку-шенъ. Многіе остаются ночевать въ храмѣ, и, при свѣтѣ факеловъ, достигаютъ до вершины горы, чтобъ во-время увидѣть восходъ солнца!

— Еще извѣстіе съ востока: Огромный брильянтъ, извѣстный подъ именемъ «Ко-э-нуръ», находившійся въ послѣднее время между сокровищами Магараджаха Дюлепъ-синга, уже готовъ къ отправленію въ Англію въ видѣ подарка королевѣ. Думаютъ, что брильянтъ этотъ принадлежалъ Пандусу; но Тавернье говоритъ, что онъ найденъ въ минахъ Колура, которыя находятся на сѣверо-западъ отъ Мазулипатама, на разстояніи четырех - дневной ѣзды, въ земляхъ Низама, на

берегахъ Годевера. Онъ былъ подаренъ шаху Іигану Мирамъ Юмлай, который сначала былъ главнымъ шефомъ арміи короля Голкондскаго, а потомъ Аурунгзебскаго. Колурская мина открыта не болѣе какъ за сто лѣтъ до времени шаха Іигана. Одинъ Зюминдаръ, распахивая землю для посѣва дынь, нашелъ брильянтъ, и это послужило къ открытію мины. Ко-э-нуръ имѣетъ 319 rullees вѣсу, и былъ оцѣненъ, во времена шаха Іигана, въ 7,816,525 г. s. Шахъ Іиганъ украсилъ имъ знаменитый павлиній тронъ, который былъ взятъ шахомъ Надиромъ въ Персію, откуда опять перевезенъ въ Афганистанъ Амедомъ, шахомъ Доренскимъ. Онъ оставался во владѣніи его преемниковъ до Магараджаха Рунджитъ-синга. Рунджитъ принуждалъ шаха Шуджаха выдать ему этотъ брильянтъ. На это Шуджахъ отвѣчалъ ему, что брильянтъ заложенъ въ какомъ-то банкѣ въ Кандагарѣ; но хитрый и проницательный Рунджитъ не былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ. Онъ окружилъ войскомъ резиденцію Шуджаха и отдалъ приказъ не пропускать никого безъ предварительнаго осмотра. Въ то же самое время Пхе-Рамъ-Сингъ былъ отправленъ для вытребованія брильянта. Шуджахъ протестовалъ противъ этого въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, и просилъ Рунджита подумать о нарѣканіи, которое онъ приметъ на себя отъ всѣхъ сосѣдственныхъ принцевъ, приказывая задержать его особу и семейство, присоединяя къ тому, что онъ въ этомъ случаѣ полагается на его честь. Пхе отвѣчалъ, что Рунджитъ рѣшился достать камень, несмотря ни на какое мнѣніе о немъ, ни на послѣдствія; и что онъ, Пхе, долженъ теперь приступить къ самому непріятному исполненію приказаній своего повелителя, то-есть, запретить доставлять пищу какъ Шуджаху, такъ и его семейству. Несчастный Шуджахъ, его жены и дѣти голодали два дни. Видя невозможность побѣдить твердость Шуджаха, Рунджитъ придумалъ другое средство. Онъ выпустилъ два письма, одно къ визирю Футти-хану, а другое къ доренскимъ дворянамъ, писанныя какъ бы отъ имени Шуджаха, въ которомъ онъ, Шуджахъ, описывалъ свои страданія и просилъ о своемъ освобожденіи. Въ то время вѣрили всѣмъ выдумкамъ. Рунджитъ отправилъ немедленно два отряда, чтобъ задержать Шуджаха и посадить его въ Говиндгурскую-Крѣпость. Шуджахъ, разлученный съ семействомъ, соскучившійся заточеніемъ, наконецъ согласился уступить брильянтъ. Въ концѣ іюня, Рунджитъ, сопровождаемый небольшою свитою, посѣтилъ Шуджаха. Почти цѣлый часъ они молчали, наконецъ Рунджитъ, горя нетерпѣніемъ, напомнилъ Шуджаху о цѣли своего посѣщенія. Не было никакого отвѣта. Наконецъ Шуджахъ сказалъ что-то глазами находившемуся при немъ эвнуху; эвнухъ, повинуясь, тотчасъ же вышелъ, и вскорѣ опять появился съ небольшимъ сверткомъ, который положилъ тихонько между Шуджахомъ и Рунджитомъ. За этимъ послѣдовало опять молчаніе. Наконецъ, по приказанію Рунджита, свертокъ былъ поднятъ и развернутъ. Брильянтъ показался во всей своей красотѣ. Взявши его, Рунджитъ уѣхалъ.

— Недавно, въ селѣ Гресь, въ графствѣ Эссекскомъ, нѣсколькимъ земледѣльцамъ удалось поймать большаго кита, котораго они открыли у самыхъ береговъ рѣки Блякъ-Шелеръ. Рѣка эта, протекая возлѣ самаго селенія Гресъ, имѣетъ песчаное дно, наполненное мелкими камешками. Осмотрѣвши кита, нашли, что онъ былъ изъ лучшаго рода китовъ, называемыхъ «Финнеръ». Китъ этотъ имѣлъ пятьдесятъ восемь футовъ въ длину и тридцать въ окружности. Положивъ остовъ

этого чудовища подъ навѣсъ, для показыванія публикѣ, ловцы могутъ составить для себя хорошіе капиталы.

— Въ-послѣднее время, въ Египтѣ, въ одной изъ пирамидъ открыта гробница, въ которой найденъ списокъ, содержащій въ себѣ половину «Иліады» Гомера. Быть-можетъ, списокъ этотъ древнѣе тѣхъ, которые намъ извѣстны, и въ-состояніи служить для поправокъ искаженныхъ, и для объясненія темныхъ мѣстъ, встрѣчающихся иногда въ этомъ безсмертномъ твореніи. Во всякомъ случаѣ, это фактъ чрезвычайно-интересный.

— Въ Англіи, близъ Чиренчестера, открыта великолѣпная римская зала съ мозаическимъ поломъ. Многія фигуры на этомъ полу очищены, и представляютъ собой совершенство, котораго не достигаютъ нынѣшнія произведенія въ этомъ родѣ. Особенно хороши между этими рисунками девять головъ, изъ которыхъ только двѣ попорчены, а остальныя сохранились какъ-нельзя-лучше. Самыя прекрасныя изъ этихъ головокъ принадлежатъ Церерѣ и Флорѣ.

— Въ Корнваллисѣ, близъ горы Св. Михаила, рѣка Маразьонъ перемѣнила свое направленіе и потекла у основанія песчанаго холма, на значительномъ разстояніи къ западу отъ прежняго русла. Она размыла огромныя массы песка, въ которыхъ, на глубинѣ 15 или 20 футовъ, были погребены остатки древней стѣны, грубо построенной изъ необдѣланныхъ камней и глины. Вблизи этой стѣны лежало множество золы, древеснаго угля и шлака, въ которомъ видны были слѣды олова, нѣсколько разбитыхъ горшковъ грубой работы, и много кирпичей. Но самые замѣчательные изъ найденныхъ вещей были два мѣдныхъ кусочка, лежавшихъ на слоѣ древеснаго угля. Значительная часть угля соединилась съ мѣдью въ-продолженіе такого большаго промежутка времени и образовала вещество прекраснаго голубовато-зеленаго цвѣта, очень-похожее на малахитъ, или углекислую мѣдь. Каждый изъ этихъ кусочковъ имѣлъ шесть дюймовъ въ длину, четыре въ ширину, и $1/_{20}$ въ толщину. Г. Ричардъ Эдмондсъ полагаетъ, что они принадлежали мѣдной жаровнѣ, въ которой плавились металлы, которая была шириною въ три фута и привезена въ Англію Финикіанами. Предположенія свои онъ основываетъ на сказаніи Страбона, свидѣтельствующаго, что Финикіане доставляли Англичанамъ глиняные горшки, соль и мѣдныя орудія (chalcoomata), въ обмѣнъ на олово, свинецъ и кожи, и на словахъ Цезаря, который говоритъ, что Британцы получали мѣдь отъ Финикіянъ. Какъ велика вѣроятность такихъ предположеній, пусть рѣшитъ самъ читатель.

— Въ Лондонѣ, 9-го ноября, вступилъ въ должность новый лордъ-мэръ. По этому случаю онъ давалъ обѣдъ въ Гуильдгалѣ; на столъ, между прочимъ, поданы были два куска мяса, изъ которыхъ одинъ вѣсилъ 312 фунтовъ, а другой 354 фунт.; два ананаса, вѣсомъ въ $15^1/_8$ фунт., взрощенные въ оранжереѣ герцога Сутерленда; Общество Садоводства присудило за эти громадные ананасы золотую медаль.

— Въ Парижѣ, 11 ноября, въ *Palais-de-Justice* происходила церемо-

нія раздачи наградъ, за произведенія народной промышлености. При этомъ присутствовали президентъ республики и министры. По окончаніи обѣдни, - отслуженной архіепископомъ Парижскимъ, всѣ отправились въ залу, гдѣ послѣ рѣчей, приступили къ раздачѣ наградъ; роздано:

52 креста Почетнаго-Легіона,
182 золотыя медали,
540 серебряныхъ медалей
и 897 бронзовыхъ.

— Со времени учрежденія промышленыхъ выставокъ во Франціи, ихъ было одиннадцать. Числа наградъ, выданныхъ по случаю этихъ выставокъ, шло въ возрастающей прогрессіи *до 1849 года.* Приводимъ эти цифры: въ 1798 году 23 награды, въ 1801 — 80, въ 1802 — 254, въ 1806 — 610, въ 1819 — 869, въ 1823 — 1,091, въ 1827 — 1,254, въ 1834 — 1,785, въ 1839 — 2,305, въ 1844 — 3,253, въ 1849 — 2,671.

— Если вѣрить цифрамъ, напечатаннымъ въ *Board of Trade*, то вывозъ англійскихъ товаровъ въ 1849 году увеличился. Въ-продолженіе восьми мѣсяцевъ, до 10 октября, цѣнность вывезенныхъ товаровъ простирается до *милліарда* 121 *милльйона*; въ прошедшемъ же году, въ тотъ же промежутокъ времени, цѣнность не превышала 913 мильйоновъ. Несмотря на такой, повидимому, успѣхъ, плата работникамъ, по разнымъ отраслямъ промышлености, до-того низка, что ея не хватаетъ почти на дневное пропитаніе. Земледѣльцы, напримѣръ, получаютъ въ недѣлю только *шесть шиллинговъ*, слѣдовательно, менѣе шиллинга въ день! Въ мануфактурныхъ областяхъ, которыя, кажется, должны бы наиболѣе получать выгоды отъ такого значительнаго вывоза товаровъ, трудъ до того скудно вознаграждается, что работникъ, послѣ дневнаго утомленія, не находитъ достаточныхъ средствъ для своего существованія и возстановленія своихъ силъ! Еще недавно манчестерскіе газеты объявляли, что въ Блаккбурнѣ плата всѣмъ работникамъ на прядильныхъ фабрикахъ, безъ того скудная, понижена на пять процентовъ.

— По поводу прядильныхъ фабрикъ, мы припомнили, что въ Парижъ, на выставку пріѣхалъ богатый Англичанинъ мистеръ Лифъ, торгующій фланелевыми жилетами, нижнимъ платьемъ, чулками, бумажными колпаками и т. п. произведеніями, которыя приносятъ ему ежегодно 2,500,000 франковъ. Мистеръ Лифъ женатъ на Индіянкѣ изъ Калькутты, которая, т.-е. Индіянка, принесла ему въ приданое нѣсколько мильйоновъ; но лондонскій климатъ оказался вреденъ для ея здоровья; кромѣ-того, ею овладѣла тоска по родномъ краѣ. Доктора хоромъ объявили, что единственное спасеніе для нея—возвратиться въ Калькуту; мистеръ Лифъ впалъ въ раздумье: ѣхать въ Индію ему не хотѣлось, потому-что отъ этого могла пострадать его торговля; но Англичанинъ не хотѣлъ также, чтобъ преждевременная смерть похитила у него супругу. Мистеръ Лифъ рѣшился воспроизвести Калькуту въ Лондонѣ, только въ маломъ видѣ. Онъ устроилъ крытый садъ, гдѣ температура Калькутты поддерживается невидимыми калориметрами. Въ этомъ саду растутъ пальмы, апельсинныя деревья, бананы, маньо-

ліи; съ вѣтки на вѣтку перепрыгиваютъ и щебечутъ тысячи тропическихъ птичекъ... Недостаетъ только сладкаго неба полудня, да лучей палящаго солнца.

— Французское таможенное управленіе обнародовало слѣдующія свѣдѣнія о привезенныхъ и вывезенныхъ товарахъ въ-теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ: 1849, 1848 и 1847 годовъ.

Общая сумма пошлинъ въ-теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ 1849 года равнялась 95,152,863 фран., 62,825,100 фран. въ такой же періодъ 1848 года, и возвысилась до 99,847,299 фран. въ первые девять мѣсяцевъ 1847 г. И такъ, результатъ первыхъ девяти мѣсяцевъ 1849 года превышаетъ результатъ 1848 года 32,326,763 франками, а менѣе 1847 года 4,691,436 фран. Сравненный съ итогомъ 1848 г., который равнялся только 89,448,458 фран., этотъ результатъ представляетъ самъ-по-себѣ произведеніе въ 5,704,405 фран.

Если разсматривать пошлины только въ-теченіе сентября, то окажется для 1849 года 10,896,111 фран., для 1848 года 8,733,654 фран., а для 1847 года 10,855,940 фр.; т.-е., что въ 1849 году сентябрь мѣсяцъ превышаетъ 2,141,451 фр. 1848 г. и 20,171 фр. 1847 г.

Къ произведеніямъ, на которыхъ болѣе обнаружилось улучшеніе, въ отношеніи спеціальной торговли въ-теченіе сентября мѣсяца, принадлежатъ кофе, какао, каменный уголь, шерсть, шелкъ сырцомъ и сученымъ, мѣдь, свинецъ и пр.

Красное дерево, играющее такую важную роль въ парижской торговлѣ мёбелью, постоянно возвышается. Количество привоза въ-теченіе сентября мѣсяца 1848 года равнялось 305 километрамъ, въ-теченіе сентября 1849 г. 3,831 километру; 813 километрами болѣе 1848 года.

Уменьшеніе пошлины на соль способствовало привозу иностранныхъ солей; ихъ привезено, какъ необдѣланной, такъ и очищенной, 5,394 километра.

Но, съ другой стороны, сахаръ, чугунъ, цинкъ продолжаютъ значительно убывать противъ 1847 года.

При вывозѣ возвысились особенно вина, ликеры и водка, и шерстяныя и шелковыя ткани.

Вывозъ небѣленаго шелка, который въ 1848 году равнялся 2,647 километрамъ, въ 1849 году былъ не болѣе 20 километровъ, что доказываетъ, что Франція могла бы употребить въ своемъ государствѣ сырые матеріалы, отправленные за границу въ 1848 г.

Вывозъ машинъ и предметовъ модъ сдѣлалъ большие успѣхи. Первые только 67,947 франками уступаютъ результату 1847 года, а вторые 1,531 франкомъ.

Стекло и хрусталь, сафьянъ и лакированная кожа представляютъ цифру даже большую 1847 года.

— По послѣднимъ кадастраціоннымъ изслѣдованіямъ, оказывается: что на 100 гектаровъ пространства приходится пахатной и вообще воздѣланной земли среднимъ числомъ:

Во Франціи 54 гектара, въ Великобританіи 55, въ Бельгіи 48, въ Даніи и Пруссіи 40, въ Италіи и Португаліи 30, въ Германіи и Испаніи 27, въ Швейцаріи 25, въ Голландіи и Австріи 20, въ Россіи и Польшѣ 19, въ Швеціи и Норвегіи 14 гектаровъ.

— Изъ оффиціальныхъ документовъ, обнародованныхъ англійскимъ правительствомъ, оказывается, что въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ нынѣшняго года, число браковъ превзошло среднее число, число родившихся нѣсколько менѣе его, а число умершихъ превосходитъ всё, что донынѣ бывало. Въ эти три мѣсяца умершихъ было 135,364, то-есть, 47,602 болѣе, чѣмъ въ тѣ же мѣсяцы 1848 года; оно превышаетъ 164 число родившихся въ томъ же періодѣ времени; сверхъ-того, 46,558 человѣкъ отправились изъ Лондона, Ливерпуля и Плимута съ намѣреніемъ совсѣмъ оставить Англію и поселиться въ другихъ странахъ. Поэтому слѣдуетъ заключить, что въ теченіе этого времени народонаселеніе Англіи уменьшилось, чего не бывало еще съ начала XIX столѣтія.

— Вотъ статистическія свѣдѣнія, собранныя недавно однимъ французскимъ медикомъ о народонаселеніи Константинополя. Онъ считаетъ тамъ 43,000 христіанскихъ женщинъ отъ пятнадцати до сорока лѣтъ —дѣвушекъ, вдовъ или замужнихъ. Число новорожденныхъ доходитъ до 6,000 въ годъ, что составляетъ четыре на одиннадцать женщинъ. У мусульманъ же число женщинъ простирается до 72,000 въ тѣхъ же возрастахъ, не считая черныхъ и бѣлыхъ невольницъ.

Число родящихся, однако, не превышаетъ 8,600 для прошедшаго года. Онъ приписываетъ эту несоразмѣрность выкидышамъ, случающимся въ пропорціи одного на шестнадцать женщинъ, что, прибавляетъ онъ, составляетъ въ 26 лѣтъ дефицитъ въ 40,000 новорожденныхъ, или, лучше-сказать, въ-теченіе вѣка государство теряетъ 21.000 солдатъ. Вотъ что дѣлаетъ многоженство въ одномъ только городѣ!

— Одинъ нѣмецкій путешественникъ разсказываетъ о чувствительности и счисленіи Ново-Голландцевъ (въ Австраліи).

«Сношенія съ аборигенами чрезвычайно-неудачны, по причинѣ нѣкоторыхъ обычаевъ, къ которымъ иностранцы никакъ не могутъ привыкнуть; такъ, на-примѣръ, жители привыкли ѣсть своихъ родителей и дѣтей, и дѣлаютъ они это единственно изъ утонченной нѣжности. Старики имѣютъ право сами предлагать себя на съѣденіе почтительному племени.

«Ихъ языкъ еще крайне бѣденъ и не развитъ; такъ они называютъ себя именами вещей, которыя любятъ, на-примѣръ, различными деревьями или животными. Когда членъ племени умираетъ, или бываетъ съѣденъ, то имъ уже тяжело произносить имя, которымъ назывался покойный и имя это изгоняется и предается забвенію; и тогда предмету, обозначавшемуся этимъ именемъ, придумываютъ новое, которое и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, до-тѣхъ-поръ, пока не представится другая аналогическая причина для новой перемѣны.

«Эта чрезвычайная сантиментальность у народа варварскаго весьма-замѣчательна; она есть причина того, что трудно изучить его языкъ: черезъ нѣсколько лѣтъ существительныя перемѣняются, слѣдовательно, языкъ представляетъ новый характеръ, новую физіономію дерзкому филологу.

«Ихъ идіотизмы, имѣющіе основаніе въ ихъ крайней чувствительности, ни чуть не уступаютъ въ странности и прихотливости способа ихъ счисленія: далѣе трехъ они считать не умѣютъ. Всѣ цифры, болѣе трехъ, составляются у нихъ изъ 2 и 1. 2 выражается словомъ

куко, а 1—*ки;* вмѣсто семи, Ново-Голландцы говорятъ: *куко, куко, куко, ки*, т.-е., два, еще два, еще два, да единица

— Недавно въ парижской исправительной полиціи произошелъ слѣдующій трогательныйй случай:

Старикъ пятидесяти-одного года, по имени Пальжуа, призванный въ судъ по подозрѣнію въ прошеніи милостыни, старался оправдываться сколько могъ, но не имѣлъ въ этомъ успѣха, потому-что, къ-несчастію, доказательства, представленныя противъ него свидѣтелями, сильно подтверждали дѣйствительность обвиненія.

Тогда является молодая и прекрасная собою женщина, просто, но со вкусомъ одѣтая, съ совершенно-приличными манерами: это дочь обвиненнаго; она пришла просить за отца, и, обращаясь къ судьямъ, съ большимъ чувствомъ, сказала:

— Господа, я прошу у васъ какъ милости: отпустите моего бѣднаго отца, умоляю васъ быть милосердыми и снисходительными. Не будучи богата сама, потому-что нахожусь въ должности конторщицы въ одномъ бѣлошвейномъ магазинѣ, я всѣми силами старалась помогать моему отцу и не доводить его до крайней нужды. Каждую недѣлю я удѣляю ему восемь франковъ изъ моего жалованья; правда, это немного, но я не въ-состояніи дѣлать болѣе. Въ-послѣдствіи, я надѣюсь, мы оба будемъ счастливѣе. Прошу васъ, возвратите мнѣ моего отца, а я васъ увѣряю, что не допущу его впередъ предстать предъ васъ въ видѣ нищаго.

Трибуналъ, тронутый этою нѣжною просьбою, освободилъ обвиненнаго и приказалъ немедленно возвратить его дочери.

Президентъ, обращаясь къ дочери, сказалъ: «Трибуналъ поручилъ мнѣ поздравить васъ публично съ исполненіемъ обязанностей дочерней любви, которую вы такъ хорошо поняли.»

Дѣвушка и бѣдный старикъ обмѣнялись взглядами, полными нѣжности и радости.

Въ это время, адвокатъ, обращаясь къ Пальжуа, сказалъ: «Прежде, нежели вы удалитесь, я долженъ сообщить вамъ, что получилъ отъ префектуры полиціи письмо, которое до васъ касается.»

На лицѣ бѣднаго старика выразилось какое-то безпокойство; дочь поблѣднѣла.

Адвокатъ продолжалъ: «Успокойтесь; письмомъ этимъ извѣщаютъ, что сестра ваша скончалась въ Бонѣ, и что васъ отъискиваютъ, какъ единственнаго ея наслѣдника. Я передаю вамъ это письмо, чтобъ вы приступили къ дѣлу какъ повелѣваютъ законы.»

Дежурный присяжный дѣйствительно вручилъ эту важную бумагу старику, который, казалось, болѣе радовался своему освобожденію, нежели неожиданному наслѣдству.

— Отчего бѣдствіе на морѣ, на-примѣръ, кораблекрушеніе, сильнѣе потрясаетъ душу человѣка, нежели несчастіе на материкѣ? Не оттого ли, что человѣкъ еще не покорилъ совершенно своей власти эту стихію? Не оттого ли, что онъ кажется такъ слабъ и безсиленъ передъ волнующимися, необозримыми массами водъ? Но человѣкъ смѣлъ: ни непостоянство моря, ни его бури — ничто не останавливаетъ его предпріимчивости... въ этой борьбѣ съ непримиримымъ

врагомъ, съ сердитымъ океаномъ, смѣлость моряка, его отвага поражаютъ человѣка сильнѣе, а мирный обитатель полей сочувствуетъ глубже бѣдствіямъ собрата на водѣ; по этому-то кораблекрушеніе имѣетъ интересъ для всѣхъ людей, будь погибшее судно русское, англійское, американское... Англійскій бригъ «Сен-Джонъ» шелъ изъ Ирландіи и несъ на себѣ 120 человѣкъ. Ночью онъ бросилъ якорь посреди рифовъ, прозванныхъ *Minot's Ledge*, недалеко отъ Бостона; но, къ-несчастію, якори не могли удержать судна. Капитанъ, видя неминуемую гибель, велѣлъ срубить обѣ мачты и бригъ скоро ударился о скалу; около восьми часовъ утра, изъ 120 человѣкъ только 21 добрались до берега, куда доносились вопли погибавшихъ; но помощи подать не было никакой возможности: лодка, служащая для спасенія людей и груза во время бури, ушла на помощь къ другому бригу.

Въ минуту бѣдствія, капитанъ велѣлъ спустить шлюпку и сошелъ въ нее вмѣстѣ съ нѣсколькими пассажирами. Но, какъ часто случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, несчастные ринулись поспѣшно въ шлюбку и она опрокинулась. Капитанъ, младшій офицеръ, семеро матросовъ и одинъ пассажиръ успѣли добраться до берега, куда было выкинуто моремъ еще четырнадцать человѣкъ—остальные всѣ погибли. Бригъ, какъ говорятъ очевидцы, представлялъ раздирающее сердце зрѣлище: море съ бѣшенствомъ устремлялось на скалы, то бросало на нихъ, то уносило несчастныхъ, боровшихся съ смертію съ послѣднимъ отчаяніемъ.

— Китоловное судно «Jeannett», отправившееся на промыселъ изъ Фергевена, примѣтило кита, котораго и поймало. Къ вечеру того же дня показался другой китъ, подвергшійся участи перваго. Шлюбка, отправлявшаяся за поимкою громаднаго животнаго, возвращаясь къ судну, опрокинулась; два человѣка утонуло, а капитанъ и четыре матроса, находившіеся въ ней, успѣли прицѣпиться къ носу и пробыли въ такомъ положеніи до утра. Они увидѣли, что судно, въ трехъ миляхъ отъ нихъ, лежитъ въ дрейфѣ. Но экипажъ, вмѣсто того, чтобъ искать запоздалыхъ товарищей, занимался уборкою пойманнаго кита, а вечеромъ судно продолжало свой путь въ противоположномъ направленіи отъ несчастныхъ.

Капитанъ и его товарищи, брошенные на произволъ судьбы, успѣли перевернуть шлюбку не ранѣе, какъ послѣ двухъ сутокъ неимовѣрныхъ усилій и страданій. Кое-какъ сдѣлали они парусъ, и, безъ инструментовъ, безъ воды, безъ пищи, поплыли, предавшись въ руки Провидѣнія. Черезъ двадцать-одинъ день они пристали, наконецъ, къ Локостскимъ-Островамъ; во все это время они питались только мясомъ случайно пойманнаго дельфина... Но на берегъ вышло не пятеро, а только трое: одинъ изъ несчастныхъ умеръ отъ изнеможенія, на другаго палъ жребій и онъ былъ... съѣденъ товарищами!

—Мы говорили уже о смерти Шопена. Вотъ подробности его біографіи, заимствуемыя изъ французскихъ журналовъ. Фридрихъ Шопенъ родился, въ 1810 году, въ Зелазоваволѣ, неподалеку отъ Варшавы. Его первымъ музыкальнымъ учителемъ былъ старый Богемецъ, по имени Зивни. Но онъ скоро былъ въ состояніи заниматься одинъ на фортепьяно. Единственные его уроки тогда были: посѣщать главные музыкальные города

Германіи, чтобъ слышать тамъ самыхъ знаменитыхъ артистовъ. Проникнутый ихъ примѣромъ, и, въ то же время, подъ вліяніемъ непреодолимой личности, онъ, возвращавшись, запирался дома, и тамъ, уединенный, мечтательный, размышляя о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, собирая всѣ свѣжія воспоминанія, сравнивая съ ними совершеннѣйшія примѣры своего искусства, желая не походить ни на одного изъ нихъ, избѣгая въ особенности, съ большимъ стараніемъ, чтобъ его размышленія, какъ молодаго артиста, не были возмущаемы сношеніями съ міромъ непросвѣщеннымъ, не сообщая никому результата ихъ, онъ образовалъ такимъ-образомъ свой талантъ, столь оригинальный, столь нѣжный и тонкій, такъ-необыкновенно проникнутый поэзіей, такъ-сказать воздушной, что слишкомъ-мало лицъ и слишкомъ-рѣдко могли услышать, оцѣнить и восхищаться, какъ онъ того заслуживалъ. Одно изученіе фортепьяно, какъ бы оно ни могло быть развито, недостаточно для образованія истиннаго музыканта, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Шопенъ понялъ это рано; онъ заставилъ Эльснера, бывшаго тогда директоромъ Варшавской-Консерваторіи, обучить себя искусству писать, т.-е. онъ научился отъ этого профессора первымъ правиламъ такъ-называемой науки о гармоніи. Ученикъ, казалось, слушалъ со вниманіемъ совѣты учителя только для того, чтобъ лучше умѣть безъ нихъ обходиться, потому-что въ первыхъ сочиненіяхъ своихъ уже обнаружилъ онъ оригинальный талантъ; въ нихъ нѣтъ никакого подобія съ сочиненіями прежде извѣстными.

Въ 1831 году, въ первый разъ, этотъ талантъ открылся для публики. Шопенъ рѣшился извлечь средства для своего существованія изъ упражненія въ искусствѣ, въ которомъ онъ дѣйствительно былъ совершенствомъ, но которое онъ до-тѣхъ-поръ любилъ той ревнивой любовью, которой любятъ драгоцѣнный предметъ, воображая себя быть вѣчно его единственнымъ обладателемъ. Первые его публичные концерты были даны въ Вѣнѣ и Мюнихѣ. Онъ одержалъ тамъ, какъ пьянистъ и какъ сочинитель, такой блестящій успѣхъ, что въ концѣ того же года, когда пріѣхалъ въ Парижъ, то явился туда предшествуемый такой славой, какъ-будто Европа уже въ-теченіе многихъ лѣтъ занималась имъ. Первый концертъ его сочиненія возбудилъ общее удивленіе артистовъ и любителей; одни восхищались, слушая мелодическія фразы отборнаго, мягкаго чувства, полнаго поэтической мечтательности, другіе были поражены оригинальной формой, глубокой мыслью, которые отличали различные отрывки и цѣлое этого сочиненія, сдѣлавшагося теперь классическимъ. Похвалы были единодушныя. Несмотря на это, Шопенъ не могъ рѣшиться предаться на долю рукоплесканіямъ толпы. Принятый съ живѣйшимъ участіемъ вездѣ, куда отправлялся, желаемый вездѣ, куда ни шелъ, отъискиваемый самымъ щеголеватымъ и самымъ важнымъ изъ парижскаго общества, онъ, однакожь, заключился въ самомъ-себѣ, какъ во время своей первой молодости, или, по-крайней-мѣрѣ, жилъ, исключивъ себя изъ круга друзей и учениковъ, которые всѣ питали къ нему родъ фанатическаго обожанія, и въ который очень-трудно было попасть. Это необыкновенно-нѣжное сложеніе было, такъ-сказать, ясное и весьма-точное выраженіе его таланта. Самое слабое тѣло, которое когда-либо существовало, служило у него прикрытіемъ души, самой далекой отъ всего матеріальнаго. Эта чувствительная организація способствовала

много, какъ думаютъ, этого рода страху, который наводила на него слишкомъ большая публичность, этому страху, происходившему отъ всякаго шума, будь онъ даже отъ рукоплесканій, этой страсти къ уединенію, или дружбы тщательно очищенной. И тамъ-то, при такомъ tête à tête, было увлекательнѣе всего его слушать, потому-что онъ тамъ весь и свободно предавался самому себѣ. Для массы публики онъ былъ извѣстенъ только своими сочиненіями. Число изданныхъ имъ пьесъ простирается почти до 70; одни серьёзныя, другія легкія, всѣ отмѣченныя чрезвычайно-характеристической индивидуальностью. Большая часть изъ нихъ, безъ-сомнѣнія, переживетъ его и заставитъ всегда скорбѣть о ранней потерѣ того, кто ихъ писалъ.

Шопенъ умеръ, послѣ долгой, мучительной агоніи. Говоря о его смерти, нельзя употребить истертую фразу, употребляющуюся обыкновенно въ такихъ случаяхъ, нельзя сказать: его смерть невозвратимая потеря для искусства. Увы! Шопенъ умеръ для музыки уже давно. Его слабость и страданія такъ увеличились въ послѣднее время, что онъ не могъ ни играть, ни сочинять; малѣйшій разговоръ утомлялъ его, и потому онъ старался, по-возможности, объясняться знаками. Вотъ настоящая причина уединенія и одиночества, на которыя онъ обрекъ себя въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни; и это грустное желаніе—умереть тихо и спокойно, многіе перетолковывали такъ дурно! Одни приписывали это неумѣренной гордости, другіе мрачному и капризному характеру; между-тѣмъ-какъ въ Шопенѣ не было и тѣни ни того, ни другаго. Въ тѣ минуты, когда его страданія нѣсколько затихали, онъ обнаруживалъ добродушную, но нѣсколько насмѣшливую и раздражительную веселость, сообщавшую невыразимую прелесть его бесѣдѣ. Разговоръ его былъ всегда проникнутъ юморомъ, составляющимъ главную прелесть и главный характеръ его таланта.

Произведенія Шопена образуютъ отдѣльную школу. Ея отличительный характеръ: неподражаемая грація, неожиданность переходовъ, смѣлость въ сочетаніи гармоническихъ звуковъ, независимость ритма, взятыя вмѣстѣ съ цѣлой системой орноментацій, неподражаемой и имъ самимъ изобрѣтенной. Его этюды для фортепьяно—плоды самыхъ лучезарныхъ вдохновеній, совершеннѣйшіе образцы, обнаруживающіе во всемъ блескѣ достоинства его манеры — едва ли не выше его знаменитыхъ мазурокъ, которые при самомъ появленіи возбудили такой энтузіазмъ. Онѣ особенно нравятся женщинамъ и дѣлаютъ его любимцемъ всѣхъ аристократическихъ салоновъ Европы. Обиліе мелодій, выражающихъ какую-то гордость и беззаботность, отсутствіе обыкновенныхъ украшеній, страсть, всегда сдержанная и сосредоточенная, удивительная нѣжность и, въ то же время, торжественность этихъ мазурокъ—гармонируютъ съ нравами высшаго общества, для котораго онѣ какъ-будто нарочно написаны. И потому Шопенъ, несмотря на свое удивительное искусство исполнять, никогда не былъ любимцемъ толпы, виртуозомъ многочисленныхъ собраній и великолѣпныхъ концертовъ. Онъ давно отказался отъ подобнаго торжества. Только въ тѣсномъ кругу избранныхъ слушателей рѣшался онъ подходить къ фортепьяно: и какъ умѣлъ онъ тогда ихъ тронуть и увлечь! въ какихъ пламенныхъ, но всегда грустныхъ, всегда печальныхъ мечтахъ изливалъ онъ тогда свою душу! Это рѣдкое увлеченіе находило на него, обыкновенно въ полночь, когда стихалъ первый шумъ многочисленнаго собранія и оно начинало рѣдѣть. Внѣ этихъ условій онъ никогда не игралъ

и напрасно было бы просить его объ этомъ. Въ доказательство того, какъ раздражало его любопытство, которое онъ возбуждалъ въ людяхъ, для него постороннихъ, можно привести слѣдующій случай: Шопенъ обѣдалъ у какого-то вельможи; когда подали кофе, амфитріонъ подошелъ къ нему и сталъ его просить съиграть что-нибудь для его гостей, которые никогда не имѣли удовольствія его слышать. Шопенъ вѣжливо отказался и просилъ его извинить; но когда хозяинъ продолжалъ его просить тономъ человѣка, знающаго цѣну и цѣль своего обѣда, Шопенъ сказалъ ему слабымъ и прерывающимся отъ кашля голосомъ: «Боже мой!.. но вѣдь я... такъ мало ѣлъ!..»

Изъ всѣхъ артистовъ нашего времени, Шопенъ болѣе всѣхъ дѣйствовалъ на умъ и сердце женщинъ. Его ученицы, а у него ихъ было много, и многія изъ нихъ сдѣлались вполнѣ достойны своего учителя, любили его какъ роднаго. Многіе изъ нихъ присутствовали при послѣднихъ минутахъ его жизни и закрыли ему глаза. За нѣсколько часовъ до смерти, Шопенъ просилъ одну изъ своихъ молодыхъ соотечественницъ, пропѣть ему его любимую національную пѣсню. Она начала пѣть голосомъ, прерывающимся отъ рыданій, но Шопенъ, казалось, ничего не слышалъ: онъ закрылъ глаза и лежалъ неподвижно. За нѣсколько минутъ до смерти, онъ приподнялся и послѣднее его слово было: Requiem! Одна изъ самыхъ молодыхъ его ученицъ сѣла за фортепьяно и заиграла Requiem Моцарта. Онъ угасъ съ послѣдними звуками дивной музыки! Его ученицы собираются выбить въ его память золотую медаль. Шопенъ похороненъ въ церкви Св.-Магдалины; онъ написалъ для себя похоронный маршъ, а архіепископъ парижскій позволилъ пропѣть во время похоронъ Requiem Моцарта, чего прежде никогда не случалось.

— $\frac{28 \text{ октября}}{9 \text{ ноября}}$, въ день смерти Мендельсона Бартольди, въ Берлинѣ, на кладбищѣ Св. Петра, триста человѣкъ артистовъ и любителей, исполнили на могилѣ знаменитаго композитора *Miserere* Бетховена и ораторію *Resurrectio* Грауна.

— $\frac{5}{17}$ октяря, въ Мюнхенѣ, на площади Одеона, открыта бронзовая статуя знаменитаго композитора Орландо ди-Лассо, написавшаго болѣе *двухъ тысячь* музыкальныхъ сочиненій. Статуя изображаетъ Лассо въ средневѣковомъ костюмѣ, опирающимся на органъ, со сверткомъ нотъ въ рукѣ, на которомъ вырѣзаны первыя ноты церковнаго гимна его сочиненія. Модель статуи сдѣлана Максимиліаномъ Видеманомъ, а отливалъ ее г. Мюллеръ, ученикъ извѣстнаго Штигельмайера.

— Отель графа Лёверца, построенный въ Вѣнѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ домъ Моцарта, въ которомъ онъ и умеръ, въ настоящее время, совершенно-оконченъ и будетъ называться *Отель-Моцартъ.* Въ центрѣ главнаго двора, уже украшеннаго бюстами знаменитѣйшихъ германскихъ композиторовъ, будетъ воздвигнута колоссальная мраморная статуя безсмертнаго творца Дона Джіованни, исполненная знаменитымъ Тишбейномъ, по портрету Моцарта, находящемуся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ у г. Андре, обладателя рукописей, оставшихся послѣ Моцарта.

Вотъ подробности прехожденія и открытія этого портрета: онъ

былъ написанъ извѣстнымъ артистомъ Тишбейномъ, во время продолжительнаго пребыванія Моцарта въ Мангеймѣ, и проданъ въ числѣ другихъ вещей покойнаго музыканта Стутзля, придворнаго скрипача въ послѣднемъ собраніи Маенцскаго Ерталя. Въ-послѣдствіи Маенцскій Викарій Аренцъ узналъ этотъ портретъ по необыкновенному сходству съ подлинникомъ. Аренцъ былъ коротко знакомъ съ Моцартомъ, и говорилъ, что лицо знаменитаго музыканта принимало точно такое выраженіе, когда онъ игралъ передъ Маенцскимъ собраніеъ. Такъ или нѣтъ, но портретъ достался наконецъ въ руки господина Андре во Франкфуртѣ, гдѣ въ честь этого открытія данъ будетъ огромный музыкальный праздникъ.

— Въ началѣ осени умерла въ Боннѣ дочь знаменитой матери, *Аделаиды Шопенгауеръ.* Ученость и обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ наукъ сдѣлали изъ нея явленіе удивительное и необыкновенное даже и въ кругу даровитыхъ женщинъ Веймара. Происходя изъ Данцига, или изъ Гамбурга, и будучи проникнута чувствомъ національной гордости, она употребила всѣ старанія, чтобъ не уступить своимъ соотечественникамъ въ образованности. Кругъ знакомыхъ ея матери состоялъ изъ людей геніальныхъ и былъ можно сказать пріятнѣйшимъ. Совершенства Аделаиды Шопенгауеръ, не ограничивались однимъ міромъ познаній: она являлась точно также геніяльною и въ женскихъ рукодѣліяхъ, и артистическія ея способности по этой части не уступали обширностію ея познаніямъ въ археологіи. Кто не знаетъ ея романа «Анна». Послѣ ея кончины, нашли у нея письма изъ Рима и Флоренціи, и экскизы изъ жизни итальянскихъ художниковъ, подъ заглавіемъ «Джіамбаттиста и гильдія живописцевъ въ Генуѣ». Произведенія эти переданы нами знатокамъ въ изящныхъ искусствахъ и вѣрно будутъ дорогимъ подаркомъ артистическому міру. Въ похвалу романа Шопенгауеръ, подъ заглавіемъ «Датская Исторія», уже столько было говорено, что нѣсколько словъ, которыя могли бы мы присовокупить при семъ удобномъ случаѣ, не прибавятъ ничего къ знаменитости этого литературнаго произведенія. Во все время продолжительной болѣзни отшедшей страдалицы, при ней находилась извѣстная на Рейнѣ своими археологическими познаніями благородная женщина, Сибилла Мертенсъ.

— 10 декабря въ Берлинѣ будетъ продаваться съ публичнаго торга библіотека Людвига Тика. Она состоитъ изъ 7,930 сочиненій на разныхъ языкахъ, между-прочимъ на скандинавскихъ и славянскихъ языкахъ. Немногіе библіотеки представляютъ болѣе полное собраніе по части филологіи, географіи и исторіи: такъ напр. объ открытіи завоеваній и цивилизаціи Америки, имѣется 246 сочиненій. Въ числѣ рѣдкостей есть экземпляръ комедій Джона Лилли, принадлежавшій Кромвелю, съ собственноручными его замѣтками. Особенно драгоцѣнно базельское изданіе сочиненій Шекспира (1800—2) съ множествомъ комментаріевъ, написанныхъ Тикомъ. Надъ этими примѣчаніями онъ трудился четырнадцать лѣтъ: они были основой давно-задуманнаго, но неизданнаго имъ сочиненія о Шекспирѣ. Испанскіе драматическіе произведенія составляютъ 1086 томовъ. Выборъ книгъ нѣмецкихъ — плохъ.

═

МОДЫ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы мало говорили о платьяхъ, потому-что никакой перемѣны въ нихъ не было; но теперь опишемъ нѣсколько новыхъ изобрѣтеній по этой части. Во-первыхъ, появились лифы-жилеты... Не шутя, эти лифы совершенно-похожи на мужскіе жилеты, только съ рукавами: переднія полоски лифа точно также подпихиваются одна подъ другую, какъ въ двубортномъ жилетѣ; такъ же въ два ряда пуговицы и такіе же отвороты съ воротникомъ, которые, какъ и воротникъ, должны быть изъ бархата. У такихъ лифовъ перёдъ, разумѣется, открытый: поэтому внизъ надѣвается вышитая манишка съ двумя гофрированными оборками вокругъ горла.

Мы видѣли черное бархатное платье съ такимъ лифомъ, на которомъ отвороты были изъ синяго атласа, рукава широкіе, съ другими большими тюлевыми рукавами; внизу великолѣпно-вышитая манишка съ гофрированными кружевами у горла; сверхъ нихъ надѣтъ былъ узенькій галстухъ изъ синяго атласа. Это платье — самое роскошное для утренняго визита. Къ нему была надѣта бѣлая атласная шляпа, съ рюшью изъ атласныхъ лентъ и съ букетами розъ, перемѣшанныхъ съ виноградомъ подъ полями.

Множество новыхъ уборокъ придумано для платьевъ. Неговоря уже о бархатѣ, аграмантѣ, вышивкѣ, нынче ввели въ моду шерстяныя кружева, которыя нашиваются въ нѣсколько рядовъ на платье; сверхъ-того, очень-красива уборка изъ синели.

Теперь въ модѣ матеріи для платьевъ съ огромными разводами, которые такъ-хорошо вытканы, что рисунокъ кажется какъ-бы вышитымъ. Много матерій съ атласными брошками; на-примѣръ, на темнозеленой или фіолетовой матеріи брошки черныя атласныя и т. д.

Чепчики теперь въ большой модѣ: въ театрѣ, или на маленькихъ вечерахъ нѣтъ никакой другой куафюры, кромѣ чепца, и поэтому чепцы дѣлаются чрезвычайно-разнообразно.

Съ закрытымъ лифомъ очень-хороши чепчики кружевные, убранные цвѣтами, или чепчики à la Marguerite de Valois, изъ бѣлаго тюля съ рюшью и съ лентами, которыхъ цвѣта перемѣшаны, на-прим. фіолетовый съ оранжевымъ и т. п.; но для открытыхъ лифовъ и для вечеровъ чепчики дѣлаются изъ блондъ, съ перьями или букетами фруктовъ; также очень-милы чепчики изъ узенькихъ блондъ, обшитые въ нѣсколько рядовъ узенькимъ бархатомъ или синелью.

Фасонъ всѣхъ чепчиковъ состоитъ изъ кружка съ пышной уборкой. При гладкихъ бандо̀ чепчикъ долженъ быть съ уборкой, по обѣимъ сторонамъ равной и почти у самой косы; но при букляхъ, или сбитыхъ бандо̀ чепчикъ покрываетъ только косу; ленты же или цвѣты спускаются очень-низко къ шеѣ. Вообще всѣ чепчики должны быть приншилены къ головѣ драгоцѣнными булавками.

Волосы зачесываются теперь очень-низко, по-гречески, и косу поддерживаетъ рѣзная черепаховая гребенка.

Вмѣсто мантилій, теперь вошли въ моду бѣлые шерстяные платки; но они такъ тонки, что могутъ замѣнить всякій шелкъ, а между-тѣмъ они гораздо-легче и теплѣе шелка. Такіе платки надѣваются даже по вечерамъ. Впрочемъ, мы уже говорили о нихъ въ одной изъ книжекъ нашего журнала, и потому не считаемъ нужнымъ повторять сказанное.

Башмаки съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе входятъ въ моду и становятся почти уже необходимы для домашняго костюма.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ШЕСТЬДЕСЯТЪ-СЕДЬМАГО ТОМА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

—

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стр.

Волтижёрка. Повѣсть В. Р. Зотова 1

Замогильныя Записки Пикквикскаго-Клуба, или Подробный и достовѣрный рапортъ о странствованіяхъ, опасностяхъ, путешествіяхъ, приключеніяхъ и забавныхъ дѣйствіяхъ ученыхъ членовъ корреспондентовъ покойнаго клуба. Романъ Чарльза Диккенса. *Части I и II.* 67 и 239

Два Старичка. (Изъ воспоминаній празднаго человѣка.) М. Достоевскаго. 149

Поѣздка въ Ревель и Гельсингфорсъ въ 1839 году. А. Милюкова . . . 201

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Замогильныя Записки Шатобріана. *Томъ V* 1

Выставка Императорской Академіи Художествъ въ 1849 году 18

Бояринъ и воевода князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. С. Смирнова 41

Этнографическіе Очерки Константинополя. (Изъ записокъ русскаго путешественника.) А. Рафаловича. *Статья II* 115

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за *сентябрь* и *октябрь* 1849 г. 1 и 9

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

О дѣйствіи и способахъ собиранія и употребленія жидкаго удобренія. К. Усова 1

V. КРИТИКА.

Бесѣды о Сельскомъ Хозяйствѣ, составляющія курсъ этой науки, публично-преподаваемый въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ 1844—1845 академическомъ году, Ярославомъ Линовскимъ. А. Егунова. *Статьи I и II* (послѣдняя) . . . . 1 и 31

VI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ОКТЯБРЬ И НОЯБРЬ.

Новыя сочиненія.

Руководство къ Средней Исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній, С. Смарагдова 1

Историческій Очеркъ общихъ гражданскихъ учрежденій Новороссійскаго-Края, г. Комарницкаго 10

Продолженіе къ 3-му изданію «Учебной Книги Россійскаго Гражданскаго Судопроизводства» . . . . —

Продолженіе IV-е къ «Указателю законовъ для сельскихъ хозяевъ» . . —

Стр.

Чтенія Общей Химіи, Р. Геймана, вып. 5-й 10
Die Cholera-epidemie in St.-Petersbourg 1848, beobachtet im Obuchowschen-Hospital 16
Русская Фауна, сост. Ю. Симашко, тетр. 9 и 10 17
Природа съ ея таинствами и богатствами, тетр. 9 и 10 и 14-й выпускъ 19 и 82
Атласъ тринадцати частей С.-Петербурга, сост. Н. Цыловымъ 19
Essai sur l'amelioration de l'Artillerie, par le comte de Rochelines . . . 20
Упражненія въ изустномъ счисленіи, сост. Ф. Б. . . . . —
Учебный Географическій Атласъ всѣхъ частей свѣта, Ѳ. Наливкина . . —
Русская Азбука . . . . —
Дѣтская Библіотека для Чтенія, П. Смирновскаго 21
Птицеловъ . . . . —
Новый Саміэль, П. Каратыгина 22
Языкъ Цвѣтовъ . . . . —
Шестнадцатилѣтіе Дома Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Гражданъ —
Изъ Дѣйствительной Жизни, Х. Н. Шкурина . . . . —
Очерки Современной Жизни, томъ VII: «Женщина-Писательница», М. Корсини 57
Домашняя Исторія, комедія П. Григорьева 1 60
Валеро, фантазія г. Аскольдова 61
Русская Старина, А. Мартынова и И. Снегирева, тетр. 7 64
Доказательства непоколебимости и важности святой соборной и апостольской Каѳолической Церкви Восточной, іеромонаха Іоанна 67
Очерки Трансильваніи, Н. Вознесенскаго 68
Описаніе Походовъ графа Радецкаго въ Италіи въ 1848 и 1849 годахъ, М. Богдановича 69
Жизнь генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, Н. Чичагова 70
Мнемоника по методѣ Ревентлова 73
Алфавитный Указатель статей, напечатанныхъ въ «Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 82
Уставъ заведенія Общины Сестеръ Милосердія 83
Das St.-Marien-Asyl . . . . —
Учебникъ Русской Словесности, А. Охотина . . . . —
Ариѳметика В. Буняковскаго 87
Русская Исторія для Дѣтей 91
Учебная Грамматика русскаго языка, изд. Ст. Гуро . . . . —
Новоизобрѣтенная Игра Почта, составленная Иконниковымъ 94
Междудѣлье, альманахъ И. Ваненко 95
Семейныя Приключенія Животныхъ, И. Ваненко . . . . —
Воспоминанія Ѳаддея Булгарина 99

Новые Переводы.

Essais Poétiques, par le prince N. Galitzin 24
Таблицы для изученія лошади, соч Соцеротта, перев. В. Зейберлинга . 30
Tagebuch des Generalen Patrik Gordon, часть первая 106

Новыя Изданія.

Собраніе сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей: Избранныя сочиненія В. К. Тредіаковскаго, изд. П. Перевлѣсскаго 32
Русская Старина, сост. А. Мартыновымъ, текстъ И. Снегирева . . . 36
Географія для начинающихъ, сост. Ф. Р-мъ . . . . —

Стр.

Сокращенная Грамматика нѣмецкаго языка, для учениковъ, В. Бари . . 37
Учебная Книга нѣмецкаго языка по методѣ Зейденштюкера . . . . . —
Französich-Deutsche, Gespräche, von E. Coursier 38
Der Christliche Kinderfreund, von K. L. Klipp. 39
Басни И. А. Крылова . . . . —
Уставъ Россійскаго Общества для застрахованія пожизненныхъ доходовъ —
Полная Русская Хрестоматія, А. Галахова 110
Русская Грамматика, состав. А. Ивановымъ . , ... —
Руководство къ познанію Новой Исторіи, сост. С. Смарагдовымъ . . . 111
Карманная поваренная книга, сост. К. Авдѣевой . . . . —

Сборники и Періодическія Изданія.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, книги 3-я и 4-я . . . . 40 и 111
Военно-Медицинскій Журналъ, части LIII № 2 и части LIV № 1. . . 49
Bibliothèque Française, изд. С Гурô 52
Собраніе стихотвореній и отрывковъ въ прозѣ, изд. Θ Студитскаго . . 54
Любителямъ Чтенія, тетр. 7 и 8 . . . . —
Творенія Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, годъ VII, кн. 3 . . . 115
Географическія Извѣстія, вып. 3 116
Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou, an. 1849 . . —
Mittheilungen der Kaiserl. freien ökonomischen Gesellschaft, тетр. 2 . . 125
Журналъ Садоводства, изд. Рос. Обществомъ Любителей Садоводства. . —
Библіографическія Извѣстія 54

VIII. СМѢСЬ.

Путешествіе на шлюпѣ «Благонамѣренный» для изслѣдованія береговъ Азіи и Америки за Беринговымъ-Проливомъ съ 1812 по 1822 годъ. К. К. Гильсена. *Статьи II* и *III* (послѣдняя[illegible] . . . . . . 1 и 215
Племянница. Повѣсть Фредерика Сулье . [illegible] 24
Поѣздка по Ладожскому-Озеру. А. М — ва . [illegible] 63
Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Бар[illegible]*тьи VII* и *VIII* (послѣдняя). (Нынѣшніе сибирскіе казаки —[illegible] казачьи сословія внѣ Сибири.—Заграничная торговля въ Т[illegible]мъ Краѣ.—Томская тайга.—Таежные анекдоты.—Барнаулъ.) И Н[illegible]больсина . . 84 и 277
Магнитизёръ. Разсказъ 236
Пловучій Островъ. Шотландская сказка. 256
Письма объ Англіи и Англичанахъ Письмо I. (Обыкновенный ошибочный взглядъ путешественниковъ на Лондонъ и Англію. Начало осени, по окончаніи сизона. Холера и мѣры къ ея прекращенію.) — Н — . 268

Театральная Хроника.

Русскій и французскій театры въ Санктпетербургѣ съ 15-го сентября по 15-е ноября 1849 г. . . . . 127 и 312
Замѣтки о московскомъ-театрѣ. *Письма IV, V* и *VI*. А. Григорьева . . . . 165 и 340

Музыкальная Хроника.

Начало сезона итальянскихъ оперъ: «Семирамида» Россини.—Г-жа Гризи.—Старыя формы: речитативъ secco и фуга stricta.— Г. Тамбурини. — Г-жа Мерикъ —«Пуритане» Беллини.—Гг. Гардони и Колетти. — Г. Маріо —«Норма» (созданіе и исполненіе; г-жа Гризи) 109
I. Итальянская опера въ Санктпетербургѣ: Доницетти —«Лючія ди-Лам-

Стр.

мермуръ»; сравнительный анализъ исполненія роли Эдгардо гг. Сальви и Маріо.—«Линда ди-Шамуни». — Очеркъ новѣйшаго развитія драмы въ Италіи.—«Лукреція Борджіа».—Исполненіе г-жи Гризи и Мерикъ; гг. Маріо и Тамбурини; арія Пачини, спѣтая г. Маріо въ «Лукреціи Борджіа».—II. Событія въ музыкальномъ мірѣ, музыкальная библіографія: о балетѣ Бетховена «Прометей».—Fleurs mélodiques de la Russie» Ф. Бейера.—Хроматическое октавное фортепьяно гг. Шонеманна, Мюллера и Дрешке.—Погребеніе Шопена. 354

Журнальныя Замѣтки.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на рецензію книжки «Разсказы о Богѣ, Человѣкѣ и Природѣ», изданной княземъ В. Одоевскимъ и А. Заблоцкимъ», съ примѣчаніемъ отъ редакціи 370

Заграничныя Новости.

Теорія движенія тѣлъ.—Свойства непрозрачныхъ стеколъ. — Приложеніе поляризаціи свѣта къ микроскопическимъ наблюденіямъ,—Барометръ-наблюдатель.—Вліяніе влажности на электричество. — Изслѣдованія г. Акоста объ отношеніи высоты мѣста къ количеству упадающаго дождя. — Составныя части пепла растеній. — Значеніе амміака въ атмосферѣ.—Наблюденія г. Бушарда надъ пересадкою виноградныхъ лозъ. — Растительность Сагары. — Наблюденія Литтля надъ земляными червями. — Замѣчанія Линьяка о молокѣ.— Новый способъ выдѣлки сахара. — Искусственные жернова — Вѣялка Кентен-Дюрана. — Быстрота типографской работы.—Устройство электрическихъ телеграфовъ въ Англіи.—Устрицы и телеграфы.—Еще система желѣзныхъ дорогъ.—Желѣзная дорога изъ Дижона въ Шалонъ-на-Саонѣ.—Каналъ между Марною и Рейномъ.—Колоссальные пароходы.— Морская торговля Соединенныхъ-Штатовъ. — И[illegible]шней торговли Франціи въ 1848 г. — Вывозъ машинъ изъ А[illegible]а мануфактурной выставки въ Бостонѣ.—Конкурсъ Пари[illegible]итута Изящныхъ Искусствъ — Новости театральныя: П[illegible]атры.—Берлинскій-Театръ, и пр. и пр. 169

Теорія сѣверныхъ сі[illegible]лечныя пятна.—Изслѣдованія Мэлля о землетрясеніяхъ —Вл[illegible]атовъ на эѳиръ.— Развитіе теоріи вѣтровъ. — Температура брита[illegible]хъ острововъ. — Судьба тулонскаго ботаническаго сада.—Усовершенствованіе въ составленіи гербаріевъ.—Новый способъ удобренія почвы.—Источники сѣрной кислоты въ природѣ. — Особенный недостатокъ зрѣнія.—Ледъ, какъ средство для возстановленія нормальной температуры въ организмѣ.— Химико-физіологическій опытъ надъ овцею.—Наблюденія г. Колья надъ косатиками.—Еще нѣсколько фактовъ для доказательства несгараемости человѣческаго тѣла. — Способъ узнавать въ пряжѣ подложную примѣсь нитей различныхъ растеній.—Фабрикація французскихъ сыровъ.—Кто изобрѣтатель электрическихъ телеграфовъ? — Электрическій телеграфъ между Нью-Йоркомъ и Вашингтономъ. — Кораблестроеніе въ Нью-Йоркѣ. — Послѣднія извѣстія о предполагаемомъ сообщеніи Тихаго Океана съ Атлантическимъ. — Примѣръ промышленной дѣятельности Соединенныхъ-Штатовъ. — Вѣсти изъ Калифорніи.—Результаты экспедиціи сэра Джемса Росса.—Островъ Майотъ. — Буддійскій храмъ Ку-шенъ. — Брильянтъ ко-э-шуръ.—Китъ въ Темзѣ.—Древнѣйшій списокъ «Иліады». — Римская мозаика.—Парижскіе театры, и проч., и проч., и проч . . . 378

Моды (съ двумя картинками парижскихъ модъ).

—

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963022